

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 175.25

Bd. Jan. 1891.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON.

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

26 Sept. - 25 Oct. 1890.

ЖУРНАЛЪ

SEP 26 1890

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЕТНИКЪ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ — КНИГА 9-я.

5
СЕНТЯБРЬ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

P Slaw 176.25

Bd. Jan. 1891.

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON.

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

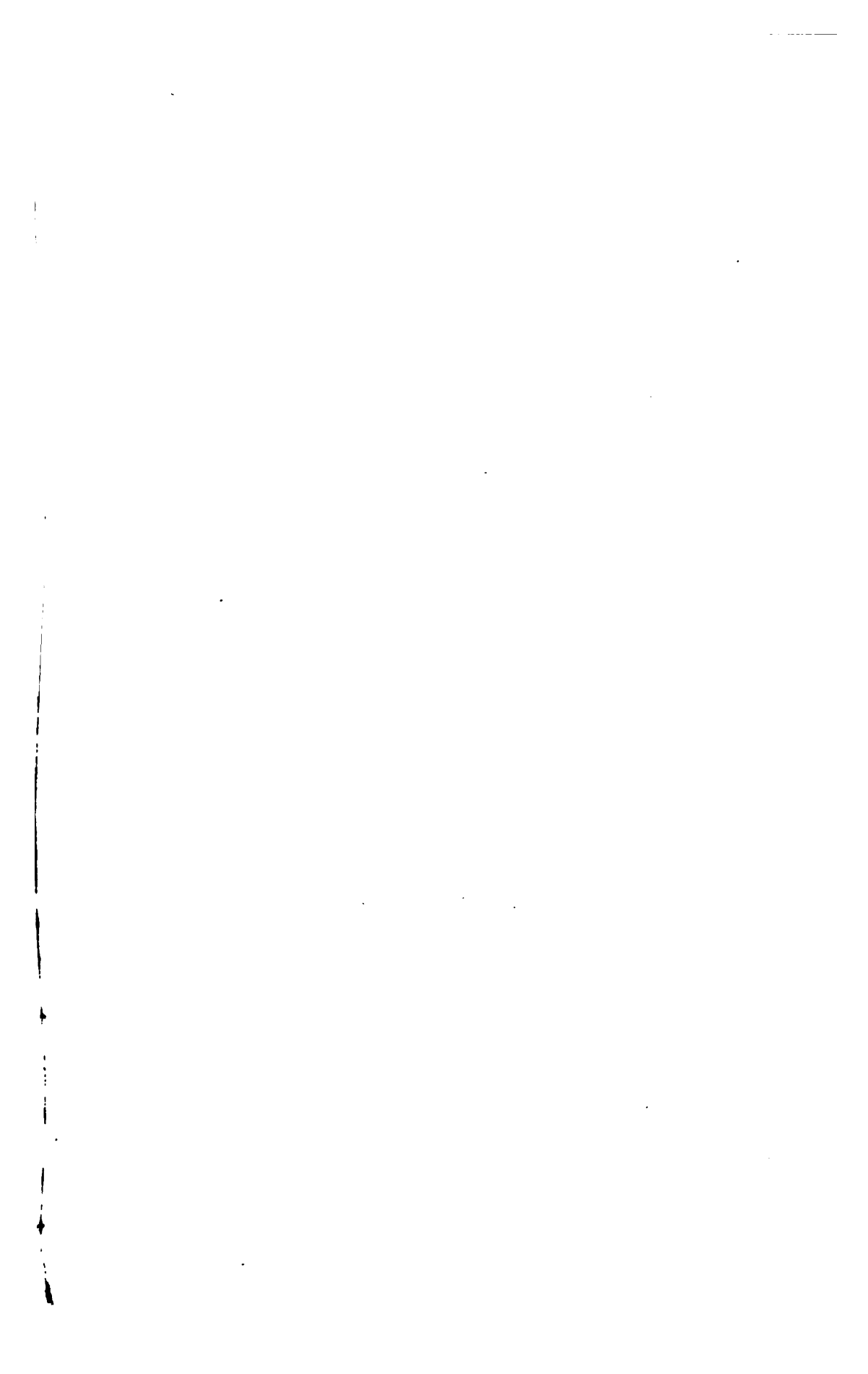
(Class of 1817),

26 Sept. - 25 Oct. 1890.

P Slav 176.25

Bd. Jan. 1891.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

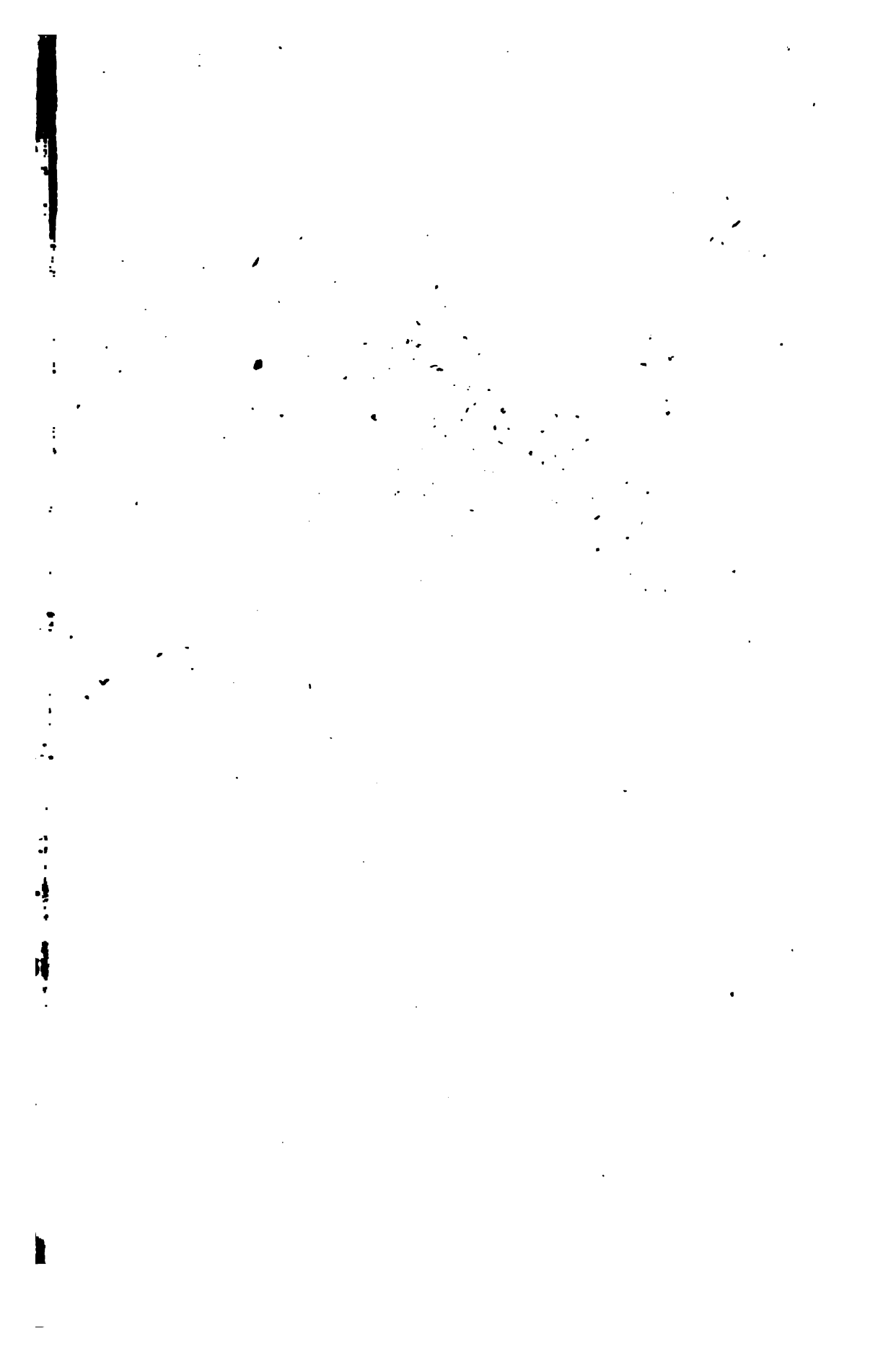
MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON.

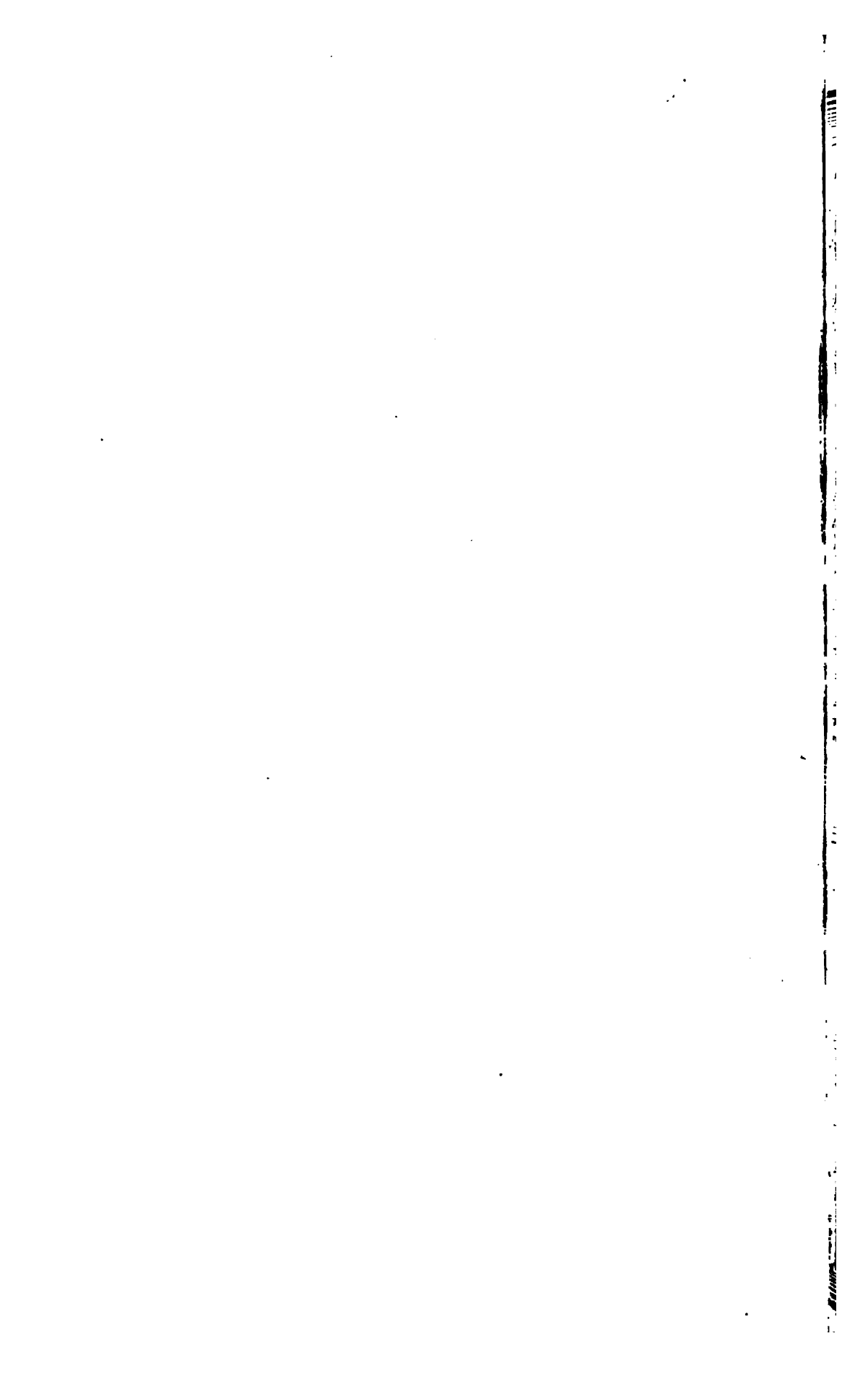
WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

26 Sept. - 25 Oct. 1890.

ЖУРНАЛЪ

SEP 26 1890

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЗАКОНЪ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ — КНИГА 9-я.

СЕНТЯВРЬ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ЖУРНАЛЪ
СЕР 26 1890

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮДИ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-я.

СЕНТЯБРЬ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1890.

	Стр.
I.—ГУСТАВЪ IV И ЕКАТЕРИНА II въ 1796 г.—II.—Прѣбываніе Густава IV въ Петербургѣ.—III.—Святотство.—А. Г. Брякнера	5
II.—ДОВАНОВЩИНА.—Часть первая.—XXI—XXVI.—Часть вторая.—I—II.—В. Шилова	34
III.—РЕФОРМА ГИМНАЗІЙ ВЪ ШВЕЦИИ.—Антоня Окольекаго	86
IV.—МОНГОЛЬСКОЕ СКАЗАНИЕ О ГЭСЭРЪ-ХАНѢ.—По вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ.—Г. И. Потаинна	121
V.—СЕКРЕТАРЬ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА.—Очеркъ.—И. Потаенко	159
VI.—КЕМБРИДЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.—Очеркъ.—I.—А. А. Клейбера	214
VII.—СОНЕТЫ ШЕКСПИРА.—Ф. Червннскаго	238
VIII.—ОСОБАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—По поводу книги О. Огоновскаго.—А. И. Цыпьяна	241
IX.—ПОДЪ ИРОМЪ СТРАСТЕЙ.—Романъ Ричарда Ашкннга.—XVI—XXII.—Съ авгайскаго.—А. Э.	275
X.—ВОПРОСЫ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.—I.—Д. Слонимскаго	321
XI.—С. Т. АКСАКОВЪ.—А. В.—на	340
XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Распространеніе круга дѣйствій положенія о земскихъ начальникахъ.—Есть ли существенная разница между земскимъ начальникомъ и городскимъ судьей?—Новыя распоряженія, касающіяся церковныхъ школъ.—Заковъ о заочномъ разбирательствѣ, уставъ дворянскаго земельного банка и другія законодательныя мѣры послѣдняго времени.—Графъ М. X. Рейтеръ †	353
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическое значеніе путешествій Вильгельма II.—Газетные толки по поводу прѣбыванія его въ Россіи.—Международное положеніе Германіи.—Особенности нынѣшней нѣмецкой политики.—Принципы князя Бисмарка и его преемниковъ.—Соглашенія по африканскимъ дѣламъ и ихъ значеніе.—Перемяна въ политическомъ настроеніи нѣмецкаго общества.—Нѣмецкая социальная демократія и нынѣшній ея кризисъ.—Англійскія дѣла	373
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Всеобщая исторія литературы (В. Ф. Корша), подъ редакціей А. И. Кирпичникова, вып. XXIV.—Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, Д. Цвѣтаева.—Русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ Ал. Фаминскаго.—Записки Восточно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общества: Сказанія бурята; Верхоянскій сборникъ.—А. В.—Новыя книги и брошюры	385
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—First Bismarck, 1815—1890. Vom Professor Wilhelm Müller, Dritte Auflage. Stuttgart.—II.—Die Reform der Presse. von Dr. I. G. Weiss, Karlsruhe.—III.—Die Unvereinbarkeit des socialistischen Zukunftsstaates mit der menschlichen Natur. Von Dr. W. Schaefer.—I. C.	401
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новая погудка на старый ладь.—„Либерализмъ“, какъ источникъ всѣхъ возможныхъ золъ.—Три различныхъ взгляда на настроеніе современнаго русскаго общества.—Новыя свѣденія о мстиславской исторіи.—Еврей въ одесскомъ исправительномъ пріютѣ.—И. В. Альбертинъ †	408
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Объ изданіи этнографическаго журнала „Живая Старина“	423
XVIII.—ВНЕПОГРАФИЧЕСКІИ ЛИСТОКЪ.—Изь лекцій П. Г. Рѣдкіна. Т. IV.—Эминггаузъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Пер. съ нѣм. В. Ф. Якубовичъ.—Эрико Ферри. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Переводъ съ итальянскаго.—Организація прямого обложженія въ московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. А. Лаппо-Данилевскаго.—Государственное хозяйство Швеции Эдуарда Беренатса.—Иллюстрированный словарь, вып. 12. Изд. Л. Симонова.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1890 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЬ

543-47
2

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулочъ
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1890

~~131,84~~

~~Slav 30.7~~

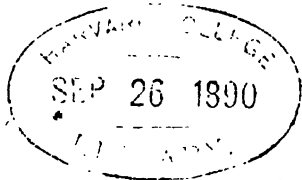
PSlav 176.25

1890, Sept. 26 - Oct. 25.

Sever fund.

(1782)

ГУСТАВЪ IV и ЕКАТЕРИНА II

въ 1796 г.

II. ПРЕВЪЗВАНІЕ ГУСТАВА IV въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ *).

Современники уже около этого времени не были особенно выгоднаго мнѣнія о королѣ Густавѣ IV. Онъ не былъ сыномъ короля Густава III. Его отцомъ былъ баронъ Мункъ ¹⁾. Въ Швеціи молодого короля считали упрямымъ, строптивымъ и гордымъ ²⁾. Рассказывали, что Густавъ съ самаго дѣтства отличался высокомеріемъ, чванствомъ и неукротимымъ своенравіемъ, что ему съ раннихъ лѣтъ внушали правила религіозной нетерпимости; его ненависть къ Франціи была также крайностью, заставлявшею его впоследствии увлекаться въ ущербъ здравой политикѣ. „Гордость — преобладающая страсть юнаго монарха“, писалъ генералъ Будбергъ въ то время, когда была рѣчь о путешествіи короля въ Петербургъ ³⁾.

Спрашивалось: какое впечатлѣніе при русскомъ дворѣ произведетъ Густавъ IV? Ему было тогда 18 лѣтъ.

Шведскіе гости прибыли въ Петербургъ 13-го августа. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 66) появилась замѣтка: „Въ среду, въ 8 ч. вечера прибыли въ здѣшній городъ графъ

*) См. выше: августъ, 788 стр.

¹⁾ См. частности въ статьѣ Карновича въ Др. и Н. Россіи. 1879, I, 278. Рассказы здѣсь анекдоты неправдоподобны. Самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. См. письмо Екатерины къ Гримму въ „Сб. И. О.“ XXIII, 629. См. далѣе зап. Голицына въ „Р. Архивѣ“ 1872, I, 1297.

²⁾ Hergmann, Ergänzungsband, 588.

³⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 288. См. подробную характеристику короля въ сочиненіи Э. М. Арндта: Schwed. Geschichten, стр. 178 и слѣд.

Гага и графъ Ваза; они остановились въ домѣ королевскаго шведскаго чрезвычайнаго посла, барона Стединка; прочіе же господа, въ свитѣ ихъ находящіеся, въ ближнихъ отъ него домахъ“.

Княгиня Голицына писала 14-го августа: „Шведскій король пріѣхалъ вчера вечеромъ въ 8 часовъ; я была въ это время на англійской набережной; онъ пріѣхалъ въ зеленой коляскѣ съ регентомъ; онъ большого роста, худой; такимъ онъ показался, когда стоялъ на балконѣ. Завтра я его увижу въ эрмитажѣ. Сегодня поутру и вечеромъ онъ гулялъ въ Лѣтнемъ саду. Сегодня императрица переѣхала въ Зимній дворецъ, а послѣ-завтра опять возвратится въ Таврической. Такъ какъ король остается только до 1-го сентября, то празднества назначены ежедневно... увидимъ, какъ это будетъ“¹⁾. Въ донесеніи прусскаго дипломата Тауэнцина отъ 15-го августа сказано: „третьяго дня король шведскій прибылъ сюда съ регентомъ. Сегодня послѣ обѣда они представятся императрицѣ, послѣ придворнаго спектакля и ужина. Въ день его пріѣзда погода была прекрасная и всѣ бросились, нѣкоторые даже за двѣ версты отъ города, встрѣтить и посмотреть на него. Въ тотъ же вечеръ графъ Морковъ былъ приглашенъ къ королю и оставался у него довольно долго“²⁾.

Не раньше какъ въ третій день пребывания короля въ Петербургѣ происходило его первое свиданіе съ Екатериною. Приемъ шведскихъ гостей былъ довольно торжественнымъ. Ихъ встрѣтили при входѣ фаворитъ Зубовъ и обер-гофмаршалъ князь Барятинскій. Двери въ покои императрицы были для герцога и короля растворены вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ. Екатерина была пріятно удивлена тонкими и привлекательными чертами въ лицѣ герцога, напомнившими его брата, Густава III; при видѣ же короля пришла въ восторгъ отъ благородства его осанки, отъ соединенія простоты съ вѣжливостью. Она не хотѣла позволить королю поцѣловать ея руку, сказавъ: „я не должна забывать, что графъ Гага—король“. Густавъ возразилъ: „Если ваше величество въ санѣ императрицы не желаете меня допустить къ рукѣ, то дозвоьте это сдѣлать какъ женщина, возбуждающая во мнѣ удивленіе и уваженіе“³⁾.

Изъ шведскихъ источниковъ⁴⁾ г. Чумиковъ заимствовалъ еще

¹⁾ Историч. Вѣстникъ, XXX, 96—97.

²⁾ Берлинскій архивъ.

³⁾ Masson, I, 15.

⁴⁾ Указаніе на „Записки барона Стединка“ (Русскій Архивъ, 1887, I, 77) не совсѣмъ точно. Въ мемуарахъ Стединка, изданныхъ его зятемъ Бьерншерна въ 1844 г., этихъ подробностей нѣтъ.

нѣкоторые данныя о первой встрѣчѣ между Екатериною и шведами. Черезъ полчаса бесѣды императрица сама растворила двери и ввела великаго князя Павла Петровича, его супругу, великихъ князей Александра и Константина Павловичей съ ихъ супругами и всѣхъ великихъ княженъ; между ними замѣтно выдавалась Александра и тотчасъ привлекла къ себѣ вниманіе короля. Черезъ часъ допущены были въ императорской фамиліи бароны Рейтергольмъ, Эссенъ и Стединъ, и остальная свита. За ними слѣдовали графъ Зубовъ, князь Барятинскій, графъ Остерманъ и другіе высшіе чины. Обрядъ представленія былъ исполненъ королемъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, увѣренностью и въ такихъ внушительныхъ формахъ, что почти озадачилъ Екатерину, такъ что она забыла представить особъ собственной свиты, по принятому при дворахъ обычаю, — промахъ, въ которомъ впоследствии она, смѣясь, призналась графу Стедину. Еще черезъ часъ открылись залы, и начался балъ менуэтомъ, въ которомъ участвовали графъ Гага съ вел. кн. Елизаветой Алексѣвной и графъ Ваза съ вел. кн. Анной Теодоровной. Вслѣдъ затѣмъ великія княгини пригласили танцовать барона Рейтергольма и Стедина. Послѣ часового отдыха начался ужинъ. За столомъ императрицы сидѣли король, герцогъ, великія княгини и Стединъ. По окончаніи стола танцы продолжались за полночь, когда императрица удалилась въ свои покои. Шведскіе гости были очарованы этимъ вечеромъ, на которомъ каждый изъ нихъ былъ удостоенъ чести разговаривать съ императрицей, находившейся въ наилучшемъ расположеніи духа.

Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлѣніе, произведенное шведами, было сначала особенно благопріятнымъ. Екатерина писала къ барону Гриму 18-го августа: „Графы Гага и Ваза 15-го вечеромъ въ эрмитажѣ въ четверть часа познакомились со всѣми. Графомъ Гага не только довольны, но всѣ даже восхищены имъ. Замѣтите, что этого у насъ никогда еще не было. Онъ имѣетъ замѣчательную наружность: онъ въ одно и то же время отличается величавостью и кротостью; на его пріятномъ лицѣ видны и умъ, и любезность; это очень милый молодой человѣкъ и, безъ сомнѣнія, въ Европѣ нынче нѣтъ престола, который могъ бы гордиться личностью, общающею столько, какъ онъ. У него доброе сердце; онъ крайне учтивъ, и съ этимъ онъ соединяетъ благоразуміе и тактъ зрѣлаго человѣка; однимъ словомъ, я повторяю, онъ прелестенъ. Злые языки утверждаютъ, что его глаза подчасъ искрятся особенною нѣжностью и что онъ особенно доволенъ ¹⁾).

¹⁾ Впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него великою княжною Александрою.

Что касается до нашей барышни, то, къ несчастію, 14-го вечеромъ она потеряла свою собачку, и это заставило ее плакать весь вечеръ и все утро, такъ что г-жа Ливень, ея наставница, умирала отъ страху, что у барышни глаза окажутся заплаканными. Вчера, 17-го, хотя собачка не была найдена, она казалась гораздо веселѣе и послѣ обѣда графъ Гага съ нею долго разговаривалъ, и оба они не замѣчали вовсе, что ихъ жгло солнце... Кажется, нашимъ гостямъ у насъ нравится; всѣ въ одинъ голосъ говорятъ это¹⁾. Князь Адамъ Чарторыйскій рассказываетъ, что костюмъ шведовъ, походившій на испанскую одежду, особенно понравился при русскомъ дворѣ²⁾. Тауэцингъ доносилъ прусскому двору 19-го августа: „Несмотря на инкогнито короля шведскаго, онъ былъ принятъ при дворѣ со всѣми почестями государя. Онъ обворожилъ всѣхъ. Императрица въ восхищеніи отъ него и оказываетъ ему и всей его свитѣ необыкновенное вниманіе. Всѣ находятъ въ немъ красивую наружность, много свободы и благородства въ обхожденіи и основательное образованіе. Прошедшее забыто, и регентъ и баронъ Рейтергольмъ приняты благосклонно“.

Менѣе выгодно отзывался о королѣ Ростопчинъ въ письмѣ къ Воронцову: „Король говоритъ мало, ничего не скажетъ нестати; голосъ его басистый и монотонный. Онъ пристрастенъ къ военному искусству и желаетъ подражать Карлу XII. Съ тѣхъ поръ какъ онъ въ Петербургѣ, онъ еще ни разу не улыбнулся; его дядя производитъ впечатлѣніе шарлатана“³⁾ и пр. По свидѣтельству Массона, молодой король держалъ себя гораздо развязнѣе и съ бѣльшимъ тактомъ, нежели его сверстники, великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи. Сама императрица говорила объ этомъ въ кругу близкихъ ей лицъ⁴⁾. Въ письмѣ Д. П. Татищева къ графу А. Р. Воронцову отъ 4-го сентября 1796 г. также есть любопытное замѣчаніе о сравненіи короля съ великими князьями⁵⁾. Татищевъ чрезвычайно хвалитъ Густава, его любезность, его умѣніе держать себя, говорить кстати и пр. Все это не совсѣмъ вяжется съ характеристикою короля въ письмѣ Ростопчина.

О характерѣ празднествъ, устроенныхъ въ честь короля, въ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., XXIII, 690—691.

²⁾ Mémoires, I, 119.

³⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 183.

⁴⁾ Masson, 16 и 46. Въ примѣчаніи любопытный анекдотъ о в. к. Константиноѣ; о немъ же см. „Р. Старину“, IX, 475.

⁵⁾ Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 317. По ошибкѣ, г. Бартенева относить эти замѣчанія къ Павлу, между тѣмъ какъ въ текстѣ говорится о сгнонъяхъ Павла.

источникахъ встрѣчаются противорѣчащія другъ другу данныя. Прусскій посланникъ доносилъ своему двору на этотъ счетъ слѣдующее: „придворныя празднества не отличаются великолѣпьемъ и ограничиваются нѣсколькими балами и ужинами“. „Празднества при дворѣ не блистательны, и чтобы не вспоминать несчастной смерти отца короля, предположенный маскарадъ отмѣненъ. Императрица присутствуетъ на всѣхъ праздникахъ, даваемыхъ королю частными лицами, и остается до полуночи“.

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ княгини Голицыной объ этомъ предметѣ. 21-го августа: „я до смерти устала отъ всѣхъ этихъ празднествъ; еще, къ счастью, они оканчиваются всегда до полуночи. До сихъ поръ я не пропустила ни одного“. 22-го августа: „16-го вел. кн. Павелъ Петровичъ пріѣхалъ изъ Павловска. Король обѣдалъ у него въ Зимнемъ дворцѣ; 17-го онъ обѣдалъ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ былъ русскій спектакль; давали *Ивана Царевича*, чтобы показать ему русскіе костюмы; въ этотъ же день великіе князья обѣдали у короля вмѣстѣ съ графомъ Н. И. Салтыковымъ и своими гофмаршалами; послѣ обѣда былъ балъ у великаго князя Александра Павловича въ Зимнемъ дворцѣ; 20-го шли въ эрмитажѣ французскій спектакль, давали *Le parti de chasse de Henri IV*“ и балетъ *Александра*; 21-го балъ у вице-канцлера ¹⁾ на дачѣ, гдѣ была императрица и вся царская фамилія; приглашенныхъ было болѣе 300 лицъ; сегодня 22-го король съ великими князьями смотрѣли кадетское ученіе и потомъ были во французскомъ спектаклѣ; завтра въ Таврическомъ дворцѣ будетъ концертъ любителей; въ немъ участвовать будутъ великія княжны, придворныя дамы и дѣвицы, — онѣ будутъ пѣть и играть на клавесинѣ и на арфѣ; приглашенъ только маленькій царско-сельскій кружокъ. Въ субботу балъ у обер-штальмейстера ²⁾ въ воскресенье у посланника австрійскаго Кобенцеля, въ понедѣльникъ у графа Строганова въ городѣ. Онъ приготовилъ праздникъ на дачѣ, но императрица нашла, что утомительно ѣхать веселиться на дачу. Во вторникъ балъ у графа Самойлова, а въ четвергъ у Безбородки. 29-го числа большой балъ при дворѣ; 1-го сентября фейерверкъ; маскарадъ отложенъ до 6-го сентября, такъ какъ король намѣренъ продлить здѣсь свое пребываніе и не желаетъ быть въ маскарадѣ по грустному для него воспоминанію объ отцѣ своемъ, который былъ раненъ въ маскарадѣ; но его уговорили быть въ маскарадѣ и общали, что всѣ будутъ безъ масокъ,

¹⁾ Остермана.

²⁾ Нарышкина.

и онъ согласился. Императрица и великій князь Павелъ Петровичъ въ восхищеніи отъ него, да и всѣ. Онъ прекрасной наружности, хорошо сложенъ, чрезвычайно учтивъ, очень уменъ и скромнень. Императрица обращается съ нимъ какъ съ королемъ, хотя онъ еще графъ Гага; когда онъ стоитъ, и она разговариваетъ съ нимъ стоя; онъ носитъ нашу андреевскую ленту, а императрица шведскую; онъ идетъ впереди великаго князя-наслѣдника; никто не присутствовалъ при первомъ его свиданіи съ императрицею; она вмѣстѣ съ нимъ вышла въ залу, гдѣ мы всѣ находились, и никого ему не представила, но на другой день въ Таврическомъ дворцѣ она его познакомила со всѣми дамами, которые тогда тамъ были. Регентъ совсѣмъ другой наружности, нежели его племянникъ: небольшого роста и некрасивъ лицомъ".

24-го августа княгиня писала: „Мы всѣ до смерти устали отъ этихъ увеселеній; нѣтъ ни одного дня отдыха; встаемъ поздно и всюду надо поспѣвать въ 5-ти часамъ—это просто наказаніе. Не понимаю, какъ выдерживаетъ это императрица. Она увѣрена, что это нисколько не утомляетъ; вчера она обѣдала у обер-штальмейстера и оставалась тамъ до 9-ти часовъ вечера; третьяго дня былъ концертъ любителей въ Таврическомъ дворцѣ. Великія княжны пѣли, играли на клавесинѣ и на арфѣ. Графиня Головина и графиня Толстая пѣли дуэты и каждая особую арію;... послѣ концерта, въ этой же самой залѣ танцовали, и было очень весело; тѣ же любители, которые участвовали въ концертѣ, играли во время бала; это былъ прелестный маленькій балъ; послѣ бала король со всею свитою ужиналъ у графа Зубова. Императрица удалась, и при дворѣ ужина не было. Сегодня для короля назначенъ французскій спектакль съ балетомъ въ Большомъ театрѣ... ..Голова кружится отъ празднествъ... Король остается до 10-го; онъ возитъ ко всѣмъ визитныя карточки... Говорятъ только о королѣ и о празднествахъ... По правдѣ сказать, я бы желала, чтобы онъ поскорѣе уѣхалъ, — всѣ эти празднества утомляютъ; все это одно и то же, безпрестанные балы"... 27-го августа: „Мы уже очень устали, и даже намъ наскучили празднества; нѣтъ дня отдыха; вчера былъ балъ у Самойлова, неслыханно великолѣпный. Графъ Строгановъ устроилъ также блистательный праздникъ, балъ съ ужиномъ. Вчера онъ угощалъ короля завтракомъ у себя на дачѣ. Король и великія князья смотрѣли эзерцицію конной артиллеріи недалеко отъ дачи графа Строганова и потомъ заѣхали къ графу, гдѣ былъ завтракъ, который скорѣе можно назвать обѣдомъ... Послѣ обѣда всѣ ѣздили смотрѣть, и я также, катанье на лодкахъ по Невѣ—ихъ было до 60-ти съ

разными музыками. Картина была прелестная. Послѣ обѣда у Строганова король ѣздилъ смотрѣть еще какія-то военныя экзерциціи... Король былъ въ невскомъ монастырѣ и пожаловалъ монаху, который водилъ его, 400 червонцевъ, въ кружку положилъ 5000 рублей и роздалъ нищимъ 400 рублей серебряною монетою. Это очень щедро. Онъ желаетъ купить, какъ говорятъ, какой-то брилліантъ въ 80.000 рублей, но для кого—неизвѣстно. Повидимому, ему здѣсь очень нравится; перваго сентября будетъ фейерверкъ, почти передъ нашимъ домомъ; онъ стоитъ 45.000 р.; весь Лѣтній садъ будетъ иллюминированъ... Приѣздъ короля—интересное событіе; всѣ принимаютъ участіе въ этомъ бракѣ, и это большое счастье, что у нашей великой княжны будетъ таковой совершенный мужъ, потому что всѣ увѣряютъ, что у него нѣтъ никакихъ пороковъ и всѣ достоинства быть великимъ человѣкомъ, и притомъ съ прекрасною наружностью. На-дняхъ награвировали его портретъ"... Далѣе княгиня писала 3-го сентября: „30-го числа, въ день Александра Невскаго, большой балъ при дворѣ, въ русскихъ платьяхъ. Въ этотъ день регентъ получилъ ордена св. Андрея и Александра. Королю императрица подарила орденскій крестъ изъ брилліантовъ и драгоцѣнный камень въ 70.000 р.; весь этотъ подарокъ оцѣниваютъ въ 250.000 рублей. На другой день *большой эрмитажъ* съ оперою *Пальмира*. 1-го сентября огромный маскарадъ; я не поѣхала, боясь толпы и толкотни... Вчера былъ знаменитый фейерверкъ; букетъ состоялъ изъ 600.000 ракетъ; картина была чудесная и громъ страшный. Сегодня король обѣдалъ въ Павловскѣ у великаго князя Павла Петровича, и послѣ обѣда давали тамъ прелестную италіанскую оперу *la Vilarrella*; завтра большой балъ по случаю именинъ великой княгини Елизаветы Алексѣевны". 4-го сентября: „Прилагаю гравированный портретъ графа Гага, очень похожій... мундиръ изобрѣтенъ покойнымъ королемъ—онъ пунцовый съ чернымъ и черный плащъ съ пунцовой подкладкою. У короля прекрасныя бѣлокурые волосы. Присутствіе короля оживляетъ городъ, и только имъ и занимаются“ ¹⁾ и пр.

И въ другихъ источникахъ встрѣчаются нѣкоторыя данныя о празднествахъ по случаю пребыванія Густава въ Петербургѣ и объ осмотрѣ королемъ достопримѣчательностей столицы ²⁾.

Праздникъ у Безбородки стоилъ, по словамъ участвовавшаго въ немъ Державина, 50.000 рублей. Другой современникъ пи-

¹⁾ Истор. Вѣстникъ, 97—103.

²⁾ Слб. Вѣдом., 1796, № 67, 70—74.

петь, что блескъ, богатство и особенно изящество вкуса изумляли гостей, и король, пораженный всѣмъ этимъ, сказалъ: „Это волшебный дворецъ“ ¹⁾. Массонъ рассказываетъ: „Екатерина сама назначила дни, въ которые вельможи должны были сдѣлать парадный пріемъ ея юному гостю. Вельможи отличались великолѣпіемъ при этомъ случаѣ и истратили громадныя суммы. Царедворцы старались превзойти другъ друга богатствомъ своихъ одеждъ, а генералы—военными зрѣлищами, которыя устраивались для короля. Особенно отличился генераль Мелиссино маневрами и фейерверкомъ. Густавъ находился какъ бы въ непрерывномъ очарованіи и все-таки сумѣлъ съ пользою проводить всѣ утра, отправляясь вмѣстѣ съ регентомъ пѣшкомъ осматривать городъ и все, что въ немъ было любопытнаго и поучительнаго для него; всюду онъ дѣлалъ вопросы или давалъ отвѣты, которые выказывали его умъ и образованіе. Регентъ, казалось, гордился своимъ питомцемъ и всеобщими похвалами ему“ ²⁾ и пр.

Прусскій дипломатъ Тауэнцинъ, упоминая обо всемъ этомъ, доносилъ своему двору: „Замѣчательно, что на всѣ праздники, которые давались для короля, какъ при дворѣ, такъ и частными лицами, дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ только къ графу Остерману. Король въ тѣ дни, когда не обѣдаетъ при дворѣ, принимаетъ у себя, и сегодня я имѣю честь у него обѣдать вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами“. Рассказывая въ депешѣ отъ 2-го сентября о празднованіи дня св. Александра Невскаго, Тауэнцинъ пишетъ: „Въ этотъ день графъ Гага сидѣлъ, какъ король, въ собраніи кавалеровъ ордена, одѣтый въ шведскій мундиръ. Великій князь Павелъ Петровичъ подъ предлогомъ болѣзни оставался въ этотъ день въ Гатчинѣ, говорятъ, не желая, по этикету, уступить первое мѣсто герцогу Сюдерманландскому. Въ прошедшее воскресенье,—продолжаетъ Тауэнцинъ,—былъ большой балъ при дворѣ. Король не долго оставался и удалился вмѣстѣ со всею императорскою фамиліею въ Тронную залу. Августѣйшія особы тамъ танцовали отдѣльно отъ публики“.

Графъ Н. П. Панинъ, находившійся въ это время въ Петербургѣ, писалъ къ князю Н. В. Репнину обо всемъ этомъ неоднократно. Такъ напр., въ его письмѣ отъ 26-го августа сказано: „Со времени прибытія короля шведскаго дворъ и городъ занимаютъ исключительно имъ; ему даются блестящія празднества; министры заняты только устройствомъ бракосочетанія этого

¹⁾ Сб. И. Общ., XXIX, 321.

²⁾ Masson, I, 17.

государя, согласно видамъ ея имп. вел. Всѣ дѣла остановились, и было бы напрасно говорить теперь о другомъ... Молодого короля хвалятъ всѣ, и онъ плѣняетъ всѣ сердца. Одинаково удивляются его характеру и наружности, достоинству малѣйшихъ его поступковъ, познаніямъ не по лѣтамъ, сколько привѣтливости, столько сдержанности и послѣдовательности его дѣйствій. Я имѣлъ честь быть допущеннымъ ко двору каждый разъ, когда онъ тамъ находился, и никогда не видалъ его смущеннымъ даже въ присутствіи императрицы. Ея величество отъ него въ восторгѣ и громко превозноситъ его воспитаніе. Не могу умолчать, князь, что мнѣ становится очень грустно при видѣ графа Гага рядомъ съ нашими великими князьями ¹⁾. Они ужасно теряютъ въ сравненіи съ нимъ. Регентъ, графъ Ваза, не внушаетъ тѣхъ чувствъ, какъ его племянникъ. Это маленькій человекъ, полный огня; но нѣтъ въ немъ ничего достойнаго его происхожденія“. И въ письмѣ Панина отъ 2-го сентября сказано, что присутствіе короля отвлекаетъ вниманіе отъ всѣхъ текущихъ дѣлъ; а князь Репнинъ въ свою очередь писалъ изъ Гродна 6-го сентября: „Сказанное вами о качествахъ короля шведскаго меня очень радуетъ въ отношеніи союза, котораго мы всѣ желаемъ, и я бы очень хотѣлъ, чтобы это дѣло было уже повѣнчено“ ²⁾.

И баронъ Гриммъ, состоявшій въ это время въ особенно оживленной перепискѣ съ императрицею, былъ въ восхищеніи отъ пребыванія короля въ Петербургѣ и отъ успѣховъ его при русскомъ дворѣ ³⁾.

Однако всѣ эти празднества утомляли не одну княгиню А. А. Голицыну. Великій князь Александръ Павловичъ немного позже, 13-го октября, въ письмѣ къ Лагарпу замѣтилъ: „По моемъ возвращеніи съ дачи, которою я вовсе не пользовался, пріѣхалъ шведскій король; новая суета, праздники, балы, увеселенія всякаго рода, и все это каждый день, такъ что голова шла кругомъ, и все это безъ малѣйшаго удовольствія, потому что въ немъ примѣшалась церемонность“ ⁴⁾.

Спрашивалось: будетъ ли достигнута цѣль путешествія короля?

¹⁾ Въ Сборникѣ Ист. Общества, XVI, 496, напечатано: „à côté de nos Grands-Ducs“, и переведено: „рядомъ съ нашими свѣтилми“. Очевидно, должно читать „grands ducs“.

²⁾ Сб. И. Общ., XVI, 496—503.

³⁾ Сб. Ист. Общ., XLIV, 788, 808—810.

⁴⁾ Др. и Н. Россія, 1879, I, 281.

III.—СВАТОВСТВО.

Великая княжна Александра Павловна родилась въ 1783 году. Ей, слѣдовательно, во время пребыванія короля Густава IV въ Петербургѣ было тринадцать лѣтъ. Такъ какъ переговоры о ея бракѣ съ шведскимъ королемъ начались, какъ мы видѣли, уже за три года до этого, ее съ 1793 года начали учить шведскому языку, а императрица начала готовить ее къ мысли, что она будетъ женою Густава IV и королевою шведскою. Ей показали портретъ короля. Подъ вліяніемъ всего этого она заочно полюбила его. По разсказу Массона, однажды императрица раскрыла при ней портфель съ портретами тогдашнихъ жениховъ-принцевъ и шутя сказала внучкѣ, чтобы она выбрала себѣ одного изъ нихъ. Покраснѣвъ, княжна показала на портретъ Густава ¹⁾.

Великая княжна получила самое тщательное образованіе и отличалась дарованіями и миловидностью ²⁾. Отзывы современниковъ о ней чрезвычайно благопріятны. Такъ напр., въ письмѣ княгини А. А. Голицыной отъ 31-го іюля сказано: „Будущая королева прелестна. Ей 14 лѣтъ; она выше меня ростомъ; une physiognomie charmante, un teint d'un éclat éblouissant; она умна и необыкновенно любезна; съ нею обходятся какъ съ взрослою; она постоянно играетъ въ бостонъ съ пожилыми дамами. Императрица обожаетъ ее, и замѣтно, что она ея любимица“ ³⁾. Князь Адамъ Чарторыйскій также хвалитъ ея красоту и любезность. „Познакомиться съ нею,—сказано въ мемуарахъ князя,—значило полюбить ее“ ⁴⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что она и на короля Густава IV произвела самое благопріятное впечатлѣніе ⁵⁾. Но, понятно, въ первые дни пребыванія короля въ Петербургѣ придворный этикетъ не допускалъ особеннаго сближенія между королемъ и великою княжною. Тауэнцинъ доносилъ 22-го августа прусскому двору: „Король не показываетъ никакого особеннаго вниманія великой княжнѣ“, а 19-го онъ писалъ: „О женитьбѣ короля нѣтъ еще ничего рѣшеннаго и предложеніе будетъ сдѣлано послѣ его отъѣзда чрезъ особое посольство“.

¹⁾ Массон, 3. Біографія Александры Павловны, написанная Карновичемъ, помѣщена въ Др. и Н. Россіи, 1879, I, 265 и слѣд.

²⁾ См. портретъ ея въ Др. и Н. Россіи, 1879, I, стр. 272.

³⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 95.

⁴⁾ Mémoires, стр. 119.

⁵⁾ Castéra, II, 282.

Не раньше какъ 24-го августа дѣло дошло до объясненій. 25-го августа императрица писала къ великому князю Павлу Петровичу: „Вчера послѣ обѣда я вышла въ садъ и сѣла на скамью, подъ деревьями, противъ лѣстницы. Молодой король пришелъ туда же и сѣлъ возлѣ меня. Остальное общество пило кофе на лужайкѣ цвѣтника. Увидя себя наединѣ со мною, онъ сказалъ, что пользуется этой минутой, чтобы открыть мнѣ свое сердце. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій и небольшого замѣшательства онъ очень ясно высказалъ мнѣ свою склонность къ вашей старшей дочери и свое желаніе получить ее въ супруги, если она не окажется къ тому сопротивленія. Я отвѣчала, что моя дружба къ нему побуждаетъ меня снисходительно его слушать; но я должна представить ему, что несчастныя обязательства, которыя онъ заключилъ ¹⁾, не дозволяютъ ему затѣвать новыхъ до тѣхъ поръ, пока первыя не будутъ окончательно расторгнуты. Онъ возразилъ, что таково же точно и его намѣреніе, просилъ вѣрить его слову и дать ему мое согласіе, но однако выразилъ желаніе хранить все дѣло въ тайнѣ, пока оно не будетъ окончательно рѣшено. Я потребовала нѣсколько дней на размышленіе. Знаю, что ни вы, ни моя любезная дочь не будете этому противиться, но что вы однако, за-одно со мною, желаете, чтобы все совершилось прилично. Вы видите, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Я сочла за лучшее васъ о томъ увѣдомить, чтобы вы, когда поправитесь, пріѣхали въ городъ, такъ какъ гораздо легче говорить, чѣмъ писать, а дѣло приближается къ развязкѣ. Въ случаѣ же, что вы не въ состояніи будете пріѣхать въ городъ до послѣ-завтра, то пришлите мнѣ открытое письмо отъ васъ обоихъ съ вашимъ согласіемъ и благословеніемъ вашей старшей дочери. Я ей передамъ его сама, когда сочту нужнымъ, а покуда не настанетъ время, она ничего о томъ не будетъ знать“ ²⁾).

И въ письмѣ къ Будбергу отъ 17-го сентября императрица рассказываетъ объ этой бесѣдѣ съ королемъ, происходившей послѣ обѣда въ Таврическомъ саду. Тутъ сказано, что Густавъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Екатерины о мекленбургской принцессѣ сказалъ, что „условія эти уже почти нарушены и что хотѣть послать къ герцогу мекленбургскому нарочнаго курьера, чтобы вообще покончить съ этимъ дѣломъ“. Далѣе Екатерина писала: „Король просилъ меня узнать отъ моей внучки, не чувствуетъ ли

¹⁾ Мекленбургская принцесса.

²⁾ Р. Старина, IX, 292—293.

она къ нему отвращенія, такъ какъ ему кажется, что она его избѣгаетъ; я общала ему это¹⁾ и пр.

Великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга тотчасъ же въ письмахъ къ Екатеринѣ выразили свое согласіе, какъ видно изъ слѣдующаго письма императрицы къ Павлу и Маріи Θεодоровнѣ. Но изъ этого же письма видно, что уже около этого времени вопросъ объ исповѣданіи невѣсты возбудилъ нѣкоторое затрудненіе. А именно на праздникѣ у генераль-прокурора Самойлова происходилъ довольно замѣчательный разговоръ короля съ Екатериною по этому предмету. „Мнѣ передали во время обѣда, — писала императрица 27-го августа²⁾, — ваши сегодняшнія письма, любезныя дѣти. Вчерашній день прошелъ не безъ затрудненій: я это сама замѣтила, также какъ и вы. Король вошелъ въ круглую комнату, въ которой я сидѣла. Такъ какъ я общала ему дать отвѣтъ черезъ три дня, а вчера насталъ срокъ, то и я сказала ему: лишь только онъ освободится отъ своихъ обязательствъ съ герцогомъ мекленбургскимъ, я готова выслушать его предложеніе. Мнѣ уже было извѣстно о затрудненіяхъ, возникшихъ по поводу вѣроисповѣданія. Онъ пробормоталъ нѣсколько фразъ благодарности и увѣреній въ дружбѣ. Затѣмъ мы долго говорили о вещахъ постороннихъ; потомъ я встала, чтобы вернуться въ большую залу. Тогда онъ, стоя, заговорилъ мнѣ о томъ, какъ, по долгу честнаго человѣка, онъ обязанъ объявить мнѣ, что основные законы Швеціи требуютъ, чтобы королева исповѣдала одну религію съ королемъ: таковъ былъ до сихъ поръ порядокъ вещей. Я отвѣчала: „Мнѣ извѣстно, что законы были чужды вѣротерпимости въ началѣ протестантства; но покойный король, его отецъ, издалъ, чрезъ самихъ епископовъ, новый законъ, который позволялъ всѣмъ, не исключая короля, вступать въ бракъ съ супругой, исповѣдующей ту религію, которую онъ сочтетъ подходящею“. Онъ отвѣтилъ мнѣ опасеніями, чтобы умы подданныхъ не взволновались противъ него. Я возразила, что ему лучше знать, какъ слѣдуетъ поступить, и приняла весьма серьезный видъ. Тогда онъ началъ было повторять уже прежде сказанное, но я, молча, медленно приближалась къ двери. У него были слезы на глазахъ. Это—вопросъ партій. Каждая желаетъ, чтобъ бракъ былъ признанъ ея дѣломъ, и, повидимому, каждая считаетъ дѣломъ чести помѣшать успѣху другой; но въ сущности, полагаю, что они не посмѣютъ вернуться домой, не заключивъ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 301.

²⁾ По ошибкѣ, это письмо, изданное въ „Русск. Старинѣ“, IX, 290—292, отнесено къ 17-му августа. Оно было писано 27-го.

брака, такъ какъ... ¹⁾ очень обозначено... я въ первый разъ слышу, что мекленбургскій проектъ былъ условнымъ ²⁾). Но какимъ же образомъ это могло быть, когда за невѣсту, со всѣми ея именами и прозвищами, молились во всѣхъ церквахъ, какъ за будущую королеву, а обрученіе праздновалось передъ лицомъ всей Швеціи? Эти господа ежеминутно запутываются въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, потому что плутни свои принимаютъ за любовь. У молодого Келеда ³⁾, какъ мнѣ кажется, доброе и чувствительное сердце, но ему еще всего только семнадцать лѣтъ ⁴⁾.

Въ письмѣ къ Будбергу императрица о происшествіи на балу у Самойлова замѣчаетъ: „Какъ не было никакихъ препятствій, то на третій день, на балу у генераль-прокурора, я могла уже дать графу Гага обѣщанный отвѣтъ. Я сдѣлала это съ двумя условіями: первое, что прежде всего имъ будетъ устранено затрудненіе, представляемое условіями съ мекленбургскимъ домомъ; второе, что моя внука сохранить религію, въ которой она рождена и воспитана. Съ этихъ поръ только со стороны самого графа Гага возбуждено множество затрудненій“ ⁵⁾.

Объ этомъ эпизодѣ на балу у Самойлова и въ какой мѣрѣ молодой король былъ разстроенъ по поводу этого дѣла, мы узнаемъ кое-что изъ слѣдующаго письма великой княгини Маріи Феодоровны къ императрицѣ отъ 27-го августа: „Долгомъ считаю разсказать вамъ, какъ мы провели вечеръ. Наша малютка сѣла возлѣ меня и сказала, что она сейчасъ говорила съ папашей, который далъ ей свое благословеніе, и просила меня сдѣлать то же. Въ теченіе нашей бесѣды я съ ней говорила въ томъ смыслѣ, какъ мнѣ было сказано в. и. в—мъ. Регентъ помѣстился близъ меня, гдѣ и оставался очень долго, но былъ чрезвычайно молчаливъ. Разговоръ нашъ шель о Стокгольмѣ и объ обществѣ этого города. Онъ въ теченіе всего вечера былъ очень смущенъ, точно также, какъ и король, который за ужиномъ говорилъ очень мало; онъ сидѣлъ между Александриной и мною. Лишь только в. в. удалились, регентъ ушелъ къ королю въ кабинетъ, гдѣ у нихъ было продолжительное совѣщаніе. Немного погодя, регентъ опять удалился въ кабинетъ съ Рейтергольмомъ. Король очень мало

¹⁾ Не разобрано.

²⁾ „conditionnel“. Въ Р. Старинѣ переведено: „по договору“; это неправильно.

³⁾ Екатерина часто называла такъ Густава. Намъ не извѣстно, откуда заимствовано это прозвище.

⁴⁾ Р. Старина, IX, 290—292.

⁵⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 301.

танцоваль съ Александриною. Въ его обхожденіи замѣтно было смущеніе: онъ рѣже обыкновеннаго подходилъ къ намъ и былъ менѣе разговорчивъ. Вотъ вѣрный рассказъ о томъ, какъ былъ проведенъ вечеръ. Ваша материнская доброта, ваши старанія, ваши безконечныя заботы побѣдятъ всѣ трудности, любезнѣйшая матушка, — таково предчувствіе моего сердца“¹⁾).

Кромѣ данныхъ, заключающихся въ письмахъ Екатерины и Маріи Ѳеодоровны, мы располагаемъ заимствованными изъ шведскихъ источниковъ данными о случившемся на балу у Самойлова. Вотъ рассказъ г. Чумикова о происходившемъ въ этотъ вечеръ и на слѣдующій день:

„На балѣ у генераль-прокурора король попросилъ императрицу удалиться съ нимъ въ кабинетъ и въ довольно продолжительной бесѣдѣ держалъ пространныя рѣчи, удивившія Екатерину; онъ не только распространялся о строгостяхъ лютеранскаго исповѣданія, о законахъ, которымъ подчиненъ шведскій королевскій домъ, а именно, что королева должна непременно исповѣдовать одну вѣру съ королемъ, но еще пытался доказывать императрицѣ заблужденія греческой церкви²⁾. Это было уже слишкомъ для русской государыни, и она, взволнованная до крайности такими рѣчами, оставила балъ.

„По поводу этихъ разговоровъ происходили на слѣдующій день чрезвычайно важныя совѣщанія у императрицы въ присутствіи короля, регента и Стединка. Екатерина, не безъ основанія, опасалась, что мнѣнія, выраженные королемъ наканунѣ, хотя въ формѣ общихъ разсужденій, могутъ повести къ нарушенію данныхъ обѣщаній. И она не ошиблась; короля также тяготили сомнѣнія, и, чтобы избавиться отъ нихъ и выяснить положеніе дѣлъ, онъ вздумалъ рѣшительно отказаться отъ всѣхъ своихъ формальныхъ обѣщаній. „Крайне необходимо, — говорилъ онъ, — чтобы великая княжна, прежде чѣмъ вступить на шведскую землю, перемѣнила свою вѣру“. — „Но этотъ вопросъ уже порѣшенъ въ противномъ смыслѣ, и министры в. в. — а изъявили свое согласіе“, — возразила императрица. — „Я не думаю, чтобы подобное согласіе могло быть дано; во всякомъ случаѣ я не могу согласиться“. — „Значить, в. в. обмануты вашими министрами?“ — перебила его удивленная императрица³⁾. — „Нѣтъ, — отвѣчалъ

¹⁾ Р. Старина, IX, 293—295.

²⁾ Въ письмахъ Екатерины нѣтъ ни малѣйшаго намека на такую безтактность короля.

³⁾ Рассказъ г. Чумикова мѣстами отличается легендарными чертами. Можно ли считать хотя бы сколько-нибудь вѣроятнымъ, чтобы коронованныя лица говорили въ такомъ тонѣ?

король, — не мои министры меня обманываютъ, но я опасюсь, что министры в. в.—а обманываютъ насъ обоихъ“¹⁾).

Эти данныя, очевидно, основаны на устныхъ разсказахъ и оказываются не совсѣмъ правдоподобными. Самый фактъ совѣщанія по вопросу о религіи на другой день послѣ бала у Самойлова легко возможенъ. Частности въ разсказѣ г. Чумикова возбуждаютъ сомнѣніе. Совершенно иного рода матеріаль, заключающійся въ письмахъ особъ царской фамиліи. Тутъ мы узнаемъ подробно о томъ, что происходило въ эти дни.

Послѣ праздника у Безбородки великая княгиня Марія Теодоровна писала къ императрицѣ изъ Павловска 29-го августа:

„Любезнѣйшая матушка, долгомъ себѣ поставлю отдать в. в.—у отчетъ о вчерашнемъ вечерѣ, въ которомъ я вижу добрыя предзнаменованія, ибо внимательность короля къ Александринѣ была очень замѣтна.

„Онъ танцевалъ почти только съ ней одной и даже послѣ менуэтовъ, видя, что дѣти просили у меня позволенія протанцевать еще одинъ контръ-дансъ, подошелъ къ регенту и сказалъ ему что-то на ухо, послѣ чего тотъ принялся отъ всей души смѣяться. Я освѣдомилась о причинѣ его смѣха. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Король спросилъ у меня, получили ли молодыя княжны позволеніе еще танцевать? Я отвѣчалъ ему: да, на что онъ сказалъ:—Въ такомъ случаѣ я тоже долженъ танцевать“. И дѣйствительно, онъ опять ангажировалъ Александрину. Они часто и подолгу сидѣли вмѣстѣ, во все время разговаривая и свободно, и весело. Король въ теченіе вечера разсказывалъ мнѣ о своемъ образѣ жизни, о ежедневныхъ своихъ занятіяхъ, повторяя часто, что очень скучаетъ въ Стокгольмѣ, и что, удѣливъ работѣ опредѣленные часы, онъ остается одинъ, сложа руки, что чрезвычайно скучно; онъ сказалъ далѣе, что хотя уже испыталъ не мало горя въ жизни, но видѣлъ его особенно много въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, такъ что оно даже отвлекало его отъ занятій. Онъ повторялъ мнѣ нѣсколько разъ, съ особеннымъ удареніемъ на этой фразѣ, и на продолженіи двухъ лѣтъ, какъ бы вызывая на разпросы о причинѣ его горя. Я однако сочла обязанностью сдѣлать видъ, будто этого не замѣчаю. Регентъ былъ необыкновенно веселъ и увѣрялъ, что въ Стокгольмѣ никогда не видѣлъ короля такимъ веселымъ, какъ здѣсь. Онъ мнѣ до безконечности расхваливалъ дѣтей, и дѣйствительно постоянно ухаживалъ за малютками, даже танцевалъ съ ними контръ-дансы.

¹⁾ Р. Арх. 1887, I, 80—81.

Еще я замѣтила слѣдующее, о чемъ считаю долгомъ сообщить в. в—у. Регентъ каждый разъ кланяется Александринѣ съ замѣтнымъ уваженіемъ, дѣлая поклоны передъ ней ниже, чѣмъ передъ другими. Г. Рейтергольмъ, говоря мнѣ объ ихъ пребываніи здѣсь и объ ихъ удовольствіи, сказалъ, что взоры всей Европы устремлены на это свиданіе, и что отъ короля зависитъ упрочить свое счастье.

„Отдавъ вамъ отчетъ, любезнѣйшая матушка, обо всемъ, что касается нашей малютки, считаю нужнымъ передать вамъ еще анекдотъ, рассказанный мнѣ регентомъ, о покойномъ королѣ. Мы говорили о Берлинѣ, гдѣ, по его словамъ, образъ жизни совершенно измѣнился, и о моей кузинѣ. Онъ замѣтилъ: „Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что въ бытность принцессы Луизы съ ея родителями въ Спа тамъ ее видѣлъ покойный король и такъ ею плѣнился, и она произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ постоянно хранилъ ея портретъ, не покидалъ его до самой смерти и даже помышлялъ о разводѣ“.

„Вотъ, милая матушка, вѣрное, въ короткихъ словахъ, описаніе вечера, который, мнѣ кажется, доставилъ большое удовольствіе нашимъ заинтересованнымъ этимъ дѣломъ молодымъ людямъ. Они дѣйствительно веселились, показывая много оживленія и непринужденности“ ¹⁾. Екатерина въ тотъ же день отвѣчала на это письмо: „Благодарю васъ, любезная дочь моя, за вашъ рассказъ. Надѣюсь, что, съ Божьею помощію, все пойдетъ хорошо. Сегодня рѣшительно нѣтъ ничего новаго“ ²⁾.

Присутствующимъ на этихъ празднествахъ казалось, что дѣло идетъ вполне успѣшно. Нельзя удивляться тому, что зрители зорко слѣдили за главными дѣйствующими лицами. Такъ напр., княгиня Голицына писала 22-го августа: „Регентъ восхищается великою княжною Александрою Павловною, но король не отдаетъ ей предпочтенія и танцуетъ одинаково со всѣми великими княжнами; однако увѣряютъ, что она ему очень нравится; онъ уже возвратилъ принцессѣ мекленбургской ея портретъ и получилъ отъ нея обратно свой, и, конечно, еслибы не было все улажено, онъ не пріѣхалъ бы сюда, такъ что нѣтъ причины сомнѣваться, чтобы не исполнились наши ожиданія. Король здѣсь очень нравится; великая княжна уѣдетъ отсюда не иначе какъ королевою; свадьба же совершится по представительству (par procuration). Графъ Гага совершить бракъ отъ имени короля; увѣряютъ, что

¹⁾ Р. Старина, IX, 296—298.

²⁾ Р. Старина, IX, 298.

великій князь Александръ Павловичъ будетъ сопровождать великую князю до Фридрихсгама; потомъ ее проводить до границы, но, переѣхавъ границу, при ней не останется никто изъ русскихъ. Лица особеннаго шведскаго придворнаго штата проводятъ ее до Стокгольма, т.-е. тѣ же самыя лица, которыя были назначены для встрѣчи принцессы мекленбургской. Все это только слухи; ничего вѣрнаго, впрочемъ много правдоподобнаго. Король будетъ совершеннолѣтнимъ только 1-го ноября; въ тому-то времени придетъ туда великая княжна. Послѣ свадьбы будетъ его коронація, также и ея. Она прелестна (*charmante*)! Дай Богъ ей всякаго воображимаго счастья; *lui aussi est parfait*; прекраснаго, говорятъ, характера, уменъ, твердъ и доброты неисчерпаемой. Шведы всѣ его обожаютъ. До сихъ поръ всѣ празднества состояли въ однихъ только балахъ. Король счастливъ, потому что страстно любить танцовать“. 24-го августа княгиня Голицына писала: „Регентъ, повидимому, въ хорошихъ отношеніяхъ съ императрицею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, и безпрестанно около великой княжны Александры Павловны. Племянникъ становится уже не такъ застѣнчивъ и больше разговариваетъ съ великою княжною, и они каждый день все менѣе и менѣе конфузятся одинъ другого“. Въ письмѣ княгини отъ 27-го августа сказано: „Вопросъ о свадьбѣ, кажется, рѣшенъ: регентъ на нашей сторонѣ“¹⁾ и пр.

Также и Тауэнцинъ писалъ 26-го августа: „Дѣло о женитьбѣ короля на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ на-дняхъ устроилось. Императрица, должно быть, очень довольна“.

Великая княгиня Марія Феодоровна думала также, что все будетъ улажено. Вернувшись ночью 28-го августа изъ Петербурга въ Павловскъ, она тотчасъ же набросала слѣдующую краткую записку, которую отдали великому князю на другое утро: „Дѣла Александрины, повидимому, идутъ какъ нельзя лучше; король много съ нею танцовалъ и говорилъ, вслѣдствіе чего балъ продоллся до двухъ часовъ утра. Онъ и регентъ были чрезвычайно веселы. Завтра я вамъ расскажу всѣ подробности; теперь же, признаюсь, мнѣ очень хочется спать. Морювъ сказалъ мнѣ, что этотъ день долженъ рѣшить все“²⁾.

Въ праздникъ св. Александра Невскаго, Павла также не было въ Петербургѣ. Онъ казался больнымъ и оставался въ Павловскѣ. Поэтому великая княгиня Марія Феодоровна отправила

¹⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 98—101.

²⁾ Р. Старина, IX, 295—296.

въ нему записку, набросанную во второмъ часу пополудни. Тутъ былъ помѣщенъ разсказъ о праздникѣ и о томъ, какъ она, Марія Теодоровна, бесѣдовала съ королемъ до церемоніи, и пр. Особенно важнаго при этомъ случаѣ не происходило ¹⁾.

хлопотамъ для великой княгини, матери невѣсты, не было конца. Она во все это время жила съ мужемъ въ Павловскѣ и оттуда прїѣзжала чуть-ли не ежедневно въ Петербургъ для участія въ празднествахъ. Часто не имѣя возможности пообѣдать какъ слѣдуетъ, она иногда забирала съ собою въ дорогу легкую, холодную закуску. Поѣздки изъ Павловска въ столицу и обратно (60 верстъ въ день) утомляли ее; она шутила: „Если такъ же хлопотливо будетъ выдавать замужъ и остальныхъ моихъ дочерей, то я, чего добраго, умру въ дорогѣ“ ²⁾.

Какъ видно, отношенія между главными лицами, дѣйствовавшими въ этой драмѣ, были очень благопріятными. Но вопросъ объ исповѣданіи легко могъ помѣшать счастью молодой четы. Императрица въ это время сообщала барону Гриму кое-какія частности этого дѣла. 30-го августа она писала: „Всѣ, великіе и малые, въ восхищеніи отъ молодого короля; онъ очень красивъ собою, крайне учтивъ, умѣетъ говорить, шутить, болтать; черты его лица правильны и привлекательны; глаза большіе и полные жизни; его осанка величавая; онъ высокъ ростомъ, но граціозенъ; любитъ прыгать и плясать и вообще движенія, и при всемъ этомъ обнаруживаетъ ловкость... Публика замѣчаетъ, что со дня на день онъ все болѣе танцуетъ съ Александриною, и что они постоянно бесѣдуютъ между собою. Говорятъ, будто его величество сказалъ своимъ господамъ: „Устройте все это поскорѣе: иначе я уже черезъ-чуръ влюблюсь; голова у меня закружится, и я потеряю здравый разумъ“. Кажется, и барышня совсѣмъ равнодушна къ этому господину; она уже не показываетъ болѣе, какъ это прежде было, смущенія и чувствуетъ себя очень хорошо въ компаніи съ возлюбленнымъ. Нельзя не признаться, что это рѣдкая чета. Никто не вступается въ это дѣло, никто не мѣшаетъ имъ, и, какъ можно ожидать, все будетъ улажено или, по крайней мѣрѣ, рѣшено въ принципѣ до отъѣзда его величества, который впрочемъ пока не думаетъ объ отъѣздѣ, хотя 1-го ноября имѣетъ быть объявленіе его совершеннолѣтнимъ. Одинъ изъ главныхъ членовъ свиты короля на вопросъ, нравится ли наша барышня графу Гага, сказалъ безъ обиняковъ:—Еслибы она не нравилась ему, то онъ

¹⁾ Р. Старина, IX, 298—300.

²⁾ Masson, 29—30. Др. и Новая Россія, 1879, I, 277.

могъ бы считаться лишеннымъ разсудка“. 1-го сентября императрица писала: „Говорять, будто курьеръ уже готовъ отправиться съ формальнымъ отказомъ къ принцессѣ мекленбургской. Прежде этого я, конечно, не могла и слышать о предложеніи. Но нужно сказать правду: онъ не можетъ скрыть своей любви. Молодой человѣкъ пріѣхалъ сюда грустный, задумчивый, смущенный, а теперь его не узнаешь: весь онъ проникнутъ счастьемъ и радостью. Завтра три недѣли, какъ онъ здѣсь, и Богъ знаетъ, когда уѣдетъ, а между тѣмъ осень приближается“. А въ письмѣ отъ 3-го сентября сказано: „Вчера былъ балъ у императорскаго посла: тутъ было особенно весело, потому что разнесся слухъ, будто все на словахъ было улажено. Я не знаю, какъ это случилось, изъ веселости или иначе, но нашъ влюбленный, танцуя со своею невѣстою, догадался пожать ей немного руку; барышня, блѣдная какъ смерть, подбѣжала къ своей гувернанткѣ и сказала ей: „Представьте себѣ, чтó онъ сдѣлалъ: онъ мнѣ, танцуя, пожалъ руку; я не знала, чтó со мною будетъ“. Та спросила: „Что же вы сдѣлали?“ Она отвѣчала: „Я такъ испугалась, что думала упасть“. 4-го сентября, рассказывая о разныхъ празднествахъ, императрица замѣчаетъ: „Объ отъѣздѣ шведскихъ гостей не говорятъ; они находятъ пребываніе здѣсь прелестнымъ“¹⁾.

И правда, на балу у Кобенцеля дѣло приняло весьма благоприятный оборотъ. Король, за нѣсколько дней до этого выразившій сомнѣнія въ отношеніи къ вопросу объ исповѣданіи, объявилъ императрицѣ, что съ его стороны не будетъ затрудненія. Екатерина въ письмѣ къ Будбергу отъ 17-го сентября замѣчаетъ: „Затрудненія длились до 2-го (13) сентября, когда графъ Гага, на балу у посланника императорскаго двора, сказалъ мнѣ, что сдѣланныя ему представленія побѣдили его сомнѣнія, и что болѣе онъ не имѣетъ никакихъ“²⁾.

Въ публикѣ тотчасъ же узнали о случившемся. Рассказывая о балѣ у Кобенцеля, княгиня Голицына писала: „Великій князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ нарочно изъ Павловска, и тутъ у посланника устроилось дѣло о бракосочетаніи короля. Затрудненіе состояло въ томъ, что императрица не желала, чтобы великая княжна измѣнила свою религію, и наконецъ согласилась на это“. Тутъ, разумѣется, ошибка: не Екатерина сдѣлала уступку въ этомъ важномъ вопросѣ, а король. Княгиня продолжаетъ свой рассказъ: „Надобно было видѣть, какъ отъ души съ радости всѣ обнима-

¹⁾ Сб. Ист. Общ., XXIII, 691—693.

²⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 301.

лись, регентъ цѣловалъ руки у императрицы; она цѣловала его въ щеку; потомъ онъ цѣловался съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ; видно было, что все уладилось. Король остается до 15-го сентября и, по возвращеніи своемъ въ Стокгольмъ, онъ пришлетъ графа Бакмейстера просить руки великой княжны; потомъ прїѣдетъ сюда регентъ и отвезетъ ее въ Швецію; неизвѣстно, прїѣдетъ ли самъ король съ нимъ; обо всемъ этомъ говорятъ только на ухо, и даже немногіе все это знаютъ; я знаю отъ моей свояченицы, которой все это рассказалъ самъ регентъ, и мы не рассказываемъ и не желаемъ, чтобы говорили, что эти новости передаются отъ насъ¹⁾.

Тауэнцинъ писалъ 5-го сентября: „На балу у графа Кобенцеля всѣ замѣтили какіе-то интимные, особнякомъ, разговоры между императрицею, великимъ княземъ, его супругою, королемъ шведскимъ и регентомъ, послѣ чего они всѣ перецѣловались, а послѣ узналъ, что въ этотъ день король сдѣлалъ предложеніе, и съ этого времени король подходитъ безпрестанно къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ и разговариваетъ съ нею“²⁾.

Со 2-го сентября отношенія между королемъ и царскою фамиліею сдѣлались болѣе интимными. Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ писалъ великому князю 3-го сентября („полудни въ 4 часа“): „Вчера на балѣ король, разговаривая съ государыней, ей говорилъ, что онъ былъ съ великой княгиней Александрой Павловной всегда въ большой публикѣ; не имѣетъ случая съ ней прямо познакомиться, а потому и проситъ, чтобы ему дать случай за-просто съ нею быть; а потому государыня изволила мнѣ приказать писать о семъ къ вашему высочеству³⁾, разсуждая, что таковое свиданіе съ пристойностью быть должно въ присутствіи родителей ея, и для того желаетъ государыня, если ваше высочество сами въ пятницу здѣсь не изволите быть, то бы великая княгиня непременно къ обѣду здѣсь была, и какъ положено въ пятницу королю и великимъ князьямъ обѣдать у Александра Павловича, то и великая княгиня, обѣдавъ тутъ же, послѣ обѣда возьметъ къ себѣ короля съ регентомъ, тожъ Ливеншу съ великими князьями и великихъ князей съ супругами, и останется съ ними до балу у себя въ своихъ покоехъ за-

¹⁾ Историч. Вѣстникъ, XXX, 102.

²⁾ Берлинскій архивъ. Вѣроятно къ этому вечеру относится замѣчаніе Массона: „L'impératrice parlait déjà au jeune roi et à sa petite fille, comme à des fiancés, et les encourageait à s'aimer. Un jour même, elle les fit, en sa présence, se donner le premier baiser d'amour“, etc. I, 18.

³⁾ Очевидно, по ошибкѣ, тутъ въ „Р. Старинѣ“ напечатано: „величеству“.

просто“. Затѣмъ, послѣ другихъ извѣстій, еще сказано: „О бытіи у васъ короля завтра я государынѣ доносилъ“¹⁾.

Въ пятницу, 5-го сентября, великій князь Павелъ Петровичъ опять не пріѣхалъ въ столицу. Въ этотъ день Марія Ѳеодоровна писала къ нему („послѣ обѣдни“): „Я пріѣхала сюда въ 10 часовъ и застала императрицу въ спальнѣ; она выслала дѣтей, и мы говорили о вчерашнемъ днѣ. Я сказала, что наши гости очень веселились, не стѣснялись и много гуляли, что принцъ (sic) Ваза курилъ на вашей половинѣ, а король былъ очень веселъ. Потомъ я передала ваше замѣчаніе, что онъ дѣйствительно влюбленъ въ малютку, т.-е. желаетъ получить ея руку. При этомъ она меня спросила, говорилъ ли онъ вамъ о томъ самъ? Но на это я не умѣла ей отвѣтить... Послѣ обѣда мы соберемся: король, регентъ, Стединъ, генеральша²⁾, обѣ малютки и я. Я придумала, чтобы никого не стѣснять, заняться дѣланіемъ изъ бумаги камней, потому что, увѣряю васъ, не буду знать, куда дѣваться со своей персоной сегодня послѣ обѣда“. Затѣмъ, въ тотъ же день великая княгиня писала въ четыре часа пополудни: „Пишу вамъ два слова, покуда наши влюбленные сидятъ рядомъ и вполголоса разговариваютъ; и все мнѣ слышится голосъ жениха. Генеральша, Елена³⁾ и я готовимъ пасту для слѣпковъ. Анна играетъ, сидя на стулѣ⁴⁾; регентъ и Стединъ около насъ рассматриваютъ камни. Мнѣ вздумалось предложить регенту идти курить въ диванную. Стединъ пошелъ съ нимъ, а я въ эту минуту пишу моему доброму и дорогому другу“... Затѣмъ, наконецъ, въ тотъ же день, по возвращеніи въ Павловскъ, вечеромъ Марія Ѳеодоровна писала Павлу, какъ ею самою написано на этомъ письмѣ: „чтобъ онъ получилъ записку на другое утро при пробужденіи, такъ какъ онъ уже спалъ“: „Могу вамъ сообщить, что наши гости въ среду будутъ у васъ въ Гатчинѣ; мнѣ это сказалъ Салтыковъ на балу. Регентъ и Стединъ не могли еще мнѣ этого сказать навѣрное послѣ обѣда; они затруднялись выборомъ между воскресеньемъ и средой; но въ воскресенье они должны присутствовать на архіерейской обѣднѣ въ Невской лаврѣ. Свиданіе прошло прекрасно

1) Р. Старина, IX, 473—474.

2) Ливень.

3) Елена Павловна была двумя годами моложе Александры. Она родилась въ 1785 г., вышла замужъ за наследнаго принца мекленбургскаго и скончалась въ расцвѣтъ лѣтъ въ 1808 г.

4) Аннѣ Павловнѣ былъ тогда одинъ годъ.

и окончилось самыми нѣжными объятіями. Завтра сообщу вамъ многое, что васъ позабавитъ“¹⁾.

Вѣроятно къ этому же дню относится слѣдующая записка великой княгини Маріи Ѳеодоровны къ императрицѣ, найденная также между бумагами архива въ Павловскѣ: „Они на минуту ушли въ кабинетъ великаго князя. Пользуюсь этимъ временемъ, чтобы сказать, дорогая и добрая матушка, вамъ, что все идетъ какъ нельзя лучше. Онъ невыразимо доволенъ, никогда ничего подобнаго не испытывалъ; въ восторгѣ отъ чувствъ малютки. Говоря о ней, онъ плакалъ. Когда регентъ и Стединъ удалились, онъ все останавливался, какъ бы желая что-то сказать, и все это окончилось нѣжнымъ объясненіемъ, которое началось съ дочери и окончилось маменькою“²⁾.

Между бумагами въ Павловскѣ найденъ черновой набросокъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны о ея разговорѣ съ королемъ. Онъ написанъ на французскомъ языкѣ, но напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ лишь въ русскомъ переводѣ. Определить точно, когда, т.-е. въ какой день, происходилъ этотъ разговоръ, мы не можемъ. Вѣроятно онъ относится къ первымъ числамъ сентября. Такъ какъ тутъ встрѣчаются данныя, характеризующія отношенія короля къ невѣстѣ и ея родственникамъ, мы сообщаемъ эту бумагу цѣликомъ.

„Король говорилъ о трудностяхъ, какія встрѣтились бы при совершеніи бракосочетанія зимой. Трудности эти относятся какъ къ морскому переѣзду, такъ и къ приготовленію апартаментовъ для новобрачныхъ, для чего пришлось бы тревожить королевумать. Мой отвѣтъ: касательно морского переѣзда адмиралы считаютъ его весьма возможнымъ до ноября. Затѣмъ, надобно полагать, что материнская нѣжность не станетъ дѣлать затрудненій и уступить нѣсколько комнатъ. Потомъ говорили о характерѣ королевы-матери, о ея боязливомъ нравѣ и ханжествѣ, о выборгской кампаніи и объ опасномъ положеніи флота, спасагося благодаря Чичагову³⁾... Регентъ выразилъ сожалѣніе, что они еще не пришли къ соглашенію съ нами. „Чья вина?“ спросила я его со смѣхомъ. Онъ повторилъ свою фразу. Тогда я продолжала, все смѣясь: „Ваша, любезный кузень“. „Какъ, моя?“ возразилъ онъ. „Что у васъ была за мысль,—продолжала я,—начинать дѣло о бракѣ съ Мекленбургомъ“. — „Но,—сказалъ онъ,—вы

¹⁾ Р. Старина, IX, 474—476.

²⁾ Р. Старина, IX, 287—288.

³⁾ Событія шведско-русской войны. См. мою монографію объ этомъ предметѣ, глава X.

намъ отказали, и г. Морковъ даже сказалъ Стединку, чтобы болѣе объ этомъ не говорить“. — „Но, — возразила я, — вы, вѣроятно, сопровождали ваше предложеніе невозможными условіями“. Онъ отвѣчалъ: „Были затрудненія насчетъ вѣроисповѣданія, какъ теперь насчетъ другихъ предметовъ, но они могли быть устранены. Въмѣсто того я получилъ отказъ, а въ завѣщаніи ясно сказано, что король долженъ быть обрученъ непременно до своего совершеннолѣтія. Я обратился въ Мекленбургъ и думаю, что вы сдѣлали бы то же самое на моемъ мѣстѣ“. Я отвѣчала, не переставая смѣяться: „Нѣтъ, любезный кузень, я бы такъ не поступила“. — „Я на вашемъ мѣстѣ думалъ бы то же самое, — сказалъ онъ, — но вы на моемъ сдѣлали бы то же, что и я“. Я отвѣчала, все смѣясь: „Видите ли, любезный кузень, я настолько самоувѣрена, что, полагаю, вы на моемъ мѣстѣ думали бы, какъ я, но я на вашемъ не поступила бы такъ, какъ вы“... Все это сопровождалось смѣхомъ; онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ еще прибавилъ, что никто сильнѣе его не желаетъ наступленія минуты брака короля, что эта минута увѣнчала бы его дѣло. Кромѣ того, онъ сказалъ, что предложить королевѣ-матери свои комнаты. Король мнѣ тоже говорилъ о трудностяхъ, какія онъ предвидѣлъ для совершенія брака въ ноябрѣ. Я ему возражала то же, что и регенту, прибавивъ, „что какъ онъ король, и такъ какъ императрица изъявила свое согласіе, то все должно устроиться“. — „Но, — замѣтилъ онъ, — необходимо сдѣлать нѣкоторыя приготовленія, и если мы потеряемъ октябрь мѣсяцъ, то въ ноябрѣ уже свадьба невозможна“. — „Въ такомъ случаѣ, — возразила я, — не теряйте октября мѣсяца“. „Это не отъ меня зависитъ“, сказалъ онъ. „Какъ, — воскликнула я: — вы наканунѣ того дня, когда вся власть перейдетъ въ ваши руки, и вы не можете теперь ускорить необходимыхъ приготовленій!“ Онъ окончилъ увѣреніемъ, что будетъ очень счастливъ, если это удастся“ ¹⁾...

О событіяхъ при дворѣ въ первыхъ числахъ сентября княгиня Голицына писала своему двоюродному брату 8-го сентября: „Я только-что возвратилась съ бала изъ Таврическаго дворца, и спѣшу, добрѣйшій князь, писать вамъ. Начну о шведскомъ королѣ, который рѣшительно влюбленъ въ нашу великую княжну. До сихъ поръ его поведеніе, равнодушное и сдержанное, сбивало всѣхъ съ толку, и говорили положительно, что не быть этой женитьбѣ, и дѣйствительно, до 2-го числа этого мѣсяца мало

¹⁾ Русская Старина, IX, 288—289.

было надежды, потому что отъ великой княжны требовали, чтобы она отказалась отъ своей религіи, а императрица не соглашалась на это; но все кончили на балѣ австрійскаго посланника Кобенцеля; согласились, что великая княжна не перемѣнитъ вѣры, и король просилъ позволенія видѣть великую княжну ежедневно; третьяго дня весь день провелъ съ невѣстою; вчера ужиналъ въ семьѣ великой княгини Маріи Теодоровны и сегодня на балѣ не отходилъ отъ великой княжны. Императрица все время была съ регентомъ, который безпрестанно цѣлуетъ у нея руки, и, право, видно всеобщее удовольствіе. Императрица чрезвычайно весела и довольна; великая княгиня Марія Теодоровна также; она пріѣзжаетъ всякій день изъ Павловска, остается съ дочерьми на всѣхъ балахъ до самаго конца и возвращается обратно въ Павловскъ; завтра опять то же, и такъ она проводитъ время со времени пріѣзда шведскаго короля; говорятъ, что отъ удовольствій онъ не чувствуетъ усталости. Король безпрестанно откладываетъ свой отъѣздъ и не можетъ рѣшиться уѣхать—такъ ему здѣсь нравится, да къ тому еще влюбленъ; говорятъ, что немедленно по возвращеніи его въ Стокгольмъ графъ Бакмейстеръ, бывшій у насъ въ плѣну, пріѣдетъ сюда просить руки великой княжны; потомъ пріѣдетъ регентъ, чтобы отвезти ее въ Швецію. Вотъ пока чтò здѣсь извѣстно и то немногимъ, и васъ прошу, добрый князь, не говорить, что слышали отъ меня; мнѣ сообщено это по секрету“¹⁾.

И правда, Екатерина была очень довольна и развѣ только немного утомлена постоянными празднествами, какъ видно изъ ея письма къ барону Гриму отъ 4-го и 5-го сентября, гдѣ, между прочимъ, сказано: „Вчера былъ прекрасный фейерверкъ, который удался вполне. Сегодня графы Гага и Ваза отправились въ Царское Село и въ Павловское, гдѣ они будутъ обѣдать у великаго князя, и мы имѣемъ, слава Богу, день отдыха. Объ отъѣздѣ еще не говорятъ; шведскій дворъ, состоящій изъ двадцати-трехъ лицъ, находитъ пребываніе здѣсь прелестнымъ... Увѣряю васъ, что замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ моихъ современниковъ, такимъ, отъ котораго болѣе чѣмъ отъ всѣхъ другихъ можно ожидать въ будущемъ, я считаю шведскаго короля; у него лишь недостааетъ опытности и хорошихъ людей: Рейтергольмъ плохъ, хотя очень самодоволенъ и гордъ“²⁾ и пр.

Екатерина для невѣсты заказала у наилучшаго петербургскаго

¹⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 108—104.

²⁾ Сб. Ист. Общ., XXII, 692—694.

серебрянаго мастера, негоціанта Буха, сдѣлать въ приданое серебряный сервизъ ¹⁾. О королѣ знаменитая художница Виже-Леренъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „Онъ былъ высокъ ростомъ, и, несмотря на юный возрастъ, его привѣтливый, благородный и гордый видъ невольно къ нему внушалъ уваженіе. Получивъ тщательное воспитаніе, онъ былъ въ высшей степени вѣжливъ. Великая княжна была прекрасна какъ ангелъ, такъ что онъ сразу полюбилъ ее. Помню, какъ онъ, пріѣхавъ во мнѣ взглянуть на портретъ будущей своей супруги, до того заглядѣлся на него, что даже выронилъ шляпу изъ рукъ“ ²⁾. Княгиня Дашкова рассказываетъ въ своихъ запискахъ о намѣреніи императрицы назначить ее, Дашкову, статсъ-дамою для сопровожденія будущей королевы во время путешествія въ Швецію ³⁾. Росточинъ 7-го сентября писалъ къ Воронцову о проектѣ брака: „Всѣ затрудненія устранены, и въ продолженіе послѣднихъ трехъ дней великая княжна можетъ считаться наканунѣ помолвки (*est sur le pied de promise*). Все улажено путемъ подкупа. Увѣряютъ, что это дѣло стодитъ уже теперь около двухъ милліоновъ рублей. Императрица объявила, что въ свитѣ Александры Павловны не будетъ ни одной русской. Г-жа Ливенъ поѣдетъ съ нею, отвезетъ ее и вернется тотчасъ же. Время бракосочетанія еще не назначено... Лучшимъ результатомъ пребыванія шведскаго короля здѣсь должно считать сближеніе между императрицею и великимъ княземъ (Павломъ); они, кажется, въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ“ ⁴⁾ и пр.

Множество записокъ императрицы и Маріи Феодоровны другъ къ другу, относящихся къ этому времени и найденныхъ въ архивѣ въ Павловскѣ, проливаетъ свѣтъ не только на самый ходъ дѣла о бракѣ, но и на мѣру интимности въ царской семьѣ. Пропуская менѣе важныя бумаги такого рода, въ которыхъ говорится о томъ, гдѣ будетъ обѣдать король, въ какомъ костюмѣ куда явиться и пр., мы сообщаемъ выдержки изъ нѣкоторыхъ записокъ, писанныхъ, такъ сказать, наканунѣ развязки, положившей конецъ всей радости и всѣмъ надеждамъ.

Великая княгиня писала мужу изъ Петербурга 7-го сентября утромъ: „Александра получила вчера прилагаемую записку (отъ кого?). Перстень великолѣпенъ. Императрица, благословляя вчера малютку, какъ она мнѣ сказала, заливалась горячими слезами“.

¹⁾ Р. Старина, V, 461.

²⁾ Др. и Н. Россія, 1876, III, 303.

³⁾ Записки Дашковой (русск. изд.), 250.

⁴⁾ Арх. кн. Воронцова, VIII, 143—145.

Въ тотъ же день Марія Теодоровна писала „послѣ обѣда“: „Полчаса назадъ я вернулась съ обѣда и имѣю о многомъ сообщить вамъ; но Богъ видитъ, что на это потребовалась бы цѣлая тетрадь, и потому ограничусь сущностью дѣла. Подняли вопросъ объ обрученіи или объ обмѣнѣ колецъ въ церкви или комнатѣ скоро, какимъ бы то ни было образомъ. Архіереи соберутся; митрополитъ прійдетъ сегодня. Въ исторіи нашли примѣръ, что обѣщанія могутъ быть даны чрезъ уполномоченныхъ. Дочь дѣда Ивана Васильевича была обручена при посредствѣ уполномоченнаго съ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ. Говорятъ, что форма обряда заключается въ обѣщаніяхъ. Императрица спрашивала у меня, прійдете ли вы завтра, и я вижу, что она сильно желаетъ и что ей очень нужно съ вами поговорить. Она хотѣла бы уже соединить молодыхъ людей такими узами, чтобы это продолжительное отсутствіе не имѣло никакого вліянія на судьбу малютея. Вотъ все, что касается Александрины... Король долженъ прійхать послѣ обѣда. Мы будемъ ужинать въ небольшомъ обществѣ съ генеральшей (Ливенъ), Шуваловой и Салтыковымъ. Подробности передамъ вамъ устно... Императрица говоритъ, будто молодой женихъ такъ пламенно желаетъ видѣть малютею, что она даже не знаетъ болѣе, что ей дѣлать“. Въ тотъ же день поздно вечеромъ, великая княгиня написала императрицѣ записку, на черновой которой сдѣлано ею самой замѣчаніе: — „Послѣ ужина, на которомъ у меня присутствовали король и регентъ“: „Дражайшая матушка; повидимому, все устроивается согласно нашимъ желаніямъ. Пользуюсь уходомъ гостей, спѣшу сообщить вамъ подробнѣе то, что я могла, дражайшая матушка, наскоро и вкратцѣ передать вамъ черезъ г. Салтызова. Разговоръ мой я начала съ того, что сказала ему, какъ груститъ малютея, видя его печальнымъ, какъ беспокоится о немъ, и просила его говорить со мною какъ съ другомъ. Онъ возразилъ: „Я уже просилъ ее успокоиться, сказавъ ей, что нѣтъ ничего опаснаго“. Затѣмъ, поблагодаривъ меня за дружбу, которую я ему оказываю, прибавилъ: „Когда она будетъ у меня въ Стокгольмѣ, настанетъ конецъ всѣмъ моимъ печалямъ“. Тогда, уловивъ его на словѣ, я отвѣчала: „Но вы еще долго не будете видѣться. Вы взаимно любите другъ друга (этому предшествовало множество увѣреній въ дружбѣ съ обѣихъ сторонъ и сожалѣній о предстоящей разлуцѣ), и я предвижу, что вы станете тосковать по ней, а она по васъ; будете взаимно тревожиться. Сочтемъ примѣрно, сколько мѣсяцевъ проведете вы въ разлуцѣ?“ Насчитали восемь мѣсяцевъ, и при этомъ у молодого человѣка навернулись слезы на глазахъ. „Это очень долго“,

прибавила я. Онъ мнѣ сказалъ: „О, да, очень долго!“ Тогда у меня точно молнія блеснула въ умѣ, и я сказала: „Вы говорите, что ваши печали окончатся, когда она будетъ съ вами въ Стокгольмѣ! Почему же бы вамъ не ускорить этой минуты?“ На это онъ возразилъ: „Я очень бы этого желалъ, но для этого существуетъ только два времени года: осень и весна,—зимою же это невозможно“.—„Но,—замѣтила я, смѣясь,—отчего бы вамъ не жениться теперь?“ Онъ отвѣчалъ: „Дворъ не въ полномъ сборѣ и апартаменты не готовы“.—„О,—возразила я,—что касается до двора, его собрать не долго, а если кто кого любитъ, тотъ не обращаетъ вниманія на апартаменты. Вы женитесь; малютка пойдетъ съ вами, и дѣло съ концомъ“. Тогда онъ отвѣчалъ: „Но море опасно“. Тутъ подала голосъ Александра: „Съ вами,—сказала она,—я всегда буду считать себя въ безопасности“. Это весьма тронуло короля, у котораго въ продолженіе разговора были слезы на глазахъ. Я ему сказала: „Довѣрьтесь мнѣ, Густавъ. Вы говорите, что желали бы поскорѣ видѣть окончаніе дѣла?“—„Очень бы этого желалъ,—отвѣчалъ онъ,—но это зависитъ отъ герцога“. Тогда я сказала: „Что же, хотите ли, Густавъ, чтобъ я переговорила съ императрицей? Принимаю это на себя, и, конечно, ея величество васъ не скомпрометируетъ“. Онъ отвѣчалъ: „Да, сударыня, но только, чтобы она сдѣлала предложеніе регенту какъ бы отъ себя, но отнюдь не отъ меня“. Это онъ сказалъ съ большимъ чувствомъ и съ радостью. Очень ласково благодарилъ меня, и разговоръ прервался увѣреніями въ дружбѣ и нѣжностями съ малюткою. Онъ часто цѣловалъ ей руки, обнималъ ее и говорилъ самыя нѣжныя вещи. Хорошее расположеніе духа до такой степени овладѣло его сердцемъ, что это отразилось и за ужиномъ, за которымъ онъ былъ разговорчивъ и ласковъ съ малюткою, даже при постороннихъ. Онъ меня увѣрялъ, что никому не скажетъ, о чемъ мы говорили¹⁾.

Въ понедѣльникъ, 8-го сентября, „въ часъ пополуночи“, великая княгиня Марія Ѳеодоровна писала къ Павлу Петровичу: „Добрый и дорогой другъ мой, благословимъ Господа; обѣтъ общаній назначенъ въ понедѣльникъ вечеромъ въ брильянтовой комнатѣ. Онъ будетъ происходить въ присутствіи нашемъ, при дѣтяхъ, при посланникѣ; будутъ еще Эссенъ, Рейтергольмъ, Остерманъ, Зубовъ, Салтыковъ и генеральша Ливенъ. Свидѣтелемъ общаній будетъ митрополитъ. Все это рѣшилось вскорѣ послѣ ужина. Обручальныя кольца будутъ золотыя съ ихъ вензелями.

¹⁾ Р. Старина, IX, 481—484.

Послѣ обрученія назначенъ балъ въ тронной залѣ. Ея величество поручила мнѣ все это вамъ передать, любезный другъ, и прибавила, что затѣмъ обрученные могутъ придти къ намъ ужинать. Она мнѣ сказала: „Будетъ ли вамъ достаточно времени, чтобъ пріѣхать?“ Я отвѣчала, что, конечно, будетъ, такъ какъ намъ надобно всего пять часовъ на переѣздъ изъ Гатчины. И такъ, благодаря Бога, первая половина дѣла сдѣлана ¹⁾, и король ни малѣйшимъ образомъ не затрудняется присутствіемъ митрополита. Покончивъ съ этимъ, императрица, немного спустя, подошла ко мнѣ и приказала ночевать здѣсь, а завтра пригласить короля на завтракъ, чтобы онъ могъ увидѣться съ малюткой. Тотчасъ послѣ завтрака я сяду въ карету и отправлюсь прямо въ Гатчину... Король и регентъ въ среду пріѣдутъ къ вамъ въ Гатчину. Седьмизъ все ждалъ васъ, чтобы имѣть честь вамъ это сообщить. Они выѣдутъ въ 8 ч. утра и вѣроятно пріѣдутъ около часа пополудни. Надѣюсь, мой милый другъ, все это доставить вамъ удовольствіе; я очень рада, сообщая вамъ эти добрыя вѣсти. Конечно, мой дорогой другъ, вы не будете противъ того, чтобы я здѣсь ночевала, такъ какъ это приказаніе есть слѣдствіе счастливаго устройства дѣла, о которомъ я говорила, за что нельзя достаточно возблагодарить Бога“ ²⁾).

Итакъ всѣ, казалось, были довольны. Никто не сомнѣвался въ успѣхѣ. 10-го сентября шведскіе гости посѣтили великокняжескую чету въ Гатчинѣ. Невѣсты тамъ не было, какъ видно изъ найденнаго въ Павловскомъ архивѣ письма великой княжны, на которомъ Марія Ѳеодоровна сдѣлала надпись: „Въ отвѣтъ на письмо, которое я писала ей въ день пребыванія у насъ въ Гатчинѣ короля и подъ его диктовку“: „Любезнѣйшая маменька, сію минуту получила я ваше дорогое письмо, наполненное интересными извѣстіями, и цѣлую ручку моей дорогой маменьки и изъ глубины сердца благодарю ее за все, что она дѣлаетъ для своей дочери. Еслибы графъ Гага былъ еще въ Гатчинѣ, я просила бы маменьку сказать ему отъ меня все, что она сама сочтетъ нужнымъ, потому что маменькѣ извѣстны сердце и чувствованія ея дочери. Бабушка меня сегодня благословила. Жду съ нетерпѣніемъ счастья видѣть моихъ дорогихъ родителей; я смѣю надѣяться, что они мнѣ не откажутъ въ той же милости. Покуда цѣлую имъ руки“ ³⁾ и пр.

Говоря о предстоявшемъ сговорѣ короля съ великою княж-

¹⁾ Le premier acte est baclé.

²⁾ Р. Старина, IX, 483—485.

³⁾ Р. Старина, IX, 290.

ною, графъ Н. П. Панинъ, бывшій свидѣтелемъ всѣхъ этихъ событій, писалъ въ князю Н. В. Репнину (26-го августа): „Я увѣренъ, что постоянное счастье нашей августѣйшей государыни увѣнчаетъ успѣхомъ это предпріятіе, какъ и всѣ, которыя предпринимались ею для славы отечества“¹⁾. Обрадованный этими извѣстіями, князь Репнинъ отвѣчалъ: „Слава и благодареніе Богу; милосердіе его увѣнчало успѣхомъ всѣ обширные планы нашей государыни. Искренно радуюсь союзу съ Швеціею и бракосочетанію, на которомъ союзъ основанъ. Дай Богъ, чтобы все это совершилось окончательно, такъ чтобы никакая случайность и никакія человѣческія дѣла не могли бы помѣшать этому“²⁾.

Державинъ по поводу пріѣзда короля въ С.-Петербургъ и для праздника сговора сочинилъ стихи: „Побѣда красоты“; въ этомъ стихотвореніи левъ принятъ за эмблему Швеціи по изображенію въ ея государственномъ гербѣ. Къ стихотворенію приложены были рисунки: Левъ несетъ на себѣ Эрота, и далѣе изображено содержаніе третьяго куплета: Паллада, т.-е. Екатерина, обнимаетъ Геву—великую княжну.

Далѣе Державинъ сочинилъ: „Хоръ для концерта, на помолвку короля шведскаго съ великою княжною Александрою Павловною“. Другое стихотвореніе такого же рода озаглавлено: „Хоръ для польскаго на тотъ же случай“³⁾.

Между тѣмъ приближалась развязка; дѣла приняли совсѣмъ иной оборотъ.

А. БРИКНЕРЪ.

¹⁾ Сб. И. Об., XVI, 496.

²⁾ Сб. И. Общ., XVI, 513.

³⁾ См. соч. Державина, изд. Гротомъ, томъ I, стр. 753—760.

ЛОБАНОВЩИНА

Романъ въ двухъ частяхъ.

XXI *).

Сверхъ-сильная работа не прошла, однако, Маланьѣ даромъ: передъ пасхой она выкинула и долго замертво лежала послѣ этого. Выпросилась она съ Митричемъ на мельницу, да тамъ и надорвалась. Не мало везъ Митричъ своего жита да еще Маланьины два мѣшка, а дорога между тѣмъ была самая послѣдняя, ухабы и зажоры на каждомъ шагу, такъ что половину возъ пришлось везти на себѣ и пришлось его везти почти исключительно одной Маланьѣ, потому что Митричъ и радъ бы былъ приналечь, да силъ у него совсѣмъ не было. До дому-то Маланья кое-какъ еще добралась, а тутъ и началась мука-мученская.

Сходили сосѣди на село за бабушкой, за Улитой, за попомъ; послали извѣстіе доктору и Ивану. Такъ и думали, что Маланьѣ не встать, но она хоть и не скоро, а оправилась все-таки.

Ивану, пришедшему домой на три первые дня пасхи, отъ сосѣдей, что называется, проходу не было. Каждый по своему старался ему доказать, что жену нельзя бросать какъ собаку, что и дѣтей пожалѣть надо, что въ городѣ хоть вѣкъ живи, всѣхъ денегъ не выберешь и т. д.

— Можетъ, послѣ денегъ-то и сколько накопишь, да ужъ онѣ ни къ чему тебѣ будутъ, потому какъ ежели все черезъ силу да черезъ силу, такъ хоть желѣзный человѣкъ будь, и тотъ не выдержитъ, не то что Михевна. Старательная она у тебя, словъ

*) См. выше: августъ, стр. 445:

вѣтъ, часу даромъ не просидить, это ужъ чѣмъ говорить; ну а черезъ силу—не теперь сказано—и конь не скочить... Послѣ самъ пожалѣешь, какъ она въ конецъ у тебя надорвется, да ужъ поздно будетъ. Тогда вѣдь сядешь же дома, не безъ того, потому ребята у тебя. Намъ они, твои ребята, не надобны, вотъ и сядешь съ ними. И безъ лошади, а сядешь. Такъ не лучше ли утвердиться тебѣ дома теперь, пока Михевна въ моготѣ еще?—говорили Ивану сосѣди, больше всего Титъ Андронычъ съ Абросимовной и рыжій Нивита.

Иванъ то отмалчивался, то, по своему обыкновенію, ссылался на недоимку и на долгъ хозяину, и черезъ три дня прѣблагополучно отправился въ городъ снова, а у Маланьи все осталось по старому, кромѣ того, впрочемъ, что нищая Улита, до этого жившая на подворьѣ у просвирни, совсѣмъ перебралась къ ней.

Теперь, если Маланьѣ нужно было идти изъ дому, она могла это дѣлать, не безпокая сосѣдей, такъ какъ Улита не всякій день уходила собирать и, несмотря на старость и недомоганіе, могла присмотрѣть за ея ребятами.

Низенькая, сгорбленная, съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко, когда-то вѣроятно очень полная, но теперь вся дряблая, Улита и по избѣ ходила опираясь на палку; тѣмъ не менѣе за каждую милостыню, велика она была или мала, она неизмѣнно клала сорокъ поклоновъ, а когда мѣшалась въ счетъ, то и больше. Не дѣлая себѣ ни малѣйшихъ послабленій, Улита и къ другимъ относилась строго. Только дѣтямъ Маланьи она спускала многое и тщательно сберегала для нихъ всѣ лакомые куски, перепадавшіе ей изрѣдка въ видѣ аладьевъ и шанегъ.

— Не хочу я ни ваши твоей, ни молока, не изъ-за куска я къ тебѣ перешла отъ просвирни; я знаю, почему перешла, а не изъ-за куска!—порывисто отодвигая отъ себя чашку съ кашей на самый край стола, говорила Улита Маланьѣ, точно сердясь на нее.—Вотъ ихъ корми, а я и безъ тебя наймся,—прибавляла она, указывая на Мишку и Ефима.

И никакія убѣжденія не могли поколебать этого рѣшенія Улиты—чашка съ кашей такъ и оставалась на краю стола нетронутой, а Улита въ это время грызла одни сухіе куски.

Но когда она сама совала свои завѣтные шаньги дѣтямъ, Маланьѣ нечего было и думать противиться,—Улита не давала ей близко подойти къ ребятамъ до тѣхъ поръ, пока они не съѣдали всего.

— Ты маленькая была, такъ любила, не бойсь, сладко поѣсть? Забыла, какъ сама-то росла? Когда же ребятамъ шаньжки

не охота, пускай ѣдятъ. Вотъ ежели Ефимка на улицу проситься не будетъ, а его тѣмъ же часомъ въ лѣсъ умчу и волкамъ скормлю; ихъ только клички—живо прибѣгутъ. Ежели Мишка умываться плохо станеть, либо уросить по ночамъ, въ первой же банѣ до смерти его запарю, а шанежки отчего не поѣсть—говорила Улита.

Сначала Мишка и Ефимъ боялись ея какъ огня, но потомъ не на шутку къ ней привязались, и не за одни гостинцы, а потому что своимъ дѣтскимъ чутьемъ подъ вѣшной жесткой корою Улиты они безошибочно угадывали ея доброе отношеніе къ нимъ.

Маланья дольше всѣхъ не могла освоиться съ присутствіемъ чужого человѣка въ домѣ, отчасти, вѣроятно, еще и потому, что Улита рѣшительно всѣмъ распоряжалась вполне самовластно, не просто даже какъ свой человѣкъ, какимъ не была, но какъ старшая, какъ глава семьи, однимъ словомъ. Переселившись къ Бушуевымъ въ то время, когда сама Маланья, тяжело больная, находилась въ безпомощномъ положеніи и ничѣмъ не въ силахъ была распорядиться, Улита и потомъ по отношенію къ ней и дѣтямъ продолжала держаться какъ главное лицо въ семьѣ. Это нерѣдко производило путаницу въ хозяйствѣ и вызывало столкновенія между обѣими женщинами. Но Маланья тотчасъ же становилось стыдно передъ старой нищей, которая столько времени самымъ безкорыстнымъ образомъ ухаживала за ней и нянчилась съ ея дѣтьми, и она спѣшила такъ или иначе загладить свою вину. Въ концѣ концовъ она примирилась съ новымъ положеніемъ дѣлъ и даже пришла къ заключенію, что во многихъ отношеніяхъ Улита для нея незамѣнима.

Между прочимъ, Улита со всей округи приносила работу Маланьѣ, пряжу, ткань, вязку, и теперь заработокъ Маланьи былъ чуть не вдвое больше прежняго. Онъ попрежнему служилъ единственнымъ источникомъ денежныхъ средствъ семьи, такъ какъ присылаемыя Иваномъ суммы все еще дѣликомъ вносились въ податъ.

Часто огонь въ избѣ Маланьи горѣлъ до вторыхъ нѣтуховъ; Улита, замаливая милостыню, отвѣщивала на голбцѣ свои сорокъ-сороковъ, а Маланья усердно работала при свѣтѣ маленькой лампы, принесенной Иваномъ изъ городу.

Если Мишка капризничалъ и не желалъ ложиться на постель, разостланную на полу между столомъ и печкой, пока мать не ляжетъ, Маланья временно пристраивала его рядомъ съ собой на лавкѣ, клала голову его себѣ на колѣни и сказывала сказки до тѣхъ поръ, пока онъ не засыпалъ.

— Эка, маленький растянулся, стыда-то нѣтъ! Погляди-ка, Ефимка какъ хорошо спить! Слова не сказалъ — легъ, а ты, озорникъ, все къ матери лѣзешь! Не видишь, что ей некогда? Вмѣстѣ бы васъ и съ матерью-то, съ потатчицей, плетью хорошей, право... Изъ-за васъ я, ино, въ поклонахъ смѣшалась, опять съизнова, передъ Богомъ, начинать, тѣфу вы непутевые!..—ворчала Улита.

— Про возу съ возлятами скажи, про мужика, что жену въ котомкѣ несъ, а думалъ несеть пироги, и какъ увезъ старикъ дочь на пустыньку, а послѣ всего про фиѳилисно-ясно-соколово перышко!—просилъ Мишка, не слушая Улиты и иногда уже съвозъ сонъ.

Маланья сейчасъ же заводила сказку, но безконечное повтореніе одного и того же надоѣдало ей страшно, и потому она нрѣдко изъ своей собственной головы вводила въ сказки новые эпизоды.

Дремота Мишки въ такихъ случаяхъ мгновенно пропадала. Онъ проворно вскакивалъ, садился и пускался въ распросы о томъ, почему въ прошлый разъ мать ничего такого ему не говорила. Глазки мальчика горѣли живымъ интересомъ, его движенія дѣлались особенно порывистыми и онъ, въ свою очередь, фантазировалъ, что было бы съ дѣйствующими лицами сказки, еслибы того или другого обстоятельства не случилось. Если введенный Маланьей эпизодъ былъ печальнаго свойства, Мишка плакалъ, если веселаго—вскакивалъ на ноги и начиналъ на лавкѣ подпрыгивать отъ радости; когда же разсказывалось что-нибудь страшное, онъ карабкался на колѣни матери, подбиралъ подъ себя ноги и такъ врѣпко сжималъ шею Маланьи своими худыми, но сильными руками, что той становилось трудно дышать.

Благодаря живой, впечатлительной натурѣ, Мишка росъ неспокойнымъ ребенкомъ и кромѣ того часто хворалъ. Маланья очень боялась, чтобы Мишка у нея не умеръ, и какъ могла лелѣяла его. Ефимъ былъ много здоровѣе и доставлялъ ей несравненно меньше хлопотъ, хотя ему едва минуло полтора года, и все же Маланья съ особенной любовью относилась къ своему безпокойному первенцу, а не къ сговорчивому, всегда тихому Ефиму. Впрочемъ она всю свою душу клала въ дѣтей и ни одинъ изъ нихъ не былъ обдѣленъ ни заботами ея, ни лаской.

— Ну ужъ и парнечки у тебя, Михевна,—любо-дорого! Кабы Богъ привелъ мнѣ дожить до такихъ внучатъ, ничего бы мнѣ больше не надо,—сказалъ однажды Митричъ Маланьѣ, проходя съ дочками мимо, кивая сѣдой головой на ея ребятъ, игравшихъ

на песокъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ рѣки, въ то время, какъ сама Маланья полоскала бѣлье.

— А что, когда такъ, Кирила-то не женишь?—отозвалась Маланья.

— И то померкаемъ...

— Вотъ и дождешься.

По веснѣ Кирила дѣйствительно женился. Это событіе надолго заняло лобановцевъ; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль только и говорили, что о женѣ Кирила.

— Другая Степанида, — кратко опредѣлил молодую Титъ Андроничъ.

— Ужъ истинно за-живо пропала, — согласилась съ нимъ Маланья, подъ его наблюденіемъ помогавшая стричь овецъ. Прежде обыкновенно стригла съ Маланьей овецъ сама Абросимовна; но на этотъ разъ у нея болѣла рука и Фильѣ пришлось замѣнить хозяйку.

— Гдѣ Ивановна такъ больно зорка, а тутъ, на-поди, какую поддѣпила! На что она имъ экая вялая?..—продолжала Маланья.

— На племя, — шутя замѣтилъ Титъ Андроничъ. — Митричъ, того гляди, помретъ — какъ же они безъ тихаго человѣка въ домѣ останутся?

— То и есть...

— Станемъ Андрюшу женить, тебя невѣсту смотрѣть пошлемъ, ты ужъ по косточкѣ разберешь и худую не высватаешь, — вмѣшалась въ разговоръ Абросимовна.

Маланья подняла голову къ окну и разсмѣялась.

— Андрей самъ женится, онъ смысленный и его не проведешь, а вотъ Федѣ точно хорошенько выбрать надо. Уждь, дай срокъ, стану приглядывать дѣвогъ... Только противъ экаго парня скоро не найдешь: больно ужъ онъ простъ и добѣръ у васъ, да и молодецъ же, не въ урокъ сказать!

Агаея Абросимовна вздохнула и даже прослезилась. Тяжело вздохнулъ и Титъ Андроничъ. Маланья задѣла самое больное ихъ мѣсто: вопросъ о женитьбѣ Феде напомнилъ имъ о рекрутчинѣ; Федоръ былъ на очереди и осенью этого года подлежалъ призыву.

„Нечего и думать, что не уйдетъ, непременно уйдетъ. Никакого изъяна въ парнѣ, ужъ именно что всѣмъ взялъ, — когда не уйдетъ, какая ему женитьба!“ — подумали про себя старики.

XXII.

Когда у Тита Андронича предстояла какая-нибудь сложная работа, то за нее дружно принимались все, кто оказывался дома, при чем почти всегда бывала и Маланья. Дождавшись послѣ довольно продолжительнаго весенняго ненастья хорошей погоды, Титъ Андроничъ рѣшилъ, не теряя времени, заняться своимъ обширнымъ огородомъ, что по мнѣнію Абросимовны давнымъ давно слѣдовало бы уже сдѣлать, еслибы не помѣшала погода.

Маланья съ вечера было связано, чтобы она пораньше пришла помогать садить картошку и лукъ, и на слѣдующій день она вышла на работу еще до солнышка. На этотъ разъ Улиты не было дома; она ушла на богомолье верстъ за двадцать и могла вернуться не раньше, какъ черезъ недѣлю, но отказаться отъ работы у Тита Андронича Маланья не могла: она не выходила у нихъ изъ долгу и постоянно сама просила то въ одномъ помочь ей, то въ другомъ, — какъ тутъ откажешься?

Въ огородѣ Лобановыхъ она нашла пока только Фильку и Ѳедора. Ѳедоръ пахалъ, а Филька заборанивалъ вспаханное.

— Рано ты встаешь! что будешь дѣлать-то? у насъ все еще спать, — встрѣтилъ ее Ѳедоръ.

— Сѣмена развѣ не вынѣли вчера? — спросила она.

— Нѣту. Да куда сажать-то будешь? ни одной борозды не проведено. Рано было хотѣлъ я встать, да проспалъ, не всталъ, — говорилъ Ѳедоръ.

— И я насилу встала... Теперь спится, пока трава растетъ, страсть спится, и вотъ къ дождю тоже, — замѣтила Маланья, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ сладко зѣвая.

Она стояла и смотрѣла, какъ пластъ за пластомъ разрыхляется все еще очень мокрая земля подъ быстро подвигавшейся впередъ сохой Ѳедора.

— У тебя Улита-то вѣдь не дома? — спросилъ Ѳедоръ, возвращаясь къ тому мѣсту, гдѣ она стояла.

— Еще третьяго дня на богомолье ушла.

— То-то, мошь, на Святой ключъ, надо быть, ушла... Одни, стало быть, у тебя ребята-то? Шла бы ты поколь къ нимъ; изладимся, тогда кликнемъ, — предложилъ Ѳедоръ, остановившись, чтобы отдохнуть немного.

— Спать они, рано еще... Кабы лопата, а бы хоть борозды стала прогребать, чѣмъ такъ-то стоять.

— И то дѣло, — согласился Федоръ, и ушелъ во дворъ за лопатой.

Когда взошло солнце, Федоръ съ Филькой и Маланья сдѣлали уже не мало.

— Молодца-ребята! — похвалилъ ихъ Титъ Андронычъ, войдя въ огородъ.

Онъ велѣлъ Маланьѣ бросить лопату и идти къ ямѣ за картошкой. Скоро пришли и Абросимовна съ Груней, и закипѣла на огородѣ такая работа, что смотрѣть было весело.

Покончивъ съ сохой, Федоръ смѣнилъ Маланью, и она ушла провѣдать ребятъ; а Филька принялся за борозды.

Послѣ обѣда на огородѣ работали уже однѣ женщины. Мишка и Ефимъ находились тутъ же. Сначала они мирно играли съ Жучкой, ѣздили на ней верхомъ, бѣгали и валялись на лужкѣ подъ старой коряжистой рябиной, росшей возлѣ бани, но устали наконецъ и принялись реветъ, мѣшая работать не только матери, но и Абросимовнѣ. Чтобы унять ихъ, Абросимовна принесла молока съ заспой; но это успокоило одного Ефима, Мишка же продолжалъ орать, пока не заснулъ. Проснувшись, дѣти расплакались снова. Жаль было глядѣть на ихъ покраснѣвшія и мокрая отъ слезъ лица, невытертые носы, на ихъ всклокоченныя головы, но Маланьѣ некогда было и подумать подойти къ нимъ.

— Вотъ когда надо, такъ ее нѣтъ, — вымолвила Абросимовна, намекая на Улиту.

— Кабы мнѣ попросить ее, такъ осталась бы, да то думаю: богомолье! — сказала Маланья.

— Что-то намъ на томъ свѣтѣ и будетъ: все мы работаемъ, а того и въ поминѣ нѣтъ, чтобы на богомолье сходить! — проговорила Абросимовна съ улыбкой, несомнѣнно доказывавшей, что она думаетъ какъ разъ обратно.

Больше восемнадцати часовъ проработала Маланья на огородѣ Тита Андроныча, почти не отрываясь отъ дѣла и все въ наклонку; подъ конецъ Абросимовна и Груня ушли готовить ужинъ, и свеклу Маланья досаживала уже одна. Ноги подъ ней дрожали и подгибались, поясница и руки ныли, голова была тяжела какъ у пьяной; но несмотря на все это, когда она взглядывала на ровные ряды только-что засаженныхъ грядъ, она испытывала живое удовольствіе, и только гдѣ-то глубоко, на самомъ днѣ души ея, шевелилось тоскливое сознание, что собственный ея огородъ представляетъ пустырь... „Когда-то я его перекопаю и чѣмъ-то засажу?“ спрашивала себя Маланья, кончая работу у Тита Андроныча.

Она съ трудомъ подняла Мишку, во второй разъ заснувшего подъ рябиной, на руки и, шатаясь, поплелась съ нимъ къ своей избѣ, куда за минуту передъ тѣмъ Груня принесла спавшаго у нихъ Ефима.

— Иди ужинать, Михевна!—отодвинувъ окно и заглядывая въ него, позвалъ Маланью Филька, немного спустя.

— Ой, Филь! — крошечки я не хочу... Скажи, чтобы не ждали... спать, моль, легла... — усталымъ голосомъ отозвалась Маланья, сидѣвшая на неубранной съ утра постели, въ ногахъ дѣтей. Сложивъ съ рукъ спавшаго Мишку, она сѣла подлѣ, да такъ въ крайнемъ утомленіи и продолжала сидѣть.

— Нешто не ѣвши спать ляжешь послѣ экой работы?—удивился Филька.

— И подумать ѣсть не хочу, — повторила Маланья еще слабѣе.

— Какъ знаешь... Такъ, значить, и сказать—не придешь?—переспросилъ Филька еще разъ для вѣрности.

— Нѣту, нѣтъ, — не ждите.

Филька задвинулъ окно и ушелъ, а Маланья перекрестилась, передвинулась дальше къ изголовью и сейчасъ же глубоко заснула.

— Эй, Михевна! напой кваскомъ съ устатку!—постучалъ въ окно Маланьи Титъ Андронычъ на другое утро, возвращаясь съ сохой изъ ея огорода, едва она проснулась.

— Дай кваску!.. не даромъ же я тебѣ работалъ!—смѣясь, обратился онъ къ выглянувшей изъ окна Маланьѣ.

— Нешто вы сами, Титъ Андронычъ, пахали?—могла только выговорить Маланья, когда поняла, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— И не пахалъ бы, да старуха совсѣмъ загрызла. Я было завтра желалъ ребятъ послать въ тебѣ съ сохой, такъ Абрисимовна забрезжалась... Чтобы отвязаться отъ нея, взялъ и вспахалъ самъ,—говорилъ Титъ Андронычъ, принимая отъ Маланьи жбанъ.

— Сама собиралась гряды перекопать, просить и не думала; и такъ ужъ за всякую пору все къ вамъ да къ вамъ... Хотя бы и вправду Оедю либо Фильку заставили, а то сами!

— Въ правлене оба у меня они ушли чѣмъ свѣтъ. Дороги править заставляютъ,—архирей, слышь, ѣдетъ въ Покровское. И Фильку прослать заодно; потому, ежели имъ тамъ въ спѣху, такъ онъ изъ правленія прямо на дорогу и пройдетъ.

— Дай вамъ Богъ здоровья, Титъ Андронычъ!—благодарила Маланья.

— Сама не лѣнива, — промолвилъ Титъ Андроничъ, уходя изъ-подъ окна.

Маланья сейчасъ же отправилась въ огородъ и сейчасъ же принялась за борозды, хотя, впрочемъ, скоро оставила ихъ, найдя, что прежде чѣмъ взяться за работу снова, не мѣшаетъ поѣсть. Вообще на своемъ огородѣ она работала не такъ усердно, какъ у Тита Андронича. Она часто уходила къ ребятишкамъ, кормила ихъ, уговаривала, если они плакали, укладывала ихъ спать, и только когда ребята спокойно играли или спали, шла на огородъ снова. Благодаря этому, засаживаніе грядъ подвигалось медленно, но зато на душѣ Маланьи было много спокойнѣе, чѣмъ въ предыдущій день, и утомленія на этотъ разъ она не испытывала никакого.

— Богъ на-помочь, Михевна! — окликнулъ ее Федоръ подъ вечеръ, подойдя къ плетню, раздѣлявшему ихъ огороды одинъ отъ другого.

— Самъ на-помочь иди! — позвала его Маланья.

— И то иду, — сказалъ Федоръ, перебрасывая черезъ плечъ бывшія у него на плечѣ тычины.

— Чего ты это? — изумилась Маланья.

— Не видишь развѣ — гостинца тебѣ несу. Послѣ хмель уродится, такъ хоть пивомъ напоишь...

— Ну, ужъ и Федя же! — всплеснула Маланья руками. — И гдѣ ты это взялъ ихъ столько?

— Фильва притащилъ. Я у себя, которыя подгнили, перемѣнилъ, а эти не при чемъ остались; вотъ тебѣ и принесъ, чѣмъ имъ даромъ-то лежать...

Федоръ нагнулся и перелѣзъ въ огородъ Маланьи черезъ распатанное прясло плетня.

— Ахъ, больно мнѣ тычины-то надо! Ужъ такъ ли ты мнѣ удружилъ, и сказать нельзя! — съ искренней благодарностью твердила Маланья.

— Знаю, что надо, а свои у насъ крѣпки, не одинъ еще годъ простоятъ, — вынимая изъ-за пояса топоръ, проговорилъ на это Федоръ.

— Вправду архирей ѣдетъ? — спросила Маланья, помогая ему разбрасывать съ хмельника покрывавшую его солому и освобождая изъ-подъ нея довольно уже длинныя побѣги хмеля.

— Ёдетъ, либо нѣтъ еще... У нихъ все кто-нибудь да ѣдетъ... Какъ только работа у людей, такъ они и поѣхали... Кабы не отдернули съ дорогой, наземъ бы теперь въ самый разъ возить.

— Видно и завтра Филька на дорогу пойдет?

— Чего однимъ днемъ сдѣлаешь, — извѣстно, пойдет. Назьмы ужъ, выходитъ, послѣ воскресенья.

— И послѣ воскресенья ничего, не поздно. Ладно говорятъ: пасха ранняя и весна ранняя, — сказала Маланья, отходя къ грядамъ.

„Ай да Одея! Словечка не говорила, а вспомнилъ. И хоть про огородъ сказать — самъ Тить Андроничъ вспахалъ! Чужіе-разчужіе, а ужъ жалѣють, нечего сказать. Вонъ какъ старается, ровно за своимъ. Кабы въ половину Мишка у меня такимъ выросъ, какъ Одея, умирать бы мнѣ тогда не надо“... думала Маланья, взглядывая по временамъ на красивую темнорусую голову Оедора, усердно вбивавшаго въ землю жердь за жердью.

— Шабашъ! Теперь пиво за тобой! — сказалъ Оедоръ, покочивъ работу.

— Спасибо, Одея голубчикъ! Ужъ такое ли спасибо, что и не знаю... Пospѣеть хмель, нарочно пиво сварю; вотъ и погляди, что сварю! — пообѣщала Маланья.

Оедоръ застыдился.

— Не нужно мнѣ твоего пива, пошутилъ я... Лучше о Троицѣ веди опять хороводъ въ луга! — сказалъ онъ.

— Не до хороводовъ мнѣ, Оедюнь!

— А намъ какъ быть-то? Безъ тебя ни единой дѣвки не отпустить, а поиграть смерть охота. Отведи еще эту Троицу; сама знаешь — она послѣдняя у меня... Вотъ уйду въ солдаты, такъ тогда какъ хочешь, а нынче какъ за рѣкой не поиграть?..

— Ни къ чему про солдатство завелъ! — съ сердцемъ оборвала Маланья. Она не выносила, когда при ней заговаривали объ очереди Оедора.

— Что изъ того, что очередь? не каждаго берутъ. Андрей былъ же на очереди, да не ушелъ, — говорила Маланья.

— Взялъ дальній номеръ — и не ушелъ. Такое ужъ его счастье. Это рѣдкость. А ты думаешь — тутъ своя воля, захотѣлъ взять дальній жеребій и взялъ? Больно жирно. Этакъ всякій бы захотѣлъ! — возражали ей.

Въ волости твердо держалось убѣжденіе, что дальній жеребій Андрея въ ревужскомъ присутствіи нарочно подстроили, что Андрея Тить Андроничъ просто-на-просто откупилъ, и были увѣрены, что и второго своего сына онъ также откупить. Маланья ничего такого не думала, но ей все казалось, что ужъ если Андрей остался, такъ Оедору, который по всему, на ея взглядъ, былъ лучше брата, Богъ и подавно приведетъ остаться.

XXIII.

Дожили и до Троицы. Лобановцы одинъ за другимъ, кто проѣзжей дорогой черезъ околицу, кто пд-низу, тропинкой, за-легшей въ лѣсу надъ рѣвой, шли къ обѣднѣ въ Покровское, всѣ съ пучками зелени въ рукахъ, всѣ разодртыя не хуже, чѣмъ въ пасху.

Несмотря на порывистый вѣтеръ, гнавшій съ юга рѣдеія блѣдно-сѣрыя облака, было очень жарко, хотя день едва начался и солнце поминутно перемежалось. Срѣзанныя наканунѣ березки, которыми Маланья убрала окна и ворота, а также внутренность своей избы, успѣли завянуть совершенно; самыя вершинки вѣтокъ засохли даже и при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра своими свернувшимися сухими листочками шуршали таеъ надоѣдливо, что Маланья едва удерживалась, чтобы не сорвать ихъ съ мѣстъ и не изрубить на топливо.

Не меньше засохшихъ березокъ раздражалъ ее и праздничный нарядъ ея. Съ какимъ удовольствіемъ сняла бы она съ себя крупноцвѣтный кумачевый сарафанъ, бѣлую вѣнчалную рубашку, французскій платокъ съ головы, съ шеи шаль, надѣла бы все „ежидѣнное“ и вмѣсто того, чтобы идти, какъ и другіе, въ церковь, взялась бы за какую-нибудь работу! Ей сразу же стало бы легче. Но она живетъ на глазахъ у людей, а потому ей и думать нечего поступить такъ, какъ хочется. „Кабы осудили только, что праздниковъ не наблюдаю, а то спрашивать стануть, обо всемъ догадаются, жалѣть начнутъ... хуже ножа востраго!“ думаетъ Маланья, сидя на заваленѣ и ожидая ребятишекъ, убѣжавшихъ въ огородъ за черемухой.

Вчера Кирило вернулся изъ города и Маланья тотчасъ же пошла спросить, не видалъ ли онъ Ивана, не заказывалъ ли ей Иванъ что, не прислалъ ли сколь-нибудь денегъ?

— Видѣть-то твоего Ивана я видѣлъ, нарочно заходилъ, да только онъ и на ногахъ не стоитъ... По началу призналъ меня, а потомъ замололъ не-вѣсть что... Компания у него сумнительная и тоже выпивши всѣ; ну, потому какъ при мнѣ деньги были, я и ушелъ,—сообщилъ ей Кирило, выпрягая подъ навѣсомъ свою взмыленную лошадь.

Маланья помолчала.

— Кирило!—позвала она наконецъ какъ-то странно-глухо.

Кирило съ удивленіемъ оглянулся на нее.

— Ты своимъ не сказывай про Ивана!—попросила Маланья.

— Какая мнѣ нужда...

— И никому не сказывай — ни одной душѣ!

— Съ чего я говорить стану? — не мое дѣло.

— Никому не говори! — повторила Маланья мрачно.

Кириѣ стало жаль ее.

— Напрасно и тебѣ-то сказала, — проговорилъ онъ. — Велика важность, что человекъ захмелѣлъ! Мало съ вѣмъ не случается — не дѣвка. Не все пируетъ. Кабы все-то пировалъ, развѣ стали бы его на жаловань держать? — попытался успокоить онъ Маланью.

— Это ты вѣрно, Кирило! — сказала она чуть слышно и медленно пошла домой.

Остатокъ дня Маланья была сама не своя: ни дѣло у нея не спорилось, ни слова не шли съ языка.

— Что ходишь какъ въ воду опущенная, или Кирило худыя вѣсти про Ивана привезъ? — спрашивала ее Улита.

— Зачѣмъ худыя... Живъ, говорить, здоровъ, — поспѣшила Маланья удовлетворить участливое любопытство Улиты.

Однако Улита не успокоилась: едва ушла Маланья въ лужокъ за березками, она отправилась въ самому Кирилу за болѣе точными свѣденіями.

— Здорово, Кирило Иванычъ! Каково тебя Богъ сносилъ? — начала Улита, опускаясь на лавку.

— Ничего... — неохотно пробурчалъ Кириль.

— Ну, а нашей-то горюшѣ что изъ города привезъ? — много ли муженекъ-то дорогой ей отсыпалъ? Не больно, видно, раскошеллся, — баба-то, бѣдная, ночь-ночью ходить...

Кириль всталъ съ мѣста, чтобы уйти вонъ.

— Впрямь, Иванычъ, привезъ ты ей хоть грошъ какой, или нѣтъ? — спросила Улита, тоже вставая.

— Ступай да ее и спрашивай! — еще непривѣтливѣе проговорилъ Кириль, отворяя дверь.

— А тебѣ долго сказать? убудетъ тебя со слова-то? — обидѣлась Улита.

— Ничего, надо быть, не привезъ, — сказала ей Ивановна, когда сынъ вышелъ.

— Пойдемъ, Михевна, пожалуйста, пойдемъ! Чего тебѣ о ребятахъ гужить? развѣ Улита не поглядитъ за ними? — жалобно упрасивала Арина, сейчасъ же послѣ обѣдни явившись къ Маланьѣ вмѣстѣ съ обѣими своими сестрами и еще двумя дѣвушками изъ сосѣдней деревни, родственницами Кириловой молодухи.

— Отчего невѣстку свою не зовете? она моложе меня и

сама бы играть съ вами стала, — отговаривалась Маланья, чувствуя особенное нерасположеніе быть на людяхъ.

— Еще къ Степанидѣ насъ пошли! какъ тебѣ не стыдно!.. — упрекнула ее Арина.

— Ну, Лизавету просите. Кабы голова у меня не болѣла, слова бы я не сказала, какъ и прежде, — говорила Маланья, продолжая отказываться.

— Груню съ Лизаветой не отпустить; кромѣ тебя, ее ни съ кѣмъ не отпустить, — возразили ей.

— Ну-ка ты, материнъ привѣсокъ, пусти меня! — отстранила Арина Мишу и, помѣстившись на лавкѣ рядомъ съ Маланьей, чуть не со слезами обратилась къ ней снова: — Дорогая, Михевна, золотая, хоть черезъ силу да пойдѣмъ!

— Чистая ты дичь, Арина! привязалась ровно лихоманка.

— Голубушка, матушка родная!.. — продолжала Арина.

— Ну, молитѣ дѣвки Бога за Андроничева Ѳедю!.. Кабы не онъ, ни въ жизнь бы я съ вами не пошла; такъ онъ еще за сколько времени просилъ про Троицу. Вонъ онъ! — сказала Маланья, указывая въ окно. Какъ разъ въ это время она увидѣла Ѳедора, вмѣстѣ съ Филькой подходившаго къ ея избѣ, и вспомнила свой разговоръ съ нимъ въ тотъ вечеръ, когда онъ принесъ ей тычины для хмеля.

Черезъ нѣсколько минутъ дочери Митрича, ихъ гости дѣвочки, Груня Тита Андронича, Ѳедоръ, Филька, Сенька Никиты и Наталька Арефы, подъ предводительствомъ Маланьи, весело направились къ рѣкѣ, чтобы переплыть на противоположный луговой берегъ, обычное мѣсто хороводовъ прибрежныхъ деревень, и ихъ звонкая пѣсня долго не умолкала въ воздухѣ.

Лобановцы пѣли еще настоящія деревенскія пѣсни, не тѣ, что слышатся вблизи городовъ, а старыя, доподлинно народныя, необыкновенно характерныя по мотивамъ и по содержанію:

Въ широкѣмъ долу рѣчка протекала
Быстра, глубокая;
По ней лодочка плыла кленовая
Кленова, косная..

— пѣли на лодкѣ лобановцевъ, быстро приближавшейся къ берегу. Вода все еще стояла большая и мелей пока не замѣчалось; поэтому плыли прямо наперерѣзъ, и не успѣли гребцы затануть другой пѣсни, какъ лодка, миновавъ кусты ивняка, уже причалила у крутого обрыва. Но взобраться въ этомъ мѣстѣ наверхъ не представлялось никакой возможности, и молодежь, не переставая

пѣть, пошла низомъ до болѣе удобнаго подъема. Дѣвушки шли впередъ, парни за ними, а позади всѣхъ Маланья съ Наталькой.

— Эй, ребята, поглядите-ка, вѣдь это къ намъ гребутъ, ей-Богу, къ намъ, вотъ такъ оказія! — указала Арина на лодку, плывшую сверху къ тому самому мѣсту, гдѣ качалась на причалѣ и лодка лобановцевъ.

Вся компанія остановилась и глядѣла на приближающуюся лодку, въ которой сидѣло четверо парней, разодѣтыхъ въ ярко-цвѣтные рубахи и кушаки.

— Я знаю чьи: это прошинцы-подлецы! — заявилъ Филька.

— Что ты лаешься, ничего не видя! — остановила его Арина.

— А вотъ и лаюсь... Я имъ такого покажу, что и другимъ забавутъ по чужимъ хоровамъ шататься! — съ необычной для него энергіей проговорилъ Филька, съ азартомъ выламывая на случай торчавшій изъ берега надъ его головой сухой отростокъ сосноваго корня.

— Спятиль ты, что-ли! — и Федоръ выдернулъ изъ его руки суковатый корень и далеко забросилъ его въ кусты.

— Знаю я ихъ — коршунье проклятое! Не вступайся не въ свое дѣло! — закричалъ на него совершенно вышедшій изъ себя Филька.

Федоръ плюнулъ и пошелъ впередъ; за нимъ потянулись и дѣвушки, а Филька принялся выламывать новое оружіе.

Маланья продолжала стоять неподалеку отъ своей лодки, держа Натальку за руку, и когда прошинцы причалили, она внимательно осмотрѣла парней. Всѣ они оказались трезвыми и вообще произвели на Маланью благоприятное впечатлѣніе.

— Хотѣли въ вашу компанію играть проситься — дозволите ли, вѣтъ ли? — заговорилъ первымъ вышедшій на берегъ видный и степенный парень, снимая картузь и обращаясь къ Филькѣ и Маланьѣ вмѣстѣ.

— А этого не хочешь? — становясь передъ нимъ въ воинственную позу и потрясая здоровеннымъ сукомъ, спросилъ чужого парня Филька.

— Тебя не задираютъ, и ты не задирай! — сдержанно отвѣтилъ ему тотъ.

— Вы съ Прошина? — спросила вновь прибывшихъ Маланья.

— Оттуда.

— Чьи?

— Я — Гурьяновъ, тѣ двое — Ивана Степаныча, а это — Осиповъ.

— Отцовъ-то я знаю, все хорошіе, — замѣтила Маланья.

— Да не сомнѣвайтесь, сдѣлайте милость! никакой худобы

отъ насъ не будетъ. Очень просто, поиграть захотѣлось... — ободренный спокойной рѣчью Маланьи, заговорилъ сынъ Гурьяна уже смѣлѣе.

— Нечего вамъ съ нашими дѣвками играть, есть васъ, псовъ! ищи васъ, дьяволовъ, потомъ. Огрѣть вотъ вашего брата хорошенько, такъ вотъ вамъ и вся игра! — оралъ Филька что было мочи.

— Чего ты изъ кожи лѣзешь? не съ тобой говорятъ! — прикрикнули на Фильку остальные парни, знавшіе, что Филька только работникъ, т.-е. самъ чужой въ Лобановкѣ.

— Добромъ будете играть, такъ играйте, — вмѣстѣ веселѣе, а баловаться и не думайте — не таковскія у насъ! А ежели добромъ, милости просимъ! — положила Маланья вонецъ спору.

— Вотъ поворно тебѣ благодаримъ! Известно, безо всякой безъ обиды, а только чтобы, значить, поиграть на людяхъ. Дома у насъ нонѣ крошечки не съ кѣмъ — въ осеняхъ всѣхъ дѣвокъ роздали, — заговорили парни, идя слѣдомъ за Маланьей къ остальнымъ, стоявшимъ невдалекѣ.

Филька умолкъ, но не смирился. У него были свои основанія не желать присутствія чужихъ. Онъ намѣревался жениться во второй разъ, и одна изъ родственницъ Кириловой молодухки, именно Анисья, бѣлесоватая, круглолицая дѣвушка, представлялась ему какъ нельзя болѣе подходящей къ нему женой. Филька ужъ и справки навелъ о ней у Арины. Оказывалось, что Анисья не изъ богатыхъ, и братья съ удовольствіемъ отдадутъ ее и за работника, только бы присватался. „И вдругъ прошинцы изъ-подъ носа ухапять!“ думалъ Филька и продолжалъ звѣреть глядѣть на пришедшихъ со стороны.

— Чуть насъ и пропустили. Работникъ вашъ замало живыхъ не съѣлъ. Ты вотъ и хозяйскій сынъ, да молчишь, а вашъ Филька хуже собаки, — бѣда чистая! — сказалъ Федору, здороваясь съ нимъ, старшій изъ сыновей Ивана, Алексѣй.

Федоръ добродушно разсмѣялся.

— Ужли же мы сами себя не понимаемъ! Знаемъ тоже, что можно, чего нельзя... Кабы за худымъ шли, не сюда бы пришли, — говорили прошинцы.

— Нечего зубы-то заговаривать! — проворчалъ Филька, все еще не выпуская изъ рукъ сука.

— Про лобановскихъ никто худа не скажетъ, не дураки и мы, — твердили парни.

— Невѣсть, небойсь, выбирать пришли? — извилъ Филька.

— А хоть бы и невѣсть, тебѣ что? На вашихъ дѣвушкахъ

жениться не зазорно; вотъ, дай срокъ, поглядимъ, можетъ въ которой-нибудь сердце и припадетъ! нарочно громко отстрѣливались отъ Фильки прошинцы.

— Лодыри! — было имъ презрительнымъ отвѣтомъ.

— Будетъ тебѣ, Филька! Что и вправду задоришь? Я не хуже твоего съумѣю горло перервать, ежели будетъ за что; а что зря-то лаять?—остановилъ его Федоръ.

Открылась широкая и ровная лощина, только мѣстами поросшая кучами старыхъ сосенъ съ густой порослью вокругъ нихъ мелкихъ черемухъ и рябинъ, шиповника, малины, волчьихъ ягодъ.

— Лучше этого мѣста не найти, братцы! Мы все тутъ играемъ,—обратился Федоръ къ прошинскимъ парнямъ.

— Лучше и не надо,—согласились тѣ.

Сейчасъ же образовалось живое кольцо хоровода; каждый парень сталъ съ той изъ дѣвушекъ, которая понравилась ему больше другихъ, и громкая дружная пѣсня вновь огласила окрестность.

У царевыхъ у воротъ
Стоялъ дѣвій хороводъ;
Мимо ѣхалъ княжій сынъ,
Зашелъ въ дѣвій хороводъ,
Ступилъ дѣвѣ на ногу... и т. д.

Лица и глаза дѣвушекъ блестѣли живымъ удовольствіемъ; всѣ онѣ разрумянились, всѣ улыбались той неопредѣленной улыбкой тихой радости, которая является въ минуты, когда на душѣ легко и ясно.

Даже Филька казался умиротвореннымъ. Очевидно, онъ не думалъ больше о соперникахъ—иначе голосъ его не звучалъ бы такъ увѣренно и плечомъ не поводилъ бы онъ такъ молодецки, точно и не вдовець совсѣмъ.

Разноцвѣтные ситцы шумѣли на славу, дешевыя серьги и бусы сверкали на солнцѣ не хуже драгоценныхъ каменьевъ, но еще ярче горѣли взгляды юныхъ деревенскихъ красавицъ, сначала такіе бѣглые и робкіе, а потомъ все болѣе и болѣе смѣлые и продолжительные, которыми онѣ дарили ставшихъ рядомъ съ ними парней.

Федоръ не выбиралъ пары; у него не было еще никакой зазубы, и одна Арина могла бы сказать, почему онъ стоялъ въ кругу рука въ руку именно съ нею. Но общее веселье и избытокъ собственнаго здоровья и благодушія дѣлали то, что Федоръ чувствовалъ себя не хуже другихъ, хотя и ходилъ въ хоровадѣ безъ всякой задней цѣли, безъ всякаго завѣтнаго чувства. На

время у него, какъ у Фильки прошинцы, совершенно вышла изъ головы мысль о близкой очереди, и онъ пѣлъ, шутилъ и улыбался отъ всего сердца.

Маланья одиноко сидѣла на опушкѣ лѣса, подпѣвая про себя хороводной пѣснѣй и наблюдая двигавшіяся передъ нею пары. „Ужъ и всталъ же съ кѣмъ—съ Ариной! Не нашель чернѣе-то... Ладно солдатство на носу, а то не долго и окрутатъ, пожалуй, парня-то... Ивановна дошлая—живо оболтаеть“, —думала Маланья, глядя на Федора, съ самымъ счастливымъ видомъ улыбавагося Аринѣ.

„Вотъ я такъ ни разу въ жизнь свою въ хороводѣ не играла --ни разочива! Прежде этакъ же въ Троицу пойдуть дѣвки съ пѣснями за село—какъ хотѣлось, бывало, пойти и мнѣ вмѣстѣ съ ними, и ни разу бабушка не пустила... Только о Рождествѣ, случалось, урвешься на часокъ на игрище, да и то все силкомъ, все съ бранью, все некогда было!“ вспоминала Маланья свою молодость.

„Такъ ужъ это человѣкомъ,—продолжала она—какъ кому за-дастся. Я вотъ и дѣвичей воли не видала, и замужемъ не женой живу; а Арина и не лучше меня, да какъ подцѣпить эваго совола, станетъ жить да радоваться. Одрамъ завсегда счастье. Я бы на ея мѣстѣ и подумать-то о Федѣ не смѣла, а она, гляди, какъ юлитъ передъ нимъ, ровно и вправду стоящая“.

Маланья опустила голову и глубоко задумалась.

„Что-то съ Ивановъ теперь дѣлается? Можетъ, и опять пьанѣхонекъ? Долго ли же это станемъ мы порозну-то жить съ нимъ?“—спрашивала себя Маланья и на нѣкоторое время совершенно позабыла, гдѣ она находится.

Вся разгорѣвшаяся, чернобровая, черноглазая Груня пришла и сѣла рядомъ съ нею.

— Наигралась?—спросила ее Маланья, очнувшись.

— Кабы не ты, Михевна, не видать бы намъ сегодняшняго веселья!—сказала Груня, не отвѣчая на вопросъ.

Маланья внимательнѣе взглянула на нее.

— А перстни у тебя всѣ цѣлы?—спросила она дѣвушку.

— Развѣ я отдамъ!—отвѣтила Груня въ смущеніи.

— Ни подъ какимъ видомъ не давай. Мало они чего не наговорятъ, играючи. Взять кольцо—возьмутъ, да потомъ надъ тобой же и надсмѣются, другимъ твое кольцо показывать будутъ, худая слава пойдетъ, Боже сохрани!—говорила Маланья озабоченно и строго.

— Какъ у Семенихи на Чиркахъ,—сказала Груня.

— Ну, вотъ. Это такъ только говорится: „Дай колечко — сватовъ пошлю“, — передразнила Маланья парней: — если желаютъ, пускай безо всякаго залога засылаютъ сватовъ.

— Гурьяновъ Родя на этой же недѣлѣ сулитъ тетеу къ намъ послать; божится, что пошлетъ... Ой, больно я, Михевна, боюсь!.. Какъ онъ сказалъ мнѣ это, сердце у меня такъ и упало, и играть теперь неохота.

— Вотъ отчего ты присмирѣла! Ну, чего бояться? дай Богъ! Парень точно картина, и домъ, и родъ хороший, за тебя бы перешло, — участливо говорила Маланья, стараясь успокоить взволнованную дѣвушку.

— Самъ-то Родя мнѣ ничего, такъ вотъ только боязно-то ужъ очень — такъ бы, кажись, и заревѣла! — продолжала Груня.

— И охота же это тебѣ съ молодежью по лугамъ шататься! Наплевала бы я имъ. Послѣ чѣдъ сдѣлается, отвѣчай поди! — говорила на слѣдующій день Степанида Маланьѣ, идя вмѣстѣ съ нею къ рѣкѣ за водой.

— А чему сдѣлаться-то? — переспросила Маланья, намѣренно не понимая только-что высказаннаго замѣчанія.

— За дѣвками развѣ углядишь? — продолжала Степанида: — ни подь какимъ бы видомъ не взяла я ихъ на свои руки, Боже упаси! А ты смѣла!..

— Да въ чемъ тутъ смѣлость моя?.. — уже съ замѣтнымъ раздраженіемъ спросила Маланья у своей спутницы.

— Ты во всемъ смѣла, — стояла Степанида на своемъ: — ты вотъ одна куда угодно пойдешь, и утромъ рано, и вечеромъ поздно — все тебѣ ни почемъ, а мнѣ ни въ жизнь не пойти. На что Покровское близко, а и туда, ежели доведется одной идти, когда вонъ на базаръ за чѣмъ надо, такъ я издрожусь вся.

— Чего же ты боишься? — удивлялась Маланья, въ то же время думая: „хорошо тебѣ такъ разсуждать, когда у тебя и лошадь своя, и денегъ не съ моё, да и по базарамъ больше мужъ ходитъ“.

— Того боюсь, — сказала Степанида, — что неровѣнь часъ: набѣжитъ на тебя какой озорникъ, хватай его потомъ. Намъ еще мама-повоенка завсегда говорила: „смотрите, дѣвки, опасайтесь, потому неровѣнь часъ“.

— На двухъ-то поляхъ кто на тебя набѣжитъ? — съ презрительной усмѣшкой спросила Маланья, которой еще и потому невозможно было допустить, чтобы страхъ Степаниды имѣлъ хоть

какое-нибудь основаніе, что на ту положительно тошно было смотрѣть.

— Не бывала ты въ передѣлѣ-то, такъ не знаешь... Нѣтъ, вонъ, сказываютъ, прошлагодь баба отъ Чирковъ коровъ искать ходила,—начала-было Степанида снова.

— Либо сама твоя баба больно хороша, либо все врутъ,—перебила Маланья:—хоть голову мнѣ руби, не повѣрю, чтобы живого человѣка можно было изобидѣть! да я бы и глаза-то всё выпарапала!—горячо заявила она.

Степанида только съ сомнѣніемъ повачала головой на это. „Вотъ ты шваль! Чистое чудо морское, а туда же... Другой, пожалуй, послушаетъ. Все душой зовуть... Нѣтъ, она не дура!“ — не безъ страха за репутацію лобановскихъ дѣвушекъ, пуще всего за Грунину, думала Маланья, зачерпывая воду.

Сваты отъ Гурьяна въ Духовъ же день пріѣхали въ Титу Андроничу, но онъ отказалъ имъ до осени.

— Женихъ хорошій, словъ нѣтъ,—сказалъ Титъ Андроничъ,—да не то у меня на умѣ теперь. Вотъ, дайте срокъ, отойдетъ наборъ, тогда буде чтѣ будетъ, а теперь ужъ какое намъ пированье... Большимъ мясѣдомъ пожалуйста.

XXIV.

Передъ Петровымъ днемъ Маланья чуть не на недѣлю уѣхала съ семьей Тита Андронича въ луга, находившіеся въ десяти верстахъ отъ Лобановщины, на рѣчкѣ Прошвѣ, недалеко отъ мельницы Прохора Терентьяча Гнусова, на которой издавна молола вся округа. Крѣпостной покосъ Тита Андронича, „Шепелиха“, состоялъ изъ шестнадцати десятинъ заливного луга и даже въ неурожайные годы давалъ столько сѣна, что его съ избыткомъ хватало на круглый годъ. Надѣльный покосъ, крайне незначительный по пространству, былъ поэтому у Тита Андронича между прочимъ, и косилъ онъ его обыкновенно уже тогда, когда сѣно на Шепелихѣ было совсѣмъ убрано, скошено, высушено и сметано.

На этотъ разъ на Шепелиху отправились на двухъ подводахъ. На первой Титъ Андроничъ и Федоръ, на другой—Груня, Маланья и Фильба. Бастрыки, косы, брусья, вилы и грабли положили въ телѣгу Тита Андронича, а все остальное,—массу печенаго хлѣба, боченокъ съ квасомъ, котель, ведро, буракъ, чашки и ложки, погрузили на заднюю телѣгу, благодаря чему Маланья

съ Груней пришлось взгромоздиться такъ высоко и сидѣть такъ неудобно, что при малѣйшемъ неожиданномъ толчкѣ на пути онѣ рисковали слетѣть подѣ колеса.

А Абросимовна несла еще кадущу съ кислымъ молокомъ.

— Неуды къ намъ, мамъ!—протестовала Груня:—и то едва сидимъ; неси къ тятѣ!

— Не пуцу я съ кадущкой — ну васъ! Помрете, что-ли, одну-то недѣлю безъ молока?—отстранилъ ношу Абросимовны и Титъ Андроничъ.

Абросимовна растерянно остановилась.

— А я еще нарочно изъ дѣльнаго квасила, чтобы съ устатку-то вамъ послаще, — сказала она съ огорченіемъ.

— Давай сюда!—протянулъ къ ней руки Федоръ.

Обрадованная Абросимовна особенно ласково улыбнулась ему.

— И еще чего сладкаго нѣтъ ли, несли бы—мѣсто найдется,—сказаль ей Федоръ, также улыбаясь.

— Не видаль дряни, жмись теперь всю дорогу!—замѣтилъ сыну Титъ Андроничъ, однако посторонился и пропустилъ кадущу.

— Не зачѣмъ жаться, не тѣсно у насъ,—положительно произнесъ Федоръ.

На крыльцѣ показался Андрей.

— Видно, и тебѣ, Андрей Титичъ, покосить охота?—спросила Маланья.

— А ты думала, ты одна святая?—сказаль ей Андрей.

— Сладость, думаешь, косить-то? По твоему, въ гулянку-то развѣ лестно, а если взаправду, такъ не больно, смотри, сладко... Забылъ, поди, какъ и косу-то держать,—смѣялась Маланья.

— Ужд приду, такъ поглядимъ, сама-то каково работаешь,—пригрозилъ ей Андрей.

— Только не позабудь, что у тебя коса въ рукахъ; подумаешь за кой грѣхъ—возжи либо бичъ, такъ вотъ смѣху-то будетъ,—впередъ смѣясь, трунила Маланья.

А въ это время Абросимовна упорно глядѣла на нее, стараясь уловить мгновение, когда бы можно было еще разъ повторить ей просьбу побережечь Груню.

— Ну, благословляйте! — сказалъ Титъ Андроничъ, снимая картузь и врестаясь. — Смотрите же, здѣсь безъ насъ хорошенько...

— Поѣзжайте съ Богомъ со Христомъ!—крестила Абросимовна съѣзжавшія со двора телѣги.

— Не забудь Улитѣ сказать, чтобы пуще ребятъ караулила, не убѣжали бы какъ-нибудь къ рѣкѣ!—попросила ее Маланья.

— И ты, Михевна...—начала-было Абросимовна.

— Сказано тебѣ было!—понимая съ полуслова, прервала ее Маланья, такъ выразительно вивнувъ головой, что у Абросимовны пропала всякая боязнь за дочь.

— Не давай ей черезъ силу косить! и безъ нея есть кому, успѣють, уберутся. Закликай, если чтѣ неладно скажетъ; не дома косить будете, а въ даяхъ: вругомъ народъ все чужой; того гляди, на смѣхъ дѣвку подымутъ. Безъ себя далеко не пускай; можеть, купаться захочеть, либо за ягодами въ кусты убредеть, иди и ты съ ней. Во всемъ присмотри!—набазывала Абросимовна Маланьѣ тихонько отъ Груни среди сборовъ на покосы.

И вотъ теперь, въ послѣднюю минуту, во взглядѣ и окликѣ Абросимовны тревога матери сказалась еще разъ съ особенной силой. Маланья почувствовала это и коротко, но также особенно краснорѣчиво еще разъ повторила свое обѣщаніе беречь Груню какъ зѣницу ока.

Выбравшись на улицу, перекрестился и Фильва. Перекрестились Маланья и Груня и закричали не своимъ голосомъ, такъ какъ боченокъ и прочая утварь, на которой онѣ помѣщались, заходили подъ ними ходенемъ.

— Эй вы, потише!—проговорилъ Тить Андрончъ, оглянувшись на нихъ, но въ это самое мгновеніе Груня окончательно просѣла между находившимися подъ ней вещами, а Маланья, потерявъ равновѣсіе, точно перышко слетѣла съ телѣги и теперь сидѣла на землѣ, охая и потирая подвернувшуюся при паденіи ногу.

Тить Андрончъ остановился.

— Э-эхъ!—прокряхтѣлъ онъ и велѣлъ Ѳедору самому уложить хламъ на задней телѣгѣ.

Подошли Абросимовна съ Андреемъ, достали топоръ, принесли веревокъ, и черезъ нѣсколько минутъ косцы тронулись въ путь снова, на этотъ разъ уже благополучно.

Было очень рано, и въ Лобановкѣ еще и не думали вставать, когда Тить Андрончъ проѣзжалъ по деревнѣ; даже овцы, спавшія у околицы посреди дороги, едва поднялись съ своихъ мѣстъ при приближеніи его телѣгъ.

Нѣкоторое время Груня боялась, что подъ ней снова все разсыплется, но убѣдившись, наконецъ, что опасности быть изувѣченной больше не предстоитъ, успокоилась и, приклонивъ голову къ колѣнямъ Маланьи, задремала.

Протянувшись поперекъ телѣги, Фильва спалъ какъ убитый.

— Вались и ты за-одно!—крикнулъ Маланьѣ Ѳедоръ.

Но Маланьѣ и въ голову не приходило спать. Въ ней забродили старыя дрожжи, и она не могла насмотрѣться на темный лѣсъ, стѣной стоявшій по обѣимъ сторонамъ дороги, на изгородь, на тряскіе мостики, на полевые ворота при поверткахъ. Точь-точь по такимъ мѣстамъ и часто также рано случалось проходить ей съ отцомъ, переходя изъ деревни въ деревню за милостыней. „Поди, и кости-то его всѣ ужъ сгнили“,—думала Маланья съ такой жалостью къ своему давно умершему отцу, какъ будто тотъ все еще жилъ и страдалъ.

Какъ дѣвочкой, бывало, при восходѣ солнца, она глядитъ не наглядится на легкія облачка, озаренныя первыми солнечными лучами, такъ и теперь, внимательно слѣдя за причудливыми очертаніями легкихъ розоватыхъ облаковъ, тихо плывшихъ надъ лѣсными вершинами, она, казалось, позабыла все на свѣтѣ.

— А что, Михевна, никакъ на этомъ самомъ мосту застряли вы съ Митричемъ въ ту пору?—обратился къ ней Тить Андроничъ при спускѣ въ довольно глубокой оврагъ, надъ которымъ видѣлся плохо сколоченный изъ тонкихъ бревенъ мостикъ.

— Здѣсь,—подтвердила Маланья.

— Ладно еще, что не на-готово уходила ты себя тогда... Да хоть и Митрича взять: много ли и ему, старику, надо? Спась васъ какъ-то Богъ,—продолжалъ Тить Андроничъ, очевидно соскучившись ѣхать молча.

— Недалеко пришлось мокрымъ-то идти, вотъ и спась,—сказала Маланья.

— Ну, какъ не далеко—версты три смѣло будетъ,—возразилъ Тить Андроничъ.

— Не вы ли это и перила у моста повалили? — спросилъ Федоръ, показывая на лежавшіе по краю оврага брусья периль.

— Какъ же не мы?—чуть и возъ-то въ оврагъ не угодилъ, да ужъ мы съ Митричемъ изо всей силы-мочи въ него вцѣпились. Послѣ я пальцы свои чуть и разжала—такъ и заковстѣли они у меня. Нечего сказать, памятна мнѣ эта дорога!—проговорила Маланья и задумалась надъ тѣмъ временемъ, когда она такъ тяжело и такъ долго лежала хворой, какъ боялась помереть, какъ ей дѣтей своихъ жаль тогда было—все вспомнила.

„А Иванъ и тутъ меня не пожалѣлъ... видѣлъ вѣдь ужъ, что я чуть жива, а ушелъ-таки. Только податью и отлѣзаетъ да вотъ еще къ пиву разъ, много два въ годъ придетъ на денечекъ какой—только и всего“,—подумала Маланья и вздохнула.

— Не надо бы тебѣ въ ту пору хозяина отъ себя отпустить,—точно въ отвѣтъ на размышленія Маланьи проговорилъ

Тить Андроничъ, также, какъ и она, вслѣдъ за воспомина-
ніемъ о ея болѣзни вспомнивъ и объ Иванѣ.

— Какъ его не пустишь—самъ себѣ большой,—неохотно
промолвила Маланья.

— Стариковъ надо бы тебѣ тогда просить, собрали бы сходъ,
ладно бы, смотри, вышло,—развивалъ свои запоздавшія сообра-
женія Тить Андроничъ.

Такъ, переговариваясь, они незамѣтно пробѣжали почти всю
дорогу. Только подъ конецъ пути задремалъ и Тить Андроничъ,
послѣ чего Маланья уже безъ помѣхи наблюдала медленную
смѣну однообразнаго и угрюмаго вида глухой лѣсной дороги, ни
для кого другого не интереснаго, но на нее дѣйствовавшего не-
отразимо силою раннихъ воспоминаній.

— Эй ты, кашеваръ, первымъ дѣломъ корми насъ!—прого-
ворилъ Тить Андроничъ, потрясая вотелкомъ и обращаясь къ
Маланьѣ, едва прибыли они на мѣсто.

Федоръ быстро и ловко сооружалъ шалашъ, Филька распря-
галъ лошадей.

— Пойдемъ, Грунь, за прутьями, пока Михевна смышляется
съ объдомъ!—позвалъ отецъ Груню.

Ни одно дождливое облачко не пронеслось надъ лугами за
все время, пока косили на Шепелихѣ. Черезъ три дня Филька
ушелъ домой, а прибывшій вмѣсто него Андрей принесъ новый
запасъ шанегъ и луку. Съ прибытіемъ его въ становище Тита
Андронича сдѣлалось значительно веселѣе. Андрей косилъ не
хуже и не меньше другихъ и, съ непривычки къ тяжелой ра-
ботѣ, уставалъ сильнѣе всѣхъ прочихъ, но утомленіе нисколько
не портило его настроенія; послѣ короткаго отдыха во время
ѣды онъ не ложился спать, какъ то дѣлали всѣ остальные, а
либо пѣлъ, либо шелъ къ работавшимъ на смежныхъ участкахъ.
Тамъ обыкновенно встрѣчали его съ радостью. Благодаря своимъ
постояннымъ сношеніямъ съ людьми самыхъ разнообразныхъ про-
фессій и положеній, онъ зналъ много чрезвычайно интересныхъ,
а иногда и нужныхъ вещей, и послушать у него было что. О
чемъ бы ни спросили Андрея, о всемъ онъ зналъ самыя свѣжія
новости. Въ самое короткое время косари, имѣвшіе случай бесѣ-
довать съ нимъ, обстоятельно узнали, что станового ихъ не
сегодня-завтра уберутъ „въ чистую“, за то, что онъ серылъ
старовѣрскую свадьбу; что на новой пожарной машинѣ въ По-
кровскомъ, въ самомъ днѣ, оказалась дыра съ кулакъ велика;
что „фершалъ“ на-готово обезножилъ и на его мѣсто ѣдетъ другой

изъ Синогорья; что по осени магази, ужъ хочешь не хочешь, а придется засыпать, и т. д., и т. д.

Рѣдко имѣя возможность побывать въ лѣсу, въ лугахъ, въ полѣ, Андрей съ особеннымъ удовольствіемъ переживалъ дни сѣнокоса и казался непохожимъ на самого себя—такъ онъ былъ веселъ и дѣятеленъ все это время. Впрочемъ вообще въ дни праздниковъ, на свадьбахъ, на сходкахъ и при полевой работѣ старшій сынъ Тита Андроныча совершенно преображался. При всѣхъ такихъ случаяхъ въ немъ рѣшительно нельзя было узнать суроваго, точно застывшаго возницу, сидѣвшаго на козлахъ всегда въ одной и той же позѣ—прямо, какъ палка. Именно что-то деревянное было и въ лицѣ, и во всей фигурѣ Андрея-ямщика, тогда какъ Андрей „общественникъ“ и Андрей „домохозяинъ“ обыкновенно отличался особенной подвижностью и былъ словоохотливъ, какъ никто.

— Что, Михевна, али похаешь?—распрявившись, чтобы пошевать на свои разгоряченныя до-нельзя ладони, спросилъ разъ Андрей у косившей съ нимъ рядомъ Маланьи.

— Не говори ужъ лучше! — отвѣтила она, не переставая косить.

— А ты говорила: гулять приду! — укоризненно и вмѣстѣ хвастливо покачалъ Андрей головой.

— Молодецъ, молодецъ! Кабы больше жилъ около дому, можетъ, и ты такой же бы былъ, какъ Оедя,—замѣтила Маланья, предварительно подумавъ про себя, что Андрей далеко не такъ жестокъ и недоступенъ, какъ ей казалось прежде, и не такъ чуждъ ей.

— Вотъ ужъ, пройдетъ наборъ, да ежели Оедюню оставить, его на станцію запятимъ, а я женюсь и буду дома жить,—проговорилъ Андрей, принимаясь вновь описывать косою вокругъ себя ровные и широкіе полукруги.

Чѣмъ ближе подходилъ срокъ набора, тѣмъ меньше вѣрила Маланья въ счастливую случайность, благодаря которой Оедоръ долженъ былъ взять дальній номеръ и, подобно брату, остаться дома.

„Оставить тебѣ Оедю, дожидайся!“ съ горечью подумала она на слова Андрея.

Ярко пылалъ по вечерамъ костеръ на Шепелихѣ; подолгу засиживались тамъ, бесѣдуя о разныхъ мужицкихъ дѣлахъ и нуждахъ косцы со смежныхъ покосовъ; нерѣдко также, покончивъ дневную работу, на Шепелихѣ пѣли, при чемъ голоса Андрея и Маланьи умолкали послѣдними, но, несмотря на это, по утрамъ,

первыми вставали обыкновенно они же. Только разъ, за день до отвала домой, выйдя по утру изъ шалаша, чтобы пойти за водой, Маланья прежде другихъ увидѣла не Андрея, а Ѳедора. Онъ шелъ отъ рѣки къ ней на встрѣчу, съ головы до ногъ увѣщенный связками вѣвниковъ изъ только-что нарѣзанныхъ березовыхъ вѣтвей, и сначала не замѣтилъ ее.

— Вотъ мать-то тебѣ спасибо скажетъ,—сказала Маланья, поровнявшись съ нимъ.

— И на твой пай есть—держи!—Ѳедоръ бросилъ на руки Маланьи два десятка вѣвниковъ, связанныхъ отдѣльно отъ другихъ.

Маланью такое проявленіе заботы о ней сильно тронуло, тѣмъ болѣе, что это была уже не первая услуга со стороны Ѳедора.

— Чѣмъ я только и отслужу тебѣ! — сказала она чуть не со слезами:—не вѣвники твои мнѣ дороги; тѣ дорого, что вспомнилъ... ровно свой.

— Да вѣдь ужъ мнѣ однако было.

— И когда ты только успѣлъ навязать такую груду?

— Когда?.. Правду сказать, не спалъ я сегодня ночь-то, вотъ и успѣлъ.

— Отчего?—спросила Маланья съ удивленіемъ.

— И не ложился,—сказалъ Ѳедоръ. Онъ сбросилъ съ плечъ связки вѣвниковъ на землю и пошелъ снова къ рѣкѣ, вслѣдъ за Маланьей.

— Да чтò ты, Богъ съ нами!..

— Все мнѣ, Михевна, думается, что, можетъ, я въ послѣдніе нонѣ покосилъ... Дай, думаю, всю ночь насквозь прогуляю, наглажусь,—говорилъ Ѳедоръ тихо и глядя въ сторону.

Только тутъ Маланья увидѣла, какъ онъ печаленъ и блѣденъ; и у самой у нея духъ занялся отъ жалости.

— Зачѣмъ впередъ загадывать, Богъ не безъ милости!—неувѣренно выговорила она въ утѣшеніе.

— Чего ужъ тутъ загадывать!—безнадежно махнулъ Ѳедоръ рукой и остановился. Ясно было, что у него пропала всякая охота продолжать начатой разговоръ. При видѣ Маланьи онъ невольно заговорилъ съ нею о томъ, чтò не давало ему покоя все послѣднее время, особенно же въ эту ночь, но тотчасъ же почувствовалъ, что ему отъ этого стало только тяжелѣе.

— Пошелъ съ тобой, хотѣлъ указать, гдѣ вересъ растетъ—вчера говорили, надо вересу-то,—да, можетъ, и одна найдешь; знаешь выбоину у берега, круглая такая, и надъ ней два дубочка?—проговорилъ Ѳедоръ, остановившись.

— Ну?

— Такъ отъ нея, немного наискось, гоны съ двои какъ прой-
дешь, тутъ и вересь.

— Больше его надо нарубить, и смородиннаго листу, и ду-
боваго побольше нужно будетъ нарвать; по всему видать, нынче
огурцовъ и капусты урожай будетъ, и духовъ много понадобится.

— Домечемъ сѣно, всего наберемъ; къ обѣду-то надо быть
запашабимъ, вотъ тогда и нарвемъ всякихъ духовъ.

— Когда не запашабимъ... Что-то у меня дома-то дѣлается?
Вѣдь какъ есть цѣлую недѣлю ребятъ въ глаза не видала...

Домой съ Шепелихи пошли пѣшкомъ, такъ какъ на обѣихъ
телѣгахъ везли свѣжее сѣно.

— Чистые мы цыганá! — залилась смѣхомъ Маланья, огля-
дывая себя и шедшихъ съ нею, — какъ и на глаза сосѣдямъ по-
кажемся!

Утомленные, загорѣлые, въ смятыхъ, насквозь пропеченныхъ
одеждахъ, они дѣйствительно мало походили на самихъ себя.

— Эка невидаль — теперь у всѣхъ одно, — отозвался Титъ
Андронычъ.

— Да никто и не увидитъ, къ самой ночи придемъ; по-
гляди-ка, солнышко-то ужъ гдѣ, а намъ до дому-то ихъ еще
сколько! — сказала Груня.

— Кабы цыганá все такіе были — ничего бы, — замѣтилъ Анд-
рей и затянулъ пѣсню, а за нимъ запѣли и остальные:

Ужъ какъ шелъ Ванька лужечкомъ,
Авдотьюшка бережочкомъ;
Машетъ Ванъ правою рукою
Съ косыночкой шелковою:
— Воротися, миленькій, назадъ, —
Позабыла словечко сказать...

гулко разносилось по оставляемой познѣ.

XXV.

Снова осень. Чалый мериноеъ Тита Андроныча едва тащитъ
по направленію къ мельницѣ Гнусова тяжелый возъ, нагружен-
ный мѣшками жита. Федоръ въ накинутаго на плечи синемъ
азямъ, съ фуражкой, сдвинутой на самый затылокъ, слегка помахивая
время отъ времени кнутовищемъ бича, идетъ справа, ря-
домъ съ лошадыю; Маланья въ новомъ вишневомъ самотканникѣ,
съ бѣлою какъ кипень косынкой на шеѣ, повязанная французскимъ
платкомъ, вообще принарядившаяся и на этотъ разъ нисколько

не похожая на цыганку, идетъ позади воза, въ частѣ владѣ котораго добрая треть принадлежитъ ей. Именно это думаетъ она, замѣчая, съ какимъ трудомъ чалко везетъ тяжелый возъ.

Миновали кирпичные сараи прошинцевъ, повернули влѣво, въ лѣсу, въ самый лѣсъ вѣхали и не обмолвились ни однимъ словомъ.

— Говорила я тебѣ: лишку владешь! гляди-во, чалко-то ужъ взопрѣлъ! — не выдержала, наконецъ, Маланья.

Федоръ оглянулся на нее и только улыбнулся слегка.

— Не надо бы хоть ячень-то мой власть... — продолжала Маланья.

— Велика тяга твой ячень...

— Пуда три вѣрныхъ будетъ...

— А хоть бы и три!

— И ржи-то меньше бы надо мнѣ, дурѣ, насыпать, — все ты...

Федоръ не протестуетъ.

— Вотъ какъ станетъ чалко на половинѣ дороги, такъ тогда возъ-то хоть на себѣ тащи! — говоритъ Маланья.

— Али не утащимъ? — смѣется Федоръ. — Съ Митричемъ прошлый разъ везли, и то вывезли, а неужли со мной не увезешь?

— Да неужли же, Феда, тебя возьмутъ и вправду? — съ неподдѣльной тревогой спрашиваетъ Маланья, моментально забывая и чалка, и ячень, и все остальное.

Федоръ идетъ, какъ шель, точно не слышать.

— Не приведи Богъ! — мать-то заревется; она тебя изво всѣхъ пуще любить. На что Груня — дѣвка, — дочерей, говорятъ, завсегда больше матери любятъ, — а Абросимовна не Груню, тебя больше жалѣетъ, по всему замѣтно. Когда долго со станціи не идешь, такъ она запоминается. Андрея зачастую по недѣлѣ не видаешь — и ничего; а ты чуть со двора, ей ужъ и думно. Истинно, заревется; не дай Богъ согрѣшить, да заревусь, звать-то, и я, — говорила Маланья.

Федоръ не прерывалъ ее. Каждое слово Маланьи только глубже растравляло его душевную рану, но въ то же время онъ испытывалъ какое-то странное удовольствіе, слушая ее. Самъ онъ никогда не сталъ бы причитать надъ предстоящей ему участию, но мысль о ней не покидала его больше: что бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ бы ни думалъ, съ кѣмъ бы ни встрѣчался, — сознание неминуемой солдатчины преслѣдовало его повсюду; поэтому рѣчь Маланьи являлась какъ бы отголоскомъ его собственныхъ ощущеній и думъ, и, несмотря на вызываемую ею душевную боль, онъ

чутво прислушивался къ ней, вмѣсто того, чтобы оборвать ее рѣзкимъ словомъ, какъ сдѣлалъ бы это во всякомъ другомъ случаѣ.

— Какія, можетъ, музи доведется тебѣ терпѣть!.. Бьютъ, говорятъ, безъ милости, ежели малость какую не утрафишь въ чемъ... А хоть бы и безъ битья, все одно—неволя, чужая сторона, куска настоящаго не съѣшь, какое сравненіе съ домою! —продолжала Маланья и такъ расчувствовалась, что готова была заплакать.

Взглянувъ на нее мелькомъ, Ѳедоръ поспѣшилъ отвернуться изъ боязни выдать собственное волненіе.

— Вотъ все радовались на тебя не нарадовались, больно великъ да хорошъ выросъ, и добрѣе-то, и умнѣе, и работящѣе всѣхъ, и отцу съ матерью покоренъ... Доррадовались, нечего сказать!—говорила между тѣмъ Маланья.

— Лучше бы по твоему уродомъ быть? — попытался пошутить Ѳедоръ.

— Андрейка, небойсь, не взяли...

— Что тебѣ Андрейко нашъ надоѣлъ?

— Не надоѣлъ, а только я къ тому говорю, что ежели бы, къ примѣру, его и забрили, такъ у васъ въ дому-то не убыло бы...

— Не всѣмъ дома жить; кому-нибудь надо же и въ солдаты идти. Что больно-то убиваться,—вѣдь не на вѣкъ. Отведу свое положеніе и опять дома буду; по крайности хоть въ разныхъ мѣстахъ побываю, на всякій народъ погляжу,—пересиливая волненіе, довольно спокойно проговорилъ Ѳедоръ.

— А какъ воевать зачнуть, да тебя въ самой-то жаръ и вдвинуть—вѣрная вѣдь тебѣ смерть будетъ?.. Лукьянычъ-повойникъ, когда вонъ про войну-то разсказывалъ, такъ говорить: какъ ужъ ежели примутся палить, такъ цѣлыя тысячи войска валятся ровно трава подъ косой.

— Чему быть, того не миновать. Самъ-то Лукьянычъ тоже живъ остался...

День для октября выдался рѣдкій, солнечный и безвѣтряный, тѣмъ не менѣе позднее время года чувствовалось во всемъ: солнце свѣтило ярко, а тепла настоящаго все-таки не было, и стоило хоть на минутку войти въ тѣнь, чтобы тотчасъ же ощутить, что воздухъ влаженъ и дышетъ холодомъ. Въ затѣненныхъ мѣстахъ, вблизи изгородей, иней такъ и лежалъ нарастающимъ, хотя время подходило уже къ обѣду; а тамъ, гдѣ солнечные лучи растопили его, онъ сверкалъ каплями росы, почти не испаряясь.

— Вотъ оно что значитъ! — многозначительно произнесъ Ѳедоръ послѣ нѣкотораго молчанія, обращиваясь къ Маланьѣ:—

на пожню и съ пожни ѣхали—что шуму-гаму было въ лѣсу, а теперь тамъ молчить. Ни одна вѣточка не шелохнется, ни птиць, ни мошвары, ровно вымерло все; отъ травы одно стебельё осталось.

— Больно сегодня деневъ хорошъ! Поглядѣла я даве на озимые да на лѣсъ, такъ ровно бы и не осень: наокрытъ зелено, — сказала Маланья.

— Нѣтъ ужъ, зелено — не зелено, все чутко, что не лѣто.

— А погляди-ка, пихта какъ распушилась, лучше и лѣтняго. Теперь въ лѣсу—что въ церви до службы. Тамъ молчить и ты молчишь. Зайди вотъ я сейчасъ подалѣ—ни за что мнѣ голосомъ не заговорить, все шепоткомъ говорить буду, ужъ я знаю...

— Да въ лѣсу и все тиге говорится,—замѣтилъ Ѳедоръ.

— Кабы за мной дѣла никакого не было, да кабы ребяты на шеѣ не висѣло, въ эту самую пору не вышла бы я изъ лѣсу! — сказала ему Маланья.

— Чтò бы ты тамъ дѣлать-то стала?—съ явнымъ недоувѣриемъ спросилъ Ѳедоръ.

— Чтò дѣлать? кто его знаетъ—чтò... Валежнику бы насобирала, на всю бы зиму натаскала... Мохъ стала бы драть... брусницу рвала бы... такъ бы ходила,—глядѣла,—говорила Маланья, и сама не отдавая себѣ отчета въ томъ, чтò дѣйствительно стала бы она дѣлать въ лѣсу, не выходя изъ него съ утра до ночи.

Ѳедоръ предпочелъ не отвѣчать на такія ни съ чѣмъ несообразныя рѣчи Маланьи.

— Я вѣдь, Ѳеда, не какъ ты, не въ избѣ выросла, — продолжала Маланья, увлекаясь воспоминаніями:—вотъ меня и тянетъ къ лѣсу.

— А гдѣ же ты выросла, если не въ избѣ,—въ лѣсу, небойсь?—спросилъ Ѳедоръ со смѣхомъ, думая, что Маланья, какъ это съ нею нерѣдко случалось, говорить несообразное ради шутки; но онъ сейчасъ же замѣтилъ, что на этотъ разъ шутить она и не думала, а говорила не только серьезно, но еще и особенно какъ-то не то жалобно, не то печально.

— Гдѣ же ты выросла, если не въ избѣ? — уже безъ всякаго смѣха спросилъ онъ снова.

— Вправду—въ лѣсу. Въ лѣсу, въ полѣ, въ лугахъ, по дорогамъ я выросла. Я вѣдь маленькая-то собирала ходила,—развѣ не слыхалъ?

Ѳедоръ такъ внимательно и съ такимъ видомъ смотрѣлъ на Маланью, точно въ первый разъ ее видѣлъ.

— Развѣ не слыхалъ, что я нищая?—переспросила Маланья

съ невольной горечью при воспоминаніи о томъ, сколько горя въ разное время и по разнымъ поводамъ пришлось ей переиспытать, благодаря нищенству первыхъ лѣтъ.

— Слыхалъ, какъ корили тебя старики, да я думалъ, они про бѣдность.

— Нѣтъ, мы съ отцомъ собирали. Онъ до самой смерти все ходилъ... Не одинъ годъ хворый ходилъ собирать; такъ и умеръ чуть не на дорогѣ.

Теперь Ѳедоръ и Маланья шли уже рядомъ. Она слово-за-слово рассказала ему всю свою жизнь вплоть до замужества. Ѳедоръ точно видѣлъ каждый уголокъ лѣса, каждую тропинку, каждый ручей, о которыхъ рассказывала ему Маланья, и теперь отлично понималъ, почему такъ тануло ее въ лѣсную глушь. Онъ переживалъ всѣ ея младенческія тревоги, всѣ лишенія и радости, живо представлялъ никогда невиданныя имъ деревни и никогда невиданныхъ людей, и среди всего этого почему-то особенно ярко выступалъ передъ нимъ пучекъ полевой гвоздики, эта послѣдняя ласка отца сидѣвшей у мостика маленькой, только-что проснувшейся дѣвочки. Отецъ Иванъ съ женой и дѣтьми, ихъ праздники и будни, Нилевна съ ея заботами объ устройствѣ судьбы сироты-внучки, отношенія Маланьи къ селу и прихожанамъ и самая свадьба ея, все получило теперь иной смыслъ въ глазахъ Ѳедора. Онъ узналъ много такого, о чемъ ему и въ голову никогда не приходило, и не разговорись Маланья—онъ такъ никогда и не узналъ бы, что она за человекъ.

— Оказія! — вымолвилъ онъ, когда Маланья умоляла.

— Что?

— Да сколько вотъ лѣтъ живешь у насъ, а я и не подумаю, откуда ты и какъ... — началъ-было Ѳедоръ и замолчалъ, не умѣя формулировать чувства, вызваннаго въ немъ разговоромъ Маланьи.

Лѣсъ началъ рѣдѣть. Показалась Провва. Дорога круто повернула къ лѣвому ея берегу, среди кустовъ ивняка, и подъ ногами закрипѣлъ глубокой песокъ. Съ рѣки потянуло еще большей свѣжестью, и Маланья поспѣшила надѣтъ на себя чепанъ, который до этого несла подъ мышкой.

— Слышь, какъ шумить? — спросилъ у нея Ѳедоръ.

— Когда же не слышу...

— Люблю я на мельницѣ быть — поидеть ворочать, только держись!..

— Ладно какъ въ конѣ угодишь, а вотъ какъ прошлогодъ

объ эту же пору съ Нивитой намъ довелось попасть, такъ и не дай Богъ!

— Грудно?

— Ужъ столько ли тогда народу было, страсти Господни; безъ мала трои сутки прожили мы у мельницы; хлѣбъ, какой былъ взять, поѣли, хопъ реви... Нивита ужъ къ самому Прохору Терентичу ходилъ хлѣба просить—вотъ вѣдь дѣло какое.

— Даль?

— Даль же маленько.

— Ахъ, жила этотъ Гнусовъ — бѣда! И на кого рветъ? Добро бы семейство какое, а то всего-на-все одна дочь.

— Больно, говорятъ, онъ богатъ.

— Когда не богатъ! съ cadaго норовить поживиться, а ведетъ себя совсѣмъ по-деревенскому, какъ богатому не быть. Старовѣры всѣ богаты, не какъ мы.

— Ничего, и сегодня народу-то вокругъ дербена изрядно,— указала Маланья по направленію къ мельницѣ.

— Это, смотри, отваливаютъ; въ самый мы съ тобой разъ, значить, — сказалъ Ѳедоръ, всмотрѣвшись.

— Отваливаютъ и есть, — согласилась Маланья.

Скоро ѣхавшіе имъ на встрѣчу помольцы подтвердили, что народу на мельницѣ дѣйствительно больше нѣтъ, и черезъ нѣсколько минутъ тяжелый возъ лобановцевъ одиноко остановился передъ мельницей Гнусова.

XXVI.

Уже нѣсколько лѣтъ Титъ Андроничъ только изрѣдка показывался въ Покровскомъ, — незачѣмъ туда ему было. На станціи—онъ зналъ—и безъ него все идетъ какъ нельзя лучше; былъ увѣренъ, что Андрей ничего не упуститъ и не проглядитъ, со всѣмъ управится получше его самого—и не безпокоился. На базары больше Абросимовна ѣздила, или же Ѳедоръ закупалъ, чтѣ заказывали. А къ храму Божію Титъ Андроничъ никогда не былъ особенно усерденъ, хотя христіанинъ былъ настоящій и положенное какъ на церковь, такъ и причту давалъ не только безпрекословно, но и съ охотой.

Титъ Андроничъ больше вокругъ дома старался: то крышу на сѣновалѣ перекроетъ, то половицу въ амбарѣ новую настелетъ, то завалину исправитъ. Только въ Рождество, Пасху да еще о Покровѣ и видали его на селѣ. Но въ послѣднюю осень

все это перемѣнилось. У Тита Андронича чуть не всякое воскресенье стали оказываться разныя дѣла, которыхъ никакъ нельзя было поручить ни женѣ, ни сыну. Ни свѣтъ, ни заря самъ запрягалъ онъ чалка почти каждое воскресенье, и вмѣстѣ съ разсвѣтомъ уѣзжалъ изъ дому.

— Не опоздать бы поглядѣть у просвирни жеребенка—на сторону, пожалуй, продасть. Андрей сказывалъ—славный у ней жеребчикъ-то, хлѣбный; жаль будетъ, если въ другія руки уйдетъ, —объяснялъ, между прочимъ, Титъ Андроничъ цѣль своей поѣздки.

— Не возьметъ становой сѣна, куда и сбывать его... Надо толкомъ самому мнѣ съ нимъ перетолковать. Ну, восемнадцать копѣекъ, такъ и за восемнадцать копѣекъ отдамъ,—не самому мнѣ жевать его... А можетъ копѣечку-другую и надвинетъ, какъ самъ-то приду,—говорилъ онъ въ другой разъ, но говорилъ все это чисто для виду, и какъ Абросимовна, такъ и Федоръ отлично знали, что не жеребчикъ и не сѣно гнали Тита Андронича на село, а ни на минуту не покидавшее его ожиданіе вѣстей насчетъ набора.

Въ сущности, Титъ Андроничъ прекрасно понималъ, что наѣдываясь онъ въ волостное хоть каждый день, ничто отъ этого не измѣнится, дѣла по волости и по набору пойдутъ своимъ порядкомъ и вѣсть объ очереди сына не минуетъ его ни въ какомъ случаѣ, но никакъ не могъ совладѣть съ своимъ безпокойствомъ, и чуть наступало воскресенье, онъ снова уѣзжалъ въ Покровское.

— Ну, Титъ Андроничъ, припасай сынка: вчера призывные списки изъ присутствія получили; къ 15-му вамъ ужъ въ городѣ надо быть, —сказалъ разъ старшина, выходя вмѣстѣ съ Титомъ Андроничемъ изъ церкви послѣ обѣдни.

Титъ Андроничъ остановился и внимательно глядѣлъ на старшину, точно ждалъ, что тотъ еще разъ повторитъ роковыя слова.

— Списки?—неопредѣленно выговорилъ онъ наконецъ. Его глаза какъ-то сгузились и все лицо приняло очень странное выраженіе отъ чрезмѣрныхъ усилій подавить подступавшія въ горлу рыданія.

— И жаль тебя, да что подѣлаешь! А ужъ истинно жаль; рѣдкостный у тебя парень, не озорникъ, не мотыга. Кажись, своимъ счетомъ откупилъ бы его отъ бѣды—ну, не тѣ времена! —говорилъ старшина съ участіемъ.

— Божья воля! Не мы первые, не мы послѣдніе! —хрипло проговорилъ Титъ Андроничъ и, низко опустивъ голову, пошелъ къ станціи за лошадыю.

— Онъ у тебя и не гулялъ совсѣмъ... Другіе очередные осень-то-осенскую безъ просыпу пили и посеячасъ вужать безъ милости, такъ грудкой и бродятъ; а твоего разу не видалъ, ужъ именно золотой парень, ужъ сказать, что умникъ! — толковалъ старшина, идя слѣдомъ за Титомъ Андроничемъ.

Абросимовна доставала горшокъ щей изъ печи, а Федоръ мылъ руки передъ обѣдомъ, когда Титъ Андроничъ вернулся домой. Мать и сынъ одновременно и съ однимъ и тѣмъ же нѣмымъ вопросомъ взглянули на него.

— Черезъ недѣлю въ городѣ надо быть...— съ усиленіемъ проговорилъ Титъ Андроничъ, прямо въ тулупѣ садясь на лавку. Онъ смотрѣлъ въ полъ и тихо перебиралъ между пальцами свою набухшую подъ мокрымъ снѣгомъ шапку.

Руки Абросимовны точно застыли на хватѣ и слезы, одна за другой, закапали изъ ея глазъ. Бѣлое лицо Федора сдѣлалось еще бѣлѣе, даже на губахъ не осталось ни кровинки, а руки, потянувшіяся къ спицѣ за полотенцемъ, задрожали какъ у пьянаго.

Въ нѣсколько минутъ вѣсть о томъ, что Федора на этой же недѣлѣ повезутъ въ волость, а оттуда въ городъ, сдавать въ солдаты, обошла всѣ двory Лобановки. Всѣ давно очень хорошо знали, что Федоръ на очереди, что въ городъ его во время набора непременно повезутъ и т. д.; но пока прямого заявленія объ этомъ со стороны начальства сдѣлано не было, всѣ точно надѣялись, что такой напасти можетъ еще и не случиться. Всего удивительнѣе, что члены семьи самого Тита Андронича испытывали то же самое. Настоящее горе, страхъ и переполохъ начались только тогда, какъ старшина оповѣстилъ о высланныхъ изъ присутствія призывныхъ спискахъ.

Спокойные по характеру и не особенно разговорчивые, Лобановы горевали каждый про себя, молча, не оставляя обычныхъ дѣлъ и ничѣмъ внѣшнимъ образомъ не проявляя своей душевной муки; но и безъ словъ ясно было, до какой степени угнетены они горькой необходимостью своими собственными руками сдать въ солдаты самаго любимаго, надежнаго и смирнаго изъ семьи.

Маланья почти не выходила изъ избы Тита Андронича. Сначала рубахи стирали, потомъ стряпали попутники. Абросимовна также собиралась въ городъ и Маланью оставляли домовничать.

— Ужъ кабы не это домовничанье, ни въ жизнь не отстала бы я отъ васъ; всю бы дорогу пѣшкомъ пошла за вашими санями, а ужъ не отстала бы,— сказала она наванунѣ отправки.

— Али о хозяйнѣ больно стосковалась?— спросилъ присутствовавшій при этомъ Филька.

— И то, Михевна, что Ивану закажешь? — спросилъ въ слову Федоръ.

— Извѣстно, вы его увидите—гони его, Федюня, изъ города въ шею, вотъ и весь мой заказъ! — попросила Маланья.

Послѣдняя ночь передъ отъѣздомъ прошла почти безъ сна. Утромъ поднялись ранехонько и наскоро позавтравали. Впрочемъ ѣсть — почти никто не ѣлъ, никому не шель кусокъ въ горло. Пришли сосѣди попрощаться и проводить. Тѣсно и шумно стало въ избѣ Тита Андронича. Каждый по своему выражалъ Федору свое сожалѣніе, каждый что-нибудь совѣтовалъ.

Между тѣмъ Федоръ уже надѣлъ и овчинный дорожный тулупъ поверхъ полшубка.

— Господи благослови! — дрожащимъ голосомъ проговорилъ Титъ Андроничъ, берясь за образъ, чтобы благословить сына.

Раздались всхлипыванія, потомъ неудержимый плачь, причитанія, наконецъ прямо вопли... Всѣ плакали. Только Федоръ не плакалъ, но онъ былъ бѣлѣе снѣга, избѣгалъ взглядовъ и, поспѣшно перецѣловавшись съ сосѣдами, первымъ сѣлъ въ сани.

Двѣ недѣли спустя Титъ Андроничъ и Абросимовна одни вернулись изъ города: Федоръ вынулъ пятый номеръ и былъ принять почти безъ освидѣтельствванія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло пять лѣтъ.

Послѣ непрерывныхъ дождей, лившихъ весь августъ и начало сентября, показалось наконецъ солнце. Оно взошло на совершенно безоблачномъ небѣ и, повидимому, надолго обѣщало хорошую погоду. Обильный иней, первый въ этомъ году, быстро таялъ подъ его лучами; чашечки позднихъ цвѣтовъ раскрывались, воробьи чирикали точно весной и надежда на уборку ярового, совсѣмъ было уже исчезнувшая, снова шевельнулась въ сердцахъ крестьянъ.

Все окрестное населеніе высыпало на поля. Отправились въ поле и лобановцы. Они были безмѣрно рады, что хоть на этотъ разъ посѣвъ ихъ не пропалъ цѣликомъ, какъ въ прошломъ и позапрошломъ году, и съ серпами на плечахъ спѣшили изо всѣхъ силъ каждый въ своей полосѣ.

— Ничего, уберемса, Богъ дастъ! Вишь солнышко-то, ба-тюшка, какъ грѣеть—вшута уберемса,—замѣтила Ивановна, выходя вмѣстѣ съ другими за оволицу.

Это замѣчаніе всѣ слышали, но ни одинъ голосъ не отозвался на него; радуясь вѣдру, каждый въ то же время со страхомъ думалъ, что можетъ овесъ отъ дождей стать нигуда негоденъ, вымокъ и полегъ, и потому ни у кого не нашлось ни одного слова въ отвѣтъ на ободряющее восклицаніе Ивановны. Только Степанида какъ-то особенно громко вздохнула, да Наталька, шедшая рядомъ съ матерью, смотрѣвшая уже совсѣмъ взрослой дѣвушкой, медленно повернула голову въ сторону говорившей.

Степанида значительно постарѣла и, если это возможно, казалась болѣе прежняго лохматой и опустившейся. Съ нѣкотораго времени дѣла ея стали очень плохи. Два года назадъ Арефа сломалъ правую руку, работая въ одномъ изъ ближнихъ селъ у торговаго крестьянина, передѣлывавшаго заново свой домъ, и съ этого злополучнаго времени въ семьѣ у него окончательно все разладилось.

— Не высоко вѣдъ и упалъ-то, и не пьянъ былъ, да ужъ видно на грѣхъ такъ неладно пришло, — говорилъ Арефа.

Онъ дѣйствительно упалъ не высоко. Намѣревался подняться вверхъ, чтобы убѣдиться въ прочности печи, которая ему казалась ненадежной, но которую хозяину не хотѣлось передѣлывать, Арефа поймался за верхній карнизъ печи и подпрыгнулъ, но въ ту же минуту рухнулъ вмѣстѣ съ угломъ карниза на груды кирпичей и шайку съ глиной. Нужно думать, что при паденіи онъ ушибъ также и голову, потому что потомъ его долгое время не могли привести въ чувство. Пока съѣздили верстъ за пятнадцать за фельдшеромъ и тамъ разыскали его, пока, по осмотрѣ фельдшеромъ, выправили бумагу изъ правленія и довели Арефу до города, его положеніе настолько ухудшилось, что сломанную руку пришлось отнять немедленно. Изъ больницы Арефа вернулся домой не только калѣкой, но и изможденнымъ до нельзя. Все лѣто онъ пролежалъ въ лужеѣ, ничего не дѣлая, и лишь къ осени началъ кое въ чемъ помогать женѣ по хозяйству. Скоро, впрочемъ, обнаружилось, что было бы лучше, еслибы Арефа и дальше оставался вполне безпомощнымъ: тогда, по крайней мѣрѣ, никто не тащилъ бы изъ дому все, что ни попадетъ подъ руку, и не пропивалъ бы въ Покровскомъ.

Долгая жизнь внѣ дома, при порядочномъ заработкѣ, приучила Арефу къ хорошей сравнительно вѣдѣ, къ чаю, табаку, водкѣ, къ разнообразному, по большей части веселому обществу

и ко многому другому, о чемъ дома у него и помину не было. Очувтившись въ родной деревушкѣ на постоянномъ жительствѣ, безъ копѣйки денегъ, неспособнымъ къ привычной работѣ, въ неряшливой обстановкѣ среди кучи чумазыхъ ребятъ, Арефа смертельно затосковалъ и порой не шутя думалъ, что лучше задохнуться, чѣмъ жить такъ, какъ онъ живетъ. Пока физическія силы его были слабы, онъ еще крѣпился, но съ восстановленіемъ ихъ всѣ благія намѣренія Арефы пошли прахомъ, и онъ не выдержалъ.

Лошадь, телва, четыре овцы и многое множество разной хозяйственной утвари было продано и прожито въ самое непродолжительное время, при чемъ добрая половина вырученныхъ денегъ перешла къ покровскому кабатчику. Когда же продавать стало нечего, Арефа началъ уносить изъ дому и прогуливать рѣшительно все, что попадалось ему на глаза. Степанида, какъ могла, отстаивала каждую вещь, но, несмотря на однорукость мужа, ей ничего не удавалось спасти: обреченная на пропой вещь мало того что всегда оставалась у Арефы, но онъ еще обыкновенно до самой околицы несъ ее напоказъ всѣмъ, высоко поднося надъ головой, и при этомъ либо пѣлъ какую-нибудь зазорную пѣсню, либо ругался „нехорошими словами“.

— Разбойникъ! Душегубъ! Разоритель! Скоро ли ты до смерти замачешься? Какъ есть все пропилъ!.. На болѣсть бы тебѣ, на разорву! Провалиться бы тебѣ въ таръ-тарары! И когда ты только свой непокрытый адъ доверху нальешь? — хриплымъ изступленнымъ голосомъ вопила въ такихъ случаяхъ Степанида вслѣдъ мужу, выскочивъ за ворота. Младшія дѣти Арефы, Васька, Колька и Липка, вили вокругъ матери во всю мочь, цѣпляясь за ея платье и руки. Жучка Тита Андроныча неистово лаяла и рвала штаны Арефы. Сосѣди одинъ за другимъ раскрывали окна и въ сотый разъ наблюдали давно присмотрѣвшуюся имъ сцену.

Но настоящій адъ начинался только тогда, когда Арефа, возвратившись изъ Покровскаго страшно пьянымъ, самъ принимался орать и буянить. Тогда только и слышалось изъ оконъ его избы и со двора: „Всѣхъ сокрушу! По бревну разнесу! Всѣ зубы выберу!“

Ужасъ проникалъ въ душу даже совершенно постороннихъ людей отъ этихъ бѣшеныхъ выкрикиваній, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за ними всегда слѣдовалъ какой-нибудь необычайный трескъ и грохотъ, всегда что-нибудь рушилось и падало—точно Арефа и въ самомъ дѣлѣ кого-нибудь разнесъ и сокрушилъ.

Онъ и прежде нерѣдко пилъ и буянилъ,—за что-нибудь сидѣлъ же онъ десятки разъ въ арестной избѣ,—но прежде Арефа

рѣдко бывалъ дома и все это происходило на сторонѣ, такъ что семья и сосѣди отъ него не страдали.

— Теперь же чистое божеское попущеніе началось, — говорила Улита, на половинѣ обрывая свои поклоны, за невозможностью довести ихъ до конца подъ грохотъ и крики, несшіеся изъ Арефиной избы.

Къ концу второго года отъ нескладнаго на видъ, на самомъ же дѣлѣ справнаго хозяйства Арефы-печника не осталось и слѣда. Подати были запущены и за невзность ихъ ему уже не разъ грозили розгами; голодныхъ дѣтей его все чаще и чаще кормили сосѣди „изъ жалости“.

Къ довершенію бѣды, именно въ это тяжелое для Арефиной семьи время, хлѣбъ у лобановцевъ не родился два лѣта кряду. Въ первый разъ, вслѣдствіе сырой весенней погоды, у нихъ озими вымокли, а въ другой разъ рожь, начинавшую уже зацвѣтать, всю до основанія градомъ выбило. Градь шелъ тогда широкой полосой, крупный, съ сильнымъ вѣтромъ, и одновременно съ лобановцами еще въ трехъ селеніяхъ хлѣбъ сплошь выбило. Еслибы не земская ссуда, народъ тысячами просилъ бы милостыню; но земство выдавало пострадавшимъ на продовольствіе и мукой, и деньгами, и настоящаго голода населеніе не испытало.

„Ежели овесъ пропасть, идти мнѣ съ ребятами по міру“, думала Степанида, приближаясь къ яровому полю, и чѣмъ ближе къ нему подходила, тѣмъ ноги ея становились все тяжелѣе.

Низенькій и совершенно еще зеленый овесъ имѣлъ жалкій видъ: на высокихъ мѣстахъ онъ былъ немногимъ выше четверти аршина и съ очень тонкимъ зерномъ, а на низменныхъ, какъ у Арефы и Никиты, нѣсколько длиннѣе, но вездѣ одинаково неспѣлъ и тощъ. Только на участкѣ Тита Андронича, на половину уже обжагомъ, какъ ячмень, такъ и овесъ были надлежащей длины и имѣли крупный и вполне созрѣвшій колосъ.

— Богатому все богато, — не безъ зависти указала на копны Тита Андронича Лизавета-бормотуха: — мы вотъ тутъ тузи да убивайся, а Лобанамъ и нуждушки нѣтъ: больше половины поля сжато, а которое на корню, такъ подъ дождемъ-то, поди, только пуще налилось... Сейчасъ видать, кто свое сѣялъ и въ-время и кто осередь лѣта...

— Когда же не видать! Кабы и у насъ сѣмена-то свои были да засѣять бы въ-время, не это бы и выросло, всакой знаетъ, — подтвердила Ивановна.

Тѣмъ временемъ Фильба прошелъ на хозяйскій участокъ и

ходилъ по немъ, внимательно осматривая сжатый и несжатый хлѣбъ.

— Смотри, и у насъ не жирно!—крикнулъ онъ остальнымъ, сбившимся въ кучку.

— Ну?!—отозвалось разомъ нѣсколько голосовъ, и странно, въ тонѣ этого дружнаго восклицанія слышалась явная радость.

— Ахъ ты, грѣхъ какой, право! Груды насевозъ проросли, а у несжатого овса все зерно осыпалось и солома попортилась, —продолжалъ между тѣмъ Фильва печально, тщательно осматривая полосу шагъ за шагомъ.

— Нѣтъ, ужъ видно какъ беда, такъ беда у всѣхъ! —посочувствовали ему.

Долго ходили лобановцы отъ полосы къ полосѣ, приглядываясь къ своему убогому урожаю, и не знали, что дѣлать: жать немедленно и изо всѣхъ силъ спѣшить уборкой или подождать еще, дать зерну лучше созрѣть?

— Какъ это, Господи-батюшка, и быть-то?.. Кабы знатѣ, что такая красота долго простоятъ, подождать бы тогда, —проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Кабы знатѣ, что у кума питье, былъ бы и я...—проговорилъ Никита.

— Жни, не жни, все одно... Какой ужъ теперь ростъ! —махнула рукой Ивановна.

— Напрасно только шею замотали, не надо бы вовсе связываться... Какъ есть ничего не родилось, а ссуду, небойсь, воротать заставятъ! — громче всѣхъ озлобленно заговорилъ Сенька.

Ему шелъ восемнадцатый годъ и онъ въ послѣднее время все чаще и чаще заявлялъ себя какъ заправскій хозяинъ, какъ „большой“.

Сначала отецъ и мать отъ души радовались, что Сенька бросилъ малыхъ ребятъ, бросилъ мячъ и бабен, и то въ лѣсъ за дровами своей охотой ѣдетъ, то на сходъ вмѣсто отца просится, но скоро они замѣтили, что ихъ малый начинаетъ дурить, передъ ними же деретъ носъ и грубитъ, точно невѣсть проворецъ какой, и принялись закликать его, а порой и „учить“.

Такъ и теперь.

— Ну, ну! Много ты понимаешь! Наслушался отъ Арефы вздору и давай молотъ не знай что! —сердито прикрикнулъ Никита на сына.—Туда же: „шею замотали“!.. Ужъ лучше молчалъ бы, не такъ бы досадно. Они чѣмъ причина, что у тебя не выросло? Взялъ, такъ отдай — это ужъ такое положенье! — горячился Никита.

— Кирька первый начнет пороги обивать, — задорно глядя на Ивановну, мать Кирьки, вставилъ въ разговоръ Сенька снова.

— И не ходилъ бы, миленьки, да что сдѣлаешь, самого турять. Самъ онъ этому не радъ, да вѣдь ужъ поставили сборщиномъ, такъ какъ ему быть-то?—точно жалуясь на кого, проговорила Ивановна, обращаясь ко всѣмъ.

— Кого же въ сборщики и выбирать, какъ не его? Ладно Арефа-то говорить: „другой, пожалуй, когда и смиролить, а ежели Кирька, онъ хоть по копѣчкѣ да по денежкѣ, а ужъ все до чиста выберетъ“, заявилъ Сенька опять.

— Вотъ какая у людей совѣсть! Сколько Кирька отказывался, два ведра воды сулилъ міру, чтобы только освободили,— вотъ какъ передъ Богомъ, сама слышала,—а теперь его же и поносятъ! — неожиданно раздался звонкій протестующій голосъ высокой, плотной молодежи съ круглымъ рябымъ лицомъ, стоявшей позади другихъ.

Всѣ одновременно оглянулись на нее.

Это была Харитонья, вторая жена Фильки, лицо новое въ Лобановщинѣ, про которую съ мала до велика всѣмъ было извѣстно, что замужъ она вышла „нечестной“ и съ которой на этомъ основаніи никто никогда и ни въ чемъ не стѣснялся.

— Ай да Харька! Слышите, добрые люди, какъ она за Кирьку пристааетъ? Жена тутъ же стоитъ и не вступается, а Харька вступилась: ей выходить роднѣе!—сейчасъ же въ отвѣтъ на слова Харитоньи съ нахальнымъ хохотомъ прокричалъ Сенька во всеуслышанье.

Послышался общій смѣхъ.

— А вотъ я ей лишнее-то мясо повытрясу опять, такъ забудетъ свой долгій языкъ чесать!—сурово выговорилъ Филька, сгорая отъ стыда и обиды.

— Тебѣ, Сенька, игрушки... Не объ тебя, видно, оглобли-то будутъ ломать?—укоризненно обратилась Харитонья къ обидчику.

— Ты у меня еще постой тамъ!—погрозилъ ей Филька кулакомъ.

— Такъ какъ же, братцы, и вправду, жать или не жать?—обратился къ окружающимъ Никита еще разъ.

— Чего ждатель-то? жать надо; давайте зачнемъ, благословясь —предложила Ивановна. —Вонъ Михевна ужъ съ коей поры жарь-жарить.

— Первая начала, послѣ всѣхъ кончишь,—пошутила Мигричева Паша, проходя мимо Маланьи.

— Какъ мнѣ не послѣ-то, вѣдь я одна,—отвѣтила Маланья, не глядя на говорившую.

II.

Спустя два дня Маланья дѣйствительно одна-одинехонька работала въ полѣ. У ея сосѣдей все уже было сжато и свезено, и только на поляхъ прошинцевъ виднѣлись еще одинокія фигуры жнецовъ, да позади прошинскихъ полей, на опушѣ лѣса, курился небольшой костеръ, у котораго запоздавшіе жнецы отогрѣвали время отъ времени свои окоченѣвшія подъ холоднымъ вѣтромъ руки.

Погода опять испортилась и была суровѣе, чѣмъ это можно было ожидать по времени года. Сѣверный, совершенно ледяной вѣтеръ пронзительно свистѣлъ и завывалъ въ пустомъ полѣ, быстро двигая массы свинцовыхъ облаковъ, изъ которыхъ то-и-знай брызгали крупный, вѣсой, больно сѣкущій лицо и руки дождикъ. Иногда, вмѣсто дождя, съ неба сыпалась крупа, и тогда Маланья переставала жать, накрывала голову подоломъ полупубы и, повернувшись спиной къ вѣтру, зорко всматривалась въ дорогу къ дому, откуда, по ея мнѣнію, давно уже пора было появиться Мишкѣ съ лошадыю Никиты, еще вчера выпрошенной на весь день для возки сноповъ.

„Буде не даль Никита лошади? Пожалуй что, глядя на непогодъ, не дастъ; молодая она у нихъ, и на свою-то работу ее жалѣютъ; надо быть, не даль... Ахъ ты, наказанье какое! Вишь вѣдь какъ обложило кругомъ,—ежели не свеземъ до большого неастыя, все у насъ западетъ, до снопика!“ думала Маланья, страшно въ то же время досадуя на мѣшкотность и неповоротливость Мишки. „Чего онъ тамъ попусту глаза продаетъ?—говорила она себѣ.—Давно бы надо прибѣжать сюда сказать, что не дали; тогда я хоть бы къ Титу Андроничу его послала. А пожалуй, и они не дадутъ—не прежняя пора“...

Да, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, пора для Маланьи была не прежняя. Ея близкія отношенія въ семьѣ Тита Андронича давно уже перешли въ обыкновенныя сосѣдскія, и въ настоящемъ она стояла отъ двора Лобановыхъ такъ же далеко, какъ и всѣ остальные въ починѣ.

Сдѣлалось это постепенно, въ силу естественнаго хода вещей, а потому безъ всякихъ непріятностей; но Маланья такая переменна тѣмъ не менѣе была настолько тяжела, что теперь, въ

случаѣ нужды, съ просьбой о помощи она шла къ Титу Андроничу къ послѣднему.

Послѣ свадьбы Груни, сыгранной вслѣдъ затѣмъ, какъ сдали Федора въ солдаты, на которой Маланья была первой страпухой и вдобавокъ погонихой, Агаеья Абросимовна значительно рѣже стала прибѣгать къ ея услугамъ. Сама шла на рѣку, сама ѣхала на село, не кого было больше ни охранять, ни провожать, не на кого было прастъ и твять, и надобность въ присутствіи и работѣ Маланьи сразу сократилась чуть не на половину.

Досадно было Маланьѣ новое положеніе дѣлъ, но она понимала, что при измѣнившихся обстоятельствахъ иначе не могло и быть, и не обижалась, тѣмъ болѣе, что на большія работы, въ родѣ сѣнокоса или спѣшнаго жнитва, Лобановы звали ее по прежнему.

Но вотъ Фильгѣ удалось, наконецъ, жениться во второй разъ, и Маланья окончательно стала ненужной въ хозяйствѣ Тита Андронича. Харитонья оказалась бабой проворной и смышленной, несмотря на свое непутное поведеніе, и, какъ работница, имѣла передъ Маланьей то огромное преимущество, что за ея услуги ничего не приходилось платить; она работала изъ-за хлѣба.

Маланью перестали звать и на большія работы.

А у самой Маланьи въ то же время надобность въ сосѣдской услугѣ все росла, какъ росли ея семья и нужды семьи. Бромѣ Мишки и Ефима, у нея родилась еще дочь. Теперь Дунѣ, дѣвочкѣ Маланьи, шелъ уже третій годъ, но она только съ мѣсяцъ назадъ начала ходить. Этотъ долго не ходившій ребенокъ связалъ бы Маланью по рукамъ и по ногамъ, еслибы не Улита, обратившаяся съ теченіемъ времени въ безсмѣнную домовницу и пѣстунью.

Однако, какъ ни надрывалась на работѣ Маланья, какъ ни споравливала ей Улита, въ общемъ всѣмъ имъ вмѣстѣ частенько-таки приходилось не доѣдать и не допивать, мерзнуть въ нетопленной избѣ, закладывать или продавать послѣднее.

Къ безпомощному положенію Маланьи давно всѣ привыкли, и оно не только ни въ комъ не вызывало больше чувства состраданія, но какъ-то точно не замѣчалось даже. У каждаго были свои заботы и огорченія, свои недостатки и бѣды, особенно въ послѣдніе неурожайные годы: тутъ уже не до сосѣда, впору съ своими-то дѣлами справиться.

— Какъ живешь-можешь, Михевна? — скажетъ иногда при встрѣчѣ съ Маланьей Титъ Андроничъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Живу, Тить Андронычъ, поболь мыши голову не отъбли,
—отвѣтитъ Маланья съ поклономъ.

— Бѣгаешь?

— Бѣгаю.

На этомъ и кончится.

Теперь Маланья могла изнемогать подъ непосильными ношами хвороста сколько ей угодно, могла падать вмѣстѣ съ ними, рискуя сломать руки и ноги и т. д.,—никому не было до нея дѣла, никто больше не трогался ея судьбой настолько, чтобы на собственной лошади съѣздить въ лѣсъ за дровами для нея и тѣмъ въ значительной мѣрѣ облегчить ея положеніе, поберечь ея здорově и время.

Устраненная за ненадобностью отъ работы, Маланья продолжала ходить въ Титу Андронычу по нуждѣ.

— Одолжите мнѣ, Тить Андронычъ, муки съ пудикъ! Чѣмъ вамъ угодно, тѣмъ и отдамъ: ежели до осени подождете, мукой отдамъ, не станете ждать—деньгами. На той недѣлѣ деньги у меня будутъ: Зотихины красна въ эту пятницу непременно кончу, вотъ и перевернусь опять,—говорила Маланья бывало, по привычкѣ смѣло входя въ избу Тита Андроныча.

— Насыпь ей, Абросимовна. Деньгами отдашь. До муки гдѣ ждать, и муки у насъ довольно; деньгами лучше. Да вы что по многу ѣдите? давно ли два пуда уволокли и опять муки тебѣ?—шутить Тить Андронычъ.

— Ъстся, такъ какъ... Не изъ семи же ровно овчинъ брюхато у насъ спиты, да ужъ ѣстся, такъ что сдѣлаешь...

— И тебя бы однимъ хлѣбомъ, безъ всякой приварки, покормить, такъ тоже, поди, ломтя-то на выть недостало бы, — смѣясь, замѣтила мужу Абросимовна.

— Одолжите чугуночка! Дайте лошади наземъ увезти! Пустите и мое жито въ вашу телѣгу положить, на себѣ ни за что не дотащить мнѣ его до мельницы, и т. д.,—просила Маланья Тита Андроныча или Абросимовну чуть не каждый день и почти никогда не встрѣчала отказа.

Но скоро и этому суждено было прекратиться.

Андрей Титычъ женился на единственной дочери богача-мельника, Прохора Терентьича Гнусова, и съ водвореніемъ богатой невѣстки въ домѣ Тита Андроныча все пошло по новому.

Въ первый же разъ, какъ пришла Маланья на дворъ Лобановыхъ послѣ свадьбы Андрея Титыча, прежде всѣхъ она натолкнулась на молодую.

Настасья Прохоровна, нарядная, красивая, заложивъ руки

подъ кумачевый передникъ, спокойно стояла на крыльцѣ, какъ разъ надъ лѣстницей и не подумала посторониться, чтобы дать Маланьѣ дорогу, хотя та поднялась уже къ ней вплотъ.

— Мнѣ бы Агаею Абросимовну повидать,—сказала ей Маланья.

— Спать она,—проговорила молодая, по прежнему не дѣлая ни малѣйшаго движенія и продолжая лѣниво глядѣть поверхъ Маланьиной головы.

— Цѣпъ хотѣла у ней попросить; мой-то сейчасъ пополамъ переломился, теперь хотъ реви,—сказала Маланья.

Настасья Прохоровна промолчала; но Филька, подметавшій дворъ и слышавшій разговоръ, бросилъ метлу и, направляясь къ амбару, гдѣ хранились цѣпы, сказалъ на ходу Маланьѣ: — Зачѣмъ тебѣ Абросимовна,—развѣ я и безъ нея не дамъ?

— Вотъ спасибо тебѣ! а то хотъ реви, передъ Богомъ! — благодарно проговорила Маланья, спускаясь обратно по лѣстницѣ.

— Не смѣй давать безъ хозяевъ! — въ ту же минуту раздался властный голосъ Настасьи Прохоровны.

Филька опѣшилъ. Маланья остановилась и въ неопisanномъ удивленіи смотрѣла на жену Андрея Титыча.

А та стояла все такъ же неподвижно и ни въ лицѣ, ни во взглядѣ ея не замѣчалось ни малѣйшаго раздраженія — точно строгій приказъ, только что прозвучавшій, былъ отданъ кѣмъ-то другимъ.

— Михевна у насъ замѣсто своей,—осмѣлился заявить Филька молодой хозяйкѣ.

— Ты мель, такъ и мети! — было ему отвѣтомъ.

Маланья со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать со двора Тита Андронича. Никогда еще въ жизнь свою не видала она отъ сосѣдей такой обиды.

— Про всѣхъ не напасешься! есть ихъ, побирухъ! — услышала она позади себя.

Долго послѣ этого Маланья ни за чѣмъ не обращалась къ Лобановымъ, но при бѣдности трудно быть разборчивой, и ей снова не разъ и не два, а сотни разъ пришлось повлѣнуться богатымъ сосѣдямъ.

— По себѣ ли, парень, дерево гнешь? — спросилъ Титъ Андроничъ сына, когда тотъ попросилъ его послать сватовъ въ Гнусову.

— А что, по твоему, я ея не стою? — спросилъ, въ свою очередь, Андрей.

— Не довелось бы послѣ плакаться?..

— Ну, я не таковскій. Другой, ежели желательно, плачь, а я не согласенъ.

— Богатая, одна дочь у отца, нѣжная, значить, — работы настоящей отъ нея ужъ не жди, — толковалъ Тить Андронычъ свое.

— Обойдется!

— Нѣтъ, вѣдь жена-то, смотри, братъ, не лошадь...

— Ничего, справлюсь...

— Самъ знаешь.

— Дѣвка знатная, ничего за ней не слышно и одна какъ перстъ; въ случаѣ чего, все ей, — говорилъ Андрей.

Тить Андронычъ нерѣшительно почесалъ въ затылкѣ и, смотря на сына сощуренными глазами, смѣшливо выговорилъ: — Не отдадутъ!

— А ты почему знаешь? — вступилась Абросимовна, которой выборъ Андрея былъ какъ нельзя болѣе по душѣ.

— Не пара мы имъ... Подъ Гнусовскую казну не такіе подкатать...

— Худой сватъ ѣдетъ, хорошему путь топчетъ, — возразила Абросимовна.

— То-то: топчетъ... Неохота мнѣ топтать-то, про это и говорю, — не унимался Тить Андронычъ.

— Полно, Андронычъ, поѣзжай съ Богомъ! Чего радишься? въ лобъ не ударять, — настаивала Абросимовна.

— Возьмемъ у старовѣра — она съ нами и ѣсть-то не stannoтъ...

— Какіе они старовѣры! — разсмѣялся Андрей.

— Заритесь на богатство, а по мнѣ такъ попроще-то лучше бы было, — протестовалъ Тить Андронычъ.

Однако, въ концѣ концовъ, онъ все-таки поѣхалъ къ Гнусову сватомъ.

— Проси тысячу; куда ему, старому вору, деньги дѣвать. Говори: у него все одно, что у тебя, деньги цѣлы будутъ. Умѣеть, молъ, не хуже тебя копѣйку жать. Такъ и скажи. Не на вѣтеръ, молъ, свою тысячу бросишь. Станеть торговаться — сразу не сбавляй, а по маленьку, и меньше семи сотъ не бери. Изъ семи сотъ копѣйки не выступай! — наказывалъ Андрей, провожая къ Гнусову отца.

Тить Андронычъ недовѣрчиво посмѣивался.

— Ой, широко забираешь! Какой дуракъ тысячу тебѣ дать? Двѣ не надо ли? мнѣ бы ужъ за-одно пустяки молоть.

— Онъ все смѣется, не вѣритъ! Развѣ сталъ бы я зря засылать!.. Гнусовъ самъ не единова закидывалъ мнѣ словечки... Когда ни сойдись, все хвалить. А въ послѣдній разъ такъ даже прямо сказалъ: „ежели по Настасью такой пріѣдетъ, со слова

отдамъ", — сказала Андрей матери, когда Тить Андронычъ съѣхалъ со двора.

— Дай Богъ въ часъ, во святой, во архангельскій! — врестилась Абросимовна.

— Ладно бы вышло, — говорилъ Андрей, уже сидя въ избѣ: — опричь мельницы у него кабаковъ до десятка, знать-то, есть. Первый, можно сказать, обирало въ нашихъ мѣстахъ... Однимъ бы хоть бочкомъ мнѣ къ нему подлѣзть, такъ ужъ тутъ я бы зналъ, какъ до его кошеля добратся...

— А самое-то невѣсту видаль? — спросила Абросимовна.

— Сколько разъ!

— Какова?

— Дѣвушка ничего, чернобровая, чистолицая, ростомъ съ тебя замало, вотъ только тончава...

— Станемъ пуще кормить, такъ развѣется, — любовно пошутила Абросимовна, впередъ уже расположенная къ будущей невѣстѣ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ завѣтной мечтой Абросимовны было женить Андрея непременно на богатой, и теперь, когда обстоятельства начинали складываться именно такимъ образомъ, обычное благодущіе Абросимовны удвоилось.

Наперекоръ сомнѣніямъ Тита Андроныча, поѣздка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Предложеніе выдать дочь за Андрея было принято Гнусовымъ дѣйствительно съ перваго слова, и хотя насчетъ приданого поторговались, но и тутъ, несмотря на всю свою скромность, Тить Андронычъ вырядилъ для сына не семьсотъ, какъ было ему разрѣшено, а цѣлыхъ восемьсотъ рублей.

— Не ошибся Андрей Титычъ невѣстой: сколь сундуговъ однихъ — батюшки мои свѣты! возили да возили, я ужъ думала и не перевозать, — говорила Степанида сосѣдямъ въ день свадьбы.

— Ну, какова твоя молодущечка, Абросимовна, по сердцу ли тебѣ? — спросила Маланья двѣ недѣли спустя, увидавъ Абросимовну изъ своего огорода, когда та выходила изъ бани.

— Новины стелешь? — спросила Абросимовна, подходя къ плетню.

— Стелю; пускай еще хоть съ недѣлку полежать.

— То и есть.

— Чтѣ, молъ, молодущка-то у тебя? — повторила Маланья.

Абросимовна оглядѣлась и, понизивъ голосъ, проговорила:

— Полѣнива. Все сложа руки сидить... Ну, да не сколь и времени-то еще прошло — не оглядѣлась.

— А такъ-то ничего, ласкова?

— Это ужъ не пожалуюсь: все „батюшка“ да „матушка“; за обѣдъ, за ужинъ благодарить; куда пойдетъ—все съ благословеньемъ; Андрию въ сѣняхъ встрѣчаетъ; все ладно, только вотъ рубъ ни до чего не доткнетъ...

— Нѣжная...

— Бѣда!

Въ другой разъ, уже мѣсяца черезъ два, въ такой же конфиденціальной бесѣдѣ Абросимовна сообщила Маланьѣ, что Настасья Прохоровна у нихъ тоскуетъ.

— Все бы къ отцу да къ отцу; а когда не отпустишь, такъ, пожалуй, и въ слезы,—говорила Абросимовна.

— Андрей-то чего глядитъ?—спросила Маланья.

— Совсѣмъ другой онъ сталъ... Я ему говорю: не порядки, моль, это—все шмыгъ да пошмыгъ, пора, моль, и дѣло знать, а онъ мнѣ не лучше, не хуже: „я, говорить, не въ работницы ее бралъ“.

— Съ деньгами взялъ, вотъ и уважаетъ,—замѣтила Маланья.

— А коли такъ, говорю, такъ и я не работница вамъ...

— Не надо же бы Андрею потакать ей; послѣ самъ не радъ будетъ.

— Ты говори... Изучился нынче—и не видаешь, какъ къ отцу ее умчить. Не даромъ, видно, пословица говорится: „Ночная кукушка всегда перекукуетъ“,—жаловалась Абросимовна.

Издавна привыкшая, чтобы ея распоряженія исполнялись безпрекословно, Абросимовна съ каждымъ днемъ чувствовала себя все болѣе обиженной и никакъ не могла примириться съ своимъ новымъ положеніемъ въ домѣ. Пытаясь отстоять свои права полноправной хозяйки, она не разъ пробовала говорить съ Андреемъ и съ Титомъ Андроничемъ, но ничего изъ этого не вышло. Андрей или молчалъ, или держалъ сторону жены. Титъ Андроничъ, если бывалъ въ дурномъ расположеніи, тоже только молчалъ, да какъ-то двусмысленно кряжалъ, а въ хорошемъ—надъ ней же шутилъ.

— Не поздненько ли спохватилась? Все тебѣ не ладно! Ужъ и богата, и изъ хорошаго дому взята, а все мало... Съ чего молодушка слушать тебя да влнаться тебѣ станеть—не за то ли, что деньги къ намъ принесла? Куплены мы теперь и со всѣми черѣвами нашими—какіе ужъ тутъ разговоры!.. Да смирна еще Настасья-то, вотъ я тебѣ чтд скажу, право. Будь я на ея мѣстѣ, я бы тебѣ не такъ еще носъ утеръ, — говаривалъ въ такихъ случаяхъ Титъ Андроничъ.

Абросимовна скрѣпилась и замолчала.

— Плюну на все—Богъ разсудить!—порѣшила она и повела все по старому, какъ и до Настасьи Прохоровны было. Вставала вмѣстѣ съ пѣтухами, стряпала, работала всякую работу, стараясь не думать о томъ, что на чистой половинѣ до полудня спитъ молодухка, которая могла бы замѣнить ее во многомъ, и когда та просыпалась, наконецъ, и выходила умываться, Абросимовна равнодушно приказывала Харитонѣ подавать въ горницу самоваръ.

— Велѣла тебя посылать чай пить,—говорила Харитонья, возвращаясь отъ Настасьи Прохоровны.

— Собирай-ка обѣдать, ступай!—приказывала Абросимовна работницѣ вмѣсто отвѣта.

Такъ и пошло: въ горницѣ у Настасьи Прохоровны пили чай, ѣли икру, семгу и невѣдомо гдѣ испеченные пшеничные пироги съ малосолымъ судакомъ или сазаномъ, грызли орѣхи и пряники, а въ избѣ въ это время старики съ Филькой и Харитоньей сидѣли за общимъ столомъ и хлебали какую-нибудь гороховицу, щи изъ солонины или рѣдьку въ терку.

Если Гнусовъ заѣзжалъ когда провѣдать дочку, онъ проходилъ прямо къ ней, здороваясь съ сватами только мимоходомъ. Если Андрей являлся домой на ночку, отецъ съ матерью его почти не видали.

— Что же это у насъ будетъ, а?—не выдержалъ, спросилъ разъ Титъ Андроничъ сына, торопливо, стоя на ногахъ, отдававшего ему отчетъ и выручку за недѣлю и снова намѣревавшегося ускользнуть къ женѣ.

— А что?—приостановился Андрей.

При этомъ хладнокровномъ откликѣ Титъ Андроничъ побагровѣлъ и задрожалъ отъ гнѣва, но сдержался.

— Не маленький, самъ знаешь!—глухо выговорилъ онъ, проворно вставая съ мѣста и выхода изъ избы прежде сына.

— Чего его розняло?—вопросительно обратился Андрей къ матери.

Абросимовна съ нѣмымъ укоромъ поглядѣла на сына.

Андрей громко плюнулъ. Повидимому, онъ дѣйствительно не понималъ, чего отъ него хотѣли, между тѣмъ какъ Титъ Андроничъ былъ увѣренъ, что объяснился съ нимъ какъ нельзя болѣе ясно.

Относительно Тита Андронича между сосѣдями сложилось мнѣнiе, что въ семьѣ у него „самъ Богъ поживаетъ“. И точно, все у него всегда спорилось: хлѣбъ родился; скотъ—свотина къ скотинѣ; отъ ямской гоньбы одна прибыль; съ женой жилъ онъ

душа въ душу, дѣти росли всѣмъ на удивленіе. Никогда во всю долгую жизнь не знавалъ онъ нужды, не видалъ обиды и ни съ кѣмъ ни изъ-за чего не враждовалъ. Всѣми уважаемый, степенный и добродушный, онъ не имѣлъ ни повода, ни случая на кого бы то ни было гнѣваться, кому бы то ни было завидовать. „Всѣмъ отъ Господа моего взысканъ“, благодарно думалъ онъ чуть не всякій день, кончая молитву на сонъ грядущій.

— Вотъ тебѣ и „самъ Богъ почиваетъ“! — шепталъ Титъ Андронычъ въ глубокомъ огорченіи послѣ только-что приведеннаго столкновения съ сыномъ и чуть не плакалъ подѣ наплывомъ непривычныхъ для него чувствъ и думъ.

Давно уже замѣчалъ онъ, что Андрей жульничаетъ, что Андрей отъ него, отца родного, сторонится, а съ тестемъ у него все заодно, да все самъ себѣ не вѣрилъ, все ждалъ, что парень опомнится и снова, какъ должно, возьмется за дѣло. „Не то онъ плохо нынѣ глядитъ за гоньбой—да и когда ему глядѣть? и днюетъ, и ночуетъ у Прохора на мельницѣ!—не то, прости Господи, воруетъ!“ — размышлялъ Титъ Андронычъ въ неопisanномъ смущеніи отъ неожиданно чуть не на половину сократившихся по станціи доходовъ.

— Неужели у родителя подымется рука тащить?—спрашивалъ онъ себя.—И хоть бы я обижалъ его когда, хоть бы сокращалъ въ чемъ? Какъ есть хозяиномъ жилъ... И не имъ ли все достанется? — продолжалъ онъ, не зная, какъ и объяснить непонятное поведеніе сына.

Вдругъ онъ всталъ какъ вкопанный: его осѣнила мысль, которая все объясняла какъ нельзя лучше.

— Дѣлиться хочеть, какъ Богъ святъ—дѣлиться!—выговорилъ онъ вслухъ и окончательно растерялся.

И не одному только Титу Андронычу пришла эта мысль о раздѣлѣ. То же самое думали и Филька съ женой, и Абросимовна, и даже сосѣди, которые черезъ Харитонью довольно близко знали всѣ обстоятельства нынѣшней жизни Лобановыхъ и усердно судили и пересуживали ихъ.

Между тѣмъ самъ Андрей Титычъ и не заикался еще о раздѣлѣ. Онъ по прежнему отдавалъ отцу отчетъ и по прежнему же привозилъ домой подозрительно малыя суммы, но велъ себя тихо и смирно, не грубилъ, работалъ.

— Сегодня я поѣду на станцію, а ты, Андрей, дома оставайся!—объявилъ однажды Титъ Андронычъ для всѣхъ неожиданно.

Андрей ушамъ своимъ не вѣрилъ.

— Али давно вѣсти не баливали?—растерянно усмѣхаясь, спросилъ онъ у отца.

— Попробую, трахну стариной; можетъ, и гожусь еще,—многозначительно проговорилъ Тить Андроничъ, стягивая съ палатей опояску.

— Неужто и впрямь безъ меня поѣдешь?—спросилъ Андрей, блѣднѣя.

— А ты что мнѣ за пѣстунъ? не бойся, ничего не истеряю и безъ тебя!—съ едва замѣтной скорбной усмѣшкой выговорилъ Тить Андроничъ, надѣвая шапку.

Андрей не зналъ, куда глядѣть отъ стыда; но онъ видѣлъ, что ничего уже сдѣлать не въ силахъ, и ограничился только тѣмъ, что ушелъ на женину половину.

— Ну, тестенежь любезный, научилъ ты меня поглубже клешню запускать, а какъ у старика умъ отнять—не научилъ! Теперь хотъ сѣвозъ землю провалиться, такъ въ ту же пору,—говорилъ Андрей Гнусову въ этотъ день вечеромъ, нарочно за этимъ прїѣхавши къ нему съ женой.

— Что у васъ стряслось?—довольно спокойно спросилъ у зятя и дочери мельникъ и сейчасъ же приказалъ грѣть для гостей самоваръ.

— Говорилъ я тебѣ: не надо такъ вдругъ, безо всякой совѣсти хапать, не послушалъ ты меня... Я, можетъ, пятый или шестой годъ не все старику сдавалъ, и все онъ мнѣ вѣрилъ, никогда этого сраму не было, чтобы самъ, значить, на станціи стоялъ, а теперь—на поди!.. Гдѣ же видано, чтобы по цѣлой трешницѣ на недѣлю тянуть! великъ ли весъ-то прогонъ у насъ! Это хотъ и дуракъ какой, такъ и тотъ размозгуеть, что его грабятъ,—горячо принялся упрекать Андрей теста, не садясь на мѣсто и не раздѣваясь.

Прохоръ Терентичъ глядѣлъ на него и улыбался. Вся его крошечная, сухая, юркая фигура выражала полное удовольствіе, и чѣмъ Андрей больше упрекалъ его и волновался, тѣмъ больше Гнусовъ радовался.

— Плохо твое дѣло, сыночекъ, плохо, плохо... Пожалуй, родитель-то на порогъ тебя да въ шею... Не говорилъ, что прогонить? не грозилъ со двора согнать?—спрашивалъ онъ, проницательно глядя на Андрея.

— И прогонить, ты что думаешь!—мрачно отозвался Андрей.

— Ахъ, и другъ же былъ бы онъ мнѣ, кабы и точно прогналъ тебя!—проговорилъ Гнусовъ уже совершенно серьезно.—Гдѣ мнѣ, въ мои года, одному-на-одно со всѣми дѣлами упра-

виться? Для чего мнѣ, при моемъ сиротствѣ, съ единственнымъ дѣтищемъ врозь жить? Гнусова, братцы, трудно обчитать!.. Такъ бы и отдалъ я за тебя, за сиволапаго, Настю, ежели бы я свое при этомъ не соображалъ...

Андрей внимательно слушалъ.

— У меня кабаки, у меня мельница, у меня капиталы,— продолжалъ Гнусовъ, пригибая пальцы:— какъ же мнѣ не позаботиться было? Я тебя давно приглядѣлъ! Вотъ ты экононый еще былъ, какъ я тебя запримѣтилъ, съ глазъ не спускалъ. Вижу, дѣны парню нѣтъ—ну, и осчастливилъ.

— А какъ проклянетъ?

— Это Тить-то проклянетъ? Бога ты, малый, гнѣвишь! Не проклянетъ онъ тебя, а уступить мнѣ—уступить, къ тому и веду...

Андрей начиналъ понимать планы тестя, и они чрезвычайно льстили ему, но въ то же время ему отъ нихъ и не по себѣ какъ-то было.

До сихъ поръ выгоды отъ его женитьбы на Настасѣ Прохоровнѣ представлялись ему не иначе, какъ въ видѣ приданныхъ денегъ и другихъ, случайныхъ, небольшихъ денежныхъ выдачъ на разныя нужды, изъ которыхъ, по его соображеніямъ, въ концѣ концовъ, должна была образоваться болѣе или менѣе солидная сумма, скорѣе прямо солидная, такъ какъ въ нее должно было войти и то, чтѣ онъ тянулъ у отца. Сперва будетъ тысяча, а потомъ и двѣ, и три. Однихъ процентовъ, на худой конецъ, полтора ста рублей! Тутъ онъ, такъ или иначе, а ужъ непременно устроить такъ, чтобы ямскую гоньбу отецъ передалъ въ его полное распоряженіе. „Которое пускай благословить, которое скуплю у него. Прекращу всякій доходъ—по-неволѣ отступится... А маленько погода можно будетъ и на-готово врозь... Кабы еще тутъ же и тестя Богъ прибралъ,—умирать бы тогда не надо!“—думалъ иногда Андрей. Но какъ бы далеко ни заходилъ онъ въ своихъ радужныхъ мечтахъ о будущемъ, ему никогда не снилось, чтобы Гнусовъ пожелалъ водворить его у себя. И вотъ это, въ сущности, обстоятельство и беспокоило Андрея. „Такой кремень-мужикъ не усыновить даромъ. Не поглядить и на дочь—такъ запряжетъ, въ такія ежовыя рукавицы заберетъ, что не радъ, пожалуй, и деньгамъ будешь!“ думалъ Андрей, однако не возражалъ.

— Ты пока чтѣ помалкивай, паренекъ!—отечески посовѣтовалъ Прохоръ Терентьичъ:—сейчасъ тебѣ отъ родителя ни съ чѣмъ не вылѣзть, потому некъмъ ему безъ тебя взяться: однѣ-то руки—не руки; по этой причинѣ, докуда Федоръ у васъ не воз-

вратится—не начинай! А дождешься брата, тогда у насъ сворый разговоръ пойдетъ... тогда живой рукой переселю васъ въ себѣ.

— Жди его!—выговорила свое слово и Настасья Прохоровна, до этого молча пившая чай.

— Долго ждала, не долго подождешь,—отвѣтилъ ей отецъ.— Не за горами и Федоръ, того гляди, явится.

Послѣ первой поѣздки Тита Андроныча на станцію, вполне подтвердившей его подозрѣнія относительно сына, онъ все чаще сталъ ѣздить въ Покровское и нерѣдко, несмотря на присутствіе Андрея, жилъ тамъ по недѣлѣ и больше. Пьяницу-ямщика, мошенничавшаго за-одно съ Андреемъ, онъ рассчиталъ, другимъ пригрозилъ тѣмъ же, только сыну не сказалъ ни слова; но тотъ и безъ словъ отлично понималъ, что открытъ, и теперь уже держалъ ухо востро.

Благодаря этому, дѣла на станціи снова пришли въ порядокъ, и, казалось бы, Титу Андронычу оставалось только радоваться, что все обошлось такъ благополучно. Но онъ не обманывалъ себя никакими пріятными соображеніями, такъ какъ хорошо зналъ, что Андрей смирился лишь на время.

— Покуда стою надъ нимъ, до той поры онъ и вѣренъ, а брошу—опять обираться примется,—говорилъ старикъ Лобановъ женѣ. „Скоро ли ужъ и Федянька-то выйдетъ изъ службы?—думалъ онъ, одиноко коротая время на станціи:—поставилъ бы его здѣсь замѣсто себя, тогда меня опять не выманили бы изъ дома и пріинимомъ“.

И Титъ Андронычъ счастливо улыбался.

Въ послѣднее ненастье онъ крѣпко простудился и вернулся домой совсѣмъ больнымъ. Подъ вечеръ Фильку послали за фельдшеромъ.

— Вотъ такъ Андрей Титычъ! ухѣдилъ, смотри, родителя-то... Кабы не его озорство, сталъ ли бы старикъ трястись въ экую непогодъ?.. Это все Прохоръ Андрейка подъ свою руку гнетъ, отъ него это все у Андронычевыхъ пошло, истинно отъ него! Хоть кого спроси—первый подлецъ!—говорили сосѣди.

Перебирая въ своемъ умѣ всѣ эти суды и пересуды, Маланья невольно раздумалась надъ ними подъ свистъ завывавшаго вокругъ нея вѣтра: „Нѣтъ, видно, и богатаго до одного же времени Богъ бережетъ“,—разсуждала она:—„ужъ у Андроныча ли не благодать была—рай земной! Споконтъ вѣку жили всѣмъ на удивленіе, сытно, мирно, справедливо; а вотъ напелъ злой часъ—и зачали маяться, какъ и мы грѣшныя“...

Маланья продрогла, что называется, насъвозъ; ея полупубокъ

сильно обледенѣлъ, побагровѣвшія руки почти не гнулись, а Мишки все не было. Наконецъ, вдалекѣ послышался стужъ колесъ о мерзлую землю, и черезъ двѣ-три минуты изъ-за пригорка показался Мишка на Никитиной лошади.

— Гдѣ ты былъ до этой поры? Я ужъ думала, на-готово пропалъ вмѣстѣ и съ Никитой,—недовольнымъ, простуженнымъ голосомъ крикнула Маланья, когда Мишка, сидя бочкомъ на роспускѣ, подкатилъ къ ней совсѣмъ близко.

— Никита погоду все пережидаль,—отозвался Мишка, проворно соскакивая съ телѣги и принимаясь таскать на нее снопы.

— Переждешь ее!—проговорила Маланья.

— Я было въ одной рубахѣ поѣхалъ, да Улита вернула. И ладно, что оболочку захватилъ: всего бы меня, въ рубахѣ-то, испрохлестало...

— Ну, ну, ворочайся! Вишь вѣдь какая сыплетъ, поворачивайся знай!—торопила Маланья сына.

В. Шиловъ.

РЕФОРМА ГИМНАЗІЙ

ВЪ

ШВЕЦІИ

Положеніе второстепенныхъ государствъ, какъ извѣстно, имѣеть въ нѣкоторомъ отношеніи свои выгоды. Государства первоклассныя, занятыя по своему положенію внѣшнею политикою, принуждены потому обращать особенное вниманіе на внѣшнія отношенія. Ихъ первенствующая роль вынуждаетъ ихъ дѣлать всѣ усилія для поддержки своего международного значенія. Онѣ обязаны значительную часть своихъ денежныхъ средствъ употреблять на увеличеніе своей вооруженной силы и сохраненіе ея всегда на-готовѣ, нерѣдко въ ущербъ не менѣе важнымъ внутреннимъ задачамъ. Нерѣдко также внѣшнія политическія событія пріостанавливаютъ ихъ внутреннее развитіе на цѣлыя годы.

Второстепенныя государства не испытываютъ такихъ неудобствъ, неразлучно связанныхъ съ положеніемъ могущественныхъ державъ. Онѣ не могутъ производить рѣшительнаго вліянія на всемірную политику, а еслибы и пожелали разыграть въ ней болѣе видную роль, то всегда обязаны при этомъ опираться на другое, болѣе сильное государство. Поэтому будучи такимъ образомъ ограничены въ своей внѣшней дѣятельности, онѣ силою вещей принуждены обращать болѣе вниманія на свои внутреннія дѣла. Но это именно и должно составлять для нихъ нѣкотораго рода вознагражденіе за незначительность ихъ международного значенія.

Къ такимъ государствамъ можно причислить и Швецію. Когда-

то, въ XVII и даже въ XVIII ст., она наполняла міръ славою своего оружія, принимала участіе въ событіяхъ всемірнаго значенія. Но времена Густава-Адольфа и Карла XII, къ счастью для Швеціи, уже давно миновали, она давно сошла съ всемірной политической арены, но зато Швеція имѣла возможность обратить всѣ свои усилія на внутреннія реформы, на развитіе своихъ экономическихъ отношеній, на законодательныя и административныя усовершенствованія.

Къ такимъ реформамъ слѣдуетъ причислить и преобразование гимназій. Въ Швеціи въ послѣднее время достигли того, что ученики гимназій—несмотря на то, образуются ли они въ классическомъ или реальномъ направленіи,—посѣщаютъ однѣ и тѣ же училища, состоятъ подъ руководствомъ тѣхъ же директоровъ и учителей, обучаются совмѣстно тѣмъ же предметамъ и въ такомъ же объемѣ. Все различіе между тѣми и другими состоитъ въ томъ только, что одни обучаются отдѣльно въ извѣстные часы древнимъ языкамъ, другіе же—особымъ наукамъ. Надобно думать, что вскорѣ исчезнетъ даже и это различіе. Такимъ образомъ, Швеція, устроивая однородное училище, общее для всей учащейся молодежи, раньше всѣхъ другихъ осуществила цѣль, къ достиженію которой только-что еще обнаруживается стремленіе въ Германіи ¹⁾, и многіе нѣмецкіе педагоги считаютъ шведское устройство среднихъ учебныхъ заведеній образцомъ, по которому со временемъ будутъ устроены и германскія гимназіи ²⁾.

I.

Въ средніе вѣка и въ Швеціи тоже, какъ и въ остальной Европѣ, существовали только латинскія школы, цѣль которыхъ состояла исключительно въ приготовленіи къ духовному званію. Въ нихъ обучали только закону Божію, латинскому и шведскому языкамъ. Онѣ были устроены по школьному регламенту 1571 г., составленному по саксонскому регламенту Лютера. Но уже въ 1620 г. Густавъ-Адольфъ издалъ новый училищный регламентъ, по которому училища должны были готовить не только къ духовному званію, но и къ занятію государственныхъ должностей. По этому регламенту, а также по регламенту королевы Христины, 1649 г., училища дѣлились на гимназіи, высшія и низшія, такъ-

¹⁾ См. выше: „Реформа гимназій въ Германіи“, апр., 475 стр.; май, 57 стр.

²⁾ Н. Klinghardt, Das höhere Schulwesen Schwedens und dessen Einrichtung im modernen Sinne, 1887.

называемыя тривіальныя училища. Первыя имѣли въ виду приготовленіе чиновниковъ; послѣднія—приготовленіе лицъ, желающихъ обратиться къ практическимъ занятіямъ. Несмотря на то, и въ первыхъ, и во вторыхъ преобладало классическое образованіе, хотя и тогда преподавались въ незначительномъ размѣрѣ и другія науки, какъ напр. ариѳметика, географія, всеобщая исторія, наука объ обществѣ и начала шведскаго законодательства. Училищныя регламенты 1724 и 1760 г. не ввели никакихъ особенныхъ измѣненій въ устройство училищъ. Важнѣе въ этомъ отношеніи былъ регламентъ 1807 г., который, дѣлая уступки духу новаго времени, ввелъ въ курсъ гимназическихъ наукъ преподаваніе нѣкоторыхъ реальныхъ предметовъ, какъ напр. естественной исторіи, физики, астрономіи, метеорологіи, а также новыхъ языковъ, а именно: французскаго и нѣмецкаго обязательно, англійскаго же—необязательно. Сверхъ того, вышеуказанный регламентъ преобразовалъ и такъ-называемыя тривіальныя школы, называемыя школами апологистовъ, присовокупляя къ преподаваемымъ въ нихъ наукамъ еще исторію и географію, геометрію и начала механики, естественную исторію и физику, а также нѣмецкій языкъ.

Такимъ образомъ, регламентъ 1807 г. учредилъ двоякаго рода школы. Однѣ—съ классическимъ направленіемъ—имѣли въ виду преимущественно приготовленіе чиновниковъ; другія—болѣе съ реальнымъ направленіемъ—должны были готовить молодежь къ различнымъ практическимъ занятіямъ. Раздѣленіе это было не только сохранено, но даже усилено регламентомъ 1820 г., хотя и тогда въ высшихъ классахъ классическихъ гимназій оставлено было преподаваніе реальныхъ наукъ.

Съ этого, однакожь, времени сталъ замѣчаться поворотъ къ другому устройству учебныхъ заведеній. Поворотъ этотъ совершался вслѣдствіе все болѣе и болѣе распространявшагося убѣжденія, что исключительно лингвистическое обученіе потеряло, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, большую часть своего прежняго значенія; что, напротивъ, нельзя въ образованіи народа обойтись безъ естественныхъ, реальныхъ наукъ. Такъ-называемая большая училищная коммиссія, установленная въ 1825 г. подъ предсѣдательствомъ тогдашняго наслѣдника престола, впослѣдствіи короля Оскара I, имѣвшая выработать начала будущей школьной реформы, высказала даже прямо, что, по ея мнѣнію, реальныя науки необходимы, а лингвистическія имѣютъ второстепенное только значеніе, такъ какъ можно быть даже знаменитымъ ученымъ, не зная другого языка, кромѣ отечественнаго. Вслѣдствіе

того комиссія предлагала, чтобы въ курсъ классическихъ гимназій ввести въ высшемъ размѣрѣ преподаваніе реальныхъ наукъ, а, напротивъ, обратить обученіе древнимъ языкамъ. Языкъ латинскій она считала вполне лишнимъ для ученаго образованія; если же не требовала пока полного его устранения изъ училищнаго курса, то дѣлала это по другимъ, не педагогическимъ, соображеніямъ. На этомъ основаніи комиссія предполагала соединить гимназіи, училища тривіальныя и апологистовъ въ одно учебное заведеніе, которое раздѣлялось бы только на двѣ линіи: классическую и реальную. Раздѣленіе это должно было, впрочемъ, существовать только въ двухъ высшихъ классахъ; всѣ же низшіе классы должны были быть общіе для всѣхъ учениковъ. Реальныя науки должны были преподаваться на обѣихъ линіяхъ въ одинаковомъ объемѣ. На обѣихъ линіяхъ должны были преподаваться также три новые языка, именно французскій, нѣмецкій и англійскій, съ тѣмъ только различіемъ, что ученики реальной линіи могли освободиться отъ изученія одного изъ этихъ языковъ, между тѣмъ ученики классической линіи права этого не имѣли. Напротивъ, ученики классической линіи могли освободиться даже отъ изученія двухъ древнихъ языковъ, именно греческаго и еврейскаго.

Возврънія и предложенія комиссія 1825 г. особенно важны по тому поводу, что онѣ составляютъ исходный пунктъ для всѣхъ послѣдующихъ усилій въ виду преобразованія среднихъ учебныхъ заведеній. Въ самомъ дѣлѣ, сеймъ 1845 г. требовалъ соединенія всѣхъ среднихъ заведеній, основываясь преимущественно на трудѣ этой комиссія. Нѣсколько позже, въ 1849 г., когда правительство предлагало сейму подобную реформу и требовало назначенія для этого денежныхъ средствъ, сеймъ согласился съ этимъ предложеніемъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы реальныя науки преподавались во всѣхъ классахъ такихъ учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе того декретъ 16-го іюля 1849 г. опредѣлилъ соединить школы тривіальныя, апологистовъ и гимназіи въ одно учебное заведеніе, такъ устроенное, чтобы ученики, окончившіе въ немъ курсъ, могли поступать въ университетъ. По тому же декрету ученики, по требованію своихъ родителей, могли быть освобождены отъ изученія латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ.

Декретъ 1849 г. не привелъ, однако, къ желаемымъ результатамъ, по тому, во-первыхъ, поводу, что онъ не былъ развитъ дальнѣйшими постановленіями, которыя указывали бы способъ соединенія всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе того послѣдующее время отличалось полною анархіею въ училищномъ дѣлѣ, такъ какъ каждое училище придерживалось такого плана

наукъ, который считала болѣе для себя удобнымъ. Сверхъ того, декретъ 1849 г. грѣшилъ непослѣдовательностью въ томъ отношеніи, что, дозволяя гимназистамъ освобождать себя отъ изученія извѣстныхъ языковъ, не освобождалъ отъ ихъ знанія студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые были обязаны выдержать по нимъ вступительный экзамень.

Вслѣдствіе того регламентъ 1859 г. опредѣлилъ, что среднія учебныя заведенія съ полнымъ составомъ классовъ должны были имѣть семь классовъ, изъ которыхъ два высшіе должны быть двухгодичные. Эти заведенія должны были имѣть или обѣ линіи—классическую и реальную, или по крайней мѣрѣ одну реальную. Этотъ регламентъ не допускаетъ существованія полноклассныхъ учебныхъ заведеній съ одною только классическою линіею. Сверхъ того, могли существовать неполноклассныя училища съ 5, 3 и даже 2 классами. Этотъ регламентъ, сохраняя раздѣленіе на двѣ линіи, классическую и реальную, не допускаетъ уже дальнѣйшей спеціализаціи, посредствомъ освобожденія учениковъ отъ изученія извѣстныхъ предметовъ. Сверхъ того, въ этомъ регламентѣ заключалось весьма важное постановленіе, что изученіе иностранныхъ языковъ должно начинаться однимъ изъ новыхъ языковъ, именно нѣмецкимъ, во второмъ классѣ. Дальнѣйшій порядокъ въ изученіи языковъ былъ установленъ такимъ образомъ, что въ 3-мъ классѣ на линіи классической или латинской начинался латинскій языкъ, въ томъ же классѣ на линіи реальной—англійскій языкъ, въ 4-мъ классѣ на линіи латинской—греческій языкъ, а на линіи реальной—французскій; въ 5-мъ классѣ на линіи латинской—французскій языкъ.

Распоряженіе 1862 г. устранило, отчасти, по крайней мѣрѣ, другой недостатокъ регламента 1849 г., опредѣляя, что вступительныя университетскіе экзамены должны производиться въ гимназіяхъ, совмѣстно съ выпускнымъ испытаніемъ изъ этихъ заведеній. Изъ изданныхъ впослѣдствіи многочисленныхъ распоряженій, особенно важны постановленія 10-го марта 1869 г. и 6-го іюня 1873 г. Первое постановленіе освобождало гимназистовъ латинской линіи, по требованію ихъ родителей, отъ изученія греческаго языка, не подвергая ихъ никакимъ ограниченіямъ въ правахъ, связанныхъ съ выдержаніемъ окончательнаго экзамена. Такіе ученики могли учиться вмѣсто того англійскому языку. Вслѣдствіе того латинская линія раздѣлилась въ сущности на двѣ самостоятельныя линіи: греческо-латинскую или такъ-называемую латинскую линію *A*, и только латинскую, линію *B*. Насколько раздѣленіе это оказалось удобнымъ, можно судить по-

тому, что уже въ 1883 г. линия *B* имѣла на половину болѣе учениковъ, чѣмъ линия *A*. Вообще же въ настоящее время въ шведскихъ гимназіяхъ греческому языку обучаются тѣ только ученики, которые впоследствии намѣреваются быть духовными или учителями историко-филологическихъ наукъ. Другое постановленіе 1873 г. ввело общее обученіе всѣхъ учениковъ по всѣмъ предметамъ въ трехъ низшихъ классахъ, такъ что дѣленіе на линіи начинается только съ 4-го класса: изученіе латинскаго языка начинается только съ 4-го класса, изученіе же греческаго—съ 6-го. Въ трехъ низшихъ классахъ всѣ ученики обучаются нѣмецкому языку, сдѣлавшемуся вслѣдствіе того основнымъ для изученія иностранныхъ языковъ вообще. Такимъ образомъ, постановленіе 1873 г. учредило до извѣстной степени однородное училище, т.-е. осуществило то, о чемъ думаютъ теперь въ Германіи. Послѣднія реформы въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ Швеціи произошли на основаніи регламента 1-го ноября 1878 года.

II.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ устроены эти заведенія на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ постановленій. Разумѣется, что намъ не нужно разсматривать всѣхъ подробностей устройства гимназій въ Швеціи; для насъ особенное значеніе имѣетъ только внутреннее устройство этихъ учебныхъ заведеній, то-есть распредѣленіе преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, такъ какъ въ этомъ отражается преимущественно реформа послѣднихъ временъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ развитія этого вопроса до настоящаго времени можно дѣлать также нѣкоторыя заключенія относительно устройства гимназій въ будущемъ.

Для болѣе удобнаго ориентированія въ чужомъ для насъ распредѣленіи наукъ въ шведскихъ гимназіяхъ слѣдуетъ обратить вниманіе, какіе классы этихъ учебныхъ заведеній отвѣчаютъ соотвѣтственнымъ классамъ нашихъ гимназій. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что шведскія гимназіи имѣютъ девять классовъ, обозначаемыхъ числами, начиная съ низшаго, именно отъ I до V, и затѣмъ два высшіе класса, съ двухгодичнымъ курсомъ наукъ, обозначаются такъ: VI¹, VI², VII¹ и VII². Такъ какъ ученики принимаются въ первый классъ съ достиженіемъ девятилѣтняго возраста, то они должны окончить курсъ гимназіи съ достиженіемъ 18-лѣтняго возраста, если не остались въ одномъ изъ классовъ на другой годъ. По нашему гимназическому уставу

ученики принимаются въ первый классъ съ достиженіемъ десятилѣтняго возраста. Поэтому первый классъ шведскихъ гимназій отвѣчаетъ нашему приготовительному. Шведскіе классы II—V отвѣчаютъ нашимъ 1—4-му; классы же VI¹, VI², VII¹ и VII² отвѣчаютъ нашимъ 5—8-му. Сверхъ того, будетъ нелишнимъ обратить вниманіе на различіе между шведскими и нѣмецкими гимназіями, указать лучше то, что слѣдуетъ считать преимуществомъ первыхъ передъ послѣдними, что составляетъ въ нихъ прогрессъ.

Три низшіе класса шведскихъ гимназій общи, какъ мы замѣтили выше, какъ для латинской, такъ и для реальной линіи. Въ нихъ установлено слѣдующее распредѣленіе лекцій:

Предметы:	Кл. I.	Кл. II.	Кл. III.	Вообще.
Законъ Божій	3	3	3	9
Шведскій языкъ	5	6	6	17
Нѣмецкій языкъ	6	7	7	20
Исторія и географія	4	5	5	14
Ариметика	4	5	5	14
Естественныя науки	2	2	2	6
Рисованіе и чистописаніе	3	2	2	7
Итого	27	30	30	87

Планъ этотъ отличается очень важными преимуществами въ сравненіи съ планомъ наукъ въ соотвѣтственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Германіи. Первое состоитъ въ томъ, что вслѣдствіе того эти три класса составляютъ общую основу для дальнѣйшаго образованія учениковъ латинской и реальной линіи, между тѣмъ въ Германіи даже эти три класса классическихъ гимназій отличаются отъ соотвѣтственныхъ имъ классовъ реальныхъ гимназій или другихъ реальныхъ заведеній. Второе преимущество состоитъ въ томъ, что предметы, преподаваемые въ этихъ трехъ классахъ—такіе же, какъ и предметы преподаванія въ народныхъ училищахъ, за исключеніемъ нѣмецкаго языка. Вслѣдствіе того установлена извѣстная связь между народными училищами и гимназіями. Болѣе способные ученики первыхъ могутъ, безъ значительныхъ затрудненій, переходить въ послѣднія. Между тѣмъ возстановленіе такой связи между этими учебными заведеніями, необходимое для уничтоженія пропасти, существующей между образованіемъ низшихъ и высшихъ классовъ общества, составляетъ одинъ изъ идеаловъ, къ достиженію котораго стремятся не только общество однородной школы, но и другія лица въ Германіи, требующія тамъ гимназической реформы. Другою важною особенностью шведскаго распредѣленія наукъ можно считать то, что на изученіе отечественнаго языка посвящается

въ этихъ классахъ 17 часовъ, между тѣмъ какъ въ соответственныхъ классахъ нѣмецкихъ употребляется на это только 7—9 часовъ. Въ Швеции эти три класса гимназій отличаются отъ народныхъ училищъ только преподаваніемъ въ нихъ нѣмецкаго языка. Но и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать предпочтеніе шведской системѣ обученія, такъ какъ по ней ученики, находящіеся еще почти въ дѣтскомъ возрастѣ, обучаются только одному иностранному языку, между тѣмъ какъ ученики соответственныхъ классовъ нѣмецкихъ гимназій принуждены обучаться уже двумъ такимъ языкамъ, что не можетъ не оставить вредныхъ послѣдствій въ педагогическомъ отношеніи. Въ Швеции на изученіе нѣмецкаго языка употреблено въ трехъ классахъ только 20 часовъ, а въ Германіи въ продолженіе того же времени на иностранные языки назначено отъ 32 до 36 часовъ. Шведская система заслуживаетъ предпочтенія также и вслѣдствіе того, что ученики низшихъ классовъ обучаются иностранному языку, близкому къ ихъ отечественному, и поэтому болѣе легкому въ изученіи, изъ котораго притомъ они могутъ вынести практическую пользу, хотя бы и по окончаніи училища. Между тѣмъ въ Германіи они обучаются языку вполне имъ чужому, трудному, мертвому, не состоящему въ связи съ современною культурою, изъ котораго не могутъ вынести никакой практической пользы, если не окончили, по крайней мѣрѣ, пяти классовъ въ гимназій ¹⁾.

Въ слѣдующихъ двухъ классахъ, на которыхъ отражается уже раздѣленіе на двѣ линіи, установлено слѣдующее распредѣленіе лекцій:

Предметы:	Латинская линія.		Реальная линія.	
	Кл. IV.	Кл. V.	Кл. IV.	Кл. V.
Законъ Божій	2	2	2	2
Шведскій языкъ	4	3	4	3
Латинскій	8	8	—	—
Нѣмецкій	4	3	4	3
Французскій.	—	3	—	3
Англійскій	—	—	7	7
Математика.	5	5	5	5
Естественныя науки	2	2	2	2
Исторія и географія.	5	4	5	4
Рисованіе.	—	—	3	3
Итого	30	30	32	32

¹⁾ Klinghardt, стр. 38. Въ Германіи ученики, окончившіе классъ II-а, то-есть пятый, пользуются правомъ поступить въ военную службу въ качествѣ одностолетнаго солдата.

Изъ этого видно, что ученики этихъ двухъ классовъ обучаются совмѣстно всѣмъ предметамъ въ 22 урокахъ. Особныя лекціи существуютъ только для учениковъ латинской линіи, латинскаго языка—8 часовъ, а для учениковъ реальной линіи, англійскаго языка и рисованія—10 часовъ. Вслѣдствіе того шведская гимназія и на этой степени составляетъ въ сущности однородное училище. Тѣмъ болѣе этотъ характеръ слѣдуетъ признать за ней, если обратить вниманіе на то, что въ соответственныхъ классахъ прусскихъ гимназій, классическихъ и реальныхъ, только для двухъ предметовъ назначено одинаковое количество уроковъ, именно для закона Божія и естественной исторіи; всѣ же прочіе предметы въ этомъ отношеніи поставлены различно.

Раздѣленіе между классическими и реальными науками, существующее въ Германіи съ самыхъ низшихъ классовъ, проведено въ Швеціи только въ четырехъ, самыхъ высшихъ. Распределеніе уроковъ въ этихъ классахъ слѣдующее:

Предметы:	Латинская линія А.				Линія реальная.			
	Классы							
	VI ¹ .	VI ² .	VII ¹ .	VII ² .	VI ¹ .	VI ² .	VII ¹ .	VII ² .
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2
Шведскій языкъ	2	2	2	2	2	2	2	2
Латинскій	8	8	8	8	—	—	—	—
Греческій	7	7	6	—	—	—	—	—
Нѣмецкій	1	1	—	—	2	2	—	—
Французскій	4	4	3	3	4	4	5	5
Англійскій	—	—	—	—	3	3	3	3
Математика	3	3	3	3	7	7	7	7
Естественныя науки	2	2	2	2	6	6	6	6
Исторія и географія	3	3	3	3	3	3	3	3
Пропедевтика философій	—	—	1	1	—	—	1	1
Рисованіе	—	—	—	—	3	3	3	3
Итого	32	32	30	30	32	32	32	32

Изъ этого видно, что на линіи латинской главное вниманіе обращено на древніе языки, между тѣмъ какъ на линіи реальной—на математику и естественныя науки, причемъ новые языки и рисованіе не были упущены изъ виду. Такимъ образомъ, шведская гимназія составляетъ въ пяти низшихъ классахъ однородное училище, раздѣленіе же проведено только въ четырехъ высшихъ. Впрочемъ распоряженіе 10-го марта 1869 г. завело въ линіи латинской весьма важную реформу, сдѣлавъ греческій языкъ не обязательнымъ. Вслѣдствіе того оказалось необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ распределеніи уроковъ для учениковъ, не обучающихся греческому языку, или такъ-называемой линіи

латинской В. Имъ было прибавлено 4 часа англійскаго языка, 1 часъ математики и 2 часа рисованія.

Насколько вышеуказанная реформа отвѣчала потребностямъ народонаселенія, насколько само народонаселеніе оцѣнивало ее, можно убѣдиться всего лучше изъ количества учениковъ каждой изъ вышеуказанныхъ линій. Въ этомъ отношеніи шведская статистика доставляетъ очень поучительныя статистическія данныя. Такъ напр. въ 1873 г., немедленно послѣ приведенія реформы, на общее количество 2737 учениковъ двухъ высшихъ классовъ было 1746 учениковъ линіи латинской А, 642 линіи латинской В и 349 линіи реальной. Между тѣмъ въ 1883 г. на общее количество 3854 учениковъ, первыхъ было 1259, вторыхъ 1847, а третьихъ 748. Изъ этого видно, что количество учениковъ, обучающихся обоимъ древнимъ языкамъ, въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ постоянно уменьшалось. Въ первомъ году оно составляло 63,8⁰/₀ общаго количества учениковъ, въ послѣднемъ оно уменьшилось на половину, ибо составляло только 32,7⁰/₀. Напротивъ, количество учениковъ линіи латинской В, то-есть, не обучающихся греческому языку, въ первомъ году составляло только 23,5⁰/₀, а въ послѣднемъ 47,9⁰/₀, или удвоилось. Наконецъ, количество учениковъ линіи реальной увеличилось съ 12,7⁰/₀ до 19,4⁰/₀. Изъ этого можно заключить, что вслѣдствіе освобожденія учениковъ отъ обязательнаго изученія греческаго языка привлекательная сила линіи латинской В вообще увеличилась.

Къ такому же заключенію можно придти, сравнивая количество учениковъ каждой изъ этихъ линій, выдержавшихъ успѣшно окончательное испытаніе въ 1873 и 1883 гг. Въ первомъ изъ этихъ годовъ, на общее количество 525 учениковъ, линіи латинской А было 383, линіи латинской В—96, и линіи реальной—46. Между тѣмъ, въ послѣднемъ году первыхъ было 273, вторыхъ 258, а третьихъ 159.

На основаніи вышеуказанныхъ чиселъ можно бы, на первый взглядъ, придти къ заключенію, что въ Швеціи, раньше чѣмъ въ прочихъ странахъ, общество пришло къ убѣжденію, что греческій языкъ не составляетъ необходимаго условія для образованія молодого поколѣнія. Съ другой стороны, на основаніи тѣхъ же данныхъ можно бы полагать, что шведское общество до настоящаго времени сохранило убѣженіе въ важности латинскаго языка въ этомъ отношеніи, такъ какъ количество учениковъ, обучающихся этому языку, увеличивается въ большемъ размѣрѣ, въ сравненіи съ возрастаніемъ количества учениковъ линіи реальной. По Клинтарту, заключеніе такое было бы ошибочно, такъ какъ большее

или меньшее количество учениковъ той или другой линіи зависитъ преимущественно отъ большаго или меньшаго объема правъ, присвоенныхъ окончанію ими той или другой линіи, особенно же отъ права поступать въ высшія учебныя заведенія. Въ этомъ отношеніи вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Ученики реальной линіи пользуются самыми незначительными правами, такъ какъ могутъ поступать послѣ гимназій только въ политехнической институтъ, высшее военное училище и горную академію. Ученики линіи латинской А и В могутъ поступать въ вышеуказанныя учебныя заведенія только на основаніи выдержанія ими добавочнаго испытанія по математическимъ наукамъ реальной линіи. Ученики линіи латинской А пользуются до настоящаго времени самыми обширными правами, такъ какъ они могутъ поступать на всѣ четыре факультета университетовъ, несмотря на то, что окончаніе этой линіи безусловно необходимо только для будущихъ богослововъ и филологовъ. Ученики этой линіи подвергаются только вышеуказанному ограниченію, если поступаютъ въ техническія учебныя заведенія. Ученики линіи латинской В подлежатъ ограниченіямъ, если желаютъ готовить себя къ богословскому званію или поступить въ техническія училища, но могутъ поступить на три свѣтскіе факультета университетовъ. Поэтому на этой линіи приготавливаются будущіе юристы, врачи, чиновники и значительная часть учителей. На этомъ основаніи Клинггардтъ полагалъ, что посѣщеніе этой линіи должно бы быть еще сильнѣе въ сравненіи съ двумя остальными. Если же это не оправдалось, то это слѣдуетъ приписать отчасти тому, что значительная часть учениковъ не успѣла еще рѣшить вопроса относительно выбора званія и потому посѣщаетъ линіи, на которой обучается обоимъ древнимъ языкамъ, отчасти же не искорененному еще вполнѣ предубѣжденію относительно способности греческаго языка образовывать въ формальномъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, онъ полагалъ, что въ будущемъ количество учениковъ линіи латинской В будетъ постоянно увеличиваться въ сравненіи съ линіей А. Иначе могло бы быть только тогда, когда ученики, желающіе поступить на одинъ изъ трехъ свѣтскихъ факультетовъ университета, были бы освобождены отъ обязанности знать латинскій языкъ, вслѣдствіе чего значительная ихъ часть сразу предпочитала бы поступить на линію реальную.

Въ доказательство того, что шведская гимназическая реформа оказалась благотворною въ своихъ послѣдствіяхъ, можно привести и то, что Норвегія уже послѣдовала этому примѣру, учреждая у себя почти такое же училищное устройство.

Въ Норвегiи съ 1-го марта 1885 г. гимназiи устроены такъ, что девятилѣтнiй курсъ ихъ раздѣляется на два отдѣленiя: низшее и высшее. Первое образуетъ шестиклассное среднее училище; второе, трехклассное, составляетъ гимназiю латинскую или реальную въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ латинской гимназiи преподаются оба древнiе языка. Ученики обѣихъ гимназiй имѣютъ одинаковое право поступать въ университетъ, съ тѣмъ только ограничениемъ, что ученики реальной гимназiи, желающiе поступить на медицинскiй факультетъ, обязаны выдержать добавочное испытанiе изъ латинскаго языка; ученики же, желающiе изучать богословiе, должны выдержать такое же испытанiе по обоимъ древнимъ языкамъ. Низшая школа имѣетъ двоякую задачу. Во-первыхъ, она должна доставить извѣстное законченное образованiе ученикамъ, которые, окончивъ ее, намѣрены обратиться непосредственно къ практическимъ занятiямъ. Во-вторыхъ, она должна дать подготовку для поступления въ обѣ гимназiи. Эта школа такъ устроена, что въ трехъ низшихъ классахъ существуетъ совмѣстное преподаванiе для всѣхъ учениковъ. Единственный иностранный языкъ, преподаваемый въ этихъ классахъ, есть нѣмецкiй языкъ. Только съ четвертаго класса наступаетъ раздѣленiе на линiи. На одной линiи, латинской, семь часовъ въ недѣлю назначается на преподаванiе латинскаго языка. На другой линiи, англiйской, вмѣсто латинскаго языка ученики обучаются по пяти часовъ въ недѣлю англiйскому языку. Остальные два часа въ четвертомъ классѣ назначены на рисованiе, а въ пятомъ и шестомъ— на усиленiе преподаванiя нѣмецкаго языка (1 часъ) и рисованiя. Французскiй языкъ необязателенъ, хотя и былъ помѣщенъ въ распредѣленiи наукъ. Ученики, не обучающiеся ему, могутъ пользоваться усиленнымъ преподаванiемъ отечественнаго языка, физики или рисованiя ¹⁾.

III.

Возвращаясь къ гимназической реформѣ, совершенной въ Швеции въ послѣднее время, можемъ придти относительно ея къ слѣдующимъ заключенiямъ. Сущность ея состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что по ней было заведено въ трехъ низшихъ классахъ безусловно, а въ двухъ среднихъ классахъ условно, общее обученiе для всѣхъ учениковъ. Вслѣдствiе того ученики не прину-
 ж-

¹⁾ Völcker, Die Reform des höheren Schulwesens, 1887, стр. 165, на основанiи статьи Кота (Kohrt) въ Centralorgan für die Interessen die Realschulwesens, 1886, № 19.

дены преждевременно рѣшать вопроса относительно направленія своего дальнѣйшаго образованія. Не подлежитъ сомнѣнiю, что это обстоятельство имѣетъ первостепенное значенiе: ученикъ или его родители могутъ сдѣлать выборъ будущихъ занятiй только тогда, когда послѣ пребыванiя въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ въ школѣ обнаружилось съ большою достовѣрностью, къ чему у ученика есть способности или наклонности... Напротивъ, удобства этого не имѣется тамъ, гдѣ существуютъ отдѣльныя классическiя и реальныя училища, гдѣ вслѣдствiе того выборъ этотъ надо сдѣлать слишкомъ рано въ ущербъ умственному развитiю и во вредъ для матеріальныхъ интересовъ учениковъ и родителей.

Другая характеристическая черта этой реформы состоитъ въ значительномъ ограниченiи древнихъ языковъ вообще и обращенiи большого вниманiя на новые языки. Это преобразование, вмѣстѣ съ усиленiемъ преподаванiя математико-естественныхъ наукъ, сдѣлало изъ шведскихъ гимназiй учебныя заведенiя, лучше отвѣчающiя потребностямъ новаго времени. Къ характеристическимъ чертамъ этой реформы можно причислить и устраненiе изъ низшихъ классовъ латинскаго языка, чужого современному обществу и слишкомъ труднаго для учениковъ, находящихся почти въ дѣтскомъ возрастѣ, въ замѣнъ котораго, какъ основа лингвистическаго образованiя ученика, былъ привятъ одинъ изъ новыхъ языковъ, болѣе легкiй для изученiя, и изъ котораго во всякомъ случаѣ ученики могутъ вынести извѣстную практическую пользу. Не слѣдуетъ, далѣе, забывать и о той связи, которая была установлена между народнымъ училищемъ и гимназiею, вслѣдствiе которой ученики, окончившіе курсъ наукъ въ первомъ, могутъ безъ всякихъ затрудненiй перейти въ послѣднюю ¹⁾.

Нельзя тоже упустить изъ виду одной особенности шведскихъ гимназiй, на которую мы не имѣли доселѣ случая обратить вниманiя—именно, что въ испытанiяхъ учениковъ принимаетъ дѣятельное участiе само общество. Это бываетъ такъ, что къ полугоднымъ экзаменамъ въ низшихъ классахъ и къ экзаменамъ въ концѣ года въ высшихъ классахъ приглашаются въ качествѣ свидѣте-

¹⁾ Обращаемъ здѣсь вниманiе на одну очень важную сторону устройства шведскихъ гимназiй, состоящую въ томъ, что гимназiя самымъ тщательнымъ образомъ заботится о физическомъ развитiи молодежи. Распоряженiя 23-го марта 1870 г. и 1-го ноября 1878 г. опредѣляютъ очень подробно ежедневныя гимнастическiя упражненiя, медицинскiй надзоръ надъ состоянiемъ здоровья учениковъ, военныя гимн. упражненiя и т. д. Всѣ эти правила имѣютъ въ виду предупредить односторонность только умственнаго образованiя и обезпечить воспитанiе здороваго и крѣпкаго поколѣнiя. Въ этомъ отношенiи шведскiя гимназiи могутъ быть признаны образцовыми. Klinghardt, тамъ же, стр. 46.

лей мѣстные знатѣйшіе граждане, городское представительство, опекуны заведеній и подобныя лица. При окончательномъ экзаменѣ должны даже необходимо присутствовать въ качествѣ безпристрастныхъ свидѣтелей три компетентныхъ лица. Свидѣтели эти пользуются въ нѣкоторыхъ случаяхъ правомъ руководить испытаніемъ, указывать экзаменатору тѣ мѣста въ авторахъ или темы, которыя считаютъ соотвѣтственными для испытанія, и т. п. Не подлежитъ сомнѣнію, что устройство это оказывается полезнымъ по различнымъ соображеніямъ. Во-первыхъ, потому, что сами учителя, чувствуя надъ собою извѣстный контроль со стороны общества, нѣсколько иначе относятся къ своимъ обязанностямъ. Правда, что и теперь такой контроль надъ экзаменами существуетъ и въ другихъ государствахъ, но онъ ведется вообще училищнымъ начальствомъ, директорами и т. п. Ясно, однакоже, что такой контроль отличается существенно отъ контроля самого общества, отцовъ семейства, которые въ самой высшей степени заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ сыновья были хорошо обучаемы. Устройство это оказывается, во-вторыхъ, полезнымъ и потому, что развиваетъ въ самомъ обществѣ живое участіе къ школьнымъ дѣламъ. Это отражается на шведской періодической печати, которая постоянно занимается школьными дѣлами, выступаетъ съ предложеніями относительно улучшенія училищъ и т. п. Между тѣмъ въ другихъ странахъ она относится почти совершенно равнодушно къ столь важнымъ вопросамъ, оставляя рѣшеніе ихъ болѣею частью только педагогамъ, которые, вслѣдствіе односторонности своего образованія, иногда не въ состояніи даже рѣшить ихъ удовлетворительно.

Это участіе общества въ училищныхъ дѣлахъ было, можетъ быть, главною причиною послѣдней школьной реформы, которая вышла не отъ учительскихъ корпорацій, не отъ педагоговъ, но отъ печати, сейма, общества. Присматриваясь къ этому участію шведскаго общества въ школьныхъ дѣлахъ, нельзя не одобрять его въ высшей степени, такъ какъ это доказываетъ, что общество прониклось убѣжденіемъ, что отъ хорошаго устройства училищъ, отъ воспитанія и образованія юношества зависитъ вся будущность страны и народа. Поэтому оно не щадитъ ни хлопотъ, ни денегъ для того, чтобы устроить училища, отвѣчающія потребностямъ новаго времени.

Въ этомъ можно также видѣть ручательство, что общество не будетъ довольствоваться уже совершившимся преобразованиемъ, но поведетъ его дальше. Есть даже указанія относительно направленія этой будущей реформы: таковы предложенія коммисіи сейма 1881 г.

и пренія, которыя вслѣдствіе ихъ имѣли мѣсто, а также отчетъ большой комиссіи народнаго просвѣщенія, учрежденной министромъ духовныхъ дѣлъ въ 1882—1884 году.

Предложенія комиссіи сейма были направлены непосредственно противъ латинскаго языка. Онѣ были вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на ограниченіе его въ гимназіи, удостовѣреніе его знанія требовалось по прежнему въ университетѣ. Такъ напр. до 1863 г. камеральныя науки были доступны и для учениковъ, не знающихъ латинскаго языка, но съ этого времени стали въ университетѣ и отъ нихъ требовать знанія этого языка. До 1853 г. для полученія степени доктора философіи требовались довольно скудныя познанія изъ латинскаго языка. Между тѣмъ въ этомъ году издано было распоряженіе, на основаніи котораго латинскій языкъ былъ причисленъ къ обязательнымъ предметамъ перваго философскаго испытанія въ университетѣ ¹⁾. Разумѣется, что это обстоятельство должно было отразиться неблагоприятнымъ образомъ и на гимназіяхъ, такъ какъ гимназисты встрѣчали затрудненіе въ поступленіе на реальную линію, по тому поводу, что они были обязаны впоследствии подвергнуться испытанію изъ латинскаго языка во время философскаго экзамена.

Членъ сейма Боргъ сдѣлалъ въ 1881 г. въ сеймѣ предложеніе, которымъ онъ требовалъ отмены обязательнаго испытанія изъ латинскаго языка во время философскаго экзамена и устраненія преподаванія того же языка изъ 4-го и 5-го классовъ латинской линіи гимназій. Вслѣдствіе того преподаваніе этого языка должно было имѣть мѣсто только въ четырехъ высшихъ классахъ гимназій. Сеймовая комиссія, рассмотрѣвъ это предложеніе, согласилась съ нимъ, а за нею послѣдовала и палата депутатовъ, большинствомъ 85 противъ 38 голосовъ.

Намъ невозможно приводить подробно соображенія, которыми руководствовалась комиссія въ докладѣ своемъ сейму, или рѣчи ораторовъ, говорившихъ въ сеймѣ за или противъ него; но будетъ нелишнимъ обратить вниманіе на главные начала, на которыхъ основывалась эта комиссія въ защиту своего предложенія, такъ какъ изъ нихъ будутъ видны воззрѣнія на этотъ предметъ шведскаго общества.

Въ докладѣ своемъ комиссія приводила, что „все, чего могутъ еще требовать самые страстные сторонники классической

¹⁾ Университеты въ Швеціи такъ устроены, что преподаваніе на первыхъ трехъ семестрахъ общее для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Только послѣ андержанія ими успѣшнаго „философскаго“ экзамена они могутъ поступить на факультеты юридическій, медицинскій и богословскій.

словесности, преисполненные вполне заслуженнаго удивленія къ древнему образованію, ограничивается тѣмъ, чтобы классическая филологія имѣла обезпеченное, достойное ея положеніе, какъ предметъ спеціального изученія. Съ какою бы точки зрѣнія ни смотрѣть на это образованіе, нельзя его считать необходимымъ условіемъ образованія въ будущемъ, ни даже условіемъ удовлетворительнаго притовленія чиновниковъ. Если сравнить прежнее школьное образованіе мальчиковъ, состоявшее исключительно въ изученіи латыни, съ тѣмъ, что мальчики того же возраста обязаны усвоить въ настоящее время, то сравненіе не обратится въ пользу перваго. Прежнее, ничѣмъ не ограниченное господство въ школахъ латинскаго языка, не только не развивало умственныхъ способностей дѣтей, не только не воодушевляло ихъ охотою къ наукѣ, но, напротивъ, стѣсняло чрезмѣрно ихъ умственное развитіе, наполняло ихъ даже отвращеніемъ къ другимъ наукамъ, препятствовало даже въ приобрѣтеніи свѣденій, для нихъ необходимыхъ, вслѣдствіе измѣнившагося духа времени и его требованій. Столь одностороннимъ образованіемъ не могла довольствоваться даже та незначительная часть молодежи, которая пробилась въ святилище знанія, т.-е. въ университетъ, если вспоминала, сколько трудовъ и времени ей стоило его приобрѣтеніе“.

Нельзя тоже оставить безъ вниманія соображеній, приводившихся въ сеймѣ защитниками дальнѣйшей гимназической реформы, въ духѣ принятаго комиссіею предложенія.

Такъ напримѣръ, ректоръ Даль (Dall) доказывалъ въ обширной рѣчи, что цѣль гимназическаго обученія должна состоять въ доставленіи ученикамъ общечеловѣческаго образованія. Согласно тому, онъ указывалъ предметы, нужные для достиженія этой цѣли, но не признавалъ латинскаго языка за такой предметъ. По его мнѣнію, ученики могли приступать къ изученію этого языка только въ четырехъ высшихъ классахъ, тогда именно, когда они въ низшихъ и среднихъ классахъ приобрѣли это общее образованіе, когда оказалось, что у нихъ есть и время, и способности для болѣе ученыхъ занятій, когда это допускаютъ ихъ имущественныя отношенія, а ихъ умственное развитіе позволяетъ имъ изучать не только языки, родные ихъ отечественному языку, но и совершенно ему чуждые. По его мнѣнію, нѣмецкій языкъ оказался вполне соответственнымъ, какъ основа лингвистическаго образованія; слѣдующее же за нимъ мѣсто въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать за французскимъ языкомъ. Только послѣ изученія этихъ языковъ можно приступить къ изученію латинскаго. Нельзя однако думать о введеніи этого естественнаго порядка въ изу-

ченіи языковъ, пока въ университетахъ требуется обязательное испытаніе по латинскому языку,—такъ какъ родители, опасаясь закрыть своимъ дѣтямъ путь къ достиженію университетскаго образованія, требуютъ, чтобы они раньше изучали этотъ языкъ, и поэтому посылаютъ ихъ на линію латинскую В. Относительно нравственно-эстетическаго достоинства латинскаго языка Даль придерживался мнѣнія, что если мы должны стремиться къ нравственному облагороженію характера молодежи, къ доставленію ей примѣровъ общечеловѣческихъ добродѣтелей, то цѣль эта можетъ быть достигнута посредствомъ отечественной литературы или литературы другихъ современныхъ народовъ. Изученіе же латинской словесности представляетъ опасность возбужденія въ молодежи дикой военной жажды римлянъ, ихъ несправедливости по отношенію къ побѣжденнымъ народамъ, ихъ безчеловѣчія, народнаго эгоизма и т. д. Вообще, по его мнѣнію, латинскій языкъ слѣдуетъ признать для ученаго образованія совершенно излишнимъ.

Лекторъ Рундбекъ (Rundbäck) разсматривалъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія того, сколько выигрывается или теряется вслѣдствіе принятія предложенія комиссіи. По его мнѣнію потеря была бы очень незначительна, такъ какъ латинскій языкъ не составляетъ уже теперь, какъ было прежде, ключа ко всѣмъ наукамъ; онъ пересталъ быть вообще языкомъ науки, вслѣдствіе чего сдѣлался дважды мертвымъ языкомъ. Нельзя также считать его необходимымъ условіемъ лингвистическаго образованія, въ чемъ можно убѣдиться изъ происходившаго въ Швеціи съѣзда ректоровъ и учителей, на которомъ многіе участники выражали удивленіе по поводу результатовъ, полученныхъ вслѣдствіе принятія въ основу этого образованія нѣмецкаго языка. По мнѣнію Рундбека нельзя считать правильнымъ убѣжденіе, что латинскій языкъ болѣе, чѣмъ другіе предметы, способенъ къ доставленію болѣе человѣческаго образованія и къ развитію благородныхъ чувствъ въ ученикахъ. Развѣ эти общечеловѣческіе идеалы и понятія, которые должны составлять основу нашего образованія,—спрашиваетъ онъ,—лучше выражены въ произведеніяхъ латинской словесности, чѣмъ въ другихъ? Напротивъ, въ этой литературѣ находимъ много вещей, которыя не могутъ произвести облагораживающаго вліянія на характеръ учениковъ, напр. міеологию, полную безнравственности, полный атеизмъ позднѣйшаго времени, жажду господства, эгоизмъ, съ какимъ римляне обращались съ побѣжденными народами, и т. п. Напротивъ, Рундбекъ полагалъ, что значительный былъ бы выигрышъ, еслибы принять предложеніе комиссіи, на основаніи котораго изученіе латинскаго языка было бы перенесено двумя

классами выше. Выигрышъ этотъ состоялъ бы, во-первыхъ, въ томъ, что ученикамъ оставалось бы двумя годами больше для пріобрѣтенія общаго образованія, а во-вторыхъ въ томъ, что они двумя годами позже были бы принуждены рѣшать—нерѣдко очень затруднительный—вопросъ относительно дальнѣйшаго своего образованія, а вслѣдствіе того и будущаго званія.

Извѣстный путешественникъ по сѣвернымъ морямъ, профессоръ Норденшельдъ полагалъ, что въ настоящее время латинскій языкъ, переставшій быть языкомъ науки, не можетъ быть признанъ необходимымъ для ученыхъ занятій. Въ настоящее время каждый образованный человекъ долженъ обладать извѣстными познаніями изъ естественной исторіи, химіи, физики и геологіи. Если, однакожь, эти предметы должны быть включены въ курсъ гимназическихъ наукъ, то, очевидно, другіе, менѣе необходимые, должны имъ уступить мѣсто. А къ такимъ предметамъ слѣдуетъ причислить латинскій языкъ. Этимъ можно объяснить фактъ, что столь незначительное количество людей въ Швеціи обладаетъ этимъ языкомъ основательно; между тѣмъ многіе добились уваженія всего ученаго міра своими трудами по ботаникѣ, зоологіи, химіи, физикѣ и т. п. Для нѣкоторыхъ странъ (напр. съ народонаселеніемъ романскимъ) изученіе латинскаго языка болѣе важно, такъ какъ языкъ ихъ близокъ къ латинскому. Въ другихъ странахъ люди имѣютъ болѣе, чѣмъ въ Швеціи, времени для изученія языковъ вообще, такъ какъ въ нихъ нужно изучать только два новые языка, между тѣмъ въ Швеціи нужно изучать ихъ три. Кто въ настоящее время спрашиваетъ самыхъ знаменитыхъ государственныхъ людей, дипломатовъ, литераторовъ о томъ, знаютъ ли они латинскій языкъ, или нѣтъ?

Редакторъ Гедлундъ (Hedlund) высказалъ мнѣніе, что пока университетъ требуетъ латинскаго языка, гимназія не можетъ отъ него отказаться. Разсматривая, однако, школьныя отношенія, онъ призналъ, что громадное большинство учениковъ обучается латинскому языку годъ, два или три года, а впослѣдствіи оставляетъ гимназію, не доходя до окончательнаго экзамена. Поэтому для такихъ учениковъ латинскій языкъ лишенъ всякаго значенія. Онъ имѣетъ значеніе только для незначительнаго меньшинства, обанчивающаго гимназію. Впрочемъ изъ этого меньшинства только незначительная часть поступаетъ въ университетъ. Поэтому невозможно жертвовать интересами громаднаго большинства въ пользу незначительнаго меньшинства, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые въ этомъ языкѣ дѣйствительно нуждаются, напр. филологи, могутъ изучить его отдѣльно. Извѣстно, что многіе принуждены въ болѣе

позднемъ возрастѣ обучаться еще болѣе труднымъ языкамъ. Гедлундъ не причислялъ себя въ противникамъ классическаго образованія, тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что слѣдовало бы наконецъ отказаться отъ смѣшенія науки древнихъ языковъ съ классическимъ образованіемъ. Именно поэтому ученикамъ недостаетъ времени для болѣе основательнаго усвоенія классическаго образованія, что они теряютъ его слишкомъ много напрасно на изученіе самаго языка; между тѣмъ это образованіе можно доставить себѣ посредствомъ переводовъ. Мы восхищаемся въ грекахъ не столько ихъ словесностью, сколько ихъ мужественнымъ духомъ. Но духъ этотъ выросъ не изъ изученія какой-то древней, напр. египетской грамматики, но на олимпійскихъ играхъ, въ пропелеяхъ, посредствомъ музыки, гимнастики. Гедлундъ сознавался въ томъ, что ему вовсе неизвѣстно, чтобы греки проводили самую лучшую часть своей молодости, сидя въ искривленномъ положеніи на швольныхъ скамьяхъ, для того, чтобы приобрѣсти гуманистическое образованіе. Подъ гуманистическимъ образованіемъ нельзя, по его мнѣнію, понимать что другое, какъ именно гармоническое развитіе всѣхъ нашихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ и способностей, но ни латинскаго, ни греческаго языка нельзя считать исключительнымъ средствомъ для его приобрѣтенія. Убѣжденіе, что древніе языки обладаютъ такимъ волшебнымъ свойствомъ, уже давно забыто. Нельзя тоже утверждать, чтобы эти языки имѣли важное практическое значеніе. Если же богословы говорятъ, что безъ нихъ не могутъ обойтись, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого основанія принуждать сто учениковъ изучать эти языки по тому только, что сто-первый намѣренъ быть священникомъ.

Въ сенатѣ это предложеніе было отвергнуто большинствомъ 72 противъ 36 голосовъ. Изъ этого видно, что вопросъ о болѣе ограниченіи латинскаго языка не созрѣлъ еще въ это время до такой степени, чтобы могъ быть рѣшенъ окончательно. Можно однакожь предвидѣть, что требованія, выставляемые жизнью относительно школы, — требованія, имѣющія первостепенное въ этомъ отношеніи значеніе, — принудятъ раньше или позже и шведскій законодательный органъ измѣнить свое воззрѣніе на этотъ вопросъ. Въ доказательство того, что общественное мнѣніе, вліянію котораго подвергается и законодательная власть, будетъ развиваться въ этомъ направленіи, можно привести труды училищной комиссіи 1882—1884 г., и результаты, къ которымъ она пришла. Къ тому же заключенію можно придти на основанія мнѣній, доставленныхъ объ этомъ вопросѣ, по требованію министерства духовныхъ дѣлъ, различными высшими учебными заведеніями.

IV.

Вскорѣ послѣ сеймовыхъ преній, которыя, какъ мы видѣли, не повели къ окончательному результату, министерство духовныхъ дѣлъ, удовлетворяя желанію, изъявленному сеймовою комиссіею, назначило большую школьную комиссію, состоящую изъ самыхъ знаменитыхъ представителей ученаго міра въ Швеціи, для изученія всѣхъ школьныхъ отношеній и представленія своихъ заключеній относительно ихъ преобразованія. Эта комиссія, послѣ почти двухлѣтнихъ усиленныхъ трудовъ, представила 25-го августа 1884 г. министерству отчетъ, состоящій изъ большихъ четырехъ томовъ и рассматривающій основательно всѣ школьныя отношенія въ Швеціи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ останавливаться подробно надъ всѣми возбужденными ею вопросами и ограничимся разсмотрѣніемъ только вопросовъ, относящихся преимущественно къ внутреннему устройству училищъ, и особенно касающихся краеугольнаго камня настоящаго спора, то-есть того положенія, какое латинскій языкъ долженъ занять въ будущемъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ¹⁾.

Въ этомъ отношеніи комиссія вообще придерживалась мнѣнія, что до настоящаго времени вовсе не доказано превосходство латинскаго языка передъ новыми въ педагогическомъ отношеніи. По ея мнѣнію, только тогда можно было бы объ этомъ судить съ нѣкоторымъ основаніемъ, когда эти языки находились бы въ одинаковомъ положеніи. Комиссія имѣла при этомъ въ виду привилегированное положеніе, занимаемое латинскимъ языкомъ, какъ по отношенію къ количеству его уроковъ, такъ и по отношенію къ методу преподаванія, вслѣдствіе чего изученіе этого языка должно было повести къ болѣе значительнымъ результатамъ, чѣмъ изученіе новыхъ языковъ. Только тогда, когда условія эти были бы уравновѣшены, можно было бы говорить съ достовѣрностью о большей или меньшей пользѣ изученія того языка или другихъ.

Обсуждая дальше значеніе латинскаго языка для общаго или такъ-называемаго гуманистическаго образованія, комиссія пришла къ убѣжденію, что точное опредѣленіе того, что слѣдуетъ понимать подъ такимъ образованіемъ, представляетъ значительныя затрудненія. Во всякомъ случаѣ, она полагала, что отъ такого обра-

¹⁾ Мы коснемся только положенія латинскаго языка, но не древнихъ языковъ вообще, такъ какъ вопросъ о греческомъ языкѣ въ Швеціи былъ уже рѣшенъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ томъ смыслѣ, что обученіе его было признано необязательнымъ.

зованія можно требовать извѣстныхъ условій, а именно: чтобы оно доставляло для всѣхъ университетскихъ занятій одинаковую общую основу; чтобы оно развивало умъ человѣка болѣе всестороннимъ образомъ, чѣмъ другія спеціальныя научныя занятія; чтобы оно доставило понятіе о положеніи и значеніи каждой отдѣльной науки въ общемъ устройствѣ человѣческаго знанія; чтобы оно защищало противъ односторонности въ образованіи, которой подлежатъ даже самыя знаменитыя спеціалисты, и, наконецъ, чтобы оно приспособляло отдѣльныя лица къ занятію извѣстнаго мѣста въ государствѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія гуманистическаго образованія, комиссія пришла къ заключенію, что если мы ожидаемъ столь значительныхъ результатовъ отъ латинскихъ упражненій учениковъ въ школахъ, то намъ невозможно будетъ доказать связь, будто бы существующую между столь важными послѣдствіями и столь ничтожною причиною. Въ особенности она разсматривала значеніе латинскаго языка въ лингвистическомъ отношеніи для спеціальнаго образованія. Въ этомъ отношеніи она приводила, что въ нѣкоторыхъ наукахъ, какъ напр. въ геологіи, большинство техническихъ терминовъ происходитъ отъ греческаго языка—между тѣмъ никто не считаетъ необходимымъ требовать знанія этого языка на экзаменѣ отъ горнопромышленника. Въ другихъ наукахъ, какъ напр. въ ботаникѣ, техническія термины могутъ быть объяснены лучше посредствомъ французскаго, чѣмъ латинскаго языка; объясненіе же нѣкоторыхъ терминовъ невозможно даже при самомъ основательномъ знаніи латинскаго языка. Изъ этого видно, что комиссія не придавала латинскому языку большого значенія для техническаго образованія. По ея мнѣнію, несравненно больше значенія для гуманистическаго образованія могла бы имѣть обширная ученая литература, состоящая изъ сочиненій, составляемыхъ въ продолженіе многихъ столѣтій, исключительно на этомъ языкѣ. Но въ этомъ отношеніи всѣ результаты трудовъ знаменитыхъ древнихъ авторовъ были не только восприняты новѣйшими учеными, но дальше ими развиты и изложены въ болѣе доступной формѣ на одномъ изъ новыхъ языковъ. Поэтому необходимость изучить въ подлинникѣ знаменитыя произведенія древности или значительно уменьшилась для новѣйшихъ изслѣдователей, или даже, въ большей части случаевъ, совсѣмъ исчезла.

Особенное вниманіе обратила комиссія на отношеніе въ школахъ языка латинскаго къ англійскому. И въ этомъ отношеніи она пришла къ заключенію, что хотя латинскій языкъ можетъ имѣть значеніе, тѣмъ не менѣе нельзя защищать распредѣленія

наукъ, по которому на изученіе его посвящается въ гимназіяхъ шесть лѣтъ (на линіи А и В), сверхъ извѣстнаго времени въ университетѣ для выдержанія философскаго экзамена, — между тѣмъ ничего не дѣлается для изученія англійскаго языка, столь важнаго для современной науки. Поэтому она пришла къ убѣжденію, что хотя было бы желательнымъ ввести на линіи реальной, — предполагаемой въ будущемъ основѣ современнаго образованія — курсъ латинскаго языка, въ довольно ограниченномъ размѣрѣ, именно продолжающійся только два года, „тѣмъ не менѣе устройство это слѣдуетъ считать только временнымъ, такъ какъ для каждаго понятно, что потребность изученія этого языка въ продолженіе извѣстнаго времени совершенно исчезнетъ“; понятно для каждаго, кто только замѣтилъ, какъ этотъ языкъ, пользовавшійся прежде въ ученomъ мѣрѣ господствомъ до такой степени, что для чловека, не обладающаго имъ, былъ закрытъ доступъ ко всякому образованію, въ послѣдствіи, въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій, терялъ все болѣе и болѣе значеніе.

По отношенію къ классическому образованію коммиссія обратила вниманіе на вопросъ, необходимо ли для его достиженія обязательное изученіе латинскаго языка въ школахъ? Относительно этого она полагала, что къ противникамъ отнѣны обязательнаго его изученія принадлежатъ вообще тѣ, которые опасаются, что вслѣдствіе того значительно уменьшится въ странѣ количество лицъ, знающихъ этотъ языкъ, вслѣдствіе чего будутъ расторгнуты узы, соединяющія настоящее поколѣніе съ современностью и съ великими культурными народами. Но она полагала, что опасеніе это неосновательно, такъ какъ для каждаго, кто только размышлялъ надъ этимъ вопросомъ, ясно, что связь эта состоитъ не въ латинскомъ языкѣ, но въ живыхъ языкахъ этихъ культурныхъ народовъ. Она говорила дальше, что для того, чтобы въ данной странѣ развивалась извѣстная наука, напр., медицина, законовѣденіе, исторія, археологія, астрономія и т. п. необходимо, чтобы въ ней находилось извѣстное, даже не очень значительное, количество лицъ, занимающихся этими науками добровольно и жертвующихъ своими силами и способностями для дальнѣйшаго ихъ развитія; но никогда не признавалось необходимымъ для достиженія этой цѣли, чтобы начала всѣхъ этихъ наукъ были преподаваемы обязательно всему возрастающему поколѣнію. Нельзя также доказать, чтобы классическая филологія и наука классическихъ древностей занимали въ этомъ отношеніи исключительное положеніе, вслѣдствіе чего слѣдовало бы для нихъ сдѣлать исключеніе изъ началъ, примѣняемыхъ къ другимъ наукамъ. На этомъ основаніи

комmissiя приняла въ заключенiю, что развитiю истинно классическаго образованiя можно способствовать только такими средствами, которыя употребляются для развитiя другихъ наукъ. Въ подтвержденiе своего мнѣнiя она ссылалась на официальные заявленiя двухъ профессоровъ латинскаго языка въ университетѣ въ Лундѣ. Одинъ изъ нихъ, проф. Экъ, полагалъ, что вслѣдствiе отмѣны обязательнаго изученiя латинскаго языка уменьшится количество лицъ, занимающихся имъ; но, по его мнѣнiю, лучше имѣть менѣе труженниковъ, истинно преданныхъ своему занятiю и относящихся къ нему съ любовью, чѣмъ множество молодыхъ людей, претендующихъ только на обладанiе классическимъ образованiемъ, но, въ сущности, не имѣющихъ на это никакого права. Другой, проф. Лизандеръ, обратилъ вниманiе на то, что въ настоящее время существуетъ одинъ обязательный предметъ философскаго испытанiя въ университетѣ, именно латинскiй языкъ. Но этотъ языкъ постигло то несчастiе, что его обижаютъ одинаковымъ образомъ и его сторонники, и его непрiатели. Никому не дѣлаетъ удовольствiя экзаменъ изъ него, пока извѣстная часть слушателей подлежитъ обязанности изучать его. Эта часть лишается вслѣдствiе того возможности заниматься болѣе прилежно привлекающими ее науками; а свидѣтельство, которое получается о выдержанiи успѣшнаго экзамена, очень сомнительнаго достоинства. Поэтому было бы лучше, еслибы извѣстнымъ предметомъ занималось менѣе людей, но дѣйствительно ему преданныхъ. Тогда и результаты ихъ трудовъ были бы другiе.

На основанiи всего этого комиссиa высказала свои предположенiя относительно будущаго положенiя латинскаго языка въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведенiяхъ. По ея мнѣнiю, слѣдовало бы совершенно исключить этотъ языкъ изъ философскаго экзамена въ университетѣ, вслѣдствiе котораго значительное количество учениковъ было принуждено избирать вмѣсто реальной линiи линiю латинскую В. Но такъ какъ она находила, что для нѣкоторыхъ специальныхъ наукъ въ университетѣ нужно еще извѣстное знанiе латинскаго языка, то она предполагала введенiе элементарнаго курса его въ двухъ высшихъ классахъ линiи реальной. Курсъ этотъ, однакожь, не долженъ былъ быть обязательнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду доставить только элементарное знакомство съ этимъ языкомъ тѣмъ ученикамъ, которые впослѣдствiи могли бы въ немъ нуждаться въ университетѣ. Испытанiе такихъ учениковъ должно было происходить въ гимназiи. Впрочемъ устройство это должно было быть только временное, такъ какъ комиссиa сама высказала мнѣнiе, что со временемъ

потребность знанія латинскаго языка для спеціального образованія еще болѣе будетъ ограничена, а затѣмъ и совершенно исчезнетъ.

Съ другой стороны, комиссія полагала, что вслѣдствіе введенія такого необязательнаго элементарнаго курса латинскаго языка на линіи реальной окажется возможнымъ закрыть въ гимназіяхъ линію латинскую В, которую до этого времени посѣщало наибольшее количество учениковъ, по поводу именно философскихъ экзаменовъ въ университетѣ. Ученики эти, вмѣсто шестилѣтняго курса латинскаго языка на линіи латинской В, имѣли бы только двухгодичный на линіи реальной. Что касается линіи латинской А, съ обоими древними языками, то комиссія полагала, что хотя она должна доставлять преимущественно классическое образованіе, тѣмъ не менѣе преподаваніе этихъ языковъ не должно начинаться на ней раньше, чѣмъ теперь, именно съ 4-го класса.

Такъ высказалась комиссія просвѣщенія о роли латинскаго языка въ образованіи молодого поколѣнія вообще. Она заключала, что этотъ языкъ въ настоящее время потерялъ большую часть своего прежняго значенія, особенно для нѣкоторыхъ наукъ. Вслѣдствіе того она стремилась къ ограниченію его изученія, отмѣняя обязательность его для тѣхъ учениковъ, которые обучались ему не ради его внутренняго достоинства, но ради выгодъ или привилегій, которыя могли себѣ этимъ доставить. Съ другой стороны, она заботилась о доставленіи знакомства съ нимъ ученикамъ, дѣйствительно въ немъ нуждающимся, посредствомъ введенія курса этого языка на линіи реальной. Такимъ образомъ комиссія заботилась о доставленіи гимназистамъ какой бы то ни было линіи возможности поступать впослѣдствіи въ университетъ или въ другія высшія учебныя заведенія. Намѣренія ея въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полнаго уваженія, такъ какъ, очевидно, въ устройствѣ училищъ вообще необходимо возстановить извѣстную связь между средними и высшими учебными заведеніями, — связь, открывающую доступъ ученикамъ первыхъ въ послѣднія и доставляющую имъ возможность дальнѣйшаго образованія.

Комиссія, однако, не довольствовалась разсмотрѣніемъ связи, существующей между средними и высшими учебными заведеніями; она разсматривала также связь этихъ заведеній съ низшими, т.-е. начальными училищами. Въ самомъ дѣлѣ, было бы желательно, чтобы всѣ учебныя заведенія были такъ устроены, чтобы ученики низшихъ не встрѣчали непреодолимыхъ препятствій въ переходѣ въ высшія и т. д. Это идеаль, осуществленный уже въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ въ сѣверо-американскихъ штатахъ, далеко

не достигнуть народами Старой Европы. Этотъ идеаль столь однако обилень богатыми послѣдствіями, что каждый, кто любитъ свой народъ, долженъ стремиться въ нему. И этотъ идеаль имѣла въ виду шведская коммиссія просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что съ извѣстнаго времени не только въ Швеціи, но и въ родственной ей Норвегіи усердно занимались возстановленіемъ такой связи между начальнымъ училищемъ и гимназіею. Поэтому она предлагала проекты такого устройства начальныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназій, гдѣ всѣ учебныя заведенія не должны были составлять какихъ-то отдѣльныхъ, безъ связи съ другими состоящихъ, учреждений, но были бы частями одного образовательнаго организма. Коммиссія, однако, не думала, чтобы такая прекрасная цѣль могла быть уже въ настоящее время вполне достигнута.

V.

Многіе другіе вопросы изъ числа разсмотрѣнныхъ коммиссіею просвѣщенія имѣютъ значеніе не только для мѣстныхъ, шведскихъ отношеній, но и для педагоговъ и, для устройства училищъ вообще. Поэтому нельзя не упомянуть, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ.

Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ, напр., вопросъ о надзорѣ надъ школами и учениками въ санитарномъ отношеніи ¹⁾.

Раньше уже шведское законодательство сдѣлало много для воспитанія здоровой и крѣпкой молодежи. Школьный регламентъ 1-го ноября 1878 г. предписалъ подробно порядокъ исполненія гимнастическихъ упражненій и надзоръ за училищами въ санитарномъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи шведское устройство училищъ занимаетъ, можетъ быть, первое мѣсто передъ всѣми прочими. Несмотря на то, коммиссія считала необходимымъ развить еще болѣе правила, относящіяся преимущественно къ санитарному надзору. Поэтому она считала недостаточнымъ теперешній надзоръ только одного училищнаго врача, потребовала назначенія особаго помощника ректора, получающаго особое вознагражденіе и обязаннаго вести ежедневно надзоръ за гигиеническимъ положеніемъ школы. Училищный врачъ долженъ принимать участіе въ управленіи школы во всѣхъ вопросахъ, относящихся къ физическому развитію учениковъ и санитарнымъ условіямъ заведенія. Поэтому

¹⁾ Къ этому вопросу относятся 3-й и 4-й томы доклада коммиссіи, бывшіе почти исключительно результатомъ трудовъ Акселя Кея (Кей), профессора медицинскаго факультета въ Стокгольмѣ. Трудъ этотъ основательностью взглядовъ и тщательностью обработки превышаетъ все, сдѣланное доселѣ въ этомъ отношеніи. Klinghardt, стр. 118.

онъ долженъ принимать участіе въ распредѣленіи уроковъ и дѣлать предложенія относительно санитарныхъ условій. Коммиссія требовала, чтобы для каждаго врача и его помощника была установлена инструкція, въ которой должны быть приняты во вниманіе слѣдующія обстоятельства. Въ началѣ и въ концѣ учебнаго года слѣдуетъ всѣхъ учениковъ тщательно осмотрѣть въ санитарномъ отношеніи, взвѣсить и измѣрить. Въ началѣ каждаго полугодія ихъ нужно осмотрѣть по отношенію къ способности къ гимнастическимъ упражненіямъ. Въ началѣ зимняго полугодія слѣдуетъ изслѣдовать ихъ способность слуха; это обстоятельство должно быть принято во вниманіе при усаживаніи учениковъ въ классѣ. Въ концѣ лѣтняго полугодія слѣдуетъ изслѣдовать способность зрѣнія учениковъ. Если между учениками или въ ихъ сосѣдствѣ будутъ обнаружены заразные болѣзни, училищный врачъ долженъ принять надлежащія предупредительныя средства. Разъ въ мѣсяць врачъ долженъ осмотрѣть все училищное зданіе въ гигиеническомъ отношеніи и представить о томъ докладъ ректору. Въ концѣ каждаго года онъ долженъ представить отчетъ о всѣхъ санитарныхъ условіяхъ заведенія ректору, который долженъ препроводить его высшему начальству. Всѣ новыя училищныя зданія могутъ быть воздвигаемы только послѣ выслушанія мнѣнія школьнаго врача. Помощникъ врача долженъ содѣйствовать ему въ исполненіи всѣхъ его санитарныхъ обязанностей, при взвѣшиваніи и измѣреніи учениковъ и изслѣдованіи состоянія ихъ здоровья. Коммиссія желала даже, чтобы сами учителя имѣли понятіе о школьной гигиенѣ, вслѣдствіе чего они могли бы сами наблюдать за условіями школы и за учениками.

VI.

Не менѣе важнымъ вопросомъ было надлежащее приготовленіе учителей. Въ этомъ отношеніи коммиссія высказала убѣжденіе, что значительную часть неуспѣховъ теперешняго гимназическаго обученія слѣдуетъ приписать недостаточной зрѣлости учителей, которые безъ всякаго приготовленія, теоретическаго и практическаго, переходятъ прямо съ университетской скамьи въ гимназію, изъ учениковъ превращаются въ учителей, руководителей молодого поколѣнія. Она усматривала въ этой недостаточной зрѣлости самихъ учителей одну изъ причинъ постоянныхъ жалобъ на обремененіе учениковъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что и училищныя программы играютъ въ этомъ отношеніи значительную роль. Поэтому уже распоряженіе 16-го іюля 1875 г. опредѣляло, что

кандидаты въ учителя должны въ продолженіе года приготавливаться практически и теоретически къ исполненію своихъ обязанностей, и предписало порядокъ этихъ занятій. Только отъ результата ихъ пробныхъ занятій зависѣло окончательное ихъ назначеніе въ должность.

Порядокъ, установленный въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что кандидатъ долженъ увѣдомить о своемъ намѣреніи министерство, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ предметы, которые желалъ бы преподавать. Вслѣдствіе этого министерство указываетъ ему учебное заведеніе, гимназію, въ которой онъ долженъ приготавливаться въ продолженіе года. Только немногія гимназіи, признаваемые образцовыми, пользуются правомъ принимать такихъ кандидатовъ. Кандидатъ долженъ отбыть въ указанномъ ему заведеніи два курса: одинъ практическій, подъ руководствомъ ректора, при содѣйствіи учителей даннаго предмета; другой — теоретическій, подъ руководствомъ учителя, назначеннаго министерствомъ. Въ началѣ каждаго полугодія ректоръ долженъ вмѣстѣ съ кандидатомъ составить планъ практическихъ занятій, состоящихъ въ исполненіи пробныхъ уроковъ, которыхъ можетъ быть не болѣе шести въ недѣлю. Уроки эти должны быть разбираемы на собраніяхъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ ректора изъ всѣхъ кандидатовъ, занимающихся тѣми же предметами, и учителей данныхъ наукъ. На собраніяхъ этихъ должны быть тоже разбираемы вопросы методологіи наукъ, составляющихъ предметъ занятій. Руководитель теоретическаго курса долженъ имѣть по крайней мѣрѣ двѣ теоретическія лекціи по исторіи и теоріи педагогики. Кандидаты обязаны также представить въ половинѣ второго полугодія одно или два разсужденія по тѣмъ же наукамъ и выдержать въ концѣ года испытаніе по программѣ, составленной руководителемъ теоретическаго курса, въ присутствіи ректора и подлежащихъ учителей. Въ концѣ каждаго полугодія ректоръ представляетъ министерству отчетъ о занятіяхъ кандидатовъ. Только послѣ таковаго приготовленія кандидаты получаютъ два свидѣтельства: одно по практическимъ занятіямъ, выдаваемое ректоромъ и учителями, другое — изъ теоріи, выдаваемое руководителемъ этими занятіями. Только на основаніи этого кандидаты могутъ быть опредѣлены въ должность.

По поводу увеличившагося въ послѣднее время значенія новыхъ языковъ, комиссія занималась тоже вопросомъ надлежащаго приготовленія учителей этихъ языковъ. Очевидно, что обученіе этимъ языкамъ, какъ оно имѣло мѣсто до этого времени, по различнымъ методамъ Робертсоновъ и т. под., не могло повести къ хорошимъ результатамъ. Ясно также, что обученіе древнимъ

языкамъ должно было имѣть лучшія послѣдствія, такъ какъ оно производилось по совершенно другому, строго-научному методу. Такое положеніе вещей не могло, однако, продолжаться, когда нѣмецкій языкъ былъ принятъ въ основу лингвистическаго образованія и когда оказался недостатокъ соотвѣтственно приготовленныхъ учителей. Этому недостатку учителей слѣдуетъ даже приписать то, что первоначально реформа въ преподаваніи языковъ не имѣла кое-гдѣ такого успѣха, какового отъ нея ожидали; но она оказалась благотворною вездѣ, гдѣ только находились учителя, способные обучать новымъ языкамъ столь же основательно, какъ это было до того времени только по отношенію къ древнимъ языкамъ. Руководствуясь этимъ, комиссія предлагала различныя средства для должнаго приготовленія учителей новыхъ языковъ. Къ этимъ средствамъ принадлежало устройство особыхъ кафедръ для этихъ языковъ въ университетахъ, изученіе ихъ сравнительно-историческое, устройство семинарій, а также командированіе на счетъ казны кандидатовъ въ страны, которыхъ языкъ они сдѣлали своимъ спеціальнымъ занятіемъ, для изученія его практически.

VII.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на предложенія комиссіи просвѣщенія относительно школьной администраціи, такъ какъ и въ этомъ отношеніи онѣ отличаются оригинальностью.

До этого времени система властей, управляющихъ школами въ Швеціи, была недостаточна во многихъ отношеніяхъ. Центральнымъ органомъ было министерство духовныхъ дѣлъ, въ которомъ находилось отдѣленіе среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Отъ этого управленія были независимы университеты, состоявшіе въ завѣдываніи особаго канцлера, и прочія высшія учебныя заведенія. Средніе органы управленія находились въ такомъ состояніи, какъ они возникли въ средніе вѣка. Вообще управленіе училищами или надзоръ за ними принадлежалъ духовенству. Двѣнадцать епархій, на которыя раздѣлялась страна, составляли столько же учебныхъ округовъ. Въ каждомъ округѣ высшая власть надъ школами принадлежала епископу, подъ названіемъ *эфора*. Эфору содѣйствуетъ въ исполненіи его обязанностей назначенный имъ инспекторъ, а также капитулъ или консисторія. Этотъ послѣдній органъ состоитъ въ университетскихъ городахъ, какъ Упсала и Лундъ, изъ приходскаго священника и всѣхъ ординарныхъ профессоровъ богословскаго факультета. Въ прочихъ городахъ онъ

состоить изъ приходскаго священника и шести высшихъ учителей мѣстной гимназіи. Не могутъ быть членами капитула учителя новыхъ языковъ и естественныхъ наукъ, такъ какъ когда эти органы возникали, предметы эти не были еще преподаваемы въ учебныхъ заведеніяхъ. Эти учителя, однакожь, могутъ быть ректорами гимназій и, вслѣдствіе того, непосредственнымъ начальствомъ тѣхъ учителей, которымъ они съ своей стороны, какъ членамъ капитуловъ, подчинены.

Намѣреніе школьной комиссіи преобразовать училищное управленіе слѣдуетъ приписать, однакоже, не тому, что училища состояли въ завѣдываніи духовенства, такъ какъ мы видѣли, что это управленіе успѣло провести школьную реформу во всеобщему удовольствію, и не тому также, что управленіе это, вслѣдствіе своихъ непослѣдовательностей, похожихъ на указанныя выше, дѣйствовало очень тяжело, но главнымъ образомъ тому, что вслѣдствіе увеличенія количества училищъ епископъ не могъ, въ качествѣ эфора, удовлетворить своимъ обязанностямъ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ этимъ увеличились его духовныя обязанности. Поэтому комиссія предлагала устроить при министерствѣ духовныхъ дѣлъ новый центральный школьный совѣтъ, пользующійся большою самостоятельностью. Впрочемъ главная заслуга предлагаемой ею реформы состояла не въ этомъ, а въ устройствѣ мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ, долженствующихъ замѣнить управленіе эфоровъ и капитуловъ. Въ этомъ отношеніи комиссія руководствовалась возрѣніями, высказанными уже въ 1848 г. министерствомъ духовныхъ дѣлъ въ докладѣ, представленномъ сейму. Въ докладѣ этомъ было сказано, „что главная причина недостатка въ обществѣ надлежащаго участія къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ и довѣрія къ нимъ, согласно ихъ заслугамъ, состоитъ въ томъ, что управленіе ими въ мельчайшихъ подробностяхъ ввѣрено исключительно государственнымъ чиновникамъ, родители же устранены вовсе отъ всякой связи съ училищемъ. Такое состояніе можно было бы оправдать, пока эти учебныя заведенія имѣли въ виду приготовленіе исключительно государственныхъ чиновниковъ, такъ какъ государство имѣетъ полное право указать на свои требованія научнаго приготовленія для будущихъ своихъ чиновниковъ. По мѣрѣ того, однако, какъ необходимость знанія и науки распространилась на дальнѣйшія общественныя сферы, которыя имѣютъ тоже полное право требовать, чтобы школа удовлетворяла и ихъ потребностямъ, было бы справедливо и полезно, чтобы или сами родители, или лица, представляющія ихъ интересы, были допущены къ непосредственному руководству школою“.

Согласно тому комиссія 1882—84 г. предлагала отмѣнить настоящее управленіе эфоровъ и капитуловъ, и вмѣсто ихъ установить училищные совѣты, управляющіе непосредственно средними учебными заведеніями, во вѣренномъ имъ округѣ. Эти совѣты должны состоять изъ назначеннаго министерствомъ предсѣдателя, ректора мѣстной гимназіи, одного учителя, избраннаго учительскою корпораціею, училищнаго врача и двухъ членовъ, назначаемыхъ городскимъ совѣтомъ, которые должны представлять интересы родителей или, лучше говоря, общества ¹⁾. Не будемъ здѣсь разсматривать подробно правъ предлагаемыхъ учреждений. По нашему мнѣнію, всего болѣе заслуживаетъ вниманія это привлеченіе членовъ общества къ училищному управленію, — общества, въ самой высокой степени заинтересованнаго въ правильной ихъ дѣятельности. По нашему мнѣнію, это непосредственное участіе членовъ, не принадлежащихъ къ учительской коллегіи и, вслѣдствіе того, не относящихся слишкомъ односторонне къ педагогическимъ вопросамъ, было бы въ состояніи устранить многіе недостатки теперешняго школьнаго устройства, или предупредить ихъ, какъ напр. чрезмѣрное обремененіе учениковъ, бывшее въ настоящее время поводомъ къ постояннымъ жалобамъ. Во всякомъ случаѣ участіе этихъ членовъ было бы въ состояніи завести извѣстный контроль надъ тѣмъ, что дѣлается съ ихъ дѣтьми въ школѣ. Не думаемъ то же, чтобы кто-либо могъ оспаривать это право родителей или утверждать, что школа должна быть освобождена отъ всякой за это отвѣтственности.

VIII.

Изъ различныхъ предложеній комиссіи просвѣщенія мы могли убѣдиться, что она, проникнувшись потребностями новаго времени, предлагала очень важныя реформы въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ числѣ этихъ реформъ было также ограниченіе преподаванія древнихъ языковъ, соразмѣрно уменьшившемся ихъ значенію въ жизни. Но министръ духовныхъ дѣлъ, завѣдующій народнымъ просвѣщеніемъ, Гаммершильдъ, не довольствуясь этимъ, сдѣлалъ предложеніе въ совѣтѣ министровъ объ уполномоченіи его вытребовать еще мнѣнія по тому же дѣлу отъ канцлера, управляющаго университетами, отъ медицинскаго фа-

¹⁾ Почти такіе же совѣты были установлены уже въ Баденѣ, на основаніи распоряженія 10-го мая 1886 г. Klinghardt, тамъ же, стр. 145.

культета въ Стокгольмѣ, отъ капитула и учительскихъ корпорацій. Въ предложеніи этомъ говорилось:

„Съ того времени, когда реальное образованіе получило въ учебныхъ заведеніяхъ страны самостоятельное положеніе и когда къ нему заботливѣе относятся, проявляется все болѣе и болѣе настоящее требованіе, чтобы ученикамъ, окончившимъ реальную линію, доставить возможность не только заниматься различными науками въ университетѣ, но и возможность удостовѣрить, посредствомъ соотвѣтственнаго испытанія, свою способность къ занятію такихъ государственныхъ должностей, для которыхъ считалось необходимымъ университетское образованіе. Если реальное образованіе (безъ латинскаго языка) можетъ доставить достаточное приготовленіе къ извѣстнымъ занятіямъ, то очевидно государство не имѣетъ никакого основанія требовать удостовѣренія знанія древнихъ языковъ, для назначенія на должности по этимъ занятіямъ. Потому министръ считаетъ не терпящимъ отлагательства вопросъ о томъ, нужно ли классическое образованіе въ университетскихъ занятіяхъ, имѣющихъ въ виду приготовленіе государственныхъ чиновниковъ“.

Въ этихъ выраженіяхъ министръ ясно высказалъ свое воззрѣніе на вопросъ о латинскомъ языкѣ на философскомъ испытаніи въ университетѣ, вслѣдствіе котораго многіе ученики, какъ замѣчено выше, были принуждены поступить не на линію реальную, но на линію латинскую В, т.-е. съ латинскимъ языкомъ.

Вслѣдствіе того всѣ вышеприведенныя учрежденія представили требуемыя отъ нихъ заключенія. Впослѣдствіи министръ препроводилъ еще на ихъ заключеніе отчетъ и предложенія большой комиссіи просвѣщенія. Нельзя сказать, чтобы заключенія этихъ учрежденій относились благосклонно къ предложеніямъ министра или комиссіи. Вообще они высказали мнѣніе о необходимости сохраненія настоящаго устройства училищъ. Несмотря на то, и они дѣлали нѣкоторыя уступки духу новаго времени, допуская извѣстное ограниченіе латинскаго языка. Такъ напр., сенаты университетовъ въ Упсалѣ и въ Лундѣ были того мнѣнія, что изъ философскаго испытанія въ университетѣ слѣдуетъ устранить латинскіе экстемпорали, вслѣдствіе чего само приготовленіе къ этому испытанію требовало бы менѣе времени. Съ другой стороны, тѣ же учрежденія требовали усиленія въ университетахъ преподаванія новыхъ языковъ. Медицинскій факультетъ въ Стокгольмѣ въ заключеніи отъ 30-го мая 1885 г. положительно высказался, что значеніе латинскаго языка для врача сравнительно незначительно, несравненно меньше значенія естественныхъ наукъ,

болѣе всего развивающихъ способность наблюденія, необходимую для врача. Поэтому факультетъ считалъ для врача достаточнымъ приготовленіемъ двухгодичный курсъ латинскаго языка, предполагаемый министромъ на линіи реальной.

На основаніи этого министерство выработало въ 1888 г. проектъ реформы философскихъ испытаній въ университетахъ. По нему должно быть шесть родовъ испытаній, согласно будущимъ специальнымъ научнымъ занятіямъ студентовъ. Соразмѣрно тому и предметы, входящіе въ составъ каждаго испытанія, должны быть различны. Не вдаваясь здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого проекта, довольно замѣтить, что на двухъ испытаніяхъ требовалось знаніе обоихъ древнихъ языковъ, на двухъ — одного латинскаго, на двухъ же ни одинъ изъ этихъ языковъ не требовался ¹⁾. Проектъ этотъ, однакоже, не былъ обсуждаемъ сеймомъ 1889 г. по недостатку времени.

Въ такомъ видѣ представляется дальнѣйшее развитіе гимназической реформы въ Швеціи, относительно котораго можно дѣлать предположеніе на основаніи парламентскихъ преній и официальныхъ заключеній и предложеній различныхъ комиссій и учебныхъ учрежденій. Для болѣе основательнаго выясненія этого вопроса, мы позволимъ себѣ еще привести мнѣніе, высказанное относительно его Клинггардомъ, котораго трудъ составлялъ для насъ главный источникъ въ представленіи гимназической реформы въ Швеціи. Мнѣніе это было имъ высказано въ статьѣ ²⁾. въ которой онъ доказывалъ неосновательность возраженій, возбужденныхъ противъ нея профессоромъ гейдельбергскаго университета, Улигомъ ³⁾.

Первое возраженіе Улига состояло въ томъ, что на практикѣ не оказалось полезнымъ начинать изученіе иностранныхъ языковъ съ нѣмецкаго, какъ это дѣлается въ Швеціи.

Относительно этого Клинггардъ приводилъ, что еще до реформы въ Швеціи извѣстный датскій латинистъ Мадвигъ, преобразователь школьнаго устройства въ Даніи, гдѣ подобная реформа была также введена, выразилъ мнѣніе, что для такъ-на-

¹⁾ *Underdåniga Förslag och Betänkanden afgifna den 2 juli 1889. Stockholm. 1889, стр. 4 и 5.*

²⁾ *H. Klinghardt, Schwedens Erfahrungen mit seiner Einheitsschule und deren Sprachenfolge. Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. 1888, стр. 527.*

³⁾ *E. Spillmann, Bericht über die Verhandlungen der 39 Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner zu Zürich. Тамъ же, 1888, стр. 131.*

зываемой гимнастики мысли, будто бы достигаемой изученіемъ древнихъ языковъ, ни одинъ изъ языковъ не представляетъ такихъ особенностей, на основаніи которыхъ могъ бы занять привилегированное положеніе въ школахъ. Въ 1881 г. Мадвигъ придерживался того же убѣжденія, несмотря на то, что программа наукъ, составленная имъ для Даніи, выдержала уже десятилѣтній опытъ, а по этой программѣ изученію латинскаго языка предшествовало изученіе не одного, какъ въ Швеціи, но двухъ иностранныхъ языковъ, именно нѣмецкаго и французскаго. Притомъ, Мадвигъ, какъ управляющій народнымъ просвѣщеніемъ, обладалъ всѣми официальными документами, рапортами учителей всѣхъ возрастныхъ, изъ которыхъ могъ бы убѣдиться о вредныхъ послѣдствіяхъ подобной реформы, еслибы онѣ дѣйствительно существовали. Въ подтвержденіе того, что порядокъ изученія древнихъ языковъ, введенный въ Швеціи въ 1873 г., снискиваетъ себѣ все болѣе и болѣе признанія, Клинггардтъ приводилъ, что уже въ 1875 г. на сѣздѣ учителей въ Ионкепингѣ многіе филологи выражались съ удивленіемъ о хорошихъ результатахъ лингвистическаго приготовленія учениковъ посредствомъ нѣмецкаго языка. Въ 1878 г., на такомъ же сѣздѣ въ Гефле, одинъ изъ знаменитѣйшихъ шведскихъ педагоговъ, возражавшій энергично на сеймѣ 1873 г. противъ признанія нѣмецкаго языка основнымъ, призналъ, на основаніи собственнаго опыта, что языкъ этотъ оказаль такіе же хорошіе результаты, какъ прежде латинскій. Въ 1887 г. Аксель Драке, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ шведскихъ педагоговъ, выразилъ мнѣніе, что въ настоящее время уже утвердилось убѣжденіе въ томъ, что нѣмецкій языкъ можетъ быть основнымъ языкомъ въ школахъ. Онъ говорилъ также, что хотя не исчезли еще всѣ предубѣжденія объ этомъ, тѣмъ не менѣе большинство учителей согласны въ томъ, что съ помощью нѣмецкаго ученики могутъ усвоить основныя грамматическія формы легче и съ меньшею потерей времени, чѣмъ прежде, съ помощью латинскаго языка. Ректоръ Тернебладъ призналъ, что теперь и рѣчи быть не можетъ о введеніи вновь латинскаго языка въ три низшіе класса гимназій. Наконецъ, Силленъ возражалъ съ теоретической точки зрѣнія противъ притязаній латинскаго языка быть основнымъ языкомъ въ школахъ.

Были, конечно, и сторонники прежняго порядка вещей. Въ доказательство тому можно бы привести сѣздъ учителей въ Эребро 1881 г. и сѣздъ директоровъ училищъ въ Стокгольмѣ 1884 г. Этому удивляться, однакожъ, нельзя, такъ какъ прежде обучали нѣмецкому языку только какъ новому иностранному, и поэтому

не было даже учителей, способныхъ обучать ему согласно новымъ требованіямъ. Между тѣмъ учителя латинскаго языка должны были основывать преподаваніе его на предшествующемъ преподаваніи нѣмецкаго. Поэтому, если они нашли учениковъ плохо приготовленными, то обыкновенно приписывали это не недостаточному приготовленію учителей нѣмецкаго языка, а несоотвѣтственности этого языка, какъ основнаго. Чѣмъ болѣе, однако, будетъ хорошихъ учителей, тѣмъ менѣе будетъ неудобствъ, откуда происходящихъ. Впрочемъ каждая реформа вызываетъ сначала извѣстные неудобства, которыя впослѣдствіи исчезаютъ. Это не можетъ составлять препятствія къ преобразованіямъ вообще. Реформа въ порядкѣ обученія языкамъ въ Швеціи возникла, главнымъ образомъ, вслѣдствіе лучшаго пониманія и уразумѣнія дѣйствительныхъ интересовъ родителей и дѣтей; теоретическія же воззрѣнія педагоговъ пришлось измѣнить подъ вліяніемъ давленія общественнаго мнѣнія и потребностей жизни. Но такъ какъ ни эти интересы, ни общественное мнѣніе не измѣнились въ Швеціи со времени реформы, то нельзя полагать, чтобы въ этой странѣ находили полезнымъ возвращеніе къ прежнему порядку вещей.

Положеніе Улига, будто бы, вслѣдствіе повышенія преподаванія латинскаго языка нѣсколькими классами выше, возникало недостаточное знакомство учениковъ съ этимъ языкомъ, по мнѣнію Клиггарда, есть выдумка чисто-нѣмецкаго происхожденія, такъ какъ въ цѣлой педагогической шведской литературѣ нѣтъ ни одной замѣтки, которая позволяла бы допускать это предположеніе. Впрочемъ и теперь еще шведская молодежь имѣетъ возможность заниматься этимъ языкомъ въ университетѣ по поводу философскихъ экзаменовъ.

Это недостаточное знаніе латинскаго языка учениками составляло, по Улигу, причину сильной враждебности (*der starken Verstimung*) шведскаго общества къ классическому образованію вообще, которая вѣроятно поведетъ не только къ большому еще ограниченію преподаванія древнихъ языковъ, но и къ совершенному устраненію его. Но Клиггардтъ думалъ, что Улигъ принимаетъ причину за послѣдствіе—и наоборотъ. По его мнѣнію, каждый безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что враждебность шведскаго общества къ классическому образованію возникла не вслѣдствіе недостаточнаго знанія учениками латинскаго языка, а вслѣдствіе того, что это общество, сознавая ослабленіе его значенія для современной культуры, считало излишнимъ изучать его слишкомъ долго. Еслибы положеніе Улига было вѣрно, тогда общество требовало бы не ограниченія преподаванія латинскаго языка, но, напротивъ, усиленія его. Между тѣмъ было совершенно

иначе. На этомъ основаніи Клинггардтъ полагалъ, что новѣйшее развитіе гимназическаго устройства въ Швеціи позволяетъ допустить, что со временемъ древніе языки будутъ вовсе устранены изъ школы. Но въ настоящее время вопросъ не въ полномъ ихъ устраненіи, а въ такомъ только ограниченіи, которое отвѣчало бы потребностямъ времени, не рѣшая того, что будетъ въ будущемъ.

Нельзя также, по мнѣнію Клинггардта, приписывать правительству реакціонныя намѣренія и стремленіе возвратиться къ прежнимъ порядкамъ въ устройствѣ училищъ, какъ это дѣлаетъ Улигъ. Возрѣнія на это официальныхъ сферъ можно видѣть изъ отчета экономической комиссіи (декабрь, 1887), которая, обращая вниманіе на критическое положеніе страны по отношенію къ заработкамъ, затрогивала и вопросъ о школѣ, состоящей съ этимъ въ самой тѣсной связи. Въ особенности комиссія эта осуждала преобладающее доселѣ формальное направленіе въ образованіи, вслѣдствіе чего количество молодыхъ людей, обращающихся къ производительнымъ занятіямъ, уменьшалось, увеличивая только ученый пролетаріатъ. Она осуждала также и то, что ученики задерживаются слишкомъ долго въ школѣ, и т. п. Въ этомъ фальшивомъ направленіи образованія она видѣла главнѣйшую причину экономическаго неразвитія страны, ея неспособность соперничать съ другими народами и ея теперешнее разстройство. Поэтому комиссія полагала, что самая неотлагательная потребность общества состоитъ въ школьной реформѣ вообще, отвѣчающей требованіямъ практической жизни. Изъ этого, однако, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ относительно реакціонныхъ намѣреній шведскаго правительства въ школьномъ вопросѣ, хотя, конечно, такая реакція можетъ временно одержать верхъ. Настоящее положеніе вопроса вполнѣ характеризуется словами канцлера шведскихъ университетовъ Людовика де Геера (de Geer) въ его особомъ мнѣніи, отъ 28-го іюля 1886 г. Имъ и заключаемъ нашъ очеркъ шведской гимназической реформы: „Я полагаю, — писалъ канцлеръ, — что культура новыхъ временъ освобождается незамѣтнымъ, но непреложнымъ образомъ отъ непосредственной связи съ языками и словесностью древнихъ народовъ, проникаясь одновременно новыми, необходимыми условіями образованія. Вслѣдствіе того я увѣренъ, что и программы школьнаго преподаванія должны согласно тому преобразовываться“¹⁾.

Антонъ Овольскій.

¹⁾ Klinghardt, Das höhere Schulwesen Schwedens, стр. 157.

МОНГОЛЬСКОЕ СКАЗАНИЕ

0

ГЭСЭРЪ-ХАНЪ

ПО ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1868 годъ былъ помѣщенъ рядъ статей г. Стасова подъ названіемъ „Происхожденіе русскихъ былинъ“. Работа г. Стасова была исполнена въ такомъ порядкѣ: отобравъ нѣсколько русскихъ былинъ, онъ бралъ каждую изъ нихъ поочередно, излагалъ ея содержаніе, отыскивалъ къ нему параллели въ сборникахъ индійскихъ сказаній, въ Гариванъ, Рамаянъ и др., затѣмъ продолжалъ сравненіе съ тюркскими сказками и былинами по сборнику г. Радлова и отчасти съ монгольскими сказаніями. Окончательный выводъ, полученный изъ этого сравненія, вкратцѣ можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: источники русскаго эпоса заключаются въ индійскихъ сказаніяхъ; возникшія на индійской почвѣ темы съ появленіемъ буддизма были буддизированы, съ распространеніемъ буддизма на сѣверъ занесены въ Монголію къ монголамъ и тюркамъ-буддистамъ (которыхъ теперь почти нѣтъ, но которые нѣкогда были въ Средней Азіи) и этими послѣдними были принесены въ Русь вмѣстѣ съ нашествіемъ монголовъ, никакъ не ранѣе этого времени.

Наша работа служить продолженіемъ труда г. Стасова, но заключенія, къ которымъ мы пришли, не совсѣмъ тѣ, что у нашего предшественника. Мы считаемъ не лишнимъ теперь же сказать о томъ, чѣмъ отличается наша работа отъ работы г. Ста-

сова. Г. Стасовъ за параллелями обращается преимущественно къ индійскимъ матеріаламъ, затѣмъ въ меньшей степени къ сборнику Радлова ¹⁾ и въ весьма ограниченномъ размѣрѣ пользуется монгольскимъ книжнымъ сказаніемъ о Гэсэръ-ханѣ. Въ нашей статьѣ, наоборотъ, главнѣйшій матеріалъ заимствованъ изъ этого послѣдняго сказанія, индійскихъ матеріаловъ мы вовсе не касаемся, а устные тюркскія и монгольскія сказанія мы затрагиваемъ только въ тѣхъ случаяхъ, если они имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ сказанію о Гэсэръ-ханѣ. Г. Стасовъ не обратилъ вниманія на большое сходство былины о Добрынѣ съ сказаніемъ о Гэсэрѣ и привлекаетъ послѣднее къ сравненію только по поводу одной мелкой подробности (казнь коварной женщины посредствомъ отрубанія рукъ); мы же сравниваемъ Добрыню съ Гэсэромъ во весь ростъ. вмѣсто Добрыни г. Стасовъ видитъ Гэсэра въ Потокѣ, о которомъ онъ выражается: „Нашъ Потокъ—это самъ знаменитый богатырь Гэсэръ-ханъ“ ²⁾; между тѣмъ сходство Потока съ Гэсэромъ гораздо блѣднѣе, чѣмъ сходство Добрыни съ тѣмъ же монгольскимъ богатыремъ.

О существованіи Гэсэра сообщилъ Европѣ нѣмецъ Бергманъ, который узналъ о немъ во время своего путешествія по калмыцкимъ степямъ астраханской губерніи. Онъ напечаталъ въ Ригѣ въ 1805 г. три томика подъ названіемъ „Streifereien unter den Kalmyken“ и помѣстилъ въ нихъ переводъ такъ-называемаго малаго Гэсэра, т.-е. сокращеннаго. Полный Гэсэръ былъ переведенъ академикомъ Шмидтомъ и напечатанъ въ Петербургѣ въ 1839 году подъ названіемъ: „Die Thaten Bogda Gesser Chan's“.

Гэсэръ извѣстенъ не однимъ монголамъ; его знаютъ также и жители Тибета. Первое извѣстіе о тибетской версіи доставилъ венгерецъ Чома Корови, но рукопись тибетскаго Гэсэра впервые была привезена только въ 60-хъ годахъ Шлагиншвейтомъ,—впрочемъ, не полная; послѣ того петербургскій академикъ Шифнеръ, съ цѣлью получить вариантъ для Петербурга, велъ переписку съ ориенталистомъ Яшке, жившимъ въ Кашмирской долинѣ. Яшке удалось найти рукопись, но она затерялась на дорогѣ изъ Индіи въ Петербургъ. Разыскана ли она была потомъ, я не знаю. Мнѣ удалось добыть экземпляръ тибетскаго Гэсэра въ провинціи Амдо, но также съ пропускомъ нѣсколькихъ листовъ. Я передалъ этотъ экземпляръ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Не ограни-

¹⁾ Radloff, Proben; во время печатанія работъ г. Стасова вышло только четыре тома; теперь ихъ шесть.

²⁾ „Вѣстн. Европы“, 1868, февр., 678.

чиваясь однимъ приобрѣтеніемъ тибетской рукописи, я записалъ еще содержаніе тибетскаго Гэсэра съ устной передачи его. Амдо-сецъ Ами-салунъ говорилъ и частью пѣлъ его по-тангутски, а одинъ монголь переводилъ его рѣчь для меня по-монгольски.

Тангутская версія отличается отъ монгольской только въ подробностяхъ и именахъ; главныя же черты однѣ и тѣ же. Въ своихъ сопоставленіяхъ я буду пользоваться обѣими версіями, монгольской и тибетской (по собственной записи).

Итакъ, Гэсэръ извѣстенъ во всемъ Тибетѣ отъ сѣвернаго угла его до юго-западнаго, отъ Амдо до Кашмирской долины. Онъ извѣстенъ во всей Монголіи, а также и бурятамъ, не только байкальскимъ, но и сѣверо-байкальскимъ. Онъ занесенъ калмыками и въ астраханскія степи.

Но и за предѣлами этого монголо-тибетскаго міра можно находить слѣды знакомства съ темами этого сказанія. У китайцевъ есть герой Гуань-ди или Гуань-инъ, въ народѣ болѣе извѣстный подъ именемъ Гуань-лао-ѣ. Объ этомъ героѣ разсказывается въ наполненной баснословіями китайской книгѣ Сань-го-ши, т.-е. въ „Лѣтописи троестарствія“. Разсказъ объ этой личности, насколько ознакомился я съ нимъ, представляетъ сходство съ Гэсэромъ только немногими, такъ-называемыми бродячими сюжетами, которые не даютъ основанія отождествлять Гуань-ди съ Гэсэромъ; тѣмъ не менѣе монголы сближаютъ ихъ и китайскіе храмы въ честь Гуань-ди (Гуань-лао-ѣ) называютъ храмами въ честь Гэсэръ-хана ¹⁾.

На западѣ Гэсэръ также былъ, повидимому, знакомъ далеко за предѣлами Монголіи. Мы не будемъ проводить здѣсь подробныхъ параллелей для подтвержденія своихъ словъ и ограничимся простымъ указаніемъ, что нѣкоторыя киргизскія сказки, какъ напр., сказка о Козу-Курпешѣ и сказка о Козаѣ (Ерь-Гокчу)

¹⁾ О Гуань-ди была помѣщена статья въ „Revue de l'histoire des religions“, т. XIII, № 2 (Kouan ti, le dieu de la guerre chez les Chinois, par Imbault Huart). Могла Гуань-ди населеніемъ Амдо указывается въ городѣ Чень-ту-фу въ Сы-чуанской провинціи; вѣроятно, ее же разумѣетъ англійскій путешественникъ Беберъ (Baber, Travels and researches in Western China, London, 1882, p. 27), указывая въ этомъ городѣ могилу Kungming'a, друга Сы-чуанскаго царя Лю-бея. Гуань-ди считается военнымъ гениемъ китайской имперіи и покровителемъ нинѣ царствующей династіи. Я записалъ въ южной Монголіи слѣдующую легенду. Во время послѣдняго мусульманскаго возстанія китайскія войска терпѣли пораженія отъ инсургентовъ. Императоръ принесъ торжественную молитву въ пекинскомъ храмѣ, построенномъ въ честь Гуань-ди. Богъ явился въ угрожающемъ видѣ передъ неприятелемъ, и тотъ любжалъ. Императорскія войска одержали побѣду. Въ тотъ же день пекинская статуя Гуань-ди оказалась въ поту и запыленной.

заклѣчаютъ въ себѣ темы изъ Гэсэра ¹⁾. Козу-Курпешъ извѣстенъ и башкирамъ. Еще западнѣе отголоски сказанія о Гэсэрѣ можно различать въ такъ-называемыхъ нартовскихъ сказаніяхъ, которыя существуютъ у осетинъ, чеченцевъ, черкесовъ и кавказскихъ татаръ-горцевъ.

Несмотря на то, что Гэсэръ повсемѣстно извѣстенъ въ Монголіи и нѣтъ уголка, гдѣ бы о немъ не слыхали, это не народная былина, а книжное сказаніе. Распространяется онъ по Монголіи въ видѣ печатанныхъ въ Пекинѣ экземпляровъ и народъ узнаеть о немъ преимущественно отъ грамотѣевъ.

Это показываетъ, что Гэсэръ принесенъ къ монголамъ откуда-то со стороны. Откуда же? Оріенталисты уже имѣютъ готовый на это отвѣтъ; они отвѣчаютъ:—изъ Тибета. И дѣйствительно, съ перваго взгляда такое мнѣніе представляется очень правдоподобнымъ. Монголы всѣ свои богослужебныя книги заимствовали отъ тибетцевъ, и монгольская письменность переполнена переводами съ тибетскаго. Вмѣстѣ съ богослужебными книгами къ нимъ могло зайти и сказаніе о Гэсэрѣ. Самое имя героя Гэсэръ оріенталисты производятъ отъ тибетскаго *цзарь*, „пестикъ въ цвѣткѣ“. Нѣкоторые факты, однако, не мирятся съ такимъ мнѣніемъ и заставляютъ думать, что и монголы и тибетцы получили Гэсэра отъ какого-то тюркскаго племени. На эту мысль наводятъ нѣкоторыя имена, встрѣчающіяся въ монгольской и тибетской версіяхъ и потомъ появляющіяся въ тюркскихъ сказаніяхъ. Такъ въ нѣмецкомъ переводѣ Шмидта встрѣчается имя Ер-Гокчу ²⁾; такое имя еще ни разу не было встрѣчено въ монгольскихъ сказкахъ, но его знаютъ тюркскія племена, урянхайцы и киргизы. У киргизъ была записана Радловомъ цѣлая былина подъ именемъ Ер-Гокчу ³⁾; киргизское поколѣніе Уаки считаютъ Ер-Гокчу своимъ предкомъ. У туркменъ есть поколѣніе Ер-юкча ⁴⁾. У урянхайцевъ Гокчу есть тотъ богатырь, который охотился за тремя оленями, ставшими потомъ созвѣздіемъ Оріона ⁵⁾. Изъ этого видно, что имя Ер-Гокчу довольно распространено у тюрковъ отъ вершинъ Енисея до степей въ югу отъ Аму-Дарьи. Трудно было бы объяснить, какъ могло появиться распространенное у тюрковъ имя Ер-Гокчу въ монгольской версіи, если эта послѣдняя про-

¹⁾ Radloff, Proben, III, 112, 261; IV, 12.

²⁾ Die Thaten, 259.

³⁾ Proben, III, 112.

⁴⁾ Галкинъ, Этнограф. и историч. матеріалы по Средней Азіи и Оренб. краю, Спб., 1863, стр. 7.

⁵⁾ Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 124.

исходить отъ тибетской версіи, а не отъ какой-то затерянной тюркской. Въ тибетскомъ Гэсэрѣ имени Ерь-Гокчу нѣтъ; положимъ, это не важно; можно предположить, что оно было въ утраченныхъ вариантахъ и къ тюркамъ зашло съ тибетскими вариантами; но чѣмъ тогда объяснить, что оно не получило въ Монголии той же популярности, какъ у тюрковъ? и почему, перескочивъ черезъ Монголію къ тюркамъ, оно тамъ до такой степени укоренилось, что является въ ихъ небесныхъ мифахъ, въ ихъ народныхъ генеалогіяхъ и даже—какъ имя поколѣнія?

Въ киргизской былинѣ имя Ерь-Гокчу только упомянуто, никакой темы собственно къ этому имени не привязано, такъ что въ киргизской былинѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для сравненія съ тѣмъ эпизодомъ, въ которомъ является Ерь-Гокчу въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэрѣ-ханѣ. Можно было бы подумать, что тюркское имя вторглось въ монгольскую былинку безъ всякаго основанія, по капризу былинослагателя, и что это вторженіе ни къ какимъ заключеніямъ вести не должно. Но это не такъ. Сличеніе темъ, заключающихся въ киргизской былинѣ, съ тибетской версіей Гэсэра приводитъ къ мысли, что какое-то отношеніе имени Ерь-Гокчу къ Гэсэру заключалось въ первоисточникѣ.

Въ киргизской былинѣ описывается конь, заключенный въ желѣзный домъ и прикованный къ стѣнамъ желѣзными цѣпями; въ тибетской версіи является герой, заключенный въ желѣзный домъ и также прикованный цѣпями къ четыремъ стѣнамъ дома. Въ киргизской связкѣ этотъ конь принадлежитъ какому-то Джангбырше; въ тибетскомъ сказаніи самъ герой называется Каламамбырь. Далѣе въ той же киргизской былинѣ разсказывается, что богатырь Козай вступаетъ въ бой съ Темиръ-баемъ, человекомъ изъ желѣза, у котораго уязвимо только одно мѣсто подъ горломъ; въ тибетской версіи Гэсэра самъ Каламамбырь вступаетъ въ борьбу съ желѣзнымъ Асаномъ, у котораго все тѣло изъ желѣза и уязвимо только одно мѣсто подъ горломъ. Очевидно, что тибетская версія Гэсэра и киргизская былина идутъ изъ какого-то общаго источника. Примирить всѣ эти факты между собой—и эту связь тибетской версіи Гэсэра съ киргизской былинной, и появленіе, какъ въ киргизской былинѣ, такъ и въ монгольскомъ сказаніи рядомъ съ темами о Гэсэрѣ имени Ерь-Гокчу, столь значительнаго у тюрковъ и не встрѣчающагося въ народныхъ монгольскихъ преданіяхъ—можно, намъ кажется, только такимъ предположеніемъ. Сказаніе о Гэсэрѣ первоначально возникло на тюркской почвѣ и отъ тюрковъ усвоено какъ жителями Тибета, такъ и монголами. То, что мы знаемъ о древнемъ рас-

предѣленіи тюркскаго племени въ Средней Азіи, не противорѣчить этому предположенію. Было время, когда тюрки жили рядомъ съ тибетцами. По сѣверной окраинѣ тибетской провинці Амдо въ XIII в. жили уйгуры; часть Амдо, вѣроятно, находилась въ подчиненіи отъ уйгурскаго государства, которое тутъ, кажется, было. Тутъ-то, вѣроятно, произошло заимствованіе тибетцами у уйгуровъ сказанія о Гэсэрѣ. Въ тюркской средѣ варианты о Гэсэрѣ были народными разсказами, которые распространялись на западъ вмѣстѣ съ распространеніемъ тюркскаго племени, почему отголоски Гэсэра и встрѣчаются у западныхъ тюрковъ, у киргизъ, башкиръ и еще западнѣе. Впослѣдствіи въ уйгурской же средѣ была сфабрикована книжная редакція Гэсэра; вотъ она-то и перешла къ монголамъ, которые раньше Гэсэра не знали; то же, повидимому, нужно принять и въ отношеніи тибетцевъ, хотя собственно мы не знаемъ, въ какомъ отношеніи стоитъ Гэсэръ къ другимъ устнымъ сказаніямъ тибетцевъ.

Теперь перейдемъ къ сближеніямъ русскихъ былинъ съ сохраненіемъ Гэсэра. Начнемъ съ Добрыни. Наши былины разсказываютъ о Добрынѣ пять эпизодовъ. Изъ нихъ три представляютъ параллель съ темами монголо-тибетскаго Гэсэра.

Первый эпизодъ. Маринка живетъ со змѣемъ. За невѣжливое обращеніе, въ одномъ вариантѣ (Добрыня разбилъ оконницу въ домѣ Маринки), Маринка обращаетъ Добрыню въ гнѣдого тура, въ другомъ вариантѣ—въ лошадь (Кирѣевскій, III, стр. 41). Мать Добрыни и жена его Настасья (въ другомъ вариантѣ: родная мать и крестовая мать) тоскуютъ о судьбѣ Добрыни и грозятся въ свою очередь обратить Маринку въ собаку. Тогда Маринка обращается въ перепелку или касаточку, летитъ въ поле, садится на рогъ тура и говоритъ, что она отвернетъ его снова молодцомъ, если онъ дастъ обѣщаніе жениться на ней. Добрыня соглашается; но, получивъ вновь человѣческій видъ, онъ отрубаетъ Маринкѣ голову и руки. По другому варианту конецъ ея другой; мать Добрыни обращаетъ ее въ вѣщую сороку ¹⁾. По третьему варианту (Гильфердингъ, 835) Маринка была сожжена. Собирались попы, протопопы всѣ, дѣлали огни палящія, жгли Маринкино тѣло; какъ во всякомъ суставѣ у ней по змѣенышу, по гаденышу ²⁾.

Монгольское сказаніе разсказываетъ о Гэсэрѣ, что его жена

¹⁾ Гильфердингъ, Онежск. былины, 1090. На историческую Марину (жену Лжедмитрія) тема обращенія въ сороку перенесена, конечно, съ былинной.

²⁾ Цитируемъ по Ровинскому, Народныя картинки, IV, 83.

Рогмо-гоа живетъ съ ламой-волшебникомъ ¹⁾). По просьбѣ Рогмо-гоа лама обращаетъ Гэсэра въ осла за то, что онъ не хочетъ поклониться тѣмъ богамъ, которымъ поклоняется онъ, лама, и она, Рогмо-гоа. Мать Гэсэра и другая его жена горюють о судьбѣ Гэсэра, и имъ удается при помощи боговъ возвратить Гэсэра изъ заколдованнаго состоянія. Конецъ Рогмо-гоа въ монгольскомъ сказаніи такой: Гэсэръ отрубаетъ ей руки и убиваетъ ее; душа ея превращается въ птицу чокчогой ²⁾). Другой вариантъ, какъ сказано выше, сжигаетъ Маринку на „палаящихъ огняхъ“. И эта версія есть въ Гэсэрѣ, только она отнесена въ монгольскомъ сказаніи не къ Рогмо-гоа, какъ бы слѣдовало въ параллель русской былинѣ, а къ ламѣ-волшебнику. Гэсэръ строитъ особый домъ изъ тростника, каждая тростинка обернута хлопчатой бумагой, вымоченной въ маслѣ; когда лама входитъ въ этотъ домъ, Гэсэръ поджигаетъ его, и лама сгораетъ вмѣстѣ съ домомъ ³⁾).

Въ монгольскомъ сказаніи Рогмо-гоа представлена женой Гэсэра. Но въ нѣкоторыхъ русскихъ былинахъ и Маринка является женой Добрыни, хотя и не въ началѣ былины, а только въ концѣ; сестра Добрыни не совѣтуетъ ему жениться на Маринкѣ, но онъ

¹⁾ Thaten, 278. Въ монгольскомъ сказаніи на мѣстѣ Змѣя Горныча стоитъ лама. Мы желали бы привлечь на это мѣсто вниманіе ориенталистовъ; это не единственный случай. Въ монгольскихъ сказаніяхъ, записанныхъ мною, иногда на мѣстѣ Эрика, царя подземнаго царства, стоитъ Далай Лама. Сравни Очерки с. в. Монголіи, IV, 337.

²⁾ Въ Thaten у Шмидта—„in einen gelben Ziegenmelker“, стр. 272. Чокчогой по-монгольски: козодой; близки къ этому и названія сороки: шапгай, согусканъ и др.; по-монгольски и на нарѣчныхъ сосѣднихъ тюрковъ. Чокчогъ, Цокдогъ на языкѣ ширголь-монголовъ въ Амдо называется созвѣдіе Плеяды.

³⁾ Это напоминаетъ мусульманскій рассказъ о Соломонѣ, который сжигаетъ свою жену, заперевъ ее въ желѣзныи домъ; вмѣсто женщины изъ огня выползаетъ змѣя, удаляется на небо и становится звѣздой Зура. Ср. съ азіатскими повѣрьями о созвѣдіи Плеяды, которое представляется змѣею, избѣгшимъ участи быть раздавленнымъ. Очерки с. в. Монголіи, т. IV, 208; газета „Иллюстр. Миръ“, 1880, № 7, гдѣ помѣщенъ рассказъ Стремоухова о волшебницѣ Зурѣ Гоа (въ сложномъ имени Рогмо-гоа) по монгольски значить „красавица“; какъ монголы объясняютъ имя Рогмо, какъ неизвѣстно; въ тибетской версіи, записанной нами отъ амдосса Ами-Садуна, жена Гэсэра называется Нчжугму. Въ Ордосѣ монголы-рассказчики, которыхъ я слышалъ, вмѣсто Рогмо-гоа, произносили: Ромого и Ругъ-могай, у бурятскихъ рассказчиковъ—Урмай-гохонъ (гохонъ по бурятски „красавица“). Могай по-монгольски значить: „лѣта“. Ордосскія формы можно объяснить, конечно, искаженіемъ рассказчиковъ и желаніемъ ихъ осмыслить имя, но нельзя отрицать, что самое содержаніе сказанія оправдываетъ такое домышленіе. Рогмо-гоа—существо, имѣющее змѣиную природу. На это указываетъ какъ измѣна Рогмо-гоа Гэсэра и попытки ея погубить его, такъ и рассказъ о превращеніи души Рогмо-гоа въ птицу чокчогой; выше мы указали на Чокчогъ, встрѣчающееся въ Амдо названіе Плеяды, а Плеяды въ монгольскихъ и киргизскихъ повѣрьяхъ имѣютъ змѣиную природу. См. Очерки с. в. Монголіи, т. II, стр. 125, и IV, 203 и 204.

не послушался и пошелъ въ Маринѣ, — она обратила его въ тура. По нѣкоторымъ вариантамъ, когда Добрыня вновь получилъ чело-вѣческой образъ, онъ обвинчался съ Маринкой.

Большинство вариантовъ твердо помнитъ, что у Добрыни была жена Настасья. Но, несмотря на это, онъ собирается еще разъ жениться. Такое построение былины непонятно, если былино-слагатель былъ православный человѣкъ, но оно легко объясняется тѣмъ, что подъ Добрыней скрывается Гэсэръ, у котораго кромѣ Рогмо-гоа есть еще жена Адчу-мергенъ, которая и хлопочетъ объ освобожденіи его изъ заколдованнаго состоянія.

Второй эпизодъ. Добрыня, уѣзжая изъ Кіева въ дальнюю поѣзду, заказываетъ своей женѣ Настасѣ Мигулишѣ ждать его и не выходить замужъ въ теченіе трехъ или — по другимъ вариантамъ — двѣнадцати лѣтъ; по истеченіи же этого срока разрѣшается ей выйти „хоть за мурзынку, за татарина“, но только не за Алешу Поповича, „женскаго пересмѣшника“. Князь Владиміръ, по истеченіи трехъ лѣтъ, начинаетъ уговаривать Настасью Мигулишну выйти за Алешу, который привезъ ложное извѣстіе, будто Добрыня убитъ. Настасья старается оттянуть время, она проситъ отсрочки. Владиміръ даетъ ее, но въ свое время опять начинаетъ уговаривать Настасью. Наконецъ, Настасья не можетъ болѣе противиться и собирается замужъ за Алешу. А Добрыня въ это время охотится подъ стѣнами цареградскими и забылъ о своей женѣ. Мать Добрыни посылаетъ къ нему голубя съ голубкой извѣстить, что его жену выдаютъ замужъ за Алешу ¹⁾. Въ другомъ вариантѣ его извѣщаетъ объ этомъ воронъ, который налетаетъ и садится передъ нимъ на дубъ ²⁾. Наконецъ, есть таковой вариантъ, по которому извѣстіе Добрынь приноситъ его служанка, обернувшись въ птицу колпицу (Гильферд., 177). Добрыня возвращается, приходитъ къ своей матери, переодѣтый каликою или скomorохомъ; мать не узнаетъ его, онъ показываетъ ей „знадебку“, родинку на ногѣ или подъ пазухой, или три знамени на лицѣ. Признанный, наконецъ, матерью, онъ отправляется къ женѣ, жена узнаетъ его по кольцу, которое онъ опускаетъ въ чару съ виномъ.

Обратимся къ Гэсэру. Гэсэръ оставляетъ свою жену Рогмо-гоа (а въ тибетской версіи Нчжугму) подъ надзоромъ своего дяди Чотона, самъ же отправляется въ трудную поѣзду. Убивъ чудовище и освободивъ женщину, находившуюся у него въ плѣну,

¹⁾ Рыбниковъ, I, 163.

²⁾ Кирѣевскій, III, 123.

онъ возвращается домой, но на пути выпивъ напитка, поднесеннаго ему новой подругой, забываетъ первую свою жену Рогмо-гоа, останавливается въ полѣ, охотится за звѣрями и не думаетъ о домѣ. Между тѣмъ три хорскихъ (въ монгольскомъ вариантѣ: ширайгольскихъ) царя наѣхали на вотчину Гэсэра съ цѣлью увести Гэсэрову жену. Чотонъ уговариваетъ Рогмо-гоа отдаться хорскимъ царямъ, увѣряетъ ее, что Гэсэръ погибъ, но женщина придумываетъ разные уловки оттянуть время. Наконецъ она принуждена уступить; ее увозятъ. Передъ отъѣздомъ она успѣваетъ послать къ Гэсэру двухъ вѣстниковъ о себѣ. Сначала она отправляетъ съ письмомъ къ Гэсэру сороку: Гэсэръ напромышлялъ звѣрей и сушить въ полѣ звѣриное мясо; сорока съѣла на мясо; Гэсэръ осердился на сороку, убилъ ее и не замѣтилъ упавшее на землю письмо. Тогда Рогмо-гоа посылаетъ лисицу, вложивъ ей въ зубы браслетъ: только-что Гэсэръ хотѣлъ стрѣлять по лисицѣ, какъ она бросила браслетъ и убѣжала. Гэсэръ поднялъ браслетъ и прочелъ на немъ письмо своей жены, которая извѣщала его, что ее увозятъ хорскіе цари.

Онъ вспомнилъ тогда о своемъ домѣ и о своей женѣ, возвращается домой и находитъ своихъ родителей угнетенными отъ Чотона и въ бѣдности; они не узнаютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не показываетъ имъ родимаго пятна сзади на шеѣ. Гэсэръ идетъ далѣе. Подойдя къ городу хорскихъ царей, въ которомъ находится въ плѣну его жена, онъ принимаетъ видъ странника-ламы, собирающаго милостыню. Исходъ тибетскаго сказанія другой, но параллели, хотя и смутныя, продолжаютъ. Сбивчивость произошла оттого, что въ концѣ тибетскаго сказанія вмѣсто одной являются двѣ женщины: Рогмо-гоа, которая тутъ представлена юварной измѣнницей Гэсэру, и дочь одного изъ ширайгольскихъ царей, которая покровительствуетъ Гэсэру. Вмѣсто кольца, которое видитъ Настасья Микулишна на днѣ чары съ виномъ, здѣсь дочь ширайгольскаго царя видитъ на днѣ ручья отраженіе серги въ ухѣ Гэсэра.

Итакъ, въ обоихъ разказахъ, и русскомъ и тибетскомъ, одинъ и тѣ же темы: замедленіе въ богатырской поѣздкѣ, забытая жена, принужденіе выйти замужъ, извѣщеніе богатыря матерью при помощи птицы, признаніе переодѣтаго богатыря по „родной знаменкѣ“, и т. д.

Третій эпизодъ. Добрыня убиваетъ змѣя и освобождаетъ плѣненную имъ Запаву Путятиншу, племянницу князя Владиміра. Гэсэръ убиваетъ чудовище Мангыса и освобождаетъ свою жену, находившуюся въ плѣну у чудовища. Этотъ послѣдній эпизодъ,

конечно, общее мѣсто въ эпосѣ и его можно бы не приводить вовсе, тѣмъ болѣе, что подробности не доставляютъ матеріала для сравненія, и мы находимъ нужнымъ упомянуть о немъ въ виду того значенія, которое придаетъ змѣеборческой природѣ Добрыни. „Въ русскомъ былинномъ эпосѣ специальность змѣеборства принадлежитъ Добрынѣ“, говоритъ г. Веселовскій ¹⁾; Гэсэръ также типическій змѣеборецъ.

Мы привели три эпизода изъ быliny о Добрынѣ, сходныхъ съ Гэсэромъ. Остались безъ сближенія только два, именно о скимень-звѣрѣ и о Пучай-рѣкѣ. Когда Добрыня родился, скимень-звѣрь или левъ-звѣрь бѣжитъ къ рѣкѣ Нѣпрѣ; отъ его крика рѣчные берега обваливаются съ пескомъ. Это появленіе звѣря въ былинѣ ничѣмъ не мотивировано. Г. Стасовъ, сближая Добрыню съ индійскимъ Кришну, народившимся для избавленія природы отъ разныхъ чудовищъ, въ скимень-звѣрѣ усматривалъ чудовище, которое бѣжало съ намѣреніемъ истребить героя. Переносъ сравненія на Гэсэра, мы не оказываемся поставленными передъ пустымъ мѣстомъ; и здѣсь рожденіе героя обставлено чудовищами, которыя хотятъ истребить его. Въ тибетской версіи дядя Чотонъ, когда Гэсэръ родился, проситъ своего друга Рдуря послать на него подвѣдомственныхъ ему чудовищъ. Рдурь посылаетъ. Сначала приходитъ къ Гэсэру собака Арасу, потомъ налетаетъ страшная птица, наконецъ являются семь челоуѣкоядцевъ, но Гэсэръ всѣхъ ихъ убиваетъ. Можетъ быть, скимень-звѣрь соотвѣтствуетъ одному изъ этихъ чудовищъ. Пятый эпизодъ о Добрынѣ приуроченъ къ рѣкѣ Пучай (Смородинѣ, Израй-рѣкѣ). Добрыня или переплываетъ рѣку, убиваетъ змѣя и освобождаетъ плѣнницу и другой полонъ, или, оскорбивъ рѣку своимъ хвостовствомъ, тонетъ въ ней. Такого эпизода нѣтъ ни въ монгольской, ни въ тибетской версіи.

Оставляя Добрыню, замѣтимъ еще, что у него есть мать, которая постоянно является озабоченной судьбою своего сына. То же самое у Гэсэра: въ тибетской версіи постоянно является мать его Анегома, которая помогаетъ сыну выпутываться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ темамъ, заключающимся въ русскихъ былинахъ, мы должны еще немного остановиться на темѣ замедленія богатыря въ поѣздкѣ. Кромѣ Добрыни эта тема связана еще и съ другими лицами, какъ напримѣръ съ

¹⁾ Разысканія въ области русск. духов. стиховъ. Слб., 1880; II. Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 159.

Соловьемъ Будимировичемъ, съ богатыремъ Суровцемъ и съ Михайломъ Казаряниномъ.

Казарянинъ отъѣзжаетъ въ поле и наѣзжаетъ на дубъ, на которомъ сидитъ воронъ; онъ хочетъ стрѣлять въ него, но воронъ совѣтуетъ ему побережъ стрѣлу для болѣе славнаго дѣла: три татарина увезли дѣвицу-полонянку и разбили у рѣки свои шатры. Казарянинъ ѣдетъ къ шатрамъ, убиваетъ трехъ татаръ и освобождаетъ полонянку. Это, оказывается, его сестра.

Эта былина есть не что иное, какъ самая краткая схема главнаго эпизода въ сказаніи о Гэсэрѣ. Гэсэръ въ полѣ на охотѣ стрѣляетъ сначала по сорокѣ, потомъ по лисицѣ; это были вѣстники съ письмомъ отъ его жены, которая извѣщала его, что ее увезли три хорскихъ царя. Тогда Гэсэръ отправляется освобождать свою жену; онъ убиваетъ трехъ хорскихъ царей и возвращаетъ жену.

Имя „Казарянинъ“ всѣми изслѣдователями русскаго эпоса, отъ Хомякова до А. Н. Веселовскаго, считалось и считается этническимъ, т.-е. предполагалось, что русскій былинослагатель хотѣлъ изобразить въ этой былинѣ представителя одного изъ враждебныхъ древней Руси кочевыхъ народовъ, именно народа хазаровъ, который жилъ въ юго-восточной Россіи. Но сближеніе съ монголо-тибетскимъ сказаніемъ даетъ поводъ видѣть тутъ не этническое, а эпическое имя; другими словами сказать, имя „Казарянинъ“ явилось въ русской былинѣ вмѣсто Казарь, какъ вѣроятно богатырь назывался въ восточномъ оригиналѣ, и объ этомъ Казарь, можетъ быть, рассказывалась тема объ увозѣ жены въ отсутствіи мужа съ тѣмъ же развитіемъ ея, какъ въ монгольскомъ и тибетскомъ сказаніи о Гэсэрѣ. Въ былинахъ о Добрынѣ и Соловьѣ Будимировичѣ мы имѣемъ только темы Гэсэра, пересяженные въ Русь; въ былинѣ о Михайлѣ Казарянинѣ можетъ быть и самое имя Гэсэра. Окончательное утверженіе этого предположенія зависитъ отъ ориенталистовъ, которые должны рѣшить вопросъ о тождествѣ имени Гэсэръ и Казарь на основаніи лингвистической науки; варіаціи же имени Гэсэръ, которыя можно теперь слышать и записать въ Средней Азіи, пока не дадутъ подкрѣпленія подобному предположенію.

Приводимъ варіаціи имени Гэсэра, какія намъ пришлось встрѣтить въ Средней Азіи вмѣстѣ съ его эпитетами. Въ тибетской версіи этотъ герой называется Лангъ-Гэсэръ-чжаву (чжаву по-тибетски „царь“). Въ книжномъ монгольскомъ: Арбанъ дзюгенъ эдзень богдо Гэсэръ-ханъ т.-е. „повелитель десяти странъ свѣта святой Гэсэръ-ханъ“. Въ бурятскихъ рассказахъ употреб-

ляется форма: Абай Гысырь-ханъ. Къ этимъ вариантамъ можно присоединить еще одинъ: Гэгэръ-ханъ; хотя я его слышала всего только разъ отъ бурята аларскаго вѣдомства ¹⁾, но такая замѣна согласной можетъ найти оправданіе въ фантастическихъ законахъ бурятскаго нарѣчія. Примѣры такой замѣны ориенталистъ легко можетъ привести изъ обыкновенной рѣчи—мы же ограничимся указаниемъ одного примѣра изъ запаса эпическихъ именъ. Мы имѣемъ въ виду имена двухъ собакъ, которыя часто являются спутниками богатыря въ среднеазиатскихъ былинахъ и сказкахъ. Въ монгольскихъ сказкахъ онѣ называются Асырь и Басырь, Хасырь и Басырь; въ тюркскихъ Казаръ и Пазаръ; въ бурятскихъ Агырь и Багырь ²⁾. По этимъ вариациямъ, мнѣ кажется, можно судить и о тѣхъ колебаніяхъ, какимъ было подчинено имя Гэсэръ. Сближеніе именъ Гэсэръ и Казаръ ведетъ къ новому сближенію имени Гэсэръ-ханъ съ титуломъ казарскаго царя: Хазаръ-хаганъ, потому что въ обоихъ сложныхъ вторые члены однозначны; и ханъ, и хаганъ значить одно и то же: „царь“.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ устанавливать эту связь между былиннымъ богатыремъ и царемъ. Но наше смущеніе должно исчезнуть, если мы сравнимъ то, что говорятъ памятники объ управленіи казаръ съ повѣрьями, живущими еще теперь въ монгольскомъ народѣ.

Вотъ что говоритъ о Хазаръ-хаганѣ Бестужевъ-Рюминъ въ своей „Русской Исторіи“: „Большинство восточныхъ писателей свидѣтельствуютъ, что хотя верховная власть принадлежала кагану, но управляло собственно другое лицо, называемое: пехъ; отношенія между каганомъ и этимъ его намѣстникомъ г. Хвольсонъ сравниваетъ съ отношеніемъ между сіогуномъ и мивадо. Что каганъ имѣлъ значеніе религиозное, видно въ особенности изъ слѣдующаго разсказа Массуди: когда землю казаръ постигаетъ голодъ или какое другое бѣдствіе, или тѣснятъ чужеземныя войска, то собираются знатные и незнатные къ царю казаръ и говорятъ ему: „этотъ каганъ и его жизнь приносятъ намъ несчастье; мы считаемъ его за дурное знаменіе; умертви

¹⁾ Потанинъ, „Очерки с.-в. Монголіи“, IV, 261. Аларское вѣдомство лежитъ къ з. отъ Иркутска; вѣдомствами называются административные участки бурятскаго населенія, соответствующіе русской волости. Форма Гэгэръ мнѣ встрѣтилась также въ Монголіи, въ парномъ имени Гэгэръ-Меджитъ, и тоже только одинъ разъ; чаще же приходилось слышать Бэгэръ-Меджитъ. Такъ произносится монголами вѣсто: Викаръ-мадзиди—Викрамадита (въ сказкѣ о царѣ Арджи-Борджи).

²⁾ Очерки с.-в. Монголіи II, 175; IV, 284, 399, 505, 514; Radloff, Proben, II, 394—396 и 410.

его или выдай намъ, чтобы мы его умертвили!“ Слѣдовательно, —добавляетъ Бестужевъ-Рюминъ,—особая милость Божія должна проявляться въ каганѣ“.

Народу хазарь-хаганъ показывался только разъ въ четыре мѣсяца, народъ его не могъ видѣть въ это время, потому что при появленіи хагана долженъ былъ падать ницъ и лежать, пока хаганъ проѣдетъ мимо. Во дворецъ къ хагану имѣли право входить всего только три сановника. Ясно, что это не былъ свѣтскій государь, а былъ живой фетишъ или живой онгонъ ¹⁾ казарскаго народа. Онъ вовсе не управлялъ народомъ, но его присутствіе было необходимо, потому что устраняло отъ народа разнаго рода несчастія. Такое представленіе переносить насъ въ Монголію съ ея гегенами или хубилганами ²⁾.

Совершенно такъ же, какъ нѣкогда хазары, теперь монголы смотрятъ на своихъ гегеновъ. Когда я въ одномъ изъ монастырей Монголіи вздумалъ оспаривать возможность сверженія китайскаго владычества въ Монголіи, ссылаясь на то, что для этого у монголовъ нѣтъ ни войска, ни пушекъ, ни пороху, ни арсеналовъ, монголы отвѣчали мнѣ на это, что ничего этого и не нужно, что они вмѣсто этого имѣютъ множество гегеновъ, и что когда пробьетъ часъ, гегенамъ стоитъ только пожелать и съ неба спустятся цѣлыя арміи небесныхъ желѣзныхъ воиновъ, съ небеснымъ вооруженіемъ. Въ прошломъ (1888) году въ Ургѣ я въ разговорѣ съ ламами выразилъ мнѣніе, что деревянная Урга слишкомъ тѣсно построена и что это очень опасно въ случаѣ пожара; ламы отвѣчали мнѣ, что они на этотъ счетъ совершенно спокойны, потому что знаютъ, что у нихъ есть Богдо-гегенъ, который не допустить огню опустошить городъ. Богдо-гегену стоитъ только пожелать и огонь сейчасъ потухнетъ.

Гегены или хубилганы считаются воплощеніями божествен-

¹⁾ Онгонами называются по-монгольски шаманскіе фетиши, деревянныя или лоскутныя куллы; имъ придается свойство предохранять домъ, въ которомъ они есть, отъ несчастій.

²⁾ Хубилганами или гегенами въ Монголіи называются лица, почитаемыя за воплощенія боговъ или святыхъ людей. Гегенъ не умираетъ, а только перемѣняетъ оболочку; душа умершаго гегена входитъ въ утробу какой-нибудь женщины и отъ нея рождается новое воплощеніе того же гегена. Гегены пользуются большимъ почетомъ въ народѣ; во время торжественныхъ богослуженій и процессій имъ отдаются божескія почести, но управленіе церковными дѣлами отъ нихъ не зависитъ. Въ сѣверной Монголіи гегеновъ не много; въ южной Монголіи и Тибетѣ они встрѣчаются гораздо чаще. Въ Тибетѣ самые знаменитые гегены: Далай-лама, живущій въ городѣ Лассѣ, Ванченъ-эрдэни и Чжалнь-чжанна. Въ сѣверной Монголіи самый важный гегенъ—такъ-называемый Богдо-гэгэнъ, резиденція котораго въ Ургѣ.

ныхъ личностей; такъ извѣстный Далай-лама есть воплощеніе буддійскаго бога Арья-бало, и легенды, которыя рассказываются объ Арья-бало, принимаются за событія изъ жизни Далай-ламы, хотя и съ оговоркой, что это случилось съ нимъ въ одно изъ прежнихъ его перерожденій. Въ западной Монголіи есть двѣ дѣвицы, воплощенія буддійскихъ богинь Цаганъ-дара-экэ и Ногонъ-дара-экэ; существующія о нихъ легенды принимаются за начало біографическихъ данныхъ о нѣвѣшнихъ воплощеніяхъ этихъ богинь. Ургинскій Богдо-гегенъ есть только послѣднее воплощеніе того духа, который оживлялъ тѣло перваго Богдо-гегена, извѣстнаго теперь подъ особымъ именемъ Ундуръ-гегена. Объ этомъ Ундуръ-гегенѣ въ народѣ сохранились преданія, которыя имѣютъ мнѣческой характеръ, и потому можно предположить, что они на перваго Богдо-гегена перенесены съ какого-нибудь божества (Индры?). Біографическія свѣденія о послѣдующихъ Богдо-гегенахъ хотя и есть въ записяхъ ламъ, но народу они мало извѣстны; народъ знаетъ только преданія объ Ундуръ-гегенѣ, и только ихъ выдаетъ за житіе послѣдующихъ гегеновъ. То же самое могло имѣть мѣсто и въ хазарскомъ народѣ. Хазаръ-хаганъ—это былъ такой же хубилганъ хазарскаго народа, какъ богдо-гегенъ у монголовъ. Позднѣйшіе хаганы жили и умирали, не оставляя по себѣ никакихъ преданій, но они могли считаться воплощеніемъ какаго-то первоначальнаго Хазаръ-хагана, о которомъ могли жить въ народѣ легенды въ родѣ того, какъ теперь въ монгольскомъ народѣ живутъ легенды объ Ундуръ-гегенѣ.

Въ современномъ сказаніи о Гэсэрѣ, можетъ быть, мы имѣемъ легенды о томъ божествѣ, котораго воплощеніемъ считались Хазаръ-хаганы. Замѣтимъ встать, что въ Монголіи намъ доводилось встрѣчать повѣрья, будто современные гегены, Илгисэнъ-гегенъ, Джахандзе-гегенъ и другіе, суть воплощенія древнихъ богатырей; намъ говорили, что это воплощеніе душъ тридцати двухъ богатырей, составлявшихъ дружину Гэсэръ-хана ¹⁾.

Съ V вѣка въ Европу одна за другою идутъ изъ Средней Азіи кочевныя орды гунновъ, аваровъ, угровъ, болгаръ и др. Конечно, онѣ должны были принести съ собою тѣ вѣрованія и легенды, съ которыми жили въ Средней Азіи. Какія же вѣрованія жили тогда въ Средней Азіи? Не былъ ли это буддизмъ? По южной границѣ Монголіи, тамъ, гдѣ монгольская плоскость упирается въ высокіе хребты, составляющіе сѣверную окраину тибет-

¹⁾ Очерки с.-в. Монголіи, IV, 257.

слаго нагорья, тянется непрерывный рядъ городовъ отъ Ланъ-чжеу до Арвнда, отъ западнаго входа въ застѣнный Китай до подъема съ востока на туркестанскій Памирь. Это была главная дорога изъ Китая въ западныя страны. По этой дорогѣ въ XIII вѣкѣ проѣхалъ знаменитый венеціанецъ Марко Поло, который нашелъ въ этихъ городахъ три религіи: мусульманскую, христіанскую и языческую, т.-е. надо понимать буддійскую. Конечно буддійская изъ нихъ самая древнѣйшая, мусульманская и христіанская явились послѣ и своихъ прозелитовъ приобрѣли на счетъ буддійской общины. Но Марко Поло не самый древній источникъ объ этихъ мѣстахъ. Въ VI вѣкѣ, т.-е. въ самую эпоху великаго переселенія народовъ, по той же дорогѣ проѣхалъ впередъ и обратно китайскій буддійскій монахъ Сюань-цань. Города уже процвѣтали въ это время; жители занимались садоводствомъ и тканьемъ шелковыхъ матерій; вездѣ преуспѣвалъ буддизмъ или, какъ выражался Сюань-цань, почитаніе трехъ драгоценностей; монастыри были богаты и многолюдны и приводили въ восхищеніе увлекавшася буддизмомъ китайца; мелкіе царьки покровительствовали религіи трехъ драгоценностей и старались обогатить монастыри рѣдкими буддійскими сочиненіями. Но и Сюань-цань не самый древнѣйшій памятникъ. Въ IV вѣкѣ, т.-е. за двѣсти лѣтъ ранѣе Сюань-цаня и за девятьсотъ лѣтъ ранѣе нашествія монголовъ на Россію, по той же дорогѣ проѣхалъ китайскій монахъ Фа-сянь и описываетъ положеніе вещей въ странѣ тѣми же чертами, какъ и Сюань-цань. Если въ южной Монголіи такъ рано появился и началъ процвѣтать буддизмъ, едва-ли сѣверная Монголія могла остаться нетронутою его вліяніемъ. Древнѣйшее свидѣтельство о буддизмѣ въ сѣверной Монголіи относится къ XIII вѣку. Католическій монахъ Рубруквисъ, путешествовавшій въ столицу монгольскаго императора, уже видѣлъ въ сѣверной Монголіи монастыри, судя по описанію, буддійскіе. Г. Ядринцевъ прошлымъ лѣтомъ нашелъ на р. Харухѣ въ сѣверной Монголіи развалины какого-то монастыря, который онъ, судя по субурганамъ, принимаетъ за буддійскій; онъ полагаетъ, что это тѣ развалины, которыя видѣлъ уже одинъ китайскій путешественникъ XIII вѣка; слѣдовательно буддизмъ существовалъ въ сѣверной Монголіи до Чингисъ-хана и нѣкоторыя его святыни уже въ то время находились въ развалинахъ.

Кидани, предшественники монголовъ, владычествовавшіе въ Монголіи въ X и XI в., уже исповѣдовали буддизмъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ китайскіе источники. Словомъ, надо думать,

что буддизмъ существовалъ въ сѣверной Монголіи уже за нѣсколько вѣковъ до Чингисъ-хана.

Къ западу отъ Монголіи въ нынѣшнемъ западномъ Туркестанѣ буддизмъ существовалъ уже во времена Сюань-цзя; мой покойный другъ, киргизъ Чованъ Валихановъ, говорилъ мнѣ, что онъ замѣчалъ слѣды буддизма у киргизъ, какъ будто бы киргизы до принятія мусульманской вѣры были буддисты; а западная часть киргизской степи уже входила въ составъ хазарскаго царства.

Нынѣшній сѣверный буддизмъ, т.-е. буддизмъ Монголіи и Тибета, не тотъ буддизмъ, о которомъ мы узнаемъ изъ индійскихъ источниковъ. Въ немъ есть свои 'особенности въ вѣрованіяхъ и свои священныя легенды. Въ древности это различіе вѣроятно было еще больше. Эти особенности монголо-тибетскаго буддизма, конечно, составляютъ наслѣдство древней, до-буддѣйской религіозной жизни Средней Азіи, которое потомъ вошло въ содержаніе монголо-тибетскаго буддизма. Одно изъ особыхъ вѣрованій этого буддизма заключается въ вѣрѣ въ хубилгановъ, а изъ священныхъ легендъ монголо-тибетскаго буддизма въ интересахъ проводимой въ этой статьѣ мысли слѣдуетъ указать на легенду о введеніи буддизма въ сѣверныя страны.

Тибетскій вариантъ этой легенды приуроченъ къ Лассѣ, монгольскій—къ монастырю Эрдэни-цзу, который находится на берегу Орхона, верстахъ въ 400 на югъ отъ Кяхты.

Эрдэни-цзу считается древнѣйшимъ буддѣйскимъ монастыремъ въ Монголіи; въ 30 верстахъ отъ него находятся слѣды обширнаго города, которые считаются за развалины Каракорума. Самъ монастырь также окруженъ развалинами или слѣдами другого такого обширнаго города. Обиліе легендъ, связанныхъ съ этимъ монастыремъ, также указываетъ, что мѣстность, занимаемая имъ, историческая. Каракорумъ былъ резиденціей уйгурскихъ хановъ, царство которыхъ существовало въ этой странѣ въ VIII и IX вѣкахъ, и, можетъ быть, легенды, живущія теперь въ устахъ народа, восходятъ по своему происхожденію ко времени этого царства.

Вотъ эта легенда вкратцѣ. Монгольскій ханъ Абатай отправляется въ Тибетъ къ Далай-ламѣ просить для Монголіи живого бога; Далай-лама предлагаетъ ему самому отличить живого бога въ средѣ остальныхъ; Абатай не можетъ этого сдѣлать. Тайну, какъ узнать живого бога, выдаетъ ему женщина. Абатай везетъ бога въ Монголію; дордогой конь останавливается подъ священной ношей и не можетъ дальше идти. Пришлось половину статуи отрубить и оставить на этомъ мѣстѣ. Богъ этотъ въ одномъ за-

писанномъ мною вариантѣ названъ Эрдэни-цзу; по немъ названъ и монастырь. Въ тибетскомъ вариантѣ это—женское божество (Ногонь-дара-экэ). Прибывъ въ Монголію, Абатай начинаетъ строить монастырь, а также намѣревается возстановить статую. Но это послѣднее не удается, пока онъ не даетъ вмѣсто мѣры свое бѣлье съ нижней части тѣла. Когда все было готово, на берега Орхона прибылъ изъ Тибета обѣщанный Далай-ламой учитель лама; его прибытіе было ознаменовано выпаденіемъ съ неба дождя изъ пшеничныхъ зеренъ. Въ одномъ вариантѣ этотъ лама названъ Ундурь-гегеномъ. Въ монгольской легендѣ Абатай вмѣстѣ съ святыней не приводитъ невѣсту, но невѣста есть въ тибетскомъ вариантѣ; въ послѣднемъ вмѣстѣ съ святыней Джу-рембучи (въ переводѣ на монгольскій—Эрдэни-цзу) привезена и нѣвѣста (Ногонь-дара-экэ), которая въ легендѣ отождествляется съ самой святыней. Тибетскій вариантъ дополняетъ сказаніе о введении культа еще двумя темами: темой ослѣпленія и темой построения дворца (можно также думать—храма), который до трехъ разъ разваливается. Повидимому, и въ монгольской легендѣ былъ этотъ эпизодъ о невѣстѣ; но онъ теперь разсказывается отдѣльно, какъ преданіе о горѣ Эрдэни-ула, находящейся близъ отъ монастыря Эрдэни-цзу.

Съ этой горой соединено было счастье монгольскаго народа. Китайцы высватали за своего императора монгольскую царевну и вытребовали эту „гору счастья“ въ приданое за невѣстой. Они разбили гору на куски и увезли въ Пекинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ счастье и богатство оставили Монголію и перешли въ Китай. Можно подумать, что это преданіе ни въ какой связи съ Абатай-ханомъ не состоитъ, кромѣ того, что оно локализовалось близъ монастыря Эрдэни-цзу. Но это сомнѣніе устраняется урянхайской сказкой, записанной на берегахъ рѣки Бурень-голь въ 1000 верстахъ отъ Эрдэни-цзу на сѣверо-западъ. Урянхайская сказка разсказываетъ, какъ богатырь Эртэнэ-мергенъ (здѣсь имя святыни перешло на добывателя святыни), подобно Абатаю, „доставалъ живого бога“; подобно тибетскому варианту, и здѣсь вмѣстѣ съ святыней привозится невѣста. Вслѣдъ за увозимымъ „живымъ богомъ“ уходитъ за Эртэнэ-мергеномъ и весь скотъ теста; словомъ, Эртэнэ-мергенъ увозитъ и все его счастье.

Итакъ, съ среднеазиатской легендой о введеніи культа соединены темы: скрываемаго святыня, выдача ея женщиной, остановка юнга, несущаго святыню, на опредѣленномъ мѣстѣ, и нежеланіе его продолжать путь; сооруженіе, не удающееся, пока вмѣсто мѣры не употребленъ поясъ; небесный дождь, являющійся знаменіемъ

при постройкѣ; слѣпота; постройка храма, стѣны котораго, доведенныя до верху, опять падаютъ. Всѣ эти темы встрѣчаются и въ нашей начальной лѣтописи и другихъ, близкихъ къ ней по времени, источникахъ; онѣ приурочены къ разнымъ мѣстностямъ южной Россіи, то къ городу Корсуню (въ Крыму), то къ Сурожу (также въ Крыму), то къ Кіеву (на Днѣпрѣ). Какъ на востоцѣ онѣ были соединены съ религиозными предметами, такъ и здѣсь. Можно сказать, что герои этихъ легендъ, носившіе нимбы на восточной своей родинѣ, сохранили ихъ на своихъ головахъ и съ переселеніемъ легендъ на западъ. Азіатскія орды принесли въ южную Россію не одніи сказки и пѣсни, но какой-то культъ. Принесенныя священныя легенды локализовались въ мѣстахъ осѣлости, потому, конечно, что въ такихъ мѣстахъ были построены храмы въ честь тѣхъ божествъ, о которыхъ говорили легенды.

Мы привели двѣ орхонскія легенды (т.-е. легенды, приуроченныя къ долинѣ Орхона, въ которой находится монастырь Эрдэни-цзу и слѣды двухъ какихъ-то большихъ городов): одна о поѣздкѣ Абатая, другая о горѣ счастья; есть еще третья легенда, также приуроченная къ долинѣ Орхона, это—нашествіе на монастырь Эрдэни-цзу олѣтскаго хана Галдана. Галданъ перешелъ Орхонъ, напалъ на монастырь, вошелъ въ храмъ и началъ выковыривать драгоценности (по-монгольски—эрдэни) изъ статуи бога, нѣкогда привезеннаго Абатаемъ. Богъ принялъ угрожающій видъ, и Галданъ въ испугѣ побѣжалъ за Орхонъ, который въ это время поднялъ свои воды и потопилъ его войско. Сюжетъ этой легенды сходенъ съ крымской легендой о нашествіи русскаго князя Бравлина на городъ Сурожъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, отличіями. Такъ, въ сурожской легендѣ Бравлинъ пострадалъ за ограбленіе святыни: ему повернуло голову въ сторону; этого въ орхонской легендѣ нѣтъ. Этотъ поворотъ головы въ сторону, кажется, эпическая тема, являющаяся и въ другихъ случаяхъ рядомъ съ темой о похищеніи¹⁾. Въ буддійской легендѣ о статуѣ бога Арья-бало, обокраденной ворами, вмѣсто поворота головы стоитъ наклоненіе головы. Воры пришли похитить драгоценность изъ короны бога; богъ принялъ угрожающій видъ; воры въ испугѣ попадали ницъ; но когда они начали думать, что богъ не такъ милосердъ, какъ о немъ рассказываютъ, богъ самъ наклонилъ голову, чтобы они

¹⁾ Похищеніе и отвороченная голова въ сказаніи о созвѣздіи Большая Медвѣдица (Очерки с.-в. Монг., IV, 194); поворачиваніе головы верблюда во время водопоя поставлено также въ связь съ похищеніемъ роговъ. Оч., II, 167, 168.

могли вынуть драгоценность. Можетъ быть, отероются промежуточные варианты между этими легендами.

Сближенія собственныхъ именъ мы обязаны предоставить ориенталистамъ; наша задача ограничивается сопоставленіемъ сюжетовъ. Конечно, на одномъ сходствѣ сюжетовъ нельзя основывать никакихъ выводовъ; но если на такихъ двухъ отдаленныхъ пунктахъ, какъ Крымъ и Орхонъ, мы находимъ накопленіе легендъ, сходныхъ по своему выбору и составу, конечно, изслѣдованіе должно остановиться на этомъ сходствѣ. Было бы полезно для каждаго изъ такихъ пунктовъ составлять сводъ сравнимыхъ сюжетовъ. Въ этихъ соображеніяхъ мы приводимъ еще одну легенду южной Россіи или, вѣрнѣе, мѣсто изъ галицко-волинской лѣтописи. Владиміръ Мономахъ погромилъ половецкую землю; уцѣлѣвшій отъ погрома какой-то „отрокъ“ бѣжалъ въ Обезы, въ опустошенныхъ донскихъ степяхъ остался одинъ Сърчанъ; когда Владиміръ умеръ, Сърчанъ посылаетъ „гудца“ въ Обезы сказать отроку, что врагъ его умеръ, а если онъ будетъ отказываться отъ возвращенія, то поднести ему траву евшанъ (полынь?), чтобы запахъ ея напомнилъ ему родныя степи. У монголовъ есть легенды объ Ундуръ-гегенѣ, удалившемся изъ Монголіи отъ преслѣдованія китайцевъ; отыскивать его посылаютъ богатыря. Вѣроятно, эта легенда есть эпическая передача обрядовъ отысканія новаго воплощенія гегена, а это обыкновенно совершается съ помощью показыванія предметовъ родины гегена (вѣрнѣе, предметовъ, бывшихъ въ употребленіи у предыдущаго перерожденія гегена). При современной бѣдности собранныхъ легендъ объ Ундуръ-гегенѣ, конечно, чтобы видѣть тутъ память объ одной изъ подобныхъ легендъ, представляется шансовъ отнюдь не болѣе, чѣмъ принять рассказъ лѣтописи за простой бытовой или историческій фактъ.

До сихъ поръ мы говорили о локализованныхъ священныхъ буддійскихъ легендахъ. Теперь нужно сказать и о локализованныхъ легендахъ о Гэсэрѣ. Наибольшее число ихъ мы встрѣтили въ Амдо, т.-е. въ сѣверо-восточной части Тибета. Это болѣею частью отпечатки ступней ногъ или сидѣнья Гэсэра, находящіяся на поверхности скалъ. Самая замѣчательная локализованная легенда о Гэсэрѣ—это переходъ или переправа черезъ рѣку. На Желтой рѣкѣ (Хатунъ-голѣ—по-монгольски) въ Амдо указываютъ въ одномъ мѣстѣ слѣдъ сидѣнья Кусэра и рассказываютъ, что онъ сидѣлъ тутъ, натягивая свой лукъ. Онъ хотѣлъ перейти черезъ рѣку и выпустилъ въ нее стрѣлу; стрѣла раздѣлила воды, и Кусэръ перешелъ по сухому дну. Въ центральной

Монголіи мало локализованныхъ легендъ о Гэсэрѣ, но въ сѣверо-западной Монголіи появляются приуроченныя къ мѣстностямъ преданія о богатырѣ Сартактаѣ. Это, кажется, также Гэсэръ. Въ алтайскихъ вариантахъ богатырь носить парное имя Сартактай-Кэзэръ. Второй членъ получилъ въ алтайскомъ языкѣ значеніе нарицательнаго „богатырь“ и потому въ нѣкоторыхъ вариантахъ отвалился. Сартактай по алтайской легендѣ также мостилъ переходъ черезъ рѣку; рѣка носить названіе Катунъ (т.-е. также, какъ и въ Амдо). Въ сказаніи о Гэсэрѣ эта тема также заключается. Въ тибетской версіи Гэсэръ, когда онъ ѣдетъ въ городъ хорскихъ царей, встрѣчаетъ непроходимую топь; онъ молится духу этой топи, и она по срединѣ просыхаетъ; образуется тропа, по которой Гэсэръ и проѣхалъ. Кажется, изъ темъ Гэсэра переправа преимущественно локализовалась. Такія легенды, можетъ быть, отыщутся на Волгѣ или на Дону. Намъ такихъ легендъ неизвѣстно ¹⁾. Наименованіе мѣстностей „Косарскимъ бродомъ“ или перевозомъ, которыя, кажется, встрѣчаются въ южной Россіи, можетъ быть отнесено къ числу бытовыхъ памятниковъ.

Столицею Хазарь-хагана былъ городъ Атилъ при устьѣ Волги. Приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ теперь городъ Астрахань. Это имя въ древности писалось Хозя-тороканъ, Хаджи-тарханъ. Тарханами въ Средней Азіи назывались лица особаго общественнаго положенія; поэтому можно думать, что Джисъ-тарханъ было имя какаго-то человѣка, легенда о которомъ приурочилась къ мѣсту, гдѣ нынѣ стоитъ этотъ городъ. Въ одной алтайской сказкѣ богатырь Тэктэбэй, принявъ видъ шелудиваго заморыша и назвавшись Тасъ-таракаемъ, поступаетъ на службу къ Акъ-хану. Акъ-ханъ отправляется на войну и беретъ съ собой семь своихъ зайсановъ; Тасъ-таракай, сѣвъ на влячу, тоже принимаетъ участіе въ походѣ; надъ нимъ смѣются—далеко ли онъ уѣдетъ на своей влячѣ?—но онъ не только не отстаетъ, но и опережаетъ всѣхъ. Въ томъ же родѣ есть рассказъ о Гэсэрѣ, какъ онъ, въ видѣ заморыша, сопливаго, верхомъ на влячѣ, сопровождаетъ своего дядю Чотона въ поѣздѣ на ханскій пиръ; его уговариваютъ не сра-

¹⁾ Персидскій историкъ Рашидъ-эддинъ приурочилъ къ Волгѣ слѣдующую легенду. На одномъ изъ острововъ Волги укрився разбойникъ Бочманъ; царевичъ Мѣнке не имѣлъ судовъ, чтобы попасть на островъ; внезапно поднялся вѣтеръ и отогналъ воду изъ протока; счастиемъ (Мѣнке) земля обнаружилась и войско перешло на островъ. Вмѣстѣ съ Бочманомъ былъ убитъ какаго-то Казаръ или Каджаръ (Журн. мин. народн. просвѣщ., LXXXVI (1855), статья г. Березина: „Нашествіе Батия на Россію“, стр. 92—95). Что подало поводъ Рашидъ-эддину приурочить этотъ бродскій сюжетъ къ Волгѣ?

мнѣ компаніи и возвратиться, но Гэсэръ не только не отстаетъ, но и опережаетъ свиту Чотона. Отсюда бы можно вывести, что имя Тасъ-таракай есть имя, которое Гэсэръ носилъ тогда, когда принималъ видъ заморыша. На связь подобной формы съ именемъ Гэсэра указываетъ и слѣдующее мѣсто изъ сказанія о немъ. У Гуменъ-хана умерла жена; онъ держитъ ее въ объятіяхъ и не можетъ оставить; чтобы освободить его изъ этого очарованнаго состоянія, посылаютъ Ходжугуръ-тархана звать Гэсэра; Гэсэръ берется излечить хана, но для этого требуется голова этого самаго Ходжугуръ-тархана. Ходжугуръ по-монгольски значитъ: „шелудивый“, таракай по-алтайски — „шелудивый“¹⁾). По этому мѣсту можно форму „Тасъ-таракай“ выправить т.-е., вмѣсто второго члена (таракай) поставить: тарханъ. Имя города Астрахани не есть ли отголосокъ сказанія о Гэсэрѣ, которое, можетъ быть, рассказывалось на устьѣ Волги?

У г. Веселовскаго есть работа, озаглавленная: „Михайль Даниловичъ и младшіе богатыри“, дающая неожиданныя данныя для сравненія съ Гэсэромъ. Эту работу можно сравнить съ реставраціей зданія изъ обломковъ. Г. Веселовскій беретъ обрывокъ изъ былины, при помощи вариантовъ находитъ ему продолженіе, надстраиваетъ его и въ вышину, и въ ширину; получаетъ общее очертаніе фигуры героя, обставляетъ его аксессуарами и находитъ фонъ или среду событій, въ которой происходитъ подвигъ героя. Такимъ образомъ онъ создаетъ схему, которая даетъ понятіе о первоначальномъ видѣ связанія. Для лучшаго сравненія съ Гэсэромъ мы должны эту схему дополнить изъ тѣхъ же матеріаловъ, которые приводятся г. Веселовскимъ, какъ относящіеся къ данному циклу былинь. Съ этими дополненіями схематическая былина получитъ такой видъ. Татарскій царь Калинъ подступаетъ подъ Кіевъ. Владиміръ въ горѣ, потому что богатыри его въ отъѣздѣ; при немъ только одинъ юный богатырь. малолѣтокъ Михайло Даниловичъ; молодой богатырь хочетъ выѣхать противъ татаръ, но Владиміръ его останавливаетъ, такъ какъ онъ еще молодъ. Богатырь все-таки выѣзжаетъ противъ татаръ. Начинается битва, въ которой силы малолѣтнаго богатыря ослабѣваютъ. Въ это время пріѣзжаютъ другіе богатыри; они выѣзжаютъ на шеломя, т.-е. на вершину горы, и оттуда смотрятъ на татарское войско и на битву. Затѣмъ они вступаютъ сами въ битву съ татарами. Татары побиты. Владиміръ вмѣсто награды по оговору жителей

¹⁾ Тасъ на тюркскихъ языкахъ „плѣшивый“.

садить молодого богатыря въ погребъ, но потомъ освобождаетъ; богатырь, несмотря на уговоры князя остаться, удаляется въ монастырь.

Эту работу г. Веселовскаго можно представить образно. Археологу переданы какіе-то обломки статуи и нѣкоторые куски оббиты до неузнаваемости; часть кусковъ утратилась; археологъ начинаетъ прилаживать одинъ кусокъ къ другому, и ему удается восстановить фигуру, хотя и съ пробѣлами. Вы удовлетворены уже и теперь работой археолога, но оказывается, что эта фигура—только копія съ другой статуи. Но вотъ найденъ, наконецъ, и этотъ оригиналъ. Работа археолога получаетъ окончательную провѣрку. Цивль былинъ, привлеченный г. Веселовскимъ къ его работѣ—это обломки статуи; схема г. Веселовскаго—это реставрированная статуя; оригиналъ же—эпизодъ изъ Гэсэра, который можетъ быть сближенъ со схемой г. Веселовскаго и который мы сейчасъ расскажемъ.

Гэсэръ въ отъѣздѣ; жена его осталась одна; при ней только второстепенные богатыри. На вотчину Гэсэра набѣзжаютъ три враждебныхъ царя; въ тибетской версіи они называются хорскими, въ монгольской—ширайгольскими. Они намѣрены увести жену Гэсэра. Богатыри, окружающіе жену Гэсэра, выѣзжаютъ на гору и оттуда предварительно осматриваютъ вражьи силы. Потомъ начинается битва. Между богатырями есть одинъ молодой; онъ сынъ самаго старшаго богатыря Чагена. Кончается битва не побѣдой, а гибелью всѣхъ богатырей. Эпизода о погребѣ нѣтъ.

Пока сходныхъ чертъ не много, но онѣ все-таки есть. Влади́миру русской былины здѣсь соотвѣтствуетъ жена Гэсэра: подобно Влади́миру, она обставлена богатырями; она призываетъ ихъ на помощь и посылаетъ ихъ противъ хорскаго войска, даетъ имъ совѣты и дѣлаетъ полезныя указанія. Татарскій Калинъ-царь, или Галинъ, замѣненъ здѣсь тремя ширайгольскими царями (Ширайголанъ-ханъ); передъ выступленіемъ въ битву монгольскіе богатыри, также какъ и русскіе, выѣзжаютъ на вершину горы и оттуда осматриваютъ ратное поле. Въ монголо-тибетскомъ сказаніи, также какъ и въ русской былинѣ, въ средѣ богатырей есть одинъ, принадлежащій къ молодому поколѣнію. Въ тибетской версіи это Мунго; онъ—сынъ самаго старѣйшаго изъ богатырей; въ тѣхъ русскихъ былинахъ, въ которыхъ этотъ богатырь названъ Ермакомъ, онъ выставляется племянникомъ самаго старѣйшаго изъ богатырей, Ильи Муромца.

Въ былинахъ, гдѣ этотъ молодой богатырь носить имя Михайлы, онъ сынъ Данилы Игнатьевича. Когда Михайлу Данило-

вину стало трудно въ борьбѣ съ татарами, Данило оставляетъ монастырь, въ которомъ онъ сидѣлъ монахомъ, и ѣдетъ на выручку. Этому эпизоду въ тибетской версіи можно видѣть параллель въ слѣдующемъ эпизодѣ: всѣ Гэсэровы богатыри перебиты; убитъ и самый храбрый, самый молодой изъ нихъ, Мунго. Тогда рвется въ битву Кала-мамбырь, который до этого сидѣлъ заточенный въ желѣзномъ домѣ и молился. Кала-мамбырь оставляетъ свое заточеніе, чтобы принять участіе въ битвѣ. Конецъ его другой; онъ убитъ; Ане-гома хочетъ возвратитъ его къ жизни, но Кала-мамбырь отказывается подобно тому, какъ Михайло Даниловичъ отказывается отъ возвращенія въ Кіевъ; Михайло Даниловичъ удаляется въ монастырь; вмѣсто этого Кала-мамбырь удаляется на морской берегъ и превращается тутъ въ скалу.

Въ тибетской версіи война съ хорскими царями кончается тѣмъ, что всѣ Гэсэровы богатыри перебиты. У хорскихъ царей есть старуха, которая оживляетъ убитыхъ хоровъ, и Гэсэровы богатыри не могли противостоять противъ неубывающаго воинства. Въ нѣкоторыхъ русскихъ вариантахъ, въ которыхъ изображается наѣздъ Калина-царя, исходъ тотъ же; Владиміровы богатыри не въ силахъ одолѣть возрастающую татарскую силу; богатырь разрубитъ татарина, — изъ одного дѣлается два татарина. Владиміровы богатыри не устояли и побѣжали къ горамъ; добѣжали и обратились въ камни.

Сходство русскихъ былинъ съ среднеазиатскимъ сказаніемъ еще болѣе усилится, если мы обратимся къ былинѣ о семи богатыряхъ, записанной въ XVII вѣкѣ и открытой г. Барсовымъ. Кіеву угрожаетъ наѣздъ татарскихъ богатырей изъ Цареграда; Владиміръ созываетъ своихъ богатырей и проситъ ихъ стать на караулъ на рубежѣ; но семь богатырей гнушаются ролью бездѣйствующей стражи; они рѣшаются предупредить набѣгъ и сами ѣдутъ въ наѣздъ на Цареградъ. Дорогой они переряжаются каліками и приходятъ къ цареградскому царю на дворъ просить милостыни; потомъ угоняютъ у царя лошадей, кромѣ одной.

Вотъ какъ описывается наѣздъ хорскихъ царей въ тибетской версіи. Въ отсутствіе Гэсэра хорскіе цари наѣзжаютъ на Гэсэрову вотчину; жена Гэсэра обращается къ богатырямъ съ просьбой о защитѣ. Семь богатырей отправляются на встрѣчу хорамъ. Они переодѣваются пастухами, идутъ въ хорскій станъ и связываются людьми изъ вотчины Гэсэра, ищущими потерявшихся лошадей; они будто бы боятся возвратиться къ Гэсэру безъ лошадей и просятъ на службу; ихъ принимаютъ и они угоняютъ

всѣ табуны хорова, за исключеніемъ одной лошади, которая хитростью избѣгла плѣна.

Сравнивая сказаніе о Гэсэрѣ со всей совокупностью приведенныхъ сейчасъ русскихъ темъ, мы находимъ слѣдующія параллели:

1) У Владиміра семь богатырей выѣзжаютъ на встрѣчу чужого ожидаемаго войска.

У жены Гэсэра семь богатырей выѣзжаютъ на встрѣчу чужого войска.

2) Между Владиміровыми богатырями одинъ молодой, приходящійся племянникомъ Ильѣ, старшему изъ семи.

Между богатырями Гэсэра одинъ молодой, сынъ Чогена, старшаго изъ семи.

3) Владиміровы богатыри выѣзжаютъ на шеломя (или взлѣзаютъ на дубъ) и оттуда смотрять на поле битвы.

Гэсэровы богатыри выѣзжаютъ на три горы ¹⁾ и оттуда осматриваютъ поле будущей битвы.

4) Владиміровы богатыри одѣваются каліками, являются во дворъ враждебнаго царя и, будучи неузнанными, угоняютъ лошадей; одну лошадь не могли угнать.

Гэсэровы богатыри одѣваются пастухами, приходятъ во дворъ хорскихъ царей, не узнаны, приняты къ нимъ на службу и угоняютъ хорскіе табуны, но одну лошадь не могли угнать.

5) Конецъ былинны. Всѣ Владиміровы богатыри перебиты, не будучи въ состояніи устоять противъ возрастающаго числа татаръ.

Всѣ Гэсэровы богатыри перебиты, не будучи въ состояніи устоять противъ неубывающаго числа хорова.

Къ этимъ параллелямъ, заимствованнымъ прямо изъ сказанія о Гэсэрѣ, мы можемъ присоединить еще одну сходную черту, находимую черезъ посредство другого среднеазиатскаго сказанія.

Когда Михайло Даниловичъ собирается въ бой, Владиміръ отговариваетъ его, ссылаясь на его молодость: „малымъ ты малешенекъ, молодымъ молодешенекъ, всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ; умомъ ты глупешенекъ, въ чистомъ полѣ не бываль“ ²⁾ и проч. Этой черты въ Гэсэрѣ нѣтъ, но она есть въ монгольской былинѣ о Иринь-сайнѣ ³⁾, гдѣ она стоитъ въ связи съ уго-

¹⁾ Въ монгольской версіи тутъ стоитъ *Gurban Tulgha*, что по-монгольски значить „три шлема“ (*Schmidt, Die Thaten Bogda Gesser chan's. S.-Ptb., 1839, стр. 167.*

²⁾ Веселовскій, Южно-русскія былинны, 21.

³⁾ Очерки с.-з. Монголіи, IV, 429. Полное имя Иринь-сайна: Иринь-сайнгуннинь-настай-микеле. Г. Позднѣвъ говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ у монголовъ сказку о царевнѣ-лягушкѣ, гувинь-настай-мелехе (тридцатилѣтняя лягушка). По мнѣнію Позднѣва, какъ онъ мнѣ говорилъ, мелеке, микеле—можетъ быть перестановка.

номъ лошадей. Иноземный богатырь съ своей дружиной наѣхалъ на владѣнія царя, отца Иринъ-сайна, и отогналъ всѣхъ его лошадей. Иринъ-сайнъ, прежде чѣмъ отправиться въ погоню, влзаетъ на лѣстницу¹⁾ и оттуда осматриваетъ, куда ушелъ слѣдъ табуновъ. Потому онъ отправляется въ погоню пѣшкомъ²⁾, потому что ни одной лошади не осталось; всѣ угнаны. Но богатырскій конь самого Иринъ-сайна притворился хворымъ и отбился отъ угоняемаго табуна; враги Иринъ-сайна не могли его угнать. Иринъ-сайнъ нашелъ своего коня, сѣлъ на него, догналъ чужеземнаго богатыря и вступилъ съ нимъ въ бой. Противникъ Иринъ-сайна проткнулъ его своей пики и погналъ его впереди себя. Три года онъ гналъ его и не вынималъ пики изъ тѣла Иринъ-сайна; наконецъ, онъ понялъ, что для богатыря такая битва не честна. Они вступаютъ въ единоборство, которое кончается побѣдой Иринъ-сайна. Этотъ эпизодъ есть и въ тибетской версiи Гэсэра; Иринъ-сайну соотвѣтствуетъ Мунго, самый младшiй изъ Гэсэровыхъ богатырей. Разсказъ о Мунго слѣдуетъ тотчасъ же за разсказомъ объ угонѣ лошадей. Грудь Мунго прострѣлена стрѣлой; со стрѣлой въ груди онъ ѣздитъ по жаркой степи и качается въ сѣдлѣ; видъ шатающагося въ сѣдлѣ богатыря со стрѣлой въ ранѣ приводитъ въ ужасъ хорскаго богатыря. Конецъ Мунго—другой: онъ окончательно обезсиливаетъ и падаетъ на землю; поэтически описываются страданiя умирающаго богатыря отъ жажды. Наконецъ, онъ умираетъ. Можетъ быть, были и русскiе варианты, въ которыхъ о Ермакѣ разсказывалось, какъ о богатырѣ, умирающемъ отъ ранъ въ степи. Сходство Иринъ-сайна съ Мунго ставитъ его на мѣсто Ермака или Михайла Даниловича. Михайл Даниловичъ малолѣтовъ, ему только двѣнадцать лѣтъ; еще моложе кievскiй Михайликъ, котораго г. Веселовскiй сближаетъ съ Михайломъ Даниловичемъ; Михайлику только семь лѣтъ. Иринъ-сайнъ моложе и этого; ему всего только три года отъ роду. Владимiръ не пускаетъ Михайла Даниловича; онъ малолѣтенъ и неопытенъ; тѣ же ноты и въ рѣчи родителей Иринъ-сайна, когда они уговариваютъ его остаться дома. „Славный сынъ нашъ!—говорятъ ему они, — ты росъ въ нѣгѣ, какъ кумысъ въ архытѣ. Отправляешься въ дальнiй путь, а людей не

¹⁾ Въ киргизской сказкѣ о Казай, которая, какъ мы выше показали, напоминаетъ эпизоды изъ тибетской версiи о Кала-мамбырѣ, братѣ Гэсэра, богатырь Казай, передъ отправленiемъ на войну, также влзаетъ на лѣстницу. И такъ, это влзанiе мы находимъ въ монголо-тибетскомъ сказанiи о Гэсэрѣ, въ киргизской сказкѣ о Козай и въ русской былинѣ о назидѣ татарь.

²⁾ Въ былинѣ, найденной г. Барсовымъ, пѣшымъ остается Алеша Поповичъ.

знаешь, несчастный! Нѣтъ у тебя ни братьевъ, ни сестеръ! Какъ вѣтеръ въ полѣ, таковъ одинокій человекъ! Поживи еще годъ у насъ!“ Они обманываютъ его, рассказывая, будто какой-то лама имъ предсказалъ: „Не отпускайте его на третьемъ году; отпустите его только на четвертомъ. Только тогда изъ него выйдетъ непобѣдимый богатырь! 1)“ Не ведетъ ли это къ заключенію, что эпизодъ объ Иринъ-сайнѣ, а также киргизская сказка о Козаѣ есть отголоски рассказа о хорской или ширайгольской войнѣ, и такіе же отголоски представляютъ, можетъ быть, и русскія былины о наѣздѣ татаръ на Кіевъ.

Этимъ сближеніемъ русскихъ былинъ съ монголо-тибетскимъ сказаніемъ, можетъ быть, объяснятся нѣкоторые собственныя имена въ русскихъ былинахъ, какъ напримѣръ „ширскіе князья“ и „цицарскія поля“. Ширскіе князья встрѣчаются въ „гисторіи о кіевскомъ богатырѣ Михайлѣ, сынѣ Даниловичѣ“, напечатанной г. Веселовскимъ въ той же его статьѣ 2). На Кіевъ наѣзжаетъ царь Бахметъ Тавруевичъ; Михайло Даниловичъ выѣзжаетъ на бой; сначала противъ него выступаютъ богатыри, три Брата Братовича; когда они были имъ убиты, выѣзжаютъ противъ него семь ширскихъ князей. Это, можетъ быть, отголосокъ ширайгольскихъ царей. Цицарскія же поля можетъ быть не что иное, какъ память о рѣкѣ Цициргана 3), на поляхъ которой происходили битвы гесэровыхъ богатырей съ ширайгольскими царями.

Владиміръ, какъ видно изъ сопоставленія русскихъ былинъ съ монголо-тибетскимъ сказаніемъ о Гэсэрѣ, соотвѣтствуетъ женѣ Гэсэра; какъ будто это было женское лицо. И въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ былинахъ это имя является женскимъ; жена Ильи Муромца носитъ имя: баба Владимирка или Латымирка 4).

Поведеніе Владиміра соотвѣтствуетъ такому взгляду на него. Онъ горюетъ о томъ, что нѣтъ подлѣ него богатыря Ильи Муромца, какъ Гэсэрова жена горюетъ объ отсутствіи Гэсэра. Можетъ быть, недѣятельный характеръ Владиміра, неучастіе его въ битвахъ богатырей, слѣдуетъ объяснить не тѣмъ, что это олицетвореніе солнца, какъ толковала миеологическая школа, а тѣмъ, что это женская личность. Но если Владиміръ женщина, то кто же изъ богатырей мужъ этой женщины? То-есть, кто въ русской былинѣ о наѣздѣ Калина-царя стоялъ на мѣстѣ Гэсэра? Конечно, тотъ богатырь, о которомъ русская былина повторяетъ то, что

1) Очерки с.-в. Монголіи, т. IV, стр. 441.

2) Веселовскій, „Южно-русскія былины“, стр. 20—27.

3) У Шиндта Tsatsarghana; Thaten, 167.

4) Рыбниковъ, I, 75; II, 349.

монгольская рассказывает о Гэсэрѣ въ соответствующемъ мѣстѣ, т. е. тотъ, о которомъ, какъ и о Гэсэрѣ, рассказывается, что онъ увлекся охотой и замедлил въ поѣздѣ, что женѣ его угрожаетъ увозъ, что его извѣщаетъ объ этомъ птица. Все это, какъ мы видѣли, рассказано въ русскихъ былинахъ о Добрынѣ Никитчѣ. Этотъ эпизодъ въ сказаніи о Гэсэрѣ предшествуетъ разсказу о хорской войнѣ; если мы разсказъ о войнѣ надставимъ предшествующимъ эпизодомъ по плану сказанія о Гэсэрѣ и сдѣлаемъ, такимъ образомъ, сводъ изъ двухъ эпизодовъ, то въ первой половинѣ этого свода Гэсэръ покровится Добрыней, жена его Рогмо-гоа Мариной; во второй половинѣ Рогмо-гоа покровится Владиміромъ. Итакъ, въ одномъ случаѣ Рогмо-гоа—это Марина, въ другомъ—Владиміръ. Отсюда выводъ, что Марина и Владиміръ—одна и та же личность.

Въ одномъ албанскомъ сказаніи имя Владиміра стоитъ рядомъ съ формой Cossaga (въ легендѣ объ албанскомъ святомъ Іоаннѣ-Владимірѣ). Эта Cossaga выдана замужъ за Владиміра; Владиміръ живетъ съ ней какъ братъ съ сестрой, а не какъ съ женой; Cossaga обижена; она жалуется брату, и тотъ воюетъ съ Владиміромъ. Въ тибетской версіи жена Гэсэра также недовольна тѣмъ, что Гэсэръ не живетъ съ ней какъ съ женой; онъ старается скрыться отъ нея, а она преслѣдуетъ его и отгрызаетъ убожище, куда онъ скрылся.

Выше было сказано, что въ разсказѣ о хорской войнѣ нѣтъ эпизода русской быliny о богатырѣ, который былъ по неудовольствію на него князя брошенъ въ погребъ. Но не было ли его въ сказаніи о Гэсэрѣ? Въ лѣтописномъ сказаніи о Чингисханѣ упоминается его братъ Хасаръ. У Рапидъ-эддина объ этомъ Хасарѣ сказано: „Второй сынъ (Эсуея) былъ Джучи-Хасаръ; Джучи есть имя, а значеніе хасара—левъ. Сила его была такова, что взявши челоуѣка обѣими руками, переламывалъ его пополамъ подобно деревянной стрѣлѣ“¹⁾. Тѣмъ же выраженіемъ охарактеризованъ у Рапидъ-эддина и другой герой Хутула-ханъ. Очевидно и Хасаръ и Хутула-ханъ были былинные богатыри и выраженіе Рапидъ-эддина взято изъ былинъ объ этихъ богатыряхъ. Лѣтописный разсказъ о Хасарѣ, повидимому, передаетъ содержаніе одной изъ былинъ объ этомъ богатырѣ. Хасаръ навлекъ на себя гнѣвъ Чингис-хана тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы, согласно повелѣнію хана, убить зловѣщую сову, отстрѣлилъ врыло сорокъ; ханъ приставилъ къ Хасару стражу изъ четырехъ чело-

¹⁾ Рапидъ-эддинъ, II, 54.

вѣкъ, велѣлъ привязать его къ оградѣ и кормилъ его мясомъ яза (тибетскаго быка). Когда ханъ выступилъ въ походъ противъ тангутскаго Шудургу-хана, на встрѣчу монгольскаго войска вышла старуха, которая посредствомъ заклинанія стала умерщвлять у монголовъ людей и лошадей. Субэгэтэй-богатырь обратился къ хану съ словами: „соблаговоли освободить стрѣлва Хасара отъ наказанія!“ Ханъ послалъ за Хасаромъ крылатую лошадь и заставилъ стрѣлять въ старуху. Такъ какъ Хасаръ былъ въ заточеніи и изнурился, то выстрѣлилъ въ чашку (колѣна) старухи и убилъ ее. Тотъ же сюжетъ передается въ бурятскомъ преданіи о Чингисъ-ханѣ и Тасъ-хара. Чингисъ-ханъ идетъ войной противъ Шудурмана-хана; ему говорятъ, что для успѣха битвы нужно имѣть павлинье перо и взять съ собой таёжнаго дядю Тасъ-хара. Чингисъ-ханъ посылаетъ посла въ Тасъ-хара просить павлинье перо. Посолъ попросилъ перо птицы тасъ. Тасъ-хара не понимаетъ, какая это птица тасъ, убиваетъ сороку и посылаетъ Чингисъ-хану. Чингисъ-ханъ осердился на дядю Тасъ-хара за то, что онъ вмѣсто павлиняго пера прислалъ сорочье. Онъ приказалъ выкопать яму въ восемьдесятъ сажень глубиной и бросить въ нее дядю Тасъ-хара. У Шудурмана есть ворчунья-старуха, отъ ворчанья которой отваливаются глыбы отъ скалъ; убить ее, говорятъ хану, можетъ только Тасъ-хара. Тогда ханъ велитъ привести Тасъ-хара, и онъ убиваетъ старуху, стрѣляя по ея колѣнамъ ¹⁾. Не скрывается ли подъ этими именами Хасаръ и Тасъ-хара все тотъ же Гэсэръ, и въ походѣ на Шудурмана не слѣдуетъ ли видѣть заключеніе хорской войны?

Намъ нужно сказать нѣсколько словъ о тѣхъ сближеніяхъ съ Гэсэромъ, которыя сдѣланы г. Стасовымъ. Онъ сближаетъ съ Гэсэромъ Ваньку-Вдовкина-сына и Потока.

Былину о Ванькѣ-Вдовкинѣ-сынѣ г. Стасовъ сближаетъ съ тѣмъ эпизодомъ изъ сказанія о Гэсэрѣ, въ которомъ рассказывается, какъ Гэсэръ освобождалъ плѣнную злымъ чудовищемъ его жену Тумәнъ-джиргалангъ. Сходныя черты замѣчаются однако только въ подробностяхъ, сюжетъ же русской былинны не можетъ быть сближаемъ съ указаннымъ мѣстомъ монголо-тибетскаго сказанія. Это мѣсто есть рассказъ о женщинѣ, похищенной чудовищемъ и освобождаемой ея братомъ или мужемъ, которому она помогаетъ въ борьбѣ съ похитителемъ, вывѣдываетъ у чудовища, въ чемъ заключено его безсиліе, помогаетъ уронить чудовище, подставляя

¹⁾ Алтанъ Тобчи въ „Запискахъ Арх. Общ.“, XIV, 25—27.

²⁾ Хангаловъ, „Бурятскія сказки“. Иркутскъ, 1889, стр. 113.

ему подъ ноги скользское, и т. п. Былина же о Вдовкинѣ-сынѣ рассказываетъ, какъ онъ сватается за дочь царя Волшана; чтобы получить ее, онъ долженъ прятаться до трехъ разъ такъ, чтобы Волшанъ не могъ отыскать его; два раза ему не удается, и только въ третій разъ онъ спрятался такъ, что Волшанъ долженъ былъ покориться. Несмотря на это несходство въ основной темѣ, указанія г. Стасова на сходныя подробности рассказа могутъ пригодиться.

У монголовъ, урянхайцевъ и тангутовъ есть сказки, въ которыхъ описывается, какъ ханъ хочетъ отнять у одного мужа жену, дочь водяного царя. Ханъ и мужъ уговариваются прятаться поочередно и отыскивать другъ друга. Мужу прятаться помогаетъ жена; она обращаетъ его либо въ наперстокъ, либо во что-нибудь подобное. Когда же прячется ханъ, она помогаетъ своему мужу отыскивать его ¹⁾. Съ этой связкой было бы удобнѣе сблизить нашу былинку, чѣмъ съ указаннымъ эпизодомъ Гэсэра. Но, можетъ быть, нѣкоторыя подробности въ этомъ эпизодѣ Гэсэра явились подъ вліяніемъ приведенной сказки. Въ сказкѣ ханъ превращается сначала въ дерево, потомъ въ верблюда или въ другой вариантъ—въ крупнаго барана. Мужъ водяной царевны хочетъ рубить дерево или барана, но ханъ останавливаетъ его словами: „Не руби челоуѣчьей спины!“ Въ Гэсэрѣ также, когда онъ ѣдетъ освобождать свою жену, чудовище является ему на дорогѣ въ превращенномъ видѣ, сначала въ видѣ вола, потомъ въ видѣ дерева. Гэсэръ убиваетъ вола, потомъ срубаетъ дерево.

Одну изъ былинъ о Потокѣ г. Стасовъ сближаетъ съ шестой главой Гэсэра, то-есть, съ тѣмъ эпизодомъ, съ которымъ мы сблизили былинку о Добрынѣ и Маринкѣ.

Три богатыря, въ томъ числѣ и Потокъ, ѣдутъ къ Леванидову кресту, присягаютъ около него, становятся названными братьями и разъѣзжаются въ разныя стороны. Потокъ обращенъ въ камень. Названные братья отправляются отыскивать его и идутъ къ царю литовскому; къ нимъ присоединяется пилигримъ; получивъ милостыню, они возвращаются и останавливаются у камня, чтобы подѣлить ее; дѣлить берется пилигримъ. Онъ дѣлитъ милостыню не по наличному числу богатырей, а выдѣляетъ одну долю лишнюю. Эта доля, говоритъ онъ, тому, кто подниметъ и броситъ этотъ камень. Бросили камень, изъ него вышелъ Потокъ. По возвращеніи къ жизни Потокъ отправляется къ женѣ, но она хочетъ приколотить его къ стѣнѣ. Дочь литовскаго царя является

¹⁾ Очерки с.-в. Монголіи. т. IV, 519, 588, 590.

заступницей Потока. Кончается былина тѣмъ, что Потокъ убиваетъ жену и женится на дочери литовскаго царя.

У монголовъ есть слѣдующая сказка. Шесть товарищей садятъ деревья, кланутся около нихъ въ названномъ братствѣ и составляютъ уговоръ: если они вернутся къ посаженнымъ деревьямъ и увидятъ которое-нибудь изъ деревьевъ посохшимъ, это будетъ служить знакомъ, что посадившій дерево погибъ; тогда всѣ остальные должны отыскать погибшаго брата и спасти. Послѣ этого всѣ шестеро расходятся по развѣтвляющимся долинамъ протекающей тутъ рѣки. Одинъ изъ названныхъ братьевъ, идя по долинѣ рѣки, нашелъ красивую женщину и поселился въ ея домѣ. Однажды волосы этой женщины унесло внизъ по рѣкѣ (или портретъ ея подхваченъ и унесенъ вѣтромъ), и живущій внизу ханъ догадывается, что вверху живетъ какая-то красавица. Послано войско; мужъ красавицы посаженъ въ глубокую яму, а красавица взята во дворецъ. Остальные названные братья научились, между тѣмъ, разнымъ ремесламъ: одинъ сталъ плотникомъ, другой маляромъ; знаніе нѣкоторыхъ достигало сверхъестественнаго (разсказчикъ поясняетъ, что этихъ шесть художниковъ мы теперь видимъ въ шести звѣздахъ созвѣздія Плеяды). Братья, вернувшись къ посаженнымъ деревьямъ и увидавъ одно изъ нихъ засохшимъ, идутъ на помощь, вынимаютъ своего несчастнаго товарища изъ ямы, узнаютъ отъ него разсказъ о красавицѣ и рѣшаются отнять ее у хана. Они дѣлаютъ деревянную птицу Гаруди, садятся въ нее и летятъ къ царю. Кончается похищеніемъ красавицы ¹⁾.

Эта сказка напоминаетъ египетскую о братьяхъ Анепу и Битью (Bitiou; старое чтеніе: Batu, Satu). Битью поселяется въ „долинѣ акаціи“ у рѣки; онъ проситъ брата, когда онъ получитъ знаменіе о его гибели, придти и спасти его. Шесть боговъ странствуютъ по землѣ, находятъ одинокаго Битью и создаютъ ему подругу; волосы этой женщины снесены внизъ по рѣкѣ и фараонъ посылаетъ войско за красавицей; мужъ ея убитъ. Тогда старшій братъ Анепу получаетъ знаменіе и идетъ выручать Битью; онъ находитъ душу Битью заключенною въ цвѣтокъ акаціи (прежде читали—въ кедровую шишку) и воскрешаетъ брата. Затѣмъ оба брата идутъ къ царю. Кончается разсказъ тѣмъ, что коварная женщина убита ²⁾.

Обратимся теперь къ русской былинѣ. Три богатыря ея соотвѣтствуютъ шести товарищамъ монгольской сказки; Леванидовъ

¹⁾ Варіанты этой сказки записаны мною въ Ордоѣ и Амдо, но еще не напечатаны.

²⁾ Maspero, Les contes populaires de l'Égypte ancienne. Paris, 1882.

крестъ—это шесть деревьевъ, посаженныхъ товарищами; и тутъ, и тамъ на этомъ мѣстѣ заключается названное братство. Литовскій царь русской былины соотвѣтствуетъ царю, который увозитъ женщину въ монгольской и египетской сказкѣ. Заключение Потока въ камень можно принять за душу Битю, вложенную въ цвѣтокъ.

Конецъ былины другой, и мы бы скорѣе сравнили его не съ тѣмъ эпизодомъ, на который указываетъ г. Стасовъ, а съ другимъ, именно съ заключительнымъ актомъ хорской войны. У Гэсэра, какъ и у Потока, увезена жена. Увезли ее хорскіе цари. Онъ отправляется освобождать жену, но сердце жены измѣнилось; она болѣе сочувствуетъ своему новому другу, чѣмъ старому; Гэсэръ является въ городъ хоровъ переряженнымъ странствующимъ ламой, собирающимъ милостыню. Рогмо-гоа угадываетъ въ пилигримѣ своего стараго мужа и ищетъ его погибели. Дочь же хорскаго царя является сочувствующимъ Гэсэру лицомъ. Кончается дѣло тѣмъ, что Гэсэръ убиваетъ Рогмо-гоа, а хорскую царевну беретъ за себя замужь.

Намъ остается указать на параллели, какія замѣчаются между Гэсэромъ и былиной или стихомъ о Егоріи Храбромъ. Для этого мы воспользуемся тѣмъ матеріаломъ, который соединенъ въ трудѣ г. Веселовскаго: „Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ“. Сказаніе о Егоріи распадается на двѣ части: въ одной разсказывается объ освобожденіи имъ царевны Елисафы, обреченной на съдѣніе змѣю, въ другой—о мученіяхъ Егорія, которыя онъ переноситъ безъ вредныхъ для себя послѣдствій; его пилятъ пилами, но пилы его не берутъ; его бросаютъ въ котелъ съ кипящей смолой, но онъ не горитъ въ смолѣ; наконецъ, его опускаютъ въ глубокую яму и закладываютъ камнями. Изъ ямы вновь отыскивается, Егорій выходитъ на бѣлый свѣтъ, ѣдетъ къ гонителю и убиваетъ его.

Вполнѣ параллельнаго этому стиху эпизода въ Гэсэрѣ нѣтъ, но для отдѣльныхъ частей стиха можно найти въ Гэсэрѣ соотвѣтствующія темы. Гэсэръ также, какъ и Егорій, терпитъ мученія въ одномъ эпизодѣ и выходитъ изъ нихъ невредимымъ.

У Гумень-хана, китайскаго царя, умерла жена; ханъ держитъ ее въ объятіяхъ и не хочетъ оставить, а народу повелѣлъ: кто застигнуть событіемъ сидя, тотъ пусть сидя несетъ печаль, кто застигнуть стоя, тотъ пусть стоя несетъ печаль и т. д. По видимому, ханъ впалъ самъ въ недѣятельное состояніе и своимъ приказаніемъ хотѣлъ остановить жизнь и въ народѣ. Вельможи стали думать и совѣщаться, какъ освободить народъ изъ такого

неудобнаго положенія и какъ отдѣлить хана отъ его жены ¹⁾. Нашелся одинъ человѣкъ, который зналъ, какъ помочь бѣдѣ; это былъ шелудивоголовый кузнецъ—Худжугуръ-тарханъ ²⁾, одинъ изъ семи братьевъ шелудивоголовыхъ кузнецовъ (долонъ-худжугуръ-тарханъ). Онъ сказалъ, что отдѣлить хана отъ жены можетъ только одинъ Гэсэръ; посломъ къ Гэсэру сходить можетъ только онъ одинъ, Худжугуръ-тарханъ. Его и посылаютъ посломъ къ Гэсэру. Худжугуръ-тарханъ является къ Гэсэру и проситъ его придти освободить Гуменъ-хана, который лежитъ въ объятіяхъ своей умершей жены (въ вариантѣ, который я слышалъ въ устной передачѣ отъ одного монгола изъ южной части Ордоса, Гуменъ-ханъ лежалъ въ объятіяхъ жены уже девять лѣтъ). Гэсэръ согласился придти, но говорить, что для исполненія дѣла ему нужно семь головъ братьевъ худжугуръ-тархановъ. Посоль пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ Гэсэра, но передалъ требованіе Гэсэра вельможамъ. Тотчасъ же всѣ семь худжугуръ-тархановъ были обезглавлены и головы ихъ были отправлены къ Гэсэру. Головы эти были нужны для того, чтобы изъ череповъ ихъ сдѣлать чаши для вина, которое Гэсэръ долженъ былъ поднести своей бабушкѣ, жившей на небѣ ³⁾. Это нужно, чтобы умилостивить ее и получить отъ нея драгоценности (эрдэни), которыя должны потомъ Гэсэру пригодиться. Заручившись этими эрдэни, Гэсэръ смѣло беретъ у спящаго Гуменъ-хана изъ рукъ жену. Гуменъ-ханъ, пробудившись, недоволенъ, и узнавъ, что это сдѣлалъ Гэсэръ, велитъ бросить его въ змѣиный ровъ; Гэсэръ покровилъ на змѣй молокомъ изъ груди черной орлицы—это была одна изъ драгоценностей, заготовленныхъ Гэсэромъ ранѣе. Всѣ змѣи умерли. Гэсэръ сложилъ изъ нихъ постель и изголовье и переночевалъ благополучно.

Когда объ этомъ донесли Гуменъ-хану, онъ велѣлъ бросить Гэсэра въ муравьиный ровъ или адъ, потомъ во вшивый адъ, въ пчелиный адъ, въ темную яму (Finsterloch), въ море; потомъ его владутъ на мѣднаго осла и жгутъ, дуя изъ четырехъ мѣховъ, рубятъ острыми орудіями, поднимаютъ на копыя. Гэсэръ выходитъ изъ всѣхъ этихъ испытаній невредимымъ при помощи заготовленныхъ эрдэни; только противъ послѣдней казни у него недостаетъ

¹⁾ Передаемъ это мѣсто по Шмидту, Die Thaten, 95—112.

²⁾ У Шмидта kahlköpfige Schmid.

³⁾ По бурятскому повѣрью эти семь черепныхъ чашекъ въ настоящее время мы видимъ подъ видомъ семи звѣздъ Большой Медвѣдицы. Братья-кузнецы у бурятъ называются Хожари-долонъ-дархадъ, семь кузнецовъ, (сыновья) Хожара. Хангаловъ, „Бурятск. сказки“. Иркут., 1889, стр. 126.

эрдэни. Но и изъ нея онъ вышелъ цѣль, благодаря хитрости. Гумень-ханъ покоряется и выдаетъ за него свою дочь Кипе-доа. Въ вариантѣ, который я слышалъ въ Ордосѣ, Гэсэръ требуетъ отъ пришедшаго въ страхъ отъ его неуязвимости Гумень-хана и отъ его дочери, чтобы они приняли „желтую вѣру“, т.-е. буддизмъ, и въ знакъ вѣрности даваемого слова Гумень-ханъ и дочь его должны были лизнуть мечъ Гэсэра.

Изъ эпизодовъ сказанія о Гэсэрѣ это единственный, который представляетъ какое-нибудь сходство со стихомъ о Егоріи. При сближеніи этихъ двухъ сказаній мученія Егорія должны быть приравнены къ мученіямъ Гэсэра, а на мѣсто разсказа о Елисафѣ и чудовищѣ становится разсказъ о Гумень-ханѣ и его женѣ. Конечно, между этими двумя обработками, можетъ быть, одного и того же мѣста большое несходство; посредствующихъ же между ними звеньевъ мы въ своемъ распоряженіи пока не имѣемъ.

Изъ частныхъ и мелкихъ чертъ сходства въ Гэсэрѣ укажемъ на слѣдующія:

1) Рожденіе Гэсэра совершилось при такихъ обстоятельствахъ. Мать его однажды возвращалась ночью домой съ ношей дровъ и встрѣтила громадную фигуру человѣка; отъ страха она упала безъ чувствъ на землю. Очнувшись, она увидѣла человѣчскій слѣдъ, который привелъ ее въ пещеру; въ пещерѣ сидѣлъ чело-вѣкъ съ тигропестрымъ знаменемъ, въ тигропестрой шапкѣ и въ одѣяніи и обуви того же характера; онъ отряхалъ иней съ своей тигропестрой бороды и говорилъ: „Въ эту ночь я до крайности утомился!“ Испуганная всѣмъ этимъ женщина поспѣшила домой. Послѣ этого она зачала и родила Гэсэра ¹⁾. Въ румынской апокрифической легендѣ матери Георгія видится во снѣ, что на нее набросился драконъ (balaurul). Дотолѣ бездѣтная, она зачала, и черезъ девять мѣсяцевъ родился Георгій ²⁾.

2) Въ тибетской версіи дядя Ака-Чотонъ, узнавъ о рожденіи Гэсэра, велѣлъ схватить ребенка, бросить въ кустъ колючей караганы и прикрыть колючками. Черезъ три дня ребенокъ самъ разворочалъ колючки и пришелъ къ матери.

Въ той же румынской легендѣ далѣе разсказывается, что мать и ребенокъ были захвачены въ плѣнъ разбойниками; уводимая въ плѣнъ мать успѣла бросить ребенка въ цвѣточный кустъ, гдѣ его щипаетъ своими сосцами коза одного пустынного.

3) Въ тибетской версіи Гэсэръ хочетъ убить многоголовое

¹⁾ Шмидтъ, Die Thaten, II.

²⁾ Веселовскій, „Св. Георгій“, 115.

чудовище Рдуря; ему помогаетъ женщина, которая находится у Рдуря въ плѣну. Они связали Рдуря; женщина, уходя за водой, учитъ Гэсэра: „будутъ безъ меня приходить многіе твари посмотрѣть на Рдуря, никого не пускай!“ Приходили многіе люди, и Гэсэръ никого не пустилъ въ домъ. Прилетѣла птица шиди-шара, сѣла у дымового отверстія палатки и спустила пометъ въ ротъ Рдуря. Это была тетка Рдуря по матери. Пометъ птицы превратился въ желѣзо, которое начало распространяться по утробѣ Рдуря. Пришла женщина, замѣтила пометъ на лицѣ Рдуря, спрашиваетъ: „Кто былъ?“ — „Никого не было, — отвѣчаетъ Гэсэръ; — прилетала только одна птица, которая спустила пометъ въ ротъ Рдурю“. — „Зачѣмъ ты не послушался? Теперь онъ сдѣлается весь желѣзный! Убивай его скорѣе, пока онъ весь не сдѣлался желѣзнымъ!“ Гэсэръ разрѣзалъ ему животъ. Жена Рдуря говоритъ: „Выпей этотъ желѣзный сокъ, наполняющій утробу Рдуря! Не будешь терпѣть отъ мороза!“ Но у Гэсэра не хватило силы этого сдѣлать. Жена Рдуря успѣла помазать Гэсэру желѣзнымъ сокомъ только темя и подошвы ногъ.

Румынскій Георгій разрубилъ чудовище скорпію. Птичка чиркаетъ ему съ вѣтки и велитъ ему искупаться въ крови чудовища: „тогда ничто злое къ тебѣ не пристанетъ, никакой страхъ тебѣ не будетъ вѣдомъ“.

Въ числѣ русскихъ стиховъ о Егоріи одинъ содержитъ описаніе богатырской его поѣздки. Онъ встрѣчаетъ три заставы, горы, рѣки, моря расходятся, растекаются, „чтобы было гдѣ Егорію проѣхать“. Далѣе Егорій встрѣчаетъ трехъ своихъ сестеръ, обросшихъ скорой яловою. Наконецъ, доѣзжаетъ до города царя Діо-клетіана.

Поѣздка съ заставами есть и въ Гэсэрѣ (въ тибетской версіи). Это его поѣздка въ городъ хорскихъ царей, когда онъ вспомнилъ свою Рогмо-гоа и отправляется освобождать ее. Сначала онъ заѣзжаетъ въ свою вотчину; тутъ онъ находитъ Ава-Чотона, который захватилъ весь его народъ и богатство въ свои руки, а его родителей обратилъ въ пастуховъ и они живутъ въ крайней бѣдности. Онъ признается родителямъ, что онъ ихъ сынъ, бросаетъ Ава-Чотона въ глубокую яму и заваливаетъ камнемъ. Отсюда онъ продолжаетъ путь въ хорскій городъ. Въ пути ему встрѣчаются задержки: непроходимый лѣсъ, непроходимое топкое болото, толчучіе камни и семь дѣвицъ, поѣдающихъ людей. Гэсэръ преодо- лѣваетъ всѣ эти препятствія и доѣзжаетъ до хорскаго города. На воротахъ города въ русской былинѣ сидитъ Нога-птица или Астрах- тиръ (сближается съ сербскимъ аждаха, дракономъ). Если мы бу-

демь русскую былинку покрывать приведеннымъ отрывкомъ изъ Гэсэра, то на это мѣсто о птицѣ изъ былины въ Гэсэрѣ ляжетъ рассказъ о Рогмо-гоа, которая сидѣла на городской стѣнѣ, когда къ ней подъѣзжалъ Гэсэръ.

До сей поры мы ограничивались сравненіемъ былины о Егоріи храбромъ съ сказаніемъ о Гэсэрѣ. Параллели могутъ быть еще умножены сравненіемъ съ другими монгольскими сказками, имѣющими отношеніе къ Гэсэру, какъ наприм. со сказками объ Иринь-Сайнѣ, Дзалута-мергенѣ, Хань-гужирѣ и о Чинчись-ханѣ ¹⁾. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на темы въ сказкѣ о Хань-гужирѣ. Начало этой сказки напоминаетъ Гэсэра: тутъ рассказывается, между прочимъ, о поимѣ коня для Хань-гужира; пастухъ, который ловить коня, называется Зотонь-хара; тѣмъ же именемъ называется дядя Гэсэра. Дальнѣйшій текстъ сказки содержитъ описаніе подвиговъ, которые Хань-гужиръ совершаетъ по порученію царя Гули-хана; эту часть бурятской сказки можно принять за иначе обставленный эпизодъ изъ Гэсэра о томъ, какъ онъ служитъ у ширайгольского царя. Конецъ обѣихъ сказокъ сходный: Хань-гужиръ убиваетъ Гули-хана и женится на его дочери; Гэсэръ-хань убиваетъ Ширай-Голэнъ-хана и женится на его дочери.

Сказка о Хань-гужирѣ ²⁾ даетъ слѣдующія параллели для сказанія о св. Георгіи:

Родители румынскаго св. Георгія долго были бездѣтны. Родители Хань-гужира также.

Георгій англійскаго сборника, цитируемаго г. Веселовскимъ въ вышеуказанной статьѣ ³⁾, родился съ чудными знаменіями: на груди образъ дракона, на правой рукѣ крестъ, цвѣта крови, на лѣвой ногѣ золотая повязка. Хань-гужиръ родится, держа въ правой рукѣ знакъ побѣды надъ врагами, а въ лѣвой—знакъ звѣрей ⁴⁾. Иринь-сайнъ, котораго мы уже выше сравнивали съ Гэсэромъ, родится, держа во рту алмыса (дьявола), въ правой рукѣ (комъ) крови величиною съ барана, въ лѣвой—драгоценность въ кулакѣ ⁵⁾.

Егорій въ русскихъ былинахъ родится „по волѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, по локоть руки въ красномъ золотѣ, голова его

¹⁾ Очерки сѣверо-запад. Монголіи, IV, 427—486, 503—512; Хангаловъ, „Бурятск. сказки“. Иркутскъ, 1889, 61—78.

²⁾ Хангаловъ, стр. 61—78.

³⁾ „Св. Георгій въ легендѣ“, стр. 113.

⁴⁾ Хангаловъ, 62.

⁵⁾ Очерки сѣв.-зап. Монг., IV, 429.

вся жемчужная“¹⁾. У новорожденного Ханъ-гужира верхняя часть туловища была изъ чистаго золота, нижняя изъ чистаго серебра. Эта черта есть и въ сказаніи о Гэсэрѣ, хотя и отнесена не къ нему самому. Именно, въ тибетской версіи таковой мальчикъ, на половину изъ золота, на половину изъ серебра, родится отъ Рогма-гоа и Ширай-Голэнь-хана.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказанія о Георгіи встрѣчается разсказъ о снѣ его; онъ спитъ, царевнѣ угрожаетъ змѣй, а она не можетъ разбудить витязя; она плачетъ и витязь пробуждается отъ горячей слезы, упавшей ему на лицо. Ханъ-гужиръ ложится спать и проситъ свою невѣсту въ случаѣ опасности разбудить его золотымъ шиломъ; во время сна витязя налетаетъ чудовище; царевна не можетъ разбудить Ханъ-гужира и плачетъ; слеза ея нечаянно попала въ ухо витязя и онъ проснулся²⁾. Та же черта въ монгольской сказкѣ о Дзалута-мергенѣ³⁾, которая во многихъ пунктахъ сходится со сказкой объ Иринъ-сайнѣ, слѣдовательно, также должна быть присоединена къ свитѣ Гэсэровскихъ сказокъ.

Змѣй, котораго убиваетъ Ханъ-гужиръ, какъ и въ сказаніяхъ о Георгіи, выходитъ изъ озера. Вода передъ его выходомъ волнуется и пѣнится.

Въ бурятской сказкѣ, какъ и въ румынскомъ сказаніи о Георгіи, является кузница. Въ румынскомъ Георгій поступаетъ въ кузницу въ ученье; онъ работаетъ годъ и такъ успѣшно, что возбуждаетъ зависть въ старшемъ подмастерѣ; послѣдній, чтобы погубить Георгія, посылаетъ его за угольями въ лѣсъ, гдѣ живетъ опасная „скорпія“; кто видѣлъ голову этой скорпіи, тотъ умиралъ⁴⁾. О Ханъ-гужирѣ бурятская сказка не разсказываетъ, что онъ былъ самъ кузнецомъ. Онъ только обращается къ девяти-десяти небеснымъ кузнецамъ съ просьбою сковать желѣзный обручъ (ошейникъ), цѣпь и желѣзный треногъ для ужасной собаки Гуниръ⁵⁾. „Девять небесныхъ кузнецовъ“, вѣроятно, то же самое, что „семь небесныхъ кузнецовъ“ (долонъ-дархатъ), которые фигурируютъ въ бурятской мифологіи. Это семь сыновей Хожира, черепа которыхъ потребовались, какъ разсказано выше, Гэсэру. Хожиръ, вѣроятно, то же, что Гужиръ, мифологическое лицо, которому приписывается изобрѣтеніе кузнечнаго дѣла и наученіе людей кованию желѣза. Подробности о первомъ кузнецѣ Гужирѣ можно найти въ статьѣ гг. Агапитова и Хангалова: „Матеріалы о ша-

¹⁾ Киричниковъ, „Св. Георгій и Егорій Храбрый“, 158.

²⁾ Хангаловъ, стр. 75.

³⁾ Очерки сѣверо-зап. Монголіи, IV, 506.

⁴⁾ Веселовскій, „Св. Георгій“, стр. 115.

⁵⁾ Хангаловъ, стр. 67.

манствѣ", напечатанной въ „Извѣстіяхъ восточно-сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.“, за 1883 г., т. XIV, вн. 1—2. Появленіе кузницы въ сказкѣ о Хань-гужирѣ едва ли простая случайность, и если въ бурятской сказкѣ Хань-гужирѣ не представленъ самъ кузнецомъ, то это, можетъ быть, особенность только той редакціи, которую записалъ г. Хангаловъ ¹⁾.

Въ какомъ отношеніи былинные имена Казарь и Хасарь стоятъ къ имени казарскаго народа? Намъ лично неизвѣстно, называли ли хазары сами себя хазарами, или этимъ именемъ называли ихъ другіе народы, а сами себя они называли какъ-нибудь иначе.

Если хазары звали себя хазарами, тогда былинный богатырь Казарь или Хасарь можетъ быть принятъ за эпонимъ казарскаго народа. Это былъ предокъ хазарь, о которомъ народъ распѣвалъ пѣсни, подобно тому, какъ и теперь у нѣкоторыхъ поколѣній Средней Азіи есть пѣсни о предкахъ.

Въ Монголіи до монголовъ господствовали одинъ послѣ другого два крупныхъ народа—кидане и уйгуры; въ тюркскихъ и монгольскихъ сказкахъ Средней Азіи нерѣдко встрѣчаются имена Кидань, Кодонь, Адынъ, Хадынъ; кромѣ того, къ тому же старинному имени, можетъ быть, слѣдуетъ отнести и часть тѣхъ случаевъ, когда въ сказкѣ (собственно съ миеологическимъ характеромъ) появляются формы „китайскій хань“ или даже „китаецъ“ (по-монгольски китань, во множественномъ „китатъ“). Всѣ эти сказки, можетъ быть, были въ связи съ преданіями киданьскаго народа о его предкахъ.

Что былъ эпонимъ и у уйгуровъ ²⁾, объ этомъ свидѣлствуетъ существованіе у якутовъ одного божества, котораго они называютъ Уйгурь-тоёнъ ³⁾. Объ этомъ Уйгурь-хань, вѣроятно, была легенда и, можетъ быть, варианты ея еще найдутся у якутовъ. Впрочемъ можно, кажется, и не ожидая открытія въ якутскихъ сказкахъ, сказать, какъ начинался одинъ изъ древнихъ вариантовъ этой легенды. Китайскія лѣтописи сохранили начало пре-

¹⁾ Тамъ же, стр. 125.

²⁾ Это имя писалось и провозносилось различно: уйгурь, хойхорь, ойхорь, югурь, югурь; одно тюркское племя, сохранившееся въ ущельяхъ хребта Нань-шаня между меридианами городовъ Гань-чжеу и Су-чжеу, называетъ себя ёгурами. Ёгуры дѣлятся на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ говоритъ монгольскимъ языкомъ, другой тюркскимъ; по-монгольски говорящіе ёгуры называются шира-ёгуры, „желтые ёгуры“; по-тюркски говорящіе носятъ имя хара-ёгуры, „черные ёгуры“. Эти-то ёгуры, вѣроятно, и являются подъ именемъ Сарыгъ-уйгурь въ сочиненіи Тарихи-рашиди (Григорьевъ, Землевод. Азіи, Восточный Туркестанъ, стр. 263). Англійскій путешественникъ Шау, будучи въ Кашгарѣ, слышалъ тоже, вѣроятно, это имя въ формѣ Сарыгъ-айгурь (соловей-жеребецъ), и относитъ его къ ю.-в. отъ Лобъ-нора.

³⁾ „Извѣстія Восточно-сиб. Отдѣла Геогр. Общ.“, т. XV (1885), № 3—4, стр. 60.

данія объ уйгурскихъ (гао-гюйскихъ) предкахъ. У хуннускаго хана было двѣ дочери чрезвычайной красоты; вельможи считали ихъ богинями; отецъ не захотѣлъ ихъ выдавать замужъ; онъ посвятилъ ихъ небу, построилъ внѣ города высокій теремъ и заключилъ въ него своихъ дочерей, прося небо принять ихъ. По прошествіи трехъ лѣтъ явился волкъ, устроилъ себѣ подъ теремомъ нору и началъ выть. Младшая сестра вышла за него замужъ и родила сына. Потомки ея поэтому любятъ протяжныя пѣсни или воютъ подобно волгамъ ¹⁾. Могли имѣть подобныя легенды и хазары о своемъ предкѣ Хазарѣ. Но тогда спрашивается: если Гэсэръ есть одинъ изъ синонимовъ имени хазарь, то чѣмъ объяснить существованіе сказаній о Гэсэрѣ въ Средней Азіи, зная, что исторія Средней Азіи не представляетъ ни одного народа, ни большого, ни малаго, съ этимъ именемъ?

Если хазары звали себя иначе, а не хазарами, то былинный богатырь Казарь не могъ быть эпонимомъ этого народа. Тогда все-таки остается связь этого имени съ титуломъ Хазарь-хагана. Рашидъ-эдинъ даетъ имени Хасарь значеніе „левъ“. Не были ли чѣмъ-то въ родѣ волжскихъ хазарь-хагановъ тяньшанскіе арсланъ-ханы? У того же Рашидъ-эдина они называются арсланъ-сартактай. Можетъ быть, въ Средней Азіи были такіе, снабженные легендами, бродячіе титулы въ родѣ арсланъ-ханъ ²⁾, чингисъ-ханъ, гуръ-ханъ (Рашидъ-эдинъ это имя приравниваетъ къ имени Чингисъ-ханъ), хазарь-хаганъ; выдающіяся лица могли присвоивать такія имена изъ тщеславія или, вѣрнѣе, самъ народъ придавалъ ихъ тѣмъ лицамъ, которыхъ почиталъ. Къ этому обычаю могла вести также вѣра, что съ извѣстнымъ именемъ соединена благодѣтельная сила.

Собраніе свѣдѣній, какъ и откуда взялись титулы современныхъ князей и регеновъ Монголіи, можетъ быть, прольетъ свѣтъ на этотъ вопросъ.

Г. Потанинъ.

¹⁾ О. Іакинъ, „Собраніе свѣден. о народ. Средн. Азіи“, ч. I, стр. 248. Киргизы объясняютъ монотонное пѣніе монголовъ слѣдующей легендой. Монголы услышали, что киргизы умѣютъ хорошо пѣть пѣсни и захотѣли перенять это искусство. Они отправились въ то мѣсто, гдѣ знали, стоитъ киргизскій аулъ. Но аулъ какъ разъ въ это время скочевалъ съ того мѣста; осталась одна старая собака, которая не могла уйти за народомъ; съ голоду она выла. Монголы подумали, что это поютъ киргизы, и влучились у собаки. Отъ этого ихъ пѣсни и похожи на вой.

²⁾ Объ арсланъ-ханахъ можно прочесть у Григорьева, „Восточный Туркестанъ“ (Землеустройство Азіи, Риттера); в. 2, стр. 204, 269—275; интересны замѣтки Григорьева о царскихъ престолахъ и коронахъ туркестанскихъ царьковъ (стр. 105—109).

СЕКРЕТАРЬ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

О Ч Е Р К Ъ .

I.

— Такъ вотъ-съ, видите ли, почтеннѣйшій Владиміръ Сергѣичъ,—всѣ эти разрозненныя свѣденія, заключенныя въ безчисленныя обложки и запечатлѣнныя внушительными нумерами, надобно собрать, систематизировать, разсорттировать и обработать. Я долженъ вамъ сказать, что, благодаря неусыпной энергіи и замѣчательному искусству Антона Петровича, мы уже половину дѣла сдѣлали. Самое трудное тутъ было—проложить путь, и этотъ путь проложенъ. Ахъ, вы не можете себѣ представить, до какой степени я былъ безпомощенъ до появленія на моемъ горизонтѣ Антона Петровича! А впрочемъ, говоря по совѣсти и, конечно, *entre nous*, все это глубочайшая ерунда и до тошноты надоѣло мнѣ...

Говоря это, мой патронъ съ необычайною нервностью вертѣлся на своемъ дубовомъ креслѣ, спинка котораго была слишкомъ низка, а перила слишкомъ высоки. Было очевидно, что въ креслѣ этомъ онъ чувствовалъ себя крайне неудобно. Его маленькія ножки висѣли, не доставая до полу, и напрасно искали опоры; локтямъ было слишкомъ высоко опираться на перила. Я старался слушать его внимательно, но это мнѣ мало удавалось. Это уже былъ пятый день, что я привыкалъ къ нему, и никакъ не могъ привыкнуть. Этотъ маленький человѣчекъ, немного раз-

давшійся въ ширь, съ небольшимъ брюшкомъ, походившимъ скорѣе на опухоль, съ лицомъ землистаго цвѣта, съ жиденькой бѣлобрысой козлиной бородкой и ничтожными усиками, съ умными блестящими быстрыми глазами, съ большимъ лбомъ и съ густыми волосами, падавшими на лобъ, былъ для меня сфинксомъ. Когда онъ длинно и основательно говорилъ о „разработкѣ матеріала“, для которой собственно я былъ призванъ, мнѣ всегда казалось, что онъ шутитъ или потѣшается надъ какимъ-то третьимъ отсутствующимъ лицомъ. На этотъ разъ, какъ и всегда, его серьезная рѣчь сопровождалась саркастической улыбкой, а къ оберткамъ „дѣлъ“ онъ прикасался двумя пальцами съ такой гадливостью, словно подъ этими обертками скрывались не „свѣденія о числѣ засѣданій чертопультской городской думы въ 187* году“, а цѣлое гнѣздо грязныхъ насѣкомыхъ.

Мы сидѣли съ нимъ уже часа два. Я почти все время молчалъ, ограничиваясь только репликами. Зато онъ говорилъ безъ конца. По крайней мѣрѣ, двадцать разъ онъ начиналъ говорить о „разработкѣ матеріала“, но сейчасъ же сбивался на жалобу, что ему это надоѣло, хватался за голову, которую непрерывно мучила мигрень.

— Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ я все это бросилъ бы, нѣтъ, не бросилъ бы, а швырнулъ бы, и умчался куда-нибудь на лоно природы, на зеленую травку, гдѣ бродятъ овцы, коровы, лошади, свиньи, и нѣтъ ни коллежскихъ, ни статскихъ, ни тайныхъ совѣтниковъ... о!...— И онъ дѣйствительно швырять въ сторону нѣсколько подвернувшихся ему обертокъ, соскакивалъ съ своего высокаго кресла и начиналъ бѣгать по комнатѣ. Онъ подбѣгалъ къ огромному шкафу и порывисто раскрывалъ настежь обѣ дверцы.

— Знаете ли вы, сколько здѣсь книгъ и что это за книги? Пятнадцать лѣтъ я самымъ тщательнѣйшимъ образомъ собираю эти сокровища, я люблю ихъ—и можете себѣ представить, что за пятнадцать лѣтъ я не прочиталъ ни одной изъ этихъ книгъ! Какъ вамъ это понравится?

— Да-съ,—продолжалъ онъ послѣ молчанія:—такъ мы остановились на мѣщанахъ города Псовска. Надо вамъ знать...—онъ опять забирался въ кресло и опять теребилъ какое-нибудь занумерованное дѣло. Но теребилъ онъ его совершенно напрасно, потому что больше двухъ минутъ ему не удавалось говорить о дѣлѣ. Вотъ онъ уже рассказывалъ мнѣ анекдотъ о какомъ-то сенаторѣ, который, по престарѣлости своей, не могъ взобраться въ залъ засѣданій и его несли по лѣстницѣ секретари. И онъ

отъ души смѣялся своему анекдоту, но вдругъ прерывалъ смѣхъ и торопливо хватался за бумаги, извинялся и опять начиналъ исторію о псовскихъ мѣщанахъ.

Горничная принесла свѣчи и чай.

— Батюшки, какъ уже повдно! — спохватился мой хозяинъ, — а мы еще ровно ни до чего не договорились. Но, я думаю, вы уже понимаете, въ чемъ дѣло!..

Я понималъ это довольно смутно. Антонъ Петровичъ Куницынъ, тотъ самый, который „направилъ дѣло на путь“ и вывелъ моего патрона изъ безпомощнаго состоянія, сказалъ мнѣ просто, что есть работа и что у этой работы есть два преимущества передъ всѣми другими: первое — она отлично оплачивается, второе — она ни къ чему не приведетъ и, вѣроятно, никогда не кончится.

— Тутъ дѣло вотъ въ чемъ, — пояснилъ мнѣ еще Куницынъ: — въ нѣкоторомъ году и въ нѣкоторомъ мѣстѣ нѣкій сановникъ произвелъ ревизію и привезъ оттуда въ Петербургъ три вагона матеріалу. Вотъ эти-то три вагона и предназначены для того, чтобы прокормить васъ болѣе или менѣе продолжительное время.

Однимъ словомъ, рекомендуя меня, Куницынъ руководствовался не пригодностью моей особы для дѣла, а единственно желаніемъ дать мнѣ, своему пріятелю, кормъ. Знакомство мое съ Николаемъ Алексѣевичемъ Погонкинымъ, моимъ теперешнимъ патрономъ, состоялось у Здыбаевскихъ, у которыхъ я бывалъ, правда, не часто, но все-таки это было странно, что я ни разу не встрѣтилъ тамъ Погонкина и даже ничего не слышалъ о немъ. Это показалось мнѣ еще болѣе страннымъ, когда я узналъ, что онъ давній и близкій знакомый Здыбаевскихъ, что старикъ Федоръ Михайловичъ знаетъ его чуть ли не съ пеленокъ. Объяснилось это очень просто: Николай Алексѣевичъ былъ до того заваленъ работой, что выраженіе: „дышать некогда“, которое онъ любилъ употреблять, шло къ нему почти буквально. Все, что онъ дѣлалъ, было ему противно; для всего же того, что ему хотѣлось дѣлать, у него не было времени.

Въ тотъ моментъ, когда Николай Алексѣевичъ въ двадцать-первый разъ ввобрался въ кресло съ самымъ серьезнымъ намѣреніемъ объяснить мнѣ, наконецъ, въ чемъ дѣло, въ передней раздался звонокъ. Погонкинъ нервно подскочилъ на мѣстѣ и затѣмъ откинулся на спинку кресла.

— Всегда такъ, всегда! Чуть займешься серьезно, какая-нибудь дѣловая рожа вваливается къ тебѣ!..

Но черезъ минуту онъ уже сіялъ и торопливо выбирался изъ-за стола на встрѣчу гостю.

— Антонъ Петровичъ! Голубчикъ! Васъ, именно васъ намъ надо! Безъ васъ мы какъ безъ рувъ!—радостно восклицалъ онъ, дѣлая видъ, что раскрываетъ гостю объятія. Но дѣло ограничилось простымъ рукопожатіемъ.

Антонъ Петровичъ вошелъ, остановился на порогѣ и прищурилъ глаза. Поздоровавшись съ хозяиномъ и со мной, онъ снялъ очки и сталъ вытирать ихъ носовымъ платкомъ. Къ необычайной привѣтливости Николая Алексѣевича онъ отнесся довольно сдержанно и даже какъ будто надменно.

Онъ представлялъ полную противоположность Погоньину. Очень высокаго роста, тонкій и прямой, въ изящно сидѣвшей коричневой коротенькой жакеткѣ, въ свѣтломъ галстукѣ, въ безукоризненно бѣломъ высокомъ воротничкѣ, онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, любящаго пофрантить, но въ то же время солиднаго, не допускающаго въ своемъ костюмѣ ничего вульгарнаго. Лицо его, нѣсколько поношенное, съ большимъ лбомъ и красивыми глазами, носило слѣды регулярной работы парикмахера. Но опять-таки и въ этой статьѣ Куницынъ не допускалъ излишествъ. Бородка неопредѣленнаго цвѣта была подстрижена à la Henri IV, небольшіе усики были завиты щипцами, щеки выбриты. Пегустые и недлинные волосы зачесывались вверхъ безъ опредѣленнаго фасона. На привѣтствіе Николая Алексѣевича Куницынъ кисло улыбнулся и сказалъ басомъ, внушительно протягивая слова:

— Всегда готовъ служить вамъ, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ! Но, въ сожалѣнію...

— Что такое — въ сожалѣнію? Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, голубчикъ, безъ всякаго сожалѣнія! Готовы, говорите, служить — вотъ и прекрасно.

— Къ сожалѣнію, я не могу теперь посвящать вамъ столько времени, сколько посвящалъ до сихъ поръ. Даже, если вамъ угодно знать, я расположенъ совсѣмъ отказаться.

— Антонъ Петровичъ! Антонъ Петровичъ!..

И на лицѣ Погоньина изобразился неподдѣльный ужасъ.

— Антонъ Петровичъ!—еще разъ возгласилъ онъ:—за чтѣ же вы хотите погубить меня? За чтѣ?

Николай Алексѣевичъ произнесъ эту фразу съ такой искренностью и при этомъ лицо его приняло такое жалобное выраженіе, что мнѣ сдѣлалось неловко. Но Куницына это нисколько не тронуло. Онъ продолжалъ тѣмъ же строгимъ басомъ, отчеканивая каждое слово:

— Да-съ, поставленъ въ необходимость погубить васъ, Николай Алексѣевичъ. Вамъ извѣстно, что я два мѣсяца тому назадъ сдѣлался кандидатомъ юридическихъ наукъ. Въ настоящее время я имѣлъ честь вступить въ сословіе адвокатовъ и намѣренъ серьезно заняться своей карьерой. Вы должны понять, Николай Алексѣевичъ, что я имѣю право предпочесть живое дѣло адвокатуры безплодному общенію съ господами псовскими мѣщанами.

Антонъ Петровичъ не говорилъ, а упражнялся въ краснорѣчіи. Онъ и смотрѣлъ при этомъ, и жестигулировалъ такимъ образомъ, словно передъ нимъ были не я съ Погонкинымъ, а господа судьи и господа присяжные засѣдатели. Но для Николая Алексѣевича онъ оказался не добрымъ защитникомъ, а безжалостнымъ прокуроромъ. Мой патронъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и поникнувъ головой.

— Да, все это такъ... Конечно, конечно! Съ какой стати вамъ жертвовать собой? Но согласитесь, что мое положеніе дурное. Вѣдь, говоря по совѣсти, я ни бельмеса не смыслю въ этомъ дѣлѣ; я полагаю,—противъ этого вы не станете возражать?

— Противъ этого я дѣйствительно не стану возражать!.. — категорическимъ тономъ отозвался Куницынъ.

— Ну-съ, такъ какъ же мнѣ быть? Вы, по крайней мѣрѣ, не откажите мнѣ въ совѣтѣ! Нельзя же такъ взять да и бросить человѣка въ безпомощномъ состояніи на произволъ судьбы!

— Что касается совѣтовъ, то я готовъ дать вамъ ихъ сколько угодно, ибо это—моя профессія!—шутя сказалъ Куницынъ:—но я не понимаю, зачѣмъ вамъ такъ беспокоиться, когда у васъ есть такой мастеръ на всѣ руки, какъ Владиміръ Сергѣичъ!..

Я до сихъ поръ слушалъ этотъ діалогъ, какъ любопытствующее третье лицо, но такъ какъ теперь рѣчь зашла обо мнѣ, то я подтянулся и приготовился вступить въ разговоръ.

— Я глубоко уважаю Владиміра Сергѣича,—сказалъ Погонкинъ съ изысканно-любезной улыбкой въ мою сторону:—но, говоря по совѣсти, кажется,—мы оба вмѣстѣ понимаемъ въ этомъ дѣлѣ меньше, чѣмъ вашъ мизинецъ!

— Гм... Я давно знаю, что сенатскіе чиновники очень любезные люди!—замѣтилъ Антонъ Петровичъ.—Но если даже и признать справедливость вашего замѣчанія, то дѣло все-таки не такъ безнадежно, какъ вы думаете. Надо помнить, что вы имѣете дѣло съ Владиміромъ Сергѣичемъ, а нѣтъ такого дѣла, въ которомъ Владиміръ Сергѣичъ не приспособился бы самымъ блестящимъ образомъ. Если обстоятельства заставятъ его переплетать книги, могу васъ увѣрить, что черезъ три дня онъ будетъ пре-

восходнымъ переплетчикомъ. Еслибы онъ былъ поставленъ въ необходимость во что бы то ни стало писать стихи, повѣрьте, что его хорей и дактили нисколько не уступали бы пушкинскимъ. Я даже думаю, что еслибы ему сказали: вы должны играть въ оркестръ на тромбонѣ, то онъ, нивогда не бравшій въ руки тромбона, сталъ бы играть на этомъ инструментѣ и дѣла не портилъ бы. Владиміръ Сергѣичъ, это—геній приспособляемости. Можете быть увѣрены, что ежели онъ возьмется за вашу пресловутую статистику, то черезъ недѣлю заткнетъ за поясъ и васъ, и меня.

Рѣшительно Куницынъ былъ рожденъ адвокатомъ. Что касается меня, то я долженъ былъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, которое смягчило бы его рекламу. Отчасти онъ былъ правъ. Я дѣйствительно обладалъ способностью приспособляться къ самымъ разнообразнымъ занятіямъ, очень скоро усвоивая ихъ сущность. Случалось мнѣ и стихи писать, и книги переплетать (на трубѣ играть не пробовалъ), но все это было, разумѣется, далеко отъ совершенства. Мало ли съ чѣмъ ни приходится возиться человѣку безъ опредѣленныхъ занятій, желающему во что бы то ни стало наслаждаться преимуществами Петербурга. Я сказалъ:

— Всему этому можно было бы повѣрить, еслибы не было извѣстно, что вы мой давній пріятель!..

Но Николай Алексѣевичъ повѣрилъ. Онъ уже стоялъ передо мной и смотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ.

— Владиміръ Сергѣичъ! Я надѣюсь на васъ, какъ на каменную гору!—трогательнымъ голосомъ сказалъ онъ, взявъ мою руку и сильно потрясъ ее. Я отвѣтилъ, что приложу всѣ старанія. Николай Алексѣевичъ мгновенно успокоился и уже беззаботнымъ тономъ рассказывалъ какой-то путевой анекдотъ. Онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ сановникомъ на ревизію и въ головѣ его былъ неистощимый запасъ провинціальныхъ курьезовъ, которые служили дополненіемъ въ трехъ вагонахъ матеріаловъ. Такимъ образомъ, я, еще не разобравшій хорошенько, въ чемъ дѣло, получилъ званіе руководителя неизвѣстной мнѣ разработки невѣдомаго мнѣ матеріала.

Николай Алексѣевичъ разошелся и расчувствовался. Онъ трогательно говорилъ о наслажденіи, какое испытываетъ въ бесѣдѣ съ живыми людьми,—что рѣдко выпадало на его долю,—о томъ, что за часъ такой бесѣды онъ охотно отдалъ бы всю свою чиновную карьеру; спрашивалъ, что новаго въ журналахъ, и объяснялся въ любви къ литературѣ. Любовь эта была безнадежна, потому что у него хватало времени лишь на то, чтобы разрѣзывать новую книжку журнала и прочитывать оглавленіе.

Вошелъ плотный, коренастый человѣкъ въ сѣромъ парусиновомъ костюмѣ, съ великолѣпными рыжими баками, съ густыми волосами, подстриженными ежомъ, и съ выпуклыми крупными сѣрыми глазами. Николай Алексѣевичъ бросился въ его сторону и звѣрски наскочилъ на него.

— Что вамъ нужно? Оставьте меня въ покоѣ!.. Дайте мнѣ хоть немножко подышать!..

Вошедшій ни мало не смутился и сказалъ весьма почтительнымъ голосомъ, тыча ему подъ самый носъ какія-то бумажки.

— Тутъ счеты, Николай Алексѣичъ. Бровельщикъ уже три дня ходитъ. Тараканщику за два мѣсяца слѣдуетъ.

— Вотъ-съ, всегда такъ! — обратился къ намъ съ жалобой Погонкинъ: — стоитъ мнѣ только на минуту забыть, какъ этотъ господинъ прилѣзетъ съ своими тараканщиками!.. Это, господа, радости моей жизни... Ну-съ, сколько тутъ?

Онъ вырвалъ счеты изъ рукъ докладчика и швырнулъ ихъ на столъ, даже не взглянувъ въ нихъ.

— Бровельщику 62 руб. 50 коп., а тараканщику 12 рублей. — Погонкинъ подлетѣлъ къ ящику стола, съ грохотомъ выдвинулъ его, порылся, досталъ сторублевую бумажку и бросилъ ее рыжимъ бабенбардамъ.

— Только, пожалуйста, не забудьте принести сдачу, а то вы иногда забываете объ этихъ пустякахъ...

— Мнѣ странно слышать, Николай Алексѣевичъ...

— Ладно. Чего жъ вы торчите? Получили, ну, и убирайтесь!..

— Я еще хотѣлъ доложить, что дворникъ коломенскаго дома второй день пьянствуетъ.

— Поворно васъ благодарю. Кажется, это вы порекомендовали его?

— Прикажете прогнать его?

— Послушайте, Иванъ Ивановичъ! Хотите доставить мнѣ истинное удовольствіе? Такъ прогоните, пожалуйста, не только этого пьянаго дворника, а... ну, хоть и себя самого прогоните!..

Иванъ Ивановичъ на это улыбнулся, какъ человѣкъ, привыкшій къ подобнымъ выходкамъ своего начальника, и скромно вышелъ.

— Какъ? Развѣ вы и коломенскимъ домомъ управляете? — спросилъ Куницынъ.

— Ахъ, голубчикъ, Антонъ Петровичъ! Я всѣмъ управляю, всѣмъ завѣдую, все дѣлаю, на то я секретарь его превосходительства!.. Я не дѣлаю только одного: того, что мнѣ хочется дѣлать и что могло бы доставить мнѣ удовольствіе!..

Это было сказано такимъ жалобнымъ тономъ, что Антонъ Петровичъ почелъ необходимымъ переменить разговоръ.

— Послушайте, Николай Алексѣевичъ, вчера я былъ у Здыбаевскихъ. Ѳедоръ Михайловичъ общалъ мнѣ бутылку стараго товайскаго вина, если я сегодня приведу васъ въ нимъ.

— Антонъ Петровичъ, вы знаете, что я блаженствую, когда бываю у этихъ прекрасныхъ людей, но у меня цѣлая куча дѣлъ. Цѣлая куча, Антонъ Петровичъ!..

— Наплюйте на нее!..

— Да, легко сказать—наплюйте! Во вторникъ его превосходительство будетъ докладывать дѣло по ходатайству города Бруева о разрѣшеніи установить налогъ на каждую пару сапогъ, носимыхъ обывателями. Я долженъ написать докладъ. Въ среду его превосходительство читаетъ въ одномъ ученomъ обществѣ рефератъ о томъ, какъ „въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“; я долженъ составить этотъ рефератъ по источникамъ. За симъ-съ я долженъ на этой недѣлѣ представить его превосходительству отчетъ по управленію его тремя домами, изъ коихъ одинъ ремонтируется. Далѣе-съ, я обязанъ рассмотреть переписку по покупкѣ его превосходительствомъ имѣнія въ черниговской губерніи—и отписаться; затѣмъ-съ...

— И наконецъ, — перебилъ его Антонъ Петровичъ, — вы должны зажарить самого себя и собственноручно подать себя на обѣденный столъ его превосходительства, который скушаетъ васъ съ особеннымъ удовольствіемъ!..

— Вотъ именно, именно!.. Вы это удивительно мѣтко опредѣлили, Антонъ Петровичъ, удивительно мѣтко!..

— Но, однакоже, позвольте узнать,—на кой вамъ все это чортъ?

— Я никогда не задавался этимъ вопросомъ!..

— Эхъ, Николай Алексѣевичъ, наберитесь-ка храбрости, наплюйте сегодня на всѣ эти доклады, отчеты и рефераты, одѣньтесь и поѣдьте къ Здыбаевскимъ!

Николай Алексѣевичъ ходилъ по комнатѣ мелкими и частыми шажками, очевидно, сильно взволнованный. Вдругъ онъ подошелъ къ стѣнѣ у кровати и рѣшительнымъ движеніемъ крѣпко надавилъ пуговицу воздушнаго звонка. Черезъ двѣ секунды прибѣжала горничная.

— Одѣваться мнѣ и никого не принимать. Меня нѣтъ дома!.. —отрывисто приказалъ онъ.—Ну-съ, Антонъ Петровичъ, я плюю, къ вашему удовольствію. Надо, въ самомъ дѣлѣ, хоть чуточку пожить для себя. Вѣдь я же имѣю на это право!

— То-то и есть. Одобряю!—замѣтилъ Куницынъ. Принесли черную пару. Николай Алексѣвичъ съ лихорадочною поспѣшностью снималъ съ себя домашній костюмъ и облачался въ парадный, предварительно извинившись передъ нами. Вотъ онъ уже натянулъ сюртукъ и ищетъ гребенку, чтобы причесаться.

— Я готовъ, господа, я сію минуту. Спасибо вамъ, Антонъ Петровичъ, за хорошую мысль... Въ самомъ дѣлѣ, надо освѣжиться, провѣтриться. Вѣдь этакъ и въ правду записнешь, заплесневѣешь, отупѣешь въ конецъ. Эка важность—доклады, рефераты! Подождутъ вѣдь! Правда, Антонъ Петровичъ?

— Совершенная истина, Николай Алексѣвичъ! — поощрительно сказалъ Куницынъ.

— Да и что въ самомъ дѣлѣ!?. Что за генеральство, чортъ возьми!—уже окончательно раскохлился нашъ хозяинъ.—Положимъ, я его секретарь и домоправитель, я получаю за это жалованье и квартиру, а также облегченіе въ прохожденіи чиновныхъ ступеней. Отлично! Но я никогда не слышалъ, чтобы секретари писали ученые рефераты. Вы слышали когда-нибудь, Антонъ Петровичъ? А вы, Владиміръ Сергѣвичъ, слышали? Это значитъ быть ученымъ за своего патрона! Понимаете, я буду рыться по источникамъ, а онъ съ великой серьезностью прочитаетъ о томъ, какъ „въ старину жилали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“, и ему будутъ аплодировать!.. Нѣтъ, я завтра же объявлю ему, что желаю точно придерживаться своихъ титуловъ: секретарь и домоправитель, и только. И никакихъ рефератовъ!.. Ну-съ, господа, я готовъ и къ вашимъ услугамъ!..

Онъ былъ чрезвычайно оживленъ и подвиженъ, а черный сюртукъ, который былъ хорошо спитъ и отлично сидѣлъ на немъ, придавалъ ему нѣкоторую торжественность. Послѣ того какъ за десять минутъ передъ этимъ я видѣлъ его брюзгой—въ широкомъ костюмѣ, въ некрахмаленной сорочкѣ, въ мягкихъ туфляхъ, онъ производилъ теперь пріятное впечатлѣніе чловека, послѣ долгихъ колебаній на что-то рѣшившагося. Это сознаніе радовало и воодушевляло и его самого, придавало здоровый румянецъ его щекамъ и блескъ его глазамъ.

Онъ взялъ въ руки шляпу; мы поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Знаете, я просто люблюсь вами, Николай Алексѣвичъ!—сказалъ ему Куницынъ:—вы совсѣмъ другой чловекъ!

— Да вѣдь это и есть моя природа!.. Таковъ я всегда былъ во время оно. Ыдемте, господа, ѣдемте!..

Мы всѣ трое направились къ дверямъ. Но едва мы сдѣлали

по три шага, какъ раздался пронзительный звонъ. Кто-то требовалъ Николая Алексѣевича въ телефону.

— Чортъ возьми! что имъ надо отъ меня?—раздраженно воскликнулъ Погонькинъ и подбѣжалъ къ телефону. — Кто звонить?—сердито крикнулъ онъ и приложилъ трубочку къ уху. Ему что-то отвѣтили.

— Да, это я. А вы... вы... Ахъ, это вы, ваше превосходительство?! Мое почтеніе!..

Тонъ его мгновенно перемѣнился и сдѣлался мягкимъ и почтительнымъ. Онъ привѣтливо улыбнулся, раза два вивнулъ головой, какъ бы кланяясь невидимому его превосходительству, и даже шаркнулъ ножкой. Антонъ Петровичъ подмигнулъ мнѣ въ его сторону: наблюдай, моль!

Николай Алексѣевичъ опять послушалъ въ трубочку.

— Да, да, я уже приступилъ къ работѣ, ваше превосходительство, я изучаю источники!..

Опять внимательное молчаніе.

— Завтра въ семь часовъ вечера?

Молчаніе.

— Боюсь, что не успѣю, ваше превосходительство!

Продолжительное молчаніе, прерываемое отрывистыми и невнятными: „да, да!“ „очень хорошо!“ „разумѣется!“

— Если вы настаиваете, то я, конечно, приложу всѣ старанія, буду работать всю ночь и на службу не поѣду!.. Спокойной ночи, ваше превосходительство!—За этимъ послѣдовалъ поклонъ и короткій звонокъ.

— Ну-съ, вы кончили, Николай Алексѣевичъ? Такъ ѣдемъ!—сказалъ Куніцынъ.

Николай Алексѣевичъ молча два раза прошелся по комнатѣ, потомъ остановился.

— Нѣтъ, господа, извините! Я не могу ѣхать. Я сейчасъ долженъ засѣсть за рефератъ. Онъ завтра хочетъ выслушать его и сдѣлать свои замѣчанія.

Все его оживленіе, вся энергія, выражавшаяся въ его глазахъ, исчезли безслѣдно. Лицо сдѣлалось желтымъ и дряблымъ. Не стало живого, умнаго, симпатичнаго человѣка; опять передъ нами былъ секретарь его превосходительства.

— Не могу, господа, не могу! Извините!—еще разъ повторилъ онъ.—Передайте, пожалуйста, мой сердечный привѣтъ добрѣйшему Федору Михайловичу, Елизаветѣ Федоровнѣ и Сереженькѣ!..

Мы молча пожали ему руку и вышли.

II.

Ровно недѣлю я употребилъ на то, чтобы „овладѣть методом“. На восьмой день я уже сидѣлъ въ такъ-называемой „канцеляріи“, съ видомъ человѣка, съѣвшаго собаку въ статистиѣ (такъ какъ это называлось у насъ статистикой), и самымъ авторитетнымъ тономъ дѣлалъ указанія и вносилъ поправки въ систему, выработанную Антономъ Петровичемъ.

Можетъ быть, съ моей стороны это было немалымъ нахальствомъ. Признаюсь, что никогда въ жизни я не занимался статистикой. Я наскоро подчиталъ кое-что подходящее, по указанію Антона Петровича, бѣгло окинулъ взоромъ шкафы съ трехвагоннымъ матеріаломъ, и въ головѣ моей составилось нѣчто цѣльное, опредѣленное и до невѣроятія смѣлое. Когда я изложилъ Николаю Алексѣевичу „свою“ систему, онъ остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Дѣйствительно, вы геній приспособляемости!—воскликнулъ онъ, выскочивъ изъ-за стола, за которымъ онъ сидѣлъ въ своемъ неизмѣнномъ дубовомъ креслѣ.—Знаете чтѣ? Я совершенно передаю вамъ это дѣло, совершенно. Дѣлайте чтѣ хотите, требуйте чтѣ нужно! я только исполнитель вашихъ предначертаній и платильщикъ!

Такое необычайное довѣріе доказывало, что Погонкинъ былъ дилеттантъ еще болѣе глубокой, чѣмъ я, хотя это и трудно было представить. Въ моей системѣ его подкупила стройность и законченность, и онъ вообразилъ, что я въ самомъ дѣлѣ основательно изучилъ его три вагона и въ то же время вооружился солидными знаніями по теоріи статистики. Ничего этого, разумеется, не могло быть. Все дѣло заключалось въ особой способности моего ума—никогда ни въ чемъ не терпѣть пробѣловъ. Когда я чего-нибудь не знаю, я замѣщаю пустое мѣсто чѣмъ-нибудь подходящимъ изъ того, чтѣ я знаю; когда я, благодаря недостаточной подготовкѣ, чего-нибудь не понимаю, я его просто выбрасываю. Но, въ концѣ концовъ, я такъ ловко и искусно сведу концы съ концами, что получается нѣчто правдоподобное. Я сдѣлался полнымъ хозяиномъ „канцеляріи“. Это была очень длинная комната, всѣ стѣны которой были превращены въ шкафы, а полки этихъ шкафовъ были завалены „матеріаломъ“ въ видѣ безконечнаго множества „дѣлъ“, „свѣденій“, „записокъ“, „вѣдомостей“ и т. п. Во всю длину комнаты по срединѣ ея тянулся столъ, накрытый зеленой клеенкой; на столѣ лежали въ несмѣт-

номъ количествѣ письменныя принадлежности: чернильницы, ручки, перья, карандаши, кипы бумаги, линейки, даже циркуль. Все это указывало на то, что моя скромная и тихая работа служить только преддверіемъ къ чему-то грандіозному, долженствующему поглотить всю эту массу „принадлежностей“.

И дѣйствительно, когда я раскрывалъ шкафы, изъ которыхъ на меня внушительно смотрѣли необъятныя горы бумажнаго матеріала, я чувствовалъ себя мизернымъ со всей своей стройной и законченной системой. Роясь одиноко въ этой громадѣ, я подходилъ на муху, мечтающую съѣсть сахарную голову.

„Канцелярія“ сдѣлалась моимъ храмомъ, а я—ея единственнымъ посвященнымъ жрецомъ. По крайней мѣрѣ, входъ въ нее былъ доступенъ далеко не всякому смертному. Самъ Николай Алексѣевичъ, прежде чѣмъ войти въ нее, стучался въ дверь и спрашивалъ позволенія. Оня, носившая намъ чай, чуть слышно отворяла дверь и входила на цыпочкахъ. Единственный человѣкъ, пользовавшійся правомъ свободнаго входа сюда, это Иванъ Ивановичъ. Мало этого, онъ даже былъ хранителемъ ключей какъ отъ самой канцелярія, такъ и отъ шкафовъ и отъ ящиковъ стола.

Съ Иваномъ Ивановичемъ я познакомился при довольно торжественной обстановкѣ. Это было еще въ періодъ созрѣванія моей системы, когда я ходилъ по канцелярія и съ недоумѣніемъ посматривалъ на грандіозныя шкафы, рѣшительно не зная, чтѣ я буду дѣлать съ ихъ содержимымъ. Въ одну изъ минутъ моей глубокой задумчивости вошелъ Николай Алексѣевичъ, а вслѣдъ за нимъ почтительно и сдержанно вступилъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ-съ, Владиміръ Сергѣичъ, позвольте вамъ представить этого человѣка!—сказалъ Николай Алексѣевичъ:—это Иванъ Ивановичъ, который все знаетъ и все можетъ. Ему достовѣрно извѣстно, гдѣ, въ какой именно щелочкѣ лежитъ такая-то вѣдомость; его голова—справочный ящикъ по этой части и по всякой другой части! Онъ весь въ вашихъ услугахъ!

Я пожалъ увѣсистую и потную руку Ивана Ивановича, фамилію котораго, вѣроятно, считали несущественной для дѣла и поэтому совсѣмъ не назвали ее. Онъ для перваго знакомства не сказалъ ни слова, держался вообще мѣшквато и стѣсненно, и скоро исчезъ. Сейчасъ же по уходѣ его Николай Алексѣевичъ прибавилъ мнѣ конфиденціально:

— Съ нимъ надо вести себя осторожно. Жуликъ первой руки! Хотя эта вторая рекомендація явно противорѣчила первой, но я не возбуждалъ объ этомъ вопроса.

Черезъ четверть часа Иванъ Ивановичъ вернулся. Онъ былъ

въ своеобразномъ востюмѣ: въ синей рубашкѣ на-выпускъ, под-
поясанной ремнемъ, а поверхъ прикрытой сѣрымъ пиджакомъ.

— Можеть быть, желаете ознакомиться, гдѣ что лежитъ?—
почтительно спросилъ онъ меня. Я пожелалъ. Онъ вынулъ изъ
кармана связку ключей и отперъ поочередно всѣ шкафы.

— Вотъ здѣсь покоятся мѣщане!—сказалъ онъ безъ всякой
прони.—Его превосходительство очень много привезли мѣщан-
скаго матеріалу, потому въ этихъ паршивыхъ городахъ почти
никого и нѣтъ, кромѣ мѣщанъ. Вотъ тутъ—касательно город-
скихъ думъ. Здѣсь—насчетъ сиротскихъ судовъ. Большею частью
я собственноручно принималъ всѣ дѣла и въ реестръ вносилъ;
потому и знаю хорошо.

— Какъ? Развѣ и вы ѣздили на ревнаію?

— А какъ же? При его превосходительствѣ состояли—Ни-
колай Алексѣевичъ и я... Но собственно, большею частью, я-то и
производилъ ревизію. Зайдешь, бывало, въ какую-нибудь реме-
сленную управу въ городѣ Неплюйскѣ, и сейчасъ: покажите тѣ!
покажите другое. Такъ тебѣ все и вываливаютъ. Я вамъ скажу:
еслибъ кто захотѣлъ, заработать могъ бы на всю жизнь! Мнѣ,
напримѣръ, дають дѣла сиротскаго суда (его превосходительство
приказали всюду снимать для насъ копии со всѣхъ дѣлъ). Вижу
я—озаглавлено: „Объ опека надъ имуществомъ такой-то умали-
шенной“. Ужъ можете быть покойны, что тутъ дѣло нечисто.
Сейчасъ вы: пожалуйста подлинное для свѣрки. Вотъ тутъ-то и
есть самый моментъ. Подлинное-то на кошку даже вовсе не по-
хоже... На этомъ можно было сильно заработать...

Я не рѣшился по первому знакомству спросить, заработалъ
ли онъ на этомъ. Но надо думать, что это было такъ, потому
что очень ужъ онъ увѣренно говорилъ объ этомъ. Не успѣли мы
съ нимъ хорошенько разговориться, какъ зычный звонокъ, про-
веденный сюда изъ кабинета Николая Алексѣевича, отнял у меня
собесѣдника. Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ ужасную гримасу и за-
крылъ уши.

— Можете себѣ представить, что я каждая пять минутъ
слышу этотъ звонокъ и не только на яву, а даже во снѣ!—съ
досадою промолвилъ Иванъ Ивановичъ и помчался въ кабинетъ.

Дѣйствительно, звонки Николая Алексѣевича преслѣдовали его
въ каждомъ шагу. Они какъ бы слѣдили за нимъ, шпионили и
жовили его. Звонки изъ кабинета Погонкина были проведены всюду,
какъ во всѣ комнаты его собственной квартиры, такъ и въ квар-
тиру Ивана Ивановича.

Черезъ двѣ минуты Иванъ Ивановичъ вернулся.

— Изволите видѣть, онъ никакъ не могъ припомнить, какого числа нанять дворникъ Яковъ, такъ я долженъ былъ ъбъ-жать къ нему и докладывать...—объяснялъ мнѣ Иванъ Ивановичъ: —Повѣрите ли, отъ этихъ звонковъ мнѣ житья нѣтъ. Вотъ это онъ сидитъ, корпится надъ бумагой, вдругъ ему придетъ въ голову: сколько я заплатилъ извозчику, который вчера привезъ его со службы? Сейчасъ подбѣгаетъ къ стѣнѣ, а въ стѣнѣ у него, можетъ вы замѣтили, цѣлая дюжина вѣночекъ. Придавить одну—нѣтъ, другую—нѣтъ, третью, четвертую, хоть всѣ двѣнадцать: которая-нибудь таки меня гдѣ-нибудь отыщетъ. Знаете, иной разъ онъ до того запишется въ какомъ-нибудь докладѣ, что уже самъ не знаетъ, что говорить. Одинъ разъ онъ этакъ позвалъ меня звонкомъ—я прибѣгъ. Вижу, стоитъ посреди комнаты и лобъ третъ. —Чтo прикажете, Николай Алексѣевичъ? — „Ахъ, говоритъ, Иванъ Ивановичъ, не помните ли вы, чтo я такое сейчасъ думалъ? Чтo-то очень важное, а припомнить не могу!“ Можете себѣ представить?! Я посмотрѣлъ на него и думаю: надо что-нибудь сказать; и говорю:—Вы, говорю, Николай Алексѣевичъ, ни о чемъ не думали, это вамъ показалось. Ну, разсмѣялись оба.

Иванъ Ивановичъ съ каждой минутой все дѣлался словоохотливѣе. Онъ уже понизилъ голосъ, раза два оглянулся на дверь и придвинулся ко мнѣ поближе. Изъ этого я заключилъ, что сообщенія его будутъ конфиденціальны.

— И изъ-за чего человекъ мучается? Просто невозможно понять! Возьмите вы это: одинокій, жалованья по службѣ получаетъ до трехъ тысячъ; какъ бы, жить бы только въ свое удовольствіе. А онъ, подите вы! Его превосходительство, Константинъ Александровичъ, прямо вамъ скажу, кровь изъ него высасываетъ. Вѣдь онъ ему все дѣлаетъ, все какъ есть, а тотъ сидитъ себѣ въ своихъ палатахъ, балы задаетъ, чины да ордена получаетъ. Чего ради, я васъ спрашиваю? День и ночь, день и ночь на него работаетъ... А за это получаетъ квартиру, да сто рублей въ мѣсяцъ деньгами, да меня на придачу...

Его опять потревожилъ звонокъ. На этотъ разъ онъ сидѣлъ въ кабинетѣ дольше, а вернувшись, объяснилъ, что тамъ неизвѣстно куда запропастилось какое-то „дѣло“ и онъ искалъ его подъ столомъ и подъ диваномъ.

— А его превосходительство богатъ какъ жидъ,—продолжалъ онъ прежнимъ конфиденціальнымъ тономъ:—три дома у него здѣсь, да два имѣнья, одно въ московской, другое въ новгородской, съ лѣсами, съ охотой.

— А вы у него служите?—спросилъ я, желая уяснить себѣ роль этого человѣка.

— Я былъ у него сначала по письменной части, потому какъ я изъ военныхъ писарей и почеркъ хорошій имѣю... Ну, а потомъ данъ Николаю Алексѣевичу какъ бы въ помощники. И ужь тутъ я и самъ не разберу, чтѣ я такое. Прямо на всѣ руки. Одинъ разъ дворникъ запынствовалъ, такъ меня цѣлыхъ двадцать часовъ дворничью службу нести заставили.

Получивъ эти важныя сообщенія, я уже нѣсколько яснѣе представлялъ себѣ отношенія, связывавшія Николая Алексѣевича, Ивана Иваныча и его превосходительство.

Я выбралъ ближайшее воскресенье для того, чтобы поговорить съ моимъ патрономъ о дѣлѣ. Мнѣ нужно было выхлопотать себѣ помощника, отчасти потому, что въ самомъ дѣлѣ одному нельзя было справиться съ такимъ обширнымъ дѣломъ, да и потому еще, что у меня былъ пріятель, тоже человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, а въ данное время даже безъ всякихъ занятій.

Я пошелъ съ утра, рассчитывая, что въ праздничное утро застану моего патрона свободнымъ.

Но когда я вошелъ въ кабинетъ, я встрѣтилъ тамъ цѣлую толпу народа. Это были рабочіе по ремонту дома его превосходительства. Николай Алексѣевичъ производилъ имъ расчетъ. Съ каждымъ онъ велъ особые переговоры, читалъ нотацію за небрежность, пытался оштрафовать, сдѣлать вычетъ, выслушивалъ возраженія и платилъ. Каждую минуту онъ раздражался, вскакивалъ съ мѣста, швырялъ счета, вскрикивалъ, брался за голову и просилъ всѣхъ провалиться съвозъ землю. Но рабочіе не обращали на это вниманія и тянули свою линію.

— А, вотъ это для васъ еще новость!—обратился онъ ко мнѣ, пожимая мою руку:—это устроено собственно съ той цѣлью, чтобы свести меня съ ума. Понимаете, я говорилъ, я доказывалъ его превосходительству, я настаивалъ, чтобы производить ремонтъ подряднымъ способомъ. Тогда я зналъ бы одного подрядчика. Такъ нѣтъ, изволили не согласиться, а теперь я долженъ возиться съ каждымъ рабочимъ. Знаете, я, вѣжета, все это брошу, ей-Богу брошу!— Это была угроза, которую я отъ него слышалъ каждый день по всевозможнымъ поводамъ, а Иванъ Иванычъ слышалъ ее уже пять лѣтъ. Разумѣется, ей не суждено было осуществиться.

Рабочіе рассчитывались до двѣнадцати часовъ. Тутъ сказали, что поданъ завтракъ; мы вышли въ столовую. Но завтракать пришлось мнѣ одному. Едва Николай Алексѣевичъ взялъ въ руки

ножъ и вилку и прицѣлился рѣзать бифштексъ, какъ пришелъ жилецъ изъ коломенскаго дома съ жалобой на старшаго дворника, который выдаетъ мало дровъ, потому что воруетъ ихъ себѣ. Поголкинъ принялся разбирать жалобу, причемъ предварительно пустилъ во всѣ концы звонки для того, чтобы изловить Ивана Иваныча, который долженъ былъ обзавестись во всемъ виноватымъ.

— Ахъ, голубчикъ, извините, я васъ оставилъ одного!—воскликнулъ онъ, съ отвращеніемъ разрѣзывая совершенно застывшее мясо. Сколько я замѣтилъ, онъ никогда не ѣлъ ни одного кушанья въ надлежащемъ видѣ. Все переставалось и пріобрѣтало отталкивающій видъ, въ ожиданіи, пока онъ покончитъ съ какимъ-нибудь внезапно нагрянувшимъ дѣломъ. — Ну, расскажите-ка, чтѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ? Я уже ровно двѣ недѣли не читаю газетъ. Этотъ ремонтъ отнимаетъ у меня остатокъ моего времени.

Я сообщилъ ему, что вчера былъ въ концертѣ и слышалъ девятую симфонію Бетховена.

— Боже мой!—съ искреннимъ чувствомъ проговорилъ онъ: —а вѣдь я мечталъ объ этой симфоніи! Неужели это было вчера? У меня и билетъ есть, я за двѣ недѣли купилъ его, но совершенно выпустилъ изъ виду! — Онъ началъ говорить о музыкѣ. Оказалось, что онъ страстный любитель ея, но живетъ по этой части одними воспоминаніями. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ еще студентомъ, онъ, по его выраженію, „дневалъ и ночевалъ“ „въ коробѣ“ Большаго театра, слушая итальянскихъ знаменитостей. Онъ слышалъ Патти, но не выносилъ ее за ея холодность и деревянность.

— Мнѣ ее напоминаетъ вотъ этотъ противный бифштексъ, въ которомъ столько же чувства, сколько у нея!—говорилъ онъ.

Шедѣвромъ оперной музыки онъ считалъ квартетъ изъ „Риголетто“ и когда онъ сообщалъ мнѣ объ этомъ, то старался изобразить кое-что изъ партіи Джильды. Высшимъ произведеніемъ симфоническаго жанра онъ считалъ 9-ю симфонію Бетховена, ту самую, на которую онъ вчера не пошелъ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ всего два раза нашелъ время сходить въ оперу, причемъ оба раза попалъ на Вагнера и былъ ужасно недоволенъ, потому что не слышалъ ничего похожаго на квартетъ изъ „Риголетто“. Но въ его сердцѣ всегда оставался уголокъ, отведенный музыкѣ, и любовь свою къ ней онъ выражалъ тѣмъ, что покупалъ черезъ Ивана Иваныча билеты на всѣ выдающіеся концерты, обязательно абонировался на симфоническія собранія, и никогда нигде не ходилъ.

— Знаете, это что-то роковое!—воскликала онъ:—въ день концерта, въ самый моментъ, когда надо ѣхать въ театръ, непременно свалится на мою голову какое-нибудь спѣшное, неотложное дѣло, и я остаюсь... Иногда прямо плакать хочется, а ничего не подѣлаешь!..

Быль уже третій часъ. Я, наконецъ, нашелъ необходимымъ заговорить съ нимъ о дѣлѣ.

— У меня есть къ вамъ дѣло, Николай Алексѣевичъ!—перебилъ я его почти въ самомъ разгарѣ музыкальныхъ восторговъ.

Онъ съ шутливымъ негодованіемъ положилъ въ тарелку вилку и ножъ и укоризненно закачалъ головой.

— Владиміръ Сергѣичъ! И у васъ, какъ погляжу, нѣтъ жалости ко мнѣ! Ну, что вамъ стоитъ хоть въ воскресенье поболтать со мной о томъ, о семъ, о чемъ угодно, только не о дѣлѣ?!..

Я смутился.—Извольте, Николай Алексѣевичъ, я готовъ забыть о своемъ дѣлѣ... Давайте болтать!..

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Все равно, отъ дѣла въ томъ или другомъ видѣ мнѣ не уйти. Все равно, Иванъ Ивановичъ придетъ, телефонъ прозвонитъ, тараканчикъ прилѣзетъ, ремонтъ, дворникъ, докладъ, рефератъ et cetera, et cetera. Говорите пожалуйста! Я весь, весь къ вашимъ услугамъ!..

— Мнѣ нуженъ помощникъ! одному мнѣ не сдвинуть эту гору!—заявилъ я.

— Гм... Помощникъ?!..

Къ моему удивленію, Николай Алексѣевичъ, несмотря на всю свою необычайную предупредительность, не успѣшилъ выразить согласіе. Онъ оттопырилъ нижнюю губу и забарабанилъ пальцами по столу.

— Помощникъ! Гм... Я вполне раздѣляю это, вполне!—Но и раздѣляя это вполне, онъ продолжалъ обнаруживать нерѣшительность.

— Вы встрѣчаете препятствія?—спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать? Препятствіе особаго рода. Надо вамъ знать, что его превосходительство страшно тугъ на всякій новый расходъ.

— Неужели? Такой богатъ!

— Да, представьте себѣ! Онъ не скупъ, живетъ широко, тратитъ огромныя деньги на приемы и всякія развлечения... Но онъ глубоко убѣжденъ, что это моя обязанность и что все это я долженъ дѣлать одинъ...

— Какъ? И это еще? Да когда же?

— О, онъ объ этомъ не думаетъ... Секретарь—значить, долженъ дѣлать все. Вы не можете себѣ представить, какихъ усилій мнѣ стоило выхлопотать себѣ одного помощника въ лицѣ Антона Петровича, а потомъ васъ! Это, говорить, роскошь; вы, говорить, разбаловались, жирѣть начинаете... Каково? Но во всякомъ случаѣ я на этомъ настою и почти общаю вамъ помощника. У него есть одно большое мѣсто, на которое я въ такихъ случаяхъ и дѣйствую, какъ опытный психологъ.

Я не спрашивалъ, но Николай Алексѣевичъ почувствовалъ потребность подѣлиться со мной своимъ секретомъ.

— Это, конечно, между нами. Надо вамъ знать, что въ то время, какъ мы съ его превосходительствомъ производили ревизію въ однихъ губерніяхъ, другое его превосходительство занималось тѣмъ же въ другихъ губерніяхъ. Мы привезли три вагона плодовъ нашей дѣятельности и думали, что больше уже никому не привезти; а они, можете себѣ представить, взяли да цѣлыхъ четыре привалили. Ну, понимаете, намъ стало досадно. Гдѣ жъ таки! То его превосходительство живетъ чуть ли не однимъ жалованьемъ, а мы почти-что миллионеры. Мы желаемъ, чтобы о насъ говорили больше, чѣмъ о комъ бы то ни было другомъ. Посему мы постановили: перецеголять другое его превосходительство разработкой матеріала. Мы должны наватать тьму-тьмущую разныхъ вѣдомостей и составить отчетище, въ которомъ цифры сидѣли бы одна на другой, смѣлые выводы были бы въ носъ, а главное, чтобы книга была толстая-претолстая, чтобы ее никогда нельзя было дочитать до конца. Въ книгѣ этой *наиз* его превосходительство будетъ все говорить: „я полагаю“, „я пришелъ въ заключенію“, „я вычислилъ“, и т. п., а другое его превосходительство объ этой готовящейся грозѣ не подозреваетъ, и поэтому дастъ вратенькій и жиденъкій отчетецъ. Вотъ мы и побѣдили!..

Все это онъ излагалъ съ неподражаемымъ юморомъ. Никакъ нельзя было подумать, что онъ говоритъ о томъ дѣлѣ, въ которомъ самъ игралъ столь видную роль. Я освѣдомился, куда пойдутъ эти отчеты.

— Какъ куда? А въ комиссію! Есть такая особая комиссія, которая дѣйствуетъ уже четыре года и никакъ ни къ чему не можетъ придти. Два года назадъ она выработала „основныя положенія“; прочитали, просмотрѣли, обсудили; положенія оказались слишкомъ либеральными. Тогда комиссія опять засѣла и принялась выработывать съ начала. Но бѣда: хватила черезъ край! Ея новыя „положенія“ оказались черезъ-чуръ ужъ консерватив-

ными. Теперь она вновь засѣла и ищетъ середины... Такъ вотъ эту-то комиссію мы и хотимъ поразить своимъ отчетомъ!.. Ну-съ, я и скажу его превосходительству, что ежели онъ будетъ жалѣть денегъ для работниковъ, то другое его превосходительство, чего добраго, и отчетомъ перещегооляетъ насъ! А это для него все равно что ножъ въ сердце!..

Я ушелъ съ надеждой, что соперничество двухъ ихъ превосходительствъ доставитъ кормъ моему пріятелю.

III.

Его превосходительство разрѣшилъ мнѣ взять помощника. Поэтому вотъ уже около мѣсяца я сидѣлъ въ канцеляріи не одинъ, а съ моимъ пріятелемъ и сожителемъ, Кириломъ Семенычемъ Рапидовымъ. Иванъ Ивановичъ по прежнему забѣгалъ къ намъ, рассказывалъ анекдоты про ревизію, про его превосходительство, въ особенности ядовито изображалъ своего ближайшаго патрона, Николай Алексѣевича, который мстилъ ему тѣмъ, что каждыя двѣ минуты отравлялъ его покой звонкомъ. Работали мы мирно и не спѣша, обрабатывая дѣятельность городскихъ общественныхъ управленій въ городахъ двухъ отдаленныхъ губерній. Выборъ матеріала всецѣло принадлежалъ Ивану Ивановичу, единственному человеку, который зналъ, гдѣ что лежитъ въ этой необъятной кучѣ. Въмѣсто какой бы то ни было описи въ наше распоряженіе была предоставлена его голова. По мѣрѣ надобности, онъ подлаживалъ намъ „дѣла“, а мы извлекали изъ нихъ цифры. Методъ нашъ былъ довольно простъ и несложенъ. Мы забирались въ городъ Неплюйскъ и смотрѣли, сколько въ немъ гласныхъ. Въ Неплюйскѣ ихъ было тридцать. Тогда мы начинали раздѣлывать эту цифру на всѣ корки. Мы дѣлили ихъ на мѣщанъ, дворянъ, купцовъ и прочія сословія и вычисляли процентное отношеніе ихъ между собою. Главное тутъ было, чтобы вышло *сто*, въ этомъ была вся забота, и мой пріятель и помощникъ, Рапидовъ, сначала никакъ не могъ приспособиться къ этому условію.

— Вольдемаръ, тутъ, братъ, не выходитъ *ста*, а только 97!— тревожно сообщалъ онъ мнѣ. Онъ почему-то сдѣлалъ привычку называть меня не иначе, какъ Вольдемаромъ, хотя это вовсе было не къ лицу ни мнѣ, ни ему.

Я просматривалъ его выкладки и убѣждался, что *сто* не выходитъ по весьма законной причинѣ: не хватаетъ одного гласнаго. Всѣхъ-то ихъ тридцать, а по сословіямъ набирается всего

29. Другой на моемъ мѣстѣ почувствовалъ бы себя въ затруднительномъ положеніи, но я, въ качествѣ генія приспособляемости, сейчасъ же нашелся.

— Всади куда-нибудь еще одного гласнаго! — рекомендовалъ я.

— Куда же? Въ мѣщане, дворяне, вущы или прочія словія? — спрашивалъ Рапидовъ, который очень былъ еще далекъ отъ постиженія моей системы.

— А ты погадай на пальцахъ!

— Какъ на пальцахъ?

— А такъ, какъ обыкновенно гадаютъ. Указательный перстъ правой руки поверти вокругъ таковаго же лѣвой, потомъ разведи ихъ, закрой глаза и сомгни.

— Что же это будетъ за статистика? — недоумѣвалъ Рапидовъ, который вообще смотрѣлъ на вещи ужасно серьезно.

— Что дѣлать! Тамъ гдѣ Иванъ Ивановичъ не далъ точныхъ свѣдѣній, надо прибѣгать къ услугамъ судьбы. Вотъ погадай и увидишь, что непременно что-нибудь выйдетъ.

Рапидовъ гадалъ. Сначала на дворянъ пальцы разошлись, потомъ на мѣщанъ тоже, на вущовъ пальцы благополучно встѣлись.

— Ну, слѣдовательно, сей недостающій гласный былъ вущецъ!

Рапидовъ записывалъ его въ вущы и, такимъ образомъ, добивался желанныхъ *сто* процентовъ. Бывали случаи, что гласные исчезали не по одиночѣ, а цѣлой полдюжиной. Тутъ мой помощникъ дѣлалъ протестующее лицо и никакъ не соглашался рѣшить судьбу таковой большой компаніи при посредствѣ пальцевъ. Въ этихъ случаяхъ я принималъ мѣры строгости.

— Прошу не забывать, что ты не болѣе, какъ мой помощникъ! — строго внушала я Рапидову, — и обязанъ подчиняться всѣмъ моимъ предначертаніямъ. Надо быть послѣдовательнымъ. Всѣ гласные пользуются одинаковыми правами. Если можно рѣшить судьбу одного при посредствѣ указательныхъ пальцевъ, то почему это не годится для полдюжины!

Рапидовъ упорствовалъ; тогда я пускалъ въ дѣло свои собственные указательные пальцы и доставлялъ ему *сто процен- товъ*.

Мой умъ, ставящій на первомъ планѣ округленность, законченность и чистоту отдѣлки, не выносилъ какихъ бы то ни было недомолвокъ и пробѣловъ. Поэтому я совсѣмъ не признавалъ „вѣдомостей“, выработанныхъ моимъ предшественникомъ, Антономъ Петрови-

чемъ Куницынымъ. Онъ точно придерживался источниковъ, и у него на каждомъ шагѣ во всю ширину вѣдомости стояли позорныя надписи: „свѣденія неточны“. Я этого рѣшительно не могъ допустить. Съ одной стороны, это могло бы бросить тѣнь на лицо, которое производило ревизію. Помилуйте, свѣденія неточны! Зачѣмъ не разыскали точныхъ? Съ другой стороны, на основаніи неточныхъ свѣденій нельзя было сдѣлать никакихъ общихъ выводовъ. Кромѣ того, мнѣ было извѣстно, что въ „дѣлахъ“, служившихъ намъ матеріаломъ, всецѣло отразился пытливый духъ Ивана Ивановича, и я былъ совершенно увѣренъ, что то, что давалось въ этомъ матеріалѣ какъ точное, было столь же достоверно, какъ и результаты нашихъ гаданій при посредствѣ указательныхъ пальцевъ. Наконецъ, — и это чуть ли не самое главное, — это было некрасиво и, можетъ быть, даже неприлично. Какая же это статистика, которая основана на неточныхъ свѣденіяхъ? Поэтому у меня все было удивительно точно, „вѣдомости“ щеголяли только цифрами, процентными отношеніями, благополучно дававшими сотню, и средними величинами, которыя тоже всегда составляли *сто*.

Однажды къ намъ зашелъ Николай Алексѣичъ, а вмѣстѣ съ нимъ намъ сдѣлалъ честь родоначальникъ и основатель нашей статистики — Антонъ Петровичъ. Мы уже три мѣсяца съ Рапидовымъ гадали на пальцахъ и успѣли за это время приготовить бездну вѣдомостей. Что касается вѣдомостей Антона Петровича, то онѣ у меня были наклеены на стѣнѣ, на видномъ мѣстѣ, какъ примѣръ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать. Николай Алексѣевичъ заглянулъ въ наши работы и воскликнулъ въ совершенномъ восторгѣ:

— Ахъ, какая прелесть! Антонъ Петровичъ, взгляните! какая чистота, какъ все аккуратно сходится! Помните, какъ мы съ вами не могли этого добиться?! Еще его превосходительство укорялъ меня: „что это, говорить, у васъ на каждомъ шагѣ свѣденія неточны? Насъ, говорить, могутъ спросить, чего-жъ мы смотрѣли? Вы, говорить, пожалуйста какъ-нибудь постарайтесь избѣжать этого!“ Какъ вы этого достигли, Владиміръ Сергѣичъ? Нѣтъ, вы рѣшительно золото, а не человѣкъ!

Я, разумѣется, принялъ похвалу безъ протеста, но не открылъ своего секрета. Антонъ Петровичъ ѣдко улыбнулся и шутя погладилъ меня по головѣ.

— Вамъ бы быть министромъ финансовъ! — сказалъ онъ.

Рапидовъ сидѣлъ съ суровымъ лицомъ и молчалъ. Повидимому, его подмывало разсказать, въ чемъ дѣло, такъ какъ онъ въ душѣ

все еще жаждалъ „честной статистики“; но я посмотрѣлъ на него безапелляціоннымъ взглядомъ и сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

— Какъ ваша практика?—спросилъ я Куницына.

— Не такъ блестяща, какъ ваша!—съ улыбкой промолвилъ онъ:—но въ общемъ ничего, дѣлаю успѣхи!..

Ядовитый человѣкъ былъ Антонъ Петровичъ Куницынъ. Впрочемъ, надо сказать, что ядовитость его была чисто адвокатская. Въ присутствіи лицъ постороннихъ онъ не признавалъ ни дружбы, ни родства, ни пріятельства и не пропускалъ ни одного случая поразить человѣка и положить его въ доскъ. Въ этомъ случаѣ онъ отдавалъ дань публичности и своему адвокатскому тщеславію. Но когда онъ оставался въ интимномъ пріятельскомъ кружкѣ, онъ становился просто милымъ, сердечнымъ и добродушнымъ человѣкомъ. Стоило только появиться новому лицу—все равно, былъ ли это человѣкъ его круга, или дама (о, въ особенности дама!), или лавей въ ресторанѣ—онъ дѣлался ѣдкимъ и безпощаднымъ.

Такъ случилось и теперь. Черезъ минуту прибѣжалъ Иванъ Ивановичъ, вспотѣвшій и запыхавшійся.

— Николай Алексѣвичъ! Во флигелѣ, во второмъ дворѣ у Канючина въ квартирѣ, лопнула труба и просачивается вода!—объявилъ онъ, и Николай Алексѣвичъ, взявшись обѣими руками за голову и произнеся нѣсколько ругательствъ, впрочемъ совершенно приличныхъ, по адресу Ивана Ивановича, пошелъ осматривать лопнувшую трубу. Антонъ Петровичъ мгновенно преобразился. Онъ началъ хохотать самымъ искреннимъ образомъ.

— Ну, знаете, ваша находчивость превзошла мои ожиданія!—говорилъ онъ.—Вы только представьте, какія отъ сего могутъ произойти благодѣтельные послѣдствія. Его превосходительство, придя въ восторгъ отъ того, что неточность совсѣмъ исчезла, лишнихъ два раза пожметъ руку Николая Алексѣвича и отпуститъ ему столько же лишнихъ и одобрительныхъ улыбокъ; Николай Алексѣвичъ вслѣдствіе этого, а именно, чтобы оправдать высокое довѣріе, съ удвоенной силой наляжетъ на доклады и рефераты, а отъ всего этого, въ концѣ концовъ, выиграетъ отечество!.. Хвала вамъ, Владиміръ Сергѣичъ!

Рапидовъ сказалъ мрачно:—А вѣдь это тово... жульничествомъ называется!.. Вѣдь пойдетъ въ комиссію, которая, основываясь на этомъ матеріалѣ, рѣшаетъ государственный вопросъ!..

Куницынъ посмотрѣлъ на моего сожителя сильно прищуренными глазами.

— Вамъ, Кирилъ Семенычъ, надобно сбрить бороду!—сказать онъ:—она у васъ слишкомъ длинна!..

— Это почему?

— Потому что съ столь длинной бородой никакъ невозможно согласовать столь дѣтскую наивность. Впрочемъ, извините, мнѣ некогда. Я надѣюсь, что черезъ три мѣсяца вы скажете, что я былъ правъ. Онъ обратился ко мнѣ. — Будьте сегодня у Здыбаевскихъ; Николай Алексѣвичъ, наконецъ, рѣшился выйти изъ берлоги!

Я обѣщала, такъ какъ мнѣ вообще было пріятно бывать въ этомъ семействѣ.

Здѣсь мнѣ надо сказать нѣсколько словъ о моемъ помощникѣ и сожителѣ. Когда я въ первый разъ привезъ его въ Николаю Алексѣвичу, я замѣтилъ очень странное явленіе. Мой патронъ, обыкновенно разсыпавшійся въ изысканныхъ любезностяхъ и безъ умолку болтавшій во всѣ промежутки между дѣловыми появленіями Ивана Ивановича, вдругъ какъ-то съѣжился и замолкъ. Послѣ я узналъ, что на него произвелъ удручающее впечатлѣніе внѣшній видъ моего пріятели. У Рапидова была необычайно громоздкая фигура. Ростомъ онъ не былъ слишкомъ высокъ, Антонъ Петровичъ былъ выше его на полголовы. Но когда они стояли рядомъ, послѣдній совершенно ступевывался передъ первымъ. Все у этого человѣка было отменно-крупное, начиная съ головы, увѣнчанной косматою шевелюрой и высокимъ лбомъ, и кончая ногами-лапищами въ длинныхъ, стучащихъ сапогахъ; широчайшая спина, толстѣйшія руки, могущественнѣйшая грудь, бычачья шея, все это можно опредѣлить только при помощи превосходной степени. Лицо его нисколько не отставало отъ прочихъ частей тѣла. Густыя брови, почти сросшіяся въ одну линію, висѣли надъ большими глазами, нѣсколько ушедшими въ глубь орбитъ, отчего взглядъ ихъ казался еще болѣе внушительнымъ; носъ правильный, ровный, какъ слѣдуетъ носъ, но словно видимый сквозь луку; губы толстыя, задрапированныя густыми темными усами, и, наконецъ, борода длинная, густая, широкая, начинающаяся чуть не подъ глазами. При этомъ онъ имѣлъ привычку смотрѣть всегда сурово, насупившись, и старался басить, хотя природа дала ему довольно мягкій голосъ. Одѣвался мой пріятели во все широкое, старался подбирать сувно поглубѣе, шляпу пошире, повыше, позабористѣе, сапоги потяжелѣе и вдобавокъ во всему всегда носилъ съ собой толстую палку съ жезльнымъ острымъ наконечникомъ, которымъ звонилъ о панель. Существованіе этого наконечника мотивировалось необходимостью

путешествовать по льду черезъ Неву, такъ какъ мы обыкновенно жили на Выборгской Сторонѣ. Въ такомъ видѣ Рапидовъ на всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался въ первый разъ, производилъ самое безотрадное впечатлѣніе. Такъ и казалось, что онъ вотъ-вотъ набросится на васъ съ палкой и начнетъ ея острымъ наконечникомъ бодать васъ въ бокъ. Но уже черезъ полчаса оказывалось, что это самый мирный человѣкъ во всемъ свѣтѣ, съ которымъ вполне безопасно, хотя и не особенно интересно, проводить время,—не интересно потому, что онъ любилъ молчать, а если и вступалъ въ разговоръ, то въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ. Рапидовъ года четыре тому назадъ былъ медицинскимъ студентомъ и дѣло у него шло недурно. Онъ уже былъ на третьемъ курсѣ, когда судьба сыграла съ нимъ штуку. Еще въ гимназіи любилъ онъ упражняться карандашомъ, не оставляя этого занятія и на Выборгской. Однажды ему удалось нарисовать карандашомъ голову профессора анатоміи; рисунокъ вышелъ замѣчательно удачнымъ и характернымъ и пошелъ по рукамъ. У кого-то его увидалъ какой-то художникъ-профессоръ съ Васильевскаго Острова и расхвалилъ до небесъ. До Рапидова дошли вѣсти, что у него большой талантъ и что это сказалъ профессоръ. Объ этомъ трубили ему два мѣсяца и совершенно затмили у него здравый смыслъ. Онъ вдругъ бросилъ академію Выборгской Стороны и какъ-то необычайно быстро поступилъ въ академію Васильевскаго Острова. Но, пошлявшись туда около года, онъ убѣдился, что таланту у него вовсе нѣтъ, и плюнулъ. Сбитый толку, онъ уже никакъ не могъ приладиться, чтобы вернуться въ медицину, и остался ни при чемъ. Такимъ образомъ, Рапидовъ сдѣлался человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій.

Въ 7 часовъ мы обыкновенно уходили домой. Передъ уходомъ я завернулъ въ Николаю Алексѣевичу осведомиться, въ самомъ ли дѣлѣ онъ рѣшился на подвигъ—провести вечеръ въ своего кабинета. Я засталъ его за спѣшнымъ дѣломъ. Онъ ходилъ по комнатѣ въ своихъ мягкихъ туфляхъ и въ разгильдяйскомъ костюмѣ и дигтовалъ что-то Ивану Иванычу, который сидѣлъ за столомъ въ его дубовомъ креслѣ.

— Простите, голубчикъ, я сейчасъ!—сказалъ онъ мнѣ, указавъ мнѣ на стулъ и продолжалъ, обращаясь къ Ивану Иванычу, произнося слова съ большими промежутками:

— Вотъ тѣ предварительныя условія, по принятіи которыхъ вами его превосходительство готовъ вести дальнѣйшіе переговоры. Прошу принять увѣреніе и прочее, какъ обыкновенно... Кончили? Ну, давайте, я подпишу... Вотъ такъ... Теперь, почтеннѣй-

пій Иванъ Ивановичъ, предлагаю вамъ провалиться въ тартарары и ни въ какомъ случаѣ, ни по какимъ бы то ни было важнѣйшимъ дѣламъ не трогать меня. Вообразите, что я исчезъ съ лица земли, исчезъ безслѣдно. Меня нѣтъ, вовсе нѣтъ меня, понимаете? И еслибы даже я вздумалъ звать васъ звонкомъ—наплюйте и не откливайтесь!

Иванъ Ивановичъ скептически улыбнулся, забралъ какія-то бумаги и вышелъ на цыпочкахъ.

— Значить, это рѣшено безповоротно, что вы сегодня у Здыбаевскихъ?—спросилъ я.

— О, да, да, да, да, да!—съ необычайной экспрессіей провнесъ онъ:—я у Здыбаевскихъ, да! Прекрасные люди Здыбаевскіе, не правда ли?

Я подтвердилъ.

— Какой это добрыйшій, симпатичнѣйшій человекъ Федоръ Михайловичъ!—съ неподдѣльнымъ чувствомъ воскликнулъ онъ. Я и съ этимъ согласился. Но Погонкинъ, очевидно, ощущалъ потребность излить свое восхищеніе на все семейство Здыбаевскихъ. Онъ продолжалъ:—А Сергій Федоровичъ, Сереженька, что за милый, что за талантливый юноша! Но согласитесь, согласитесь, голубчикъ, что такихъ дѣвушекъ, какъ Елизавета Федоровна, не много найдется! Вѣдь правда? Какъ вы думаете?

Я подтвердилъ всѣ пункты допроса и, выслушавъ еще нѣсколько похвалъ Здыбаевскимъ, сталъ прощаться. Онъ задержалъ меня.

— Да, вотъ что, я давно собирался спросить... Не нужно ли вамъ денегъ или вашему товарищу? Пожалуйста, не стѣсняйтесь! сколько угодно, впередъ...

— Особенной надобности нѣтъ!—отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, прошу васъ... Да вотъ самое лучшее, безъ разговоръ...

Онъ быстро подбѣжалъ къ ящику стола, моментально выдвинулъ его и выхватилъ оттуда двѣ сторублевки. Я вообще замѣтилъ, что у него была страсть платить сторублевыми.—Вотъ вамъ и Рапидову... Пожалуйста... Я самъ тружусь, поэтому умѣю цѣнить чужой трудъ!..

Рѣшительно, онъ былъ въ этотъ день въ восторженномъ состояніи. Онъ ежеминутно жалъ мнѣ объ руки, бралъ меня за талию и вообще выражалъ трогательное расположеніе. Видно было, что въ душѣ у него зашевелилось нѣчто такое, что грозило разорвать цѣпь, приковывавшую его къ дубовому креслу.

Когда я передалъ Рапидову принадлежавшую ему сторублевку, онъ сказалъ довольно, впрочемъ, угрюмо:

— Нѣтъ, чтожъ, видно, что онъ порядочный человѣкъ!
Рапидову очень нужны были деньги.

IV.

Здыбаевскіе жили на Кирочной, недалеко отъ Литейнаго, въ третьемъ этажѣ огромнаго коричневаго дома. Ходъ былъ безъ швейцара, лѣстница гранитная, неширокая, но чистая, съ высокими окнами, которыя пропускали много свѣта. Квартира въ пять большихъ комнатъ; обстановка уютная, изящная и приличная, но безъ излишествъ. Здыбаевскіе держали двѣ прислуги и ѣздили на извозчикахъ. Однимъ словомъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Михайловичъ Здыбаевскій, прослужившій во всевозможныхъ должностяхъ около пятидесяти лѣтъ, жилъ исключительно жалованьемъ, потому что больше ничего не имѣлъ.

Я пришелъ въ девять часовъ и засталъ за чайнымъ столомъ хозяевъ и Антона Петровича. Погоняинъ еще не пріѣхалъ. Но черезъ пять минутъ послѣ моего прихода явился и онъ.

Съ первой же минуты онъ поразилъ меня и всѣхъ своимъ необычайнымъ оживленіемъ. Онъ былъ до того возбужденъ, что казался пьянымъ. Щеки его были румяны, въ глазахъ горѣли искры, онъ не могъ одной минуты усидѣть на мѣстѣ. Стоило только задать ему вопросъ, чтобъ онъ безъ остановки отвѣтилъ на десять. Онъ никому не давалъ говорить, и о чемъ только онъ не говорил!

— Какъ поживаетъ Константинъ Александровичъ?—спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ, который зналъ Чербышева по службѣ, но въ частной жизни не встрѣчался съ нимъ.

— О, онъ отлично поживаетъ, дѣлаетъ успѣхи, пожинаетъ лавры на всѣхъ поприщахъ: и по службѣ, и въ ученыхъ обществахъ, и въ благотворительныхъ комитетахъ. Богатство его растетъ не по днямъ, а по часамъ. Константинъ Александровичъ вполнѣ счастливый человѣкъ и вполнѣ доволенъ своей судьбой и... своимъ секретаремъ, ха, ха, ха!.. Но я сегодня бросилъ все, и еслибы мнѣ сейчасъ сказали, что всѣ три дома, мною управляемые, горятъ,—клянусь честью, я продолжалъ бы допивать этотъ стаканъ чаю... Ахъ, Ѳедоръ Михайловичъ, еслибы вы знали, какая у насъ теперь идетъ статистика! Антонъ Петровичъ творилъ удивительныя вещи, но Владиміръ Сергѣичъ творить просто чудеса...

Онъ съ своимъ Рапидовымъ... Вы не знаете Рапидова? О, это страшный человекъ, котораго я побаиваюсь. Эти два разбойника съ Выборгской Стороны грабятъ наши шкафы, вытаскиваютъ оттуда цифры и строятъ изъ нихъ цѣлые дворцы...

При этомъ онъ почти залпомъ пилъ горячій чай, не глядя бралъ печенья и бессознательно пихалъ ихъ въ стаканъ и въ ротъ. Мы всё смотрѣли на него съ тревогой, потому что его волненіе казалось неестественнымъ. Ѳедоръ Михайловичъ подошелъ къ нему и нѣжно взялъ его за талию.

— Кстати, чтобы не забыть, у меня есть къ вамъ маленькое дѣльце. Пойдемте въ кабинетъ...

Николай Алексѣевичъ на мгновеніе отшатнулся, но потомъ сейчасъ же согласился и пошелъ. Ѳедоръ Михайловичъ просто хотѣлъ занять его вниманіе чѣмъ-нибудь дѣловымъ и сухимъ и такимъ образомъ успокоить его. Вѣроятно, это ему удалось, потому что черезъ полчаса мы нашли ихъ въ маленькой залѣ, и при этомъ Николай Алексѣевичъ сидѣлъ спокойно и велъ съ хозяиномъ какой-то дѣловой разговоръ.

Въ залѣ стоялъ коротенькій рояль и нѣсколько соломенныхъ стульевъ у стѣнъ. Другой мебели здѣсь не допускалось, потому что Здыбаевскіе цѣнили хорошій резонансъ. Всѣ они были порядочные музыканты и страстно любили музыку. На роялѣ лежала скрипка, такая же старая, какъ и ея владѣлецъ, Ѳедоръ Михайловичъ. Этотъ величественный старикъ, съ длинной, совершенно сѣдой бородой, съ густыми усами, закрывавшими несходившую съ его губъ умную, чуть-чуть насмѣшливую, но не злую, улыбку, высокаго роста, крупный, но не жирный, умѣлъ извлекать изъ своего инструмента горячіе звуки. Въ молодости онъ останавливалъ на себѣ вниманіе заправскихъ артистовъ, которые гнали его на артистическую дорогу; но онъ слишкомъ мало вѣрилъ въ свои силы и остался любителемъ. Въ углу стоялъ огромный футляръ, въ которомъ обитала виолончель, инструментъ, какъ думали очень многіе, погубившій карьеру Серезеньки. Сергѣю Ѳедоровичу было всего девятнадцать лѣтъ. Онъ кончилъ гимназію, но вмѣсто того, чтобы продолжать ученіе, занялся музыкой, которую любилъ. Старикъ не одобрялъ этого шага, тѣмъ не менѣе не могъ не сознаться, что у Серезеньки есть талантъ, и что онъ ваялся какъ разъ за свое дѣло. Такимъ образомъ, юноша напоминалъ старика не только ростомъ, сложеніемъ и чертами лица, но и вкусами и способностями, — только у него было больше артистической увѣренности. Онъ твердо связалъ себя: „буду выдающимся артистомъ!“ и бросилъ все остальное.

Антонъ Петровичъ подошелъ къ старику Здыбаевскому.

— Ѳедоръ Михайловичъ! — сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ публичной рѣчи, играя пенснѣ, какъ настоящій адвокатъ: — дабы окончательно привязать къ нашему грѣховному міру сего пришельца изъ міра иного, безгрѣшнаго и безплоднаго, — сыграйте ему одну изъ вашихъ чудныхъ мелодій!

— Да, да, я жажду, жажду послушать васъ, Ѳедоръ Михайловичъ! — поспѣшили подтвердить Николлай Алексѣевичъ.

— Что-жъ, господа, я готовъ, только предупреждаю, что мои старые пальцы уже дрожать! — отвѣтилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

— Я хотѣлъ бы, чтобы мои молодые такъ бѣгали по струнамъ, какъ твои старые! — сказалъ Сергій.

— Ну, ладно, ладно! Садись, Лиза! Что вамъ?

— Конечно, элегію Эрнста! Это само собой разумѣется! — заявилъ за всѣхъ Антонъ Петровичъ.

Онъ принадлежалъ къ тѣмъ пристрастнымъ любителямъ музыки, которые съ упоеніемъ слушаютъ то, что они почему-либо часто слышали, и совсѣмъ не признаютъ всего остального. Антонъ Петровичъ признавалъ для скрипки двѣ вещи: элегію Эрнста и легенду Венявскаго; когда же начинали играть что-нибудь другое, хотя бы это былъ самъ Бетховенъ, онъ зѣвалъ и говорилъ:

— Ну, это уже началось что-то запутанное! — Лизавета Ѳедоровна сѣла за рояль, старикъ взялъ въ руки и настроилъ скрипку. Черезъ минуту раздались звуки элегіи. Ѳедоръ Михайловичъ игралъ увѣренно, съ хорошей выдержкой и съ большимъ чувствомъ. Годы его отражались только на техникѣ, которая кое-гдѣ замѣтно хромала; но это видѣли его дѣти, обладавшіе тонкимъ музыкальнымъ слухомъ, и не замѣчали ни Антонъ Петровичъ, ни Николлай Алексѣевичъ. Они сидѣли рядомъ и молча. Сергій стоялъ за спиной сестры и переворачивалъ страницы нотъ. Когда старикъ кончилъ и обернулся, чтобы узнать мнѣніе своихъ гостей, онъ увидѣлъ Николлая Алексѣевича, сидящаго неподвижно съ опущенной на грудь головой, съ нахмуренными бровями и съ напряженно-сосредоточеннымъ выраженіемъ блѣднаго лица. Ѳедоръ Михайловичъ подошелъ къ нему и прикоснулся къ его рукѣ.

— Ну, что, дружище, тронула васъ стариковская игра? — Николлай Алексѣевичъ вздрогнулъ, какъ отъ прикосновенія электрической искры, и поднялъ на него глаза, полные слезъ.

— Играйте, играйте же! Что-жъ вы остановились? — промолвилъ онъ дрожащимъ голосомъ, крѣпко сжимая руку старика.

— Эге, братъ, ты совсѣмъ плохъ, какъ я погляжу! — шутли-

вымъ тономъ сказалъ ему Федоръ Михайловичъ. — У тебя секретарское отравленіе. Это особая болѣзнь. Человѣкъ мало-по-малу отравляетъ свою кровь ядомъ докладовъ, рефератовъ, всякихъ порученій, внушеній и т. п. Все это въ высшей степени ядовитыя вещи.

Всѣ разсмѣялись, въ томъ числѣ и Николай Алексѣевичъ. Этого только и нужно было Федору Михайловичу. Онъ хотѣлъ разсѣять глубокое впечатлѣніе, произведенное на Погонкина элегіей, впечатлѣніе, которое, очевидно, было ему не въ прокъ.

— Играйте, пожалуйста! — сказалъ Николай Алексѣевичъ: — я долженъ сдѣлать большой запасъ пріятныхъ впечатлѣній!..

— Такъ-то оно такъ, да не слѣдовало бы! — возразилъ Федоръ Михайловичъ: — для васъ эти впечатлѣнія нездоровы.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только наслаждаюсь! Нѣтъ, пожалуйста, играйте!

— Ну, пускай Сергѣй играетъ. У него выйдетъ полегче.

Сергѣй сейчасъ же вытащилъ изъ угла виолончель и принялся настраивать ее.

— Ты что-нибудь этакое... Изъ салонныхъ... Ну, тамъ какой-нибудь романсъ безъ словъ! — сказалъ ему Федоръ Михайловичъ.

— Ладно!

Лизавета Федоровна начала ритурнель, что-то легкое, игривое, на верхнихъ октавахъ. Николай Алексѣевичъ оживился и поднялъ голову. Они, въ самомъ дѣлѣ, выбрали легкую вещицу, которая произвела на гостя освѣжающее впечатлѣніе. Но Куницынъ все время кривился и не одобрялъ, такъ какъ пьеса была ему незнакома.

— Нѣтъ, это что-то такое... не то! — говорилъ онъ мнѣ въ полголоса. — Вотъ Попера сочиненія, это я понимаю, это музыка!..

Онъ слышалъ гдѣ-то въ концертѣ какое-то сочиненіе Попера и очень цѣнилъ его.

— Браво, браво, Серезенька! Позвольте васъ расцѣловать! Ахъ, какой вы талантъ! — восторженно кричалъ Николай Алексѣевичъ, оживленный, наэлектризованный, взвинченный.

— Съ удовольствіемъ! — отвѣтилъ молодой человѣкъ, и они поцѣловались. Федоръ Михайловичъ смотрѣлъ на своего рѣдкаго гостя и качалъ головой.

— Знаете чтѣ, — тихо говорилъ онъ Антону Петровичу и мнѣ: — онъ дурно кончить... Вѣдь это нервъ, прямо-таки обнаженный нервъ! Посмотрите, чтѣ съ нимъ дѣлается! Грустная музыка — онъ плачетъ, веселая — онъ уже смѣется; онъ совсѣмъ не владѣетъ собой!..

Между тѣмъ Николай Алексѣевичъ стоялъ у фортепьяно и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ обращался къ Лизаветѣ Федоровнѣ.

— Я имѣлъ удовольствіе слышать ваше превосходное пѣніе полгода тому назадъ и помню, что оно доставило мнѣ высокое наслажденіе!—говорилъ онъ, нагибаясь слегка впередъ: — я надѣюсь, что и на этотъ разъ вы не рѣшитесь лишить меня удовольствія, которое, къ моему глубокому сожалѣнію, такъ рѣдко выпадаетъ на мою долю!..

Лизавета Федоровна хохотала.—Боже, какъ длинно и красиво! Сказали бы просто: спойте!.. и я спѣла бы!..

— Ну, просто: спойте!

— Извольте!..

Она ударила по клавишамъ и запѣла. Это была пѣсенка Карменъ о любви. Николай Алексѣевичъ отошелъ и сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Онъ слушалъ и не спускалъ съ нея глазъ. Онъ не считалъ ее красивой, но она была такъ стройна, изящна и мила съ своимъ дѣтскимъ личикомъ, съ золотистыми локонами, съ веселыми, ясными и добрыми глазами. Что-то притягивало его къ ней, а въ ея небольшомъ, но чистомъ и свѣжемъ голосѣ, въ ея манерѣ пѣть просто, тольково и скромно, было для него что-то неотразимо-влекущее. И когда она кончила, ему тоже хотѣлось сказать: „о, какъ мнѣ хочется расцѣловать васъ!“ но онъ вмѣсто этого сказалъ:

— Мерсі! Божественно! Неподражаемо!

И чувствовалъ онъ, что сердце его усиленно бьется и какъ-то болѣзненно ноетъ. Поговоривъ еще безъ всякаго интереса о чемъ-то минутъ десять, онъ сталъ прощаться. Это удивило всѣхъ. Было только около одиннадцати часовъ.

— Что съ вами, голубчикъ? Мы еще закусимъ, поболтаемъ! —сказалъ ему Федоръ Михайловичъ.

— Нѣтъ, не могу!—промолвилъ Погонкинъ какимъ-то взволнованнымъ, прерывистымъ голосомъ: — я получилъ такую массу пріятныхъ и сильныхъ впечатлѣній, что больше не въ силахъ... У меня сердце разорвется!..

Федоръ Михайловичъ вѣжно обнялъ его за талію и прошелся съ нимъ по комнатѣ.

— Дорогой Николай Алексѣевичъ! Я говорю вамъ, какъ человѣкъ, прожившій на свѣтѣ около семидесяти лѣтъ и какъ искренній другъ вашъ: бросьте вы это провѣтное секретарство! оно васъ губить! Вы человѣкъ способный, живой, интеллигентный,

симпатичный, и все это уходит на глушое и чужое дѣло! Бросьте, ей Богу, бросьте!..

Николай Алексѣвичъ сочувственно пожалъ ему руку и сталъ прощаться со всѣми. Я сказалъ, что поѣду съ нимъ, такъ какъ намъ было по дорогѣ. Онъ какъ-то нервно торопился, говорилъ неподходящія фразы, не попадалъ въ рукава пальто и въ валопы. Мы вышли на улицу.

— Ахъ!—воскликнулъ онъ, схвативъ почему-то мою руку и сильно трясъ ее: — все разумное, симпатичное и здоровое мнѣ вредно! Вотъ голова кружится и сердце ноетъ. А долго ли я былъ въ обществѣ живыхъ людей? Какихъ-нибудь два часа, и это уже меня отравило!..

Мы сѣли въ извозчичью пролетку. Онъ продолжалъ:

— Вотъ, Федоръ Михайловичъ говоритъ: бросьте! А я не могу!..

— Почему же?—спросилъ я.

Онъ промолчалъ и долго молчалъ, а затѣмъ самъ уже началъ пониженнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, не могу! Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я поступилъ на службу. Не для пользы же родины я это сдѣлалъ! ибо моя служба никакой пользы родинѣ принести не можетъ. Служба бумажная! Служба входящихъ и исходящихъ! Служба дѣлъ за номеромъ и соображеній по вопросу объ!.. Повѣрьте, что еслибы мы, петербургскіе чиновники, частнымъ образомъ не узнавали, что въ провинціи люди ходятъ на двухъ ногахъ и имѣютъ душу живу, мы могли бы смѣло всю жизнь думать, что они ходятъ на четырехъ ногахъ и дѣлаютъ жвачку... Отъ этого теченіе нашихъ дѣлъ за номеромъ не измѣнилось бы!.. Я вступилъ для того, чтобы добиться самостоятельнаго положенія, да-съ! Добиться и успокоиться на лаврахъ. Теперь возьмите: ежели я оставляю его превосходительство, я добьюсь своего еще черезъ пятнадцать лѣтъ, и то ежели не забудутъ (ибо многихъ, яростно служившихъ, на моихъ глазахъ забыли!), а съ его превосходительствомъ, который силенъ и могучъ, мнѣ, быть можетъ, осталось лямку тянуть всего пять лѣтъ. Мнѣ ужъ и то два раза дали отличіе, которое слѣдовало другимъ, да-съ! Чиновникъ—это тотъ же подмастерье, который сперва служитъ „мальчикомъ“, и бьютъ его тогда, мучаютъ, а онъ думаетъ: ладно, мучайте, бейте, а вотъ стану подмастерьемъ, а тамъ и мастеромъ, и самъ буду мучить и бить... Не могу оставить, не могу! Добьюсь самостоятельнаго положенія и почию на лаврахъ. Вотъ тогда и дамъ волю своимъ вкусамъ и склонностямъ! Вотъ когда и заруюсь въ книги, съѣмъ свою бібліотеку... Да-съ, а вы говорите: оставить!.. Безъ самостоятельнаго положенія я—нуль;

а этого мнѣ не добиться безъ его превосходительства, слѣдовательно—я нуль безъ его превосходительства...

Когда мы подъѣзжали къ его квартирѣ, онъ сказалъ:

— Но какая прелесть эти Здыбаевскіе! Что за восхитительное существо Лизавета Ѳеодоровна!

— Вотъ бы вамъ жениться на ней! Она бы васъ передѣлала!—сказалъ я почти машинально, не подумавши.

Мой патронъ вдругъ сильно заѣрзалъ на мѣстѣ и въ то же время разсмѣялся какимъ-то страннымъ, неопредѣленнымъ смѣхомъ. Мы остановились и вышли изъ экипажа.

— Слушайте, голубчикъ, зайдемте ко мнѣ, поболтаемъ еще!—сказалъ онъ, взявъ меня за руку и таща во дворъ. Я согласился. Мы вошли въ ворота, прошли длинный и широкій, хорошо вымощенный гладкими плитами первый дворъ и взобрались во второй этажъ. На лѣстницѣ было тихо. Газовый рожокъ горѣлъ еще въ ожиданіи господина управляющаго.

— Я думаю, Иванъ Ивановичъ теперь закатился спать. Я радъ, что и онъ отдохнетъ вечеркомъ... Вѣдь, въ сущности, это ломовая лошадь, которую я душѣ страшной поклажей...

Вотъ мы въ кабинетѣ. Николай Алексѣевичъ остался въ черномъ скуртуѣ и пригласилъ меня сѣсть. Самъ же онъ не сѣлся, а нервными шагами, съ взволнованнымъ лицомъ, сталъ ходить по комнатѣ.

— Да, сознайтесь, Владиміръ Сергѣичъ, сознайтесь... Такая дѣвица, какъ Лизавета Ѳеодоровна, могла бы составить счастье любого человѣка... Сознайтесь!..

— Въ томъ числѣ и ваше?

Онъ опять разсмѣялся, какъ на улицѣ.

— Мое... Мое счастье!.. Что же, отъ счастья никто не отказывается... Знаете ли что? Я сегодня ничего не могу держать въ душѣ, я вамъ все скажу...

Но тутъ онъ остановился и вздрогнулъ, потому что въ передней раздался звонокъ.—Какого это дьявола несетъ въ 12 часовъ ночи?.. Если это Иванъ Ивановичъ съ какимъ-нибудь дѣломъ, я его убью!..

Черезъ минуту Иванъ Ивановичъ стоялъ передъ нимъ.

— Вы, вѣроятно, пришли узнать, какъ мое здоровье?—ядовито спросилъ его Николай Алексѣевичъ:—благодарю васъ, очень хорошо!..

— Нѣтъ, не въ томъ-съ, Николай Алексѣичъ!

— Ну, ужъ, конечно, тараканчикъ приходилъ, а?

— Нѣтъ, хуже-съ...

— Хуже?

— Гораздо хуже!.. Какъ только вы ушли, сію минуту телефонъ зазвонилъ, да какъ! Я думалъ, что треснетъ... Подбѣгаю: кто тамъ? „Дома Николай Алексѣвичъ?“ Кто такой? Нѣту дома!.. А оказывается, что это его превосходительство, Константинъ Александровичъ.

На лицѣ Николая Алексѣевича появилась кислая мина крайняго недовольства.

— Черезъ полчаса опять и уже сердитымъ голосомъ: „дома?“ Нѣту! А потомъ и курьера съ письмомъ прислали. Вотъ-съ!..

Иванъ Ивановичъ подаль письмо.—Извольте видѣть,—говорилъ Николай Алексѣевичъ, разсматривая конвертъ на свѣчу:—у меня нѣтъ своего времени, у меня не можетъ быть своихъ дѣлъ, желаній, потребностей, вкусовъ...

И онъ сердито разорвалъ конвертъ. Записка была очень коротка. Николай Алексѣевичъ пробѣжалъ ее въ одну секунду, потомъ скомбвалъ, бросилъ на столъ и заметался.

— Сейчасъ, сію минуту, во всякое время дня и ночи!.. Голубчикъ, вы меня подождите. Что-то чрезвычайно важное, можетъ быть, касающееся вашей работы... Я въ полчаса справлюсь. Онъ тутъ близко живетъ... Шляпу, калоши!.. Аннушка, кто тамъ?

Онъ оправлялъ сюртукъ, причесывалъ волосы и вообще мало-помалу принималъ чиновничью осанку и выраженіе. Иванъ Ивановичъ подаль ему пальто, Аннушка принесла калоши, забутали ему шею бѣлымъ платкомъ, и онъ, кивнувъ мнѣ головой, исчезъ.

Иванъ Ивановичъ проводилъ его, потомъ вернулся въ кабинетъ.

— Ну, будетъ катавасія!—выразительно промолвилъ онъ:—страсть какъ не любить его превосходительство, когда Николая Алексѣевича дома нѣтъ.

— Чтò бы это могло быть за дѣло?—спросилъ я.

— Ха, ха, ха!.. Дѣло! Самъ завтра на охоту ѣдетъ, а ему какой-нибудь докладъ срочный сдаеть; это уже такъ всегда!.. А вотъ посмотримъ, чтò онъ ему пишетъ, — прибавилъ онъ, расправляя скомбанную записку: „Никогда васъ дома нѣтъ, когда очень нужно!“ Никогда! Это Николая-то Алексѣевича! Ха, ха, ха, ха!.. Ну, правда, нечего сказать! „Дѣло нетерпящее: приѣзжайте хоть въ три часа ночи“.—Н-да! Надо полагать, на охоту завтра рано ѣдетъ! Потому чтò же можетъ быть для его превосходительства нетерпящее болѣе этого?

Николай Алексѣевичъ дѣйствительно вернулся черезъ пол-

часа, но что у него было за выраженіе! Куда дѣвался его строго чиновничій видъ, который онъ приготовилъ для его превосходительства! Онъ былъ какой-то встрепанный, на лицѣ выражалось тревожное волненіе; снявши куртку и оставшись въ жилетѣ, онъ, въ противность своимъ правиламъ, даже не извинился, и мелкой, но бурной походкой забѣгалъ по комнатѣ.

— Понимаете? Понимаете?—лепеталъ онъ, подергивая плечами и дѣлая руками отрывочные и короткіе жесты:—прежде всего изволили внушеніе сдѣлать... Да-съ... Внушеніе... Любезнѣйшій, молъ, Николай Алексѣевичъ, цѣню, уважаю, довѣряю и прочее, но... Изволите видѣть... Понимаете? Ну, да чортъ... Не въ этомъ дѣло... Черезъ двѣ недѣли возобновляются засѣданія комиссія... Понимаете? Матеріаль, отчетъ... Хоть кровь изъ носа—приготовьте ему отчетъ!.. Я говорю: нѣтъ возможности! А онъ говоритъ: „Знать ничего не хочу, это ваше дѣло! Возьмите, говоритъ, еще помощниковъ, возьмите ихъ, сколько вамъ угодно, денегъ не жалѣю, только бы не оскандалиться“... Понимаете? Теперь, за двѣ недѣли денегъ не жалѣть, а раньше едва на одного выканючилъ... Ну, да чортъ съ нимъ, не въ этомъ дѣло! Владиміръ Сергѣичъ! Теперь вся надежда на васъ! Вы одинъ можете насъ спасти! Берите себѣ помощниковъ два, три, четыре, пять, десять, сколько надо! Я плачу, его превосходительство платитъ! Вы работайте, а я завтра же засяду за отчетъ!.. Брр!.. Такъ меня всего и дергаетъ... Брр!..—Эта фраза: „я завтра же засяду за отчетъ!“ была великолѣпна въ устахъ Николая Алексѣевича, который, по его же собственному признанію, понималъ въ дѣлѣ меньше, чѣмъ мизинецъ Антона Петровича.

Николай Алексѣевичъ между тѣмъ дѣлалъ распоряженія Ивану Ивановичу: выворотить изъ шкафовъ дѣла, подобрать по городамъ, приготовить бумагу, чернила, ручки, перья, извѣстить всѣхъ обойщиковъ, тараканщиковъ и т. п., чтобы двѣ недѣли на глаза не показывались,—все это сегодня, сейчасъ, сію минуту...

Иванъ Ивановичъ сперва дѣлалъ большіе глаза и выражалъ на лицѣ ужасъ, но потомъ, вѣроятно, рѣшилъ въ душѣ наплевать на всѣ эти приказанія и лечь спать. Подъ конецъ рѣчи Николая Алексѣевича лицо Ивана Ивановича уже улыбалось.

— Такъ ужъ, пожалуйста, Владиміръ Сергѣичъ! Дѣлайте что хотите! Все въ вашихъ рукахъ, все!..—повторилъ онъ мнѣ еще разъ... Берите кого хотите; за вознагражденіемъ не постою!..

Я оставилъ его буквально въ дикомъ состояніи. Я рѣшительно не былъ способенъ вѣрить въ благой результатъ предстоящей намъ двухъ-недѣльной работы. Тѣмъ не менѣе я радо-

вался тому, что еще съ пол-десятка порядочныхъ людей безъ опредѣленныхъ занятій найдутъ себѣ кратковременное питаніе.

V.

Вотъ уже недѣля, какъ въ нашей „канцеляріи“ идетъ невообразимая горячка. Всюду валяются кучи „дѣлъ“, графленой бумаги, просто бумаги, „черновыхъ“, „чистовыхъ“ вѣдомостей и всякаго бумажнаго хлама. Эти кучи занимаютъ всѣ столы, всѣ стулья, на которыхъ не сидятъ, почти весь полъ, оставляя только узкія полоски въ разныхъ направленіяхъ для прохода. „Канцелярія“ живетъ и дышетъ. За длиннымъ столомъ сидятъ четверо, за столикомъ у окна—двое. Иванъ Ивановичъ ежеминутно выбѣгаетъ и вбѣгаетъ, его тормозатъ просьбами и онъ старается всѣхъ удовлетворить.

Изъ четырехъ, сидящихъ за длиннымъ столомъ, двое не представляютъ ничего новаго. Это — я и Рапидовъ. Другіе двое сидятъ здѣсь только четыре дня. Очень естественно, что мы съ Рапидовымъ оказываемся господами положенія. Новички то-и-дѣло обращаются къ намъ съ вопросами, и мы разъясняемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что я разъясняю, но разъясняетъ также и Рапидовъ. Онъ уже не церемонится съ мѣщанами и купцами и, въ случаѣ ихъ недостачи въ какой-нибудь графѣ, создаетъ ихъ цѣлыми полдюжинами.

Двое сидящихъ за нашимъ столомъ отличаются другъ отъ друга бородами. У одного борода рыжая, длинная, но узкая и рѣдкая. Самъ онъ—коренастый, плечистый, съ толстой шеей и длиннымъ носомъ, и по фамиліи Чапликовъ. Цифры произвели на него удручающее дѣйствіе. Въ первые два дня онъ до того ошалѣлъ, что сбивался на сложеніи и вычитаніи, позабылъ таблицу умноженія и постоянно спрашивалъ у насъ, сколько семью-восемь и восемь-девять. Это произошло отъ того, что онъ уже гдѣ шесть, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ седьмого класса гимназіи, не имѣлъ дѣла съ цифрами выше сотни. Онъ былъ ветеринарный врачъ, сидѣлъ въ Петербургѣ въ томительномъ ожиданіи мѣста, практики не имѣлъ никакой и жилъ чѣмъ придется, давалъ уроки, переписывалъ, пѣлъ въ какомъ-то церковномъ хорѣ, однимъ словомъ, бралъ все то, что посылалъ ему Богъ.

У другого не борода, а бородка, черная, тщательно подстриженная, волосы на головѣ длинные, вьющіеся, взглядъ пронизательный, съ искрой. Зовутъ его Аркадіемъ Спицынымъ, взятъ

онъ прямо изъ консерваторіи, гдѣ обучается пѣнію, обладая хорошимъ баритономъ. Въ будущемъ его ожидала слава, но теперь онъ ѣлъ очень плохо, что, безъ сомнѣнія, неблагоприятно отражалось на искусствѣ. Малый онъ веселый, и то-и-дѣло смѣшитъ насъ своими музыкальными сопоставленіями.

— Иванъ Ивановичъ! — шепчетъ онъ: — позвольте-ка мнѣ кава-тину изъ оперы „неплюйскіе мѣщане въ думѣ“!

Иванъ Ивановичъ таращитъ на него глаза: — Это что же собственно, позвольте узнать?

— Прощу васъ, Иванъ Ивановичъ, хоръ купцовъ изъ оперы „Тихоструйскіе думцы“!

Иванъ Ивановичъ опять въ недоумѣніи. Впрочемъ, это было только въ первые дни. На четвертый день необычайно толковый и восприимчивый Иванъ Ивановичъ усвоилъ себѣ всю терминологию Спицына, и на его требованія съ улыбкой отвѣчалъ вѣдомостями. Барышню досталъ Рапидовъ. — Это, братъ, замѣчательная личность! — рекомендовалъ онъ ее. — Она училась на педагогическихъ, но тамошняя наука ее не удовлетворяетъ. Теперь она хочетъ перебраться на высшіе курсы... Характеръ, я тебѣ скажу, желѣзный... Отказалась отъ богатаго жениха, бросила провинцію и пріѣхала безъ кофѣйки сюда искать знаній. Вотъ ты самъ увидишь....

„Замѣчательная личность“, однако, производила на насъ самое неблагоприятное впечатлѣніе. Она была довольно миловидна и въ ней шелъ ея небрежный и несложный костюмъ — черная прямая юбка и черная рубашка съ ременнымъ поясомъ. Но сидѣть все время съ сдвинутыми бровями и съ сомкнутыми губами — это очень скучно. Притомъ она всякій разъ усиленно морщилась, когда Спицынъ пускалъ въ ходъ одну изъ своихъ музыкальных шутокъ. Очевидно, этихъ шутокъ она не признавала и стояла выше ихъ. Разговаривала она только съ Рапидовымъ, который, по всѣмъ видимостямъ, сильно ее побаивался.

Мнѣ ужасно хотѣлось чѣмъ-нибудь „осадить“ ее, и я очень былъ радъ, когда она сама дала къ этому поводъ. Она кончила свою первую вѣдомость и предложила ее мнѣ для пересмотра. Я взглянулъ и ахнулъ. Купцы у нея составляли семьсотъ пятьдесятъ процентовъ всего числа гласныхъ, а мѣщане — девятьсотъ съ лишнимъ. Какимъ образомъ это выходило, я никакъ не могъ понять. Но я не сказалъ ни слова и молча положилъ вѣдомость передъ Рапидовымъ. Мой пріятель взглянулъ и покраснѣлъ до ушей.

— Тутъ есть нѣкоторыя ошибки, — не очень смѣло пробор-

мotalъ онъ, обращаясь только отчасти ко мнѣ и главнымъ образомъ къ барышнѣ. — Но ихъ можно исправить...

— Ну, такъ исправьте! — небрежно промолвила она и принялась дѣятельно ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Она расправляла члены съ видомъ человѣка, въ теченіе двѣнадцати часовъ не разгибавшаго спины, хотя работала не больше полутора часа.

Рапидовъ началъ исправлять и провозился надъ вѣдомостью добрыхъ три часа, передѣлавъ ее всю за-ново. Барышня приняла это какъ должное.

— Однако, это двойная работа! — замѣтилъ я: — этакъ мы далеко не уйдемъ!..

Барышня остановилась и довольно воинственнымъ тономъ спросила: — Что же вы хотите этимъ сказать?

— Ничего особеннаго... Я хотѣлъ бы только немножко больше вниманія! — отвѣтилъ я мягко и даже съ любезной улыбкой.

— Если вамъ не годится моя работа, такъ я могу оставить... Я не намѣрена навязываться!.

— О, что вы, что вы, Ольга Николаевна! Напротивъ, я очень доволенъ, радъ, мнѣ чрезвычайно пріятно! — Это я сказалъ ради Рапидова, который сидѣлъ какъ на иголкахъ, упорно глядя въ вѣдомость и, конечно, ничего въ ней не видя. Но мнѣ, разумеется, хотѣлось сказать не то. Я съ удовольствіемъ воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ ея строгихъ взглядовъ.

Человѣкъ, сидящій за однимъ столомъ съ Ольгой Николаевной, медицинскій студентъ, по фамиліи Криницкій. Одѣтъ онъ совсѣмъ по-нищенски и обладалъ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ, кажущимся необычайно широкимъ по причинѣ сильно разросшихся и плохо содержимыхъ бакенбардъ мочальнаго цвѣта. Криницкій — мой давній пріятель и землякъ; онъ извѣстенъ въ академіи по двумъ обстоятельствамъ: первое — у него большая склонность къ философіи, и второе — отвращеніе къ медицинѣ. Въ академію попалъ онъ случайно, просто потому, что туда пошла его товарищи по гимназіи, да еще потому, что извозчикъ съ вокзала привезъ его не на Васильевскій Островъ, а на Выборгскую, въ дешевыя и грязныя меблированныя комнаты. Но, обучаясь медицинѣ четыре года, онъ всюду, гдѣ только представляется случай, объявляетъ и доказываетъ, что эта наука гроша мѣднаго не стоитъ, и что нѣтъ ничего выше математики. Математикой онъ, однако, не занимается, потому что некогда. Онъ круглый бѣднякъ, онъ „нищій-студентъ“ въ буквальной смыслѣ

этихъ словъ. Вся его жизнь, все его время, всѣ помыслы—идуть на добываніе рубля. Костюмъ его невѣроятно поношенъ, лицо—худосочно, со всѣми признаками недоѣданія, вліянія холодной квартиры, дурного воздуха.

Криницкій уже четыре дня сидѣлъ надъ своей дебютной вѣдомостью. Хотя это было до очевидности долго, но я не беспокоилъ его, потому что далъ ему работу неспѣшную. Изрѣдка я позволялъ себѣ заглянуть въ его выкладки, и то какъ-нибудь черезъ плечо, или хорошенько перекосивъ глаза. Я видѣлъ невѣроятно-длинные столбцы, цѣлыя вучи цифръ, которыми онъ исписывалъ листъ за листомъ, и я никакъ не могъ понять, для чего все это. Наконецъ, онъ объявилъ:

— Ну, я кончилъ! Можете подвергнуть критикѣ!—Я взглянулъ, и съ перваго раза у меня зарябило въ глазахъ.

— Что за чертовщина!—воскликнулъ я, пристально всматриваясь въ цифры.—Гласныхъ всѣхъ шестьдесятъ, а въ томъ числѣ мѣщанъ одинъ миллионъ триста тридцать четыре тысячи семьсотъ восемнадцать... Это вы подшутить хотѣли, Аполонъ Сергѣичъ? а?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это странно! — согласился онъ со мной. — А я этого и не замѣтилъ!..

— Но какимъ образомъ вы получили эти цифры?

— Видите ли, я употребилъ особый методъ... Какъ бы вамъ это объяснить... Ну, однимъ словомъ, изъ высшей математики...

Я взглянулъ въ густые столбцы цифръ и рассмотрѣлъ въ нихъ и пьсы, и игреки, и зеты, и квадратные корни, и безконечныя дроби, и чуть ли даже не логарифмы. Криницкій былъ очень смущенъ неожиданными результатами своего метода, который онъ считалъ непогрѣшимымъ. Мы рекомендовали ему первыя четыре правила ариметики, которыхъ было совершенно достаточно для осуществленія нашей грандіозной задачи. Онъ принялъ совѣтъ скромно и съ сознаниемъ своего заблужденія.

Между тѣмъ Николай Алексѣевичъ писалъ отчетъ. Въ теченіе этой недѣли я видѣлся съ нимъ каждый день урывками. Онъ забѣгалъ (именно забѣгалъ, а не заходилъ) въ канцелярію, наскоро пожималъ всѣмъ намъ руки, спрашивалъ, какъ идетъ дѣло, и, не дождавшись даже отвѣта, удиралъ къ себѣ. Я былъ совершенно увѣренъ, что у него написана цѣлая гора страницъ.

Однажды я спросилъ Ивана Ивановича:—Ну что, какъ подвигается работа Николая Алексѣевича?

— Какая работа?

— А онъ же пишетъ отчетъ!..

Иванъ Ивановичъ прыснулъ и залился смѣхомъ.

— Отчетъ? Не знаю, что у него выйдет за отчетъ! Къ нему каждую минуту лѣзутъ по дѣламъ. А доклады? а рефераты?..

— Да вѣдь онъ все это бросилъ на время!

— Какъ же, дожидайтесь, бросить онъ! Онъ хочетъ все поспѣть! Не слышалъ я что-то про вашъ отчетъ!..

Это было для меня новостью. Вѣдь до комиссіи оставалось меньше недѣли. Я зашелъ къ Николаю Алексѣвичу. Онъ въ сильномъ нервномъ напряженіи бѣгалъ по комнатамъ.

— Что съ вами?—спросилъ я.

— Ахъ, голубчикъ, что мнѣ дѣлать? научите! Я сѣлъ, наконецъ, за этотъ дурацкій отчетъ. Вотъ посмотрите, написалъ десять строчекъ и дальше ни шагу. Ничего нѣтъ въ головѣ, рѣшительно ничего... Только обмакну перо въ чернильницу и приставлю его къ бумагѣ—сейчасъ въ головѣ мелькаетъ мысль: коломенскій домъ уже два дня безъ дворника—какъ тутъ быть? Ахъ, вы не можете себѣ представить, что дѣлается въ моей головѣ! Прочитайте, пожалуйста, вступленіе.

Я прочиталъ: „Прежде чѣмъ приступить къ детальному изложенію данныхъ, добытыхъ ревизіей, я считаю своимъ долгомъ предпослать общія положенія, характеризующія то состояніе, въ которомъ, по мнѣнію моему, въ настоящее время обрѣтается дѣло, составляющее предметъ настоящаго отчета“...

— Дальше ничего не могу написать. Извольте высѣчь меня—ни слова не напишу... Ни общихъ положеній, ни детального изложенія, ни данныхъ, никакого чорта въ головѣ моей нѣтъ... Голубчикъ, не можете ли вы?..

— Я? Что же я могу?

— Написать отчетъ!..

Онъ смотрѣлъ на меня, я на него. Ему достаточно было моего согласія, чтобы онъ повѣрилъ въ мою способность. Мнѣ же это показалось невозможнымъ. Выполнялъ я на своемъ вѣку всякія работы, но не считалъ себя способнымъ подъять это бремя. Вѣдь тамъ, въ комиссіи, засѣдаютъ все солидные государственные мужи, сановники, привыкшіе къ основательнымъ докладамъ, написаннымъ точнымъ языкомъ, и вдругъ имъ приподнесутъ нѣчто, изображенное легкомысленнымъ и неопытнымъ перомъ человѣка безъ опредѣленныхъ занятій.

Впрочемъ, минуты черезъ двѣ, мнѣ показалось, что хотя это и не легкое дѣло, но мыслимое и взятыя за него можно. Николай Алексѣвичъ между тѣмъ продолжалъ умолять:—Возьмитесь, вы сможете, вы отлично напишете!.. Вы приспособитесь, не даромъ же вы гений приспособляемости!..

Надо было еще только двѣ минуты, чтобы эта работа показалась мнѣ сущими пустяками. Почему же нѣтъ? подумалъ я. Еслибы Николай Алексѣевичъ писалъ самъ на основаніи нашей статистической чепухи, то правда отъ этого ничего не выиграла бы.

— Хорошо, я согласенъ!—объявилъ я. Погонкинъ бросился ко мнѣ, схватилъ мои руки и принялся бѣшено трясти ихъ.

— Ахъ, вы не повѣрите, какъ я вамъ благодаренъ! Вѣдь у меня силъ не хватаетъ, просто нѣтъ физической возможности! Да еще въ послѣднее время какъ-то такъ северно работается... Такое состояніе духа неподходящее.

— Что же съ вами?

— Право, и самъ не могу опредѣлить! Нервы, знаете... По ночамъ не спится, аппетитъ северный, на все злость беретъ, все противно. Иной разъ мнѣ кажется, что я вотъ сейчасъ съ ума сойду. Нѣтъ, не то—а словно сію минуту голова развалится на части. Мысли, чуждыя одна другой, распираютъ ее во всѣ стороны. Ахъ, Боже мой, Боже мой! сколько я далъ бы, чтобы избавиться отъ этой жизни и устроить другую!.. Скажите, вы давно были у Здыбаевскихъ?

Онъ дѣйствительно въ послѣдніе дни сталъ еще безпокойнѣе, лицо сдѣлалось дряблымъ и зеленымъ, только глаза постоянно горѣли и свѣтились блескомъ. Я сообщилъ ему, что у Здыбаевскихъ былъ наканунѣ, что у нихъ все по старому, вспоминали о немъ, занимались музыкой.

— Что за прелестные люди!—восторженно воскликнулъ онъ. —Что за чудная дѣвушка Лизавета Федоровна!..

Этотъ восторженный отзывъ, повторявшійся слишкомъ часто, началъ наводить меня на подозрѣнія: неужели онъ имѣетъ виды? Но достаточно мнѣ было взглянуть на его непрезентабельную фигуру, вспомнить, чему посвящаетъ этотъ человѣкъ свою жизнь, чтобы всякія подозрѣнія разсѣялись. Гдѣ ему!

Съ слѣдующаго дня управленіе „канцеляріей“ было передано Рапидову, я же помѣстился въ кабинетъ Погонкина и тамъ писалъ отчетъ. Первые двѣ-три страницы шли у меня туго, но я очень скоро освоился, и дѣло пошло какъ по маслу. Я вполне проницая ролью государственнаго человѣка, вдавался въ важныя разсужденія, цитировалъ цифры и заполнял вѣдомостями цѣлыя страницы.

Приближался день засѣданія комиссіи. Я оканчивалъ первую часть. Въ квартирѣ Погонкина кипѣла страшная горячка. Въ канцеляріи съ неимоверной быстротой фабриковались вѣдомости. Когда мнѣ ихъ приносили, въ качествѣ материала, я только раз-

водилъ руками. Рапидовъ, очевидно, не успѣвалъ провѣрять барышню, а медицинскій студентъ Крилицкій дѣятельно примѣнял свой методъ изъ высшей математики. Но такъ какъ все это приводилось, въ концѣ концовъ, къ *ста* процентамъ, то можно было примириться.

Я пачкалъ страницу за страницей; отчетъ выросталъ. Передъ моими глазами ежеминутно мелькали неугомонные клиенты Николая Алексѣевича, съ которыми онъ торговался, внушалъ, платилъ. Иногда онъ садился на краю стола и набрасывалъ какой-нибудь докладъ. Но тутъ явилась новая забота: надо было сыскать переписчиковъ для моего произведенія.

— Я могу вамъ порекомендовать переписчика!—сказалъ я, вспомнивъ еще объ одномъ своемъ пріятелѣ безъ опредѣленныхъ занятій, которому тоже не мѣшало дать пицу.

— А кто онъ таковой?

— Кто? Да такъ себѣ... Гражданинъ россійской имперіи!..

Николай Алексѣичъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, это невозможно. Подобныя вещи должны быть переписываемы спеціалистами.

Послѣдовало надавливаніе кнопки и появленіе Ивана Ивановича.

— Сходите къ Мусину и Паршикову и передайте имъ отъ моего имени покорнѣйшую просьбу пожаловать сюда для переписки отчета!..

Вечеромъ того же дня я увидѣлъ обоихъ „спеціалистовъ“, Мусина и Паршикова. Это были въ высшей степени приличные люди, которыхъ по внѣшнему виду можно было принять, по крайней мѣрѣ, за начальниковъ отдѣленій. У обоихъ были великолѣпныя бороды — у Мусина черная на манеръ перевернутой пирамиды, у Паршикова посвѣтлѣе — въ формѣ четырехъ-угольника, обѣ тщательно расчесанныя. У Мусина въ тому же еще водились густыя кудрявые волосы, а у Паршикова просвѣчивала лысина. Оба они были примѣрно въ подъ-сорокалѣтнемъ возрастѣ и имѣли чинъ коллежскаго совѣтника. Весь ихъ талисманъ заключался въ необычайно красивомъ почеркѣ, за который имъ платили весьма солидное жалованье и давали чины. Они съ полною увѣренностью рассчитывали умереть статскими совѣтниками съ пенсіей.

— Садитесь, господа, пожалуйста, прошу васъ, очень радъ васъ видѣть! Очень, очень радъ!—разсыпался передъ ними Николай Алексѣевичъ, и они принимали это съ солидной любезностью, сажались въ позахъ вѣжливыхъ, но далеко не робкихъ, и вообще

вели себя хотя и сдержанно, но самостоятельно. Николай Алексѣвичъ познакомилъ ихъ съ моею работою и объяснилъ, для какой важной цѣли она предназначается.

Они посмотрѣли на меня крайне недобѣрчиво, очевидно, чутьемъ угадавъ, что я, съ канцелярской точки зрѣнія, въ высшей степени несовершенное существо.

— Очень мы заняты, Николай Алексѣвичъ!—говорили они:— не знаемъ, какъ и быть...

— Ужъ тамъ какъ хотите, господа... Какъ-нибудь ужъ постарайтесь для его превосходительства...—Одно только напоминаніе о его превосходительствѣ совершенно излечило ихъ отъ нерѣшительности; они приняли работу и даже общались ночей не спать.

Такимъ образомъ моему сомнительному отчету предстояло вступить въ очень важный фазисъ: перенесеніе на слошовую бумагу руками „спеціалистовъ“, коллежскихъ совѣтниковъ, существующихъ для экстренно-важныхъ бумагъ, Мусина и Паршикова.

Насталъ и канунъ засѣданія комиссіи.

VI.

Въ одиннадцать часовъ вечера, когда мы напрягали всѣ силы, чтобы привести весь матеріалъ первой части въ порядокъ, подбирая подходящія вѣдомости, въ видѣ приложенія къ отчету, и еще разъ зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы вездѣ цифры говорили одно и то же, а главное, чтобы проценты составляли *сто*, Николай Алексѣвичъ былъ экстренно вызванъ къ его превосходительству. Въ ожиданіи его мы отдыхали и пили чай. Иванъ Ивановичъ по какому-то неувимымъ признакамъ, въ родѣ особаго отгѣна телефоннаго звонка, которымъ былъ вызванъ Погонинъ, предсказывалъ какою-нибудь катастрофу.

— Ужъ это непременно что-нибудь этакое... особенное, неожиданное!.. Ужъ это повѣрьте, у меня предчувствіе...

И дѣйствительно, когда Николай Алексѣвичъ вернулся, то по первымъ его пріемамъ можно было догадаться о какой-нибудь непріятности. Крайне впечатлительный, не умѣвшій ни минуты таить то, что у него было въ душѣ, онъ, въ случаѣ непріятности, тотчасъ же раздражался негодованіемъ, которое, въ концѣ концовъ, переходило въ покорность судьбѣ. Но на этотъ разъ онъ молча переодѣлся, сказалъ мнѣ какихъ-то, не относя-

щихъ къ дѣлу, два слова, сѣлъ въ кресло, закурилъ папиросу и погрузился въ думы.

Такъ онъ сидѣлъ добрыхъ десять минутъ, и это его необычайное молчаніе сильно интриговало меня. Должно быть, что-нибудь очень ужъ сильное приподнесъ ему его превосходительство, если онъ сдѣлался способнымъ такъ долго сидѣть на одномъ мѣстѣ и молчать.

— Какъ вы думаете, Николай Алексѣевичъ,—началь я для того, чтобы напомнить ему о себѣ:—если купцы составляютъ $\frac{1}{5}$ всего состава думы...

Вдругъ мой патронъ вскочилъ съ своего мѣста и замахалъ на меня руками.

— Бросьте, пожалуйста, вашихъ купцовъ! Я совсѣмъ забылъ вамъ сказать: комиссіи завтра не будетъ...

— Какъ не будетъ?

— Такъ, не будетъ, да и только... Это обыкновенная судьба всѣхъ комиссій. Онѣ семь разъ отмѣняются и только на восьмой засѣдаютъ... Она отсрочена на шесть недѣль...

— Однако!.. А какъ же мы-то всѣ будемъ?

— О, это пустяки! Всѣ останутся по прежнему... Работа найдется. Теперь мы имѣемъ возможность еще болѣе тщательно обработать матеріалъ...

И онъ съ мрачно опущенной головой заходилъ по комнатѣ.

— Странно, однако, что это въ сущности пріятное извѣстіе такъ опечалило васъ!—сказалъ я.

Онъ остановился и горько усмѣхнулся.

— Вы думаете: это? Нѣтъ, не это!..

— А что же?

Онъ молча раза три прошелся по комнатѣ.

— Послушайте, Владиміръ Сергѣичъ, я вамъ скажу... Надо же мнѣ кому-нибудь сказать это... Только, прошу васъ, никому не передавайте... Это пакость и мерзость!.. Да, пакость и мерзость!

Это онъ сказалъ чрезвычайно выразительно и сѣлъ противъ меня съ совершенно подавленнымъ видомъ.

— Я не могу отказать... Что-жъ, это значило бы отказаться отъ всего... Но вы не можете себѣ представить, какъ это меня мучить, какъ это мнѣ несвойственно, противно... А впрочемъ,—прибавилъ онъ съ саркастической усмѣшкой,—на практическомъ языкѣ это называется коммерческой сдѣлкой... Можно на этомъ успокоиться...

— Въ чемъ же дѣло?

— Ахъ, дѣло въ томъ, дѣло въ томъ... Однимъ словомъ, па-вость... Видите ли, его превосходительство изволилъ облюбовать одно имѣннице въ тульской губерніи... Имѣннице недурненькое, тысячь восемьсотъ стоить... Но при известной обстановкѣ его можно купить за пятьсотъ... Съ одной стороны, умѣючи дать тому, другому, третьему отступного, а съ другой—требуются подставныя лица, которыя будутъ торговаться якобы отъ своего имени... Но вы понимаете, что для всего этого необходимо соглашеніе съ нѣкоторыми мѣстными дѣятелями. Словомъ сказать, для всего этого надобно затратить такую массу мерзости, какой не у всякаго хватитъ...

— Да что же вамъ-то отъ всего этого?

— Мнѣ? Да вѣдь я же секретарь!.. Слѣдовательно, на моей обязанности лежитъ обдѣлать все это дѣло, для каковой цѣли я завтра же долженъ ѣхать въ тульскую губернію... Да-съ, завтра. Я еще не знаю, чѣмъ я буду: подставнымъ лицомъ или покупателемъ по довѣренности... Это рѣшится на мѣстѣ. Но не все ли равно? Чортъ возьми!.. Я, съ своими идеально-благородными стремленіями, я, интеллигентный человѣкъ, министерскій чиновникъ не безъ видной карьеры, я—подставное лицо на торгахъ! Можно ли этому повѣрить? Но послушайте, Владиміръ Сергѣичъ, я прошу васъ, не говорите объ этомъ никому, никому, особенно Здыбаевскимъ... Вѣдь это загрязнить мою репутацію. Вѣдь никому нѣтъ охоты вникать въ мое положеніе...

— Откровенно говоря,—замѣтилъ я,—я въ вашемъ положеніи не вижу ничего, вынуждающаго васъ такъ поступать...

— Какъ-съ? Отказаться? Бросить секретарство? Да меня тогда сейчасъ же забудутъ, затрутъ, забросятъ, а можетъ быть и выбросятъ. Нѣтъ, ужъ если я выбралъ служебную линію и протянулъ на ней двѣнадцать лѣтъ, то надо добратся до ступени, дающей самостоятельность. Это ужъ какъ хотите! Двѣнадцать лѣтъ не такая малая величина, чтобы ее не принимать въ расчетъ. Я ихъ потратилъ и имѣю право что-нибудь получить за нихъ. Нѣтъ-съ, я поѣду, буду смѣяться надъ собой, негодовать на себя, но поѣду и стану дѣятельно хлопотать о выгодной покупкѣ имѣнія... Мнѣ иначе нельзя...

На другой день онъ заѣхалъ на пять минутъ къ Здыбаевскимъ и сказалъ, что ѣдетъ по какому-то министерскому порученію. Вечеромъ онъ уѣхалъ на вокзалъ, прихвативъ съ собой Ивана Иваныча; я провожалъ ихъ, и когда вошелъ въ вагонъ, то, въ удивленію моему, нашелъ тамъ Паршикова и Мусина, которые занимали свои мѣста въ купе солидно и съ достоинствомъ.

Они привстали и раскланялись чинно и безъ смущенія. Очевидно, они ѣхали тоже по порученію его превосходительства.

Пожимая мнѣ на прощанье руку, Николай Алексѣевичъ сказалъ:—Знаете ли, я много думалъ и рѣшилъ: сдѣлаю это дѣло его превосходительству и скажу: до свиданія!

Сказалъ онъ это тономъ глубокаго убѣжденія, но я все-таки не повѣрилъ. Вѣдь сказать „до свиданія“ гораздо удобнѣе было теперь, когда былъ для этого такой хорошій поводъ.

Я побывалъ у Здыбаевскихъ. Ѳедоръ Михайловичъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ:

— Это министерское порученіе вѣдь мнѣ, не правда ли? А въ сущности нашего невиннаго младенца послали торговаться?

— Почему вы знаете? — невольно вырвалось у меня, и такимъ образомъ я, можетъ быть, выдалъ тайну Погонкина.

— Знаю. Это онъ по своей наивности думаетъ, что носить въ груди тайну, а въ министерствѣ вся канцелярія знаетъ, куда и затѣмъ его командировали.

— Не можетъ быть! Кто же рассказалъ?

— Кто? Да прежде всего самъ его патронъ. Это особаго рода невинное генеральское хвастовство. Дескать, вотъ какъ я съ секретаремъ обращаюсь... Что хочу, то и сдѣлаю съ нимъ... Ахъ, Николай Алексѣичъ, какъ онъ мало себя цѣнитъ и уважаетъ!.. Вы не можете себя представить, какъ я былъ взбѣшенъ, когда узналъ эту исторію!.. Я даже своимъ не сказалъ, и вы не говорите. Только Антонъ Петровичъ знаетъ...

Я распустилъ свою канцелярію на отдыхъ, и всѣ наши статистики, не исключая и меня, завалились на три дня спать. Вѣдь въ послѣдніе дни, посвѣщая къ открытію комиссіи, мы почти не смыкали глазъ. Черезъ пять дней вернулся Николай Алексѣевичъ съ своей свитой.

Онъ прямо съ вокзала поѣхалъ къ его превосходительству; благодаря этому обстоятельству, первыя путевыя свѣденія я получилъ отъ Ивана Иваныча.

— Ну, и ловежъ же нашъ Николай Алексѣевичъ! Прямо даже не ожидалъ!—восклициалъ онъ конфиденціальнымъ тономъ, когда мы оказались одни въ кабинетѣ:—такъ дѣло обдѣлалъ, что самому настоящему адвокату въ пору!..

— Купили?

— Какъ же!? За четыреста семьдесятъ-пять тысячъ! А имѣніе стоитъ цѣлыхъ восемьсотъ! И все онъ, все онъ! Просто чудеса! Какъ стараясь! Словно для себя самого!.. А скупердяга какой! Тутъ своими собственными швыряетъ, а тамъ каждую копейку

считаль. Обо всемъ, говорить, отчетъ потребуется. Повѣрите ли, ни разу даже покушать хорошенько не удалось; насъ троихъ—меня, Мусина и Паршикова, въ одномъ паскудномъ номерѣ держаль! Вотъ ужъ не понимаю. Сказать бы—свои деньги, а то чужія, да еще такого богача...

Николай Алексѣвичъ пріѣхаль отъ своего патрона необычайно оживленный и довольный. Онъ весело рассказываль разные путевые эпизоды, но о подробностяхъ покупки имѣнія да и о самой покупке умалчиваль.

— Его превосходительство очень, очень доволенъ!.. Представьте себѣ, не успѣлъ я войти въ нему, какъ онъ: „поздравляю васъ съ производствомъ!“ Понимаете? Въ слѣдующій чинъ! Такъ быстро! Вѣдь я въ прошломъ году только произведенъ... Вотъ что значить секретарство!.. Да-съ...

Онъ самымъ искреннимъ образомъ тѣшился этой радостью, и, казалось, лучшей награды за свой подвигъ не желаль.

— Онъ чрезвычайно доволенъ. Имѣніе дѣйствительно роскошное и куплено за грошъ!.. Паршикову и Мусину выдается по пятьсотъ рублей, Ивану Ивановичу триста... Я получилъ право расширить квартиру на счетъ смежной... Сдѣлаю себѣ большой залъ и поставлю тамъ рояль... Позову Здыбаевскихъ и пойдеть у меня музыка... Всю нашу статистическую канцелярію на радостяхъ велѣно оставить и даже можно еще пригласить... Однимъ словомъ—результатъ блестящій!..

Онъ, какъ ребенокъ, одинаково упивался и повышеніемъ въ чинѣ, и постановкой рояля въ предполагаемомъ залѣ, и тѣмъ, что у него будетъ музыка. Хотѣлъ я напомнить ему о намѣреніи, по окончаніи дѣла съ покупкой имѣнія, бросить секретарство, но рѣшилъ, что это будетъ бесполезно. Его настроеніе ясно доказывало, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Ну-съ, теперъ займемся нашимъ отчетомъ... Надо, чтобы онъ вышелъ потрясающимъ, подавляющимъ... Что бы такое придумать еще? а? Что-нибудь такое, что никому больше не могло бы придти въ голову?! Какое-нибудь приложеніе, дополненіе... Какъ вы думаете?..

— Можно!—сказаль я:—очень эффектная штука...

— Ну? Что же это?

— А вотъ что: тѣ самыя свѣденія, которыя мы даемъ въ вѣдомостяхъ, изобразить графически!..

— Графически? Это что же означаетъ въ данномъ случаѣ?

— Это значить наглядно, при помощи чертежей... Можно пустить въ краскахъ, если вамъ не жаль денегъ.

— А въ самомъ дѣлѣ! Я поняль, поняль—это идея! Это,

знаете, можетъ прямо въ лоскъ положить членовъ комиссиі... Раскрываютъ отчетъ—и вдругъ такая штука... Все какъ на ладони!.. Великолѣпно! А вы и это умѣете?

— Почему же нѣтъ?

— Ну, знаете, вы... вы дѣйствительно геній приспособляемости!.. Ужъ вы меня извините, а я не могу вамъ платить сто рублей, отнынѣ вамъ даю двѣсти... Ужъ извините.

— Охотно извиню вамъ это. Только я могу лишь вчернѣ, а бѣловая работа должна быть исполнена мастеромъ своего дѣла.

— Послушайте! Вотъ идея! Мы пригласимъ Сереженьку Здыбаевского! Онъ отлично умѣетъ чертить!.. Вѣдь ему дѣлать нечего, и отчего не заработать карманныхъ денегъ! Великолѣпно! Приступимъ!.. А его превосходительство какъ пріятно будетъ пораженъ, когда мы ему приподнесемъ эту штуку! Bravo, ей-ей, bravo!..

Сереженька охотно согласился, такъ какъ его артистическія занятія оставляли ему достаточно свободнаго времени. Этотъ живой, веселый юноша сразу установилъ въ нашей канцеляріи юмористическій тонъ. Консерваторскій ученикъ Спицынъ обрадовался ему, какъ находкѣ, зато серьезная барышня окончателно сдвинула брови и приобрѣла видъ оскорбленной женщины. Вслѣдствіе этого и Рапидовъ началъ дуться на насъ, и эти два обстоятельства стѣсняли насъ.

— Слушайте, Николай Алексѣевичъ, — сказалъ однажды Сережа, когда мы были втроемъ въ кабинетѣ:—нельзя ли ее, эту строгую особу, взять на полную пенсію?

— Какимъ образомъ?

— Да такъ, чтобы платить ей жалованье, а она сидѣла бы дома!

— Она на это не согласится, обидится... А вотъ что я могу для васъ сдѣлать. Я предложу ей заняться приведеніемъ въ порядокъ моей бібліотеки. Пусть себѣ роется въ шкафахъ.

— И вы обрекаете себя на подвигъ совмѣстнаго пребыванія съ нею?

— Нѣтъ, Боже сохрани!.. Я ей предоставлю тѣ два шкафа, что у меня въ гостиной.

Барышня охотно согласилась. Она нашла, что это интеллигентное занятіе къ ней больше подходитъ. Въ нашей канцеляріи полились шутки, остроты, анекдоты, не всегда цѣломудренные, и неподдѣльный смѣхъ. Рапидовъ совсѣмъ перемѣнился, пересталъ дуться и сдѣлался милымъ статистикомъ.

Въ то время, какъ мы съ Сереженькой дѣлательно чертили графическія изображенія статистическихъ величинъ, Николай Алек-

сѣвичъ съ увлеченіемъ занимался расширеніемъ своей квартиры, насколько позволяли ему многосложныя секретарскія обязанности и служба. Работа шла быстро. Въ какія-нибудь двѣ недѣли квартиры были уже соединены, образовался залъ, дѣйствительно большой и высочій, овлеивались обоими стѣны.

Пришелъ Антонъ Петровичъ, поохоталъ надъ нашими рисунками, назвалъ ихъ „до дерзости смѣлымъ шагомъ“ и, побывавъ въ новомъ залѣ, сказалъ намъ тихонько:

— Готовъ держать пари, что онъ замышляетъ жениться! помяните мое слово!

Николай Алексѣвичъ вѣчно говорилъ о своемъ залѣ, о предполагаемой отдѣлкѣ его, обстановкѣ. Онъ тѣшился этимъ, какъ ребенокъ куклой, и забывалъ въ это время о статистикѣ и о своемъ секретарствѣ. Мы замѣтили, что даже видъ у него сдѣлался лучше — ясный и здоровый. Мы завтракали всѣ вмѣстѣ. Въ большой столовой накрывался длинный столъ, ставилось вино и закуски. Среди этихъ закусокъ важную роль играла лосина — результатъ недавней охоты его превосходительства, — которую мы ѣли уже три недѣли и которая намъ смертельно надоѣла. Но Николай Алексѣвичъ всякій разъ торжественно рекомендовалъ намъ ее, какъ замѣчательное блюдо, и прибавлялъ:

— Это мнѣ приподнесъ его превосходительство въ знакъ своего расположенія!

Эту фразу онъ произносилъ съ ироніей, но видно было, что онъ очень цѣнилъ этотъ знакъ расположенія его превосходительства.

Прошло около пяти недѣль съ того времени, какъ было отмѣнено засѣданіе комиссіи. Мы надѣлали кучу новыхъ вѣдомостей и такую же кучу графическихъ изображеній. Отдѣлка зала была окончена и рабочіе ушли. Николай Алексѣвичъ сіялъ отъ восторга и уже поручилъ Сереженькѣ, какъ музыканту, выбрать ему рояль у Беккера. Но тутъ произошло одно обстоятельство, которое поставило меня втупикъ.

VII.

Я пришелъ вмѣстѣ съ Рапидовымъ въ одиннадцать часовъ. Медицинскій студентъ и ветеринаръ были уже въ канцеляріи, а барышня возилась около книжнаго шкафа въ гостиной. Минуть черезъ десять пришелъ консерваторъ, началъ шутить и всѣ смѣялись. Недоставало только Сереженьки. Онъ не пришелъ и въ

дѣнадцать часовъ. Это меня удивило. Когда къ намъ забѣжалъ Иванъ Ивановичъ, я спросилъ его:

— Сергѣй Ѳеодорычъ не приходилъ еще?

— Не приходилъ!—отвѣтилъ тотъ необычайно мрачнымъ и даже почти сердитымъ голосомъ. Тутъ я обратилъ вниманіе на его внѣшній видъ. Волосы у него были растрепаны, лицо помятое, глаза красные.

— А есть кто-нибудь у Николая Алексѣевича?

— Никого нѣтъ!—такимъ же рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ онъ мнѣ, взявъ какую-то бумажку и исчезъ.

„Тутъ что-то есть“, подумалъ я: „Иванъ Ивановичъ—вѣрное отраженіе Николая Алексѣевича“. Я зашелъ въ кабинетъ.

Николай Алексѣевичъ сидѣлъ въ своемъ дубовомъ креслѣ и, облоботившись обоими локтями на столъ, повидимому былъ углубленъ въ работу. Я нечаянно стукнулъ дверью, и вдругъ онъ поднялъ голову и подскочилъ на мѣстѣ.

— Ахъ!—нервнымъ голосомъ произнесъ онъ, весь вздрогнувъ, какъ человѣкъ, внезапно разбуженный по первому сну. Лицо у него было синевато-желтое и злое. Глаза какъ-то уменьшились и ушли въ глубь орбитъ. Лобъ былъ обвязанъ мокрымъ полотенцемъ и въ комнатѣ пахло уксусомъ.—Точно нельзя не стучать!..

— Извините!—сказалъ я, совершенно подавленный этимъ необъяснимымъ пріемомъ.—Вы не знаете, отчего это до сихъ поръ нѣтъ Сереженьки?

Онъ опять вздрогнулъ и ротъ его скосился въ неприятную мину.

— Почему я могу знать побужденія Сергѣя Ѳеодорыча?—злбно произнесъ онъ.

Производство Сереженьки въ Сергѣя Ѳеодорыча было для меня обстоятельствомъ еще болѣе значительнымъ, чѣмъ тонъ рѣчи и цвѣтъ лица Николая Алексѣевича. Я сейчасъ же понялъ, что въ сферѣ его отношеній къ Здыбаевскимъ что-то произошло и что Сереженька больше сюда не придетъ.

Я взглянулъ на Николая Алексѣевича. Онъ опять твердо облокотился на столъ обѣими руками и, уложивъ голову на ладони, весь ушелъ въ лежавшую передъ нимъ бумагу. Я понялъ это такъ, что мнѣ надо уходить, и направился къ двери.

Но въ тотъ моментъ, когда я взялся за ручку двери, меня поразилъ и даже испугалъ странный звукъ—словно что-то довольно громоздкое со всего размаха полетѣло въ уголъ. Я оглянулся и увидѣлъ, что толстое „дѣло“, сію минуту лежавшее передъ Погонкинымъ, дѣйствительно лежало уже въ углу и какъ-

то жалостно корчилось, точно и въ самомъ дѣлѣ было ушиблено, самъ же Николай Алексѣевичъ откинулся на спинку кресла, сильно закинулъ голову назадъ, крѣпко зажмурилъ глаза и прижалъ правую руку къ сердцу.

— Что съ вами?—осторожно спросилъ я, подойдя къ столу.

Онъ раскрылъ глаза и выпрямился.

— Ничего... Чепуха какая-то!.. Чепуха, чепуха и чепуха!.. Зачѣмъ и почему и для какой великой цѣли—неизвѣстно, совершенно неизвѣстно!.. А главное—сердце болитъ, сердце, Владимиръ Сергѣичъ, не выдуманное, а настоящее, физиологическое сердце!.. Да-съ!.. И я умру отъ сердца! Вотъ увидите! Оно лопнетъ, оно должно лопнуть, оно непременно, непременно лопнетъ!..

— Что за пессимистическое настроеніе!

— Нѣтъ, вовсе не пессимистическое и не настроеніе, а факты, таковы факты!—Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.—Что же въ самомъ дѣлѣ пріятнаго въ жизни? Что въ ней такого, что могло бы меня особенно привязать къ ней? Ничего-съ! Умственная жизнь? Она доступна только богачамъ, а у такихъ людей, какъ я, вся жизнь идетъ на добываніе средствъ. Женщины? Пускай онѣ морочатъ голову, кому хотать, только не мнѣ... Я не изъ тѣхъ, что способны убивать время на созерцаніе ихъ прекрасныхъ, но лицемерныхъ глазъ...

— Вы еще вчера были другого мнѣнія о женщинахъ, или, по крайней мѣрѣ, объ одной изъ нихъ...

— Не знаю-съ... Не думаю-съ!—съ ѣдкой экспрессіей перебилъ онъ меня. Онъ пересталъ ходить, сѣлъ на диванъ и опять приложилъ руку къ сердцу. Я посоветовалъ ему позвать доктора.

— Ха!.. Удивляюсь! Какой докторъ можетъ вылечить меня отъ моей жизни, отъ моихъ обстоятельствъ?

— Вы сами навязали себѣ эти обстоятельства. Вы могли бы обойтись безъ нихъ...

— Очень можетъ быть... У всякаго свое мнѣніе и каждый имѣетъ право свободно высказывать его и жить по немъ. Я это и дѣлаю...

Разговоръ въ такомъ тонѣ не доставлялъ мнѣ удовольствія, и я воспользовался первымъ поводомъ уйти, оставивъ Николая Алексѣевича съ рукой, приложенной къ сердцу, и съ закрытыми глазами.

Сереженька не пришелъ. Вечеромъ я былъ у нихъ. Я нашелъ всѣхъ въ угнетенномъ настроеніи. Молодой человекъ валялся на диванѣ въ своей комнатѣ, въ которой было почти темно.

— Отчего вы не велите зажечь лампу?—спросилъ я.

— Не стоитъ!—мрачно отвѣтилъ Сереженька.

— А почему вы не пришли сегодня къ Погонкину?

— По весьма дурацкой причинѣ.

— А именно?

— А именно—не скажу, ибо не увѣренъ, что это не тайна. Нынче у насъ что ни шагъ, то тайна. Подите къ папочкѣ, онъ вамъ расскажетъ.

Сергѣй Ѳеодорычъ, кажется, первый разъ въ жизни былъ въ такомъ настроеніи. Обыкновенно онъ бывалъ веселъ, добродушенъ, остроуменъ и смѣшливъ, никогда не злился и не дулся. Я прошелъ въ кабинетъ. Старики Здыбаевскій сидѣлъ за письменнымъ столомъ и съ сосредоточеннымъ видомъ медленно разрѣзавъ и перелистывалъ страницы „Русской Старины“.

— А! Садитесь, голубчикъ, садитесь... Чтò новаго?

— Новое-то у васъ,—замѣтилъ я:—Николай Алексѣевичъ въ небываломъ настроеніи, у васъ здѣсь какое-то мрачное затишье, и мнѣ кажется, что между тѣмъ и другимъ есть тѣсная связь...

— Къ сожалѣнію, есть!.. Да, представьте, голубчикъ, есть... —промолвилъ Ѳеодоръ Михайловичъ, отодвигая отъ себя книгу.— Ужасно мнѣ это больно, — продолжалъ онъ, помолчавъ, — но, право же, я тутъ не при чемъ и поправить дѣла не могу... Не могу!..

Онъ опять помолчалъ. Повидимому, ему было не легко изложить самое дѣло.

— Николай Алексѣевичъ человекъ хорошій,—снова заговорилъ старики,—я уважаю его. Умный, сердечный... Но это проклятое секретарство сводитъ всего его на нуль. Ну, а все-таки я его уважаю, да и мои тоже уважаютъ его—и Сергѣй, и Лиза. Но одного этого мало, нужно кое-что другое. Онъ какъ-то это внезапно, неожиданно вдругъ налетѣлъ и сдѣлалъ Лизѣ предложеніе, а она отказала... Вотъ и все. Я, разумѣется, ничего не могу подѣлать. Но вы не повѣрите, какъ мнѣ горько... А что, скажите, какъ онъ?

Я не сразу отвѣтилъ. Новость, которую я узналъ, собственно говоря, для меня не была неожиданностью; я подозревалъ, я почти зналъ это. И тѣмъ не менѣе она меня рѣшительно поразила—до такой степени это мало шло къ Николаю Алексѣевичу.

— Онъ? онъ очень измѣнился. Осунулся, повеленѣлъ, обвязавъ голову мокрымъ полотенцемъ, жалуется на сердечную боль, — наконецъ отвѣтилъ я.

— Да, у него сердце ненадежное... Жаль мнѣ этого человека, ужасно жаль!.. Онъ изуродовалъ свои нервы и свою жизнь. А за чтò и ради чего? Вѣдь этотъ его патронъ помыкаетъ имъ,

какъ пѣшковой, заставляетъ его унижаться до гадостей, въ родѣ покупки имѣнія при посредствѣ подставныхъ лицъ... Очень все это печально! И знаете, вѣдь все это можетъ кончиться чортъ знаетъ чѣмъ. Мнѣ достовѣрно извѣстно... ну, или почти достовѣрно, что особа эта стоитъ теперь непрочно, положеніе ея поколеблено... Вы представьте, что онъ слетитъ—куда дѣнется вся эта каторжная служба Николая Алексѣевича? Вѣдь его затрутъ, мусоромъ засыплютъ... Ахъ, ахъ, ахъ!..

За чаемъ я видѣлъ Лизавету Ѳедоровну. Она была блѣдна и молчалива. Разговоръ ни разу не коснулся щекотливаго предмета, вертѣлся на какомъ-то концертѣ и шель вяло. Послѣ чаю Сергѣй вышелъ со мной на улицу. Онъ сказалъ, что ему дома скучно и не по себѣ.

— Я не понимаю Лизу. Какого ей еще мужа надо?—съ досадой говорилъ онъ мнѣ.—Человѣкъ симпатичный, обеспеченный, съ хорошимъ положеніемъ въ будущемъ. Чѣмъ не мужъ?

— Не любить, что подѣлаете!

— Еще бы! Маль ростомъ, одутловатъ, не умѣетъ любезничать и говорить гражданскихъ фразъ... Однимъ словомъ, не герой! А его-то это совсѣмъ скрутило. Я видѣлъ, какъ онъ выходилъ отъ насъ. Совершенно точно его прищемили съ трехъ сторонъ... Бѣдняга Николай Алексѣевичъ!

На другой день утромъ, едва я взялъ въ руку газету, какъ долженъ былъ всочить и налетѣть на моего сожителя Рапидова.

— Нѣтъ, ты прочитай, прочитай, пожалуйста! Коммиссія—это наша-то коммиссія, для которой мы писали, чертили—закрываетъ свои дѣйствія!.. А вотъ это-то еще лучше: его превосходительство, нашъ-то его превосходительство, могущественный покровитель Николая Алексѣевича—въ отставку по прошенію! Какое? Чтѣ же теперь будетъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ?

Рапидовъ, какъ человѣкъ, мало посвященный въ суть дѣла и не успѣвшій сблизиться съ Погонянымъ, не могъ достаточно глубоко прочувствовать это извѣстіе. Я побѣждалъ къ Антону Петровичу.

— Да, представьте! Я самъ пораженъ! Нечего и говорить, что вся ваша статистика, со всѣми выкладками и чертежами, къ чорту пошла! Но въ этомъ, я полагаю, нѣтъ большой бѣды, ибо она достигла своей цѣли, прокормивъ въ теченіе многихъ недѣль добрую компанію хорошихъ людей. Но Николай Алексѣевичъ—это другое дѣло! Два удара сразу!

Мы отправились къ Здыбаевскимъ. Ѳедоръ Михайловичъ только-

что отпилъ чай и ходилъ по своему кабинету въ жестокомъ волненіи.

— Совпаденіе проклятое!—восклицалъ онъ.—Чего добраго, онъ подумаетъ, что ему и отказали-то не спроста. Дескать, намъ уже было извѣстно про его паденіе—вотъ мы и разочли, что онъ пересталъ быть выгоднымъ женихомъ, и отказали... Понимаете? При одной мысли, что онъ можетъ такимъ образомъ подумать, меня бросаетъ въ лихорадку!.. Знаете что, господа? Поѣдемте сейчасъ къ нему, выразимъ ему сочувствіе, поддержимъ его, ободримъ!.. Вѣдь, собственно говоря, это для него счастье. Онъ еще молодъ, можетъ работать и до чего-нибудь доработается. Это избавляетъ его отъ кабалы. Поѣдемте, господа!

Мы взяли экипажъ и поѣхали вчетверомъ, прихвативъ Сергѣя. Увидѣвъ издали коричневый домъ его превосходительства, гдѣ обиталъ Николай Алексѣевичъ, мы почему-то всѣ вдругъ впали въ уныніе. У всѣхъ явилось предчувствіе чего-то необычайно грустнаго и тяжелаго.

— Фу ты, какой северный день! какъ отвратительно начать! —сердито ворчалъ Федоръ Михайловичъ. — Кажется, у меня крѣпкіе нервы, а такъ и ходить-ходуномъ! На душѣ такая гадость, точно обокралъ кого-нибудь!

Мы молчали, чувствуя то же самое.

Экипажъ остановился у желѣзныхъ воротъ коричневаго дома. Въ обширномъ дворѣ какіе-то неизвѣстные люди медленно сновали изъ одного конца въ другой, повидимому, безъ всякаго дѣла и заглядывали въ окна квартиръ перваго этажа. Во второй подворотнѣ появились силуэты Мусина и Паршикова и въ тотъ же мигъ исчезли, какъ тѣни.

Поднимаясь по лѣстницѣ, мы встрѣтили пожилого господина въ сѣромъ пальто, изъ-подъ котораго видѣлся синій фракъ, а потомъ даму въ черномъ. Оба они спускались медленно и задумчиво. Наконецъ, мы позвонили. Очень скоро вышелъ Иванъ Ивановичъ и открылъ передъ нами дверь, которая оказалась отпертой. Лицо его было блѣдно и хмуро. Безъ сомнѣнія, это происходило отъ того, что и онъ, въ качествѣ необходимаго придатка, летѣлъ внизъ вмѣстѣ съ его превосходительствомъ и Погонвинымъ. Онъ тоже, какъ и спускавшаяся по лѣстницѣ дама, былъ весь въ черномъ.

— Пожалуйте, господа! — промолвилъ онъ хриплымъ, усталымъ голосомъ.

— Николай Алексѣевичъ дома?—спросилъ его Антонъ Петровичъ.

— Николай Алексѣвичъ? Да-съ... Николай Алексѣвичъ... Они... Да они вѣдь скончались!..

— Что такое?!

— Скончались въ эту ночь... Да-съ!.. Внезапно... Позвали ихъ по телефону его превосходительство... Побыли тамъ одинъ часъ, а оттуда прѣехали блѣдные, разстроенные... Стали раздѣваться, да вдругъ пошатнулись, крикнули и упали... Сердце, значитъ, разорвалось... Тамъ и докторъ свазалъ... Пожалуйте, господа!

Но мы не двигались съ мѣста, чувствуя себя такимъ образомъ, будто въ насъ неожиданно выпустили залпъ картечи. Это невозможно, это походило на свазку, на сонъ! Можно было ожидать всего, чего угодно, но не этого же въ самомъ дѣлѣ, потому что это было слишкомъ.

— Пожалуйте, господа!—твердилъ намъ Иванъ Ивановичъ, и мы бессознательно шли за нимъ, прошли коридоръ, столовую и очутились въ обширномъ залѣ, томъ самомъ, который Николай Алексѣвичъ съ такой любовью отдѣлывалъ, очевидно, уже и тогда деля мечту о семейномъ счастьѣ. Да, это была правда! Онъ лежалъ тутъ, на длинномъ столѣ, и около него были всѣ признаки того, что онъ былъ покойникъ: парча, восковыя свѣчи, двѣ родственницы, запахъ ладана, смѣшанный съ запахомъ трупа...

Николай Алексѣвичъ умеръ—это было очевидно до послѣдней степени. Онъ лежалъ съ сложенными на груди руками, вытянувшись, и казался какъ бы немного длиннѣе самого себя. Лицо его было совершенно желтое, на губахъ застыло выраженіе страшной муки, которую онъ испыталъ въ моментъ смерти.

Мы стояли потупившись и позабывъ даже перекреститься. Одна изъ внезапно отыскавшихся родственницъ всхлипывала, очевидно неискренно, и терла платкомъ совершенно сухіе красные глаза. Дьячокъ громко читалъ псалтырь. Фѣдоръ Михайловичъ долго крѣпился, но не выдержалъ и заморгалъ вѣками, изъ-подъ которыхъ полились слезы. Сереженька тоже плакалъ, да и я почувствовалъ, что глаза мои горячи и влажны. Одинъ только Антонъ Петровичъ выдержалъ характеръ и стоялъ твердо, изо всѣхъ силъ стараясь придать своему лицу каменное выраженіе.

На другой день Николая Алексѣвича Погонкина свезли на Волково владбище. Похороны были чрезвычайно приличные; было не мало знакомыхъ, сочувствующихъ, и много каретъ. Мы шли всѣ вмѣстѣ, сгруппировавшись вокругъ Здыбаевскихъ. Лизавета Фѣдоровна была блѣдна и какъ-то подавлена. Тутъ были на-лицо

всѣ статистики: Рапидовъ, ветеринаръ, консерваторъ, медикъ и барышня. Мусянъ и Паршиковъ шли, приподнявъ воротники и потупивъ взоры. Иванъ Ивановичъ руководилъ похоронами. На дворѣ стоялъ мартовскій день, теплый и сыроватый.

— Одно только мнѣ неясно въ судьбѣ этого человѣка, — сдержаннымъ и слегка взволнованнымъ басомъ говорилъ мнѣ Антонъ Петровичъ, который шелъ рядомъ со мной: — что по преимуществу сразило его: отказъ ли любимой дѣвушки, или крушеніе его превосходительства?.. Какъ вы думаете?

Я не отвѣтилъ, потому что для меня это было тоже неясно.

И. ПОТАПЕНКО.

КЕМБРИДЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

О Ч Е Р К Ъ .

I.

Когда я передъ отъездомъ своимъ въ Англію говорилъ съ нѣкоторыми знакомыми о намѣреніи своемъ пробыть годъ или два въ этой странѣ, чтобы ознакомиться съ преподаваніемъ тамъ математики, прослушать лекціи наилучшихъ профессоровъ и преподавателей по различнымъ отдѣламъ высшей математики и тѣмъ пополнить свое математическое образованіе, которое я не могъ считать законченнымъ послѣ окончанія курса въ петербургскомъ университетѣ, почти всѣ эти знакомые отговаривали меня отъ моего предпріятія. Кто же ѣдетъ въ Англію для пополненія своего образованія? Почти всѣ тѣ, которые по окончаніи курса въ одномъ изъ русскихъ университетовъ ѣдутъ за границу для усовершенствованія себя въ какой-нибудь специальной отрасли наукъ, направляются въ одинъ изъ многочисленныхъ германскихъ университетовъ. Гейдельбергъ, Галле, Боннъ, Геттингенъ, а въ последнее время въ особенности Берлинъ постоянно притягиваютъ изъ Россіи большое число слушателей; немногіе ѣдутъ въ Швейцарію, нѣкоторые въ Парижъ, а въ Англію до сихъ поръ еще никто не ѣздилъ. Однако кратковременное мое пребываніе въ Англіи два года тому назадъ показало мнѣ, что въ этой странѣ есть многое, чему можно поучиться, по крайней мѣрѣ по моей специальности. Сравнивая знанія лицъ, учившихся въ англійскихъ университетахъ, съ тѣми, которыя могли имѣть мы при полученіи степени кандидата, или даже послѣ окончанія магистерскаго экзамена, я видѣлъ, что въ отношеніи съ специальному предмету

изученія первыя во многомъ стоятъ выше послѣднихъ. Система преподаванія въ Англии мнѣ лично нравилась — въ чемъ она состоитъ, читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго — и я рѣшился рискнуть провести по крайней мѣрѣ годъ въ Англии, чтобы ознакомиться съ англійскою математикой. Если раньше меня никто не отправлялся изъ Россіи въ Англію, то это происходитъ, конечно, не потому, чтобы всѣ считали преподаваніе въ англійскихъ университетахъ стоящимъ на низшей ступени сравнительно съ Германіей. Англійскій языкъ гораздо менѣе распространенъ среди учащихся и учащихся въ Россіи, Англія вообще гораздо менѣе известна у насъ, чѣмъ Германія; весь строй нашихъ университетовъ скопированъ въ главнѣйшихъ чертахъ съ строя университетовъ германскихъ; самая программа преподаванія установлена по нѣмецкимъ образцамъ; наконецъ, такъ какъ профессора направляютъ обыкновенно своихъ слушателей туда, гдѣ они сами были, то и понятно, что почти исключительно Германія привлекала русскихъ молодыхъ ученыхъ, приготовлявшихся занять кафедры въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Итакъ, лѣтомъ 1888 года я отправился въ Англію. Лѣтнее время — вакаціонное во всѣхъ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ что я имѣлъ достаточно времени, чтобы осмотрѣться, ознакомиться съ программами различныхъ университетовъ и выбрать то, что должно было подавать надежду на самую большую пользу. Колебанія были недолговременны. Я вскорѣ убѣдился, что Кембриджъ именно дастъ то, что мнѣ нужно, и я рѣшился записаться студентомъ кембриджскаго университета. Для этого не требовалось выполненія особыхъ формальностей, сдаванія какихъ бы то ни было экзаменовъ или представленія какихъ-нибудь документовъ, какъ это требуется во многихъ континентальныхъ университетахъ. Все, что требовалось — это письменное заявленіе двухъ лицъ, имѣющихъ постоянное жительство въ Англии, что я — лицо годное и способное для слушанія университетскаго курса (a fit and proper person). Такое же удостовѣреніе я уже раньше доставалъ для того, чтобы получить право пользоваться богатѣйшею бібліотекою Британскаго музея. (Въ Парижѣ, для того, чтобы получить право посѣщать Національную бібліотеку, я долженъ былъ обращаться въ русское консульство и получить отъ него рекомендацію, ибо безъ поручительства консульства иностранцы не допускаются къ занятіямъ въ этой бібліотекѣ.)

Затѣмъ предстояло продѣлать церемонію „матривуляціи“ и выбрать одинъ изъ 17 колледжей Кембриджа или вступить въ число „не-коллегіальныхъ студентовъ“. Дѣло въ томъ, что „уни-

верситетъ " въ Кембриджѣ состоитъ изъ совокупности 17 независимыхъ другъ отъ друга учреждений, называемыхъ колледжами. Всѣ колледжи основаны на средства, пожертвованныя каемъ-нибудь королемъ, королевой, лордомъ или вообще богатымъ человекомъ. Каждый колледжъ имѣетъ свой собственный уставъ, свой комплектъ профессоровъ и преподавателей, иногда по всѣмъ предметамъ, иногда только по одной отрасли наукъ (по нашей континентальной терминологіи—по одному факультету). И подобно тому, какъ отдѣльные факультеты и академіи, находящіяся въ разныхъ городахъ Франціи, составляютъ одно цѣлое, носящее названіе Université de France, вся совокупность колледжей въ Кембриджѣ, взятая вмѣстѣ, называется университетомъ.

Въ самомъ университетѣ, помимо колледжей, однако, существуетъ нѣсколько независимыхъ каедръ, подборъ которыхъ довольно случайный,—каедръ, основанныхъ также изъ щедротъ каемъ-нибудь богачей. Такъ напримѣръ, въ Кембриджѣ существуетъ „королевскій профессоръ греческаго языка“, „Садлеровъ профессоръ математики“ и др., т.-е. каедра греческаго языка, оплачиваемая на средства, пожертвованныя однимъ изъ английскихъ королей, каедра математики—на средства нѣкоего Садлера, и др. Существуютъ также помимо лекцій коллегіальныхъ, т.-е. читающихся только для студентовъ одного опредѣленнаго колледжа, лекціи „между-коллегіальныя“, inter-collegiate, которыя читаются для всѣхъ студентовъ, въ какой бы коллегіи они ни принадлежали. Такимъ образомъ, всякій студентъ, поступившій въ одинъ изъ колледжей, можетъ посѣщать лекціи: 1) въ своемъ колледжѣ, 2) между-коллегіальныя и 3) университетскія. Смотря по средствамъ того или другого колледжа, по наличнымъ преподавательскимъ силамъ его, онъ можетъ дать студенту больше или меньше матеріала, въ формѣ лекцій и уроковъ по разнымъ предметамъ. Студенты стремятся поступать въ болѣе богатые, старыя, лучше обставленные колледжи, которые вслѣдствіе этого переполняются; менѣе богатые остаются и съ меньшимъ числомъ слушателей. Съ другой стороны, напротивъ, нѣкоторые думаютъ, что въ маленькомъ колледжѣ преподаваніе иногда приноситъ больше непосредственной пользы студенту, такъ какъ преподаватели имѣютъ возможность посвящать больше времени на каждаго студента въ отдѣльности, что именно при той системѣ преподаванія, которая практикуется въ Англіи вообще и въ двухъ старыхъ университетахъ ея, въ Кембриджѣ и Оксфордѣ въ особенности, имѣетъ большее значеніе. Кромѣ того жизнь въ большихъ колледжахъ обыкновенно обходится дороже, чѣмъ въ мень-

шихъ, поэтому и маленькіе колледжи не пустѣютъ, а продолжаютъ свое скромное существованіе наряду съ богатыми. Въ виду ограниченности числа лицъ, могущихъ обучаться въ данномъ колледжѣ, многіе, въ особенности большіе, колледжи устроили особые вступительные экзамены, которые позволяютъ имъ изъ лицъ, заявившихъ о своемъ желаніи вступить въ опредѣленный колледжъ, выбрать наилучшихъ или, по крайней мѣрѣ, наилучшимъ образомъ сдавшихъ конкурсный экзаменъ. Такой экзаменъ требуется, напр., для поступленія въ студенты Тринити, наибольшаго изъ всѣхъ кембриджскихъ колледжей, число студентовъ въ которомъ превышало въ прошломъ году 600 чел. Такой же экзаменъ требовался и въ С.-Джонсъ-колледжѣ, второмъ по величинѣ. Напротивъ, менѣе богатые колледжи стараются привлечь къ себѣ студентовъ, такъ какъ плата, взимаемая со студентовъ, составляетъ почти единственный доходъ ихъ.

Въ прежнее время всѣ студенты должны были поступить въ одинъ изъ колледжей и жить въ зданіи его. Но когда число желающихъ поступить въ университетъ возросло настолько, что стѣны колледжей уже не могли вмѣщать столь большого числа интернатовъ, имъ разрѣшено было жить и не въ самомъ зданіи, а въ городѣ, однако только въ такихъ домахъ, которые получали отъ университета специальное разрѣшеніе принимать въ себѣ студентовъ (о чемъ подробнѣе ниже). Наконецъ, съ 1868 года въ Кембриджъ допущены и не-коллегіальные студенты (официально Non collegiate students, по-студенчески Non coll.), которые могутъ не приписываться къ какому бы то ни было колледжу, а слушать между-коллегіальныя лекціи и лекціи университетскихъ профессоровъ (въ Оксфордѣ такіе не-коллегіальные студенты были допущены нѣсколько ранѣе).

Мнѣ лично не было надобности приписываться къ колледжу. Чисто коллегіальныя лекціи имѣютъ болѣе элементарный, такъ сказать техническій характеръ; высшія же части науки излагаются профессорами университета (а не колледжей) и между-коллегіальными преподавателями. Поэтому мнѣ не было расчета стремиться въ колледжъ, въ которомъ жизнь притомъ же гораздо дороже, чѣмъ на свободѣ, и я заявилъ о своемъ желаніи записаться въ число не-коллегіальныхъ студентовъ.

Матрикуляція происходила 22-го октября, въ понедѣльникъ. Въ субботу 20-го я получилъ отъ университетскаго „цензора“, въ вѣденіи котораго находятся дѣла не-коллегіальныхъ студентовъ, письмо, въ которомъ онъ приглашалъ меня явиться 22-го числа въ 2 ч. 40 мин. пополудни въ помѣщеніе канцеляріи его, цен-

зора, въ „академическомъ платьѣ“, т.-е. въ мундирѣ, для совершенія процесса матрикуляціи.

Всѣ студенты безъ исключенія носятъ особый мундиръ (официально *academical dress*, по-студенчески—*cap and gown*), весьма своеобразной формы. Это черная (въ нѣкоторыхъ колледжахъ синяя) мантия съ пелеринкой и квадратная шапка, похожая на уланскую, съ висточкой. Форма эта сохранилась отъ среднихъ вѣковъ и напоминаетъ нѣсколько монашеское одѣяніе, въ особенности у профессоровъ, у которыхъ она доходитъ до полу. Мантия студентовъ гораздо короче, приблизительно до колѣнъ; лица, получившія ученую степень, имѣютъ нѣсколько болѣе длинныя мантии, а профессора—еще длиннѣе.

Въ назначенное время я явился въ канцелярію, гдѣ кромѣ меня собралось еще около 30 человекъ—это были всѣ новопоступавшіе не-коллегіальные студенты. Общее число такихъ студентовъ въ Кембриджѣ 150 чел., между тѣмъ какъ во всѣхъ колледжахъ, вмѣстѣ взятыхъ, обучается болѣе 3.000 чел.

Всѣ новички были въ мундирѣ и форменной фуражкѣ. Только одинъ индусъ, знатнаго рода, имѣлъ на своей головѣ чалму, которую ему было позволено носить. Онъ принадлежалъ къ сектѣ, носящей весьма длинныя волосы, которые заплетаются въ чалму, и не могъ одѣвать форменную фуражку.

Канцелярскій служитель роздалъ намъ печатныя правила университета, и затѣмъ въ комнату вошелъ господинъ, точное названіе должности котораго я не знаю, но который очевидно принадлежалъ къ духовному званію, т.-е. былъ „реверендъ“.

Въ рѣчи, обращенной къ новопоступавшимъ, онъ объяснилъ, что мы должны подписать въ особую книгу наши имена, и только имена (т.-е. вѣроятно это означаетъ, что университету нѣтъ дѣла до званій или сословій) и что, подписывая свое имя, мы тѣмъ самымъ даемъ обѣщаніе: исполнять всѣ правила и требованія университетскаго начальства и оказывать должное вниманіе вице-канцлеру университета и его помощникамъ. Интересно замѣтить, что именно вице-канцлеру, а не канцлеру. Это вѣроятно потому, что канцлеръ университета есть только почетная должность, которую занимаетъ всегда какой-нибудь лордъ, пожертвовавшій что-нибудь для университета или какъ-нибудь иначе заслужившій благодарность университета и потому на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ текущими университетскими дѣлами не имѣющій, такъ что и почтеніе ему оказывать не приходится.

Послѣ своей краткой рѣчи реверендъ сталъ вызывать насъ поочередно по фамиліямъ въ алфавитномъ порядкѣ и просилъ

насъ взглянуть на составленный имъ списокъ, чтобы убѣдиться, что имена наши и фамиліи внесены въ списокъ вѣрно. Послѣ этого по программѣ церемоніи намъ слѣдовало отправиться въ „сенать“ университета для подписи. Но реверендъ воспользовался еще этимъ случаемъ, чтобы сказать частнымъ образомъ краткое слово, въ которомъ онъ выразилъ свое сожалѣніе, что не всѣ студенты аккуратно посѣщаютъ церковь. Къ сожалѣнію, онъ долженъ замѣтить, что въ настоящемъ году студенты болѣе манкируютъ этой своей обязанностью, чѣмъ во всѣ предыдущіе года. Конечно, онъ знаетъ, что для тѣхъ студентовъ, которые живутъ далеко отъ церкви св. Маріи, неудобно приходиться каждый день на утреннюю службу, но все же онъ надѣется, что, каковы бы ни были разстоянія, отдѣляющія студента отъ храма, хоть одинъ разъ въ недѣлю каждый студентъ будетъ присутствовать на утренней службѣ.

Выслушавъ эту рѣчь, мы направились въ сенать, гдѣ въ присутствіи двухъ другихъ реверендовъ вписали свои фамиліи въ соответствующую книгу, и тѣмъ вся церемонія закончилась. Мы были приняты въ „члены университета“. Вообще членомъ университета считается всякій студентъ, профессоръ или преподаватель. Вся совокупность этихъ лицъ и составляетъ „университетъ“ какъ общество людей, занимающихся наукою. Специальный терминъ для означенія студента есть „undergraduate“, т.-е. собственно „лицо, еще не получившее ученой степени“. Англійское же слово student не значитъ „студентъ“, какъ мы понимаемъ этотъ терминъ, а вообще значитъ: человекъ, занимающійся изученіемъ науки, самой элементарной или самой возвышенной. Въ этомъ смыслѣ гимназисты также называются students; то же названіе дается и профессорамъ, хотя иногда оно примѣняется въ томъ специальномъ значеніи, которое это слово имѣетъ на континентѣ. Бромъ того всѣ студенты, а также всѣ лица, получившія степени бакалавра искусствъ или бакалавра правъ, называются лицами, состоящими *in statu pupillari*.

Матрикуляція стоитъ для не-коллегіальнаго студента 30 шиллинговъ, т.-е. по курсу около 15 руб. Для поступленія въ колледжъ матрикуляція обходится въ 15 фунтовъ (150 руб.), если студентъ не получаетъ стипендіи или иного пособія отъ университета. Въ каждую треть вносится по 30 шиллинговъ въ бюро для завѣдыванія не-коллегіальными студентами, помимо платы за отдѣльные курсы, которые каждый студентъ слушаетъ.

Студентъ самъ выбираетъ профессоровъ и предметы, которые онъ желаетъ слушать. Университетъ не заботится о томъ, чтобы

студентъ слушалъ именно опредѣленные предметы или чтобы слушалъ только эти предметы, а не какіе-нибудь иные. Университетъ предъявляетъ только свои требованія на экзаменахъ, и студентъ можетъ уже самъ выбрать путь, которымъ онъ достигнетъ до знаній, необходимыхъ для полученія той или иной ученой степени. Поступивъ въ колледжъ, студентъ опредѣляется къ одному изъ тьюторовъ колледжа, который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы его ученики хорошо занимались, или точнѣе, были бы хорошо готовы къ университетскимъ экзаменамъ, а также и за поведеніемъ студента, иногда ввѣряемаго попеченію тьютора родителями молодого „члена университета“. Тьюторъ—ближайшій совѣтникъ студента въ его занятіяхъ и помощникъ во всѣхъ затрудненіяхъ. Теоретически тьюторъ замѣняетъ студенту его родителей, онъ ему служитъ *in loco parentis*. Для не-коллегіальныхъ студентовъ роль тьютора до нѣкоторой степени выполняется цензоромъ, въ которому и я обратился за совѣтомъ. Уже раньше по совѣту этого же цензора я выбралъ положеніе не-коллегіальнаго студента, и обращался къ нему нѣсколько разъ для разъясненія непонятныхъ мнѣ обычаевъ университета. Теперь я обратился къ нему же и съ просьбою рекомендовать мнѣ такъ-называемаго „частнаго тьютора“, съ которымъ я могъ бы заняться такъ, какъ занимаются настоящіе кембриджскіе студенты. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ студенты въ Кембриджѣ, и въ особенности математики, имѣютъ частнаго тьютора, который спеціально готовится ихъ къ экзамену. Это въ родѣ нашего репетитора, съ тою однако разницею, что репетиторъ у насъ есть роскошь, встрѣчающаяся довольно рѣдко, между тѣмъ какъ въ Кембриджѣ, для того, чтобы пройти экзаменъ на степень бакалавра „съ почетомъ“, *with honours*, почти необходимо заниматься съ тьюторомъ. Тьюторъ занимается обыкновенно съ каждымъ студентомъ въ отдѣльности, съ глазу на глазъ. Однако нѣкоторые наиболѣе извѣстные тьюторы имѣютъ столь большое число учениковъ, что они устроили „тьюторскіе классы“, въ которыхъ преподаваніе уже мало отличается отъ преподаванія въ колледжахъ. Частные тьюторы должны обладать универсальными познаніями. Они готовятъ студента къ полному экзамену на ученую степень по всѣмъ предметамъ опредѣленнаго курса, напр. по всѣмъ отдѣламъ математики, чистой и прикладной, или по всѣмъ естественнымъ наукамъ, между тѣмъ какъ преподаватели университета и колледжей преподаютъ въ данное время только одинъ или небольшое число предметовъ сразу. Но особенная обязанность частнаго тьютора состоитъ въ томъ, чтобы знать спеціально тѣ отдѣлы, которые особенно важны

для университетскихъ экзаменовъ, умѣть рѣшать задачи именно того сорта, которыя задаются на экзаменахъ, и умѣть передать своимъ ученикамъ массу частныхъ приѣмовъ, искусственныхъ мнемоническихъ правилъ и пр., посредствомъ которыхъ облегчается рѣшеніе задачъ или запоминаніе необходимыхъ для экзаменовъ отрывковъ изъ учебниковъ. Такимъ образомъ роль тьютора—техническая. Тьюторъ долженъ стараться, чтобы его ученики прошли экзаменъ успѣшно, чтобы они получили степень и, притомъ, чтобы въ спискѣ лицъ, получившихъ степени, имена его учениковъ занимали первыя мѣста, ибо списки эти печатаются по порядку успѣшности выдержаннаго экзамена.

Мнѣ говорили однако, что такой техническій характеръ преподаваніе имѣеть главнымъ образомъ въ математикѣ и классическихъ языкахъ, т.-е. въ предметахъ, которые преподаются по стариннымъ преданіямъ, издавна. Въ болѣе новыхъ наукахъ, въ естественной исторіи, въ нравственныхъ и историческихъ наукахъ, дѣло поставлено болѣе научно.

Для того, чтобы имѣть право держать экзаменъ на первую ученую степень—бакалавра, должно пробыть въ Кембриджѣ 9 третей или „термовъ“, т.-е. три года. Въ теченіе каждой трети необходимо пробыть опредѣленное число дней въ Кембриджѣ. Студентамъ, отлучавшимся на большее противъ положеннаго число дней, термъ не зачитывается, но въ то же время нѣтъ необходимости провести три года подъ рядъ въ Кембриджѣ. Всякая треть года, проведенная въ Кембриджѣ въ качествѣ студента, зачитывается на неопредѣленное время. Можно уѣхать изъ Кембриджа, вернуться черезъ нѣсколько лѣтъ и продолжать свои занятія, пока не пройдетъ въ суммѣ 9-ти термовъ, послѣ чего можно держать экзаменъ.

Я не имѣлъ намѣренія проводить въ Кембриджѣ столь долгое время, а слѣдовательно и не могъ получить какой бы то ни было ученой степени отъ кембриджскаго университета. Однако я все-таки обратился къ частному тьютору, съ которымъ рѣшилъ заняться по крайней мѣрѣ въ теченіе одной трети, чтобы ознакомиться съ англійскими приѣмами рѣшенія задачъ, и внести затѣмъ то, что окажется полезнымъ, въ преподаваніе и въ Россіи. Частному тьютору пришлось платить 90 руб. за треть. Такова установленная плата у обыкновеннаго тьютора. Нѣкоторые знаменитые тьюторы берутъ 10, иногда 12 фунтовъ (до 120 руб.) въ термъ, т.-е. до 360 руб. въ годъ. Занятія съ тьюторомъ происходятъ обыкновенно черезъ день, по часу; а если принять во вниманіе, что число недѣль, которыя заключаются въ одномъ термѣ,

не превышаетъ 8—9, то оказывается, что частный тьюторъ получаетъ „за урокъ“ около 4—5 руб. Имѣя много учениковъ, частные тьюторы иногда составляютъ себѣ въ сравнительно короткое время хорошее состояніе. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ частныхъ тьюторовъ въ Кембриджѣ имѣлъ во время моего пребыванія тамъ 17 учениковъ; нѣкоторые знаменитые тьюторы имѣютъ нѣсколько десятковъ учениковъ, что составляетъ для нихъ иногда до 10.000 и болѣе рублей въ годъ. Въмѣсто оффиціального названія „тьюторъ“, въ разговорномъ языкѣ принято называть ихъ метафорически „coach“, т.-е. извозчикъ, ибо тьюторъ „перевозитъ“ студента на экзаменахъ ¹⁾. Къ упомянутымъ расходамъ присоединяется еще гонораръ за отдѣльные курсы, которые студентъ слушаетъ. Лекціи, читаемыя университетскими „профессорами“, бесплатны для всѣхъ студентовъ; лекціи же преподавателей оплачиваются обыкновенно по 10 или 20 руб. за термъ или треть. За практическія занятія въ кабинетахъ и лабораторіяхъ взимается такая же плата. Нѣкоторыя лекціи, читаемыя тьюторами колледжей, бесплатны для студентовъ этихъ колледжей и оплачиваются гонораромъ со студентовъ другихъ колледжей и не-коллегіальныхъ студентовъ. Студенты рѣдко слушаютъ болѣе трехъ, четырехъ курсовъ въ каждый термъ, что составляетъ расходъ рублей въ 100—150 въ годъ, кромѣ платы за практическія занятія. Лекціи, которыя читаются тьюторами колледжей для студентовъ этихъ колледжей, оплачиваются изъ средствъ самихъ колледжей, такъ что за посѣщеніе этихъ лекцій студенты уже ничего не платятъ.

Изъ этихъ правилъ возможны исключенія. Профессора могутъ отказаться отъ получаемого ими гонорара. Такъ, въ бытность мою въ Кембриджѣ, профессоръ политической экономіи, принадлежащій къ категоріи „между-коллегіальныхъ преподавателей“, объявлялъ, что всѣ лекціи его бесплатны, и что кромѣ того студенты могутъ посѣщать его на дому въ опредѣленные дни и часы для бесѣдъ по политико-экономическимъ вопросамъ.

Въ суммѣ однако расходы собственно на преподаваніе далеко не такъ высоки, какъ принято думать и какъ было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время основано множество стипендій и пособій, дающихъ возможность проходить курсъ наукъ въ Кембриджѣ, не заботясь о заработкѣ, причѣмъ однако для полученія такихъ стипендій необходимо выдержать конкурсный экзаменъ и удовлетворять нѣкоторымъ другимъ условіямъ, напр. быть не старше извѣстнаго возраста и т. п.

¹⁾ Существуетъ преданіе объ одномъ извѣстномъ „coach, W.“, который готовилъ на государственную и военную службу и зарабатывалъ будто бы 300.000 руб. въ годъ.

Главные расходы студента во время пребывания его въ Кембриджѣ составляетъ не плата за слушаніе лекцій или пользованіе кабинетами и лабораторіями, а самая жизнь, которая обходится гораздо дороже, чѣмъ въ другихъ городахъ Англій. Большинство студентовъ—люди богатые, даже очень богатые, а нѣкоторые колледжи состоятъ преимущественно изъ богатѣйшихъ студентовъ. Одинъ изъ преподавателей и тьюторовъ Тринити-колледжа говоритъ мнѣ въ частной бесѣдѣ, что когда передъ поступленіемъ въ университетъ родители будущаго студента приходятъ совѣтоваться съ тьюторами относительно выбора колледжа, предмета занятій и пр., то онъ всегда совѣтуетъ не отдавать сына въ Тринити, если они не могутъ давать ему по крайней мѣрѣ 2.500 руб. въ учебный годъ. А учебный годъ составляетъ около 27—28 недѣль, т.-е. немногимъ болѣе полугода. Поступая въ колледжъ, студентъ нанимаетъ въ колледжѣ квартиру, состоящую обязательно изъ двухъ, а иногда изъ трехъ комнатъ. За квартиру эту онъ платитъ больше, чѣмъ въ городѣ въ частномъ домѣ, въ меблированныхъ комнатахъ. А между тѣмъ онъ долженъ самъ меблировать свои покои. Правда, уѣзжая послѣ окончанія курса, онъ можетъ продать свою мебель торговцу или своему преемнику, но въ первомъ случаѣ, конечно, онъ получаетъ обратно только незначительную часть затраченной суммы, а преемникъ часто хочетъ меблировать свои комнаты заново. Меблировка обходится, какъ мнѣ говорили, не менѣе 400 руб., обыкновенно гораздо больше, такъ какъ студентъ не стѣсненъ въ расходахъ и любитъ роскошь. За обѣдъ и пропитаніе вообще колледжъ также взимаетъ со своихъ воспитанниковъ большую плату, такъ что въ суммѣ жизнь въ колледжѣ обходится гораздо дороже, чѣмъ внѣ колледжа въ качествѣ не-коллегіальнаго. Но, кромѣ расходовъ на жизнь и ученіе, студентъ тратитъ еще большія суммы на развлечения и удовольствія, о которыхъ скажемъ далѣе. Каждый студентъ состоитъ непремѣнно членомъ нѣсколькихъ студенческихъ обществъ, а взносъ на каждое общество обыкновенно 1 фунтъ въ термъ, т.-е. 30 руб. въ годъ. Содержаніе лошадей, собакъ, велосипеды и разные спорты, дорогіе костюмы для различныхъ случаевъ и многое другое составляетъ для многихъ студентовъ постоянный большой расходъ, не говоря уже о хлѣбосольныхъ студентахъ, которые любятъ задавать обѣды или иныя угощенія (wine-parties), роскошныя и дорогія, по поводу всякихъ случаевъ. Уже это одно указываетъ, какъ отличается жизнь англійскаго средняго студента Кембриджа и Оксфорда отъ жизни средняго студента на конти-

нентѣ. Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель усмотритъ еще много другихъ подобныхъ отличій.

Студенты, живущіе не въ самихъ колледжахъ, могутъ взять себѣ комнату (или вѣрнѣе квартиру, ибо мнѣ не удалось найти отдѣльной комнаты въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ позволено жить студентамъ) въ городѣ. Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ университетъ, учрежденіе частное, можетъ разрѣшать или не разрѣшать домохозяевамъ принимать къ себѣ квартирантами студентовъ. Это объясняется весьма просто. При поступленіи въ университетъ студентъ подписываетъ заявленіе, въ которомъ онъ обязуется подчиняться требованіямъ начальства. Одно изъ этихъ требованій и состоитъ именно въ томъ, чтобы онъ нанималъ себѣ квартиру только въ такихъ домахъ, хозяева которыхъ получили на то отъ университетскаго начальства специальное разрѣшеніе. Студентъ можетъ, если хочетъ, не послушаться приказанія начальства и поселиться гдѣ ему угодно; но въ такомъ случаѣ ему не зачтется тотъ термъ, который онъ провелъ не въ разрѣшенномъ помѣщеніи. Хозяинъ дома, получившій разрѣшеніе принимать у себя студентовъ, не можетъ безъ особеннаго на то разрѣшенія имѣть какихъ бы то ни было иныхъ жильцовъ, кромѣ студентовъ или вообще членовъ университета. Конечно, онъ можетъ, если хочетъ, нарушить это правило; но тогда университетъ, узнавъ о такомъ нарушеніи, отнимаетъ отъ него данное ему разрѣшеніе, и хозяинъ терпитъ убытокъ. Такимъ образомъ и хозяинъ, и студентъ должны подчиняться желаніямъ университета. Во избѣжаніе недоразумѣній я долженъ объяснить читателю, что и слово „домъ“, какъ многія другія слова, должно понимать совсѣмъ иначе, когда дѣло идетъ объ Англіи, чѣмъ когда дѣло идетъ о какой-нибудь странѣ на континентѣ. У насъ домомъ называютъ помѣщеніе произвольной величины, принадлежащее одному хозяину; здѣсь „домъ“ есть величина опредѣленная, а именно пространство въ три окна ширины. Хозяинъ дома не есть, собственно говоря, его владѣлецъ, а только арендаторъ, хотя бы на 99 лѣтъ. Почти всѣ дома въ Лондонѣ построены по одному и тому же образцу, и точно также и дома въ провинціи слѣдуютъ тому же правилу. У насъ, если семейство занимаетъ, напр., 6 или 7 или больше комнатъ, то всѣ эти комнаты находятся въ одномъ и томъ же этажѣ. Въ другомъ этажѣ живетъ другое семейство, которое можетъ не имѣть ничего общаго съ первымъ, и т. д. Въ Англіи, наоборотъ, почти всякое семейство занимаетъ цѣлый домъ, и слѣдовательно располагается въ трехъ этажахъ (и въ подвалѣ, гдѣ обыкновенно помѣщается кухня).

Всякій частный домъ есть почти точная копія другого, до мельчайшихъ подробностей. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное описаніе англійскихъ домовъ—слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что одинъ хозяинъ или, вѣрнѣе, одна хозяйка (мнѣ ни разу не удалось видѣть домъ въ Кембриджѣ, который имѣлъ бы хозяина, а не хозяйку), имѣющій домъ, можетъ считаться владѣльцемъ или долгосрочнымъ арендаторомъ пространства, составляющаго всего три квартиры, по двѣ или по три небольшихъ комнаты въ каждой. Слѣдовательно, въ каждомъ домѣ только и можетъ быть три жильца, или въ домѣ, имѣющемъ разрѣшеніе отъ университетскаго начальства, три студента.

Пользуясь такою системою принужденія въ этомъ и во множествѣ другихъ случаевъ, о которыхъ упомянемъ ниже, университетъ не ограничиваетъ стѣсненіе домовладѣльцевъ тѣмъ правиломъ, о которомъ сейчасъ сказано. Всякій квартиро-содержатель, желающій получить отъ университета разрѣшеніе на квартирваніе студентовъ (которые, вообще говоря, наиболѣе выгодные жильцы), подписываетъ особую бумагу, которая налагаетъ на него многія тягостныя обязательства. Привожу выдержку изъ этой бумаги, которая даетъ нѣкоторое понятіе о наблюденіи за поведеніемъ студентовъ, о чемъ больше будетъ сказано ниже.

„§ 6. Каждый вечеръ въ 10 часовъ я обязуюсь запереть входную дверь и крѣпко закрыть ставни нижняго этажа моего дома, и я приму мѣры, чтобы воспрепятствовать кому бы то ни было войти въ мой домъ послѣ этого срока, а также не допущу, чтобы изъ моего дома выходили между 10 часами вечера и 6 часами утра, и въ это время входная дверь въ мой домъ будетъ закрыта, и никто не отпереть ея, кромѣ хозяина, или хозяйки, или лица, одобреннаго синдикатомъ.

§ 7. Я ни въ какомъ случаѣ не дамъ ключа отъ входной двери моего дома ни одному изъ жильцовъ.

§ 8. Я буду отмѣчать каждый разъ, когда кто-нибудь изъ студентовъ, живущихъ въ моемъ домѣ, вернется домой послѣ 10 часовъ вечера или выйдетъ изъ дому послѣ этого срока, или послѣ иного срока, если того пожелаетъ университетское начальство или начальство колледжа, и буду отдавать лично или посылать съ отвѣтственнымъ лицомъ эти записи разъ въ недѣлю, или чаще, если это потребуетъ начальству колледжа, причемъ буду специально отмѣчать тѣ случаи, когда студентъ возвращался домой или уходилъ изъ дому вечеромъ не въ мундирѣ.

§ 9. Я буду сообщать начальству колледжа рано утромъ на слѣдующій же день о слѣдующихъ фактахъ: 1) когда студентъ вый-

детъ изъ дому послѣ 10 часовъ вечера; 2) когда студентъ возвратится домой послѣ полуночи; 3) когда, будучи наказанъ и приговоренъ въ домашнему аресту, онъ вернется домой послѣ назначеннаго времени, и 4) когда студентъ совсѣмъ не будетъ ночевать дома.

§ 11. Я не доставлю и не допущу, чтобы въ моемъ домѣ былъ принесенъ обѣдъ или ужинъ болѣе чѣмъ для трехъ особъ безъ письменнаго разрѣшенія тьютора.

§ 12. Я не доставлю и не допущу въ свой домъ какого бы то ни было угощенія для студента въ воскресенье безъ письменнаго разрѣшенія тьютора“, и т. д., и т. д.

Дальнѣйшія правила указываютъ въ подробности, какая мебель должна находиться въ квартирѣ, отдаваемой студенту, и что хозяйка можетъ требовать, чтобы студентъ имѣлъ самъ (напр. посуду и столовое бѣлье студентъ долженъ имѣть собственные; по крайней мѣрѣ хозяйка не обязана имѣть ихъ).

Наконецъ хозяинъ квартиры получаетъ слѣдующее извѣщеніе отъ вице-канцлера университета.

„М. г. При семъ прилагаю экземпляръ правилъ, которыя вы письменно обязались исполнять. Прошу имѣть въ виду, что если откроется, что какою-нибудь изъ поданныхъ вами недѣльных листовъ составленъ ложно или что вы уклонялись отъ исполненія сихъ правилъ, то данное вамъ разрѣшеніе будетъ приостановлено на время или совершенно отнято, смотря по величинѣ вины вашей и по усмотрѣнію лицъ, давшихъ вамъ это разрѣшеніе“.

Въ объясненіе упомянутаго въ § 7 ранняго срока возвращенія студентовъ домой, и въ § 9 домашняго ареста, прибавлю слѣдующее. Всѣ студенты, живущіе въ колледжахъ или на частныхъ квартирахъ обязаны возвращаться домой не позже 12 часовъ ночи. Колледжъ считается домомъ студента, и внутри своего дома онъ можетъ оставаться въ квартирѣ товарища, на какомъ-нибудь собраніи и т. п., до каковаго угодно часу ночи или утра. Они не имѣютъ права выходить изъ дому послѣ 10 часовъ вечера или принимать къ себѣ кого-нибудь (кромѣ, конечно, университетскаго начальства) послѣ этого срока. За нарушеніе этого правила студентъ въ первый разъ уплачиваетъ небольшой штрафъ, во второй разъ — штрафъ болѣе; въ третій разъ онъ наказывается домашнимъ арестомъ, который состоитъ въ томъ, что вмѣсто 10 часовъ вечера студентъ долженъ сидѣть дома съ 8 или 7 часовъ, или долженъ возвращаться домой не позже 9, и т. п.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ за исполненіемъ наложеннаго наказанія слѣдитъ квартиро-хозяинъ, который такимъ образомъ самъ оказывается наказанъ за проступокъ своего жильца; ибо на основаніи § 7 онъ обязуется непременно самъ открывать студенту дверь въ тотъ часъ, когда студентъ долженъ возвращаться домой, такъ что если студентъ долженъ возвращаться не позже 9 часовъ вечера, то въ это время хозяинъ уже долженъ быть дома. Далѣе, студентъ обязанъ ходить на лекціи по утрамъ въ мундирѣ. Въ остальное время дня онъ можетъ ходить въ какомъ угодно костюмѣ, но вечеромъ, послѣ того, какъ зажжены фонари, студентъ опять обязанъ надѣть мундиръ. Кромѣ того, въ воскресенье онъ долженъ носить мундиръ цѣлый день. За соблюденіемъ этихъ правилъ также слѣдитъ хозяйка дома, а также „прокторы“, т.-е. инспектора, которые ходятъ по улицамъ въ сопровожденіи двухъ помощниковъ, педелей, которыхъ называютъ бульдогами. У каждого изъ нихъ по старинному обычаю должна быть постоянно съ собою библія. Прокторы наблюдаютъ за дисциплиной, штрафуютъ студентовъ, которыхъ они поймаютъ не въ формѣ или совершающими какое-нибудь недозволенное дѣйствіе, напр. буращихъ на улицѣ.

Тѣ же наказанія, штрафы и домашній арестъ (gates) налагаются и за такіе проступки, какъ непосѣщеніе лекцій или церкви. Студентъ, обучающійся въ колледжѣ, обязанъ посѣщать тѣ лекціи, которыя ему укажетъ его тьюторъ. Онъ можетъ, кромѣ того, слушать другія лекціи; но есть минимумъ лекцій по каждому отдѣлу, который студентъ долженъ выслушать аккуратно. Это правило не распространяется на не-коллегіальныхъ, которымъ предоставляется право слушать или не слушать чтò имъ угодно. Всякій коллегіальный студентъ обязанъ, кромѣ того, посѣщать церковь въ своемъ колледжѣ (всѣ колледжи имѣютъ свои домашнія церкви, Chapels). На каждой лекціи, спустя минуту пять послѣ ея начала, появляется одинъ изъ служителей колледжа и записываетъ, не прерывая чтенія, присутствующихъ. Въ разграфленномъ спискѣ студентовъ, который у него имѣется, онъ прокалываетъ клѣтки присутствующихъ, и затѣмъ подаетъ этотъ списокъ профессору. Все это дѣлается молча, издали. Онъ глазами осматриваетъ аудиторію и отмѣчаетъ свои точки. Если потомъ окажется, что студентъ долго пропускалъ какіе-нибудь лекціи, то этотъ студентъ призывается къ тьютору, который дѣлаетъ ему соответственное внушеніе и назначаетъ ему, если нужно, наказаніе. Точно также при входѣ въ церковь или обѣденную залу колледжа стоитъ „марберъ“, который обязанъ

знать всѣхъ студентовъ своего колледжа въ лицо и отмѣчать всѣхъ проходящихъ мимо него въ церковь. Списки эти потомъ подаются тьюторамъ, которые и призываютъ студентовъ для соотвѣтствующаго внушенія и наложенія наказанія. По правиламъ почти всѣхъ колледжей студенты обязаны ходить въ церковь не менѣе *пяти* разъ въ недѣлю, а въ воскресенье должны быть въ церкви два раза. Правила эти, впрочемъ, нѣсколько различны въ разныхъ колледжахъ. Для посѣщенія церкви существуетъ особый мундиръ: вмѣсто черной бѣлая мантия (surplice), доходящая до земли, и нѣсколько иного фасона, чѣмъ черная. Посѣщать церковь обязаны всѣ лица, принадлежащія въ англиканской церкви. Септанты, индусы, иностранцы и др., конечно, освобождены отъ этой обязанности.

Я сказалъ выше, что для того, чтобы студенту былъ зачтенъ „термъ“, онъ долженъ пребыть известное число дней въ Кембриджѣ въ теченіе даннаго терма. О томъ, чтобы студентъ дѣйствительно исполнялъ эту обязанность, слѣдить хозяйка дома или коллегіальное начальство (тьюторы съ прокторами, маркерами и др.); съ другой стороны не-коллегіальный студентъ самъ обязанъ давать ежедневно доказательство своего пребыванія въ Кембриджѣ, подписывая свою фамилію въ особую книгу, въ канцеляріи университетскаго цензора. Такимъ образомъ, не-коллегіальный студентъ обязанъ ежедневно совершить прогулку въ эту канцелярію, которая находится въ помѣщеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣми, гдѣ читаются лекціи. Мнѣ это составляло каждый день лишнюю прогулку въ полверсты. Обязательно подписаться пять разъ въ недѣлю. Если въ теченіе какой-нибудь недѣли въ книгѣ окажется менѣе пяти подписей у какого-нибудь студента, то эта недѣля ему не зачитывается. Каждую недѣлю помощникъ цензора составляетъ выписку о студентахъ, подписавшихся въ книгѣ цензора, и представляетъ ее цензору. Что эта выписка въ самомъ дѣлѣ производится тщательно, я имѣлъ случай убѣдиться изъ того, что когда однажды, по нездоровью, не былъ въ канцеляріи два дня подъ-рядъ и такимъ образомъ не подписался достаточнаго числа разъ, по истеченіи недѣли помощникъ цензора объявилъ мнѣ о томъ, что истекшая недѣля мнѣ не будетъ зачтена.

Маленькій эпизодъ. Однажды, подписывая по своему обыкновенію нѣсколько минутъ до 9 часовъ утра свою фамилію въ книгу, я былъ очень удивленъ просьбой одного незнакомаго мнѣ студента, который попросилъ меня одолжить ему на одну минуту мундиръ (онъ былъ не въ мундирѣ). Получивъ его, онъ нави-

нулъ плащъ на плечо, подписалъ свою фамилію и тотчасъ же возвратилъ мнѣ мою собственность. Въ дверяхъ канцеляріи я встрѣтилъ другого студента, который обратился ко мнѣ съ такою же просьбой. Дѣло вскорѣ объяснилось слѣдующимъ образомъ. По распоряженію цензора студенты обязывались подписываться не иначе какъ въ мундирѣ, „должнымъ образомъ надѣтомъ“. Но такъ какъ тѣ, которые отправлялись утромъ не на лекціи, а на прогулку, катанье въ лодкѣ и пр., не надѣвали мундира, то они занимали мундиръ на время подписи отъ перваго попавшагося студента и, благополучно подписавшись, отправлялись дальше.

Коллегіальные студенты обязаны кромѣ того не менѣе пяти разъ въ недѣлю обѣдать въ самомъ колледжѣ. Многимъ читателямъ, вѣроятно, извѣстно, какую важную роль въ Англіи вообще играетъ обѣдъ. На приглашеніе къ обѣду нельзя являться иначе, какъ во фракѣ; обѣдъ происходитъ самымъ торжественнымъ образомъ со многими уже теперь устарѣвшими и странными обычаями. Такъ напр., послѣ послѣдняго блюда дамы уходятъ изъ столовой въ гостиную, и тогда на столъ приносятся вина, гостямъ предлагаютъ сигары, и начинается дѣловой разговоръ, между тѣмъ какъ во время самаго обѣда такой разговоръ полагается неумѣстнымъ. Понятно, что въ Кембриджѣ, хранящемъ старину, какъ Оксфордъ, свято и нерушимо, обѣдъ также составляетъ важную церемонію. Около половины седьмого вечеромъ (въ нѣкоторыхъ колледжахъ раньше, въ иныхъ позже) по городу раздается звонъ колоколовъ различныхъ колледжей: это зовутъ на обѣдъ. Студенты и профессора надѣваютъ свои мантіи и идутъ въ столовую залу. Эта зала—главное украшеніе колледжей. Если вы пріѣдете въ Кембриджъ какъ туристъ, то вамъ покажутъ внѣшнюю архитектуру колледжей вообще, и введутъ васъ, кромѣ того, въ церкви и въ обѣденныя залы колледжей. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ колледжахъ онѣ поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, какъ въ Кембриджѣ, такъ и въ особенности въ Оксфордѣ, гдѣ меня поразила торжественность и какъ бы священность обѣда въ залѣ въ строго готическомъ стилѣ. Въ Тринити-колледжѣ въ Кембриджѣ, гдѣ мнѣ приходилось нѣсколько разъ обѣдать, вдоль всей громадной залы тянутся три длинныхъ стола, за которыми обѣдаетъ, однако, сразу не болѣе трети студентовъ,—такъ какъ для всѣхъ не хватило бы мѣста,—сперва младшіе, послѣ старшіе. На особомъ возвышеніи въ глубинѣ стоитъ, поперекъ залы, профессорскій столъ, за которымъ воссѣдаетъ директоръ колледжа (master), профессора, принадлежащіе къ данному колледжу, члены колледжа (fellows), т. е. лица, соотвѣтствующія нашимъ „оставлен-

нымъ при университетѣ“, и иногда нѣкоторые студенты, такъ-называемые fellow-commoners, т.-е., если можно такъ перевести, „сотрапезники начальства“. Это болѣе богатые студенты, которые платятъ, вмѣсто студенческой платы въ 50 руб. за матрикюляцію, цѣлыхъ 100 руб., и затѣмъ и за обученіе вмѣсто 60 руб., которые платитъ студентъ, также 100 руб. въ термъ, т.-е. 300 руб. въ учебный годъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что обычай „сотрапезниковъ начальства“, бывший прежде весьма распространеннымъ, мало-по-малу совершенно выходитъ изъ употребленія. Одинъ изъ трехъ студенческихъ столовъ обыкновенно бываетъ занятъ окончившими курсъ, такъ-наз. В. А., бакалаврами. Обѣдъ начинается молитвой (grace), которую читаетъ за профессорскимъ столомъ, по-латыни, одно изъ духовныхъ лицъ колледжа. Кушанья подаютъ цѣлая куча лакеевъ во фракахъ, подѣ начальствомъ особыхъ распорядителей. Въ прежнее время студентамъ прислуживали ихъ болѣе бѣдные товарищи, стипендіаты (sizars). Обѣдъ профессоровъ отличается отъ обѣда студентовъ и качествомъ, и количествомъ подаваемыхъ блюдъ и напитковъ. Студентамъ даютъ пиво. Они могутъ за особую плату потребовать себѣ какое угодно вино, или добавочное блюдо, сладкій пирогъ, гастрономическіе деликатесы и т. п.; но обыкновенно въ колледжѣ студенты воздерживаются отъ вина. Если они желаютъ устроить обѣдъ, не стѣсненный присутствіемъ начальства, то они могутъ это сдѣлать въ своихъ квартирахъ или въ одномъ изъ ресторановъ города. Правда, по правиламъ они должны присутствовать каждый день на обѣдѣ. Но правило это толкуется въ томъ смыслѣ, что студентъ обязанъ по крайней мѣрѣ войти въ обѣденную залу, въ обѣденное время, чтобы его увидѣлъ и отмѣтилъ маркеръ, и долженъ также уплатить за обѣдъ. Но онъ можетъ, заглянувъ въ залу, тотчасъ же удалиться и обѣдать дома или гдѣ ему угодно, съ тѣми ограниченіями, о которыхъ будетъ сказано ниже. Когда наступаетъ время нью-маркетскихъ скачекъ, которыя привлекаютъ многихъ студентовъ, въ колледжахъ появляется объявленіе, гласящее, что „начальство надѣется, что всѣ студенты будутъ обѣдать въ самомъ колледжѣ“. Впрочемъ, говорятъ, что надежды начальства обыкновенно не сбываются. Сигналь окончанія обѣда дается тѣмъ, что на профессорскій столъ приносится большая серебряная ваза, содержащая эль, сваренный въ колледжѣ,—я описываю церемонію обѣда въ Тринити-колледжѣ; въ другихъ, конечно, могутъ быть детальныя уклоненія, хотя въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что обычай почти тождественны во всѣхъ колледжахъ. Въ торжественныхъ случаяхъ,

въ дни какихъ-нибудь университетскихъ или коллегіальныхъ празднествъ, ваза эта обходитъ, по старинному обычаю, всѣхъ обѣдающихъ, профессоровъ и студентовъ. Послѣ обѣда читается опять латинская молитва, и студенты расходятся, а профессора направляются еще въ особую комнату, надъ обѣденнымъ заломъ, такъ-называемую „комбинаціонную комнату“ (combination room), гдѣ имъ подають вина, ливеры, кофе, чай, сигары и пр., и опять подъ предсѣдательствомъ директора, но уже съ меньшею торжественностью происходитъ послѣобѣденная бесѣда о текущихъ дѣлахъ. Директоръ колледжа—обязательно духовное лицо—пользуется обыкновенно особымъ уваженіемъ, какъ вслѣдствіе своихъ личныхъ качествъ, а особенно учености, которая доставила ему это почетное мѣсто, такъ и по высотѣ занимаемаго имъ поста. Имъ рассказывали о страхѣ и трепетѣ, который внушалъ, напр., бывшій директоръ Тринити, нѣкоторыя курьезныя подробности.

Чтобы покончить съ рассказомъ объ университетскихъ порядкахъ и вообще о внѣшней организаціи университета и колледжей въ Кембриджѣ и перейти къ описанію характера программы и способовъ преподаванія науки въ этомъ университетѣ, я приведу еще нѣсколько отрывковъ изъ университетскаго устава Кембриджа, который, за исключеніемъ неважныхъ подробностей, сходенъ съ уставомъ Оксфорда. До 1882, оба университета управлялись довольно противорѣчивыми уставами, которые не были кодифицированы, а состояли просто изъ собранія уставовъ, данныхъ каждому колледжу при его основаніи, и всѣхъ тѣхъ добавленій и измѣненій, которыя за все время существованія колледжей и университета были дѣлаемы отдѣльными колледжами или университетскимъ сенатомъ. Назначенная въ 1877 году парламентская комиссія указала университетамъ нѣсколько общихъ принциповъ, которые должны были быть строго проведены во всѣхъ уставахъ колледжей, и предложила пересмотрѣть всѣ эти уставы и привести ихъ въ нѣкоторую гармонію, и затѣмъ кодифицированные уставы вошли въ силу съ 1882 года. Парламентская комиссія потребовала, напр., чтобы были уничтожены всѣ тѣ правила и ограниченія, которыя еще сохранились относительно лицъ разныхъ національностей или вѣроисповѣданій. Она потребовала, чтобы не было обращено вниманіе ни на сословіе, въ которомъ принадлежитъ студентъ, ни на его гражданское состояніе, при установленіи разныхъ правъ, которыми онъ можетъ пользоваться въ университетѣ. До этого постановленія, напр., лица, оставленные при университетѣ и получавшія стипендіи, теряли эти стипендіи при вступленіи въ бракъ

и т. п. Единственное, что до сихъ поръ осталось изъ различія по сословіямъ, бывшаго нѣкогда очень сильнымъ, состоитъ, кажется, только въ томъ, что лорды и сыновья лордовъ платятъ, если хотятъ, за матрикюляцію и пребываніе въ университетѣ больше, чѣмъ другіе студенты, а именно: 150 руб. за матрикюляцію и 133¹/₃ руб. (13 ф. 6 ш. 8 п.) за термъ, т.-е. 400 руб. за учебный годъ.

Статуты большинства колледжей и университета написаны на латинскомъ языкѣ. Извлеченія изъ нихъ, на англійскомъ языкѣ, даются въ руки каждому студенту, и находятся кромѣ того въ публикуемомъ ежегодно „Университетскомъ календарѣ“, который у студентовъ носитъ шуточное названіе „Кембриджской библіи“. Во главѣ статутовъ сказано: *Deum timeto, Regem honorato, Virtutem colito, Disciplinis bonis operam dato*. Привожу отрывокъ изъ статутовъ:

„Университетъ въ Кембриджѣ есть корпорація лицъ, изучающихъ всѣ и каждое искусство и науки,—корпорація, утвержденная въ 13-й годъ царствованія Елизаветы, подъ названіемъ канцлера, директоровъ и ученыхъ Кембриджскаго университета. Университетъ состоитъ изъ 17 колледжей и двухъ общежитій, основанныхъ для изученія наукъ и знаній и для лучшаго служенія церкви и государству“. Всѣ эти общества были основаны и утверждены не одновременно, а послѣдовательно, въ теченіе болѣе шести столѣтій (университетъ въ Кембриджѣ существуетъ съ XII вѣка).

Отдѣльныя общества, составляющія эту научную республику, выбираютъ всѣхъ должностныхъ лицъ университета, какъ законодателей, такъ и исполнителей. Законодательный институтъ называется сенатомъ. Сюда входятъ: канцлеръ, вице-канцлеръ, доктора богословія, правъ, медицины, наукъ и литературъ, а также магистры искусствъ, правъ и медицины, но только въ томъ случаѣ, если они продолжаютъ состоять членами университета, т.-е. платятъ ежегодный взносъ. Постановленія сената носятъ названіе *грасе*, т.-е. то же названіе, которое принадлежитъ государственнымъ постановленіямъ, утвержденнымъ королевой.

Канцлеръ и шесть лицъ, избранныхъ сенатомъ, составляютъ университетскій судъ, которому подчинены всѣ члены университета. Въмѣсто канцлера обыкновенно въ судѣ предсѣдательствуетъ вице-канцлеръ, выбираемый на годъ. Обыкновенное наказаніе состоитъ въ лишеніи ученой степени или въ мѣньшихъ взысканіяхъ. Для суда надъ лицами, состоящими на ученическомъ положеніи, „*in statu pupillari*“, существуетъ особый университетскій судъ изъ шести начальниковъ колледжей, по назначенію отъ сената, подъ пред-

сѣдательствомъ канцлера. За „поведеніемъ лицъ, состоящихъ на ученическомъ положеніи и за общественною нравственностью“ наблюдаютъ два провтора и четыре его помощника. Изъ остальныхъ должностныхъ лицъ, кромѣ секретарей, писмоводителей и др., общихъ во всѣхъ учрежденіяхъ, интересно упомянуть о „публичномъ ораторѣ“, который говоритъ въ должныхъ случаяхъ (напр. при выдачѣ почетныхъ дипломовъ) соотвѣтственныя случаю рѣчи по-латыни. Далѣе, церемоніймейстеры (*esquire bedells*) наблюдаютъ за соблюденіемъ всѣхъ общественныхъ церемоній, и во время присутствія канцлера на этихъ церемоніяхъ, шествуютъ впереди его въ особомъ одѣяніи.

Для завѣдыванія частными отраслями хозяйства или для работы отдѣльныхъ вопросовъ сенатъ назначаетъ особыя коммисіи, или синдикаты, какъ для завѣдыванія ходомъ преподаванія вообще, такъ и преподаваніемъ отдѣльныхъ отраслей наукъ въ частности. Всѣ эти лица принадлежатъ собственно университету, независимо отъ принадлежности кромѣ того въ отдѣльнымъ колледжамъ. Въ самихъ же колледжахъ существуютъ слѣдующія подраздѣленія. Во главѣ колледжа стоитъ одинъ начальникъ, который носитъ вообще названіе *master*; въ одномъ колледжѣ онъ называется *provost*, въ другомъ *president*. Обыкновенно начальникомъ бываетъ докторъ—почти всегда богословія. Затѣмъ члены колледжа въ собственномъ смыслѣ, *fellows*. Для того, чтобы стать членомъ колледжа, должно сдать экзаменъ на первую ученую степень бакалавра, и затѣмъ еще специальный курсный экзаменъ. Члены колледжа живутъ въ самомъ колледжѣ и получаютъ стипендіи въ 2.000 или 2.500 руб. въ годъ. Они обыкновенно, но не всегда, занимаются преподаваніемъ, и могутъ въ то же время быть тьюторами, въ колледжѣ или независимо отъ колледжа, частными тьюторами-репетиторами ¹⁾.

Къ колледжу считаются принадлежащими также лица высшаго происхожденія (лорды или сыновья лордовъ), получившіе ученые степени, доктора различныхъ наукъ, а также магистры и бакалавры, которые не суть собственно члены колледжа, и не только не получаютъ отъ колледжа никакого вознагражденія, но, напротивъ, сами платятъ отъ 20 до 40 руб. въ годъ за то, чтобы имя ихъ значилось въ спискѣ лицъ, принадлежащихъ къ данному колледжу.

¹⁾ Необходимо различать эти два понятія „тьютора“ и „частнаго тьютора“. Первый есть официальное лицо—воспитатель, второй—частный репетиторъ студента.

Наконецъ, въ каждомъ колледжѣ есть большее или меньшее число студентовъ, которые раздѣляются на четыре категоріи: 1) Сотрапезники начальства. 2) Пансіонеры. Это оффиціальное названіе присвоено всѣмъ тѣмъ, которые въ разговорномъ языкѣ называются просто студентами (undergraduate, короче undergrad'). 3) Стипендіаты (scholars), получающіе одну изъ множества стипендій, основанныхъ въ разное время въ Кембриджѣ, и удовлетворяющіе нѣкоторымъ спеціальнымъ условіямъ, поставленнымъ основателями стипендій, непременно по конкурсному экзамену. Наконецъ, есть еще 4-й классъ студентовъ, которые пользуются бесплатно помѣщеніемъ въ колледжѣ и нѣкоторыми другими преимуществами во вниманіе къ недостаточности средствъ для существованія. Ихъ можно бы назвать непосредственными стипендіатами колледжей; оффиціально они называются sizars. Въ прежнее время эти сайзары должны были за получаемое бесплатно помѣщеніе, пропитаніе, обученіе и пр. служить у своихъ болѣе богатыхъ товарищей, въ качествѣ личной прислуги. Но теперь этотъ обычай уже отошелъ въ область преданій.

Юрисдикція университета распространяется на протяженіе всей площади города и на одну милю разстоянія отъ предѣловъ его. Всѣ издаваемые сенатомъ законы имѣютъ силу въ этихъ предѣлахъ. Для проживанія же студентовъ предѣлы города считаются въ окружности двухъ съ половиной миль отъ церкви св. Маріи, составляющей центръ города. Она помѣщается на площади, противъ сената и зданія университетской бібліотеки.

Мы уже говорили выше, какую власть имѣетъ университетъ надъ домохозяевами въ городѣ. Такую же власть сенатъ приобрѣлъ и надъ всѣми вообще городскими учрежденіями, въ частности надъ всѣми торговцами. Система во всѣхъ случаяхъ одинаковая. Сенатъ можетъ приказать студентамъ не покупать въ данномъ магазинѣ ничего, или не посѣщать даннаго ресторана, и студенты обязаны подчиниться такому приказанію. А такъ какъ никакой торговецъ не желаетъ подвергаться притѣсненію отъ университета, то ему приходится по-неволѣ исполнять всѣ желанія сената. Вотъ, напримѣръ, какія правила сенатъ постановилъ для всѣхъ вообще торговцевъ города.

Въ 1857 г. совѣтъ сената представилъ сенату докладъ, въ которомъ говорилось слѣдующее:

„Совѣтъ полагаетъ, что какъ для того, чтобы обезпечить торговцамъ платежъ правильныхъ и законныхъ долговъ, такъ и для того, чтобы поддержать порядокъ и дисциплину среди студентовъ

и предупредить излишества или большіе долги, или долгосрочныя обязательства, весьма необходимо, чтобы были установлены правила для регулированія сдѣловъ между лицами, состоящими на ученическомъ положеніи, съ торговцами и иными лицами, и чтобы эти правила были обезпечены наложеніемъ академическихъ наказаній на студентовъ и отлученіемъ по отношенію къ торговцамъ“. Въ исполненіе этого предложенія были установлены правила. Вотъ текстъ одного изъ нихъ:

„Симъ объявляется,

„что если какой-нибудь лавочникъ, виноторговецъ, содержатель лошадей, хозяинъ магазина, или иное какое-либо лицо возьметъ отъ студента или бакалавра искусство безъ вѣдома и согласія его тьютора, а если онъ не-коллегіальный студентъ — безъ вѣдома и согласія соотвѣтствующаго офиціального начальника бюро, завѣдывающаго не-коллегіальными студентами, какое бы то ни было письменное обязательство, расписку, залогъ или иное обезпеченіе, то онъ можетъ быть подвергнутъ за таковой поступокъ отлученію“.

Въ 1878 году было издано, между прочимъ, слѣдующее правило:

„Такъ какъ было найдено, что для порядка и дисциплины въ университетѣ не подобаетъ, чтобы лица, находящіяся въ ученическомъ положеніи, принимали участіе въ угощеніяхъ въ ресторанахъ и трактирахъ безъ вѣдома и согласія университетскаго начальства, симъ объявляется:

„что если какой-нибудь вухмистеръ, виноторговецъ, продавецъ състныхъ припасовъ или иной торговецъ доставитъ състные припасы или вино болѣе, чѣмъ для пяти лицъ, состоящихъ на ученическомъ положеніи, въ какомъ-нибудь ресторанѣ или трактирѣ безъ письменнаго согласія старшаго проктора или, въ отсутствіе перваго, младшаго проктора, то, поступая такимъ образомъ, онъ можетъ быть подвергнутъ отлученію“.

Такія же правила касаются и болѣе мелкихъ событій студенческой жизни, напр. катанія въ лодкѣ, которое дозволяется только до опредѣленнаго мѣста, далѣе котораго нельзя выѣхать безъ разрѣшенія начальства, и т. п.

„Всѣмъ лицамъ, состоящимъ *in statu pupillari*, запрещается: Принимать участіе въ какихъ бы то ни было азартныхъ играхъ.

Имѣть дѣла съ ссудными кассами или ростовщиками.

Принимать участіе или присутствовать на стрѣльбѣ голубей.

Принимать участіе въ скачкахъ съ препятствіями или инымъ какимъ-нибудь образомъ содѣйствовать скачкамъ.

Стрѣлять огнестрѣльнымъ оружіемъ, воздушными ружьями, или какими-нибудь иными малыми снарядами въ предѣлахъ университета иначе, какъ при исполненіи военныхъ упражненій.

Устроить или принимать участіе въ устройствѣ или присутствовать на угощеніи, даваемомъ въ ресторанѣ или трактирѣ, безъ разрѣшенія своего тьютора или—въ случаѣ не-коллегіальнаго студента—представителя бюро, завѣдующаго дѣлами не-коллегіальныхъ студентовъ.

Ѣздить въ коляскахъ tandem, four-in-hands“.

Въ объясненіе одного изъ этихъ параграфовъ прибавлю, что среди студентовъ есть „общество волонтеровъ“, которые добровольно обучаются военному искусству, исполняютъ всѣ обязанности этой службы, имѣютъ особый мундиръ и — нѣкоторые серьезно, другіе для забавы—приготавливаются въ настоящей военной службѣ.

Таковы правила, налагаемыя университетомъ на своихъ воспитанниковъ, а черезъ нихъ и на городъ вообще. Кромѣ такихъ дисциплинарныхъ распоряженій, колледжи, однако, не мѣшаютъ студентамъ въ ихъ начинаніяхъ: напр., для сходокъ или собраній, въ зданіи колледжей или въ частныхъ квартирахъ, нѣтъ иныхъ ограниченій, кромѣ времени, о чемъ было сказано выше. Студенты могутъ основывать общества, занимающіяся чѣмъ угодно, начиная отъ игры въ вистъ или куренія табаку, и кончая дебатированіемъ социалистическихъ программъ; въ этомъ отношеніи имъ предоставлена полная свобода. Студенты могутъ писать и печатать что угодно, хотя бы каррикатуры на начальство; однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прокторы, не желающіе, чтобы какое-нибудь печатное произведеніе распространялось въ Кембриджѣ, могутъ весьма легко наложить на него запрещеніе посредствомъ той же системы отлученія. Такъ, въ бытность мою въ Кембриджѣ нѣсколько юныхъ студентовъ задумали издавать юмористическую газету, въ первомъ номерѣ которой, составленномъ анонимными писателями, заключалось множество намековъ, весьма прозрачныхъ, на всѣмъ извѣстныхъ университетскихъ дѣятелей въ Кембриджѣ, и юмористическія замѣчанія относительно этихъ дѣятелей. По представленію прокторовъ и постановленію начальства было объявлено, что содержатели книжныхъ или иныхъ магазиновъ, продающіе эту газету, могутъ подвергнуться за это отлученію, и такимъ образомъ продажа, а слѣдовательно и изданіе новой газеты было приостановлено.

Одно общее замѣчаніе. Какъ ни странны, стѣснительны и даже обидны могутъ показаться указанныя правила, регулирующія жизнь студента до мелочей, онѣ не возбуждаютъ недовольства среди студентовъ или иныхъ лицъ въ Кембриджѣ и въ Англіи вообще. Мнѣ много разъ приходилось слышать мнѣніе въ родѣ того, что статуты Кембриджа представляютъ самое совершенное, что можетъ быть сдѣлано въ этомъ направленіи. Студенты вполне подчиняются этимъ правиламъ, признавая ихъ справедливыми и полезными. Они знаютъ, что правила эти составлены для ихъ же пользы, а не изъ казихъ-нибудь постороннихъ соображеній, и уважаютъ постановленія лицъ, къ которымъ питаютъ довѣріе. Правда, въ университетѣ существуетъ партія, которая видитъ въ современномъ уставѣ много недостатковъ и постоянно предлагаетъ измѣненія въ немъ, но и эти измѣненія не нарушаютъ общаго характера университета; этотъ характеръ видоизмѣняется только постепенно, безъ рѣзкихъ перемѣнъ, постоянною дѣятельностью законодательнаго сената и начальства отдѣльныхъ колледжей. Тутъ ни разу не было полной перемѣны устава, полнаго разрыва съ прошлымъ. Статуты отдѣльныхъ колледжей сохранились до сихъ поръ отъ отдаленныхъ временъ ихъ основанія, подобно тому, какъ и вообще въ Англіи новое налагается на старое, совершенствуя его, но не уничтожая.

І. Клейверъ.

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА.

XCVII *).

Когда простились мы,—какой зимой неожиданной
Повѣяло вокруг! Какъ сумрачны поля,
Какъ тяжезъ небосклонъ, угрюмый и туманный,
Какой пустынею казалася земля!

А вѣдь она цвѣла: сады—въ уборѣ новомъ—
Сіяли золотомъ, дыханья розъ полны,—
И осень пышная—подобно юнымъ вдовамъ—
Несла плоды любви умчавшейся весны.

Но умирающей казалась мнѣ природа...
Ты—лѣто для меня, а нѣтъ тебя со мной—
И нѣмы соловьи, и если съ небосвода
Полетится робко пѣснь надъ чащею лѣсной,

Такъ сумрачна она, что, чутко ей внимая,
Понишіе цвѣты блѣднѣютъ, умирая...

LXI.

Твоей ли волею тяжелыя рѣсницы
Я не могу сомкнуть во мглѣ сѣдыхъ ночей?
Ты ль прерываешь сонъ, пославъ мнѣ вереницы
Похожихъ на тебя плѣнительныхъ тѣней?

*) Нумерація англійскаго изданія.

И твой ли духъ ко мнѣ летитъ въ ночь безмолвной,
 Старая ревностью, не знающею сна,
 Чтобъ бредъ подслушать мой, измѣны скрытой полный?
 О, нѣтъ, твоя любовь на это не властна!

Моя, моя любовь лишила сновидѣній
 Усталые глаза, умчала мой покой;
 Могучая, она, какъ благодатный геній,
 Какъ бодрый сторожъ твой,—вездѣ, всегда съ тобой;

Она хранить тебя... а ты—по волѣ рока—
 Такъ близко отъ другихъ, такъ отъ меня далѣко!..

LXVI.

Тебя, о смерть, тебя зову я, истомленный!
 Усталъ я видѣть, честь—поверженной во прахъ,
 Заслугу—въ рубищѣ, свободу—искаженной,
 И бѣдность—съ шутовской усмѣшкой на губахъ...

Глушцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
 Опальныхъ мудрецовъ, таящихъ скорбь въ тиши,
 Высокій даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
 И силу—мертвую отъ немощей души...

Искусство, робкое предъ деспотизмомъ власти,
 Безумья жалкаго надменное чело,
 Разнузданную ложь, разнузданныя страсти,
 И Благо—плѣнникомъ у властелина Зло...

Усталый, рвался бъ я въ блаженному покою,
 Но какъ, владычица, разстанусь я съ тобою!..

LXIV.

Когда я вижу, какъ волшебные уборы
 Срываетъ время съ древности сѣдой,
 И башни рушатся, высокія какъ горы,
 И въ рабствѣ злая мѣдь у ярости слѣпой;

Когда я вижу, какъ, въ береговое царство
Врываясь, океанъ бушуетъ и реветъ,
Какъ алчная земля, исполнена коварства,
Захватываетъ сонмъ необозримыхъ водъ,

Какъ распадаются могучіе народы,
Какъ царства пышныя въ развалинахъ лежать, —
Въ мозгу сверкаетъ мысль, что мстительные годы,
Мой гений, и тебя въ безвѣстный міръ умчатъ...

И скорбь смертельная мнѣ душу омрачаетъ:
Все, чѣмъ свѣтла намъ жизнь, — все время пожираетъ...

Θ. ЧЕРВИНСКІЙ.

ОСОБАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— История литературы русскон. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Ч. I. Львовъ, 1887. Часть II, въ двухъ отдѣлахъ. 1889.

Года два тому назадъ мы говорили о современномъ положеніи галицко-русской литературы ¹⁾, и передъ тѣмъ не однажды намъ случалось касаться этого предмета; въ настоящемъ случаѣ даетъ поводъ возвратиться къ нему книга, заглавіе которой мы выписали и которая принадлежитъ одному изъ извѣстнѣйшихъ галицкихъ ученыхъ, профессору львовскаго университета, главному мѣстному авторитету по вопросамъ исторіи галицкой литературы.

Положеніе этой литературы дѣйствительно особенное, сложное и запутанное. Галицкіе русскіе считаютъ себя однимъ племенемъ съ нашими малоруссами и дѣйствительно составляютъ одно племя, но ихъ національное возрожденіе, съ котораго начинается ихъ нынѣшняя литература послѣ прежняго подавленнаго состоянія ихъ народности, восходитъ не далѣе какъ къ 1830 годамъ, когда отразилось у галичанъ литературное движеніе другихъ племенъ, или даже позднѣе, ко времени послѣ 1848 года, когда политическій переворотъ въ Австріи пробудилъ въ славянскихъ племенахъ этого государства болѣе чѣмъ когда-нибудь чувство племенного сознанія и стремленіе къ какой-либо, хотя бы только литературной, автономіи своего народа. И послѣ тридцатыхъ годовъ, и послѣ возбужденія сороковыхъ годовъ галичанамъ приходилось

¹⁾ „Особый русский языкъ“, „Вѣстн. Европы“, 1888, ноябрь.

испытывать рецидивы старыхъ притѣсненій, и только въ новѣйшее время, послѣ того какъ Австрія получила новыя политическія предостереженія и дала гораздо большія льготы славянскимъ народностямъ, галицко-русская литература пользуется нѣкоторой свободой. Въ эти послѣдніе годы сильнѣе чѣмъ когда-нибудь прежде стали сказываться различныя принципиальные вопросы, которые давно уже занимали галицкихъ патриотовъ и касались дѣйствительно весьма существенныхъ основаній національнаго движенія.

Что такое галицкая Русь? Гдѣ ея прошедшее? Какое національное будущее, къ которому она должна стремиться? И ближайшимъ образомъ: на какомъ языкѣ ей говорить и писать свои поэтическія и ученые произведенія?

Вопросы — странныя для народа, который, по словамъ его ревностнѣйшихъ патриотовъ, имѣлъ свою славную, хотя и тяжелую, судьбу и владѣетъ весьма крупною численною силою; между тѣмъ именно эти вопросы стояли неразрѣшенными для начинателей галицкаго возрожденія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и далеко не разрѣшены и въ настоящее время. Возрожденіе 1830-хъ годовъ начиналось подъ общими вліяніями тогдашняго славянскаго движенія, прежде всего въ небольшомъ кружкѣ людей, которые приобрѣли потомъ славу основателей новой галицкой литературы (Шашкевичъ, Головацкій, Вагилевичъ). Главною чертой ихъ національнаго одушевленія былъ тотъ восторженный племенной романтизмъ, который господствовалъ тогда на всемъ пространствѣ западнаго и частью южнаго славянскаго міра, исполняя славянскихъ патриотовъ великою гордостью славнымъ прошедшимъ ихъ племени и поэтическою вѣрой въ его не менѣе славное призваніе въ будущихъ судьбахъ челоуѣчества. „Славянская взаимность“, которую проповѣдовалъ Колларъ и которую воспѣвалъ онъ въ знаменитой, хотя нѣсколько скучной, національно-дидактической поэмѣ („Дочь Славы“), въ свое время успѣла достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ. Развитіе чешской литературы; „Древности“ и „Этнографія“ Шафарика; передъ тѣмъ открытіе оригинальныхъ памятниковъ древней чешской поэзіи („Судъ Любуши“ и Крале-дворская рукопись), которые въ наше время признаются поддѣльными, но успѣли тогда произвести сильное возбуждающее дѣйствіе; въ сербской литературѣ сборники народныхъ пѣсенъ Караджича, получившіе европейскую славу; одновременное развитіе русской ученой литературы съ славянскими интересами и т. д., — все это отзывалось у другихъ славянскихъ племенъ общимъ патриотическимъ одушевленіемъ, которому дали тогда названіе панславизма. Политическое освобожденіе одного изъ возрождав-

шихся племень, именно сербовъ, какъ будто начинало осуществлять эру возрожденія и для другихъ народовъ, давало поводъ говорить о панславизмѣ политическомъ, во главѣ котораго ставили Россію, будто бы мечтавшую о славянскомъ объединеніи подъ своей властью или гегемоніей,—и это нерѣдко пріятно ласкало мечты славянскихъ патріотовъ на западѣ и югѣ, гдѣ чуженародное иго стало чувствоваться все тяжеле.

Въ этихъ условіяхъ идея народнаго возрожденія возникла въ средѣ патріотовъ галицко-русскихъ. Ихъ чувства и воображеніе затронуты были тѣми же идеалистическими вѣрованіями и надеждами: и ихъ народъ принадлежитъ къ великому славянскому цѣлому; онъ пережилъ мрачное прошедшее, но и передъ нимъ засвѣтилась заря лучшаго будущаго. Нужно было однако опредѣлить свои славянскія связи, сосчитаться историческимъ родствомъ, дать какую-либо реальную основу своимъ надеждамъ, найти ближайшую племенную опору, въ которой можно бы прикинуть, чтобы смѣнить незавидное настоящее широкимъ національнымъ идеаломъ. Такое родство, обѣщавшее могущественную поддержку, представлялъ русскій народъ, и галицкіе патріоты полагали, что сюда слѣдуетъ имъ направить свои исканія для успѣха своего народнаго дѣла. Если во всемъ панславизмѣ того времени была масса недоразумѣній, то не мало ихъ было и въ данномъ случаѣ. Славянскіе патріоты, и галицко-русскіе въ особенности, имѣли очень смутное представленіе о дѣйствительномъ положеніи вещей: зная двухъ-трехъ русскихъ славянофиловъ, они дѣлали заключенія о цѣлой Россіи, предполагали въ русскомъ правительствѣ и въ русскомъ обществѣ, даже народѣ, стремленія къ славянскому братству и единству и строили на этомъ свои надежды; не зная современной русской литературы, галицко-русскіе патріоты полагали, что она пишеть тѣмъ книжнымъ, смѣшаннымъ съ славянщиною языкомъ, какимъ писали у насъ въ XVIII столѣтіи и каковой былъ имъ знакомъ по традиціи церковныхъ книгъ; отыскивая свое отечество, они говорили о цѣломъ русскомъ народѣ, простирающемся отъ Камчатки до Карпатъ. До русскаго общества почти не доходило вѣстей объ этомъ движеніи; оно представлялось пока столь элементарнымъ, что не могло возбуждать широкаго интереса, и изъ Россіи достигали къ галичанамъ только сочувствія небольшого кружка, который они принимали за русское общество; какаго-либо взаимодѣйствія не было. Словомъ, галицкіе патріоты предоставлены были самимъ себѣ и въ своей средѣ должны были перерѣшать вопросы по тѣмъ скуднымъ даннымъ, какія были въ ихъ распоряженіи. Отсюда рядъ колебаній, кото-

рыя уже вскорѣ наступили въ галицко-русской жизни, общественной и литературной. Въ кругу патріотовъ, въ сущности весьма немногочисленномъ, произошелъ расколъ: въ то время, какъ одни причисляли галицкую Русь къ великому русскому цѣлому — къ народу русской имперіи и къ русской (т.-е. великорусской) литературѣ, другіе нашли, что истинное родство соединяетъ галичанъ не съ этимъ народомъ, хотя сильнымъ, но чужимъ, а собственно съ малой Русью, съ Украйной, съ которой они говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ однѣ историческія преданія и одну народную поэзію. Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени галичане успѣли ближе ознакомиться съ положеніемъ литературныхъ дѣлъ въ Россіи и увидѣли, что новѣйшая русская литература во многихъ отношеніяхъ имъ совершенно чужда: она изображаетъ общество, нравы и исторія котораго имъ совершенно незнакомы, говоритъ языкомъ, до таковой степени отличнымъ отъ знакомыхъ имъ элементовъ книжно-славянскихъ, не говоря о народно-малорусскихъ, что нерѣдко онъ бывалъ имъ просто непонятенъ; руководящіе интересы русской литературы такъ далеки отъ предполагававшихся въ ней прежде стремленій къ славянскому братству и единству, что имъ не легко было найти здѣсь однородную почву. Такимъ образомъ, въ галицкой Руси образовалось двѣ стороны, которыя стали двумя общественными и литературными партіями: одни стремились къ объединенію обще-русскому (вѣроятно, питая надежду на предстоящее когда-нибудь объединеніе политическое); другіе настаивали на особенностяхъ малорусскаго племени, которое — за-одно въ русской Украйнѣ и въ австрійской Галиціи — должно имѣть свою отдѣльную литературу и вообще, быть можетъ, когда-нибудь и какимъ-нибудь образомъ составить одно цѣлое. Не случайно нѣкоторые люди перваго направленія, иногда какъ бы предвосхищая будущее, повидали Галицію и становились русскими подданными, какъ, на примѣръ, Головацкій, нѣкогда одинъ изъ первыхъ начинателей галицко-русскаго возрожденія, въ послѣдніе годы Наумовичъ и др. Другая партія, относясь болѣе или менѣе враждебно къ этимъ такъ-называемымъ „твердымъ“ русинамъ, между прочимъ находила, что они забываютъ о народной массѣ, и защищала необходимость литературы на языкѣ народномъ, на которомъ она только и будетъ доступна народу; вслѣдствіе того эта партія естественно примыкала къ нашему украинофильству.

Эти послѣднія отношенія не мало повліяли на складъ новѣйшей галицко-русской литературы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ повліяли ненормально, чему способствовало ненормальное положеніе украинофильства въ нашей общественности и въ печати.

Намъ не однажды случалось высказываться о положеніи русскаго украинофильства. Не повторяя прежнихъ объясненій, воснемся его здѣсь только по отношенію къ галицко-русской литературѣ. Какъ извѣстно, украинофильство навлекало на себя обвиненія въ вредномъ общественномъ и литературномъ сепаратизмѣ. Эти обвиненія всегда казались намъ безмѣрнымъ преувеличеніемъ. Источникъ украинофильства былъ тотъ самый, который въ теченіе нынѣшняго столѣтія создалъ всеобщій, во всѣхъ странахъ, интересъ къ народу, стремленіе изучать его бытъ, языкъ, преданія, стремленіе служить его умственнымъ, нравственнымъ и матеріальнымъ пользамъ, желаніе поднять его сознаніе и вмѣстѣ воспользоваться для всей національной жизни тѣми нравственными и поэтическими элементами, какіе хранятся, по преданію, въ массахъ и составляютъ основу національности. Это—тотъ источникъ, который создалъ столь необычайное и заслуживающее глубокаго сочувствія движеніе, какъ совершившееся въ теченіе нашего вѣка и частью на нашихъ глазахъ возрожденіе славянскихъ народностей, которое было высокимъ нравственнымъ подъемомъ цѣлыхъ племенъ, влачившихъ дотолѣ безсознательное и подавленное существованіе. Это—тотъ источникъ, который въ самой русской средѣ создалъ все новѣйшее высокое содержаніе русской общественности, наполненное заботами о нравственномъ и матеріальномъ возвышеніи народа какъ основы всей націи (освобожденіе крестьянъ; громадная литература, посвящаемая изученію народной жизни во всевозможныхъ отношеніяхъ). Наконецъ, это—тотъ же источникъ, который въ жизни европейской создаетъ въ новѣйшее время такое же (употребимъ нашъ терминъ) народническое стремленіе къ изученію народной старины и къ литературной реставраціи мѣстныхъ нарѣчій, какъ новѣйшая провансальская литература во Франціи, какъ возникающая литература нѣмецкихъ нарѣчій, какъ чрезвычайное новѣйшее распространеніе фольклоризма у всѣхъ безъ исключенія народовъ западной Европы, и даже у французовъ, издавна отличавшихся особенно высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ простонародному. Не иное происхожденіе имѣло и наше украинофильство. Взявши главные пункты его проявленій, мы найдемъ, наконецъ, что они совпадаютъ съ параллельными фактами въ самой русской литературѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія первые опыты Котляревскаго совпадаютъ съ народническими интересами Аблесимова, Чулкова, Новикова, Радищева; въ тридцатыхъ годахъ этнографическіе труды и опыты малорусской поэзіи (Артемовскій-Гулакъ, Максимовичъ, Срезневскій, Костомаровъ, Бодянский и т. д.) совпадаютъ,

во-первыхъ, съ фактами русской этнографіи (Сахаровъ, Снегиревъ, Пассекъ и пр.) и, во-вторыхъ, съ отголосками славянскаго возрожденія; въ шестидесятыхъ годахъ украинофильство совпадаетъ съ русскимъ народничествомъ, которое возникло вслѣдствіе перелома, созданнаго освобожденіемъ крестьянъ. Непривычка массы нашего общества къ проявленіямъ какой-либо самодѣятельности дѣлала для многихъ непонятнымъ это движеніе, а затѣмъ желаніе играть роль прозорливыхъ спасителей отечества произвело толки о сепаратизмѣ, будто бы грозившемъ цѣлости російской имперіи. Роль „Московскихъ Вѣдомостей“ того времени настолько теперь объяснилась, что нѣтъ надобности останавливаться на опредѣленіи цѣнности тѣхъ побужденій, какими руководилось это изданіе, поднявши тревогу о сепаратизмѣ. Собственно говоря, было бы унижительно не только для достоинства російской имперіи, но противорѣчило бы всѣмъ дѣйствительнымъ отношеніямъ русской жизни находить политическую опасность въ народническомъ движеніи одной небольшой части южно-русскаго общества: малорусскіе элементы до такой степени срослись съ общимъ теченіемъ русской жизни, до такой степени окружены самыми реальными вліяніями быта административнаго, экономическаго, вліяніями образованія и т. д., что за всѣмъ этимъ остается мѣсто только для чисто литературныхъ стремленій мѣстной народности. Самые литературныя стремленія по необходимости и сами собой остались бы въ тѣхъ предѣлахъ, какіе возможны для мѣстнаго провинціализма—въ предѣлахъ поэтической реставраціи прошедшаго, популярной литературы, мѣстной сцены и т. п. Поэтическая реставрація, между прочимъ, доставила самой русской литературѣ произведенія, принадлежащія къ числу ея лучшихъ перловъ; назовемъ „Тараса Бульбу“ Гоголя. Популярная литература могла бы только увеличить нѣсколько запасъ познаній въ массѣ, которая на югѣ Россіи, какъ и на сѣверѣ, лишена ихъ до самой прискорбной степени, и на югѣ эта литература для народа была бы возможна только на языкѣ ему доступномъ. Чѣмъ можетъ быть мѣстный театръ, это мы видѣли на замѣчательномъ успѣхѣ, какой имѣла въ послѣдніе годы въ самомъ Петербургѣ и въ Москвѣ малорусская сцена. Наконецъ, украинофильскій интересъ къ народу (какъ это уже и бывало) отразился бы распространеніемъ изученій этнографическихъ и обогащеніемъ научныхъ изслѣдованій. Если предполагаютъ, что существуетъ возможность сепаратизма, то наиболѣе разумнымъ и человѣчнымъ средствомъ противъ его развитія было бы именно это столь естественное общеніе народности господствующей съ

народностями мѣстными и признаніе за послѣдними права выраженія, размѣры котораго даются сами собой условіями ихъ общаго бытія. Къ сожалѣнію, въ концѣ семидесятыхъ годовъ возобладала иная точка зрѣнія, усмотрѣна была необходимость извѣстныхъ стѣснительныхъ мѣръ: дѣло простое становилось сложнымъ; отдѣльныя излишества сочтены общею чертою всего литературнаго движенія, и естественное явленіе ставилось на несвойственный ему путь, и, между прочимъ, эти мѣры отозвались, какъ увидимъ, въ литературѣ галицко-русской. Центръ тяжести литературнаго движенія, главнѣйшая сила котораго и историческія основанія принадлежали нашей Малороссіи, какъ будто переносился въ Галицію.

Выходило въ самомъ дѣлѣ нѣчто странное. Въ прежнее время, еще не очень далекое, полагалось (и бывало дѣйствительно справедливо), что славянскія литературы въ Австріи были крайне стѣснены въ своемъ развитіи, и литература галицко-русская въ особенности едва влачила свое существованіе, питаясь, между прочимъ, тѣмъ, что приносила малорусская литература въ Россіи. Теперь, напротивъ, когда послѣдняя подверглась ограниченіямъ, въ Галиціи, частью вслѣдствіе общихъ политическихъ перемѣнъ въ Австріи, доставившихъ ея народностямъ большую свободу развитія, частью благодаря собственнымъ усиліямъ галицкихъ дѣятелей, литературное движеніе весьма расширилось, какъ въ поэзіи и беллетристикѣ, такъ и въ трудахъ научныхъ, книгахъ популярныхъ и публицистикѣ. Литература ставила какъ внутренніе вопросы галицко-русскаго быта, такъ и общій вопросъ національной жизни. Русская народность въ Галиціи, такъ долго угнетаемая нѣкогда польскимъ владичествомъ, а потомъ австрійскою бюрократіей, и до настоящаго времени еще не получившая политическаго значенія, отвѣчающаго ея численности, обладаетъ тѣмъ не менѣе сравнительно съ прежнимъ гораздо большею долею общественной свободы и вмѣстѣ свободы печати. Какъ выше упомянуто, одна часть галицкаго русскаго общества еще ранѣе пришла къ мысли о томъ, что ближайшія связи соединяютъ этотъ народъ не съ государственной народностью Россіи, а именно съ Малороссіею: теперь галицко-русское общество и литература, при стѣсненномъ положеніи украинофильства и малорусской литературы въ Россіи, становились какъ бы главными литературными представителями и выразителями южно-русскаго племени. Сообразно съ этимъ, какъ увидимъ далѣе, стали формироваться самыя историческія взгляды на судьбу и значеніе малорусской народности: Галиція являлась какъ бы ея центромъ.

Съ одной стороны, это было понятно, съ другой—не совсѣмъ естественно. Понятно потому, что въ настоящемъ положеніи вещей для малорусской народности въ самомъ дѣлѣ не представляется другого литературнаго выраженія (хотя бы и неполнаго). Не совсѣмъ естественно—по историческимъ условіямъ самой галицко-русской народности.

Нѣкогда, въ началѣ русской исторіи, галицкое княжество была такая же русская земля, какъ княжество кievское, черниговское, суздальское, новгородское. Тогда была одна русская земля, при всѣхъ мѣстныхъ отличіяхъ отдѣльныхъ племенъ объединяемая однимъ языкомъ (по убѣжденію новѣйшихъ филологовъ, сѣверный и южный русскій языкъ, столь разошедшіея впоследствии, были, однако, вѣтви *одного* корня), одной вѣрой и церковью, одной княжеской династіей. Ихъ соединяло одно народное сознаніе; въ княжескихъ передвиженіяхъ удѣльнаго періода, князь, смотря по обстоятельствамъ, могъ править одинаково на сѣверѣ и на югѣ, востокѣ и на западѣ, безразлично переходить изъ Новгорода въ Галичъ и обратно. Такова древнѣйшая ступень исторической судьбы древняго Галича,—ступень, надобно сказать, очень отдаленная и давно потерянная народною памятью. Ее заслонили дальнѣйшія событія, вслѣдствіе которыхъ представленіе этого первоначальнаго русскаго единства осталось только темнымъ, неразвитымъ инстинктомъ или фактомъ ученой исторіи. Дальнѣйшія событія создали совершенно инныя отношенія, измѣнившія всю историческую судьбу народа. Смуты удѣльнаго періода не способствовали фактическому укрѣпленію русскаго національнаго сознанія въ смыслѣ единства. Древняя Русь, раскинувшись на громадномъ пространствѣ и начавши организацію своихъ мѣстныхъ центровъ, теряла изъ виду цѣлое, а вновь наступившія событія должны были надолго сдѣлать эту мысль совсѣмъ невозможной. Главный удар нанесенъ былъ татарскимъ нашествіемъ; но еще раньше древняя Русь начинала терять политическую цѣльность подъ вліяніемъ осложнявшихся отношеній, которыми она была не въ силахъ овладѣть. Интересы становились различны: Новгородъ или Смоленскъ и Полоцкъ на сѣверѣ и западѣ, Суздаль и Владиміръ на востокѣ, нѣсколько позднѣе Москва въ центрѣ, Кіевъ на югѣ, Львовъ и Галичъ на крайнемъ юго-западѣ все болѣе увлекаемы были въ свои частныя задачи, приводимыя мѣстными условіями и сосѣдствомъ, вліяніе котораго становилось все болѣе ощутительнымъ. Когда пришли татары, начинавшееся разбѣдиненіе было довершено. Кіевъ, нѣкогда глава древней Руси, лежалъ въ развалинахъ и, долго

спустя восстановленный, никогда уже не достигалъ своего прежняго значенія; югъ и сѣверъ были отдѣлены; когда сѣверо-восточная Русь испытывала въ полной мѣрѣ гнетъ татарскаго ига, земля галицкая осталась отъ него свободною; когда на сѣверо-востокѣ съ великими трудностями предпринимались попытки объединенія въ Суздаль и Владимірѣ, въ Твери и, наконецъ, въ Москвѣ, остальные земли были уже недостижимы, а на галицкомъ юго-западѣ думали объ основаніи особаго галицкаго королевства, вступали въ политическіе споры и связи съ Польшей и Венгріей, полагали возможнымъ союзъ съ папой и даже унию. Расходились не только внѣшніе политическіе интересы, но и самый складъ быта. Русская земля, стоявшая на крайнемъ западномъ рубежѣ, потерявшая связи съ остальнымъ русскимъ миромъ, который не могъ тогда и помочь ей, не могла удержать своего положенія: со второй половины XIV вѣка, галицкое княжество стало польскою провинціей. Не могла удержать своей самостоятельности и Русь западная, которая, ставши княжествомъ литовскимъ, хотя сохранила условія своего русскаго существованія въ вѣрѣ и языкѣ, но вовлечена была въ политическія комбинаціи, которыя впоследствии стали, въ концѣ концовъ, угрожать самому ея національному существованію. При Ягеллѣ заключена была личная унія Литвы (т.-е. съ нею и западной Руси) съ Польшей, а во второй половинѣ XVI столѣтія совершилась формальная политическая унія и за нею унія церковная, гдѣ поставлены были на карту существенныя начала стараго русскаго быта. Такимъ образомъ Русь галицкая раньше всѣхъ южныхъ и западныхъ русскихъ земель утратила всякую тѣнь политической народной самобытности; когда потомъ началась борьба малорусской народности съ Польшей, арена этой борьбы была на Днѣпрѣ; когда въ половинѣ XVII вѣка совершалось присоединеніе Малороссіи въ московскому государству и возникали новыя политическія и бытовыя условія существованія для наибольшей массы малорусскаго народа, земля галицкая осталась въ ея прежнемъ положеніи. Правда, въ исторической борьбѣ принялъ тогда участіе Львовъ, но вообще съ XVII вѣка Галиція была снова разъединена отъ Малороссіи: она оставалась въ Польшѣ, когда большая часть малорусскаго народа соединила свои судьбы съ судьбами Россіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка разъединеніе пошло еще дальше: при раздѣлахъ Польши Галиція стала австрійскою провинціей.

Представляется вопросъ: какимъ же образомъ одна область малорусскаго племени, имѣвшая совсѣмъ особую исторію, на про-

странствѣ цѣлыхъ вѣковъ отдѣленная и отъ древняго русскаго цѣлаго, къ которому нѣкогда принадлежала, и отъ собственной южно-русской вѣтви, можетъ предъявлять права на представительство не только этой цѣлой вѣтви, но, какъ дальше увидимъ, на представительство самой подлинной русской народности? Очевидно, происходитъ очень большое недоразумѣніе.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію этого недоразумѣнія, выраженіемъ котораго служитъ книга г. Огоновскаго, прибавимъ еще замѣчаніе. Несмотря на близкое племенное родство, несмотря на усиленное желаніе одной части галицко-русскаго общества вступить въ солидарность съ „обще-русскимъ“ цѣлымъ, несмотря, наконецъ, на тѣсныя связи галицко-русскихъ народниковъ съ нашей малорусской литературой, черезъ которую могли бы проникнуть къ нимъ нѣкоторыя свѣденія о русской жизни и великорусской (т. е. обще-русской) литературѣ, — галицкая Русь относительно знанія или точнѣе незнанія Россіи не уступаетъ остальному западному и южному славянству. Это послѣднее, какъ болѣе или менѣе извѣстно, до сихъ поръ знаетъ Россію чрезвычайно мало: Въ прежнія времена оно не знало Россіи и вовсе. У славянства южнаго, православнаго, у сербовъ и также болгаръ, вслѣдствіе православнаго преданія сохранялась въ народной массѣ память о русскомъ народѣ, на который возлагались темныя надежды освобожденія, которыя питались длиннымъ рядомъ русско-турецкихъ войнъ. Знаніе Россіи было народнымъ инстинктомъ, но какъ инстинктъ неопредѣленнымъ, вслѣдствіе чего впослѣдствіи бывали возможны случаи взаимнаго непониманія: историческимъ примѣромъ этого останутся нынѣшнія отношенія съ Болгаріей. Славяне западные, за исключеніемъ немногихъ ученыхъ людей, знали о Россіи и того менѣе: была старая память о племенномъ родствѣ, подновленная славой могущественнаго государства, созданнаго русскимъ народомъ, но обычныя представленія о Россіи оставались крайне смутными и притомъ не только въ народныхъ массахъ, которымъ и не откуда было почерпать свѣденій о Россіи, но и въ среднемъ классѣ; онъ почерпалъ ихъ изъ ходячихъ на западѣ представленій о русскомъ народѣ, — очень, правда, сильнымъ, дѣлающимъ большія завоеванія, имѣющимъ могущественныхъ царей, богатыхъ вельможъ, но полудиковъ и варварскомъ. Напримѣръ, у чеховъ — самыхъ книжныхъ людей изъ западныхъ славянъ, самыхъ ревностныхъ изъ обще-славянскихъ патриотовъ, одно время полагавшихъ даже, что на нихъ именно лежитъ главное бремя славянскаго прогресса — познанія о Россіи не превышали средняго уровня нѣмецкихъ бюргерскихъ познаній

(говоримъ, напр., о тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ). Рѣдко можно было встрѣтить человѣка даже ученаго, знающаго русскій языкъ, и невозможно было встрѣтить человѣка, сколько-нибудь обстоятельно знакомаго съ русской литературой; русскія книги бывали великою рѣдкостью. Въ послѣднее время по разнымъ обстоятельствамъ дѣло стоитъ лучше, но и до сихъ поръ число людей въ западномъ славянствѣ, имѣющихъ точныя понятія о Россіи, русской исторіи, жизни, литературѣ, чрезвычайно ограничено. Большая зрѣлость самихъ славянскихъ литературъ, чрезвычайныя событія послѣдняго времени расширили свѣденія о Россіи, но въ громадномъ большинствѣ, кромѣ одиночныхъ случаевъ, свѣденія остаются недостаточны, почерпаются изъ вторыхъ рукъ, особливо изъ рукъ нѣмецкихъ. Любопытно, напримѣръ, что когда въ послѣдніе годы во всей западной Европѣ заговорили о русской литературѣ и всюду переводились сочиненія авторитетныхъ русскихъ писателей, какъ Тургеневъ, Л. Толстой, Достоевскій и даже писатели второстепенные и гораздо менѣе интересные и доступные, литературы славянскія остались позади всѣхъ; онѣ заговорили также о Тургеневѣ и т. п. только потому, что объ этомъ заговорили уже и нѣмцы; начали даже переводить знаменитыхъ русскихъ писателей—иной разъ съ *нѣмецкаго*. Рядомъ съ этимъ, въ западномъ славянствѣ были очень мало извѣстны какъ широкое развитіе русской научной литературы, такъ и настоящее состояніе русскихъ общественныхъ отношеній; и здѣсь западные славяне знали о Россіи не больше, чѣмъ знали ихъ нѣмецкіе источники, или еще меньше. Опять, кромѣ одиночныхъ случаевъ, въ массѣ славянскаго общества существуютъ только крайне смутныя представленія о томъ, что дѣлается во внутренней жизни русскаго общества: сколько разъ случалось читать здѣсь разсужденія вкривь и вкось на шаблонныя темы: „славянофилы“, „старорусская партія“, „западники“ (Westler), „панславистъ Катковъ“, „нигилисты“ и т. д., съ которыми видимо не соединялось никакой ясной мысли.

У галичанъ, вслѣдствіе относительной скудости образовательныхъ средствъ, несмотря на упомянутыя отношенія въ русской литературѣ, эти свѣденія, быть можетъ, были еще ограниченнѣе; но была здѣсь своя особенность. Кромѣ нѣмецкихъ источниковъ (въ австрійскихъ газетахъ), по мѣстнымъ условіямъ прибавлялись еще источники польскіе. Правда, русскіе галичане находятся въ большой враждѣ съ поляками, но польская литература по давнимъ историческимъ отношеніямъ есть для галичанъ также своя литература; она несравненно богаче галицко-русской и несо-

мѣнно имѣеть вліяніе, несмотря на польско-русскую вражду. Если, вслѣдствіе упомянутого ограниченія малорусской литературы въ Россіи, возникало здѣсь недовѣріе къ явленіямъ русской жизни, то охотно выслушивались враждебные отзывы о Россіи, какихъ можно было вдоволь встрѣтить въ печати нѣмецкой и польской; повидимому, не безъ нѣкотораго согласія принимались и тѣ толки объ отношеніяхъ племенъ великорусскаго и малорусскаго, какіе распространялись въ польской печати по слѣдамъ Духинскаго ¹⁾.

Въ концѣ концовъ, выработывался взглядъ на исторію малорусскаго племени и малорусской литературы, который лежитъ въ основаніи книги г. Огоновскаго. Какъ мы сказали, это—одинъ изъ наиболѣе видныхъ ученыхъ въ русской Галиціи, специалистъ по исторіи языка и литературы. Онъ посвящаетъ цѣлую обширную книгу исторіи „русской“ литературы, подъ которой по мысли самого автора надо разумѣть малорусскую. Это и есть настоящая русская литература, потому что собственно наша литература будетъ, по его понятіямъ, „великорусская“ или „россійская“. Предметъ ставится здѣсь столь необычно для нашихъ понятій, что стоить остановиться на изложеніи галицко-русскаго ученаго нѣсколько подробнѣе.

Вступленіе начинается общими замѣчаніями о судьбѣ малорусской народности. Свою литературу, — говоритъ г. Огоновскій, — имѣеть тотъ народъ, у котораго есть своя исторія, свое особое міровозрѣніе и свой языкъ; литературная жизнь не утратится у такого народа, хотя бы онъ и потерялъ политическую самостоятельность, потому что живое слово не погибнетъ, несмотря на враждебныя усилія тѣхъ, которые приманкой „объединенія“ морочатъ духъ слабѣйшихъ, незрѣлыхъ братьевъ. Онъ приводитъ пословицу: „мова не полова, нѣякій вѣтеръ еѣ не вывѣе“, — хотя, къ сожалѣнію, именно исторія славянскихъ племенъ и въ старое, и въ самоновѣйшее время указываетъ, что народная рѣчь погибаетъ съ самыми народами, или даже она погибаетъ, хотя физически народъ продолжаетъ свое существованіе. И однако, — говоритъ дальше г. О., — нѣтъ народа на свѣтѣ, который при всѣхъ чертахъ своей самостоятельности испыталъ бы такую незавидную долю, какъ народъ „русскій“ (т.-е. южно-русскій). Эта доля изображается цитатой изъ Костомарова: „Едва ли въ свѣтѣ есть языкъ несчастнѣе малороссійскаго. Вѣка проходили одинъ за другимъ; всѣ признавали, что на свѣтѣ существуетъ малороссій-

¹⁾ О теоріи послѣдняго мы имѣли случай говорить: „Тенденціозная Этнографія“, „Вѣстн. Европ“, 1887. январь.

скій народъ и говорить своею рѣчью; цари обращались къ этому народу съ своими грамотами и царское слово именовало его „малороссійскимъ народомъ“, а для сношенія съ малороссіянами и уразумѣнія ихъ рѣчи въ Москвѣ при посольскомъ приказѣ были особые переводчики. Никому въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, что такой народъ со своимъ языкомъ существуетъ. Но въ недавнее время книжные мудрецы выдумали, будто малороссійскаго народа нѣтъ вовсе и никогда не было, а въ край, называемомъ Малороссіей, живетъ все такой же народъ, какъ и въ Москвѣ, и въ Твери, и въ Нижнемъ—вездѣ въ русскомъ государствѣ одинъ только народъ русскій“.

Въ тяжкія времена,—разсказываетъ г. О.,—нашъ народъ на Украинѣ утратилъ свою автономію, добытую кровавыми боями и утвержденною договорами, и затѣмъ „младшій и болѣе сильный братъ присвоилъ себѣ народное имя „Русь“, пользуется его стародавнею литературою и говоритъ свѣту, что Русь-Украина есть настоящая Россія“. „Такое диктаторское рѣшеніе возвѣщаютъ именно московскіе панслависты школы Каткова“. Первые панслависты,—говоритъ г. О.,—относились еще не очень враждебно къ малорусской литературѣ; но когда въ 1863 году Катковъ изобрѣлъ слово „обрусѣніе“, старый панславизмъ обратился въ панславизмъ бюрократическій. Онъ рѣшалъ, что славянскія племена не имѣютъ никакихъ задатковъ для политическаго существованія; поэтому русскій языкъ долженъ стать не только дипломатическимъ, но и литературнымъ языкомъ славянскихъ народовъ, а ихъ языки должны остаться нарѣчіями, которыя будутъ жить только въ сельскихъ хатахъ. Упомянувъ затѣмъ, что иначе относится въ вопросу школа западниковъ, признающихъ за славянскими племенами права самостоятельнаго развитія, и отмѣтивъ, что въ 1876 году въ Россіи почти прекращено русское (малорусское) литературное движеніе, г. О. заключаетъ: „такимъ образомъ, русско-украинское слово замололо въ южной Россіи и пользуется мирнымъ приютомъ только въ монархіи австрійско-венгерской, гдѣ конституція даетъ отдѣльнымъ народностямъ свободу оберегать исконныя народныя права“. Далѣе: „Литературу малорусскую или русско-украинскую мы считаемъ *отдѣльною* („окремною“) отъ литературы російской, потому что народность русско-украинская отдѣльна отъ народности великорусской или російской. О литературѣ польской здѣсь не слѣдуетъ думать, потому что русская словесность больше отдалена отъ литературы польской, чѣмъ отъ російской. Итакъ, мы заявляемъ вмѣстѣ съ славнымъ историкомъ Костомаровымъ, что есть двѣ русскія народ-

ности, малорусская и великорусская. На первый взгляд кажется удивительнымъ („дивовожнымъ“), что есть *два русскія* народности; но вѣдь нашъ народъ не виноватъ тому, что цари московскіе перенесли имя „Русь“ на свою державу и что наша родина („батьковщина“) лишилась своего собственного имени (!). Въ настоящее время слово „Украина“ заступаетъ у нашихъ патриотовъ утрату своего имени, потому что терминъ „Малая Русь“ не находитъ приверженцевъ изъ-за того, что ставить нашу Русь въ какою-то зависимость отъ великой Руси“.

Цѣлый рядъ странностей, удивительныхъ для русскаго читателя. Замѣтимъ прежде всего, что Костомаровъ, на котораго ссылается г. О. относительно „двухъ народностей“, не дѣлалъ тѣхъ дальнѣйшихъ толкованій, что московскіе цари отняли у южной Руси ея древнее названіе и присвоили его своему государству. Это послѣднее соображеніе г. О. заимствовалъ прямо у Духинскаго. Напомнимъ, что этотъ своеобразный польскій этнографъ объяснял отношенія русской и малорусской народности слѣдующимъ образомъ. На славянскомъ востокѣ существуютъ два различныхъ племени: одно—чисто славянское, „Русь“, которую впоследствии стали называть „Малой Русью“; другое—финно-тюркское, туранское, которое называется собственно „Москвой“, но впоследствии приняло испорченный славянскій языкъ и неправильно присвоило себѣ имя Руси, Великой Руси или Россіи; нынѣшніе русскіе, господствующее племя россійской имперіи, поэтому вовсе не славяне, а туранцы, говорящіе на испорченномъ славянскомъ языкѣ, и носятъ свое имя неправильно. Очевидно, ту же нелѣпость, какую отвергаютъ и благоразумные польскіе писатели ¹⁾, г. О. считаетъ возможнымъ повторять до сихъ поръ: правда, онъ не рѣшается прямо говорить о туранствѣ великоруссовъ, хотя, какъ дальше увидимъ, выражается нѣсколько двусмысленно объ ихъ происхожденіи; зато онъ повторяетъ нелѣпость о томъ, какъ московскіе цари отняли у южнаго племени имя „Руси“ и присвоили его Москвѣ. Въ статьяхъ того же Костомарова, въ книжкѣ г. Бодуэна, въ сочиненіи г. Первольфа, г. О. могъ бы найти достаточное объясненіе того, какъ употреблялось имя „Руси“ съ древнѣйшихъ временъ и до XVI-XVII столѣтія; ученый историкъ „русской“ литературы могъ бы и самъ знать по памятникамъ употребленіе этого имени, которое объ можетъ находить на каждомъ шагѣ у сѣверныхъ, велико-русскихъ писателей о своемъ

¹⁾ Въ упомянутой статьѣ: „Тенденціозна этнографія“, данъ отчетъ о книжкѣ г. Бодуэна-де-Куртена, по поводу теоріи Духинскаго.

народъ гораздо ранѣе „московскихъ царей“, будто бы оттягавшихъ это имя у настоящей Руси, прозванной потомъ Малороссією. Для *цѣлаго* народа никогда не было другого имени; мѣстные названія (Новгородъ, Суздаль, Москва и пр.) употреблялись для политическаго обозначенія областей въ эпоху отдѣльнаго политическаго быта этихъ областей; такимъ же образомъ и имя Москвы осталось съ тѣхъ поръ для обозначенія государства, сосредоточеннаго, наконецъ, въ этомъ княженіи. Г. О. утверждаетъ, что имя Малороссіи стало какъ бы подставнымъ, когда имя „Руси“ было отято у нея Москвой; но сама Москва получаетъ крупное политическое значеніе только съ XV вѣка, присоединеніе Малороссіи произошло во второй половинѣ XVII—между тѣмъ самъ г. О. приводитъ, что названіе „Малой Россіи“ было употреблено въ самой южной Руси еще въ первой половинѣ XIV вѣка, — конечно, безъ участія „московскихъ царей“, которые въ то время еще не существовали, и очевидно съ представленіемъ о томъ, что главная, великая Русь собиралась въ другомъ мѣстѣ.

Къ своимъ объясненіямъ этого предмета авторъ прибавляетъ еще слѣдующее замѣчаніе, которое опять удивительно видѣть въ книгѣ, писанной филологомъ: „относительно языка російскаго, — говоритъ г. О., — слѣдуетъ замѣтить, что онъ выработался изъ нарѣчій московскаго. Въ XVIII вѣкѣ эта новая (?) рѣчь поддерживалась богатствомъ языка церковно-славянскаго; только въ XIX вѣкѣ російскіе писатели обратили свое вниманіе на нѣкоторыя нарѣчія сѣверной Россіи (!). А когда въ наше время московскимъ панславистамъ вздумалось навязывать всѣмъ славянамъ російскій языкъ, какъ литературный, то онъ обогащенъ былъ („збогачено его“) особливо лексикальнымъ аппаратомъ языка русско-украинскаго, а отчасти и словами другихъ славянскихъ языковъ“. Гдѣ нашелъ все это г. О. въ исторіи русскаго народнаго и литературнаго языка — неизвѣстно: авторъ, очевидно, не удостоилъ познакомиться съ исторіей русскаго литературнаго языка.

Выше сдѣлана еще замѣтка о томъ, что языкъ южно-русскій не имѣетъ отношенія къ польскому: это имѣетъ въ виду тѣхъ польскихъ писателей, которые, усердствуя противъ „Москвы“, какъ племени туранскаго, утверждали, что языкъ „Руси“, т.-е. чисто славянскій по происхожденію южной Руси, есть собственно только вѣтвь, провинціализмъ языка польскаго. Г. О. имѣлъ безпристрастіе указать, что русскій (т.-е. малорусскій) ближе къ російскому (великорусскому), чѣмъ къ польскому.

Дальнѣйшія разсужденія автора о томъ, какъ формировались русскія племена въ древности, опять мало вяжутся съ настоящей

исторіей и колеблются между теоріей Духинскаго и желаніемъ сохранить тѣнь исторической критики. По словамъ г. О., двѣ русскія народности въ теченіе вѣковъ отличаются особыми названіями „съ того времени, какъ онѣ извѣстны въ исторіи“, а именно, славянскія племена въ нынѣшней юго-западной Россіи съ IX вѣка, а жители нынѣшней Волыни и Галичины съ XI вѣка, назывались Русью и русинами, „между тѣмъ какъ племена земли ростовской и суздальской вмѣстѣ съ радимичами и вятичами съ XV вѣка обозначались именемъ: Москва“ (но какъ же они назывались до XV вѣка?). „Москвою же назывались тѣ славянскія племена сѣверной Россіи, которыя осѣли между финнами. Только не слѣдуетъ думать, — говоритъ г. О., великодушно защищая русскихъ отъ Духинскаго, — будто бы россияне не суть славяне оттого, что ихъ предки въ XII столѣтіи смѣшались съ племенемъ финскимъ. Правда, что въ позднѣйшей землѣ ростовской и суздальской, въ эпоху утвержденія общественнаго порядка у племенъ славянскихъ жили сначала только одни финны, принадлежавшіе къ угро-татарской семьѣ, туранскаго племени, однако многочисленныя колонисты славянскіе сдѣлали то, что этотъ азіатскій элементъ превратился въ породу славянскую. Именно эти финны смѣшались съ двумя славянско-ляшскими племенами, радимичами и вятичами, сидѣвшими въ тѣхъ краяхъ, гдѣ теперь простираются губерніи могилевская, орловская и калужская. Заходили туда также колонисты изъ Новгорода, изъ Смоленска и изъ южной Руси, и такимъ образомъ порода разумнѣйшихъ славянъ превозмогла породу полудикаго финна“.

Такимъ образомъ, Духинскій опровергается; но дается все-таки понять, что въ стихіяхъ „московскаго“ племени былъ полудикій финнъ. Но, во-первыхъ, по изложенію самого г. О. остается неясно, какъ могли причисляться къ „Москвѣ“ племена XII вѣка, когда Москва получаетъ значеніе только въ XV, а въ концѣ XII вѣка была только ничтожнымъ селомъ, едва извѣстнымъ по имени: вѣдь назывались же какъ-нибудь эти люди изъ Новгорода, изъ Смоленска, изъ Радимичей и т. д.? Во-вторыхъ, намъ съ г. О. совершенно неизвѣстно, какимъ образомъ происходила въ тѣ отдаленныя вѣка славянская колонизація этихъ земель, о способахъ которой не сохранилось положительныхъ свѣденій. Несомнѣнно, что славяне, т.-е. русскіе, заняли здѣсь мѣсто финновъ, но было бы смѣло сказать, что эти финны сдѣлались русскими. Вопросъ въ томъ, какое было процентное отношеніе двухъ племенъ? Изъ того факта, что многія финскія племена цѣлы на своихъ мѣстахъ во всей сѣверной Россіи до сихъ поръ, то-есть,

приблизительно через тысячу лѣтъ послѣ предполагаемаго прихода въ эти края русскихъ славянъ (цѣлы мордва, чуваша, зыряне, корела и т. д.: „ижора“ цѣла донинѣ подь самымъ Петербургомъ), слѣдуетъ полагать, что эти края дѣлались русскими не столько вслѣдствіе того, что финскіе туземцы превращались въ русскихъ, сколько вслѣдствіе все большаго наплыва русскихъ поселенцевъ, которые вытѣсняли финновъ съ ихъ мѣстъ, и вслѣдствіе удаленія или просто вымирания племенъ финскихъ. Если сѣверное русское племя стало отличаться отъ южнаго, то быть можетъ и даже вѣроятно, что гораздо больше, чѣмъ примѣсь чужого племени имѣли вліяніе самыя условія сѣверной природы, климата и зависящаго отъ нихъ быта и промысла,—какъ, съ другой стороны, полагаютъ, что само южное племя, которое Г. О. желаетъ считать подлиннымъ, чистѣйшимъ и отборнымъ русскимъ, несомнѣнно воспринимало какъ вліянія южной природы, такъ и вліянія извѣстнаго процента несомнѣнно туранской примѣси отъ степныхъ кочевниковъ, какъ половцы, торки и т. п., селившіеся въ предѣлахъ древней южной Руси. Г. О. ошибается и въ хронологіи. „Смѣшеніе“ съ финнами происходило не въ XII вѣкѣ. Русскіе города на сѣверо-востокѣ упоминаются лѣтописью за нѣсколько вѣковъ раньше: по лѣтописи, Ростовъ былъ такой же старшій городъ, какъ Кіевъ и Новгородъ. Занятіе края, превращеніе его въ край русскій, прежде всего должно было происходить путемъ наплыва чисто русскихъ поселенцевъ и ихъ размноженія, повидимому болѣе быстраго и сильнаго, чѣмъ было у финновъ; обрусѣніе послѣднихъ могло происходить только тогда, когда ихъ уже обступила гораздо болѣе многочисленная русская масса. Г. О. могъ бы успокоиться относительно финновъ, сдѣлавшихся славянами или великоруссами: когда происходило первое распространеніе русскихъ племенъ въ будущей русской землѣ, старшій лѣтописецъ указываетъ уже по древнѣйшему преданію большое ихъ разнообразіе; съ самаго начала было уже много разныхъ племенъ, и они имѣли „каждо свой нравъ“,—достаточно было естественнаго развитія этихъ „нравовъ“ въ разныхъ условіяхъ природной и бытовой обстановки, чтобы сѣверная Русь отличалась отъ южной, при минимальномъ участіи „полудивныхъ финновъ“.

Указавъ затѣмъ этнографическія различія великоруссовъ и малоруссовъ въ настоящее время,—различія по внѣшнему типу и духовному складу, весьма яркія тамъ, гдѣ два племени живутъ рядомъ, причѣмъ онѣ обыкновенно не смѣшиваются даже въ брачныхъ союзахъ,—Г. О. заключаетъ изъ этого, что ни въ чему

не приведутъ „враждебныя усилія панславистовъ московскихъ и ихъ учениковъ въ Галичинѣ ¹⁾, которые точно тяжкимъ тараномъ побиваютъ неодолимое убѣжище украинцевъ“: „какъ никто изъ смертныхъ людей не поборетъ недвижимыхъ правъ природы, такъ ничто не одолѣетъ несомнѣнныхъ правъ русской народности, хотя бы существованіе ея не сходилось съ планами приверженцевъ „восточной“ культуры“.

„Такъ этнографическія особенности сберегаютъ нашу народность отъ печальной гибели, къ которой толкаютъ ее непризнанные опекуны“. И г. О. собираетъ узананія филологовъ, какъ Миклопичъ, Малиновскій, Лавровскій, Даль и др., объ особенностяхъ малорусскаго языка, совершенно отличающихся его отъ языка великорусскаго: онъ забываетъ только прибавить, что новѣйшія излѣдованія не менѣ компетентныхъ филологовъ (назовемъ г. Ягича и Потембу) указываютъ, однако, несомнѣнный единый корень двухъ главныхъ нарѣчій русскаго языка: то основное, что дѣлитъ ихъ отъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій, принадлежитъ имъ *обоимъ*.

Г. О., настаивая на этнографической особенности малорусскаго народа, на его особой исторіи, на богатствѣ его народной рѣчи и поэзіи, „какою не можетъ похвалиться ни одинъ славянскій народъ“, съ негодованіемъ отвергаетъ мнѣнія тѣхъ, кто считаетъ этотъ языкъ нарѣчіемъ и кто, напр., сравниваетъ его роль съ ролью нарѣчія ниже-нѣмецкаго, которое также имѣетъ теперь своихъ писателей, какъ извѣстный Фрицъ Рейтеръ. Г. О. объясняетъ, что малорусскій языкъ—обширный и цѣльный: онъ имѣетъ только три нарѣчія, мало отличающіяся одно отъ другого, когда ниже-нѣмецкій распадается на мелкіе провинціализмы, и Рейтеръ пишетъ на своемъ нарѣчій только изъ любви къ родному слову. Г. О. объясняетъ кромѣ того, что отношеніе нѣмецкихъ нарѣчій къ литературному языку было совершенно иное: отдѣльнымъ народностямъ нѣмцамъ не было надобности чураться языка литературнаго, по той причинѣ, что онъ не былъ языкомъ „какой-то господствующей націи“, но созданъ былъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ нарѣчій трудомъ ученыхъ людей во времена Лютерова перевода Библии. Языкъ южно-русскій, по словамъ г. О., долженъ быть сравниваемъ, напротивъ, съ языкомъ такихъ „нѣмецкихъ“ племенъ, которыя создали свою особую литературу, какъ напримѣръ датчане и шведы; и какъ не всѣ народы германскаго племени

¹⁾ Эти ученики—тѣ такъ-называемые „твердые“, которые, какъ выше объяснено, считаютъ, что національное родство связываетъ галицкую Русь не съ одной Украиной, а именно съ обще-русскимъ цѣлкомъ.

соединены однимъ литературнымъ языкомъ, такъ не соединены и народы романскіе: „французы стоятъ далеко отъ итальянцевъ и испанцевъ, да и португальцы не думаютъ соединяться съ испанцами, хотя ихъ рѣчь есть больше нарѣчіе, чѣмъ языкъ самостоятельный, относительно языка испанскаго“. „Не покинуть своей народной святыней и русины-украинцы, хотя ихъ патріотизму ругаются московскіе панслависты“.

Повидимому г. О. серьезно полагаетъ, что отдѣльность малорусскаго языка и литературы отъ великорусскаго можно сравнивать съ отдѣльностью шведскаго языка отъ нѣмецкаго или французскаго отъ испанскаго и итальянскаго. Онъ не подумалъ одного: что, напримѣръ, французы, итальянцы и испанцы *никогда* не были однимъ народомъ, никогда не составляли одного государства съ одною общей литературой, а напротивъ, съ самаго перваго появленія въ исторіи были народами отдѣльными политически и этнографически,—между тѣмъ, что бы ни думалъ г. О. и галицко-русскіе патріоты его лагеря, южная и сѣверная Русь составляли нѣкогда одно племя и одно государство и имѣли одинъ литературный языкъ. Мы встрѣтимся дальше съ другими аргументами его защиты самостоятельности малорусской исторіи и языка, и замѣтимъ пока одно: литература сильная, независимая, способная въ самобытному развитію, создается не тамъ только, гдѣ есть особый языкъ и особое племя, но гдѣ кромѣ того есть особый, исторически проявившійся, типъ культурной жизни и государственнаго союза. Этого послѣдняго и недостаетъ южно-русской народности. Нѣкогда она жила въ общемъ русскомъ государственномъ и культурномъ союзѣ; потомъ, отдѣленная отъ этого союза внѣшними обстоятельствами, она сама разбилась на части: одна попала (еще съ половины XIV вѣка) подъ непосредственную польскую власть и польскую культуру; причемъ уже вскорѣ потеряла свои высшіе классы (они приняли польскую народность), такъ что русскою оставалась только низшая масса безправнаго народа; другая часть попала подъ власть литовскую, а затѣмъ вмѣстѣ съ литовскимъ княжествомъ подчинена была той же Польшѣ, причемъ опять высшій классъ почти поголовно сдѣлался польскимъ, и русскою оставалась лишь народная масса. Притомъ въ обѣихъ частяхъ племени потерпѣло и начало религіозное, всегда столь сильное въ народной жизни: православіе для значительной части народа смѣнено было унией, которая не принадлежитъ къ исконнымъ началамъ русской народности и которая до сихъ поръ господствуетъ въ галицкой Руси. Просвѣщеніе литературное, нѣкогда общее для всей Руси и выросшее

(худо ли, хорошо ли) на церковно-славянской почвѣ, впоследствии стало подпадать вліянію польскому—до какой степени, это вѣроятно очень хорошо знает г. О. Это—условія для самостоятельной литературы, которую г. О. хочет сравнить съ французской и итальянской?

„Не такъ-то легко,—продолжаетъ галицко-русскій ученый,—вычеркнуть Русь-Украину съ карты Европы. Политическіе шовинисты могутъ сколько угодно желать, чтобы какая-нибудь народность не существовала самостоятельно, но сила историческихъ фактовъ возвѣщаетъ свѣту иное категорическое рѣшеніе: тотъ народъ, который имѣетъ *всѣ условія жизни*, останется самостоятельнымъ и въ будущемъ, хотя бы московскіе панслависты усиливались соединить его съ народомъ российскимъ. Впрочемъ никакая сила на свѣтѣ не въ состояніи будетъ лишить народности наше племя, которое именно теперь приходитъ къ національному самосознанію. Пока мы можемъ довольствоваться именно въ Австріи особымъ національнымъ бытомъ“...

Итакъ, авторъ утверждаетъ, что южно-русская народность имѣетъ „всѣ условія жизни“ для образованія самостоятельной литературы; мы видѣли однако, что эти условія весьма неполны. Не говоря о томъ, что нѣтъ единаго литературнаго преданія, мы указывали, что нѣтъ также условія государственности, которое, однако, весьма въ данномъ случаѣ существенно: государственность дѣлаетъ языкъ народа всеобщимъ органомъ его жизни, языкомъ общественнаго быта, администраціи, просвѣщенія и т. д. и тѣмъ самымъ обогащаетъ его всѣмъ содержаніемъ бытовыхъ отношеній; становясь языкомъ школы не только низшей, но въ особенности высшей, языкъ народа обогащается всѣмъ содержаніемъ науки. Есть ли эти условія для языка южно-русскаго въ данную минуту? Ихъ нѣтъ: въ восточной части племени, въ Россіи, органомъ общественныхъ отношеній, администраціи, торговли, высшей школы и т. д. служитъ, по терминологіи г. О., языкъ „россійскій“, а въ прежнее время это былъ языкъ польскій; въ западной части племени это былъ языкъ сначала польскій, а потомъ и нѣмецкій. До какой степени народный языкъ въ русской Галиціи, въ то время, когда она достигаетъ національнаго самосознанія, мало служитъ даже для отношеній общественныхъ, объ этомъ легко судить, читая галицко-русскія газеты: ихъ публицистическій языкъ пересыпанъ словами латинскими, нѣмецкими и, наконецъ, польскими, только переписанными русской азбукой.

Въ заключеніе, чтобы фактически указать внѣшнюю силу

южно-русского племени, г. О. приводит статистическія цифры о велико-русскомъ и южно-русскомъ племени, взятыя изъ польскихъ и нѣмецкихъ источниковъ: онъ насчитываетъ южно-русского народа до 21 милліона слишкомъ (изъ нихъ 18 милл. въ Россіи и остальные въ Австріи), а съ прибавкой бѣлоруссовъ, говорящихъ, по его словамъ, нарѣчіемъ русско-украинскимъ, называется „русского“ народа до 25 милліоновъ—между тѣмъ великоруссовъ, по его счету, имѣется только 34 милліона. Любая справочная книга могла бы доставить галицкому ученому болѣе точную современную цифру великорусскаго племени, и его статистическая параллель получила бы иной видъ, еслибы притомъ онъ откинулъ неправильно приписанныхъ къ его счету бѣлоруссовъ.

Таковы вводныя положенія, которыя г. О. ставитъ во главѣ своей исторіи. Не мудрено, что и въ самомъ изложеніи ея мы встрѣчаемся съ приемами, способными удивить „россійскаго“ читателя. Укрѣпившись въ той мысли, что настоящее русское племя была Русь южная, а на сѣверѣ была какая-то финско-славянская помѣсь, называвшаяся Москвою, а потомъ присвоившая себѣ непринадлежавшее ей имя „Руси“, г. О. собираетъ факты древней русской словесности только въ Руси южной: начавши отъ Нестора, онъ кончаетъ свою исторію новѣйшими галицко-русскими писателями; литературу сѣверно-русскую онъ опускаетъ, какъ непринадлежащую къ его предмету.

Въ результатѣ получается нѣчто очень странное. Еслибы авторъ хотѣлъ провести генеалогію новѣйшей южно-русской литературы, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ бы полное право искать ея исходнаго пункта въ древнемъ періодѣ, откуда вышелъ весь русскій народъ; но при этомъ ему долженъ былъ бы представиться вопросъ о томъ, какъ выдѣлить специально южно-русскіе элементы изъ общей связи исторіи и письменности того древняго періода, который не былъ *только* южно-русскимъ, и какъ опредѣлить дальнѣйшую судьбу и принадлежность памятниковъ. Эти вопросы не существуютъ, однако, для нашего историка: онъ довольствуется тѣмъ, что выбираетъ механически древнихъ писателей и произведенія, которымъ можетъ быть приписано южно-русское происхожденіе, и перечисляетъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, не заботясь о томъ, чтобы раскрыть ихъ общее значеніе въ данную эпоху и опредѣлить ихъ связь съ послѣдующимъ. Случается при этомъ, что, вѣроятно для большей полноты картины, онъ заноситъ въ южно-русскую литературу и такіе памятники, принадлежность которыхъ къ ней сомнительна или которые даже къ ней

совсѣмъ не принадлежать... Насколько намъ извѣстна вообще старая русская письменность, несомнѣнно одно, что произведенія ея, хотя часто дѣйствительно созданныя на югѣ, вовсе не имѣли, однако, какого-нибудь спеціально южно-русскаго значенія. Начать съ того, что если, какъ замѣчаетъ и г. О., языкъ этой письменности не былъ народный, а церковно-славянскій, слегка видоизмѣняемый вліяніями народной рѣчи, то онъ былъ совершенно одинаково доступенъ на югѣ и на сѣверѣ. Кромѣ того, были совершенно одинаковы тамъ и здѣсь культурныя условія, создавшія эту письменность. Главнымъ источникомъ письменной дѣятельности была одна и та же церковь, принесшая на югъ и сѣверъ одни и тѣ же, сначала въ особенности южно-славянскіе, памятники въ видѣ переводовъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ, твореній святыхъ отецъ и иныхъ церковныхъ писателей, житій и поученій, византійскихъ хронографовъ, повѣстей, апокрифическихъ легендъ и т. д. Усвоеніе этихъ произведеній, явившихся въ большомъ числѣ въ готовыхъ южно-славянскихъ переводахъ, очевидно, не могло быть приписано спеціально ни сѣверной, ни южной письменности: это чужое содержаніе, дававшее пищу возникавшей образовательной дѣятельности и направлявшее извѣстнымъ образомъ домашнія литературныя силы, воспринималось одинаково на югѣ и на сѣверѣ. Первые результаты этого просвѣтительнаго вліянія выразились появленіемъ русскихъ учительныхъ сочиненій и русской лѣтописи; то и другое являлось опять одинаково на сѣверѣ и югѣ, и для старыхъ книжныхъ людей видимо не представляло никакого различія то, исходили ли они отъ писателей сѣверныхъ или южныхъ: это была одна и та же школа, одно и то же содержаніе. Правда, бывали оттѣнки: вслѣдствіе того, что на югѣ сосредоточивались въ первое время великія княженія, шла болѣе оживленная политическая жизнь, собирались большія образовательныя средства, въ южныхъ произведеніяхъ сказывалось болѣе оживленія, напримѣръ въ лѣтописи, тогда какъ на сѣверѣ эта лѣтопись была болѣе сухою; на югѣ, повидимому, письменная производительность была въ первое время сильнѣе, но это не измѣняло общихъ условій литературы, и доказательствомъ ея цѣльности въ этомъ періодѣ можетъ служить то легко наблюдаемое обстоятельство, что произведенія письменности—безразлично сѣверной и южной—обращались одинаково тамъ и здѣсь. Такъ, южная лѣтопись перешла на сѣверъ и служила обыкновенно началомъ для мѣстныхъ лѣтописей, которыя въ дальнѣйшемъ продолженіи посвящались уже только мѣстнымъ событіямъ, какъ, съ другой стороны, извѣстно, что лѣтопис-

ный сводъ, носящій имя Нестора, въ свою очередь, заключалъ въ себѣ данныя, почерпнутыя изъ чужихъ мѣстныхъ лѣтописей. Словомъ, если Русь удѣльнаго періода, при всемъ ея дѣленіи на земли съ ихъ мѣстною жизнью и интересами, была объединена одною вѣрой, династіей и общимъ племеннымъ инстинктомъ, то она была также объединена и одною письменностью. Очевидно, что выдѣлить изъ этой письменности тѣ или другія произведенія, писанныя на югѣ, и механически сопоставить ихъ, какъ историческое явленіе, это будетъ значить насильственно вырвать факты изъ ихъ естественной связи и поставить въ чисто искусственную и потому фальшивую систему. Правда, много памятниковъ древней письменности, и особливо южно-русской, погибло въ позднѣйшихъ нашествіяхъ и военныхъ истребленіяхъ и многое, вѣроятно, безслѣдно, но внимательный историкъ не могъ бы тѣмъ не менѣе забыть того значительнаго факта, что большинство этихъ произведеній сохранилось до нашего времени въ спискахъ сѣверно-русскихъ. Достаточно было бы этого факта, чтобы понять древній періодъ совсѣмъ иначе, чѣмъ понимаетъ его г. О. Можно признать (и это, вѣроятно, справедливо), что именно южная Русь въ древнемъ періодѣ проявляла наиболѣе оживленную умственную дѣятельность; по результатъ ея, быть можетъ, становился тѣмъ дѣльнѣе, что дѣлался достояніемъ обще-русскимъ. Историческая картина довершается еще слѣдующимъ важнымъ явленіемъ. Когда миновалъ древній періодъ и произошло политическое раздробленіе Руси на сѣверную (новгородскую и суздальско-московскую), западную (малорусско-бѣлорусскую въ литовскомъ великомъ княжествѣ) и юго-западную (галицко-русскую въ составѣ Польши), то литературная традиція чрезвычайно ослабѣла, частью даже прервалась совсѣмъ въ двухъ послѣднихъ и сохранилась только въ первой. Здѣсь въ письменности сѣверной Руси не только берегались произведенія стараго періода, но и послужили исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія. Такъ развивалось обширнымъ образомъ лѣтописаніе, причемъ основою оставалась Несторова лѣтопись, и здѣсь же создались потомъ первые опыты историческихъ сводовъ, т.-е. цѣльныхъ изложеній русской исторіи, конечно, въ томъ духѣ, какъ въ тѣ вѣка понималась историографія. Первые житія святыхъ, явившіяся на югѣ (житія Бориса и Глѣба, Печерскій Патерикъ), развились на сѣверѣ въ цѣлую обширную литературу житій. Первые древнія поученія распространились въ обширную массу подобныхъ произведеній. Самое Слово о полку Игоревѣ нашло отзвукъ на сѣверѣ у писателя, прославлявшаго побѣду Дмитрія Донского надъ татарами. Обширное собраніе

древней повѣсти византійско-южно-славянскаго происхожденія и апокрифической легенды, какъ надо думать, впервые появившеяся на югѣ, разрослось по преимуществу въ сѣверной письменности, получивши здѣсь распространеніе въ народной массѣ и разнообразно отразившись въ самой народной повѣи, и т. д. Однимъ словомъ, наблюдая ходъ старой русской письменности отъ древнѣйшихъ временъ до самаго XVIII вѣка, мы находимъ *непрерывающуюся* нить развитія, составившую цѣльное историческое преданіе. Наконецъ, даже народно-эпическая память о древнемъ Кіевѣ и князѣ Владимірѣ сохранилась только въ сѣверной былинѣ: въ настоящее время Илья Муромецъ несравненно популярнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, въ Кіевѣ, гдѣ преданіе указываетъ мѣсто его погребенія... Все это было естественно. Въ древнемъ періодѣ, до татаръ и до политическаго раздробленія Руси, не было никакой специально южно-русской литературы; была общая литература русскаго или русско-славянскаго письменнаго языка, распространенная одинаково по всѣмъ областямъ тогдашняго русскаго племени. Для той поры современные филологи только съ нѣкоторымъ усиліемъ отыскиваютъ въ памятникахъ слѣды мѣстныхъ нарѣчій, во всякомъ случаѣ столь незначительные, что строить на нихъ какую-либо отдѣльную литературу нѣтъ никакой возможности.

Это самое, однако, и старается сдѣлать г. О., для чего ему пришлось прежде всего разорвать то цѣльное литературное преданіе, которое мы сейчасъ указывали. Укажемъ нѣсколько подробностей.

Поставивъ задачей непременно выдѣлить южно-русское, г. О. вынужденъ былъ къ подбору фактовъ и освѣщенію, не вытекавшимъ изъ сущности дѣла. Какъ ни было скудно содержаніе древней литературы по сравненію съ широкимъ умственнымъ движеніемъ, развивавшимся въ литературѣ западной, наши историки литературы отыскиваютъ въ ней несомнѣнные элементы живого историческаго значенія и вліянія на народный бытъ и міровоззрѣніе; чѣмъ больше историки вникаютъ въ подробности этой старой письменности, тѣмъ больше открывается этихъ образовательныхъ и даже поэтическихъ взаимодействій. Первоначальный языкъ книги былъ церковный, хотя близкій, но чужой; переводы какихъ-либо сложныхъ риторическихъ произведеній византійской литературы, безъ сомнѣнія, часто бывали непонятны народной массѣ (какъ научная книга непонятна ей до сихъ поръ), тѣмъ не менѣе народъ мало-по-малу привыкалъ къ этому языку, который въ свою очередь все больше принималъ русскіе отгѣнки;

въ концѣ-концовъ, литература церковная, въ простѣйшихъ по изложенію произведеніяхъ, становилась литературой популярной и оказала, наконецъ, несомнѣнное вліяніе на весь складъ народнаго мышленія и вѣрованія, создала въ народѣ то глубокое сознаніе своего христіанства, которымъ послѣ онъ такъ рѣзко отличалъ себя отъ всякаго иновѣрца восточнаго и западнаго. Извѣстно, что въ сѣверной московской Руси это привело, наконецъ, къ крайней религіозной нетерпимости, которая стала и нетерпимостью національной. По старому народному представленію, міръ сталъ дѣлиться на двѣ части—русскихъ, людей православныхъ, Русь святую, и на басурманъ, поганныхъ, къ которымъ присоединялись въ случаѣ надобности даже католики и лютеране. На томъ же мировоззрѣніи сложились привычки народнаго благочестія, религіознаго повѣрья и обряда. Съ нѣкоторымъ различіемъ въ подробностяхъ, но то же христіанское мировоззрѣніе развилось и въ народѣ южно-русскомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что именно первые зачатки старой церковной письменности имѣли при этомъ весьма важное значеніе. Уже старая лѣтопись приводитъ примѣры того, какъ высоко цѣнилось и какимъ вліяніемъ сопровождалось въ старину „книжное почитаніе“. На многіе вѣка это книжное почитаніе, по преимуществу изъ церковно-учительной и легендарной литературы, было главною образовательною пищею народа и составило фактъ, котораго не можетъ обойти и не оцѣнить историкъ литературы. Г. О. какъ будто совсѣмъ не видитъ этого факта. Приступая къ изложенію своего предмета, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что, по общему мнѣнію, литература бываетъ душою народной жизни и что исторія литературы бываетъ картиной духовной жизни народа; но такъ бываетъ,—говоритъ онъ,—только въ той литературѣ, которая развивается правильно съ вниманіемъ къ народной жизни, „а русская (южно-русская) письменная литература является душою народной жизни только въ новѣйшемъ періодѣ, когда русскіе писатели стали дѣйствительно пользоваться языкомъ и мировоззрѣніемъ народа“. Цѣлая исторія южно-русской литературы представляется ему въ такомъ видѣ: „До Ивана Котляревскаго письменная литература не была народною, потому что развитію ея препятствовали три элемента: во-первыхъ, церковно-славянская византійщина, затѣмъ польская культура съ средне-вѣковой схоластической наукой и, наконецъ, образовательное иго московскаго царства“. Такимъ образомъ выходитъ, что исторія южно-русской литературы до Котляревскаго становится какъ бы излишней, потому что ея какъ будто и не было, и затѣмъ, что народное есть только простонародное. Въ самомъ дѣлѣ,

какую цѣну можетъ имѣть явленіе, носившее съ древнѣйшей поры и до самыхъ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка только одинъ отрицательный характеръ? Во всемъ этомъ прошедшемъ г. О. цѣнить только Слово о полку Игоревѣ и народную поэзію; все остальное представляется ему какъ будто ненужнымъ хламомъ, который понапрасну загромождалъ старую письменность и отъ котораго не было народу никакого прока. Какъ видитъ читатель, отсутствіе правильнаго историческаго пониманія вопіющее.

Отзывы южно-русскаго историка о древнемъ періодѣ, значеніе котораго мы выше отчасти указали, дѣйствительно подтверждаютъ, что этотъ періодъ кажется ему совершенно чуждымъ для народа. „Отъ того времени, какъ Владиміръ Великій, окрестивши Русь, основалъ въ Кіевѣ первыя школы для изученія языка церковно-славянскаго, и до уничтоженія Запорожской сѣчи, почти ни одинъ правитель не думалъ просвѣтить Русь роднымъ словомъ и собственною наукою, почти ни одинъ грамотѣй не писалъ ничего такого, что могло бы просвѣтить незрячихъ братьевъ. Поэтому произошло такое чудо, что люди грамотные жили въ сторонѣ отъ народа, не заботясь о его просвѣщеніи, и писали главнымъ образомъ на мертвомъ языкѣ такія произведенія, отъ которыхъ вѣяло только холодомъ на молодой умъ роднаго народа. Когда же правители, архіереи и книжники стали наперекоръ культурнымъ стремленіямъ неграмотнаго народа, то литература письменная отдѣлилась отъ устныхъ простонародныхъ сказаній. Отъ того эта литература явилась по большей части мертвою, не оживляясь тою живою рѣчью, какою говорила вся живая Русь. Вслѣдствіе того, отдѣльно отъ этой неразумной дѣятельности ученыхъ грамотѣевъ, проявлялось самородное просвѣтительное стремленіе люда неграмотнаго (?), и эти-то заброшенные книжниками незрячіе смерды, казаки (?) и вообще земледѣльцы создали себѣ свою словесность, которая жила долгіе вѣка въ устахъ народа. Книжники писали сборники, слова, посланія и инныя вещи князьямъ, іерархіи и панамъ на потѣху, а неграмотный народъ пѣлъ себѣ колядки, пѣсни и думы и рассказывалъ старыя сказки, сберегая въ этихъ произведеніяхъ преданія своихъ дѣдовъ. Рядомъ съ мертвечиною книжной литературы повѣяло животворнымъ воздухомъ отъ устной словесности простаго народа. И теперь ученый свѣтъ дознался, что эта словесность есть самая дорогая жемчужина въ литературной сокровищницѣ всей славянщины; изъ этой устной русскаго словесности въ первый разъ узнала Европа, кто мы, чья правда, чья кривда и чьи мы дѣти. По истинѣ удивительное чудо. Всѣ тѣ книжники, которые до

недавняго времени не хотѣли сближаться съ простымъ народомъ, которые въ гордости своей не хотѣли ничему учить его, теперь смиренно приходятъ къ своимъ неученымъ братьямъ и прилежно перенимаютъ ихъ самородное просвѣщеніе,—люди ученые идутъ въ людъ неученый учиться отъ него поэзіи, философіи, этнографіи“ (?)...

Рѣдко можно встрѣтить въ исторіяхъ литературы такую путаницу фактовъ и понятій. Не знаешь, хорошо или худо поступилъ Владиміръ Великій, окрестивши Русь, потому что, какъ скоро крещеніе совершилось, не могло того не произойти, что произошло, т.-е. что молодое христіанское общество позаботится имѣть прежде всего переводъ писанія богослужебныхъ и иныхъ церковныхъ книгъ; случилось, что эти переводы существовали уже на родственномъ славянскомъ языкѣ, весьма доступномъ для русскихъ людей (доказательство въ томъ, что они быстро овладѣли имъ и для собственныхъ писаній), и понятно, что эти книги распространились церковнымъ употребленіемъ, не оставшись чуждыми и народу. вмѣстѣ съ этимъ появляются первыя попытки просвѣщенія; нѣтъ сомнѣнія, что такая вещь, какъ лѣтопись, вовсе не была ни „неразумнымъ“ дѣломъ, какъ представляетъ это г. О., ни „книжной мертвечиной“: это былъ замѣчательный фактъ національнаго самосознанія; кievскій Патерикъ былъ опять не дѣломъ однихъ книжниковъ, а также и народной массы, въ средѣ которой уже начинала создаваться христіанская легенда. Намъ жаль, конечно, что старыя книжники столь отрицательно относились къ народной поэзіи своего времени, но, съ своей точки зрѣнія, они въ древней Руси, какъ и вездѣ, были въ значительной мѣрѣ правы: народная поэзія, которую они имѣли передъ собой, была дѣйствительно поэзія языческая; они не могли любить ее, не противорѣча своему христіанскому убѣжденію. Если эта поэзія, въ которой г. О. находитъ „самородное просвѣтительное стремленіе“ неграмотнаго народа, не проникла въ литературу, надо думать, что самое стремленіе было слабо, и пожалѣть, что неграмотныхъ было слишкомъ много: иначе народная стихія несомнѣнно проникла бы въ литературу, какъ проникала у средневѣковыхъ народовъ запада. Мы можемъ сожалѣть съ нынѣшней точки зрѣнія, что для насъ исчезла почти безъ слѣда народная поэзія тѣхъ вѣковъ, но съ точки зрѣнія первыхъ русскихъ христіанъ дѣло стояло иначе: они въ самомъ дѣлѣ не могли мириться съ явнымъ язычествомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, эти старыя книжники вовсе не остались равнодушны къ народной старинѣ: лѣтопись Нестора сберегла цѣлый рядъ народныхъ

эпическихъ преданій. Далѣе, при всемъ интересѣ, какой представляетъ народная поэзія для современныхъ книжниковъ, г. О. слишкомъ преувеличилъ дѣло, когда говоритъ, что они идутъ учиться у народа не только поэзіи и этнографіи, но и философіи. Наконецъ, какіе казаки бывали въ древнемъ періодѣ?

Далѣе опять идутъ жалобы, что „русскіе (т. е. опять южно-русскіе) писатели до Ивана Котляревскаго по большей части не обращали вниманія на народную жизнь и что ихъ произведенія являются по преимуществу подражаніемъ византійскимъ образцамъ, не имѣвшимъ ничего сходнаго съ живой народной словесностью. Лишь кое-гдѣ сквозъ завѣсу церковности проглядываютъ дѣти русской матери, проявляются произведенія, написанныя на основѣ своего родного воззрѣнія, примѣръ—Слово о полку Игоревѣ; но іерархи, да и простые чернецы не благопріятствовали развитію литературы свѣтской, въ которой видѣли остатки языческаго вѣрованія. Такимъ образомъ стало, что русскіе грамотѣи прилежно переписывали всякія церковныя произведенія и пугались писанія свѣтскаго, несогласнаго, по ихъ мнѣнію, съ основою христіанской вѣры“.

Опасаемся, что это видимое недружелюбіе къ церковнымъ писателямъ, которые слѣдовали византійскимъ образцамъ, не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы историкъ достаточно вникнулъ въ отношенія древняго періода „русской словесности“, т. е. въ самый исходный пунктъ того развитія, исторію котораго онъ хочетъ излагать. Какъ мы замѣтили выше, можно сожалѣть, что наша древняя письменность не сохранила намъ старыхъ поэтическихъ сказаній русскаго народа, но съ другой стороны, вѣроятно, немалую долю этого забвенія народной словесности (которую г. О. называетъ „самостоятельнымъ просвѣтительнымъ стремленіемъ“ или даже „свѣтской литературой“) слѣдуетъ приписать самому народу, очень малой силѣ этого стремленія; и что сдѣлать могла народная словесность или „родное міровоззрѣніе“ въ томъ случаѣ, когда новой письменности нужно было приобрести какой-нибудь запасъ познаній, напримѣръ, по исторіи церковной или по исторіи свѣтской,—въ тогдашнихъ условіяхъ только и оставалось обращаться къ византійскимъ образцамъ. Наконецъ, всѣхъ этихъ правителей и іерарховъ книжниковъ, которыми недоволенъ г. О., создавалъ, въ концѣ концовъ, этотъ же самый народъ, тѣмъ болѣе, что древній порядокъ русской жизни г. О. изображаетъ какъ „демократическую федерацію“.

Исторію южно-русской литературы г. О. дѣлитъ на пять періодовъ: первый, до татарскаго нашествія, называемый у него

славянско-русскимъ; второй, „до соединенія юго-западной Руси съ Польшею“ (въ 1386 году), періодъ упадка; третій, до основанія Кіевской академіи (1632), періодъ польско-русскій; четвертый, до Котляревскаго, періодъ схоластическій; пятый, отъ Котляревскаго до нашего времени, считается чисто русскимъ или народнымъ. Вышнія дѣленія подобнаго рода бывають въ сущности неважны, если историкъ вѣрно отмѣтитъ самые процессы, совершавшіеся въ этихъ рамкахъ. Въ южно-русской словесности, съ точки зрѣнія народности, которую ставитъ г. О., второй, третій и четвертый періоды не представляютъ значительной разницы: „упадокъ“ второго періода подготавливалъ „соединеніе“ Руси съ Польшею, т. е. подчиненіе ей; періодъ схоластическій могъ бы опять называться польско-русскимъ, потому что схоластика приходила сюда именно изъ польскаго источника. Такъ или иначе, все это время, отъ древнѣйшихъ вѣковъ до Котляревскаго или до конца XVIII столѣтія, было временемъ, когда тѣ, чтѣ южно-русскій историкъ считаетъ единственно важнымъ элементомъ литературы, т. е. народность, по его же мнѣнію совершенно или только съ очень немногими исключеніями отсутствовало въ письменной литературѣ, сберегаясь только въ устномъ преданіи и народной поэзіи. Но если эта картина вѣрна, гдѣ же тѣ историческія основанія, которыя по мнѣнію г. О. утверждаютъ самостоятельное развитіе южно-русской литературы? Въ теченіе всей своей исторіи до XIX столѣтія литература не выражала народа; съ XIX столѣтія она опять далеко не во всемъ самостоятельна и народна: съ одной стороны, мы видѣли, что начинатели галицко-русскаго возрожденія не вдругъ рѣшили, какъ должно пониматься русское родство ихъ народа; съ другой, южно-русская литература, выдвигая народное, все еще смѣшиваетъ его съ простонароднымъ—между тѣмъ настоящая самостоятельная литература должна служить не только всѣмъ слоямъ націи, но и всѣмъ отраслямъ умственной и художественной жизни общества. Существуютъ ли эти условія въ южно-русской современной литературѣ—предоставляемъ рѣшать самому историку. На этомъ мы могли бы остановиться въ разборѣ книги г. О., потому что изъ этихъ руководящихъ мыслей не трудно представить себѣ историческую постановку самыхъ подробностей. Мы приведемъ только два, три примѣра.

Г. О. понимаетъ литературу въ широкомъ смыслѣ; въ его изложеніе древняго періода входятъ не только памятники собственно литературные, произведенія поэтическаго творчества или учительныя и историческія, но и памятники бытового харак-

тера, напр. законодательства и т. п. Притомъ въ число памятниковъ южно-русскихъ попадаютъ иногда и такіе, которые собственно южной Руси не принадлежали и понадобились повидимому для округленія. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь изложеніе „Русской Правды“. Древнѣйшій текстъ Нестора автору приходится указывать въ лѣтописи суздальской. Въ южно-русскую литературу зачислено Слово Данила Заточника: авторъ этого памятника, по словамъ г. О., „былъ типомъ украинца“, но вслѣдъ затѣмъ историкъ замѣчаетъ: „жаль только, что о жизни этого мужа мы почти ничего не знаемъ, — неизвѣстно намъ, кто былъ Данило, гдѣ родился, гдѣ и когда жилъ и т. д.“. Какимъ же образомъ этотъ совсѣмъ неизвѣстный человекъ могъ быть „типомъ украинца“ и какіе тогда были украинцы?

Какимъ образомъ случилось, что при той „книжной мертвечинѣ“, какую одну видитъ г. О. въ старой письменности, могли являться такія живыя произведенія, какъ поученіе Владиміра Мономаха, волынско-галицкая лѣтопись, а въ особенности Слово о полку Игоревѣ, которымъ онъ восторгается, — остается совершенно неизвѣстно. У южно-русскаго историка нѣтъ и мысли о томъ, чтобы выяснитъ эти старыя отношенія южно-русской письменности, которая, повторимъ опять, была тогда и общею русскою письменностью. Произведенія литературы являются отрывочно, безъ антецендентовъ и безъ историческаго освѣщенія. Ему не нравится византійское преданіе: оно въ самомъ дѣлѣ давно покинуто тою частью южной Руси, которая много вѣковъ назадъ приняла унію; въ нынѣшней галицкой Руси эта унія держится и понынѣ. Это обстоятельство, какъ намъ кажется, повліяло на историческія представленія нашего писателя. Мы не думаемъ упрекать его въ томъ, что онъ держится уніатскаго преданія своей родины, которое было для него совершившимся фактомъ; мы хотимъ только сказать, что всякому историку для правильнаго уразумѣнія прошедшаго необходимо переноситься въ условія прежней жизни, такъ какъ только при этомъ ему будутъ понятны и ея явленія. Кромѣ того кажется намъ, что этимъ обстоятельствомъ вообще какъ будто нарушается то историческое преданіе южно-русской народности, которое кажется автору столь неизблемымъ. Что такое нарушеніе происходитъ дѣйствительно, примѣръ этого мы видимъ въ самомъ изложеніи нашего историка: ему остался непонятенъ древній періодъ южно-русской словесности, непонятенъ въ двухъ весьма крупныхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, ему осталось непонятно (или завѣдомо, по антипатіи къ современной Россіи, не признается имъ) то единство

южной и сѣверной Руси въ древнемъ періодѣ, на которое мы не однажды указывали, а во-вторыхъ, ему остается непонятенъ характеръ древняго періода относительно самого южнаго народа. Даже говоря только объ этомъ послѣднемъ, получается чрезвычайно странная картина древней Руси: христіанская письменность, явившаяся изъ византійскаго и южно-славянскаго источника, оказывается чѣмъ-то какъ бы противонароднымъ; г. О. въ нѣсколько приемовъ говорить о томъ, что это была письменность мертвая, служившая только князьямъ, іерархіи и панамъ, и чуждая народу, который, наперекоръ ей, сохранялъ свою народную словесность, составляющую въ ея нынѣшнихъ отголоскахъ наилучшія сокровища народности. Историкъ забылъ все то громадное вліяніе, какое создано было введеніемъ христіанства и этой самой письменностью; забылъ, что здѣсь образовалась та могущественная черта — не только южно-русской, но въ то же время сѣверно-русской, вообще цѣлой русской народности, — которая стала съ тѣхъ поръ въ умахъ самого народа его отличительной особенностью: сознание себя какъ народа христіанскаго, именно православнаго, сознание, которое подняло потомъ народную массу противъ католицизма, уни, и затѣмъ польскаго господства, которое повлекло этотъ народъ къ соединенію съ „Москвою“. Историкъ забылъ съ другой стороны, что это самое христіанство и дѣйствовавшая въ его духѣ (конечно, въ размѣрѣ старинныхъ понятій) письменность оказали чрезвычайно обширное вліяніе на духовный складъ самой народности: они дали этой народности извѣстную складку нравственныхъ понятій и сообщили народной поэзіи обширный запасъ христіанскихъ легендарныхъ мотивовъ и подѣйствовали, вѣроятно, очень глубокимъ образомъ на самое старое содержаніе этой поэзіи. Не усмотрѣть этихъ отношеній есть крупная, скажемъ даже — грубая историческая ошибка.

Далѣе, непризнаніе обще-русскихъ связей древней письменности обличается самымъ изложеніемъ южно-русскаго историка. Исслѣдователи старой русской письменности раскрыли въ послѣднее время цѣлый обширный отдѣлъ ея, состоявшій въ такъ называемыхъ апокрифическихъ сказаніяхъ разнаго рода, которые въ большомъ изобиліи распространены были въ рукописномъ обращеніи, а затѣмъ нашли множество отраженій въ народныхъ повѣртіяхъ и самой поэзіи, составившей цѣлый особенный слой въ народномъ міровоззрѣніи вообще; литературная исторія этихъ памятниковъ донныѣ не вполне разъяснена, но отраженія ихъ оказались, конечно, и въ средѣ преданій народа южно-русскаго. Г. О. не могъ не миновать ихъ. При своей точкѣ зрѣнія онъ

могъ дать имъ, по обыкновенію, только отрывочное, случайное объясненіе ¹⁾. Точно также отрывочно и случайно поставленъ отдѣлъ старыхъ повѣстей и сказокъ—о царѣ Соломонѣ, Троянской войнѣ, Александрѣ Македонскомъ, Богатой Индіи, Купцѣ Басаргѣ ²⁾ и т. д. Очень возможно и даже вѣроятно, что эти произведенія, т.-е. какъ апокрифическія сказанія, такъ и повѣсти, именно наиболѣе старыя, извѣстны были и въ той части русскаго народа и письменности, которую г. О. выдѣляетъ какъ спеціально южно-русскую; но несомнѣнно и то, что въ огромномъ большинствѣ эти памятники сохранялись и развивались въ письменности великорусской, а болѣе поздніе обращались исключительно только въ послѣдней. Теперь, чтобы не пропустить совсѣмъ этихъ двухъ отдѣловъ письменности, имѣвшихъ значеніе популярное, т.-е. болѣе или менѣе распространенныхъ въ народѣ, южно-русскому историку приходится указывать ихъ по источникамъ сѣвернымъ.

Вообще всѣ тѣ явленія литературной и образовательной исторіи, гдѣ проявлялась такая параллельность, связь, взаимодѣйствіе, наконецъ единство,—а такихъ явленій, какъ извѣстно, было не мало,—изображаются у г. О. такъ, какъ будто рѣчь идетъ о совершенно различныхъ народахъ, имѣющихъ между собою только то отношеніе, что одинъ насильственно или обманнымъ образомъ покорилъ себѣ другой, присвоилъ себѣ его имя и совсѣмъ не допускаетъ для него самостоятельнаго развитія, которое теперь становится возможнымъ подъ покровомъ Австріи. Историкъ не хочетъ знать стараго единства южной и сѣверной Руси (предполагая въ то же время единство между древнимъ православнымъ Кіевомъ, священнымъ по сіе время для всего русскаго народа, и уніатско-австрійской Галиціей); не хочетъ знать стараго единства литературнаго,—пользуясь, однако, для исторіи южной литературы памятниками сѣверной, какъ для новѣйшихъ временъ не хочетъ признать всего значенія того участія, какое приняли южно-русскія силы съ половины XVII вѣка въ установленіи просвѣщенія и литературы въ новой Россіи ³⁾.

Такова въ особенности вся первая часть книги г. О. Вторая часть, въ двухъ большихъ выпускахъ, посвященная изложенію новѣйшаго періода южно-русской литературы, представляетъ много полезнаго фактическаго матеріала, главнымъ образомъ новаго отно-

¹⁾ Часть первая, стр. 88, 94, 334 и далѣе.

²⁾ Тамъ же, стр. 216 и далѣе.

³⁾ Не будемъ отицать частныхъ ошибокъ, иногда довольно странныхъ: напр., ч. I, стр. 256, гдѣ авторъ „Исторіи руссовъ“ ставится рядомъ съ Иннокентіемъ Гизелемъ, и т. п.

сительно дѣятелей галицкихъ. Кромѣ немногихъ общихъ замѣчаній о состояніи школъ, ходѣ образованія и т. п., изложеніе заключается не столько въ опредѣленіи общаго хода литературнаго движенія, сколько въ номенклатурѣ и біографіяхъ писателей по старомоднымъ рубрикамъ: поэзія эпическая, лирическая, драматическая, причѣмъ писатели галицко-русскіе перемѣшаны съ нашими малорусскими, такъ что, напримѣръ, послѣ Шашкевича и Устіановича слѣдуютъ Метлинскій, Шевченко, Аѳанасьевъ-Чужбинскій, потомъ опять Гушалевицъ, Климовицъ ¹⁾ и пр. Понятно, что въ настоящихъ историческихъ отношеніяхъ Шевченко вовсе не стоитъ между Шашкевичемъ и Климовичемъ, какъ и вообще перемѣшать нашу и галицкую южно-русскую литературу въ большинствѣ случаевъ, если не во всѣхъ, будетъ рискованно, потому что были весьма различны и исходныя точки, и литературный складъ, и самыя результаты. Г. Огоновскій, смѣшивая ихъ въ одну кучу, очевидно, имѣлъ въ виду доказать единство и тождество южно-русской литературы отъ древняго кіевскаго періода и до-нынѣ, и отъ Харькова до Львова.

Изъ вышеизложеннаго можно достаточно видѣть историческіе и національные взгляды галицко-русскаго ученаго; можно видѣть и то, сколько въ нихъ ошибочнаго и натапугаго. Мы вовсе не принадлежимъ къ врагамъ южно-русской литературы, ни галицкой, ни нашей. Первая въ особенности имѣетъ передъ собою важную задачу поддержать народную жизнь своего племени и провести ее черезъ австрійскіе и польскіе подводные камни. Что касается до второй, мы не однажды высказывали свое мнѣніе, что и она имѣетъ свое право на существованіе и что ея развитіе не только не вредило бы цѣльной русской жизни, но, напротивъ, обогащало бы ее извѣстными сторонами цѣлой русской національной природы, какъ это уже и бывало. Ограниченіе ея свободнаго хода можетъ имѣть тѣ или другіе ненормальные результаты... При всемъ томъ мы считаемъ книгу г. Огоновскаго (можетъ быть, одинъ изъ упомянутыхъ сейчасъ ненормальныхъ результатовъ?), т.-е. разобранныя здѣсь ея основныя положенія, не только исторической ошибкой, но и ошибкой въ смыслѣ народно-общественныхъ понятій. Она создаетъ историческій фантомъ, хочетъ скрыть историческія отношенія южно-русскаго племени, уединяя его отъ того цѣлаго, съ которымъ оно связано тѣми или другими нитями. Галицко-русскій историкъ не желаетъ признавать русской литературы (по его номенклатурѣ „россійской“, „великорусской“); пусть

¹⁾ Между лирическими поэтами мы, къ удивленію, совсѣмъ не нашли г. Куляша.

онъ лично не любитъ ее, но, какъ историкъ, онъ обязанъ знать ея отношенія, а какъ благоразумный патриотъ, онъ долженъ бы видѣть, что во всякомъ случаѣ это литература сильнѣйшаго славянскаго племени, литература по содержанію богатая и единеніе съ которой могло бы послужить большимъ благомъ для небольшой литературы его собственнаго племени.

Можетъ ли галицко-русская литература существовать одна, сама по себѣ, съ тѣмъ запасомъ эпической, лирической и драматической поэзіи, каковой сосчитанъ въ книгѣ г. Огоновскаго, съ маленькимъ запасомъ научныхъ произведеній, каковой въ ней имѣется, существовать, какъ національное выраженіе племени, которое этотъ писатель считаетъ въ двадцать-одинъ или даже двадцать-пять милліоновъ, и какъ образовательное средство для этихъ (предполагаемыхъ) милліоновъ? Очевидно, нѣтъ; но если только племя способно къ развитію и ищетъ его, оно вынуждено искать средствъ къ этому развитію въ другихъ источникахъ; въ Россіи оно ихъ находитъ при помощи русской литературы и русской науки; въ Галиціи, при точкѣ зрѣнія г. Огоновскаго, оно можетъ находить ихъ, теперь и впредь, только въ источникѣ австрійско-нѣмецкомъ и польскомъ. Не будемъ разбирать, хороши или дурны эти источники; но думаемъ, что во всякомъ случаѣ народныя элементы галицкой Руси при нихъ не выиграютъ по той простой причинѣ, что просвѣщеніе, заимствуемое этими путями, не въ состояніи затронуть никакой національной струны и должно будетъ только отдалять отъ племенной почвы. Если до сихъ поръ при всей слабости славянской взаимности, славянскія племена тѣмъ не менѣе извлекли несомнѣнно великую національную пользу изъ взаимно-славянскихъ отношеній, то тѣмъ болѣе галицко-русской народности слѣдовало бы не уединяться въ узкіе предѣлы племенной особенности, которая въ подобныхъ формахъ представляется только провинціализмомъ, а напротивъ, расширить свои стремленія въ общеславянскомъ смыслѣ, и здѣсь прежде всего—не удаляться, а вступить въ тѣсный союзъ съ самой крупной литературой славянскихъ племенъ и южно-русскому племени наиболѣе близкой, литературой русскаго народа. Условія этой послѣдней не всегда бывали благоприятны, но галицко-русское просвѣщеніе могло бы найти въ ней богатую для себя пищу и особенно въ той области народолюбія и народовѣденія, каковую особенно желаютъ развивать у себя галицко-русскіе патриоты. Къ сожалѣнію, они не любятъ русской литературы,—да и не знаютъ ее.

А. Пыпинъ.

ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ

Романъ Ричарда Ашвинга.

XVI *).

Клара нисколько не сомнѣвалась въ томъ, какъ слѣдуетъ принимать приглашеніе, полученное ею и матерью вмѣстѣ съ Веріе-нами, на обѣдъ, который Годфри Кросли давалъ въ своемъ помѣстьѣ, Сильботъ.

Обѣдъ давался, конечно, въ честь ея, Клары, чтобы доставить случай очарованному ею Годфри залучить ее въ себѣ въ домъ и окружить исключительнымъ вниманіемъ.

Такое объясненіе не было вовсе неестественно и безразсудно; длинный рядъ побѣдъ приучилъ Клару считать себя неотразимой, и Годфри Кросли самъ на тысячу ладовъ заявлялъ о ея неотразимости.

Поведеніе Годфри Кросли въ вечеръ, проведенный Кларой въ его домъ, тоже отнюдь не поколебало такого лестнаго предположенія. Напротивъ того, Кросли отчаянно кокетничалъ съ нею, когда никто за нимъ не слѣдилъ, пользуясь правами, которыя давала ему роль влюбленнаго въ пьесѣ домашняго спектакля. Такимъ образомъ, дѣвушка вернулась изъ Сильбота безъ памяти влюбленная и безусловно увѣренная въ его любви. Съ каждой новой репетиціей онъ вкладывалъ все больше и больше жара въ свои любовныя объясненія—и совершенно искренно,—прибавимъ мы, потому что былъ дѣйствительно сильно въ нее влюбленъ (въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ любовь) и необычно-

*) См. выше: августъ, стр. 679.

венно увлеченъ, для такого пресыщеннаго человѣка, ея красотой и обаятельной игрой.

Но ни въ какомъ случаѣ, еслибы даже онъ и не рассчитывалъ жениться на разсудительной Дженъ, не увлекся бы онъ настолько, чтобы предложить свою руку кокетѣ и безприданницѣ.

Между тѣмъ Клара вообразила, что онъ сдѣлаетъ ей предложеніе при первомъ удобномъ случаѣ, и что случай этотъ слѣдуетъ создать, если онъ самъ не представится, прежде чѣмъ окончатся эти восхитительныя репетиціи.

Но пока онѣ не кончились, всѣ актеры разыгрывали дѣйствующихъ лицъ изъ „Сна въ Лѣтнюю ночь“ Шекспира. Гербертъ гонялся за Кларой, Клара—за Годфри Кросли, а послѣдній—за разсудительной Дженъ. И въ то время, какъ всѣ эти лица мѣшались другъ другу, м-съ Веріенъ мѣшала имъ всѣмъ. Она напоминала своей растерянностью и беспомощностью курицу, высижившую утятъ, которые на ея глазахъ бросаются въ воду. Единственное, что удавалось м-съ Веріенъ—это не допускать опасныхъ tête-à-tête, и она такъ усердствовала въ этомъ отношеніи, что Кларѣ не легко было вызвать тотъ случай, какового, по ея мнѣнію, дождался Годфри Кросли.

Какъ бы то ни было, но по окончаніи послѣдней репетиціи, когда компанія перешла въ гостиную, Кларѣ показалось, что удобный случай навертывается. Такъ какъ репетиція происходила въ костюмахъ и на нее пригласили много гостей, то Клара подумала, что ея отсутствіе не будетъ замѣчено, и проскользнула назадъ въ фойе актеровъ, подъ какимъ-то предлогомъ. Она была увѣрена, что найдетъ тамъ Годфри Кросли; онъ замѣшался въ фойе и, какъ она воображала, въ надеждѣ на tête-à-tête съ нею. Но онъ имѣлъ въ виду tête-à-tête съ разсудительной Дженъ.

Какъ новый Нума, онъ искалъ совѣтовъ у своей Эгеріи въ этомъ уединенномъ мѣстѣ. Въ тотъ моментъ, какъ Клара вернулась, онъ выслушивалъ наставленія своей энциклопедистки-преподавательницы на счетъ какового-то пункта своей игры, который онъ повергъ на ея разсмотрѣніе. Вопросъ касался той степени жара, какая прилична въ сценическомъ объясненіи въ любви. Когда Клара дошла до фойе, то-есть небольшого пространства, отдѣленнаго въ бильярдной занавѣсью, за которой находилась сцена, она услышала, какъ на сценѣ Годфри Кросли и Дженъ говорили о ней, Кларѣ.

— Конечно, она иначе не можетъ, потому что она вульгарна отъ природы; но м-съ Веріенъ могла бы ее не приглашать,—говорила Дженъ ядовито, такъ какъ ненависть ея къ Кларѣ уси-

лилась послѣ того, какъ она узнала, что эта отважная молодая особа имѣла дерзость надъ нею смѣяться.

— М-ръ Веріенъ пригласилъ ее. Онъ безъ памяти въ нее влюбленъ, — отвѣчалъ Годфри.

— Не понимаю, какъ *джентльменъ* можетъ переносить ее.

— Она хорошенькая, и этого довольно такому юношѣ, какъ онъ.

— Хорошенькая! у нея наружность, манеры и обращеніе горничной! — вскричала Дженъ съ необыкновеннымъ жаромъ для такой степенной особы.

— Она увлекается ролюю и меня увлекаетъ иногда за собой, какъ вы говорите. Вотъ почему я хотѣлъ бы повторить вмѣстѣ съ вами сцену въ бесѣдѣ; хотя боюсь, что, играя съ вами, я менѣе, чѣмъ когда-либо, буду въ состояніи умѣрить свой жаръ, — прибавилъ онъ такъ тихо, что даже Клара, слушавшая, затаивъ дыханіе, не разслышала послѣднихъ словъ.

Разсудительная Дженъ почувствовала, что предложеніе, которое она въ послѣднее время предвкушала, уже недалеко, но сама она еще не приготовилась къ отвѣту. Къ тому же она не совсѣмъ вѣрила, что пылъ, съ которымъ онъ объяснялся въ любви Кларѣ, чисто актерскій.

— Теперь немного поздно измѣнять характеръ вашей игры, — холодно сказала она, — и вромѣ того, мнѣ эти глупыя репетиціи, по правдѣ сказать, очень надобли.

Годфри увидѣлъ по ея манерѣ, что соваться съ предложеніемъ какъ разъ въ эту минуту не безопасно.

— А мнѣ-то, развѣ вы думаете, не надобли? Вы по крайней мѣрѣ играете съ тѣмъ лицомъ, какое предпочитаете, — прибавилъ онъ уныло.

— Вы говорите про м-ра Веріена? Я не питаю ни малѣйшаго предпочтенія къ м-ру Веріену, увѣрю васъ! — надменно отвѣчала она.

Ледяное равнодушіе Герберта, *spretaque injuria formae*, вызвало особенную ѣдкость въ ея тонѣ.

— По крайней мѣрѣ вы настолько предпочитали его, что отказались перемѣниться ролями съ миссъ Рутвенъ.

— Все это было уже порѣшено, когда вы просили меня перемѣниться съ нею, и, право, все дѣло, казалось мнѣ, не стоило, чтобы о немъ такъ много хлопотать.

— Для васъ, можетъ быть, но для меня очень стоило... болѣе, чѣмъ я смѣю сказать, — прибавилъ онъ такъ, что она отвѣчала многозначительно:

— Право, страданія, причиняемыя вамъ миссъ Рутвенъ, никому не вазались такими мучительными... вамъ менѣе всѣхъ.

— Миссъ Рутвенъ!—вскричалъ онъ тономъ такого нетерпѣливаго отвращенія, что Клара вся похолодѣла и капли пота выступили у нея на лбу.

До самой этой минуты она не сознавала, какъ безумно любила его.

На этомъ пунктѣ м-съ Веріенъ, замѣтивъ отсутствіе Годфри Кросли и миссъ Проссеръ и опасаясь за ихъ tête-à-tête, вошла въ комнату со стороны сцены и увела разсудительную Дженъ подъ какимъ-то предлогомъ.

Годфри Кросли остался, чтобы хорошенько обдумать положеніе, а для объясненія своего уединенія сталъ прибирать и перестанавливать все на сценѣ. Среди этихъ занятій онъ наткнулся на Клару.

— Миссъ Рутвенъ!—вскричалъ онъ, испугавшись, не слышала ли она то, что про нее говорили.

Къ счастью, за сценой было такъ темно, что онъ не могъ замѣтить мертвенной блѣдности ея лица, между тѣмъ какъ темнота помогла ей придти въ себя.

— Да, это я; не видали ли вы м-съ Веріенъ? она только что вышла изъ гостиной, и мы ищемъ ее, чтобы проститься.

— Неужели вы уже уѣзжаете?

— Да, мы уѣзжаемъ; мамѣ нездоровится.

— Но я почти не разговаривалъ съ вами, кромѣ какъ на сценѣ; встати: мнѣ кажется, что сцена въ бесѣдѣ можетъ быть сыграна нѣсколько иначе. Хотите прорепетировать со мной?

Онъ былъ настолько въ нее влюбленъ, насколько умѣлъ, и ему хотѣлось выразить ей болѣе нѣжно свою любовь подъ маской репетиціи.

Она отлично это понимала, такъ какъ въ сто разъ сильнѣе его жаждала такой сцены и рѣшила свести его съ ума. Этого она достигла съ такимъ успѣхомъ, что онъ, охвативъ ея талию рукой, два раза страстно ее поцѣловалъ. Но тутъ она ударила его по лицу маленькимъ сжатымъ кулакомъ, вложивъ въ ударъ всю силу своего бѣшенства и жажды мести.

— Какъ вы смѣете!—закричала она, задыхаясь отъ ярости, далеко не притворной.—Какъ вы смѣете, негодяй!

— Что? Что такое, Клара... миссъ Рутвенъ?—вскричалъ съ волненіемъ Гербертъ, какъ разъ въ эту минуту вошедшій въ комнату, и бросился въ ней, услышавъ ея восклицаніе.

Никогда еще Клара не была такъ великолѣпно хороша, какъ

въ эту минуту, когда она стояла передъ Годфри Кросли съ блѣднымъ лицомъ и горящими отъ гнѣва глазами; ея ноздри раздувались, губы были полураскрыты и руки стиснуты.

— Онъ оскорбилъ меня,—прошипѣла она.

Гербертъ бросился впередъ и ударилъ бы Кросли, еслибы Клара не стала между ними.

— Нѣтъ, нѣтъ; пожалуйста, оставьте; онъ этого не стоитъ; выйдетъ сцена; я этого не перенесу!—закричала она безсвязно.

Но Кросли уже успѣлъ опомниться отъ удара—такого неожиданнаго и свирѣпаго.

— Я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оскорбить васъ, но прошу простить, если сдѣлалъ это нечаянно,—холодно сказалъ онъ Кларѣ и прибавилъ, обращаясь къ Герберту:—мы репетировали сцену въ бесѣдѣ, и, должно быть, я увлекся игрой болѣе, чѣмъ миссъ Рутвенъ сочла это приличнымъ.

Клара отвѣтила взглядомъ убійственнаго презрѣнія и, обратясь къ Герберту, сказала:

— Отведите меня къ мамѣ.

Гербертъ, сообразивъ, что въ присутствіи Клары неловко объясняться съ Кросли, отложилъ объясненія и подалъ ей немедленно руку.

Но вмѣсто того, чтобы отвести ее къ матери, повелъ къ себѣ въ курительную комнату, находившуюся рядомъ съ бильярдной.

— Простите меня,—сказалъ онъ въ большомъ волненіи, — что я на минуту привелъ васъ сюда; я хочу сказать вамъ, какъ я огорченъ тѣмъ, что это случилось въ моемъ домѣ, извиниться передъ вами и сказать, что я чувствую оскорбленіе, нанесенное вамъ, въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ если бы оно было нанесено мнѣ лично. Вы вѣрите мнѣ, не правда ли?

— Вы очень великодушны.

— Великодушень! нѣтъ, это не великодушіе, но... но я люблю васъ, я люблю васъ, Клара. Я бы не долженъ былъ этого вамъ говорить теперь, когда вы такъ разстроены. Я не разстроилъ васъ еще хуже?

Клара покачала головой и, вмѣсто отвѣта, пожала руку, на которую опиралась.

— Значить, я могу надѣяться? скажите, могу ли я надѣяться, что вы меня полюбите?

— Но я васъ уже люблю,—прошептала она.

Тутъ онъ съ восторгомъ обнялъ ее за талію и хотѣлъ поцѣловать, но она сказала съ непритворнымъ волненіемъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь; онъ только-что осмѣлился это сдѣлать.

— Что?—закричалъ Гербертъ, позеленѣвъ отъ бѣшенства.

— Но не дѣлайте, пожалуйста, исторіи изъ этого. Онъ не джентльменъ и не стоитъ того. Общайте мнѣ, что оставите это безъ вниманія!

— Я только попрошу его немедленно оставить мой домъ.

Противъ этого она слабо протестовала, такъ какъ главная мѣсть ея рассчитана была на то, чтобы скомпрометировать Кросли въ глазахъ миссъ Проссеръ и разрушить видъ его на богатую невѣсту.

Поэтому она открыла Герберту, какъ лицу, для котораго у нея не было больше секретовъ, что Годфри Кросли, подъ предлогомъ репетиціи сцены въ бесѣдѣ, обнялъ ее за талію и два раза оскорбительно горячо поцѣловалъ.

Такъ какъ отъ одного воспоминанія объ этомъ оскорбленіи она снова пришла въ неописанное волненіе, то попросила его отвести ее къ матери. Она явно была совсѣмъ разстроена: блѣдна какъ смерть и вся дрожала какъ въ лихорадкѣ, а потому Гербертъ, испросивъ позволеніе пріѣхать къ ней завтра на все утро, повелъ ее назадъ въ гостиную.

М-съ Веріенъ ни мало не была удивлена раннимъ отъѣздомъ Клары, равно какъ и ея очевиднымъ волненіемъ по той простой причинѣ, что сама послала Герберта отыскивать Годфри Кросли, въ увѣренности, что онъ застанетъ этого джентльмена у ногъ Клары. Замѣтивъ отсутствіе Клары, какъ замѣтила отсутствіе Дженъ, она пошла разыскивать ее и, незамѣченная ими, увидѣла, какъ Годфри Кросли репетировалъ съ Klarой самую нѣжную сцену въ пьесѣ. Она поспѣшно вернулась въ гостиную и послала Герберта разыскивать Кросли, предполагая, что онъ застанетъ Klarу въ пылу кокетства съ Годфри, и это его оттолкнетъ.

Какъ мы видѣли, дипломатическій маневръ м-съ Веріенъ оказался очень неудачнымъ и ускорилъ ту самую катастрофу, которую она желала удалить, а именно: что Гербертъ предложитъ свою руку Klarѣ.

Гербертъ, усадивъ Klarу и ея мать въ кэбъ, сталъ разыскивать Кросли и нашелъ его воркующимъ съ разсудительной Дженъ въ гостиной.

— Могу я просить васъ на пару словъ?—сказалъ Гербертъ такимъ тономъ, что Дженъ съ удивленіемъ взглянула на него.

— Разумѣется,—отвѣчалъ Кросли съ такой же враждебностью въ голосъ и послѣдовалъ за Гербертомъ.

Гербертъ привелъ Кросли въ залу и тамъ, рѣзко обернувшись къ нему, сказалъ:

— Вы самымъ грубымъ образомъ оскорбили миссъ Рутвенъ!..

— Я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія ее оскорблять, какъ уже раньше сказалъ,—хладнокровно отвѣчалъ Кросли.

— Ни малѣйшаго намѣренія! вы цѣлуете молодую лэди, какъ будто бы она была трактирная служанка, и послѣ того говорите, что не имѣли ни малѣйшаго намѣренія ее оскорбить. Понимаете ли вы хоть сколько-нибудь, какъ джентльменъ долженъ обращаться съ лэди?

— Гербертъ, что случилось?—спросила м-съ Веріенъ. Удивленная Дженъ предупредила ее о томъ, что вышли какія-то неприятности, и она поспѣшила въ залу.

— М-ръ Кросли грубѣйшимъ образомъ оскорбилъ миссъ Рутвенъ, а теперь извиняется въ этомъ такъ, что только увеличиваетъ оскорбленіе.

М-съ Веріенъ обратилась за объясненіемъ къ Годфри Кросли, и тотъ развязно сказалъ:

— Репетируя сцену въ бесѣдкѣ съ миссъ Рутвенъ, я такъ увлекся игрой, что поцѣловалъ ее. Это было дурно, конечно, и мнѣ не слѣдовало этого дѣлать. Да я бы и не сдѣлалъ, еслибы зналъ, что это будетъ такъ принято.

— Я право не понимаю, Гербертъ,—обратилась м-съ Веріенъ къ сыну,—съ какой стати ты вступаешься за миссъ Рутвенъ, если она сама не сочла нужнымъ обидѣться?

— Не сочла нужнымъ обидѣться!..—началь-было Гербертъ, но его перебилъ Кросли:

— Я долженъ сказать, что миссъ Рутвенъ такъ обидѣлась, что, по всей вѣроятности, я буду завтра ходить съ подбитымъ глазомъ.

И онъ приложилъ руку къ тому мѣсту, по которому его ударила Клара.

— Вы хотите сказать, что она ударила васъ?—съ недовѣріемъ спросила м-съ Веріенъ.

— Можете сами видѣть,—отвѣтилъ съ улыбкой Кросли, поворачивая къ ней щеку, на которой осталось красное пятно отъ удара сильной ручки Клары.

— Ты видѣлъ, какъ м-ръ Кросли поцѣловалъ миссъ Рутвенъ?—спросила м-ръ Веріенъ Герберта съ такой интонаціей, которая дала обоимъ мужчинамъ понять, что она думаетъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Кросли, качая головой,—это произошло въ безусловномъ tête-à-tête. Миссъ Рутвенъ въ самомъ дѣлѣ очень

разсердилась; я никогда не видѣлъ дѣвушку въ такомъ гнѣвѣ. Она побѣлѣла какъ полотно и затряслась какъ осиновый листъ. И еслибы я не былъ такъ пораженъ, то, конечно, болѣе смиренно извинился бы передъ нею... какъ и намѣренъ это сдѣлать завтра, если она мнѣ позволитъ.

М-съ Веріенъ, припоминая, какъ была блѣдна и взволнована Клара, прощаясь съ нею, не могла не подумать, что была несправедлива къ дѣвушкѣ.

— Я думаю, что вамъ слѣдуетъ извиниться, — сказала она.

— Я, конечно, извинюсь, если она позволитъ. И я долженъ просить васъ также простить меня, — прибавилъ онъ съ неотразимой улыбкой. — Мнѣ не слѣдовало такъ забываться въ вашемъ домѣ и съ вашей гостьей.

— Я очень жалѣю, что это случилось, но не болѣе, чѣмъ вы сами жалѣете, и полагаю, что больше и толковать объ этомъ нечего, — прибавила она, робко взглядывая на Герберта.

Но прежде чѣмъ тотъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить матери, Годфри Кросли простился съ нею и, отпустивъ Герберту церемонный поклонъ, направился къ двери.

Но, не дойдя, обернулся и сказалъ:

— Я надѣюсь, вы не разгласите этой глупости, м-съ Веріенъ. Я думаю, я довольно уже наказанъ.

М-съ Веріенъ, однако, отлично поняла, что онъ желаетъ сохранить этотъ эпизодъ въ тайнѣ отъ миссъ Проссеръ, и отвѣчала неопредѣленно:

— О! увѣряю васъ, что я не напечатаю объ этомъ въ газетахъ.

И съ такимъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ ему пришлось уйти.

Во время этого разговора матери съ Годфри Кросли, Гербертъ стоялъ молчаливый и недовольный. Онъ чувствовалъ, что матери слѣдовало вступить за Клару, если только онъ не потребуетъ этого права, какъ ея женихъ, чего онъ не могъ сдѣлать, не сообщивъ предварительно матери съ глазу на глазъ о своемъ предложеніи. Послѣ ухода Кросли онъ долженъ былъ идти занимать гостей, которые могли замѣтить отсутствіе хозяевъ и обидѣться, и Гербертъ былъ радъ этой отсрочкѣ. Онъ нарушилъ договоръ съ матерью, заключенный черезъ посредство викарія, и чувствовалъ, что предложеніе его огорчитъ мать и даже, быть можетъ, поведетъ къ ссорѣ между нимъ и ею. Во всякомъ случаѣ слѣдовало подождать, чтобы разѣхались гости, и потомъ уже приступать къ объясненію. Но гости не засидѣлись. Общее тяжелое

ощущеніе, что случилось нѣчто непріятное, заставило ихъ поторопиться съ отъѣздомъ. И менѣе чѣмъ часъ спустя послѣ отъѣзда Кросли, м-съ Веріенъ, Дженъ и Гербертъ остались одни. М-съ Веріенъ, очертя голову, принялась разочаровывать Дженъ насчетъ Годфри Кросли.

— Рутвены разогнали всѣхъ нашихъ гостей.

— Да, они рано уѣхали,—отвѣчала Дженъ степенно.

Она горѣла желаніемъ узнать, чтѣ случилось, но считала всякое проявленіе любопытства несомвѣстнымъ съ ея твердостью и здравомысліемъ.

— Нельзя и винить ихъ послѣ того, чтѣ случилось. Знаешь, Гербертъ, я нахожу, что м-ръ Кросли очень дурно поступилъ, судя по его собственнымъ словамъ: дѣвушка была такъ взволнована и сердита, и невѣроятно, чтобы она поощряла его на такую вольность.

— Поощряла! еще бы! этотъ негодяй—просто нахаль, и больше ничего!—вскричалъ Гербертъ яростно.

Дженъ только глядѣла то на него, то на его мать, въ кроткомъ изумленіи.

— Душа моя,—объяснила ей м-съ Веріенъ,—у насъ была настоящая сцена послѣ репетиціи: м-ръ Кросли поцѣловалъ миссъ Рутвенъ; должно быть, онъ избралъ этотъ способъ для предложенія ей своей руки, но дѣвушка такъ разсердилась, что ударила его.

Даже степенная и солидная Дженъ проявила удивленіе.

— Не можетъ быть! я хочу сказать, — прибавила она поспѣшно,—что онъ не могъ имѣть въ виду сдѣлать ей предложеніе, послѣ того, какъ онъ о ней отзывался при мнѣ вчера вечеромъ.

— Но если такъ, то онъ поступилъ отвратительно!—вскричала м-съ Веріенъ съ жаромъ, ничуть не притворнымъ.

— Я думаю, всякая дѣвушка, которую оскорбятъ, сама въ томъ виновата,—произнесла разсудительная Дженъ своимъ безапелляціоннымъ, несноснымъ тономъ.

— Вы хотите сказать, что она поощряла его оскорблять себя? но тогда почему же она такъ сильно разсердилась? Онъ самъ сознался, что еще не видывалъ дѣвушки въ такомъ гнѣвѣ и разстройствѣ, и дѣйствительно, прощаясь со мной, она была блѣдна какъ бумага.

— По моему, она не такая дѣвушка, чтобы ее могло разстроить нѣчто подобное,—отвѣчала Дженъ неумолимо.

— Но, милая Дженъ, вѣдь была же она разстроена. Полагаю, что можно повѣрить м-ру Кросли; ему вѣдь нѣтъ никакой причины преувеличивать дѣйствіе своего поступка.

— Я не видывала ничего безстыднѣе, какъ ея поведеніе на репетиціяхъ, и дѣвушка, которая такъ ведетъ себя, не оскорбится ничѣмъ *рѣшительно*, — вскричала Дженъ съ необычной злостью, такъ какъ она на Кларѣ вымещала досаду на предателя Годфри. Онъ могъ поцѣловать эту дѣвушку послѣ того, какъ за минуту передъ тѣмъ почти-что сдѣлалъ предложеніе самой Дженъ!

— Разумѣется, если вы думаете, что м-ръ Кросли выдумалъ всю эту исторію, чтобы осрамить самого себя, то говорить не стоитъ.

— Я не защищаю м-ра Кросли; я только говорю, что миссъ Рутвенъ вовсе не такая особа, чтобы обидѣться за такую вольность.

— Но если она обидѣлась? — возразила м-съ Веріенъ, раздраженная этой логикой — *tant pis pour les faits*, высказываемой тономъ неотразимаго авторитета.

Ничего больше по этому поводу не было сказано, потому что и говорить больше было нечего. Но раздраженіе и рѣзкость Дженъ убѣдили м-съ Веріенъ, что она сумѣла возстановить ее безповоротно противъ Годфри Кросли.

Что касается Герберта, онъ рѣшилъ отложить до завтра объясненіе съ матерью, на томъ основаніи, что она, пожалуй, объяснить волненіе Клары его предложеніемъ, а не возмущенной скромностью.

XVII.

Клара провела ужасную ночь. Она любила Годфри Кросли всей той любовью, на какую была способна, и была безусловно увѣрена во взаимности до той минуты, какъ услышала его отзывъ о себѣ въ разговорѣ съ миссъ Проссеръ. Она непрерывно перебирала въ умѣ презрительныя слова и сравнивала съ ними его поведеніе вслѣдъ затѣмъ. Бывало ли когда такое черное и искусное лицемѣріе? А его поцѣлуй! Повѣрятъ ли, что эти поцѣлуи, за которые она разсердилась на него до бѣшенства, были въ то же самое время ей пріятны? Они были по крайней мѣрѣ искренни — выражали искреннюю и жгучую страсть — и въ этомъ смыслѣ были ей пріятны, какъ и воспоминанія объ ударѣ, какимъ она на нихъ отвѣчала.

Что касается Герберта, то въ первомъ пароксизмѣ ярости и огорченія она думала о немъ только какъ о новомъ способѣ отмщенія. Болѣе спокойныя и расчетливыя соображенія должны были придти только поутру и примирить ее съ такой блестящей

партіей. Но теперь она видѣла въ ней только новую пощечину для Годфри Кросли. Но что особенно подзадоривало ея желаніе мести—это сознаніе, болѣе унижительное, чѣмъ даже пренебреженіе Годфри Кросли,—сознаніе, что она все еще любить его и всѣмъ бы для него пожертвовала, еслибы онъ ее о томъ попросилъ.

Что она могла любить и одновременно ненавидѣть человѣка, и ненавидѣть потому именно, что страстно любить, кажется парадоксальнымъ только отъ того, что смѣшиваютъ два рода любви—ту, которая противоположна ненависти, со всякою другою. Страсть Клары, въ которой играла главную роль чувственность, а не сердце, отлично могла ужиться съ сердцемъ, исполненнымъ ненависти къ человѣку, ее оскорбившему.

Утро, однако, вечера мудренѣе, и по зрѣломъ размышленіи она сообразила, что больше выиграла, чѣмъ проиграла. Она получила такой призъ, о которомъ ни одна дѣвушка въ Уорстонѣ не смѣла и мечтать, и наслаждалась своимъ торжествомъ. „Безъ сомнѣнія великіе міра сего должны полагаться на мнѣнія другихъ людей, чтобы считать себя счастливыми, потому что, если они станутъ судить по своимъ чувствамъ, то не найдутъ этого. Но если они въ состояніи будутъ представить себѣ, съ какою радостью окружающіе ихъ помѣнялись бы съ ними судьбою, то сочтутъ себя счастливыми, хотя бы по внѣшности, если не по существу“.

Весьма многіе фешенбельные и несчастные браки объясняются вышеприведенной Бэконовою характеристикой того счастья, которымъ пользуются высокопоставленныя лица.

Совершая свой туалетъ, Клара наслаждалась предвкушеніемъ такого рода призрачнаго счастья, и за завтракомъ испробовала дѣйствіе своего великаго торжества надъ матерью. Она ни слова не сказала ей вчера ни о нанесенномъ ей оскорбленіи, ни объ одержанной ею побѣдѣ; она почти губъ не разжимала, несмотря на всѣ старанія бѣдной м-съ Рутвенъ узнать отъ нея, въ чемъ дѣло.

За завтракомъ мать слѣдила за каждымъ ея движеніемъ съ нервной, безпокойной тревогой, точно собака, которая волнуется, возьметъ или не возьметъ ее хозяинъ съ собою гулять.

Но завтракъ почти кончился, когда Клара сказала вскользь:

— Вчера вечеромъ я приняла предложеніе Герберта Веріена, мама.

— Ты... ты... неужели ты хочешь сказать, что онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?—пролепетала м-съ Рутвенъ.

— Какъ же бы я могла принять предложеніе, еслибы онъ мнѣ его не сдѣлалъ?

Наступило молчаніе, въ продолженіе котораго бѣдная м-съ Рутвенъ старалась овладѣть своимъ волненіемъ, но безуспѣшно.

Наконецъ, она проговорила:

— Но я думала вчера вечеромъ, что случилось ужасное что-то...

— Я не увѣрена въ томъ, что это не ужасно, но дѣло сдѣлано.

— Клара, дорогая моя! моя дорогая Клара! ты счастливая дѣвушка! Не потому только, что онъ богатъ и знатенъ, но... мое дорогое дитя, еслибы ты знала, какъ я счастлива!

И бѣдная дама залилась слезами и стала обнимать и цѣловать дочь.

— Довольно, мама. Право, не вижу причины такъ восторгаться. Онъ, конечно, не бѣденъ, но вѣдь не король же онъ какой-нибудь, а я не нищая, хотя вы, кажется, и считаете, что всякій, кто стоитъ немножко повыше м-ра Гарта, слишкомъ для меня хорошъ.

— Я никого не считаю слишкомъ для тебя хорошимъ, — слезливо отвѣчала мать, — но Уорстонъ такое ничтожное для тебя поприще!

— „Рынокъ“, хотите вы сказать, — цинически возразила Клара. — Но я не имѣла намѣренія продавать себя въ Уорстонъ. Что касается м-ра Гарта, то онъ не хуже другихъ, но „между гнилыми яблоками выборъ не великъ“.

Мать скромно протестовала:

— Я бы желала, моя душа, чтобы ты перестала употреблять такія вульгарныя выраженія; другіе люди подумаютъ, что ты дурно воспитана.

— „Другіе люди“ означаютъ мою будущую свекровь; но м-съ Веріенъ извинитъ цитату изъ Шекспира, если она не особенно ругательная. А теперь, мама, я желаю, чтобы вы поняли, что вы ровня м-съ Веріенъ, а я ровня Герберту, слѣдовательно вамъ вовсе не подобаетъ цѣловать у нихъ ручки, точно они насъ осчастливили.

Тутъ м-съ Рутвенъ стала доказывать свое право на уваженіе, развернувъ родословный свитокъ, давно уже опротивѣвшій Кларѣ.

— Ради Бога, мама, ради Бога, не высказывайте со своимъ родствомъ передъ этими господами, точно горничная, перечисляющая „хорошихъ господъ“, у которыхъ она жила! Если

вы будете увѣрять людей, что вы respectable, то они, конечно, усомнятся въ этомъ.

Тутъ ея мать, какъ осель, котораго бьютъ до одури по головѣ, замолкла изъ боязни, какъ бы чего опять не сказать такого, за что ей достанется.

Клара воспользовалась ея молчаніемъ и убѣжала изъ комнаты, съ тѣмъ, чтобы изгладить, сколько можно, слѣды безсонной ночи, омрачавшіе ея красоту.

Послѣ того она побѣжала въ гостиную, намѣреваясь расположить занавѣски такимъ образомъ, чтобы свѣтъ не падалъ прямо на тотъ диванъ, гдѣ она будетъ сидѣть. Зеркало помогло ей изслѣдовать, какое именно освѣщеніе будетъ для нея выгодно, и устроила его, спустивъ занавѣски.

Затѣмъ она стала соображать, слѣдуетъ или не слѣдуетъ матери присутствовать при свиданіи и, въ концѣ концовъ, нашла приличнымъ, чтобы около нея находилась дуэнья. Если Гербертъ непременно пожелаетъ tête-à-tête, тогда можно будетъ удалить м-съ Рутвенъ.

Бѣдная м-съ Рутвенъ, которую овладѣлъ нервный страхъ какъ-нибудь провратъ или проптрафиться въ глазахъ безпощадной и неумолимой Клары, пробовала протестовать противъ таковаго плана подъ слабымъ предлогомъ, что Гербертъ возненавидитъ ее.

На это Клара философски отвѣчала:

— Надо же вамъ рано или поздно войти въ роль тещи.

Это насмѣшливое замѣчаніе бѣдная дама, по своему обыкновению, приняла черезъ-чуръ близко къ сердцу. Она вытащила изъ своихъ воспоминаній образцовую тещу, которую зять предпочиталъ даже родной матери, но тутъ же разрушила все значеніе сообщеннаго ею факта, прибавивъ, что родная мать зятя образцовой тещи была горькая пьяница.

Во время этого разсказа, который Клара слушала однимъ только ухомъ, она вдругъ сообразила, что Гербертъ по всей вѣроятности заговоритъ о поведеніи Годфри и будетъ шовированъ тѣмъ, что она скрыла его отъ матери, а потому нашла за лучшее просвѣтить ее на этотъ счетъ.

— Право, мама, я не вижу, почему вы начнете пить, или онъ станетъ пить, или вообще кто-нибудь изъ родныхъ...

— Его родная мать пила, — поправила м-съ Рутвенъ.

— Хорошо; значить, м-съ Веріенъ, если хотите. Я не вижу, почему м-съ Веріенъ начнетъ пить отъ того, что ея сынъ на мнѣ женится. Вы такъ безпокойтесь о вещахъ, которыя, можетъ

быть, никогда не случатся, что я боюсь уже и говорить вамъ о дѣйствительныхъ непріятностяхъ. И вотъ почему я ничего не сказала вчера вечеромъ объ одной очень крупной непріятности, хотя и понимала, что не имѣю права отъ васъ ее скрыть.

Послѣ такого вступленія Клара пересказала матери исторію съ Годфри Кросли въ такомъ тонѣ, чтобы мать ея приняла эту вольность, какъ непочтительное и косвенное предложеніе руки съ его стороны:

— Я не могла переносить этого человѣка, Клара, и ты хорошо сдѣлала, показавъ ему, что и у женщины можетъ быть самоуваженіе и характеръ. Мнѣ всегда казалось, что онъ смотритъ на женщинъ какъ на своихъ рабынь.

— Если женщины ведутъ себя рабынями, то по неволѣ онъ будетъ съ ними такъ обращаться,—пылко возразила Клара.—Сами женщины приучаютъ мужчинъ смотрѣть на нихъ свысока, какъ подобострастные люди приучаютъ къ надменности лордовъ. Нельзя винить м-ра Кросли за то, что онъ считаетъ женщинъ такими, какими онѣ ему представлялись... то-есть, собачонками, вѣчно жаждущими, чтобы ихъ погладили и приласкали.

М-съ Рутвенъ была совсѣмъ озадачена такой неожиданной защитой человѣка, на котораго сама Клара такъ сильно прогнѣвалась вчера. И сѣдная мать очень обрадовалась приходу Герберта, несмотря на боязнь какъ-нибудь провиниться. Гербертъ застѣнчиво, но очень любезно попросилъ ея согласія на бракъ съ Кларой, прибавивъ, что еще не говорилъ съ своей матерью, такъ какъ хотѣлъ сначала удостовѣриться въ своемъ счастьи. Онъ ни словомъ не упомянулъ про Годфри Кросли, но ограничился заявленіемъ, что спектакль можетъ не удался, благодаря деревянной игрѣ Дженъ Проссеръ. Послѣ того, взглядами и безпокойными, нетерпѣливыми манерами, онъ такъ явно выразилъ желаніе остаться наединѣ съ Кларой, что Клара дала, наконецъ, знакъ матери удалиться. Мать встала и, ссылаясь на хозяйственные хлопоты и разсыпаясь въ извиненіяхъ, вышла вонъ изъ комнаты. Послѣ ея ухода Гербертъ, какъ и ожидала Клара, пересѣлъ къ ней на диванъ и застѣнчиво, но настойчиво попросилъ позволенія воспользоваться тѣми привилегіями жениха, въ которыхъ ему было вчера отказано.

Вслѣдъ затѣмъ наступилъ любовный дуэтъ: Гербертъ говорилъ всякій ребяческій вздоръ, а Клара вторила ему, стараясь какъ можно лучше скрыть презрѣніе, которое она чувствовала къ такимъ нѣжностямъ, хотя говори съ ней теперь Годфри Кросли—она нашла бы ихъ музыкой небесныхъ сферъ.

Отдѣлавшись отъ этихъ ласкъ такъ скоро, какъ только могла, она спросила:

— Вы еще не говорили съ вашей матерью?

— Нѣтъ; но сегодня же буду говорить!

— Она ни за что не согласится; она не любитъ меня. Кто-нибудь очернилъ меня въ ея глазахъ.

— Не то, дорогая; но она забрала себѣ въ голову женить меня на миссъ Проссеръ.

— Какъ? на этомъ маневенѣ! Если бы я могла думать, что таковъ вашъ вкусъ, я бы никогда васъ не пустила на выставку восковыхъ куколъ м-ше Тюссо.

И тутъ Клара необыкновенно похоже и забавно передразнила тонъ, манеры и мимику разсудительной Дженъ, которую ненавидѣла такъ же сильно, какъ и та ее. Но, кромѣ того, ей хотѣлось отвлечь Герберта отъ ласкъ. Каждое нѣжное слово или движеніе его напоминало ей про жгучіе поцѣлуи Годфри Кросли, еще горѣвшіе на ея губахъ.

И даже боязнь, что она больше его не увидитъ, заставила ее просить Герберта отложить объясненіе съ матерью до окончанія спектакля.

— У меня есть предчувствіе, что это разстроитъ все дѣло, — сказала она къ удивленію и огорченію Герберта; онъ не могъ понять, какъ это такая ничтожная вещь, какъ спектакль, занимаетъ въ ея мысляхъ болѣе значительное мѣсто, чѣмъ ихъ помолвка. Кромѣ того, его возмущала необходимость обманывать мать ради какого-то спектакля.

— Это такіе пустяки, милая; стоитъ ли объ этомъ думать!

Что-то въ его взглядѣ и тонѣ сразу показало ей ея ошибку.

— Но вовсе не пустяки, если мы будемъ разлучены, и я хочу выгадать еще нѣсколько дней, — поспѣшила она пояснить свою настойчивость.

— Ничто никогда не разлучитъ насъ, дорогая, ничто!

— Я такъ боюсь отвѣта вашей матери.

— Но онъ не измѣнитъ моего рѣшенія.

Клара увидѣла, что было бы бесполезно и даже опасно настаивать, и при всемъ томъ ее, кажется, сильнѣе утрашала мысль, что спектакль не состоится и она больше не увидитъ Годфри Кросли, чѣмъ то, что бракъ съ Гербертомъ разстроится.

Но къ чему же она такъ стремилась увидѣться съ Годфри Кросли? не затѣмъ, конечно, чтобы помириться съ нимъ. Ничто, — она чувствовала — не могло изгладить или смягчить оскорбительный тонъ его отрыва о ней въ разговорѣ съ миссъ Проссеръ.

И со всѣмъ тѣмъ она отъ всего сердца желала снова увидѣться, хотя бы только затѣмъ, чтобы одать его своимъ презрѣніемъ. О немъ одномъ думала она въ продолженіе долгихъ часовъ, послѣ того какъ Гербертъ ушелъ, и мысль о немъ все еще преслѣдовала ее, когда неожиданно ей доложили о его приходѣ. Онъ явился согласно обѣщанію, данному м-съ Веріенъ, извиниться передъ миссъ Рутвенъ. Обѣщаніе это дано было имъ для того, чтобы умилостивить м-съ Веріенъ и имѣть возможность вернуться въ Голль и помириться съ миссъ Проссеръ.

Но были и другія причины, побуждавшія его сдѣлать этотъ визитъ. Возвратясь домой вчера вечеромъ и обдумавъ все дѣло, онъ пришелъ къ заключенію, что Клара услышала то, что онъ говорилъ про нее миссъ Проссеръ. Клара доказала ему ясно какъ божій день, что не такая она дѣвушка, чтобы такъ взбѣситься за вольность, которую онъ себѣ позволилъ. Онъ не вѣрилъ, чтобы тутъ играла роль только оскорбленная скромность.

Чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что онъ правъ, и визитъ къ Кларѣ долженъ былъ ему это выяснить окончательно.

Онъ вошелъ вслѣдъ затѣмъ какъ о немъ доложили, такъ что Клара не могла отказаться принять его, еслибы даже и расположена была это сдѣлать. Но она нисколько этого не хотѣла. Она приняла его, однако, съ ледяной холодностью, удовольствовалась простымъ кивкомъ головы, когда онъ подошелъ къ ней съ поклономъ, и не взяла протянутую ей руку.

— Я былъ очень несчастливъ, какъ вы можете себѣ представить, послѣ вчерашняго,—началъ онъ, стоя передъ нею,—и не буду знать покоя, пока не получу помилованія. Простите меня.

— Пожалуйста, садитесь,—отвѣчала она ледянымъ тономъ.

Онъ сѣлъ около нея и послѣ минуты какъ бы смущеннаго молчанія началъ несмѣло:

— Еслибы только я смѣлъ сообщить вамъ обо всѣхъ моихъ несчастіяхъ, то вы бы облегчили меня отъ этой послѣдней и горшей бѣды. Я увѣренъ въ этомъ.

— Я, право, не знаю, какое мнѣ дѣло до вашихъ бѣдствій, м-ръ Кросли.

— Но вы главная ихъ причина, то-есть, я хочу сказать, что ихъ вовсе бы не было, еслибы не вы.

— Я совсѣмъ васъ не понимаю.

— Разумѣется; и я не знаю, какъ объяснить вамъ, не на-
неся новаго оскорбленія.

Не получая никакого поощренія, онъ продолжалъ, бросившись съ отчаяніемъ in medias res.

— Дѣло въ томъ, что я разоренъ. Благодаря всякимъ безразсудствамъ, я остался безъ гроша денегъ и мнѣ нечѣмъ жить, но я не горевалъ объ этомъ, пока... пока не встрѣтился съ вами. Но бесполезно говорить объ этомъ,—послѣдшне прибавилъ онъ, какъ бы боясь вновь оскорбить ее.—Я большой эгоистъ, но не настолько, чтобы губить вмѣстѣ съ собою дѣвушку. Мнѣ придется самого себя продать въ рабство... быть можетъ, вашей худшей непріятельницѣ... миссъ Проссеръ.

— Миссъ Проссеръ! Она для меня то же, что и я для нея... то-есть нуль.

— Вы ее соперница, быть можетъ, сами того не подозрѣвая; а это значитъ быть худшей непріятельницей женщины. Во всякомъ случаѣ, она васъ считаетъ своимъ врагомъ и, не переставая, язвить васъ за глаза; а я такъ низко, что поддакиваю ей, чтобы отвлечь ее подозрѣнія. Не правда ли, какая благородная роль? Но разъ человекъ рѣшился продаться, онъ уже ни передъ чѣмъ не останавливается.

Тутъ Кларфъ пришло въ голову, что онъ догадался о смыслѣ вчерашней сцены и старается заглядитъ какъ только можно слова, сказанныя имъ миссъ Проссеръ и услышанныя Кларой. Какъ бы то ни было, но дать ему почувствовать, что она поняла его — значило бы подтвердить его подозрѣнія. Кромѣ того, ей такъ хотѣлось вѣрить въ этого человека, что она отбросила эту мысль самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Неужели вы хотите сказать, что стараетесь понравиться миссъ Проссеръ, браня меня?—спросила она тономъ искренняго удивленія, сразу поколебавшимъ его увѣренность.

— Вы слишкомъ сильно выражаетесь. Я хотѣлъ сказать, что употребляю всѣ усилія, чтобы ослѣпить ревность миссъ Проссеръ на вашъ счетъ.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю; можетъ быть, вы извиняетесь за невыгодный обо мнѣ отзывъ, данный вами миссъ Проссеръ, думая, что мнѣ его передали? но мнѣ ничего не передавали.

— Вовсе нѣтъ, увѣряю васъ. Я только характеризую униженіе, до каковаго я дошелъ, и объясняю, почему я называю миссъ Проссеръ вашимъ злѣйшимъ врагомъ.

— Но вы не объясняли, почему я должна интересоваться вашими отношеніями къ миссъ Проссеръ.

— Я не смѣю объяснять этого. Я и безъ этого оскорбилъ

вась. Простите ли вы мнѣ вчерашнее? вотъ все, что я долженъ былъ сказать и что я хотѣлъ сказать, но увлекся надеждой на то, что вы меня пожалѣете. Простите, простите меня!—продолжалъ онъ, вставая и такъ близко наклоняясь къ ней, что она почувствовала его дыханіе на своихъ волосахъ.—Простите, простите!—повторилъ онъ и взялъ ее за руку, которую она слабо пыталась отнять.

— Скажите только: да, и я уйду, и общаюсь никогда больше не видѣть и не беспокоить вась.

— Пожалуйста, уйдите!—проговорила она такимъ трепещущимъ голосомъ, что Кросли понялъ, какую власть имѣетъ онъ надъ нею.

— Могу я вась повидать еще разъ? только одинъ? — молилъ онъ, все не выпуская ея руки, и, опустившись передъ нею на одно колѣно, старался заглянуть ей въ глаза. Но она упорно не поднимала ихъ и молчала.

— Если такъ, если это прощанье на вѣки, то я долженъ... я не могу иначе!..—закричалъ онъ и, обнявъ ее, повторилъ то оскорбленіе, за которое молилъ прощенія.

Она вскочила съ мѣста, взволнованная, но не по вчерашнему.

— Это неблагородно, низко съ вашей стороны! Уйдите, оставьте меня! Оставьте меня.

— Скажите только, что вы прощаете меня!

— Да, да, уходите, пожалуйста!

Онъ обнялъ ее съ отчаянной смѣлостью и поцѣловалъ долгимъ и страстнымъ поцѣлуемъ. И затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Это былъ, безъ сомнѣнія, курьезный способъ приносить повинную, повторяя то самое дѣяніе, въ которомъ винился,—но съ такой дѣвушкой, какъ Клара, онъ оказывался самымъ дѣйствительнымъ.

XVIII.

Отъ Рутвеновъ Годфри Кросли отправился прямо въ Голль, посмотреть, какъ дѣла. Въ Голль, услышавъ, что ни м-съ Веріенъ, ни Герберта нѣтъ дома, а только одна миссъ Проссеръ, онъ пожелалъ ее видѣть и былъ принятъ.

Онъ какъ будто не замѣтилъ ледяной холодности, съ какой она его встрѣтила, но сказалъ самымъ вѣрачивымъ тономъ:

— Я радъ, что засталъ вась одну.

И такъ какъ она ничего не отвѣтила, онъ продолжалъ:

— Вы, вѣроятно, не подозреваете, что насъ вчера слышали.

— Не понимаю, о чемъ вы говорите,—сухо проговорила она.

— Какъ? развѣ вы не слышали? Я попалъ въ очень неприятную исторію съ миссъ Рутвенъ изъ-за нашего разговора. Оказывается, что она была за занавѣсью въ то время, какъ мы откровенно бесѣдовали о ней на сценѣ и говорили, какъ вы припомните, не особенно лестныя вещи.

— О!—воскликнула Дженъ тономъ, говорившимъ: теперь все понятно.

Она была въ восторгѣ отъ того, что оказывалась права (какъ, впрочемъ, и всегда) относительно Клары.

— Въ ту минуту, какъ вы вышли изъ комнаты вмѣстѣ съ м-съ Веріенъ, я наткнулся на нее за занавѣсью. Я растерялся и предложилъ ей то самое, что предлагалъ передъ тѣмъ вамъ: прорепетировать сцену въ бесѣдѣ. Она поспѣшно согласилась, и мнѣ слѣдовало бы догадаться, что у нея недоброе на умѣ и она хочетъ отомстить, но я понялъ это только тогда, когда она ударила меня по лицу кулакомъ за то, что я будто бы зашелъ слишкомъ далеко въ роли влюбленнаго. По правдѣ сказать, я хотѣлъ задобрить ее.

— Я подозрѣвала нѣчто въ этомъ родѣ,—сказала Дженъ съ большимъ чѣмъ когда-либо самодовольствомъ.

Она была въ восхищеніи отъ своей догадливости и вѣрной характеристики Клары; ей и въ голову не приходило сомнѣваться въ правдивости исторіи, рассказанной Кросли; она не усомнилась даже и въ томъ, что онъ поцѣловалъ Клару, чтобы умилиститъ ее.

— Въ сущности, знаете, вѣдь очень неприятно было услышать такія вещи, какія я о ней говорилъ, и мнѣ досталось за дѣло.

— Но вы совсѣмъ иначе объяснили все это м-ру и м-съ Веріенъ.

— Что мнѣ было дѣлать? не могъ же я сказать имъ, что миссъ Рутвенъ подслушивала? я чувствовалъ себя виновнымъ относительно нея за свой оскорбительный отзывъ и радъ былъ какъ-нибудь загладить свою вину.

— Кто подслушиваетъ, тотъ самъ виноватъ, если услышитъ что-нибудь для себя неприятное,—объявила разсудительная Дженъ.

— Но если нечаянно услышишь, то нельзя же не слушать,—трудно удержаться. Вы, конечно, не стали бы слушать; но девяносто-девять изъ ста мужчинъ или женщинъ стали бы.

Дженъ отрицательно покачала головой.

— О, да, стали бы. Это такъ *на васъ* не похоже, что *вы* не можете этого понять. Но такъва человѣческая натура.

То былъ единственный способъ, какимъ онъ могъ намекнуть такому прозаическому созданію, какъ Дженъ, что она—ангелъ, не оскорбляя ея здраваго смысла. Но странно сказать, въ это утро Дженъ болѣе чѣмъ вчера расположена была слушать его льстивыя рѣчи, несмотря на то, что ей сообщила м-съ Веріенъ, или, вѣрнѣе сказать, потому самому.

Пока Дженъ была увѣрена въ любви Годфри Кросли, она мало придавала ей цѣны, но сомнѣніе, зароненное въ ней м-съ Веріенъ, заставило ее провести безсонную и даже безпокойную ночь.

Когда ей показалось, что онъ для нея потерянъ, она почувствовала, что онъ ей нравится, какъ мужчина, а слѣдовательно его нравственныя качества сразу отступили на задній планъ. Вѣдь и разсудительная Дженъ была такая же женщина, какъ и всякая другая.

Но сегодня онъ оправдался и съ нравственной стороны... въ глазахъ женщины, готовой принять всякія оправданія. И Годфри Кросли скоро убѣдился, что больше выигралъ, чѣмъ проигралъ отъ вчерашней исторіи. Онъ сталъ спрашивать совѣта Дженъ, какимъ образомъ умилостивить м-съ Веріенъ, не открывая ей, что Клара разсердилась главнымъ образомъ за то, что услышала о себѣ нелицезный отзывъ.

— Ей слѣдуетъ сказать всю правду,—рѣшительно объявила Дженъ.

— Врядъ-ли такъ будетъ хорошо. И кромѣ того мы, помните, осуждали также и м-съ Веріенъ за приглашеніе миссъ Рутвенъ участвовать въ спектакль, и это обнаружится, если мы припрѣмъ послѣднюю къ стѣнѣ. Нѣтъ, нѣтъ; я не могу сказать всего этого м-съ Веріенъ; я бы даже не сказалъ вамъ, еслибы не страхъ вашего осужденія. Я не забочусь о томъ, что думаютъ обо мнѣ другіе, но вы...

Тутъ онъ умоляетъ, какъ бы не смѣя сказать больше.

Но Дженъ своимъ молчаніемъ, смущеніемъ и опущенными глазами какъ бы приглашала высказать то, чего впередъ ожидала.

— Я всегда и во всемъ думаю прежде всего о томъ, какъ вы на это посмотрите, не только потому, что всего болѣе уважаю ваше сужденіе, но и потому... что не могу выбросить васъ изъ своей головы. Вы не разсердились?

И говоря это, онъ взялъ ее за руку, которую у него не отняли.

— Не могу выразить, какъ укрѣпляетъ и направляетъ меня на добро мысль о томъ, что вы скажете! И если бы вы согласились быть моею руководительницей и ангеломъ-хранителемъ на всю жизнь, я былъ бы и лучше, и счастливѣе; хотите, Дженъ?

На эту мольбу, проговоренную ей на ухо, разсудительная Дженъ нашла нужнымъ (хотя бы только для оправданія своихъ притязаній на здравый смыслъ) отвѣчать, что ей нужно время, чтобы обдумать... что такое дѣло слишкомъ серьезно и его нельзя рѣшить такъ поспѣшно и пр., и пр. Короче сказать, она приняла постъ руководителя, хранителя и наставника неотразимаго Годфри на всю жизнь.

М-съ Веріенъ, по возвращеніи отъ викарія, съ которымъ она горестно совѣщалась о сватовствѣ сына, нашла Дженъ и Годфри сидящими рядомъ на диванѣ, причемъ Годфри держалъ въ одной рукѣ руку Дженъ, а другою обнималъ ее за талію.

Дѣйствіе этого аркадскаго зрѣлища на нее было таково, что чета почувствовала себя неловко.

Годфри, какъ только приличія позволили, всталъ, чтобы протиснуться, и пожалъ ледяные кончики пальцевъ, протянутые ему м-съ Веріенъ.

— Мы рѣшили отложить спектакль, — сказала м-съ Веріенъ строго, обращаясь къ удивленной Дженъ.

Это рѣшеніе только-что пришло ей въ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ? очень жаль, — пробормоталъ Годфри.

Какъ только дверь за нимъ затворилась, Дженъ объявила м-съ Веріенъ:

— Я дала слово м-ру Кросли.

— Я это вижу, — отвѣчала м-съ Веріенъ ледянымъ тономъ.

— Мнѣ жаль, что вы этимъ какъ будто недовольны.

— Какъ можетъ кто-либо, а вы меньше, чѣмъ кто-нибудь другой, терпѣть м-ра Кросли послѣ его поведенія вчерашнимъ вечеромъ, это для меня непостижимо.

— Онъ объяснилъ мнѣ все.

— Объяснилъ? какъ могъ онъ объяснить?

— Онъ объяснилъ вполне удовлетворительно, — объявила Дженъ болѣе безапелляціоннымъ тономъ, чѣмъ когда-либо.

— Очень жаль, что онъ не могъ объяснить этого такъ удовлетворительно миссъ Рутвенъ, которая, судя по вашему о ней мнѣнію, не должна была бы быть такъ требовательна.

— Его объясненіе только подтвердило мое мнѣніе о миссъ Рутвенъ.

— То-есть, онъ очернилъ миссъ Рутвенъ, чтобы оправдать самого себя.

— Онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ; напротивъ того, онъ всячески оправдывалъ миссъ Рутвенъ и запретилъ мнѣ пересказывать о своемъ объясненіи кому-либо, такъ какъ оно служить не въ ея чести.

— Удивительно, какъ ей много чести отъ вашихъ словъ!— вскричала м-съ Веріенъ презрительно.

— Онъ не хотѣлъ, чтобы я ихъ говорила, и мнѣ не слѣдовало говорить. Вы много обяжете меня, если никому не повторите ихъ и вообще оставите этотъ предметъ, такъ какъ отъ него кромѣ неудовольствія ничего не можетъ выйти.

И Дженъ вышла изъ комнаты, чтобы приказать своей горничной немедленно укладываться.

Бѣдная м-съ Веріенъ была очень разстроена. Можно ли было представить себѣ болѣе неудовлетворительный исходъ всѣхъ ея дипломатическихъ манѣвровъ? Гербертъ и Дженъ, которыхъ она предназначала другъ для друга, обручились въ одинъ и тотъ же день съ такими неприятными для нея лицами, какъ миссъ Рутвенъ и м-ръ Кросли.

— Я сдѣлалъ миссъ Рутвенъ вчера предложеніе, — коротко и сухо объявилъ ей сынъ. — Я былъ такъ взволнованъ дерзостью Кросли, что не могъ удержаться.

— Теперь я понимаю ея волненіе! — воскликнула мать, точно вдругъ прозрѣла.

Она увѣрилась, что такъ же точно объяснилъ Дженъ поведеніе Клары и Годфри Кросли. Дѣвушка, увидѣвъ Герберта, вошедшаго въ комнату какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Кросли цѣловалъ ее, разыграла сцену негодующей скромницы.

Что касается ея блѣдности и искренняго, очевидно, волненія, когда она просталась съ м-съ Веріенъ, то они вполне объяснились предложеніемъ Герберта.

Эта мысль примиряла всѣ кажущіяся несообразности, и м-съ Веріенъ такъ въ нее увѣровала, что осталась глуха ко всѣмъ доказательствамъ Герберта, утверждавшаго, что Клара не могла его видѣть, такъ какъ стояла спиной къ двери.

Гербертъ съ своей стороны выходилъ изъ себя отъ обиднаго предположенія матери, что негодованіе Клары было одной лишь ловушкой, разставленной для него и въ которую онъ попался. Мать его очевидно была безнадежно восстановлена противъ

Клары, и всякая попытка оправдать ее и свой выбор поведеть только къ ссорѣ.

— Безполезно толковать объ этомъ, матушка, — заявилъ онъ, — такъ какъ вы составили свое сужденіе объ этомъ предметѣ, а я свое...

Мать увидѣла въ этихъ словахъ объявленіе войны, убѣдившее ее, что сынъ такъ же неисправимо упрямъ, какою онъ съ своей стороны считалъ мать. Поэтому никто не дѣлалъ больше попытокъ къ объясненію или примиренію, такъ какъ каждый боялся, что это поведеть только къ открытой ссорѣ.

Но безмолвная распря между сыномъ и матерью была такъ очевидна, что даже верховная цѣль всѣхъ respectable английскихъ людей — избѣжаніе скандала — была упущена изъ виду. Отказъ отъ домашняго спектакля и отъѣздъ изъ Голла миссъ Рутвенъ, миссъ Проссеръ и м-ра Кросли обсуждались оппозицій, то-есть всѣми неприглашенными, съ рвеніемъ, жаромъ и всесторонностью, не оставившими ничего невыясненнымъ или неразнесеннымъ въ пухъ и прахъ.

На балѣ, данномъ въ Голтѣ, отсутствовали, кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ лицъ, также и семья Керью. Но обитатели Уорстона гораздо меньше интересовались этимъ обстоятельствомъ, а потому и не объясняли его, хотя мы съ своей стороны считаемъ себя обязанными это сдѣлать.

Керью, хотя и получили приглашеніе на балъ и на всѣ репетиціи, не показывались въ Голтѣ по причинамъ, которыя мы изложимъ въ слѣдующей главѣ.

XIX.

Римляне называли неисправныхъ должниковъ, отдавая ихъ въ рабство; но это было лишь внѣшнимъ и очевиднымъ для всѣхъ выраженіемъ того дѣйствительнаго рабства, въ какое ставить долгъ щекотливаго и деликатнаго человѣка, который нерѣдко предпочелъ бы физическую неволю тревогъ, мученіямъ и униженію, какія приходится терпѣть неисправному должнику. Безъ сомнѣнія, человѣкъ, сознательно подвергающій себя такому унижительному поработченію, не можетъ быть ни чувствительнымъ, ни деликатнымъ. Но Джоржъ Керью нечаянно и даже безсознательно подпалъ ему; что касается бѣдной Китти, то она скорѣе согласилась бы просить милостыню, нежели дѣлать долги, и еще охотнѣе, чѣмъ то и другое, умерла бы съ голоду.

Но въ жизнь ея прокрался лучъ надежды и даже счастья, когда она увидѣла свою повѣсть напечатанною въ такомъ разборчивомъ журналѣ, какъ „Гептамеронъ“. Безъ сомнѣнія, для начинающаго автора было большой честью, что первая попытка его удостоилась вниманія такого журнала. Положимъ, полтораста фунтовъ стерлинговъ, полученные ею за первое и за второе изданіе повѣсти, были не Богъ вѣсть какой крупной суммой (хотя и щедрымъ гонораромъ для новичка), но они явились бы большой поддержкой въ домашнемъ хозяйствѣ, если бы она получала ихъ ежегодно.

Но она вскорѣ убѣдилась, что никакъ нельзя рассчитывать на такого рода постоянный доходъ. Потому ли, что она вся выписалась въ первомъ произведеніи, или причиною тому были заботы, тревоги и огорченія, губительнымъ образомъ повліявшія на ея талантъ, а только она потерпѣла неудачу во всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ. Рукопись за рукописью возвращалась ей, и ни одинъ журналъ не хотѣлъ печатать ни ея краткихъ очерковъ и повѣсти, ни ея второго романа. „Утокъ и Основа“, напечатанный въ „Гептамеронѣ“, написанъ былъ въ спокойныя минуты, между тѣмъ какъ послѣдующія произведенія писались подъ давленіемъ ежечасныхъ тревогъ и заботъ. Неудача эта была тяжкимъ ударомъ для Китти.

— Знаешь, чтѣ я тебѣ скажу, Китти: ты попала на ложную дорогу съ своими произведеніями,—говорилъ отецъ. — Публикѣ и издателямъ до смерти надобли психологическіе этюды, и они желаютъ романовъ съ происшествіями, сложной интригой и сенсационнаго характера. Какой толкъ въ романѣ, гдѣ вовсе нѣтъ романа? Повѣрь, что публикѣ нужна интересная завязка и развязка и побольше сенсационныхъ происшествій.

— Но, папа, „Утокъ и Основа“ вовсе не сенсационный романъ.

— Его вывезъ слогъ,—замѣтилъ отецъ, быть можетъ, не совсемъ безсознательно.

„Слогъ“ былъ единственнымъ его вкладомъ въ это произведеніе.

— Я не могу написать такого романа, папа, — отвѣчала она, немного помолчавъ. — Я этого не сдумѣю; не стоитъ и пробовать, если только... — прибавила она, спохватившись, — если только вы не придумаете за меня интригу и происшествія.

— Почему бы тебѣ не выбрать героемъ изобрѣтателя автоматическаго ткача, который совершенно устраняетъ участіе рукъ человеческихъ? Сколько интересныхъ эпизодовъ можетъ дать положеніе рабочихъ, трудъ которыхъ больше не требуется.

— Но читатель не повѣритъ въ машину, какой, какъ онъ знаетъ, не существуетъ.

— Ты представь, что модель сломана и сожжена, а изобрѣтатель убитъ чернью въ послѣдней главѣ.

— Другой и несчастливѣйшій Арерайтъ! Это было бы хорошимъ сюжетомъ для того, у кого хватило бы силъ съ нимъ справиться.

— Китти! такой романъ обогатитъ насъ!— вскричалъ отецъ, немедленно влюбляясь въ чашу своей фантази. — Я дамъ тебѣ всѣ подробности о несчастномъ изобрѣтателѣ и его машинѣ, а ты возьми на себя героиню съ ея романтической судьбой. Мы съ тобой прославимся этимъ романомъ.

Послѣ этого м-ръ Керью сталъ придумывать заглавіе для ихъ общаго произведенія, и предложилъ назвать его „Коршунъ Прометея“, хотя Китти находила такое заглавіе притязательнымъ и непонятнымъ.

Но, чтобы не огорчать отца и отвлечь его отъ злосчастныхъ изобрѣтеній, она согласилась привести въ исполненіе его затѣю. Но случилось нѣчто неожиданное и курьезное, разстроившее всѣ ея расчеты. Отецъ, придумавъ напыщенное заглавіе, занялся измышленіемъ машины, которую долженъ былъ изобрѣсти герой. Но только-что онъ сталъ разрабатывать идею автоматическаго теча, какъ она покорила его. Почему бы и въ самомъ дѣлѣ не создать машины, которая до нѣкоторой степени устранить необходимость въ человѣческихъ рукахъ? Вотъ вѣрный путь къ богатству! Идея эта окончательно покорила его; что касается „Коршуна Прометея“, то онъ забылъ о немъ и думать.

И такимъ образомъ вышло, что бѣдная Китти, желая отвлечь отца отъ его маніи, только содѣйствовала тому, чтобы онъ еще сильнѣе предался ей. И затѣя была на этотъ разъ вѣсе, безповоротнѣе и разорительнѣе всѣхъ предыдущихъ. Благодаря этой затѣѣ, Китти пришлось испытать самое тяжелое униженіе въ эти дни горькихъ испытаній.

Она теперь избѣгала людей вообще, но никого такъ старательно, какъ Герберта Веріена. По многимъ причинамъ—въ нѣкоторыхъ изъ нихъ она не признавалась самой себѣ—она настойчиво и неизмѣнно отклоняла, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, всѣ приглашенія въ Голль, пока наконецъ м-съ Веріенъ не отложила попеченіе снискать ея дружбу.

Велико поэтому было удивленіе Китти, когда Гербертъ Веріенъ два дня сряду появлялся у нихъ. Въ первый день онъ не засталъ отца, но на другой день тотъ былъ дома и принялъ Гер-

берта въ кабинетѣ. Они просидѣли нѣкоторое время взаперти, и затѣмъ, когда Гербертъ окончательно прощался съ м-ромъ Керью въ сѣняхъ, Китти услышала, какъ онъ сказалъ:

— Конечно, конечно, я такъ и смотрю на это, увѣряю васъ. Если вы позволите мнѣ взять извѣстное число акцій, когда дѣло будетъ пущено въ ходъ, то я сочту себя вполне, вполне вознагражденнымъ.

— Вы помѣстите наилучшимъ образомъ свой капиталъ, увѣряю васъ. Прощайте, м-ръ Веріенъ, и благодарю васъ, — отвѣчалъ ея отецъ.

У бѣдной Китти сердце упало. Ясно, что отецъ занялъ деньги, и вѣроятно очень большія, у м-ра Веріена, который, какъ она поняла изъ нѣкоторыхъ словъ м-съ Веріенъ, только и мечталъ какъ-нибудь заплатить за то, что она спасла ему жизнь. Ея отецъ тоже это зналъ, и, однако не затруднился извлечь изъ этого денежную выгоду!

Она поспѣшила къ нему въ кабинетъ, куда онъ вернулся, проводивъ Герберта.

— Отецъ,—сказала она нервнымъ и дрожащимъ голосомъ,— я слышала то, что сказалъ м-ръ Веріенъ въ сѣняхъ о займѣ у него денегъ. Развѣ ты думаешь, что мы въ состояніи будемъ уплатить ему?

— Заемъ?—закричалъ онъ, раскраснѣвшись и съ тѣмъ сумымъ, лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, который вы можете видѣть у игрока за карточнымъ столомъ:—Заемъ? это не заемъ, а выгодное помѣщеніе капитала,—я такъ ему и сказалъ—наивыгоднѣйшее изъ всѣхъ! Каждый фунтъ увеличится въ двадцать разъ до истеченія года.

— Я бы хотѣла, чтобы ты не бралъ у него денегъ, отецъ.

— Какъ же мнѣ быть иначе, Китти? Я не могу обратиться къ профессиональнымъ людямъ. Они уврадутъ у меня идею и опередятъ меня. Это слишкомъ крупное дѣло, чтобы съ нимъ обращаться къ кому-нибудь кромѣ настоящаго джентльмена.

— Но если не удастся?

— Китти! *удалось!*—хрипло кричалъ онъ, хлопая рукой по чертежамъ и глядя на нее съ безумнымъ выраженіемъ триумфа въ глазахъ. — Я могъ обмануть самого себя, хотя я сто разъ провѣрялъ и не нашель ни одной загвоздки, но я убѣдилъ его!..

Такимъ образомъ, добывъ необходимыя средства на модели и эксперименты, м-ръ Керью предался своему магнитъ описъ со всепоглощающимъ рвеніемъ алхимика среднихъ вѣковъ въ поискахъ за философскимъ камнемъ.

Тѣмъ временемъ бѣдной Китти приходилось бороться, какъ знаетъ, съ запутанными хозяйственными дѣлами. Горькое положеніе для гордой, деликатной и чувствительной дѣвушки! И она не могла даже ни съ кѣмъ посовѣтоваться, потому что дядя уже не разъ и сверхъ силъ помогалъ имъ, а у нея только и было прибѣжище, что дядя.

Однажды утромъ почта принесла ей отвергнутую рукопись, два крупныхъ счета для уплаты и дерзкое, жестокое письмо отъ взысканнаго заимодавца, возвѣщавшее, что онъ явится вслѣдъ за письмомъ, съ требованіемъ немедленной уплаты долга. Она показала его отцу.

— Дерзкій негодай!—вскричалъ тотъ, повраснѣвъ до бровей: въ это послѣднее время, благодаря бессоннымъ ночамъ, волненію и непрерывному и сильному умственному напряженію, онъ сталъ раздражителенъ—вещь для него новая. Но затѣмъ онъ прибавилъ спокойнѣе:

— Мы скоро покончимъ со всѣмъ этимъ, Китти!

— Но что намъ дѣлать теперь, папа?—съ отчаяніемъ спросила она.

— Я повидаюсь съ этимъ субъектомъ и объясню ему, что мѣсяца черезъ два долгъ будетъ сполна уплаченъ со всѣми процентами и процентами на проценты. Все это очень унижительно, душа моя, но мы стоимъ на поворотѣ въ лучшему и колесо фортуны скоро обернется въ нашу сторону.

— Но если онъ не согласится ждать? Это такое страшное письмо!— сказала она, опять взявъ письмо въ руки, но не рѣшаясь вторично прочитать его.

— Я жалѣю, что ты его прочитала, Китти,—отвѣчалъ отецъ, мигло вынимая изъ ея рукъ письмо.—Съ моей стороны большой эгоизмъ сваливать на тебя бремя этихъ заботъ; но все происходитъ отъ того, что мое вниманіе всецѣло поглощено вотъ этимъ...— и онъ положилъ руку на чертежъ, которымъ занимался, когда она вошла. И вдругъ что-то въ немъ привлекло его взглядъ, который онъ уже больше не отрывалъ отъ чертежа, позабывъ на мигновеніе о письмѣ и о Китти; только когда она выходила изъ комнаты, онъ, выведенный изъ задумчивости стукомъ двери, проговорилъ:

— Не безпокойся объ этомъ, Китти, я все улажу.

Но когда заимодавецъ явился, отца не было дома, и ей пришлось выйти вмѣсто него; озлобленный кредиторъ объявилъ, что будетъ сидѣть въ снѣгахъ до тѣхъ поръ, пока ему не заплатятъ по счету.

— Вы хотите видѣть моего отца?—спросила Китти дрожащимъ голосомъ.

— Я хочу видѣть свои деньги—вотъ что я хочу видѣть... мои деньги!

— Моего отца нѣтъ дома.

— Слышала; но я подожду. Я ждалъ два года, могу подождать еще часъ или два.

— Не хотите ли пройти въ кабинетъ? — спросила Китти, желая увести его подальше отъ сѣней, гдѣ могли все услышать слуги и увидѣть посѣтители.

— Нѣтъ, благодарю васъ, миссъ, вы пожалуй позабудете сказать, что я здѣсь. Мнѣ вѣрнѣе подождать тутъ, пока онъ не вернется.

— Вы, конечно, увидите его, когда онъ придетъ.

— Я такъ и намѣренъ, миссъ, и вотъ почему не сойду съ этого мѣста.

Китти ушла сконфуженная и разстроенная, но чаша униженія еще не была ею допита до конца. Когда отецъ ея вернулся наконецъ, то пришелъ въ сопровожденіи Герберта Веріена, который, думая, что находится наканунѣ продолжительнаго отъѣзда изъ Голла, нашелъ нужнымъ проститься съ Китти.

Не успѣли они войти въ домъ, какъ кредиторъ, котораго звали м-ръ Лунтонъ, набросился на своего должника, такъ свазать, какъ тигръ на добычу. Бѣдная Китти, услышавъ градъ ругательствъ и боясь, чтобы взбѣшенный кредиторъ не ударилъ ея отца, поспѣшила къ нему на помощь, блѣдная и трепещущая, и къ своему вѣщшему униженію нашла, что Гербертъ Веріенъ былъ свидѣтелемъ этой позорной сцены! Гербертъ же, въ тотъ моментъ, какъ увидѣлъ ее, былъ до глубины души тронутъ выраженіемъ муки на ея блѣдномъ лицѣ. Онъ схватилъ кредитора за плечи и вытолкнулъ его за дверь, которую заперъ за нимъ.

— Этотъ свотъ пьянь! Мнѣ такъ совѣстно... я пришелъ съ вами проститься... Я такъ сожалѣю...—кричалъ онъ нервно, сконфуженно и отрывисто, между тѣмъ какъ глаза его выражали живѣйшую симпатію.—Нѣтъ, благодарю васъ, я не войду... я зашелъ только проститься... Извините, мнѣ некогда. Прощайте.

И все время онъ держалъ ея холодную какъ ледъ руку въ своей и съ состраданіемъ глядѣлъ въ ея жалкое личико; воспоминаніе о немъ много дней послѣ того преслѣдовало его.

XX.

Если жалобное личико Китти преслѣдовало Герберта Веріена много дней спустя послѣ вышеописанной сцены, то и его лицо съ выраженіемъ соболѣзнованія и сочувствія неотступно стояло передъ нею. Неужели же она полюбила его? Сознательно—нѣтъ, конечно, хотя то чувство, какое онъ ей внушалъ, очень легко могло, при малѣйшемъ поощреніи, перейти въ любовь.

Всю ночь послѣ вышеописанной сцены не смыкала она глазъ и все время думала о Гербертѣ. То же самое было и во весь слѣдующій день. Онъ сказалъ, что пришелъ проститься передъ отъѣздомъ. Куда же онъ уѣзжаетъ? и на долго ли? опять въ кругосвѣтное путешествіе? Вѣроятно, потому, что поссорился съ матерью... изъ-за этой дѣвушки? Убѣдился онъ въ томъ, что она недостойна его, или же, наоборотъ, мать убѣдила его разстаться съ нею на время и попытать, какое дѣйствіе произведетъ разлука?

Китти презирала и почти ненавидѣла себя за эти догадки, но не могла отъ нихъ отдѣлаться.

Вечеромъ дядя разъяснилъ ей эту тайну.

Онъ пришелъ съ огорченнымъ лицомъ и устало сѣлъ.

— Ну, Китти, ты была права относительно Герберта.

— Какъ такъ?

— Онъ женился на этой дѣвушкѣ, какъ ты предсказывала съ самаго начала.

Она нѣсколько секундъ ничего не отвѣчала, затѣмъ проговорила почти машинально:

— Я не помню, чтобы я это предсказывала.

— О, да; на другой день послѣ того какъ спасла его отъ лучшей участи. Я утверждаю, что лучше ему было утонуть, чѣмъ жениться на дѣвушкѣ безъ совѣсти и безъ сердца, и которая вдобавокъ его не любитъ... потому что она его не любитъ! — вскричалъ викарій, вставая въ волненіи и принимаясь ходить по комнатѣ. — Чтѣ я говорилъ?—вдругъ спросилъ онъ, останавливаясь.

— Что она не любитъ его.

— Нѣтъ, раньше. О, да, ты не помнишь, какъ говорила на другой день послѣ того, какъ вытаскала его изъ воды, что миссъ Рутвенъ хочетъ выйти за него замужъ и выйдетъ наперекоръ его матери и даже ему самому?

— Не помню,—туло отвѣчала Китти.

— Нѣтъ, ты говорила, и такъ оно и вышло. Она женила его

на себѣ наперекоръ матери, ему самому и даже себѣ самой, потому что если у нея только есть сердце, то она отдала его этому Кросли. Словомъ, дѣло такъ худо, какъ только можетъ быть.

И такъ какъ Китти не отвѣчала, то онъ тревожно поглядѣлъ на нее и спросилъ:

— Ты нездорова, душа моя?

— Нѣтъ, дядюшка, я совсѣмъ здорова, — отвѣчала она съ ненужной поспѣшностью.

— Значить, у тебя заботы. Бѣдное дитя! у тебя столько своихъ заботъ, что тебѣ некогда думать о чужихъ. Должно быть, опять денегъ нѣтъ?

— И это, и все другое. Я не могу больше писать, потому что мнѣ все возвращаютъ назадъ. Коротенькую повѣстунку „Шахъ и Мать“ вернули вчера, а сегодня получила обратно очеркъ „Приходскіе политики“, который вы считали лучшею изъ написанныхъ мною вещей.

— Лучше въ юмористическомъ родѣ... и такъ оно и есть. Я думаю, они вовсе не читаютъ того, что имъ посылаютъ, Китти, — право, такъ.

— Я пойду скажу мамѣ, что вы здѣсь, — сказала Китти, которой хотѣлось поскорѣе услышать подробности о женитьбѣ Герберта.

Когда м-съ Керью вошла вмѣстѣ съ Китти въ комнату, в-варій сказалъ:

— Ну, что, хороши новости?

— Какія новости?

— Развѣ Китти не сказала тебѣ? Гербертъ обвинчался сегодня утромъ съ миссъ Рутвель.

— Не можетъ быть! — вскричала м-съ Керью, остолбенѣвъ среди комнаты.

— Обвинчался безъ дальнѣйшихъ церемоній въ церкви Сентъ-Джемса и единственнымъ свидѣтелями были: клеркъ и м-съ Рутвель.

— Ну?

— Я думаю, что это убьетъ его мать, хотя она сама во всемъ виновата.

— Чѣмъ же?

— Она подхватила оскорбительныя уорстонскія сплетни про дѣвчунку, и это такъ раздражило сына, что онъ погрозился немедленно на ней жениться, если мать не возьметъ обратно своихъ обвиненій. Но вы знаете, какъ упряма м-съ Веріенъ, и хотя Гербертъ довазалъ ей, что сплетни невѣрны, и дѣйствительно онѣ

были даже и невѣроятны, она тѣмъ не менѣе стояла на своемъ, и тогда Гербертъ сдѣлалъ какъ сказалъ, къ удовольствію Клары.

Этотъ разсказъ былъ вѣренъ въ томъ отношеніи, что м-съ Веріенъ высказала очень тяжкія обвиненія противъ Клары, Гербертъ доказалъ ихъ неосновательность, а Клара вышла изъ себя, когда это дошло до нея. Но послѣдшій бракъ вовсе не входилъ въ расчеты Клары и не былъ дѣломъ ея рукъ. Напротивъ того, она предпочитала быть свободной, пока оставалась хотя малѣйшая искра надежды завладѣть Годфри Кросли... то-есть, до тѣхъ поръ, пока послѣдній былъ неженатъ.

Но Гербертъ, объяснивъ ея отказъ немедленно обвиняться съ нимъ гордымъ негодованіемъ на человѣка, который могъ выслушивать спокойно такія обвиненія, взводимыя на любимую имъ дѣвушку, до того приставалъ къ ней, что вынудилъ дать свое согласіе, какъ доказательство любви и довѣрія къ нему.

Когда новость эту сообщили Джоржу Керью, онъ выслушалъ ее съ досаднымъ хладнокровіемъ.

— Такъ это онъ приходилъ прощаться, собираясь въ брачную поѣздку? — замѣтилъ онъ. — Ну, желаю ему счастья; онъ славный малый. Китти, не видала ли ты гдѣ мою линейку?

— Нѣтъ, папа.

— Должно быть, я ее куда-то засунулъ; какъ глупо! Ну, Ральфъ, чтѣ новаго?

— Ничего нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Аркрайтъ выдумалъ прядильную машину.

— Право, Джоржъ, я ужъ и не знаю, какихъ тебѣ требуется новостей, если женитьба м-ра Веріена на этой дѣвчонѣ по твоему не новость!

— Ба! свадьбы—это бабьи новости. Это единственныя новости, которыя онѣ читаютъ въ газетахъ.

— Но, въ несчастію, женщинѣ, чтобы выйти замужъ, надо найти мужа, и ты могъ бы пожалѣть бѣднаго Герберта, котораго самъ же ты называешь добрымъ малымъ,—сказалъ викарій.

— Какъ? жалѣть его отъ того, что онъ женился на самой хорошенькой дѣвушкѣ въ Уорстонѣ! Я скорѣе жалѣю тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ она отвергла, то-есть поль-города.

Тутъ м-съ Керью пришла въ неопisanную ярость.

— Вы, мужчины, ничего не цѣните въ женщинѣ, кромѣ хорошенькаго личика...

— И фигуры,—перебилъ Джоржъ.

— Пусть будетъ у нея дурной характеръ, или дурное сердце,

вамъ все равно, лишь бы у нея было хорошенькое личико, — продолжала м-съ Керью съ сердцемъ.

— Потому, мой другъ, — невозмутимо объяснялъ Джоржъ, — что между вами нѣтъ никакой другой разницы, кромѣ вашей внѣшности...

Nothing's new beside our faces,
Every woman is the same ¹⁾.

— Такія вещи говорить безнравственно! — вскричала м-съ Керью. — Какъ? нѣтъ никакой разницы между такой дѣвушкой, какъ миссъ Рутвенъ, и нашей Китти?

— Единственная разница — въ ихъ наружности и въ ихъ состояніи. Не правда ли, Китти: большая разница между семью тысячами фунтами стерлинговъ дохода и нулемъ, на который надо содержать отца и мать?

По этимъ рѣчамъ всякій, кто зналъ Джоржа Керью, догадался бы, что онъ питаетъ самыя радужныя надежды на ожидающую его удачу. Онъ не могъ ни думать, ни говорить о своихъ неудачахъ, если не рассчитывалъ восторжествовать въ самомъ не продолжительномъ времени и самымъ блестящимъ образомъ.

Китти хорошо это знала, и ее охватило грустное предчувствіе, что онъ придумалъ новое изобрѣтеніе. Поэтому она не удивилась, когда онъ отозвалъ ее въ сторону и сказалъ:

— Китти, я нашелъ, наконецъ.

— Да, папа, — отвѣчала она разсѣнно и уныло.

— Я былъ на невѣрномъ пути, не относительно механизма, но относительно матеріала. На бумагу нельзя надѣяться; но шелкъ — другое дѣло. Я начну съ лентъ, но это только повамѣстъ, такъ какъ всякая другая отрасль шолковаго производства будетъ лишь вопросомъ примѣненія и подробности... подробности и примѣненія, — повторилъ онъ машинально и задумчиво и послѣ того, помолчавъ съ минуту, восторженно вскричалъ:

— Это возможно! это возможно! и первое платье изъ сотканной матеріи будетъ для тебя, Китти. Погляди!.. но ты не въ состояніи понять машины, — остановился онъ, кладя карандашъ, который взялъ-было въ руки.

Разумѣется, Китти отлично понимала, что онъ самъ убѣдился въ непрактичности его первоначальной идеи и теперь ухватился за новую, которую ожидаетъ такая же участь, какъ и первую, послѣ того какъ онъ истратитъ на нее послѣднія деньги.

Неудачи его ничему не научили и ихъ будущее было без-

¹⁾ Ничто не ново кромѣ нашихъ лицъ, каждая женщина похожа на другую.

надежно; но ей въ эту минуту было почему-то все равно. Она не могла выказать даже притворнаго интереса къ радужнымъ фантазіямъ, которыя создавалъ ей отецъ, какъ ребенокъ мыльные пузыри, такъ что послѣдній замѣтилъ, наконецъ, ея вялость и апатію, какъ ни былъ поглощенъ своей мечтой.

— Ты больна, милая?

— У меня голова болитъ, папа; я пойду и полежу немного.

Но, проходя по сѣнямъ, она столкнулась со вчерашнимъ дерзкимъ кредиторомъ, м-ромъ Луитонемъ. Въ первый моментъ она вспомнила только, съ какимъ состраданіемъ и симпатіей глядѣлъ на нее вчера Гербертъ, и уже затѣмъ съ ужасомъ отскочила отъ м-ра Луитона, ожидая новыхъ и грубѣйшихъ оскорбленій. Но онъ не только не былъ грубъ и дерзокъ, а, напротивъ того, униженно вѣжливо, и изъ его безсвязныхъ благодарственныхъ словъ она поняла, что ему уплачено сполна по его счету. Но кѣмъ? разумѣется, не отцомъ. Она вернулась назадъ въ кабинетъ и сообщила отцу о визитѣ этого человѣка и о его цѣли.

— Это молодой Веріенъ заплатилъ ему, — рѣшилъ м-ръ Керью послѣ минутнаго раздумья. — Подумать, что онъ нашелъ время заняться этимъ дѣломъ наканунѣ свадьбы! Это не простой денежный долгъ, онъ долженъ быть уплаченъ, и будетъ, Китти, будетъ уплаченъ, не бойся. Самыя тяжелыя времена уже прожиты нами, милая.

XXI.

Романическія тревоги Китти, какъ бы ни были глубоки чувства, ихъ вызывавшія, не могли устоять передъ матеріальными заботами, скоро отгѣснившими ихъ на задній планъ.

Отецъ ея, истративъ всѣ деньги, какими могъ располагать, на многочисленныя предварительныя опыты, въ которыхъ понуждало его безпрестанное измѣненіе первоначальной идеи и на окончательное устройство, усовершенствованіе и снабженіе патентомъ своей машины, пустился объѣзжать различныхъ фабрикантовъ и капиталистовъ въ другихъ частяхъ Англій, потому что сосѣдніе обзывали его машину хорошенькой, но непрактической игрушкой.

Тѣмъ временемъ Китти предоставлено было одной бороться съ отчаянными трудностями въ ея домашнемъ хозяйствѣ. Она сократила издержки до послѣднихъ границъ: оставила въ домѣ только одну служанку въ лицѣ Бидди, ея бывшей кормилицы,

старой ирландки, годъ тому назадъ прїѣхавшей къ нимъ съ родины. Мать свою она отправила гостить къ родственникамъ въ Ирландію, подъ предлогомъ, что ей теперь очень удобно, въ отсутствіи мужа, навѣстить ихъ.

На дѣлѣ бѣдное дитя не рѣшалось подвергать мать тѣмъ лишеніямъ, какія терпѣла сама, и не хотѣла, чтобы она видѣла, до какой они дошли крайности.

Сама Китти съ охотой приняла бы предложеніе дяди перѣхатъ къ нимъ въ приходскій домъ, но ее удерживала невозможность разстаться съ Бидди. Старуха-кормилица прїѣхала погостить на мѣсяць, но прожила цѣлый годъ и похоже было, что проживетъ съ ними и весь остатокъ жизни. Эта сварливая и неуживчивая особа вела безустанную войну со всѣми товарищами-служанками и, безъ сомнѣнія, вызвала бы бунтъ среди приходской прислуги, избалованной мягкосердечной м-съ Крозье, которая придерживалась системы „царствовать, не управляя“. Девизомъ старухи Бидди могло бы быть: „Solitudinem facit, расем appellat“, потому что, настаивая на томъ, что единственной цѣлью въ жизни у нея „миръ и спокойствіе“, она, повидимому, могла добиться ихъ, только изгнавъ изъ кухни всѣхъ рѣшительно и превративъ ее въ пустыню.

Отъ этого Китти до сихъ поръ держала ее большею частью въ своей комнатѣ, въ родѣ какъ бы камеръ-фрейлины, пова не отпустила другихъ двухъ служанокъ, и тогда Бидди воцарилась къ кухнѣ на манеръ новаго Робинзона Крузо и повела хозяйство на свой ладъ. Собственныя сбереженія Бидди употребляла теперь на то, чтобы прикармливать свою питомицу. Съ этою цѣлью она, истощивъ различные другіе хитрые приемы, въ родѣ покупки провизіи по баснословно дешевой цѣнѣ, прибѣгла къ системѣ анонимныхъ подарковъ.

— Вы заказывали принести цыпленка, миссъ?

— Цыпленка? нѣтъ.

— Однако, вотъ онъ, цыпленокъ; ужъ Богъ знаетъ, кто его заказалъ:

— Это ошибка, Бидди.

— Конечно, ошибка, миссъ, потому что они забыли прислать кусочекъ свиного сала для фритюра. Я говорю дѣвчонѣ—такой, знаете, влопъ-дѣвчонка, которая принесла цыпленка, — говорю, знаете: это ошибка.

— Нѣтъ, говорить, знаете, это для миссъ Керью.

— А кто посылаетъ, знаете?—спрашиваю я.

— А не знаю, говорить.

— Да откуда ты принесла?—спрашиваю я.

— Не знаю, говоритъ она.

— Ты, можетъ, по дорогѣ его нашла?—спрашиваю я.

— Не знаю, говоритъ.

— А какъ тебя зовутъ, знаешь?

— Знаю, говоритъ, да не скажу.

И она убѣжала, прежде чѣмъ я успѣла опомниться. Такая воръ-дѣвчонка!

— Должно быть, дядюшка прислалъ.

— Похоже на то, миссъ.

— Конечно, онъ. Я его спрошу.

— Ай, нѣтъ, не надо, миссъ Китти. Ужъ, конечно, еслибы онъ хотѣлъ, чтобы вы знали, то послалъ бы вамъ, какъ посылалъ раньше другое чтò, съ Сусанной. Мнѣ сдается, онъ думаетъ, вамъ неприятна его помощь, и хочетъ оказать ее, не оскорбляя вашихъ чувствъ.

— Но мнѣ хочется знать.

— Конечно, вамъ хочется знать, миссъ Китти; только хочется ли ему, чтобы вы знали? Вѣрно нѣтъ, если онъ не говоритъ.

Доводы Бидди показались Китти довольно убѣдительными, и она не стала спрашивать дядю насчетъ анонимныхъ подарковъ, которые съ тѣхъ поръ всегда приписывала ему.

Но сбереженія Бидди скоро подошли къ концу и ей нечѣмъ стало наполнять истощенный кошелекъ Китти.

А что кошелекъ былъ истощенъ—это скоро стало извѣстно всей деревнѣ, такъ какъ торговцы сообщали другъ другу, кто и по сколько у нихъ забираетъ товару. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ счета были неоплачены, встревожились, и эта тревога повела къ слуху, неизвѣстно кѣмъ пущенному, о томъ, что м-ръ и м-съ Керью обратились въ бѣгство, оставивъ Китти, для отвода глазъ, пока они не окажутся въ безопасномъ мѣстѣ, куда и она затѣмъ отправится.

Слухи такого рода—точно эпидемія, причины которыхъ неизвѣстны; никто не знаетъ, какъ, откуда, почему, но они распространяются съ невѣроятной быстротой. Такимъ образомъ, вся деревня разомъ заговорила о томъ, что м-ръ и м-съ Керью уѣхали (порознь, чтобы не возбуждать подозрѣнія) въ Америку и что Китти не сегодня-завтра послѣдуетъ туда за ними, предоставивъ кредиторамъ плавать по своимъ денежкамъ...

По этому Бидди, куда бы она ни пришла, вездѣ встрѣчали вопросомъ:

— Итакъ, вы отправляетесь въ Америку, м-съ Девайнъ (фамилія Бидди)?

Бидди сначала вѣжливо и весело отвѣчала на вопросъ, пока не увидѣла, что онъ дѣлается не проста, и тогда разсвирѣбѣла.

— Я столько же на пути въ Америку, какъ вы на пути къ царствію небесному. Вамъ бы очень туда хотѣлось, да не попасть. Какъ? вы думаете, что я согласилась бы заживо схронить себя, вотъ уже скоро годъ, въ этой грязной трущобѣ, еслибы могла уѣхать въ Америку! Держи карманъ!

— Правда, вѣдь за переѣздъ-то надо заплатить денежки!— съ насмѣшкой проговорилъ угрюмый бакалейщикъ.

— Заплатить денежки!—вспыхнула Бидди и наговорила пропасть неприятныхъ вещей про нищихъ подвидышей, которые воспитывались на счетъ прихода, да на его же счетъ и помрутъ когда-нибудь въ рабочемъ домѣ.

Послѣ того Бидди потрясла кулакомъ у самага носа м-ра Эфраима Лайтовлера—такъ звали бакалейщика—и вышла изъ лавки, хлопнувъ дверью изо всей мочи.

Какъ и всегда, Бидди попала въ самое больное мѣсто своего противника и, еще пуще, его жены. При этомъ надо припомнить, что не одни хозяева выслушали оскорбительную тираду разгнѣванной ирландки, но двое или трое сосѣдей, находившихся въ лавкѣ.

Присутствіе этихъ постороннихъ лицъ особенно разъярило Бидди, такъ какъ обидный намекъ, высказанный публично, немедленно откликается, какъ эхо.

Но можно также себѣ представить бѣшенство Эфраима Лайтовлера, когда его попрекнули темнымъ происхожденіемъ въ присутствіи его покупателей; а бѣшенство м-съ Граціи Лайтовлеръ, его жены, было невообразимо.

— Дайте срокъ, и вы узнаете, кто у насъ нищія!—крикнулъ Эфраимъ вслѣдъ Бидди, торопливо просовывая руки въ рукава сюртука.

— Сиди въ лавкѣ,—рѣзко произнесла м-съ Эфраимъ,—и предоставь мнѣ развѣдаться съ этой ирландской пушерой.

И накинувъ шляпу на голову, она бросилась вонъ изъ лавки, на ходу завязывая ленты и не поглядѣвши даже въ зеркало—такъ она была разозлена.

Властная и себялюбивая бой-баба, державшая Эфраима подъ башмакомъ, она не хотѣла уступить ему удовольствія отдѣлать ирландскихъ дерзкихъ нищихъ такъ, какъ они того заслуживали.

Кромѣ того, лаконичный Эфраимъ и не сдумѣлъ бы этого

сдѣлать какъ слѣдуетъ. Эффраиму она предоставитъ преслѣдовать ихъ законнымъ порядкомъ за неплатежъ долговъ. Что онъ этого до сихъ поръ не сдѣлалъ—произошло не по недостатку подстрекательства со стороны этой новой Иезавели.

М-съ Эффраимъ принадлежала къ желчной сектѣ баптистовъ, нѣкоторые члены которой безпристрастно дѣлятъ мѣръ между собой и государственной церковью; послѣднюю они предають анаемѣ, а на себя призываютъ всѣ благословія Вѣтнаго Завета.

Грація Лайтовлеръ принадлежала къ числу такихъ злобныхъ сектантовъ, и мѣсть казалась ей тѣмъ слаще, что ея жертвой должна была сдѣлаться племянница викарія.

Между тѣмъ случилось такъ, что бѣдная Китти находилась какъ разъ въ это утро въ необыкновенно уныломъ настроеніи, вслѣдствіе безнадежнаго письма, полученнаго ею отъ отца. До сихъ поръ его письма хотя и сообщали о неудачахъ, но по крайней мѣрѣ предсказывали успѣхъ. Онѣ были веселы и оживлены надеждой, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ искренней. Сегодня же Китти читала въ его письмѣ только отчаяніе.

„Крегсъ-Отель, Глазго“.

„Милѣйшая Китти, я имѣлъ свиданіе съ самимъ Дунканомъ, и результатъ его, увы, обычный!.. Я сообщалъ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ о моихъ надеждахъ на него, какъ на изобрѣтателя и владѣльца многихъ промышленныхъ патентовъ, *но всѣ эти патенты взяты на изобрѣтенія профессиональных механиковъ.* Этимъ, короче сказать, все объясняется. Никто изъ специалистовъ никогда не увѣруетъ въ изобрѣтеніе дилеттанта, какъ бы оно ни было остроумно и хорошо доказано. Они смотрятъ на модель и слушаютъ объясненія съ *единственной цѣлью украсть идею изобрѣтенія и примѣнить ее для какого-нибудь будущаго собственнаго патента,* но они не признаютъ и не примутъ ее непосредственно отъ изобрѣтателя. Вотъ секретъ живѣйшаго вниманія и интереса, съ каковымъ они отмѣчаютъ каждую подробность и каждое движеніе модели! Я думалъ, какъ писалъ тебѣ, что этотъ интересъ и это вниманіе—хорошіе для меня признаки, но теперь я знаю, что они имѣли въ виду *ограбить* меня и ничего больше. Я такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что держу это перо, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ одинъ или нѣсколько патентовъ на машины, въ основаніи которыхъ ляжетъ моя идея, будутъ изъты этими людьми, которые увѣряютъ меня, что она неосуществима. Увидимъ. Если они надѣются, что я позволю безнаказанно ограбить себя, потому что у меня нѣтъ денегъ на то, чтобы

взять самому патентъ, то они очень ошибаются: я рѣшился составить компанію на акціяхъ для осуществленія моей идеи и охраненія ея отъ поддѣлокъ. Они думаютъ раздавить меня, зная, что я не дѣлецъ и не богатый человѣкъ, но я могу убѣдить богатыхъ и дѣловыхъ людей взять предпріятіе въ свои руки, и тогда посмотримъ.

„А пока я не знаю, что мнѣ дѣлать. У меня нѣтъ денегъ и я потерялъ надежду убѣдить кого-либо изъ специалистовъ купить или хотя бы испробовать мое изобрѣтеніе. Я такъ же, какъ и прежде, не сомнѣваюсь въ томъ, что оно въ высшей степени практично и принесло бы баснословныя выгоды для фабриканта или капиталиста, который принялъ бы его, но безусловно невозможно убѣдить ихъ, что дилеттантъ можетъ сдѣлать что-нибудь практичное и дѣльное. И вотъ какимъ образомъ золото остается зарытымъ въ землю за неимѣніемъ заступа, чтобы вырыть его! Это можетъ хоть кому разбить сердце. Придется написать твоему дядѣ и попросить его выслать мнѣ одинъ фунтъ или два на дорогу, такъ какъ у меня осталось всего лишь нѣсколько шиллинговъ, несмотря на величайшую экономію. Остаюсь, дорогая Китти, твой любящій отецъ, Джоржъ Керью“.

Для Китти, знавшей своего отца вдоль и поперекъ, отчаяніе сквозило въ каждой строчкѣ этого письма. Что касается намѣренія образовывать компанію на акціяхъ, то это было лишь вспышкой въ родѣ вспышки короля Лира:

Я натворю дѣлъ!

Какихъ—я самъ еще не знаю.

М-ръ Керью все время старался образовывать компанію за-одно съ попытками продать патентъ отдѣльному фабриканту.

На какомъ же основаніи онъ и занялъ денегъ у Герберта Веріена, какъ не на этомъ? Но этой надеждѣ или угрозѣ онъ и самъ не вѣрилъ; не вѣрила также Китти и въ его пламенные увѣренія въ непоколебимой вѣрѣ въ возможность и значительность своего изобрѣтенія; она понимала, что это просто крикъ отчаянія. Весь тонъ и все содержаніе письма своимъ противорѣчіемъ съ предыдущими удостовѣреніями бѣдную Китти, хорошо знавшую характеръ отца, что онъ признаетъ себя побѣжденнымъ, и, чтобы удалиться съ честью съ поля битвы, стрѣляетъ холостыми зарядами. Само собою разумѣется, что мысли Китти не формулировались въ такой непочтительной формѣ, да и вообще у нея не было никакихъ опредѣленныхъ и отчетливыхъ мыслей, а одно общее впечатлѣніе отчаянія, которымъ было проникнуто все письмо.

Новый жестокий ударъ, хотя и не неожиданный! Она, конечно, не раздѣляла радужныхъ надеждъ отца на его изобрѣтеніе. Какъ много другихъ такихъ же мыльныхъ пузырей, не менѣе блестящихъ, лопнуло столь же плачевно! Такимъ образомъ она была приготовлена въ этой послѣдней и горчайшей неудачѣ, и тѣмъ не менѣе ударъ сокрушилъ ее. Что дѣлать теперь? Чѣмъ уплатить долги? На какія средства жить?

Бѣдная Китти нѣкоторое время просидѣла въ оцѣпенѣніи, держа передъ собой письмо отца, затѣмъ встала и прошлась по комнатѣ, стараясь собраться съ мыслями и найти какой-нибудь выходъ изъ отчаяннаго положенія; но не вида никакого и чувствуя непреодолимую потребность въ симпатіи и добромъ совѣтѣ, сбѣжала съ лѣстницы, надѣла шляпку и поспѣшила въ вилларіэтъ.

Чтобы не проходить по деревнѣ, она пошла окольнымъ путемъ по тропинкѣ въ паркѣ Голла, гдѣ надѣялась въ отсутствіе Герберта никого не встрѣтить—ея единственное желаніе въ это злополучное время. Къ несчастію, однако, одна особа, встрѣча съ которой была бы наименѣе желательна для бѣдной Китти (еслибы она знала объ ея намѣреніяхъ), увидѣла, какъ она прошла въ калитку парка. М-съ Грація Лайтовлеръ, шагая по дорогѣ и видя, какъ ея жертва свернула съ нея въ паркъ, не преминула вообразить, что Китти желаетъ избѣжать съ нею встрѣчи: ея ограниченному уму представлялось, что той, конечно, извѣстна цѣль ея похода. М-съ Девайнъ—думала она—уже успѣла вернуться домой и сообщить о ссорѣ, произошедшей въ лавкѣ, своей госпожѣ, которая поэтому не хочетъ встрѣчаться съ ограбленнымъ и оскорбленнымъ кредиторомъ.

Итакъ, Грація ускорила шагъ и нагнала Китти, несмотря на то, что не имѣла права входить въ чужой паркъ безъ разрѣшенія владѣльца. Послѣднее только цуце подзадоривало ее.

Услышавъ за собой торопливые шаги, какъ будто нагонявшіе ее, Китти повернулась и очутилась лицомъ къ лицу съ разъяренной Граціей. Сначала у этой послѣдней вырывались только безсвязныя ругательства, но затѣмъ она перевела духъ, и самая отборная брань полилась потокомъ.

Бѣдная Китти стояла, окаменѣвъ какъ истуканъ, и сразу не могла даже разобратъ, въ чемъ дѣло. Но по нѣкоторымъ жестамъ и словамъ фурии, бичевавшей ее, Китти съ ужасомъ предположила, что м-съ Веріенъ находится по близости и слышитъ эту незкую брань. Когда Грація, изливъ весь запасъ ругательствъ, съ торжествомъ обратилась вспятъ и вышла изъ парка, Китти нѣсколько секундъ не могла двинуться съ мѣста и боялась огля-

нуться. Наконецъ, она рѣшилась повернуть голову и къ великому счастью никого не увидѣла.

Она вздохнула съ облегченіемъ и, подойдя къ ближайшей скамейкѣ, опустилась на нее, блѣдная и трепещущая.

Въ первую минуту она была такъ оглушена и озадачена внезапнымъ и бѣшеннымъ нападеніемъ Граціи, что даже не сообразила причины; но теперь слова, голосъ и жесты припоминались ей съ отчетливой ясностью и терзали ее подобно тому, какъ боль отъ ударовъ, нанесенныхъ неожиданно, ощущается только уже тогда, когда человѣкъ опомнится отъ удивленія, причиненнаго неожиданностью.

Недоставало только этого, чтобы она еще живѣе поняла весь ужасъ положенія! Долги предавали ихъ въ руки людей, подобныхъ этой женщинѣ, и они бичевали ихъ, какъ рабовладѣлецъ бичуетъ своего невольника, и изъ этого ужаснаго, позорнаго рабства она не видѣла исхода.

Она закрыла лицо руками, и слезы рѣвкой хлынули изъ ея глазъ.

Легкій порохъ заставилъ ее поднять голову, и она увидѣла передъ собой Герберта.

XXII.

— Извините, пожалуйста! — пробормоталъ Гербертъ, сконфуженный не менѣе, чѣмъ она.

— Я не знала, что вы вернулись, — отвѣчала Китти, вставая со скамейки, вся пунцовая отъ стыда.

— Пожалуйста, пожалуйста, сидите! Мнѣ такъ совѣстно, что я потревожилъ васъ; сядьте, пожалуйста! — закричалъ онъ съ такой, можно сказать, жаркой мольбой, что она могла бы показаться комичной въ виду ничтожности просьбы, еслибы не объяснялась его жалостью и смущеніемъ, что онъ засталъ ее въ слезахъ.

Китти сѣла почти машинально и повторила безпомощно:

— Я не знала, что вы вернулись.

— Да, мы вернулись вчера вечеромъ, совсѣмъ неожиданно.

Наступила минута смущеннаго молчанія.

— Я шелъ къ м-ру Керью, — проговорилъ Гербертъ, наконецъ.

— Его нѣтъ дома... онъ въ Шотландіи.

— Я этого не зналъ.

— Онъ уже два мѣсяца въ отсутствіи.

— Я надѣюсь, что м-съ Керью здорова?

— Она тоже уѣхала... въ Коннемару.

— Вы остались, значить, совсѣмъ одна?

— Да.

Новое молчаніе. Ничто не могло быть безсодержательнѣе этого разговора; но тонъ Герберта, хотя застѣнчивый, но выражавшій живѣйшую симпатію, былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Онъ выражалъ такъ же ясно, какъ и слова, борьбу между страхомъ показаться не деликатнымъ и желаніемъ выразить свое сочувствіе.

— Я бы желалъ, чтобы вы позволили намъ видѣться съ вами, — сказалъ онъ, наконецъ, просящимъ голосомъ.

— Вы очень добры, — отвѣчала она съ смущеніемъ.

— Мы, значить, увидимся?

— Благодарю васъ; надѣюсь, когда мама вернется, мы приѣдемъ въ Голль съ визитомъ.

— Съ визитомъ! Не знаю, какъ это случилось, но съ тѣхъ поръ, какъ вы спасли мою жизнь, вы постоянно избѣгали насъ. Вѣдь такъ? — спросилъ онъ съ откровенной, юношеской порывистостью.

— У насъ было много хлопотъ, м-ръ Веріенъ, — отвѣчала она трепещущимъ голосомъ.

— Но это не причина отвергать дружбу. Матушкѣ такъ хотѣлось подружиться съ вами, и мнѣ также, хотя, конечно, это въ счетъ не идетъ. Будемъ друзьями.

Невозможно было отвергнуть просьбу, высказанную съ такимъ жаромъ, тѣмъ болѣе, что Китти поняла, какую симпатію внушаютъ ему ея тяжкія обстоятельства. Она взяла протанутую руку и поблагодарила съ блѣдной улыбкой.

— Ужасно видѣть, что въ ваши годы васъ осаждаютъ заботы. Я хочу сказать, — прибавилъ онъ поспѣшно, точно катался по тонкому льду, который могъ каждую минуту подъ нимъ проломиться, — я хочу сказать, что, какъ говорилъ вашъ дядюшка, всѣ хлопоты по хозяйству находятся на вашихъ рукахъ.

— Теперь у меня хлопотъ съ хозяйствомъ немного, — отвѣчала она съ притворной безпечностью. — Я совсѣмъ одна.

— Такъ вы прожили всѣ эти два мѣсяца въ одиночествѣ?

— Да.

— И васъ беспокоили... я хочу сказать, что вамъ некому было довѣриться!

Его тонъ и манеры подсказали Китти, что онъ услышалъ нѣкоторые изъ ругательствъ Граціи и тотчасъ же убѣждалъ по-дальше, чтобы не видѣть и не слышать. Она такъ увѣрилась въ

этомъ, какъ еслибы собственными глазами видѣла его. Она покраснѣла до корня волосъ отъ стыда.

— У меня есть дядя,—пролепетала она.

— Конечно. Я о немъ не подумала. Мнѣ бы только хотѣлось, чтобы мы были друзьями. Знаете, когда я былъ въ отсутствіи, я часто думалъ о томъ, чѣмъ вамъ обязанъ и какъ мало благодарности я выказалъ вамъ... вѣроятно потому, что благодареніе слишкомъ велико.

— Я промочила для васъ ноги, вотъ и все. Всякій сдѣлалъ бы то же самое и я сдѣлала бы это для всякаго.

— Даже для негодной кошки; я помню, вашъ батюшка сравнилъ съ этимъ вашимъ подвигомъ то, что вы спасли мою жизнь.

— Да, помню, — отвѣтила она съ легкой улыбкой, которая, какъ солнечный лучъ, озарила все ея лицо.

Гербертъ подумалъ: „какая жалость, что такое прелестное и остроумное личико омрачается матеріальными заботами!“

— Но эта дрянная кошка оказалась, по крайней мѣрѣ, благодарной,—замѣтилъ онъ.

— На кошачій ладъ. Она позволяла себя кормить, ласкать и лелѣять.

— Я припоминаю, что встрѣтилъ въ Индіи нѣкоего д-ра Бомона, вылечившаго отъ холеры одного индуса низшей касты, и этотъ человѣкъ настаивалъ на томъ, что докторъ долженъ давать ему содержаніе во всю остальную его жизнь за то, что такъ чудесно его излечилъ! Онъ тоже былъ благодаренъ на манеръ вашей кошки.

— Но индусъ, быть можетъ, думалъ, что докторъ оказалъ ему плохую услугу, помѣшавъ умереть,—отвѣтила Китти, снова впадая въ меланхолію.

— Очень можетъ быть,—подтвердилъ и Гербертъ. Вздохъ и внезапно омрачившійся взглядъ подтвердили ей, что онъ уже сознаетъ, какую ошибку сдѣлалъ, женившись на Кларѣ.

— Но какъ же ваше обѣщаніе?—спросилъ онъ, дѣлая усиліе надъ собой, чтобы прогнать мрачныя мысли.

— Какое обѣщаніе?

— Что мы будемъ отнынѣ друзьями.

— Развѣ нужно обѣщать такія вещи?

— Зачѣмъ въ такомъ случаѣ вы раззнакомились съ нами? Вѣдь вы раззнакомились? согласитесь сами!

— Если хотите знать страшную правду: у меня нѣтъ нарядныхъ платьевъ для вашихъ вечеровъ... вотъ!

— Вы перестали бывать не только на вечерахъ, но и вообще у насъ въ домѣ.

— Еслибы вы не были мужчина, то поняли бы, что платья объясняютъ все рѣшительно.

— Нѣтъ, неправда, — положительно заявилъ онъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Вы очень горды, миссъ Керью.

— Я?

— Да. Хотѣлъ бы я знать, пріятно ли было бы вамъ чувствовать себя въ такомъ неоплатномъ долгу, какъ я передъ вами? Навѣрное непріятно. Вы бы не перенесли никакого долга ни передъ кѣмъ! — вскричалъ онъ съ большимъ жаромъ, нежели требовалось.

Но его очевидная и серьезная искренность была цѣлебнымъ бальзамомъ для удрученной души Китти, только-что подвергшейся страшному поруганію и вдобавокъ подозрѣвавшей, что Гербертъ былъ его свидѣтелемъ. Какъ бы то ни было, съ цекотливой почвы долговъ вообще онъ поспѣшилъ перейти къ своему частному обязательству передъ Китти.

— Знаете ли, мнѣ важется, вы бы, пожалуй, не влюбились человѣка, спасаго вамъ жизнь... до такой степени было бы вамъ нестерпимо бремя обязательства, — сказалъ онъ, смѣясь.

— Не знаю навѣрное; но думаю, что могла бы перенести благодарность къ человѣку, который сдѣлалъ для меня то же, что сдѣлалъ бы и для утопающей кошки.

— Вы непременно хотите поставить меня на одинъ уровень съ кошкой.

— Не васъ, но обязательство. Это дѣйствительно и есть настоящій уровень. Я бы желала, чтобы вы этому повѣрили, такъ какъ мнѣ очень неловко принимать незаслуженную благодарность; кромѣ того...

— Что такое?

— Кромѣ того, я думаю, вы правы, говоря, что люди чувствуютъ антипатію къ лицамъ, оказавшимъ имъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ большое благодѣяніе.

— Гордые люди, какъ вы, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Всѣ, я думаю, болѣе или менѣе; и благодарные люди такъ же, какъ и остальные.

Удивительно, какую перемѣну произвела женитьба въ ихъ отношеніяхъ. Она, конечно, прежде не говорила бы съ нимъ такъ свободно, разсудительно, въ особенности послѣ того, какъ онъ засталъ ее въ слезахъ. Но дѣвушки часто находятъ, что

общество женатыхъ мужчинъ пріятнѣе, чѣмъ холостыхъ, по той самой причинѣ, по какой мужчины находятъ общество замужнихъ женщинъ пріятнѣе, чѣмъ общество дѣвушекъ: по отсутствію всякой *aggrèe pensèe*.

Какъ бы то ни было, а Гербертъ съ изумленіемъ увидѣлъ Китти въ другомъ свѣтѣ, явившуюся теперь совсѣмъ новымъ лицомъ, и удивлялся глубинѣ взглядовъ, высказанныхъ ею въ послѣдовавшей между ними бесѣдѣ на тему тезиса Тацита: *Beneficia eo usque laeta sunt dum videntur exsolvi posse; ubi multum antevenere pro gratia odium redditur*.

Едва успѣвъ онъ завести рѣчь о томъ, что люди, напротивъ того, чувствуютъ расположеніе къ лицамъ, которымъ оказали услугу, и шутливо намекнулъ на то, что она составляетъ исключеніе изъ этого правила, такъ какъ, спасши его жизнь, стала избѣгать его, какъ вдругъ передъ ними появилась Клара.

Съ перваго же взгляда Китти увидѣла, что она въ ярости.

— Какъ поживаете, миссъ Керью?— сказала она, подавая ей руку самымъ небрежнымъ образомъ и, повернувшись къ Герберту, рѣзко замѣтила:

— Ты распорядился насчетъ того, чтобы эту женщину на будущее время никогда не впускали въ паркъ?

— Какую женщину?— спросилъ онъ, въ самомъ дѣлѣ не понимая, о чемъ она говоритъ.

— Женщину, которая только-что оскорбила миссъ Керью.

И, обращаясь къ Китти, прибавила съ ядовитой мягкостью:

— Намъ такъ жаль, миссъ Керью, что васъ оскорбили въ нашемъ паркѣ; но мы боялись ухудшить дѣло, прогнавъ женщину немедленно. Она была въ такомъ бѣшенствѣ!

Каждое слово вонзалось, какъ стрѣла, въ сердце Китти, и она тотчасъ же поняла безошибочно положеніе дѣла. Клара и Гербертъ вмѣстѣ слышали тираду Граціи; Гербертъ заставилъ Клару уйти. Онъ понималъ, съ какою горечью узнаетъ Китти, что ея униженію есть свидѣтели. Отведя Клару въ замокъ, онъ пошелъ къ Джоржу Керью, затѣмъ вѣроятно, чтобы предложить ему займы такую сумму денегъ, которая вывела бы его изъ затруднительнаго положенія. По дорогѣ онъ нашелъ Китти въ слезахъ. Тѣмъ временемъ Клара, встревоженная его отсутствіемъ, поспѣшила на поиски за нимъ не безъ ревниваго подозрѣнія (возбужденнаго его нервной заботливостью избавить Китти отъ униженія), что онъ пошелъ утѣшать миссъ Керью. Отсюда ея ярость, когда она застала его оживленно бесѣдующимъ съ Китти.

Китти поняла это изъ словъ и манеры Клары. Она онѣмѣла

отъ такого грубаго и ничѣмъ не вызваннаго оскорбленія, и только съ изумленіемъ глядѣла на Клару. Гербертъ тоже на минуту смутился, но прежде чѣмъ оба успѣли опомниться, Клара продолжала съ надменной дерзостью:

— Мы прикажемъ, чтобы ее на будущее время не пускали въ паркъ, такъ что вы будете въ безопасности *здѣсь* отъ такихъ оскорбленій.

— Едва-ли, — отвѣтила Китти такъ же надменно и съ такимъ же вызовомъ. — До свиданія, м-ръ Веріентъ, — прибавила она, обращаясь къ Герберту, пожала ему руку и пошла прочь, не обращая вниманія на Клару.

Въ поясненіе откровенной дерзости Клары слѣдуетъ сказать, что Гербертъ, получивъ извѣстіе отъ викарія о болѣзни его матери, настоялъ на немедленномъ отъѣздѣ изъ Парижа, и это раздражило Клару противъ него и противъ м-съ Веріентъ, съ которой она обращалась по пріѣздѣ невообразимо дерзко. Произошла новая и ярая ссора между нею и Гербертомъ, и тотъ, наконецъ, предложилъ пройтись по парку, чтобы разлучить хотя на время обидѣнныхъ женщинъ. Но прогулка повела къ ссорѣ нумеръ третій, такъ какъ поведеніе Герберта, когда онъ увелъ ее отъ Граціи и Китти, возбудило ревность Клары. Клара могла бѣшено ревновать, не чувствуя ни малѣйшей любви къ тому, кого она ревновала. Тщеславіе такъ же приводитъ къ ревности, какъ и любовь, и такая особа, какъ Клара, считаетъ привлекательность другой женщины высшимъ оскорбленіемъ, какое она только способна чувствовать.

Гербертъ показался себѣ униженно жалкимъ и безпомощнымъ во время ея перебранки съ Китти. Онъ удержался отъ всякаго вмѣшательства не только потому, что ссора съ женой при Китти и изъ-за Китти была бы вещью очень дурного тона, но еще и потому, что она навлекла бы на послѣднюю еще худшія оскорбленія.

Поэтому онъ сдерживался, пока Китти не ушла, а тогда, повернувшись къ Кларѣ, спокойно сказалъ:

— Я долженъ попросить тебя написать извинительное письмо миссъ Керью.

— Извинительное письмо... ей?

— Да, ты оскорбила ее грубѣйшимъ образомъ, за то, вѣроятно, что она спасла мою жизнь.

— Вѣроятно, ты условливался уплатить ей за это, рассчитавшись за нее въ мелочной лавочкѣ.

Гербертъ взглянулъ на нее въ неопisanномъ изумленіи. Вуль-

гарность ея мыслей была новымъ для него открытіемъ и явилась очень быстро вслѣдъ затѣмъ, что онъ открылъ ея дурной характеръ и дурное сердце. Худшее изъ всѣхъ открытій—что она вышла за него замужъ не по любви, а по меркантильнымъ расчетамъ—онъ сдѣлалъ уже черезъ мѣсяцъ послѣ ихъ брака. Въ дѣйствительности Клара, ненавидя всякое стѣсненіе и не будучи въ состояніи, да и не находя нужнымъ всю жизнь притворяться въ любви къ человѣку, за котораго вышла замужъ, рѣшила какъ можно скорѣе покончить съ ролью преданной и любящей жены, и это было крайне неполитично съ ея стороны, такъ какъ она могла вертѣть Гербертомъ, какъ хотѣла, до тѣхъ поръ, пока онъ былъ бы убѣжденъ въ ея любви. Но Клара никогда не была способна пожертвовать комфортомъ или удобствами данной минуты ради будущихъ благъ...

Гербертъ чувствовалъ себя безконечно несчастнымъ. Вульгарность Клары вызвала въ немъ особенно живое и яркое представленіе непоправимаго бѣдствія, какое онъ навлекъ на себя безразсудной женитьбой. Онъ повернулся, ни слова не говоря, и пошелъ прочь, куда глаза глядятъ, и бродилъ нѣсколько часовъ безцѣльно, пытаясь думать, но не въ состояніи собраться съ мыслями, и чувствуя только, что его давитъ какой-то кошмаръ.

Наконецъ, онъ очутился на берегу озера, на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла его мать въ тотъ день, какъ Китти спасла его, и вся сцена воскресла въ его памяти съ необыкновенной живостью. Какъ уже далекъ этотъ день, съ котораго началось роковое ослѣпленіе Кларой! А между тѣмъ прошло всего какихъ-нибудь два три мѣсяца. Какъ быстро наступило разочарованіе!

Въ сущности, мечта о счастіи была такъ кратковременна, благодаря необузданному характеру Клары и ея неспособности переносить какое бы то ни было стѣсненіе.

А. Э.

ВОПРОСЫ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

I.

Въ большей части государствъ чувствуется настоящая необходимость въ установленіи какихъ-либо положительныхъ мѣръ для охраны землевладѣнія и земледѣлія отъ полного разстройства и упадка. Въ богатыхъ отъ природы и густо населенныхъ странахъ, какъ въ Австро-Венгріи, Германіи, Франціи и Италіи, замѣчается странное явленіе: сельское хозяйство становится дѣломъ убыточнымъ для владѣльцевъ; оно не выноситъ бремени долговъ и платежей, лежащихъ на землевладѣніи и неизбѣжно возрастающихъ при помощи кредита и ипотечной системы. Многія тысячи поземельныхъ участковъ ежегодно подвергаются принудительной продажѣ съ публичнаго торга, и вырученныя суммы часто оказываются недостаточными для удовлетворенія кредиторовъ. Владѣльцы, особенно мелкіе, работаютъ уже на другихъ, а не для себя; обязательныя уплаты сонаслѣдникамъ, кредитнымъ учрежденіямъ, ростовщикамъ, государственному казначейству и общинамъ поглощаютъ часто всѣ доходы, такъ что личный трудъ едва вознаграждается при обработкѣ земли, и правильное веденіе хозяйства дѣлается почти невозможнымъ. Задолженность землевладѣнія увеличивается при переходѣ участковъ изъ рукъ въ руки, при семейныхъ раздѣлахъ, при расрочкахъ платежа покупной суммы и т. п., независимо отъ степени хозяйственной предусмотрительности отдѣльныхъ лицъ. Въ Австріи (не считая Галиціи и Буковины), съ 1870 по 1880 годъ, ежегодно продавалось съ

аукціона отъ четырехъ до двѣнадцати тысячъ среднихъ и преимущественно крестьянскихъ хозяйствъ, владѣльцы которыхъ превращались въ батраковъ или городскихъ пролетаріевъ, а ипотечные кредиторы теряли при этомъ значительную долю (иногда почти половину) своего номинальнаго капитала; такъ напр., въ 1880 году продано 12.540 участковъ, за которыми числилось ипотечнаго долга свыше $50\frac{1}{2}$ милліоновъ гульденовъ, а выручено отъ продажи всего $25\frac{3}{4}$ милліона. Все австрійское сельское хозяйство даетъ средній дефицитъ въ $7\frac{1}{2}$ милліоновъ въ годъ, т. е. этой суммы не хватаетъ для покрытія платежей, лежащихъ на землевладѣніи. Ипотечные долги въ Австріи равняются почти тремъ милліардамъ гульденовъ (2.722 мил. до 1883 г. по оффиціальному счету); во Франціи цифра задолженности доходитъ до семнадцати милліардовъ франковъ. Еслибы распределить ипотечное бремя между всѣмъ населеніемъ, то на каждого француза пришлось бы болѣе 500 фр. долга, на каждого итальянца—400 фр., на каждого австрійца—почти столько же. Въ Германіи, по приблизительному вычисленію (сдѣланному въ 1882 году), общее количество долговъ, обременяющихъ землевладѣніе, составляетъ около 25 милліардовъ марокъ, причемъ десять милліардовъ выпадаетъ на долю крестьянства; ежегодное увеличеніе задолженности опредѣлялось среднимъ числомъ въ 200 милліоновъ. Въ Пруссіи происходитъ ежегодно, какъ полагаютъ, около 25 тысячъ принудительныхъ продажъ сельскихъ земель; въ Баваріи въ одномъ 1880 году было такихъ экзекуцій 3.739, и подвергшіеся имъ участки оставались безъ обработки въ продолженіе 11 или 12 мѣсяцевъ, а передъ продажею были настолько разорены хищническими распоряженіями, что потребовались бы громадныя затраты капиталовъ для возстановленія производительнаго хозяйства. „Задолженность всего крестьянскаго землевладѣнія въ Германіи,—такъ резюмируетъ положеніе дѣлъ одинъ изъ нѣмецкихъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ,—возрастаетъ съ большою быстротою въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и во многихъ случаяхъ достигла уже такой высоты, что всякое дальнѣйшее увеличеніе грозитъ опасностью потери земли для владѣльца, а гдѣ задолженность не дошла еще до этого предѣльнаго пункта, тамъ она придвигается къ нему постепенно. Чѣмъ меньше размѣры участковъ, тѣмъ сильнѣе задолженность ихъ и тѣмъ больше простора для ея естественнаго послѣдствія—принудительной продажи. Задолженность происходитъ не вслѣдствіе привлеченія капитала къ земледѣлію для болѣе интензивной культуры, а вслѣдствіе выдѣленія извѣстныхъ частей номинальной цѣнности земли, въ

видѣ денежныхъ долговъ, образующихся при приобрѣтеніи участковъ съ разсрочкою платежа или при расчетахъ по раздѣламъ наслѣдства¹⁾).

Вопросъ о причинахъ такого печальнаго состоянія землевладѣнія породилъ обширную литературу, особенно въ Германіи, и можно сказать, что по этому предмету установились уже опредѣленные мнѣнія, почти не вызывающія серьезныхъ разногласій между теоретиками. Большинство изслѣдователей находитъ главные причины зла въ слѣдующихъ трехъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ неправильныхъ понятіяхъ и законахъ о поземельной собственности, унаслѣдованныхъ отъ римскаго права и основанныхъ на отождествленіи земли съ другими предметами частнаго обладанія; во-вторыхъ, въ упадкѣ или исчезновеніи сельскихъ поземельныхъ общинъ и въ исключительномъ господствѣ односторонняго индивидуализма въ землевладѣніи, и въ-третьихъ, въ неправильномъ устройствѣ поземельнаго кредита и въ ошибочномъ долговомъ законодательствѣ. Всѣ три причины сводятся къ извѣстнымъ формамъ государственной дѣятельности, направленной невѣрно, въ ущербъ народнымъ интересамъ: неудачные или неподходящіе законы, насильственно примѣняемые правительственною и судебною властью, извращаютъ природу землевладѣнія и обезпечиваютъ безусловное господство денежнаго капитала надъ поземельнымъ. Въ этомъ случаѣ нельзя говорить о невмѣшательствѣ; государство вмѣшивается постоянно и энергично, но не въ томъ направленіи, въ какомъ слѣдовало бы съ точки зрѣнія сознательной и разумной поземельной политики. Очевидно, что принудительныя продажи земель не могли бы имѣть мѣста безъ прямого участія правительственныхъ или судебныхъ агентовъ, что взглядъ на землю, какъ на товаръ, не имѣлъ бы практической силы, еслибы не былъ усвоенъ законодательствомъ, и что самыя понятія римскаго права вводились въ жизнь насильно, черезъ посредство законовъ и судебной практики.

Противъ римскаго юридическаго пониманія поземельной собственности столько говорилось въ нѣмецкой экономической литературѣ съ конца шестидесятихъ годовъ, что эта критика сдѣлалась уже какъ бы общимъ мѣстомъ, всѣми повторяемымъ. Нѣтъ, кажется, такой книги или брошюры о поземельномъ вопросѣ, гдѣ не осуждалось бы римское право съ его идеею о безуслов-

¹⁾ Kuno Frankenstein, Die Lage des bauerlichen Grundbesitzes in Deutschland etc. Jena, 1885, стр. 6—7, 48—4, и др. См. также August v. Miaskowski, Agrarpolitische Zeit- und Streitfragen, Leipzig, 1889, стр. 49—94; Karl Preser, Die Erhaltung des Bauernstandes, Leipzig, 1884, стр. 248, 285—6 и др.

номъ личномъ правѣ собственности на землю, какъ на обыкновенное частное имущество. Въ этомъ же смыслѣ высказывались и авторитетные ученые юристы, напр. Рудольфъ Иерингъ и Лоренцъ Штейнъ, такъ что вопросъ о непримѣнимости римскихъ юридическихъ понятій въ современнымъ условіямъ землевладѣнія можно признать теоретически рѣшеннымъ. Въмѣсто формальной юридической доктрины, рассматривающей хозяйственную жизнь съ точки зрѣнія отвлеченнаго индивидуализма, долженъ вновь вступить въ свои права старый „истинно германскій“ общинный духъ. Лоренцъ Штейнъ энергически доказываетъ необходимость восстановленія общины какъ стариннаго чисто-нѣмецкаго учрежденія, соответствующаго потребностямъ земледѣльческаго быта; община, какъ союзъ хозяевъ, должна—говоритъ онъ—принять въ свое завѣдываніе и поземельные долги, которые изъ личныхъ сдѣлались бы общественными ¹⁾.

Всѣми признано также пагубное дѣйствіе существующихъ законовъ о долгахъ и взыскаціяхъ по отношенію къ землевладѣнію; съ этими законами, имѣющими исключительно въ виду интересы займодавцевъ и ростовщиковъ, связана и ипотечная система, значительно облегчающая ростъ задолженности и освобождающая взыскателей отъ всякихъ заботъ. „Ипотечное право,—какъ выражается Францъ Штѣпель въ своихъ этюдахъ о социальной реформѣ,—есть самая утонченная и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснѣйшая, наиболѣе обременительная форма обложенія, какую только можно себѣ представить. Это законный институтъ, который, подобно учрежденіямъ рабства или крѣпостного права, существуетъ единственно лишь въ силу авторитета закона и долженъ будетъ исчезнуть въ тотъ моментъ, когда выяснятся передъ всѣми его истинная природа, его несправедливость и тиранія. Безъ ипотечнаго кредита были бы немислимы спекуляціи домами и безобразныя повышенія квартирныхъ цѣнъ. Ипотечный кредитъ, возникшій и выросшій на почвѣ спеціальнаго законодательства, поддерживался всѣми худшими наклонностями землевладѣльцевъ, пока не развился до такихъ размѣровъ, что грозитъ вполне задавить собой свободное движеніе и жизнь всего сельскаго хозяйства страны. Во многихъ мѣстностяхъ ипотечные займы почти навязывались владѣльцамъ, а съ увеличеніемъ кредита возвышается спросъ на землю и ея денежная цѣнность. Часто размѣры ссудъ доводились до наивысшей нормы, ибо тогда имѣнія съ наибольшою легкостью продаются: чѣмъ больше долговъ числится на

¹⁾ Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft, стр. 109—10, 183 и др.

поземельномъ участкѣ, тѣмъ скорѣе найдутся на него покупатели и тѣмъ меньше денегъ нужно для его приобрѣтенія. Но и покупная цѣна доведена зато до несоразмѣрной высоты, и новый владѣлецъ не можетъ уже освободиться отъ петли, въ которую самъ полѣзъ“¹⁾.

Когда установлены причины зла, то казалось бы, что не трудно уже найти способы леченія. Всѣ согласны въ томъ, что необходимо сохранить и поддержать крестьянское землевладѣніе и земледѣліе, обезпечить самостоятельное существованіе сельскаго класса или способствовать возрожденію его тамъ, гдѣ онъ сдѣлался жертвою неблагоприятныхъ историческихъ условій; никто не сомнѣвается также, что въ высшей степени желательно ограничить и ослабить господство денежнаго капитала надъ землевладѣніемъ, облегчить гнетъ задолженности, подрывающей основы сельскаго хозяйства, и возвратить землѣ ея природное назначеніе — быть источникомъ благосостоянія для воздѣлывающихъ ее людей. Задачи поземельной политики довольно ясны; но какъ достигнуть предположенныхъ широкихъ цѣлей?

Различныя практическія программы, выставленныя до сихъ поръ, сходятся только на почвѣ общихъ пожеланій, и существенныя разногласія возникаютъ всякій разъ, когда дѣло касается болѣе точнаго опредѣленія нужныхъ нововведеній и перемѣнъ. Многіе нѣмецкіе писатели придають большое значеніе принципу нераздѣльности крестьянскихъ семейныхъ участковъ и настоятельно требуютъ соотвѣтственной реформы законовъ о наслѣдствѣ при составленіи новаго гражданскаго кодекса для Германіи. Извѣстно, что въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ областяхъ предоставлено на волю владѣльцевъ заявить о внесеніи ихъ имѣній въ списки недѣлимыхъ семейныхъ хозяйствъ или дворовъ (Höfrolle), если эти имѣнія приносятъ чистый доходъ, обложенный поземельнымъ налогомъ, не ниже извѣстной нормы (75 марокъ въ Вестфалии, 60 м. въ Силезіи). Эти земли переходятъ по наслѣдству въ цѣльномъ составѣ къ одному изъ сыновей или близкихъ родственниковъ по назначенію владѣльца, а при отсутствіи такого назначенія — къ старшему сыну или къ другому ближайшему наслѣднику въ порядкѣ законнаго родства, причемъ лицамъ мужскаго пола отдается предпочтеніе передъ женскимъ. Законный или назначенный наслѣдникъ, называемый Anerbe, получаетъ въ свое владѣніе все хозяйство, съ обязательствомъ удовлетворить прочихъ сонаслѣдниковъ деньгами въ размѣрѣ опредѣленной доли

¹⁾ Franz Stöpel, Sociale Reform, IV и V (Der Grundbesitz), 1886, стр. 121—7.

реальной (за вычетомъ долговъ) цѣнности имѣнія. Этотъ порядокъ наслѣдованія, коренящійся отчасти въ старомъ народномъ обычаѣ, долженъ способствовать сохраненію крѣпкого и зажиточнаго крестьянскаго сословія, которому будто бы особенно грозитъ чрезмѣрное дробленіе участковъ. Въ настоящее время подобная система наслѣдованія въ землевладѣніи дѣйствуетъ факультативно въ нѣкоторыхъ прусскихъ провинціяхъ — Ганноверѣ, Вестфаліи, Силезіи, Бранденбургѣ, Лауенбургѣ, а также въ Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ и др.; за распространеніе ея на всю Германію, въ видѣ обязательнаго общаго закона, ратуютъ преимущественно консервативные дѣятели и публицисты, къ которымъ слѣдуетъ причислить и извѣстнаго изслѣдователя поземельныхъ отношеній, профессора Мясковскаго. Эти писатели находятъ, что правило о недѣлимости среднихъ и мелкихъ владѣній при переходѣ ихъ по наслѣдству можетъ принести гораздо больше дѣйствительной пользы, когда оно станетъ закономъ, примѣненіе котораго не будетъ зависѣть отъ доброй воли владѣльцевъ¹⁾. Другіе возражаютъ, что всѣ такіе законы направлены лишь къ образованію особой крестьянской аристократіи и должны имѣть своимъ послѣдствіемъ превращеніе большинства земледѣльцевъ въ пролетаріевъ; цѣльныя хозяйства сохраняются, но многочисленные участники этихъ хозяйствъ остаются безъ законнаго участія въ правахъ на землю и, въ сущности, приносятся въ жертву отдѣльнымъ привилегированнымъ лицамъ во имя предполагаемой пользы земледѣлія. Такъ какъ земледѣліе существуетъ для народа, а не наоборотъ, то сельскохозяйственные интересы не могутъ быть противопоставляемы жизненнымъ потребностямъ населенія, занимающагося обработкою земли. Принудительное введеніе принципа единогонаслѣдія создало бы новый и обширный источникъ развитія безземельнаго пролетаріата среди крестьянства; въ то же время оно едва ли было бы полезно для успѣховъ земледѣлія, ибо сопровождалось бы увеличеніемъ долговъ для уплаты наслѣдственныхъ долей сонаслѣдникамъ. Гдѣ нераздѣльность дѣйствительно полезна или необходима, тамъ она будетъ принята самими заинтересованными хозяевами, а гдѣ хозяйство уже разстроилось, запуталось въ долгахъ или ведется безтолково, тамъ не поможетъ и недѣлимость имѣнія. Земледѣліе падаетъ не отъ дробленія земли, — по справедливому замѣчанію г. Посникова, — а вслѣдствіе общихъ причинъ, по которымъ понижается благосостояніе хозяевъ; при этомъ

¹⁾ Miaskowski, тамъ же, стр. 131—200; Preser, стр. 349 и сл., 369 и др.; Kuno Frankenstein, стр. 91—4 и 127—9.

Клочокъ земли для каждаго все-таки лучше, чѣмъ ничего или чѣмъ искусственное благосостояніе немногихъ счастливицевъ на счетъ массы обдѣленныхъ, какъ при майоратствѣ или миноратствѣ и недѣлимости дворовъ въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. „Запрещеніе дѣлежа земли не уничтожаетъ причины, вызывающей необходимость чрезмѣрнаго дробленія, а лишь искусственно скрываетъ эту причину, ставя большинство подроостающаго населенія въ положеніе совсѣмъ необезпеченное“¹⁾.

Нѣмецкіе законы, упомянутые выше, въ сущности вовсе не стѣсняють свободы дробленія имущества: всякій владѣлецъ можетъ распоряжаться своимъ участкомъ по личному усмотрѣнію, можетъ дѣлить землю, отчуждать ее и обременять долгами, а также завѣщать нѣсколькимъ наслѣдникамъ; законный порядокъ наслѣдованія вступаетъ въ силу только при отсутствіи завѣщательныхъ или какихъ-либо другихъ распоряженій владѣльца. Тѣ льготныя основанія, на которыхъ имѣніе достается привилегированному наслѣднику, утилизируются нерѣдко для выгодной продажи земли въ постороннія руки, въ ущербъ обойденнымъ сонаслѣдникамъ, какъ это наблюдалось, между прочимъ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Нужно еще имѣть въ виду, что нѣмецкое „среднее“ землевладѣніе, называемое крестьянскимъ и охраняемое системою условнаго единонаслѣдія, далеко превышаетъ обычные размѣры крестьянскихъ хозяйствъ по нашимъ понятіямъ; такъ, въ сѣверо-восточной Германіи участки въ 150 гектаровъ причисляются къ среднимъ²⁾, а охранять такія хозяйства отъ раздѣла нѣтъ особенныхъ основаній съ народно-экономической точки зрѣнія. Законодатель не можетъ взять на себя опредѣленіе нормальной или наименьшей величины участковъ, необходимой для успѣшнаго хода земледѣлія; мелкія и дробныя хозяйства могутъ процвѣтать при интенсивной и старательной обработкѣ земли, или близъ большихъ городовъ, а болѣе значительное пространство владѣнія исключаетъ возможность того внимательнаго, любовнаго отношенія къ землѣ, которое повсюду характеризуетъ крестьянина-земледѣльца, воздѣлывающаго свой участокъ своимъ личнымъ трудомъ. Сохраненіе цѣльныхъ хозяйствъ средняго размѣра требуется преимущественно интересами самихъ владѣльцевъ и ихъ семействъ, и потому вопросъ о дѣлимости или недѣлимости участ-

¹⁾ А. Посникозь, Общинное землевладѣніе, 1878. Выпускъ II, стр. 186 и сл., 210.

²⁾ Th. v. der Goltz, въ „Handbuch der politischen Oekonomie“ Шенбегга 1866, т. II, стр. 77; о Höferecht тамъ же, Aug. Meitzen, Landwirtschaft, II Th., стр. 216.

ковъ долженъ быть предоставленъ практическому пониманію самихъ заинтересованныхъ лицъ, какъ это и принято вполне разумно нѣмецкими охранительными законами. Достаточно того, что дробленіе имущества устраняется или ограничивается при наслѣдованіи по закону, когда оно могло бы дѣйствительно сопровождаться разстройствомъ хозяйства, по сознанію владѣльцевъ, а послѣдніе остаются лучшими судьями въ оцѣнкѣ вреда или пользы раздѣла при данныхъ обстоятельствахъ. Нѣмецкій принципъ факультативнаго единонаслѣдія имѣетъ большія преимущества, какъ выработанный народною жизнью институтъ наслѣдственнаго права; но онъ рѣшительно неспособенъ поддержать крестьянское землевладѣніе, ослабѣвающее въ борьбѣ съ денежнымъ капиталомъ или съ крупною поземельною собственностью. Расширить дѣйствіе этихъ законовъ и установить нѣчто въ родѣ крестьянскихъ майоратовъ было бы желательно и выгодно для крупнаго землевладѣнія, нуждающагося въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, ибо контингентъ сельскихъ работниковъ могъ бы легко пополняться „кадетами“ крестьянскихъ семействъ, выброшенными изъ среды самостоятельнаго земледѣльческаго класса. Разумѣется само собою, что временныя выгоды крупныхъ хозяевъ далеко не уравновѣшивали бы неудобствъ и опасностей дальнѣйшаго увеличенія пролетаріата, которое, въ концѣ концовъ, создавало бы нѣкоторый рискъ и для крупной поземельной собственности.

Болѣе серьезныя и смѣлыя реформы предлагаются для устраненія чрезмѣрной задолженности землевладѣнія и для охраны его отъ разорительныхъ судебныхъ эзекуцій. Въ литературѣ дѣятельно пропагандируется мысль о ликвидаціи поземельныхъ долговъ при помощи государства; вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывается необходимость установленія извѣстныхъ предохранительныхъ мѣръ на будущее время, напр. запрещенія отдачи земель въ залогъ или освобожденія участковъ опредѣленнаго размѣра отъ ответственности за долги, какъ это принято во многихъ штатахъ Сѣверной Америки. Не останавливаясь пока на проектахъ послѣдняго рода, мы укажемъ только на крайнюю трудность и щекотливость задачи, касающейся облегченія тягостныхъ послѣдствій прежнихъ ошибокъ въ области поземельнаго кредита. Многимъ кажется совершенно естественнымъ, что государство возьметъ на себя устройство запутанныхъ финансовыхъ дѣлъ частныхъ землевладѣльцевъ; сами послѣдніе, конечно, твердо убѣждены въ пользѣ такого спасительнаго вмѣшательства, но и они не могутъ не видѣть, что ихъ интересы имѣютъ въ этомъ случаѣ чисто частный характеръ и сводятся лишь къ стремленію получить новыя иму-

щественныя средства на государственный или народный счет. Имѣнія переходятъ изъ рукъ въ руки съ переводомъ долговъ, иногда почти безъ всякихъ денежныхъ приплатъ; очевидно, было бы въ высшей степени странно требовать отъ государства, чтобы оно сдѣлало подарокъ нынѣшнимъ случайнымъ владѣльцамъ и увеличило цѣнность ихъ приобрѣтеній при помощи государственной казны. Землевладѣльцы закладывали свои земли и получали значительные денежные капиталы, соответственно номинальной цѣнѣ имѣній, и было бы, разумѣется, неразумно предполагать, что эти лица имѣютъ право оставить за собою одновременно и свободное владѣніе землею, и полученную часть денежнаго ея эквивалента. Государство не можетъ и не должно приносить какія-либо финансовыя жертвы для ликвидациі или облегченія частныхъ поземельныхъ долговъ; но оно обязано устранить тѣ тягости, которыя происходятъ отъ ошибокъ законодательства и правительственной политики. Законы и практика даютъ слишкомъ много власти имуществу надъ человѣкомъ, кредитору — надъ должникомъ, ростовщику — надъ его жертвою; капиталъ пользуется слишкомъ большими преимуществами предъ землевладѣніемъ, и законъ усиливаетъ эти преимущества, приравнивая землю къ капиталу, какъ бы въ видѣ ироніи.

Вся система поземельныхъ долговъ, какъ прекрасно доказалъ Родбертусъ, построена на ложной основѣ — на невѣрномъ пониманіи самой природы землевладѣнія. Съ этой стороны возможны широкіе преобразованія, безъ нарушенія чьихъ-либо матеріальныхъ правъ и безъ какихъ бы то ни было новыхъ формъ государственнаго вмѣшательства. Неудачные законы, насилующіе природу вещей, должны быть замѣнены другими, болѣе цѣлесообразными, вытекающими изъ реальныхъ условий жизни. Желаніе подчинить землевладѣніе тѣмъ юридическимъ правиламъ, которыя выработаны для движимыхъ имуществъ и для торговаго оборота, было источникомъ многихъ важныхъ погрѣшностей и недоразумѣній. Сельскохозяйственное поземельное владѣніе не подходитъ подъ понятіе капитала, по своимъ естественнымъ свойствамъ и особенностямъ. Капиталъ есть уже самъ по себѣ продуктъ, имѣетъ самъ по себѣ, независимо отъ своей доходности, известную цѣнность, входитъ цѣликомъ въ оборотъ производства и восстанавливается въ немъ весь, давая при этомъ прибыль и процентъ. Земля не имѣетъ денежной цѣнности сама по себѣ, независимо отъ дохода, и получаетъ свою цѣнность только отъ своей производительности; доходъ земли не можетъ опредѣляться ея цѣною, а напротивъ, цѣна ея зависитъ отъ доходности. Номинальная

цѣна имѣнія, рассчитанная по величинѣ дохода, есть въ сущности фиктивная величина; она увеличивается или уменьшается вмѣстѣ съ пониженіемъ или повышеніемъ нормы процента, принятой за основу исчисленія, хотя бы доходъ оставался тотъ же. Понятно, что цѣна имѣнія будетъ совсѣмъ другая при капитализаціи дохода изъ 5⁰/₀, чѣмъ при 4⁰/₀; поэтому происходятъ значительныя измѣненія въ денежной цѣнности земель, зависящія отъ колебаній процента, такъ что одна и та же сумма долговъ составляетъ большую или меньшую часть всей цѣны и можетъ даже превысить ее при упадкѣ цѣнъ на имѣнія. Такъ какъ повышение или пониженіе этихъ цѣнъ зависитъ отъ различныхъ причинъ, отчасти временныхъ и случайныхъ, то и размѣръ кредита, которымъ могутъ безнаказанно пользоваться владѣльцы, подвергается соотвѣственнымъ переменамъ, иногда довольно рѣзкимъ и сильнымъ. При высокой цѣнѣ земель или домовъ, самый благоразумный хозяинъ можетъ считать безопаснымъ извѣстное количество долга; но этотъ же долгъ разорить его, при внезапномъ упадкѣ цѣнности имѣній; такъ было, напр., въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда цѣны домовъ, ненормально повышенныя подъ вліяніемъ спекуляціи, понизились вдругъ почти на половину и оказались во многихъ случаяхъ ниже долговыхъ суммъ, обеспеченныхъ залогомъ. Въ этомъ несоотвѣтствіи между колеблющею номинальною цѣнностью имѣній и ихъ дѣйствительною стоимостью, зависящею отъ доходности, заключается главнѣйшій рискъ современнаго поземельнаго кредита. Если за основу кредита принимается денежная цѣна имѣнія и если долги ложатся на имѣніе въ видѣ капитальной суммы, то кредитная сдѣлка есть въ сущности замаскированная предварительная продажа, ибо, во-первыхъ, земля можетъ отвѣчать только своимъ доходомъ, а не своею номинальною цѣною, и во-вторыхъ, самый этотъ доходъ обыкновенно гораздо неустойчивѣе и ниже торговаго процента съ денежнаго капитала соотвѣстнаго размѣра. Землевладѣлецъ, берущій деньги подъ залогъ своего имѣнія съ уплатою такого процента, котораго не покрываетъ чистый доходъ съ земли, дѣлаетъ первый шагъ къ отчужденію имѣнія. Очевидно, для того, чтобы долги имѣли характеръ не предварительной продажной цѣны, а дѣйствительныхъ кредитныхъ обязательствъ, они должны сообразоваться съ доходомъ или рентою, а не съ фиктивною цѣнностью земли. Поземельные долги могутъ лежать только на рентѣ, а не на капитальной цѣнѣ имѣнія; они могутъ быть погашаемы только поземельнымъ доходомъ, въ видѣ ежегодныхъ уплатъ, и требованіе единовременнаго возврата всей суммы не

должно быть допускаемо, какъ противорѣчающее естественнымъ условіямъ землевладѣнія. Поземельная собственность, по замѣчанію Родбертуса, есть въ сельскохозяйственномъ смыслѣ вѣчная рента, и только въ этомъ значеніи она можетъ быть предметомъ кредитныхъ и иныхъ сдѣлокъ ¹⁾.

Трудно оспаривать теоретическую вѣрность этой доктрины вообще и особенно въ примѣненіи къ ипотечнымъ долгамъ. Государство не имѣетъ основанія навязывать землевладѣнію такіе законы, которые несогласны съ существенными свойствами и интересами сельскаго хозяйства. Система поземельнаго кредита нуждается, безъ сомнѣнія, въ коренной реформѣ, на основахъ специально-земледѣльческихъ потребностей и отношеній. Землевладѣніе составляетъ вообще настолько важную, самостоятельную и обширную область интересовъ, что оно заслуживаетъ имѣть свое особое поземельное право, приуроченное къ сельскохозяйственному быту, подобно тому какъ торговля имѣетъ свое торговое право, желѣзныя дороги — свое желѣзнодорожное право. Съ этой точки зрѣнія теорія Родбертуса встрѣтила общее сочувствіе въ нѣмецкой литературѣ, тѣмъ болѣе, что рентный принципъ имѣетъ почву въ старомъ нѣмецкомъ правѣ. Но поможетъ ли этотъ принципъ внѣшнему поколѣнію землевладѣльцевъ, обремененному непосильными долгами? Если существующіе ипотечные долги слишкомъ тяжелы для землевладѣнія, то они останутся такими и послѣ превращенія ихъ въ рентныя обязательства: поземельный доходъ окажется отягченнымъ свыше мѣры. Сумма долговъ при этомъ не измѣнится; она только выразится въ другой формѣ. Правильныя ежегодныя уплаты предполагаютъ постоянную и прочную поземельную ренту; но такая опредѣленность ренты едва ли возможна въ сельскомъ хозяйствѣ, при зависимости дохода отъ разныхъ природныхъ случайностей, отъ условій сбыта продуктовъ, отъ повышенія или упадка хлѣбныхъ цѣнъ. Поземельная рента могла имѣть самостоятельное значеніе и служить предметомъ сдѣлокъ въ прежнее время, когда хозяйство владѣльцевъ заключалось въ аккуратномъ взиманіи установленныхъ денежныхъ оброковъ и платежей съ крестьянъ; поэтому вѣчныя ренты были извѣстны и французскому, и германскому праву. Поземельная собственность была тогда дѣйствительно вѣчная рента; она давала постоянный, заранѣе опредѣленный и обезпеченный доходъ, произ-

¹⁾ Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. Th. I—II (Jena, 1869 и 1876). „Рентный принципъ“ Родбертуса усвоенъ Лоренцомъ Шрейномъ (Die drei Fragen, etc., стр. 178 — 193), Јегеромъ (Die Agrarfrage der Gegenwart, v. Dr. Eugen Jäger, Th. I—II) и другими.

волью повышаемый при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это была рента не съ земли, а съ крестьянскаго труда, и потому отличалась своею прочностью и постоянствомъ. Гдѣ теперь искать эту спокійную вѣчную ренту среди пережънчивыхъ условій сельскохозяйственнаго оборота? Не будетъ ли рента часто фиктивною величиною, столь же ненадежною и колеблющеюся, какъ и номинальныя цѣны имѣній? Еслибы поземельный кредитъ опредѣлялся степенью доходности, какъ это слѣдуетъ по здравому смыслу, то среднее землевладѣніе во многихъ мѣстностяхъ Россіи не могло бы вовсе быть обременяемо долгами, такъ какъ оно не даетъ никакой ренты, а иногда требуетъ даже приплатъ изъ постороннихъ источниковъ. Крупныя и среднія владѣльцы могутъ еще получать правильный доходъ при арендномъ способѣ хозяйства, собирая — по выраженію Адама Смита — „тамъ, гдѣ не съяли“; но и аренда, въ качествѣ временнаго и большею частью краткосрочнаго договорнаго отношенія, не можетъ считаться прочнымъ базисомъ для кредитныхъ обязательствъ.

Такимъ образомъ, ни номинальная цѣнность земли, ни поземельная рента не дають твердой точки опоры для сельскохозяйственнаго кредита; то, что называется поземельнымъ кредитомъ при залогѣ земель, есть въ сущности, какъ мы замѣтили уже выше, скрытая частичная продажа, за которую слѣдуетъ или своевременный выкупъ, или вынужденное дѣйствительное отчужденіе. Настоящій сельскохозяйственный кредитъ возможенъ только для хозяевъ, а не для простыхъ владѣльцевъ; онъ долженъ основываться на земледѣльческомъ производствѣ, а не на землевладѣніи и его рентѣ. Такой кредитъ не допускаетъ ни залога, ни ипотеки; онъ подлежитъ тѣмъ же началамъ, какъ и кредитъ промышленный, опирающійся на довѣріе къ производительности и доходности даннаго предпріятія. Земледѣліе можетъ привлекать къ себѣ капиталы, подобно всякому другому роду производства; если же оно не привлекало нужныхъ денежныхъ средствъ, то только потому, что къ кредиту обращалось вовсе не земледѣліе, а землевладѣніе, иссавшее денегъ не для производительныхъ цѣлей. Сельскохозяйственный промыселъ не настолько хуже другихъ, чтобы не находить для себя кредита въ предѣлахъ необходимости и пользы; отыскивается же кредитъ для массы торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, болѣе сомнительныхъ и рискованныхъ, чѣмъ земледѣліе. Кредитъ былъ бы гораздо доступнѣе, чѣмъ теперь, еслибы для него закрылась заманчивая и широкая область закладныхъ и ипотекъ, дающихъ высокой и повидимому вѣрный процентъ, безъ всякихъ заботъ и усилій; но какъ закрыть эту область выгоднаго

помѣщенія капиталовъ и какъ преобразовать землевладѣльческій кредитъ въ сельскохозяйственный—это остается загадкой будущаго. Государство можетъ упразднить или реформировать ипотечную систему и отказаться отъ покровительства поземельному кредиту въ нынѣшнемъ его видѣ; но нельзя запретить отдѣльнымъ лицамъ совершеніе такихъ сдѣлокъ, какъ отдача земли въ залогъ, пока земля признается частною собственностью этихъ лицъ. Если не запрещается продавать земельныя имущества, то можно обезпечивать ими и уплату долговъ; соглашенія такого рода неизбѣжно вытекаютъ изъ права частной собственности на землю. Въ результатъ оказывается, что чрезмѣрная задолженность и упадокъ сельскаго хозяйства не могутъ быть предупреждены при существующемъ поземельномъ строѣ. Серьезные изслѣдователи, какъ Шеффле, Лоренцъ Штейнъ и другіе, возлагаютъ свои надежды на общественную, корпоративную организацію землевладѣнія; ликвидація долговъ и пользованіе кредитомъ, какъ и вообще устройство общихъ поземельныхъ дѣлъ, должны составить задачу землевладѣльческихъ союзовъ, основанныхъ на началахъ взаимности и солидарности. Очевидно, эти союзы были бы совершенно недостаточны и безсильны, еслибы заключеніе ихъ зависѣло отъ свободныхъ договоровъ между частными владѣльцами; общинный духъ не можетъ быть искусственно созданъ тамъ, гдѣ нѣтъ для него почвы, а такая почва существуетъ только въ крестьянствѣ. Чтобы интересы землевладѣнія не расходились радикально съ потребностями и условіями земледѣлія, какъ это бываетъ теперь, для этого нужно совмѣщеніе землевладѣльческихъ функций съ сельскохозяйственными; отсюда сама собою возникаетъ мысль о ликвидаціи обремененной долгами поземельной собственности посредствомъ перехода земель къ крестьянскимъ общинамъ, на условіяхъ выкупа или на какихъ-либо другихъ основаніяхъ. Не приводитъ ли логически къ этой развязкѣ все современное положеніе вопроса въ Европѣ? Бесвыходная задолженность частнаго землевладѣнія какъ бы толкаетъ западно-европейскія общества на путь націонализаціи земли; эта же идея націонализаціи бессознательно лежитъ въ основѣ всѣхъ проектовъ, требующихъ облегченія и ликвидаціи поземельныхъ долговъ при помощи государства. Еслибы правительственная власть взяла на себя устроить запутанныя дѣла землевладѣнія на общегосударственный счетъ, она должна была бы прежде всего измѣнить традиціонное отношеніе законодательства къ различнымъ видамъ поземельной собственности и отказаться отъ односторонняго покровительства крупному личному владѣнію въ ущербъ народному, крестьянскому.

Даже консервативные нѣмецкіе публицисты признають теперь, что рѣшеніе кризиса возможно только при участіи двухъ важнѣйшихъ элементовъ земледѣльческаго быта—самостоятельнаго крестьянства и сельской общины. Извѣстно, что наиболѣе дѣятельные защитники общины и крестьянства въ Германіи и Австріи принадлежать въ числу консерваторовъ; это обстоятельство также имѣетъ свое значеніе. Многие возстають противъ индивидуализма въ поземельныхъ правахъ и отношеніяхъ, оставаясь въ то же время приверженцами индивидуальнаго права собственности на землю; предлагаютъ ограничить право залога и отчужденія участковъ одновременно съ сохраненіемъ принципа частной собственности, жалуются на бремя задолженности и требуютъ еще болѣе развитаго поземельнаго кредита. Эти неразрѣшимыя противорѣчія въ обычныхъ программахъ аграрной реформы нашли бы естественный выходъ путемъ восстановленія общинныхъ связей въ землевладѣніи. Трудно, однако, надѣяться на подобную мирную метаморфозу въ поземельномъ правѣ западной Европы; сами проповѣдники крестьянской общины смотрятъ на нее болѣею частью какъ на полезную опору для крупной поземельной собственности, причемъ вопросъ о положеніи этой послѣдней остается открытымъ.

Въ ряду практическихъ средствъ для охраны мелкаго и средняго землевладѣнія занимаетъ видное мѣсто принципъ неприкосновенности поземельныхъ участковъ извѣстнаго размѣра при взысканіи долговъ по суду; такіе участки, служащіе мѣстомъ жилища и хозяйства, не подлежатъ аресту и продажѣ по требованіямъ кредиторовъ. Это правило сѣверо-американскаго законодательства (Homestead and exemption-laws) важно не только само по себѣ, но особенно какъ выраженіе общаго взгляда на человѣческія права должниковъ и ихъ семействъ передъ судомъ займодавцевъ. Американскіе суды всегда проводили и поддерживали ту идею, что судебная власть не можетъ и не должна служить слѣпымъ исполнительнымъ орудіемъ въ рукахъ взыскателей, снабженныхъ формальными документами, ибо люди важнѣе имущества, и право на существованіе стоитъ впереди права на капиталъ съ процентами. Суды входятъ въ разборъ и оцѣнку долговыхъ требованій, не допускають отнятія у должника необходимыхъ средствъ къ жизни и вообще пользуются въ этомъ отношеніи значительною свободой, руководствуясь обстоятельствами каждаго даннаго случая. Спеціальныя законы объ охранѣ жилищъ и хозяйствъ отъ судебныхъ взысканій, существующіе въ большинствѣ штатовъ, имѣють непосредственную связь съ этою установившеюся практи-

кою по дѣламъ объ отвѣтственности за долги. Привилегія защиты устанавливается для отдѣльныхъ участковъ по желанію владѣльцевъ, съ цѣлью обезпеченія приюта для послѣднихъ и ихъ семействъ на случай какихъ-либо превратностей судьбы; каждый можетъ имѣть эти льготы только въ одномъ мѣстѣ, и цѣнность охраняемаго имущества не должна превышать извѣстной нормы, которая въ различныхъ штатахъ колеблется отъ 300 до 2.000 и даже до 5.000 долларовъ (въ Калифорніи и Невадѣ) для недвижимости, и отъ 100 до 2.000 для движимости. Замѣчательно, что въ числѣ вещей, признаваемыхъ необходимыми для жизни, особо упоминаются книги на сумму отъ 50 до 200 долларовъ въ различныхъ штатахъ. Не всегда, однако, эти поземельные участки остаются свободными отъ судебныхъ экзекуцій; есть такія обязательства, передъ которыми теряетъ силу законная привилегія, — это именно долги, составляющіе недоплаченную часть цѣны имѣнія, или заключенные передъ пріобрѣтеніемъ участка съ намѣреніемъ обмануть кредиторовъ, или возникшіе при устройствѣ хозяйства изъ расчетовъ съ рабочими и прислугою, или существовавшіе раньше установленія права homestead, наконецъ, платежи по судебнымъ приговорамъ ¹⁾ и т. п. Изъ этого видно, что практическое значеніе охранительнаго закона зависитъ главнымъ образомъ отъ суда, который можетъ устранить дѣйствіе привилегія, если найдетъ въ тому основательныя причины. При томъ независимомъ и высокомъ положеніи, какое занимаютъ судьи въ Америкѣ, и при той широкой свободѣ толкованія и примѣненія законовъ, которою они пользуются, принципъ охраны должниковъ долженъ дѣйствовать благотворно, безъ нарушенія чьихъ-либо справедливыхъ интересовъ; но для суда, привязаннаго къ формализму и рутинѣ, привыкшаго слѣдовать только буквѣ, а не духу закона, подобныя постановленія могли бы оказаться не по силамъ. Правило, имѣющее глубокой жизненный смыслъ, превратилось бы или въ простую формальность (еслибы законъ допускалъ изъятія въ пользу кредиторовъ), или въ источникъ злоупотребленій (еслибы изъятій не было). Установить безусловно, что имущество извѣстнаго размѣра освобождается отъ взысканій по суду при всякихъ вообще обстоятельствахъ, значило бы создать новый видъ легальнаго уклоненія отъ уплаты долговъ; иногда и кредиторы несправедливо лишались бы своихъ средствъ, которыя ловкій должникъ употребилъ бы на устройство и обзаведеніе неприкосновеннаго жилища или хозяйства. Не надо забывать, что

¹⁾ Die Heimstätte, von H. V. Pospischil (Wien, 1884), стр. 68—74.

какъ существуютъ профессиональные заимодавцы, такъ встрѣчаются и профессиональные должники, живущіе на чужой счетъ и устраивающіе фиктивные банкротства для поправленія своихъ дѣлъ. Конечно, въ мелкомъ землевладѣніи эти случаи недобросовѣстности бывають рѣже, чѣмъ въ городахъ; но американскіе охранительные законы примѣняются и къ городскимъ имуществамъ. Дѣло суда—оказывать покровительство честнымъ людямъ и хозяйствамъ, не давать хода злоупотребленіямъ подъ прикрытіемъ законности и предупреждать уловки, дѣлаемыя въ обходъ намѣреній законодателя; а такая задача требуетъ именно живого и свободнаго участія элемента справедливости въ мотивахъ и рѣшеніяхъ судебной власти,—элемента, играющаго самостоятельную и творческую роль только въ судахъ англійскихъ и американскихъ. Если заимствовать у американцевъ хорошіе законы, то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо усвоить ихъ судебные принципы, позволяющіе извлечь изъ законовъ всю желательную пользу и избѣгнуть неудобствъ буквального перетолкованія и пассивнаго примѣненія. Предположимъ, что владѣлецъ приобрѣлъ свой участокъ на чужія деньги или не желаетъ платить рабочимъ, участвовавшимъ въ постройкѣ его дома; формальный судъ не удовлетворитъ кредиторовъ, опираясь на *homestead-laws*, если эти спеціальные случаи не предусмотрены прямо въ законѣ, и такимъ образомъ, зажиточный хозяинъ будетъ безнаказанно пользоваться плодами чужого труда. Выключивъ же эти изытія въ законѣ, пришлось бы допустить другого рода усложненія: владѣльцы, нуждаясь въ деньгахъ, могли бы выдавать документы о томъ, что хозяйство устроено на средства заимодавцевъ или что послѣднимъ слѣдуетъ получить должныя суммы за работу, за поставленные матеріалы и т. п. Формальный судъ невольно подчинился бы законной силѣ документовъ и отдалъ бы должника въ жертву завѣдомому ростовщику; а судъ справедливости войдетъ въ разсмотрѣніе причины и условій сдѣланнаго долга, проверитъ содержаніе документа допросомъ свидѣтелей, приметъ въ расчетъ профессию кредитора-ростовщика и спокойно откажетъ ему въ предъявленномъ требованіи.

Отдѣльные охранительные законы мало помогутъ горю, безъ болѣе общаго измѣненія судебныхъ функцій и полномочій въ дѣлахъ о денежныхъ обязательствахъ и взысканіяхъ. Система формальныхъ доказательствъ, не допускающихъ спора, дѣлаетъ судъ прямолинейнымъ и безопаснымъ исполнителемъ требованій, быть можетъ, совершенно несправедливыхъ или крайне преувеличенныхъ по существу; судъ бессознательно становится бичомъ для неосто-

рожныхъ или несвѣдущихъ должниковъ, является невольнымъ пособникомъ ростовщичества, облеченнаго въ доспѣхи формальныхъ документовъ, и производитъ систематическое опустошеніе въ средѣ классовъ и лицъ, вынужденныхъ пользоваться услугами кредита. Мы не знаемъ болѣе пагубнаго заблужденія, чѣмъ тотъ распространенный взглядъ, въ силу котораго слѣпое подчиненіе документамъ необходимо будто бы для поддержанія кредита, а поддержаніе кредита есть будто бы задача суда и его исполнительныхъ органовъ. Интересамъ кредита приносятся въ жертву живые люди и ихъ семейства; поддержаніе кредита считается несравненно важнѣе поддержанія человѣческой жизни. Въ дѣйствительности, правильный, разумный кредитъ не нуждается въ такой жестокой и безразборчивой защитѣ. Интересы кредита имѣютъ первостепенное значеніе только въ торговомъ и промышленномъ мірѣ, гдѣ они и получаютъ своеобразную охрану въ строгостяхъ вексельнаго права; но въ этомъ денежномъ мірѣ кредитъ поддерживается вовсе не судебными эзекуціями, а чѣмъ-то другимъ — заботою о сохраненіи довѣрія и кредита на будущее время, стремленіемъ сохранить репутацію фирмы, которая сама есть капиталъ въ торговлѣ. Гдѣ приходится обращаться къ суду, тамъ нѣтъ уже кредита, а есть только послѣдствія ошибочныхъ расчетовъ; настоящій кредитъ избѣгаетъ всякаго соприкосновенія съ судебною властью. Плохъ тотъ кредитъ, который держится на страхѣ суда и взысканія; такой кредитъ вовсе не нуженъ торговлѣ и промышленности. Въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и поземельныхъ, суровость долговыхъ законовъ представляется уже совершенно безпричинною; она установлена какъ бы специально для исключительной пользы мироѣдовъ и для скорѣйшаго разоренія эксплуатируемыхъ ими должниковъ.

Не странно ли, что многія тысячи земледѣльческихъ хозяйствъ въ Европѣ ежегодно продаются съ молотка по распоряженіямъ властей, на основаніи несправедливыхъ законовъ, а серьезные публицисты жалуются по этому поводу на отсутствіе государственнаго вмѣшательства и на недостатокъ специальныхъ охранительныхъ мѣръ? Можно ли придумать болѣе сильное и настойчивое вмѣшательство, чѣмъ принудительныя судебныя эзекуціи, стояющія хозяевъ и ихъ семейства съ наслѣдственныхъ участковъ для удовлетворенія завѣдомо ростовщическихъ требованій? Пусть устранится это насильственное участіе исполнителей, и ростовщичество утратитъ значительную долю своей силы; достаточно лишь ограничить значеніе долговыхъ документовъ, допустить оспариваніе и провѣрку ихъ содержанія, предоставить суду входить въ раз-

смотрѣніе обстоятельствъ должника и кредитора, сдѣлать судъ вообще менѣе отвлеченно-формальнымъ, болѣе близкимъ къ дѣйствительнымъ условіямъ жизни и къ господствующимъ понятіямъ и обычаямъ народнымъ,—и гнетъ задолженности не приводилъ бы къ такимъ печальнымъ результатамъ, какъ нынѣ. Нужно отрѣшиться отъ идеи, что гражданское правосудіе существуетъ только для имущихъ и знающихъ, что оно есть нѣчто въ родѣ шахматной игры, гдѣ сильный всегда долженъ побѣждать слабого, и что оно не должно быть доступно другимъ соображеніямъ, кромѣ формально-юридическихъ; примѣръ англійскихъ и американскихъ судей, всегда вносящихъ въ свои рѣшенія чисто нравственные и общественные мотивы, показываетъ намъ наглядно, чѣмъ можетъ и долженъ быть судъ независимый, пронизанный живымъ пониманіемъ своего истиннаго назначенія. Особенно опасно узко-формальное направленіе законодательства и судебной практики въ странѣ, гдѣ большинство населенія вполнѣ безграмотно; тогда народное хозяйство незамѣтно опутывается сѣтью тягостныхъ обязательствъ и подвергается многочисленнымъ, послѣдовательнымъ ударамъ, противъ которыхъ безсильны частныя попытки противодѣйствія. Крестьянство спасается въ этихъ случаяхъ только своею административною и судебною обособленностью, ограничивающею сферу внѣшнихъ принудительныхъ вліяній на земледѣльческій бытъ деревень; но законы и документы проникаютъ повсюду, и бессознательное вмѣшательство власти совершается въ такихъ формахъ, которыя всего меньше желательны для государства.

Чтобы осуществить даже такую незначительную реформу, какъ признаніе неотчуждаемости поземельныхъ участковъ за долги, нуженъ былъ бы, по мнѣнію Мясковского, цѣлый переворотъ въ господствующихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ. Но еще болѣе переворотъ нуженъ былъ бы для освобожденія земель отъ бремени кредита и ипотечнаго права, для ограниченія власти денежныхъ документовъ надъ людьми и для совмѣщенія законности съ справедливостью;—на подобныя радикальныя перемѣны мало кто разсчитываетъ въ Европѣ. Крупное и среднее землевладѣніе предпочитаетъ добиваться временной матеріальной помощи отъ государства, пользуясь своимъ старымъ политическимъ вліяніемъ; болѣе отвлеченные охранительные проекты выпадаютъ на долю крестьянства. Землевладѣльцы взываютъ къ покровительству власти во имя нуждъ сельскаго хозяйства, требующихъ будто бы искусственнаго поднятія цѣнъ на продукты; высокія пошлины должны ослабить иностранную конкуренцію и увеличить поземельные доходы. Это одинъ изъ наиболѣе общедоступныхъ и соблазни-

тельных пунктов аграрной политики, имѣющей въ виду спеціальныя интересы землевладѣльческаго класса. Но каждое государство, закрывая свои рынки для иностранныхъ произведеній, этимъ самымъ готовитъ соотвѣтственную часть своему собственному вывозу, который также не будетъ допускаемъ въ чужіе предѣлы. Такъ какъ всѣ государства могутъ одинаково ограждать себя отъ иноземнаго ввоза, руководствуясь началами взаимности, то сбытъ продуктовъ за границу оказывается повсюду одинаково стѣсненнымъ, и всеобщая покровительственная система сводится къ бесплодной системѣ всеобщихъ стѣсненій, всеобщаго междунаго раздраженія и повсемѣстной дороговизны, безъ всякой реальной пользы для отдѣльныхъ странъ. То, что выгадывается, повидимому, ограниченіемъ иностранной конкуренціи, теряется закрытіемъ иноземныхъ рынковъ для собственной производительности; повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ увеличиваетъ доходы землевладѣльцевъ только временно и затѣмъ становится лишь номинальнымъ, вслѣдствіе соотвѣтственнаго увеличенія рабочей платы и вздорожанія продуктовъ всѣхъ другихъ отраслей промышленности. Если европейскія страны принимаютъ мѣры противъ ввоза американскаго хлѣба, то Соединенные Штаты въ свою очередь закроютъ свои границы для произведеній европейскихъ фабрикъ и заводовъ, какъ это отчасти и рѣшено теперь конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ, и протестовать противъ такого рѣшенія всего меньше подобаетъ протекціонистамъ, стоявшимъ за энергическую охрану земледѣлія отъ американскаго соперничества. Такъ-называемое покровительство сельскому хозяйству посредствомъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ имѣетъ въ сущности фиктивное значеніе: вмѣстѣ съ искусственнымъ повышеніемъ землевладѣльческой ренты возрастаетъ номинальная цѣна имѣній, которою опредѣляется и размѣръ возможнаго кредита, такъ что задолженность имѣетъ всѣ шансы роста и поглотить собою выгоды высокихъ цѣнъ на продукты, а затѣмъ эти выгоды совершенно исчезаютъ при перемѣнѣ владѣльцевъ, когда покровительственныя пошлины входятъ уже въ денежную оцѣнку имѣній. Новые владѣльцы требуютъ дальнѣйшаго повышенія пошлинъ, которое снова приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, и поземельный кризисъ, соединенный съ сельско-хозяйственнымъ, постепенно усложняется и запутывается, возлагая все болѣе трудныя задачи на государство.

Л. Слонимскій.

С. Т. АКСАКОВЪ

о

ГОГОЛЪ.

— „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“. Со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 годъ. Сочиненіе С. Т. Аксакова. (Р. Архивъ, 1890, кн. 8).

С. Т. Аксаковъ былъ одинъ изъ людей наиболѣе близкихъ къ Гоголю. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ его „другомъ“: дружба есть чувство взаимное, но взаимности въ обыкновенномъ смыслѣ слова здѣсь не было. Аксаковъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что у Гоголя вообще не было друзей, т.-е. людей къ нему горячо расположенныхъ, которымъ онъ самъ отвѣчалъ бы равной степенью расположенія и искренности. Всегда скрытный, онъ не довѣрялся вполнѣ, кажется, никому; но не могъ онъ оставаться и равнодушнымъ къ той горячей привязанности, какую встрѣчалъ со стороны многихъ близкихъ ему лицъ, и отвѣчалъ на нее извѣстнымъ болѣе или менѣе теплымъ расположеніемъ: въ числѣ такихъ лицъ были особенно старикъ Аксаковъ и его семья. Не многіе конечно относились къ Гоголю такъ сердечно, такъ просто и глубоко благожелательно, какъ семья Аксаковыхъ, и особенно глава этой семьи; Гоголь чувствовалъ себя здѣсь какъ дома; С. Т. Аксаковъ, съ самаго начала величайшій почитатель произведеній Гоголя, цѣнилъ въ немъ гениальное дарованіе и съ самой искренней тревогой переживалъ нравственныя и писательскія заботы Гоголя, сопровождавшія его съ первыхъ шаговъ его

творчества и до конца. С. Т. Аксаковъ еще не былъ тогда знаменитымъ авторомъ „Семейной хроники“, но извѣстенъ былъ въ московскихъ литературныхъ кругахъ, гдѣ онъ имѣлъ давнія дружескія связи, какъ просвѣщенный человѣкъ и высокій характеръ. Гоголь познакомился съ нимъ еще въ самую первую пору своей литературной дѣятельности, въ 1832 году; цѣлыхъ двадцать лѣтъ С. Т. Аксаковъ зналъ Гоголя; послѣдній видался постоянно, иногда каждодневно, съ Аксаковыми, когда живалъ въ Москвѣ, велъ съ ними дѣятельную переписку, когда отсутствовалъ; въ нему здѣсь привязаны были всѣ: кромѣ Аксакова-отца онъ встрѣчалъ расположеніе къ себѣ и отъ госпожи Аксаковой, и отъ дѣтей; Константинъ Аксаковъ былъ однимъ изъ самыхъ пламенныхъ почитателей, какихъ только имѣлъ Гоголь,—а онъ имѣлъ ихъ много. Не было двухъ характеровъ болѣе несходныхъ, даже противоположныхъ, чѣмъ Гоголь и С. Т. Аксаковъ: способный глубоко увлекаться поэтическими интересами и потому какъ юноша восторгавшійся произведеніями Гоголя, обширное значеніе которыхъ было, кажется, понятно ему съ самаго начала не менѣе, чѣмъ почитателямъ Гоголя въ молодомъ поколѣніи, С. Т. Аксаковъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми мистическими сторонами, какія рано появляются въ характерѣ и мысляхъ Гоголя. Это былъ, напротивъ, человѣкъ здраваго, реальнаго ума, смотрѣвшій на жизнь какъ она есть, умѣвшій найти и понять ея поэзію, но твердо стоявшій на землѣ; онъ могъ оцѣнить чужое религиозное настроеніе, но самъ говорилъ о себѣ, что онъ „плохой христіанинъ“, и религиозность, принимавшая мистическія и фантастическія формы, была ему непонятна и несочувственна. Какъ ни любилъ онъ Гоголя, онъ сохранялъ всегда извѣстное критическое отношеніе къ его мистическимъ настроеніямъ и не поддакивалъ Гоголю, какъ многіе другіе. По всему этому становятся по истинѣ драгоценными воспоминанія о Гоголѣ такого человѣка, какъ С. Т. Аксаковъ.

По смерти Гоголя, которая поразила его не столько какъ личная потеря, сколько какъ потеря общественная, С. Т. Аксаковъ счелъ своей обязанностью собрать свои воспоминанія о Гоголѣ; онъ полагалъ, что эта обязанность лежитъ и на всѣхъ тѣхъ, кто былъ съ нимъ близокъ, чтобы сохранить точныя свѣденія о писателѣ, имѣющемъ такое высокое значеніе въ нашей литературѣ. Онъ говоритъ въ предисловіи: „Исторія знакомства моего съ Гоголемъ, еще вполне не оконченная мною, писана была не для печати, или по крайней мѣрѣ для печати по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ, когда уже никого изъ выведенныхъ въ

ней лицъ давно не будетъ на свѣтѣ, когда цензура сдѣляется свободною или вовсе упразднится, когда русское общество привыкнетъ въ этой свободѣ и отложитъ ту щекотливость, ту подозрительную раздражительность, которая теперь болѣе всякой цензуры мѣшаетъ говорить откровенно, даже о давнопрошедшемъ. Я печатно предлагалъ всѣмъ друзьямъ и людямъ, коротко знавшимъ Гоголя, написать вполнѣ искренніе рассказы своего знакомства съ нимъ и такимъ образомъ оставить будущимъ біографамъ достовѣрные матеріалы для составленія полной и правдивой біографіи великаго писателя. Это была бы, по моему мнѣнію, истинная услуга исторіи русской литературы и потомству. Не знаю, принято ли кѣмъ нибудь мое предложеніе, но я почти исполнилъ свое намѣреніе". — Свои воспоминанія, судя по словамъ предисловія, С. Т. Аксаковъ началъ писать въ 1856 году, черезъ четыре года по смерти Гоголя.

Къ сожалѣнію, однако, предложеніе его не было принято никѣмъ изъ людей, близкихъ къ Гоголю: это были Жуковский, Плетневъ, Шевыревъ, Погдинъ, кн. Вяземскій, не говоря о другихъ лицахъ, менѣе извѣстныхъ, и никто изъ нихъ не далъ о Гоголѣ своихъ воспоминаній, между тѣмъ какъ ихъ показанія были бы чрезвычайно важны для той цѣли, какую имѣлъ въ виду С. Т. Аксаковъ. Не мудрено, что независимо и отъ условій цензурныхъ дѣло біографіи Гоголя стояло въ нашей литературѣ очень странно. Первый біографъ, г. Кулишъ, какъ извѣстно, вовсе не зналъ Гоголя лично; его сужденія бывали преувеличены и непоследовательны; но ему по крайней мѣрѣ принадлежитъ большая заслуга, что онъ, во-первыхъ, набросалъ первый цѣльный очеркъ біографіи и сдѣлалъ извѣстное изданіе сочиненій Гоголя, гдѣ въ первый и донинѣ единственный разъ собрана была его переписка, составляющая для біографіи драгоцѣннѣйшій матеріалъ. Близость времени, а также и цензурныя условія сдѣлали то, что эта переписка осталась крайне затемнена отсутствіемъ собственныхъ именъ лицъ, съ которыми Гоголь былъ въ сношеніяхъ или о которыхъ упоминалъ въ своихъ письмахъ. Эти лица обозначались въ изданіи г. Кулиша загадочными буквами, истолкованіе которыхъ сдѣлано было только недавно г. Шенрокомъ, работающимъ теперь съ такимъ усердіемъ надъ собираніемъ матеріала для біографіи Гоголя. Со времени появленія книги г. Кулиша и донинѣ не было сдѣлано никакой другой попытки изложенія этой біографіи. Отъ времени до времени появлялись одни отрывочные матеріалы для нея въ видѣ писемъ, отдѣльныхъ анекдотическихъ воспоминаній, и только въ послѣдніе годы стали по-

являться въ значительномъ изобиліи новыя письма Гоголя и письма къ нему, эпизодическія подробности объ его отношеніяхъ въ разнымъ близкимъ къ нему лицамъ, изслѣдованія о томъ, какъ создавались его различныя произведенія (какъ, напр., изслѣдованія г. Тихонравова о „Ревизорѣ“ и комментарий къ другимъ его произведеніямъ въ послѣднемъ, 10-мъ изданіи Гоголя). Такимъ образомъ теперь, почти черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Гоголя, еще только собирается матеріалъ для его биографіи; но уже нѣтъ голоса живыхъ свидѣтелей и кромѣ С. Т. Аксакова не осталось о немъ воспоминаній людей наиболѣе къ нему близкихъ. Говорятъ обыкновенно, что близость времени затрудняетъ составленіе биографіи, когда еще живы и дѣйствуютъ ближайшіе современники и со товарищи писателя; но и отдаленность времени вовсе не составляетъ удобства, когда ближайшіе свидѣтели не оставили своихъ показаній,—какъ это всего чаще бываетъ въ нашей литературѣ.

Понятно, какой глубокой интересъ получаютъ при этомъ воспоминанія С. Т. Аксакова, особливо при томъ личномъ отношеніи къ Гоголю, какое мы указывали и при глубокой искренности и прямотѣ автора этихъ воспоминаній. Задача изобразить характеръ Гоголя была весьма не легкая. Отношенія, какъ мы замѣтили, были съ двухъ сторонъ очень неровныя: если со стороны С. Т. Аксакова была очевидно прямая, открытая и глубокая привязанность, то Гоголь такою открытостью вовсе не отличался. Въ послѣдствіи онъ сознавался самому Аксакову, что не былъ даже съ нимъ искрененъ и откровененъ, какъ не былъ повидимому ни съ кѣмъ. Аксаковъ, кажется, долго не могъ понять этой черты Гоголя и ему нужно было потомъ придумывать психологическія объясненія, чтобы растолковать самому себѣ и другимъ проявленія этого страннаго характера. Другихъ эта скрытность, нерѣдко переходившая въ неправдивость, явную уклончивость, иногда крайне раздражала, наприм. Погодина, который не скрывалъ своихъ впечатлѣній и выражалъ ихъ довольно грубо; Аксаковъ старался примирять вспышки его раздраженія, объясняя, что вѣроятно исключительная натура Гоголя надѣлена особливо чувствительными нервами, которые дѣлаютъ его непохожимъ на другихъ людей. Когда давно уже, гораздо ранѣе выхода перваго тома „Мертвыхъ душъ“, въ Гоголѣ стали ясно сказываться задатки его религіозно-мистическаго настроенія, которое не оставляло его и до конца дней, С. Т. Аксаковъ пришелъ въ новое недоумѣніе. По складу его собственныхъ мыслей ему это настроеніе было непонятно и казалось ненормальнымъ. Когда Гоголь распространилъ и на Аксакова овладѣвшую имъ страсть поучать и со-

вѣтовалъ читать Оому Кемпійскаго, — какъ обыкновенно, по извѣстному рецепту (читать по одной главѣ въ день, или если глава большая, то половину главы, и затѣмъ предаться размышленіямъ), — Аксаковъ пришелъ въ настоящее раздраженіе и между прочимъ извѣщалъ Гоголя, что зналъ Оому Кемпійскаго, когда Гоголь еще не родился. Главное, что тревожило Аксакова, было то, что въ новомъ настроеніи Гоголя онъ предвидѣлъ великую опасность — упадка дарованія, въ чемъ онъ въ концѣ концовъ и не ошибся. Впослѣдствіи, когда Гоголь переносилъ ту дѣйствительно невыносимую внутреннюю борьбу своихъ христіанскихъ стремленій и задачъ, какія онъ ставилъ своей литературной дѣятельности, Аксакову это состояніе Гоголя казалось именно мучительнымъ стремленіемъ спасти погибавшій талантъ, который не повиновался новымъ запросамъ писателя. Появленіе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ наполнило Аксакова величайшей тревогой и негодованіемъ. Изданіе держалось въ секретѣ: оно исполнялось петербургскими друзьями Гоголя; Аксаковъ узналъ о немъ стороною, до него дошли слухи о характерѣ книги, нѣкоторыя подробности стали ему извѣстны, и онъ пытался остановить печатаніе книги, которую считалъ невозможной. Книга однако вышла, и Аксаковъ отнесся къ ней такъ же, какъ отнеслись и другіе страстные проверженцы Гоголя, много, болѣе молодого поколѣнія и иныхъ взглядовъ. Извѣстно, какія тяжелыя испытанія пришлось перенести Гоголю, когда онъ видѣлъ негодованіе, возбужденное книгой даже въ людяхъ, которые были его величайшими почитателями. Онъ былъ удрученъ; повидимому понималъ, сколько было въ книгѣ излишняго, ошибочнаго и высокоумѣрнаго; но затѣмъ имъ снова овладѣвала самонадѣянность. Не давая прямыхъ отвѣтовъ на тѣ возраженія, какія ему дѣлали, онъ говоритъ только, что всѣ могутъ ошибаться, что, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ошибаются и тѣ, кто на него нападаетъ, а затѣмъ опять возвращается на прежнее, говоритъ о высшихъ внушеніяхъ, о душевномъ дѣлѣ, которое лежитъ на немъ, о пользѣ испытаній и т. д. Однажды эта проповѣдь подѣйствовала на самого Аксакова. Въ любопытномъ письмѣ къ Гоголю онъ изображаетъ свое собственное душевное настроеніе, въ которомъ боролись между собою два человѣка: одинъ — прежній, обыкновенный Аксаковъ, который возстаетъ противъ мистическихъ умствованій, противъ преувеличенной религіозности, и другой, который начинаетъ думать, что есть эта высшая сфера религіознаго чувства, что она не только имѣетъ свое право, но и должна господствовать надъ обычной мелочной жизнью и ея логикой. Чрез-

вычайно любопытенъ разсказъ о первой встрѣчѣ Аксакова съ Гоголемъ, когда послѣдній вернулся, наконецъ, въ Россію, послѣ шестилѣтняго отсутствія и когда однажды Гоголь неожиданно предложилъ прочесть въ семействѣ Аксакова отрывокъ изъ „Мертвыхъ Душъ“. Сначала думали, что Гоголь, читавшій, какъ извѣстно, мастерски, хотѣлъ прочесть что-нибудь изъ перваго тома; всѣ были поражены и особенно С. Т. Аксаковъ, когда оказалось, что Гоголь хотѣлъ прочесть изъ второй части, никому до тѣхъ поръ неизвѣстной. С. Т. Аксаковъ не могъ скрыть своего волненія, которое, кажется, почувствовалъ и Гоголь; предстояло увидѣть: сохранился ли прежній могущественный талантъ, за судьбу котораго Аксаковъ такъ боялся. Чтеніе привело слушателей въ восторгъ; Аксаковъ успокоился въ своихъ опасеніяхъ, хотя послѣ сознавался, что при этомъ чтеніи онъ старался „подбодрить“ свои впечатлѣнія; сдѣланы были, однако, нѣкоторыя замѣчанія, которыми Гоголь воспользовался; послѣ онъ читалъ опять Аксакову ту же главу изъ второй части—она показалась Аксакову еще лучше. Собственно говоря, надо было въ самомъ дѣлѣ „подбодрить“ впечатлѣнія, чтобы увидѣть во второй части тотъ же самый талантъ; въ дѣйствительности, въ той же мѣрѣ его не было. Когда въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Гоголь жилъ въ Москвѣ, Аксаковъ не видѣлъ его,—онъ жилъ тогда въ своемъ имѣніи Абрамцовѣ; но Гоголя видала семья Аксаковыхъ и въ письмахъ его дочери сохранились нѣкоторыя подробности о Гоголѣ въ послѣдніе дни его жизни. Какъ мы сказали, смерть Гоголя поразила Аксакова, какъ великая общественная потеря. Передъ концомъ С. Т. Аксаковъ убѣдился въ главномъ — въ полной искренности Гоголя. По его смерти Аксаковъ написалъ небольшую статью, посвященную объясненію и апологіи характера Гоголя, какъ чловека, и впоследствии въ болѣе развитомъ видѣ онъ повторилъ эту апологію и приглашалъ здѣсь лицъ, близко знавшихъ Гоголя, собрать о немъ свои воспоминанія.

Въ этихъ рамкахъ заключается разсказъ С. Т. Аксакова и собранные имъ матеріалы. Самый разсказъ остался, въ сожалѣнію, неконченнымъ: онъ доведенъ только до послѣднихъ мѣсяцевъ 1843 года (стр. 1—117 настоящей книги); издатель (г. Н. М. Павловъ) продолжилъ разсказъ (стр. 117—206) сообщеніемъ матеріаловъ, какіе были собраны Аксаковымъ для этой работы и здѣсь только связаны объяснительными примѣчаніями издателя. Эти матеріалы заключаются въ подлинныхъ письмахъ Аксакова къ Гоголю и Гоголя къ нему до 1852 года; въ выдержкахъ изъ дневника старшей дочери С. Т. Аксакова, Вѣры Сергѣевны, изъ писемъ

ея и другихъ лицъ, гдѣ есть относящіяся къ Гоголю свѣденія; въ черновыхъ наброскахъ самого С. Т. Аксакова, предназначавшихся для той же работы, въ перепискѣ по поводу смерти Гоголя. Надо жалѣть, что этотъ трудъ остался недовершенъ самимъ С. Т. Аксаковымъ, потому что, безъ сомнѣнія, излагая самъ сношенія съ Гоголемъ въ послѣдній годъ его жизни, онъ сосредоточилъ бы факты въ болѣе полную характеристику Гоголя, чѣмъ та, какую можно теперь извлечь изъ его труда. Но во всякомъ случаѣ и въ настоящемъ видѣ воспоминанія исполнены величайшаго интереса. Нѣчто изъ этихъ воспоминаній и писемъ Аксакова сообщалъ г. Кулишу, когда послѣдній занятъ былъ составленіемъ біографіи Гоголя; теперь воспоминанія рассказаны несравненно подробнѣе, а письма Гоголя и самого Аксакова приведены сполна.

Для будущаго біографа Гоголя здѣсь найдутся въ изобиліи любопытныя черты его характера и его психологическихъ состояній. Первое знакомство С. Т. Аксакова съ Гоголемъ произошло еще въ 1832 году, когда Погодинъ неожиданно привезъ его въ домъ Аксаковыхъ. Гоголь былъ еще только авторомъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диваньки“; книга была уже прочтена и всѣ ею восхищались, такъ что появленіе Гоголя было принято съ удовольствіемъ, хотя на первый разъ въ знакомствѣ была какая-то неловкость. „Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленные воротнички придавали совсѣмъ другую фیزیономію его лицу: намъ повезало, что въ немъ было что-то хохлатое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство“. Константину Аксакову, который встрѣтилъ Гоголя съ большою пылкостью, также „не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ безъ исключенія невыгодное, несимпатичное впечатлѣніе“. Гоголь уже успѣлъ ему сказать, что онъ „былъ прежде толстякъ, а теперь боленъ“. Черезъ нѣсколько дней С. Т. Аксаковъ опять увидѣлся съ Гоголемъ: „Я обратился къ нему съ искренними похвалами его Диванькѣ; но видно слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и онъ принялъ ихъ очень сухо. Вообще въ немъ было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искренняго увлеченія и изліянія, къ которымъ я способенъ до излишества... Онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни (я не зналъ тогда, что онъ говорилъ объ этомъ Константину) и сказалъ даже, что боленъ неизлечимо. Смотря на него изумленными и недоувѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ

его: „Да чѣмъ же вы больны?“ Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина болѣзни его находится въ вѣшкахъ“. Вообще впечатлѣнія перваго личнаго знакомства были непріятныя, но уже тогда Гоголь съ другой стороны произвелъ на Аксакова большое впечатлѣніе. Въ разговорѣ о тогдашней литературѣ Аксаковъ „легкомысленно“ замѣтилъ, что у насъ писать не о чемъ, что наша жизнь пуста и однообразна. „Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что „это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“. Можетъ быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами; но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что русская комедія его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взглядъ на нее“.

Болѣе близкія отношенія начались черезъ два года, въ 1834, когда Гоголь успѣлъ уже издать „Миргородъ“ и „Арабески“, когда были уже написаны „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Тарась Бульба“. Съ перваго свиданія въ этотъ прїездъ Гоголя въ Москву, отношенія его къ Аксаковымъ были гораздо болѣе дружескими; они полагали, что Гоголь вѣроятно наслушался отъ Погодина объ ихъ горячей въ нему привязанности, поэтому и сталъ къ нимъ ближе.

Аксаковъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ этого времени, показывавшихъ, какъ мало еще понимали Гоголя въ это время. Въ 1839 году Аксаковъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ у него было не мало знакомыхъ и прїятелей. „Во всемъ кругѣ моихъ старыхъ товарищей и друзей, во всемъ кругѣ моихъ знакомыхъ я не встрѣтилъ ни одного человѣка, кому бы нравился Гоголь и кто бы цѣнилъ его вполне. Даже никого, кто бы всего его прочелъ! О, Петербургъ, о, пошло-дѣловой Петербургъ!“ Онъ указываетъ, напр., своего стараго товарища, Владиміра Ивановича Панаева—литератора и члена россійской академіи; но извѣстно, что этотъ литераторъ былъ самый старомодный, а членъ россійской академіи именно и не долженъ былъ понимать Гоголя. Негодованіе на Петербургъ было однако совершенно напрасно. Въ Москвѣ Аксаковъ указывалъ совершенно такое же непониманіе у самаго подлиннаго москвича, Загоскина. На одномъ обѣдѣ въ Петербургѣ у прїятеля его Карташевскаго, гдѣ были литераторы и тайные совѣтники, шла рѣчь и о Гоголѣ. „Это были Калибаны въ пони-

маніи искусства“,—замѣчаетъ Аксаковъ: „зная свою горячность, рѣзкость и неумѣренность въ своихъ выраженіяхъ, я молилъ только Бога дать мнѣ терпѣніе и положить храненіе устамъ моимъ. Я ходилъ по залѣ съ Вѣрой и Машенькой ¹⁾, гдѣ однако были слышны всѣ разговоры, и удивлялся вмѣстѣ съ ними крайнему тупоумію и невѣжеству высшей петербургской публики, какъ служебной, такъ и литературной! Но и въ Москвѣ были люди, которые возненавидѣли Гоголя съ самаго появленія „Ревизора“. „Мертвыя Души“ только усилили эту ненависть. Такъ, напримѣръ, я самъ слышалъ, какъ извѣстный графъ Толстой-Американецъ говорилъ при многолюдномъ собраніи въ домѣ Перфильевыхъ, которые были горячими поклонниками Гоголя, что онъ „врагъ Россіи и что его слѣдуетъ въ кандалахъ отправить въ Сибирь“.

Это было уже въ Москвѣ. Аксаковъ прибавляетъ въ свое утѣшеніе: „въ Петербургѣ было гораздо болѣе такихъ особъ, которыя раздѣляли мнѣніе графа Толстого“. Но кто же ихъ считалъ?

Аксаковъ дѣлаетъ еще чрезвычайно любопытное замѣчаніе. Въ Петербургѣ ему случилось быть у Жуковского, у котораго жилъ Гоголь; послѣдній былъ занятъ и Аксаковъ говоритъ: „Я засидѣлся у Жуковского часа два. Говорили о Гоголѣ. Я не могу умолчать, несмотря на все мое уваженіе къ знаменитому писателю и еще большее уваженіе къ его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, что Жуковскій не вполне цѣнилъ талантъ Гоголя. Я подозрѣваю въ этомъ даже Пушкина, особенно потому, что Пушкинъ погибъ, зная только наброски первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ“. Оба они восхищались талантомъ Гоголя въ изображеніи пошлости человѣческой, его неподражаемымъ искусствомъ схватывать вовсе незамѣтныя черты и придавать имъ такую выпуклость, такую жизнь, такое внутреннее значеніе, что каждый образъ становился живымъ лицомъ, совершенно понятнымъ и незабвеннымъ для читателя, восхищались его юморомъ, комизмомъ,—и только. Серьезнаго значенія, мнѣ такъ кажется, они не придавали ему. Впрочемъ должно предположить по письмамъ и отзывамъ Жуковского, что онъ не понималъ Гоголя вполне“.

Мнѣніе оригинальное и весьма правдоподобное. Дѣйствительно, трудно себя представить, чтобы Жуковскій, сколько ни былъ онъ расположенъ къ Гоголю, понималъ общественное значеніе его произведеній въ томъ смыслѣ, какъ понимало его молодое лите-

¹⁾ Дочь Аксакова и дочь Карташевскаго, пріятельницы, и обѣ почитательницы Гоголя.

ратурное поколѣніе, а изъ стараго—такіе люди, какъ С. Т. Аксаковъ. Возможно, что въ этой мѣрѣ такого пониманія не было и у Пушкина, какъ предполагалъ Аксаковъ. Съ Гоголемъ вступалъ въ литературу совершенно новый элементъ, какого не знала предыдущая эпоха. Какъ ни велики были чисто поэтическія, художественныя достоинства Гоголя (какія въ полной мѣрѣ могли оцѣнивать его предшественники), въ его произведеніяхъ поражала еще глубокая нравственно-общественная мысль, которая въ такой силѣ еще не появлялась въ нашей литературѣ. Ничто въ прежней литературѣ, даже „Горе отъ ума“ съ его нѣсколько загадочнымъ выводомъ, не производило такого сильнаго общественнаго дѣйствія, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“. Защитники чистаго искусства могутъ настаивать на художественныхъ достоинствахъ этихъ произведеній; но уже тотъ восторгъ, съ какимъ Гоголь былъ встрѣченъ одною частью общества, стремившеюся къ общественному улучшенію, и то озлобленіе, какое почувствовали люди стараго порядка, преданные Гоголемъ суду общественнаго мнѣнія,—достаточно показываютъ, что кромѣ великаго художника въ Гоголѣ являлся, быть можетъ, не вполне сознательно для него самого, именно выразитель этого общественнаго мнѣнія, высказавшій суровое обличеніе господствовавшей испорченности и неправды.

С. Т. Аксаковъ рано почувствовалъ въ Гоголѣ именно эту сторону его значенія, какъ рано почувствовалъ и развитіе того направленія, которое повело къ изданію „Переписки съ друзьями“. По мнѣнію Аксакова, это направленіе грозило художественному дарованію Гоголя,—какъ это дѣйствительно и было. Аксаковъ замѣчалъ это на письмахъ Гоголя, гдѣ сталъ появляться тонъ аскетическаго правоученія, душеспасительнаго руководства надъ душами своихъ пріятелей, смиренныя и вмѣстѣ крайне высокомѣрныя выраженія о самомъ себѣ, о высшей власти, направляющей его путь, и т. п. Еще рассказывая о времени около 1843 года, С. Т. Аксаковъ пишетъ:

„...Рѣшительно не знаю, какія житейскія дѣла могли отнять у Гоголя время и могли мѣшать ему писать? Мнѣ кажется, эта помѣха была въ его воображеніи. Я думаю, что Гоголю начинало мѣшать его религиозное направленіе. Впрочемъ, это слово не выражаетъ дѣла; это собственно не религиозное, а нравственно-наставительное, такъ сказать, направленіе. Гоголь, погруженный безпрестанно въ нравственныя размышленія, начиналъ думать, что онъ можетъ и долженъ поучать другихъ и что поученія его будутъ полезнѣе его юмористическихъ сочиненій. Во всѣхъ его

письмахъ тогдашняго времени, къ кому бы онѣ ни были писаны, уже начиналъ звучать этотъ противный мнѣ тонъ наставника. Въ это время сошелся онъ съ гр. А. П. Толстымъ, и я считаю это знакомство рѣшительно гибельнымъ для Гоголя. Не менѣе вредны были ему дружескія связи съ женщинами, большею частью высшаго круга. Онѣ сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты или поддерживаютъ, или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтели. Нѣкоторыхъ я даже не знаю и назову только Вѣльгорскую, Сологубъ и Смирнову. Первыхъ двухъ, конечно, не должно смѣшивать съ послѣдней; но высокость нравственнаго ихъ достоинства, можетъ быть, была для Гоголя еще вреднѣе: ибо онъ долженъ былъ скорѣе имъ повѣрить, чѣмъ другимъ. Я не знаю, какъ сильна была его привязанность къ Сологубъ и Вѣльгорской; но Смирнову онъ любилъ съ увлеченіемъ, можетъ быть, потому, что видѣлъ въ ней кающуюся Магдалину и считалъ себя спасителемъ ея души. По моему же простому человѣческому смыслу, Гоголь, не смотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашескій образъ жизни, самъ того не вѣдая, былъ нѣсколько неравнодушенъ къ Смирновой, блестящій умъ которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему одинъ разъ: „Послушайте, вы влюблены въ меня“... Гоголь осердился, убѣжалъ и три дня не ходилъ къ ней. Все это надѣлала продолжительная заграничная жизнь внѣ отечества, внѣ круга пріятелей и литераторовъ, людей свободнаго образа мыслей, чуждыхъ ханжества, богомольства и всякихъ мистическихъ суевѣрій. Впрочемъ я считаю, что ему также была очень вредна дружба съ Жуковскимъ, котораго безъ сомнѣнія погубила также заграничная жизнь“.

До сихъ поръ не выяснено, какія именно побужденія заставляли Гоголя прожить такъ долго за границей. Въ первое время могло быть, что онъ желалъ уединиться и избѣжать той вражды, которую поднялъ противъ него „Ревизоръ“ и которая повидимому его тяготила, и найти спокойный досугъ для работы надъ „Мертвыми Душами“; но послѣднее продолжительное пребываніе за границей не находитъ и этого объясненія. Онъ работаетъ надъ второю частью своей поэмы, и такъ какъ по самому первоначальному плану этого произведенія оно должно было стать картиною разнообразнѣйшихъ сторонъ русской жизни, письма Гоголя кромѣ нравоучительныхъ разсужденій, писанныхъ точно отшельникомъ или схимникомъ, наполняются просьбами о высылкѣ

ему всякаго рода свѣденій о русской жизни (онъ напр. настойчиво просилъ о высылкѣ ему статистическихъ свѣденій, реестровъ сенатскихъ дѣлъ и т. п.): естественно должна была придти мысль, что вмѣсто того, чтобы изучать русскую жизнь по статистикамъ, живя въ Римѣ или на водахъ въ Германіи, гораздо лучше было взглянуть на нее на мѣстѣ,—тѣмъ больше, что и этихъ статистикъ высылали ему мало. Очевидно было притомъ, что когда на первомъ планѣ становился вопросъ о спасеніи души, прежнее свободное творчество неминуемо должно было подчиниться этой новой цѣли и при аскетическомъ самобичеваніи не было мѣста для юмора и сатиры. Большинство друзей Гоголя даже и не давало себѣ этихъ вопросовъ; едва ли не одинъ С. Т. Аксаковъ понималъ это и пытался противодѣйствовать направленію, которое считалъ гибельнымъ для таланта Гоголя; но временами и онъ подчинялся проповѣди Гоголя; и этого было довольно, чтобы послѣдній утвердился въ ней еще болѣе. Въ настоящее время издано многое изъ переписки Гоголя съ тѣми лицами, вліяніе которыхъ Аксаковъ считалъ особливо вреднымъ. Эти письма подтверждаютъ, что у Гоголя создавалась какая-то искусственная, натянутая атмосфера нравственной жизни, отъ которой могла бы освѣжить и освободить его только иная, болѣе реальная жизнь въ кругу людей съ живыми умственными и общественными интересами,—но Гоголь упорно избѣгалъ именно этого круга. На многихъ эта жизнь Гоголя въ послѣдніе годы производитъ впечатлѣніе положительнаго умственнаго разстройства; во всякомъ случаѣ въ ней было много ненормальнаго. Книга Аксакова при всемъ величайшемъ интересѣ ея свѣденій, драгоцѣнныхъ для будущаго біографа, не разрѣшаетъ этого вопроса. Аксаковъ старался доказать одно—полную искренность Гоголя; но если и счесть ее доказанной, остается неразъясненъ тотъ процессъ, какимъ авторъ малороссійскихъ рассказовъ, „Шинели“, „Записокъ Сумасшедшаго“, „Ревизора“ и первой части „Мертвыхъ Душъ“—превратился въ автора „Переписки съ друзьями“ и въ педантическаго аскета,—въ самомъ аскетизмѣ было нѣчто болѣзненное.

Въ приведенной выпискѣ видно недоумѣніе С. Т. Аксакова о томъ, что могло мѣшать Гоголю работать, когда онъ жилъ за границей. Что онъ тамъ все-таки работалъ, это извѣстно; но по всей вѣроятности работа не поглощала всего его времени: чѣмъ же оно было наполнено? Этотъ періодъ жизни Гоголя за границей еще потребуетъ внимательныхъ изслѣдованій будущаго біографа. Едва ли сомнительно, что долгая жизнь за границей не познакомила его съ западной жизнью; нигдѣ не видно, чтобы

онъ приобрѣлъ какое-либо ясное понятіе о внутренней жизни и литературѣ итальянской, о литературѣ французской или нѣмецкой; у него, кажется, не явилось въ этомъ никакого интереса, — хотя онъ и высказывалъ осужденіе западной жизни. Повидимому онъ вращался только въ тѣсномъ кругу своихъ русскихъ знакомыхъ, съ которыми вмѣстѣ иногда переѣзжалъ изъ города въ городъ. Любопытно, что въ семействѣ Аксаковыхъ, какъ видно изъ настоящей книги, являлось впечатлѣніе, что благочестіе Гоголя получало какую-то католическую складку.

Удаляясь за границу, Гоголь какъ будто хотѣлъ убѣжать отъ русскаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ будто убѣгалъ и отъ самого себя; между прочимъ онъ самъ говорилъ не однажды, что всего лучше чувствуетъ себя въ дорогѣ, — т. е. вѣроятно когда смѣняющіяся мѣста и впечатлѣнія не даютъ мысли останавливаться на одномъ предметѣ. Но въ этомъ русскомъ обществѣ, часть котораго была къ нему такъ враждебна, было также множество людей совсѣмъ иного рода — вполне ему сочувствовавшихъ, и сочувствовавшихъ глубже и серьезнѣе, чѣмъ тѣ друзья, которые, по мнѣнію С. Т. Аксакова, въ сущности не умѣли понимать его: что удерживало Гоголя отъ сближенія съ ними; отчего, желая изобразить русскую жизнь — хотя бы съ его новой нравственно-христіанской точки зрѣнія — онъ не старался увидѣть ее самъ и думалъ, что можетъ изучить ее, собирая свѣденія по клочкамъ въ письмахъ пріятелей? Во всемъ этомъ остается донинѣ много необъясненнаго.

Но объясненіе было бы въ высшей степени интересно именно потому, что этотъ загадочный процессъ нравственныхъ колебаній и блужданія мыслей совершался въ писателѣ, имѣвшемъ глубокое вліяніе на весь дальнѣйшій историческій ходъ русской литературы, а съ нею и общественной мысли. Объясненіе внутренней исторіи Гоголя составило бы чрезвычайно любопытный эпизодъ во внутренней исторіи самого общества.

А. В—нъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1890 г.

Распространеніе круга дѣйствій положенія о земскихъ начальникахъ.—Есть ли существенная разница между земскимъ начальникомъ и городскимъ судьей?—Новыя распоряженія, касающіяся церковныхъ школъ.— Законъ о заочномъ разбирательствѣ, уставъ дворянскаго земельного банка и другія законодательныя мѣры послѣдняго времени.—Графъ М. Х. Рейтернъ†.

Область примѣненія закона 12-го іюля 1889 г. продолжаетъ расширяться. Къ шести губерніямъ, въ которыхъ земскіе начальники существуютъ уже съ начала нынѣшняго года (московской, владимірской, калужской, рязанской, костромской и черниговской), присоединены въ послѣднее время еще десять: екатеринославская, курская, нижегородская, новгородская, полтавская, псковская, симбирская, смоленская, тульская и харьковская. Первоначально имѣлось въ виду ограничить сферу дѣйствія земскихъ начальниковъ исключительно внѣ-городскими поселеніями; судебная власть въ городахъ вездѣ должна была находиться въ рукахъ городскихъ (или мировыхъ) судей. Теперь допущено исключеніе изъ этого общаго правила: малонаселенные уѣздные города, въ которыхъ число дѣлъ, подвѣдомственныхъ городскому судѣ, представляется незначительнымъ и учрежденіе этой должности не вызывается ни свойствомъ возникающихъ въ городѣ дѣлъ, ни размѣрами прочихъ лежащихъ на городскомъ судѣ обязанностей, разрѣшено включать въ составъ земскихъ участковъ, т. е. подчинять судебной власти земскаго начальника. На этомъ основаніи упразднены городскіе суды въ Береѣ и Волоколамскѣ (московской губерніи), съ соотвѣстственнымъ увеличеніемъ числа земскихъ начальниковъ. Въ губерніяхъ, вновь подводимыхъ подъ дѣйствіе закона 12-го іюля 1889 г., число городовъ, оставляемыхъ безъ городскихъ судей, гораздо больше. Въ курской губерніи ихъ шесть: Дмитріевъ, Льговъ, Новый-Осколь, Суджа, Тимъ и Фатежъ; въ нижегородской губерніи—пять: Горбатовъ, Княгининъ, Луко-

яновъ, Макарьевъ и Сергачъ; въ новгородской губерніи — три: Демянскъ, Кириловъ и Крестцы; въ симбирской губерніи—три: Буинскъ, Курмышъ и Сенгилей; въ смоленской губерніи — три: Ельня, Красный и Юхновъ; въ тульской губерніи—пять: Алексинъ, Веневъ, Крапивна, Новосиль и Чернь; въ харьковской губерніи — одинъ: Купянскъ, а всего, въ семи губерніяхъ, *двадцать-шесть* городовъ. Повсемѣстно городскіе судьи вводятся только въ трехъ губерніяхъ: екатеринославской, полтавской и псковской. Одна изъ петербургскихъ газетъ высказалась, по этому поводу, въ пользу совершенной отгѣни института городскихъ судей. Заявляя о своей непринадлежности къ принципіальнымъ поклонникамъ „административной юстиціи“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ разсуждаютъ такъ: „разъ фактъ на лицо, разъ административная юстиція утверждена закономъ на твердыхъ основаніяхъ, нужно относиться къ вопросу серьезно, не боясь ни широкихъ выводовъ, ни неумолимыхъ логическихъ заключеній. Что такое, въ концѣ концовъ, городской судья? Очень неудачная середина между земскимъ начальникомъ-судьею и мировымъ судьей. Положеніе должности городского судьи столь неопредѣленно въ ряду другихъ должностей, созданныхъ судебно-административною реформою прошлаго года, что можно смѣло предпочесть такому судѣ земскаго начальника. Далѣе. Апелляціонною и кассационною инстанціями, какъ для земскихъ начальниковъ, такъ и для городскихъ судей, являются одни и тѣ-же учрежденія—сѣзды съ одной стороны, губернска прісутствія — съ другой. Мы не говоримъ, хороши ли эти инстанціи, или нѣтъ—это не имѣетъ отношенія къ занимающему насъ вопросу. Но ясно, что при наличности общихъ инстанцій надзора и пересмотра дѣятельность городскихъ судей не можетъ сколько-нибудь замѣтно отличаться отъ дѣятельности земскихъ начальниковъ. Она будетъ запечатлѣна тѣми же упрощенными принципами судебно-административной юстиціи, такъ же будетъ замыкаться въ предѣлахъ губернскаго правосудія, какъ и дѣятельность земскихъ начальниковъ. Словомъ, мы не видимъ никакихъ рѣшительныхъ удобствъ въ сохраненіи еще почти не существующаго, впрочемъ, института городскихъ судей. Онъ представляетъ совершенно бесполезный придатокъ, возникшій, очевидно, только потому, что инициатива реформы принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, уступившему, такъ сказать, министерству юстиціи городскихъ судей. Совѣмъ другое—мировые судьи, съ своею стройною системою надзора, пересмотра и іерархической подчиненности, которыхъ сохраняютъ для большихъ городовъ. Отстаивать ихъ самостоятельное существованіе, разумѣется, имѣетъ большое значеніе, но вмѣсто городскихъ судей, въ интере-

сахъ судебнаго единообразія и главное—экономіи, можно смѣло рекомендовать земскихъ начальниковъ“.

Соглашаясь съ исходными положеніями этой аргументаціи, мы никакъ не можемъ признать правильнымъ ея окончательный выводъ. Конечно, мировой судъ, созданный уставами 20-го ноября, имѣеть громадныя преимущества передъ институтомъ городскихъ судей, учрежденнымъ 12-го іюля 1889 г.; конечно, составъ и устройство апелляціонной и кассационной инстанцій неизбѣжно должны отражаться на образѣ дѣйствій судей первой степени—но все-таки мы не видимъ причины утверждать, что дѣятельность городскихъ судей „не можетъ сколько-нибудь замѣтно отличаться отъ дѣятельности земскихъ начальниковъ“. Весьма важно, прежде всего, различіе въ способѣ опредѣленія тѣхъ и другихъ. Земскій начальникъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—избранный мѣстной администраціи и мѣстнаго дворянства. При назначеніи его принимаются въ расчетъ съ одной стороны внѣшнія условія (поземельный цензъ, дворянское происхождение), съ другой стороны—тѣ спеціальныя задачи, исполненіе которыхъ ожидается отъ земскаго начальника. Обладаетъ ли онъ способностями и знаніями, необходимыми для судьи—это вопросъ второстепенный, потому что не въ судебныхъ функціяхъ лежитъ центръ тяжести новаго института. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что нѣкоторыя изъ лучшихъ достоинствъ *судьи* — безпристрастіе, одинаковое отношеніе къ обѣимъ сторонамъ, привычка не торопиться и взвѣшивать каждое дѣйствіе, каждое слово — въ земскомъ начальникѣ могутъ скорѣе показаться недостаткомъ. Совсѣмъ другое дѣло—городской судья. Предназначаемый исключительно къ судебной дѣятельности, онъ долженъ быть къ ней подготовленъ, долженъ соотвѣтствовать *именно и только* ея требованіямъ, а не какимъ-нибудь инымъ. Для него не обязательно ни владѣніе недвижимостью, ни принадлежность къ мѣстному дворянству. Онъ не является ни представителемъ одного сословія, ни ставленникомъ ближайшаго своего начальства. Мы очень хорошо знаемъ, что все это—преимущества скорѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя, что гарантіей удачнаго выбора они служатъ далеко не всегда; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о мировыхъ судьяхъ западнаго края. Но въдѣ и отрицательныя преимущества имѣютъ свое безспорное значеніе; мы говоримъ о городскихъ судьяхъ не безотносительно, а лишь въ сравненіи съ земскими начальниками. Пойдемъ дальше. Иначе поставленный уже въ силу своего назначенія, городской судья еще больше отличается отъ земскаго начальника характеромъ своей дѣятельности. Онъ *только* судья, и ничего больше. Ему нѣтъ надобности переходить отъ функцій одного рода къ другимъ, существенно

различнымъ или даже противоположнымъ; онъ не мѣняетъ роль посредника на роль распорядителя, не сходитъ съ почвы закона на почву усмотрѣнія. Населеніе его участка ему *подвѣдомственно*, но не *подчинено*; оно составляетъ въ его глазахъ одно цѣлое, не раздѣленное на категоріи подвластныхъ и неподвластныхъ. Отсюда неизбежная разница въ воззрѣніяхъ, въ пріемахъ, въ способѣ дѣйствій—разница, о которой мы много разъ говорили подробно, когда касались вопроса о соединеніи властей. Привычки, выработанныя при разборѣ дѣлъ въ первой инстанціи, естественно переносятся и въ апелляціонный судъ, т.-е. въ уѣздный сѣздъ. Городскіе судьи служатъ здѣсь весьма важнымъ противовѣсомъ земскимъ начальникамъ. Болѣе проникнутые судейскими взглядами, болѣе вѣрные судебнымъ традиціямъ, они призваны отстаивать ихъ противъ стремленій, свойственныхъ „административной юстиціи“. Лучше, въ большинствѣ случаевъ, вооруженные опытомъ и знаніемъ, они могутъ имѣть полезное вліяніе на своихъ товарищей по сѣзду, сдерживать ихъ порывы, предупреждать или исправлять ихъ ошибки. Правда, такую же роль способны играть, наравнѣ съ городскими судьями или въ бѣдшей еще степени, уѣздные члены окружного суда, входящіе въ составъ уѣздныхъ сѣздовъ; но „одинъ въ полѣ — не воинъ“, и для уѣзднаго члена окружного суда драгоценна поддержка городского судьи или городскихъ судей. На почетныхъ мировыхъ судей рассчитывать, съ этой точки зрѣнія, нельзя, какъ потому, что они далеко не всегда посѣщаютъ засѣданія сѣзда, такъ и потому, что они часто принадлежать въ лагерю земскихъ начальниковъ, и будутъ принадлежать къ нему еще чаще, когда, при дѣйствіи новаго земскаго положенія, большинство въ земскомъ собраніи (выбирающемъ почетныхъ мировыхъ судей) вездѣ будетъ на сторонѣ гласныхъ отъ дворянъ. Какъ бы велики ни были недостатки института городскихъ судей, совершенное его упраздненіе и даже ограниченіе его, въ пользу института земскихъ начальниковъ, кажется намъ, поэтому, крайне нежелательнымъ. „Судебное единообразіе“, такимъ путемъ достигнутое, было бы крупнымъ зломъ уже потому, что въ немъ было бы очень мало истинно *судебнаго*. Экономіи никакой бы не получилось, потому что на мѣсто городскихъ судей пришлось бы назначить добавочныхъ земскихъ начальниковъ (какъ это и сдѣлано въ Вереѣ и Волоколамскѣ). Замѣтимъ, въ заключеніе, что самый фактъ учрежденія городскихъ судей едва-ли можно разсматривать какъ уступку, сдѣланную министерствомъ внутреннихъ дѣлъ министерству юстиціи. Подчиненіе судей административной власти—комбинація ненормальная, возможная только въ виду особыхъ обстоятельствъ. Такимъ обстоятельствомъ послужило, при изданіи закона

12-го іюля 1889 г., желаніе сосредоточить въ однѣхъ рукахъ завѣдваніе всѣми сторонами *деревенскаго* быта. Понятно, что *города* должны были остаться внѣ новаго порядка; отступать, по отношенію къ нимъ, отъ основныхъ началъ правильнаго судебного устройства не представлялось ни повода, ни причины. Функціи городского судьи возлагаются на земскаго начальника, очевидно, только въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, къ району которыхъ могутъ быть присоединены сосѣднія волости. Земскій начальникъ, имѣющій дѣло исключительно съ городомъ, обратился бы, *de facto*, въ городского судью, потому что былъ бы облеченъ *только* судебною властью. Назначеніе его министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по указанію предводителя дворянства, было бы слишкомъ явной аномаліей.

Сохраняютъ выборный мировой судъ, въ перечисленныхъ нами десяти губерніяхъ, только два губернскихъ города: Нижній-Новгородъ и Харьковъ. Нельзя не пожалѣть, что та же самая привилегія не предоставлена, по меньшей мѣрѣ, другимъ губернскимъ городамъ, близкимъ къ Нижнему-Новгороду и по цифрѣ населенія, и по степени развитія внутренней жизни. Таковы, напримѣръ, Екатеринославъ, Курскъ, Тула, Полтава. Большое различіе между ними и Нижнимъ существуетъ только въ ярмарочное время. Задача, признаваемая посильной для нижегородскаго уѣзднаго земскаго собранія, едва-ли оказалась бы не по плечу для уѣздныхъ собраній тульскаго или курскаго... Сохраненіе мирового суда въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ большихъ губернскихъ городахъ наводитъ на мысль, что устраняется, въ высшихъ законодательныхъ сферахъ, не самый принципъ выбораго суда; признано только, что способность осуществлять этотъ принципъ составляетъ у насъ, въ настоящее время, удѣлъ немногихъ избирательныхъ собраній. Другими словами, назначенію данъ перевѣсъ передъ выборомъ лишь въ силу недовѣрія къ большинству уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, въ нынѣшнемъ ихъ составѣ (о городскихъ думахъ мы упоминаемъ здѣсь потому, что избраніе мировыхъ судей, компетенція которыхъ ограничивалась бы предѣлами города, могло бы быть предоставлено городской думѣ). Но составъ земскихъ собраній существенно измѣненъ закономъ 12-го іюня 1890 г.; составъ городскихъ думъ будетъ, безъ сомнѣнія, измѣненъ столь же существенно при предстоящей реформѣ городского самоуправления. Весьма возможно поэтому, что мѣсто назначенныхъ городскихъ судей въ скоромъ времени опять займутъ, въ городахъ, выборные мировые судьи.

Число земскихъ начальниковъ, въ перечисленныхъ нами десяти губерніяхъ, сравнительно выше, чѣмъ въ шести губерніяхъ первой очереди. Максимальная цифра земскихъ участковъ повысилась съ

восьми (въ живдринскомъ уѣздѣ, калужской губерніи) до *одиннадцати* (въ старобѣльскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи). Въ изюмскомъ уѣздѣ (харьковской губерніи) девять участковъ, въ бахмутскомъ (еватеринославской губерніи)—восемь. *Семь* участковъ—цифра довольно обыкновенная; мы насчитали ее въ пятнадцати уѣздахъ, въ томъ числѣ и въ такихъ, которые едва-ли могутъ быть названы особенно населенными (напр. боровичскій уѣздъ въ новгородской губерніи, порховскій—въ псковской). Всего чаще встрѣчаются цифры пять и четыре; до трехъ число участковъ падаетъ только въ одномъ уѣздѣ (демянскомъ, новгородской губерніи). Вообще можно сказать, что земскихъ начальниковъ будетъ больше, чѣмъ было до сихъ поръ сельскихъ участковыхъ мировыхъ судей. Первая цифра сохранитъ перевѣсъ даже въ такомъ случаѣ, если прибавить къ послѣдней всѣхъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Крайніе приверженцы новаго учрежденія находятъ, однако, что земскихъ начальниковъ все еще слишкомъ мало. Одинъ изъ нихъ рекомендуетъ замѣну существующихъ теперь волостей волостями болѣе крупными, съ тѣмъ, чтобы во главѣ *каждой волости* стоялъ земскій начальникъ. Трудно допустить, чтобы волостей въ уѣздѣ было менѣе десяти; для уѣздовъ обширныхъ недостаточна даже эта цифра. Настоящее число земскихъ начальниковъ увеличилось бы, такимъ образомъ, вдвое или даже еще больше. Отъ земскихъ начальниковъ, говоритъ авторъ проекта, г. Морокинъ („Московскія Вѣдомости“, № 203), „ождается не бюрократическое начальствованье, а дѣятельный и зоркій глазъ надъ всѣми деревенскими порядками. Такого рода плодотворная дѣятельность при настоящемъ составѣ округа, съ четырьмя-пятью волостями, едва-ли возможна; чтобы вести дѣло успѣшно, не хватитъ силъ и времени. При крупной же волости, съ хорошими помощниками въ лицѣ волостныхъ властей, гораздо легче вести надзоръ надъ порядками въ крестьянскихъ общинахъ. Крупная волость легче можетъ дать достаточное жалованье волостному персоналу, а потому его легко набрать изъ достойныхъ людей. Земскому начальнику удобнѣе и легче наблюденіе надъ однимъ волостнымъ судомъ, нежели надъ нѣсколькими, сопряженное съ постоянными разъѣздами“. Вся эта аргументація кажется намъ болѣе чѣмъ слабой. Еслибы во главѣ каждой волости стоялъ земскій начальникъ, то чѣмъ сдѣлался бы волостной старшина, во что обратился бы волостной судъ? Первому оставалось бы только исполнять порученія земскаго начальника, второму—писать рѣшенія подъ его диктовку. Какъ ни велика и въ настоящее время зависимость волостного старшины, ему все-таки приходится иногда дѣйствовать по собственному почину, распорядиться, не ожидая приказаній; рядомъ съ земскимъ

начальникомъ онъ не имѣлъ бы ни воли, ни значенія. Волостной судъ, постоянно стѣсненный присутствіемъ земскаго начальника, былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ отдѣленій его канцеляріи. Едва-ли, притомъ, была бы достигнута и та цѣль, которую имѣеть въ виду авторъ проекта. Поставленный во главѣ нѣсколькихъ волостей, земскій начальникъ по необходимости долженъ разъѣзжать по своему участку, знакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ и нуждами населенія; поставленный во главѣ одной крупной волости и снабженный адъютантомъ, въ лицѣ волостного старшины, онъ гораздо легче могъ бы ограничиться „бюрократическимъ начальствованіемъ“. Все у него было бы подъ рукою, все стекалось бы въ его резиденцію; „постоянные разъѣзды“, всегда тягостные и утомительные, можно было бы, за ненадобностью, совершенно упразднить или довести до минимума. Должности волостного старшины и волостныхъ судей, щедро оплачиваемыя, но лишеныя всякой самостоятельности, были бы предметомъ искательства со стороны лицъ, всего меньше въ нимъ подходящихъ... Крупная волость имѣеть еще другія, не менѣе существенныя неудобства. Защитники модныхъ воззрѣній давно уже видятъ въ волости только территоріальную административную единицу, совершенно забывая, что она составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ единицу самоуправляющуюся. Для того чтобы волостное самоуправленіе, и теперь уже весьма слабое, не обратилось окончательно въ мертвую букву, необходимо, чтобы волость была не слишкомъ обширна. Только при этомъ условіи возможно существованіе интересовъ, общихъ для всей волости, возможно живое отношеніе къ нимъ со стороны всѣхъ членовъ волостного схода. Въ небольшой волости сравнительно легко устроить волостную школу, волостной пріемный покой, волостной пріютъ для увѣчныхъ или для малолѣтнихъ; въ крупной волости все это сопряжено съ гораздо болѣе затрудненіями, какъ въ виду отдаленности центра волости отъ ея окраинъ, такъ и въ виду увеличивающихся размѣровъ предпріятія. Въ небольшой волости члены волостного схода знаютъ другъ друга, знаютъ болѣе или менѣе положеніе и потребности всѣхъ частей волости; въ крупной волости такое знаніе встрѣчается гораздо рѣже. Сокращеніе числа волостей могло бы принести нѣкоторую пользу только при введеніи всесословной волости; болѣе трудной задачѣ соотвѣтствовалъ бы, въ такомъ случаѣ, болѣе интеллигентный составъ волостного схода. Разъ что волость остается чисто крестьянскою, расширеніе ея предѣловъ представляется, съ нашей точки зрѣнія, безусловно вреднымъ.

Въ той же статьѣ г. Морокина сообщаются, попутно, нѣкоторыя свѣденія о дѣятельности земскихъ начальниковъ въ костромской губерніи—свѣденія тѣмъ болѣе любопытныя, чѣмъ меньше въ печать

проникаетъ данныхъ о первыхъ шагахъ новаго учрежденія. Къ сожалѣнію, г. Морокинъ даетъ больше разсужденій, чѣмъ фактовъ. „Русскій простолудинъ“, по словамъ г. Морокина, „желаетъ начальника не бюрократа и не слащаваго мямлю,—чѣмъ были нѣкоторые мировые судьи, плохо понимавшіе русскаго крестьянина; онъ желаетъ начальника въ полномъ значеніи этого слова, который былъ бы строгъ къ дурнымъ людямъ и не давалъ въ обиду хорошихъ. Въ настоящее время, сравнительно малое со времени введенія новаго суда съ земскими начальниками во главѣ, уже чувствуется духъ порядка и дисциплины, слышится власть близкая, сдерживающая проявленіе различныхъ беспорядковъ; пьяный элементъ на деревенскихъ сходахъ и судахъ попритихъ; хотя, надобно сказать правду, гг. земскимъ начальникамъ нужно на это обращать побольше вниманія, ибо въ этомъ-то и вся суть деревенскихъ безурядицъ, да и происходящихъ отъ сего пожаровъ. Близъ насъ есть деревня Голубцова: она въ нынѣшнемъ году горѣла шесть разъ, и въ каждый пожаръ крестьяне почти всѣ оказывались пьяными. Что земскіе начальники не всѣ удачны (какъ о семъ идутъ слухи), это весьма естественно: трудно на первый случай узнать людей; но надѣмся, что поставленное надъ ними начальство отличить способныхъ отъ неудовлетворительныхъ и поставитъ дѣло новаго суда на надлежащую высоту предстоящей ему задачи. Повторяемъ, невозможно и требовать, чтобы все сразу было поставлено на своемъ мѣстѣ, и не нужно смущаться первыми шагами. Идея дѣйствительныхъ *деревенскихъ начальниковъ* такъ практична и цѣлесообразна, что осуждать ее и стараться уронить въ общественномъ мнѣніи присуще только людямъ предубѣжденнымъ, не хотащимъ видѣть необходимость твердой власти въ нашемъ распатанномъ деревенскомъ строѣ и рабски помѣшанныхъ на европейскихъ доктринахъ. Такого предубѣжденнаго взгляда держатся либеральствующіе субъекты; они иначе и не могутъ представить земскаго начальника, какъ съ розгой въ рукахъ, а на самомъ дѣлѣ видится совсѣмъ наоборотъ, идутъ такого рода вѣсти, что земскіе начальники часто, безъ особенно нужныхъ причинъ, отмѣняютъ рѣшенія волостныхъ судовъ, приговорившихъ крестьянъ къ наказанію, чѣмъ роняется авторитетъ суда. *Что-де взялъ, такой-сякой, земскій начальникъ вашу судъ ни во что не ставитъ.* Къ такому вопросу слѣдуетъ относиться весьма осторожно, отмѣнять рѣшенія волостныхъ судовъ слѣдуетъ со строгимъ разборомъ, ибо при земскихъ начальникахъ волостные суды перестали рѣшать дѣла подъ вліяніемъ вина и пр., зная, что ихъ кривосудіе не можетъ получить законной силы, въ виду того, что есть контроль земскаго начальника, контроль живой, близкій, доступный каждому обиженному. По слухамъ, земскіе

начальники—къ сожалѣнію, далеко не всѣ—оказываются удачно выбранными. Но невыгодныя исключенія дадутъ поводъ недоброжелателямъ учрежденія распускать неблаговидные слухи, въ числѣ коихъ много анекдотическаго свойства и большая часть вымышленные“. Въ заключеніе г. Морокинъ вновь выражаетъ надежду, что высшее начальство „поставитъ себѣ въ обязанность, дабы не компрометтировать дѣла, замѣнить неудовлетворяющихъ своему назначенію земскихъ начальниковъ другими, ибо государева земля не влиномъ сошлась и свято мѣсто пусто не будетъ“.

Итакъ, земскіе начальники костромской губерніи раздѣляются г. Морокинымъ на двѣ категоріи: удачно и неудачно выбранныхъ. Первая категорія многочисленнѣе второй, и скоро станетъ еще многочисленнѣе, если „высшее начальство“ проявитъ строгость, къ которой зываетъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ чемъ заключается, однако, критерій „удачнаго выбора“? На этотъ счетъ мы не находимъ у г. Морокина никакихъ опредѣленныхъ указаній: мы не узнаемъ отъ него, чѣмъ именно страдаетъ дѣятельность „неудачныхъ“ земскихъ начальниковъ, въ чемъ обвиняетъ ихъ молва и въ чемъ они оказываются дѣйствительно виновными. Остается только предположить, что „неудачны“, съ точки зрѣнія г. Морокина, тѣ земскіе начальники, которые отмѣняютъ, „безъ особенно нужныхъ причинъ“, приговоры волостныхъ судовъ, присуждающіе къ розгамъ. Такихъ „неудачниковъ“ немного—слѣдовательно, большинство костромскихъ земскихъ начальниковъ ничего не имѣетъ противъ атрибута, присвоиваемаго имъ „либеральствующими субъектами“. Другими словами, „неудачу“ г. Морокинъ усматриваетъ не въ избыткѣ карательнаго усердія, а въ его недостаткѣ. Кто держится такого взгляда на призваніе новаго учрежденія, тотъ можетъ называть себя его другомъ, но на самомъ дѣлѣ онъ является злѣйшимъ врагомъ его. Не поощреніемъ тѣлесной расправы, а ея ограниченіемъ должна быть ознаменована дѣятельность земскихъ начальниковъ, если они хотятъ пріобрѣсти право на благодарность народа. Рѣшеніе волостнаго суда—вовсе не такая святыня, къ которой слѣдуетъ относиться съ особою осторожностью. Нравы и обычаи учрежденія не измѣняются радикально въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Какъ бы бдителенъ ни былъ надзоръ земскихъ начальниковъ, онъ не могъ поднять волостной судъ на высоту настоящаго судебного учрежденія, не могъ освободить его изъ-подъ власти привычныхъ вліяній. Отмѣнить тѣлесное наказаніе—не значитъ еще, притомъ, отмѣнить приговоръ суда; вмѣсто одного наказанія можетъ быть назначено другое, менѣе унизительное. Обусловливая исполненіе тѣлеснаго наказанія соглашеніемъ земскаго начальника, законъ 12-го іюля 1889 г. имѣлъ въ

виду именно возможность такой замѣны. Земскій начальникъ, широко пользующійся предоставленнымъ ему правомъ, нисколько не колеблеть „авторитетъ“ волостного суда. Наоборотъ, неразборчивое утверженіе приговоровъ, присуждающихъ къ розгамъ, поколебало бы весьма скоро авторитетъ самого земскаго начальника. Представимъ себѣ, на примѣръ, что волостной судъ, вѣдающій деревню Голубцову—ту самую деревню, жители которой, во время каждаго изъ шести постигшихъ ее пожаровъ, *почти все* овазывались пьяными,—приговариваетъ *почти все* голубцовскихъ домохозяевъ, за пьянство, къ тѣлесному наказанію; представимъ себѣ, далѣе, что земскій начальникъ допускаетъ исполненіе этого приговора. Неужели такой фактъ, сдѣлавшись извѣстнымъ, способствовалъ бы поднятію кредита новыхъ учрежденій?

Если вѣрить газетнымъ слухамъ, церковные причты во всѣхъ епархіяхъ получили предписаніе открывать церковно-приходскія школы и школы грамотности, независимо отъ того, существуютъ ли въ данной мѣстности земскія и другія школы. Этимъ распоряженіемъ отиѣняется, повидимому, существовавшій до сихъ поръ порядокъ открытія церковныхъ школъ. „Въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы, не принадлежащія къ числу приходскихъ“, — сказано въ синодскомъ опредѣленіи, опубликованномъ одновременно съ правилами 13-го іюня 1884 г.,—„духовенство должно открывать свои школы не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи преосвященнаго съ подлежащимъ начальствомъ, такъ какъ для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа потребно единеніе между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію сему дѣлу“. Министерство народнаго просвѣщенія распорядилось, съ своей стороны, чтобы въ мѣстностяхъ, обладающихъ церковными школами, земскія и другія свѣтскія школы были открываемы не иначе, какъ по сношеніи съ духовнымъ вѣдомствомъ. Случалось (напр. въ таврической епархіи), что послѣднее отказывало въ своемъ согласіи—и земская школа, совершенно готовая къ открытію, отходила въ разрядъ неосуществившихся плановъ. Интересно было бы знать, будетъ ли сохраненъ и теперь принципъ взаимности, будетъ ли отиѣнено, по отношенію къ свѣтскимъ школамъ, ограниченіе, переставшее дѣйствовать по отношенію къ школамъ духовнаго вѣдомства? По всей вѣроятности — да; но во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ измѣненіи прежняго порядка. У насъ еще не такъ много начальныхъ школъ, чтобы онѣ могли конкурировать другъ съ другомъ. Само собою разумѣется, что въ большихъ, многолюдныхъ селахъ существованіе одной школы ничуть не мѣшаетъ учрежденію

другихъ, къ какой бы категоріи онѣ ни принадлежали; но въ деревняхъ мало населенныхъ потребность въ ученѣи удовлетворяется вполне одною хорошо устроенной школою. Появленіе здѣсь двухъ школъ, различнаго типа, можетъ вести только къ подрыву одной изъ нихъ другою, къ явной или скрытой борьбѣ или, по меньшей мѣрѣ, къ напрасной тратѣ силъ и средствъ, безъ того уже слишкомъ скудныхъ. Этому уже бывали примѣры (между прочимъ, въ калужской епархіи), даже при дѣйствіи прежнихъ правилъ объ открытіи начальныхъ школъ. Сохраненіе этихъ правилъ замедлило бы, быть можетъ, увеличеніе числа церковно-приходскихъ школъ, но послужило бы гарантіей правильнаго ихъ развитія. Для прічта удобнѣе открывать школы тамъ, гдѣ легче наблюдать за ними, т.-е. въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью; но для населенія гораздо важнѣе распространеніе школъ въ отдаленныхъ, глухихъ мѣстностяхъ, хотя бы онѣ составляли окраину прихода.

О другомъ распоряженіи, касающемся народныхъ школъ, мы узнаемъ изъ № 28 „Недѣли“. По словамъ этой газеты, министерство народнаго просвѣщенія разъяснило училищнымъ совѣтамъ, директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, что, на основаніи шестого параграфа правилъ 13-го іюня 1884 г., всѣ открываемыя въ деревняхъ, поселкахъ и селахъ школы грамотности, на какія бы средства онѣ ни содержались, подлежатъ вѣденію и наблюденію духовнаго начальства, къ которому и должны обращаться общественныя учрежденія и отдѣльныя лица, желающія имѣть означенныя школы. „Недѣли“ замѣчаетъ по этому поводу, что статья закона, на которую ссылается министерство, не примѣнялась, до сихъ поръ, къ школамъ грамотности. Это не совсѣмъ вѣрно. Школы грамотности, съ самаго изданія правилъ 1884 г., числились въ вѣденіи духовенства, значились въ отчетахъ епархіальныхъ совѣтовъ, получали пособія изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи духовнаго вѣдомства. Справедливо только то, что надзоръ за ними со стороны духовенства всего чаще былъ и продолжаетъ быть болѣе или менѣе номинальный. Мы нѣсколько разъ приводили тому доказательства, заимствуя ихъ изъ официальныхъ данныхъ. Вполнѣ правильно, поэтому, заключительный выводъ „Недѣли“, усматривающей въ распоряженіи министерства существенную преграду на пути дальнѣйшаго распространенія школъ грамотности. Точный смыслъ ст. 6-й правилъ 13-го іюня 1884 г. вовсе не требуетъ предварительнаго согласія духовенства на открытіе школъ грамотности. Достаточно было бы принять за правило, что о каждой вновь открытой школѣ этого рода должно быть доведено до свѣденія мѣстнаго священника. Священникъ, такимъ образомъ, имѣлъ бы возможность

наблюдать за школой, нисколько не стѣсняя ближайшихъ ея устроителей и распорядителей. Въ предѣлахъ прихода, силою и рядомъ раскинутого на большое разстояніе, существуютъ весьма часто, кромѣ двухъ-трехъ церковно-приходскихъ училищъ, пять, шесть и болѣе школъ грамотности. Завѣдывать всѣми этими школами священникъ, состоящій, вдобавокъ, законоучителемъ въ земской школѣ, рѣшительно не въ состояніи; ему нужна помощь, которую онъ до сихъ поръ дѣйствительно и находилъ въ лицѣ инспектора народныхъ училищъ, членовъ училищнаго совѣта и земской управы, учителей земскихъ школъ, мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ прямомъ отношеніи къ свободѣ дѣйствія, предоставляемой, если не de jure, то de facto, всѣмъ этимъ лицамъ, находятя и размѣры поддержки, оказываемой ими начальной школѣ. Чѣмъ больше, наоборотъ, они встрѣчаютъ ограниченій и стѣсненій, тѣмъ меньше содѣйствія можетъ ожидать отъ нихъ школа грамотности. Всего лучше было бы, конечно, возвратиться къ порядку, созданному самою жизнью въ промежутокъ времени между узаконеніемъ школъ грамотности и подчиненіемъ ихъ духовному начальству: всего лучше было бы ввѣрить каждую школу попеченію того вѣдомства, по инициативѣ или подъ покровительствомъ котораго она открыта. Если средства на содержаніе школы даетъ земство, пускай ея завѣдывали бы, наравнѣ съ земскими школами, земская управа, училищный совѣтъ и инспекція народныхъ училищъ; если школа учреждена священникомъ или церковно-приходскимъ попечительствомъ, пускай она находилась бы въ вѣденіи духовенства; если ее основали крестьяне или другія частныя лица, пускай отъ нихъ зависѣло бы приурочить ее къ тому школьному вѣдомству, которому они больше довѣряютъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ намъ кажется, слѣдовало бы измѣнить § 6-й правилъ 13-го іюня 1884 г.; но пока онъ сохраняетъ свою силу, желательно, по меньшей мѣрѣ, такое примѣненіе его, которое оставляло бы какъ можно больше простора для коллективнаго и личнаго содѣйствія простѣйшими формамъ начальнаго обученія.

Конецъ законодательнаго періода 1889-90 г. принесъ съ собою, кромѣ реформъ земской и гимназической, не мало другихъ общихъ мѣръ, болѣе или менѣе важныхъ. Существенной переменною къ лучшему въ нашемъ гражданскомъ процессѣ слѣдуетъ признать законъ о заочномъ разбирательствѣ, утвержденный 12-го іюня. До сихъ поръ заочное разбирательство по дѣламъ гражданскимъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя производятся сокращеннымъ порядкомъ, въ общихъ судахъ, могло имѣть мѣсто только въ случаѣ неявки отвѣтчика. При

неявѣ истца дѣло прекращалось производствомъ, съ сохраненіемъ за истцомъ права возобновить его, подачею новой исковой просьбы. Новый законъ допускаетъ, какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, разрѣшеніе дѣла безъ бытности истца, и притомъ въ двухъ случаяхъ: если о томъ письменно просить истецъ, или словесно—отвѣтчикъ. Въ первомъ случаѣ имѣется въ виду облегчить положеніе истца, освободивъ его отъ необходимости явиться въ судъ или прислать вмѣсто себя повѣреннаго; во второмъ случаѣ охраняются интересы отвѣтчика, для котораго, сплошь и рядомъ, весьма непріятна перспектива неоднократнаго возобновленія дѣла. Отвѣтчику, какъ и истцу, предоставляется просить о разсмотрѣніи дѣла въ его отсутствіи, на основаніи письменныхъ его объясненій; рѣшеніе, постановленное въ виду такой просьбы, не считается заочнымъ. Судья или судъ можетъ, однако, потребовать какъ отъ истца, такъ и отъ отвѣтчика, явки на судъ лично или чрезъ повѣреннаго, если окажется надобность въ словесныхъ объясненіяхъ того или другого. Дѣло можетъ быть разсмотрѣно даже въ отсутствіи обѣихъ сторонъ, если одною изъ нихъ заявлена о томъ просьба. Для того чтобы неявка отвѣтчика какъ можно рѣже обращалась въ средство замедлить движеніе дѣла, суду предоставляется право обращать всякое заочное рѣшеніе къ предварительному исполненію, не доводя его только до продажи имущества отвѣтчика и до передачи истцу взысканныхъ съ отвѣтчика денегъ. Подача отзыва на заочное рѣшеніе влечетъ за собою во всякомъ случаѣ новое разсмотрѣніе дѣла; но приостановить или не приостановить предварительное исполненіе—зависитъ отъ усмотрѣнія суда. До сихъ поръ тяжущіеся не извѣщались повѣтками о времени слушанія дѣла въ мировомъ сѣздѣ; въ случаѣ неявки обѣихъ сторонъ разсмотрѣніе дѣла откладывалось до слѣдующаго сѣзда. Теперь посылка повѣстокъ становится обязательною, но дѣло можетъ быть разрѣшено и при отсутствіи обѣихъ сторонъ. До сихъ поръ отводъ о неподсудности, впредь до разрѣшенія его второю инстанціею, безусловно останавливалъ движеніе дѣла; теперь приостановка или неприостановка дѣла предоставлена усмотрѣнію суда. Явно неосновательные отводы перестаютъ, такимъ образомъ, служить орудіемъ къ затягиванію дѣла.

Важнѣйшее изъ перечисленныхъ нами нововведеній—это предоставленіе какъ истцу, такъ и отвѣтчику права просить о разсмотрѣніи дѣла въ ихъ отсутствіи, а суду—права разсмотрѣть дѣло безъ бытности сторонъ. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, установленіе такого порядка при самомъ изданіи судебныхъ уставовъ могло бы затруднить осуществленіе основныхъ началъ состязательнаго процесса. Письменное производство, въ силу привычки,

могло бы взять верхъ надъ словеснымъ; стороны, въ большинствѣ случаевъ, стали бы избѣгать явки въ судъ, довольствуясь присылкой письменныхъ объясненій. Теперь эта опасность болѣе не существуетъ; ничто не мѣшало облегчить положеніе тяжущихся, для которыхъ почему-либо неудобно явиться въ судъ или избрать повѣреннаго. Коррективомъ льготы, данной сторонамъ, служить, притомъ, право суда настаивать, когда это признано будетъ нужнымъ, на представленіи ими словесныхъ объясненій. Намъ кажется, что въ этомъ направленіи можно было бы пойти еще нѣсколько дальше. Словесныя объясненія всего важнѣе тогда, когда требуется привести въ ясность намѣренія сторонъ при заключеніи договора или дѣйствія ихъ при его исполненіи—однимъ словомъ, такія обстоятельства, которыя могутъ быть хорошо извѣстны только сторонамъ, и никому больше. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ объясненія самого тяжущагося или объясненія его повѣреннаго—далеко не одно и то же. Конечно, тяжущійся можетъ снабдить своего повѣреннаго надлежащими инструкціями, можетъ передать ему массу деталей, относящихся къ предмету спора; но онъ не можетъ предусмотрѣть и предугадать, что именно хочетъ выяснить судъ путемъ явки тяжущагося. Весьма возможно, поэтому, что объясненія повѣреннаго не устранять недомѣній, встрѣченныхъ судомъ, не прольютъ желаннаго свѣта на темные пунеты тяжбы. Это было бы безразлично, если бы задачей гражданскаго суда было только установленіе такъ-называемой формальной истины, т.-е. приложеніе закона къ обстоятельствамъ дѣла, насколько они выяснены инициативой самихъ тяжущихся. Нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства держится иной, болѣе широкой точки зрѣнія; онъ уполномочиваетъ судъ указывать сторонамъ на пробѣлы представленныхъ ими доказательствъ, другими словами—побуждать ихъ къ болѣшему разъясненію всего того, отъ чего можетъ зависѣть окончателъный исходъ процесса. Изъ того же основного начала вытекаетъ логически не только устанавливаемое закономъ 12-го іюня право требовать явки сторонъ, *лично или чрезъ повѣреннаго*, но и право требовать непременно *лично* ихъ явки, если судъ найдетъ, что по обстоятельствамъ даннаго случая объясненія повѣреннаго не могутъ замѣнить объясненій самого тяжущагося. Такое право принадлежитъ, если мы не ошибаемся, нашимъ коммерческимъ судамъ; полезно было бы распространить его на общія и мировыя судебныя учрежденія. Само собою разумѣется, что о приводѣ сторонъ, о понужденіи ихъ явиться въ судъ, въ области гражданскаго суда не можетъ быть и рѣчи. Послѣдствіемъ неявки тяжущихся, даже если судъ признавалъ необходимымъ выслушать его лично, могло бы быть только постановленіе заочнаго рѣшенія—если не явился отвѣтчикъ,

прекращеніе дѣла—если не явился истецъ (и отвѣтчикъ не просилъ о разсмотрѣніи дѣла безъ бытности истца). Столь же несомнѣнно и то, что при *доказанной* невозможности личной явки тяжущагося, къ словеснымъ вмѣсто него объясненіямъ могъ бы быть допущенъ и его повѣренный. При разсмотрѣніи дѣла по существу, обстоятельства, оставшіяся невыясненными вслѣдствіе неявки тяжущагося (или, если онъ явился, вслѣдствіе его отказа отвѣчать на вопросы суда), могли бы быть толкуемы судомъ въ смыслѣ для него неблагоприятномъ. Совокупность такихъ правилъ значительно увеличила бы вѣроятность не только формально-правильнаго, но и дѣйствительно-справедливаго разрѣшенія гражданскихъ дѣлъ.

Новыя правила о заочномъ разбирательствѣ въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ представляютъ много общаго съ соответственными постановленіями закона 29 декабря 1889 г., опредѣлившаго порядокъ производства судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей; но между ними есть и существенная разница. По закону 29 декабря принатіе отзыва на заочное рѣшеніе допускается только тогда, когда причина неявки отвѣтчика будетъ признана уважительною; по закону 12 іюня 1890 г. отзывъ на заочное рѣшеніе принимается во всякомъ случаѣ, безъ изслѣдованія причинъ неявки. Изъ этихъ двухъ способовъ рѣшенія вопроса, „Русскія Вѣдомости“ отдають предпочтеніе послѣднему; онѣ находятъ, что право принять или не принять отзывъ, смотря по убѣжденію, которое составитъ у судьи относительно причинъ неявки, создаетъ для судьи щекотливое положеніе, не регулированное никакими юридическими нормами, и неминуемо должно вызывать противъ него нареканія со стороны истца или отвѣтчика. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Кое-что, въ гражданскомъ процессѣ, неминуемо должно быть предоставляемо усмотрѣнію суда или судьи. Такъ напримѣръ, нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства допускаетъ восстановленіе пропущеннаго срока, если замедленіе въ доставленіи отправленной въ судъ бумаги произошло „вслѣдствіе особенныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ воли частнаго лица“. Какія это обстоятельства—законъ не опредѣляетъ, полагаясь на благоуміе и справедливость суда. Дискреціонной власти суда представляется многое и въ разбираемомъ нами теперь законѣ—напр. разрѣшеніе или неразрѣшеніе отсрочки, допущеніе или недопущеніе предварительнаго исполненія заочнаго рѣшенія, остановка или неостановка его послѣ принатія отзыва и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выборъ того или другого способа дѣйствій не обусловленъ никакими „юридическими нормами“; почему же онъ непремѣнно долженъ быть обусловленъ ими при принатіи отзыва на заочное рѣ-

шеніе? На отвѣтчикѣ, разъ что онъ получилъ повѣстку, лежитъ нравственная обязанность явиться въ судъ (лично или чрезъ повѣреннаго) или послать письменный отвѣтъ, замѣняющій явку (т.-е. сопряженный съ просьбой разсмотрѣть дѣло безъ бытности отвѣтника). Освободить его отъ этой обязанности могутъ только обстоятельства, независяція отъ его воли. Совершенно справедливымъ, поэтому, представляется требованіе, чтобы онъ *доказалъ* наличность такихъ обстоятельствъ. Пока принятіе отзыва остается обязательнымъ для суда, недобросовѣстный отвѣтчикъ всегда будетъ заинтересованъ въ допущеніи заочнаго рѣшенія. Правилами, включенными въ законъ 12 іюня, удобства выжидательной политики только уменьшены, но не уничтожены. Она, во-первыхъ, утомляетъ истца, располагаетъ его къ уступкамъ. Она даетъ отвѣтчику, во-вторыхъ, основаніе надѣяться, что предварительное исполненіе допущено не будетъ или будетъ отмѣнено судомъ послѣ подачи отзыва. Она задерживаетъ, въ-третьихъ, продажу имущества отвѣтника, хотя бы оно и было описано при предварительномъ исполненіи рѣшенія. Единственная прочная гарантія противъ намѣренной, безпричинной неявки отвѣтника—это Дамокловъ мечъ, повѣшенный надъ его головой въ видѣ возможности непринятія отзыва. Въ тѣхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда жертвою меча сдѣлается отвѣтчикъ ни въ чемъ неповинный (т.-е. дѣйствительно не имѣвшій возможности явиться въ судъ), его права и интересы могутъ быть ограждены принесеніемъ апелляціи на заочное рѣшеніе.

12 іюня, въ одинъ день съ земскимъ положеніемъ и съ новеллой о заочномъ разбирательствѣ, утвержденъ новый уставъ государственнаго дворянскаго земельного банка. Дворянскій земельный банкъ основанъ только пять лѣтъ тому назадъ; если уставъ его столь скоро потребовалъ существенныхъ измѣненій и дополненій, то это объясняется, прежде всего, льготами, предоставленными дворянскому землевладѣнію Высочайшимъ указомъ 12 октября прошедшаго года. Нужно было регулировать употребленіе капитала, образовавшагося вслѣдствіе выпуска выигрышныхъ закладныхъ листовъ. Этотъ капиталъ предназначенъ: 1) на возмѣщеніе суммъ, обрацаемыхъ, на основаніи положенія 12 октября, къ зачету въ срочные платежи и въ долгосрочный добавочный долгъ заемщиковъ; 2) на выкупъ закладныхъ безъ выигрышей листовъ банка, выпущенныхъ до 1 ноября 1889 г., и 3) на выдачу новыхъ ссудъ. По ст. 28 новаго устава, вся совокупность ежегодныхъ платежей процентовъ и погашенія по находящимся въ обращеніи закладнымъ съ выигрышами и безъ выигрышей листамъ банка не должна превышать общей суммы срочныхъ годовыхъ платежей заемщиковъ на ростъ и погашеніе по вы-

даннымъ имъ ссудамъ; сообразно съ этимъ опредѣляется крайній предѣлъ количества всѣхъ находящихся въ обращеніи закладныхъ листовъ банка. Намъ кажется, что редакція этой статьи не вполне соответствуетъ ея внутреннему смыслу. Толкуя ее буквально, слѣдовало бы признать, что она вступаетъ въ силу съ самаго момента обнародованія закона, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она только намѣчаетъ цѣль, къ которой надлежитъ стремиться и которая едва ли можетъ быть достигнута въ ближайшемъ будущемъ. Сравняться съ цифрой платежей, производимыхъ заемщиками, цифра платежей по *всѣмъ* закладнымъ листамъ можетъ только тогда, когда будутъ выкуплены и изъяты изъ обращенія закладные листы *безъ отыримшей* на сумму, равную номинальной цѣнѣ всѣхъ *отыримшихъ* закладныхъ листовъ. Этотъ моментъ наступитъ, по всей вѣроятности, еще не скоро, тѣмъ болѣе, что выкупъ закладныхъ листовъ можетъ быть производимъ не выше, какъ по нарицательной цѣнѣ, въ количествѣ, опредѣляемомъ министромъ финансовъ. Выкупъ, сразу, большого числа закладныхъ листовъ неминуемо долженъ повысить ихъ цѣну — и въ этомъ повышеніи найти, на время, свою естественную границу.

Неисправнымъ заемщикамъ пересмотрѣнный уставъ дворянскаго банка предоставляетъ новую льготу: продажа имѣнія можетъ быть отсрочена, если совѣтъ банка (по большинству двухъ третей голосовъ и съ согласія управляющаго) признаетъ возможнымъ отдать имѣніе въ опекуное управленіе или оставить его въ безотчетномъ передъ владѣльцемъ управленія банка, съ тѣмъ, чтобы въ обоихъ случаяхъ недоимка (вмѣстѣ съ текущими платежами) была покрыта въ теченіе двухъ лѣтъ. Къ огражденію интересовъ банка направлена, зато, другая статья устава, по которой заемщикъ, при полученіи ссуды, обязывается подпиской: 1) не заключать, безъ разрѣшенія банка, арендныхъ договоровъ на срокъ болѣе трехъ лѣтъ; 2) не получать отъ лицъ, съ которыми заключены договоры по имѣнію, платежей впередъ болѣе, чѣмъ за одинъ годъ; 3) не продавать на срубъ, безъ разрѣшенія банка, произрастающаго въ имѣніи лѣса и 4) не продавать и не сносить, безъ разрѣшенія банка, строеній, подлежащихъ, по условіямъ залога, обязательному страхованію. Нарушеніе этихъ обязательствъ грозитъ заемщику требованіемъ возврата части ссуды, соответствующей обезцѣненію имѣнія, а въ случаѣ неисполненія требованія — продажей имѣнія съ публичнаго торга.

Сроки залога опредѣлены новымъ уставомъ самыя разнообразныя, отъ 11 до 66 лѣтъ. Сообразно съ этимъ цифра ежегодныхъ платежей колеблется между 12 и 5% (роста всѣ заемщики платятъ $4\frac{1}{2}\%$, на расходы управленія и въ запасный капиталъ — $\frac{1}{4}\%$; измѣняется только размѣръ погашенія, простираясь отъ $7\frac{1}{4}\%$ до $1\frac{1}{4}\%$). По спра-

ведливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, платежъ въ 12% едва ли можетъ выдержать какое бы то ни было имѣніе; чрезвычайно высокимъ слѣдуетъ признать даже платежъ 10% (при залогѣ на четырнадцать лѣтъ) и 8% (при залогѣ на двадцать лѣтъ). На такихъ условіяхъ сдѣлки, по всей вѣроятности, будутъ заключаться чрезвычайно рѣдко. Интересы дворянскаго землевладѣнія нисколько бы не пострадали, еслибы наименьшимъ срокомъ залога былъ признанъ двадцатипятилѣтній, съ платежемъ по 7% въ годъ.

Одновременно съ новымъ уставомъ дворянскаго поземельнаго банка утвержденъ законъ, полагающій конецъ самостоятельному существованію общества взаимнаго поземельнаго кредита. Оно сливается съ дворянскимъ земельнымъ банкомъ, на условіяхъ весьма выгодныхъ для заемщиковъ. Они освобождаются отъ отвѣтственности по долгамъ, лежавшимъ на обществѣ по отношенію къ правительству и составившимъ, за вычетомъ свободныхъ средствъ общества, нѣсколько милліоновъ рублей. Ежегодный платежъ, составившій до сихъ поръ 7 руб. 76 коп. на сотню рублей металлической ссуды, пониженъ до 7 руб. 15 коп. Въ счетъ этой суммы 25 копѣекъ уплачиваются, за заемщиковъ-дворянъ (если они о томъ просятъ), изъ средствъ дворянскаго банка. Другая привилегія, предоставленная заемщикамъ-дворянамъ сравнительно съ не-дворянами — это право на получение дополнительныхъ ссудъ изъ дворянскаго земельного банка.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ опубликованъ утвержденный еще 24-го февраля законъ о регулированіи фабричной работы малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ. Существенныя черты этого закона изложены нами въ майскомъ Внутреннемъ Обзорѣніи. Не повторяя сказаннаго нами тогда, замѣтимъ только, что главная заслуга новаго закона — подтвержденіе и укрѣпленіе правилъ, имѣвшихъ, до тѣхъ поръ, характеръ временной мѣры. Вполнѣ цѣлесообразными представляются утвержденныя 10-го іюня временныя правила о порядкѣ распредѣленія чистаго дохода желѣзнодорожныхъ обществъ. Они имѣютъ въ виду обезпечить исправное полученіе казною всѣхъ платежей, слѣдующихъ ей отъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Съ этою цѣлью выясняется точнѣе понятіе о чистомъ доходѣ, запрещается производить изъ него расходы безъ разрѣшенія государственнаго совѣта, устанавливается постепенность платежей по облигаціямъ, по ссудамъ и по акціямъ, и опредѣляются сроки уплаты, а также послѣдствія просрочки. Обязательства желѣзнодорожныхъ обществъ передъ казною такъ велики, что давно пора было принять мѣры къ точному ихъ исполненію.

Упомянемъ, въ заключеніе, объ инструкціи церковнымъ старостамъ, замѣнившей собою давно устарѣвшія правила 1808 года.

Главнымъ нововведеніемъ ея представляется установленіе ежемѣсячной повѣрки наличныхъ денегъ, накопившихся въ церковныхъ ящикахъ и кружкахъ, и всего церковнаго прихода и расхода. Въ повѣркѣ должны принимать участіе, кромѣ причта и старосты, двое уполномоченныхъ отъ прихода, избираемыхъ въ томъ же порядкѣ, какъ и староста, но не на три года, а на одинъ годъ. Это — несомнѣнная гарантія правильнаго веденія церковнаго хозяйства. Право голоса при избраніи церковнаго старосты и двухъ уполномоченныхъ принадлежитъ только тѣмъ проживающимъ въ приходѣ лицамъ, которые могутъ участвовать въ собраніяхъ мѣстнаго городского или сельскаго общества или въ собраніяхъ дворянства. Это ограниченіе для насъ не вполне понятно; мы не видимъ причины, по которой личные дворяне, мѣщане, приписанные къ другому городу, крестьяне, приписанные къ сельскому обществу другого прихода, устраняются отъ участія въ выборахъ, столь же для нихъ важныхъ, какъ и для остальныхъ мѣстныхъ жителей. Вполнѣ достаточно было бы, кажется, требовать, для участія въ выборахъ, осѣдлости въ предѣлахъ прихода или проживанія въ немъ въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ. И то, и другое свидѣтельствовало бы о внутренней связи съ приходомъ, ничуть не меньшей, чѣмъ та, которая обусловливается формальной принадлежностью къ мѣстному обществу. Въ приходяхъ, находящихся внѣ городскихъ поселеній, не могутъ быть избираемы ни въ церковные старосты, ни въ уполномоченные, содержатели заведеній для раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ, а равно приказчики и сидѣльцы этихъ заведеній. Вполнѣ сочувствуя этому правилу, мы затрудняемся опредѣлить, почему оно не распространено на городскіе приходы. Раздробительная торговля крѣпкими напитками вездѣ имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ. Правда, въ деревнѣ кабатчику легче приобрести вліяніе, чѣмъ въ городѣ — но вѣдь въ основаніи правила, вошедшаго въ составъ инструкціи, лежитъ, очевидно, не опасеніе гнета, которому сельскіе избиратели могутъ подвергнуться со стороны кабатчика (иначе незачѣмъ было бы запрещать избраніе приказчиковъ и сидѣльцевъ питейныхъ заведеній), а убѣжденіе въ несовмѣстности извѣстной профессіи съ званіемъ церковнаго старосты. Эта несовмѣстимость одинакова, думается намъ, и въ городѣ, и въ деревнѣ.

Мы привели, въ предъидущемъ обзорѣнн, подлинный текстъ манифеста, которымъ измѣнена организація почтовой части въ Финляндіи. Теперь мы узнаемъ о разрѣшеніи другого вопроса, поставленнаго на очередь — вопроса монетнаго. Оно имѣетъ менѣе радикальный, но зато только временный характеръ. Съ 1-го января 1891 г. вводится обязательный пріемъ русскихъ кредитныхъ рублей и русской

размѣнной монеты финляндскими казенными, городскими и общественными учрежденіями, по курсу на Лондонъ, въ данное время объявленному на петербургской биржѣ. Цѣль этого распоряженія— „большее распространеніе въ великомъ княжествѣ употребляемыхъ въ имперіи денегъ, *впредь до установленія полнаго единообразія въ монетной системѣ между имперіей и великимъ княжествомъ*“.

Графъ Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ, скончавшійся 11 августа, былъ однимъ изъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые группировались, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, вокругъ великаго князя Константина Николаевича и оставляли морское министерство только для того, чтобы стать во главѣ разныхъ отраслей управленія. Не всѣ члены этой группы сохранили вѣрность началамъ, подъ влияніемъ которыхъ она сложилась на зарѣ царствованія,—но всѣ оставили болѣе или менѣе глубокой слѣдъ на всемъ томъ, чего имъ пришлось коснуться. Графъ Рейтернъ принадлежалъ, вмѣстѣ съ А. В. Головиннымъ, къ числу тѣхъ, которые меньше всего уклонились въ сторону отъ первоначальнаго пути. Въ его бытность министромъ финансовъ упрочилась гласность государственнаго бюджета. При немъ поставленъ былъ на очередь вопросъ объ отмигнѣ подушной подати, съ распредѣленіемъ бремени ея между всѣми сословіями; по его инициативѣ способъ разрѣшенія этого вопроса переданъ былъ на обсужденіе земскихъ собраній. Критика финансовыхъ мѣръ въ газетахъ и журналахъ не вызвала съ его стороны обращенія къ карательной или предупредительной власти администраціи. О достоинствахъ и недостаткахъ системы, которой онъ держался во время шестнадцатилѣтняго управленія министерствомъ финансовъ, можно быть того или другого мнѣнія—но нельзя отрицать, что ею были подготовлены нѣкоторыя изъ реформъ, предпринятыхъ при А. А. Абазѣ и законченныхъ при Н. Х. Бунге. Этого достаточно, чтобы отвести покойному почетное мѣсто въ исторіи нашихъ финансовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября 1890.

Политическое значеніе путешествій Вильгельма II.—Газетные толки по поводу пребыванія его въ Россіи.—Международное положеніе Германіи.—Особенности нынѣшней нѣмецкой политики.—Принципы князя Бисмарка и его преемниковъ.—Соглашенія по африканскимъ дѣламъ и ихъ значеніе.—Перемѣна въ политическомъ настроеніи нѣмецкаго общества.—Нѣмецкая социальная демократія и нынѣшній ея кризисъ.—Англійскія дѣла.

Постоянныя путешествія Вильгельма II вносятъ значительное оживленіе въ мирный ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ и даютъ газетамъ богатый матеріалъ для сообщеній и комментариевъ; слухи о новыхъ союзахъ, договорахъ и проектахъ давно уже не возникали въ такомъ изобиліи, какъ въ настоящее время. Проницательные публицисты говорили поочередно о привлеченіи Швеціи къ тройственному союзу, о военно-политическихъ переговорахъ съ Бельгіею, о союзѣ съ Англіею, о планахъ соглашенія съ Россіею. Каждое государство, которое посѣщалось молодымъ германскимъ императоромъ, начиная съ Турціи, причислялось къ возможнымъ секретнымъ союзникамъ Германіи. Въ этомъ отношеніи печать имѣла предъ собою обширное поле для разнообразнѣйшихъ предположеній и догадокъ. Но чѣмъ чаще повторяются поѣздки Вильгельма II, тѣмъ меньшее политическое значеніе приписывается имъ, въ смыслѣ какихъ-либо специальныхъ цѣлей, и тѣмъ больше выясняется ихъ общій миролюбивый характеръ. Такъ какъ нельзя пытаться одновременно заключить союзъ съ Англіею или Турціею и Россіею, то несправедливо было бы въ путешествіяхъ и визитахъ Вильгельма II отыскивать признаки опредѣленныхъ политическихъ комбинацій. Разъѣзжая повсюду съ одинаковою готовностію, германскій императоръ этимъ самымъ опровергаетъ преувеличенныя одностороннія толкованія, связываемыя съ этими частыми разъѣздами его по Европѣ. Судя по нѣкоторымъ намекамъ приближенныхъ къ нему лицъ можно думать, что онъ не прочь былъ бы побывать и въ Парижѣ, еслибы могъ этимъ способствовать установленію болѣе правильныхъ отношеній съ Франціею. Вторичный пріѣздъ въ Россію вызывалъ уже меньше ожиданій и толковъ, чѣмъ первый; почти вся европейская журналистика доказывала на этотъ разъ, что пребываніе Вильгельма II въ Варвѣ и Петергофѣ не можетъ серьезно повліять на существующія междуна-

родныя связи Германіи и на общую группировку державъ. Нѣмецкія, французскія и англійскія газеты столь же настойчиво проводили эту мысль, какъ и наша русская печать, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ нѣмецкой печати замѣчалось стремленіе успокоить Австрію и увѣрить ее въ непоколебимости тройственного союза, составляющаго основу и опору ея внѣшней политики; вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялись и обычныя антипатіи къ Россіи, которыя особенно усилились въ послѣдніе годы и рѣшительно господствуютъ въ наиболѣе вліятельныхъ слояхъ нѣмецкаго общества. Французскіе публицисты съ своей стороны не уставали расписываться въ своей любви къ русскому народу и правительству, въ сотый и тысячный разъ объясняя безусловную необходимость тѣсной франко-русской дружбы, на которой держится, по ихъ мнѣнію, все политическое равновѣсіе Европы и которой не поколеблѣтъ никакія германскія усилія. Такъ же точно и въ русской журналистикѣ преобладало убѣжденіе, что новѣйшія попытки Вильгельма II способны только устранить прежнюю оффиціальную холодность и натаянность въ русско-нѣмецкихъ отношеніяхъ, но никакъ не привести къ положительному сближенію и союзу.

Пребываніе германскаго императора въ предѣлахъ Россіи (отъ 5-го до 12-го августа) было рядомъ чисто-военныхъ и семейныхъ празднествъ, безъ всякихъ политическихъ манифестацій; не было произнесено даже ни одного изъ тѣхъ краснорѣчивыхъ тостовъ, которыми Вильгельмъ II часто занимаетъ европейское общественное мнѣніе. Имперскій канцлеръ, генералъ Каприви, имѣлъ возможность, такъ сказать, представиться русскому правительству и познакомиться съ руководителями нашей дипломатіи; вѣтъ сомнѣнія, что происходилъ нѣкоторый обмѣнъ мыслей по текущимъ международнымъ вопросамъ, имѣющимъ значеніе для Россіи и Германіи, но предметы совѣщаній едва-ли входили въ область такъ-называемой высшей политики: скорѣе обсуждались способы облегчить какія-нибудь таможенныя стѣсненія, чѣмъ проекты новаго устройства болгарскихъ дѣлъ. Мы не разъ уже говорили о беспочвенности и ненужности дипломатическихъ комбинацій, влонящихся въ искусственному, формальному удовлетворенію предполагаемыхъ интересовъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, при помощи тѣхъ или другихъ западно-европейскихъ кабинетовъ. Германія не могла бы предложить намъ ничего реального въ области международной политики уже потому, что въ данное время единственная наша реальная цѣль—сохраненіе прочнаго мира. Если бы даже наша дипломатія считала настоящій моментъ удобнымъ для возбужденія или обсужденія восточнаго вопроса, то она должна была бы прежде всего столковаться по этому пред-

мету съ ближайшими, наиболѣе энергическими и непреклонными соперниками Россіи на востокѣ—Англією и Австро-Венгрією. Такъ какъ эти двѣ державы оказываютъ рѣшающее вліяніе на ходъ балканскихъ дѣлъ и на политику Турціи, то вести переговоры объ этихъ дѣлахъ съ однимъ берлинскимъ кабинетомъ было бы совершенно бесполезно и безцѣльно; а возлагать серьезные надежды на услуги посредниковъ или „честныхъ маклеровъ“ было бы слишкомъ наивно, ибо каждый понимаетъ, что англичане и австрійцы не откажутся отъ своихъ традиціонныхъ интересовъ и стремленій изъ одного желанія угодить германскому правительству, а послѣднее въ свою очередь не имѣетъ ни малѣйшаго повода жертвовать дружбою Англии и Австро-Венгрии ради приобрѣтенія нашей благосклонности и признательности. Намъ всегда казался крайне страннымъ тотъ недавно еще господствовавшій у насъ взглядъ, что Германія и князь Бисмаркъ отвѣтственны за всѣ наши неудачи на Балканскомъ полуостровѣ со времени берлинскаго конгресса. Наши публицисты, негодовавшіе на нѣмецкую неблагодарность и на коварство Бисмарка, забывали ту простую истину, что германская имперія вовсе не имѣетъ возможности распоряжаться на востокѣ, что она принимаетъ только второстепенное, теоретическое участіе въ обсужденіи вопросовъ, представляющихъ живой, реальный интересъ для Англии и Австро-Венгрии, и что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ навязывать свое воззрѣніе или желанія названнымъ двумъ государствамъ. Что могла бы намъ полнѣйшая искренность германской дружбы при систематической и неуклонной враждѣ англичанъ и австрійцевъ? Разсужденія нашихъ патриотовъ объ интригахъ и коварствѣ Берлина имѣли отчасти характеръ невинной сантиментальной болтовни; но они спутывали понятія и вызывали напрасное раздраженіе, отвлекая вниманіе отъ дѣйствительныхъ причинъ нашихъ погрѣшностей и неудачъ. При всемъ могуществѣ Германіи неразумно было бы утверждать, что балканскій кризисъ находится въ ея власти и что отъ нея зависитъ устранить или даже ограничить неудобное для насъ соперничество англійской и австрійской дипломатіи. Какъ у насъ перестали думать о нѣмецкой поддержкѣ на востокѣ, такъ и нѣмцы должны отказаться отъ мысли о какихъ-либо обязательствахъ Россіи на случай новой франко-германской войны. Не имѣя матеріала для общаго союзнаго соглашенія по бисмарковскому принципу „do ut des“, обѣ стороны тѣмъ не менѣе выигрываютъ очень много отъ облегченія и смягченія взаимныхъ политическихъ отношеній.

Въ этомъ смыслѣ лихорадочная дѣятельность Вильгельма II начинаетъ уже приносить свои плоды: духъ взаимной уступчивости и компромисса въ гораздо большей мѣрѣ проявляется теперь въ между-

народныхъ дѣлахъ, чѣмъ при князѣ Бисмаркѣ, и это обстоятельство прямо ставится въ вину новому режиму въ нѣкоторой части консервативной нѣмецкой печати. Близорукіе патріоты, привыкшіе считать мягкость признакомъ слабости, а прямолинейность эгоизма—доказательствомъ силы, рѣшительно нападаютъ на послѣднюю англо-нѣмецкую сдѣлку, какъ несогласную съ болѣе стойкими и крѣпкими традиціями бисмарковской эры. Бывшій канцлеръ,—говорятъ они,—никогда не сдѣлалъ бы столь существенныхъ уступокъ англичанамъ и сумѣлъ бы приобрести Гельголандъ болѣе дешевою цѣною. И дѣйствительно, уступчивость была совершенно не въ духѣ дипломатіи князя Бисмарка; онъ не отдалъ бы того, что разъ взято, и отстаивалъ бы нѣмецкія притязанія во всей ихъ непркосновенности, не заботясь о неудовольствіи или раздраженіи иностранныхъ противниковъ или соперниковъ; другими словами, не состоялось бы и не могло бы вовсе состояться самое соглашеніе 1-го іюля, установившее прочную дружбу и солидарность между Германією и Англією, а вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ бы присоединенъ и Гельголандъ. Генераль Каприви обнаруживалъ официальную записку, въ которой изложены всѣ доводы въ пользу соглашенія, и доводы эти, не всегда имѣющіе отъносъ узко-патріотическаго своекорыстія, должны были показаться совершенно непривычными публицистамъ, воспитаннымъ въ школѣ Бисмарка. Принимать во вниманіе справедливые интересы чужихъ державъ, жертвовать второстепеннымъ и неважнымъ ради болѣе общихъ и постоянныхъ выгодъ, доказывать пользу обоюднаго компромисса для поддержанія хорошихъ отношеній между культурными націями и для сохраненія общаго мира,—все это представлялось умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ только въ видѣ дипломатическихъ приемовъ, долженствующихъ скрыть истинную цѣль правительственной политики; а въ запискѣ новаго имперскаго канцлера говорится объ уступкахъ настоящихъ, и обнаруживается дѣйствительное желаніе положить конецъ колониальнымъ спорамъ съ Англією, причемъ откровенно указываются побудительные мотивы сдѣлки.

Мюнхенская „Allgemeine Zeitung“, перешедшая въ завѣдываніе одного изъ бывшихъ офиціозовъ, напечатала нѣсколько статей, въ которыхъ выразила безпокойство по поводу отсутствія будто бы сознательной твердости и единства въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства со времени удаленія князя Бисмарка. Газета находитъ, что вопреки данному раньше увѣренію курсъ вовсе не остается прежній, а существенно уклоняется отъ бисмарковскаго, и государственный корабль движется съ быстротою, которая начинаетъ серьезно тревожить всѣхъ благомыслящихъ нѣмецкихъ патріотовъ. „Неопытные дѣятели, смѣнившіе князя Бисмарка и его сотрудниковъ, склонны

удалить препятствія, съ которыми они не въ силахъ справиться, и потому отказываются отъ крѣпкихъ позицій и принциповъ, для защиты которыхъ имъ недостаетъ надлежащей энергіи и ловкости. Этимъ колеблются основы, на которыхъ держалась до сихъ поръ имперія, и въ населеніи распространяется сознаніе, что бразды правленія остаются безъ твердой руководящей руки. На мѣсто испытанныхъ практическихъ правилъ неизбѣжно является наклонность къ экспериментамъ, къ отдачѣ занятыхъ позицій для возбужденія симпатій“ и т. д. Подъ отдачею крѣпкихъ позицій во внутренней и внѣшней политикѣ газета разумѣетъ, во-первыхъ, предоставленіе англичанамъ африканскихъ земель, на которыя нѣмцы имѣли будто бы преимущественное право, и во-вторыхъ, отказъ отъ исключительныхъ мѣръ противъ социалистовъ. Прогрессисты напоминаютъ по этому поводу, что система, восхваляемая мюнхенскою газетою, постоянно создавала конфликты извнѣ и успѣла возстановить противъ Германіи даже такія миролюбивыя державы, какъ Швейцарія и американскіе Соединенные Штаты (изъ-за острововъ Самоа); а внутри эта политика не только не ослабила значенія соціальной демократіи, но, напротивъ, способствовала усиленію и развитію ея въ небывалыхъ размѣрахъ. Призывы къ властной и твердой .рукѣ не встрѣчаютъ сочувствія даже въ консервативныхъ группахъ нѣмецкаго общества, такъ какъ находятся въ полномъ и явномъ противорѣчій съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ; всѣ видятъ и понимаютъ, что забота о приобрѣтеніи симпатій въ массахъ народа и въ чужихъ государствахъ значительно облегчаетъ и возвышаетъ положеніе правительства, предупреждаетъ ненужныя пререканія и столкновенія, создаетъ болѣе спокойную политическую атмосферу и гораздо вѣрнѣе обезпечиваетъ интересы внѣшняго и внутренняго мира, чѣмъ система угрозъ и исключительныхъ мѣръ. Чрезмѣрная политическая опытность бывшаго канцлера заставляла его принимать въ расчетъ одни лишь элементы матеріальной силы, пренебрегая тѣми нравственными и общественными факторами, которые играютъ такую важную роль въ жизни современныхъ культурныхъ народовъ. Эта односторонность давала себя чувствовать во всей политикѣ князя Бисмарка и придавала всѣмъ ея внѣшнимъ успѣхамъ какія-то антипатичныя, жесткія черты. Въ концѣ концовъ, пренебреженіе къ чувствамъ и настроенію чужихъ державъ могло бы оказаться невыгоднымъ для Германіи, при наступленіи какого-либо международнаго кризиса; и забота о приобрѣтеніи симпатій внутри и извнѣ представляется прежде всего дѣломъ разумной расчетливости и дальновидности.

Прямѣрь, данный Германіею въ африканскомъ вопросѣ, не остался безъ вліянія на политику другихъ государствъ и особенно Англій.

Англо-нѣмецкое соглашеніе было только первымъ шагомъ на пути миролюбивыхъ сдѣлокъ, имѣющихъ цѣлью разграничить сферы европейскихъ интересовъ въ Африкѣ. Устроивъ полюбовное размежеваніе съ Германіею, англійское правительство должно было по неволѣ согласиться на такое же размежеваніе по отношенію къ Франціи и даже Португаліи. Духъ уступчивости, обнаруженный въ этомъ случаѣ Англіею, не соотвѣтствуетъ обычнымъ свойствамъ ея дипломатіи и составляетъ странный контрастъ съ недавними еще дѣйствіями и мѣрами въ области колониальныхъ споровъ; лондонскій кабинетъ не вступалъ даже въ серьезные разговоры съ маленькою Португаліею, а просто пригрозилъ ей ультиматумомъ въ отвѣтъ на ея робкія напоминанія о старыхъ правахъ на территорію около рѣки Замбези,— а теперь Англія вступила по этому же предмету въ мирное соглашеніе, не безвыгодное и для португальцевъ. Раздѣлъ африканскихъ земель производится теперь больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности; громадныя страны, обозначенныя на географическихъ картахъ въ видѣ невѣдомыхъ пустынь, распределяются между европейскими державами, въ качествѣ вещей ничьихъ, безхозяйныхъ, хотя эти территоріи имѣютъ своихъ исконныхъ и иногда многочисленныхъ обитателей. Между прочимъ, Франціи предоставлена западная часть Сахары, отъ окраинъ Алжира до французскихъ владѣній по рѣкѣ Нигеру, и французскіе предприниматели готовятся соорудить желѣзную дорогу черезъ эти пустынные пространства, для соединенія Алжира съ Сенегамбіею. Смѣлые проекты оплодотворенія обширныхъ новыхъ территорій становятся уже болѣе осуществимыми благодаря состоявшимся разграниченіямъ; прежняя неизвѣстность и неясность притязаній уступаетъ мѣсто положительному и точному размежеванію, и перспектива опасныхъ конфликтовъ и даже войнъ изъ-за африканскихъ владѣній можетъ считаться окончательно устраненною. Въ англо-португальскомъ договорѣ отъ 20-го августа (н. ст.) постановлено, что всѣ несогласія, могущія возникнуть между сторонами въ сферахъ ихъ владычества, должны быть улажены путемъ третейскаго суда. Это важное правило предупреждаетъ возможность столкновений даже въ тѣхъ случаяхъ, когда слабость противника могла бы послужить соблазномъ къ нарушенію его законныхъ правъ, какъ это случилось въ спорѣ Англійи съ Португаліею въ началѣ настоящаго года. Сознательное и добровольное закрытіе такого богатаго источника международныхъ распрей, какъ колониальныя приобрѣтенія въ Африкѣ, кажется намъ весьма существеннымъ успѣхомъ той политики уступокъ и соглашеній, на которую повидимому вступила Германія. Англо-нѣмецкая сдѣлка состоялась несомнѣнно по почину берлинскаго кабинета, а слѣдовавшіе за нею договоры съ Франціею

и Португалією логически вытекали изъ сдѣланнаго перваго шага; поэтому главнѣйшая доля заслуги въ устройствѣ этихъ благотворныхъ соглашеній должна быть приписана новой нѣмецкой дипломатіи, на которую такъ жаждутся безусловные поклонники успѣховъ князя Бисмарка. Люди, выдающіе славу отечества въ нанесеніи ловкихъ ударовъ сосѣдямъ, не могутъ примириться съ мыслью о добровольномъ признаніи чужихъ правъ и считаютъ такое признаніе непростительною слабостью, хотя бы оно съ избыткомъ выкупалось спокойнымъ пользованіемъ приобрѣтенными выгодами и установленіемъ прочнаго мира и довѣрія между народами. Очень можетъ быть, что Германія могла бы завладѣть болѣе значительною частью Африки и не сдѣлать никакой уступки англичанамъ, какъ доказываютъ теперь нѣкоторые нѣмецкіе патріоты; но тогда нѣмцы должны были бы всегда быть на-готовѣ противъ Англій, и взаимное раздраженіе обѣихъ націй поддерживалось бы постоянно, заставляя ихъ вооружаться, принимать охранительныя мѣры, и наконецъ при болѣе серьезномъ конфликтѣ дѣло могло дойти и до войны, какъ это высказано, въ видѣ предположенія, въ официальной запискѣ генерала Каприви. Стоило ли подвергаться такому риску и жить въ непріятной враждѣ съ родственнымъ культурнымъ народомъ, когда такъ легко избѣгнуть этого съ самаго начала, цѣною обоюдной уступчивости? Бисмаркисты полагаютъ, что задача государственныхъ дѣятелей — обезпечить себѣ успѣхъ во что бы то ни стало, въ ущербъ соперникамъ и врагамъ; но всегда разсчитывать на успѣхъ, надѣяться лишь на ловкость и искусство въ дипломатической или военной борьбѣ, безъ болѣе широкихъ нравственныхъ и общечеловѣческихъ основъ, — значитъ отдавать все положеніе государства на произволъ случайностей, которыя могутъ иногда повернуться противъ самыхъ дальновидныхъ и осторожныхъ правительствъ. Нужно особенное патріотическое ослѣпленіе, чтобы считать успѣхъ законнымъ удѣломъ одной лишь стороны; притомъ достигнутая удача вызываетъ дальнѣйшія усилія противниковъ, и сохраненіе добычи можетъ обойтись несравненно дороже, чѣмъ стоитъ самый предметъ спора. Осужденіе такихъ актовъ, какъ англо-нѣмецкій договоръ, съ точки зрѣнія узкаго національнаго эгоизма, — принадлежатъ въ числу характерныхъ симптомовъ стараго политическаго направления, реальнаго по названію, а фантастическаго и бесплоднаго по существу.

Полемика „Кельской“ и мюнхенской „Всеобщей газеты“ противъ духа уступчивости, усвоеннаго Германією въ колоніальныхъ дѣлахъ, бросаетъ яркій свѣтъ на принципиальную противоположность программъ и принциповъ, процвѣтавшихъ при князѣ Бисмаркѣ и фактически примѣняемыхъ (по крайней мѣрѣ отчасти) при его преем

никахъ. Что нѣмѣцкіе правители склонны выдвигать на первый планъ идею международнаго соглашения, въ различныхъ областяхъ европейскіхъ интересовъ,—это видно не только изъ сдѣланныхъ съ Англіею, но и изъ всѣхъ путешествій Вильгельма II, изъ его попытокъ предупредить разногласія и конфликты путемъ частныхъ личныхъ свиданій съ главными европейскими монархами; о томъ же стремленіи къ международнымъ соглашениямъ свидѣтельствуетъ и конференція по рабочему вопросу въ Берлинѣ. Результаты этихъ попытокъ выражаются въ чувствительной перемянѣ отношеній между нѣмцами и французами; противная заносчивость прежнихъ офиціозовъ, третировавшихъ Францію свысока и не упускавшихъ случая, чтобы не кольнуть или оскорбить ее своими грубыми выходками,—эта заносчивость исчезла безъ слѣда и уступила мѣсто вполне приличному и внимательному тону патріотической нѣмецкой печати. На медицинскомъ международномъ конгрессѣ въ Берлинѣ французскіе врачи, прибывшіе въ большомъ числѣ и отчасти по официальному порученію республиканскаго правительства, служили предметомъ спеціальнаго ухаживанія со стороны нѣмцевъ и удостоивались такихъ сочувственныхъ манифестацій, которыя еще въ недавнее время были бы совершенно немислимы. Каждое французское заявленіе встрѣчалось восторженными рукоплесканіями, независимо отъ его содержанія; почетнымъ президентомъ избирался французъ; Вирховъ и Лейденъ превозносили французскую науку, заявляли о своемъ уваженіи къ Франціи и о великихъ благахъ мира между культурными націями; одинъ изъ французскихъ ученыхъ, профессоръ Шарль Рише, говорилъ даже по-нѣмецки на прощальномъ обѣдѣ членовъ конгресса. Франкофильскія оваціи были до того всеобщы и систематичны, что сами французы чувствовали себя неловко; и они не могли не вынести того впечатлѣнія, что высшая интеллигенція Германіи единодушно желаетъ мира и дружбы съ Франціею. Ничего подобнаго не могло бы обнаружиться при господствѣ системы князя Бисмарка и ея ядовитыхъ выразителей, офиціозовъ. Выказывать какія-либо симпатіи къ Франціи и французамъ признавалось чуть ли не государственною измѣною; всякій добрый нѣмецъ долженъ былъ видѣть во французахъ только побѣжденныхъ враговъ, а высшій представитель германскаго патріотизма публично заявлялъ, что будущая война обойдется дорого французамъ, что это будетъ борьба на жизнь и смерть, что кровопусканіе будетъ доведено до того, чтобы обезкровить противниковъ (*saigner à blanc*). Ничего другого, кромѣ вражды и насмѣшекъ, не позволяли себѣ выказывать нѣмецкіе патріоты относительно французовъ, ихъ политики, науки и культуры; не было такихъ ироническихъ и ѣдкихъ словъ, которыя не примѣнялись бы

къ французамъ въ нѣмецкой журналистикѣ. Теперь все это какъ будто забыто, со времени удаленія князя Бисмарка и его рептилій; французы, для которыхъ прежде было не всегда безопасно показываться въ германскихъ предѣлахъ, чествуются въ Берлинѣ, какъ дорогіе и искренно уважаемые гости. Можно ли представить себѣ болѣе крутой переворотъ въ общественномъ настроеніи Германіи? Бывшій канцлеръ налагалъ извѣстный отпечатокъ на всю политическую физиономію нѣмецкаго общества; онъ давалъ тонъ нѣмецкому патриотизму и задерживалъ свободное развитіе и проявленіе самостоятельной политической мысли и жизни, благодаря подавляющему авторитету своего имени и своей славы. Этотъ гнетъ славы и авторитета пересталъ дѣйствовать, и мало-по-малу вступаетъ въ свои права общечеловѣческое чувство справедливости, позволяющее признать достоинства и заслуги враговъ, и доходящее даже до идеи примиренія. Принципъ „saigner à blanc“, возмутительный и бессмысленный въ своей циничности, остается какимъ-то тяжелымъ кошмаромъ, отъ котораго теперь освободилась значительная часть нѣмецкаго общества, и забота о сохраненіи мира, поддерживаемая прежде одними вооруженіями и угрозами, находитъ теперь болѣе надежную почву въ общемъ сознаніи народовъ и правительствъ. И эта спасительная перемена оплакивается мюнхенскою „Allgemeine Zeitung“, какъ признакъ будто бы слабости и нерѣшительности государственной власти, какъ доказательство отсутствія твердой и руководящей руки у кормила правленія. Нельзя не согласиться съ газетою, что „курсъ государственнаго корабля значительно уклонился отъ прежняго“, но всѣ здравомыслящіе нѣмцы чувствуютъ облегченіе отъ этой перемены, и интересы международнаго мира могутъ только выиграть подъ вліяніемъ настроенія, получившаго преобладаніе въ послѣдніе мѣсяцы и выразившагося съ особенною яркостью въ сочувственномъ приѣмѣ французскихъ делегатовъ на медицинскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ.

Прекращеніе дѣйствія закона о социалистахъ, съ 1-го октября (н. ст.), ожидается консервативными партіями съ нѣкоторымъ трепетомъ, такъ какъ князь Бисмаркъ и его вѣрные комментаторы объявили эту мѣру крайне рискованною съ точки зрѣнія общественной безопасности. Предстоящая перемена пока имѣла одинъ результатъ, довольно неожиданный,—она внесла разладъ въ среду социальной демократіи и возбудила между ея вождями и представителями горячую борьбу, какой никогда еще не происходило въ этой партіи. Если это составляетъ одно изъ тѣхъ серьезныхъ и пагубныхъ послѣдствій, отъ которыхъ предостерегалъ бывшій канцлеръ, то нѣмецкіе консерваторы могутъ быть только довольны принятою мѣрою. Пока органи-

зація и дѣятельность соціальной демократіи преслѣдовались закономъ и подвергались различнымъ стѣсненіямъ, до тѣхъ поръ твердо держалось внутреннее единство партіи, и предводители ея пользовались неограниченнымъ авторитетомъ и популярностью. Но съ превращеніемъ соціальной демократіи въ простую политическую партію, дѣйствующую обычными законными средствами и не стѣсненную никакими исключительными мѣрами, теряетъ уже свой *gaijon d'état* строгая дисциплина партіи, вызываемая потребностями и условіями борьбы; исключительная власть вождей должна уступить мѣсто свободному самоуправленію партіи и различныхъ ея элементовъ. Молодые, радикальные дѣятели социализма не довольствуются заявленіемъ своихъ правъ на участіе въ общемъ руководствѣ рабочимъ движеніемъ; они встаютъ въ то же время противъ старыхъ и заслуженныхъ руководителей, Бебеля, Либкнехта, Зингера, обвиняя ихъ въ парламентскомъ честолюбіи, въ желаніи захватить власть надъ партією и отстранить всѣхъ противниковъ и соперниковъ. Нынѣшніе представители партіи въ имперскомъ сеймѣ, съ Бебелемъ во главѣ, выработали планъ партійной организаціи, который долженъ обсуждаться на общемъ съѣздѣ въ Галле, 12-го октября (н. ст.); по этому плану общее руководство дѣлами партіи принадлежитъ группѣ ея депутатовъ въ парламентѣ. Молодое поколѣніе демократіи протестуетъ противъ такого притязанія парламентаристовъ и требуетъ предоставленія большей свободы и автономіи мѣстнымъ организаціямъ и ихъ руководителямъ; особенно рѣшительно высказываются въ этомъ тонѣ журналистъ Гансъ Мюллеръ и д-ръ Бруно Вилле, убѣжденный и остроумный ораторъ. Бебель отвѣчалъ на нападеніе съ нѣкоторымъ раздраженіемъ и рѣзкостью; это еще болѣе ожесточило оппозицію, и полемика приняла характеръ враждебный и отчасти ругательный. Краснорѣчивые и опытные въ политическихъ дѣлахъ сапожники устроили въ Берлинѣ многолюдную сходку, на которой произносились рѣчи по вопросу о пассивности массъ; д-ръ Бруно Вилле доказывалъ несостоятельность и вредъ системы, основанной на слѣпомъ повиновеніи немногимъ лицамъ; изъ другихъ ораторовъ, развивавшихъ ту же мысль, наиболѣе остроумно говорилъ сапожникъ Краузе, по словамъ котораго уваженіе къ принципамъ соціальной демократіи вовсе не предполагаетъ готовности бѣгать за предводителями, какъ стадо овецъ—за пастухомъ. Большинство высказалось противъ Бебеля и его единомышленниковъ. Болѣе значительное собраніе, созванное Бебелемъ въ Берлинѣ, окончилось напротивъ осужденіемъ оппозиціи и шумными оваціями въ честь главныхъ вождей партіи; двухчасовая рѣчь Бебеля, выслушанная съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, произвела повидимому сильное впечатлѣніе и совершенно парализо-

вала силу доводовъ д-ра Бруно Вилле. Чѣмъ бы ни кончились эти распри въ средѣ нѣмецкой соціальной демократіи, онѣ во всякомъ случаѣ могутъ ослабить нравственное вліяніе предводителей и подорвать ихъ авторитетъ въ глазахъ рабочихъ массъ. Взаимные рѣзкіе споры, обвиненія и нападки въ средѣ лицъ, имѣющихъ задачей подготовить водвореніе новаго порядка вещей, даютъ публикѣ довольно странное понятіе о томъ идеалѣ всеобщаго мира, осуществленіе котораго обѣщается реформаторами. Отмѣна исключительныхъ мѣръ противъ соціалистовъ оказывается пока благопріятною для консервативныхъ элементовъ населенія, а вовсе не для соціальной демократіи, которой она грозитъ утратою прежняго единства и вѣроятнымъ распаденіемъ на отдѣльныя фракціи и направленія, какъ это мы видимъ у французскихъ соціалистовъ.

Парламентская сессія окончилась въ Англіи 18-го августа, давъ результаты скорѣе отрицательные, чѣмъ положительныя: важнѣйшіе законопроекты, внесенные министерствомъ, были встрѣчены несочувственно или не имѣли шансовъ быть принятыми большинствомъ, вслѣдствіе чего были взяты обратно. Въ тронной рѣчи отведено внутреннимъ дѣламъ очень мало мѣста; упомянуты только второстепенныя и даже третьестепенныя законодательныя мѣры, а болѣе крупныя реформы обойдены молчаніемъ, такъ какъ онѣ отложены на неопредѣленное время. Билль о покупкѣ земель въ Ирландіи вызвалъ продолжительныя пренія, подвергся многимъ возраженіямъ и поправкамъ и наконецъ оставленъ въ наслѣдство будущему. Этотъ проектъ, составленный министромъ по дѣламъ Ирландіи Бальфуромъ, имѣетъ повидимому очень хорошую цѣль—облегчить ирландскимъ фермерамъ пріобрѣтеніе занимаемыхъ ими участковъ въ собственность, при помощи государства. Условія пріобрѣтенія опредѣляются добровольнымъ договоромъ между сторонами и представляются на утверженіе поземельнаго департамента; вся покупная сумма, если она не превышаетъ двадцатикратнаго размѣра чистой годовой ренты, выдается авансомъ изъ казначейства особыми процентными бумагами (дающими 2³/₄%), а фермеры выплачиваютъ эту сумму ежегодными платежами въ казну, въ теченіе 49 лѣтъ, считая 4% на процентъ и погашеніе. Средства на выкупную операцію образуются изъ разныхъ источниковъ и не должны превышать процентовъ съ капитала въ 33 милліона фунтовъ стерлинговъ; на мѣстности съ болѣе густымъ и нуждающимся населеніемъ ассигнуется въ случаѣ надобности еще 1¹/₂ мил. Очевидно, эта земельная реформа мало облегчила бы положеніе фермеровъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ платили бы то же, что

теперь; а такъ какъ многіе не въ состояніи платить ренту и не даютъ лэндлорду никакого дохода, а только доставляютъ хлопоты и неприятели, то новый способъ выкупа земель при помощи казны перенесъ бы финансовыя обязанности съ неимущихъ фермеровъ на государство, въ великому и несомнѣнному удовольствію владѣльцевъ. Сложныя и запутанныя постановленія этого билля помѣшали ему пройти благополучно черезъ всѣ законныя стадіи парламентскаго обсужденія. Еще меньше удачи имѣли финансовыя проекты Гошена, который вообще въ послѣднюю сессію испортилъ свою репутацію находчиваго и остроумнаго практическаго дѣльца. Гошенъ предлагалъ предоставить мѣстнымъ управленіямъ употреблять часть специальныхъ средствъ на выкупъ патентовъ на торговлю спиртными напитками, для ограниченія числа питейныхъ заведеній; эта мысль о выкупѣ патентовъ по добровольному соглашенію давала патентамъ цѣну, которой они не имѣли, и обѣщала большія выгоды кабатчикамъ. Эта идея была рѣшительно отвергнута парламентомъ.

Гораздо благопріятнѣе оказывается балансъ внѣшней политики лорда Сольсбери. Въ тронной рѣчи указывается на соглашеніе по африканскимъ дѣламъ и на окончаніе бруссельской конференціи противъ невольничества, созданной по почину Англій въ ноябрѣ прошлаго года и окончившей свои занятія въ юнѣ настоящаго года. Заключительный актъ конференціи, устанавливающій различныя мѣры противъ торга невольниками и ограничивающій продажу оружія и спиртныхъ напитковъ въ извѣстныхъ областяхъ Африки, подписанъ представителями всѣхъ 17 участвовавшихъ въ конгрессѣ державъ, за исключеніемъ одной Голландіи, которая въ послѣдній моментъ отказала въ своей подписи, въ виду установленія ввозныхъ пошлинъ въ пользу государства Конго. Несогласіе Голландіи не ослабляетъ общаго значенія бруссельскаго заключительнаго акта. Внѣшняя политика Англій не вызвала возраженій и со стороны оппозиціи, и результаты ея признаются вообще удачными, съ точки зрѣнія британскихъ интересовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентабря, 1890.

— *Всеобщая исторія литературы.* Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ редакціей В. Ө. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Киричниковъ. Выпускъ XXIV. Спб. 1890.

Г. Киричниковъ продолжаетъ усердно работать надъ предприятиемъ, которое довольно давно уже начато было В. Ө. Коршемъ при издательствѣ г. Риккера; правда, выпуски изданія выходятъ болѣе медленно, чѣмъ предполагалъ г. Киричниковъ, — безъ сомнѣнія, вслѣдствіе другихъ работъ почтеннаго профессора, — но дѣло идетъ и уже предвидится окончаніе: въ изложеніи нѣмецкой литературы, мы уже въ XIX столѣтіи. Мы не имѣемъ свѣденій о томъ, насколько это изданіе опѣнено публикой, но несомнѣнно, что оно заслуживаетъ полнаго успѣха. Это не первое предпріятіе въ своемъ родѣ: есть болѣе или менѣе обстоятельныя (но болѣе краткія) переводныя книги по всеобщей литературѣ; есть и опыты русскихъ единоличныхъ компилятивныхъ работъ, но изданіе, надъ которымъ работаетъ теперь г. Киричниковъ, имѣетъ, конечно, преимущество передъ тѣми или другими. Во-первыхъ, значительный объемъ изданія допускаетъ болѣе подробность, чѣмъ было до сихъ поръ въ книгахъ, имѣющихся въ нашей литературѣ; а во-вторыхъ, и это главное, книга представляетъ русскія работы, отчасти составленныя на основаніи авторитетныхъ иностранныхъ книгъ, отчасти работы вполне самостоятельныя, исполненныя специалистами (напр. по литературамъ восточнымъ). Это участіе русскихъ силъ составляетъ вообще большое достоинство книги, потому что русскій писатель всегда стоитъ ближе къ русскому читателю и литературѣ, и сознательно или безсознательно въ его трудѣ скорѣе явится то, что вызывается потребностями русскаго образованія и любознательности.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщено три статьи: одна посвящена

вѣку просвѣщенія въ Италиі (Вико, Беккариа, Альфіери и пр.); вторая (какъ продолженіе предыдущаго)—нѣмецкой литературѣ въ эпоху Шиллера и Гёте; третья представляетъ исторію нидерландской литературы; обѣ послѣднія составлены А. И. Кирпичниковымъ. Наконецъ, начата здѣсь (пока только нѣсколькими страницами) исторія литературы скандинавской, г. Диллена... Глава объ итальянской литературѣ довольно краткая; статья г. Кирпичникова о времени Шиллера и Гёте даетъ сжатую, но вмѣстѣ живую картину той эпохи нѣмецкой литературы: изъ громадной массы сочиненій, какія имѣются по этому предмету въ нѣмецкой литературѣ, авторъ взялъ существенное, указывая читателю, гдѣ можетъ онъ найти бѣльшія подробности.

— *Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. Москва, 1890.*

Г. Цвѣтаевъ уже много лѣтъ занимается изслѣдованіемъ того вопроса, которому посвящено его настоящее сочиненіе. Цѣлый рядъ статей и отдѣльныхъ книгъ,—какъ напр.: „Положеніе протестантовъ въ Россіи до временъ Петра Великаго“ (1883), „Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи (1883); „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII в.“ (1886), „Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ московскомъ государствѣ“ (1886), „Литературная борьба съ протестантствомъ“ (1887),—трактовали о различныхъ отношеніяхъ протестантовъ въ старомъ московскомъ государствѣ. Въ настоящее время, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, его изслѣдованія объ этомъ предметѣ настолько достигли полноты, что онъ считалъ возможнымъ объединить ихъ въ цѣльномъ изслѣдованіи. Источниками служили автору здѣсь, какъ и прежде, матеріалы архивныя и рукописныя, иностранныя писатели о Россіи и новыя сочиненія объ этомъ предметѣ. Архивы, которыми пользовался г. Цвѣтаевъ, были московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ хранятся дѣла приказовъ посольскаго, иноземскаго и другихъ, завѣдывавшихъ иноземцами; московскій архивъ министерства юстиціи и архивъ старой московской лютеранской общины; нѣкоторые документы были доставлены автору изъ архивовъ иностранныхъ; далѣе, онъ пользовался рукописями московской патриаршей, нынѣ синодальной бібліотеки и румянцовскаго музея. Такъ какъ авторъ желалъ въ настоящей книгѣ объединить прежнія изслѣдованія, то читатель, которому извѣстны прежнія труды г. Цвѣтаева, находитъ здѣсь много знакомаго; какъ бы то ни было, однако, новая книга г. Цвѣтаева представляетъ вопросъ болѣе полно и связно. Она распадается на слѣдующія главы:

вѣшняя исторія протестантскихъ общинъ, съ ихъ приходскими церквами и духовенствомъ; свобода вѣроисповѣданія протестантовъ неслужившихъ и проживавшихъ у насъ временно; церковно-административный строй, богослуженіе и средства къ просвѣщенію; черты быта, нравовъ и взаимныхъ отношеній протестантовъ; сношенія протестантовъ съ православно-русскимъ населеніемъ и обрусѣніе ихъ подъ условіемъ перекрещиванія; брачный вопросъ; протестантская пропаганда и борьба съ нею; законная сфера дѣятельности и вліянія протестантовъ въ русской средѣ.

Общая постановка вопроса о роли протестантовъ въ московскомъ государствѣ состоитъ въ томъ, что это государство принимало иноземцевъ изъ потребности въ образовательныхъ средствахъ разнаго рода, которыхъ дома не доставало, предоставляло этимъ иноземцамъ свободу исповѣдованія лично и въ ихъ собственномъ кругу, но самымъ рѣшительнымъ образомъ подавляло всякія попытки пропаганды иновѣрія между православными; со времени реформаціи московское государство, подмѣтивъ вѣроисповѣдное различіе между католиками и протестантами, отдало предпочтеніе послѣднимъ, потому что хотя видѣло большую догматическую близость католичества съ православіемъ, но питало къ католикамъ старую нелюбовь и недовѣріе, тѣмъ болѣе, что именно католики всегда отличались духомъ пропаганды, какового не было или было гораздо меньше у протестантовъ; съ послѣдними была у московскихъ людей общая вражда къ католичеству. Съ теченіемъ времени протестанты получили въ самой Москвѣ и вообще въ государствѣ гораздо больше льготъ и пользовались болѣшимъ довѣріемъ; они успѣли образовать въ Москвѣ правильныя церковныя общины, построить себѣ храмы, завести школы и т. д.

Г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ, что, „по юридическимъ изслѣдованіямъ, Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія на практикѣ вопроса о правѣ иностранцевъ. Когда на западѣ иноземецъ считался врагомъ, или, по крайней мѣрѣ, когда его личность и имущество составляли еще собственность новаго государства, и онъ не имѣлъ права завѣщанія, былъ лишенъ свободы личнаго вѣроисповѣданія и т. д., древняя Русь не знала ничего подобнаго; въ этомъ отношеніи не произошло коренныхъ измѣненій и въ московскій періодъ. Въ Москвѣ знали, какой жгучій интересъ имѣлъ тогда вѣроисповѣдный вопросъ въ самой западно-европейской жизни, и видѣли попытки западныхъ людей перенести свои религіозные счеты на русскую почву. Несмотря на то, неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія иноземцевъ всегда стояла у насъ прочно, чужія религіозныя формы оставались въ покоѣ и не допускалось насилія въ дѣлахъ вѣры. Такая вѣротерпимость выходила, разумѣется, не

только изъ теоретическихъ началъ, или изъ юридическихъ основаній свободы личности въ дѣлахъ вѣры: она обуславливалась еще свойственнымъ намъ гостепрѣимствомъ, снисходительностью къ иновѣрцѣмъ православія и ближе всего политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворявшимися при содѣйствіи полезныхъ иноземцевъ" (стр. 7—8). Авторъ справедливо ставитъ на первомъ планѣ политико-экономическія и культурныя соображенія, побуждавшія государство къ терпимости относительно иновѣрцевъ; насколько здѣсь участвовало „гостепрѣимство" или „снисходительность къ иновѣрцѣмъ",—трудно сказать, потому что извѣстно, напротивъ, что московскіе люди къ иновѣрцѣмъ вовсе не были снисходительны. Самъ авторъ въ концѣ книги приводитъ этому достаточныя доказательства, рассказывая, какъ недружелюбно смотрѣли на иноземцевъ обыкновенные московскіе люди. „Духовной іерархіи, какъ прямой представителямъ и защитникамъ господствующей вѣры, протестанты казались *недрузьями* цѣлости православія или же нивой, на которую должно пасть слово Божіе, будущими чадами православной церкви. Съ точки зрѣнія благочестиво-домовитаго москвича, протестантъ, какъ иновѣрецъ и иноземецъ, былъ человекъ чужой, *нечистый*, существо *низшее, боготпротивное*, недостойное дружескаго отношенія. Привыкнувъ жить въ своей національной обособленности, московскіе люди думали, что при такомъ общеніи, которое неминуемо повело бы къ измѣненіямъ народныхъ обычаевъ, они не могутъ остаться прежними православно-русскими, почему сторонились и отстраняли нѣхавшихъ къ намъ и жившихъ у насъ кѣмцевъ и независимо отъ того, чтобы оберегать себя отъ эксплуатированія или отъ нравственной безурядицы этого люда. Когда затѣмъ крайне консервативная часть русскаго общества, расколничествующая въ своемъ упорствѣ церковно-гражданскимъ реформамъ, признала всѣ вообще нововведенія противными православной вѣрѣ и древнецерковному благочестію, то она не только не скрывала прямой своей вражды къ иноземцамъ, которую инстинктивно питала къ нимъ, но осуждала и всякое общеніе съ ними" (777—778).

Въ сущности, отношеніе къ иноземцамъ состояло въ томъ, что ихъ допускали, какъ необходимое зло; ихъ не любили и даже презирали съ точки зрѣнія религіозной, какъ людей поганыхъ (т.-е. оскверненныхъ), и къ ихъ заморскимъ выдумкамъ питали суевѣрный страхъ, подозрѣвая въ этихъ выдумкахъ какое-нибудь участіе нечистой силы (припомнимъ рассказъ Олеарія о томъ, какъ одинъ изъ его пріятелей москвичей перепугался у него камеръ-обскуры). Религіозная нетерпимость и невѣжество, довольно крупное, составляла одну сторону этихъ отношеній; другая заключалась въ томъ, что безъ иноземцевъ, въ концѣ концовъ, невозможно было обойтись, потому

что нужны были разныя техническія знанія, которыхъ дома не имѣлось. Г. Цвѣтаевъ видитъ въ отношеніи московскаго правительства къ иноземцамъ особенную мудрость. „Разрѣшить трудности, непреодолимыя для теоретика-мыслителя, съ значительнымъ успѣхомъ старалось практическое московское правительство. На пребываніе у насъ иноземцевъ оно смотрѣло тоже не какъ на цѣль, но какъ на служебное орудіе для достиженія своихъ задачъ... Самостоятельныхъ постовъ иноземцамъ не поручалось. Даже полковники и генералы непременно находились подъ властью русскихъ воеводъ; и получить высшій военный чинъ всегда легче было перекрещенцу; среди переводчиковъ Посольскаго приказа, людей подначальныхъ по своему положенію, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ почетнѣйшими были именно обратившіеся въ наше вѣроисповѣданіе. Нѣкоторую обособленность приняла-было почта, но и она находилась въ вѣденіи приказовъ и лишь начала прочнѣе организоваться, какъ была поручена перекрещенцу Виніусу. Ни на одно руководственно-административное мѣсто въ гражданскомъ управленіи, ни въ приказахъ, ни по воеводствамъ, не были опредѣляемы иноземцы. Оставляя дѣйствительную власть, руководство и контроль въ рукахъ тѣхъ, кто были хозяевами въ государствѣ, у насъ примѣняли иноземцевъ и пользовались ихъ помощью, гдѣ надобны были разныя техническія и т. п. знанія. При заимствованіи и обученіи наблюдалась постепенность, чтобы предшествующее подготовляло послѣдующее и чтобы вообще все чужое способствовало развитію, а не угнетенію народной жизни и ея началъ“. Эти послѣднія слова кажутся косвеннымъ осужденіемъ того, что бывало въ XVIII столѣтіи, и въ особенности осужденіемъ того предпочтенія, какое впервые сталъ давать иноземцамъ Петръ Великій; но отношенія были весьма различны, прежде всего потому, что до Петра содѣйствіе иноземцевъ привлекалось въ гораздо меньшей степени, а послѣ Петра, съ присоединеніемъ Остзейскаго края, размножилось число русскихъ нѣмцевъ, появленіе которыхъ въ разныхъ отрасляхъ службы производило впечатлѣніе наплыва иноземцевъ,—впечатлѣніе не совсѣмъ точное, потому, что множество этихъ мнимыхъ иноземцевъ были такіе же русскіе подданные. Въ московскія времена и не было никакой надобности опредѣлять иноземцевъ на какія-нибудь руководственно-административныя мѣста. Особенной мудрости въ приѣмахъ московской власти относительно иноземцевъ мы не находимъ. Московская власть руководилась относительно ихъ только тѣми понятіями, какія мы выше указывали: суевѣрной подозрительностью къ ихъ болѣе или менѣе „поганому“ иновѣрію и необходимостью пользоваться ихъ услугами. Этими сами собою опредѣлялись правительственныя мѣры. Что касается того, что „при

заимствованіи и обученіи соблюдалась постепенность“, это весьма сомнительно, потому что до временъ Петра сами русскіе научались отъ иноземцевъ очень мало. Гораздо болѣе мудрыми представляются мѣры Петра, когда онъ именно заставлялъ русскихъ учиться и толпы наемныхъ иноземныхъ солдатъ замѣнилъ прямо русскими войсками, правильно обученными. Въ концѣ своего изслѣдованія авторъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что положеніе иноземцевъ—по преимуществу германцевъ и протестантовъ—въ старой московской Россіи подготовляло и ихъ положеніе въ эпоху преобразования. Къ концу XVII вѣка въ высшемъ правительственномъ кругу появляются все чаще люди, весьма расположенные къ иноземцамъ, несмотря на антипатію къ нимъ народной массы. Такими друзьями нѣмцевъ бывали двоюродный братъ царя Михаила Ѳеодоровича, бояринъ Н. И. Романовъ, извѣстный дипломатъ Ординъ-Нащокинъ, Артамонъ Матвѣевъ и др. „То обстоятельство,—говоритъ г. Цвѣтаевъ,—что эти лица, сравнительно ближе стоявшія къ иноземцамъ, были у насъ самыми популярными, указываетъ не только на характеръ ихъ дружбы, вообще сдержанной и неподкупной, но и на то, что подобныя отношенія отвѣчали народнымъ интересамъ. Эпоха преобразованій уже стучалась въ двери, и вѣковая практика московскаго государства въ культурномъ сближеніи съ западомъ, поддерживаемая складомъ западной жизни, предрѣшала, какими свойствами должна отличаться реформа и кѣмъ изъ западно-европейцевъ должно преимущественно пользоваться въ ея проведеніи. Культурное достояніе запада космополитическаго характера приходилось брать главнымъ образомъ изъ сѣверной, германо-протестантской Европы, члены которой должны быть и главными посредниками въ передачѣ этого достоянія. Даже такія частности, что изъ самихъ протестантовъ въ эпоху преобразованій численно преобладали въ военно-служиломъ классѣ выходцы нѣмецкихъ государствъ, а голландцы удерживали преимущества въ торгово-промышленномъ дѣлѣ, были подготовлены и указаны предшествующимъ временемъ, создавшимъ у насъ соответственныя съ этимъ связи и вліятельныя иноземческія группы“.

—*Гусли*, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ А. С. Фаминцына. Спб. 1890 (Въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“, издаваемыхъ Имп. Обществомъ любителей древней письменности).

Г. Фаминцынъ давно уже возымѣлъ мысль изслѣдовать исторію русской народной музыки; настоящая книжка есть уже, сколько мы знаемъ, третья работа его въ этомъ направленіи. Съ самаго начала онъ сдѣлалъ предположеніе, что для того, чтобы постигнуть особен-

ности, отличающія русскую народную музыку, нужно постигнуть характеръ самаго быта, понять народное мировоззрѣніе, и такъ какъ это послѣднее въ древнія времена выражается въ мѣлологіи, то г. Фаминцынъ полагалъ, что для исторіи народной музыки слѣдуетъ начать съ изслѣдованія древнѣйшей мѣлологіи. Нѣтъ сомнѣнія, что народное мировоззрѣніе и бытъ не могутъ не отразиться на складѣ музыки; но кромѣ того, что изслѣдованіе этихъ вопросовъ, съ точки зрѣнія музыки, вовсе не обязывало историка къ такимъ детальнымъ изысканіямъ, гдѣ уже совсѣмъ невозможно было бы услѣдить отраженія мѣлологической подробности въ музыкѣ, самый вопросъ о древней русской мѣлологіи до сихъ поръ остается столь теменъ для самихъ специалистовъ, что музыкальные выводы становились тѣмъ болѣе рискованными. Положеніе вопроса не утратило, однако, г. Фаминцына, и въ видѣ начала изслѣдованія объ исторіи русской народной музыки онъ далъ цѣлый трактатъ о древней русской мѣлологіи, какой въ пору было бы писать специалисту этого предмета. Въ свое время (1886) мы дали отчетъ объ этомъ трудѣ г. Фаминцына. Чуждый въ той формѣ для музыкантовъ, такъ какъ въ немъ еще и не начиналась рѣчь о музыкѣ, этотъ трудъ очень мало или совсѣмъ не удовлетворилъ и мѣлологовъ: авторъ отнесся къ дѣлу весьма добросовѣстно, переложилъ по этому предмету большую литературу русскую, славянскую, иностранную, положилъ много труда на сложныя комбинаціи множества подробностей, но, какъ бываетъ обыкновенно съ любителями, когда они углубляются въ сложные вопросы специальной науки, рѣшеніе такихъ вопросовъ представляется имъ гораздо легче, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и въ результатѣ получаютъ ошибки метода и произвольные выводы. Съ тѣхъ поръ авторъ обратился къ другимъ, болѣе простымъ и реальнымъ сторонамъ своего предмета. Въ прошломъ году онъ издалъ книгу „Скоморохи“, гдѣ собралъ изъ письменныхъ памятниковъ—народной поэзіи, бытовыхъ преданій—свѣденія объ этомъ классѣ людей, которые были въ старину специальными представителями и исполнителями народной музыки, элементарнаго театра и всякаго увеселенія. Книга была очень интересна. Въ настоящее время авторъ взялъ другой реальный вопросъ изъ исторіи музыки—старинные народные музыкальные инструменты и на первый разъ гусли.

Исторія русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ представляетъ до сихъ поръ область очень темную и неразработанную, замѣчаетъ авторъ въ предисловіи. „Поставивъ себѣ задачу внести нѣкоторый свѣтъ въ эту темную область, представить, насколько позволитъ скудость имѣющихся матеріаловъ, картину историческаго развитія русскихъ народныхъ музыкальныхъ орудій, или хотя бы кар-

тину исторической послѣдовательности въ употребленіи этихъ орудій народными русскими музыкантами, начинаю съ предлагаемаго изслѣдованія о гусяхъ, какъ одномъ изъ древнѣйшихъ русскихъ инструментовъ, наиболѣе часто упоминаемомъ въ историческихъ памятникахъ, въ былинахъ и старинныхъ народныхъ пѣсняхъ“.

Въ этомъ вопросѣ о старыхъ музыкальныхъ инструментахъ, какъ вообще въ вопросахъ о старомъ народно-поэтическомъ бытѣ, съ его обычаями и преданіемъ, мы неизмѣнно встрѣчаемся съ однимъ явленіемъ—чрезвычайной скудостью современныхъ свидѣтельствъ, которыя давали бы какія-либо положительныя указанія о его непосредственномъ содержаніи. Съ первыхъ памятниковъ нашей письменности вся эта сторона народнаго быта упоминается книжными людьми,—они же были обыкновенно и люди церковные,—только въ чисто отрицательномъ смыслѣ: народный обычай, пѣсня, увеселеніе, музыка, повѣрье упоминаются старыми писателями только какъ предметъ, требующій осужденія, и они щедро расточали его и въ церковномъ поученіи, и въ лѣтописи и, наконецъ, въ правительственныхъ распоряженіяхъ. Мы знаемъ, какъ сказать, только номенклатуру этихъ явленій стараго быта съ прибавкой презрительныхъ и обличительныхъ эпитетовъ. Все это—грѣхъ, а наконецъ это—и преступленіе, потому что церковное осужденіе перешло потомъ и въ осужденія гражданскія. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ Несторъ записалъ въ краткихъ словахъ нѣсколько эпическихъ преданій, которыя онъ считалъ историческими, мы не имѣемъ никакого представленія о древнихъ формахъ русскаго эпоса; на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій никто изъ нашихъ книжниковъ не счелъ любопытнымъ, а главное приличнымъ и достойнымъ себя записать какую-либо пѣсню; древнѣйшія извѣстныя намъ пѣсни записаны въ началѣ XVII вѣка иноземцемъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ (какъ старѣйшая малорусская пѣсня записана въ западно-славянской грамматикѣ XVI столѣтія; старѣйшія собственно русскія записи народной поэзіи восходятъ не далѣе XVII в.). Нечего и говорить о томъ, чтобы сдѣлана была какая-нибудь запись народной музыки; такія записи являются только съ второй половины XVIII вѣка. Можно было бы очень удивиться, еслибы при такомъ положеніи вещей и такомъ состояніи источниковъ г. Фаминцынъ извлекъ какія-нибудь данныя о древней народной музыкѣ изъ миѳологии.

Возвращаемся къ его новой книгѣ: какъ въ вопросахъ о народной поэзіи, обычаяхъ, самой музыкѣ, такъ и здѣсь, говоря о древнихъ музыкальныхъ инструментахъ, автору для древнихъ временъ приходится основываться на самыхъ скудныхъ свидѣтельствахъ лѣтописи, церковныхъ поученій и былинъ относительно свойствъ того инстру-

мента, который назывался гуслими. Въ этихъ источникахъ гусли упоминаются нерѣдко, но у церковныхъ писателей только въ смыслѣ вещи весьма неодобрительной; понятно, что такой писатель не удостоитъ говорить о томъ, какого устройства осуждаемый имъ предметъ. Нашему историку остается прибѣгать къ филологическимъ объясненіямъ и догадкамъ, чтобы опредѣлить характеръ и устройство инструмента. Слово „гусли“ извѣстно у всѣхъ славянскихъ племенъ и вездѣ означаетъ струнный инструментъ, хотя у однихъ это инструментъ со смычкомъ, у другихъ—на подобіе цитры. Г. Фаминцынъ полагаетъ, что гусли могли собственно означать струны; корень слова—старинное „гуси“ (гудѣть), чѣмъ обозначается именно звукъ струнный; но „гудокъ“ былъ уже инструментъ смычковый. Въ старинномъ употребленіи слово „гусли“ означало не только какой-нибудь опредѣленный инструментъ, но и струнный инструментъ вообще въ противоположность духовымъ. Первые упоминанія гуслей въ смыслѣ одного опредѣленнаго инструмента (въ родѣ нынѣшней цитры) авторъ находитъ не ранѣе первой половины XVI столѣтія: „и гусли, и смыки, и сопѣли, и всякое гудѣніе“ упоминаются въ Стоглавѣ. Опредѣленіе того, какую именно форму имѣлъ этотъ инструментъ, авторъ извлекаетъ изъ народныхъ преданій объ этомъ инструментѣ, сохранившихся въ пѣсняхъ и былинахъ, изъ описаній, появляющихся только съ прошлаго столѣтія, и изъ изображеній его, восходящихъ до XIII—XIV столѣтія. Въ былинахъ и пѣсняхъ гусли являются очень часто: изъ подробнаго сопоставленія этихъ упоминаній авторъ выводитъ, что древнія гусли имѣли приблизительно ту основную форму, въ какой онѣ извѣстны были впоследствии, т. е. форму горизонтальнаго досчатаго ящика (для резонанса) съ натянутыми струнами; при игрѣ гусли держали на козлахъ. Въ позднѣйшихъ гусяхъ число струнъ было довольно значительное—между тѣмъ древнія гусли имѣли ихъ очень немного, не менѣе трехъ, но обыкновенно, вѣроятно, болѣе. Въ народномъ употребленіи еще въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII столѣтія были еще первобытныя гусли, снабженныя всего пятью струнами; но, сравнивая нашъ инструментъ съ однородными западными, гдѣ число струнъ варьировалось отъ 6 до 76 струнъ, авторъ предполагаетъ, что то же самое могло быть и въ старинныхъ русскихъ гусяхъ; что, напр., когда съ конца XV вѣка стали появляться у насъ при царскомъ дворѣ болѣе сложные иноземные инструменты, они повліяли и на усовершенствованіе домашнихъ гуслей: „такимъ оказывается многострунный псалтырь, который, подъ именемъ гуслей, дѣйствительно встрѣчается изображеннымъ на старинныхъ картинахъ, уже начиная съ XIV вѣка, а также на старинныхъ лубочныхъ картинахъ позднѣйшаго времени“.

Излагая далѣе постепенное усовершенствованіе формы русскихъ гуслей, сопоставляемыхъ съ однородными инструментами у другихъ народовъ, авторъ приводитъ, въ качествѣ историческаго свидѣтельства, изображеніе ихъ въ миниатюрахъ древнихъ рукописей. Самое старое изображеніе этого рода онъ приводитъ изъ славянской псалтыри въ библіотекѣ Хлудова, XIII—XIV вѣка. „Образецъ для миниатюрь былъ греческій; но, судя по неправильному правописанію нѣкоторыхъ мѣстами греческихъ подписей, рисоваль, по заключенію описавшаго псалтырь архимандрита Амфилохія, не грекъ, а русскій, незнакомый съ греческимъ языкомъ. Отсюда заключаемъ, что и инструменты, изображенные въ рукахъ играющихъ, быть можетъ, были въ данное время въ употребленіи въ Россіи“. Быть можетъ, нѣкоторые изображенія этихъ миниатюрь совпадаютъ съ древней формой русскихъ гуслей; но все-таки эти миниатюры не могутъ считаться свидѣтельствами о русскомъ инструментѣ: хотя бы рисоваль ихъ русскій, „незнакомый съ греческимъ языкомъ“, но копировать чужой рисунокъ онъ могъ и безъ знанія языка. Въ сущности, первое изображеніе русскихъ гуслей авторъ находитъ только въ 1795 году, въ книгѣ Гютри о русскихъ древностяхъ, гдѣ помѣщенъ рисунокъ гуслей съ пятью струнами. Любопытно, что такія же гусли описалъ впоследствии извѣстный историкъ музыки Фетисъ, вѣроятно получившій свѣденія о нихъ отъ композитора Боальдѣ, который былъ въ Петербургѣ въ 1803 году въ качествѣ капельмейстера придворнаго оркестра; свое описаніе Фетисъ иллюстрируетъ нотами русской пѣсни въ сопровожденіи гуслей, полученными отъ Боальдѣ. Для объясненія вопроса о первобытныхъ русскихъ гусяхъ авторъ подробно останавливается на однородныхъ инструментахъ, существующихъ до нынѣ у финновъ, эстовъ, литовцевъ и латышей; эти инструменты были подробно описаны и экземпляры ихъ существуютъ въ музеяхъ. Авторъ, на основаніи филологическихъ соображеній, думаетъ, что эти народы заимствовали гусли у русскихъ; объ этомъ вопросѣ должны высказаться специалисты финской и литовской филологіи и археологіи.

Съ XVIII-го вѣка есть уже описанія гуслей у нѣмецко-русскихъ ученыхъ того времени, у Штелина, Миллера, Георги. Этотъ инструментъ, въ болѣе сложной формѣ, входитъ въ употребленіе въ среднемъ образованномъ классѣ, и между прочимъ среди лицъ духовнаго званія. Здѣсь гусли не были рѣдкостью еще до половины нынѣшняго столѣтія.

Любопытно, что, какъ видно изъ изложенія г. Фаминцына, гусли финскія, эстонскія, латышскія давно обратили на себя вниманіе; онѣ описаны любознательными этнографами этихъ племенъ; экзем-

плары ихъ находятъ мѣсто въ музеяхъ; у насъ г. Фаминцынъ первый занялся ихъ изученіемъ въ 1890 году.

- *Записки Восточно-сибирскаго отдѣла* Импер. Русскаго Географическаго Общества по этнографіи. Т. I, вып. 2. — *Сказанія бурятъ*, записанныя разными собирателями. Издано на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева. Иркутскъ, 1890.
- Т. I, вып. 3. — *Верхоянскій Сборникъ*. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ И. А. Худяковымъ. Издано на средства А. М. Сибирякова. Иркутскъ, 1890.

Когда, особливо съ 1860-хъ годовъ, стала развиваться дѣятельность Географическаго Общества, стали основываться филиальныя отдѣленія его: явились „Отдѣлы“ Общества въ Сибири, на Кавказѣ, въ Кіевѣ, въ Оренбургѣ; отдѣлъ сибирскій раздвоился потомъ на восточно-сибирскій въ Иркутскѣ и западно-сибирскій въ Омскѣ. Это развѣтвленіе Общества приводилось самой сущностью дѣла: очевидно, что если только дѣятельность Общества должна была получить серьезное значеніе, для его работъ необходимо было участіе дѣятелей мѣстныхъ, и по громадности нашихъ разстояній эти дѣятели должны были имѣть свой ближайшій мѣстный центръ, гдѣ объединялись бы ихъ изслѣдованія. Въ самой Сибири естественно потребовались по крайней мѣрѣ два такихъ центра. Понятно, что при общемъ состояніи нашего образованія, какъ извѣстно, весьма не блестящемъ, на мѣстахъ и особенно въ Сибири не могло найтись много дѣятелей, которые посвятили бы свой трудъ этимъ изученіямъ; но тѣмъ болѣе чести для тѣхъ, которые берутъ на себя дѣло науки въ скудныхъ условіяхъ провинціальной жизни. Въ первое время условія были таковы, что Сибирскій Отдѣлъ не могъ печатать своихъ трудовъ на мѣстѣ: „Записки“ его издавались въ Петербургѣ. Впослѣдствіи, однако, число мѣстныхъ любителей географіи и этнографіи такъ умножилось и среди ихъ нашлись люди столь преданные дѣлу, что Сибирскій Отдѣлъ и особливо Восточно-сибирскій въ Иркутскѣ въ состояніи былъ дѣлать на мѣстѣ изданія своихъ трудовъ, чрезвычайно важныхъ для изученія края. Матеріальныя средства, правда, еще не велики; на-примѣръ, обѣ названныя книги „Записокъ“ изданы на средства частныхъ лицъ: одно изъ нихъ — извѣстный г. Сибиряковъ; въ другомъ любопытно встрѣтить „ламу“, раздѣляющаго интересы ученаго общества.

Вышедшіе теперь выпуски Записокъ представляютъ новое предпріятіе Восточно-сибирскаго Отдѣла, специально посвященное этнографіи. Въ первомъ выпускѣ (котораго мы не имѣемъ теперь подъ руками) помѣщены „Бурятскія сказки“, собранныя г. Хангаловымъ,

и которыя послужили уже матеріаломъ для любопытныхъ соображеній г. Потанина о судьбѣ монголо-тюркскихъ эпическихъ сказаній. Второй выпускъ Записокъ снова посвященъ бурятскимъ преданіямъ. Это опять чрезвычайно любопытный матеріалъ, который доставитъ много важныхъ данныхъ для опредѣленія азіатскаго эпоса. Это съ одной стороны историческо-легендарныя сказанія о богатыряхъ, привязанныя отчасти къ извѣстнымъ родамъ и мѣстностямъ (таковъ цѣлый рядъ рассказовъ о „кости“, т.-е. племенномъ происхожденіи тѣхъ или другихъ родовъ) и представляющія частью отрывки историческихъ воспоминаній, частью ихъ поэтическую разработку. Съ другой стороны мы находимъ здѣсь рядъ сказаній чисто мифическихъ и натуралистическихъ, въ которыхъ такъ характерно выражается нерѣдко народное міровоззрѣніе. Таковы, напримѣръ, сказанія о сотвореніи міра и человѣка, о потопѣ, повѣрья о всякихъ звѣряхъ (волъ, верблюдъ, заяцъ, бурундукъ, мамонтъ, сурокъ), о птицахъ (дятель, орелъ, лебедь, ворона, коршунъ), о рыбахъ, о деревьяхъ и т. д. Нѣкоторыя краткія сказанія приведены и на бурятскомъ языкѣ.

Помѣщенный здѣсь матеріалъ собранъ преимущественно у сѣверныхъ бурятъ, также какъ ранѣе изданныя сказки г. Хангалова. Въ примѣчаніяхъ (стр. 132—153), составленныхъ г. Потанинымъ, сообщены нѣкоторыя историческія объясненія и также параллели изъ другихъ сказаній монголовъ и иныхъ сибирскихъ народностей.

Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ „Верхоанскій сборникъ“, составленный, какъ предполагаютъ, И. А. Худяковымъ. Этотъ сборникъ имѣлъ слѣдующую судьбу. Рукопись была пожертвована Восточно-сибирскому Отдѣлу бывшимъ покровителемъ его, графомъ А. П. Игнатьевымъ, который получилъ ее отъ покойнаго балаганскаго исправника г. Бубякина при слѣдующемъ письмѣ: „На распоряженіе вашего сіятельства имѣю честь представить составленные неизвѣстнымъ лицомъ записки, переданныя мнѣ верхоанскою мѣщанкою Хресією Гороховою, теперь умершею. 27-го марта 1885 г. Село Тулунъ“. Худяковъ жилъ въ Верхоанскѣ съ 1867 по 1875 годъ и былъ знакомъ съ Хресією Яковл. Гороховой; сохранились извѣстія о томъ, что онъ занимался въ Верхоанскѣ собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ о якутахъ; одна изъ рукописей Худякова съ подобнымъ содержаніемъ, по слухамъ, хранилась въ канцеляріи иркутскаго губернатора. Слухи объ этой рукописи въ 1880 г. дошли до Отдѣленія этнографіи Географическаго Общества въ Петербургѣ и оно старалось разыскать эту рукопись, но безъ успѣха. Такъ какъ неизвѣстно, чтобы каковой-нибудь другой фольклористъ проживалъ въ Верхоанскѣ, то рукопись, переданная Хр. Я. Гороховой покойному Бубякину, по

всей вѣроятности, принадлежить Худякову. Лица, которыя знавали Худякова, признали въ рукописи его почеркъ. Остается, впрочемъ, нерѣшеннымъ, предоставляетъ ли найденная рукопись копію той, которую разыскивали въ 1880 году, или она имѣетъ другое содержаніе; въ настоящей рукописи есть цитаты на какой-то первый томъ, которыя этой рукописью не объясняются.

Худяковъ былъ сибирскій уроженецъ изъ Тобольска; въ 60-хъ годахъ онъ учился въ казанскомъ и московскомъ университетахъ и тогда же занялся этнографіей; его небольшіе сборники сказокъ, пѣсень и т. п. обратили тогда вниманіе и цитируются до сихъ поръ; замѣшанный въ процессъ по политическому дѣлу, онъ былъ сосланъ въ Сибирь и умеръ въ 1877, въ Иркутскѣ, въ больницѣ умалишенныхъ, и, какъ теперь оказывается, живя въ Верхоянскѣ, снова усердно занялся этнографическими работами, изучилъ якутскій языкъ и результатомъ былъ настоящій сборникъ, а можетъ быть и другой—затерянный. Изданный теперь Верхоянскій сборникъ заключаетъ въ себѣ замѣчательное собраніе произведеній якутскаго народнаго творчества: пословицы и поговорки, пѣсни, загадки, саги, сказки, затѣмъ русскія сказки у якутовъ верхоянскаго округа, а также русскія сказки и пѣсни у русскихъ. Всѣ якутскія произведенія записаны въ сборникѣ вдвойнѣ, по-якутски и въ русскомъ переводѣ, кромѣ немногихъ, о которыхъ замѣчено, что они записаны безъ якутскаго текста. Редакція сборника замѣчаетъ, что якутскій текстъ остается пока неизданнымъ за неимѣніемъ средствъ, такъ что имѣемъ пока только русскій переводъ.

Якутское племя не принадлежитъ къ достаточно изученнымъ. Главная работа по якутскому языку сдѣлана была въ Петербургѣ ученымъ, никогда не бывавшимъ на мѣстѣ. Этотъ ученый былъ извѣстный ориенталистъ Ветлингъ, который воспользовался пребываніемъ въ Петербургѣ одного нѣсколько образованнаго якута и, научившись отъ него языку, составилъ грамматику и словарь, которые остаются до нынѣ наиболѣе авторитетными трудами по этому предмету. Сборникъ Худякова даетъ чрезвычайно характерные образчики якутской народной поэзіи, къ сожалѣнію, только съ очень краткими объясненіями, необходимыми для пониманія текста. Въ содержаніи пословицъ, пѣсень, сказокъ и пр. передъ нами является, на нашъ обычный взглядъ, очень странная первобытная жизнь полудикаго племени: въ народной поэзіи его отражаются непосредственно черты этого быта, нерѣдко порядочно грубыя, но не лишенныя своего поэтическаго освѣщенія; въ пословицахъ и загадкахъ, какъ обыкновенно, есть примѣры большой психологической наблюдательности и знанія природы; въ пѣсняхъ, среди обстановки, подобій и сравненій звѣроловнаго быта

поражаетъ неожиданная возвышенность поэтическаго настроенія и нѣжнаго чувства (такова, напр., оригинальная импровизація дѣвушки-якутки); въ сагахъ передаются преданія о происхожденіи племени и якутскихъ богатыряхъ; въ сказкахъ найдутся своеобразныя черты сказочнаго эпоса, опять одѣтыя въ якутскую обстановку.

Чрезвычайно любопытны русскія сказки, записанныя у якутовъ; ихъ двѣ: Илья Муромецъ и Старецъ Пилигримъ. Обѣ представляютъ свободный пересказъ русскихъ темъ—изъ какихъ источниковъ, это можетъ послужить интересной задачей для нашихъ изслѣдователей народной поэзіи.

Въ послѣднее время они уже обратили вниманіе на отраженія русской народной поэзіи и особенно эпической былины у инородцевъ, причемъ оказывалось, что послѣдними были восприняты и сохранены такія черты, которыя не всегда сохранялись въ существующихъ записяхъ оригиналовъ. Такое отраженіе былины мы встрѣчаемъ теперь у якутовъ. Илья Муромецъ могъ зайти къ нимъ двумя путями—или черезъ печатныя лубочныя сказки, или черезъ живую передачу отъ русскихъ сосѣдей. Пересказъ такъ свободенъ и былина такъ налажена на сказочный стиль, что опредѣлить способъ ея происхожденія довольно трудно. Еслибы рассказъ былъ заимствованъ изъ источника устнаго, онъ былъ бы очень любопытенъ; но возможно, что онъ попалъ сюда и изъ новѣйшей христоматіи, какъ сербская пѣсня объ Іово и Марѣ, въ русскомъ переводѣ, поется на манеръ былины олонецкими пѣвцами.

Любопытны нѣсколько сказокъ, записанныхъ на мѣстномъ русскомъ языкѣ и получившихъ обстановку сѣвернаго, отчасти якутскаго быта. Изъ пѣсенъ одна, объ Алешѣ, представляетъ оригинальный вариантъ былины объ Алешѣ Поповичѣ.—А. В.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Алабинъ, П. Четыре войны. Походныя записки въ 1849, 1853, 1854—56 и 1877—78 годахъ (П. Дунайская кампанія. Изданіе второе, дополненное). М. 90. VIII и 332 стр. Ц. 3 р.

Богачевъ, Н. Свобода человѣка на земномъ шарѣ. М. 90. 35 стр.

Веттштейнъ. Зоологія (для начинающихъ). По Веттштейну. Москва, 90. 168 стр. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.

Вревскій, Николай, баронъ. Практическое руководство къ изученію гематеріальныхъ способовъ леченія цѣлебной водою барона Н. Вревскаго. Внборгъ, 89. 81 стр. (И отдѣльный листъ: „Жизненная сила“—мгновенная помощь отъ всякой боли). „Цѣна Руководству съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 1 рубль“.

Ганіевъ, Султанъ-Меджидъ. Полнѣйшій самоучитель татарскаго языка кавказско-адербеджанскаго нарѣчія, какъ руководство учить: чтенію, письму и разговорной рѣчи. Части: 1-я и 2-я. Баку, 90. 80 стр. Ц. 80 к.

Дубровинъ, Н. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Спб. 90. XIX и 512 стр.

Елецъ, Ю., штабсъ-ротмистръ. Исторія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Томъ первый. 1824—1865. Спб. 90. XVI и 444 стр. 4'.

Жирковъ, И. Ѡ. Для школъ и грамотнаго народа. М. 90:

№ 1: Н. А. Рубакинъ. Испытанія доктора Исаака. Старинная быль. Цѣна 5 коп.

№ 2: В. Ламскій. Пастухъ. Разсказъ изъ деревенской жизни. Ц. 5 коп.

№ 3: Ив. Жирковъ. Нѣтъ худа безъ добра. Разсказъ пожилого человѣка. Ц. 3 коп.

№ 4: М. Б—скій. На берегу моря. Разсказъ изъ жизни рыбаковъ. Ц. 3 к.

№ 5: Ив. Жирковъ. Спасибо отцу. Разсказъ. Ц. 5 коп.

№ 6: С. Н. Бажина. Эптимія. Быль. Ц. 3 коп.

№ 7: Ѡ. Ѡ. Тютчевъ. Отомстилъ. Изъ воспоминаній солдата. Ц. 3 коп.

№ 8: Ѡ. Ѡ. Тютчевъ. Сапожникъ и музыкантъ. Разсказъ. Ц. 3 коп.

Злотчанскій, П., преподаватель Одесскаго реальнаго училища св. Павла. Прямолинейная тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ. Одесса. 90. V и 111 стр. Ц. 75 коп.

Ивантовскій, Гр. Сер., учитель тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназій. Краткій курсъ естествовѣденія для женскихъ гимназій, составленный соотвѣтственно программамъ Министерства Нар. Просвѣщенія. Часть I. Ученіе о минеральныхъ веществахъ земнаго шара. Тифлисъ, 90. III и 96 стр. Ц. 60 коп.

Инокимто. Воздушные замки. (Комическій этюдъ). М. 90. 34 стр.

Карпенковъ, Д. Е. Молочное дѣло въ Даніи. Изданіе журнала „Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства“. М. 90. 73 стр.

Межеричеръ, П. И. Геометрія для ремесленныхъ и техническихъ школъ. Одесса, 90. II и 96 стр. Ц. 75 к.

Поужевъ, А. В. По поводу антипатіи графа Л. Н. Толстого къ медицинѣ. Воронежъ, в. а. (Перепечатано изъ журнала „Медицинская Бесѣда“). 11 стр.

Поляковъ, П. И. „Зеленая книжечка“. Разсказъ. Изданіе П. С. Ванна. Грайворонъ. 90. Ц. 30 к.

Регель, Э., д-ръ. Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Часть II. Описаніе и культура растений, годныхъ для комнатъ и домашнихъ оранжерей. Выпускъ I. Съ 351 политипажемъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб., 90. Изданіе К. Л. Риккера. 490 и 6 нум. стр. Ц. 3 р.

Толстой, А. К., графъ. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. (Полное собраніе сочиненій, т. IV). Спб. 90. 359 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Уффельманъ, Юлій, д-ръ, проф. Ростокскаго университета. Руководство частной и общественной гигіены ребенка. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями привагъ-доцента В. Ѡ. Якубовича, ассистента дѣтской клиники Импер. Военно-медицинской академіи. Спб. 90. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. VIII и 435 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и въ жизни. Двѣ лекціи. (Переводъ съ итальянскаго). Изданіе Н. Лейненберга. Одесса, 90. 54 стр. Ц. 40 коп.

Цюймагъ, Дм. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе. М. 90. VIII. 782 стр. Ц. 6 руб.

Böncken, Franz. Beiträge zur „Düna-Zeitung“ (1889—1890). Plaudereien und Uebersetzungen. St.-Petersb. 90. 61 стр.

Parville, Henri de. L'Exposition universelle. Lettre-préface par A. Alphand. Orné de 700 vignettes. Paris, 1890. XVI и 694 стр.

— Краткія свѣденія о гомеопатіи и примѣненіи ея въ отсутствіе врача. Изданіе С.-Петербургскаго Общества послѣдователей гомеопатіи. Спб. 90. 92 стр. (Желающіе приобрести настоящую брошюру сообщаютъ гомеопатической аптекѣ въ Спб., Садовая, 18, свой адресъ съ приложеніемъ на пересылку 7-ми-копѣчной марки).

— Обзоръ развитія народнаго образованія въ оханскомъ уѣздѣ, пермской губерніи, за послѣднее двадцатилѣтіе и настоящее состояніе его. Изданіе оханскаго уѣзднаго земства. Казань. Мал. 8°. 103 стр. Ц. 35 коп.

— Отчетъ о состояніи и дѣятельности городской публичной бібліотеки (приписано: орловской, вятской губ.) за 1889 годъ (Двѣнадцатый годъ существованія). Вятка, 90. 11 стр.

— Саратовское общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ. Годъ—1889—1890—второй. Саратовъ, 90. 16°, 16 стр.

— Тифлисъ и его окрестности. (Приложеніе къ справочной книгѣ старожилы „Кавказъ“—№ 2). Тифлисъ, 90. 16°. 96 и VI стр. Ц. съ картой окрестностей Тифлиса—30 коп., съ приложеніемъ же, кромѣ того, плана Тифлиса—40 коп.

— Харьковскій сборникъ подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю“ на 1890 годъ. Выпускъ 4-й. Цѣна вмѣстѣ съ календаремъ 1 р. 20 к. Харьковъ, 90, 114 и 168 стр.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Fürst Bismarck, 1815—1890. Vom Professor *Wilhelm Müller*. Dritte Auflage. Stuttgart, 1890. Стр. 288. Ц. 1 м.

Въ книгѣ профессора Мюллера довольно точно и ясно отражаются господствующіе въ Германіи взгляды на историческое значеніе бывшаго канцлера. „День 20-го марта 1890,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—останется навсегда печальнымъ днемъ для Германіи. Въ этотъ день вышелъ въ отставку имперскій канцлеръ князь Бисмаркъ, творецъ единства и величія Германіи. Чѣмъ онъ былъ для нѣмецкаго народа—объ этомъ будутъ свидѣтельствовать еще отдаленные вѣка. Отъ него исходилъ починъ всего великаго, что совершалось въ Германіи въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Все цѣлесообразное и свободное, что имѣетъ германская имперія въ своихъ внутреннихъ учрежденіяхъ, должно быть приписано творческимъ идеямъ и желѣзной энергіи имперскаго канцлера. Онъ обращалъ свои взоры на цѣлое и на частности, на императорскій тронъ и на хижину рабочаго. Способствовать матеріальному и духовному благосостоянію народа, утверждать государственный порядокъ на прочныхъ основаніяхъ, охранять одинаково императорскія и всякія другія права, поддерживать крѣпкое имперское правительство—таково было стремленіе князя Бисмарка отъ начала до конца его министерской карьеры. Съ сердцемъ, полнымъ благодарности, и не безъ опасенія за будущность Германіи видѣлъ нѣмецкій народъ, какъ его первый канцлеръ удалился въ свое лѣсное уединеніе“.

Причины, побудившія канцлера выйти въ отставку, могли быть вполне основательны, — замѣчаетъ далѣе Мюллеръ, — и по природѣ вещей трудно было надѣяться, что между 31-лѣтнимъ императоромъ и 75-лѣтнимъ канцлеромъ не возникнутъ существенныя разногласія относительно способовъ и средствъ достиженія извѣстныхъ цѣлей; но нельзя было ожидать такого скорого наступленія катастрофы. Послѣ недолгаго кризиса появились извѣстные рескрипты въ официальной газетѣ. „Свершилось. Дыханіе сперлось у насъ въ груди, когда мы

читали императорское рѣшеніе. Оба рескрипта были пронизаны чувствами признательности и сожалѣнія; ясно видно было, какъ трудно императору рѣшиться дать свое согласіе на удаленіе великаго историческаго дѣятеля; однако мы были потрясены и глубоко смущены, когда убѣдились, что отставка стала совершившимся фактомъ*.

Впечатлѣніе, описываемое авторомъ, раздѣлялось большинствомъ средняго образованнаго общества въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Очень многіе, даже изъ прогрессистовъ, считали нежелательнымъ и рискованнымъ поручать иностранную политику имперіи другому лицу при жизни князя Бисмарка; самая мысль о такой переувѣдѣ едва-ли приходила кому въ голову, ибо дипломатическая дѣятельность канцлера превозносилась всѣми одинаково, безъ различія партій. Либеральная оппозиція возставала исключительно противъ внутренней политической системы князя Бисмарка, а никакъ не противъ внѣшней политики, которою онъ руководилъ съ великимъ авторитетомъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ и съ блестящимъ успѣхомъ, по общему признанію друзей и враговъ. Невольно является поэтому вопросъ: почему князь Бисмаркъ не остался руководителемъ нѣмецкой дипломатіи, въ качествѣ канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ, отказавшись лишь отъ управленія внутренними дѣлами имперіи и Пруссіи? Казалось бы, что творецъ германскаго единства могъ рассчитывать на пожизненное сохраненіе канцлерскаго поста и что никакіе государственные мотивы не оправдывали полного удаленія его отъ всѣхъ должностей. Нѣмецкіе публицисты, въ томъ числѣ и Мюллеръ, не позволяютъ себѣ затрогивать щекотливую тему о личныхъ побужденіяхъ Вильгельма II въ дѣлѣ отставки Бисмарка и о степени неизбежности и справедливости сдѣланнаго шага; но всѣ намеки и сожалѣнія нѣмецкихъ газетъ указываютъ на то, что по общему сознанію возможенъ былъ компромиссъ, который обезпечилъ бы князю Бисмарку подобающій голосъ въ вопросахъ международной политики. Въ отзывахъ нѣмецкой печати, особенно консервативной и національно-либеральной, проглядываетъ недоумѣніе по поводу той рѣшительности, съ какою молодой императоръ устранилъ дальнѣйшую дипломатическую дѣятельность знаменитаго канцлера, назначивъ на его мѣсто спеціалиста по военному дѣлу. Повидимому, необходимо было настаивать, чтобы канцлерство вмѣстѣ съ руководствомъ внѣшними дѣлами оставалось за Бисмаркомъ и чтобы только внутреннія правительственныя заботы перешли къ новымъ дѣтелямъ; это было бы тѣмъ болѣе, что разногласія касались однихъ лишь внутреннихъ вопросовъ; какъ напр. о сохраненіи или отмѣнѣ законовъ противъ социалистовъ и др. Если рѣшеніе кризиса оказалось болѣе

рѣшимъ и общимъ, то это зависѣло, вѣроятно, отъ характера той размовки, которая произошла между Вильгельмомъ II и Бисмаркомъ: случайное или временное раздраженіе могло сразу дать дѣлу такой оборотъ, который исключалъ возможность компромисса. Иные нѣмецкіе патріоты робко спрашиваютъ себя, слѣдуетъ ли руководствоваться личнымъ неудовольствіемъ или раздраженіемъ, когда дѣло идетъ о высшихъ политическихъ интересахъ страны, и отвѣтъ на эти робкія сомнѣнія подразумѣвается уже самъ собою. Къ числу этихъ сомнѣвающихся принадлежитъ очевидно и профессоръ Вильгельмъ Мюллеръ, извѣстный своими популярными сочиненіями и ежегодниками по новейшей и преимущественно нѣмецкой исторіи. Но изъ нѣкоторыхъ фактическихъ указаній, приводимыхъ авторомъ со словъ газетъ, можно также заключить, что самъ Бисмаркъ не допускалъ сокращенія своихъ правительственныхъ функций и желалъ сохранить за собою власть во всей ея полнотѣ, несмотря на воцареніе молодого и дѣятельнаго императора. Онъ требовалъ, чтобы прусскіе министры не имѣли права непосредственнаго доклада королю помимо него, какъ министра-президента, и чтобы императоръ не обращался за политическими совѣтами къ постороннимъ лицамъ, какъ напр. къ графу Вальдерзе и затѣмъ къ Гинцпетеру, бывшему наставнику Вильгельма II. Подобныя требованія были равносильны совершенному недопущенію какой-либо самостоятельной роли для императора и могли даже казаться оскорбительными для послѣдняго: канцлеръ упустилъ изъ виду, что исключительное положеніе, создавшееся при престарѣломъ Вильгельмѣ I, не можетъ продолжаться при его энергическомъ и подвижномъ преемникѣ. Такъ какъ Вильгельмъ II не хотѣлъ подчиниться опекѣ Бисмарка и оставаться чѣмъ-то въ родѣ „*roi fainéant*“, то ему пришлось по-неволѣ согласиться на отставку. Закулисный ходъ всей этой исторіи остается еще темнымъ; извѣстно только, что просьба объ отставкѣ сопровождалась подробнымъ объясненіемъ мотивовъ въ особой запискѣ, заключавшей въ себѣ двадцать страницъ. Многое, конечно, разъяснилось бы, еслибы стало извѣстно содержаніе этой записки; но и теперь есть основаніе думать, что крутая развязка кризиса произошла не по винѣ Вильгельма II.

Книга Мюллера содержитъ въ себѣ обстоятельный обзоръ историческихъ событій, въ которыхъ принималъ участіе князь Бисмаркъ, отъ конца пятидесятихъ годовъ до послѣдняго времени. Краткія біографическія свѣденія, сообщаемыя авторомъ, доходятъ лишь до конца сороковыхъ и отчасти до пятидесятихъ годовъ; дальнѣйшая жизнь Бисмарка сливается уже съ политической исторіею Европы. Авторъ старается быть объективнымъ, держится послѣдовательнаго

изложенія фактовъ, дѣлаетъ выдержки изъ переписки, парламентскихъ рѣчей и заявленій, воздерживаясь отъ подробныхъ комментариевъ и характеристикъ; но въ общемъ получается все-таки картина крайне односторонняя, въ духѣ спеціального нѣмецкаго патриотизма. Дѣятельность Бисмарка выставлена ужь черезъ-чуръ свѣтлою, почти безъ всякихъ пятенъ; темныя стороны отсутствуютъ въ описаніяхъ автора, а такіе эпизоды, какъ преслѣдованіе Арнима и дѣло Геффкена, затронуты въ нѣсколькихъ словахъ и притомъ въ невѣрномъ освѣщеніи. Явное пристрастіе автора имѣетъ патриотическую подкладку, а противъ патриотизма возражать трудно.

Биографія Бисмарка въ общихъ чертахъ всѣмъ хорошо извѣстна; многіе знаютъ также, что онъ плохо занимался науками въ молодости. Студенческіе свои годы въ Геттингенѣ и Берлинѣ онъ провелъ шумно и бурно, почти не показываясь на лекціяхъ; въ продолженіе трехъ первыхъ семестровъ онъ имѣлъ 27 дуэлей, въ которыхъ неизмѣнно оставался побѣдителемъ. При переходѣ его изъ Геттингена въ Берлинъ, знаменитый въ то время профессоръ юриспруденціи Гуго отиѣтилъ на его университетскомъ свидѣтельствѣ, что студента Бисмарка онъ никогда не видалъ въ своей аудиторіи. Тѣмъ не менѣе, когда подошло время экзаменовъ, Бисмаркъ успѣлъ быстро пополнить пробѣлы своихъ знаній; онъ вообще читалъ много, особенно по исторіи. Юридическая карьера его была весьма непродолжительна; служба въ берлинскомъ городскомъ судѣ и затѣмъ въ провинціальной администраціи окончилась черезъ два года, когда онъ предпочелъ поступить вольноопредѣляющимся въ егерскій гвардейскій полкъ. Въ то же время онъ посѣщалъ сельскохозяйственную академію, чтобы подготовиться къ роли землевладѣльца послѣ смерти отца. Выйдя въ отставку и поселившись въ одномъ изъ своихъ родовыхъ имѣній, онъ вскорѣ приобрѣлъ извѣстность своею веселою и свободною жизнью, своими разнообразными подвигами, остроумными выходками и бутежами; это не мѣшало ему, однако, углубляться также въ чтеніе старыхъ и новыхъ авторовъ, изучать исторію и философію; въ послѣдней особенно интересовалъ его Спиноза. Когда Бисмаркъ задумалъ жениться и сдѣлалъ предложеніе дѣвицѣ фонъ-Путкамбергъ, онъ встрѣтилъ довольно холодный приѣмъ со стороны родителей невѣсты; почтенные люди были въ отчаяніи, узнавъ, что ихъ дочь полюбила необузданнаго повѣсу, дѣянія котораго пользовались популярностью въ цѣломъ округѣ. „Меня какъ обухомъ ударило по головѣ“, говорилъ потомъ отецъ невѣсты по поводу этого сватовства; мать была просто безутѣшна. Только любовь самой дѣвицы заставила ихъ согласиться на бракъ ея съ будущимъ творцомъ герман-

саго единства и вершителемъ судебъ Европы. Такъ обманчивы бываютъ иногда внѣшніе признаки, и такъ ошибочны нерѣдко внушенія родительскихъ инстинктовъ! Бракъ оказался счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ для обѣихъ сторонъ, какъ это видно изъ обнародованныхъ семейныхъ писемъ и краснорѣчивыхъ признаній самого Бисмарка. Извѣстно, что семейныя добродѣтели занимаютъ не послѣднее мѣсто въ числѣ его достоинствъ и талантовъ; отчасти благодаря этимъ добродѣтелямъ онъ пережилъ многихъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ такихъ даровитыхъ, какъ Гамбетта и Скобелевъ.

Въ разныхъ странахъ являлись усердные подражатели Бисмарка, поклонники его рѣшительныхъ способовъ дѣйствія; но эти послѣдователи берутъ за образецъ какія-нибудь отдѣльныя внѣшнія черты, забывая ихъ внутреннюю основу и игнорируя многое другое. Восхваляя Бисмарка и предлагая подражать ему, иные публицисты остаются въ наивной увѣренности, что для усвоенія и примѣненія его принциповъ достаточно обладать лишь крутымъ нравомъ и непреклонною настойчивостью; при этомъ совершенно забывается его всѣми признаваемое умственное превосходство, его широкое образованіе, его знаніе и пониманіе исторіи, его начитанность въ древней и новой литературѣ, его находчивость и остроуміе,—все, что придаетъ такую оригинальную силу и живой интересъ его дипломатическимъ нотамъ, рѣчамъ и бесѣдамъ. Если ужъ брать за образецъ Бисмарка, то надо прежде всего обратить вниманіе на его тонкій культурный умъ, на его искусство краснорѣчія, на его прекрасный литературный слогъ, даже на его знакомство съ классиками или изученіе Спинозы. Люди, считающіе себя солидарными съ политическими принципами Бисмарка, думаютъ дѣйствовать въ его духѣ, когда проповѣдуютъ простое невѣжество и грубость, когда ратуютъ противъ народнаго образованія и развитія, противъ тѣхъ умственныхъ и общественныхъ условій, которыя даютъ возможность выработываться сильнымъ умамъ и характерамъ. Эти маленькіе доморощенные Бисмарки, спасающіе отечество на страницахъ реакціонныхъ газетъ, производятъ только комическое впечатлѣніе, хотя иногда успѣваютъ причинить положительный вредъ обществу своимъ безтолковымъ обскурантизмомъ. Само собою разумѣется, что бывшаго германскаго канцлера нельзя признавать отвѣтственнымъ за его неудачныхъ подражателей и приверженцевъ: его многолѣтняя и широкая политическая дѣятельность не имѣетъ ничего общаго съ тѣми жалкими подражаніями, которыя иногда прикрываются авторитетомъ его имени.

II.

Die Reform der Presse, von Dr. I. G. Weiss. Karlsruhe, 1890, стр. 47.

Брошюра д-ра Вейсса любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней проводится одна замѣчательная идея, характеризующая міросозерцаніе многихъ кружковъ и лицъ въ настоящее время. Журналистика имѣетъ свои крупные недостатки, которые старательно перечисляются и объясняются авторомъ, по мѣрѣ его разумѣнія; въ ряду этихъ недостатковъ главное мѣсто занимаетъ недостаточная умственная подготовка многихъ редакторовъ газетъ, а потому нужно установить официальные экзамены для лицъ, желающихъ посвятить себя журнальной дѣятельности. Кто не выдержалъ испытанія, тотъ не допускается къ газетной работѣ. Этотъ проектъ, добросовѣстно излагаемый и развиваемый авторомъ, не нуждается въ комментаріяхъ.

III.

Die Unvereinbarkeit des socialistischen Zukunftsstaates mit der menschlichen Natur. Von Dr. W. Schaefer. Dritte Auflage. Berlin, 1890. Стр. 80.

Брошюра Шефера о „несовмѣстности будущаго социалистическаго государства съ человѣческой природою“ написана въ спокойномъ и серьезномъ тонѣ, съ несомнѣннымъ пониманіемъ дѣла и безъ всякаго предубѣжденія противъ широкихъ социальныхъ реформъ. Авторъ старается доказать неосуществимость тѣхъ коренныхъ перемѣнъ, о которыхъ мечтаютъ проповѣдники социализма, такъ какъ эти перемѣны предполагали бы совершенное измѣненіе человѣческихъ свойствъ, недостатковъ и наклонностей; а для подобнаго преобразованія человѣческой природы не существуетъ никакой положительной почвы въ настоящемъ, какъ это видно изъ рѣзкихъ и мрачныхъ характеристикъ современной жизни въ сочиненіяхъ самихъ социалистовъ. Отрицая возможность того идеальнаго строя, о которомъ разсуждаютъ нѣкоторые писатели, Шеферъ указываетъ на болѣе цѣлесообразный и разумный путь практическихъ реформъ, могущихъ дѣйствительно улучшить матеріальное и нравственное состояніе трудящихся массъ. На этотъ путь вступило германское правительство, и социальная де-

мократія, по мнѣнію автора, должна слѣдовать тому же направленію мирныхъ и осуществимыхъ улучшеній. Законы объ охранѣ рабочихъ опровергаютъ уже мысль о томъ, что работникъ рассматривается лишь какъ товаръ, покупаемый на рынкѣ по законамъ спроса и предложія; новѣйшее социальное законодательство вводитъ другую, болѣе человѣческую точку зрѣнія, и многія указанія прежнихъ теоретиковъ социализма, какъ думаетъ Шефферъ, теряютъ свою силу въ настоящее время.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го сентября 1890.

Новая погудка на старый ладъ.—„Либерализмъ“, какъ источникъ всѣхъ возможныхъ золъ. — Три различныхъ взгляда на настроеніе современнаго русскаго общества.— Новые свиденія о мстиславской исторіи. — Евреи въ одесскомъ исправительномъ пріютѣ. — Н. В. Альбертини †.

Когда, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, правительство июльской монархіи не имѣло другихъ средствъ борьбы съ враждебными партіями, кромѣ судебного преслѣдованія, услужливые юристы создали—или, лучше сказать, усовершенствовали и обновили—понятія о „нравственномъ сообщничествѣ“ (*complicité morale*) и о „процессѣ изъ-за тенденціи“ (*procès de tendance*). Съ точки зрѣнія обвинительнаго усердія, сообщникомъ явнаго преступника могъ оказаться всякій независимый мыслитель, относившійся критически къ той или другой сторонѣ государственнаго или общественнаго строя; изъ множества безразличныхъ фактовъ, извѣстнымъ образомъ сгруппированныхъ и освѣщенныхъ, могъ сложиться объектъ уголовной кары. Широкаго примѣненія эти инквизиторскіе приемы, на мѣстѣ и въ эпоху ихъ изобрѣтенія, получить не могли; имъ противодействовали преданія французской магистратуры, противодействовали вообще условія правильнаго судебного производства. Изъ области формальнаго суда они перешли въ область неформальныхъ обвиненій—обвиненій общихъ и неопредѣленныхъ, не стѣсняющихся въ выборѣ и оцѣнкѣ доказательствъ. Последняя цѣль такихъ обвиненій—не убѣжденіе, а впечатлѣніе; имъ нужно только заподозрить, очернить, набросить тѣнь, затемнить истинный смыслъ событій. Наиболѣе удобное для нихъ настроеніе—регрессивное, наиболѣе удобная почва—реакціонная печать. У насъ въ Россіи вопросъ о „нравственномъ сообщничествѣ“ ставился „Московскими Вѣдомостями“ еще въ шестидесятыхъ годахъ. Въ 1880 г. забытая теперь, но въ свое время прогремѣвшая газета („Берегъ“) пускала въ ходъ формулу о солидарности *надпольной* печати съ *подпольной*. Съ тѣхъ поръ эта формула повторяется много разъ, въ самыхъ различныхъ видахъ, то суживаясь, то расширяясь, задѣвая то часть литературы, то „либеральную бюрократію“, то „интеллигенцію“, то цѣлое поколѣніе. Ее подхватыва-

вала даже такая газета, какъ „Русь“; ей благопріятствовала мода, за нею шли толпой поклонники успѣха. Послѣдней варіаціей на старую тему является брошюра г. Льва Тихомирова: „Начала и концы“. Она заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ „признаковъ времени“.

Основная мысль брошюры г. Тихомирова (появившейся первоначально на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“) подчеркнута въ ея подзаглавіи: „Либералы и террористы“. Либералы — это *начала*, террористы — это *концы*; движеніе, коренящееся въ либерализмъ, приводитъ къ террору. Другими словами, либералы — „нравственные сообщники“, духовные отцы крайнихъ революціонеровъ. Вліяніе „либеральныхъ точекъ зрѣнія“, „царствовавшихъ“ (начиная съ шестидесятихъ годовъ) въ литературѣ и даже въ „школьной наукѣ“, со всѣхъ сторонъ подгоняло къ революціи. „Многіе этого не понимаютъ“, говоритъ г. Тихомировъ. „Что общаго между смиреннымъ либераломъ и революціонными крайностями? Такъ смотрятъ люди, думающіе только о *программѣ* либераловъ. Само собою, революціонныя крайности вытекаютъ не изъ положительныхъ требованій либераловъ, а изъ *общаго міросозерцанія*, которое въ одну сторону создаетъ недодуманныя до конца, половинчатая, а иногда іезуитскія либеральныя требованія, въ другую же — воплѣтъ логично и послѣдовательно стремленія революціонныя. Еслибы наши *передовые* отказались отъ своего общаго міросозерцанія, то подорвали бы одновременно и свои либеральныя стремленія, которыя имъ самимъ тутъ показались бы смѣшными, и революціонныя стремленія, которыя тутъ въ первый разъ предстали бы предъ ними не какъ *крайность*, а какъ *безуміе*. До тѣхъ же поръ, пока *передовые* остаются при своемъ міросозерцаніи, они непременно будутъ создавать революціонеровъ“. Итакъ, виновато *общее міросозерцаніе* либераловъ. Что понимаетъ подъ этимъ терминомъ авторъ брошюры — объяснить себѣ довольно трудно. Можно только догадываться, судя по эпиграфу къ брошюрѣ („окончательный удѣлъ христіанскаго, отрекшагося отъ Христа общества есть бунтъ или революція“) и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ ея, ~~каждъ~~ имѣется въ виду отрицательное отношеніе къ религіи, наклонность къ теоретическому матеріализму. Но развѣ между анти-религіознымъ настроеніемъ и либерализмомъ существуетъ неразрывная внутренняя связь, развѣ послѣдній немислимъ и невозможенъ безъ перваго? Либеральный образъ мыслей совмѣстимъ съ самыми различными вѣрованіями, съ самыми различными философскими взглядами; онъ исключаетъ только одно — религіозную нетерпимость. Приурочивать его къ невѣрью столь же ошибочно, какъ и приурочивать вѣру — къ полити-

ческому консерватизму. Атеизмъ и абсолютизмъ — комбинація столь же возможная, какъ и либерализмъ и искренняя религіозность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только назвать Гоббеса—и Мильтона, слугъ деспотизма въ родѣ Ашлея или Сендерланда—и епископовъ въ родѣ Бернета или Тиллотсона. Въ какой степени набожны были Фридрихъ Великій и Наполеонъ I, это знаетъ всякій; никто, съ другой стороны, не сомнѣвается въ религіозности Вашингтона. На нашихъ глазахъ Давидъ-Фридрихъ Штраусъ выступилъ, въ „Старой и новой вѣрѣ“, поклонникомъ Бисмарка, защитникомъ войны и смертной казни; весьма далека отъ политическаго либерализма и французскій авторъ „Жизни Иисуса“. Исторія русскаго либерализма, съ этой точки зрѣнія, еще не написана и будетъ написана не скоро; припомнимъ, однако, изъ-за чего произошелъ разрывъ между Грановскимъ и Герценомъ, припомнимъ, не слышали ли мы и послѣ того, еще весьма недавно, проповѣдь „либеральныхъ“ идей въ устахъ искренно вѣрующаго человѣка... Въ Россіи, какъ и въ западной Европѣ, нѣтъ міросозерцанія, *общаю* всѣмъ „передовымъ“ людямъ — нѣтъ, слѣдовательно, и основанія утверждать, что на почвѣ такого *общаю міросозерцанія* развились и неизбѣжно должны были развиться крайнія революціонныя ученія. Допустимъ, наконецъ, что общее міросозерцаніе существовало и существуетъ; представимъ себѣ, далѣе, что отъ него отrekliсь, по приглашенію г. Тихомирова, всѣ „передовые“ русскіе люди¹⁾. „Либеральнымъ стремленіямъ“ и тогда не наступилъ бы конецъ, потому что онѣ вовсе не составляютъ принадлежность *одного* міросозерцанія.

„Либеральныя точки зрѣнія, подгоняющія къ революціи“, усматриваются г. Тихомировымъ не въ одномъ только „общемъ міросозерцаніи передовыхъ людей“. „Желая того или не желая,—говоритъ г. Тихомировъ,—они (т.-е. „передовые люди“) будутъ вырабатывать молодежь въ наиболѣе пригодномъ для революціи духѣ и даже подсказывать ей способы дѣйствія—своею ложной характеристикой всего окружающаго“. Въ чемъ заключается самая характеристика и чѣмъ доказывается ея ложность—этого авторъ брошюры не объясняетъ, а между тѣмъ здѣсь-то именно и лежитъ узелъ вопроса. Подобно тому, какъ у „либераловъ“ и „передовыхъ людей“ нѣтъ одного „общаго міросозерцанія“, нѣтъ и не можетъ быть такой характеристики *всего* окружающаго, на которой они бы всѣ единогласно сходились. Одоб-

¹⁾ Само собою разумѣется, что коллективный отказъ отъ міросозерцанія, даже по призыву проповѣдника болѣе убѣдительнаго и болѣе авторитетнаго—вещь небывалая и немислимая. Становясь, на минуту, на точку зрѣнія нашего противника, мы хотимъ только яснѣе показать ея несостоятельность.

ряемое одними сплошь и рядомъ порицается другими; разногласіе существуетъ и относительно того, что желательно сохранить, и относительно того, что слѣдовало бы поставить на мѣсто отмѣняемаго. Меньше всего можетъ быть рѣчь о „подсказываніи *способовъ дѣйствія*“, потому что *приемы* либерализма прямо противоположны *приемамъ* революціоннымъ. Изъ того, что разрушенію иногда предшествуетъ критика, еще не слѣдуетъ, чтобы критика неминуемо вела къ разрушенію. Никому не приходитъ въ голову утверждать, что спокойное указаніе на несовершенства закона равносильно призыву къ неповиновенію его требованіямъ или къ насильственной его отмѣнѣ. Такъ далеко не идутъ даже рьяные приверженцы теоріи „нравственнаго сообщничества“—но именно такое *salto mortale* совершаетъ г. Тихомировъ, устанавливая причинную связь между „характеристикой окружающаго“ и стремленіемъ къ его испроверженію. Движеніе впередъ можетъ быть приостановлено, задержано, подавлено, но не можетъ быть прекращено вовсе, пока въ народѣ не изсякли источники жизни. Пускай будетъ провозглашено начало: „все устроено наилучшимъ образомъ въ наилучшемъ мірѣ“, пускай восплѣдуетъ, въ его пользу, поголовное отреченіе отъ всякихъ другихъ „міросозерцаній“—дѣйствительность все-таки будетъ давать поводъ къ чувству неудовлетворенности, это чувство все-таки будетъ вызывать мысль о перемѣнѣ къ лучшему, эта мысль все-таки будетъ искать средствъ къ осуществленію. Все дѣло въ томъ, чтобы обезпечить мирный характеръ этихъ средствъ, а не въ томъ, чтобы водворить искусственное и потому обманчивое единодушіе. Три четверти или полвѣка тому назадъ никакіе гг. Тихомировы не могли бы уловить у насъ въ Россіи что-либо похожее на „общее либеральное міросозерцаніе“—а развѣ въ то время ничто не нарушало тишь и гладь русскаго общества? Если „либералы“ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ воспитали революціонеровъ послѣдующихъ десятилѣтій, то кто же воспиталъ, что породило самихъ „либераловъ“?...

Когда основной взглядъ писателя такъ рѣзко расходится съ истиной, какъ у г. Тихомирова, онъ непремѣнно наталкивается на выводы или факты, заключающіе въ себѣ косвенное его опроверженіе. Упомянувъ о тишинѣ и пустотѣ, господствовавшихъ среди молодежи въ началѣ семидесятихъ годовъ, почти наканунѣ вспышекъ 1874 г., г. Тихомировъ рассуждаетъ такъ: „на молодежь можно положиться вовсе не тогда, когда она безжизненна, а тогда, когда она весела, оживлена здоровымъ оживленіемъ. Никогда я не повѣрю въ благонамѣренность русской молодежи, если она будто бы думаетъ

только о карьерѣ, особенно если при этомъ въ ней замѣчается упадокъ развитія. Это явный признакъ, что идеалы ея болыны, а потому не находятъ яснаго примѣненія къ жизни, такъ что молодежь старается о нихъ не думать. Но это недуманье не исправляетъ самаго главнаго—душевной пустоты. Въ одинъ прекрасный день всѣ эти „карьеристы“, смотришь, чуть не поголовно устраиваютъ какую-нибудь величайшую штуку, глупо, безцѣльно, прахомъ пускаютъ всю свою „карьеру“. Люди, не вникающіе въ психологію массовыхъ движеній, только руками разводять: откуда взялось? Берется именно изъ *пустоты*. Никогда молодой человѣкъ не проживетъ безъ идеала, однимъ карьерой. Онъ самъ ошибается, когда думаетъ это, когда щеголяетъ скептицизмомъ, сухостью. У него это напускное, онъ этимъ только забавляется. Но потомъ забавляться наскутить, и потребность нравственнаго содержанія жизни заговоритъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ дольше оставалась безъ удовлетворенія. Она доходитъ до разбѣговъ страсти, закрывающей глаза на все остальное“. Эта страсть легко становится разрушительною, потому что отъ отсутствія идеаловъ только одинъ шагъ до идеала отрицательнаго... Вѣрнымъ, въ этихъ разсужденіяхъ г. Тихомирова, можно признать далеко не все. Кто привыкъ, съ раннихъ лѣтъ, думать о „карьерѣ“, мечтать только о легкомъ, быстромъ, личномъ успѣхѣ, тотъ слишкомъ часто остается „карьеристомъ“ до конца дней своихъ, не чувствуя пустоты, все больше и больше съ нею свыкаясь. Потребности въ идеалахъ онъ или не ощущаетъ вовсе, или удовлетворяетъ ее общими мѣстами обыденной морали, усвоенной чисто внѣшнимъ образомъ и отлично уживающейся съ служеніемъ карьерѣ и фортунѣ. Не въ этомъ, однако, теперь дѣло; для насъ важно то, что, по собственному признанію г. Тихомирова, пропаганда семидесятыхъ годовъ нашла множество адептовъ между „карьеристами“, погруженными въ „пустоту“, лишенными всякихъ положительныхъ идеаловъ. Какую же роль, по отношенію къ нимъ, играло „общее либеральное міросозерцаніе“? Вѣдь у нихъ не было никакихъ убѣжденій, никакихъ симпатій, возвышавшихся надъ личнымъ ихъ горизонтомъ; они не поддавались вліянію „либеральныхъ точекъ зрѣнія“, не увлекались волною модныхъ доктринъ—а между тѣмъ очутились въ той области, куда ведетъ, будто бы, столбовая дорога „либерализма“. Или, быть можетъ, г. Тихомировъ полагаетъ, что самый карьеризмъ—либеральнаго происхожденія, что пустота могла образоваться только въ душѣ, изъ которой „либерализмъ“ вытравилъ, предварительно, все прекрасное и святое? Въ такомъ случаѣ мы желали бы знать, откуда брался карьеризмъ, откуда бралась пустота въ до-реформенное, до-либеральное время? Какое

„общее міросозерцаніе“ повинно въ карьеризмъ Молчалина, въ пустотѣ Скалозуба? Не ясно ли, что въ семидесятыхъ годахъ, какъ и раньше, какъ и позже, карьеризмъ и пустота были прежде всего и больше всего завѣтомъ предковъ, наслѣдствомъ временъ, чуждыхъ „запиральнымъ идеямъ“?.. Въ другомъ мѣстѣ брошюры г. Тихомирова изображается удивительная быстрота и легкость, съ которой люди, „за часъ передъ тѣмъ вовсе не думавшіе о политикѣ“, обращались въ террористовъ-революціонеровъ. Что же, политическіе индифференты также были либералами, также прошли подъ игомъ пресловутаго „общаго міросозерцанія“?.. Погрузившись въ личные воспоминанія, г. Тихомировъ, незамѣтно для самого себя, приблизился къ дѣйствительности, отъ которой его отдаляетъ предвзятая мысль—приблизился къ ней, конечно, лишь не надолго и мимоходомъ. Историкъ, помимо воли, далъ намъ матеріалъ, годный для опроверженія публициста.

И въ воспоминаніяхъ г. Тихомирова не мало найдется, впрочемъ, неточнаго или неправильно освѣщеннаго. „Я пережилъ мальчишескіе и юношескіе“, говоритъ онъ, „эпоху реформъ, которыя *теперь* (курсивъ въ подлинникѣ) превозносятся либералами. Но въ то время я рѣшительно не слыхалъ объ этихъ самыхъ реформахъ добраго слова. Тогда оказывалось, что все дѣлается не такъ какъ слѣдуетъ... вмѣсто того, чтобы поддерживать выгодное для нихъ правительство, вмѣсто того, чтобы и намъ (кто эти мы?) внушать, что только одно либеральное правительство можетъ хорошо вести дѣло, либеральная воля только готовила враговъ правительства“. Какъ! въ концѣ шестидесятыхъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ г. Тихомировъ не слыхалъ отъ „либераловъ“ ни одного добраго слова о реформахъ прошлаго царствованія? Кто же хвалилъ, кто поддерживалъ тогда судебную реформу? Не доходила ли эта поддержка даже до крайностей, до нежеланія говорить о недостаткахъ судебныхъ уставовъ ¹⁾? Кто вѣрилъ въ живучесть земскихъ учрежденій, кто отзывался сочувственно на мысль о всеобщей воинской повинности, о податной реформѣ? Кто возлагалъ надежды на законъ о печати, изданный 6-го апрѣля 1865 г.? Правда, тонъ либеральной прессы, въ указанную нами эпоху, былъ, вообще говоря, далеко не восторженный; но почему? Не потому, что она была недовольна совершившимися преобразованіями, а потому,

¹⁾ Откровенныя указанія на эти недостатки (конечно—не тѣ, которые открыло въ судебныхъ уставахъ новое вѣніе восьмидесятыхъ годовъ) встрѣчались, безъ сомнѣнія, и тогда, но имъ противопоставлялась, сплошь и рядомъ, необходимость беречь каждую букву законодательнаго памятника, который легче испортить, чѣмъ исправить. Такіе же взгляды высказывались и по поводу земства.

что этимъ преобразованіямъ постоянно угрожала опасность, потому что въ новыхъ законахъ были проектируемы и даже производимы перемѣны, существенно нарушавшія первоначальный ихъ смыслъ. Правительство, въ семидесятыхъ годахъ, не было „либеральнымъ“ ни въ законодательной сферѣ, ни въ административной; отсюда неизбежность критики, которую г. Тихомировъ столь любезно называетъ „либеральною воркотнею“... Доказательство тому, что „либералы“ не ограничивались одною воркотнею, намъ слѣдуетъ доставить —опять-таки, конечно, помимо воли—самъ г. Тихомировъ. Онъ констатируетъ, страницей ниже, что реформы прошлаго царствованія не встрѣтили „защиты и поддержки“ отъ людей „старой культуры“, „развитыхъ, гуманныхъ, безусловно преданныхъ правительству“; они чувствовали, что „новое время, со всѣми своими улучшеніями, стремится куда-то въ ненадлежащее мѣсто“—и оставались холодными къ его начинаніямъ. Кто же провелъ эти начинанія въ жизнь, кто добился, въ области суда и самоуправленія, такихъ результатовъ, которыхъ отдають справедливость даже добросовѣстные противники реформъ? Очевидно—„либералы“, т.-е. люди, убѣжденные въ справедливости и цѣлесообразности преобразованій. Можно видѣть пробѣлы и недостатки нововведенія—и все-таки служить ему вѣрой и правдой, въ виду огромныхъ его преимуществъ предъ стариною.

Чрезвычайно характеристиченъ для автора брошюры разговоръ о его воспитаніи. „Въ какую-то реакцію старинному: *не разсуждать, — повиноваться*, насъ всѣхъ вели по правилу: *не повиноваться, а разсуждать*. Наши воспитатели рѣшительно не понимали, что первое качество дѣйствительно развитого разума есть пониманіе предѣловъ своей силы и что насколько разсужденіе обязательно въ этихъ предѣлахъ, настолько оно даже неприлично для умнаго человѣка внѣ ихъ, гдѣ именно разумъ и заставляетъ просто повиноваться, искренно, сознательно подчиняться авторитету“. Но чѣмъ же опредѣляетъ разумъ границы своей силы, какъ не разсужденіемъ? Область повинованія, особенно у насъ въ Россіи, безъ того уже очень велика; къ нему привыкають еще въ семьѣ, его во многомъ требуетъ школа (дисциплина, что бы ни говорилъ г. Тихомировъ, существовала, конечно, и въ гимназіи шестидесятыхъ годовъ), къ нему на каждомъ шагу понуждаетъ жизнь. Нужно же, когда-нибудь, пріучиться разсуждать, чтобы не остаться навсегда ходячимъ механизмомъ, пружины котораго держитъ чужая рука—сегодня одна, завтра, быть можетъ, совсѣмъ другая. Неужели, притомъ, гимназія шестидесятыхъ годовъ поощряла разсуждать о предметахъ, вообще признаваемыхъ изъятыми изъ разсужденія? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; она стремилась

только, и то не всегда удачно, къ сознательному усвоенію знанийъ, прежде принимавшихся исключительно на память... „Наши худшіе учителя“, продолжаетъ г. Тихомировъ, „были еще, можетъ быть, менѣе вредны. Они учили по крайней мѣрѣ скучно, безсознательно, заставляя насъ дѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе. Хорошіе учителя были насъ сквозь проникнуты манерой *заинтересовать*. Мы учились у нихъ не тому, что нужно, и не потому, что это нужно, а тому, что интересно, что само насъ захватывало. Мы были не господами, а рабами предмета. Мы учились не устремлять вниманіе преднамѣренно, а только отдаваться впечатлѣнію“. Неужели г. Тихомирову неизвѣстно, что „хорошіи“ учитель можетъ „заинтересовать“ учениковъ даже наименѣе привлекательными сторонами своего предмета? Интересъ къ наукѣ не только вполне совмѣстенъ съ правильнымъ ея изученіемъ—онъ способствуетъ, какъ нельзя больше, такому изученію. Всякому изъ насъ приходилось и постоянно приходится испытывать на себѣ, что степень вниманія прямо пропорціональна степени заинтересованности,—а насъ хотятъ увѣрить, что между тѣмъ и другимъ существуетъ обратное отношеніе! Одно изъ двухъ: или учителя, о которыхъ говоритъ г. Тихомировъ, вовсе не были *хорошими*, или онъ на нихъ клеветаетъ, обвиняя ихъ въ небывалыхъ прегрѣшеніяхъ.

Болѣе чѣмъ несправедливый къ гимназіи шестидесятыхъ годовъ, г. Тихомировъ остается нейтральнымъ по отношенію къ университету. Констатируя „карьеризмъ“ большинства студентовъ (въ началѣ семидесятыхъ годовъ), онъ ничего не говоритъ о профессорахъ, никакой спеціальной отвѣтственности на нихъ не возлагаетъ. Восполненіе этого пробѣла принялъ на себя единомышленникъ г. Тихомирова, г. Ю. Г., въ фельетонѣ, посвященномъ разбираемой нами брошюрѣ („Московскія Вѣдомости“, № 213). „Молодой человекъ, еще въ гимназіи зачитывавшійся Писаревымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, совершенно невѣжественный и ничему не желающій научиться, приходилъ въ университетъ. Тутъ онъ ожидалъ найти разрѣшеніе своихъ *вопросовъ*, вычитанныхъ имъ изъ журнальныхъ фельетоновъ. Профессорскія лекціи услужливо предлагали ему разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Въ сущности, здѣсь говорилось все то же, что и въ журнальномъ фельетонѣ, но только умѣреннѣе и притомъ обставленное всѣмъ внѣшнимъ аппаратомъ науки. Здѣсь молодой человекъ находилъ *ученикъ* самаго послѣдняго фасона. Здѣсь онъ выслушивалъ лекціи, проникнутыя духомъ послѣдняго привоза заграничныхъ книжекъ, являвшіяся всего только плохимъ переводомъ съ иностраннаго“. И въ этой картинѣ намъ предлагаютъ узнать русскіе университеты

шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ! Въ одномъ изъ послѣднихъ литературныхъ обзорнѣй „Вѣстника Европы“ были приведены обширныя выписки изъ брошюры профессора Модестова, посвященной русской университетской наукѣ за послѣднюю четверть вѣка. Стоитъ только сопоставить *факты*, приведенные въ этой брошюрѣ, съ сужденіями фельетониста „Московскихъ Вѣдомостей“, чтобы понять, до чего въ наше время можетъ доходить тенденціозное мавращеніе истины.

Мы коснулись лишь немногихъ сторонъ брошюры г. Тихомирова, далеко не во всемъ поддающейся разбору; но связаннаго нами достаточно для общей ея оцѣнки. Перейдемъ прямо къ заключительному выводу автора. „Вліяніе русскаго либеральнаго общества, слабѣйшаго умственно во всей Европѣ, огромно для выработки революціонеровъ, но ничтожно, когда ихъ нужно сдержать. Еслибы наши либералы хоть на минуту могли понять, чтò судить имъ такое положеніе, особенно при легкости, съ которою ихъ ученики произносятъ слово: *терроръ*,—они бы пришли въ ужасъ... Только либералы не захотятъ понять этого, потому что они тогда остаются безъ міросозерцанія, безъ философіи, безъ вѣры. Допустимъ, что перспектива страшна или нелѣпа, но чтò же дѣлать? Или отъ всего отказаться, отъ „разума“, „человѣческаго достоинства“, „свободы“, „правъ личности“ и пр., и пр.? Неужто же эти основы невѣрны? Или возвратиться къ Домострою (натурально, отродясь не читанному)? Нѣтъ, немислимо. Лучше стараться не дойти до абсурда. Ахъ, какъ трудно это, когда съ абсурда-то именно и начинаютъ! Либераль только и мечтаетъ, какъ бы не додумать до конца. Революціонеръ все спасеніе ищетъ въ томъ, чтобы дойти до самаго послѣдняго предѣла. Но судьба обоихъ одинакова—оба осуждены дойти до противорѣчія съ дѣйствительностью, откуда ихъ ничего не можетъ вытащить, кромѣ реакціи. А затѣмъ, отдохнувъ, позабывъ по возможности опытъ, опять начинаютъ старую исторію, а для утѣшенія себя въ этой толчеѣ придумаютъ, будто таковъ уже законъ—міръ, будто бы, развивается *акціями* и *реакціями*... Нѣтъ, не таковы законы жизни, но это предметъ, о которомъ бесполезно толковать, пока люди не убѣдятся, что ихъ современный *прогрессивный* идеалъ съ начала до конца ложень, неосуществимъ, не даетъ ничего, чтò отъ него ждутъ и во имя чего приносятъ столько жертвъ“.

Положеніе, такимъ образомъ, представляется совершенно безнадежнымъ. Пока существуетъ „либерализмъ“, онъ неминуемо порождаетъ революціонеровъ—а чтобы онъ пересталъ существовать, нужно отказаться отъ вѣры въ свободу, въ разумъ, въ человѣческое достоин-

ство. Такой отказъ самому г. Тихомирову кажется немислимымъ. Правда, у него есть въ запасѣ какіе-то „законы жизни“, но онъ оставляетъ ихъ подъ спудомъ, пока „люди“ не отрекутся отъ своего „прогрессивнаго идеала“. Что же дѣлать въ ожиданіи такого отреченія—ожиданіи, имѣющемъ всѣ шансы на безконечность? Прямого отвѣта мы у г. Тихомирова не находимъ; но его подсказываетъ вся предъидущая аргументація. Если „міросозерцаніе“, чреватое опасностями, не хочетъ добровольно сойти со сцены, если воззрѣнія, заключающія въ себѣ истину, не могутъ ни восторжествовать, ни даже выступить наружу, пока не исчезли „ложные идеалы“, то остается только одно: „искорененіе“ этихъ идеаловъ путемъ запрещеній, преслѣдованій, наказаній. Нѣсколько яснѣе, чѣмъ у г. Тихомирова, хотя все еще не вполне ясно, этотъ выводъ формулированъ у г. Ю. Г., въ статьѣ, о которой мы уже упоминали. „Необходимо,—говоритъ г. Ю. Г.,—охранить нашъ народъ отъ разлагающаго и растлѣвающаго уличнаго либерализма, внесе въ жизнь осмысленную дисциплину, которая заставила бы всѣхъ повылѣзшихъ изъ щелей *мошекъ и букашекъ*, всѣхъ *сверчковъ*, повиновавшихся свой *шестокъ*, снова возвратиться на подобающія имъ мѣста“. Если принять во вниманіе, что подъ именемъ *уличнаго* либерализма г. Ю. Г., какъ видно изъ другихъ мѣстъ его фельетона, понимаетъ не какое-нибудь одно либеральное теченіе, а весь современный либерализмъ вообще, то не трудно понять значеніе его совѣта. *Шестокъ*, подобающій всѣмъ частнымъ и непривилегированнымъ *сверчкамъ*—это смиреніе и молчаніе; „осмысленная дисциплина“—это совокупность мѣръ, направленныхъ къ закрѣпленію *сверчковъ* за подобающими имъ *шестками*.

Cum duo faciunt idem, non est idem—гласитъ латинская поговорка. Какъ ни сходны темы, развиваемыя гг. Тихомировымъ и Ю. Г., между ними замѣтно и нѣкоторое различіе. Первый напоминаетъ молюеровскаго *médecin tant pis*; въ хаосъ и тьму, которые онъ рисуетъ, не падаетъ ни одного луча свѣта (фонарь съ настоящими „законами жизни“ остается, какъ мы видѣли, герметически закрытымъ). Не столь мрачно настроеніе г. Ю. Г.; онъ не совсѣмъ отчаявается въ нашемъ обществѣ—томъ самомъ „бѣдномъ либеральномъ обществѣ“, которое г. Тихомировъ называетъ „слабѣйшимъ умственно во всей Европѣ“. Указавъ на совершившійся въ послѣднее время „поворотъ и ходъ направо“, г. Ю. Г. восклицаетъ: „весьма недалеко видны тѣ либеральные наши публицисты, которые искренно вѣрятъ, что этотъ поворотъ обусловленъ *только* правительственными мѣрами. Не правительственныя мѣры умалили въ глазахъ общества, свели

почти на ничто значеніе отрицательной литературы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, и, напротивъ, выдвинули на первый планъ дѣйствительную русскую литературу, до того совершенно заслоненную, въ лицѣ Пушкина, Достоевскаго, Толстого, Гончарова; не правительственныя мѣры сдѣлали то, что, напримѣръ, Добролюбовъ и Писаревъ умаляются, а хотя бы А. А. Григорьевъ вырастаетъ и выходитъ изъ забвенія; не правительственныя мѣры создали популярность Достоевскаго и Аксакова, заставили общество признать дѣятельность и заслуги Каткова; не правительственныя мѣры, наконецъ, извлекли изъ забвенія и поставили передъ глазами общества такія книги, какъ, хотя бы, книгу Данилевскаго: *Россия и Европа*, которую уже невозможно стало замалчивать, какъ замалчивали ее прежде, и которая стала центромъ ожесточенной полемики, привлекающей къ себѣ живое вниманіе общества. Все это свидѣтельствуетъ не объ искусственномъ задерживаніи развитія нашего либерализма, а о томъ, что либерализмъ этотъ находить, наконецъ, себѣ отпоръ въ средѣ самого общества, еще такъ недавно рабски ему подчинявшася“.

Прежде чѣмъ присмотрѣться поближе къ этой тирадѣ, приведемъ еще одно мнѣніе о нашемъ современномъ обществѣ, заимствуя его изъ источника совершенно другого свойства. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 206 и 220) появились недавно два фельетона, озаглавленные: „Злобы дня“, и подписанные: „Скромный наблюдатель“. Посвятивъ первый изъ нихъ печальной, но вѣрной картинѣ упадка нашей прессы, талантливый авторъ начинаетъ второй фельетонъ слѣдующими словами: „По Сенькѣ—шанка, по прессѣ и публикѣ, по публикѣ и прессѣ. Безпринципная пресса воспитала и безпринципное общество, которое, освободивъ себя, ради удобствъ жизни, отъ всякихъ идей и отъ принциповъ, стѣсняющихъ свободу дѣйствій, въ свою очередь, только и можетъ оказывать сочувствіе и поддержку такой прессѣ, которая угождаетъ его вкусамъ“. Конечно, существуютъ небольшіе кружки лицъ, не успѣвшихъ еще отрѣшиться отъ идей и принциповъ; „но эти кружки, по своей малочисленности, не въ силахъ дать отпора общему натиску толпы... Они примолкли и гдѣ-то затаились, будучи вынуждены уступить поле какъ литературной, такъ и общественной дѣятельности циникамъ откровеннаго направленія“. Въ подтвержденіе своей основной мысли авторъ приводитъ извѣстныя событія въ средѣ московской адвокатуры, восторги по поводу юбилея г. Славянскаго-Агренева, торжественныя встрѣчи, устроенныя г. Пѣшкову, и, наконецъ, еще одно обстоятельство, мало извѣстное петербургской публикѣ. „Вы, вѣроятно, помните,—говорить онъ, обращаясь, очевидно, къ московскимъ своимъ читателямъ,

—какъ минушею зимою возникъ слухъ о томъ, что будто бы извозчиковъ за разныя провинности деруть. Припомните разговоры, которые были вызваны въ обществѣ этими слухами. Всѣ, даже люди съ университетскимъ образованіемъ, находили, что извозчиковъ уже давно была пора драть, что если ихъ до сего времени не драли, такъ это былъ, такъ сказать, печальный пробѣлъ, каковой, слава Богу, къ общему удовольствію, и пополненъ“. И такъ, мы имѣемъ передъ собою цѣлыхъ три общества: одно—придерживающееся „общаго либеральнаго міросозерцанія“, другое—все болѣе и болѣе приближающееся къ консервативнымъ принципамъ, третье—совершенно неприципиное. Конечно, ни одно изъ этихъ трехъ представленій не претендуетъ на то, чтобы обнять собою *все* русское общество; каждый изъ трехъ писателей, съ которыми мы имѣемъ дѣло, допускаетъ, безмолвно или прямо, исключенія изъ устанавливаемого имъ правила—но правило все-таки остается правиломъ, подъ именемъ *общества* все-таки разумѣется, во всѣхъ трехъ случаяхъ, *большинство* русскихъ образованныхъ людей, большинство такъ-называемой интеллигенціи. Отсюда ясно, что всѣ три характеристики не могутъ быть вѣрными, что двѣ, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ заключаютъ въ себѣ существенно-важную ошибку. Которую же изъ нихъ слѣдуетъ считать наиболѣе правильною? Признаемся откровенно—мы не рѣшаемся отвѣтить категорически на этотъ вопросъ, по той простой причинѣ, что настроеніе русскаго общества, разсматриваемаго какъ одно цѣлое, не легко поддается наблюденію. Никто не уполномоченъ говорить отъ его имени; никто не можетъ опредѣлить съ точностью сравнительную силу теченій, существующихъ въ его средѣ, сравнительную распространенность и устойчивость взглядовъ, оспаривающихъ другъ у друга господство надъ умами. Высказывается далеко не все, что думается; о многомъ хранится полное молчаніе или говорится только въ одномъ, заранѣе предопредѣленномъ смыслѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что газеты и журналы служатъ, до известной степени, отголосками мыслей и чувствъ, бродящихъ въ обществѣ; но *до какой именно степени*—это не подлежитъ взвѣшиванію и измѣренію. Отдѣльными фактамъ, приводимымъ въ доказательство того или иного общественнаго настроенія, всегда могутъ быть противопоставлены другіе, ведущіе къ противоположному заключенію. Намъ указываютъ, на примѣръ, на популярность Достоевскаго и Авсакова—а мы можемъ указать на популярность, отнюдь не меньшую, Салтыкова и Глѣба Успенскаго. Намъ говорятъ, что публика увлекается Агреневымъ-Славянскимъ, покупаетъ на расхватъ описаніе путешествія сотника Пѣшова—а мы можемъ напомнить о

безпримѣрноу успѣхѣ стихотвореній Надсона. Насъ увѣряютъ, что въ московскомъ обществѣ *есть*, даже люди съ университетскимъ образованіемъ, одобряютъ сѣченіе извозчиковъ—а мы можемъ удостовѣрить, что множество людей, даже изъ числа не получившихъ высшего образованія, возмущается при одной мысли о грубой полицейской расправѣ. Мы прочли недавно въ „Недѣлѣ“, что общество совершенно равнодушно къ земской реформѣ—а по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ провинціи, выходитъ совершенно другое. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать ненадежность популярныхъ обобщеній, основанныхъ, силошъ и рядомъ, на малочисленныхъ и плохо проверенныхъ данныхъ. Въ фактическомъ арсеналѣ консервативнаго лагеря оказывается, вдобавокъ, не мало оружія безусловно непригодныхъ ни для нападенія, ни для защиты. Какую цѣну можетъ имѣть, на примѣръ, попытка г. Ю. Г. связать „поворотъ направо“, происшедшій въ русскомъ обществѣ, съ восстановленіемъ значенія Пушкина, несправедливо униженнаго критикомъ шестидесятыхъ годовъ? Своего апогея слава Пушкина достигла во время юбилея 1880 г.—а это была эпоха „диктатуры сердца“, когда о „поворотѣ направо“ не было еще и рѣчи. На чемъ основано увѣреніе г. Ю. Г., что Добролюбовъ умалется, а Аполлонъ Григорьевъ вырастаетъ? Къ послѣднему начинаютъ относиться справедливѣе, чѣмъ прежде—это правда, но ставить его выше Добролюбова пробуютъ только немногіе нео-славянофилы, никого за собою не увлекая. Если около книги Н. Данилевскаго происходитъ или недавно происходило больше шума, чѣмъ въ моментъ ея изданія, то не объясняется ли это выдающеюся талантливостію новѣйшаго ея противника?

Итакъ, изъ трехъ мнѣній о русскомъ современномъ обществѣ ни одно не можетъ быть признано достаточно доказаннымъ. Сравнительно близкимъ къ истинѣ кажется намъ взглядъ „скромнаго наблюдателя“. Вездѣ и всегда встрѣчаются люди безъ опредѣленныхъ убѣжденій, безъ твердой воли, готовые плыть по теченію, сегодня въ одну сторону, завтра въ другую. Одними руководить расчеты, другими—страхъ, третьими—привычка идти въ толпѣ, присоединяться къ побѣдителямъ. Эта колеблющаяся масса въ сущности всегда остается „безпринципной“, но съ особенной яркостью ея нравственная неустойчивость выступаетъ на видъ, конечно, въ тѣ эпохи, когда слабѣетъ запросъ на принципы и усиливается перевѣсъ личныхъ, эгоистическихъ стремленій. Въ этомъ смыслѣ, но только въ этомъ, можно говорить о „безпринципности“ нашего времени, постоянно имѣя въ виду, что уменьшилось не столько число искреннихъ, сознательныхъ

приверженцевъ прогресса, сколько число *номинальнѣе* его сторонниковъ. Интересоваться пустяками свойственно не одному только русскому современному обществу. Въ Англии рукоплещутъ переплывшему Ламаншскій проливъ, во Франціи торжественно встрѣчаютъ всадника, совершившаго дальній переѣздъ, въ Австріи интересомъ дня становится побѣда русскаго конькобѣжца. Насъ не пугаютъ, поэтому, ребяческіе восторги, вызванные путешествіемъ сотника Пѣшкова, не пугаютъ оваціи, сдѣланныя г. Агреневу-Славянскому. Мы знаемъ, что рядомъ съ ними остается мѣсто для увлеченій болѣе серьезныхъ; мы помнимъ, на примѣръ, съ какою легкостью еще недавно находила себѣ адептовъ доктрина Льва Толстого, апеллирующая, какова ни была ея внутренняя цѣнность, къ высшимъ свойствамъ человѣческаго духа. Проповѣдь „дinizма“ становится все болѣе и болѣе беззащитной, но до рѣшительнаго ея торжества еще далеко—и мы вѣримъ, что оно не наступитъ.

Если мы глядимъ впередъ безъ особой боязни, то это еще не значить, чтобы мы закрывали себѣ глаза насчетъ печальныхъ сторонъ настоящей минуты. Одною изъ нихъ остается, по прежнему, травля иновѣрныхъ и иноплеменныхъ русскихъ гражданъ. Привода, въ предыдущей хроникѣ, сообщеніе „Восхода“ о невѣроятномъ событіи въ Мстиславлѣ, мы выразили надежду, что сообщеніе это будетъ кѣмъ слѣдуетъ опровергнуто. До сихъ поръ, однако, оно не встрѣтило возраженій со стороны главнаго участника происшествія, мстиславльскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Въ газетахъ появилось только письмо мѣстнаго товарища прокурора, г. Сушкова, объясняющее его собственную роль въ мстиславльской бесѣдѣ. Къ рѣчи предводителя г. Сушковъ „не прислушивался“, и потому ничего не говоритъ о ея содержаніи. По окончаніи этой рѣчи, общественный равнинъ Гитовичъ и еще кое-кто изъ евреевъ обратились къ г. Сушкову съ вопросомъ: чтó имъ дѣлать для исполненія требовацій циркуляра, если ихъ не станутъ слушать? „Въ отвѣтъ на это,—продолжаетъ г. Сушковъ,—я, признавъ, что большинству мстиславльскихъ евреевъ нельзя сдѣлать упрека въ дерзости и неуваженіи къ властямъ, отвѣтилъ равнину, что, по моему мнѣнію, главное вниманіе должно обратить на надлежащее воспитаніе подросткающаго поколѣнія, оставивъ въ сторонѣ взрослыхъ, которыхъ, конечно, уже поздно передѣлывать, еслибы и нашлись даже люди, нуждающіеся въ исправленіи; что для благотворнаго вліянія на молодежь необходимы прежде всего нравственныя внушенія, словомъ и примѣромъ, со стороны родителей и старшихъ родственниковъ, а затѣмъ требуется и доброе вліяніе школы, хотя бы и начальнаго еврейскаго хедеры, въ лицѣ

наставниковъ-меламедовъ; что ему, раввину, какъ наблюдающему за меламедами, слѣдовало бы внушать имъ объ этомъ, а также проводить добрыя начала и путемъ поученій въ молитвенныхъ школахъ и синагогахъ; наконецъ, добавилъ я, если словесныя внушенія и примѣръ не окажутъ желаемаго вліянія на молодежь, то къ особенно упорнымъ и испорченнымъ возможно, въ крайнемъ случаѣ, примѣнить чрезъ родителей и другую мѣру — высѣчь ихъ для острастки самимъ и для примѣра другимъ. Потомъ гѣмъ-то изъ евреевъ было высказано, что найдутся, быть можетъ, вредные люди, которые будутъ препятствовать ихъ мѣрамъ; вслѣдствіе этого замѣчанія было разъяснено, что къ членамъ своимъ, признаваемымъ испорченными и вредными, общество можетъ примѣнить право, предоставленное ему уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, т.-е. составить приговоры о выселеніи и затѣмъ передать ихъ для дальнѣйшаго направленія въ распоряженіе правительственной власти, въ лицѣ исправника, которая и приметъ необходимыя административныя мѣры. Выбѣстъ съ тѣмъ, вслѣдствіе сѣтованій нѣкоторыхъ стариковъ-евреевъ на необходимость шапкосниманія передъ мальчишками-писцами и въ виду требованія, по смыслу циркуляра, внѣшняго выраженія почтенія должностнымъ лицамъ со стороны населенія, я тогда же словесно просилъ исправника наблюдать, чтобы различныя не имѣющіе чина канцелярскіе служители и вольнонаемные писцы не дозволяли бы себѣ ношенія форменныхъ фуражекъ съ кокардами и тѣмъ не вынуждали бы населеніе къ излишнимъ поклонамъ и сниманіямъ шапокъ. Вотъ и все, въ чемъ выразилось мое участіе въ бесѣдѣ съ евреями по поводу циркуляра губернатора. Изъ сказаннаго, надѣюсь, совершенно ясно, что ни о какой принципиальной поркѣ евреевъ вообще не было рѣчи; скажу даже болѣе: и не могло быть съ моей стороны рѣчи, такъ какъ, имѣя честь служить съ 1881 г. въ прокурорскомъ надзорѣ, я не могъ бы игнорировать, что тѣлесныя наказанія въ общемъ порядкѣ (о волостныхъ судахъ я не говорю) не примѣняются вовсе, что сѣченіе—хотя бы и по надлежащему приговору — публично не производится, и что, сверхъ того, было бы бессмысленно съ моей стороны доказывать возможность порки (и притомъ еще на площади!) за случайное несниманіе шапки предъ какии-либо должностнымъ лицомъ. Въ „Восходѣ“ появилось, вслѣдъ затѣмъ, удостовѣреніе „представителей мстиславльскаго еврейскаго общества“, подтверждающее, что все сообщенное въ этой газетѣ о рѣчи мстиславльскаго предводителя дворянства и о словахъ г. Сушкова „совершенно вѣрно и согласно съ дѣйствительностью“. Допустимъ, однако, что фактически правъ г. Сушковъ и что сказано было

имъ только изложенное въ письмѣ, нами приведенномъ. И въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что совѣты, данные г. Сушковымъ представителямъ еврейскаго общества, болѣе чѣмъ странны, особенно въ виду того, что совѣтникъ—лицо судебного вѣдомства. Не товарищу прокурора подобало бы поощрять злоупотребленіе родительскою властью — а можно ли назвать иначе, какъ ея злоупотребленіемъ, тѣлесное наказаніе, примѣненное къ „молодежи“? По справедливому замѣчанію редакціи „Восхода“, слово: *молодежь*—весьма неопредѣленно; оно можетъ обнимать собою, напримѣръ, и студентовъ, даже стоящихъ на рубежѣ зрѣлаго возраста. Родители, въ рѣчи г. Сушкова, являются, притомъ, не самостоятельными дѣятелями, а исполнителями чужихъ велѣній; „крайнюю мѣру“ г. товарищъ прокурора рекомендуетъ примѣнять „*черезъ родителей*“. Не менѣе характеристичнымъ представляется, далѣе, указаніе г. Сушкова на право общества удалять своихъ испорченныхъ членовъ, путемъ административнаго выселенія. Пользованіе этимъ правомъ, въ высшей степени опаснымъ, можетъ быть оправдано развѣ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, по отношенію къ людямъ безусловно вреднымъ для общества—а г. Сушковъ предлагаетъ примѣнять его къ людямъ, виновнымъ только въ разногласіи съ администраціей по вопросу объ официальныхъ поклонахъ! Кстати о поклонахъ: изъ словъ г. Сушкова можно заключить, что они признаны обязательными по отношенію ко всѣмъ законно носящимъ форменную фуражку съ кокардой, т.-е. ко всѣмъ безъ исключенія штатнымъ чиновникамъ, начиная съ писмоводителя полицейскаго управленія или секретаря предводителя дворянства. „Новости“ совершенно правы, недоумѣвая, на какомъ законѣ основана эта неслыханная обывательская повинность? До сихъ поръ кланяться старшимъ были обязаны только военные чины и воспитанники учебныхъ заведеній—и никто не утверждалъ, чтобы оттого страдала „гражданская дисциплина“.

Мстиславльскія рѣчи — знаменательная иллюстрація послѣдствій, къ которымъ ведетъ угроза произвольной административной расправой. Лица или группы, противъ которыхъ направлена эта угроза, становятся какъ бы безправными; по отношенію къ нимъ начинаютъ позволять себѣ много такого, о чемъ никто и не подумалъ бы по отношенію къ другимъ. До крайности прискорбной кажется намъ, поэтому, попытка „Кіевлянина“ доказать необходимость послѣднихъ анти-еврейскихъ циркуляровъ. „Кто знакомъ съ городами, городками и мѣстечками, въ которыхъ живетъ значительное число евреевъ,—говоритъ кіевская газета,—тотъ знаетъ, до какой степени они грубы и назойливы въ массѣ, когда чувствуютъ силу на своей сторонѣ.

Такъ какъ власть не все можетъ сдѣлать, не всякія безобразія можетъ предупредить или устранить, то и къ грубости евреевъ она могла бы относиться равнодушно, пока она не переходитъ въ проступки, за которые существуетъ уголовное взысканіе, возбуждаемое по инициативѣ полиціи или частныхъ лицъ. Но опытъ убѣдилъ, что систематическое раздраженіе населенія вызываетъ, въ концѣ концовъ, прискорбныя и опасныя явленія, которыя та же власть не можетъ предупредить. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ числѣ причинъ, вызвавшихъ беспорядки, извѣстные подъ именемъ еврейскихъ погромовъ, еврейская грубость и заносчивость играли немаловажную роль. Какъ ни возмутительны эти беспорядки, но они заставили многихъ евреевъ задуматься надъ своимъ положеніемъ и перемѣнить свой образъ дѣйствій. Сыпавшіяся передъ тѣмъ со всѣхъ сторонъ жалобы на евреевъ, которыми были завалены должностныя лица и редакціи газетъ, значительно сократились, и къ евреямъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, установились болѣе нормальныя отношенія. Но прошелъ рядъ лѣтъ, печальный опытъ забыть, и вновь начинается старая исторія. Вслѣдствіе этого, своевременное предупрежденіе со стороны власти оказывается умѣстнымъ и полезнымъ для самихъ же евреевъ. Мы, съ своей стороны, не можемъ не посовѣтовать евреямъ, чтобы они обратили на эти предупрежденія серьезное вниманіе“. Ну кто же повѣритъ кievской газетѣ, что однимъ изъ поводовъ къ еврейскимъ погромамъ послужила еврейская „грубость“? Вѣдь погромы производились тѣми элементами населенія, которые сами отличаются грубостью, которыхъ чужая грубость ни удивить, ни раздражить не можетъ. Въ основаніи погромовъ лежали сложныя причины, болѣе частью экономическаго свойства. Предупредить повтореніе печальныхъ явленій можно тѣмъ угодно—только не административными распоряженіями, низводящими евреевъ на степень паріевъ или изгоевъ. Противъ „заносчивости и грубости“, когда онѣ выступаютъ за законныя предѣлы, есть законныя средства дѣйствія, одинаковыя для всѣхъ національностей и исповѣданій, для всѣхъ классовъ населенія.

Чѣмъ сильнѣе разыгрывается національная нетерпимость, тѣмъ пріятнѣе было намъ прочесть напечатанное недавно въ газетахъ письмо директора одесскаго исправительнаго пріюта, г. Савенко. По словамъ г. Савенко, между питомцами пріюта, лучшими по поведенію, установилось братское товарищество, основанное на уваженіи національныхъ особенностей. Еврей не оскорбитъ своего христіанскаго товарища, но и христіанинъ не оскорбитъ еврея. Взаимное уваженіе особенно ясно проявляется при совершеніи молитвъ. Другое утѣши-

тельное явленіе, констатируемое г. Савенко, это—очень успѣшное и страстное занятіе евреевъ земледѣліемъ. Евреи-дѣти имѣютъ въ приютѣ собственные огороды, воздѣлываемыя ими самостоятельно. Одинъ изъ евреевъ специально завѣдывалъ уходомъ за парниками и оказался превосходнымъ садовникомъ. „Эти факты, — прибавляетъ г. Савенко, — для меня тѣмъ болѣе отрадны, что, вступая въ августѣ 1888 г. въ приютъ директоромъ, я съ предубѣжденіемъ смотрѣлъ на земледѣльческій трудъ еврейскихъ дѣтей; дѣйствительность разрушила мое предубѣжденіе“. Замѣчательную роль, однако, играютъ въ послѣднее время представители нашихъ исправительныхъ приютовъ. На московскомъ съѣздѣ, о которомъ мы говорили въ предыдущей хроникѣ, многіе изъ нихъ (въ томъ числѣ и г. Савенко) горячо воставали противъ тѣлесныхъ наказаній; теперь изъ ихъ среды раздается голосъ, напоминающій о возможности братства между христианами и евреями. Неужели осуществимое по отношенію къ испорченнымъ, преступнымъ дѣтямъ оказывается неосуществимымъ по отношенію къ взрослымъ, нормально развитымъ людямъ?

Наша реакціонная печать все еще не можетъ забыть о столь не-приятной для нея гимназической реформѣ; ея сѣтованія по этому поводу не знаютъ ни конца, ни мѣры. Чествуя третью годовщину смерти М. Н. Каткова, „Московскія Вѣдомости“ разразились недавно слѣдующею удивительною тирадой: „Какъ дорогъ былъ бы его советъ, его указаніе, его наставленіе въ это тяжкое время, когда простой, ясный самъ по себѣ, вопросъ о нашихъ гимназіяхъ былъ неизбѣжно запутанъ, затемненъ и извращенъ врагами нашего просвѣщенія. Авторитетное, убѣжденное слово Михаила Никифоровича побѣдоносно разсѣяло бы этотъ мракъ, укрѣпило бы колеблющихся, вразумило бы недоумѣвающихъ и изобличило бы всѣ возни какъ либеральствующаго, такъ и фарисействующаго обскурантизма. У насъ есть авторитетные представители во всѣхъ областяхъ науки, но съ тѣхъ поръ, какъ не стало П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова, у насъ нѣтъ никого, кто могъ бы считаться настолько компетентнымъ въ дѣлѣ педагогики и дидактики, что голосъ его полагалъ бы конецъ всякимъ спорамъ и недоумѣніямъ въ вопросахъ, касающихся воспитанія и образованія нашего юношества. Одно уже это обстоятельство показываетъ, какъ много намъ еще нужно потрудиться въ дѣлѣ нашего народнаго просвѣщенія, если, за недостаткомъ общепризнанныхъ авторитетныхъ специалистовъ, дѣло это можетъ подвергаться такимъ серьезнымъ кризисамъ, какъ тотъ, который мы

только-что пережили, и если намъ приходится считаться съ тревожною перспективою, что выходъ изъ этихъ кризисовъ можетъ совершиться не по непреложнымъ правиламъ науки, не по яснымъ узаканіямъ вѣкового опыта, а по случайнымъ соображеніямъ и непредвидѣннымъ обстоятельствамъ... Сразу выяснилась бы (при жизни Каткова) настоящая сущность педагогической и дидактической стороны классическаго воспитанія, если бы въ защиту его раздался тотъ голосъ, передъ силой и убѣдительною котораго не разъ принуждены были умолкать, какъ явные, такъ и тайные враги Россіи. Но голосъ этотъ не раздавался... Дай Богъ, чтобы намъ впредь не приходилось, какъ въ данномъ, такъ и въ иныхъ вопросахъ, вспоминать съ такимъ же горькимъ чувствомъ объ отсутствіи этого голоса, собиравшаго нѣкогда во-едино всѣхъ бойцовъ за вѣру, за царя и за благо Россіи"... Не наивна ли эта вѣра въ непогрѣшимость одного человѣка, возводимаго на степень безапелляціоннаго рѣшителя важнѣйшихъ вопросовъ государственной и общественной жизни? Когда, въ какихъ случаяхъ слово Каткова „полагало конецъ всякимъ спорамъ и недоумѣніямъ“, хотя бы только по предмету воспитанія юношества? Когда именно публицистъ, человѣкъ партіи, односторонній защитникъ одностороннихъ взглядовъ являлся мудрецомъ и судьей, всѣми уважаемымъ, всѣми признаннымъ? И что это за „непреложныя правила науки“, во имя которыхъ надлежало отстоять во что бы то ни стало господство экстермпоралій и восемьдесятъ пять уроковъ древнихъ языковъ?.. Быть можетъ, бывшіе сотрудники Каткова чувствуютъ себя, послѣ его смерти, овцами безъ пастыря; но это не даетъ имъ права думать, что въ томъ же печальномъ положеніи находится вся Россія.

31-го іюля скончался въ Петербургѣ Николай Викентьевичъ Альбертини, одинъ изъ самыхъ давнишнихъ и самыхъ трудолюбивыхъ дѣятелей русской политической печати. Предоставленный самому себѣ, онъ посвятилъ бы ей всю свою жизнь; поступить на службу и ей, въ продолженіе слишкомъ десяти лѣтъ, отдавать болѣшую часть своего времени, его могли заставить только обстоятельства. Въ 1866 г. надъ нимъ стряслась невзгода, надолго удалившая его изъ Петербурга. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ крѣпости, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ архангельскую губернію, а оттуда переведенъ на службу въ Ревель, въ губернское правленіе. До ареста онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“ (подъ редакціей Дудышкина), „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (подъ редакціей В. Ѳ. Корша) и „Голоса“; когда

онъ получилъ возможность возвратиться въ Петербургъ (въ 1880 г.), онъ опять сталъ писать въ „Голосъ“ и не оставлялъ этой газеты до самаго ея превращенія. Пишущій эти строки хорошо зналъ Н. В. Альбертини въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ самый разгаръ его литературной дѣятельности. Прекрасно и разносторонне образованный, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ работниковъ пера, которые серьезно смотрятъ на свое дѣло. Среди спѣшныхъ журнальныхъ и газетныхъ занятій, онъ находилъ время читать, приобрѣтать новыя знанія; онъ стремился къ тому, чтобы его статьи были не отголоскомъ впечатлѣній минуты, а плодомъ систематическихъ, обдуманыхъ убѣжденій. Еслибы не бѣда, сломившая его жизнь, ему удалось бы, безъ сомнѣнія, создать нѣчто болѣе прочное и цѣльное; но и теперь онъ едва-ли будетъ забытъ историкомъ нашей періодической литературы.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Подписка на „Живую Старину“.

Съ осени (сентября — октября) текущего года Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ разрѣшенія Совѣтомъ Общества, предпринимаетъ изданіе журнала „Живая Старина“, имѣющаго выходить четыре раза въ годъ книжками въ 12 и болѣе листовъ каждая, со слѣдующими Отдѣлами: I. Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія. II. Небольшіе матеріалы съ примѣчаніями: памятники языка и народной словесности, русскіе и инородческіе. III. Критика и библіографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. IV. Смѣсь. Частныя замѣтки. Ученыя новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересылкою во внутреннія губерніи Имперіи и за границу 5 р. 50 коп.

Посильно трудясь, совмѣстно съ другими Отдѣленіями Географическаго Общества, надъ изученіемъ нашего отечества, родственныхъ намъ народовъ и пограничныхъ имперіи странъ азиатскихъ, Этнографическое Отдѣленіе съ самаго основанія Общества, въ теченіе 45 лѣтъ, обнародовало цѣлый рядъ сборниковъ-матеріаловъ, наблюденій, исслѣдованій, немаловажныхъ для народовѣдѣнія Россіи, вызвало и поощрило много цѣнныхъ трудовъ различныхъ мѣстныхъ наблюдателей со всѣхъ частей Имперіи, представителей разныхъ народностей и всѣхъ классовъ общества.

Въ послѣднее время, по причинамъ понятнымъ, значительно возросло число крестьянъ въ рядахъ членовъ сотрудниковъ Общества. Рядомъ съ этимъ замѣчается и другое отрадное явленіе. Съ возвышеніемъ и распространеніемъ у насъ женскаго образованія, стали все чаще являться русскія образованныя женщины, съ любовью изучающія этнографію. За послѣдніе годы Этнографическое отдѣленіе приобрѣло себѣ нѣсколько почтенныхъ членовъ сотрудницъ. У всѣхъ племенъ и народовъ женщина по преимуществу хранительница преданія, обычая, живой старины. Не говоря уже о народностяхъ мусульманскихъ,

и простолюдинки христіанки всѣхъ племенъ многого никогда не повѣдаютъ мужчинѣ, особенно много съ ними круга, изъ того, что съ полною откровенностью выскажутъ и выложатъ женщинѣ, совершенно отъ нихъ отличной по состоянію и по образованію. Такое появленіе новыхъ наблюдателей-этнографовъ съ одной стороны изъ самаго ядра народнаго, изъ крестьянства, главнаго хранителя и создателя народнаго быта и обычнаго права, чистаго языка и народной словесности, съ другой—изъ непрерывно растущаго круга образованныхъ русскихъ женщинъ, съ интересомъ къ этнографическимъ изученіямъ, наконецъ усиленіе въ учащейся особенно въ высшихъ заведеніяхъ молодежи любви къ народу, стремленія къ сближенію съ нимъ и къ живому его изученію сулятъ и несомнѣнно принесутъ въ ближайшемъ будущемъ много добра русской литературѣ по народоуѣденію.

Не прерывая изданія Записокъ—большихъ сборниковъ матеріаловъ, наблюдений, болѣе или менѣе обширныхъ изслѣдованій,—теперь печатаются два большіе сборника: Смоленскій—члена-сотрудника В. Н. Добровольскаго и Македонскій—члена-сотрудника П. Д. Драганова,—Этнографическое Отдѣленіе въ предпринимаемомъ имъ періодическомъ изданіи „Живая Старина“ желаетъ помѣщать небольшія статьи и записки, доставляемыя или давно уже доставленныя въ Географическое Общество, а также извлеченія изъ хранящихся въ учебномъ его архивѣ матеріаловъ.

Редакція „Живой Старины“ будетъ сверхъ того стараться объ устройствѣ новыхъ сношеній съ различными мѣстными наблюдателями во всѣхъ краяхъ Россіи, поддерживать и развивать общеніе Отдѣленія съ многочисленными членами-сотрудниками Общества и приобретать ему новыхъ, обмѣниваясь съ ними мыслями о кругѣ наблюдений и о вопросахъ, ожидающихъ разрѣшенія, о выработкѣ наилучшихъ пріемовъ въ дѣлѣ записыванія и изученія особенностей языковъ, нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, памятниковъ народной словесности, повѣрій, преданій, примѣтъ, народнаго быта съ его обычнымъ правомъ, экономическимъ ростомъ или упадкомъ, съ домашнимъ обиходомъ и строемъ со внѣшнею обстановкою, съ народнымъ вкусомъ и чувствомъ къ изящному, съ народными воззрѣніями религіозными, нравственными, общественными, государственными и международными. При этомъ „Живая Старина“ будетъ уделять мѣсто и вниманіе не только всѣмъ разновидностямъ русскаго народа и цѣлаго славянскаго племени, но и всѣмъ инородцамъ Россіи. Сверхъ этнографіи въ собственномъ смыслѣ „Живая Старина“ будетъ принимать на свои страницы изслѣдованія и замѣтки по исторической географіи Россіи, славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Австро-

Венгрии и Германіи, исторической этнологіи Восточной Европы и сопредѣльной съ ней Азіи. Въ отдѣлѣ Критики и Библиографіи будутъ ведены особыми специалистами обзоры и указатели отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій по этнологіи и этнографіи, какъ русскихъ и славянскихъ, такъ и иностранныхъ, велико-британскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, скандинавскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, румынскихъ и греческихъ. Въ отдѣлѣ Вопросы и Отвѣты редація дастъ мѣсто отвѣтамъ Отдѣленія или ученыхъ, къ коимъ оно обратится, на вопросы и справки различныхъ мѣстныхъ наблюдателей и вопросамъ разныхъ ученыхъ къ мѣстнымъ знатокамъ.

Вообще „Живая Старина“ имѣетъ главнѣйше въ виду служить органомъ общенія Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и богатой научными пособіями, не скудной и живыми учеными силами столицы съ нашею провинціею, съ уѣздными городами и уѣздами по преимуществу. Совершенно почти лишенные всякихъ научныхъ пособій (чего уже о разныхъ губернскихъ, особенно университетскихъ, сказать нельзя), наши уѣздные города и уѣзды изобилуютъ неистощимыми и нерѣдко едва початыми богатствами этнографическаго матеріала, не бѣдны и людьми съ великимъ запасомъ живого, непосредственнаго знанія окружающей дѣйствительности, народнаго быта и обычая. Къ сожалѣнію, наука народовѣденія въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наша гражданственность и просвѣщеніе не мало страдаютъ отъ двухъ всеобщихъ у насъ и потому всѣмъ извѣстныхъ явленій. Въ провинціи мы находимъ много такихъ мѣстныхъ знатоковъ родного края, что изъ превеличенной ли скромности и недоувѣрія къ себѣ, или по незнанію, куда обратиться за нужнымъ подѣ часъ совѣтомъ или разъясненіемъ, не рѣшаются дѣлиться своимъ богатымъ опытомъ и не пускаютъ въ общее свѣденіе своего живого знанія. Въ то же время мы встрѣчаемъ въ уѣздахъ и въ уѣздныхъ городахъ (а также и въ губернскихъ) множество лицъ средняго, а часто и высшаго образованія, что про себя и громко сѣтуютъ на томящую ихъ скуку, на провинціальную спячку и пошлость развлеченій, на отсутствіе всякихъ идеальныхъ и умственныхъ интересовъ, тогда какъ имъ никто и ничто не мѣшаетъ часть свободнаго отъ служебныхъ занятій времени, вмѣсто ежедневныхъ карточныхъ вечеровъ и позднихъ пріятельскихъ ужиновъ, посвящать изученію края; напротивъ, все къ тому ихъ призываетъ: каждый уголокъ Россіи любопытенъ и достоинъ изученія въ разныхъ отношеніяхъ, и у этихъ скучающихъ людей подѣ бокомъ кипятъ живые влочки и будятъ ихъ любознательность. Стоитъ только

возьмѣтъ и воспитать въ себѣ охоту и любовь къ наблюденіямъ надъ окружающею природою, мертвою, вещественною и живою старинной, и люди заснувшіе и отупѣвшіе было отъ скуки и пошлаго равнодушія къ окружающему обрѣтутъ въ себѣ мало-по-малу высшіе интересы мысли и знанія, поймутъ, какими сокровищами они овладѣть могутъ, какое могутъ почетное имя и какой слѣдъ по себѣ оставить въ наукѣ и просвѣщеніи.

Внутренняя любовь и интересъ къ этнографическому знанію, указывая, что сдѣлано, дѣлается и имѣетъ быть сдѣлано по народоученію вообще, русскому въ особенности, вызывая мѣстныхъ знатоковъ къ постояннымъ сообщеніямъ и къ новымъ наблюденіямъ, „Живая Старина“ послужитъ Богъ дастъ и дѣлу науки и дѣлу русскаго просвѣщенія. Наука въ правѣ ожидать массы новыхъ драгоценныхъ данныхъ, высоковажныхъ открытій и разъясненій отъ строгаго этнологическаго и этнографическаго изученія всѣхъ когда-либо населявшихъ и нынѣ населяющихъ Россію племенъ и народностей. Русская гражданственность и просвѣщеніе нуждаются также во всестороннемъ изученіи Россіи и укорененіи въ русскомъ обществѣ убѣжденія въ необходимости внимательнаго и бережнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, къ народной жизни и обычаю, къ живой старинѣ, какъ она сложилась вѣками своеобразной жизни различныхъ краевъ нашего отечества.

Редакторомъ „Живой Старины“ будетъ всегда, независимо отъ перемѣны лицъ, предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ настоящее время дѣйствительный членъ В. И. Ламанскій. Сверхъ помощника предсѣдательствующаго проф. Н. И. Веселовскаго и секретаря отдѣленія Ѡ. М. Истомина, ближайшее участіе въ редакціи примутъ дѣйствительные члены и члены-сотрудники: проф. А. Н. Веселовскій, акад. Л. Н. Майковъ, проф. И. П. Минаевъ, прив.-доц. С. Ѡ. Ольденбургъ и А. Н. Пыпинъ. Въ числѣ сотрудниковъ „Живой Старины“ можемъ назвать: Н. И. Андерсона, Ѡ. Д. Батюшкова, проф. В. В. Богишча, И. М. Болдакова, Ѡ. Ѡ. Брауна, проф. А. С. Будиловича, Н. В. Волкова, проф. В. П. Васильева, А. К. Васильева, проф. С. М. Георгіевскаго, проф. К. Я. Грота, проф. М. С. Дринова, проф. И. Н. Жданова, проф. К. Г. Залемана, проф. В. А. Жуковскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. И. Кудрашева, Д. Н. Кудравскаго, прив.-доц. О. Е. Лемма, прив.-доц. Н. Я. Марра, проф. Ѡ. Ю. Петри, проф. А. М. Позднѣева, И. Н. Половинкина, проф. А. И. Попомарева, проф. А. И. Соболевскаго, проф. В. Д. Смирнова, проф. И. Н. Смирнова, В. В. Стасова, прив.-доц. П. А. Сырку, проф. Ѡ. И. Успенскаго, проф. Т. Д. Флоринскаго, проф. Д. А. Хвольсона и мн. др.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ.

Лица, желающія доставлять сообщенія въ редакцію, благоволятъ обращаться до 1-го сентября къ редактору (Владимиру Ивановичу Ламанскому) въ новгородской губ. гор. Боровичи, а съ 1-го сентября— въ С.-Петербургъ (въ Императорское Русское Географическое Общество).

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Пять лекцій П. Г. Рѣдкина по истории философии права въ связи съ исторіею философии вообща. Томъ четвертый. Сиб., 1890. Стр. 515. Ц. 3 р.

Вышедшій книжка четвертый томъ лекцій П. Г. Рѣдкина представляетъ особенный интересъ: значительнѣйшая часть этого тома (стр. 119—615) посвящена изложению и разбору наиболее важнаго и капитальнаго изъ сочиненій Платона—диалога о „государствѣ“. Можно сказать, что этотъ знаменитый трактатъ не появлялся еще въ нашей литературѣ въ такомъ разработанномъ и общедоступномъ видѣ. Объяснительныя замѣчанія и комментарий автора соединяютъ въ себѣ ясность мысли съ легкостью формы, такъ что даже самый неподготовленный читатель можетъ получить ясное и полное представление о политическихъ идеяхъ Платона. Изложенію діалога предпослано подробное введеніе (стр. 119—162), объясняющее предметъ и содержаніе, а также вышнія особенности всего трактата; кромѣ самаго изложенія столь обстоятельно, что можетъ для многихъ замѣнить знакомство съ оригиналомъ. Лекціи П. Г. Рѣдкина написаны вообще столь живо и популярно, что ихъ слѣдуетъ признать предназначенными далеко не для однихъ специалистовъ или учащихся, а для образованной публики вообще. Сверхъ „разговора“ о государствѣ, въ этомъ томѣ излагается еще содержаніе пяти діалоговъ— „Политикъ“, „Менонъ“, „Аполонія Сократа“, „Критонъ“ и „Горгій“.

Эмминггаузъ. Психическія разстройства въ детскомъ возрастѣ. Переводъ съ нѣмецкаго приватъ-доцента В. Ф. Якубовичъ. Сиб., 1890. Стр. 267. Ц. 2 р.

Знакомство съ психическими особенностями и заблужденіями, свойственными детскомъ возрасту, имѣетъ большое практическое значеніе для всѣхъ, интересующихся вопросами воспитанія, такъ какъ часто болѣзненные явленія, по справедливому замѣчанію переводчика, приписываются заблужденности и испорченному характеру, а слѣдовательно, вмѣсто прачебнаго пособія, къ такимъ дѣтямъ применяются различныя исправительныя мѣры, еще болѣе ухудшающія здоровье“. Книга написана Эмминггаузомъ въ бытность его профессоромъ херитскаго университета, и приводимые имъ фактическіе примѣры и случаи наблюдались имъ въ Россіи, что должно усилить интересъ книги въ глазахъ русскихъ читателей.

Вирро Ферри. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Двѣ лекціи. Переводъ съ итальянскаго. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1890. Стр. 54. Ц. 40 к.

Вирро Ферри—одинъ изъ талантливыхъ представителей новаго научнаго направленія въ области уголовного права,—направленія „позитивнаго“, которое получило особенное развитіе въ послѣдней спеціальной литературѣ Італіи. Двѣ публичныя лекціи, появившіяся теперь въ русскомъ переводѣ, даютъ общее понятіе о характерѣ тахъ воззрѣній, которыя защищаются новымъ школомъ, въ отличіе отъ идей, господствовавшихъ до недавняго времени. По словамъ Ферри, „позитивная школа въ дѣлѣ борьбы съ преступностью отдастъ предпочтеніе предохра-

нительнымъ мѣрамъ и общественной гигиенѣ предъ системой наказаній“; она также „не питаетъ никакой симпатіи къ одиночному тюремному заключенію“. Если нужно изолировать преступниковъ, то ихъ слѣдуетъ направлять для этого въ отдаленныя „колоніи, гдѣ они могли бы работать на открытомъ воздухѣ, потому что воздухъ и свѣтъ, служа источникомъ физическаго здоровья, доставляютъ также нравственное здоровье“.

Организация прямого обложенія въ московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Исслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Сиб., 1890. Стр. 557. Ц. 3 р. 50 к.

Въ обширномъ трудѣ г. Лаппо-Данилевскаго собрано очень много матеріаловъ по запутаннымъ и сложнымъ вопросамъ нашей финансовой организациі въ XVII вѣкѣ. Авторъ руководствовался не только печатными, но и рукописными источниками, для разъясненія такихъ вопросовъ, которыя даже для своего времени едва ли имѣли серьезное значеніе.

Государственное хозяйство Швеции. Исслѣдованіе Эдуарда Берендтса. Часть первая. Исторія государственнаго хозяйства Швеціи до 1809 года. Сиб., 1890. Стр. 9 и 861.

Исслѣдованіе г. Берендтса задумано по обширному плану: оно должно состоять изъ трехъ частей, изъ которыхъ одна, первая, вышедшая книжка въ свѣтъ, заключаетъ въ себѣ 860 страницъ текста. Въ этой объемистой книгѣ изложена исторія государственнаго хозяйства Швеціи отъ древнихъ временъ до начала текущаго столѣтія; вторая часть будетъ имѣть своимъ предметомъ финансовое развитіе Швеціи съ 1809 г. до нашихъ дней и ея современное финансовое право; наконецъ, третья часть составить уже въ сущности самостоятельное сочиненіе—объ историческомъ развитіи политической экономіи и финансовой науки въ Швеціи. По словамъ самого автора, ему пришлось работать „на совершенно новой, непочтой почвѣ“, такъ какъ ни въ нашей, ни въ западно-европейской литературѣ не существуетъ изслѣдованій о шведскихъ финансахъ; даже въ спеціальной литературѣ самой Швеціи не оказывается такого труда, который содержалъ бы въ себѣ полную исторію шведскаго государственнаго хозяйства. Такимъ образомъ, изслѣдованіе г. Берендтса, основанное на громадной массѣ мало-извѣстныхъ данныхъ, является дѣйствительно важнымъ и весьма цѣннымъ вкладомъ въ обще-европейскую научную литературу и по всей вѣроятности обратитъ на себя вниманіе не только русскихъ, но и заграничныхъ ученыхъ.

Иллюстрированный словарь практическихъ свѣденій, необходимыхъ въ жизни всякому. Изд. д-ра Л. Симонова. Вып. 12 (съ 163 рисунками). Сиб., 1890. Стр. 1009—1120. Ц. 1 р. 50 к.

Въ новомъ выпускѣ этого полезнаго и старательно редактируемаго изданія помѣщены, между прочимъ, подробныя статьи объ „открытіяхъ“, отопленіи, очкахъ, отравленіяхъ и др., со множественнымъ рисункомъ.

ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦЕВЪ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-я.

ОКТЯВРЬ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

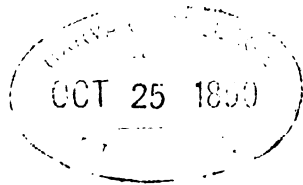
№ 53/610

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1890.

	I.—ЛОВАНОВЩИНА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая.—III-X.—В. Шилова.	43
	II.—ГУСТАВЪ IV И ЕКАТЕРИНА II въ 1796 г.—IV.—Размовака.—А. Г. Бриквера.	48
	III.—АМЕРИКАНЦЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.—I-IV.—В. Макс-Газау.	50
	IV.—КЕМБРИДЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.—Очеркъ.—II-III.—Окончаніе.—I. А. Касибера.	64
	V.—НОВАЯ ДЕРЕВНЯ.—Повесть.—I-X.—П. Д. Ахшарумова.	58
	VI.—МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.—I-III.—Ф. И. Буслаева.	69
	VII.—ПОДЪ ВЪГОМЪ СТРАСТЕЙ.—Романъ Ричарда Ашланда.—XXIV-XXXIII.—А. Э.	68
	VIII.—ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНИЯ И ПЕРЕПИСКА.—А. В.—иъ.	71
	IX.—РАННЕЙ ОСЕНЬЮ.—Стих. Ф. М.—вой.	76
	X.—ВОПРОСЫ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.—II.—Окончаніе.—Л. Славянского.	76
	XI.—ПЕРВЫЯ ПОВЕДЫ БИСМАРКА.—H. v. Sybel, Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I.—К. К. Арсеньева.	78
III	XII.—НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРЪ.—Сонетъ.—И. Минского.	80
Пр	XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Предстоящій пересмотръ городского положенія.—Картина городского управленія въ двухъ городахъ восточной Россіи, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ.—Послѣднія намѣченія по мѣстному управленію.—Письмо земскаго начальника и корреспонденція о земскомъ начальствѣ.—Газетныя слухи и толки.	80
	XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Военныя маневры и политическія свиданія.—Австро-германскія отношенія и восточный вопросъ.—Праздникъ толки о франко-русскомъ союзѣ.—Французское руссофильство и его мотивы.—Школа Каткова; гг. Татищевъ и Цюль.—Разсужденія г. Татищева о союзѣ съ Франціею и примиреніи съ Болгаріею.—Болгарскія дѣла.	82
ПОДПИ	XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Уральскіе рассказы.—С. Н. Сиромятниковъ, Сага объ Эврикѣ Красномъ.—П. В. Владиміровъ, Изъ учительскихъ дѣтъ Гоголя.—Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстия и Н. Бондаловича, вып. 3.—А. П.—Протекционизмъ, Л. А. Новикова.—Л. С.—Новыя книги и брошюры.	83
Остр., 5	XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges. Les origines du système féodal.—II.—Westeuropa Kosakisch oder geeint, von C. Koettachau.—Л. С.	83
просп.	XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Гимназическіе учебные планы по языкамъ древнимъ, русскому, французскому и нѣмецкому.—Новое мѣсто древнихъ языковъ въ системѣ преподаванія русскаго языка.—Продолженіе газетной агитаціи противъ нашихъ инородцевъ.—Рѣчь виленьскаго генералъ-губернатора.	85
(быв	XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей, соч. д-ра Ф. Лагранжа. Пер. д-ра мед. Е. М. Деметьева.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. III.—Словари русскіхъ языковъ и ученыхъ, С. А. Венгерова.—Эволюція собственности, III. Летурино.—Генезисъ науки, ея принципы и методы, П. С. Андреевскаго.	85

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1891 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ЛОБАНОВЩИНА

Романъ въ двухъ частяхъ.

III *).

Послѣдній возъ сноповъ Маланья свезла съ поля и сложила на верхъ кладухи одна. Мишка въ своемъ худенькомъ зипунишкѣ такъ дрожала и ёжился подъ пронизывающимъ до востей вѣтромъ, что мать еще засвѣтло прогнала его домой.

Уже совершенно стемнѣло, когда Маланья привела обратно къ Никитѣ его лошадь. Никита выпшелъ къ ней съ фонаремъ, но въ избѣ у него не видно было свѣта.

— Али ужъ спать полегли?—спросила Маланья.

— Нѣту, зачѣмъ спать, такъ—сумерничаемъ. Нечего больно-то дѣлать, такъ чтѣ и лучину даромъ переводить,—отвѣтилъ Никита, раскомутывая и выводя изъ оглобелъ свою уставшую лошадку.

Маланья вспомнила, что у нея тоже совсѣмъ нѣтъ лучины, и попросила у Никиты полѣно взаимы.

— Съ этимъ ненастьемъ, будь оно неладно, все у меня перепуталось. Когда видано, чтобы я безъ лучины жила?—а нынче вотъ хоть бы на смѣхъ ощепокъ вакой—и того нѣтъ. Все дождь, все дождь!—говорила она, какъ бы оправдываясь.

— Да у тебя и дровъ-то чисто,—замѣтилъ Никита:—даже та—видѣлъ я—ужъ ту корягу, что у крыльца у васъ лежитъ, т... ла... Все ты эту корягу пасла.

— Не говори лучше—ничего нѣту! Какъ и жить станемъ!

— Ужъ и годъ же только—во всемъ недородъ,—трудный годъ!—подтвердилъ Никита.

— Какъ ни бьешься, все безъ толку... завязалъ бы, прости Богъ, глаза, да и въ омутъ,—проговорила Маланья съ таковой жутко звенящей нотой въ голосъ, которую могло вызвать только дѣйствительно безвыходное положеніе.

— Вотъ и овесъ,—продолжалъ Никита:—развѣ это хлѣбъ? Такъ только, себя потѣшили, сняли его.

— А ты дай мнѣ полѣшко-то, такъ я и побѣгу,—прервала его Маланья.

— О-о! лучины-то тебѣ? ладно, сейчасъ принесу, а я ужъ про нее и забылъ...

— Что васъ не слышно, не видно, гдѣ вы?—окликнула Маланья домашнихъ, входя въ избу.

— Всѣ здѣсь, гдѣ намъ быть-то,—отозвалась Улита съ полатей.

— Мамъ, мамушъ! Что ты больно долго не шла?—послышались голоса Ефима и Дуни, и тотчасъ половицы полатей за скрипѣли отъ ихъ проворныхъ движеній.

— Куда ты ползешь, глупая, вѣдь свалишься!—прикрикнула Улита на Дуньку.

Дунька захныкала.

— Ровно тараканы всѣ наверхъ забрались,—продолжала Маланья, раздѣваясь.

— Смерть студѣно внизу-то, въ ошопки мокреть такъ и разить. Топить ужъ хотѣла, да крошечки нечѣмъ. Эту твою елшину, здоровую, цапала, цапала топоромъ—она, проклятая, только звенить, такъ и плюнула,—недовольнымъ тономъ сообщила Улита.

— А Мишка спитъ вѣрно?—спросила Маланья.

— Кто его знаетъ... Прибѣжалъ изъ поля—зубъ на зубъ не попадаетъ: дюже, знать, простылъ онъ на вѣтру-то... Какъ залѣзъ на печь, такъ и лежитъ.

Маланья тяжело вздохнула и, подойдя къ печи, стала шарить подъ шестомъ, отыскивая косарь.

— Ты что дѣлаешь? Ты, мамъ, лучину никакъ щепашь?—съ радостнымъ удивленіемъ спрашивалъ Ефимъ у матери, въ то же время быстро спускаясь въ ней по лѣстницѣ.

— Давай, Ефимко, спичку скорѣе!—скомандовала Маланья вмѣсто отвѣта.

Спичка вспыхнула въ ту же минуту, и въ избѣ сразу стало не только веселѣе, но даже и теплѣе какъ будто.

— На, держи,—говорила Маланья, подавая Ефимку зажженную лучину:—а я сейчас свѣтець притащу.

Она дѣйствительно тотчасъ же внесла изъ сѣней свѣтець, и теперь огонь горѣлъ еще ярче.

— Гдѣ это ты лучины раздобыла? — спросила Улита съ явнымъ удовольствіемъ.

— У Никиты взяла полѣнце.

— Ладно ты это, бабонька, сдѣлала; то ли дѣло съ лучинкой-то!—замѣтила старуха, подвигаясь ближе къ брусу и всматриваясь въ слабо выступавшіе изъ темноты столъ, лавки, полицы и другіе предметы, освѣщенные трепетнымъ пламенемъ неровно горящей лучины.

— Слава тебѣ, Господи! ничѣмъ мы, грѣшныя, отъ Господа Бога не забыты!—не безъ труда разглядѣвъ образъ Спасителя, шептала Улита, крестясь.

Между тѣмъ Маланья сходила въ клѣтъ и принесла оттуда цѣлую охапку разнаго деревяннаго старья. Тутъ было и прорубленное корыто, и рассыпавшаяся кадушка, какое-то подобіе колеснаго обода, обломовъ обруча, дно отъ жбана и тотъ самый переломленный пополамъ цѣпъ, о которомъ разъ уже было говорено.

— Вотъ я печку затоплю, такъ тѣ ли еще будетъ!—похвасталась Маланья.

— Много тутъ чего!—возразила ей Улита:—одной минутой все пропыхаетъ, никакого тепла не будетъ.

— Я тебѣ доску, мамъ, приволоку съ сарая, она тамъ не при чемъ лежитъ,—вызвался Ефимъ.

— Какая доска?—удивилась Маланья.

— А что отъ сходней-то? сперва мы на сарай по двумъ ходили, а нынче по одной.

— Такъ, такъ, соколикъ!—припомнила Маланья.—Иди, свѣти!

— Ефимко!—слабымъ, протяжнымъ голосомъ позвалъ Мишка брата.

— И ты ожилъ?—обрадовалась голосу Мишки мать.

— У меня въ клѣти ледянка за мѣрникомъ лежитъ, тащи и ее!—сказалъ Мишка брату.

— Ай да ребята! Этакъ мы столько хламу наберемъ, что картошку можно будетъ сварить, — бодро и весело говорила Маланья, уходя съ Ефимомъ за ледянкой и доской.

И въ концѣ концовъ картошка точно была сварена, и Маланья съ ребятами, въ продолженіе уже многихъ дней не выдавшие горячей пищи въ глаза, поужинали, наконецъ, горячимъ.

— Кабы голова перестала болѣть, — проговорилъ Мишка, засыпая.

— Спи, знай—перестанетъ!—пообщала ему мать, плотнѣе укутывая его своимъ полушубкомъ.

„Согрѣлись, слава тебѣ Господи, и наѣлись до-сыта!“ чувствуя себя довольной, несмотря на усталость, подумала Маланья, въ свою очередь укладываясь спать.

Рано утромъ она пошла къ Кирилу въ кузницу, спровѣдать про мужа.

Приказалъ кланяться. На Покровъ самъ хочеть быть, — сказалъ ей Кирило.

— Слушать-то у него!.. — усомнилась Маланья.

— Вѣрно.

— Третій ужъ годъ онъ ко мнѣ идетъ, да все не можеть дойти...

— Нынѣ придетъ.

— Экая бѣда, право! Думала хоть малость какую онъ съ тобой сошлетъ... Ты бы ужъ самъ спросилъ у него, все бы ему обсказалъ: безъ хлѣба, молъ, они нонѣ; только, молъ, и есть житья, что на огородѣ выросло...

Кирило раздувалъ угли въ горнѣ и молчалъ.

— Онъ, извѣстно, не видитъ, такъ ему и горя мало.

— Вотъ, ужъ, придетъ.

— Жди его!.. Вонъ Мишунья пластомъ лежитъ; покормилъ бы чѣмъ посытнѣе, а у меня и подумать нечѣмъ.

Маланья чуть не плавала.

— Про подати я ему наказывалъ, Христомъ Богомъ просилъ, — ну, ничего—общался.

— О податяхъ что тужить, — онъ ихъ завсегда отдасть, потому ему безъ податей и увольненья не будетъ, — а вотъ про семейство-то надо бы ему обсказать.

Матрена, жена Кирила, пришла звать мужа завтракать и случайно слышала весь этотъ разговоръ. Судя по растроганному выраженію ея лица, можно было заключить, что она отъ всей души жалѣла Маланью. И на самомъ дѣлѣ это такъ и было.

— Охъ, ты, милая! — сострадательно проговорила Матрена, догоняя Маланью, когда та пошла домой: — не говорить онъ тебѣ всей-то правды, и мнѣ не велѣлъ, да ужъ больно мнѣ жалъ себя! Чу, твой Иванъ въ городу съ чужой бабой какъ съ женой ужъ который годъ живетъ; все въ нее складывается; оттого и нѣтъ отъ него настоящей помощи дому.

Ноги Маланьи задрожали и всю ее забила лихорадка. Ей хо-

тѣлось подробно распросить Матрену, но языкъ рѣшительно ей не повиновался.

— Развѣ самъ Кирило видѣлъ?—выговорила она наконецъ.

— Когда же не самъ,—чай у нихъ пилъ. Видная, говорить, изъ себя, наряжена какъ попадья; вродь, говорить, у нихъ, сундукъ, зеркало, свой самоваръ. Больно, говорить, хорошо живутъ; онъ ее „Петровна“ да „Петровна“, ровно коробъ подшиваетъ. Вотъ только зачѣмъ-то пьютъ оба.

— Видно, Иванъ передъ Кириломъ и не тайлся?

— Не велѣлъ же, чу, сказывать-то. И ты молчи, не подведи меня подъ побои! Я тебѣ жалѣючи сказала. Молчи знай, а Ивану, вотъ и погляди, не попередить Богъ! Какой же онъ есть добрый человекъ, ежели изъ-за живой жены иную завель?—продолжала Матрена соболѣзновать.

Подъ конецъ женщины еще разъ обмѣнялись обѣщаніемъ вѣрно молчать, о чемъ Маланья просила пуще Матрены.

Нѣсколько дней спустя, въ Лобановщинѣ произошелъ сильнѣйшій переполохъ по случаю приѣзда волостныхъ начальниковъ, сельскаго старосты и еще какого-то совершенно неизвѣстнаго лобановцамъ „барина“, оказавшагося впоследствии уполномоченнымъ отъ земства. Всѣ эти люди ходили изъ двора во дворъ и вели допросъ о хлѣбѣ: у кого онъ родился, у кого не родился; у кого есть старый хлѣбъ, у кого нѣтъ; засѣяны ли озими; выбило или не выбило градомъ ржанья поля; велика ли семья, нужна ли ссуда на продовольствіе, и если нужна, то сколько? и т. д. и т. д. Каждое показаніе отдѣльнаго лица провѣрялось показаніями сельскаго старосты и сосѣдей, и кромѣ того въ каждомъ дворѣ повѣрялся на мѣстѣ скотъ и хозяйственный инвентарь. Уполномоченный отъ земства безпрестанно дѣлалъ отмѣтки въ своей тетради и, уходя, объявлялъ домохозяйевамъ, выдадутъ имъ ссуду или нѣтъ.

Дошла очередь и до Маланьи.

Заслышавъ нашествіе властей, Улита съ ребятами забралась въ самый дальній уголъ полатей, и всѣ они сидѣли тамъ въ ожиданіи страшной минуты, не смѣядохнуть. А Маланья сидѣла на лавкѣ и прядла. При входѣ нежданныхъ гостей она встала и степенно имъ поклонилась.

Уполномоченный сѣлъ къ столу и развернулъ свою тетрадь.

„Дворъ Ивана Бушуева: жена Маланья, трое малолѣтнихъ дѣтей; правится съ хозяйствомъ одна; скота нѣтъ; рожь родилась

съ метлицей, и то самая малость, остальное градомъ выбило; овесъ вслѣдствіе раннихъ холодовъ не созрѣлъ,—на продовольствіе до новаго хлѣба потребно ржи 15 пудовъ, на сѣмена ячменя или овса 5 пудовъ“,—прочелъ онъ изъ тетради и, обратившись къ Маланьѣ, спросилъ:— „вѣрно ли“?

— Все истинная правда,—отвѣтила Маланья, чувствуя приливъ жестокаго страха передъ дѣловымъ объясненіемъ.

— Эта самая Маланья—ты, стало быть, и есть?

— Я самая.

— Сколько у тебя въ настоящее время хлѣба на-лицо?

— Съ пудикъ-то, надо быть, еще наберется.

— Всего пудикъ? отчего же такъ мало? Только-что обжались—и всего одинъ пудикъ!.. Отчего, спрашиваю я тебя, такъ мало?

— Сѣялась тоже, долгъ платила... Бьешься, бьешься зиму-то, одной, прости Богъ, сѣрой собаеѣ не задолжаешь... Отдаешь, извѣстно, съ лишкомъ, первый же умолотъ и отдаешь, чтобы и опосля не стыдно было придти, вотъ и весь хлѣбъ напгъ.

— Такъ. Но почему же ты съ троими дѣтьми просишь всего 15 пудовъ, тогда какъ въ домѣ, напротивъ, при четверыхъ дѣтяхъ просить вдвое больше?

— Такъ въ правленъѣ написали, ваше благородіе.

— Въ правленъѣ не отъ себя, съ твоихъ же словъ писано было; какъ сказала на сходкѣ, такъ и записали,—остановилъ Маланью сельскій.

Она замолчала.

— Вѣрно онъ говорить?—спросилъ опять земецъ.

— Вѣрно, ваше благородіе, съ моихъ словъ. Какъ, значить, въ ту пору у насъ эта градобоина случилась, въ ту жъ минуту сбили народъ и давай спрашивать, кому сколько требуется. И приказываютъ, чтобы безъ лишняго, потому опосля, дескать, эту штуку съ насъ обратно спросить.

— Ну?

— Вотъ я посчитала, посчитала и объявила начальникамъ, чтобы писали на меня 15 пудовъ. Извѣстно, себя бережешь. Лучше же, думаю, впроголодь я съ дѣтьми проживу, нечѣмъ мнѣ наготово себя замотать. По тотъ годъ 10 пудовъ да по другой 15, глядишь—и изрядно набѣжить... Я вотъ ужъ по третій годъ пользуюсь, а урожая настоящаго все нѣтъ; какъ послѣ и выплетусь, сама не знаю.

— Ну, не все же неурожай будетъ... Впрочемъ, можетъ, ты и безъ ссуды какъ-нибудь обойдешься?

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте божескую милость, ваше благородіе, эти 15 пудовъ присудите! И то одинъ только голодный кусокъ прошу, — молила Маланья.

— Ну, а сколько же нужно было бы тебѣ на семью, чтобы ѣсть дѣ-сыта?—спросилъ ее земець.

— Дѣ-сыта? Дѣ-сыта—много надо. На худой конецъ 25 пудовъ клади,—заявила Маланья.

— Извѣстно, не меньше.

— Семейство... Ребята глупы—они, смотри, больше большого ѣдятъ.

— Суцая правда—больше большого!—поддержалъ Маланью народъ.

Земець сдѣлалъ соотвѣтствующую отмѣтку въ своей тетради и еще разъ спросилъ:

— Почему же, въ такомъ случаѣ, въ домѣ напротивъ просятъ почти вдвое больше?

— Не та баба, Андрей Митричь!—вѣско проговорилъ сельскій, относившійся къ уполномоченному отъ земства безъ всякаго подобострастія, въ силу давняго знакомства.

— Чтѣ это значить?—переспросилъ Андрей Дмитричь.

— А то, ваше благородіе, что человекъ на человека не приходитъ,—выступилъ изъ толпы Никита.—Михевна, вотъ значить эта самая, она ужъ не пролежить, не думай! Она за сто верстъ за работой сходить,—оборотливая, старательная, всякій тебѣ скажетъ. Она, ежели ты ее и безъ ссуды оставишь, ребятъ своихъ не уморить; ужъ какъ ни на есть извернется, да ребятъ напитаешь. А Арефина хозяйка больше ничего—кисель, ее еще наворми...

— Стой, погоди, не туда гнешь!—осадила сосѣда Арефа, находившійся тутъ же и бывший уже нѣсколько навеселѣ:—баба бабой, а надо и то въ расчетъ взять, что я безрукій. Это главное. У Михевны хозяйинъ въ городу булки, ваше благородіе, продаетъ и въ податяхъ во всякое время исправенъ; а я, при моемъ несчастіи, ничего добыть не въ состояніи; потому очень просто и выходитъ, что вся моя добыча въ землѣ. Родить мнѣ земля—я существую, не родить—нагъ и босъ. Баба тутъ не причина.

— Значить, по вашему, — обратился Андрей Дмитричь ко всѣмъ, — такая неравномѣрность вполне справедлива, — такъ и слѣдуетъ, что ей 15 пудовъ, а ему 30?

— Такъ выйдетъ въ самый разъ, — отвѣтили всѣ.

— Отлично.

Когда изба опустѣла, Маланья ощутила такую радость, что даже расплакалась. Въ ухахъ у нея неотступно стояли послѣднія слова уполномоченнаго: „Тебѣ, Маланья Бушуева, все, что ты просишь, непременно дадутъ, только не мукой, а деньгами; вотъ слѣдомъ же за мной и выѣдетъ къ вамъ съ казною членъ управы“. Это значило, что у Маланьи круглый годъ не будетъ никакой заботы о хлѣбѣ—не будетъ крайности, занимая направо и налево, отдавать потомъ рубль на рубль; не будетъ необходимости брать самую трудную работу чисто изъ-за куска. Хлѣбъ будетъ готовый, на весь годъ готовый, точно на ея полѣ вырость... Давно ужъ этого не было!

Мишка пѣлъ пѣтухомъ и вертѣлся какъ волчокъ; Ефимъ улыбался и въ избыткѣ чувствъ тузилъ брата то по спинѣ, то въ затылокъ.

— Богу-то подать, такъ и на печку подастъ... Богъ-то, батюшка, развѣ не видитъ, какъ ты стараешься?.. У Него, не какъ у насъ грѣшныхъ, у Него, у батюшки, всякая капелка пота сочтена, вотъ онъ и воздастъ, — толковала Улита въ умиленіи.

Вдобавокъ и солнышко выглянуло, и стало въ избѣ Маланья свѣтло и весело, совсѣмъ какъ въ праздникъ.

— Пока вѣдро, пойдемъ, ребята, по хворостъ!—позвала Маланья ребятешекъ. Тѣ бросились со всѣхъ ногъ, и часа два спустя можно было видѣть, какъ Маланья вмѣстѣ съ обоими своими мальчишками, сгибаясь подъ тяжелыми ношами хвороста, медленно поднималась въ гору съ запасомъ топлива чуть не на недѣлю.

— А завтра опять пойдемъ?—едва переводя духъ отъ усталости, спросилъ Мишка у матери.

— Да, ежели и завтра такая же красота будетъ, такъ какъ, не идти. Пошлетъ Богъ вѣдрица, такъ мы живѣхонько на всю зиму чащи этой натаскаемъ. Вотъ ужъ я топоръ захвачу, такъ молодильничка можно будетъ порубить, уволокѣмъ какъ-нибудь... Ужъ только бы вѣдро-то встало!—отозвалась Маланья.

IV.

На этотъ разъ Иванъ не обманулъ, пришелъ къ Покрову. Онъ явился въ самый день праздника, незадолго до обѣдни, и засталъ жену и ребятъ собирающимися въ церковь.

— Здорово живете! Съ праздникомъ!—помолившись на иконы, обратился онъ къ нимъ.

— Милости просимъ, — отвѣтила Маланья, подходя и подводя къ нему ребятъ.

Мишка и Ефимко помнили отца и поцѣловались съ нимъ охотно; но Дунька подняла такой ревъ, что ее пришлось оставить въ покоѣ.

— Не трогай ее, послѣ погляжу, — сказалъ Иванъ женѣ, хотѣвшей-было насильно передать ему Дуньку.

— Чего ревешь, ровно подъ ножомъ? — недовольно ворчала на дѣвочку Маланья.

— Кинь ее, дай срокъ, приглядится, — повторилъ Иванъ, садясь на лавку и развязывая кису.

Старшія дѣти стояли у его колѣнъ, разинувъ рты, и не спу- скали съ него глазъ.

— Ай, важно распито! — тряхнувъ головой и осторожно до- трогиваясь до вышитой на груди разноцвѣтными шнурками дуб- ленки отца, восторженно произнесъ Мишка.

— На тебѣ, щеголяй! — подавъ ему Иванъ вынутые изъ кисы старенькіе, но зачищенные и такъ обильно смазанные са- поги, что на взглядъ по крайней мѣрѣ Мишки они казались совершенно новыми.

Мишка такъ и подпрыгнулъ.

— Ну, что, ладны ли? Что, братъ, видно не угадалъ, не налазять? Ты попробуй за это мѣсто поподтянуть, ну-ка—еще, еще... На пятку-то шибче налегай, ну—ну, еще, вотъ такъ! — говорилъ Иванъ, присѣвши на корточки и руководя усилиями сына надѣть обнову.

Справившись съ сапогами, Мишка сейчасъ же пошелъ въ нихъ по избѣ, съ непривычки сильно стуча высокими каблуками и очевидно ликуя.

— Безъ мала ты, Мишка, теперь Тить Андроничъ! — раз- смѣялась Маланья.

— Ефимка! подь сюда! — позвалъ Иванъ ходившаго слѣдомъ за Мишкой Ефима.

Ефимъ получилъ глиняную свистушку и пряничнаго пѣтуха въ золотѣ.

— А это тебѣ! — проговорилъ Иванъ, подавая женѣ желтый съ красными разводами платокъ.

— Ну, ужъ это-то ты напрасно... — смущенно проговорила Маланья, принимая подарокъ: — куда мнѣ такой нарядный! вишь я какая захлюста, та же Степанида, прости Богъ...

Тутъ только Иванъ замѣтилъ, что жена и вправду одѣта

совсѣмъ не по праздничному и смотреть что-то ужъ черезъ-чуръ осунувшейся и понурой.

— А почто ты и впрямь въ ежиденномъ для праздника? Куда одежду свою бережешь? — спросилъ онъ, съ явнымъ недоумѣніемъ оглядывая заношенный полушубокъ, край набивного сарафана жены и ея также довольно затасканную красную шаль, покрывавшую голову.

— Все прожито, Иванъ, — не поминай лучше! — уныло вымолвила Маланья.

— Продала?

— Которое Кирьвины купили, какъ выдавали Аринку, а второе, въ разное время, по штукѣ распродала.

Иванъ вздохнулъ и отвернулся.

— Мнѣ чепана пуще всего жаль — за-дешево ушелъ; ну, только никакъ мнѣ въ ту пору нельзя было миновать, чтобы не продать его... Самъ посуды, какъ жить безъ хлѣба? вѣдь ребята!..

— Извѣстно, жить надо...

— Шутка ли, третій годъ хлѣбъ не родится! Не только одѣжа, какъ есть все, до синь пороха, изжито... И на сарафъ, и въ клѣти все ровно вѣтромъ выдуло, а ужъ какъ, кажется, старалась! — говорила Маланья, снимая верхнюю одежду и собирая мужу на столъ для завтрака.

— Бѣда нынче съ землей: плати, плати, а тебѣ куска хлѣба нѣтъ! только и живешь, что въ нее... Кабы не эта прорва, тѣ деньги въ домъ бы шли, не маялись бы вы этакъ, не голодали бы тогда.

— А безъ земли-то ужъ и вовсе по міру пойдешь, что ты! Тогда ужъ наготово пропадешь.

— Ничего не пропадешь. Ты подумай, что мы на свой папъ переплатили за землю? Чуть вѣдь я и выгѣзъ изъ старины, что отцомъ намотана, а окладъ — окладомъ. Теперь вотъ опять ссуды эти... Все-то ежели сосчитать, такъ сотни двѣ, пожалуй, набѣ-жить, развѣ безъ малости...

— Такъ и годовъ-то не мало прошло, — замѣтила Маланья.

— И за все за это, ни больше ни меньше, напимѣрь, такой хлѣбъ! — въ сильномъ раздраженіи двинулъ Иванъ только-что початой, низенькій и черный каравай, лежавшій какъ разъ передъ нимъ.

— Съ метлицей пополамъ, такъ ужъ когда хорошъ, — проговорила Маланья.

— То-то и есть. Развѣ возможно его въ ротъ взять — земля-землей!

Маланья невольно усмѣхнулась.

— Мы ѣдимъ, не гнушаемся; и тому бы рады да нѣтъ еще, — сказала она.

— А вынеси ты въ городѣ такой хлѣбъ на базарь—ни одна душа его и не понюхаетъ! На что собака существо—и та ѣсть не станетъ, — говорилъ Иванъ.

— Безъ нужды кто будетъ — горечь одна.

— Вотъ и выходитъ—биться намъ надъ землей не изъ-за чего. Я, признаться, затѣмъ больше и шелъ, чтобы, значить, съ землей этой меня развязали.

— А какъ ты съ ней развяжешься?

— Стану просить общество снять съ меня объ души, въ ногахъ буду валяться; потому выходитъ—одно разоренье.

— Да что ты, Богъ съ тобой, Иванъ, въ умѣ ли?! Вѣдь этакъ ты насъ безъ ножа зарѣжешь!—всплеснула Маланья руками.

— Много ты понимаешь...

— Гдѣ же я тогда пропитанье дѣтямъ возьму—Богъ съ тобой?! Меня не жаль, хоть ребятъ сколь-нибудь пожалѣй!—просила Маланья со слезами на глазахъ.

— Да вамъ безъ земли-то во сто разъ лучше будетъ,—убѣждалъ ее Иванъ:—первое дѣло, безъ заботы, клянчить у сосѣдей о лошади тамъ или о навозѣ ужъ не надо будетъ, и горбъ гнуть, отработать за это также не понадобится; второе дѣло, пойдешь ты жать въ люди—ты противъ своего втрое достаешь, а сверхъ того и я никуда дѣлся: тѣ деньги, что теперь въ податъ идутъ, они у васъ тогда останутся.

— А парни какъ?—не все вѣдь, смотри, маленькіе будутъ, не вѣдаешь, какъ выростутъ, тогда какъ?—съ отчаяніемъ въ лицѣ и голосѣ спросила Маланья.

— Ой, больно далеко загадываешь!.. доживи сначала.

— Не при чемъ, безъ дѣла шататься будутъ? Выростутъ, въ силу войдутъ, а у насъ и ружь не къ чему будетъ приложить?—продолжала Маланья.

— Объ этомъ не убивайся; въ случаѣ чего, міръ снова надытитъ землей, а теперь намъ земля больше ничего какъ пегля.

Мысли вихремъ крутились въ головѣ Маланьи; она еще хотѣла говорить и не могла. Полное, бѣлое, здоровое лицо мужа, обрамленное густыми свѣтлыми волосами, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, совершенно парализовало ее. Маланья смотрѣла на щегольскую дубленку мужа, на его барашковую шапку, на дорогіе, совершенно новые сапоги и всѣмъ существомъ своимъ

чувствовала, что этотъ сытый, тепло и хорошо одѣтый человѣкъ не сжадится надъ нею и дѣтьми, какъ бы она его ни просила.

„Затѣмъ больше и пришелъ, чтобы развязаться“, — повторила мысленно Маланья слова мужа. — „Говорить, вмѣсто подати намъ деньги будетъ отдавать, — пустяки это. Гроша не дастъ, какъ Богъ святъ! Онъ и подати-то не платилъ бы, кабы не пачпорты!“ — размышляла она.

Пьяный говоръ и смѣхъ нѣсколькихъ голосовъ, донесшися съ улицы, прервали ея думы и нарушили долгое, неловкое молчаніе.

— Кто это горло дереть? никакъ Арефа? Арефа и есть. Что его розняло спозаранку? — проговорилъ Иванъ, подходя къ окну на улицу, гдѣ сидѣла Маланья.

— Чего у пьяницы захотѣлъ! этакъ же вотъ землю сдать... Иное-то все пропилъ, такъ теперь какъ что — на землю... Другую ужъ недѣлю никакъ Гнусовъ его накачиваетъ; не знаю, что у нихъ и будетъ, — рѣзко проговорила Маланья, точно обрадовавшись случаю излить свой гнѣвъ хоть на Арефу.

— И сдашь... Много ли онъ, безрукій-то, нахозайствууетъ? за неволю сдашь! — вступился за Арефу Иванъ и ушелъ повидаться съ сосѣдами.

На улицѣ слышались веселые голоса, смѣхъ и пѣсни. Ребятишки Маланьи поминутно жевали принесенныя отцомъ баранки и куски гороховыхъ и рѣпныхъ пироговъ, напеченныхъ ради Покрова изъ той самой муки съ мелицей, въ которой Иванъ отнесся такъ презрительно, и шныряли то въ избу, то изъ избы, надѣдая матери разсказами о томъ, кто куда пошелъ на деревнѣ, кто что съѣлъ и выпилъ. Улита считала грошики и копейки, приобретенные ею въ этотъ день у обѣдни, ссыпала ихъ въ одно мѣсто и, забывши, сколько у нея всего, снова принималась считать. Всѣ праздновали, каждый по своему, и только Маланья, что называется, свѣтъ не свѣтила. Иванъ ушелъ и пропалъ. И вотъ Маланья уже вается, что мужъ ея не просто ходить по сосѣдамъ, а ходить и просить всѣхъ освободить его отъ тяготы, развязать и съ землей, и съ семействомъ. То ей представится, что сосѣди его послушали, убѣдились его доводами и согласились оставить ее съ ребятами какъ есть при одной одворицѣ; то покажется, что сосѣди не уступили Ивану, — напротивъ, корили его за нее и ребятъ и заставляли жить дома.

Иванъ вернулся поздно и хмельной. Онъ и на самомъ дѣлѣ употребилъ всѣ старанія, чтобы согласить сосѣдей на полное освобожденіе его отъ земли, а весь слѣдующій день съ этою

же цѣлью провелъ въ Покровскомъ, гдѣ по случаю праздника могъ видѣть почти всѣхъ однообщественниковъ; но какъ онъ ни хлопоталъ, чтобы отдѣлаться отъ своего двухъ-душевого надѣла, достигнуть этого ему такъ и не удалось.

Сельскій сходъ, положимъ, собрался, но о дѣлѣ Ивана поговорили только слегка и одну минуту; все же остальное время народъ гудѣлъ про коренной передѣлъ.

Вся ширина улицы въ концѣ Покровскаго, начиная отъ дома сельскаго старосты и кончая околицей, была полна народомъ. Общество собралось на этотъ разъ чуть не въ полномъ своемъ составѣ, и такъ какъ дѣло было ровное, то о немъ толковали особенно пространно и возбужденно и прорбились на сходѣ до самой ночи.

Этого схода давно уже ждали обремененные большими семьями, но малоземельные домохозяева, именно въ силу этого издавна находившіеся почти въ кабальной зависимости у своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей. Обиды и злобы у этихъ людей за долгіе годы невольнаго батрачества на чужихъ хозяйствахъ накопились масса, и теперь они даже прежде, чѣмъ ихъ предложеніе о болѣе равномерномъ распредѣленіи земли было заслушано и рассмотрѣно, уже принялись заирать то одного, то другого изъ зажиточныхъ мужиковъ.

— Не все вашей братья, толстосумамъ, масляница, — придетъ и великій постъ... Поцарствовали, будетъ! — смотря на Тита Андронича вызывающимъ взглядомъ говорилъ одинъ изъ такихъ захудалыхъ хозяевъ, очутившись случайно рядомъ съ нимъ.

— А ты что мнѣ одному говоришь? Ты міру говори! — вполне миролюбиво посовѣтовалъ задорному сосѣду Титъ Андроничъ и невольно улыбнулся, увидавъ, какъ только-что заиравшій его мужиченко подскочилъ въ мяснику изъ Прошина и принялся тормозить и корить уже его.

Однако благодушное настроеніе Тита Андронича продолжалось очень недолго. Едва староста пригласилъ сходъ къ порядку, въ массѣ народа произошло быстрое передвиженіе, образовавшее дѣль рѣзко обозначившіяся группы: домохозяева съ нѣсколькими душевыми надѣлами, незначительные числомъ, но по виду всѣ до одного такіе солидные и представительные, что походили больше на купцовъ, нежели на крестьянъ, очутились направо, а тѣ, которые владѣли одной душой — налево.

Лобановъ оказался въ незначительной кучкѣ справныхъ домохозяевъ и стоялъ какъ-то особенно на виду передъ многочисленной толпой остальныхъ, считавшихъ себя обдѣленными. Бѣдняки

показывали на него пальцами, остряли и хохотали. Это раздражало Тита Андронича чрезвычайно, и онъ съ большимъ трудомъ сохранялъ наружное спокойствіе.

Земля въ Покровскомъ обществѣ не передѣлялась съ послѣдней ревизіи; какъ при ней за дворомъ Лобановыхъ числилось четыре души, такъ и въ настоящее время Титъ Андроничъ владѣлъ все тѣми же четырьмя душами. Онъ свободно вносилъ за это въ казну и земство рублей до 30 въ годъ и, владѣя кромѣ того еще значительнымъ крѣпостнымъ покосомъ, жилъ настоящимъ помѣщикомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось всему окрестному населенію. По числу вдововъ очень небольшая, а по числу работниковъ почти первая въ обществѣ семья Лобановыхъ и прежде нерѣдко возбуждала зависть и нареванія, но до сихъ поръ не было подходящаго случая для проявленія непріязненныхъ чувствъ открыто; зато теперь, когда поводъ оказывался налицо, долго сдерживаемыя чувства обнаружились во всей своей силѣ.

Пока на сходѣ разсуждали только о томъ, что общественную землю желаютъ распределить болѣе равномерно, Титъ Андроничъ ничего не имѣлъ противъ этого; но едва выяснилось, что для увеличенія надѣловъ малоземельныхъ дворовъ, въ числѣ другихъ необходимо отнять и отъ него по меньшей мѣрѣ половину, онъ пришелъ въ совершенную ярость.

— У меня отнять?—выступилъ онъ впередъ, грозно сверкая глазами:—Нѣтъ, шалишь, братъ, не на того попалъ!

— Ничего, смакнешь!.. Сколь ни повирпичишься, да съ тѣмъ же отъѣдешь... Миръ надумаетъ, такъ тебя не спросятъ,—отчетливо раздалось среди общаго гула въ возбужденной и волнующейся толпѣ.

— Съ чего я подарю вамъ полнадѣла?—кричалъ между тѣмъ Титъ Андроничъ.—Вы лодырничали, пока я пѣтомъ, кровью его поливалъ, а теперь дѣлить? Нѣтъ, стой, повремени! За что у меня землю отберутъ, когда я ни въ чемъ не провинился? Али я не хозяйствовалъ? Али подати не платилъ? Али я миръ утѣснялъ? На, сдѣлай милость: за то, что денно и ноцно работалъ—половину отляпшать!.. Ни Боже мой—не дамъ!

— Сами возьмемъ! Начальство отберетъ!—прокричало множество голосовъ.

— Пока мнѣ царь указа не напишетъ—не отступлюсь отъ родительскаго! Хоть судите меня, хоть сейчасъ вяжите, а ужъ волей земли не отдамъ—ни въ жизнь!

Титъ Андроничъ не помнилъ себя, не видѣлъ никого, плохо

сознавалъ, что именно говорить, но онъ кричалъ все громче и громче, пока не охрипъ.

— А это, по твоему, какъ будетъ?— подошелъ къ нему шохло одѣтый, блѣдный и худой, но осанистый и строгій по виду крестьянинъ:— у тебя вотъ, вишь ты, два сына и ты четыре души держишь, да сверхъ того сосѣдскую, а у меня пять сыновъ и одна душа, такъ это какъ на твой разумъ? Я вѣдь тоже пить-ѣсть хочу, не собака тоже.

— Чего съ нимъ, свать Софронъ, разговаривать-то... Сказано: давно пора землю равнять, ну и кончено!— не давая времени Титу Андроничу отвѣтить, закричали въ толпѣ снова.

— Ну, а это какъ,— заговорилъ Титъ Андроничъ нѣсколько спокойнѣе:— сегодня вы меня при двухъ душахъ оставите, а пройдетъ десять-двадцать лѣтъ, народу въ обществѣ еще народится, посадите на поддуши?

— И посадимъ; потому и прочіе такіе же люди, какъ и ты; ты что за святой?

— А потомъ, черезъ сколько тамъ годовъ, и на двухъ саженьяхъ оставите?

— Тамъ ужъ какъ Богъ... У тебя ежели двѣ сажени будутъ, тоже и у всѣхъ, это ужъ божья воля...

— Какое же, такимъ манеромъ, хозяйство возможно? Чѣмъ послѣ этого я кормиться съ семействомъ буду? Чѣмъ буду подати платить?— спрашивалъ Титъ Андроничъ у схода.

— Не сколь тогда и податей съ тебя пойдетъ— грошъ какойнибудь,— насмѣшливо отозвалась толпа.

— Да двѣ сажени и гроша не родятъ.

— Ну, на вѣдѣ добудешь. Тебя не учить, какъ проѣзжающихъ оболачивать, самъ ямщикъ. Другой хорошій сѣдокъ, можетъ, и сколь много отвалить, глядя на твою бѣдность,— вотъ и подати!— смѣялись надъ Титомъ Андроничемъ.

Особенно шумѣли самые бѣдные изъ общества. Имъ нравилось, что „широкая борода“ Лобановъ вдругъ оказался въ ихъ полной власти. И точно, Титъ Андроничъ, такой самостоятельный и мощный у себя въ Лобановщинѣ, на сходѣ не представлялъ никакой особенной силы, а былъ какъ всѣ. Онъ не располагалъ даже и той долей вліянія, какую всегда имѣетъ любой кулакъ, закрѣпошающій голытьбу кредитомъ и въ экстренныхъ случаяхъ охотно прибѣгающій къ подкупу водкой. Титъ Андроничъ ни кулакомъ не былъ, ни водки не покупалъ и начиналъ уже думать, что его одолѣютъ, какъ вдругъ мнѣнія его противниковъ неожиданно раздѣлились, и всемогущая водка, хотя и не

имъ купленная, всѣхъ удовлетворила и примирила безъ всякаго коренного передѣла. „Въ лѣсу Богъ лѣсъ не уравниае, а ужъ намъ гдѣ всѣхъ поравнять!“ — говорили наиболѣ шумѣвшіе, уходя со скода.

— Ахъ, чортъ васъ дери, только попусту день убилъ! — бранился Иванъ, возвращаясь домой. Но онъ все-таки нѣсколько облегчилъ свои тяготы; одну душу, ту, что держалъ за собой Тить Андронычъ, съ него все-таки сняли. На слѣдующій день онъ ушелъ въ городъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ.

V.

За ночь выпалъ глубокій снѣгъ, разомъ покрывшій всю окрестность; даже на вершинахъ елей лежала масса снѣга, не успѣвшаго еще осѣсть и представлявшаго въ сочетаніи съ вѣтвями разныя фантастическія фигуры. Густыя облака беспорядочными грядами сдвинулись къ сѣверу и, опускаясь все ниже и ниже за горизонтъ, казались почти черными отъ широкой полосы зари, занимавшейся на востокѣ. Въ воздухѣ было пріятно, свѣжо и не слышалось ни одного звука.

Маланья не спалась, и потому она рано встала и собралась идти за водой; но, растворивъ дверь крылечка, она невольно остановилась, пораженная бѣлымъ покровомъ, лежавшимъ на всемъ, что могъ видѣть глазъ, и также мертвой тишиной, царившей кругомъ.

Природа до сихъ поръ не утратила надъ Маланьей своей обаятельной силы, и она стояла какъ очарованная, любуясь непривычнымъ видомъ двора, деревни, лѣса, чутье прислушиваясь и испытывая какою-то безотчетнымъ радостнымъ трепетъ въ груди.

Сама она, въ багровомъ отблескѣ зари, съ выраженіемъ радостнаго изумленія въ лицѣ и во взглядѣ, въ свою очередь являлась очень существенной подробностью этого зимняго пейзажа. Среди дѣвственнаго снѣга, ея нѣсколько худая, но все еще стройная фигура, въ типичной крестьянской одеждѣ, въ темномъ зипунѣ, въ лаптахъ, въ небольшомъ красненькомъ платкѣ на головѣ, съ коромысломъ на плечѣ, казалась настоящимъ изваяніемъ. Маланья все еще была довольно миловидна, несмотря на свое осунувшееся лицо, и это вѣчное, никогда ни на минуту не пропадавшее въ немъ выраженіе нужды, усталости и заботы, благодаря которому она въ свои тридцать-два года часто казалась почти старухой; что-то особенное, чего обыкновенно не

встрѣчается въ заурядныхъ деревенскихъ лицахъ, придавало необычайную задумчивость и прелесть всей ея фizioномiи, невольно будило участiе и любопытство, невольно привлекало къ ней.

Гдѣ-то на деревнѣ стукнули ворота, слышались шаги, и на дорогѣ показалась Бормотуха-Лизавета также съ ведрами.

— Ты, Михевна, что знаешь?—весело крикнула она Маланьѣ черезъ заборъ.

— А что?—спросила Маланья, выходя наконецъ изъ своего созерцательнаго состоянiя и спускаясь со ступенекъ крыльца.

— Вѣдь у Андронича Федя приватилъ!

— Врешь ты!?

— Передъ Богомъ.

— Да когда же это?

— Нынче ночью. Сейчасъ Кирюшиха ко мнѣ за валькомъ приходила,—такъ связываетъ, что на ихней лошади изъ города-то вмѣстѣ съ Кирей и прiѣхаль.

— Ахъ, радостей-то теперь у нихъ!..

— Когда-же,—позди-ка экое время!.. Какой-то онъ въ солдатахъ и сталъ, поглядѣть бы,—говорила Лизавета.

„Такъ бы и поглядѣлъ“,—думала и Маланья, съ радостнымъ возбужденiемъ оглядываясь на дворъ Лобановыхъ, но сейчасъ же опомнилась. Сознанiе измѣнившихся отношенiй острой болью стозвало въ ея душѣ. „Какъ вотъ этакъ же, по молодункиному, голову-то задереть, такъ и не подступишься“,—подумала она съ горечью.

Однако она ошиблась. Не успѣла она, вернувшись съ рѣки, приняться за стирку, какъ Федоръ уже вошелъ къ ней и не одинъ, а съ матерью.

Маланья со всѣхъ ногъ бросилась на встрѣчу гостю и горячо обняла его.

— Вотъ Богъ и привелъ... Думано ли, что дождемся, а вотъ ты и дома, слава тебѣ, Господи! Садись, Федоръ Титычъ! Садись и ты, Абросимовна! Подвигайтесь ближе къ столу-то, только потчивать-то у меня нечѣмъ,—говорила Маланья, волнуясь.

— Ничего не нужно, я повидаться зашелъ,—проговорилъ Федоръ, присаживаясь къ столу.

— Какое съ утра угощенье!—сказала и Абросимовна:—такъ вѣдь вотъ мы, показаться-то пришли... Что и сдѣлали съ парнемъ! и не признаешь, что нашъ,—прибавила она, указывая на сына.

И безъ того высой, въ длинной солдатской шинели, плотно

облегавшей его могучую фигуру, Федоръ казался еще выше, а военная выправка дѣлала его дѣйствительно мало похожимъ на скромнаго деревенскаго парня, какимъ онъ ушелъ изъ дому; но лицо по прежнему сохраняло свое ясное, вротко-добродушное выраженіе, и Маланья съ удовольствіемъ замѣтила это.

— Это отъ одежды,—сказала она Абросимовнѣ:—вотъ обрядится по старому, опять тотъ же Федя и будетъ, вотъ и погляди!

— Видно, ребята твои еще спать? А Улита-то у тебя живали?—спрашивалъ Федоръ.

Въ окно постучалъ разсылка изъ правленья.

— Эй, хозяева, въ правленье скорѣе! Деньги на продовольствіе идите получать!—прокричалъ онъ и исчезъ.

Маланья окончательно просіяла.

— Вотъ какой ты счастливый!—сказала она Федору:—сколько я времени денегъ этихъ ждала, и все дождать не могла, а ты пришелъ—сейчасъ же и деньги.

— Видно, счастливый и есть,—разсмѣялся Федоръ.

— Только вотъ поговорить-то намъ не дали... Заходи, ужъ, вечеромъ!—позвала Маланья на прощанье.

— Твои гости...

Въ этотъ вечеръ Федору не удалось побывать у Маланьи,—сосѣди наперерывъ тащили его къ себѣ,—но потомъ онъ нерѣдко заходилъ къ ней и днемъ, и вечеромъ, какъ придется.

Онъ все никакъ не могъ войти въ обычную колею жизни своей семьи и стоялъ въ ней какъ-то особнякомъ, точно чужой, случайный человѣкъ, гость. Въ его долгое отсутствіе домашніе привыкли обходиться безъ него, и теперь у него не оказывалось никакого опредѣленнаго дѣла, такъ что приходилось работать только урывками и за другихъ, и онъ часто совсѣмъ не зналъ, куда себя дѣвать.

Вотъ въ эти-то свободныя минуты и шель онъ обыкновенно къ кому-нибудь изъ сосѣдей, — то въ Никитѣ, то въ Маланьѣ, то въ Арефѣ, — потолковать отъ нечего дѣлать, а если нужно было, то между разговорами и подсобить въ чемъ-нибудь.

Чаще другихъ заходилъ онъ въ Маланьѣ, можетъ быть потому, что нигдѣ не встрѣчали его съ большимъ радушіемъ, а можетъ еще и потому, что Федору лучше чувствовалось въ чисто вымытой и всегда опрятно прибранной избѣ Маланьи, чѣмъ въ полутемной заморкѣ Никиты или въ промовломъ воздухѣ Арефиной избы. Вдобавокъ ребята у Арефы были какіе-то дикіе и вѣчно замазанные, такъ что и подступиться къ нимъ было противно, тогда какъ Маланьины дѣти сами бѣжали на встрѣчу, еще на дворѣ

ловили его за руки, и едва онъ садился, сѣли и они рядомъ съ нимъ, а то такъ и прямо на колѣни.

Маланьѣ почти всегда бывало стыдно за нихъ.

— Отступитесь вы, озорные! Чего висните? Дайте хоть сѣсть-то человѣку!—привривнула она однажды на дѣтей.

Ребята рванулись прочь, но Федоръ задержалъ ихъ.

— Чѣмъ они тебѣ помѣшали?—обратился онъ къ Маланьѣ.

— Тебѣ мѣшаютъ; сѣсть, погляди-ка, не дали, развѣ это хорошо?—возразила Маланья.

— Нѣтъ, ужъ ты насъ не трогай!—у насъ дружба. Мы вотъ лучину у тебя возьмемъ и такихъ фокусовъ настроимъ, что мое почтенье!—говорилъ Федоръ въ то время, какъ Мишка сидѣлъ рядомъ съ нимъ, обнявши его за шею, Ефимъ стоялъ, опершись локтями въ его колѣни, а Дунья, пытаясь приподняться съ овна, цѣплялась за воротъ его рубахи сзади.

— Тащи, ребята, полѣно! Гладенькое, Мишѣ, выбери! А ты, Ефимъ, ножикъ давай... Нѣтъ, погоди, не надо,—ножъ у меня съ собой,—продолжалъ Федоръ, намѣреваясь исполнить давнишнее свое обѣщаніе—выстругать ружье со штывомъ.

— Полно тебѣ съ малолѣтками-то баловаться, лучше бы дверь-то у насъ на крыльцѣ подтесалъ,—совсѣмъ перестала затворяться, — плюнь, право!—обратилась къ Федору Улита, давно уже наблюдавшая его съ полатей.

— Можно и дверь подтесать.

— За буракъ я тебѣ и посейчасъ спасибо говорю,—не бѣжить вѣдь онъ у меня теперь дномъ-то, хоть бы тѣ капля!—сообщила Улита.

— Говорилъ я тебѣ, что не побѣжить...

— Нѣту, нѣтъ—и не канетъ! Вотъ бы и дверь-то ты намъ...

— Ладно, ладно,—сегодня же я ее подтешу.

— Отчего ты намъ, Федоръ Титычъ, про святыхъ угодниковъ ничего не расскажешь? вѣдь ты въ такихъ мѣстахъ былъ, гдѣ сплосъ угодники?—спрашивала Улита.

— Мало я по этой части видѣлъ; времени не было. Кабы не служба, другое дѣло, а тутъ ужъ не до угодниковъ... Лучше вы мнѣ про ваше здѣшнее житіе рассказывайте!—говорилъ Федоръ.

— Нашелъ добра!—воскликнула Улита съ негодованіемъ:— не стало у васъ толку на починѣ, совсѣмъ не стало! Еще я перешла сюда жить, какая была тишина,—ни Арефы не слышать было, ни Харьки этой... Вотъ поживешь, самъ увидишь. На что Никитинъ парнишко, не успѣлъ на ноги взмотаться, а въ прошлый разъ не хуже Арефы сквернословить.

— Дрянной нынче Сенька сталъ,—подтвердила и Маланья: — съ отцомъ и матерью зубъ за зубъ, съ сосѣдями задорить.

— А за кого Арину у Митрича выдали?—спросилъ Ѳедоръ.

— Невѣсту-то твою?.. Тоже за кузнеца въ Семаково,—Гаврилой, надо быть, свекра-то зовуть. Выдали, выдали, не дождала она тебя! — вспомнивъ свои прежнія опасенія, проговорила Маланья со смѣхомъ.

— Съ чего ты? Какая она мнѣ невѣста, — я и не думалъ.

— Ты, можетъ, и не думалъ, да Митричевы-то думали... Ну, не горюй, у нихъ еще двѣ, любую бери.

— Ну, а въ луга-то ихъ нынче водишь ли?

— О, хватился!.. Нѣтъ ужъ у насъ тутъ не до луговъ было. Скольбе, можетъ, разъ не ѣвши спать ложились,—какіе ужъ луга!

Улита вмѣстѣ съ Дуней заснули на полатахъ; Мишка и Ефимъ убѣжали съ ружьемъ на дворъ.

Маланья подробно рассказала Ѳедору о неврожаяхъ послѣднихъ лѣтъ, о своихъ недостаткахъ и долгахъ, объ измѣнившихся отношеніяхъ въ его семейству и о недавней попыткѣ Ивана совсѣмъ развязаться съ землей. Наконецъ, сильно разстроенная, она умолкла.

Чтобы скрыть наворачившія слезы, она ткала, низко опустивъ голову, не смотря перебрасывала челнокъ изъ одной руки въ другую, машинально нажимая поочередно подножки и хлопая бердомъ. Долго только этотъ звукъ берда да сонное дыханіе Улиты и слышны были въ избѣ. Ѳедоръ внимательно слѣдилъ за проворными движеніями рукъ Маланьи и за тѣмъ, какъ на туго натянутой основѣ выходили все новыя красныя и синія влѣточки, и вдругъ почти съ умиленіемъ проговорилъ:

— Разумѣется, тебѣ трудно, а все же не жизнь здѣсь у насъ, а рай, ей Богу! Гляжу вотъ я на твою работу и не могу наглядѣться: дома ты, все на тебѣ чистое, дѣти у тебя на глазахъ, въ избѣ все на мѣстѣ, и нието около тебя не галдитъ въ пьяномъ видѣ,—а взять теперъ на фабрикахъ...

Маланья положила челнокъ, оперлась рукой на станъ и, склонивъ на руку голову, приготовилась слушать. Косые лучи заходящаго солнца, проникая въ окно, падали прямо на нее, и, благодаря имъ, несмотря на блѣдность и худобу, она казалась почти по прежнему здоровой и румяной. И вся убогая одежда Маланьи въ яркихъ лучахъ солнца казалась гораздо лучше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ: на головномъ платкѣ отчетливо выступалъ каждый цвѣточекъ; бѣлая косынка на шеѣ отливала нѣжно-розовымъ цвѣтомъ; пестрядинная рубашка, старая-престарая, на взглядъ

Федора, пла какъ нельзя лучше въ набивному сарафану Маланьи и ея босымъ ногамъ.

Федору вспомнилась фабричная женщина, иначе одѣтая и причесанная, съ другой рѣчью, съ другимъ нравомъ и привычками, въ которой для него все было отвратительно, и онъ смотрѣлъ на Маланью съ невольнымъ уваженіемъ, почти какъ на святую.

— Не приведи Богъ, эти фабрики!—выговорилъ Федоръ со вздохомъ.

— Тяжело?

— Тяжело-то оно когда не тяжело—прямо каторга; только я не про работу, а про то, что тамъ, что ни на есть, послѣдніе люди, на этихъ фабрикахъ. Кабы не самъ видѣлъ, не повѣрилъ бы, вотъ какой это народъ!..

— Пьянствуютъ?

— Пьянство-пьянствомъ, —гдѣ нынѣ не пьютъ! кабы только это — ничего бы, а то образа человѣческаго не имѣютъ, всякій стыдъ потеряли, все одно, что свиньи.

— Не даромъ же, видно, говорятъ, что фабричный народъ отчаянный,—замѣтила Маланья.

— Не приведи Богъ!

— Всего-то ты на чужой сторонѣ наглядѣлся?

— Наглядѣлся и есть. И на суконныхъ фабрикахъ бывалъ, и на миткалевыхъ. Вотъ только на фарфоровый заводъ сходить не удалось, а хотѣлось. Говорять, цѣлый день можно проходить, проглядѣть—такъ отлично налажено; ну, а въ другихъ мѣстахъ—бѣда! Къ примѣру табачное производство взять—хуже нѣтъ! Разъ я на табачную фабрику вмѣстѣ съ товарищемъ зашелъ,—у него братъ въ надзирателяхъ тамъ служилъ,—такъ чуть и не подохъ. Пыли этой—зги не видно! Не то что въ носъ тамъ или въ глаза лѣзетъ, а въ самое горло. Въ минуту какую-нибудь сталь я какъ пьяный: ноги, слышу, подгибаются, сердце давить ровно отъ угара; плохо даже и помню, какъ меня на дворъ вывели.

— Какъ же это постоянно-то работаютъ тамъ?

— Привыкаютъ потомъ... Ну, а все видать—народъ не настоящій, чахлае, желтые; почитай, каждый кашляетъ. У нихъ и днемъ темно,—пыль такъ тучей цѣлый день и стоитъ. Войдешь — народу ровно замѣшено, повернуться негдѣ, и всѣ черные-пречерные, чисто черти, только глаза да зубы и свѣтатъ.

— Экая, подумаешь, нужда въ такой адъ идти! развѣ больно ужъ дорого платять?—спросила Маланья.

— Какое дорого!.. Такъ идетъ народъ. Бездомовые, беззе-

мельные тамъ больше, такъ плющіе, — надо же куда-нибудь дѣваться; всякій тоже ѣсть хочетъ.

— Мало ли другой работы; въ другое бы какое мѣсто шли.

— Некуда. Вездѣ понатолкано; и тому рады, — все же кусокъ хлѣба.

— Какой ужъ это кусокъ! Тутъ и ѣсть-то не захочешь, — чего ужъ, когда и во рту, и въ горлѣ табакъ насѣлъ... Какъ и живи только!

— Ну и пьютъ; а ужъ въ пьяномъ видѣ, извѣстно, чего хорошаго. И парни, и дѣвки фабричные спятъ вповалку, ровно такъ и надо. Одно слово — срамота!

— Къ чему же дѣвожь-то домашніе пускаютъ въ таковой омутъ? — спрашивала Маланья.

— И не пускаютъ, да уходятъ. Ихъ тянетъ туда, потому и выпивка тамъ, и всякое баловство. Одну, я зналъ, запирали, и то ушла.

VI.

Федоръ не мало тяготился своимъ житьемъ дома; онъ скоро замѣтилъ, что прежняго ладу въ семьѣ и въ поминѣ не было, и что всѣ жили точно придавленные чѣмъ, а потому очень обрадовался, когда отецъ отправилъ его наконецъ вмѣсто себя на станцію. Онъ сталъ приходить домой разъ или два въ недѣлю только затѣмъ, чтобы вымыться въ банѣ и перемѣнить усталыхъ лошадей на свѣжихъ, и замѣтно повеселѣлъ, хотя и продолжалъ быть трезвымъ и смирнымъ.

— Ничего-то къ тебѣ, Федоръ Титычъ, не пристаешь, въ часъ свазать! Въ солдатахъ былъ — себя не потерялъ, и теперь опять тоже. На станціи какъ народъ балуется — страсть! — а тебя все Богъ пасетъ, — съ искреннимъ удовольствіемъ говорила ему Маланья, когда въ рѣдвіе свои пріѣзды онъ заходилъ иногда провѣдать ее.

— Чего и вздумаешь!.. — отзывался Федоръ въ смущеніи.

— А развѣ долго? Тутъ и кабакъ, и всякій гулящій народъ. Не все худые спиваются.

— Да я водки этой духу не хочу, — что ты, Михевна?!.. — удивлялся Федоръ, чувствуя еще большую неловкость.

— Будь я твой отецъ, двоихъ бы наняла, а тебя не пустила, живи бы дома.

— Дома и безъ меня тѣсно.

— Наплевалъ бы и на доходъ, человѣкъ-то дороже,—говорила Маланья.

Федоръ рѣшительно не понималъ ея страха, и хотя не особенно надъ нимъ задумывался, но отъ такихъ рѣчей Маланьи ему обыкновенно становилось не по себѣ, и онъ спѣшилъ поскорѣе уйти отъ нея.

Морозы отошли, день сталъ замѣтно длиннѣе, и Никита рыжій все чаще и чаще началъ выходить къ своему срубу, доведенному еще осенью чуть не до крыши, — и если настоящимъ образомъ и не работалъ пока, то все же всякій день постукивалъ по угламъ сруба топоромъ: то снѣгъ, бывало, отобьетъ, то забуду рину стешеть. Этотъ срубъ былъ предметомъ общей заботы. Сосѣди такъ долго считали сбереженія Никиты, такъ часто принимали дѣятельное участіе въ его примѣрныхъ смѣтахъ и вычисленияхъ, что новая изба Никиты являлась какъ бы не исключительной его собственностью, а чѣмъ-то такимъ, что принадлежало всей Лобановщинѣ, было дорого сердцу каждаго ея обитателя.

— Какъ только избу крышей закроешь, такъ мои рамы и тащи къ себѣ и въ ту-жъ минуту переселяйся, а я на твою сторону перейду. Замучилъ меня Гнусовъ. Самъ всего выкупа за землю не взносить, все только судится, а мнѣ нисколько сроку не даетъ. Уходи изъ дому—и кончено! А куда я съ своимъ гнѣздомъ дѣнусь? самъ посуди! Вотъ только, буде, и есть, что по времени въ твою старую избу, ежели пустишь,—говорилъ Арефа, стоя на утопанной около сруба тропѣ, въ то время какъ самъ Никита самымъ внимательнымъ образомъ ощупывалъ и осматривалъ одно изъ бревенъ верхняго ряда, которое наванунѣ показалось ему покривившимся.

Онъ не промолвилъ въ отвѣтъ Арефѣ ни слова, точно и не слышалъ его.

— Такъ какъ же это будетъ у насъ, Никита, — какъ мнѣ Гнусову-то сказать, — пустишь ты меня на подворье или нѣтъ? Такъ же вѣдь, смотри, не при чемъ изба у тебя будетъ стоять, а я бы много-мало все же, глядишь, платилъ бы...—заговорилъ Арефа снова.

— Да ты нешто вправду объ избѣ-то?—удивился Никита и подозрительно поглядѣлъ на Арефу. Но на этотъ разъ Арефа былъ совершенно трезвъ и говорилъ вполне серьезно.

— Известно, я вправду, — потому мнѣ крайность, — очень ужъ Гнусовъ жать меня сталъ. На той недѣлѣ въ становому призывали. Самъ знаешь, у него вездѣ рука, мнѣ съ нимъ не тататься,—проговорилъ Арефа озабоченно.

— Да у васъ что съ нимъ?

— Объ землѣ все... Поилъ тутъ онъ меня въ осеняхъ-то. Ну вотъ... Онъ, значить, поилъ,—ужь это нельзя пожаловаться, сколько, значить, душа желала,—а я и далъ ему отъ себя бумагу, чтобы онъ, значить, всякую подать за меня платилъ и землей владѣлъ все одно какъ я самъ, также и одворицей, а чтобы я, значить, выселился, потому станеть онъ тутъ стронься, — рассказывалъ Арефа.

Онъ говорилъ все это съ такимъ унылымъ видомъ, точно жалѣлъ о заключенномъ договорѣ и стыдился самъ себя.

— Кто, Гнусовъ станеть стронься?—спросилъ Никита.

— Онъ говорить, будто онъ, а я такъ помекаю, что онъ Андрейка тутъ норовить поселить.

— Да вѣдь Андрейко-то еще не отдѣлился, еще когда что у нихъ будетъ, — говорилъ Никита, сидя верхомъ на срубѣ и усиленно тряся своей лохматой рыжей головой, что у него всегда служило явнымъ признакомъ не только волненія, но и гнѣва.

— То-то вотъ и есть, что они меня ждуть; имъ, видишь ты, надо, чтобы я наперво ушелъ...

— Охъ, всыпалъ бы я тебѣ горячихъ, забылъ бы ты у меня! Развѣ можно дѣлать такія дѣла безъ міра? Развѣ дастъ тебѣ общество распорядиться землей, какъ тебѣ въ башку вступить? Мало бы ты кого на шею намъ не намоталъ—такъ тебѣ и дали!.. Ишь, выискался какой продавецъ!.. Ты бы вовсе какого изверга къ намъ подпустилъ, начисто бы разбойника, такъ тебѣ и дозволилъ?—въ неописанной ярости кричалъ Никита на всю деревню.

— Не шуми, Никита Ивановичъ!—все нужда моя. Ты совсѣмъ не объ томъ... Міръ, извѣстно, тамъ какъ хочеть; что касающе земли, объ этомъ, правда твоя, должонъ міръ; а я тебѣ не про землю говорилъ,—объ землѣ къ слову подошло,—я тебѣ говорилъ про подворье, вотъ про что. Надо же мнѣ съ дѣтми какое-нибудь призрѣнье, кровь какой-нибудь, — надо или нѣтъ?—разгорячился и Арефа.

— Стану я тебя, озорника, призрѣвать,—ты и меня-то Гнусову пропьешь!.. Я и говорить-то съ тобой несогласенъ, не то что къ себѣ пускать, — не такъ уже жаростно и громко, но съ безконечнымъ презрѣніемъ проговорилъ Никита, уходя домой, и тамъ разразился новыми проклятїями Арефѣ.

Сенька принялся горячо возражать отцу и всячески отстаивать Арефу. Онъ очевидно раньше подробно зналъ о сдѣлѣ Арефы съ Гнусовымъ и только не говорилъ объ этомъ своимъ. Давно уже между Арефой и Сенькой установились тѣсныя дружескія

отношенія; они очень часто бывали вмѣстѣ, и Арефа все соби-
рался учить Сеньку печному ремеслу, но пова онъ училъ его
только грубой брани и просвѣщалъ насчетъ такихъ сторонъ
отхожей жизни, о которыхъ Сенька до сихъ поръ не имѣлъ ни
магѣйшаго понятія.

— Вотъ злодѣй-то! Хуже онъ татарина своимъ дѣтямъ. Какъ
Степанидѣ съ нимъ и не ругаться! куда она теперь поспѣла?!
Прямо вѣдь на улицу ей съ ребятами доведется идти, такъ-таки
на улицу, на морозъ—прямѣхечко!—говорила Лизавета чуть не
плача.

Напоминаніе о дѣтяхъ значительно смягчило Накиту.

— Если ребятъ отъ напрасной смерти и укрою, его самого
мнѣ и на пол-двора не надо. Пускай издыхаетъ на улицѣ какъ
собака, туда и дорога!—сказалъ онъ на слова жены.

Черезъ нѣсколько дней собрался сходъ при волостномъ прав-
леніи. Сходъ и опять былъ чрезвычайно многлюдный. Кромѣ
разныхъ частныхъ вопросовъ, предстояло рассмотреть вопросъ о
хлѣбо-запасномъ магазинѣ, и народу сбили тьму-тьмущую.

Когда Федоръ изъ любопытства пришелъ въ правленіе по-
слушать, о чемъ тамъ толкуютъ, онъ засталъ Андрея въ спорѣ
съ писаремъ.

— Заставятъ и тебя,—говорилъ писарь Андрею,—мнѣ что?
Мое дѣло сторона, инструкція такъ гласитъ.

— Да инструкцію-то кто писалъ? все вы же...

— Не мы, а крестьянское присутствіе.

— Все одно...

— Какъ все одно? Присутствіе не отъ себя ее выдумало;
она по 147 ст. Положенія составлена. Вотъ гляди!—ткнулъ пи-
сарь пальцемъ въ развернутую бумагу, и затѣмъ, отстранивъ ее
немного, чтобы лучше видѣть, принялся внятно читать: „Пол-
нымъ количествомъ хлѣбныхъ запасовъ, свыше которыхъ можно
не имѣть, полагается для каждаго сельскаго общества не менѣе
1 четверти ржи или пшеницы и $\frac{1}{2}$ четверти овса или ячменя
на каждую ревизскую душу. Для выполненія хлѣбныхъ запасовъ
до этого нормальнаго количества съ каждаго изъ домохозяевъ
ежегодно взыскиваются: во-первыхъ, состоящія за состоятельными
изъ домохозяевъ недоимки хлѣбныхъ сборовъ, образовавшіяся какъ
отъ невозвращенія розданныхъ въ прежнее время ссудъ, такъ и
отъ невзноса наведенныхъ, но невзысканныхъ въ прежнее время
ежегодныхъ хлѣбныхъ овладовъ“.

— Чтѣ читать!—читай хоть до завтрава... Мало бы вы сколь

навели... Ежели силы-мочи нѣтъ на ваше наведеніе, такъ наводи пожалуй... Одни это пустяки все!—прервалъ писаря Андрей.

— Вотъ и толкуй съ нимъ! — негодуя, всплеснулъ тотъ руками.— Чистая ты, Андрей, ёра! И какъ только тебѣ не стыдно другихъ мутить?

— А, не любишь?—загомонили вокругъ.

— Вѣдь ты лучше меня понимаешь, — продолжалъ писарь, не слушая,— что я дѣло говорю, что по правилу всѣмъ платитъ надо,— для чего же ты противишься? И хоть бы ты былъ голъ кабая, а то вѣдь у тебя есть...

— Есть-то есть, да не про вашу честь...

— Да вѣдь себѣ засыпаешь; никто иной возьметъ твой хлѣбъ — ты же самъ.

— А мое, такъ у меня и полежить. Не бойсь, дома уберегу. Безъ караула-то еще, смотри, сохраннѣе будетъ!—подмигнулъ Андрей писарю.

Сходка дружно захохотала.

— Обложеніе дѣлали, міръ не спрашивали—ну, и собирайте какъ знаете. Вноси да вноси, а куда хлѣбъ сыпать—то бы подумали. Ты сходи прежде, взгляни на магазинъ-то, тогда и поуждай... Крыша рѣшето-рѣшетомъ, полъ по угламъ крысы проѣли, куда сыпать-то?—говорили послѣ Андрея другіе.

— Поправьте.

— Теперь-то? Да теперь поправка дороже новаго обойдется.

— Ну, новый выстройте. Разъ заведете, надолго хватить.

— А деньги гдѣ? Кабы вы намъ изъ своего кармана дали—другое дѣло; а то опять новая раскладка?

— Все равно вамъ ее не миновать; хуже, смотрите, будетъ, когда правленіе безъ васъ составитъ,—я вамъ напередъ по совѣсти говорю, послѣ не жалуйтесь.

— Ну, это еще бабушка на-двое сказала... Вы свое, какъ знаете, пишете, а намъ вашего магазина не надо, и безъ него въ конецъ разорены. Мірскихъ денегъ и заведенія нѣтъ: на что его построить, или хоть бы и починять? Да одной постройкой и не отлѣзешь отъ васъ: смотритель понадобится, учеть; не радъ будешь, что и связался опять...—толковали мужики.

— Не надо, не надо, не желаемъ! Всѣмъ міромъ не принимаемъ, такъ и запиши! — захохотала масса какъ одинъ человекъ.

Перешли въ дѣлу Арефы.

Какъ ни вслушивался Федоръ въ обстоятельства дѣла, онъ ничего не могъ понять. То выходило, что надѣльная земля Арефы

продана, то не продана, и не только не продана, но по закону и не можетъ быть продана, такъ какъ она еще не выкуплена, а пока объ этомъ заключено лишь предварительное условіе. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, порѣшили на томъ, что Гнусовъ пускай себѣ строится на дворицѣ Арефы не какъ собственникъ, а такъ, по согласію, пока земля у казны имъ еще не выкуплена.

Это послѣднее рѣшеніе сходъ постановилъ уже воснѣвающимъ языкомъ, и оно не дешево обошлось Гнусову.

Степанида обезумѣла отъ реза въ виду необходимости выселиться изъ своего дома; плакала и другія бабы, глядя на нее, и всѣ сообща просили Никиту пустить семью Арефы въ старую избу.

Никита пустилъ.

У самыхъ нечувствительныхъ людей надрывалось сердце отъ боли при взглядѣ на полуодѣтыхъ, заплаканныхъ дѣтей Арефы, перетаскивавшихъ свои убогіе пожитки во дворъ Никиты. Самъ Никита, чтобы не видѣть этого, безъ всякой надобности ушелъ въ кузницу. Но хуже всѣхъ чувствовалъ себя Титъ Андроничъ: въ глубинѣ души онъ, какъ и другіе, былъ убѣжденъ, что Прохоръ Терентичъ намѣренъ строиться не для себя, а для Андрея, и ему стыдно было смотрѣть на людей.

Одинъ Гнусовъ ходилъ какъ ни въ чемъ не бывало и подвозилъ возъ за возомъ строительный матеріалъ къ опустѣвшему дому Арефы.

Впрочемъ и Титъ Андроничъ не долго сосредоточивался мыслями на разореніи Арефы и близкомъ выдѣлѣ Андрея; у него случилась новая очень крупная неприятность: его крѣпостной покосъ Шепелиху производитель работъ зачислилъ въ подворный сѣнокосъ, и ему необходимо было немедленно гнать въ городъ.

Чуть ли еще не пращуръ Тита Андронича приобрѣли Шепелиху невѣдомо отъ кого, и съ тѣхъ поръ семья Лобановыхъ пользовалась этимъ покосомъ какъ своей личной собственностью безъ всякихъ споровъ и притязаній со стороны сосѣдей. И вдругъ его почислили подворнымъ! Лѣтъ за тридцать до этого, правда, было у Тита Андронича объ Шепелихѣ дѣло съ казной; но тогда не только уѣздный судъ, уголовная и гражданская палата, но и правительствующій сенатъ присудили ее опять-таки Титу Андроничу. Что покосы останутся снова у него, Титъ Андроничъ и сейчасъ нисколько не сомнѣвался; но ему очень досадно было по чужой винѣ ѣхать въ городъ, искать тамъ адвоката, который счумѣлъ бы, опираясь на старое, давно сланное въ архивъ дѣло

возстановить его права на Шепелиху, ни за что, ни про что тратить время и деньги, и онъ, всегда такой мягкій и сдержанный, собираясь въ дорогу, противъ обыкновенія сердито ворчалъ:

— Экіе бездѣльные порядки пошли! Сидишь себѣ тихо-смирно, ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, устроишь свое хозяйство всѣми силами, мѣрами, всей своей рукой да своимъ глазомъ—вдругъ чиновникъ! „По какому праву у тебя шестнадцать десятинъ покосу, а у односельчанъ сажени лугу нѣтъ? Это, стало, у тебя расчистки? вали въ подворные!“ — жаловался Титъ Андроничъ Митричу, зашедшему въ нему передъ его отъѣздомъ въ городъ.

Дряхлый Митричъ пожевалъ беззубымъ ртомъ, покачалъ головой и сказалъ: „Нѣтъ, въ нынѣшнее время еще ничего, въ старину было много беззаконнѣ“.

— Это, по твоему, законъ?

— Законъ. Онъ еще не устоялся, ну и того... а потомъ, смотри, ладно выйдетъ. Вотъ нынѣ ты поѣхалъ и, долго ли, коротко ли, ты свое дѣло оправивишь, а прежде этого нельзя было. Прежде начини-ка тягаться, всего тебя, братецъ мой, разболокуютъ, да еще и шкурѣ, бывало, достанется.

— Ну, этого и прежде не показано было.

— Вотъ тебѣ и не показано... Я тебѣ скажу, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ, самъ своими руками подъ живымъ человѣкомъ огонь разводилъ, вотъ какъ передъ Господомъ!—Митричъ набожно перекрестился:

— Ты-то какимъ манеромъ?

— По приказанію. Я въ тѣ поры на стану десятскимъ былъ. Трясусь весь и знаю, что грѣхъ, а поджигаю человѣка, потому не послушай—самому влетитъ. Черемисинъ, помню, это былъ, такой маленькій, жиденькій, и ничего за нимъ даже не было, просто такъ въ свидѣтеляхъ попался. Привязали мы его къ брусу полатей, разули и давай подошвы палить...

— Ну, ужъ послѣ, видно, доскажешь, мнѣ время отправляться,—прервалъ Титъ Андроничъ старика.

VII.

А весна подвигалась все ближе. Снѣгъ быстро таялъ; на пригоркахъ, мѣстами, показалась уже земля; отъ деревни къ рѣкѣ бѣжали безчисленные ручьи, все сильнѣе разрушая и безъ того тонкій и хрупкій слой снѣга.

Маланья стояла на своемъ крылечкѣ съ узломъ мокраго

бѣля, пережидая прямой крупный дождикъ, неожиданно хлынувшій изъ небольшого облака, повисшаго прямо надъ Лобановщиной, и съ удовольствіемъ вдыхала въ себя теплый воздухъ. Ей была видна вся улица и большая часть дороги, ведущей къ рѣкѣ. Только у поворота въ Покровское дорога исчезала за стволами старыхъ сосенъ, и теперь какъ разъ въ этомъ мѣстѣ Маланья увидѣла Федора. Она сразу узнала его по красной рубахѣ и бѣлой поярковой шляпѣ, а также по высокому росту: выше никого не было. Федоръ шелъ краемъ дороги, осторожно ступая и часто оборачиваясь на лошадь, которую велъ въ поводу. Онъ возвращался отъ коновала изъ Покровскаго.

Тита Андронича до сихъ поръ не было дома, и такъ какъ Филька уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, то Федоръ по необходимости все это время находился не на станціи, а дома.

— Али выросли охота, подѣ дождемъ стоишь?—спросилъ онъ у Маланьи, проходя мимо.

— Совсѣмъ на рѣку я собралась—вдругъ полило...

— Гляди-ка, телка твоя и та подѣ навѣсъ забралась, а ты вся на волѣ, вѣдь ужъ обѣжить съ тебя? — говорилъ Федоръ со смѣхомъ, однако и самъ продолжалъ стоять подѣ дождемъ.

Маланья оглянулась на свой дворикъ, гдѣ противъ воротъ, подѣ узкой полосой навѣса, жалась къ стѣнѣ недавно приобретенная ею молодая краснопестрая коровенка, ея гордость и надежда, въ уплату за которую она чуть не круглый годъ топтала глину въ кирпичныхъ сараяхъ прошинцевъ, и выраженіе удовольствія быстро разлилось по ея лицу.

— А что, какъ ты замѣчаешь, вѣдь она у меня поправилась?—спросила она съ такимъ видомъ, какъ будто въ утвердительномъ отвѣтѣ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Вѣрно, вѣрно. Я еще въ прошлый разъ подумалъ: вотъ, мого, къ рукамъ-то чтѣ значить!

— Охъ, Федоръ! Кабы у меня хоть маленько на перевѣртку было, живо бы я, гляди, обзавелась.

— Чтѣ говорить!.. Вотъ давно ли готовый-то хлѣбъ ѣшь, а ужъ телушку нажила.

— Подумала, подумала, возьму деньгами, не при чемъ я ихъ издержу; а ежели корова-то, такъ я когда ее хочу, тогда и продамъ, а повуда пускай ребята хоть молоку похлебають... Сколько я разъ эту корову во снѣ видѣла!.. Ну, хоть порадуюсь, погляжу.

— Ничего, досталась тебѣ она! Поди всѣ себѣ и ноги-то выдержала?

— Нѣтъ, ты повѣришь ли, я за нее работала — ровно играла, право.

„Ты и все работаешь, точно играешь“, подумалъ Федоръ, съ удивленіемъ глядя на оживленное, улыбающееся лицо Маланья, и странный вопросъ пришелъ ему въ голову: какую была бы Маланья, еслибы она не голодала, не забла, ѣла до сыта и не работала черезъ силу, еслибы ее наряжать какъ должно, не обижать, беречь?

— Ну, а что тебѣ коноваль сказалъ? — спросила Маланья.

— Ничего, говорить, пройдетъ. Мази даль, утромъ и вечеромъ велѣлъ ей холку-то перевязывать; скоро, говорить, зажи-веть. Да вотъ опять кабы не разболѣлось...

— Видно, больно дороги-то плохи?

— Бѣда!

— Загостился въ городу Тить Андроничъ... Какъ онъ у васъ на саняхъ-то по этакой кашѣ и поѣдетъ?

— На саняхъ теперъ мученье! Да и рѣка тоже... Вотъ поиди тавой дождикъ часокъ, другой, въ эту же ночь ледъ тронется; его ужъ и сейчасъ шибко взяло, и у береговъ кругомъ вода.

— Этакъ, пожалуй, на пасхѣ же и пароходы побѣгутъ?

— Больше недѣли еще до пасхи-то, когда не побѣгутъ; а тебѣ что?

— Улита-то у меня все собирается...

— Неужели она и вправду къ Соловецкимъ побредетъ? Буда ей такую даль, не выдюжить вѣдь она?

— Поди, толкуй съ ней.

Федоръ опасливо повелъ головой и прошелъ къ своему двору, а Маланья поглядѣла ему вслѣдъ и направилась къ рѣкѣ, не обращая больше вниманія на дождикъ, хотя онъ все еще лилъ.

Ледъ прошелъ. Широкая рѣка бурливо катила свои мутныя волны, время отъ времени, вмѣстѣ съ запоздавшими льдинами, пронося мимо смытые половодьемъ дрова, бревна, иногда цѣлыя звенья плотовъ. Снѣгу кругомъ больше не было; прошлогодняя трава принималась какъ будто зеленѣть; по берегу въ лѣсу бродили коровы и лошади, и слышались звонкіе какъ боловольчики голоса ребятъ.

Мишка съ Ефимомъ кричали громче другихъ. Они строили запруду въ ложбинѣ у колоды; но такъ какъ вода изъ колоды, падавшая на этотъ разъ съ особенной силой, поминутно уничтожала всѣ ихъ сооруженія, отдавая ихъ въ то же время цѣлыми

потоками водяныхъ брызгъ, то ихъ взвизгиванью и хохоту конца не было, а глядя на нихъ кричали и смѣялись и дѣти Арефы.

До пасхи оставалось всего два дня.

Маланья мыла у рѣки кадки и ведра. Стоя босыми ногами почти совсѣмъ въ водѣ, она скребла ихъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, точно усердной работой хотѣла унять то, что бушевало внутри ея. Съ самаго утра все одна и та же мысль не давала Маланьѣ покоя. Сегодня на базарѣ въ Повровскомъ старая пріятельница Маланьи Анеа сообщила ей за вѣрное, что Ѳедоръ женится на дочери старосты Ивана Копылова, Дарьѣ; что будто рубобиты у нихъ будетъ сейчасъ же, какъ только Титъ Андроничъ воротится, а свадьба не позже Ѳоминой. Маланья не знала невѣсты, но Анеа рассказывала про невѣсту:

— Рябая, спина ровно пересѣчена, руки какъ бревна, лицо какъ лукошко, ходитъ ступа-ступой; только богатствомъ-то, буде, и взяла, — живописала Анеа невѣсту Ѳедора. — Да неужто они отъ тебя таятся? — спросила она въ заключеніе.

„Ступа-ступой, спина ровно пересѣчена, лицо какъ лукошко“... припоминала Маланья въ сотый разъ. „Зачѣмъ они отъ меня таятся?“ — спрашивала она себя словами Анки, чувствуя страшную обиду отъ того, что не самъ Ѳедоръ, а посторонніе сказали ей объ его женитьбѣ. „Что я дорогу ему перейду, что-ли? Или пойду, разбивать стану? Если ему рябая хороша, такъ мнѣ что за надобность, нужно мнѣ больно! Ну, и Ѳедоръ! И виду даже не подаетъ — вотъ какой лукавый, а я всѣмъ къ нему сердцемъ... Малость какая случится — ему первому“!.. И Маланья начинала повторять снова тоже самое.

Она такъ занята была своими кадками и своимъ раздумьемъ, что и не замѣтила совсѣмъ, какъ Ѳедоръ, о которомъ она все это время думала, подошелъ къ самому тому мѣсту, гдѣ она скребла свою посуду, и остановился, глядя на нее.

Когда она случайно подняла голову, онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея съ недоуздомъ въ рукѣ и улыбаясь говорилъ:

— Праздникъ, слышишь?.. Экъ вѣдь ты ихъ продрала — ровно новья; хоть сейчасъ на базаръ, такъ въ ту же пору.

Маланья посмотрѣла на него непріязненнымъ, испытующимъ взглядомъ и, выступивъ на берегъ съ послѣдней кадешкой, рѣзко проговорила:

— Тебѣ въ свадьбѣ не надо ли, чѣмъ новья покупать? Или за невѣстой столько берешь, что на все хватить?

— Развѣ ужъ скоро свадьба-то?

— На Ѳоминой, люди говорятъ.

— О-о! А невѣста кто?

— Чтѣ представляешься? Больно скрываетесь—видно боитесь, кабы корявую вашу собинку не отбилъ кто... Не бойся! Тебѣ-то она мила да хороша, а другимъ экую толстопятую и даромъ не надо,—говорила Маланья глухимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ. Ее трясла лихорадка; въ глазахъ то вспыхивалъ, то пропадалъ какой-то крайне непріятный блескъ, тогда какъ съ лица сбѣжали всѣ живыя краски.

Дарья Копыловой Маланья совсѣмъ не знала, хотя и говорила о ней такимъ положительнымъ образомъ; она никогда ее не встрѣчала и, кромѣ Анки, ни отъ кого не слыхала о ней ни одного слова, но ей казалось, что она ее отлично знаетъ, и она искренно отъ всей души ее ненавидѣла.

Сначала Федоръ шутилъ, но скоро умолевъ и глядѣлъ на Маланью съ изумленіемъ. Онъ видѣлъ, что она сердится, но рѣшительно не понималъ, за что. Къ чему говорила она о его женитьбѣ—развѣ онъ женится? А хоть бы и такъ—чтѣ въ этомъ для нея обиднаго? И какую это „толстопятую“ приплетаютъ въ нему? у него и въ мысляхъ-то не было. Вотъ ужъ именно: языкъ безъ костей!.. Угораздило же кого-то сплести такую небылицу! „Еще до Татьяны дойдетъ, будетъ мнѣ опять у ней!“.. Татьяна была развеселая вдова въ Покровскомъ, съ которой Федоръ находился въ очень близкихъ отношеніяхъ.

По мѣрѣ того, какъ всѣ эти мысли возникали въ головѣ Федора, ему становилось все непріятнѣе.

— Какая сорока на хвостѣ принесла тебѣ эти вѣсти про меня?—спросилъ онъ у Маланьи недружелюбно.

— Досадно, что раньше времени про твою удачу узнала? Не спрашивала, не виновата; истинно сорока на хвостѣ принесла,—говорила Маланья, взваливая на загорбокъ самую большую кадку и забирая все остальное, намѣреваясь уходить.

Федоръ ясно видѣлъ, что отъ нея не добьешься никакого толку, и съ досадою проговорилъ: „Экая у тебя обо мнѣ забота!“

Но ему тотчасъ же стало стыдно, что онъ разсердился.

— Скажи-ка мнѣ лучше, не видала ли, гдѣ нашъ варьѣд ходитъ?—спросилъ онъ значительно ласковѣе, прежде чѣмъ Маланья успѣла повернуться къ нему спиной.

Она молча указала въ томъ направленіи, откуда слышались голоса дѣтей, и стала подниматься на гору, сгибаясь чуть не до земли подъ своей громоздкой ношей.

Дома она разревѣлась.

Улита говѣла и ночевала въ Покровскомъ; Дуню Маланья,

еще передъ тѣмъ какъ идти на рѣку, увела къ Лизаветѣ, и ей никто не мѣшалъ облегчить свою душу слезами. Потомъ она улыбалась и сходила къ Никитѣ за дочерью. Тихія, свѣтлыя сумерки постепенно сгущались. Васька, Колька и Липка Арефы уже нѣсколько времени пробѣжали мимо, а дѣти Маланьи все еще не возвращались.

Поджидая ихъ, она сѣла на ступенькахъ крылечка вмѣстѣ съ Дуней, которую посадила къ себѣ на колѣни и плотно укутала своимъ полушубкомъ, надѣтымъ на плечи въ навидку.

Голубоглазая, полная, краснощекая дѣвочка смѣялась и билась въ рукахъ Маланьи изо всѣхъ силъ, стараясь высвободиться изъ полушубка, въ которомъ ей было и душно, и неудобно.

— Хоть минуточку посиди, хоть крошечку бѣдную!—уговаривала Маланья, ласково проводя рукой по бѣлымъ разбившимся волосамъ дѣвочки и нѣжно цѣлуя ея глаза и щеки.

Дуня послушалась, наконецъ, присмирѣла и, слегка покачиваемая матерью изъ стороны въ сторону, начала дремать, а Маланья смотрѣла на нее и думала: „Вотъ ужъ какая большая, а я какъ должно и не важивалась надъ ней,—все Улита. Выростеть и любить-то меня не будетъ; развѣ она понимаетъ, что я все за работой“... Она еще разъ крѣпко-крѣпко прижалась своими горячими губами къ влажному лбу Дуни и тяжело вздохнула.

— Михевна!—позвалъ ее Федоръ осторожно. Онъ стоялъ положивъ обѣ руки съ локтями на низенькій заборъ, огораживавшій дворъ Маланьи со стороны рѣки и былъ въ одной рубашкѣ и безъ шляпы.

Маланья взглянула на него и сейчасъ же снова опустила глаза. Она чувствовала себя не то виноватой, не то все еще сердитой и только коротко спросила:

— Что надо?

— Пустяки тебѣ про меня сказали,—съ нѣкоторымъ усиліемъ вымолвилъ Федоръ.

— Твое счастье!.. Мнѣ все равно на твоей свадьбѣ не пировать, на комъ ни женись!—замѣтила Маланья насмѣшливо.

Федоръ ушелъ.

Точно гора свалилась съ плечъ Маланьи, хотя совсѣмъ отъ своей странной тревоги за судьбу Федора она никакъ не могла освободиться и достаточно было самаго ничтожнаго повода, чтобы ея опасенія ожили съ новою силою. Однако Фомина недѣля давно прошла, а о свадьбѣ Федора никто и не заикался.

— Ты что это, хвастуша, въ прошлый разъ про Федора навела?—спросила Маланья у Анки при новой встрѣчѣ.

— Съ чего навела? Какъ люди въ ту пору говорили, такъ и я, — объяснила Анка. — Разсохлось, слышь, у нихъ... Да и наперво-то, связываютъ, не самъ Федоръ, а Андрейко въ старостѣ подлѣзалъ; для дѣлъ ему староста-то нужонъ былъ, вотъ онъ его и охаживалъ; а какъ нужда миновалась, онъ взялъ да и наплевалъ, — прибавила она.

VIII.

Настало время посѣва. Федоръ снова переселился со станціи домой и усердно валегъ на соху. Тить Андроничъ, дождавшись замѣны, ограничился тѣмъ, что сѣялъ; боронилъ же Мишка, въ первый еще разъ самостоятельно справляя настоящую полевую работу. Сердце Мишки билось съ страшною силой; его глаза и уши горѣли отъ удовольствія; онъ былъ въ восторгѣ и отъ саврасой карноушки, которая покорно подчинялась каждому движению его руки, и отъ поощряющихъ замѣчаній Тита Андронича, шедшаго по полю рядомъ съ саврасой и плавнымъ, размѣреннымъ движениемъ руки бросавшаго въ землю сѣмена.

— Ты ничего, парень, ладно боронись! Право ну—ровно большой! Вишь вѣдь какъ ловко завернулъ, возлѣ самой межи какъ быть, — говорилъ Тить Андроничъ, наблюдая Мишку.

— Не мудрость! — отозвался Мишка солидно не по возрасту.

— Значить, соображенье въ тебѣ есть, когда сразу ладно взялся; видно, ты допрежь примѣчалъ, какъ у людей борона идетъ, вотъ у тебя съ перваго же разу какъ надо и вышло, — продолжалъ Тить Андроничъ.

— Когда же не примѣчалъ, — подтвердилъ Мишка: — мнѣ еще прошлагоды смерть боронить хотѣлось...

— Такъ, Мишутка, и надо, — сказалъ Тить Андроничъ внушительно: — старайся! Если охота и прилежанье у человѣка есть, онъ никогда не пропадетъ. Сначала вотъ на сосѣдскомъ полѣ и на сосѣдской лошади приобывнешь къ работѣ, а тамъ выростешь и свою лошадь заведешь. Ежели ты во все внимать будешь и будешь старателенъ, мѣръ опять тебѣ другую-то душу вернетъ; вотъ вы опять и заживете какъ у Христа за пазушкой. Ефимко, глядишь, подростеть, два работника васъ будетъ — чудесно!

— Мы, Тить Андроничъ, вшутя тогда управимся; мы тогда и ваше-то все на своихъ лошадяхъ обрабатываемъ, право! — фантазировалъ Мишка съ одушевлениемъ.

Тить Андроничъ отъ души разсмѣялся.

— Можно и мое,—сказалъ онъ, продолжая улыбаться:— отчего вамъ потомъ на меня и не поработать; мы вотъ тоже сейчасъ вашу полосу станемъ пахать... Послѣ—вы нашу. Ужъ ты только самъ не плошай, тогда все у тебя ладно будетъ: и лошадей заведешь, и землю воротить обратно...

— Землю-то долго ли ее воротить,—замѣтилъ Мишка увѣренно:—выставилъ міру ведро воды, вонъ какъ Прохоръ Терентичъ, и готово...

— Вотъ ужъ это не порядки ты, малый, говоришь!—возразилъ Титъ Андроничъ сурово:—хоть Гнусовъ и свать мнѣ, а я вздору не потатчикъ; не добромъ онъ залѣзъ къ намъ! Никогда на воду не полагайся, ни во вѣки вѣковъ! Сегодня міръ Арефу моему свату пропилъ, а завтра свата Арефъ или кому иному пропьетъ,—никакого въ этомъ проку нѣтъ; ты не водкой, а со вѣстью міръ бери, тогда крѣпко у тебя будетъ, а водка одинъ грѣхъ...

Черезъ недѣлю возили назѣмъ, и тутъ уже не одинъ Мишка былъ призванъ въ работъ, но и Ефимъ, и дѣти Арефы, такъ какъ назѣмъ возили „помочью“. Нѣсколько дней въ ряду съ утра и до ночи тянулась отъ деревни къ полю длинная вереница телѣгъ, нагруженныхъ навозомъ, и обратно—отъ поля къ деревнѣ—другая вереница пустыхъ телѣгъ, несшихся обратно во всю прыть съ грохотомъ и гиканьемъ, слышными чуть не за версту.

Вечеръ обыкновенно заканчивался обильнымъ угощеніемъ въ избѣ того, на чье поле вывезенъ былъ навозъ въ теченіе дня, и если работа кончалась рано, помочане принимались пѣть и плясать еще до ужина. Но и въ противномъ случаѣ пѣніе и пляска продолжались чуть не до зари и кончались почти всегда не въ избѣ, а на улицѣ, гдѣ устраивались разныя хороводныя игры и пѣлись хороводныя пѣсни.

У стола, стола китайчатаго,
Противъ зеркала стекльчатаго,
Ужъ какъ Федоръ-панъ на стулѣ сидитъ,
Ужъ Титычъ ли на новенькомъ;
Чешетъ голову, расчесываетъ,
Съ Парасковѣй разговариваетъ:
„Парасковьюшка, увей кудри,
Свѣтъ Ивановна, увей русы!“
„Я теперя не въ твоей волѣ живу,—
Я во волѣ, волѣ бабушкиной.
Я во нѣгѣ, нѣгѣ матушкиной,
Когда буду я твоя, таки твоя—
Русы кудерцы увью, таки увью,

Черну шляпу сподыну, такъ сподыну,
 На головку наложу, такъ наложу,
 Путь дорожку укажу, такъ укажу
 Ко зеленому саду, такъ саду^а...

— пѣли звонкіе молодые голоса на лужкѣ у околицы послѣ помочи у Митрича.

— Ну и славно же величаютъ тебя, Федоръ Титычъ! Да и ты пляшешь, видать, отрадъ сердца!—сказала Маланья Федору, подходя къ избѣ Митрича, чтобы повзвать ребятшекъ домой.

— Плясаль, страсть! Пожалуй, и Троицы мнѣ теперь не надо, — отовзался Федоръ, выбираясь изъ круга, гдѣ ходилъ подъ пѣсню съ дочерью Митрича, Пашей. Приходъ Маланьи повзавалъ, что они заигрались дольше обыкновеннаго, и увлеченіе Федора какъ-то разомъ пропало. Когда Маланья, клинувъ ребятъ, пошла съ ними домой, онъ пошелъ за ней слѣдомъ.

— Ой, Михевна! Принесла тебя нелегкая, всю бесѣду ты у насъ нарушила!—крикнула молодежь вслѣдъ Маланьѣ съ огорченіемъ.

— Завтра доиграете,—разсмѣялась Маланья, оглянувшись.

Не во Питерѣ-городѣ
 Люли, люшеньки, въ городѣ,
 Какъ на Митревской на горѣ,
 Люли, люшеньки, на горѣ...

—раздалось у околицы снова.

Ребята бѣжали впереди, обгоняя другъ друга, довольные и веселые, точно нисколько и не устали за день; съ конца улицы все еще слышалась пѣсня; по дворамъ кричали вторые пѣтухи; отъ рѣки поднимался туманъ и начинало уже свѣтать.

— Гдѣ ты пропадала, не видать тебя?—спросилъ Федоръ у Маланьи, догнавши ее.

Съ весны у него образовалась привычка, проходя мимо двора Маланьи, всякій разъ видѣть ее на крыльцѣ и говорить съ нею. За послѣднее время это случалось постоянно. Куда бы Федоръ ни шелъ, Маланья, за дѣломъ или безъ дѣла, неизмѣнно находилась на крыльцѣ, и онъ также неизмѣнно обмѣнивался съ нею тѣмъ или инымъ замѣчаніемъ, шуткой, вопросомъ, прежде тѣмъ идти дальше. Затѣмъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, онъ обыкновенно оборачивался и видѣлъ, что Маланья, повернувшись въ его сторону, все еще стоитъ на крыльцѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда спѣшить было некуда, Федоръ чуть не по часу простоявалъ передъ крыльцомъ Маланьи, больше все со стороны рѣки,

слушая про ея дѣла или рассказывая ей о домашнихъ неурядицахъ: винилъ невѣстку за высокомеріе и лѣнь, жалѣлъ отца и мать, бранилъ Андрея за то, что у него съ Гнусовымъ такая дружба, что и „водой не разольешь“, и иногда высказывалъ желаніе, чтобы Андрей точно отдѣлился отъ нихъ. Федоръ никогда не думалъ надъ тѣмъ, почему, вообще несообщительный, онъ такъ охотно говорить съ Маланьей рѣшительно обо всемъ, но онъ очень привыкъ къ этому, и когда въ день помочи у Митрича Маланья, занятая спѣшной работой, ни разу во все утро не показалась на крыльцѣ, онъ не только замѣтилъ это, но въ теченіе дня не разъ спрашивалъ себя: гдѣ же бы это она была? Поэтому, идя теперь съ нею, онъ первымъ дѣломъ спросилъ, гдѣ она пропадала.

— Гдѣ мнѣ пропадать? дома была,—сказала Маланья.—Я Никифоровны красна дотыкала, вплоть до ночи и съ мѣстечка не вставала, чуть не двѣ стѣны съ утра выткала, похвали-ка ты меня,—говорила Маланья весело. Сердце ея радостно билось; Федоръ какъ только увидѣлъ ее, такъ и бросилъ веселую компанію и вотъ идетъ рядомъ съ нею и желаетъ знать, гдѣ она была и чтѣ дѣлала,—больше Маланья ничего не нужно.

— Ну, ладно, хорошо,—проговорилъ Федоръ, удовлетворивъ свое любопытство.—А на мельницу мы съ тобой когда?

— Когда хощь.

— Мнѣ, пожалуй бы, хоть и завтра, такъ ничего; ты какъ?

— Я за всякое время рада-радехонька, лишь бы не на себѣ жито тащить. Мнѣ скорѣе-то еще лучше, покуда Улита-то не ушла бы...

— Вотъ и ладно. Стало быть завтра?

— Ладно.

Маланья легла спать въ избѣ и долго не могла уснуть. Ей казалось, что это отъ духоты и отъ мухъ, но на самомъ дѣлѣ она не спала потому, что никакъ не могла прогнать изъ головы мыслей о Федорѣ. Полоса разсвѣта становилась все шире, а она ворочалась съ боку на бокъ и послѣдовательно перебирала въ памяти всѣ даже самыя мелкіе случаи, гдѣ онъ выказалъ къ ней вниманіе, участіе или ласку. Вотъ онъ заборъ у ней починилъ, вотъ принесъ изъ дому хомутную иглу и пришилъ Улитѣ ляжбы къ ранцу; вотъ посадилъ ея Дуньку на чалва верхомъ и, заботливо поддерживая, довезъ до самой рѣки. Сколько у дѣвчонки радостей-то было! извѣстно—ребенокъ: когда покататься не охота... А какъ онъ рубилъ для нея чащу на прошлой недѣлѣ? Такъ вѣдь и выхватилъ у нея топоръ изъ рукъ, даже кожу на ладони

ссадилъ. „Гдѣ, говорить, тебѣ маяться, вся только изморишься, а я одной минутой намашу тебѣ“. И точно постарался: три воза потомъ самъ же и привезъ. Къ горлу Маланья подступаютъ слезы. „Никто, кромѣ Ѳеоды, не пожалѣетъ, а онъ, ужъ завсегда скажу, не въ томъ, такъ въ другомъ, всякій разъ подсобитъ“, думаетъ она и молитъ Бога дать Ѳеоду всякаго счастья. Но всего дороже и милѣе для нея воспоминаніе о томъ, какъ въ тотъ вечеръ передъ пасхой, съ котораго все и началось, онъ пришегъ сказать ей, что про его женитьбу наврали. Маланья точно и сейчасъ видитъ, какъ стоялъ тогда Ѳеодоръ у ея забора. „Самъ вѣдь пришегъ... Видѣлъ, что сомнѣваюсь, и пришегъ, сказалъ; это ли не доброта?“ — думала Маланья и такъ съ этимъ образомъ и заснула.

IX.

И на слѣдующій день снова, какъ пять лѣтъ назадъ, шла Маланья съ Ѳеодоромъ позади тяжело нагруженнаго мѣшками воза, знакомой намъ лѣсной дорогой, ведущей къ мельницѣ Гнусова.

За пять лѣтъ Маланья измѣнилась, конечно, но она не особенно все-таки постарѣла, и въ это утро, по крайней мѣрѣ, казалась, пожалуй, даже моложе и оживленнѣе прежняго. Идя на мельницу, она, по обыкновенію, принарядилась и теперь смотрѣла молодичей хоть куда. Только-что спитый самотваницъ съ крупными розовыми и бѣлыми влѣтками висѣлъ тяжелыми складками вокругъ ея стана; рубашка и косынка на шеѣ были бѣлѣе снѣга, а голову покрывалъ тотъ самый желтый съ красными разводами платокъ, который принесъ ей Иванъ къ Покрову.

Ѳеодоръ любилъ, когда „чисто“ одѣвались, и, выходя за околицу, нѣсколько разъ съ удовольствіемъ взглянулъ на нарядъ Маланья. Онъ находилъ, что все спито и надѣто на ней „какъ должно“, и самъ безсознательно принялся охорашиваться: обдернулъ еще разъ рубашку, передвинулъ поясъ кистями дальше къ боку, пригладилъ волосы. Онъ тоже одѣтъ былъ не по будничному, а въ новую кумачевую рубаху, въ новые штаны и сапоги.

Раннее утро, благодаря Митричевой помочи, какъ Ѳеодоръ, такъ и Маланья проспали, и на мельницу пришлось имъ идти по самому сильному солнпеку. Стояла засуха, и солнце палило немилосердно; ни вѣтра, ни облаковъ не было, и не только людей, но и скота нигдѣ не было видно, — все притаилось, попряталось.

— Ну и жарко! — вздохнулъ Ѳеодоръ съ облегченіемъ, отворяя скрипучія полевые ворота и пропуская въ нихъ Маланью и

возь. Онъ снялъ шляпу, отеръ мокрый лобъ и пошелъ стороной, то исчезая, то снова показываясь въ мелкой поросли лѣса.

И Маланья оставила колею дороги и пошла также опушкой лѣса.

Въ тѣни было много прохладнѣе; пахло хитями и лѣсными цвѣтами, и этотъ насыщенный ароматами воздухъ свободно и ровно колыхалъ грудь, вливая въ душу чувство отрады и возбуждая жизненную энергію до ея высшаго предѣла. На всемъ лицѣ Маланьи лежала какая-то свѣтлая тѣнь, — не самая радость, не счастье, а именно точно отблескъ счастья, и то же самое выраженіе свѣтилось и въ ея глазахъ, устремленныхъ вдоль дороги.

Федоръ вышелъ изъ поросли на тропинку и подождать ее.

— Помнишь, Михевна, какъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ ты въ солдаты меня собирала?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Пережили, слава тебѣ, Господи!—перекрестилась Маланья.

— Точно и не ухаживалъ, право,—продолжалъ Федоръ,—равно мы тутъ только вчера горе съ тобой горевали...

— Ой, ты,—вчера!..

— А погляди-ка: все какъ и было,—повелъ Федоръ рукой по сторонамъ.

— Лѣсу-то, извѣстно, чтò дѣлается,—его докуда не вырубить, онъ все одинъ, а ежели народъ взять—не скажешь, что не ухаживалъ... Мало ли времени безъ тебя прошло! Сколько тутъ у насъ перемѣнъ всякихъ: кто померъ, кто построился, кто наготово по міру пошелъ...

— Этого не миновать, и при мнѣ то же бы все было. Ужъ кому придетъ часъ помереть, такъ помретъ, или тамъ разориться... Я про мѣста говорю: ровно не ухаживалъ,—все-то до крошечки знакомо, всякій кустикъ, всякій овражекъ, всякій камешекъ. Вотъ еще на Шепелихѣ бы побывать...

— На Шепелихѣ и я не бывала столь же, какъ и ты. Проходить здѣсь случалось, когда вотъ этакъ же на мельницу надо, а въ ваши дуга съ той самой поры, какъ съ тобой косили, и не заглядывала; нынче у васъ и безъ меня работниковъ тьма...

— Если бы еще на Шепелихѣ покосить, тогда бы ужъ я весь совсѣмъ дома былъ; только тамъ еще не бывалъ, какъ воротился.

— Вправду вѣдь, Федоръ, ровно ты деревни и не бросалъ совсѣмъ? и какой ты этакій человѣкъ крѣпкій! Ладно я въ тотъ разъ Абросимовнѣ говорила: молъ дай срокъ, одѣнется снова по нашему, тотъ же опять Федя и будетъ; такъ вотъ оно и случилось,—говорила Маланья, съ сердечной лаской глядя на Федора.

— Какой иной-то будетъ?—извѣстно, все тотъ...

— Нѣтъ у другихъ-то, гдѣ ни посмотришь, все на иную стать. Гдѣ ты видалъ, чтобы пришелъ солдатъ со службы и опять на свое крестьянское положеніе всталъ? Ежели которые и надерживаются дома, такъ либо торгуютъ чѣмъ, либо на одинъ грѣхъ—пьянствуютъ, надъ домашними ломаются; а ты и воды не замутишь, даромъ что на работу первый.

— Ой, больно ужъ ты меня хвалишь, ровно жениха!—замѣтить Ѳедоръ въ сильномъ смущеніи. Онъ былъ парень чрезвычайно скромный, и хотя зналъ, что въ словахъ Маланья не было никакого преувеличенія, тѣмъ не менѣе похвала ея ужасно его сконфузила, и онъ не зналъ, куда и глядѣть отъ смущенія.

— Такъ вѣдь ты женихъ и есть,—отозвалась на замѣчаніе Ѳедора Маланья:—извѣстно, теперь женить тебя стануть, а по осени и женать, ждать не будутъ, нечего теперь ждать...

Маланья проговорила все это упавшимъ голосомъ, низко наклонивъ голову, чтобы скрыть свое страшное волненіе, возникшее совершенно внезапно; въ ея голосѣ слышались слезы.

— Ужъ и по осени! больно скоро,—возразилъ Ѳедоръ, не замѣчая происшедшей съ Маланьей переменны.

— А чего ждать-то?—настаивала она съ болью въ сердцѣ, страстно желая, чтобы Ѳедоръ такъ или иначе опровергъ ея предположеніе.

— Хотя ждать-то нечего, да на комъ я женюсь? Кабы наплась кабая по мысли, ничего, женился бы, да никого у меня на примѣтъ нѣтъ. Вотъ ежели бы такая, какъ ты, попалась—сейчасъ бы женился,—сказалъ Ѳедоръ, простоудушно.

Онъ сказалъ только то, что хотѣлъ сказать, т.-е. привелъ Маланью чисто для примѣра, какъ добрую, честную, работающую и разбитную бабу, но на нее слова его произвели огромное впечатлѣніе; они показались ей почти признаніемъ, и она только потому, что все еще боялась вѣрить въ такое счастье, тихо выразила свое сомнѣніе.

— Мало ли дѣвокъ есть, молодыхъ, красивыхъ, богатыхъ; за тебя всякая пойдетъ съ радостью,—проговорила она.

— Держи карманъ!.. Женила ужъ ты меня разъ, ну и будетъ!—разсмѣялся Ѳедоръ отъ всего сердца.

— Что это—Дарья-то Копылова? на нее не позарись; а увидишь какую красивую, ну и женишься... Только слово одно скажешь, и готово, потому супротивъ тебя во всемъ свѣтѣ не сыскать; ужъ сказать, что человекъ!—съ безграничной любовью проговорила Маланья.

— Ужъ когда-нибудь изурочишь же ты меня,—лучше уйди съ глазъ до грѣха!—махнулъ на нее Ѳедоръ рукой, ничего не подозрѣвая, и дѣйствительно въ ту же минуту отошелъ отъ нея и пропалъ въ глубинѣ лѣса.

Онъ не скоро показался снова, и когда вышелъ, наконецъ, на тропинку, нѣсколько впереди Маланьи, шляпа его была полна грибовъ, а въ рукѣ онъ держалъ большой пучъ гвоздики, который молча отдалъ Маланьѣ, когда она подошла.

Сердце Маланьи окончательно переполнилось. У нея навернулись слезы отъ этой безмолвной ласки и какая-то совершенно незнакомая мучительно-сладкая тревога захватила ей дыханіе.

— Вотъ ты чтѣ вспомнилъ!—прошептала она едва слышно.

— Послѣ того, какъ ты про отца своего и про эти цвѣты мнѣ рассказала, когда бы я ихъ въ лѣсу или въ полѣ ни увидалъ, всякій разъ про отца твоего вспомню; вотъ и теперь этапъ же,—объяснилъ Ѳедоръ.

Во всю остальную часть дороги и на обратномъ пути, гдѣ ихъ застигъ продолжительный дождь, не было больше связано ни одного слова, которое могло бы поддержать или даже еще усилить волненіе Маланьи. Она и ея спутникъ говорили много, но все о другомъ, о постороннемъ. Между прочимъ, Маланья жаловалась на ребятъ Арефы, которыя повадились къ ней въ огородъ за лукомъ и потоптали и осыпали у нея всѣ гряды.

— Ну, это лукъ-то еще не бѣда,—говорила Маланья,—довольно его у меня посажено; а какъ они этапъ же картошку или огурцы повадятся таскать, чтѣ я дѣлать-то стану?

— Не у тебя у одной таскаютъ—и у насъ, этапъ же, цѣлаго мѣста въ огородѣ нѣтъ... Гдѣ-то батюшка собирался же вихри надрать, да развѣ за ними убѣгаешь?—замѣтилъ Ѳедоръ.

— Ну, а это у Бирьки-то кто же, буде, масло да бовъ баранины утащилъ? неужто Арефины же ребята?—спросила Маланья, высказывая не всю мысль, въ увѣренности, что остальное и такъ понятно Ѳедору.

— Кто ихъ знаетъ!.. Какія ужъ тутъ ребята изъ-подъ этакого-то замка! вѣдь вотъ онъ замокъ-то!—отмѣрялъ Ѳедоръ руками чуть не четверть аршина:—не ребячья ужъ это сила, видимое дѣло....

— Да что это на насъ нынче—ровно накрыло.

— Такъ и есть. Никогда у насъ до этой поры воровства званья не было; Митричъ вонъ какой старикъ—не запомнить, а теперь то и знай...

— А вѣдь попадутся же когда-нибудь!

— „Богъ, говоритъ Кирька, меня спасъ, что не выпелъ я тогда къ погребу ночью. Слышу, говоритъ, ровно какъ бречить что у погреба. И разъ звякнуло, и другой. Что же, молъ, встать развѣ да поглядѣть? Да опять и думаю: кому у насъ бречать?“ — такъ и заснулъ.

— Такъ ужъ, видно, къ отведенью то, — проговорила Маланья.

— „Кабы да, говоритъ, я тогда всталъ — разразилъ бы я вора, такъ бы наготово и разразилъ!“ — передавалъ Ѳедоръ слова Кирьки.

— Разумѣется, ему своего жалко, — къ розговѣнью тоже пасъ.

— На рубль, говоритъ, баранины-то было, да масла-то надо быть съ полпуда, — ничего, порядочно выудили.

— Не приведи же Богъ остаться безо всего! — вздохнула Маланья, очевидно, объ Арефѣ.

Вздохнулъ и Ѳедоръ, но онъ думалъ о братѣ и о томъ, какъ ему не совѣстно строгиться на разоренномъ гнѣздѣ Арефы.

— И зачѣмъ только Никита Сеньку съ Арефой пускаетъ! — сказала опять Маланья: — пить, смотри-ка, Сенька-то научился. Въ воскресенье видѣла я его на базарѣ, такъ чуть-то онъ и на ногахъ стоитъ. Что ты, говорю, Сень, съ ума сошелъ? А онъ уставился на меня, ничего не говоритъ, — глаза мутные-премутные; такъ я и ушла.

— И я его пьянаго не разъ видѣлъ. Въ прошлый разъ хвастается, что у попа въ Ивановскомъ всю печку однѣми своими руками сложилъ; Арефа, будто, только показывалъ, а клалъ ужъ онъ самъ.

— Что же, можетъ быть. Что за мудрость кирпичи класть, ежели всякая малость указана!

— Филька съ бабой своей про Натальку что-то болтаютъ, — проговорилъ Ѳедоръ, не глядя на Маланью.

— Ну, ты первый началъ, такъ и я скажу. Нынче недавно рано утромъ вышла я въ огородъ, хотѣла лукъ-то свой поглядѣть, и вдругъ слышу — жалобнохонько кто-то плачетъ. Я въ одну сторону поглядѣла, въ другую — никого не видать. Что, молъ, это, Господь съ нами, неужели почувилось? Развѣ, думаю, Харитонью опять Филька поколотилъ; ну, только голосъ-то ровно не Харитонья: та ужъ когда зареветь, такъ даже съ провизгомъ, а эта тихонько плачетъ...

— Харька звонка, ее въ Покровскомъ слышно. И то ба-тюшка все надъ ней смѣется. „Дура, говоритъ, ты, дура! Кабы, говоритъ, ты не такъ широко ревѣла, никто бы и не зналъ, что ты опять виновата“.

— Ну, такъ вотъ, начала я тебѣ говорить, гляжу я по сто-

ронамъ и никого не вижу, и такъ мнѣ что-то боязно стало. Богъ съ нимъ, и съ лукомъ, думаю, повернула обратно, да и давай Богъ ноги!.. Только какъ стала я огородную дверь затворять, и вижу на задахъ у насъ, возлѣ самаго тына, Сенька вмѣстѣ съ Наталькой идутъ...

— Это же самое и Филька говорить.

X.

Вскорѣ Улита ушла къ Соловецкимъ; остальные въ починкѣ выѣхали въ луга, кто на свои покосы, кто къ другимъ нанялся, и дома, какъ это во время сѣнокоса сплошь и рядомъ бываетъ по деревнямъ, остались лишь старшій да малый. У Митрича только самъ онъ съ Ивановной да Кирькины ребятишки, совсѣмъ еще маленькіе мальчикъ и дѣвочка; въ избѣ Никиты Бормотуха и при ней Арефины—Кольба съ Липвой; у Тита Андронича—Абросимовна и онъ самъ, и только въ семьѣ Маланьи, если не считать Улиты, всѣ были въ сборѣ.

Маланья не очень чувствовала отсутствіе старухи, развѣ только покажется иной разъ, что въ избѣ у нея стало тише и просторнѣе; но дѣти чуть не каждую минуту вспоминали Улиту.

— Она мнѣ крестикъ принесетъ и поясокъ съ молитвой,—говорила Дуня.

— Мнѣ просвирку,—заявлялъ Ефимъ вслѣдъ за ней.

— А мнѣ ложку, вся разными красками раскрашена. Улита говоритъ: съ благословеньемъ тѣ ложки, и кто ими хлебаетъ, къ тому никакая хворь не пристанетъ,—повѣствовалъ Мишка.

— А мамѣ что Улита принесетъ?—спрашивали дѣти другъ друга, и такъ какъ собственнымъ умомъ рѣшить этого не могли, то уговорились спросить объ этомъ у матери, какъ только вернутся домой.

Благодаря лѣту, дѣти Маланьи съ утра до ночи находились въ лѣсу, въ полѣ или у рѣки, и ничуть ей не мѣшали. Отпущенная ихъ со двора, или сама уходя изъ дома, она обыкновенно поручала дѣвочку братьямъ, и тѣ въ высшей степени добросовѣстно нянчили и сохраняли сестру отъ разнаго рода опасностей. Случалось, впрочемъ, что порой Дунѣ и доставалось отъ нихъ: она чаще ихъ голодала, была слабѣе и въ силу этого поневолѣ капризничала тамъ, гдѣ для Мишки и Ефима не представлялось ничего, кромѣ развлечения, и ее били, но били со смысломъ, всегда по безобиднымъ мѣстамъ, и затѣмъ тутъ же

брали на руки и переносили черезъ ручей, чащу или болото, если сама она уже ни за что не желала идти. Если же Дуня и затѣмъ все еще продолжала плакать, братья напоминали ей о крестикѣ, который должна была принести Улита, и о пояскѣ съ молитвой; а если и это не дѣйствовало, пересказывали ей сказки, слышанныя отъ матери. Иногда Дуня засыпала у нихъ на рукахъ, повиснувъ, какъ мѣшокъ, черезъ плечо того или другого брата, иногда прямо на землѣ, гдѣ-нибудь около большого дерева, и тогда мальчики тихо сидѣли или бродили около, стараясь не разбудить ее прежде времени. Они по опыту знали, что если сонъ Дуньки „страсти“, такъ потомъ отъ нея вплоть до ночи и „угомону“ не будетъ, все „на одинъ духъ“ орать станетъ, и потому изъ всѣхъ силъ стерегли ее сонъ.

Маланья чуть не три фунта бѣлыхъ грибовъ засушила. Она всякій годъ продавала сушеные грибы священнику въ Сигово. Посолила большую кадуюшку груздей и другую, поменьше, рыжиковъ, а самые мелкіе рыжики отнесла о. Ивану для мариновки. Давно уже она должна была о. Ивану за исповѣдь, да все нечѣмъ ей было ему заплатить.

— Ничего, что не деньги; вѣдь еслибы ты не принесла, такъ покупать же бы рыжики-то я сталъ,—сказалъ о. Иванъ на ея извиненія.

— Ну, ужъ и поѣдимъ же нынѣ зимоньку всласть—всего уродилось!—лиговала Маланья, буча кадуюшки вересомъ, приготавливая кружки и гнетъ и обрѣзывая корни грибовъ, которые у нея тоже шли въ дѣло—на похлебку.

— Все-то ты, суета, суетишься! Всѣ грибы въ лѣсу одна обобрала, а мы-то какъ, мы-то чтѣ солить будемъ?—крикнула ей разъ Абросимовна черезъ заборъ, остановившись противъ ея крыльца по дорогѣ къ рѣкѣ.

— Дай-ка мнѣ коромысло-то — я помоложе тебя. Эхъ вѣдь ты его нагрузила, инда гнется—проговорила Маланья, не отвѣчая на замѣчаніе Абросимовны, и, съ быстротою вѣтра вылетѣвъ за ворота, сняла съ нея коромысло съ бѣльемъ, опустила его на свое плечо и чуть не бѣгомъ пустилась подъ гору.

— Это ли не аказія—осередь бѣла дня ограбили!—воскликнула Абросимовна, всплеснувъ руками отъ неожиданности. Но она была, конечно, довольна услугой Маланьи, и чтобы не остаться у нея въ долгу, все время, пока та была на рѣкѣ, сидѣла у нея на крыльцѣ и обрѣзывала корни грибовъ, намоченныхъ въ ведрѣ и ворчагѣ и стоявшихъ тутъ же на рундукѣ.

— Полно ты, не благодари,—говорила Маланья, передавая

коромисло обратно уже съ выполосканнымъ бѣльемъ:—хочешь ли, а полы тебѣ вымою и баню истоплю? Мнѣ недолго и за привычку, а тебѣ гдѣ подъ старость лѣтъ гнуться. И то мало ли мѣсто одна-одинехоньва настирала, и все.—поглядѣла я—больше Андреево...

Абросимовна только вздохнула.

— Вправду, Абросимовна, я прибѣгу, вымою полы-то? Покуда Андрюшиха у тятеньки своего гостить, такъ я хоть въ избѣ-то у васъ побываю. При ней когда и подумаешь зачѣмъ зайти—все равно въ уши упираетъ... Хоть сердись ты на меня, хоть не сердись—не люблю я вашу молодушку да и все тутъ.

— И мы-то сами вѣдь этакъ же, все равно, передъ Богомъ, какъ связаны,—призналась Абросимовна.

— Говори толкомъ, когда къ тебѣ прибѣжать? Не подумай, что я изъ-за ряды пропущу,—такъ вѣдь я, ничего мнѣ не надо. Только скажи когда, я и прибѣгу.

— Ну, вотъ поуберешься съ грибами-то, такъ и приходи. Наши, надо быть, завтра вечеромъ съ пожни приватятся; заказывалъ Андрей съ ямщикомъ, что завтра, вотъ у насъ баня-то и пойдетъ въ самый разъ,—сдалась, наконецъ, Абросимовна.

— Самъ-то Андрей, поди, завтра-то еще не придетъ; погостить, поди, и онъ у теста вмѣстѣ со жenuшкой.

— Некогда же бы больно гостить-то,—станція-то у насъ совсѣмъ эти дни безъ призору,—да кто ихъ знаетъ, нонче у насъ всѣ бѣднѣе... Кабы и Настасьѣ дома не сидѣть, мало ли теперь по дому работы; такъ вѣдь какъ нарочно къ этому самому времени и приноровила свою гостьбу... И такъ-то вѣдь она у насъ никогда въ теплу воду руки не опуститъ,—все подай, да налей...

— Чѣмъ свѣтъ приду къ тебѣ завтра.

— Какъ вотъ хоть тебя же не помянешь!—вздохнула Абросимовна еще разъ.

На другой день Маланья долго пробыла у Лобановыхъ, помогая Абросимовнѣ стирать и въ тайнѣ надѣясь, что еще сегодня же увидитъ Федора. Ей почему-то очень хотѣлось, чтобы онъ засталъ ее у нихъ въ домѣ,—можетъ быть, просто потому, что этого очень ужъ давно не случалось. „Опять бы вмѣстѣ за столъ сѣли, ровно одна семья, точно бы и я ихняя“,—мечтала Маланья среди работы. Но вотъ и полы вымыты, и баня истоплена, солнышко давно сѣло, она поужинала съ одними стариками и совсѣмъ собралась уходить, а восцовъ все нѣтъ.

Уложивъ дѣтей спать, Маланья вышла посидѣть на крыльцѣ.

Самой ей спать совсѣмъ не хотѣлось, да и не могла она спать, она ждала. Шутка ли, цѣлыхъ десять дней не видала она Ѳедора!

Но точно ли она его не видала все это время? развѣ не стоялъ онъ тутъ передъ нею каждую минуту неотступно? Вотъ и сейчасъ, она не вспоминаетъ только, а прямо видитъ, какъ Ѳедоръ мечетъ сѣно. И всѣхъ-то онъ выше, всѣхъ красивѣе, сильнѣе всѣхъ: на его вилахъ каждый разъ не охапка, какъ у другихъ, а цѣлый возъ сѣна; онъ шутя заноситъ его и кладетъ на самый верхъ перемета такъ ловко, что ни одна володеа не спрыгнетъ. Всѣ устали, потъ со всѣхъ такъ и льетъ, онъ одинъ не усталъ, его бѣлая рубашка суха, темные кудреватые волосы не растрепаны, онъ улыбается, шутить...

„Ну и дѣтина! Сотворилъ же Господь — ужъ истинно, что на радость!“ — думаетъ Маланья въ умилени.

Въ воздухѣ душно, несмотря на ночь, и, можетъ быть, отъ этой духоты въ сердцѣ Маланьи такое смятеніе: то ей станетъ хорошо и весело, то вдругъ слезы сами собой текутъ и мочать ей лицо и руки.

„Можетъ, и вправду ласточки приносятъ счастье? — думаетъ она: — не даромъ же люди говорятъ... Никогда до этой поры не водилось у нихъ подъ крышей ласточкиныхъ гнѣздъ, а нынѣ вдругъ цѣлыхъ два! Да вѣдь еще и надъ крыльцомъ, какъ нарочно... И все нынче какъ-то иначе: солнышко свѣтитъ точно умытое, черемухи и рябины цвѣтутъ до сихъ поръ, — никогда онѣ прежде не цвѣли такъ долго! — а ночи? — что за теплынь! Даже и птицы въ лѣсу покоятъ нынѣ особенно какъ-то весело“.

„Почему это Ѳедоръ весной всякій разъ, какъ полола я гряды или поливала росаду, всегда что-нибудь дѣлалъ въ своемъ огородѣ, и когда мнѣ случалось смотрѣть въ его сторону, онъ также смотрѣлъ на меня? — вспоминала Маланья. — Почему онъ, куда бы ни шла я, — за водой ли, во льны ли, или на базаръ въ Покровское, — вѣчно встрѣчался мнѣ и то шелъ въ попутъе, то такъ, бывало, постоятъ, поговорить?“ — спрашивала она себя, совершенно позабывая, что и всѣ другіе ея сосѣди встрѣчались ей на каждомъ шагу и „то шли ей въ попутъе, то такъ, случалось, стояли и говорили съ нею“.

Маланья не даромъ ждала: въ серединѣ ночи она ясно слышала скрипъ телѣгъ у околицы и была увѣрена, что это Ѳедоръ возвращается. Скоро въ этомъ не оставалось уже никакого сомнѣнія; телѣги въѣхали въ улицу и остановились у воротъ Тита Андроныча, и теперь можно было различить не только голоса, но и то, что говорили.

— Ну, вы въѣзжайте съ Богомъ, а я сбѣгаю выкупаюсь до бды; вуды ты, Филька, прешь? сорвешь, вѣдь, верею-то... Сдержи, тебѣ говорятъ! не видишь, что-ли?—прозвучалъ въ темнотѣ голосъ Ѳедора и вслѣдъ затѣмъ послышались его шаги, направлявшіеся къ рѣкѣ мимо дома Маланьи.

Сердце Маланьи дрогнуло и замерло, потомъ дрогнуло опять, и она, не сознавая, что дѣлаетъ, въ безумной тревогѣ радости, стрѣлой подлетѣла къ тому мѣсту забора, гдѣ Ѳедоръ обыкновенно стоялъ, когда разговаривалъ съ нею, и, затаивъ дыханіе, стала ждать.

Онъ въ ту же минуту показался, но, проходя мимо, даже не взглянулъ на ея заборъ.

Маланья сѣла на мѣстѣ какъ подкошенная. Она опустила голову на руки, закрыла глаза и долго сидѣла такъ, казалось, ни о чемъ не думая. Ее точно придавило что. Кругомъ—одно пустое пространство и темнота. Какъ пьяная, поднялась она на свое крыльцо, чтобы идти спать, но въ эту ночь она такъ ни на волосъ и не заснула.

В. Шировъ.

ГУСТАВЪ IV и ЕКАТЕРИНА II

въ 1796 г.

IV. РАЗМОЛВКА *).

Какъ мы видѣли выше, вопросъ объ исповѣданіи невѣсты былъ поднятъ еще до пріѣзда короля въ Петербургъ; онъ казался вполне улаженнымъ въ смыслѣ желаній императрицы Екатерины. Затѣмъ на балу у Самойлова самъ король опять-таки возбудилъ этотъ вопросъ, а тремя днями позже онъ же казался уступчивымъ, и не было повода ожидать особеннаго усложненія. Русскіе государственные люди находили, что на лицѣ, окружавшихъ короля, можно было рассчитывать для устройства дѣлъ сообразно съ желаніями Екатерины. Такъ напр., графъ Морковъ писалъ къ генералу Будбергу 22-го августа: „Тѣ, что вы сообщили намъ относительно намѣреній, коихъ держится въ настоящее время баронъ Рейтергольмъ, подтвердилось буквально. Это единственный человѣкъ, который можетъ все устроить и окончить. Онъ дѣйствуетъ съ прямодушіемъ и добросовѣстностью, которая производитъ въ настоящее время то, чего никогда не сдѣлали бы люди, которые бы старались хитрить и портить дѣло. Надѣюсь скоро имѣть удовольствіе сообщить вамъ, что мы сошлись, наконецъ, во всемъ“¹⁾.

При изложеніи неблагопріятнаго оборота, который приняло дѣло, мы, по необходимости, должны указать, какъ и прежде, на существенную разницу устныхъ разсказовъ и письменныхъ, доку-

*) См. выше: сентябрь, стр. 5.

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 299.

ментальныхъ источниковъ. Въ повѣствованіяхъ Массона, Карновича и Чумикова встрѣчаются анекдотическія черты, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ не вяжутся съ архивными данными. Такъ какъ, однако, нѣкоторыя подробности въ разсказахъ вышеназванныхъ писателей, которые развѣ только въ видѣ исключенія сообщаютъ ссылки на кое-какіе источники, не лишены интереса и не безъ исключенія опровергаются находящимися въ нашемъ распоряженіи матеріалами, то не считаемъ себя въ правѣ обойти ихъ молчаніемъ. Вотъ нѣкоторыя данныя о ходѣ дѣла до 11-го сентября.

Массонъ пишетъ: „Хлопоты объ окончательномъ заключеніи столь желаннаго союза продолжались. Единственное препятствіе заключалось въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи. Екатерина предчувствовала настроеніе своего двора по этому поводу, и потому посоветовалась съ митрополитомъ, можетъ ли ея внука отречься отъ православія; вмѣсто отвѣта, который могъ бы удовлетворить государыню вполне, митрополитъ ограничился слѣдующими словами: „Все въ волѣ вашего величества“. Императрица, не найдя поддержки въ мнѣніи своего духовнаго отца, котораго считала болѣе уступчивымъ, захотѣла быть болѣе русскою, чѣмъ сами русскіе, и для удовлетворенія національной гордости рѣшила возвести на шведскій престолъ государыню греко-россійскаго исповѣданія. Насколько это предпріятіе казалось императрицѣ необыкновеннымъ и унижательнымъ для народа и правительства шведскаго, настолько же оно льстило тщеславію государыни и ея министровъ. Сверхъ того, тѣ духовныя лица, которыми императрица намѣрена была обручать юную королеву, были въ ея глазахъ людьми вѣрными и способными поддерживать всѣ дѣйствія Александры Павловны въ интересахъ Россіи. Король былъ влюбленъ, очарованъ; регентъ, казалось, былъ на сторонѣ императрицы; можно ли было послѣ столь рѣшительныхъ приступовъ сомнѣваться, что они откажутся уладить дѣло? Въ частныхъ разговорахъ этотъ вопросъ затрогивался слегка, потому что никто не предполагалъ крайней неуступчивости въ самой Екаторинѣ, и король, съ своей стороны, далъ понять, что изъ уваженія къ требованіямъ русской націи, великая княжна не будетъ обязана произносить формальнаго отреченія“ ¹⁾ и пр.

Слѣдуя, главнымъ образомъ, разсказу Массона, Карновичъ, какъ кажется, воспользовался кое-какими еще иными источниками при изложеніи этого вопроса. Онъ пишетъ: „Проникнувъ въ вар-

¹⁾ Mémoires secrets, I, 18—20.

ные замыслы регента, она рѣшилась предупредить ихъ и съ этою цѣлью обратилась къ избраннымъ изъ среды духовенства лицамъ съ секретнымъ вопросомъ: возможно ли будетъ, въ виду чрезвычайныхъ интересовъ государства, чтобы великая княжна отреклась по внѣшности отъ греческой церкви и приняла лютеранскую вѣру? На этотъ вопросъ духовные отвѣчали отрицательно, добавивъ, впрочемъ, что воля самой государыни выше ихъ мнѣнія. Между тѣмъ герцогъ черезъ своихъ агентовъ распускалъ въ Петербургѣ слухъ, что король никоимъ образомъ не согласится вступить въ бракъ съ великою княжною, если невѣста не присоединится къ лютеранской церкви. Молва объ этомъ дошла до императрицы и поставила ее въ чрезвычайное затрудненіе. Встрѣчая препятствія со стороны религіозной при обрученіи короля съ великою княжною, императрица могла предвидѣть, что они повторятся и при самомъ бракѣ, при чемъ, независимо отъ этого, можетъ прибавиться еще новый вопросъ о мѣстѣ бракосочетанія короля. Желая предрѣшить его, императрица поручила синоду рассмотретьъ вопросъ на будущія времена о бракѣ особы, состоящей въ другой религіи, съ особою императорскаго дома... 9-го сентября 1796 года синодъ разсматривалъ этотъ вопросъ¹⁾, и пр.

Ко всѣмъ неизвѣстно откуда заимствованнымъ даннымъ Карновичъ прибавляетъ еще замѣтку о фактѣ очень сомнительнаго свойства. Онъ пишетъ: „Между тѣмъ баронъ Армфельдтъ, оставшійся пока въ тѣни и жившій въ Петербургѣ инкогнито, хлопоталъ о томъ, чтобы уладить задуманный бракъ. Онъ видался съ королемъ секретно и... внушалъ ему не заботиться о различіи религіи и предоставить королеву оставаться въ той вѣрѣ, въ какой она родилась. Король сообщилъ объ этомъ регенту, который напугалъ Густава возстаніемъ въ Швеціи, если королева не будетъ лютеранкою“¹⁾.

Чѣмъ менѣе эти частности соотвѣтствуютъ тому, что мы знаемъ изъ вполне достовѣрныхъ, документальныхъ источниковъ, тѣмъ болѣе должно сожалѣть объ отсутствіи цитатъ въ разсказѣ Карновича. О присутствіи Армфельдта въ Петербургѣ въ это время мы не находимъ никакихъ данныхъ въ другихъ источникахъ; можно считать почти невозможнымъ, чтобы Армфельдтъ въ эти дни могъ имѣть секретныя свиданія съ Густавомъ, а далѣе мы, основываясь на разныхъ данныхъ, имѣемъ основаніе думать, что регентъ не только не настаивалъ на принятіи великою княжною лютеранской вѣры, но даже уговаривалъ короля быть уступчивымъ въ этомъ отношеніи.

¹⁾ Др. и Нов. Россія, 1879, I, 279—280.

Г. Чумиковъ въ своей статьѣ сообщаетъ нѣкоторыя данныя, не лишеныя интереса, и порицаетъ образъ дѣйствій Екаторины при этомъ случаѣ. Онъ пишетъ: „Наибольшее затрудненіе представляла статья, относящаяся до свободы совѣсти и отправленія будущей королевою обрядовъ. Здѣсь Густава-Адольфа одолѣвали различныя мелочныя сомнѣнія, служившія предвѣстникомъ тѣхъ странностей, которыя, въ несчастію Швеціи, развились у него впоследствии. Не разъяснено еще, кто поселилъ въ его молодой головѣ такіе устарѣлыя взгляды: былъ ли то законоучитель Флюдинъ, или кто иной. Наконецъ, удалось условиться и касательно этой статьи: королевѣ разрѣшалось имѣть молельню въ своихъ внутреннихъ покояхъ, гдѣ она могла бы спокойно исполнять обряды православной церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязывалась она при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, гдѣ по обычаю присутствуетъ королева вмѣстѣ съ королемъ, принимать участіе въ лютеранскихъ церемоніяхъ. Король увѣрялъ императрицу, что онъ намѣренъ строго исполнять это условіе, и то же повторяли шведскіе министры русскимъ; въ дѣйствительности же онъ все-таки не могъ совладѣть съ своими причудами, и по внушенію ли извнѣ, или по какимъ другимъ причинамъ, но въ его мысляхъ внезапно произошла перемѣна... Онъ никакъ не могъ помириться съ мыслью, что шведская королева будетъ исповѣдовать православную вѣру. Повидимому и между его окружающими были также лица, которыя поддерживали въ королѣ эти сомнѣнія. Къ числу этихъ лицъ могъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принадлежать его любимецъ Флемингъ; говорятъ, будто бы онъ по этому поводу написалъ къ королю письмо на 12 страницахъ“.

„Съ другой стороны,—продолжаетъ г. Чумиковъ,—нельзя не признать неосторожности, которую обнаружила Екаторина въ этомъ дѣлѣ. Разъ король далъ формальное обѣщаніе удовлетворить ее по статьѣ о вѣроисповѣданіи, было бы гораздо благоразумнѣе не затрогивать болѣе этой чувствительной струны, но, напротивъ, сочли необходимымъ, вслѣдствіе подозрительности, требовать отъ короля въ самый день обрученія формальнаго письменнаго обязательства, которое женихъ долженъ былъ подписать за нѣсколько минутъ до назначенной церемоніи. Русскій кабинетъ этимъ не удовольствовался. Морковъ, составлявшій эту бумагу, въ предположеніи, что король, ослѣпленный любовью къ невѣстѣ, будетъ не въ состояніи прекословить, внесъ отъ себя въ этотъ документъ нѣкоторыя сомнительныя условія, предоставлявшія королевѣ гораздо болѣе обширныя вѣроисповѣдныя права, нежели тѣ, о ко-

торыхъ состоялось соглашеніе. Эта уловка не удалась и произвела совершенно противоположное дѣйствіе“¹⁾).

Г. Чумикову не были извѣстны ни бумаги Будберга, ни драгоценныя данныя архива въ Павловскѣ; обвиняя Екатерину и Морзева, онъ не обращалъ вниманія на нѣкоторыя обстоятельства, объясняющія образъ дѣйствій императрицы.

Разсказавъ Будбергу въ письмѣ отъ 17-го сентября о томъ, что происходило на балу у Самойлова и затѣмъ на балу у Кобенцеля, гдѣ король объявилъ, что отказывается отъ всѣхъ сомнѣній, Екатерина продолжаетъ: „Но такъ какъ я предвидѣла возобновленіе этихъ сомнѣній, я приказала составить отдѣльную статью договора, которая обезпечивала бы королевѣ свободу совѣсти и свободное исповѣдованіе религіи, въ которой она рождена и воспитана. Я сдѣлала болѣе: я написала королю письмо, копія съ котораго прилагается здѣсь подъ № 1. Въ письмѣ этомъ, какъ вы увидите, я привела всѣ доводы, самыя убѣдительныя, какіе только могла придумать. Между тѣмъ король сообщилъ мнѣ, что сомнѣнія его побѣждены, и какъ я носила письмо мое въ карманѣ, чтобъ вручить ему въ тотъ же день, то я вынула его изъ кармана и передала ему, говоря: это поможетъ вамъ утвердиться въ чувствахъ, которыя вы мнѣ выразили; прошу васъ прочесть это письмо со вниманіемъ, когда вы вернетесь съ бала. Онъ взялъ письмо и положилъ въ карманъ. На другой день, во время фейерверка, въ ложѣ, гдѣ мы сидѣли вмѣстѣ, графъ Гага благодарилъ меня за мое письмо и сказалъ мнѣ, что сожалѣетъ только о томъ, что я не знаю его сердца, что онъ неспособенъ огорчить кого-либо, особенно великую князю, столь для него дорогую“¹⁾).

Вотъ письмо Екатерины, переданное ею самому королю и принятое имъ столь благосклонно.

„Согласны ли вы со мною, мой любезный братъ, что заключить бракъ, коего вы, какъ сами сказали мнѣ, желаете, слѣдуетъ не только въ интересахъ вашего государства, но и въ вашемъ личномъ интересѣ?

„Если ваше величество съ этимъ согласны и увѣрены въ этомъ, то нужно ли, чтобъ религія продолжала быть препятствіемъ вашимъ желаніямъ?

„Да будетъ мнѣ позволено сказать вамъ, что даже епископы ваши не найдутъ чего-либо возразить противъ вашихъ желаній

¹⁾ Русскій Архивъ, 1887, I, 79—82.

²⁾ Сборн. Ист. Общ., IX. 302.

и поспѣшать устранить всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи. Дядя вашего величества, ваши министры и всѣ тѣ, кои по долговременной службѣ, привязанности и вѣрности особѣ вашей наиболѣе имѣютъ право на довѣріе, не находятъ въ этой статьѣ ничего, что стѣснило бы вашу совѣсть, ничего, угрожающаго спокойствію вашего правленія.

„Подданные ваши не только не осудятъ вашего выбора, но будутъ рукоплескать ему съ восторгомъ и станутъ по прежнему благословлять и обожать васъ, ибо вамъ будутъ обязаны они вѣрнымъ залогомъ ихъ благоденствія и спокойствія общественнаго и частнаго.

„Этотъ выборъ—я смѣю сказать это—докажетъ ваше благоуміе и разборчивость и увеличитъ только похвалы вамъ со стороны вашего народа.

„Отдавая вамъ руку моей внуки, я внутренно убѣждена, что дѣлаю вамъ самый цѣнный даръ, какой только въ моей власти сдѣлать вамъ, и который всего лучше можетъ убѣдить васъ въ искренности и глубинѣ моего къ вамъ расположенія и дружбы. Но, ради Бога, не возмущайте счастье ея и ваше собственное, прамѣшивая къ нему предметы совершенно посторонніе, о которыхъ и вамъ, и другимъ слѣдуетъ хранить глубокое молчаніе; въ противномъ случаѣ вы дадите доступъ безконечнымъ неудовольствіямъ, интригамъ и сплетнямъ.

„По извѣстной вамъ материнской нѣжности моей къ внуки вы можете судить, какъ я забочусь о ея счастіи. Я не могу не сознавать, что оно сдѣлается нераздѣльнымъ съ вашимъ, какъ скоро она соединится съ вами узами брака. Неужели я могла бы согласиться устроить этотъ бракъ, еслибы видѣла въ немъ что-либо опасное или неудобное для вашего величества и если бы, напротивъ, не видѣла въ немъ всего, что можетъ утвердить ваше счастье и счастье моей внуки?

„Ко всѣмъ этимъ доводамъ, которые не могутъ не повліять на рѣшеніе вашего величества, я прибавлю еще одинъ, важность всего имѣетъ наибольшее право на ваше вниманіе. Проектъ брака составленъ и выработанъ покойнымъ королемъ, отцомъ вашимъ. Говоря объ этомъ извѣстномъ фактѣ, я не соплюсь ни на свидѣтелей изъ вашей націи, ни на свидѣтелей русскаго происхожденія, хотя ихъ множество; но я назову французскихъ принцевъ и кавалеровъ ихъ свиты, свидѣтельство коихъ тѣмъ менѣе можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, что въ этомъ дѣлѣ они лица совершенно незаинтересованныя. Находясь вмѣстѣ съ покойнымъ королемъ въ Спа, они часто слышали его сужденія объ этомъ

проектъ, какъ о такомъ, который, повидимому, былъ ему болѣе всего по сердцу и осуществленіе котораго могло бы лучше всего упрочить доброе согласіе и расположеніе между двумя царствующими домами и двумя государствами.

„Теперь, если этотъ проектъ есть мысль покойнаго короля, отца вашего, какъ же могъ этотъ государь, столько же просвѣщенный, сколько исполненный нѣжности въ своему сыну, какъ могъ онъ задаться мыслью о томъ, что рано или поздно могло бы повредить вашему величеству и отнять у васъ любовь подданныхъ? Что проектъ этотъ былъ результатомъ глубокаго и долгаго его обсужденія, это вполне доказываютъ всѣ его дѣйствія. Едва онъ утвердилъ власть въ своихъ рукахъ, какъ внесъ въ сеймъ великій законъ о всеобщей терпимости всѣхъ религій, чтобы въ этомъ отношеніи навсегда разсѣять мракъ, порожденный вѣками фанатизма и невѣжества, мракъ, возобновлять который въ настоящее время было бы безразсудно и постыдно. На сеймѣ въ Гевле онъ еще болѣе обнаружилъ свои предначертанія, обсудивъ и рѣшивъ, вмѣстѣ съ наиболѣе близкими своими подданными, что въ будущемъ бракъ его сына и преемника соображеніе о могуществѣ дома, съ которымъ онъ вступить въ связь должно преобладать надъ всѣми другими соображеніями и что различіе религій не должно въ этомъ случаѣ составлять какого-либо препятствія. Я приведу здѣсь объ этомъ именно Гевльскомъ сеймѣ анекдотъ, дошедшій до моего свѣденія и который всѣ могутъ подтвердить вашему величеству. Когда рѣшался вопросъ объ установленіи народной подати на случай вашего брака, въ актѣ сказано было объ этомъ такъ: *при бракѣ наследника престола съ принцессою лютеранскаго исповѣданія*. Епископы, прочитавъ проектъ этого акта, по собственному побужденію вычеркнули слова: *съ принцессою лютеранскаго исповѣданія*.

„Наконецъ, удостойте вашимъ довѣріемъ опытность тридцатилѣтняго царствованія, въ теченіе коего я имѣла успѣхъ въ большей части моихъ предпріятій. Опытность эта вмѣстѣ съ самою искреннею дружбою даетъ мнѣ смѣлость дать вамъ совѣтъ, самый искренній и вѣрный, съ единственною цѣлью упрочить вашу счастливую будущность.

„Вотъ мое послѣднее слово:

„Русской княжнѣ не подобаетъ перемѣнять религію. Дочь императора Петра I вышла замужъ за герцога Карла-Фридриха Гольштинскаго, сына старшей сестры короля Карла XII. Она не измѣнила религій по поводу этого. Права сына ея на наследствіе шведскаго престола были тѣмъ не менѣе признаны госу-

дарственными чинами, которые отправили къ нему въ Россію торжественное посольство, чтобы предложить ему корону. Но императрица Елизавета уже объявила этого сына своей сестры русскимъ великимъ княземъ и будущимъ своимъ наслѣдникомъ. Тогда рѣшили и скрѣпили это предварительными статьями Абоскаго трактата, что дѣдъ вашего величества будетъ избранъ наслѣдникомъ шведскаго престола, что и осуществилось впоследствии. Итакъ, вотъ уже двѣ русскія княжны, вошедшія на шведскій престолъ въ восходящей линіи вашего величества; онѣ открыли блестящимъ дарованіямъ вашимъ путь къ царствованію, которому я всегда желаю возможно большаго успѣха и благополучія.

„Позволю себѣ откровенно прибавить, что вашему величеству необходимо слѣдуетъ побороть всѣ препятствія и недоумѣнія, которыя устраняются уже многими доводами и которыя могутъ только вредить вашему счастью и счастью вашего государства.

„Скажу болѣе: по моему личному дружественному расположенію къ вамъ, которое не ослабѣвало со времени вашего рожденія, я должна обратить ваше вниманіе на то, что время не терпитъ, и что если вы не рѣшите дѣла въ настоящую, столь дорогую для меня, минуту, когда вы здѣсь, оно можетъ совершенно погибнуть, вследствие тысячи препятствій, которыя представятся, лишь только вы уѣдете, и что, съ другой стороны, если несмотря на основательные и неопровержимые доводы, приведенные вамъ, какъ мною, такъ и всѣми лицами, наиболѣе заслужившими ваше довѣріе, религія должна служить непреодолимымъ препятствіемъ дѣлу, котораго вы желали, повидимому, восемь дней тому назадъ,—вы можете быть увѣрены, что съ этой минуты никогда не будетъ болѣе рѣчи о бракѣ, столь дорогомъ для нѣжнаго чувства моего къ вамъ и къ моей внукѣ.

„Приглашаю ваше величество внимательно обсудить все мною вамъ изложенное и молю Бога, направляющаго сердца государей, чтобъ онъ просвѣтилъ ваши мысли и внушилъ вамъ рѣшеніе, соответствующее благу вашего народа и личному вашему счастью“ ¹⁾.

Эта записка, имѣвшая значеніе дипломатической ноты, могла даже считаться тѣмъ-то въ родѣ ультиматума. Екатерина поставила вопросъ ребромъ и сказала „последнее слово“. Если она не желала разрыва, то не ошиблась въ расчетѣ на уступчивость короля. Ей было извѣстно настроеніе умовъ людей, окружавшихъ

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 309—315.

короля, шведскихъ государственныхъ саповниковъ. Ясность и рѣшимость господствовали въ образѣ дѣйствій Екатерины. Король, напротивъ, обнаруживаетъ нѣкоторую шаткость мнѣній и неопытность, легко объяснимую его лѣтами. На балу у Самойлова онъ спорилъ-было о религiи; тремя днями позже онъ объявилъ, что согласенъ не дѣлать затрудненiй по вопросу объ исповѣданiи невѣсты; получивъ и прочитавъ записку, такъ сказать, ультиматумъ Екатерины, онъ на другой же день объявилъ, что совершенно доволенъ и не желаетъ огорчать кого-либо. Это заявленiе, о которомъ пишетъ сама Екатерина, могло считаться равносильнымъ обѣщанiю, что съ его стороны не будетъ препятствiя по поводу вопроса объ исповѣданiи невѣсты. Образъ дѣйствiй короля немедленно послѣ бала у Кобенцеля, гдѣ, какъ мы видѣли, шведскiе гости сблизились съ членами царской фамилии, заставляя ожидать, что самъ Густавъ по вопросу о религiи будетъ уступчивѣе. Такъ и Екатерина смотрѣла на ходъ дѣла, какъ видно изъ ея разсказа въ письмѣ къ Будбергу отъ 17-го сентября: „Такъ какъ, повидимому,—писала Екатерина, говоря о событияхъ между 2 и 11 сентября,—больше не могло встрѣтиться препятствiй, ибо отправленъ уже былъ курьеръ къ герцогу мекленбургскому съ извѣщенiемъ объ отказѣ, и затрудненiя относительно религiи были вполнѣ устранены словесными объясненiями моими съ королемъ, то удовольствiе и веселье преобладало со всѣхъ сторонъ. Король становился день ото дня внимательнѣе и желалъ сколь возможно чаще видѣть великую княжну. Послѣ бала онъ видѣлъ ее три раза: два у великой княгини-матери, въ присутствiи регента, посла, великой княжны Елены и генеральши Ливенъ, и третiй въ присутствiи великаго князя Александра и супруги его, Елены, генеральши Ливенъ, регента и Стединка. Великой княгини-матери не было тогда въ городѣ. Его частые визиты побудили меня рѣшиться 8-го сентября, во время бала, который давала я въ большомъ залѣ Таврическаго дворца, предложить регенту сдѣлать обрученiе по правиламъ нашей религiи съ благословенiемъ епископа. Регентъ тотчасъ же согласился и отправился сообщить объ этомъ своимъ министрамъ и потомъ королю, который уговорился уже съ великою княгинею-матерью просить меня сдѣлать это предложенiе регенту. Черезъ часъ герцогъ пришелъ сказать мнѣ, что король на это согласенъ отъ всего сердца. Я спросила его, будетъ ли обрученiе съ церковнымъ благословенiемъ или же безъ такового. Онъ отвѣтилъ мнѣ: съ благословенiемъ, по вашей вѣрѣ, и просилъ назначить день; тогда, подумавъ, я сказала ему: въ четвергъ, въ мои же покоевъ, такъ какъ

они желаютъ, чтобы это произошло частнымъ образомъ, не въ церкви, въ томъ соображеніи, что въ Швеціи бракъ этотъ долженъ быть объявленъ публично лишь по совершеннолѣтіи короля¹⁾.

Такимъ образомъ, насталъ день обрученія, четвергъ, 11-го сентября. Въ этотъ день, въ полдень, великій князь Павелъ Петровичъ получилъ отъ императрицы записку слѣдующаго содержанія: „Посланникъ говорилъ вчера то же самое. Надѣюсь, что съ Божьей помощью все устроится въ взаимному удовольствію. Кланяюсь вамъ обоимъ. Самое трудное сдѣлано“²⁾.

Значить, въ самый роковой день, назначенный для обрученія, все-таки были кое-какія затрудненія, но Екатерина, несмотря на все это, надѣялась на успѣхъ.

И шведскіе, и русскіе современники, писавшіе объ этомъ событіи, высказали мнѣніе, что государственные люди, шведскіе и въ особенности русскіе министры, слишкомъ поздно принялись за рѣшеніе вопроса о религіи, за формулированіе условій, при которыхъ будущая шведская королева, не переходя въ лютеранскую вѣру, могла свободно отправлять богослуженіе по православному обряду въ Стокгольмѣ. Шведскій посланникъ Стединъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ о вліяніи бывшаго наставника короля; епископа Флодина, на короля, въ смыслѣ нетерпимости, и о требованіи русскаго правительства, чтобы въ шведской столицѣ была устроена часовня (*chapelle*), гдѣ королева могла бы „*vivre les rites de son culte*“. „Но,—продолжаетъ Стединъ,—что было особенно странно во всемъ этомъ дѣлѣ, что вопросъ о религіи былъ какъ бы забытъ въ прелиминарныхъ условіяхъ брачнаго договора и что заговорили о немъ не раньше, какъ въ самый день, назначенный для обрученія“³⁾.

Мы видѣли, что важный вопросъ о религіи былъ затрогиваемъ и прежде; сама Екатерина написала записку, относящуюся къ этому предмету. Но дѣйствительно, не раньше какъ въ самый день обрученія происходило первое формальное засѣданіе, въ которомъ обсуждались частности этого вопроса, и въ этомъ засѣданіи главную роль игралъ графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ. Именно его считали главнымъ виновникомъ неудачи переговоровъ. Карабановъ пишетъ: „Императрица, опираясь на свой умъ и могущество, сдѣлала большую ошибку, назначивъ для переговоровъ съ прибывшими шведскими особами гр. А. И. Моркова. Безпокойный его нравъ, находя возможность величаться и

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 303—304.

²⁾ Р. Старина, IX, 485—486.

³⁾ Mémoires de Stedingk, изд. его затемъ Вьёрншерва, II, стр. 3.

мстить въ Петербургѣ стогольмскимъ непріателямъ, все дѣло испортилъ“¹⁾. Князь Адамъ Чарторыйскій въ своихъ запискахъ упрекаетъ Моркова и Зубова въ томъ, что они, желая избѣгнуть участія въ этомъ дѣлѣ графа Безбородки, дѣйствовали за спиною послѣдняго и обнаруживали при этомъ легкомысліе и чванство, и въ этомъ источникѣ сказано, что король не хотѣлъ формально и письменно согласиться на устройство православной часовни въ Стогольмѣ для будущей королевы²⁾. Въ статьѣ г. Чумикова, какъ и при другихъ случаяхъ, встрѣчаются данныя очень сомнительнаго свойства. „Морковъ,—сказано у Чумикова,—внесъ отъ себя въ документъ брачнаго договора условія, предоставлявшія королевы гораздо болѣе обширныя вѣроисповѣдныя права, нежели тѣ, о которыхъ состоялось соглашеніе. Эта уловка не удалась и произвела совершенно противоположное дѣйствіе“. А въ этому прибавлено подъ страницу: „Стединъ убѣжденъ, что Морковъ въ этомъ случаѣ исполнялъ лишь приказаніе Екатерины; но по другимъ современнымъ свѣденіямъ (?) объясняется поступокъ Моркова совершенно постороннимъ побужденіемъ: увѣряютъ (?), что онъ былъ подкупленъ датскимъ дворомъ, который былъ встревоженъ шведскими видами на Норвегію. Извѣстно (?), что датскій посланникъ въ Стогольмѣ, графъ Бернсторфъ, отправился немедленно въ С.-Петербургъ вслѣдъ за Густавомъ-Адольфомъ, снабженный порядочною суммой денегъ. Стединъ увѣряетъ, что на случай брака съ великой княжной выговорено было Швеціей содѣйствіе Россіи въ приобрѣтеніи Норвегіи, но, сколько извѣстно, это условіе не вошло въ письменный договоръ, заключенный между Россіей и Швеціей“³⁾.

Отсутствіе ссылокъ въ разсказѣ г. Чумикова лишаетъ насъ возможности контроля столь важныхъ данныхъ, а въ тому же намъ о пребываніи датскаго дипломата въ Петербургѣ въ это время ничего неизвѣстно изъ другихъ источниковъ. Есть еще другіе разсказы, объясняющіе наступившій кризисъ и разладъ, но и тутъ источники остаются совершенно неизвѣстными. Такъ напр., г. Карновичъ пишетъ: „Благополучному исходу дѣлъ повредилъ въ особенности духовникъ короля, Флеммингъ, съ которымъ онъ посовѣтовался наединѣ послѣ прочтенія договора. Этотъ фанатикъ-пасторъ прямо заявилъ своему духовному сыну, что допущеніе устройства въ королевскомъ дворцѣ иновѣрческой

¹⁾ Русская Старина, V, 462.

²⁾ Mémoires (Paris, 1887), I, 120—121. О Морковѣ: „léger par suffisance, inattentif par orgueil et par dédain de ce qui n'était pas lui“.

³⁾ Р. Архивъ, 1887, I. 88.

церкви поведеть къ ниспроверженію въ Швеціи лютеранской вѣры и что вообще нельзя допустить подобнаго нечестія (sic)¹⁾. Откуда заимствованъ этотъ разсказъ? Кто могъ быть свидѣтелемъ такой бесѣды, происходившей „на-единѣ“? Значить, все это можетъ считаться лишь предположеніемъ. Г. Чумиковъ, опять-таки не указывая на какой-либо источникъ, пишетъ: „Екатерина жаловалась, что Стединкъ былъ отчасти виновникомъ всего случившагося. Въ гнѣвѣ своемъ она говорила: „Не кто иной, какъ Стединкъ, руководилъ конференціей; онъ придумалъ всевозможныя препятствія и, передавая Моркову ея рѣшеніе, нимало не старался измѣнить его“. Обвиненіе совершенно незаслуженное“²⁾.

Въ противоположность къ такимъ анекдотическимъ разсказамъ, неизвѣстно откуда заимствованнымъ, мы укажемъ на нѣкоторые разсказы современниковъ, бывшихъ свидѣтелями того, что происходило при дворѣ, и имѣвшихъ возможность узнать точно о ходѣ дѣла и въ конференціи, происходившей 11-го сентября.

Графъ Н. П. Панинъ сообщилъ князю Репнину въ письмѣ 19-го сентября: „Великая княгиня сохраняетъ свое вѣроисповѣданіе. Въ публикѣ ничего еще неизвѣстно, когда увидеть ея императорское высочество³⁾, но кажется вѣдъ всякаго сомнѣнія, что предполагаемое обрученіе лично не состоится. Общее мнѣніе, что во время споровъ самая энергичная оппозиція была со стороны молодого государя“. А затѣмъ, мѣсяцемъ позже, графъ Панинъ 14-го (25-го) октября писалъ къ Репнину: „При сообщеніи вамъ о томъ, что происходило здѣсь во время пребыванія короля шведскаго, опасеніе компрометировать себя принудило меня прибѣгать къ темнымъ выраженіямъ, и по этой же причинѣ я долженъ былъ въ своемъ письмѣ отъ 19-го сентября утверждать, какъ нѣчто положительное, что бракъ состоится. Этого надѣются, потому что извѣстія изъ Стокгольма благоприятны; но успѣхъ нашихъ желаній зависитъ отъ рѣшенія шведскаго духовенства. Необдуманнѣйшій и поспѣшнѣйшій поступокъ нашихъ министровъ при переговорахъ объ этомъ дѣлѣ почти разрушилъ союзъ въ моментъ, назначенный для обрученія. Вели переговоры на балу, въ оперѣ, на всѣхъ празднествахъ, не устроивъ ни одного правильнаго совѣщанія. Одинъ убѣждалъ герцога, другой говорилъ въ то же время съ Рейтергольмомъ и посланникомъ

¹⁾ Древняя и Новая Россія, 1879, I, 286.

²⁾ Р. Архивъ, 1887, I, 88.

³⁾ Въ русскомъ переводѣ французскаго письма Панина по ошибкѣ сказано: „Его и высочество“. „Son Altesse Impériale“ въ данномъ случаѣ не можетъ не относиться къ Александрѣ Павловичу.

(Стедингомъ). Всѣ статьи разбирали въ перемежку и изъ этого вышло недоразумѣніе относительно самой главной, т.-е. свободы исповѣданія. Объ этомъ спрашивали въ общихъ выраженіяхъ, и король отвѣтилъ, что не будетъ стѣснять совѣсти княжны, почему считали эту статью рѣшенною и назначили день обрученія. Между тѣмъ въ нашемъ кабинетѣ составили нѣчто въ родѣ официальнаго акта, заключавшаго увѣреніе, что великая княгиня будетъ имѣть церковь для свободнаго отправленія обязанностей своей религіи, желали, чтобы эта бумага была подписана молодымъ королемъ, и она была представлена ему утромъ въ день, назначенный для обрученія. Пораженный удивленіемъ, король отвѣтилъ, „что достаточно было бы его слова, что онъ считаетъ такого рода официальный актъ противорѣчащимъ основнымъ законамъ его страны, что онъ можетъ терпѣть религію королевы, но не покровительствовать ей публично при своемъ дворѣ“. Наконецъ, послѣ многихъ преній король самъ написалъ бумагу, содержащую сущность вопроса и увѣренія въ томъ, что совѣсть великой княжны не будетъ стѣсняема. Онъ скрѣпилъ эту бумагу своею подписью и отослалъ императрицѣ. Бумага эта не была принята, потому что требовали официальнаго торжественнаго акта. Тогда недоувѣріе и нерасположеніе заняли мѣсто единомыслія и добраго согласія, при которыхъ такъ легко можно было бы отстранить всѣ препятствія. Обрядъ былъ внезапно отмененъ“ ¹⁾, и пр.

Вотъ еще рассказъ другого сановника, графа П. В. Завадовскаго, который 16-го сентября писалъ графу С. Р. Воронцову: „Свадебное дѣло, казалось, шло какъ по маслу. Назначенъ былъ день для обрученія, и сѣздъ былъ для того; но женихъ сдѣлалъ запятую въ разсужденіи греческой церкви, чтобы быть оной въ его дворцѣ. Изъ радостной вышла сцена наименѣе приятнѣйшая, тѣмъ паче, что и публики во всѣ глаза на то смотрѣла. Отъ начала негоцированія приватно употребляли по оной одного графа Морьева; сей выдавалъ все слаженнымъ. Но въ тотъ самый день, когда взаимное министерство сѣхалось къ князю Зубову подписать контрактъ и актъ союза, встрѣтило шведское вышеупомянутый артикуль жаркимъ преніемъ. Неудовольство натурально возгорѣлось и шаги досады ознаменовало. Одного жаль, что случай сей, никѣмъ неожиданный, сдѣлался гласнымъ, а впрочемъ нельзя сомнѣваться, чтобы дѣло не возымѣло желаемого окончанія. Причина странности таковой есть молодость короля, кото-

¹⁾ Сб. Ист. Общ., XVI, 509 и 524—525.

рый рано надуть безмѣрно гордостью, въ родѣ Донъ-Кихота; за образецъ себѣ ставитъ Карла XII, не разумѣя слѣдствій, отъ его буйной головы происшедшихъ. Герцогъ и министерство жестоко напускаютъ на его поступокъ и уже поворотили на здоровый путь. Къ тебѣ, конечно, дойдутъ излишніе слухи; распространиться онымъ есть причина. Но не принимай всего съ полною вѣрою. Актъ будущаго брака и союза подписанъ будетъ. Король безъ того не уйдетъ, навѣрно. Обрученія дѣлать, какъ прежде хотѣли, теперь, можетъ, не стануть, не считая нужнымъ, а положить срокъ женитьбѣ при наступленіи королевскаго совершеннолѣтія. Въ дѣлѣ столь нѣжномъ и въ которомъ много пользы шведамъ, какъ имъ рисковать, чтобы оное не сбылось? Правда, могли бы избѣжать случившихся неприяностей. Но что о семъ разглагольствовать, когда уже зашли! Такъ или инако, но будетъ конецъ тотъ же“ ¹⁾.

Все это подтверждается рассказомъ императрицы въ ея письмѣ къ Будбергу отъ 17-го сентября. Тутъ сказано о событіи 11-го сентября: „При этой церемоніи (обрученія) со стороны короля должны были быть регентъ и трое государственныхъ чиновъ, а съ нашей стороны я, семейство мое и министры, коимъ назначено подписать договоръ, генералъ графъ Николай Салтыковъ и генеральша Ливень. Въ четвергъ 11-го сентября, въ день, назначенный для обрученія, въ полдень собрались шведскіе и наши уполномоченные, чтобы подписать договоръ. Наши, въ великому удивленію, увидѣли, что 4-й отдѣльной статьи, касающейся свободы вѣроисповѣданія великой княгини Александры, нѣтъ въ числѣ актовъ. Они спросили у шведовъ, куда они ея дѣвали. Тѣ имъ отвѣчали, что это распоряженіе короля, и что онъ хотѣлъ самъ объясниться объ этомъ со мною. Уполномоченные мои тотчасъ послали мнѣ сказать объ этомъ обстоятельстве; тогда было 4 часа пополудни; я сообразила, что до обрученія не увижу ни короля, ни регента, а что послѣ обрученія будетъ уже слишкомъ поздно говорить объ этомъ. Итакъ, я рѣшилась послать тотчасъ же графа Морцова къ регенту и королю сказать имъ о необходимости, чтобы эта статья прежде обрученія была подписана вмѣстѣ съ остальными статьями договора въ томъ видѣ, какъ о ней состоялось соглашеніе уполномоченныхъ. Онъ вернулся черезъ два часа съ плохими вѣстями, не добившись подписанія статьи. Тогда я ему продиктовала записку, которая содержала сущность отдѣльной 4-й статьи и приложена къ сему:

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, XII, 171.

въ копию подъ № 2, и велѣла сказать регенту, что если король подпишетъ эти строки, продиктованныя мною, я на время удовольствуюсь этимъ документомъ, но если онъ не подпишетъ, то это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ. Графъ Морковъ пошелъ снова въ помѣщеніе короля и вмѣсто яснаго и откровеннаго отвѣта принесъ отъ короля письмо, прилагаемое здѣсь подъ № 3, написанное рукою короля, составленное въ темныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Было уже 10 часовъ вечера, когда я получила это письмо. Я велѣла позвать моего сына, и мы согласились послать сказать королю, что я сдѣлалась больна, и приказали отпустить всѣхъ лицъ, которыя ждали въ приемной окончанія этой комедіи. Въ этотъ вечеръ назначенъ былъ балъ и ужинъ у великаго князя. Предоставляю вамъ судить, каковы были во весь этотъ день смущеніе и натянутость. Письмо короля я отослала ему обратно съ графомъ Морковымъ¹⁾.

Посмотримъ теперь, чѣмъ отличались концепты бумагъ, составленныхъ императрицею и Густавомъ. Вотъ записка, которая для короля была составлена около 4 часовъ пополудни, была отправлена съ Морковымъ къ королю и которую этотъ послѣдній не хотѣлъ подписать:

„Я формально обещаю предоставить Ея Императорскому Высочеству великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, моей будущей супругѣ и королевѣ шведской, полную свободу совѣсти и исповѣданія религіи, въ которой она рождена и воспитана, и прошу Ваше Величество считать это обѣщаніе за самый торжественный и обязательный для меня актъ, который я только могу совершить“.

Не желая подписать этой бумаги, король начерталъ другую, которую онъ со своею подписью послалъ императрицѣ. Вотъ ея содержаніе:

„Такъ какъ я далъ уже Ея Императорскому Величеству честное слово, что великая княжна никогда не будетъ стѣсняема въ дѣлѣ ея совѣсти и во всемъ томъ, что касается ея религіи, и Ея Величество, казалось, удовольствовалась этимъ, то я увѣренъ, что она не сомнѣвается нисколько въ томъ, что я знаю священныя обязанности, которыя возлагаетъ на меня это обѣщаніе, такъ что всякое другое письмо будетъ совершенно излишне“²⁾.

Какъ видно, обѣ бумаги отличались другъ отъ друга не столько содержаніемъ, сколько формою. Императрица требовала

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 304—305.

²⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 309—310.

объщанія свободы совѣсти; король былъ готовъ дать это общаніе. Но разница заключалась въ томъ, что Екатерина желала бумаги болѣе формальной, документа, который имѣлъ бы значеніе договорнаго соглашенія, а король предпочиталъ ограничиваться общими выраженіями въ запискѣ, имѣвшей, такъ сказать, частный характеръ и указывавшей на устное соглашеніе.

При важности вопроса, не лишеннаго политическаго значенія, Екатерина имѣла полное право требовать болѣе точнаго и обстоятельнаго формулированія состоянія дѣла. Она и при этомъ случаѣ оказалась экспертомъ въ государственныхъ дѣлахъ и превосходила короля опытностью, мѣткостью сужденія о важности вопроса. Къ тому же она была настолько уступчива, что въ проектѣ записки даже не упомянула о православной часовнѣ, которой до этого, какъ кажется, формально требовали русскіе министры. Король не рѣшался подписать проектъ записки, не смотря на то, что содержаніе ея, въ сущности, было столько же общимъ, какъ и то, что онъ общалъ въ своемъ письмѣ, и поэтому образъ дѣйствій Густава при этомъ случаѣ производитъ впечатлѣніе минутнаго увлеченія, случайнаго взрыва чего-то похожего на упрямство, и это впечатлѣніе мы выносимъ и при чтеніи разсказа г. Чумикова о томъ, что происходило въ этотъ день въ квартирѣ короля.

Мы воспроизводимъ этотъ разсказъ, заимствованный изъ шведскихъ источниковъ, и въ особенности основанный на какихъ-то оставшихся для насъ недоступными запискахъ Стединка, потому что нѣкоторыя черты происшествій въ квартирѣ короля кажутся правдоподобными; въ то же время, однако, мы не можемъ не указать на кое-какія несообразности въ разсказѣ г. Чумикова, не обратившаго вниманія на документы, изданные въ IX томѣ Сборника Историческаго Общества, и потому не имѣвшаго возможности провѣрить замѣчаній о двухъ документахъ Екатерины и Густава.

„Къ назначенному времени,—пишетъ г. Чумиковъ,—одѣтый и съ обручальными кольцами на рукѣ, король ходилъ по комнатамъ въ ожиданіи извѣстія о томъ, что всѣ приготовленія для церемоніи окончены. Уже поданы были кареты и регентъ съ Рейтергольмомъ, Эссеномъ и другими шли садиться, какъ, проходя мимо гостиной короля, замѣтили тамъ поданный чай и остановились, чтобы выпить чашку чаю. Замедленіе, причиненное этимъ ничтожнымъ случаемъ, оказалось роковымъ по своимъ послѣдствіямъ. Въ то время, какъ герцогъ занялся чаемъ, въ подъѣзду дома подъѣхалъ Морковъ и изъявилъ желаніе видѣться съ Стединкомъ.

Отведи его въ сторону отъ прочей королевской свиты, онъ объявилъ ему, что привезъ актъ, составленный по собственному приказанію императрицы и въ которомъ излагается формальное обязательство короля въ томъ, что онъ не будетъ препятствовать великой княжнѣ въ исполненіи обрядовъ ея церкви и не станетъ ее уговаривать къ перемѣнѣ ея вѣры ¹⁾; наконецъ, что онъ (Морковъ) требуетъ отъ имени своей государыни, чтобы король это обстоятельство скрѣпилъ своею подписью. Такое очевидное недобѣріе слову короля, какъ можно было предвидѣть, должно было сильно раздражить его, тѣмъ болѣе что въ этой бумагѣ были приданы свободѣ вѣроисповѣданія великой княжны болѣе обширные размѣры, чѣмъ тѣ, о которыхъ онъ условился съ императрицею ²⁾.

„Когда Стедингъ подалъ королю бумагу, привезенную Морковымъ съ просьбою подписать ее, то Густавъ-Адольфъ, узнавъ объ ея содержаніи, не могъ не обидѣться ³⁾; онъ съ досадою бросилъ бумагу отъ себя, но тотчасъ же ее поднялъ и разорвалъ“ ⁴⁾. Скажите Моркову, — воскликнулъ раздраженный юноша, — что послѣ того, какъ я столько разъ честью увѣрялъ императрицу и великую княжну въ томъ, что никоимъ образомъ не буду дѣлать затрудненій въ дѣлахъ вѣры, императрица своими сомнѣніями оказываетъ мнѣ несправедливость; что она можетъ быть увѣрена, что все, что касается этого вопроса, будетъ установлено согласно ея желаніямъ“. Морковъ, получивъ такой отвѣтъ, пожалъ плечами и сказалъ Стедингу, что, по его убѣжденію, императрица не удовлетворится этимъ. Еще гнѣвъ и раздраженіе Густава-Адольфа не успѣли смягчиться, какъ Морковъ вторично появился. Всего хуже, что король былъ недоступенъ для всякаго совѣта; онъ былъ золъ на регента и удостоивалъ вниманія лишь рѣчи Стединга; Рейтергольма же даже не допускалъ къ себѣ въ комнату. Морковъ во вторичный приходъ свой говорилъ весьма рѣзко о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ сопротивленія желаніямъ императрицы. Затѣмъ онъ попросилъ нѣсколько строкъ отъ короля, которыя бы могли успокоить государыню, ибо она была очень удивлена обнаруженнымъ упорствомъ короля, и наконецъ опять сталъ угрожать дурными послѣдствіями, причиной которыхъ будетъ самъ король.

„Густавъ-Адольфъ еще болѣе разгнѣвался, когда узналъ чрезъ

¹⁾ Последняго требованія, какъ мы знаемъ, не было вовсе въ проектѣ записки.

²⁾ И это замѣчаніе въ рассказѣ Чумикова не соответствуетъ содержанію бумаги.

³⁾ Развѣ только фактъ бумаги, а не содержаніе ея могло оскорбить короля.

⁴⁾ Можно ли воспроизводить подобныя неистощныя, не дѣлая даже оговорки?

Стединка объ этихъ рѣчахъ Моркова. Стединкъ умолялъ его, во имя блага народа и пользы короны, не доводить дѣла до крайности. „Послѣ того,—говорилъ онъ,—какъ вы такъ оскорбили и прогнѣвали императрицу, весьма возможно, что она увлечется до того, что приметъ мѣры противъ личной свободы вашего величества, ибо вы находитесь въ ея власти ¹⁾. Но если даже допустить, что она не воспротивится вашему отъѣзду, то можете быть увѣрены, что война будетъ немедленно объявлена: 100.000 войска ждутъ только приказанія начать непріязненные дѣйствія (!). Къ этому должно прибавить прекрасно вооруженный флотъ и полную казну... Дѣйствіями вашего величества приносятся въ жертву сомнѣніямъ второстепенной важности самыя дорогіе интересы страны, и вашъ народъ можетъ возненавидѣть того, кто изъ-за своихъ причудъ жертвуетъ его благомъ“.

„Всѣ эти представленія не произвели никакого дѣйствія на короля; его отвѣтъ былъ: „Я скорѣе подвергнусь всѣмъ личнымъ опасностямъ, чѣмъ рѣшусь идти противъ моей совѣсти“.— „Но если, государь, дѣло идетъ о вашей коронѣ?“ ²⁾—возразилъ Стединкъ. „Такъ пусть же лучше снимутъ съ моей головы корону,—воскликнулъ король съ горячностью, сопровождаемой весьма выразительнымъ тѣлодвиженіемъ,—нежели я сдѣлаю что-либо противъ своихъ убѣжденій“.

„Удивленный такими рѣшительными словами и видя, что угрозы личной опасности не дѣйствуютъ на короля, Стединкъ попытался тронуть въ немъ чувство сыновней любви и представилъ ему горькую участь, которая можетъ постигнуть его мать. „Вдовствующая королева, мать вашего величества,—говорилъ онъ,—можетъ подвергнуться оскорбленіямъ толпы. Взгляните на Францію... Разъяренная чернь можетъ повлечь ее по улицамъ столицы, и Швеція сдѣлается поприщемъ тѣхъ ужасовъ, которые свирѣпствуютъ въ настоящее время въ той странѣ“. Эти рѣчи не могли не опечалить короля; слезы потекли по его лицу, и онъ со вздохомъ спросилъ: „Неужели мой отъѣздъ повлечетъ за собою такія послѣдствія?“—„Непремѣнно (!!), если ваше величество не одумаетесь“, отвѣчалъ Стединкъ. „Къ чему же долѣе упорствовать?—продолжалъ онъ.—„Существуетъ ли нація или духовенство, которыя могли бы противиться желанію принцессы остаться при своей вѣрѣ? я увѣренъ, что во всей Швеціи не найдется и одного каплана, который испытывалъ и половину ва-

¹⁾ Неужели г. Чумиковъ считалъ возможнымъ, чтобы все это было сказано?

²⁾ Могъ ли Стединкъ такъ выражаться? Едва-ли.

шего угрызения совѣсти. Если уже она такъ сильно дѣйствуетъ въ васъ, то спросите совѣта у духовенства". — „Хорошо, я приѣду совзвать соборъ, и тогда Флодинъ также выскажетъ свое мнѣніе". — „Но духовный соборъ не можетъ состояться ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а до тѣхъ поръ мало ли что можетъ произойти?.. Обратитесь къ епископамъ: они обязаны дать вамъ отвѣтъ"... Тутъ Густавъ-Адольфъ принялъ бумагу и начертилъ на ней слѣдующія слова: „Надѣюсь, что меня достаточно знаютъ, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что я сдержу данное слово. Я даль заручиться моимъ честнымъ словомъ не оказывать препятствія въ исполненіи великою княжною, моею будущей супругою, обрядовъ ея церкви, съ тою лишь оговоркой, насколько это не будетъ несогласно съ постановленіями шведскихъ законовъ, а также обѣщать не уговаривать великую княжну измѣнить свое вѣроисповѣданіе" ¹⁾.

„Съ такимъ отвѣтомъ отправился Морковъ, который, какъ мы видѣли, не очень сочувствовалъ шведскому браку. Прибывъ во дворецъ, онъ не преминулъ рассказать о томъ, чему былъ свидѣтель, и, конечно, сцена разорванія акта не могла не возбудить толковъ (??) и подозрѣнія. Въ отвѣтной бумагѣ короля особенное вниманіе обратило на себя то мѣсто, гдѣ упоминается объ ограниченіи свободнаго исповѣданія вѣры шведскими государственными законами ²⁾. Это было скрытое подъ маской королевскихъ обязанностей явное прекословіе желаніямъ императрицы, и, конечно, не отъ Моркова можно было ожидать истолкованія этой оговорки въ смыслѣ благоприятномъ дѣлу. Онъ передалъ обо всемъ случившемся Зубову, а тотъ незамѣтно и шопотомъ — императрицѣ, которая мгновенно встала, почувствовавъ себя дурно, — припадокъ, который нѣсколько недѣль спустя свелъ ее въ могилу.

„Такимъ образомъ, говоритъ Стединкъ, изъ записокъ котораго мы заимствовали ббльшую часть приведенныхъ подробностей, по причинѣ упрямства и ханжества (bigotisme) Густава-Адольфа не могъ осуществиться планъ, благодаря которому Швеція должна была занять подобающее мѣсто среди великихъ державъ; былъ упущенъ благоприятный случай, который въ царствованіе этого короля болѣе не представлялся. Никакія соображенія, ни интересы государства, ни важныя обязанности государя, ни семейныя обязанности не въ состояніи были переломить нравъ Густава-Адольфа. По этимъ его дѣйствіямъ можно было сдѣлать заклю-

¹⁾ Указанія на шведскіе законы нѣтъ въ документѣ, сообщенномъ Екато-риною Будбергу.

²⁾ Въ помѣщеніи такой фразы мы и сомнѣваемся.

ченіе о характерѣ его послѣдовавшаго царствованія, полного непростительныхъ ошибокъ¹⁾.

Мы считали не лишнимъ привести разсказъ г. Чумикова уже потому, что не располагаемъ другими данными, чтобы составить себѣ полное понятіе о томъ, что происходило въ квартирѣ короля въ день, назначенный для обрученія; далѣе, нельзя отрицать, что въ этомъ разсказѣ, основанномъ на шведскихъ источникахъ, есть нѣкоторая доля правды. Въ то же время, однако, мы не можемъ не выразить сомнѣнія въ правдивости нѣкоторыхъ подробностей, которыя, какъ кажется, были произведеніемъ фантазіи или шведскихъ повѣствователей, или г. Чумикова.

Укажемъ теперь на разсказы современниковъ о томъ, что происходило при русскомъ дворѣ днемъ и вечеромъ 11-го сентября. Тутъ, какъ намъ кажется, особеннаго вниманія заслуживаетъ записка графа Ѡ. В. Ростовчина объ этомъ событіи:

„Въ полдень собрались у князя Зубова для переговоровъ объ условіяхъ брака. Комитетъ состоялъ изъ князя Зубова, графовъ Остермана, Безбородки и Моркова, барона Стединка, барона Рейтергольма и графа Эссена. Оказалось, что были согласны лишь въ отношеніи къ неважнымъ статьямъ, и что другія не соответствовали возрѣніямъ короля и министровъ. Въ четыре часа разошлись, не пришедши къ какому-либо заключенію. Графъ Морковъ неоднократно отправлялся въ домъ шведскаго посла и возвращался оттуда, время проходило и соглашенія не было. Въ 7 часовъ всѣ приглашенные собрались въ залъ кавалеръ-гардіи. Обрученіе должно было происходить въ брилліантовой залѣ; все было готово. Митрополитъ, приглашенный изъ Новгорода, въ полномъ облаченіи, въ церкви ждалъ призыва для того, чтобы благословить помолвленныхъ. Императрица наканунѣ объявила нѣкоторымъ дамамъ, что будетъ сюрпризъ. Были приглашены „дамы съ портретомъ“, фрейлины и кавалеры; были назначены лица, которыя должны были играть роль свидѣтелей. Кромѣ царской фамиліи должны были присутствовать г-жа Ливенъ, кн. Зубовъ, графы Остерманъ, Безбородко, Морковъ, Эссенъ и бароны Стединкъ и Рейтергольмъ. Послѣ предполагался ужинъ и балъ у великаго князя-отца. До 7 часа императрица оставалась въ полномъ невѣденіи того, что происходило (?). Наконецъ, Зубовъ, не желавшій сообщить императрицѣ худой вѣсти, поручилъ графу Моркову сказать императрицѣ, что король согласенъ придти на балъ и къ ужину, но что онъ не согласенъ на обрученіе до

¹⁾ Русскій Архивъ, 1887, I, 84—87.

окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса. Тогда императрица до того разсердилась, что люди, ее окружавшіе, боялись за ея жизнь. Отправили Моркова снова къ королю съ запискою, въ которой императрица сама указала на всѣ пункты (?). Король взялъ перо и вычеркнулъ статью, въ которой было сказано о свободѣ богослуженія будущей королевы. Морковъ возвратился, опять отправился къ королю, и, наконецъ, въ 9 часовъ дали знать послѣднему, что онъ можетъ оставаться дома. Между тѣмъ графъ Зубовъ постоянно ходилъ къ великому князю-отцу, сообщая ему о происходившемъ. Въ половинѣ десятаго великій маршалъ двора, князь Барятинскій, явился съ выраженіемъ крайняго волненія и объявилъ всѣмъ присутствующимъ, что балъ отмененъ по случаю нездоровья государыни. Великій князь былъ у послѣдней, напегъ ее въ страшномъ раздраженіи: она думала было распорядиться объ отправленіи въ Сибирь барона Флемминга, любимца короля (!!); великому князю удалось успокоить императрицу; она впоследствии сказала, что ночь съ 27-го на 28-е июня ¹⁾ была игрошкою въ сравненіи съ ночью на 12-е сентября ²⁾.

Ростопчинъ, какъ кажется, не былъ свидѣтелемъ этой сцены. Нѣтъ сомнѣнія, что слухи о волненіи и раздраженіи императрицы были преувеличены. До чего доходили сплетни такого рода, видно изъ разсказа собирателя анекдотовъ Карабанова, гдѣ мы, напр., встрѣчаемъ ложное извѣстіе и объ отправленіи къ королю графа Безбородки, и другія небылицы въ родѣ слѣдующихъ: „Безбородко встрѣтился съ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ на дворцовой лѣстницѣ и сказалъ: „а уже дѣло испорчено, король отвергъ, чтобы великая княжна осталась въ греческомъ законѣ“. Безбородко и Морковъ вошли въ кабинетъ, а Пушкинъ остался у дверей. Императрица, вставъ съ мѣста въ великомъ гнѣвѣ, два раза тростью Моркова ударила, а Безбородкѣ сказала: „я прочту этого мальчишку“, потомъ сбросила съ себя корону и, сорвавъ мантию, опустилась въ кресло; тутъ оказались признаки легкаго паралича, и ночь проведена была въ ужасномъ положеніи“ ³⁾.

Въ запискѣ о воспослѣдовавшей вскорѣ послѣ этого кончинѣ Екатерины, Ростопчинъ замѣчаетъ, что императрица, какъ скоро она вечеромъ 11-го сентября узнала о нежеланіи короля согласиться на ея требованія, до того была поражена этимъ, что не могла выговорить ни одного слова и оставалась нѣскольکو ми-

¹⁾ Восшествіе на престолъ императрицы въ 1762 году.

²⁾ Архивъ кн. Воронцова, VIII, 146—147.

³⁾ Р. Старина, V, 462.

нуть съ отверстымъ ртомъ, доколѣ камердинеръ ея, Зотовъ, принесъ и подалъ ей выпить стаканъ воды ¹⁾.

Чарторыйскій, Массонъ, княгиня Голицына, госпожа Виже-Лебрёнъ, лейбъ-медикъ Роджерсонъ и другія лица описываютъ болѣе или менѣе подробно тяжелое впечатлѣніе, которое произвела на публику сцена при дворѣ, когда въ продолженіе трехъ-четырехъ часовъ ждали приѣзда короля и во все время шептали другъ другу на ухо, что что-то не ладно и что за кулисами происходитъ что-то страшное, похожее на размолвку ²⁾. Роджерсонъ, лейбъ-медикъ императрицы, сообщивъ въ письмѣ къ Воронцову о случившемся, прибавляетъ: „Вы можете представить себѣ, какъ провели ночь послѣ того“ ³⁾.

Въ публикѣ и внѣ дворца много толковали объ этомъ событіи. Въ запискахъ г-жи Виже-Лебрёнъ сказано: „императрица ничего такъ не желала, какъ исполненія этого брака; но она настаивала, чтобы у ея внуки при Стокгольмскомъ дворѣ была своя церковь и свой духовникъ греко-россійскаго исповѣданія; молодой же король, не смотря на всю свою любовь къ великой княжнѣ Александрѣ, отказывался согласиться, такъ какъ это было противно законамъ его страны. Поэтому въ день, назначенный для обрученія, король не поѣхалъ во дворецъ, не смотря на многочисленныя приглашенія, съ которыми являлся къ нему графъ Морковъ въ надеждѣ убѣдить его. Я писала тогда портретъ князя Дитрихштейна, который былъ у меня на сеансѣ въ самый моментъ предполагавшагося обрученія, и мы оба то-и-дѣло подходили къ окну моей городской квартиры, противъ дворца, желая узнать, уступитъ ли юный король столь убѣдительнымъ просьбамъ; но онъ остался непреклоненъ. Наконецъ, я уже потомъ узнала объ этомъ отъ княгини Долгорукой; когда всѣ собрались, императрица пріотворила дверь своей комнаты (?) и сильно измѣнившимся голосомъ сказала: „Mesdames, сегодняшнее собраніе не состоится“ ⁴⁾.

Княгиня Голицына писала своему двоюродному брату 15-го сентября ⁵⁾: „дѣло приняло совершенно иной оборотъ... Жизнь шла какъ будто на масленицѣ, а теперь что-то мрачно и похоже

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, VIII, 158.

²⁾ Mémoires de Czartoryski I. 126; Массонъ, Mémoires secrets sur la Russie I. 21—24, и письмо саксонскаго дипломата Фельверзама отъ 22-го сентября въ изданіи Германа, Ergänzungsband, 584—585.

³⁾ Арх. кн. Воронцова, XXX, 66—67.

⁴⁾ Др. и Н. Россія, 1876, III, 803.

⁵⁾ По ошибкѣ, въ „Ист. Вѣстникѣ“ показано число 12.

на великій постъ. Женитьба была рѣшена, затрудненіе—перемѣна религіи—было отстранено соглашеніемъ, что великая княжна не перемѣнитъ религіи и будетъ имѣть въ своихъ комнатахъ церковь, гдѣ будетъ слушать литургію только она *одна*, но во всѣхъ протестантскихъ церемоніяхъ она должна непременно присутствовать вмѣстѣ съ королемъ; это было подтверждено въ частномъ письмѣ короля къ императрицѣ для того, чтобъ она была покойна; послѣ этого соглашенія королю дозволено было приходить къ великой княжнѣ. Обрученіе было назначено на 11-е сентября... Король долженъ былъ прибыть во дворецъ; къ нему послали г. Моркова съ бумагами для подписанія ихъ королемъ прежде пріѣзда на обрученіе, такъ какъ въ этихъ бумагахъ давалось отъ него завѣреніе, что великая княжна не перемѣнитъ религіи; король отказалъ подписать, говоря, что ему ничего не говорили о составленіи оффиціального акта, что онъ не можетъ подписать, будучи еще несовершеннолѣтнимъ, и что не можетъ подписать никакого акта, не собравши для обсужденія парламента (*diète*). Морковъ три раза ѣздилъ отъ короля къ императрицѣ и отъ нея къ нему; эти переѣзды продлились довольно долго—до восьми съ половиною часовъ вечера,—потомъ объявлено было всѣмъ съѣхавшимся, что ея величество, по нездоровью, не прибудетъ, а королю дали знать, чтобъ онъ не пріѣзжалъ. Всѣ приглашенные разѣхались по домамъ“ ¹⁾.

Не совсѣмъ точно зналъ о случившемся прусскій дипломатъ Тауэнцинъ. Онъ доносилъ своему двору 12-го сентября о состоявшемся обрученіи: „Не задолго до церемоніи объяснились съ королемъ и регентомъ, и оказалось, что они настаиваютъ, чтобы великая княжна перемѣнила свою религію. Наконецъ, король, чтобы избавиться отъ настояній, свазался больнымъ, и церемонія не состоялась, а архіерей уже былъ привезенъ во дворецъ для совершенія обряда. Говорятъ, что опять пришли къ какому-то соглашенію, но къ какому, я не успѣлъ еще узнать“. Затѣмъ, въ другой депешѣ отъ 21-го сентября, Тауэнцинъ изложилъ ходъ дѣла совершенно вѣрно, замѣчая: „Король отказался подписать и, разсерженный всѣмъ этимъ, объяснилъ, что по нездоровью не можетъ ѣхать во дворецъ“ ²⁾ и пр.

Сохранились слѣдующія три записки, проливающія свѣтъ на положеніе дѣлъ вечеромъ 11-го сентября. Между бумагами архива въ Павловскѣ найдена записка Маріи Θεодоровны, на кото-

¹⁾ Истор. Вѣстникъ, XXX, 104.

²⁾ Берлинскій архивъ.

рой ею самою сдѣлана надпись: „Копія съ моего письма къ мужу въ то время, какъ онъ находился у императрицы, а я у дочери въ минуту отъѣзду обрученія, но когда балъ все-таки долженъ былъ состояться въ этотъ злополучный день“: „Малютка рыдаетъ и именемъ Бога просить, чтобы ей не быть на балу. Говорить, что чувствуетъ себя нездоровой. Я все-таки уговариваю ее одѣваться, но она просить меня ее оставить, она очень разстроена“.

Императрица писала къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на лоскутѣхъ бумаги: „Такъ какъ я никакого разрыва не дѣлаю, а хочу только разъяснить дѣло, то у меня голова кругомъ пошла, и я заболѣла,—вотъ и все. Я отложила собраніе до другого дня. Добраго вечера. Завтрашній день пойдетъ своимъ порядкомъ“. Великая княгиня тогда же писала императрицѣ: „Ваши нѣжныя заботы, ваши милости разсѣютъ эти тучи и возвратятъ разсудокъ тѣмъ, которые въ настоящую минуту его потеряли. Вся моя надежда на васъ, любезнѣйшая матушка. Наша бѣдная малютка въ отчаяніи“¹⁾.

Есть еще любопытная записка Екатерины къ Павлу Петровичу отъ 12-го сентября, которая заключаетъ въ себѣ данныя о событіяхъ 11-го сентября: „На балу въ Таврическомъ дворцѣ,— писала императрица,—я приказала графу Моркову отправиться на слѣдующее утро къ шведскимъ уполномоченнымъ для передачи имъ проекта договора и всѣхъ отдѣльныхъ статей, а въ числѣ ихъ и статью о вѣроисповѣданіи, въ которой они просили вычеркнуть слова: „Православная, апостольская, греческая“, и поставить взамѣнъ того: „исповѣданіе, въ которомъ она родилась и воспитана“. Знакъ, что они договоръ читали и даже признали, такъ какъ не сдѣлали болѣе никакихъ другихъ замѣчаній. Это происходило во вторникъ утромъ, но они только вчера сказали, что король взялъ его съ цѣлью переговорить о немъ со мною“²⁾.

Укажемъ еще на одинъ рассказъ объ этомъ событіи въ письмѣ неизвестной особы къ графинѣ Сенъ-При въ Стокгольмѣ. Тутъ изложенъ весь ходъ дѣла до 11-го сентября и сообщается довольно любопытная характеристика молодого короля и его образа дѣйствій при этомъ случаѣ. Вотъ это письмо, найденное между бумагами генерала Будберга:

„Вы желаете, графиня, чтобы я сообщила вамъ новости о бракѣ, въ которомъ вы, какъ мнѣ говорите, принимаете весьма большое участіе. Пріѣздъ короля былъ ожидаемъ здѣсь съ вели-

¹⁾ Русская Старина, IX, 486.

²⁾ Русская Старина, IX, 488.

чайшимъ нетерпѣніемъ; онъ былъ принятъ такъ, какъ никогда никакого государя не принимали ни при одномъ иностранномъ дворѣ. Къ величію и граціи, коими наградила ее природа, императрица присоединила доброту, привѣтливость и нѣжное участіе матери. Она была хозяйкой дома, старающейся принять гостей, которыхъ любить и желаетъ отличить. Всюду блескъ большого двора и никакого стѣсненія. Она иначе распредѣлила свое время, измѣнила привычки и вкусы своей обычной жизни и ни на одну минуту не казалась усталою или утомленною.

„Безпрерывные балы и праздники, запечатлѣнные всегда тою любовью, которая доказываетъ, что доставляемое удовольствіе раздѣляется, никогда не казались стѣснительными или ненужными; они служили только средствомъ дать королю возможность выказать себя въ выгодномъ свѣтѣ и раздѣлить чувства и похвалы, которыя воздавались государынѣ въ тотъ моментъ, когда обѣ націи готовы были стать во враждебныя другъ къ другу отношенія.

„Она дѣлала всѣ распоряженія, не показывая вида, что занимается ими. Она какъ бы вдохнула свое расположеніе къ молодому королю всему двору и всѣмъ классамъ жителей города. Уже молва распространила похвалы молодому королю изъ столицы по всей имперіи и по иностраннымъ землямъ, черезъ посланниковъ, удивлявшихся подобному вниманію императрицы, котораго она не оказывала никакому государю.

„Они завидовали ему и въ то же время соглашались, что сынъ былъ достоинъ своей новой матери... тысячи голосовъ готовы были повторить это въ Столгольмѣ.

„Это счастливое начало представляло обѣимъ націямъ выгоды, которыя должны были отсюда произойти. Именно въ Россіи король добылъ первые успѣхи, которые должны были сдѣлать его столь дорогимъ для Швеціи. Императрица, совершенная во всемъ, искусствомъ, съ коимъ она обращалась съ молодымъ государемъ какъ со своимъ сыномъ, казалось, надѣляла его славою вслѣдствіе участія, которое принимала въ немъ; все шло, однимъ словомъ, какъ нельзя лучше, всѣ интересы были соглашены, всѣ подозрѣнія разсѣяны, свадебныя приготовленія сдѣланы, дворъ былъ въ ожиданіи.

„Вдругъ враждебное вліяніе, причина коего мнѣ неизвѣстна, остановило приближеніе этого желаннаго дня. Король не приходитъ, король не придетъ,—но почему же? спрашиваютъ всѣ другъ друга на ухо. Этотъ и весь слѣдующій день я провела въ постели. Шведы, безъ сомнѣнія, расскажутъ вамъ и, конечно, лучше,

тѣмъ я, какъ случилось, что лицо, наиболѣе заинтересованное въ дѣлѣ, когда все уже было готово увѣичать его желанія, безъ причины, изъ-за пустой формальности, бросило все, воспротивившись опытности министровъ, наиболѣе ему преданныхъ, рискуя даже потерять вслѣдствіе того всѣ выгоды, которыя доставила ему императрица. До тѣхъ поръ, по всѣмъ его поступкамъ о немъ судили какъ о человѣкѣ, обладающемъ уже разсудкомъ и мнѣніями, свойственными зрѣлому возрасту. Онъ разомъ показалъ себя ребенкомъ, который не есть еще ни король, ни даже взрослый человѣкъ, ребенкомъ, который, извините меня за выраженіе, немного упрямъ и имѣетъ преувеличенное мнѣніе о своемъ умѣ, которому недостаетъ еще опытности, которая одна научаетъ отличать упорство отъ твердости. Конечно, принципъ, или, лучше сказать, мотивъ похваленъ. Король обнаруживаетъ качества, которыя съ годами будутъ драгоцѣнны, но которыя до того времени могли бы имѣть весьма печальныя послѣдствія, еслибы императрица съ обычною ей добротою, съ ея, можно сказать, превосходнымъ знаніемъ, не отличала бы въ немъ то, что зависитъ отъ его молодости, отъ того, что принадлежитъ его характеру. Оставаясь постоянно государынею, но въ то же время и матерью, она сумѣла сохранить всѣ выгоды, избѣгая, насколько было возможно, всего, что могло повредить тому, на кого она смотрѣла какъ на своего сына и который вскорѣ долженъ былъ имъ сдѣлаться. Она постоянно оказывала ему большую снисходительность и дружбу.

„Успокойтесь, графиня; я увѣрена, что бракъ состоится, что король поправитъ все; этого надо ожидать отъ его здраваго ума и благихъ намѣреній, которыя онъ выказалъ даже тогда, когда противился желаніямъ и доводамъ своихъ министровъ. Онъ вѣрно уже понялъ счастье, которое, благодаря его ошибкѣ, чуть было не ускользнуло отъ него. Можетъ быть, кто-нибудь изъ приближенныхъ, врагъ общественнаго спокойствія, подалъ ему дурной совѣтъ. Любимецъ этотъ, если онъ существуетъ, или очень невѣжественъ, или очень золъ. Предположимъ, что онъ только невѣжественъ; тогда не будетъ слишкомъ продолжительно вліяніе его на сердце молодого государя, который обнаруживаетъ умъ дѣятельный, глубокій, обладающій знаніями и благими намѣреніями, и который съ каждымъ днемъ будетъ учиться наивыгоднѣйшимъ образомъ примѣнять свои способности для блага своей страны и своего собственнаго.

„Я убѣждена, что не найдется ни одного честнаго шведа, который разсказалъ бы вамъ обо всемъ, что произошло здѣсь,

иначе чѣмъ я, и который бы не унесъ съ собою сожалѣнія вмѣстѣ съ величайшимъ сочувствіемъ къ добротѣ императрицы ко всѣмъ вообще и даже къ каждому въ особенности¹⁾.

Какъ видно изъ этого разсказа, образъ дѣйствій короля 11-го сентября казался современникамъ загадочнымъ. Старались объяснить его то личнымъ нравомъ, упрямствомъ молодого государя, то вліяніемъ одного изъ придворныхъ лицъ, будь это Флоринъ или Флеммингъ, или Армфельдтъ. Но есть еще объясненіе, о которомъ упомянуто въ шведскихъ источникахъ, но которое нисколько не подтверждается матеріаломъ, находящимся въ нашемъ распоряженіи. Г. Чумиковъ пишетъ: „мы должны коснуться одного эпизода, который, по мнѣнію шведскихъ историковъ, значительно подѣйствовалъ на переѣмну королевскихъ мыслей. Увѣряютъ (!), что Густавъ-Адольфъ, послѣ перваго же краткаго разговора съ очаровательной супругой Александра Павловича, великой княгиней Елисаветой Алексѣевной, до того плѣнился ею, что сталъ совершенно равнодушенъ къ своей нареченной невѣстѣ. Эта зарождающаяся склонность не могла укрыться ни отъ регента и его свиты, ни отъ самой Елисаветы Алексѣевны, которая будто бы задумала воспользоваться обстоятельствами и обратить чувства короля на свою любимую сестру, принцессу Баденскую. Разсказываютъ, что когда Елисавета Алексѣевна показала Густаву-Адольфу портретъ своей сестры (его будущей супруги), то король крѣпко задумался и долго его разсматривалъ. Могло быть, что великой княгинѣ уже были извѣстны недоразумѣнія, угрожавшія браку съ Александрой Павловной, и по этому случаю она считала позволительнымъ позаботиться о счастіи своей сестры. Но какъ бы то ни было, близость, возникшая между этими двумя особами, была всѣмъ замѣчена (?), и вскорѣ убѣдились, что главной причиною въ переѣмнѣ чувствъ короля къ Александрѣ Павловнѣ была, волей или неволей, великая княгиня Елисавета Алексѣевна. Послѣдовавшій чрезъ годъ бракъ короля съ принцессой Баденской и возникшая съ этого времени холодность между членами императорскаго семейства относительно Елисаветы Алексѣевны, равно и тѣ неприятели, которымъ сія послѣдняя впоследствии подвергалась, какъ бы подтверждаютъ собой вышесказанное. За всѣмъ тѣмъ,—заключаетъ г. Чумиковъ свой разсказъ объ этомъ „эпизодѣ“,—нельзя отрицать и того обстоятельства, что вопросъ исповѣдникъ игралъ значительную роль въ разстройствѣ брака съ Александрой Павловной“²⁾.

¹⁾ Сб. Ист. Общ., IX, 342—346.

²⁾ Русскій Архивъ, 1887, I, 81—82.

Пока рассказы такого рода, безъ точнаго указанія на источники, основаны на выраженіяхъ въ родѣ „увѣряютъ“, „говорятъ“, между тѣмъ какъ изъ свидѣтелей, намъ извѣстныхъ, никто не увѣрялъ и не говорилъ ничего подобнаго, мы не можемъ придавать значенія такимъ даннымъ. Если бы г. Чумиковъ былъ знакомъ съ русскими источниками и болѣе критически относился къ историческому матеріалу, то онъ едва ли рѣшился бы утверждать, что сближеніе между молодымъ королемъ и супругою великаго князя Александра Павловича было „всѣми замѣчено“. Къ тому же мы располагаемъ множествомъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что великая княжна Александра Павловна дѣйствительно поправилась Густаву, и что онъ ее полюбилъ. Сестры Елисаветы Алексѣевны онъ не зналъ вовсе. Нельзя считать бракъ короля на Баденской принцессѣ, состоявшійся послѣ, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, аргументомъ правдоподобности любви короля къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. При воспроизведеніи подобныхъ слуховъ или сплетней историкъ подобаетъ большая осмотрительность; по крайней мѣрѣ онъ долженъ умѣть поставить, гдѣ слѣдуетъ, вопросительный знакъ, а не считать какъ бы доказанными явленія столь сомнительнаго свойства, какъ эта мнимая причина кризиса, происшедшаго 11-го сентября въ Петербургѣ.

А. Брикнеръ.

АМЕРИКАНЦЫ

и

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

I.

Соціальный вопросъ въ Америкѣ.—Усиленное переселеніе изъ Европы.—Что такое американцы?—Воздѣйствіе прилива европейцевъ на ростъ населенія въ штатахъ.—Характеръ до-революціонной иммиграціи.—Всеобщій протестъ противъ дальнѣйшаго вторженія „гунновъ“ въ Америку.— Назначеніе конгрессіоннаго комитета для изслѣдованія вопроса объ эмигрантахъ.

„Одна за другою передаются намъ въ Америку на обсужденіе и рѣшеніе важныя соціальныя проблемы, которыя нарочно замалчиваются или намѣренно обходятся европейскими правительствами... У насъ же, на западѣ, нѣтъ подъ рукою такой страны, въ которую бы намъ можно было сплавлять нерѣшенные вопросы: здѣсь, у насъ, стало быть,—настоящая арена для конечнаго ихъ разрѣшенія“...

Таково было заявленіе, сдѣланное недавно на публичной лекціи по одному изъ соціальныхъ вопросовъ, прочитанной весьма компетентнымъ лицомъ, имя котораго начинаетъ завоевывать себѣ почетную извѣстность въ научныхъ слояхъ города Нью-Йорка.

Заявленіе это, однакоже, не совсѣмъ точно, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ Америка, при разрѣшеніи вопросовъ научнаго свойства, имѣетъ въ распоряженіи своемъ всю литературу, выработанную по этимъ предметамъ въ Европѣ, и, обогащенная опытомъ, такъ дорого доставшимся Старому Свѣту, примѣняетъ у

себя многие изъ приемовъ, пущенныхъ въ ходъ въ Европѣ; затѣмъ, уже твердо опираясь на свое теоретическое знакомство съ исторіей предмета, Америка, конечно, идетъ со свѣжими силами впередъ и впередъ къ наиболѣе удовлетворительнымъ въ данное время результатамъ.

Мы приводимъ тѣ слова почтеннаго лектора лишь потому, что его воззрѣніе на предметъ вполне раздѣляется его соотечественниками, и это гордое сознание придаетъ имъ новую смѣлость и настойчивость, столь необходимыя въ дѣлѣ рѣшенія различныхъ запутанныхъ социальныхъ вопросовъ; изъ таковыхъ теперь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ эмиграціи европейцевъ въ Америку и устраненія того подрыва, который, какъ здѣсь предполагаютъ, это усиленное переселеніе наноситъ социальному строю жизни въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Къ рѣшенію этого вопроса американцы, впрочемъ, думаютъ въ близкомъ будущемъ привлечь и наше обширное отечество. „Постойте,—говорили мнѣ не разъ люди всевозможныхъ профессій,—повремените немного, и вы, русскіе, пройдете черезъ то же самое, что и мы. Весьма вѣроятно, когда двинется европейская эмиграція въ необозримыя плодосныя равнины средней полосы Сибири, наступитъ и для Россіи періодъ безпримѣрнаго до той поры благосостоянія; но если вы не умудритесь во-время нашимъ примѣромъ, то и васъ постигнетъ та же египетская кара, какая свалилась на насъ теперь“.

Конечно, говорится все это дилеттантами въ социальныхъ вопросахъ,—людьми, которые начитались въ здѣшнихъ журналахъ статей о чудесахъ сибирской природы и плодородія, прослышали объ открытіи русской желѣзной дороги къ Мерву и о планѣ построить тихоокеанскую желѣзно-дорожную линію черезъ Сибирь. Господа эти вполне упускаютъ изъ вида, что потокъ европейской эмиграціи черезъ Россію въ Сибирь встрѣтился бы по дорогѣ съ восьмидесятью милліонами людей, говорящихъ однимъ языкомъ, представляющихъ собою одну сплошную народность, а потому если и возникнетъ когда въ Россіи „эмиграціонный вопросъ“, то для рѣшенія его предъявлены будутъ совершенно нныя, чѣмъ въ Америкѣ, данныя.

Но все же развитіе социальной жизни въ Америкѣ и условія здѣшней борьбы за существованіе не могутъ не быть интересны для образованныхъ людей всѣхъ національностей; всѣ націи болѣе или менѣе связаны съ Америкой кровными узами: въ одномъ Нью-Йоркѣ, по изслѣдованію мѣстнаго ученаго, народонаселеніе говорить на 84 различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ!

Да и что такое, въ сущности, американцы? Англичанамъ, въ рѣдкіе для нихъ порывы любезности по отношенію къ своимъ заатлантическимъ „кузенамъ“, случается ссылаться на Соединенные Штаты какъ на „Greater Britain“ beyond the ocean“, — „большую Англію за океаномъ“... Да и сами американцы говорятъ о себѣ какъ объ англо-саксонской расѣ. Но вполнѣ такъ ли это? Откуда же это поразительное несходство веселой, живой природы американца съ тяжеловѣсной, флегматичной природой англичанина? Отчего такъ мало общихъ пунктовъ симпатій между обѣими народностями; отчего англичане, прибывающіе въ Штаты, сплошь и рядомъ заявляютъ, что нигдѣ на континентѣ Европы не чувствуютъ они такъ сильно отчужденія своего отъ всего окружающаго ихъ, какъ въ Соединенныхъ-Штатахъ? Общность языка еще болѣе отталкиваетъ многихъ изъ англичанъ отъ американцевъ: тутъ то же чувство, какое человѣкъ испытываетъ въ обществѣ дотошнѣ неизвѣстнаго ему родственника, когда-то любимаго и утраченнаго друга, когда внѣшность, манера, черты лица, все напоминаетъ дорогого человѣка, а голосъ и сужденія этого „чужого“ рѣжутъ нестерпимо по самымъ чувствительнымъ нервамъ, только что напряженнымъ пріятностью замѣченнаго сходства.

Вопросъ о сущности американской націи уже издавна былъ спорнымъ, и уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ американскихъ изслѣдователей говорилъ: „Исторія переселенія европейцевъ въ Америку, равно какъ и особенности нашего языка, столь отличнаго отъ саксонскихъ діалектовъ восточной и сѣверной Англій, доказываютъ, что предки наши прибыли съ кельтческаго юга и запада Англій и изъ другихъ притѣсняемыхъ кельтическихъ частей Трехъ Королевствъ (Великобританіи), не говоря уже о переселенцахъ изъ кельтической Испаніи, кельтической Франціи и кельтической Бельгіи. Кельтическіе нѣмцы съ береговъ Рейна, по всей вѣроятности, превосходятъ у насъ численностью готскихъ переселенцевъ сѣверной Европы, типъ которыхъ затертъ волною великаго кельтческаго переселенія. Настоящій американскій типъ, слѣдовательно, не есть помѣсь англо-саксонскаго, но можетъ почитаться типомъ чисто кельтической расы, на что указываетъ какъ исторія американцевъ, такъ и внѣшній ихъ видъ, ихъ импульсивность, гибкость ихъ генія“ ¹⁾.

Прибавимъ къ тому, что уже самое названіе „англо-саксонскій“ указываетъ на расу смѣшанную, отнюдь не исключительно

¹⁾ *American Medical Monthly*. December, 1855.

тевтонскую. Имя „англовъ“ никогда не принадлежало ни одному изъ германскихъ племенъ. Нашествіе на восточное побережье Великобританіи было въ свое время произведено съ противоположащаго ему побережья континента, главнымъ образомъ, изъ Дани, Голландіи и Бельгіи. Какъ уже дознано этимологами, по первоначальному происхожденію своему, слово: „Angles“, составилось изъ кельтическаго или гальскаго опредѣленнаго члена *an* и *gaidheil* (слово, въ которомъ согласныя *dh* не произносятся), которое означаетъ *gael*, т.-е. *кельтъ*, откуда и взялось слово *Angles*, переименованное въ *Angles*.

Сами британцы давно перестали обращать вниманіе на составныя части своего расоваго происхожденія; тѣмъ болѣе извинительно американцамъ воображать, что принадлежать къ расѣ англо-саксонской значить принадлежать къ расѣ, отличной отъ гальской и кельтической, забывая притомъ, что Шотландія и Валлісъ имѣютъ столь же кельтическое населеніе, какъ Ирландія и Франція.

Кельтическая струя крови сильна была въ американцахъ даже при окончаніи революціонной войны, когда въ тринадцати колоніяхъ, отложившихся отъ Англии, насчитывалось всего 3.172.000 человекъ бѣлаго населенія, состоявшаго изъ слѣдующихъ составныхъ частей:

Кельтовъ	1.908.200 чел. ¹⁾
Англичанъ (такъ назыв. англо-саксонцевъ)	841.800 „
Голландцевъ и скандинавцевъ	427.000 „

Не будь никакого прилива эмиграціи въ Штаты,—первоначальное населеніе разрослось бы естественнымъ приростомъ (какъ рассчитывается) къ 1870 г. только до 9.497.330 чел., а на самомъ дѣлѣ въ семидесятомъ году было въ Штатахъ 38.500.000 чел. нас. Всего прибыли сюда съ 1790 г. по 1870 г.—23.000.000 иммигрантовъ, изъ которыхъ было 9.750.000 ирландцевъ, 2 милліона уроженцевъ Англии и 11.250.000 чел. уроженцевъ другихъ странъ. Въ это число переселенцевъ не входятъ еще тѣ элементы народонаселенія, которые вступили въ Соединенные Штаты съ присоединеніемъ къ нимъ цѣлыхъ территорій, принадлежавшихъ до того времени Франціи и Испаніи; равно какъ не зачисляются сюда и тѣ массы канадцевъ французскаго и ирландскаго происхожденія, которые перебираются сюда изъ Канады и почти никогда не попадаютъ въ списки эмигрантовъ ²⁾.

¹⁾ Изъ нихъ 1.141.920 ирландцевъ.

²⁾ Въ этихъ сообщеніяхъ мы опираемся на данныя, почерпнутыя нами изъ официальной переписи Штатовъ въ 1870 г.; *Graham's—History of North America*; *Two-*

Итакъ, не будь со времени революціи никакой эмиграціи изъ Европы, теперешнее населеніе Штатовъ было бы едва ли больше четверти настоящей его численности, дошедшей въ 1887 г. уже до шестидесяти милліоновъ. И это—фактъ, доказанный и занесенный на страницы *Appleton's Cyclopaedia*, а именно, что цѣлыхъ три-четверти американской націи, за исключеніемъ негровъ и индійцевъ, состоитъ изъ прибывшихъ сюда за послѣдніа девяностъ лѣтъ эмигрантовъ изъ Европы и ихъ потомковъ.

За послѣдніа двадцать лѣтъ изъ одной Ирландіи прибыло сюда значительно болѣе милліона человекъ; но эмиграція изъ Ирландіи сильно сократилась теперь, а именно съ той поры, какъ ирландская земельная лига, а впоследствии національная лига,—принялась удерживать ирландцевъ дома. За послѣдніе года несравненно больше прибываетъ въ Штаты нѣмцевъ (но изъ южныхъ и восточныхъ провинцій Германіи), и съ каждымъ годомъ усиливается приливъ итальянцевъ, венгерцевъ, поляковъ, евреевъ и проч. Изъ 60-милліоннаго населенія, насчитываемаго теперь въ Штатахъ, ирландскій элементъ доходитъ до 24.000.000 человекъ.

Принимая въ расчетъ эти положительныя данныя, можно, кажется, нѣсколько скептически отнестись къ столь часто выражаемымъ здѣсь опасеніямъ того, что „Штатамъ грозитъ совершенное вырожденіе ихъ *англо-саксонскаю* типа“. Даже тотъ англо-саксонскій элементъ, который могъ бы уцѣлѣть подъ напоромъ другихъ національностей, и тотъ постоянно видоизмѣняется подъ вліяніемъ американскаго климата и, независимо отъ смѣшенія съ другими національностями, является отличнымъ отъ англичанъ Великобританіи; насколько можно судить, теперь гораздо болѣе опасность грозитъ странѣ отъ низменнаго экономическаго и нравственнаго уровня тѣхъ расъ, которыя теперь переселяются изъ Европы.

Среди американцевъ весьма распространена склонность отзываться о до-революціонныхъ переселенцахъ сюда изъ Европы, какъ объ исключительно отборной, даже аристократической расѣ, если не по происхожденію (каковы потомки младшихъ сыновей английской аристократіи въ Виргиніи), то по духу и энергіи (каковы переселенцы прибывшіе на „*Mayflower*“ изъ Англіи, и голландцы, впервые заселившіе теперешній Нью-Йоркъ, и ихъ потомки). При этомъ, однако, какъ-то забывается, что Англія въ свои американ-

ker's—Tables of Population; *Bromwells*—History of Immigration; *Merrivale's*—Colonial Lectures, и *Bury's*—Progress of Western Nations.

сія колоніи ссылала многихъ преступниковъ и ваторжниковъ, и что приливъ этого класса переселенцевъ прекратился лишь съ отложеніемъ колоній отъ Англии. Правда, сюда всегда старались перебраться люди, укрывающіеся отъ европейскаго правосудія, но удавалось это сравнительно немногимъ: переѣздъ сюда до шестидесятихъ годовъ былъ такъ затруднителенъ, что требовался большой запасъ силы воли, энергіи и сравнительно крупныя денежныя сбереженія для того, чтобы добраться сюда. За первую половину настоящаго столѣтія сюда шло, большею частью, хорошее, отборное населеніе. Начиная съ 1848 года, начинается стекаться бѣднѣйшее населеніе Ирландіи, чрезвычайно притомъ невѣжественное, но все же это былъ неспорченный сельскій людъ, пышно расцвѣвшій во второмъ поколѣніи на здоровомъ приволѣ Новаго-Свѣта. Лишь со времени пониженія платы за переѣздъ по океану до ничтожной суммы, дошедшей теперь до пятнадцати доллароу (20—25 руб.) за проѣздъ, сюда стали стекаться европейскій пролетаріатъ, подонки населенія большихъ европейскихъ центровъ и такое же полуварварское, ни къ чему не приспособленное сельское населеніе южныхъ провинцій Итали.

„Приливъ несмѣтныхъ полчищъ невѣжественныхъ, заѣденныхъ нуждоу эмигрантовъ изъ Европы угрожаетъ серьезною опасностью свободнымъ учрежденіямъ нашей страны; мы не можемъ уже безнаказанно поглощать эти несродные намъ народныя элементы, прибывающіе въ Штаты сотнями тысячъ ежегодно; вторженію этихъ ордъ долженъ быть положенъ предѣлъ: бездѣйствіе съ нашей стороны въ этомъ дѣлѣ окажется національнымъ самоубійствомъ. Эти новѣйшіе гунны уже не сливаются съ природнымъ населеніемъ страны, а ему самому прививаютъ свои отличительныя черты и пороки; если мы будемъ продолжать нашу политику „laissez faire, laissez passer“, по отношенію къ эмиграціи, то близко то время, когда настоящій американинецъ совсѣмъ выродится — будетъ за рѣдкость показываться въ музеяхъ!.. Примемъ же нашимъ девизомъ — Америка для американцевъ! станемъ подъ нимъ дружною фалангой и не отступимъ отъ него ни на шагъ!“..

Таковъ крикъ, таковы громко высказываемыя опасенія американскихъ алармистовъ, и съ каждымъ днемъ число ихъ растетъ. Теперь не рѣдкость встрѣтить въ ихъ рядахъ образованныхъ людей, отцы и матери которыхъ принадлежали къ тому самому классу европейскихъ выходцевъ, наплывъ которыхъ признается въ наши дни чуть ли не карой египетской для Америки. Оно и понятно: сознавая себя по развитію, симпатіямъ, всему складу жизни и своихъ воззрѣній чистыми американцами, эта молодежь

все же не можетъ страхнуть съ себя досаднаго чувства отвѣтственности за безобразія эмигрантовъ той національности, отъ которой они сами произошли.

И не одну только досужую публику огорчаетъ это нашествіе „гунновъ“: возстаютъ противъ него и рабочія массы страны, вытѣсняемыя пришельцами, фермеры, даже люди науки—все принимается ратовать противъ неограниченной иммиграціи сюда изъ Европы. Да, повидимому, и есть изъ-за чего встревожиться американцамъ. Вотъ данныя, представленныя народною переписью 1880 г., десять лѣтъ тому назадъ: уже и тогда въ Штатахъ насчитывалось 6.679.943 человекъ иностраннаго происхожденія, при 43.475.840 чел., рожденныхъ въ странѣ. Но и изъ этихъ послѣднихъ—573.434 чел. имѣло отцами американцевъ, а матерями европейцевъ; 1.337.664 чел. рождено отъ матерей-американокъ и отцовъ-иностранцевъ, а 13.011.646 чел. имѣло и отцовъ, и матерей иностранцевъ. Итого, 14.922.744 чел. природнаго населенія Штатовъ рождено и воспитано иностранными родителями.

Протестъ противъ эмиграціи—этотъ послѣдній фазисъ проявленія общественной тенденціи въ Штатахъ,—какъ полагалось до сихъ поръ, долженъ былъ держаться лишь въ густо заселенныхъ восточныхъ и среднихъ штатахъ союза. Но что это далеко не такъ, о томъ свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что за одну сессию предпослѣдняго конгресса передано было на разсмотрѣніе надлежащаго комитета цѣлыхъ 42 билля, направленныхъ на сокращеніе эмиграціи, а изъ этихъ биллей 39 внесено было членами, принадлежащими къ земледѣльческимъ округамъ запада, которые, какъ прежде предполагалось, наиболѣе нуждаются въ грубѣйшемъ ручномъ трудѣ, поставляемомъ эмигрантами. На дѣлѣ же теперь оказывается, что западные сельскіе округа запружены пришельцами изъ Европы, не находящими примѣненія своему труду.

Давленіе общественнаго мнѣнія, наконецъ, выразилось съ такой силой на конгрессѣ, что въ началѣ 1888 года *единогласно* прошла въ палатѣ представителей резолюція—произвести изслѣдованіе эмиграціи изъ Европы и ея вліянія на рабочіе рынки Штатовъ. Конгрессіонному комитету, наряженному на это слѣдствіе, поручена также была и выработка проекта урегулированія и ограниченія иммиграціи, въ видахъ огражденія интересовъ мѣстнаго рабочаго населенія Соединенныхъ-Штатовъ.

Вся вторая половина 1888 года посвящена была официальному изслѣдованію иммиграціи. Такъ-называемый „избранный комитетъ по изслѣдованію иностранной иммиграціи“—или какъ его обыкновенно называютъ (по имени автора билля, легшаго въ

основу его) „комитетъ Форда“,—имѣлъ продолжительную сессію въ самомъ важномъ входномъ портѣ въ страну, въ Нью-Йоркѣ, а затѣмъ перенесъ свои изысканія въ Бостонъ, въ Питтсбургъ (Пенсильванія) и Детройтъ (Мичиганъ). Въ Санъ-Франциско комитетъ, за недостаткомъ времени, не попалъ и потому китайской иммиграціи въ изслѣдованіяхъ своихъ не затрогивалъ.

II.

Размѣры переселенія изъ Европы. — Европейскія организаціи для сплавленія въ Штаты подонковъ европейскаго населенія. — Законы 1882 и 1885 годовъ. — Фарсъ, разыгрываемый въ Кастль-Гарденѣ. — Отчетъ конгрессіонной комиссіи. — Мотивы, выставляемые въ пользу необходимости „самозащиты“ отъ пришельцевъ. — Отчужденность европейскихъ переселенцевъ отъ американцевъ. — Цивилизованность негровъ въ сравненіи съ выходцами изъ Европы. — Производимый европейцами подрывъ цѣны на рабочія руки въ Америкѣ. — Билль Форда.

Наибольшая доля вниманія, удѣленная комитетомъ Нью-Йорку, объясняется какъ качествомъ, такъ и количествомъ прибывающей сюда эмиграціи. Въ столицу привлекаются наиболѣе разнообразныя и наименѣе желательныя классы эмигрантовъ, а потому какъ на мѣстныхъ рабочихъ рынкахъ, такъ и въ тюрмахъ, исправительныхъ домахъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, можно произвести массу наблюденій надъ людьми различныхъ національностей. Что же касается до численности, то извѣстно, что 76% всего числа прибывающихъ въ страну эмигрантовъ высаживаются въ нью-йоркскомъ портѣ. Такъ, за 1888 годъ всего прибыло въ Соединенные-Штаты 546.889 эмигрантовъ, и изъ этого числа 418.423 человекъ принято черезъ нью-йоркскій портъ.

Было бы, однакоже, ошибочно признавать эти официальные цифры безусловно вѣрными. Конгрессіонная комиссія по иммиграціи въ донесеніи своемъ заявляетъ прямо, что по всей границѣ Штатовъ съ Канадой не производится рѣшительно никакого контроля надъ иммиграціей; размѣръ же прилива эмигрантовъ съ этой стороны такъ великъ, что, по свѣденіямъ, только-что собраннымъ комиссіею за шесть мѣсяцевъ, предшествующихъ 30-му іюля 1888 года, изъ Канады свободно перешло въ Штаты около 50.000 человекъ, большинство которыхъ, будучи нищими, умалишенными или идіотами, не допущены были бы въ страну черезъ оберегаемые морскіе порты. Для такого рода пассажировъ существуетъ у отправителей ихъ особаго рода система: пароходами доставляютъ ихъ изъ Европы въ Квебекъ, а оттуда уже сухимъ путемъ пере-

правляютъ въ Штаты. Коммиссией дознано, что многіе изъ такихъ иммигрантовъ черезъ двое сутокъ по вступленіи въ страну уже являлись просить убѣжища въ богадельняхъ штата Нью-Йорка. Въ виду этихъ неоспоримыхъ фактовъ нисколько неудивительнымъ является заявленіе доктора Хойта, состоящаго въ теченіе двадцати лѣтъ на службѣ здѣшняго департамента исправительныхъ и благотворительныхъ учреждений: онъ утверждаетъ, что всѣ благотворительныя учрежденія переполнены до крайней степени ихъ вмѣстимости, а на содержаніе этого рода убѣжищъ для однихъ нищихъ, идіотовъ и умалишенныхъ штатъ тратитъ *двадцать милліоновъ* долларовъ ежегодно.

Нечего и говорить, что наплывъ въ эту страну изъ Европы людей, неспособныхъ себя содержать, не могъ бы быть значительнъ, если бы число ихъ ограничивалось тѣми, которые прибываютъ сюда по собственной инициативѣ или въ отдѣльности. Но зло въ томъ и состоитъ, что въ Европѣ—какъ достоверно дознано слѣдственнымъ комитетомъ Форда—организованы спеціальныя общества для сплавленія сюда увѣчныхъ, нищихъ и неисправимыхъ преступниковъ. Консулы Соединенныхъ-Штатовъ доносятъ объ усиленной дѣятельности подобныхъ обществъ во многихъ странахъ Европы, преимущественно въ Италіи и Германіи; въ Баваріи самъ король состоитъ въ числѣ попечителей подобнаго общества; кромѣ того, тѣмъ же сомнительнаго свойства промысломъ занимаются нѣкоторыя изъ европейскихъ правительствъ, въ томъ числѣ швейцарское и англійское. Въ отчетѣ своемъ конгрессионная коммиссія доноситъ, что, за время ея изслѣдованій иммиграціи въ Бостонѣ, она удостовѣрила тотъ фактъ, что лицами, состоящими на коронной службѣ Великобританіи, организовано было общество, называемое „Tuke Society“, цѣль котораго заключается въ доставленіи даровыхъ билетовъ на проѣздъ въ Соединенные-Штаты всякаго рода безпомощному и даже вредному люду—не только нищимъ, калѣкамъ, но и выпущеннымъ нарочно для того изъ тюремъ преступникамъ. Всего, стараніями этого общества, высажено было въ бостонскую гавань 4.922 человекъ въ промежутокъ времени отъ 3-го апрѣля 1882 по 8-е іюля 1888 г. Изъ этого единичнаго примѣра видно, какъ велико должно быть такое зло: извѣстно, что каждое англійское графство должно содержать тѣхъ изъ своихъ гражданъ, которые неспособны въ труду, а въ Англии существуетъ множество статутовъ, которыми попечителямъ богаделенъ разрѣшается ассигновать публично суммы на вывозъ за границу лицъ, находящихся подъ ихъ вѣденіемъ. Нѣкоторыя европейскія правительства—какъ свидѣтельствуемъ въ

отчетъ своемъ комиссія—въ стараніяхъ своихъ избавиться отъ арестантовъ доходятъ до того, что пересылаютъ ихъ сюда во второй классъ, каютными пассажирами.

Все это, конечно, подтверждаетъ лишь давно извѣстные факты—факты, вызвавшіе въ свое время проведеніе специальныхъ законовъ въ 1882 и 1885 годахъ. Первый изъ этихъ законовъ воспрещаетъ вступленіе въ Штаты преступниковъ и лицъ, неспособныхъ содержать самихъ себя и грозящихъ стать въ тягость плательщикамъ налоговъ, и устанавливаетъ таксу въ размѣрѣ полудоллара съ каждаго прибывающаго въ страну эмигранта,—съ тѣмъ, что суммы эти имѣютъ быть обращаемы на расходы по контролю иммиграціи. Законъ 1885 года объявляетъ преступленіемъ оплату проѣзда въ Штаты людей по контракту или какому-либо обязательству, письменному или устному, въ видахъ исполненія этими людьми впослѣдствіи какихъ бы то ни было заранѣе условленныхъ работъ.

На дѣлѣ оказалось, однако, что проведеніе законовъ и исполненіе ихъ—два дѣла разныя, и за иммиграціей совсѣмъ не производилось того надзора, который требовался. Отчасти происходило это отъ нежеланія отдѣльныхъ штатовъ (Нью-Йорка и другихъ штатовъ, имѣющихъ океанскіе порты) нести на себѣ расходы по упорядоченію иммиграціи на пользу всего союза; съ другой стороны, агенты пароходныхъ и желѣзно-дорожныхъ обществъ и разныхъ корпорацій продолжали свою дѣятельность, развѣзая по всей Европѣ; въ стараніяхъ своихъ заработать условленные за комиссію деньги, эти господа заманиваютъ сюда всякій людъ, имѣющій средства, хотя бы только въ обрѣзъ на проѣздъ, или даже и совсѣмъ нищихъ, которыхъ агенты эти продолжаютъ вербовать для капиталистовъ, пускаясь на всякія тонкости для обхода законовъ на этотъ счетъ; а есть ли какая возможность установить существенный надзоръ надъ эмигрантами, которые за лѣтнее время прибываютъ въ здѣшній портъ нерѣдко въ числѣ 9.000 человекъ въ день? Съ океанскаго парохода этихъ эмигрантовъ перевозятъ на баржахъ въ Кастль-Гарденъ и пропускаютъ ихъ вереницей по узкому, огороженному досками, проходу; около середины этого прохода сидитъ въ будѣ чиновникъ, и каждому прибывающему (самъ или черезъ переводчика) предлагаетъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ установленныхъ закономъ вопросовъ, на которые пріѣзжій долженъ отвѣчать подъ присягой. Но возможно ли за одинъ день, въ какіе-нибудь семь-восемь часовъ, основательно допросить девять тысячъ человекъ? Удиви-

тельно ли, что законъ остается мертвой буквой, и въ Кастль-Гарденѣ разыгрывается какой-то фарсъ?

Донесеніе конгрессионной комиссіи весьма интересно и является основательнымъ фундаментомъ тому биллю, который внесенъ этой комиссіей въ конгрессъ 19-го января 1889 года. Комиссія отдаетъ должную честь иммиграціи прежняго времени изъ Европы, и вполнѣ признаетъ, что этой иммиграціи Соединенные-Штаты обяваны теперешнимъ своимъ богатствомъ и величіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія твердо настаиваетъ на томъ, что иммиграція за послѣднія шесть-восемь лѣтъ совершенно видоизмѣнилась къ худшему; это уже не тотъ работящій, добропорядочный классъ эмигрантовъ, который въ былые года двигался прямо на западъ, заселяя пустопорожнія мѣста, воздѣлывая землю, содѣйствуя быстрому развитію и обогащенію тѣхъ штатовъ и территорій, гдѣ избиралось ими мѣстожительство. Въ отчетѣ своемъ конгрессионная комиссія въ видѣ примѣра указываетъ на два класса нежелательныхъ эмигрантовъ: 1) на анархистовъ, изгнанныхъ изъ Германіи и Англіи и нашедшихъ себѣ убѣжище въ Штатахъ, гдѣ, по словамъ доклада, „они проявили себя беззаконнымъ, буйнымъ классомъ людей, и уже успѣли взволновать всю нашу страну своими недавними мятежническими дѣйствіями“ (ссылка на метальщиковъ разрывныхъ бомбъ въ Чикаго); 2) на рабочихъ, подвозимыхъ за послѣднее время цѣлыми партіями на угольныхъ копи въ Штатахъ. Эти углекопы набираются изъ самаго невѣжественнаго класса людей различныхъ національностей: изъ венгерцевъ, поляковъ, отчасти итальянцевъ. Конечно, для насъ, европейцевъ, и преимущественно русскихъ, быть этого разряда рабочихъ не представилъ бы ничего особенно поразительнаго; но американцы, привыкшіе къ приличному, даже комфортабельному образу жизни своего рабочаго люда, иначе смотрятъ на дѣло. „Углекопы эти—говорится въ конгрессионномъ донесеніи—обнаруживаютъ весьма низкій уровень умственнаго развитія. Они не являются сюда съ намѣреніемъ стать американскими гражданами; вся ихъ цѣль заключается въ томъ, чтобы скопить денегъ посредствомъ самой крайней скарденности и вредной экономіи и затѣмъ вернуться на родину. Они, какъ скоты, живутъ въ самыхъ жалкихъ шалапахъ; пища, употребляемая ими, такъ недостаточна, плоха и нездорова, что отъ нея претитъ всякому американцу... Привычки ихъ безнравственны, обычаи ихъ отвратительны, и присутствіе ихъ въ нашей странѣ должно вредно отозваться на социальномъ строѣ нашей жизни; работу свою справляютъ они за такую низкую плату, что выжили съ мѣстъ всѣхъ прежнихъ ра-

бочихъ, и теперь почти-что не встрѣчается американцевъ въ угольныхъ копяхъ Пенсильваніи“.

Таковъ официальный отчетъ конгрессіоннаго комитета объ иммиграціи и результатъ тщательной ревизіи главнѣйшихъ пунктовъ прилива иммиграціи. Въ заявленіяхъ этихъ комитетъ вполне сходится съ отзывами другихъ американцевъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ эмигрантами. Такъ напримѣръ, Т. Powderly, глава обширной рабочей организаціи „ордена рыцарей труда“, посвятившій цѣлые годы изслѣдованію воздѣйствія иностранной иммиграціи на интересы американскихъ рабочихъ, сообщаетъ на страницахъ „North American Review“¹⁾, что тамъ, гдѣ природный американскій рабочій получалъ по два и по три доллара въ день за работу, подражаются теперь „итальянцы и венгерцы за плату въ 75 центовъ въ день съ хозяйскими харчами. Пища же ихъ состоитъ изъ соленой свинины, крупы и воды, что, по тщательномъ изслѣдованіи, обходится всего по 15³/₈ сента на дневное пропитаніе каждаго рабочаго. Такимъ образомъ, хозяевамъ каждый иностранный рабочій обходится всего въ 90³/₈ сента въ день. Конечно, на этихъ рабочихъ и не смотрятъ какъ на людей, за ними даже ключекъ никакихъ не признаютъ, а навѣшиваютъ на нихъ мѣдныя бляхи съ номерами; а потому съ номерами, а не съ людьми производятся и расчеты“. Т. Поудерли указываетъ на то, что рабочіе этого свойства не тратятъ почти ничего изъ своего заработка въ Штатахъ, а только копятъ и копятъ деньги, затѣмъ возвращаются съ заработкомъ этимъ въ Европу. „Люди эти,—говоритъ онъ,—прибывающіе къ намъ изъ странъ угнетенныхъ, не иначе понимаютъ свободу, какъ въ смыслѣ распушенности“. Къ тому же, „не зная законовъ страны, вѣчно обманываемые и обираемые хозяевами, могутъ ли эти люди восчувствовать какую-нибудь привязанность къ американцамъ?“ Но не однимъ лишь бытомъ и примѣромъ своимъ вліяютъ эти пришельцы пагубнымъ образомъ на американцевъ; невѣжество ихъ вноситъ растлѣніе въ общественную жизнь, подкапываетъ самыя цѣнныя привилегіи свободной націи. Такъ г. Поудерли указываетъ на то, какъ хозяева гуртомъ отправляютъ этихъ невѣжественныхъ рабочихъ къ мѣстамъ подачи голосовъ съ приказаніемъ вотировать за того или другого кандидата, не стѣсняясь даже тѣмъ, что рабочіе эти не располагаютъ еще и правомъ голоса. Въ одномъ, напримѣръ, городѣ штата Мичигана противъ пятидесяти законныхъ мѣстныхъ избирателей хозяинъ одного завода выставилъ 350 своихъ

¹⁾ August, 1888.

иностранныхъ рабочихъ, заставилъ всѣхъ ихъ подать голоса, какъ хотѣлъ, и провелъ, такимъ образомъ, желательнаго ему ванди-дата... „Люди, жизнь свою проведеніе въ рабствѣ у себя, не могутъ возвыситься на степень свободныхъ гражданъ, лишь только вступили они на другую почву“, справедливо заявляетъ г. Поудерли, указывая на необходимость американцамъ оградиться отъ этого наноснаго зла и растлѣнія—въ видахъ хотя бы простой самозащиты.

Необходимость принятія мѣръ въ самозащитѣ представляется здѣсь особенно настоятельною, если принять въ расчетъ, что съ 1860 года, когда впервые начали прибывать невѣжественные, обнищавые эмигранты большими партіями, въ Штаты прибыло изъ Европы около 9.700.000 переселенцевъ. Не можетъ быть и спора въ томъ, что такое количество невѣжественнаго люда не въ состояніи слиться съ кореннымъ населеніемъ страны. Правда, здоровое воздѣйствіе американскаго строя жизни таеъ сильно, что дѣти эмигрантовъ становились, выростая, настоящими американцами по рѣчи и по политическимъ симпатіямъ; но процессъ этотъ опять-таки не обходится безъ внесенія новыхъ сомнительныхъ элементовъ и чуждыхъ воззрѣній въ американскую народную массу.

Въ былое время дѣти эмигрантовъ, пройдя черезъ практическую систему американскихъ публичныхъ школъ, вступали въ жизнь на ряду съ товарищами, всецѣло погружаясь въ американскій строй окружающей ихъ среды. Языкъ усваивается здѣсь еще въ школѣ, тѣмъ быстрѣе, что дѣти иностранцевъ стыдятся даже и между собою говорить на другомъ языкѣ, кромѣ англійскаго. Эта инстинктивная тенденція дѣтей въ воссоединенію съ массами туземцевъ иногда рѣзко расходится съ желаніями отцовъ, въ особенности нѣмцевъ, которые чрезвычайно дорожатъ своимъ языкомъ, признавая нѣмецкую цивилизацію выше америкаанской. Но, конечно, самимъ нѣмцамъ-отцамъ волей-неволей приходится такъ или иначе изъясняться по-англійски; ибо американцы упорно отказываются съ кѣмъ бы то ни было говорить иначе какъ по-англійски; признають нѣмцы и то, что дѣтямъ ихъ слѣдуетъ знать англійскій языкъ „для веденія дѣлъ“, но они отнюдь не хотятъ, чтобы дѣти ихъ забывали нѣмецкій. И вотъ, во многихъ крупныхъ городахъ запада, какъ-то: въ Кливелэндѣ, Цинциннатѣ, Мильудеѣ и иныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣмецкіе плательщики налоговъ состоятъ въ большинствѣ, остановились на слѣдующемъ компромиссѣ: въ публичныхъ школахъ все обученіе производится въ утренніе часы на нѣмецкомъ языкѣ, а послѣ полудня—на англійскомъ. Въ результатъ является то, что дѣти одинаково хорошо усваиваютъ оба

языка. Признаюсь, насъ удивляла покладистость американцевъ, дозволившихъ это; но нѣсколько лѣтъ наблюдений за такими послаблениями доказали намъ ихъ цѣлесообразность: оффиціальное преслѣдованіе нѣмецкаго языка непремѣнно вызвало бы въ молодежи рыцарское чувство преданности ему; теперь же нѣмецкія дѣти сплошь и рядомъ хлопчуть о переводѣ ихъ изъ школъ „смѣшанныхъ“ въ чисто-американскія, и еще усерднѣе стараются избавиться отъ нѣмецкаго акцента въ рѣчи. Въ глубинѣ страны происходитъ понинѣ быстрая ассимиляція дѣтей эмигрантовъ съ туземнымъ населеніемъ, по крайней мѣрѣ по языку и образу жизни, хотя нельзя, конечно, и ожидать, чтобы на американцахъ совсѣмъ не сказывалось моральное и физическое дѣйствіе постоянного перекрещиванія разныхъ народностей посредствомъ брачныхъ союзовъ туземцевъ съ эмигрантами. По большимъ городамъ, гдѣ невѣжественные пришельцы по неволѣ, изъ самозащиты, жмутся другъ къ другу, селятся колоніями, наблюдается уже гораздо меньше воздѣйствія американской жизни на дѣтей эмигрантовъ изъ Европы. Во время хожденій нашихъ по худшимъ трущобамъ Нью-Йорка, намъ не разъ случалось въ самыхъ грязныхъ домахъ, съ самымъ беспорядочнымъ, отчасти даже испробовавшимъ тюрьмы населеніемъ, встрѣчать молодыхъ женщинъ, ничѣмъ, ни по востому, ни по рѣчи, не отличающихся отъ американокъ, и которыя однако совершенно спокойно уживались въ этой ужасной средѣ; это все были молодыя итальянки, обучавшіяся въ американскихъ публичныхъ школахъ, но всю жизнь свою проведенія въ итальянской колоніи и повыходившія замужъ за самыхъ грубыхъ, неотесанныхъ итальянцевъ, только-что подвезенныхъ въ страну. Комнаты, занимаемыя итальянскими семьями, въ которыхъ были женщины, выросшія уже въ Штатахъ, неизмѣнно были чисты, проявляли даже нѣкоторое поползновеніе на кокетливость убранства; въ нихъ попадались украшенія на каминахъ, полки оклеены уже были вырѣзными бумажными оборками, но въ пищѣ и во всемъ прочемъ царил нерадивость и неопрятность чисто итальянскія.

Нерѣдко приходилось намъ слышать среди переселенцевъ сюда изъ Европы горькія жалобы на то, что американцы чуждаются, недолюбливаютъ ихъ. Но какъ же оно и можетъ быть иначе, если принять во вниманіе то, какъ большинство пришельцевъ живетъ здѣсь? Среди американцевъ нѣтъ ничего обиднѣе, какъ сказать про человѣка, что онъ живетъ не лучше негра. А между тѣмъ въ Нью-Йоркѣ негры толпами выселяются изъ нижней части города, гдѣ всегда прежде живали, въ верхнюю, и это единственно изъ-за того, что и имъ, даже неграмъ, не подѣ силу

жить въ той грязи, которая водворяется вездѣ, гдѣ поселяются теперешнія орды выходцевъ изъ Европы. Выселяются оттуда негры также и потому, что новые пришельцы поднимаютъ цѣны на квартиры; итальянцамъ и евреямъ легче платить шесть-семь долларовъ въ мѣсяцъ за двѣ маленькія каморки въ шестомъ этажѣ какаго-нибудь грязнаго дома на полутемномъ задворкѣ, когда въ такомъ помѣщеніи селится подчасъ съ полдюжины мужчинъ и столько же женщинъ и дѣтей. Негры же все-таки имѣютъ поползновеніе на комфортъ: не даромъ и они—природные американцы. Домъ, занятые неграми въ западной прирѣчной части верхняго Нью-Йорка, несравненно чище домовъ, занимаемыхъ не только итальянцами, евреями, но и ирландцами. Негритянка и цвѣты на окнѣ разведетъ, и добыть себѣ коверъ ухитрится, всѣ стѣны увѣшаетъ лубочными картинками, полки оставитъ различными украшениями, непременно заведетъ себѣ выходное платье, по возможности ярко-шелковое, а мужу яркій галстукъ и перчатки. Хуже и неряшливѣ всѣхъ прочихъ бѣдныхъ города живутъ „смѣшанныя“ семьи, такъ какъ нѣтъ почти примѣра того, чтобъ сожителство негровъ съ бѣлыми предпринималось иначе какъ при коренной испорченности этихъ послѣднихъ, полной утратѣ ими чувства самоуваженія: въ большинствѣ случаевъ въ такихъ семьяхъ царитъ вѣчный разгулъ, пьянство и развратъ. Среди невѣжественныхъ слоевъ ирландцевъ порокъ этотъ распространенъ чрезвычайно. Пьютъ не только мужчины, но и женщины, и за пивомъ любятъ компанію, вѣчно угощаютъ сосѣдей и сосѣдокъ, причемъ лѣстать другъ другу напрагалую, пока не поспорятся и не вступятъ въ драку.

Въ этомъ примѣрѣ неимущихъ классовъ съ чрезвычайно рельефностью сказывается извѣстный заколдованный кругъ, состоящій въ томъ, что голодъ и лишенія наталкиваютъ человѣка на пьянство, а пьянство, въ свою очередь, неизмѣнно приводитъ рабочаго человѣка къ новой нуждѣ. Во второмъ избирательномъ участкѣ Нью-Йорка, захватывающемъ бѣднѣйшіе кварталы столицы, приходится по кабаку на каждые 94 чел. жителей, тогда какъ въ богатомъ 21-мъ участкѣ насчитывается по одному salon на 391 чел. жителей.

Общительность ирландцевъ и страсть къ выпивкѣ являются причиною того, что у нихъ никогда не оказывается ни гроша сбереженій: получить ирландецъ сто долларовъ въ мѣсяцъ—онъ всѣ ихъ проживетъ; а перепадетъ ему за мѣсяцъ не болѣе десяти—онъ проживетъ и на это, не особенно горюя. Надо, впрочемъ, отдать одну справедливость ирландцамъ: у нихъ чрезвычайно

живуча любовь къ родинѣ и привязанность къ оставленнымъ въ Ирландіи землякамъ и роднымъ. Большинство ирландцевъ отправляютъ крупную часть своего заработка роднымъ въ Старый Свѣтъ, а во время митинговъ здѣшнихъ вѣтвей „земельной лиги“ намъ постоянно приходилось наблюдать, какъ послѣдніе оборванцы, даже женская прислуга изъ ирландцевъ, неизмѣнно клали свои кровные полудоллары и четверть въ ящики при сборѣ фондовъ на нужды лиги, работавшей на пользу освобожденія Ирландіи отъ ненавистнаго британскаго ига. Также евреи отправляютъ деньги роднымъ въ Европу; итальянцы посылаютъ домой на покупку тамъ земель и домовъ.

Свѣденія, сообщаемыя въ отчетѣ конгрессіоннаго комитета, еще болѣе печальны, чѣмъ можно было бы предполагать, глядя на дѣло со стороны. Огромное большинство эмигрантовъ изъ Европы привыкло работать спустя рукава, довольствуясь нищенскимъ заработкомъ. Свидѣтели подъ присягой заявляли комитету, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣшнія работницы на фабрикахъ мужского бѣлья безъ затрудненія зарабатывали по семи долларовъ въ недѣлю, а наиболѣе искусныя швеи добывали даже до десяти долларовъ въ недѣлю. Съ той же поры какъ сюда стали прибывать русскіе и польскіе евреи, плата швеи на фабрикахъ упала до четырехъ и четырехъ съ половиною долларовъ въ недѣлю: иначе говоря, русскіе евреи, селящіеся цѣлыми массами, повсемѣстно причиняютъ сбавку отъ 40% и до 60% прежней заработной платы здѣшнихъ рабочихъ женщинъ.

Изъ отчета того же комитета Форда видно, что „въ одинъ портъ Нью-Йорка за истекшія восемь лѣтъ прибыло болѣе трехъ милліоновъ эмигрантовъ. Со всѣхъ же сторонъ за тотъ же періодъ времени вступило 4.250.000 человѣвъ переселенцевъ“... „Сюда теперь нахлынули самыя нежелательныя національности изъ Богеміи, Польши, Венгріи и южной части Италіи. Однихъ итальянцевъ съ 1880 по 1888 г. прибыло 275.769 человѣвъ, и даже 35.650 чел. за первые шесть мѣсяцевъ 1888 года“... „Итальянцы чрезвычайно нечистоплотны, и дѣти у нихъ весьма нездоровы“... „Весь этотъ людъ селится по большимъ городамъ, вызывая тамъ борьбу за существованіе еще болѣе ожесточенную“.

Небезынтересны въ гигиеническомъ и социальномъ отношеніи являются тѣ данныя конгрессіоннаго отчета, которыя указываютъ на огромное преобладаніе мужского элемента надъ женскимъ среди переселенцевъ:

На сто прибывающихъ сюда <i>итальянцевъ</i>	приходится	79 мужчинъ	и лишь	21 женщина.
" " " "	" венгерцевъ	приходится	72 мужчинъ	на 28 женщинъ.
" " " "	" поляковъ	" "	69 мужчинъ	на 31 женщину.

Исслѣдованія комитета Форда распространены были на всевозможныя отрасли ручного труда въ Штатахъ, и нашлось лишь самое незначительное число такихъ, которые не имѣли повода жаловаться на эмиграцію изъ Европы; весь отчетъ является длиннымъ обвинительнымъ актомъ противъ пришельцевъ, построеннымъ на неопровержимыхъ статистическихъ данныхъ, и въ заключеніе работъ своихъ комитетъ представилъ въ конгрессъ билль, имѣющій цѣлю урегулированіе иммиграціи.

О сущности билля достаточно сказать здѣсь лишь въ общихъ словахъ, тѣмъ болѣе, что въ постановленіяхъ его несомнѣнно сдѣланы будутъ еще существенныя измѣненія.

Въ настоящемъ своемъ видѣ билль запрещалъ впускъ въ страну всѣмъ умалишеннымъ, идіотамъ, нищимъ, людямъ осужденнымъ по суду за преступленія, анархистамъ, и подтверждалъ постановленіе закона 1882 года насчетъ того, что въ страну не долженъ быть допущенъ впускъ людямъ, являющимся сюда работать или служить по предварительно заключенному контракту. Люди, содѣйствующіе такого рода лицамъ вступать въ Соединенные-Штаты, подвергаются тюремному заключенію и денежной карѣ, а пароходныя компаніи, ихъ подвозящія, обязываются отвезти обратно въ Европу всѣхъ изъ своихъ пассажировъ, которые не будутъ допущены (по вышеизложеннымъ ограниченіямъ) въ предѣлы Соединенныхъ-Штатовъ.

Въ видѣ мѣръ предохранительныхъ билль Форда предлагалъ, чтобы каждый человекъ, желающій эмигрировать въ Соединенные Штаты, по крайней мѣрѣ за три мѣсяца до отъѣзда изъ отечества своего, обращался къ ближайшему американскому консулу за письменнымъ свидѣтельствомъ того, что онъ, эмигрантъ, принадлежитъ къ классу людей, свободно допускаемыхъ въ Соединенные-Штаты. Свидѣтельства эти имѣютъ выдаваться консулами по тщательномъ изслѣдованіи всего прошедшаго тѣхъ лицъ. Въ билль входило много другихъ постановленій и дополненій, о которыхъ, однако, по вышеизложеннымъ причинамъ, говорить позѣ было бы излишне. Самъ авторъ билля, членъ конгресса, Фордъ, былъ согласенъ съ тѣмъ, что если билль его станетъ закономъ

и введенъ будетъ въ полную силу, то эмиграція Европы сократится на 150.000 человекъ въ годъ. Конечно, цифра эта не изображаетъ собою однихъ преступниковъ, нищихъ, полоумныхъ и увѣчныхъ, исключенныхъ биллемъ, но и то множество рабочихъ, которое, вопреки существующему закону, подвозится сюда по контрактамъ. Такимъ образомъ, ожидается сокращеніе иммиграціи въ страну на одну четверть или на одну треть того числа людей, которое въ настоящее время ежегодно прибываетъ сюда изъ Европы. Сокращеніе это представляется еще весьма недостаточнымъ для противниковъ переселенія сюда европейскихъ массъ; съ другой стороны, люди, интересы которыхъ могутъ пострадать отъ уменьшенія прилива сюда дешевыхъ рабочихъ рувъ изъ Европы, громко кричатъ, что все это конгрессионное изслѣдованіе иммиграціи было лишь избирательною мѣрою потворства здѣшнимъ рабочимъ союзамъ и ни въ какомъ сокращеніи иммиграціи не поведетъ; къ этой эгоистичной группѣ людей присоединяются и голоса американцевъ стараго закала, заявляющіе, что для Соединенныхъ-Штатовъ было бы чистымъ посрамленіемъ отказаться отъ своей исторической роли убѣжища для всѣхъ обойденныхъ и угнетенныхъ міра сего.

Страстные препирательства по поводу этого вопроса возникаютъ за послѣднее время во всевозможныхъ слояхъ общества и нерѣдко вызываютъ полнѣйшую перетасовку фактовъ и смѣшеніе самыхъ основныхъ идей.

III.

Первыя наблюденія въ трущобномъ мірѣ.—Содѣйствіе, оказанное намъ агентами нью-іоркскаго общества организаціи благотворительности.—Способы дѣйствія агентовъ этого общества.—Праздность въ средѣ немущихъ.—Трущобныя женщины.—Быть русскихъ евреевъ въ Нью-Йоркѣ и особенности ихъ.

Не зная, чему изъ всего этого вѣрить, чему нѣтъ, мы пришли наконецъ къ тому убѣжденію, что для уясненія такого спорнаго дѣла намъ не поможетъ теоретическое изученіе вопроса; житейскій опытъ притомъ подсказалъ, что въ концѣ концовъ нѣтъ вѣрнѣе руководства, какъ свидѣтельство собственныхъ своихъ глазъ, и, слѣдовательно, чтобы получить вѣрное представленіе о томъ, насколько дѣйствительно чужды американцамъ и вредны цивилизаціи ихъ тѣ эмигранты, которые теперь прибываютъ въ страну, нельзя довольствоваться случайными наблюденіями, а слѣдуетъ въ эти слои проникнуть, и притомъ такъ, чтобы присмотрѣться къ

настоящему, домашнему быту этого класса населенія, ютящагося здѣсь по столичнымъ трущобамъ.

Какъ уже выше сказано было, огромное большинство наиболѣе неудобныхъ эмигрантовъ, лишенное энергии и предприимчивости, тяготеетъ массами къ большимъ центрамъ населенія, и нигдѣ не скученъ въ такомъ огромномъ числѣ этотъ классъ людей, стоящихъ на границѣ пауперизма, какъ въ самомъ Нью-Йоркѣ; здѣсь, стало быть, и слѣдовало производить наблюденія. Восемилѣтнее наше пребываніе въ различныхъ штатахъ и знакомство съ весьма разнородными слоями мѣстнаго населенія, въ которомъ, на основаніи родственныхъ связей, мы сразу вступили на правахъ своего челоуѣка, доставили намъ уже и прежде полную возможность основательно ознакомиться съ бытомъ кореннаго населенія страны. Съ другой стороны, въ памяти еще живо держались наблюденія надъ жизнью въ крупнѣйшихъ центрахъ бѣднаго населенія Европы, въ Лондонѣ, Парижѣ, Константинополѣ, не говоря уже о русскихъ городахъ. Мѣрка для сравненій находилась, такимъ образомъ, у насъ подъ рукою: оставалось лишь ознакомиться, въ повседневномъ быту, съ тѣмъ самымъ слоемъ населенія, отъ прилива котораго американцы такъ стараются оградить себя.

Не особенно трудное дѣло осмотрѣть нью-іоркскія трущобы того разбора, гдѣ гнѣздятся игорные дома, вертепы для куренія опиума и другіе притоны, присущіе всѣмъ большимъ центрамъ населенія. Здѣсь, правда, еще не привилась мода на „slumming“, эта столь распространенная забава представителей высшаго лондонскаго общества обоаго пола, которые нерѣдко предпринимаютъ поздно ночью, иногда тотчасъ по выходѣ съ самыхъ пышныхъ баловъ, экскурсіи въ самыя худшія столичныя трущобы, пускаясь подъ охраною полиціи на поиски за самыми рѣзкими контрастами тому довольству и приглаженной респектабельности, которая доводитъ ихъ до сплина въ повседневномъ быту. Американцы вообще, а нью-іоркцы въ особенности, не охотники ни до чего наталябивающаго на печальныя мысли, и потому „slumming“ совсѣмъ не прививается здѣсь даже въ тѣхъ слояхъ, которые наиболѣе стараются копировать англичанъ. Но заѣзжающимъ сюда туристамъ стодитъ только дать долларовъ десять любому смѣтливому полисмену, и тотъ, захвативъ товарища, готовъ будетъ водить любознательнаго иностранца ночью по самымъ худшимъ притонамъ той части города, которая примыкаетъ къ „Five Points“, мѣстности, по которой, лѣтъ 10—15 назадъ, ни одинъ добродородный обыватель не осмѣливался и днемъ проходить иначе, какъ вооруженный и подъ охраною полиціи. Теперь это „Five Points“

совершенно преобразилось стараніями миссіонеровъ, устроившихъ тамъ библейскіе дома, ремесленныя шволы и пріюты; въ нашу ночную экскурсію по трущобамъ, насъ было двѣ женщины и двое дюжихъ молодыхъ врачей: мы спокойно прошли „Five Points“ во второмъ часу ночи и не встрѣтили тамъ ровно ничего предосудительнаго, хотя вся смежная мѣстность кишѣла игорными домами, притонами потайнаго буренія опиума и китайскими ресторанами низшаго разбора; но въ сосѣднюю съ этимъ пунктомъ „Baxter-street“ полисмены однавоже просто не пропустили насъ, говоря, что тамъ и силы полиціи слишкомъ недостаточны, чтобы оградить насъ отъ возможныхъ нападеній и грабежа.

Какъ ни интересна сама по себѣ ночная жизнь полуторамилліоннаго города, все же, для предпринятаго нами изслѣдованія, наблюденія надъ этой стороной городской жизни было слишкомъ недостаточно: намъ надо было наблюдать не порочныя и преступныя подонки населенія, а бѣднѣйшіе слои пришлаго рабочаго класса. Какъ проникнуть въ эти слои, не возбуждая недовольства и подозрѣній, не наталкивая ихъ обитателей на лицемеріе и притворство?

Выбора впрочемъ на первыхъ шагахъ не представлялось, и мы принуждены были ухватиться за первый попавшійся случай: первое вступленіе въ интересовавшую насъ среду состоялось подъ руководствомъ молодого врача, правявшаго въ бѣднѣйшихъ кварталахъ верхняго города. Нищеты, лишеній, конечно, при этихъ профессиональныхъ визитахъ встрѣчалось намъ много, и во всѣхъ случаяхъ, подпавшихъ нашему наблюденію, обычный ходъ жизни семьи являлся нарушеннымъ. Мы имѣли здѣсь полную возможность убѣдиться въ справедливости того положенія, что размѣръ заработной платы неотразимо тяготѣетъ книзу, вѣчно стремясь подойти къ уровню „жизненнаго предѣла“, life limit, т.-е. не восходя за ту норму, на которой человѣку можно только просуществовать съ семьей; болѣзнь при такихъ условіяхъ являлась прямымъ спускомъ къ пауперизму, такъ какъ сбереженій по большей части не оказывалось никакихъ, а былъ въ резервѣ единственный ресурсъ бѣдняковъ—открытый кредитъ, основанный на закабаленіи „кормильца семьи“.

Въ мрачной картинѣ былъ впрочемъ хотя тотъ просвѣтъ, что здѣсь, въ не столь давно заселенной верхней части города, многія изъ бѣднѣйшихъ семей ютились въ отдѣльныхъ избушкахъ,—правда, полуразвалившихся, промзглыхъ, съ лѣнящимися при нихъ свинными хлѣвами,—но все же не было здѣсь той душливой, растлѣвающей скученности, которая является главнымъ двигателемъ

порочности въ жизни бѣднѣйшихъ городскихъ слоевъ, гдѣ человеку не представляется ни малѣйшей возможности когда-либо уединиться, хотя бы на полчаса.

Насъ направили къ руководителямъ частнаго учрежденія: „организація благотворительности“; они не отступали ни передъ какою тратою времени, чтобы объяснить намъ постановку ихъ дѣла и содѣйствовать тѣмъ изученію быта тѣхъ слоевъ, на которые направлена была ихъ дѣятельность. Агенты общества, завѣдующіе отдѣлами въ наихудшихъ кварталахъ старой части города, поручали насъ то тому, то другому изъ состоящихъ у нихъ на жаловань помощниковъ, профессиональныхъ посѣтителей, „friendly visitors“, задача которыхъ состоитъ въ изслѣдованіи степени нужды и справедливости просьбъ о вспоможеніи со стороны неимущихъ ихъ участка. Эти наемные агенты общества производятъ развѣдки по всѣмъ направленіямъ, а не ограничиваются какъ „добровольные посѣтители“ бѣдныхъ присмотромъ за нѣсколькими нуждающимися семьями, порученными имъ исключительнымъ попеченіемъ.

Въ сопровожденіи этихъ-то агентовъ мы усердно принялись за дѣло, посѣщая ежедневно отъ 20 и до 30 различныхъ семействъ. Къ нашему удовольствію, насъ повсемѣстно принимали также за агентовъ благотворительнаго общества и свободно обращались къ намъ съ разказами и разговорами, какъ къ лицамъ, досконально знающимъ ихъ бытъ и нужды.

Отъ агентовъ (которымъ по статутамъ общества строго запрещается въ какихъ бы то ни было случаяхъ оказывать прямое пособіе, лично отъ себя) видимо не ждали ни денегъ, ни подачки; никто не старался надѣвать передъ ними личины смиренія и религіозности; а если нѣкоторые и лгали, пытаясь скрыть свою склонность къ выпивкѣ, то дѣлалось это единственно потому, что всѣмъ было извѣстно, что агенты такъ завалены дѣломъ, что разъ навсегда приняли правиломъ не тратить на пьяницъ дорогаго времени, котораго едва-едва хватаетъ на обсужденіе дѣлъ ихъ съ тѣми, которые нуждаются въ совѣтѣ и поддержкѣ, а не въ леченіи отъ пьянства. Надо впрочемъ сказать, что спѣшности агенты не проявляли никакой; общество предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствія, и потому они, какъ намъ самимъ пришлось видѣть, каждому человеку отдаютъ какъ разъ столько времени, сколько требуется предъявляемыми на ихъ обсужденіе затрудненіями.

Понятно, что опытность этихъ агентовъ оказалась цѣннымъ для насъ пособіемъ во время скитаній нашихъ по грязнымъ, тем-

нимъ, скользимъ лѣстницамъ многоэтажныхъ домовъ-муравейниковъ въ тѣсно застроенной нижней части города: во многихъ мѣстахъ просто глазомъ охватишь невеселую картину нужды, проходя мимо двери; въ другихъ же мы вступали въ обстоятельные разспросы и разговоры, причемъ нерѣдко агенты заходили въ дома безъ всякаго на то требованія, за тѣмъ лишь, чтобы намъ показать что-нибудь особенное.

Должны однакоже сознаться, что первое, что бросилось намъ въ глаза, какъ общая черта жизни этихъ слоевъ, это былъ тотъ неограниченный досугъ, которымъ, повидимому, пользовались въ нихъ взрослые, въ особенности женщины: онѣ или толпились, грязныя, нечесанныя, на крыльцахъ домовъ, погруженные въ нескончаемые разговоры или запальчивую поребранку, или же цѣлою половиною туловища свѣшивались изъ оконъ, стараясь заглянуть на людную улицу помимо развѣшеннаго для сушки у всѣхъ оконъ бѣлья; если которую женщину мы и заставляли за стиркой бѣлья или у плиты за стирнею, то при ней всегда состояло по нѣскольку посѣтительницъ, сидѣвшихъ, руки сложа, на искалѣченныхъ стульяхъ, кадубахъ, коробахъ, и развлекавшихъ хозяйку разговорами. Даже въ настоящихъ трущобахъ, въ убѣжищахъ бѣдняковъ, утратившихъ всякую надежду пробиться въ люди, тамъ, гдѣ свѣтъ дневной проникалъ лишь изъ слухового окна въ крышѣ или въ отверстіе, продѣланное вверху двери, гдѣ не было и плиты, а вся домашняя обстановка ограничивалась грудкою вонючихъ трапокъ, служащихъ постелью, да деревянными коробами вмѣсто стола и стульевъ, гдѣ жильцы очевидно питались, какъ собаки, тѣми грудками собранныхъ по городу объѣдковъ, которые заставляли мы на импровизованныхъ столахъ,—тамъ и тѣмъ паче въ досугѣ не было недостатка, и разговорная часть процвѣтала во всей силѣ.

Такъ какъ наше присутствіе никого не стѣсняло, то болтовня шла своимъ чередомъ, и въ особенности среди ирландцевъ пересыпалась частыми шутками и остротами: очевидно было, что люди эти совершенно сжились со своею средою, а пожалуй никогда и не знавали ничего лучшаго, и умѣли извлекать даже и изъ этого ада своего рода забаву и удовольствіе.

Замѣчаніе наше о досужности, конечно, относится къ семьямъ, гдѣ заработокъ, хотя бы и самый скудный, идетъ отъ мужчины; жена же возится дома съ дѣтьми, или же, если она итальянка, занимается разборомъ старья, собраннаго ею самой по улицамъ, или принесеннаго домой мужемъ-тряпичникомъ. И, глядя на весь этотъ жужжащій сонмъ женщинъ, мы во очію имѣли случай убѣ-

даться въ справедливости словъ лектора на здѣшнихъ „Post Graduate Courses of Medecine“, молодого врача, который въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій серьезно утверждалъ, что какъ ни недостаточенъ заработокъ рабочаго, какъ ни много сравнительно у него уходитъ денегъ зря или на выпивку, все же чуть ли не болѣе того транжирить его жена по лѣни, по упорству въ своемъ невѣжествѣ; трущобная женщина не знаетъ другого способа страши, кромѣ „жаренья на сковородѣ“, да и тому предпочитаетъ она булки и куски готоваго сладкаго—пирога *pie*, съ овощной или фруктовой начинкой, что закупаетъ въ булочной или у разнощиковъ.

Изъ многихъ десятковъ семей, посѣщенныхъ нами, мы лишь въ одномъ мѣстѣ застали женщину за питьемъ, да и та сейчасъ же сложила руки и продержала насъ чуть не часъ, не переставая говорить весьма бойко и красно: по отзыву агента, эта самая развязная молодая дама, природная американка, была совершеннымъ жерновомъ на шеѣ у работающаго мужа, который тутъ же, около полудня, пришелъ домой пообѣдать, да такъ и съ чѣмъ и вернулся на работу, понянчивъ мимоходомъ ребенка, такъ какъ жена не выказывала ни малѣйшаго поползновенія бросить разговоръ и заняться приготовленіемъ обѣда. Эта чета принадлежала къ болѣе respectableному классу рабочихъ и спустилась до житія въ кѣти на задворкахъ только изъ-за недобровольнаго участія мужа въ долговременной стачкѣ: известное дѣло, что долгая безработица способна деморализировать наилучшаго рабочаго и обратить его въ лѣнтяя и кабачнаго завсегдатая.

Самыми ретивыми на работу оказывались низшаго разбора польскіе и нѣмецкіе евреи. Какъ ни отвратительна ихъ нечистоплотность, какъ ни плаксивы ихъ вѣчныя причитанья—надо отдать имъ справедливость: люди эти изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы заработать деньгу. Отецъ семейства больше ходитъ съ лотвомъ и продаетъ провозглую живность „дешево“, пока не нагрѣнетъ на него агентъ „Охраны народнаго здравія“, конфискуя часто весь его товаръ. Также и дѣти его начинаютъ зарабатывать гроши съ самыхъ малыхъ лѣтъ: въ одной типичной еврейской семьѣ, переселившейся сюда изъ Вильны годъ два тому назадъ, мы видѣли, какъ двѣ дѣвочки—восьми и десяти лѣтъ—съ матерью зарабатывали по 1 дол. 44 сентовъ въ день на подрубѣ руками панталонъ для мальчиковъ, заканчивая таковыхъ по четыре дюжины въ день, по 36-ти сентовъ за дюжину, тогда какъ 14-ти-лѣтній сынъ уже получалъ по пяти долларомъ въ недѣлю у портного. А все же, въ удивленію нашему, несмотря на этотъ

недостижимый въ ихъ быту въ Россіи достатокъ, вся семья въ одинъ голосъ заявляла, что только дай срока—заработаютъ они денегъ малую толику и махнутъ обратно въ дорогую Вильну. И это былъ не исключительный примѣръ такого рода. Сколько мы ни видали русскихъ евреевъ — они всё выказывали сильную привязанность къ родинѣ и стремленіе вернуться туда. Высказывалось это не намъ однимъ, — но и американцу-агенту. На вопросъ нашъ о причинѣ такого тяготѣнія евреевъ къ мѣсту родины, гдѣ ихъ такъ жестоко въ свое время притѣсняли, агентъ намъ пояснилъ, что американцы низшихъ слоевъ преслѣдуютъ евреевъ насмѣшками и выказываютъ такое къ нимъ отвращеніе, что евреевъ и деньги здѣсь не радуютъ.

По всеобщему отзыву агенто́въ „Организаціи благотворительности“, евреи рѣдко страдаютъ лѣнью, почти никогда не пьянствуютъ, копятъ деньги съ перваго дня вступленія въ Новый-Свѣтъ, недоѣдая порой и недопивая — но столъ же неизмѣнно попрошайничаютъ, не видя (равно какъ и итальянцы) ничего позорнаго въ принятіи подаенія: благо есть у кого деньги на раздачу. Нѣкоторые агенты, получая отъ евреевъ настоятельныя требованія о вспоможеніи, приняли за правило посѣщать ихъ дома по пятницамъ: отчасти потому, что въ этотъ день, шабаша ради, у евреевъ хоть мало-мальски почище въ квартирахъ, и притомъ тутъ еврейки неизмѣнно принимаются чистить свои серьги и браслеты — за такимъ интереснымъ занятіемъ ихъ и любить заставить агентъ, уличая въ томъ, что побараться имъ при достаткѣ нечего.

Главное препятствіе къ улучшенію быта евреевъ, нахлынувшихъ сюда за послѣдніе года изъ Польши и юго-западной Россіи, заключается въ той ограниченности занятій, къ которымъ они пригодны. О земледѣльствѣ и говорить нечего: евреи не ужились даже въ колоніи на Martha's Vineyard, гдѣ имъ отведена была здѣшнимъ филантропомъ земля, на которой они должны были поддерживать себя садоводствомъ, разведеніемъ ягодъ и овощей. Портняжное и сапожное ремесло — вотъ одно дѣло, на которое еврей способенъ, — да и то онъ больше швейной машиной дѣйствуетъ. Затѣмъ, единственное, къ чему необразованный еврей пригоденъ — это ростовщичество, мелкая торговля на лоткахъ или старымъ платьемъ: въ этихъ отрасляхъ способности ихъ граничатъ съ виртуозностью. Намъ случалось, вскорѣ послѣ еврейскихъ погромовъ въ Россіи, встрѣчать здѣсь бѣжавшихъ изъ Кіева, Бердичева и другихъ мѣстъ русскихъ евреевъ. Иной изъ нихъ, это помышленіе, вынималъ изъ потайнаго хранилища послѣдній

свой капиталъ—какихъ-нибудь десять долларовъ—или занималъ такую же сумму у здѣшняго благотворительнаго общества, накупалъ мелкаго товара и принимался торговать на лоткѣ на бойкомъ мѣстѣ, едва-едва только немного выучась считать по-английски. А смотришь—черезъ полгода у того же еврея откроется лавочка, а затѣмъ онъ и совсѣмъ поперется. Но это было только на первыхъ порахъ, когда здѣсь публика оплачивала горькую участь угнетенныхъ русскихъ евреевъ и на митингахъ провозглашала русскихъ религіозными фанатиками за ихъ звѣрское преслѣдованіе евреевъ. Теперь евреи, позабывъ, чего они натерпѣлись въ Россіи, рады бѣжать обратно отъ другого рода притѣсненій холоднаго янги.

Для еврея невѣжественнаго, да еще, какъ оно сплошь и рядомъ бываетъ, удрученнаго большою семьею—здѣшняя жизнь не открываетъ почти никакихъ ресурсовъ: рѣшительно ни къ чему пристроиться невозможно. Никогда мы не забудемъ трагическую фигуру еврея, котораго застали съ больною послѣ родовъ женою и громаднѣйшей семьею въ подвальномъ этажѣ одного изъ грязнѣйшихъ домовъ грязнѣйшей улицы города—въ Nexter-Street: длинный, сухой, будто скрюченный сознаниемъ своего бездоля, съ огромными восточнаго разрѣза воспаленными глазами, еврей этотъ нанчилъ новорожденнаго ребенка, любовно гладилъ по головѣ другого своего птенца, ухватившаго его за волѣни, — а слезы такъ градомъ и катились по его сморщившемуся лицу, по мѣрѣ того, какъ всесторонніе разспросы агента, къ какой бы можно его приспособить работѣ для прокормленія семьи, неизмѣнно приводили его къ одному отвѣту:—ничего-то онъ въ жизнь свою въ Россіи не могъ дѣлать, кромѣ торговли старьемъ,—и ни о чемъ кромѣ продажи съ лотка и теперь мечтать не былъ бы способенъ. И въ подтвержденіе нужды своей онъ тутъ же вынесъ изъ темнаго чулана большой тазъ, наполовину наполненный сухими корями,—ими однѣми, какъ онъ увѣрялъ, вотъ уже болѣе недѣли питается вся семья.

Если это было такъ, то виною тому было именно то, что эта семья пришельцевъ долго не знала, куда ей обратиться. По свидѣтельству всѣхъ лицъ, близко стоящихъ къ бѣднѣйшимъ слоямъ населенія, въ Нью-Йоркѣ никому въ пищу крайняго недостатка быть не можетъ—развѣ уже бѣднякъ принадлежитъ къ самому жалкому разряду нуждающагося люда, или кому гордость не позволяетъ идти побираться. У американцевъ всегда имѣется огромное количество остатковъ отъ стола, которое они ни на что не умѣютъ употреблять, и добродушныя ирландки-бухарки съ готовностью

отдаютъ эти объѣды всякому, кто бы ни попросилъ ихъ, позвонивъ въ кухню. Кромѣ того, существуетъ еще католическая община сестеръ милосердія, которая разсылаетъ свои фургоны во всѣ рестораны и отели съ просьбами о выдачѣ объѣдковъ—и затѣмъ уже сестры сортируютъ эту пищу и раздаютъ ее бѣдствующимъ. Что же касается до жизни бѣднѣйшихъ обитателей большихъ домовъ—tenement houses, то они неизмѣнно дѣлятся между собою послѣдними крохами: и здѣсь, какъ и въ Европѣ, человѣку легче бываетъ удѣлить отъ послѣдняго куска, нежели отъ своего излишка.

Своеобразныя сцены попадались намъ на каждомъ шагу въ еврейскомъ кварталѣ—въ Nexter-street, Pig-Market, Baxter-street. Эта послѣдняя сплошь занята лавками для продажи стараго платья и обуви; проходя, по совѣту агента, серединою улицы,—дабы оберегъ отъ возможнаго соприкосновенія съ висящимъ надъ тротуаромъ старьемъ и съ руками назойливыхъ продавцовъ, мы могли бы, закрывъ глаза, вообразить себя на Щукиномъ дворѣ или на Смоленскомъ рынкѣ: до того неотвязчивы были приставанья торговцевъ, изъ которыхъ многіе переговаривались между собой на русскомъ, невообразимо ломаномъ языкѣ. Кстати замѣтимъ тутъ, что зазыванья эти, помимо Россіи и Константинополя, намъ приходилось встрѣчать лишь въ Нью-Йоркѣ,—въ тѣхъ кварталахъ, которые заселены евреями.

Что же касается до сценъ на главномъ сборномъ пунктѣ русскихъ и польскихъ евреевъ, слывущемъ здѣсь подъ названіемъ „Свиного Рынка“—Pig-Market,—то многія изъ нихъ и понынѣ остаются для насъ неразъясненными, начиная съ вопроса: отчего этотъ пунктъ исключительно еврейскаго квартала зовется „Свиннымъ Рынкомъ“? Оттого ли, что на свинину тамъ не можетъ найтись и покупщика, или въ силу привычекъ самихъ обитателей, которые день-деньской толкуются на этомъ пунктѣ улицы, среди невообразимаго грохота, грязи и вони. Улица сплошь занята евреями съ пейсами и еврейками въ выпѣвшихъ, плѣшивыхъ парикахъ; всякій здѣсь что-нибудь да продаетъ: кто старье и дешевыя побрякушки, кто заплесневѣлыя, гнилыя фрукты, кто—вонючую рыбу. Всякій прицѣнивается, торгуется, покупаетъ и тутъ же бросается перепродавать свою покупку въ расчетѣ на барышъ. Изрѣдка лишь забредетъ сюда итальянецъ или шатающійся изъ стороны въ сторону подъ одурью опиума китаецъ,—и на него мгновенно набрасываются обыватели Свиного Рынка, обступая, какъ муравьи добычу свою, и стараясь навязать ему товара хоть на нѣсколько центовъ.

IV.

Женщина-врачъ и наблюденія, вынесенныя ею изъ практики въ труппономъ мірѣ.—Анархическія тенденціи нѣмцевъ и вообще иностранцевъ низшихъ слоевъ.—Полное отсутствіе благодарности за оказываемую помощь и услуги.—Итальянцы Нью-Йорка и ихъ отличіе отъ пришельцевъ другихъ національностей.—Низменность ихъ умственнаго уровня.—„Бараки“.

Въ дополненіе къ нашимъ, по необходимости поверхностнымъ, наблюденіямъ мы можемъ присоединить нѣкоторыя любопытныя свѣденія, полученныя нами отъ доктора Анны Даніэль, состоящей въ теченіе восьми лѣтъ врачомъ при нѣмецкомъ госпиталѣ и еврейской лечебницѣ въ восточныхъ кварталахъ Нью-Йорка. Направлены мы были къ этому врачу, какъ къ особѣ, проявляющей живой интересъ къ быту неимущаго населенія столицы и проведенной восемь лѣтъ въ наблюденіи жизни низшихъ слоевъ за время постоянной практики въ ихъ средѣ. И дѣйствительно, докторъ Даніэль, какъ застали мы ее въ ея уютной пріемной въ подвальномъ этажѣ дома близъ „Stuyvesant Square“, совсѣмъ оказалась непохожей на тѣхъ дамъ въ брильянтахъ, побрякушкахъ, браслетахъ и шелкахъ, которыхъ мнѣ до того приходилось встрѣчать среди практикующихъ въ Нью-Йоркѣ женщинъ-врачей. Худощавая, очевидно работающая черезъ силу, дѣвушка лѣтъ тридцати съ небольшимъ, докторъ Даніэль одѣта была просто, чуть ли не бѣдно, и очевидно туалету значенія не придавала; лицо ея освѣщалось парю умныхъ, глубокихъ темныхъ глазъ, будто подернутыхъ скрытою грустью; въ разговорѣ эта неутомимая дѣятельница проявляла чрезвычайно много здраваго смысла, даже юмора, и отнюдь не обнаруживала склонности къ сентиментальному взгляду на вещи.

По отношенію къ русскимъ евреямъ докторъ Даніэль подтвердила намъ все прежде слышанное объ ихъ крайней бѣдности и нечистоплотности; между прочимъ, она рассказала, что сама знаетъ двухъ евреевъ, которыя держатъ жильцовъ: одна—тринадцать человѣкъ, а другая—восемь,—и даютъ имъ всю бѣду за плату въ *два доллара* (три рубля) съ человѣка *е мѣсяцъ* и, тѣмъ не менѣе, находятъ это для себя выгоднымъ. Докторъ Даніэль видала то мѣсиво, какое потребляется бѣдными евреями на пищу, и увѣряетъ, что та еврейка, на какихъ-нибудь двадцать центовъ (тридцать копѣекъ) умудряется справлять обѣдъ на 12 или 15 человѣкъ: конечно, она даже и хлѣба не покупаетъ, а кормить ихъ больше подобранными по домамъ корками. Жильцы

живутъ вмѣстѣ съ хозяевами и дѣтьми ихъ, иногда человекъ по пятнадцати въ двухъ маленькихъ комнатахъ, что немало и никого, повидимому, не стѣсняетъ. Мокутся еврейки всего одинъ разъ въ мѣсяцъ, такъ какъ строго исполняютъ тѣмъ предписаніе своего закона; что же касается мужчинъ, то они и того грязнѣе держатъ себя.

Зная, что докторъ Даніэль давно и серьезно интересуется социальными вопросами, мы хотѣли при ея помощи провѣрить, дѣйствительно ли анархистскія тенденціи такъ сильно распространены среди нуждающагося населенія восточныхъ кварталовъ города, какъ насъ увѣряли многіе американцы. Намъ всегда казалось, что эти анархистскія тенденціи массъ существуютъ больше въ воображеніи нашихъ собесѣдниковъ, какъ бы въ подтвержденіе известной поговорки насчетъ того, что „у страха глаза велики“; такой нашъ взглядъ подтверждали и собственные наблюденія труппобной жизни: трудно было допустить, чтобы люди, столь педально ушедшіе въ умственномъ развитіи отъ животныхъ, могли имѣть какія-либо стойкія или хотя мало-мальски сознательныя социальныя тенденціи. Докторъ Даніэль въ теченіе многихъ лѣтъ вращалась не только среди самаго невѣжественнаго труппобнаго міра, но и въ бѣднѣйшихъ нѣмецкихъ рабочихъ слояхъ, которые, конечно, по умственному развитію стоятъ выше всѣхъ другихъ выходцевъ изъ Европы.

О нѣмцахъ вообще Анна Даніэль была хорошаго мнѣнія, и въ этомъ, надо добавить, сходилась со всѣми другими образованными дѣятелями въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города.

— Нѣмцы, — говорила она намъ, — выказываютъ почти такое же сильное стремленіе, какъ и ирландцы, къ тому, чтобы доставить дѣтямъ своимъ образованіе и поднять ихъ выше той среды, въ которой вращаются сами; это не то, что русскіе евреи, которые не имѣютъ никакого желанія изучать англійскій языкъ или сближаться съ американцами и посылаютъ дѣтей своихъ въ школы при синагогахъ, гдѣ дѣти ни слова англійскаго не слышатъ, никогда не приходятъ въ соприкосновеніе съ американцами и вырастаютъ, не зная совсѣмъ нашего языка и держась всецѣло того мировоззрѣнія и привычекъ, какія вынесены ихъ родителями изъ Европы.

— Неужели же нельзя сказать ни одного слова въ пользу русскихъ евреевъ? — спросили мы не безъ удивленія у доктора Даніэль, не зная, какъ согласовать ея очевидную терпимость и собогъзнованіе объ участи евреевъ съ рѣзкими заявленіями того, что евреи здѣсь не нужны, что, кромѣ вреда отъ прибытія ихъ сюда, ничего и ждать нельзя.

— Какъ не могу? я первая готова сказать, что изъ всего населенія трущобъ евреи наименѣе безнравственны. Это, однако, не значить, чтобы въ ихъ средѣ замѣчалась совѣстливость, стыдливость или какіе бы то ни было проблески нравственнаго чутія; одно только—среди евреевъ найдется наименьшее число незаконнорожденныхъ дѣтей. Что же касается до всего остального, —они также недалеко ушли отъ животныхъ... Да вотъ вамъ хоть одинъ примѣръ: зайдя навѣстить на дняхъ одну больную еврейку, я застала дверь ея комнаты полураскрытой и, войдя, нашла взрослога сына больной совершенно нагишомъ; это его нисколько не смутило, и когда я снова вышла за дверь подождать, пока онъ что-нибудь надѣнетъ на себя, то и онъ, и мать его, видимо не могли понять, чего я такъ церемонюсь. Въ русскихъ евреяхъ хорошо, впрочемъ, то, что они очень привязаны къ дѣтямъ своимъ; но опять-таки эта привязанность чисто животная: такъ и корова бываетъ привязана къ теленку своему. Нѣтъ, я не удивляюсь, что природные американскіе евреи какъ отъ чумы бѣгутъ отъ невѣжественныхъ русскихъ и польскихъ евреевъ. Какое же сравненіе съ ирландцами и нѣмцами!

— Вотъ вы все хвалите нѣмцевъ, докторъ, —замѣтили мы, — а какъ же вы не опасаетесь того, не слишкомъ ли много вошло уже и теперь нѣмецкой крови въ составъ американской народности?

— Этого бояться нечего: нѣмцы въ третьемъ поколѣніи становятся такими же хорошими американцами, какъ ирландцы во второмъ, а иногда даже и въ первомъ поколѣніи. Если есть какая опасность отъ прилива нѣмцевъ, такъ это ихъ анархистскія тенденціи.

— Неужели же эти тенденціи въ нѣмцахъ такъ сильны?

— Не въ нѣмцахъ однихъ, —низшіе слои всѣхъ національностей насковозъ пронивнуты здѣсь анархизмомъ и ненавистью къ высшимъ классамъ, —отвѣчала докторъ Даніэль; —а что вамъ не удалось этого замѣтить, нѣтъ ничего удивительнаго: на этотъ счетъ они съ чужими людьми очень сдержанны. Надо среди нихъ многіе годы прожить, чтобы понять, до какой степени анархистскія тенденціи въѣлись имъ въ кровь и плоть... Да вотъ вамъ одинъ примѣръ изъ многихъ... Ходить ко мнѣ въ лечебницу нѣмка; вотъ уже пять лѣтъ я ее знаю и на дому ее посѣщаю, и никогда слова не слыхала я отъ нея въ пользу анархизма. Приходитъ въ лечебницу эта нѣмка во время стачекъ на конныхъ дорогахъ, когда компаніи разомъ замѣстили 3.000 стачечниковъ новыми людьми подъ охраной полиціи. Прописала я этой женщинѣ лекарство, но она впервые

тутъ попросила, нельзя ли ей отпустить лекарство въ долгъ, — она и тѣхъ десяти сентовъ не въ состояніи уплатить, что у насъ полагается за лекарство. — Что такъ? — спрашиваю ее: — что съ вами произошло? — „Да вотъ, — плачется нѣмка, — все этотъ олухъ мужъ мой!.. Вздумалъ, дуракъ этакой, грубиянить противъ компаніи, туда же къ стачечникамъ присталъ, вмѣсто того, чтобы дураку довольствоваться жалованьемъ, семью въ приличномъ видѣ содержать“ ... Съ этимъ я, однако, не хотѣла согласиться и, зная, какъ въ этомъ дѣлѣ неправа была желѣзно-дорожная компанія, замѣтила нѣмкѣ: — Это ужъ вы напрасно такъ на мужа жалуетесь: онъ хорошо сдѣлалъ, что присоединился къ стачечникамъ, иначе ему нельзя было и поступить. — Посмотрѣли бы вы, какая тутъ съ нѣмкой моей метаморфоза совершилась: обрадовавшись, что встрѣтила во мнѣ симпатію, она такъ и разразилась яростными изобличеніями компаніи, капиталистовъ, гремѣла ругательствами противъ бѣлоручекъ-паразитовъ высшихъ классовъ, лицо ея разгорѣлось, голубые глазки метали искры, анархическія рѣчи самаго яростнаго пошиба такъ и лились изъ ея устъ, будто клокочущая лава, только-что вырвавшаяся изъ огнедушщей горы.

— И что же, этимъ однимъ взрывомъ дѣло и окончилось?

— Нѣтъ, съ той поры меня въ этой нѣмецкой семьѣ и въ семьяхъ ихъ знакомыхъ не стѣсняются; присутствіе мое не налагаетъ теперь на нихъ молчанія, какъ бывало прежде; они такъ и сыплютъ своими анархическими рѣчами. Анархизмъ всѣ мысли ихъ порабощаетъ, всѣми дѣйствіями ихъ руководить; нѣтъ мѣры тому презрѣнію, съ которымъ они относятся къ американскимъ учрежденіямъ, измышленнымъ, по ихъ мнѣнію, на пользу однихъ паразитовъ и капиталистовъ. На такихъ-то разговорахъ, въ такихъ-то понятіяхъ выростаютъ въ этой средѣ дѣти; ничего иного они не слышатъ и, выростая, наконецъ, превращаются въ добropорядочныхъ американскихъ гражданъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но все же остаются въ душѣ анархистами и социалистами; они презираютъ американскія учрежденія, а между тѣмъ эта молодежь будетъ для насъ же, американцевъ, со временемъ законы предписывать. Нельзя, однакоже, отрицать, что въ нѣмцевъ вообще хорошіе выходятъ граждане, и что касается до обыкновенныхъ политическихъ вопросовъ, то они ихъ обсуждаютъ весьма здраво и склонны подавать голоса независимо ни отъ какихъ предписаній политическихъ заправилъ.

— Такъ, стало быть, если исключить русскихъ и польскихъ евреевъ, практика въ трущобномъ мірѣ не представляетъ собою слишкомъ много неприятнаго?

— Ну, это смотря по человѣку: да и привыкнуть къ ихъ замашкамъ тоже трудно; возьмите хоть то одно, наприимѣръ: за восемь лѣтъ практики среди нихъ ни я сама, ни товарищи мои ни разу отъ пациентовъ этихъ не слышали простого „спасибо“; ты хоть распинайся, возись съ ними дѣлыми днями и ночами—ни одинъ благодарностью не обмолвится; если же чуть что не по нимъ, они на дежурнаго врача идутъ жаловаться въ тому, кого почитаютъ его „начальствомъ“.

— Чему же вы это приписываете?

— А чему же, какъ не тѣмъ идеямъ, которыя прививаются имъ съ самой колыбели? Въ этихъ слояхъ бѣдность такая непреходимая, что ни у кого нѣтъ ни ящика, ни коробки съ вещами, которыя бы ему принадлежали; у человѣка нѣтъ платка носового, который бы онъ могъ своимъ назвать—все общее, и все чужое—свое... Все, что дѣлается для нихъ другими, принимается ими за должное: больницы ли для нихъ устриваютъ, лечебницы ли открываютъ, экскурсиіи ли для дѣтей загородныя устриваютъ—все это они почитаютъ своимъ и *требуютъ* всаческаго вниманія со стороны служащихъ имъ... Придетъ время, когда они сами захватывать будутъ то, что имъ не дается даромъ; а затѣмъ, пожалуй, и съ боя будутъ брать, что имъ требуется. Сами они это провозглашаютъ и почитаютъ низостью благодарить за то, что „ихъ по праву“...

Мы передаемъ здѣсь мнѣніе американки-врача, весьма развитой и образованной женщины, симпатизирующей всѣмъ угнетеннымъ въ жизненной борьбѣ, передаемъ ея мнѣніе въ тѣхъ самыхъ приблизительно словахъ, въ какихъ оно было высказано. Съ своей же стороны добавляемъ, что этотъ взглядъ не поколебалъ того впечатлѣнія, которое вынесено нами изъ скитаній среди бѣднаго столичнаго люда и изъ тѣхъ митинговъ недовольныхъ всякаго разбора, на которыхъ приходилось намъ присутствовать за всѣ истекшіе года пребыванія нашего въ Штатахъ. Не слѣдуетъ забывать того, что низшіе классы и здѣсь, равно какъ и въ Европѣ, привычны къ яростнымъ, зажигательнымъ рѣчамъ. Имъ постоянно требуются ораторскіе „громы и молніи“, которые имъ, однакоже, совсѣмъ не глубоко западаютъ въ душу. Слушать Иоганна Моста и сподвижниковъ его нѣмцы идутъ больше потому, что имъ привычны ихъ рѣчи—новыхъ горизонтовъ громовержцы уже слушателямъ не открываютъ, и потому можно съ спокойнымъ духомъ слушать ихъ за кружкою пива, не отравляя своего любимаго времяпрепровожденія.

Не принимая серьезно рѣчей „профессиональныхъ“ и „за-

штатныхъ“ революціонеровъ, повсемѣстно цѣпляющихся за рабочаго, мы, равнымъ образомъ, не раздѣляемъ и опасеній лицъ, предсказывающихъ близкую кровопролитную революцію немущихъ противъ условій американской жизни настоящаго времени.

Весьма возможно, что мы ошибаемся, но намъ кажется, что для возстанія несомнѣнно требуется извѣстная доля силы воли, а этого именно и недостаетъ тѣмъ массамъ, которыя заѣдаются гангренной пауперизма въ большихъ центрахъ населенія Штатовъ. Здѣшнее немущее населеніе насчитываетъ въ рядахъ своихъ нѣмцевъ, швейцарцевъ, китайцевъ, англичанъ, шотландцевъ, негровъ, итальянцевъ, евреевъ,—людей всѣхъ цвѣтовъ и національностей, которые образуютъ собою безпокойную, подвижную массу человѣческихъ существъ и, утративъ всякое подобіе индивидуальности, даютъ волю стаднымъ инстинктамъ, жмутся другъ къ другу, хотя даже не понимаютъ другъ друга, не симпатизируютъ стремленіямъ другъ друга, говорятъ на непонятныхъ другъ другу нарѣчіяхъ. Массы эти, конечно, не могутъ сговориться насчетъ своихъ желаній и цѣлей и едва ли могутъ дѣйствовать сообща подъ руководствомъ какого бы то ни было лидера. Чтò бы агитаторы и люди робкіе ни говорили—возстаніе этихъ массъ не представляется намъ возможнымъ: слишкомъ уже придавлены они средой и умственно забиты крайней нуждою. Надо сознаться однакоже, что извѣстный здѣсь самоотверженный другъ бѣдныхъ, миссіонеръ Хѣнтингтонъ, признаетъ положеніе весьма серьезнымъ, такъ какъ, по его словамъ, въ самомъ Нью-Йоркѣ есть такія мѣстности, какъ East-Twelfth-Street, обитатели которой, мужчины, равно какъ и женщины, недавно хвастали тѣмъ, что въ ихъ „Двѣнадцатую улицу“ не посмѣетъ ни одинъ полисменъ носа показать...

По части скарденности, грязи и скопидомства недалеко отъ русскихъ и польскихъ евреевъ ушли итальянцы, главное занятіе которыхъ состоитъ въ подборѣ по улицамъ старья, костей, обломковъ желѣза и прочихъ вещей, выбрасываемыхъ изъ домовъ за негодностью; здѣшній итальянецъ готовъ цѣлыми годами питаться порченой провизіей, промозглыми и сушеными фруктами, прокислыми подонками пива, лишь бы отложить въ банкѣ лишній грошъ, и такъ же, какъ и еврей, неотвязчивъ въ просьбахъ о помощи, нимало въ таковой не нуждаясь. Итальянцы представляютъ теперь наибольшій контингентъ населенія нью-іоркскихъ трущобъ, и послѣ всесторонняго наблюденія ихъ жизни можемъ съ утвердительною сказать, что они занимаютъ положеніе весьма близкое къ быту животныхъ, а подчасъ даже, по виду, походять

на идиотовъ: тупое выраженіе ихъ нерѣдко красивыхъ лицъ явно свидѣтельствуеетъ о томъ, что стоятъ они по развитію своему не только ниже евреевъ (рѣдко обойденныхъ умомъ даже на низшей степени развитія), но ниже самыхъ невѣжественныхъ углекоповъ изъ поляковъ и венгерцевъ.

Зато пьянство — порокъ, почти неизвѣстный среди здѣшняго итальянскаго населенія; тѣмъ не менѣе, женщины-агенты „Организации благотворительности“ не осмѣливаются забираться въ дома, занимаемые итальянцами, такъ какъ тѣ при малѣйшей ссорѣ выхватываютъ свои кинжалы — *stiletto* — и вступаютъ въ кровавыя стычки между собою. Ночью, въ случаѣ вызова къ раненому итальянцу, даже врачи не рѣшаются проникать въ ихъ дома иначе какъ подъ охраною полиціи.

Обходя дома ихъ среди бѣлаго дня, мы часто заставляли въ нихъ группы незанятыхъ мужчинъ, толпящихся, среди женщинъ и ребятишекъ, по семи и десяти человекъ въ маленькихъ клѣтушкахъ; такъ какъ работа ихъ была больше ночная, то днемъ они или спали, или командовали своими женщинами, которыя стряпали имъ какое-то мѣсиво и занимались разборомъ и сортировкой подобраннаго на улицѣ тряпья и рухляди; все это, вопреки запрещенію мѣстныхъ законовъ, они держатъ у себя на квартирахъ. За все время нашего хожденія по бѣднѣйшимъ кварталамъ города грубо относились къ намъ одни итальянцы-мужчины, которые никогда не приподнимались съ мѣста при входѣ нашемъ въ комнату ихъ, угрюмо надвигали шапки на лицо и отворачивались отъ насъ, а не то громко хохотали надъ нами въ лицо, указывая на насъ пальцами. Женщины не были вѣжливы, но были много привѣтливѣе. Евреи представляли полную противоположность итальянцамъ — впадали часто даже въ подобострастіе и никогда не повидали минорнаго тона, тогда какъ женщины ихъ вездѣ казались веселыми и энергичными, несмотря на огромныя семьи, удручающія ихъ. Китайцы — неизмѣнно вѣжливы, смѣшливы, предупредительны, но также неизмѣнно напускали на себя нѣчто въ родѣ столбняка, лишь только, заходя въ ихъ квартиры и рестораны послѣ полуночи, мы, бывало, пытались вывѣдать у нихъ, гдѣ находятся ихъ потайныя мѣста для куренія опиума. Нѣмцы напускали на себя усиленную индифферентность къ присутствію нашему, часто бравировали мнѣніе агента, сопровождавшаго насъ, и нарочно въ его присутствіи посылали дѣтей своихъ за пивомъ. Одни ирландцы были вездѣ и всегда неизмѣнно вѣжливы — держали себя съ нами на равной ногѣ, встрѣчали какъ знакомыхъ посѣтителей и тотчасъ же предлагали намъ сѣсть: это была не

та холодная, безстрастная вѣжливость, какую мы встрѣчали въ китайцахъ, когда тѣ старались что-нибудь отъ насъ скрыть, но вѣжливость людей, которымъ, очевидно, и въ голову не приходитъ того, что бѣдность или невѣжество лишаютъ ихъ права глядѣть на болѣе зажиточныхъ людей какъ на себѣ подобныхъ. Негританка-прачка, напр., приходя за вашимъ бѣльемъ, усаживается у васъ на лучшемъ диванѣ въ ожиданіи того, когда вещи будутъ ей выданы; вы сразу видите „намѣренность“ ея поступка, желаніе неосвоившейся еще съ равенствомъ личности заявить себя передъ вами. Ничего подобнаго нѣтъ въ фамиллярности ирландцевъ—въ ней такъ и чувствуется смѣлость искренности, прямодушіе, исключющее всякую мысль о неравенствѣ: если ирландцы и проявляютъ склонность польстить собесѣднику, то это дѣлается просто изъ желанія сказать вамъ что-нибудь пріятное, и никогда рѣшительно не служитъ прелюдіей къ выпрашиванью. Въ самомъ неразвитомъ ирландцѣ, если только онъ не мошенникъ и не пьяница, все же сидитъ завсакъ хорошаго, независимаго гражданина—на него и американцы перестали смотрѣть, какъ на чужеземца, зная, какъ скоро и легко тотъ войдетъ здѣсь въ общую житейскую колею.

Особенно грустно было смотрѣть, при обходѣ итальянскихъ квартиръ, на то, въ какомъ загонѣ содержатся ихъ дѣти. Тутъ же, въ общей комнатѣ, на полу, на вершкѣ пороспемъ грязью и подернутомъ плесенью, копошились дѣти со ссадинами и болячками, произведенными нечистотою на рукахъ и лицахъ; большинство притомъ страдало англійскою и глазами болѣзнями, что не мѣшало родителямъ мало поднимавшихся на ноги ребятъ засаживать за переборку сваленныхъ тутъ же въ углу фруетовъ, которыми промышляютъ многіе итальянцы, скупая ихъ слегка попорченными при первой разгрузкѣ ихъ съ судовъ и торгуя ими затѣмъ на углахъ улицъ.

Нечистота царитъ среди итальянцевъ и евреевъ такая непомерная, что ее, какъ уже сказано, не выносятъ даже бѣднѣйшіе изъ негровъ, выселяясь изъ тѣхъ кварталовъ, которые наводняются этими пришельцами изъ Европы. Старинный, извѣстнѣйшій здѣсь громаднѣйшій негританскій домъ-муравейникъ на Hexter-Street, извѣстный когда-то подъ именемъ „Малой Африки“, теперь сплошь занятъ итальянцами и уже переименованъ въ „Малую Италію“. Негръ все же, какъ американскій уроженецъ, привыкъ къ извѣстной чистотѣ и комфорту; итальянцы же, живя совершенными животными, валяясь въ повалку на полу, живя по десяти человекъ въ одной комнатѣ, набиваютъ цѣны на квартиры и выживаютъ негровъ съ ихъ насиженныхъ гнѣздъ.

Что творится въ итальянскихъ муравейникахъ по ночамъ — и вообразить себѣ трудно. Нѣкоторое понятіе можно о томъ составить со словъ одного полицмена, приводимыхъ однимъ изъ здѣшнихъ санитарныхъ инженеровъ: „Ужасное для насъ дѣло, — говорилъ полицмень, — когда нужно являться въ эти дома ночью, производить аресты какихъ-нибудь бунцовъ. Обыкновенно случаются эти схватки часовъ около двухъ утра, и намъ, полицменамъ, приходится тогда проходить чуть что не по тѣламъ людей, которые спятъ на скамьяхъ, а не то въ повалку на полу. Разъ, арестовавъ какого-то молодца въ № 35, Mulberry-Street, я едва дотащилъ его до улицы — до того подкосила меня тошнота; если бы меня кто тогда ударилъ, я бы такъ и растаялъ на мѣстѣ“.

Во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ всѣ грязныя тряпки въ домахъ итальянцевъ начинаютъ сопрѣвать и за-одно съ разлагающимися фруктами издають такое зловоніе, что всякій, кто можетъ, бѣжитъ изъ дома вонъ и ночи проводитъ лежа на улицѣ или на плоской крышѣ дома; это послѣднее мѣсто — уже привилегированное, и постояльцы соблюдаютъ очередь, кому когда на крышѣ спать; нѣкоторые бѣдняки продають эту привилегію за сентъ или дороже болѣе богатымъ собратьямъ своимъ.

Типичными по грязи и зловонію домами являются такъ-называемыя „Бараки“ на углу Forsyth и Division-Streets. Тутъ ютятся иностранцы и все больше люди портняжнаго ремесла. Посреди домовъ находится треугольный дворикъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокими домами съ наружными галереями на каждомъ этажѣ. Солнце никогда не проникаетъ въ этотъ дворъ, но это никому не представляется неудобнымъ: большинству юнаго населенія труппобной части города за все дѣтство не приводилось еще видѣть, какъ восходить или заходить солнце; оно къ нему непривычно, и отсутствіе его мало сознается. Дворикъ этотъ никогда не просыхаетъ, потому что изъ устроеннаго въ немъ насоса навачиваютъ себѣ воду до пятидесяти семей, ютящихся въ „Баракахъ“. Нечистота и вонь въ квартирахъ, выходящихъ окнами на этотъ дворъ, такъ велика, что когда разъ туда пришелъ докторъ навѣстить больную дѣвочку, онъ не въ силахъ былъ вынести зловонія квартиры, гдѣ помѣщалась больная, и привазалъ для осмотра вынести ее на крышу.

Удивительно ли, что при такихъ обстоятельствахъ дѣти въ итальянскомъ и еврейскомъ кварталахъ мрутъ лѣтомъ какъ мухи!

В. МАКЪ-ГАХАНЪ.

КЕМБРИДЖСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

II *).

Уже болѣе 20 лѣтъ въ Кембриджѣ существуетъ колледжъ для женщинъ, Gerton-College, а недавно къ нему присоединился новый колледжъ, также исключительно для женщинъ—Newnham College ¹⁾). Долгое время въ Англии слово: „воспитанница Гертонъ-колледжа“, было синонимомъ съ нашимъ словомъ: „курсистка“. Въ настоящее время почти вездѣ женщины допущены наравнѣ съ мужчинами къ слушанію всѣхъ курсовъ, занятіямъ въ лабораторіяхъ или кабинетахъ, и къ экзаменамъ на всякія угодно ученныя степени. Кембриджскія студентки гордятся тѣмъ, что уже нѣсколько разъ на конкурсномъ экзаменѣ на математическій „трайпосъ“, о которомъ будетъ подробно сказано ниже, за ними оставалась побѣда, и нѣсколько разъ „первымъ классикомъ“ также оказывалась воспитанница Гертонъ-колледжа. Оба названные женскіе колледжа находятся довольно далеко отъ города: Гертонъ-колледжъ—въ сосѣдней деревнѣ Гертонѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кембриджа, такъ что студентокъ привозятъ въ Кембриджъ каждый день на левціи въ каретахъ, по четверо, и такимъ же образомъ отвозятъ обратно. Онѣ обязаны жить въ колледжѣ, дисциплина котораго такая же, какъ и въ мужскихъ колледжахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для за-

*) См. выше: сент., стр. 214.

¹⁾ Въ первомъ 150 слушательницъ, во-второмъ—90.

мужнихъ, иностраноеъ и т. п., дѣлается исключеніе. Начальница колледжа имѣетъ неограниченный контроль надъ нимъ и является единственною законодательницею, въ предѣлахъ устава, одобреннаго жертвователями, на средства которыхъ учреждены колледжи. Живя въ обществѣ, вдали отъ города, англійскія курсистки мало знакомятся со студентами, среди которыхъ до сихъ поръ не принято встрѣчать студентку. Онѣ не участвуютъ въ студенческихъ обществахъ, кромѣ весьма немногихъ, играютъ въ лонъ-теннисъ и пр. только со своими товарищами, и ни студенты не посѣщаютъ ихъ, ни онѣ не посѣщаютъ студентовъ на дому. Даже на лекціяхъ я всегда видѣлъ, что студентки усаживались гдѣ-нибудь въ углу, вдали отъ студентовъ, съ которыми онѣ никогда не разговаривали. Въ своихъ колледжахъ онѣ имѣютъ, какъ и студенты, свои общества для игръ въ полъ, и свои дебатирующія общества, на которыя также студенты не допускаются. Кромѣ профессоровъ, общихъ мужскимъ и женскимъ колледжамъ, въ послѣднихъ существуютъ свои профессорши и репетиторы или репетиторши, съ которыми студентки занимаются, какъ студенты, и готовятся къ тѣмъ же самымъ экзаменамъ. Но еще ни въ одномъ англійскомъ университетѣ женщина не выступала профессоромъ иначе, какъ въ женскомъ же колледжѣ. С. В. Ковалевская не могла бы получить каѳедру въ Англии. Такимъ образомъ, женскій вопросъ еще не вполне рѣшенъ въ Англии. За женщинами уже вполне признано право на образованіе, равное съ образованіемъ мужчинъ. Основываются новые колледжи для спеціальнаго обученія женщинъ или имъ отърываются двери разныхъ уже существующихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но онѣ еще не занимаютъ каѳедръ. Еще на студентовъ многіе смотрятъ какъ на нѣчто необыкновенное; еще не стало столь же общепринятымъ поступать въ университетъ молодой дѣвицѣ, какъ уже давно общепринято поступать въ университетъ молодому человѣку. Однако медленно, но вѣрно, англичане двигаются впередъ, и всякій сдѣланный шагъ уже никогда не теряется, а потому женское образованіе, вполне установившееся, продолжаетъ развиваться и входитъ въ область нормальныхъ явленій англійской жизни.

Выше было уже указано, что преподаваніе сосредоточивается преимущественно въ колледжахъ. Университетъ имѣетъ самъ по себѣ, независимо, отъ колледжей, 40 каѳедръ, основанныхъ на средства, пожертвованныя разными лицами. Не буду перечислять всѣхъ этихъ каѳедръ; назову только тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ математическимъ наукамъ. Такихъ каѳедръ всего четыре:

двѣ по чистой математикѣ, а именно: основанная въ 1663 г. Lucasian professorship, занимаемая въ настоящее время президентомъ англійской академіи наукъ (Royal Society) профессоромъ Стоксомъ; затѣмъ, основанная въ 1863 г. Sadlerian professorship, занимаемая въ настоящее время знаменитымъ англійскимъ математикомъ Кейли. Двѣ по астрономіи: одна, основанная въ 1704 г. подъ названіемъ Plumian professorship, занимаемая нынѣ Джорджемъ Дарвиномъ, сыномъ Чарльза Дарвина, и одна, основанная въ 1749 г. подъ названіемъ Lowndean professorship, занимаемая нынѣ извѣстнымъ Адамсомъ.

Всѣ эти лица, называемыя „университетскими профессорами“, читаютъ только наиболѣе возвышенныя части своихъ предметовъ, и ихъ слушаютъ обыкновенно не студенты, а уже лица, окончившія курсъ, получившія степень бакалавра искусствъ и оставшіяся въ Кембриджѣ для дальнѣйшихъ научныхъ занятій.

Вознагражденіе, получаемое профессорами, не опредѣляется уставомъ университета, а вполне зависитъ отъ учредителей каѳедръ; поэтому оно колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ. Такъ, профессора теологіи получаютъ 15.000 и болѣе руб., а королевскій профессоръ теологіи въ Оксфордѣ получаетъ даже 25.000 руб.; но другія каѳедры оплачиваются менѣе роскошно: 8.000, 9.000 составляютъ обыкновенное содержаніе; но есть и каѳедры въ 4.000, 3.000 и даже и того менѣе. Профессоръ не обязанъ читать всѣ три термина въ каждомъ году, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ прочесть курсъ, хотя бы изъ небольшого числа лекцій. Я слушалъ, напр., лекціи Стокса „о спускающихся рядахъ, содержащихъ степени комплексной переменн-ной“, составлявшія въ совокупности всего 5 часовъ въ теченіе одного термина. Въ виду специальности читаемыхъ профессорами курсовъ и, слѣдовательно, необязательности этихъ курсовъ для экзаменовъ на ученые степени, лекціи профессоровъ посвѣщаются очень мало. Такъ на примѣръ, на только-что упомянутыя лекціи Стокса сперва приходило пять человѣкъ, а на послѣднюю лекцію я остался единственнымъ слушателемъ. Одновременно съ профессорами и иногда тѣ же предметы читаютъ другіе преподаватели—междуколлегіальные и тьюторы колледжей. Такъ, одновременно съ курсомъ Кейли объ эллиптическихъ функціяхъ, читалъ курсъ подъ тѣмъ же названіемъ Глешеръ, тьюторъ Тринити-колледжа, въ качествѣ междуколлегіальнаго преподавателя.

Въ самихъ колледжахъ преподаваніе имѣетъ болѣе характеръ обученія, чѣмъ чтенія лекцій. Тьюторы знакомятся лично съ работами каждаго студента, задаютъ имъ работы на домъ и про-

смаиваютъ ихъ, указывая студенту его ошибки, объясняя ему трудныя мѣста учебниковъ и т. п. По каждому предмету имѣется одинъ основной учебникъ, изученіе котораго цѣлкомъ, или съ извѣстными пропусками, считается обязательнымъ, какъ у насъ въ гимназіяхъ; въ объясненіе сказаннаго въ учебникѣ, преподаватель задаетъ студентамъ вопросы и задачи, на которые студенты представляютъ письменныя работы или отвѣчаютъ устно. Поватно, что такая система преподаванія требуетъ большого количества преподавателей и стоитъ поѣтому большихъ денегъ. Необходимы для этого средства, однако, съ избыткомъ доставляются платою, взимаемою со студентовъ, а также покрываются доходами съ имущества, принадлежащаго колледжамъ и жертвуемаго имъ отъ времени до времени разными богатыми людьми. Колледжи не стѣснены въ своемъ преподаваніи никакими внѣшними принужденіями или запрещеніями. Они руководствуются однако программами, вырабатываемыми университетомъ просто потому, что студенты, поступающіе въ колледжъ, желаютъ подготовиться занятіями въ немъ къ университетскому экзамену на степень В. А., и требуютъ поѣтому, чтобы колледжъ давалъ имъ возможность обучиться всему тому, что требуется этою программой. Университетъ же составляетъ программу экзаменовъ и выбираетъ экзаменационную комиссію, которая должна составить списокъ вопросовъ и задачъ по этой программѣ, и просмотрѣть и оцѣнить представленныя студентами на эти вопросы и задачи отвѣты.

Для поступленія въ университетъ не требуется никакихъ знаній. Всякій желающій можетъ придти въ храмъ науки, слушать лекціи по какому-нибудь отдѣльному предмету или полный курсъ по какой-нибудь спеціальности. И въ самомъ дѣлѣ, возможны и есть студенты, которые поступаютъ въ университетъ прямо изъ дому, часто получивъ весьма недостаточное домашнее воспитаніе. Однако большинство, и притомъ большинство все возрастающее, поступаетъ въ университетъ изъ одной изъ такъ-называемыхъ „общественныхъ школъ“ (Public Schools), которыхъ въ Англіи, впрочемъ, весьма немного, а также изъ одной изъ безчисленнаго множества частныхъ школъ, съ весьма разнообразными, ничѣмъ не стѣсняемыми ¹⁾ программами. Во время перваго года пребыванія ихъ въ университетѣ, студентамъ предоставляется право держать такъ-называемый „предварительный экзамень“ (Previous Examination, по студенчески Little-go) изъ элементарныхъ частей всѣхъ наукъ, т.-е. изъ богословія, математики и классиковъ (см. ниже

¹⁾ Въ Англіи нѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

программу). Этотъ экзаменъ, какъ и вообще всѣ экзамены въ Кембриджѣ—письменный. Студентамъ раздается печатный списокъ вопросовъ и задачъ, и предоставляется въ теченіе трехъ часовъ написать на нихъ отвѣты и рѣшенія. Нѣтъ надобности, и даже обыкновенно нѣтъ возможности, отвѣтить на всѣ вопросы, предложенные въ листѣхъ. Вопросовъ задается 10, 12 или больше. По математикѣ, напр., принято задавать 12 вопросовъ, и къ каждому теоретическому вопросу—по одной задачѣ, иллюстрирующей приложеніе тѣхъ формулъ или принциповъ, которые найдены въ самомъ вопросѣ. Самые лучшіе студенты рѣдко рѣшаютъ болѣе половины вопросовъ, предложенныхъ имъ на экзаменѣ. При оцѣнкѣ результатовъ принимается во вниманіе какъ качество отвѣтовъ, такъ и количество рѣшенныхъ задачъ. Всякій вопросъ отмѣчается особою цифрою, означающею, по мнѣнію экзаменующихъ, ея трудность. Но цифры эти не сообщаются студентамъ, которые могутъ сами выбирать вопросы, которые они желаютъ рѣшать изъ списка. Затѣмъ отмѣтки за рѣшенные вопросы у каждого студента складываются. Если вопросъ былъ рѣшенъ не вполне удовлетворительно, то вмѣсто присвоенной данной задачѣ цифры ставится меньшая, и въ окончательномъ результатѣ, послѣ сложения всѣхъ чиселъ, полученныхъ студентомъ за всѣ его отвѣты, онъ получаетъ одну отмѣтку, резюмирующую совокупность оказанныхъ имъ успѣховъ на экзаменѣ. Отмѣтка эта имѣетъ большое значеніе, въ особенности на выпускномъ экзаменѣ, когда студентъ держитъ на степень „бакалавра съ почетомъ“, какъ мы увидимъ дальше.

Предварительный экзаменъ бываетъ три раза въ годъ и состоитъ каждый разъ изъ двухъ частей. Въ первой части студентамъ предлагаютъ вопросы по пяти отдѣламъ, а именно:

1) Евангеліе въ оригиналѣ, т.-е. по-гречески. Вопросы задаются какъ относительно содержанія Евангелія, такъ и для перевода отдѣльныхъ отрывковъ съ греческаго языка на англійскій съ соответствующими комментаріями.

2) Латинскій языкъ. Здѣсь опять-таки задаются переводы отрывковъ авторовъ на англійскій языкъ съ грамматическими или иными замѣчаніями и вопросы общаго характера.

3) Греческій языкъ—также какъ и латинскій.

4) Отрывки для перевода съ латинскаго языка на англійскій съ помощью словаря изъ авторовъ, не входящихъ въ программу экзамена (по первымъ тремъ пунктамъ до экзамена объявляется, изъ какихъ авторовъ и какихъ книгъ ихъ будутъ предложены переводы).

5) Грамматическіе вопросы изъ латинскаго и греческаго языковъ, изъ этимологіи или синтаксиса, преимущественно изъ приговоровъ данныхъ для перевода.

Вторая часть экзамена состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ частей:

1) Вопросы по содержанию книги Пэли: „О доказательствахъ христіанства“.

2) Элементарная геометрія, а именно содержаніе первыхъ трехъ книгъ Эвклида, опредѣленія 1—10 изъ книги 5, и содержаніе первыхъ 19 теоремъ книги 6. Необходимо знать наизусть опредѣленія Эвклида, и за аксіомы и постулаты принимаются только тѣ, которые выставлены какъ таковыя у Эвклида. Нѣтъ необходимости при доказательствахъ теоремъ воспроизводить дословно доказательства Эвклида; но нельзя пользоваться при такихъ доказательствахъ положеніями, которыя у Эвклида являются послѣ теоремы, которую предложено доказать.

3) Ариѳметика, причѣмъ при рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ допускается пользованіе алгебраическими знаками.

4) Алгебра, приблизительно въ объемѣ нашего гимназическаго курса.

При этомъ, если студентъ того пожелаетъ, вмѣсто вопросовъ изъ Евангелія, ему будутъ предложены вопросы изъ какаго-нибудь греческаго автора. А вмѣсто вопросовъ о книгѣ Пэли о доказательствахъ христіанства, студентъ можетъ, если пожелаетъ, получить вопросы по элементарной логикѣ. Кромѣ того, для студентовъ не-англичанъ, а напр. индусовъ, разрѣшается, вмѣсто греческаго языка, просить вопросовъ по англійской литературѣ—объясненія Шекспира и др.

Разсматривая эту программу, читатель вѣроятно будетъ пораженъ ея крайнею односторонностью. Только теологія, классики и математика! Ни исторія, ни географія, ни отечественной литературы не требуется. Эти предметы не будутъ требоваться и дальше, такъ что, по окончаніи университетскаго курса, бакалавръ искусствъ и т. п. можетъ выйти изъ университета, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о всемірной, ни объ отечественной исторіи, ни о географіи. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ приходилось убѣждаться изъ личныхъ бесѣдъ со студентами кембриджскаго университета, и даже съ тьюторами и профессорами, что познанія ихъ въ этихъ наукахъ нерѣдко совершенно ничтожны. Классики преподаются приблизительно такъ, какъ на континентѣ. Произношеніе латинскихъ словъ, однако, поражаетъ насъ своею странностью. Англичане читаютъ латинскія буквы, какъ будто онѣ означаютъ англійскія

слова. Съ перваго раза ничего нельзя понять челоѣву, привыкшему произносить по нашему, т.-е. по-нѣмцки. Я не слушалъ лекцій по классическимъ предметамъ, но и въ математическихъ лекціяхъ приходится иногда вставлять такія слова, какъ напр. a priori, которое читается въ Англии: „э прайорай“, или quasi, которое читается: „квасай“¹⁾). Преподаваніе геометріи, съ самаго начала и до сихъ поръ совершается по дословнымъ переводамъ Эвклида. Въ школахъ и въ университетѣ единственный учебникъ геометріи есть собраніе 6 книгъ Эвклида, которыя выучиваются почти наизусть. По крайней мѣрѣ, я могъ убѣдиться личными разспросами, что студенты знаютъ книгу и номеръ каждой теоремы Эвклида такъ, что ссылаются на извѣстныя положенія, просто называя параграфъ, подъ которымъ это положеніе находится у Эвклида. Въ письменныхъ отвѣтахъ на геометрическіе вопросы требуется строго геометрическое разсужденіе, если не совпадающее, то, по крайней мѣрѣ, вполне гармонирующее съ изложеніемъ Эвклида. Ни одинъ алгебраическій знакъ не можетъ быть написанъ на геометрическомъ отвѣтѣ. Нельзя даже, напр., писать знакъ: $=$; нужно писать: „равно“; нельзя говорить: „произведеніе этихъ двухъ отрѣзковъ, а надо писать: „прямоугольникъ, построенный на этихъ двухъ отрѣзкахъ“, и т. п.

Предварительный экзаменъ долженъ быть сданъ всѣми тѣми, которые желаютъ быть допущены къ дальнѣйшимъ экзаменамъ. Но нѣтъ строго назначеннаго времени для сдаванія этого экзамена. Можно иногда сдать его и до поступленія въ университетъ, или, вѣрнѣе, до матрикюляціи, но непременно послѣ поступленія въ члены одного изъ колледжей и уплаты матрикюляціоннаго взноса и взноса за экзаменъ, если только соотвѣтствующій тьюторъ колледжа засвидѣтельствуетъ, что данное лицо намѣрено bona fide поступить въ число студентовъ кембриджскаго университета, и пробыть въ немъ по крайней мѣрѣ ближайшій термъ.

Тѣ студенты, которые намѣреваются получить простую степень бакалавра, не „съ почетомъ“, могутъ удовольствоваться упомянутою программю предварительнаго экзамена. Но тѣ, которые желаютъ сдать „съ почетомъ“, должны сдать еще экзаменъ по добавочнымъ предметамъ. Добавочные предметы суть: 1) механика и тригонометрія; 2) французскій языкъ и 3) нѣмецкій языкъ. Въ послѣднихъ требуется переводить съ англійскаго на иностранный и съ иностраннаго на англійскій языкъ, причемъ и

¹⁾ Впрочемъ въ послѣднее время профессора - классики начинаютъ вводить научное произношеніе латинскихъ словъ, сходное съ нѣмецкимъ; буквы s, v, u, произносятся только всегда какъ русскія s, c, y, и никогда какъ ц, в, в.

здѣсь заранѣе (за полгода) объявляется, изъ какихъ книгъ будутъ предложены отрывки для переводовъ.

Для большинства студентовъ предварительный экзаменъ является лишнею обузой, роскошью, и онъ, вѣроятно, скоро исчезнетъ. Прежде, когда весьма многіе студенты поступали въ университетъ съ неизвѣстными для профессоровъ, часто ничтожными познаніями во всѣхъ наукахъ, предварительный экзаменъ служилъ какъ бы вступительнымъ экзаменомъ для слушанія настоящаго университетскаго курса. Теперь же, когда почти всѣ студенты поступаютъ въ университетъ изъ школъ, въ которыхъ они сдавали экзаменъ гораздо болѣе трудный, переэкзаменовка въ университетѣ перестала имѣть значеніе.

Слѣдующій затѣмъ экзаменъ, которому подвергается студентъ, называется общимъ экзаменомъ (General Examination). Лица, сдавшія успѣшно общій экзаменъ, могутъ явиться уже для спеціальнаго экзамена на ученую степень бакалавра, причемъ опять-таки различаются тѣ, которыя хотятъ сдать экзаменъ на простую степень бакалавра, или на ту же степень съ „почетомъ“.

Программа общаго экзамена столь же исключительна, какъ и программа предварительнаго экзамена. Она состоитъ изъ 6 отдѣловъ, а именно:

- 1) Дѣянія апостоловъ въ греческомъ оригиналѣ.
- 2) Одинъ изъ латинскихъ классиковъ.
- 3) Одинъ изъ греческихъ классиковъ.
- 4) Элементарная алгебра въ томъ же объемѣ, въ которомъ она требовалась на предварительномъ экзаменѣ.
- 5) Элементарная статика, т.-е. сложеніе и разложеніе силъ, простѣйшія машины и свойства центра тяжести.
- 6) Элементарная гидростатика и теплота, приблизительно въ томъ объемѣ, въ которомъ эти отдѣлы физики излагаются въ нашихъ элементарныхъ руководствахъ для гимназій.

Кромѣ этого предлагается еще: 7) переводъ съ англійскаго языка на латинскій, и 8) сочиненіе на заданную тему и разборъ отрывка изъ Мильтона или одной изъ драмъ Шекспира, также заранѣе, за полгода, назначенной. Эти добавочные вопросы не обязательны, но принимаются въ расчетъ при классификаціи студентовъ по успѣхамъ.

Общіе экзамены происходятъ разъ въ годъ въ іюнѣ. Студенты, выдержавшіе экзаменъ, раздѣляются по успѣшности ихъ отвѣтовъ на четыре группы; имена выдержавшихъ публикуются по этимъ группамъ, причемъ въ каждой группѣ имена студентовъ даются въ спискѣ уже только въ алфавитномъ порядкѣ.

Экзаменаторы при предварительномъ экзаменѣ, на обязанности которыхъ состоитъ составленіе вопросовъ и просмотръ поданныхъ работъ, получаютъ отъ университета вознагражденіе въ размѣрѣ 15 ф. (150 руб.) за экзаменъ. Экзаменаторы при общемъ экзаменѣ получаютъ 30 ф. (300 руб.) за экзаменъ. На каждомъ экзаменѣ должны присутствовать четыре экзаменатора и кромѣ того два проктора или про-проктора и четыре служителя, состоящихъ подъ начальствомъ проктора. Студентъ, замѣченный въ списываніи или иномъ недозволенномъ поступкѣ, немедленно удаляется съ запрещеніемъ продолжать экзаменъ въ этомъ году.

Студенты уплачиваютъ по 25 шиллинговъ (12 руб.) за каждый изъ двухъ отдѣловъ предварительнаго экзамена и за каждый изъ двухъ отдѣловъ общаго экзамена. Если студентъ не выдержитъ уже первой части предварительнаго экзамена и не будетъ допущенъ до продолженія его, то онъ не платитъ болѣе того, что имъ уже внесено. Студенты, не выдержавшіе экзамена въ данномъ году и передерживающіе его въ другой разъ, платятъ за каждый слѣдующій экзаменъ, какъ за новый.

Для того, чтобы быть допущеннымъ къ общему экзамену, должно пробыть въ Кембриджѣ, по крайней мѣрѣ, три терма, т.-е. необходимо, чтобы студенту были зачтены три терма пребыванія его въ университетскомъ городѣ, и кромѣ того онъ долженъ уже раньше удовлетворительно сдать предварительный экзаменъ. Студенты, намѣревающіеся сдавать экзаменъ на степень „бакалавра съ почетомъ“ и, слѣдовательно, сдавшіе уже предварительный экзаменъ съ добавочными вопросами, освобождаются отъ общаго экзамена. Мы увидимъ далѣе, какіе трудные вопросы предлагаются тѣмъ, которые рѣшаются сдавать экзаменъ на степень съ почетомъ. Выдержавши названные два экзамена, студентъ является, наконецъ, на третій и послѣдній экзаменъ на ученую степень, и только здѣсь обнаруживается раздѣленіе по специальностямъ. Нѣсколько страннымъ можетъ показаться, что нѣтъ спеціальнаго простаго экзамена по математикѣ, между тѣмъ какъ извѣстно, что большинство студентовъ кембриджскаго университета занимается именно математикой. Дѣло въ томъ, что лица, желающія получить математическую степень, должны непременно сдавать трудный экзаменъ на степень съ почетомъ, именуемый „трайпосомъ“, или треножникомъ, и еще весьма недавно даже тѣ, которые желали получить классическую степень, должны были сдать трудный экзаменъ на „математическій трайпосъ“. Трайпосы существуютъ по разнымъ специальностямъ, какъ объ этомъ будетъ подробнѣе сказано ниже, но по математикѣ существуютъ только трайпосы, а не низшіе

экзамены. И большинство студентовъ, сдающихъ экзамены на высшія степени, сдаютъ именно математическій экзаменъ. Студентъ уже съ самаго начала своего пребыванія въ университетѣ долженъ рѣшить, собирается ли онъ сдать экзаменъ на трайпосъ, или простой экзаменъ, т.-е., какъ технически выражаются, собирается ли онъ быть однимъ изъ *Honour Men* или однимъ изъ *Poll Men* (отъ греческаго *πολλοί*).

На простого бакалавра можно сдавать по слѣдующимъ спеціальностямъ: по теологіи, нравственнымъ наукамъ, правовѣденію и новой исторіи, естественной исторіи, механикамъ и прикладной механикѣ, музыкѣ и новымъ языкамъ. Необходимо, чтобы студенту было зачтено, по крайней мѣрѣ, восемь термовъ, для того, чтобы онъ получилъ право держать одинъ изъ перечисленныхъ экзаменовъ на степень бакалавра. Программы всѣхъ экзаменовъ вполне опредѣлены. Указываются не только книги, которыя студентъ долженъ знать, но и страницы и главы, которыя ему должны быть извѣстны, и что онъ можетъ пропустить въ принятыхъ учебникахъ. По всѣмъ отдѣламъ программа экзамена чрезвычайно ограниченная, какъ мы сейчасъ то увидимъ. Бакалавръ искусствъ, окончившій кембриджскій или оксфордскій университетъ, далеко уступаетъ нашему кандидату университета, какъ по объему, такъ и по содержанію тѣхъ свѣденій, которыя онъ долженъ обнаружить на экзаменѣ. Между экзаменомъ на простую степень бакалавра и экзаменомъ на степень бакалавра съ почетомъ, существуетъ большая разница, чѣмъ между нашимъ экзаменомъ на аттестатъ зрѣлости и кандидатскимъ экзаменомъ. Однако лица, оканчивающія тотъ или другой, одинаково называются бакалаврами и одинаково пишутъ послѣ своего имени буквы В. А. (*Bachelor of Arts*). Одинъ шутникъ, написавшій юмористическіе рассказы изъ кембриджской жизни, предлагаетъ называть первыхъ: в. а. и только послѣднимъ давать право писать: В. А.; хотя буквы и одинаковы, но права, даваемые степенями—обыкновенною и почетною, не одинаковы. Для того, чтобы имѣть право получить высшую степень М. А. (*Master of Arts*), т.-е. магистра, необходимо имѣть степень В. А. съ почетомъ. При поступленіи на государственную или частную службу, лица, имѣющія степень В. А. съ почетомъ, пользуются громадными преимуществами сравнительно съ тѣми, которыя просто В. А. Мало того, даже мѣсто въ спискѣ В. А., публикуемомъ университетомъ, играетъ большую роль при выборѣ кандидатовъ на должности. Тѣ, которые имѣли счастье попасть въ число первыхъ, сейчасъ же получаютъ самыя выгодныя мѣста, оплачиваемыя громадными суммами. Поэтому характеръ всѣхъ

экзаменовъ конкурсный. Всякій старается непремѣнно сдать лучше другихъ, для того, чтобы попасть въ число первыхъ въ спискѣ В. А. И постоянною темою разговоровъ между студентами служить вопросъ о томъ, какимъ номеромъ тотъ или другой студентъ надѣется кончить или кончилъ свой экзаменъ на трайпосъ.

За право сдавать экзаменъ на степень В. А. (обыкновенную) студентъ уплачиваетъ двѣ гинеи (21 руб.). Экзаменаторы получаютъ за производство испытаній 20 ф. (200 руб.).

Для иллюстраціи сказаннаго выше о программахъ обыкновеннаго экзамена приведу три программы—экзамена по нравственнымъ наукамъ, по естественнымъ наукамъ и по новымъ языкамъ. Положеніе о первомъ экзаменѣ привожу цѣликомъ, какъ образчикъ вообще такихъ положеній. Правила, занимающія большую часть этого положенія, повторяются съ небольшими измѣненіями для всѣхъ экзаменовъ.

Положеніе о спеціальномъ экзаменѣ по нравственнымъ наукамъ говорить:

1) Что экзаменъ начнется въ четвергъ (или, если въ этотъ день окажется праздникъ Вознесенія, то въ среду) за двѣ недѣли до раздачи степеней В. А., въ третьемъ термѣ учебнаго года, по слѣдующимъ отраслямъ знанія, причемъ по каждому отдѣлу будетъ предложено три серіи вопросовъ:

Логика. Учебники. Элементарная логика Девонса, главы 1-22. Индуктивная логика Фоулера. Логика Милля. Опытъ о познаніи, Локка, книга III и глава 6, 7, 8, 12, 17, изъ книги IV.

Политическая экономія. А. Смитъ: Богатство народовъ (изданіе М. Куллоха), книги III и IV; Маршаллъ (Marshall, Economics of Industry); Милль: Политическая экономія, книги II и III (кромя главы 18), и книга V Фаусетта (Fawcett, Free Trade and Protection).

2) Что всякій студентъ, являющійся на этотъ экзаменъ, выберетъ одинъ изъ названныхъ предметовъ и своими отвѣтами докажетъ достаточное знакомство съ этимъ предметомъ, и что ни одинъ студентъ не будетъ экзаменованъ болѣе, чѣмъ въ одномъ отдѣлѣ.

3) Что весь экзаменъ будетъ производиться посредствомъ печатныхъ списковъ вопросовъ.

4) Что до экзамена будетъ происходить засѣданіе экзаменаторовъ, на которомъ вопросы, предложенные каждымъ экзаменаторомъ, будутъ показаны другому экзаменатору и одобрены имъ.

5) Что экзаменаторы напечатаютъ списокъ лицъ, выдержавшихъ который-нибудь изъ этихъ экзаменовъ, раздѣляя этихъ лицъ

на три категоріи, по успѣшности выдержаннаго ими экзамена, причемъ въ первомъ списокѣ выдержавшіе будутъ поименованы въ порядкѣ успѣшности экзамена, а въ двухъ слѣдующихъ спискахъ—въ алфавитномъ порядкѣ.

6) Что этотъ списокъ будетъ опубликованъ въ сенатѣ не позже 10 час. утра въ четвергъ передъ днемъ, назначеннымъ для раздачи степеней тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ получить степень бакалавра искусствъ.

7) Что экзаменъ будетъ производиться двумя лицами, назначенными экзаменаціонною комиссіей и утвержденными сенатомъ въ предыдущемъ термѣ, и что каждый экзаменаторъ получитъ 15 ф. изъ университетской кассы.

8) Что будетъ происходить второй экзаменъ (перезэкзаменовка), начиная отъ ноября 30-го (или если этотъ день совпадетъ съ воскресеньемъ, то отъ ноября 29-го), каковой экзаменъ будетъ производиться тѣми же лицами и такимъ же образомъ, какъ и предшествовавшій.

9) Что одинъ изъ про-прокторовъ и, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ экзаменаторовъ будетъ присутствовать при каждомъ отдѣльномъ экзаменѣ, какъ весеннемъ, такъ и осеннемъ.

10) Что одинъ изъ служителей проктора или про-проктора будетъ присутствовать на каждомъ экзаменѣ, въ обоихъ случаяхъ.

Правила для другихъ экзаменовъ вполнѣ сходны съ тѣми, что перечисленными правилами для экзамена на степень бакалавра по специальности нравственныхъ наукъ. Привожу поэтому по другимъ отдѣламъ только программу.

Программа по естественнымъ наукамъ распадается на четыре отдѣла, а именно: 1) химія, 2) геологія, 3) ботаника, 4) зоологія со включеніемъ анатоміи и фізіологіи. Каждый студентъ выбираетъ одинъ—и только одинъ изъ этихъ отдѣловъ. Кромѣ чисто письменныхъ отвѣтовъ, студенты должны отвѣтить, если того пожелаютъ экзаменаторы, на нѣсколько вопросовъ, касающихся лабораторной практики или кабинетныхъ занятій, напр.: описать и опредѣлить данное имъ въ руки во время экзамена растеніе, кристаллъ и т. п.

Вотъ, напр., программа экзамена по химіи (привожу дословный переводъ ея):

„Вопросы будутъ элементарнаго характера и могутъ относиться къ слѣдующимъ отдѣламъ:

„Экспериментальные законы теплоты. Источники теплоты, измѣреніе теплоты, теплопроводность, общія дѣйствія теплоты на вещество, механической эквивалентъ теплоты.

„Основные законы химической науки въ примѣрахъ, касающихся наиболѣе часто встрѣчающихся элементовъ, металловъ и металлоидовъ и ихъ простѣйшихъ соединений.

„Одна часть экзамена будетъ состоять въ легкомъ количественномъ анализѣ“.

И все. Таковъ экзаменъ на бакалавра по естественнымъ наукамъ, спеціально по химіи.

Наконецъ, предлагаю еще слѣдующій примѣръ, программу экзамена по новымъ языкамъ. Этотъ экзаменъ состоитъ изъ двухъ частей: въ первую входитъ англійскій языкъ, во вторую — французскій или нѣмецкій, и только одинъ изъ этихъ языковъ по выбору студента.

Англійскій экзаменъ состоитъ изъ слѣдующихъ вопросовъ:

а) Объясненіе и разборъ отрывковъ изъ избранныхъ (и указанныхъ заранее, за полгода, какъ уже было указано выше при другомъ случаѣ) англійскихъ авторовъ, причемъ одинъ изъ выбранныхъ относится ко времени предшествующему XVI столѣтію.

б) Вопросы о грамматикѣ, этимологіи и исторіи англійскаго языка.

в) Вопросы, касающіеся даннаго, заранее указаннаго періода англійской литературы.

д) Сочиненіе на англійскомъ языкѣ.

Экзаменъ изъ французскаго или англійскаго языка состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

а) Переводъ и объясненіе отрывковъ изъ книгъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, заранее указанныхъ.

б) Переводъ отрывковъ изъ иныхъ иностранныхъ книгъ.

в) Вопросы о грамматикѣ даннаго языка.

д) Вопросы, касающіеся даннаго, заранее указаннаго, періода литературы французской или нѣмецкой.

е) Переводъ съ англійскаго языка на иностранный.

Разсматривая эти программы, мы прежде всего замѣчаемъ ихъ крайнюю односторонность. Уже въ предварительномъ экзаменѣ мы отмѣтили отсутствіе нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ, которые не появились и на общемъ экзаменѣ. Они отсутствуютъ и при спеціальныхъ, такъ что по окончаніи университетскаго курса бакалавръ, напр., химіи знаетъ только богословіе, математику въ объемѣ нашего гимназическаго курса, латинскій и греческій языки въ томъ же приблизительно объемѣ, и свой спеціальный предметъ въ весьма ограниченномъ объемѣ, далеко, конечно, уступающемъ нашему университетскому. Спеціалистъ по химіи знаетъ не больше того, чѣмъ нашъ реалистъ.

Спеціалистъ по новымъ языкамъ (вѣрнѣе, по одному иностранному языку) вѣроятно — менѣе, чѣмъ многие, оканчивающіе наши среднія учебныя заведенія. Такимъ образомъ, нельзя смотрѣть на степень простого бакалавра англійскаго университета какъ на нѣчто соответствующее нашему университетскому диплому. Это скорѣе нѣсколько специализированный экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, причемъ во многихъ отношеніяхъ „бакалавръ искусствъ“ стоитъ ниже окончившаго одно изъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній.

Но когда отъ программъ для экзаменовъ на обыкновенную степень бакалавра мы переходимъ къ программамъ на ту же степень „съ почетомъ“, то, вмѣсто того, чтобы отмѣчать ограниченность требованій этихъ программъ, намъ приходится констатировать ихъ поразительную обширность и полноту въ каждой специальной области преподаванія. Программы экзаменовъ на „трайпосы“ далеко превосходятъ не только наши университетскіе курсы, но и тѣ требованія, которыя предъявляются у насъ на экзаменахъ на степень магистра. Становится положительно непонятнымъ, какимъ образомъ можно успѣть въ продолженіе трехъ лѣтъ приготовиться къ такому экзамену и сдать его такъ, какъ сдаютъ кембриджскіе студенты, причемъ, къ довершенію всего, случаи, когда студенты сдаютъ не одинъ, а два и болѣе трайпоса, составляютъ далеко не рѣдкое исключеніе. Должно ли приписать такое явленіе постановкѣ самого преподаванія въ Кембриджѣ и Оксфордѣ, или высшей способности англичанъ къ наукамъ — рѣшить не берусь. Но читатель, я думаю, убѣдится изъ дальнѣйшаго, что у насъ были бы положительно немислимы такія требованія и послѣ четырехъ-лѣтняго преподаванія соответствующей специальной области знанія.

А между тѣмъ число студентовъ, сдающихъ ежегодно экзамены на „трайпосы“, чрезвычайно велико. Изъ кембриджскаго календаря за тотъ учебный годъ, который я провелъ въ Кембриджѣ, можно насчитать, напримѣръ, слѣдующее число лицъ, сдавшихъ экзамены на различные „трайпосы“:

По математикѣ	108
„ классическимъ предметамъ . . .	95
„ нравственнымъ наукамъ	5
„ естественнымъ наукамъ	83
„ исторіи	15
„ юридическимъ наукамъ	34
„ богословію	31
„ языкамъ	3
„ семитическимъ языкамъ	2
„ индійскимъ языкамъ	1

Итого 377

Въ то же время на обыкновенныя степени выдержало экзаменъ 406 лицъ. Итакъ, нѣсколько болѣе половины державшихъ экзаменъ довольствовались обыкновенными степенями и, слѣдовательно, выходили съ аттестатомъ, соответствующимъ приблизительно нашему аттестату зрѣлости, и нѣсколько менѣе половины, напротивъ, сдавали экзаменъ, превосходящій нашъ университетскій выпускной экзаменъ. Тѣ, которые сдаютъ экзаменъ на обыкновенную степень, безъ почета, по болшему частію поступаютъ въ университетъ не для изученія какой-нибудь науки и не для того, чтобы воспользоваться университетскимъ дипломомъ въ жизни, а либо потому, что принято окончить курсъ въ Оксфордѣ или Кембриджѣ, либо потому, что студенческая жизнь въ этихъ городахъ представляетъ много заманчиваго для каждаго молодого англичанина. На континентѣ онъ вышелъ бы изъ университета, не сдавъ никакого экзамена. Здѣсь онъ сдаетъ хоть нетрудный экзаменъ.

Приведу для примѣра программы экзаменовъ полный переводъ правилъ, касающихся классическаго экзамена (а именно той части правилъ, которая относится не къ внѣшней сторонѣ производства самаго экзамена, а къ его содержанію).

Правила для экзамена на классическій „трайпосъ“ слѣдующія:

Часть первая:

1) Что первая часть экзамена на классическій трайпосъ будетъ происходить въ теченіе шести дней, а именно, въ теченіе первыхъ пяти дней отъ 9 до 12 утра и отъ 1 до 4 пополудни, а въ послѣдній день отъ 9 до 12 утра.

2) Что по утрамъ первыхъ четырехъ дней будутъ предложены переводы: по одному переводу съ англійскаго языка на латинскій и греческій прозою, и по одному переводу съ англійскаго на латинскій и греческій стихами.

3) Что кромѣ того будетъ предложено четыре списка вопросовъ, причемъ для отвѣтовъ на каждый списокъ будетъ данъ 1 часъ времени, а именно 1—по греческой исторіи и литературѣ и греческимъ древностямъ; 1—римской исторіи и литературѣ и римскимъ древностямъ; 2—по греческой грамматикѣ и разбору, и 2—по латинской грамматикѣ и разбору. Въ каждомъ спискѣ вопросовъ ихъ будетъ предложено столько, сколько хорошо подготовленные студенты могутъ обработать въ теченіе полутора часовъ. Въсто данной серіи вопросовъ могутъ быть по желанію предложены другіе. Всѣ предложенные вопросы будутъ такого характера, чтобы не требовать отъ студентовъ тѣхъ техническихъ зна-

ній, которыя они должны будутъ обнаружить во второй части трайпоса.

4) Что будетъ предложено пять списковъ, содержащихъ отрывки изъ указанныхъ заранѣ лучшихъ латинскихъ и греческихъ авторовъ, и вопросы, относящіеся къ предложеннымъ текстамъ, причеиъ и отрывки и вопросы будутъ такого характера и т. д.

5) Что экзаменъ будетъ производиться, по крайней мѣрѣ, шестью экзаменаторами и т. д.

Часть вторая:

1) Что вторая часть классическаго трайпоса будетъ состоять изъ пяти секцій, изъ которыхъ секція А обязательна для всѣхъ кандидатовъ.

Каждый кандидатъ долженъ сдать помимо секціи А еще одну или двѣ, но не болѣе двухъ, изъ секцій В, С, Д, Е, причеиъ кандидаты, желающіе отвѣчать на вопросы изъ двухъ секцій, могутъ отвѣчать изъ этихъ двухъ преимущественно на одну какуиънибудь изъ нихъ, и т. д.

3) Что въ секціи А будутъ предложены переводы съ латинскаго и греческаго языка на англійскій и съ англійскаго на латинскій, и т. д.

Затѣиъ идетъ подробная программа секцій В. по древней философіи, С. по древней исторіи, секціи Д. по археологіи и секціи Е. по языковедіи.

Приведу программу послѣдней секціи:

7) Что въ секціи Е. (языковедіе) будетъ, за исключеніемъ англійскаго сочиненія (нижеупомянутаго), четыре списка вопросовъ по три часа на каждый, и что предметы будутъ распределены по вопросамъ слѣдующимъ образомъ:

1) (α) Вопросы о греческой этимологіи, исторіи греческихъ діалектовъ, съ иллюстраціями изъ надписей или иныхъ источниковъ. (β) Вопросы о греческомъ синтаксисѣ съ отрывками изъ греческихъ авторовъ для перевода, комментирования или критическаго исправленія текста. (γ) Вопросы о сравнительной этимологіи и употребленіи языковъ латинскаго и греческаго.

2) (α) Вопросы о латинской этимологіи, вмѣстѣ съ исторіей родственныхъ итальянскихъ діалектовъ и иллюстраціями изъ надписей или иныхъ источниковъ. (β) Вопросы изъ латинскаго синтаксиса съ отрывками изъ латинскихъ авторовъ для перевода, комментирования или критическаго исправленія текста. (γ) Вопросы о сравнительной этимологіи и употребленіи языковъ греческаго и латинскаго.

3) Простые вопросы относительно санскритской грамматики, въ особенности тѣхъ формъ, которыя иллюстрируютъ исторію латинскаго и греческаго языка. Легкіе отрывки изъ указанныхъ заранѣ санскритскихъ авторовъ для перевода и комментирования.

Кандидатъ не будетъ лишень права попасть въ первый списокъ, если онъ откажется отъ этихъ вопросовъ.

Знаніе санскритскаго алфавита не будетъ требоваться ни въ какомъ случаѣ.

4) (α) Обще вопросы о сравнительной грамматикѣ индо-германскихъ языковъ съ особеннымъ приложеніемъ къ латинскому и греческому языкамъ. (β) Вопросы изъ исторіи письменныхъ знаковъ. (γ) Вопросы изъ какого-нибудь отдѣла или изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, заранѣ указанныхъ, индо-европейской грамматики.

Въ этой секціи не требуется сочиненія. Но каждый кандидатъ имѣетъ право прислать, за двѣ недѣли до экзамена, въ комиссію сочиненіе на англійскомъ языкѣ, по одному изъ отдѣловъ, входящихъ въ программу экзамена, относительно какового сочиненія онъ затѣмъ подвергнется устному экзамену, и т. д.

Просматривая программу по математикѣ, я нахожу въ ней, во второй части трайпоса, въ различныхъ отдѣлахъ его, напр., слѣдующіе предметы: гармоническій анализъ, включая сюда теорію функций Лежандра и Лапласа, Бесселя и Ламе (лекціи объ этомъ предметѣ читаются междуволлегаліальными преподавателями; такъ напр., я слушалъ лекціи м-ра Гобсона о сферическихъ функцияхъ); новая алгебра (т.-е. теорія инвариантовъ, которую я, напр., слушалъ на лекціяхъ м-ра Форсайса); теорію сравненій; кватерніоны и иные виды не-коммутативной алгебры; теорію функций мнимаго переменнаго, теорію эллиптическихъ функций, абелевыхъ функций, многозначныхъ функций; теорію потенциала; электричество и магнетизмъ, со включеніемъ электромагнитной теоріи свѣта, и т. п.

Первая часть каждаго трайпоса включаетъ общую для всѣхъ студентовъ программу, приблизительно соотвѣтствующую кандидатскимъ требованіямъ нашихъ университетовъ, но только по тому предмету, который даетъ названіе трайпосу. Спеціальная, вторая часть различна для разныхъ спеціалистовъ, такъ что чѣмъ дальше, тѣмъ спеціализированіе проводится строже, и бакалавръ, получившій ученую степень по какому-нибудь отдѣлу, съ почетомъ, является крайне узкимъ спеціалистомъ, часто съ весьма недостаточнымъ общимъ образованіемъ. Мы уже указывали, напр., на отсутствіе исторіи и географіи въ первыхъ экзаменахъ. Но и въ дальнѣйшемъ, при большей еще спеціализаціи, является нѣсколько

странныхъ, по нашему мнѣнію, явленій. Такъ напр., спеціалисты по естественнымъ наукамъ сдаютъ экзаменъ только по одной изъ главныхъ областей, напр. только по ботаникѣ, и можетъ ничего не знать изъ химіи или геологіи. Математикъ, выбирающій своею спеціальностью одинъ изъ спеціально-математическихъ отдѣловъ, совсѣмъ не знаетъ астрономіи; физическая географія и метеорологія совершенно отсутствуютъ и т. д. Такимъ образомъ, уступая англійскимъ программамъ въ глубинѣ, наши программы болѣе распространяются въ ширину. Люди, окончивающіе курсъ въ нашихъ университетахъ, являются болѣе широко образованными, менѣе спеціализированными, чѣмъ англичане.

Тѣмъ болѣе покажется удивительнымъ, что, напр., математика изучается въ Кембриджѣ не тѣми только, которые желаютъ посвятить себя занятіямъ именно этимъ предметомъ, а большинствомъ лицъ, намѣреющихся потомъ стать адвокатами, судьями, проповѣдниками. Большая часть студентовъ въ Кембриджѣ сдаютъ экзаменъ по математикѣ, но большая часть изъ тѣхъ, которые сдали экзаменъ по математикѣ, поступаютъ потомъ на службу такого характера, которая не имѣетъ никакого отношенія къ математикѣ, а къ своей спеціальности они приготавливаются въ теченіе весьма короткаго времени послѣ окончанія математическаго экзамена. Я знаю, напр., студентовъ, которые усердно готовились къ экзамену на математическій трайпосъ, и старались имѣть одно изъ первыхъ мѣстъ въ спискѣ, и въ то же время предназначали себя въ адвокаты ¹⁾. Они собирались лѣтомъ послѣ окончанія математическаго экзамена съ цѣлью приготовить къ экзамену по тѣмъ предметамъ, которые требуются для вступленія на адвокатское поприще и сдать этотъ экзаменъ въ ту же осень. Точно также многіе послѣ математическаго экзамена сдаютъ теологическій экзаменъ и поступаютъ въ пасторы. Случай, когда студенты сдаютъ математическій и естественно-историческій экзаменъ, также весьма рѣдки. Исключительность программы отдѣльныхъ экзаменовъ компенсируется въ этихъ случаяхъ до нѣкоторой степени тѣмъ, что студентъ изучаетъ два курса. Случай тройныхъ экзаменовъ, конечно, уже сравнительно очень рѣдки, но не мало есть студентовъ, которые, помимо приготовленія къ своему трайпосу и занятія разными видами спорта, успѣваютъ слушать лекціи и серьезно заниматься и иными науками.

¹⁾ Знаменитѣйшіе современные англійскіе математики въ настоящее время несомнѣнно—Кейли, Сильвестеръ и Сальмонъ. Первый изъ нихъ былъ въ теченіе 25 лѣтъ адвокатомъ. Второй также долгое время занимался адвокатурой, а послѣдній до сихъ поръ состоитъ профессоромъ богословія въ Дублинѣ.

Степень бакалавра не есть окончательная. Слѣдующая степень — магистра — получается, однако, безъ добавочныхъ экзаменовъ или диссертаций. Достаточно пробыть въ Кембриджѣ три года послѣ полученія диплома бакалавра, чтобы стать М. А. Степени доктора хотя и существуютъ, но даются только какъ почетныя степени за особыя заслуги и не могутъ быть получены инымъ образомъ, какъ по постановленію какого-нибудь университета. Почетными докторами даннаго университета могутъ быть лица, принадлежащія къ другимъ университетамъ или даже ни къ какимъ университетамъ не принадлежащія, но отличившіяся своими работами по какой-нибудь наукѣ, а также иностранцы. Исключеніе составляютъ степени доктора медицины и богословія, для которыхъ существуютъ особыя постановленія.

Вотъ списокъ англійскихъ ученыхъ степеней и сокращеній въ обозначеніи ихъ:

- B. A. Bachelor of Arts.
- B. C. L. Bachelor of Civil Law.
- B. D. Bachelor of Divinity.
- B. L. Bachelor of Laws.
- B. M. Bachelor of Medicine.
- D. C. L. Doctor of Civil (или Canon) Law.
- D. D. Doctor of Divinity.
- D. Sc. Doctor of Science.
- L. L. B. Bachelor of Laws.
- L. L. D. Doctor of Laws.
- M. A. Master of Arts.
- M. B. Bachelor of Music.
- M. D. Doctor of Medicine.
- Mus. D. Doctor of Music.
- Ph. D. Doctor of Philosophy.

Кромѣ обыкновенныхъ занятій по приготовленію къ экзаменамъ на различныя степени, студенты еще могутъ по желанію заниматься спеціальными работами на задаваемые темы для соисканія наградъ, подобно тому, какъ это происходитъ и въ нашихъ университетахъ. Пожертвованные разными лицами съ этою цѣлью капиталы служатъ для покупки медалей или иныхъ наградъ для студентовъ, наилучшимъ образомъ исполнившихъ задаваемые задачи. Университетъ имѣетъ 18 различныхъ пожертвованій такого рода, а кромѣ того въ различныхъ колледжахъ существуютъ свои спеціальныя капиталы для той же цѣли. Такимъ образомъ, коллегіальные и не-коллегіальные студенты могутъ выбирать изъ большаго числа вопросовъ тотъ, по которому они желаютъ писать

спеціальное сочиненіе. Я уже говорилъ выше, что для полученія стипендіи также должно сдать спеціальнѣйшій экзаменъ, который бываетъ почти всегда письменный. Назову главнѣйшія награды, назначаемаы университетомъ.

I. Золотая медаль за англійское стихосложеніе. Студентъ долженъ представить поэму, написанную англійскими стихами, не длиннѣе 200 стиховъ. Лучшая поэма награждается медалью канцлера университета.

II. Золотая медаль за латинскіе стихи, гекзаметромъ.

III. 30 гиней (около 315 руб.) награды за лучшее сочиненіе, представленное на какую-нибудь тему изъ англійской исторіи или литературы. Одна награда дается за сочиненіе на англійскомъ языкѣ и одна за сочиненіе на латинскомъ языкѣ.

IV. Три золотыя медали, даваемыя за 1) лучшее стихотвореніе на греческомъ языкѣ въ размѣрѣ гекзаметра, или элегіи, или лирическое, 2) лучшую латинскую оду въ подражаніе Горацию, 3) лучшую греческую эпиграмму въ подражаніе Антологіи и лучшую латинскую эпиграмму въ подражаніе Марціалу.

V. Награда греческими книгами студенту, написавшему наилучшій переводъ одного изъ англійскихъ классическихъ поэтовъ на греческій языкъ, стихами. Отрывокъ для перевода предлагается университетомъ.

VI. Награда денежная изъ процентовъ пожертвованнаго капитала въ 3.000 руб. студенту, наиболѣ отличившемуся на теологическомъ экзаменѣ въ вопросахъ, относящихся къ исторіи церкви и къ отцамъ церкви, и т. д. Другія награды назначаются за отличіе въ богословіи, въ знаніи древне-еврейскаго языка, въ знаніи евангелія въ греческомъ оригиналѣ, въ знаніи пророчествъ Іереміи, въ чтеніи вслухъ отрывковъ англійскихъ классиковъ или англійскаго перевода евангелія или библіи, или каваго-нибудь англійскаго теологическаго сочиненія, за сочиненіе о Шекспирѣ, за сочиненіе о правахъ собственности, за сочиненіе о политической экономіи; — награда студенту, отличившемуся особеннымъ образомъ въ знаніи римскаго права, студенту, отличившемуся особенно на экзаменѣ на теологическій трайлосъ въ отвѣтахъ, касающихся литургіи и пр.; за лучшее сочиненіе на древне-еврейскомъ языкѣ и, наконецъ, за лучшіе отвѣты на нѣкоторые вопросы по политической экономіи.

Подборъ темъ, предлагаемыхъ на соисканіе наградъ, не зависитъ отъ университета, а отъ желанія тѣхъ жертвователей, которые основали различныя наградныя капиталы. Какъ видно изъ приведеннаго полнаго списка университетскихъ наградъ, онъ до-

вольно односторонень. Кромѣ теологiи и классическихъ языковъ, только политическая экономiя можетъ служить темою для сочиненiй, подлежащихъ награжденiю. Нѣсколько менѣе однообразны награды, назначаемыя послѣ экзаменовъ на степень В. А. за сочиненiя на заданныя темы, или за успѣшныя спеціальныя экзамены по различнымъ наукамъ, а именно, кромѣ множества наградъ за тѣ же три вышеупомянутыхъ предмета, существуютъ еще награды за астрономическiя и геологическiя работы. Наконецъ, существуютъ еще такъ-называемыя Смитовы награды, которыя назначаются лицамъ, сдавшимъ послѣ обычнаго экзамена на математическiй трайпосъ еще спеціальный, такъ-называемый Смитовъ экзаменъ по математикѣ, программа котораго почти совпадаетъ съ программой трайпоса.

Теологiя, классики и математика составляютъ, такимъ образомъ, главные предметы изученiя въ Кембриджѣ, и то же относится и къ Оксфорду, программы котораго весьма мало отличаются отъ кембриджскихъ программъ. Различiе между двумя названными университетами, установившееся въ теченiе многихъ вѣковъ, состоитъ преимущественно въ томъ, что Кембридж болѣе извѣстенъ своими математиками, а Оксфордъ—классиками; теологiя же одинаково процвѣтаетъ въ обоихъ университетахъ.

Я не берусь описывать учебно-вспомогательныя учрежденiя университета, такъ какъ не имѣлъ времени лично изучить ихъ въ достаточной мѣрѣ, и не рѣшаюсь составить ихъ описанiе на основанiи печатнаго матеріала, имѣющагося въ моихъ рукахъ. Поэтому ограничусь простымъ перечисленiемъ этихъ учрежденiй и остановлюсь только на описанiи библіотеки, которая мнѣ лично хорошо знакома.

При кембриджскомъ университетѣ имѣются большая химическая лабораторiя и еще большiй физическiй кабинетъ съ такъ-называемой лабораторiею Кевендиша, музеи геологическiй, минералогическiй, ботаническiй и зоологическiй (вмѣстѣ съ музеемъ сравнительной анатомiи), ботаническiй садъ и астрономическая обсерваторiя. Кромѣ того въ городѣ имѣется Фицъ-Вильямовъ музей древностей, картинъ и скульптурныхъ произведенiй. При музее имѣется библіотека и коллекцiя музыкальныхъ произведенiй.

Университетская библіотека въ Кембриджѣ имѣетъ коллекцiю въ 500.000 книгъ и большую коллекцiю рукописей. Она помѣщается въ особомъ зданiи на главной площади города и управляется назначаемыми сенатомъ лицами, независимо отъ колледжей. Каждый колледжъ также имѣетъ свою библіотеку, такъ что въ Кембриджѣ 18 университетскихъ библіотекъ. Хотя коллегiальныя

библіотеки, конечно, менѣе богаты, чѣмъ университетская, но онѣ заключаютъ въ себѣ все то, что требуется для учебныхъ занятій студентовъ, такъ что студентамъ, принадлежащимъ въ какому-нибудь колледжу, нѣтъ необходимости обращаться въ университетскую библіотеку, если они только учатся, а не занимаются какими-нибудь спеціальными изслѣдованіями. Поэтому университетская библіотека предназначается главнымъ образомъ для профессоровъ университета, и доступъ въ нее студентамъ дается не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія сената—разрѣшенія, которое не всегда дается. Студенты не-коллегіальные хотя и могутъ пользоваться библіотекъ, но не иначе, какъ въ самомъ зданіи ея. На домъ книги выдаются только профессорамъ, или вѣрнѣе лицамъ, имѣющимъ степень М. А. Въ бытность мою въ Кембриджъ изъ 3.000 слишкомъ студентовъ только 120 посѣщали библіотеку, какъ это можно было видѣть по списку лицъ, допущенныхъ по распоряженію сената къ занятіямъ въ университетской библіотекѣ. Изъ этихъ 120 лицъ около двухъ третей составляли женщины, воспитанницы двухъ женскихъ колледжей, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Правила пользованія библіотекъ чрезвычайно оригинальны. По крайней мѣрѣ ни въ одной изъ остальныхъ европейскихъ библіотекъ, мнѣ извѣстныхъ, я не встрѣчалъ такихъ правилъ. Въ библіотекѣ не имѣется читальной залы, какъ напр. въ нашей университетской или Публичной библіотекѣ. Но между книжными шкафами, поставленными поперекъ комнатъ, стоятъ столики и стулья, такъ что каждый занимающійся находится какъ бы въ отдѣльной комнатѣ, окруженный книгами того отдѣла, которымъ онъ занимается. Для того, чтобы получить книгу, которую желаешь читать, нѣтъ надобности писать ея названіе на листкахъ и т. п. Достаточно найти ее самому въ каталогѣ и просто взять съ полки, съ условіемъ, конечно, положить на мѣсто послѣ окончанія занятій. Распредѣленіе книгъ по шкафамъ и полкамъ настолько просто, что послѣ кратковременныхъ занятій въ библіотекѣ легко съ нимъ освоиться, и затѣмъ, приходя въ библіотеку, уже прямо находишь книгу, которую ищешь, и такимъ образомъ, потеря времени на бесполезную переписку совершенно уничтожена. Но нужно обладать аккуратностью англичанъ, чтобы не напутать при такой свободной системѣ пользованія книгами. Мнѣ кажется, что еслибы въ какой-нибудь библіотекѣ въ Россіи была сдѣлана попытка ввести правила, подобныя тѣмъ, которыя существуютъ въ Кембриджѣ, то по истеченіи короткаго времени большая часть книгъ не оказалась бы на своемъ мѣстѣ. Въ библіотекѣ постоянно пребываютъ нѣсколько библіотечарей,

которые указываютъ занимающимся, гдѣ они должны искать бueвы подъ данными цифрами, и вообще даютъ всякаго рода указанія, касающіяся библіотеки. Библіотека кембриджскаго университета, а въ особенности библіотека Британскаго музея оставляютъ въ каждомъ, имѣвшемъ возможность заниматься въ нихъ, самое пріятное впечатлѣніе, чего нельзя сказать, напр., про Національную библіотеку въ Парижѣ и другія европейскія библіотеки.

Замѣтимъ, наконецъ, что богатство кембриджской библіотеки, въ особенности относительно англійскихъ книгъ, происходитъ отчасти отъ того, что кембриджскій университетъ пользуется правомъ полученія экземпляра всѣхъ книгъ, печатаемыхъ въ Англии, какъ наша Публичная библіотека.

Очеркъ преподаванія въ Кембриджѣ, данный на предыдущихъ страницахъ, по необходимости неполонъ и отчасти отрывоченъ. Не входя въ спеціальное разсмотрѣніе программъ преподаванія, которое было бы неумѣстно въ литературномъ журналѣ, я не могъ дать полнаго понятія о постановкѣ науки въ Кембриджѣ. Поэтому нѣкоторые положенія, высказанныя мною относительно этого преподаванія, могутъ показаться недостаточно обоснованными въ настоящей статьѣ. Я постараюсь дать въ другомъ мѣстѣ болѣе детальное описаніе постановки преподаванія математики въ Кембриджѣ, какъ предмета наиболѣе важнаго и въ то же время наиболѣе мнѣ лично знакомаго. Здѣсь же прибавлю еще только общее заключеніе, которое я вынесъ изъ пребыванія моего въ Кембриджѣ, въ видѣ совѣта тѣмъ лицамъ, которые по окончаніи курса въ одномъ изъ нашихъ университетовъ собираются ѣхать за границу для дальнѣйшихъ научныхъ занятій. Я совѣтую имъ ѣхать въ Англию и спеціально въ Кембриджъ, если ихъ предметъ есть математика, или въ Оксфордъ, если они не-математики. Въ Оксфордѣ, говорятъ, процвѣтаетъ исторія, философія, политическая экономія. Программы преподаваемыхъ предметовъ въ англійскихъ классическихъ университетахъ настолько спеціальны, что я не считалъ бы полезнымъ ограничиваться ими, т.-е. не совѣтовалъ бы проходить весь курсъ сначала до конца въ Англии (въ Оксфордѣ или Кембриджѣ), но по окончаніи курса въ одномъ изъ континентальныхъ университетовъ, мнѣ кажется, годъ или два въ Англии могутъ быть чрезвычайно полезны. Въ заключеніе этой главы опишу церемонію раздачи ученыхъ степеней въ Кембриджѣ, довольно характеристичную для этого университета.

Въ день, назначенный для всеобщей раздачи степеней, въ июлѣ, происходитъ торжественное собраніе въ сенатѣ университета. За оффиціальнымъ столомъ предсѣдательствуетъ вице-канц-

леръ, въ зданіи сената собраны студенты, долженствующіе получить степень, и ихъ начальники, т.-е. директора колледжей, въ которыхъ они обучались, и цензоръ не-коллегіальныхъ студентовъ или лицо, его замѣняющее. Начальники эти, въ данномъ случаѣ, носятъ названіе „отцовъ“ кандидатовъ на степени. Беделль приглашаетъ „отцовъ“ всѣхъ кандидатовъ быть готовыми представить своихъ воспитанниковъ, и вызываетъ прежде всего „отца“ того студента, который отличился наилучшимъ образомъ на всѣхъ экзаменахъ (The Senior Wrangler). „Отецъ“ беретъ студента за руку, подводитъ его къ вице-канцлеру и произноситъ слѣдующую рѣчь:

Dignissime Domine, Domine Pro-Cancellarie, et tota Academia, praesento vobis hunc juvenem, quem scio tam moribus quam doctrina esse idoneum ad titulum assequendum baccalaurei in artibus designati; idque tibi fide mea praesto totique Academiae.

„Благороднѣйшій господинъ, господинъ вице-канцлеръ, и вся академія, представляю вамъ этого юношу, о которомъ я знаю, что онъ и по правамъ, и по познаніямъ заслуживаетъ титула бакалавра искусствъ, въ чемъ даю тебѣ и всей академіи мое ручательство“.

Студентъ становится на колѣни передъ вице-канцлеромъ. Вице-канцлеръ беретъ обѣ руки студента въ свои руки и произноситъ слѣдующую рѣчь:

Auctoritate mihi commissa admitto te ad titulum baccalaurei in artibus designati, in nomine Patris et Filis et Spiritus Sancti ¹⁾.

„Властью, мнѣ данною, даю тебѣ титулъ бакалавра искусствъ, во имя Отца и Сына и Св. Духа“.

Затѣмъ являются другіе кандидаты, представляемые ихъ „отцами“, причемъ уже дальнѣйшее представленіе происходитъ сразу по пяти студентовъ, причемъ „отецъ“ говоритъ: *Praesento vobis hos juvenes* и т. д. Порядокъ слѣдованія кандидатовъ опредѣляется по колледжамъ. Первыми выходятъ воспитанники „королевскаго колледжа“, далѣе— „тринити-колледжа“ и т. д., послѣдними— неколлегіальные студенты. Обыкновенно въ одинъ день получаютъ степени только студенты, сдававшіе экзаменъ на одинъ опредѣленный трайпосъ, но иногда являются студенты нѣсколькихъ трайпосовъ—тогда ихъ вызываютъ по каждому предмету отдѣльно, причемъ первыми вступаютъ математики, затѣмъ классики, и т. д.; послѣдними—сдавшіе экзаменъ по новымъ языкамъ.

Оригинальное слово: „трайпосъ“, или треножникъ, которымъ

¹⁾ Вся эта церемонія есть остатокъ феодальнаго обычая посвященія въ рыцари (homagium).

означается экзаменъ на ученую степень, произошло отъ этой церемоніи. А именно, въ XV столѣтіи важною частью церемоніи былъ диспутъ между однимъ изъ старыхъ бакалавровъ съ старшимъ изъ студентовъ, которому помогали въ этомъ случаѣ его „отецъ“. Церемонія эта происходила въ главной церкви Кембриджа. Бакалавръ, предлагавшій вопросы „старшему сыну“, сидѣлъ на треножникѣ, отъ котораго и самая церемонія получила свое названіе, сохранившееся до настоящаго времени ¹⁾. Въ XVII и XVIII вѣкѣ г. Трайпосъ, какъ стали называть бывшаго „старога бакалавра“, произносилъ обыкновенно сатирическую рѣчь, въ которой осмѣивалъ не только несчастнаго студента, съ которымъ ему приходилось диспутировать, но часто и университетское начальство вообще, такъ что университетское начальство должно было не разъ усовѣщивать его, чтобы онъ, „пользуясь своей привилегіей юмора, былъ все же скромнымъ“. Однако, такъ какъ г. Трайпосы не переставали поступать по прежнему, — что иногда приводило въ положительнымъ скандаламъ, — то эти диспуты были, наконецъ, отмѣнены. Но названіе „трайпоса“ сохранилось за экзаменомъ, и вѣроятно еще долго будетъ держаться.

III.

Въ первой главѣ этой статьи я старался дать очеркъ внѣшняго устройства университета и колледжей въ Кембриджѣ, уставовъ и правилъ, дѣйствующихъ въ нихъ, и условій жизни въ Кембриджѣ. Во второй главѣ я имѣлъ намѣреніе дать читателю понятіе о системѣ и объемѣ преподаванія въ Кембриджѣ, о постановкѣ отдѣльныхъ предметовъ преподаванія и о достигаемыхъ имъ результатахъ. Теперь я постараюсь описать, насколько то возможно изъ личныхъ наблюденій, жизнь студентовъ въ Кембриджѣ, и сравнить жизнь англійскаго студента съ жизнью студентовъ континентальныхъ университетовъ. Замѣчу при этомъ, что вся религіозная, политическая и социальная жизнь всей Англій тѣсно связана съ двумя университетами Англій, и была тѣсно связана съ ними въ теченіе многихъ столѣтій.

Уже изъ чтенія первой главы читатель могъ заключить, что англійскіе студенты должны въ значительной степени отличаться отъ студентовъ континентальныхъ университетовъ; ибо подборъ этихъ студентовъ совершается изъ иныхъ классовъ общества, и

¹⁾ Отсюда же и названіе перваго студента — senior wrangler, т. е. лучший боецъ.

правила, которыми они управляются, кореннымъ образомъ отличаются отъ правилъ, упраздляющихъ студентами на континентѣ, что въ свою очередь свидѣтельствуемъ о различіи въ характерѣ тѣхъ лицъ, для которыхъ эти правила составлены. Нужно ли бы было, напр., у насъ писать правила подобныя тѣмъ, которыя мы видѣли выше относительно стрѣлянія голубей, конскихъ скачекъ и т. п., и возможны ли были бы исторически правила, повелѣвающія студентамъ возвращаться къ опредѣленному часу домой, подъ страхомъ наказанія денежнымъ штрафомъ?

Совокупность правилъ, изложенныхъ въ началѣ этой статьи, прежде всего приводитъ къ заключенію, что студенты, для которыхъ эти правила сочинены, гораздо моложе (не непременно лѣтами, а опытомъ жизни), чѣмъ наши. Возрастъ вступленія студентовъ въ кембриджскій или оксфордскій университеты опредѣляется приблизительно въ 18—19 лѣтъ. Кромѣ этихъ нормальныхъ студентовъ въ обоихъ университетахъ существуетъ немалое число гораздо болѣе старыхъ студентовъ, лицъ, уже окончившихъ какой-нибудь другой, англійскій, а въ особенности шотландскій или ирландскій университетъ, иностранцевъ и др. Но все же эти лица составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Пребываніе въ университетѣ продолжается для студента не менѣе трехъ лѣтъ (а часто четыре года) для большинства студентовъ, и не менѣе пяти лѣтъ для медиковъ. Такимъ образомъ можно считать средній возрастъ студентовъ во время пребыванія ихъ въ университетѣ въ 20 лѣтъ. И при всемъ томъ правила, существующія для регулированія поведенія этихъ 20-лѣтнихъ юношей, болѣе строги, во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ правила, существующія для учениковъ гимназій или иныхъ подобныхъ учебныхъ заведеній на континентѣ. Въ то же время, если сравнить правила, существующія въ англійскихъ школахъ, то окажется, что они во многихъ отношеніяхъ гораздо менѣе стѣснительны, чѣмъ соответственныя правила для учениковъ континентальныхъ школъ. Такъ напр., англійскіе школьники-пансіонеры вполне вольны распоряжаться внѣкласснымъ временемъ, какъ имъ угодно ¹⁾. И они пользуются имъ преимущественно для игръ, составляя для этого особыя ассоціаціи или общества и разѣзжая иногда изъ города въ городъ на турниры въ футъ-болль, крикетъ, и др. Иногда же они собираются въ помѣщеніи школы въ „дебатирующее общество“, въ которомъ обсуждаютъ политическіе вопросы, и высказываютъ свое мнѣніе относительно важнѣйшихъ мѣропріятій правительства. Но

¹⁾ Кромѣ часовъ, посвященныхъ обязательнымъ играмъ въ fut-boll, cricket и др.

студентъ пользуется немногимъ большею свободою, чѣмъ школьникъ. Переходъ отъ школы къ университету есть только переходъ изъ одного колледжа въ другой, управляемый сходными законами. Различіе—въ преподаваемыхъ предметахъ, а не во внѣшнихъ условіяхъ жизни. Можно слѣдовательно сказать, что англійскій студентъ есть большой гимназистъ, какъ англійскій гимназистъ есть маленькій студентъ. Средній уровень развитія кембриджскихъ студентовъ показался мнѣ далеко не высокимъ, по сравненію съ развитіемъ студентовъ тѣхъ континентальныхъ университетовъ, съ которыми я болѣе или менѣе знакомъ. Дѣтская наивность его проявляется во всякомъ разговорѣ, и невольно удивляешься, что эти самые люди, которые въ 20 лѣтъ еще такъ наивны, будутъ со временемъ государственными людьми и притомъ въ странѣ, требующей такого большого развитія для выступленія на государственное поприще, какъ Англія. Не есть ли это частный примѣръ общаго закона, по которому чѣмъ выше мы идемъ въ рядѣ органическихъ формъ, тѣмъ дольше продолжается младенческій періодъ жизни недѣлимаго? Люди, которыхъ мы считали бы въ Россіи вполне взрослыми, состоятъ еще въ самомъ дѣлѣ „на ученическомъ положеніи“ въ Англіи; но зато старики, или люди, которыхъ мы назвали бы стариками, оказываются тамъ бодрыми юношами, и въ Англіи рѣдко можно встрѣтить государственнаго дѣятеля моложе 50 лѣтъ, а большинство такихъ дѣятелей уже перешло за 60.

Итакъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, при чтеніи дальнѣйшаго, что въ англійскимъ студентамъ нельзя непосредственно примѣнять ту мѣрку, которую мы привыкли прилагать къ студентамъ на континентѣ. слѣдуетъ имѣть въ виду, что они гораздо болѣе дѣти, чѣмъ юноши въ соотвѣтствующемъ возрастѣ у насъ.

Самою выдающеюся чертою студенческой жизни въ Англіи, въ отличіе отъ студенческой жизни въ другихъ странахъ, является громадное значеніе, которое имѣютъ игры въ этой жизни. Не только играмъ приписывается значеніе, не уступающее значенію преподаванія науки, но можно съ увѣренностью сказать, что для большинства студентовъ игры играютъ гораздо болѣе важную роль во время пребыванія ихъ въ университетѣ, чѣмъ изученіе науки. Страсть къ играмъ выносится уже изъ школы и передается изъ университета дальше въ жизнь. Всякій, кому приходилось видѣть англичанъ, живущихъ хотя бы на континентѣ, знаетъ, что гдѣ бы они ни поселились, первое, что они себѣ устраиваютъ, это—удобное мѣсто для игры въ крикетъ или въ лонъ-теннисъ. Спортъ всякаго рода составляетъ исключительный предметъ занятій большинства англичанъ, имѣющихъ свободное

время и средства на такое занятіе, а такихъ, какъ извѣстно, въ Англии больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Среди студентовъ, игры, гонки и отчасти охота составляютъ занятіе, которому посвящается большая часть времени пребыванія въ Кембриджѣ. Средній студентъ въ Кембриджѣ тратитъ три, четыре часа ежедневно на игры въ полѣ, на рѣкѣ. Студентъ считалъ бы свой день незаполненнымъ, если бы онъ не провелъ средину дня въ полѣ, за атлетическими занятіями. Каждый день, послѣ утреннихъ лекцій и второго завтрака, происходящаго около часу дня (lunch), студентъ переодѣвается изъ официального мундира или партикулярнаго платья въ специальный костюмъ, предназначенный для одной изъ игръ, и отправляется на соответствующее поле играть съ товарищами. Костюмъ этотъ носитъ названіе „flannels“. Онъ имѣетъ различную форму для разныхъ игръ,—одну для лонъ-тенниса, иную для футъ-болля, иную для катанія въ лодкѣ, иную для крикета, состязанія въ силѣ, въ бѣгѣ, на велосипедахъ, игры въ поло, въ „собакъ и зайца“ и пр. Каждый колледжъ имѣетъ свой кусокъ земли, раздѣленный на участки для различныхъ игръ. Ежедневно происходятъ между различными колледжами состязанія въ разныхъ упражненіяхъ. Для этого въ каждомъ колледжѣ существуютъ специальные студенческія общества, цѣль которыхъ играть въ соответствующія игры. Такъ существуетъ въ каждомъ колледжѣ свое „Общество гребли“, „Общество игры въ футъ-болль“, „Общество игры въ крикетъ“, „Общество велосипедистовъ“ и пр., а въ нѣкоторыхъ колледжахъ существуетъ нѣсколько подобныхъ обществъ одной и той же категоріи. Такимъ образомъ число студенческихъ обществъ, исключительно посвященныхъ играмъ, составляетъ уже само по себѣ нѣсколько сотъ. Не менѣе 17 обществъ существуетъ для каждой игры, а игръ можно насчитать десятокъ. Но и не-коллегіальные студенты также имѣютъ такія общества; существуютъ еще и общеуниверситетскія ассоціаціи, такъ что число всѣхъ обществъ для атлетическихъ игръ весьма велико. Каждое общество въ каждомъ колледжѣ имѣетъ свою собственную форму, сочиненную самими студентами. Такимъ образомъ число разнообразныхъ формъ кембриджскихъ студентовъ чрезвычайно велико,—улицы города представляютъ всегда весьма пестрый видъ отъ проходящихъ по нимъ студентовъ въ ихъ спортивныхъ костюмахъ. Обыкновенно эта форма состоитъ изъ короткой куртки, обращенной въ какой-нибудь яркій цвѣтъ, полосатой или клетчатой, съ гербомъ колледжа на груди; свѣтлыя короткія панталоны, длинные свѣтлые чулки, маленькая шапочка—дополняютъ костюмъ и составляютъ, вмѣстѣ взятые, нѣчто

похожее на костюмъ клоуновъ или фокусниковъ. По костюму студента можно узнать, куда онъ направляется, такъ какъ существуетъ нѣсколько шаблонныхъ формъ, — напр., для костюмовъ, въ которыхъ происходитъ катаніе въ лодкѣ, игра въ теннисъ, въ футъ-болль, бѣгъ на скорость и т. п. Мягкій климатъ Англіи позволяетъ студентамъ цѣлый годъ играть на дворѣ въ свои любимыя игры въ одномъ и томъ же костюмѣ. Каждый день можно видѣть въ часъ дня цѣлыя вереницы студентовъ, направляющихся на разныя поля для игръ, а въ 4, 5, или позже, они возвращаются назадъ, группами, съ своеобразными криками, разносящимися по всему городу.

Всю зиму всѣ играютъ въ футъ-болль, весною и лѣтомъ — въ крикетъ и теннисъ. Игра въ футъ-болль состоитъ, насколько я ее понимаю, въ слѣдующемъ: вся совокупность студентовъ играющихъ дѣлится на два противоположныхъ лагеря. Въ каждомъ лагерѣ изъ длинныхъ шестовъ сооружаются высокія ворота. Задача каждой партіи состоитъ въ томъ, чтобы такъ бросить большой кожаный шаръ, чтобы онъ прошелъ сквозь ворота противниковъ; а задача ихъ противниковъ состоитъ слѣдовательно въ томъ, чтобы не пускать этотъ шаръ къ себѣ, ловить его на лету и отталкивать назадъ, такъ, чтобы онъ прошелъ черезъ противоположныя ворота. Шаръ, который служитъ для этой игры, величиною съ голову, и меня удивляло геройское самоотверженіе студентовъ, которые подхватывали и отталкивали этотъ тяжелый шаръ на лету собственною головою. Какъ только шаръ пущенъ, за нимъ несутся всѣ студенты противной партіи, происходитъ всеобщая суматоха, всѣ сталкиваются въ кучу, и кто-нибудь отталкиваетъ со всей силы мячъ къ противникамъ. Тамъ происходитъ такая же суматоха и т. д. Игра продолжается такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подрядъ. Та партія, которая успѣла прогнать свой шаръ наибольшее число разъ черезъ ворота противниковъ, считается выигравшею. Съ начала октября до пасхальныхъ каникулъ ежедневно происходитъ игра въ футъ-болль одновременно на нѣсколькихъ поляхъ. Съ начала послѣдняго термина, послѣ пасхи и лѣтомъ до начала осеннихъ занятій, играютъ въ крикетъ и теннисъ. Игра въ футъ-болль требуетъ, повидимому, большой ловкости и присутствія духа. Лучшіе игроки не довольствуются тѣми лаврами, которые имъ доставляетъ побѣда надъ непосредственными товарищами въ университетѣ, и отправляются на турниры въ Оксфордъ или другіе города Англіи, или вступаютъ въ сраженіе съ пріѣзжими артистами. Пріѣзжаютъ не только изъ ближайшихъ городовъ, не только изъ Англіи, но

и изъ колоній, изъ Индіи, Канады, Австраліи. Пріѣзжаютъ не только университетскія общества, но и независимые отъ университета клубы для игры, существующіе въ громадномъ числѣ въ Англіи и ея колоніяхъ. Мнѣ часто приходилось читать объявленія о томъ, что въ такой-то день будетъ происходить сраженіе между „Университетомъ и Англіей“ (University v. England), т. е. университетъ выставлялъ лучшихъ бойцовъ противъ делегатовъ различныхъ клубовъ всей Англіи. Я видѣлъ также борьбу между „Университетомъ и Новой Зеландіей“, и т. п.

Такіе же турниры происходятъ или у колледжей между собою, или между университетомъ и другими корпораціями и въ другія игры. Гонки и турниры въ разные игры происходятъ съ незапамятныхъ временъ. Такъ, существуютъ извѣстія о сраженіи въ футъ-болль между Тринити-колледжемъ и С. Джонсъ-колледжемъ въ 1620 г. Теннисъ существовалъ несомнѣнно гораздо раньше. А охота на всякаго звѣря, уженіе рыбы, боксъ, фехтованіе, конскія скачки и пр. существовали, конечно, еще давнѣе.

Особый видъ студенческихъ обществъ составляютъ такъ-называемые обѣдающіе клубы (Dining clubs), цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы собираться вмѣстѣ, по очереди, въ квартирѣ каждаго изъ членовъ общества, который обязанъ угощать своихъ сообщественниковъ обѣдомъ. Особый видъ такихъ обѣдовъ состоитъ въ „винныхъ партіяхъ“ (wine parties), самое названіе которыхъ показываетъ ихъ назначеніе съ достаточной ясностью. Существуетъ кромѣ того нѣсколько обществъ игры въ вистъ или въ шахматы, общество для собесѣдованія при куреніи табаку и т. п. Если бы читателю попалась на глаза одна изъ тѣхъ книжекъ, которыя я перечисляю въ концѣ этой статьи, а именно „Кембриджскій новичокъ“ (The Cambridge Freshman), то, читая тамъ про „Общество бараньей котлеты“, онъ навѣрно подумалъ бы, что авторъ юмористическаго произведенія нарочно выдумалъ такое шуточное названіе, чтобы осмѣять „обѣденные клубы“. Но на самомъ дѣлѣ это названіе не выдуманное. Въ кембриджскомъ университетѣ дѣйствительно существуетъ „Клубъ бараньей котлеты“, и члены этого общества, главнымъ образомъ принадлежащіе къ высокой аристократіи, держатся въ довольно узкомъ кружкѣ, недоступномъ обыкновеннымъ смертнымъ. Сходныя названія имѣютъ нѣкоторыя другія общества, въ родѣ, напр., „Общества пирога“ (Magpie) и пр.

Но кромѣ этихъ, болѣе или менѣе легкомысленныхъ, обществъ, существуетъ также нѣсколько обществъ серьезнаго характера. Такъ напр., существуетъ „этический кружокъ“ и большое число

„политическихъ“ обществъ, кружковъ и пр., хотя, конечно, громадный перевѣсъ на сторонѣ обществъ для разныхъ игръ, объѣдовъ и клубовъ вообще, безъ спеціальнаго назначенія (такъ назыв. social clubs).

Каждый колледжъ имѣетъ обязательно свое „дебатирующее общество“, въ которомъ собираются обыкновенно разъ въ недѣлю для дебатируванія по какому-нибудь литературному, историческому или, главнымъ образомъ, политическому вопросу. Помимо того существуетъ общеуниверситетская „Унія“, въ которой также происходятъ еженедѣльные собранія съ тою же цѣлью. Общество это имѣетъ собственное помѣщеніе, купленное на средства, собранныя съ его членовъ, бібліотеку и читальню. Оно насчитываетъ нѣсколько сотъ членовъ, которые платятъ по 10 руб. въ термъ, т.-е. 30 руб. въ годъ. Въ большой залъ принадлежащаго ему дома происходятъ пренія, на которыя допускаются въ качествѣ простыхъ слушателей, на хоры, и не члены общества, публика, которая обыкновенно состоитъ изъ родственниковъ студентовъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые говорятъ въ данномъ засѣданіи или въ качествѣ оратора, или въ качествѣ одного изъ оппонентовъ. Въ помѣщеніи общества хранится книга, въ которую каждый, желающій поднять какой-нибудь вопросъ въ обществѣ, вписываетъ свой тезисъ. Если находятся лица въ достаточномъ количествѣ, которыя берутся дебатировать этотъ вопросъ, т.-е. если противъ этого вопроса въ книгѣ оказывается достаточное число подписей „да“ или „нѣтъ“, то для преній по этому вопросу назначается день, къ которому каждый изъ записавшихся приготавливаетъ свою рѣчь. Всѣ правила, относящіяся къ самимъ преніямъ, составляютъ точную копію правилъ, дѣйствующихъ въ парламентѣ. Студенты говорили мнѣ, что они смотрятъ на это общество какъ на школу, въ которой они готовятся къ своей будущей дѣятельности въ обществѣ, въ частномъ случаѣ въ парламентѣ,—дѣятельности, которая будетъ требовать отъ нихъ на каждомъ шагѣ дара слова. Поэтому пренія, происходящія въ „Уніи“, не имѣютъ цѣлью выясненіе какого-нибудь вопроса, а въ гораздо большей степени—упражненіе въ краснорѣчьи, причѣмъ иногда для этого нарочно выбираются положенія, которыя трудно защищать. Иногда даже всѣ пренія принимаютъ характеръ остроумнаго фарса, когда и выставившій какое-нибудь положеніе, и опровергающіе его говорятъ только, такъ сказать, изъ любви къ искусству, нисколько не придерживаясь на самомъ дѣлѣ тѣхъ мнѣній, которыя они защищаютъ съ большимъ ораторскимъ талантомъ. Такъ, въ мое время происходило однажды преніе

на тезисъ слѣдующаго содержанія: „наше общество выражает свое сочувствіе тѣмъ несчастнымъ членамъ аристократическихъ семействъ, которые были пойманы недавно полиціей въ клубажъ, при игрѣ въ азартныя игры“. И ораторъ, и его оппоненты все время говорили въ шуточномъ тонѣ, пользуясь случаемъ, чтобы блеснуть своимъ краснорѣчіемъ. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда затрогиваются вопросы, дѣйствительно волнующіе общество, вопросы, занимающіе отцовъ тѣхъ студентовъ, которые учатся въ университетѣ, и которыми имъ по неволѣ приходится интересоваться, такъ какъ обсужденіемъ ихъ заняты всѣ газеты, то иногда пренія принимаютъ дѣйствительно серьезный характеръ. Обсуждается, напр., вопросъ о политикѣ правительства по отношенію къ Ирландіи, и постановляются резолюціи съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто эти резолюціи немедленно будутъ приведены въ исполненіе. Мнѣ случилось присутствовать два раза на такихъ политическихъ преніяхъ. Однажды вопросъ былъ поднять именно о политикѣ правительства по отношенію къ Ирландіи, въ другой разъ дѣло шло о націонализаціи земли. Постановленіемъ большинства голосовъ въ концѣ каждаго засѣданія общество выражаетъ свое одобреніе или неодобреніе выставленному тезису. Тезисъ почти всегда ставится въ такой формѣ: „наше общество одобряетъ (или порицаетъ) такое-то явленіе“ и т. п.

Въ ирландскомъ вопросѣ, въ томъ засѣданіи, которое мнѣ довелось видѣть, общество постановило „одобрить“ политику правительства. А тезисъ, выставленный однимъ студентомъ, „что общество одобрило бы націонализацію земли“—былъ проваленъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Первое сообщеніе, которое происходило въ бытность мою въ Кембриджѣ, было озаглавлено слѣдующимъ образомъ: „общество наше одобрило бы восстановленіе позорнаго столба и тѣлесныхъ наказаній за небольшіе проступки“. Это предложеніе было однако отвергнуто большинствомъ 43 голосовъ противъ 17. Приведу еще текстъ нѣсколькихъ иныхъ положеній, защищавшихся въ „Уніи“: „Беконъ написалъ сочиненія, приписываемыя Шекспиру“; „романъ не долженъ быть проповѣдью нравовъ“, и т. п. въ томъ же родѣ.

Кромѣ обществъ для игры и иной забавы, а также обществъ для собесѣдованій по разнымъ вопросамъ, существуютъ еще религиозныя общества, о которыхъ также необходимо сказать. Нѣсколько словъ, въ особенности въ виду того, что религія играетъ громадную роль въ Кембриджѣ, какъ въ Англіи вообще.

Всякій, кто читалъ что-нибудь о жизни въ Англіи, а въ особенности кто былъ въ Англіи, знаетъ, какое большое значеніе

имѣть въ жизни англичанина религія. И члены университета въ этомъ отношеніи не только не уступаютъ остальной націи, но, напротивъ, въ значительной степени поддерживаютъ таковой порядокъ вещей. Мы уже упомянули въ началѣ о томъ, что студентъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, по пяти разъ въ недѣлю бывать въ церкви. Такое правило не могло бы существовать, еслибы тѣ, которые требуютъ его исполненія, не были, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами религіозны. И въ самомъ дѣлѣ всѣ начальники колледжей—реверенды, т.-е. лица, специально изучавшія теологію, а потому невозможно допустить, чтобы большинство изъ нихъ было невѣрующими. Но столь же вѣрующими оказываются и почти всѣ жители и члены университета въ Кембриджѣ вообще (а въ Оксфордѣ, говорятъ, еще больше). И я могъ убѣдиться изъ личныхъ бесѣдъ съ большимъ числомъ какъ студентовъ, такъ и тьюторовъ и профессоровъ, что они почти всѣ одинаково религіозны. Церковь посѣщается не для исполненія только простой формальности, а съ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ въ полезности этого посѣщенія. Не только студенты, которые по обязанности должны бывать въ церкви, но и профессора, которыхъ уже ничто въ тому не обязываетъ, аккуратно бывають въ церкви каждое воскресенье и выслушиваютъ проповѣди лучшихъ проповѣдниковъ Англіи, приглашаемыхъ на одинъ разъ въ Кембриджъ по распоряженію университетскаго начальства. Въ воскресенье никто не рѣшается работать, и въ Кембриджѣ, какъ и въ Лондонѣ, всѣ магазины обязательно закрыты, какъ закрыты и всѣ музеи, театры и т. п. Такъ же рѣдко можно встрѣтить среди студентовъ-англиканъ невѣрующихъ, какъ въ нѣкоторыхъ университетахъ на континентѣ студентовъ, которые аккуратно посѣщали бы церковь. Религіозныя традиціи вѣрче другихъ держатся въ англійскомъ обществѣ вообще и въ университетахъ Англіи въ особенности. Вспомнимъ, что въ продолженіе многихъ вѣковъ Кембриджъ и Оксфордъ были единственными мѣстами, гдѣ преподавалась теологія для будущихъ служителей англійской церкви. Замѣтимъ, что до сихъ поръ въ Кембриджѣ ежегодно обучается нѣсколько сотъ студентовъ, которые потомъ будутъ пасторами въ Англіи или ея колоніяхъ, и, принявъ еще во вниманіе общую религіозность англичанъ, мы поймемъ тотъ религіозный духъ, который царствуетъ въ англійскихъ университетахъ. Конечно, среди истинной религіозности нѣрѣдко попадаетъ и ханжество, уступка духу среды. Есть и такіе студенты, которые, не будучи вполне вѣрующими, все же аккуратно посѣщаютъ церковь, такъ какъ не желаютъ навлечь на себя не только недо-

вольство начальства, но и враждебное отношеніе со стороны своихъ товарищей, членовъ своей семьи и др. Но это рѣдкое исключеніе. Меня увѣрили, что изъ 3.000 студентовъ кембриджскаго университета навѣрно не найдется 10⁰/₀ „свободомыслящихъ“, и едвали можно будетъ насчитать много процентовъ среди старыхъ профессоровъ—убѣжденныхъ атеистовъ, или хотя бы агностиковъ.

Правила, которыя я привелъ въ началѣ статьи относительно посѣщенія церкви, не такъ строги, какъ можетъ показаться, если не принять во вниманіе существованія дополненія къ нимъ, въ силу котораго всякій студентъ имѣетъ право отказаться отъ посѣщенія церкви, если совѣсть ему этого не дозволяетъ. Я не упомянулъ объ этомъ правилѣ въ первой главѣ, такъ какъ оно остается мертвой буквой. Никто изъ студентовъ, англичанъ не отказывается посѣщать церковь или во всякомъ случаѣ нельзя насчитать и десятка такихъ студентовъ. По крайней мѣрѣ, изъ моихъ личныхъ знакомыхъ даже тѣ, которые не вѣровали, все-таки аккуратно посѣщали церковь, и увѣрили меня, что имъ неизвѣстно, чтобы кто-нибудь отказался отъ таковаго посѣщенія въ силу даннаго ему закономъ права. Въ виду этого понятно, что между студентами существуетъ нѣсколько религиозныхъ обществъ, миссіонерскихъ и даже лицъ, участвующихъ въ „арміи спасенія“, сущность которой вѣроятно всѣмъ знакома. Два раза ко мнѣ являлись студенты, делегированные религиозными обществами, состоявшими изъ однихъ не-коллегіальныхъ студентовъ, для сбора пожертвованій на поддержку пасторовъ въ бѣдныхъ приходахъ или на поддержку миссій въ Африкѣ. Такія общества существуютъ и коллегіальныя (въ отдѣльныхъ колледжахъ), и обще-университетскія.

Чтобы покончить со студенческими обществами, я долженъ назвать еще „Музыкальныя общества“, „Общество волонтеровъ“, „Общество стенографовъ“, названія которыхъ уже указываютъ ихъ цѣль.

Для того, чтобы ознакомиться съ характеромъ англійскаго студента еще ближе, посмотримъ, чтѣ его интересуетъ, чтѣ онъ читаетъ, въ чемъ видитъ сущность университетской жизни. Въ Кембриджѣ издается нѣсколько газетъ и журналовъ, какъ въ городѣ, такъ и въ университетѣ. Одинъ изъ нихъ, „Кембриджское Обзорѣніе“, посвященъ специально университетскимъ дѣламъ, и носить эпиграфъ: „журналъ университетской жизни и мысли“. О чемъ же мыслить университетъ и чѣмъ онъ живетъ? Просмотримъ содержаніе нѣсколькихъ номеровъ этого журнала, или,

такъ какъ программа каждаго нумера почти тождественна съ программой всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ номеровъ, то просмотримъ подробнѣе одинъ нумеръ этого еженедѣльнаго обзорнiя жизни кембриджскаго университета. Беру первый попавшiйся мнѣ на глаза нумеръ, отъ 24-го января 1889 года. Вотъ его содержанiе. „Новости дня“, т.-е. списокъ назначенiй, публичныхъ лекцiй, наградъ и т. п. университетскихъ событiй; рѣчь вице-канцлера при выходѣ его изъ должности, послѣ окончанiя срока службы; биографическiя замѣтки о трехъ умершихъ профессорахъ. „О воскресномъ фондѣ для начальныхъ школъ“, статья основателя одной изъ такихъ школъ. Затѣмъ идетъ статья подъ заглавiемъ: „Рѣва“. Тутъ перечисляются студенты, составляющiе такъ-называемую университетскую осмерку, т.-е. восемь студентовъ, которые готовятся для весеннихъ гонокъ на Темзѣ съ оксфордскимъ университетомъ. Сообщается, что они уже начали свои упражненiя на рѣкѣ, и каковы были результаты ихъ первыхъ опытовъ. Далѣе сообщаются краткiя корреспонденцiи изъ каждаго колледжа. Приведу нѣсколько такихъ корреспонденцiй подрядъ.

„С.-Питерсъ-колледжъ. Мы вернулись (съ рождественскихъ каникулъ) 12-го января, что кажется довольно рано, раньше большинства другихъ колледжей. Лодки выступили въ понедѣльникъ, и вся прошедшая недѣля была посвящена практикѣ въ лодкахъ. Одна осмерка выѣхала въ понедѣльникъ, двѣ во вторникъ. Намъ везетъ, ибо нашу лодку будетъ обучать Белль. Поздравляемъ Фринка, побѣдившаго Регби. На собранiи шестисотлѣтняго клуба, въ субботу вечеромъ, обсуждались текущiя дѣла“.

С.-Питерсъ-колледжъ—самый старинный въ Кембриджѣ. Онъ основанъ въ 1284 году, и по случаю шестисотлѣтiя съ его основанiя въ 1884 году былъ учрежденъ такъ-называемый шестисотлѣтнiй клубъ студентовъ этого колледжа.

„Кларъ-колледжъ. Мы вернулись въ прошлый понедѣльникъ. Игроки въ футъ-болль еще не отдохнули отъ каникулъ и до сихъ поръ еще ничего не сдѣлали. Три лодки уже выѣзжали, изъ нихъ первая и вторая—тяжелыя и крѣпкiя, такъ что подають хорошия надежды. Нѣтъ ни одного человѣка въ нашемъ колледжѣ, который не собирався бы засѣсть серьезно за работу въ нынѣшнемъ термѣ.

„Пемброкъ-колледжъ. Несмотря на несчастные случаи и на экзаменацiонную лихорадку, три лодки уже практикуютъ, и четвертая скоро также появится. Пока еще, конечно, ничего нельзя предсказать относительно того, попадетъ ли третья лодка на гонки.

Полный недостатокъ новостей. Единственнымъ важнымъ событіемъ въ настоящемъ термѣ была побѣда Ассоціаціи надъ Кевендишъ-колледжемъ“, и т. д., и т. д.

Подъ заглавіемъ: „Календарь“, перечисляются главнѣйшія событія предстоящей недѣли, а именно:

„Четвергъ, 24. Проповѣдь реверенда (такого-то) въ церкви св. Маріи, какъ упражненіе на степень доктора богословія. Массонскій балъ въ зданіи ратуши.

„Пятница, 25. Вечеромъ въ 8. 15 церковная служба кембриджскаго университетскаго церковнаго общества.

„Суббота, 26. Общедоступный концертъ (по пенни, т.-е. 4 в. за входъ) студентовъ „Музыкальнаго Общества“ Крайстъ-колледжа.

„Воскресенье, 27. Проповѣдь, въ церкви св. Маріи, Беллара, директора Тринити-колледжа.

„Понедѣльникъ, 28. Театръ „Шиллингъ-королевы“.

„Вторникъ, 29. Матрикуляція. Театръ „Лоскутовъ бумаги“.

„Среда, 30. Собраніе въ 8. 15 кембриджскаго университетскаго церковнаго общества. Сообщение реверенда (такого-то) „О приходской дѣятельности и ея организаціи“. Театръ „Шиллингъ-королевы“.

„Четвергъ, 31. Собраніе кембриджскаго университетскаго церковнаго общества вмѣстѣ съ клерикальнымъ обществомъ, въ церкви св. Маріи въ 8 час. утра“.

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе проповѣдей, гимновъ для пѣнія, въ церквахъ колледжей *на каждый день*. Затѣмъ списокъ отдѣльныхъ собраній „шахматнаго клуба“, „Уніи нон-конформистовъ“ (т.-е. лицъ не принадлежащихъ въ англиканской церкви), „Общества пловцовъ“, и сообщаются результаты гонки между Кембриджемъ и однимъ провинціальнымъ клубомъ, и игры въ „собакъ и зайцевъ“. Далѣе напечатанъ подробный списокъ лицъ, получившихъ какою-нибудь ученую степень или награду, и дается списокъ предстоящихъ назначеній, списокъ имѣющихъ быть турнировъ въ футъ-болль, въ бѣгъ на скорость или въ бѣгъ на выдержку, въ теченіе предстоящей недѣли. Письмо изъ Оксфорда начинается словами: „Лодки выѣхали довольно рано въ нынѣшнемъ термѣ“, и т. д. Списокъ лицъ, выдержавшихъ экзамены на первоначальныя степени или на стипендіи, и нѣсколько писемъ въ редакцію забавчиваютъ этотъ номеръ.

Въ „Прибавленіи“ къ этому номеру сперва напечатана проповѣдь, сказанная въ университетской церкви въ послѣднее воскресенье, а затѣмъ идутъ подробные отчеты о сраженіяхъ въ разные игры между университетомъ и разными посторонними об-

ществами, напр.: Кембриджъ противъ Оксфорда, Кембриджъ противъ Эдинбурга, Кембриджъ противъ Бредфорда и пр. Въ отчетѣ подробно описывается, какъ катился мячъ, какой студентъ ловко подхватилъ его и перебросилъ въ лагерь противниковъ, и пр.; дагѣ, отчетъ о послѣднемъ дебатѣ въ „Униі“ на тему: „по мнѣнію нашего общества, международная арбитрація должна бы рѣшать всѣ вопросы, въ настоящее время разрѣшаемые войною“. Дается резюмѣ сказанныхъ ораторами рѣчей за и противъ предложенія, и сообщается результатъ: 31 голосъ—за, 31—противъ. Голосъ президента переѣшиваетъ, и постановленіе гласитъ: „нѣтъ“. Наконецъ, въ библиографическомъ отдѣлѣ разбирается нѣсколько недавно вышедшихъ книгъ, главнымъ образомъ тѣхъ, которыя такъ или иначе относятся къ Кембриджу.

Изъ перечисленнаго содержанія журнала, посвященнаго „университетской жизни и мысли“, читатель могъ видѣть, какъ отличаются интересы англійскаго студента отъ интересовъ студентовъ большинства континентальныхъ университетовъ. Конечно, кромѣ того студентъ ежедневно читаетъ политическую газету и постоянно слѣдитъ и за журналами. Игры на первомъ планѣ, затѣмъ лекціи, религія, наконецъ политика—вотъ главные предметы, которые волею или неволею постоянно занимаютъ вниманіе кембриджскаго студента. Утромъ, какъ только онъ встанетъ, онъ отправляется въ церковь, произноситъ молитвы, поетъ гимны, выслушиваетъ проповѣди, и т. п.; затѣмъ отправляется на лекціи, которыя продолжаются до часу, двухъ, рѣдко трехъ пополудни. Позавтракавъ между часомъ и двумя, онъ переодѣвается въ спортивный костюмъ и отправляется въ поле играть въ одну изъ безчисленнаго множества игръ со своими товарищами или пріѣзжими игроками. Игра эта его интересуетъ. Онъ гордится побѣдою своего колледжа на рѣбѣ, въ футъ-болль, въ крикетъ, ракетъ, въ состязаніи въ силѣ, въ бѣгѣ на скоростъ, въ бѣгѣ на выдержку, въ быстротѣ или ловкости катанія на велосипедѣ, въ игрѣ въ теннисъ или лонъ-теннисъ, въ лакросъ, въ собаку и зайца, въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ игрѣ въ поло, въ множествѣ подобныхъ забавъ, которыя занимаютъ его въ теченіе всего времени пребыванія его въ университетѣ, какъ онѣ интересовали его въ школѣ, и какъ часто будутъ продолжать интересоватъ въ теченіе всей его жизни. Вечеръ проводится въ пріятной бесѣдѣ съ товарищами въ одномъ изъ клубовъ, или въ частномъ кружкѣ, причемъ неисчерпаемою темою разговоровъ служатъ по большей части опять-таки игры—вотъ тѣмъ англійскій студентъ преимущественно занимается въ теченіе своихъ 9-ти термовъ въ Кембриджѣ, или 12-ти термовъ въ

Оксфордѣ. Онъ живетъ сравнительно роскошно, и обыкновенно не нуждается въ деньгахъ. О томъ, чтобы онъ выдержалъ экзамены и получилъ степень, заботится главнымъ образомъ его тьюторъ. Жизнь беззаботная, почти дѣтская, совершенно непохожая на жизнь студентовъ континентальныхъ университетовъ.

Этимъ мы заканчиваемъ наше описаніе кембриджскаго университета, преподаванія въ немъ науки и жизни англійскихъ студентовъ. Должно замѣтить, что все сказанное относится почти одинаково и къ Оксфорду, какъ и къ Кембриджу, но никакъ не можетъ быть распространено на другіе, новые англійскіе и въ особенности шотландскіе университеты. Послѣдніе во многомъ сходны съ германскими университетами: программы ихъ менѣе исключительны; преобладающими науками являются естественныя науки; классики сравнительно въ загонѣ. Но спортъ и религія царятъ въ шотландскихъ университетахъ не менѣе, а иногда даже гораздо болѣе, чѣмъ въ университетахъ Кембриджа и Оксфорда.

І. Клейверъ.

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

ПОВѢСТЬ

I.

Нѣсколько молодыхъ людей, случайно сошедшихся у Вѣтленева, играли до двухъ часовъ ночи въ винтъ, потомъ поужинали и разошлись... Остался одинъ, который не принадлежалъ къ компаніи и видимо не затѣмъ пришелъ. Онъ былъ углубленъ въ себя, не игралъ и едва принималъ участіе въ разговорахъ. Звали его Ижоринъ. Это былъ элегантно одѣтый, тончавый и очень красивый брюнетъ; но на блѣдномъ лицѣ его и въ задумчивыхъ черныхъ глазахъ лежала печать той истомы, которую можно нерѣдко замѣтить у молодыхъ людей послѣдняго времени, замученныхъ непосильными и часто несомѣстимыми требованіями шестидесяти лѣтъ. Онъ продолжалъ съ успѣхомъ классическую гимназію, технологическій институтъ, и въ 24 года стоялъ, наконецъ, на порогѣ жизни, съ правомъ избрать въ ней какой угодно путь, но безъ малѣйшей охоты къ самымъ обыкновеннымъ изъ путей и въ совершенномъ недоумѣніи, что съ собой предпринять. Наука, послѣ двѣнадцати лѣтъ напряженныхъ занятій, практической смѣслъ которыхъ все время былъ для Ижорина загадкой, пріѣлась; но вычеркнуть ее совершенно изъ жизни, послѣ всѣхъ жертвъ, которыя онъ ей принесть, и схоронить свою молодость, безъ живого дѣла, въ какой-нибудь канцеляріи казалось ему почти самоубійствомъ. А между тѣмъ вѣдь есть же счастливыя, не знавшіе никогда по-

добнаго затрудненія. Ровесникъ и старый пріятель его, напримѣръ, — Аркадій Вѣтленевъ... Этотъ окончилъ курсъ въ земледѣльческой академіи, приобрѣлъ имѣніе и, не задумываясь, ѣдетъ туда хозяйничать. Юношескія надежды живутъ у него въ душѣ—незаморенныя, цвѣтъ лица его свѣжъ, свѣтлорусые волосы вьются, глаза глядятъ бодро и весело, голосъ звучитъ безопасно... Въ типѣ лица и во всей коренастой, широкоплечей фигурѣ Вѣтленева, правда, есть что-то плебейское.

„Можетъ быть, — думалъ Ижоринъ: — въ этомъ и заключается весь секретъ? Аркадій—битбѣъ, и въ жилахъ его, несмотря на дворянское имя, течетъ, вѣроятно, кровь какого-нибудь мясника или лабазника?“

Такъ думалъ Ижоринъ, когда, проводивъ послѣднихъ гостей, хозяинъ вернулся къ нему веселый, привѣтливый, усадилъ его снова за столъ и, наливая въ стаканы вина, спросилъ съ добродушной усмѣшкой:—Сознайтесь, голубчикъ, вы очень скучали?

— Что же дѣлать?—отвѣчалъ гость.—Живя въ Россіи, невольно выучишься скучать...—И словно какъ бы устыдясь такого огульнаго приговора, прибавилъ:—Я говорю это, впрочемъ, со всѣмъ не въ укоръ намъ, русскимъ; ибо способность скучать—истинно человѣческая черта. Животныя и все тѣ, что недалеко отъ нихъ ушло, никогда не скучаютъ.

Вѣтленевъ вглядывался въ его лицо, словно стараясь прочесть тамъ отвѣтъ на какой-то невысказанный вопросъ. Но лицо пріятеля говорило только: „не спрашивай у меня, пожалуйста, ничего серьезнаго, — мнѣ до смерти надоѣли экзамены“.

— Ну, а теперь за дѣло, — сказалъ хозяинъ:—какія извѣстія вы принесли?

— Да нерѣшительныя... Кузина взялась поговорить съ кѣмъ слѣдуетъ, но не думаетъ, чтобы это къ чему-нибудь повело. „Фантазія!—говорить:—Какъ я могу отвѣчать за такихъ молодыхъ, ничѣмъ не успѣвшихъ себя заявить, людей?.. Мало ли, молъ, что взбредетъ вамъ въ голову!.. И что я скажу, когда меня спросятъ, какая у васъ дальнѣйшая цѣль?.. Потому что, вотъ видишь ли, душечка, Петя, все, что ты мнѣ говоришь, не болѣе какъ идея; положимъ, очень благонамѣренныя и симпатичныя—*c'est du Tolstoï tout pur*—но у меня навѣрное спросятъ: какой практической смыслъ онѣ могутъ имѣть въ примѣненіи?.. Что это: сельская община, имѣющая въ виду не больше какъ зарабатывать себѣ, собственноручно, скудное пропитаніе, или школа практической агрономіи, персоналъ которой будетъ мѣняться?“..

— Что же вы отвѣчали?

— И то, и другое, говорю, Катя, милая, ибо одно безъ другого у насъ пока еще не имѣетъ смысла. Всякій дѣйствительно-земледѣльческій заработокъ, дающій развитому человѣку возможность существовать безбѣдно, съ другой стороны, неизбѣжно будетъ и высшею школой практической агрономіи, недостатокъ которой у насъ теперь такъ сильно даетъ себя чувствовать. У насъ, въ земледѣльческихъ академіяхъ, преподается только одна теорія, а какъ взяться за дѣло такъ, чтобы оно обезпечивало, въ извѣстной почвенно-климатической обстановкѣ, извѣстный, хотя бы и самый скромный, достатокъ,—на это теорія не даетъ никакихъ указаній.

— Прекрасно!—сказала Вѣтленевъ.

— Затѣмъ, говорю: остается еще взглянуть на этотъ вопросъ съ религіозной и государственной точки зрѣнія. Согласись, что положеніе образованной молодежи, въ послѣднія 25 или 30 лѣтъ, становится изъ году въ годъ затруднительнѣе, Науки, которыя мы проходимъ, не обезпечиваютъ намъ ничего, такъ что, однажды сдавъ выпускной экзаменъ, большая часть изъ насъ совершенно не знаетъ, что съ собой дѣлать... Намъ говорятъ, и весьма основательно: „Да чего вы всѣ лѣзете на казенную службу, словно помимо ея не существуетъ путей? Васъ въ сорокъ разъ болѣе, чѣмъ на службѣ свободныхъ мѣстъ. Откуда же намъ ихъ взять? Не учреждать же, нарочно для васъ, новыя вѣдомства... Вы молоды, вамъ дано, почти бесплатно, образованіе. Промышляйте какъ сами знаете, а государство васъ не брало и не обязано содержать“... Съ своей стороны, и религія говоритъ почти то же. Первое откровеніе человѣку гласитъ, что его судьба—заработывать въ потѣ лица свой насущный хлѣбъ. Отсюда слѣдуетъ, что физическій трудъ не только почтененъ въ нравственномъ и полезенъ въ гигиеническомъ отношеніи, но составляетъ и въ религіозномъ смыслѣ общую всѣмъ безъ изъятія людямъ повинность, отъ которой ничто ихъ не въ правѣ освободить. Странно поэтому утверждать, какъ утверждаютъ многіе, что этого рода трудъ несовмѣстимъ съ задачами высшаго образованія. Долженъ быть совмѣстимъ, если мы не хотимъ прийти къ заключенію, что это образованіе,—такъ, какъ у насъ обыкновенно его понимаютъ,—ложь... Дальнѣйшая наша цѣль поэтому, говорю, доказать на дѣлѣ, что развитой человѣкъ, не отказываясь отъ своего развитія, то-есть, не дѣлаясь мужикомъ въ вульгарномъ смыслѣ, способенъ однакоже самъ себя прокормить, зарабатывая по заповѣди, въ потѣ лица, свой насущный хлѣбъ, и между прочимъ удовлетворяя потребности государства

въ здоровой, способной во всякаго рода физическому труду, молодежи...

— Прекрасно!—опять повторилъ Вѣтленевъ, съ какимъ-то особеннымъ торжествомъ потирая руки.

— Кузина то же мнѣ говорила,—спокойно замѣтилъ ему пріятель:—но...—Онъ протянулъ и замялся.

— Да пейте же!—подстрекалъ хозяинъ.—Мнѣ бы хотѣлось васъ разогрѣть, какъ вы меня разогрѣли.

Ижоринъ допилъ стаканъ и продолжалъ:

— Она говоритъ: „Все это, говорить, прекрасно, и дѣлаетъ вашему молодому кружку большую честь... Но ты извини меня, душечка, если я тебѣ повторю, что это фантазія... Никогда, говорить, не повѣрю, чтобы грошовый мужицей зароботокъ, какъ бы ни увеличенъ онъ былъ систематической обработкой земли (что еще очень сомнительно), удовлетворилъ компанію избалованныхъ молодыхъ людей, самыя скромныя требованія которыхъ, конечно, и въ голову никогда не придутъ мужику“.

— А вы ей не объяснили, какую важную роль играютъ у насъ въ расчетѣ сельско-хозяйственные заводы?

— Все объяснялъ,—но она смѣется.

— „Я, душечка, говорить, жила вѣ въ деревнѣ, и знаю, во что обходятся эти заводы... Что жъ я скажу, говорить, если мнѣ задать вопросъ, который и я тебѣ сдѣлаю? На чей счетъ у васъ затѣвается такое большое и дорогое обзаведеніе?.. Что это: складчина, то-есть товарищество на равныхъ правахъ, или одинъ изъ васъ будетъ полнымъ хозяиномъ, а другіе не болѣе какъ работниками съ найма?“

— Ахъ, Господи! Да кого кромѣ насъ это можетъ интересовать?—воскликнулъ Вѣтленевъ, ударивъ по столу кулакомъ.—Вѣдь выдаютъ же патенты на право торговли, ну, на примѣръ, хоть на портерную, не требуя, чтобы предприниматель заранѣе объяснилъ, на какихъ условіяхъ онъ рассчитываетъ принять компаніоновъ въ дѣло, и чѣмъ они ему выплатятъ ихъ пай: наличными или векселями, или работой? Законна или незаконна сдѣлка—это вопросъ, который интересуется только нотаріуса, а за городомъ и полиціей остается всегда контроль, и если они откроютъ какія-нибудь злоупотребленія,—ну, положимъ, порчу напитковъ вредными для здоровья примѣсами,—за ними право отдать виноватыхъ подъ судъ... Неужли же вы ей не объяснили этого?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Ижоринъ,—до этого не дошло. Она торопилась на свой базаръ, въ которомъ участвуетъ продавщицей, и оборвала меня, повторяя со смѣхомъ: „Фантазія, милый другъ,

фантази!.. Будь, спокоень, однако, я не отказываюсь тебѣ помочь, насколько возможно. Я разузнаю изъ-подъ руки, какъ отнесутся къ подобной затѣѣ свыше, и сообщу тебѣ обо всемъ подробно... Только сегодня ты, ради Бога, дольше меня не держи, потому что меня тамъ ждутъ уже съ полчаса“...

Кузина Ижорина, Катерина Осиповна Бухарцева, по родству и связямъ, принадлежитъ къ высокочинному кругу столицы. Весь Петербургъ видалъ ее на публичныхъ праздникахъ и застѣваніяхъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, изъ числа которыхъ два или три даже обязаны ей своимъ существованіемъ. Изъ этого уже ясно, что Катерина Осиповна далеко не молода, но общій контуръ когда-то прелестной женщины уцѣлѣлъ, и на взглядъ вы ни за что не дадите ей ея настоящихъ лѣтъ.

Бухарцева хорошо извѣстна своею „легкой рукой“ по части осуществленія самыхъ, повидимому, несбыточныхъ замысловъ и затѣй. Тамъ, гдѣ другіе трусили и отдѣльвались туманными обѣщаніями, она храбро пускала въ ходъ свои многочисленные ресурсы и часто съ бою брала успѣхъ. Однако затѣя, съ которою къ ней обратились на этотъ разъ, выходила такъ рѣзко изъ круга признанной за нею специальности, что Катерина Осиповна, на первыхъ порахъ, не могла и представить себѣ, какъ взяться, чтобы дать ей ходъ... Чего эти фантазеры хотятъ? Конечно, не официального одобренія и поддержки... Это, пожалуй, облегчаетъ задачу, но, съ другой стороны, можетъ легко внушить опасеніе, что тутъ кроется что-нибудь недосказанное...

Счастливымъ случай пришелъ ей на помощь. Къ бесѣдѣ, со всѣмъ по другому дѣлу, съ однимъ всеильнымъ лицомъ, ей неожиданно удалось приплести нѣсколько словъ и объ этомъ дѣлѣ, назвавъ его, очень удачно, попыткою основать образцовую ферму, не афишируя этой задачи, покуда она не станетъ на твердую ногу въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ на это требовалось бы официальное разрѣшеніе, которое не надѣются получить.

Особа, съ которой она бесѣдовала, была въ самомъ счастливомъ расположеніи духа и, противъ всякаго ожиданія, выслушавъ ее благосклонно, сказала: „Что-жь? Пусть попробуютъ. Мы не будемъ, конечно, благословлять, но не видимъ повода и препятствовать этого рода попыткамъ, покуда намъ не дадутъ къ тому повода“... Къ этому было, однако, прибавлено нѣсколько словъ, заставившихъ ее скоро почти раскаться въ своей храбрости. Ее отослали, съ короткой запиской, къ другому лицу, которое, раз-

спросивъ подробно, въ чемъ дѣло, гдѣ оно затѣвается и записавъ имена, дало ей понять, что она, ручаясь за молодыхъ, нѣкому неизвѣстныхъ людей, беретъ на себя большую отвѣтственность, ибо на ней, по всей справедливости, будетъ лежать забота слѣдить за ходомъ этого предпріятія, и въ случаѣ, если оно приметъ, какъ это нерѣдко случается съ коношескими затѣями, чуждый первоначальному смыслу его оборотъ, заблаговременно предупредить о томъ кого слѣдуетъ; ибо огласка, въ случаѣ, если ее нельзя будетъ избѣжать, можетъ легко повредить и собственной ей, несомнѣнно полезной, дѣятельности...

„Чортъ бы ихъ побралъ съ ихъ земледѣльческаго Аркадіей!“ — думала Катерина Осиповна, возвращаясь домой. Барыня была такъ раздосадована отвѣтственной ролью, которую ей предлагали взять на себя, что чуть не послала тотчасъ же своему фавориту, Петѣ, категорическій и ничѣмъ не смягченный отказъ... Подумавъ однако дважды, она смягчилась и написала Ижорину только, что ждетъ его завтра поутру, для личнаго объясненія... Бухарцева была очень добрая женщина. Послѣ нѣсколькихъ колебаній ей стало жаль молодыхъ людей съ ихъ безкорыстной рѣшимостью приложить свои силы къ такому, хотя быть можетъ и трудно осуществимому, но тѣмъ не менѣе симпатичному дѣлу. Какое право имѣетъ она тормозить, изъ-за личныхъ своихъ удобствъ, подобнаго рода общественное движеніе? — она, которая столько лѣтъ и такъ беззавѣтно стояла за всѣ хорошія начинанія! За ночь рѣшеніе ея было принято, но когда Ижоринъ явился къ ней поутру, Бухарцева приняла его по наружности очень сдержанно.

— Дѣло ваше, мой другъ, — сказала она, — мечтательно, и я не совѣтовала бы вамъ тратить на него ваше время и средства. Но если вы такъ увѣрены въ своихъ силахъ, что непременно хотите рискнуть, то я могу успокоить тебя въ одномъ отношеніи. Вамъ не будетъ поставлено нивагого препятствія, если вы сами къ тому не подадите повода. Официальной поддержки и поощренія вы, конечно, не можете ожидать, такъ какъ подобныя вещи надо сперва заслужить, а покуда много уже и то, что на васъ согласны смотрѣть сквозь пальцы, съ однимъ условіемъ... Vous me tiendrez au courant de tout ce que se passe — въ вашей Аркадіи, и для этого ты возьмешь на себя служить мнѣ спеціальнымъ корреспондентомъ... Общай мнѣ, что ты отъ меня не скроешь рѣшительно ничего: ни переменъ въ персоналѣ вашей компаніи, ни характера новыхъ личностей, которыя могутъ въ ней появиться, ни личныхъ или хозяйственныхъ отношеній вашихъ къ

обрестному населенію, ни, особенно, какихъ-нибудь новыхъ затѣй, которыя могутъ придти вамъ въ голову.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ и, потупивъ глаза, молчалъ. Это ее озадачило, но она не вдругъ смеянула, что это значить.

— Какъ вашъ адвокатъ,—пояснила она,—я должна имѣть на мѣстѣ довѣренное лицо, которое мнѣ ручалось бы, что у васъ тамъ все обстоитъ благополучно... Ахъ, Господи, да чего ты?.. Кажется, я не многого требую... Кажется...

Но лицо Ижорина говорило слишкомъ краснорѣчиво о томъ, что происходило въ его душѣ, и Бухарцева, пристально посмотрѣвъ на него, въ свою очередь вспыхнула.

— Какъ это глупо!—сказала она обиженнымъ тономъ.— Я думала, въ простотѣ души, оказать вамъ дружескую услугу, но если ты не цѣнишь этого, то я очень охотно беру назадъ свое предложеніе. Съ какой стати я буду нянчиться съ вами, если вы мнѣ не довѣряете?

Ижоринъ сидѣлъ въ глубокомъ смущеніи. Катерина Осиповна не знала, куда дѣвать глаза, и то поднимала ихъ въ потолокъ, то опускала на полъ.

— Не стоитъ больше съ тобою и говорить!—сказала она, наконецъ, съ досадою, встала и, не глянувъ на кузена, вышла изъ комнаты.

Вѣтленевъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ о такой развязкѣ.

— Петръ Андреичъ! голубчикъ, помилосердуйте!—воскли-цалъ онъ.—Изъ-за подобнаго вздора разстроить дѣло, которое стоило мнѣ несчетныхъ хлопотъ и издержекъ! И дѣло, которое складывалось такъ неожиданно счастливо! Да знаете ли вы, что такого шанса и въ 20 лѣтъ не дождешься?

Ижоринъ былъ мраченъ какъ ночь.—Легко говорить!—отвѣчалъ онъ:—а я бы желалъ посмотреть, какъ бы вы это приняли, еслибы вамъ самому предложили роль соглядатая.

— Петръ Андреичъ, помилосердуйте!.. Въ наши годы пора бы, кажется, бросить фразы и относиться серьезно къ серьезному дѣлу. Вѣдь мы же не гимназисты VII-го класса, считающіе за честь, если кто-нибудь слуру вздумаетъ заподозрить въ нихъ конспираторовъ, и мы, слава Богу, пережили тотъ періодъ, когда всякая сдѣлка съ канцеляризмомъ считалась, Богъ знаетъ почему, предательствомъ. Какой человѣческой смыслъ, по отношенію къ намъ, могутъ имѣть соглядатаи, если у насъ, какъ вы сами знаете, нѣтъ и запаха чего бы то ни было, что нуждается въ тайнѣ? ...Вотъ вы меня упрекаете, что я не желаю войти въ вашу волю

и посмотрѣлъ бы совсѣмъ другими глазами на дѣло, если бы его предложили не вамъ, а мнѣ. Нѣтъ, батюшка, я не изъ тѣхъ, которые останавливаются на полъ-дорогѣ изъ-за ребяческихъ страховъ, чтобы о нихъ не подумали дурно... Я-то?.. Да если бы ваша кузина сдѣлала мнѣ такую честь, я бы въ ножки ей поклонился... Желаютъ отчета?.. Такъ что же? Ну, мы и будемъ давать имъ отчетъ... Сколько угодно отчетовъ. А если не вѣришь, такъ, сдѣлай милость, приди и самъ посмотри. Да мы хоть рубашку снимемъ, чтобы подъ ней не подозрѣвали чего-нибудь затаеннаго... Довольно уже у насъ играли въ прятки.

— Позвольте!—остановилъ его горячо Ижоринъ.—Вопросъ совсѣмъ не о дѣлѣ по существу, а о личномъ моемъ положеніи... Дѣло можетъ быть какъ-угодно чисто и можетъ быть даже вѣрно опѣнено людьми, которые съ нимъ знакомы. Да много ли ихъ? И кто дастъ себѣ трудъ идти къ нимъ справляться? Если бы я нашелся такой добросовѣстный человѣкъ, то его отправятъ къ чорту, а все остальное, вплоть до ближайшихъ пріятелей и друзей, будетъ радо, что отыскало за вами фальшь,—такъ радо, что не захочетъ и выслушать васъ въ оправданіе. Отъ васъ отвернутся, какъ отъ зачумленнаго, — не отвѣтятъ вамъ на поклонъ при встрѣчѣ, не подадутъ руки. Фальшивое положеніе не геометрическая нелѣпость, которую можно опровергать на основаніи аксіомъ. Оно фальшиво не потому, чтобы изъ него логически вытекала явная невозможность, а само по себѣ,—какъ кривой ротъ или горбъ на спинѣ... Легко говорить: „отчетъ“! А я васъ спрошу, какъ называютъ въ ходячей рѣчи письмо съ извѣстіями о томъ, что дѣлается въ товарищескомъ кругу, если оно подшито къ дѣлу съ помѣткой: „секретно“?... Секретно оно, пожалуй, лишь потому, что товарищество, хотя и дозволенное, не получило еще официальнаго разрѣшенія, но кому какое до этого дѣло? Всякій пойметъ его какъ „доносъ“, а писавшаго назоветъ „шпіономъ“, и вы не уйдете отъ этой квалификаціи; она ляжетъ на васъ клеймомъ и поставитъ васъ на всю жизнь въ невозможное положеніе!..

— Такъ какъ же по вашему? Изъ-за страха передъ фальшивой квалификаціей бросить дѣло?—спросилъ не менѣе горячо Вѣтленевъ.

— А какъ хотите... Если вы смотрите такъ легко на подобнаго рода вещи, то вы и берите ихъ на себя... Хотите, я васъ познакомлю съ кузиной?

— Сочту за честь. Только едва ли это къ чему-нибудь по-

ведеть, такъ какъ она не знаетъ меня и не можетъ мнѣ довѣрять, какъ довѣряетъ вамъ.

— Пустое!.. Вдемте къ ней сейчасъ. Я вамъ ручаюсь, что посѣщеніе ваше нисколько ее не удивитъ. Она каждый день принимаетъ десятками совершенно ей незнакомыхъ людей, по дѣламъ своихъ обществъ.

Друзья поѣхали, но вернулись ни съ чѣмъ. Вѣтленевъ предсказывалъ вѣрно. Барыня приняла его самымъ любезнымъ образомъ, расспрашивала, критиковала и одобряла, но кончила все-таки тѣмъ, что она не можетъ сдѣлать для нихъ ничего, покуда они между собой не столкуются. Единодушіе въ этого рода вещахъ, молъ, должно быть полное, и если хотя одинъ изъ ихъ товарищескаго кружка не принимаетъ ея посредничества (холодный взглядъ на Ижорина), то она отказывается.

— Позвольте, однакоже, намъ надѣяться, что это не окончательное рѣшеніе, — говорилъ съ умоляющимъ взоромъ Вѣтленевъ

Бухарцева отвѣчала уклончиво. — Я видѣла много благихъ начинаній, — сказала она: — въ идеѣ сулившихъ блестящій успѣхъ, но большая часть ихъ окончилась тѣмъ, что ихъ участники — впрочемъ, милѣйшіе люди — всѣ перессорились между собою и разошлись... Желаю вамъ отъ души избѣжать подобной развязки, но вмѣшиваться въ ваши семейныя разногласія — не хочу.

II.

Въ началѣ мая, вечеромъ, два работника возвращались изъ ярового поля въ село. Они были въ армякахъ на-распашку поверхъ рубахъ и вели въ поводу своихъ малорослыхъ, худыхъ лошаденокъ, съ сохами на волокахъ.

Смеркалось и, какъ всегда, въ это время года, въ воздухѣ, послѣ заката, вдругъ стало очень свѣжо. Отъ нагрѣтой весеннимъ солнцемъ и непросохшей еще земли, отъ вспотѣвшихъ коней, отъ дыханія, поднимался паръ.

Оба работника были молоды; но одинъ, долговязый, худой, съ опущенными плечами и жидкой бородкою клиномъ, шелъ сгорбась и вытянувъ шею, словно его влекла впередъ голова, а ноги, уволенные отъ службы, нѣхота ковыляли сзади, — тогда какъ другой, немного пониже ростомъ, но шире въ груди, имѣлъ бодрый, молодцоватый видъ и смотрѣлъ соколомъ. По раскраснѣвшимся, запотѣлымъ лицамъ видно было однако, что напряжен-

ная полевая работа имъ непривычна... Издали, по одѣжѣ и шапкамъ, ихъ можно было принять за мужиковъ; но встрѣчные, поравнявшись и взглядываясь, легко замѣчали ошибку. Въ чертахъ лица и въ походкѣ, въ манерахъ и произношеніи, даже въ одѣжѣ и обуви ихъ—дѣйствительно чувствовалось что-то „не настоящее“. Изъ-подъ рубахъ на-выпускъ темнѣли суконныя панталоны, запрятанныя въ высокіе, до колѣнъ перепачканные въ грязь сапоги, которые вѣроятно успѣли уже имъ натереть пузыри, ибо видимо затрудняли ихъ на ходу. Ихъ сохи привязаны были неумѣлой рукой и виляли на волоку... Вдобавокъ оба курили не носогрѣйки, а папиросы... Все это сразу бросалось въ глаза, и у встрѣчнаго, вмѣстѣ съ невольной усмѣшкой на губахъ, шевелилось: „ряженые!“

— Умаялся, Вася?—спросилъ молодцоватый работникъ, котораго звали Шелковскій.

— Дуже умаялся,—отвѣчалъ товарищъ:—и плечи, и ноги болятъ.

— Ну, отойдетъ... Сегодня шабашъ, а черезъ день и Никола... Северно только, что мы съ работою запоздали. Положено было послѣ Никола съѣсть, и по погодѣ самая бы пора... Тыфу, какъ однакоже хочется ѣсть!..

— Заужиномъ будутъ пельмени,—спокойно замѣтилъ Вася.

— Молчи, пожалуйста! у меня отъ твоихъ пельменей подъ ложечкою щекотить!

Они замолчали; но спутникъ Васи уже не могъ отдѣлаться отъ представленія о пельменяхъ.—Кто тебѣ говорилъ?—спросилъ онъ.

— Да наша русалочка, Марья Игнатьевна.

Опять замолчали.

— Видѣлъ, братъ, я вчера эту русалочку у овна, какъ она на сонъ грядущій косы свои расплетала,—съ усмѣшкой продолжалъ Шелковскій.

— Врешь?

— Ей-Богу!.. Никто не замѣтилъ, какъ я послѣ ужина вышелъ изъ дому... Мѣсяцъ свѣтилъ надъ рѣкой, и я просидѣлъ тамъ не помню ужъ сколько времени. Возвращаясь, гляжу, у ней въ окошкѣ огонь, и въ полномъ его свѣту—живая картинка... Смотрѣть, впрочемъ, было не на что: плечи у ней совсѣмъ какъ у мальчика, и по плечамъ распущены эти ея мочалки... Не понимаю, что мужъ въ ней нашелъ... Вотъ Вѣра Михайловна—это совсѣмъ другое дѣло. Вѣру Михайловну, братъ, и индюкъ не приметъ за мальчика!..

— Вишь, какъ тебя щекотать со всѣхъ сторонъ!—замѣтилъ насмѣшливо Вася.

— Весна!—пояснилъ Шелковскій, оглядываясь.—Однако, ихъ не видать...

Съ пригорка открылось село, и, догадываясь, что ихъ товарищи уже дома, они ускорили шагъ.

Родовое село Вѣтленевыхъ, Стоженка, давно заложенное и перезаложенное въ уѣздномъ банкѣ, въ послѣднее время продано было старымъ владѣльцемъ родному племяннику, съ переводомъ долга. Сдѣлка эта имѣла семейный характеръ, и все улажено было, у продавца съ пріобрѣтателемъ, во взаимному удовольствію. Жившій въ имѣніи, съ дочерью, отставной полковникъ Михаилъ Ларионовичъ Вѣтленевъ тамъ и остался; онъ только очистилъ старшій, просторный господскій домъ, который былъ слишкомъ великъ для двоихъ, и переѣхалъ въ отдѣланный за-ново флигель, гдѣ жилъ до сихъ поръ управляющій.

Стоженку знаютъ на 40 верстъ кругомъ; это одно изъ лучшихъ имѣній въ уѣздѣ, при крѣпостныхъ порядкахъ дававшее очень хорошій доходъ. Село не далѣе какъ въ пяти верстахъ отъ города, на высовомъ мѣстѣ, на берегу небольшой, но глубокой и сплошь судоходной Вороты, названной такъ отъ своихъ безконечныхъ извилинъ. Отъ барскаго дома, по склону холма, спускается къ берегу старшій, запущенный садъ. Съ балкона, въ полуверстѣ видна церковь, серебряный куполъ которой и колокольня выглядываютъ изъ-за сосновыхъ рощъ.

Аркадій Вѣтленевъ зналъ съ дѣтства Стоженку, часто гостилъ въ ней лѣтомъ, и самую дорогою мечтой его юности было когда-нибудь пріобрѣсть у дяди это имѣніе, которое представлялось ему какимъ-то патріархальнымъ раемъ. Мечты эти, наконецъ, сбылись, благодаря его энергіи и настойчивости, съ какою-то сказочной полнотой. Онъ только-что передъ тѣмъ женился, и молодая жена обожала его. Старшій, знакомый домъ пріютилъ все небольшое общество. Аркадій съ женою заняли верхъ, а нижній этажъ онъ уступилъ товарищамъ. Ихъ было четверо, и они размѣстились просторно, даже удобно, благодаря избытку старинной мебели, которую дядя не зналъ куда дѣть, и продалъ ему за безцѣнокъ. Въ городѣ нанятъ былъ поваръ, служившій для всѣхъ, ибо, въ видахъ экономіи, столъ былъ общій. Всѣ были молоды и полны надеждъ, согрѣты одной, благородной идеей.

Общество съѣхалось еще великимъ постомъ, а въ исходѣ

апрѣля начаты были и полевые работы. Въ нихъ принимали участіе всѣ пріѣзжіе, не исключая и дамъ; но, кромѣ Аркадія, для котораго, когда онъ былъ еще школьникомъ, на каникулахъ, никакое лѣтнее удовольствіе не могло сравняться съ покосомъ и пахатой,—все это было мало или совсѣмъ незнакомо съ дѣломъ и уставало страшно;—особенно барыни, на которыхъ, кромѣ того, лежалъ еще и присмотръ за хозяйствомъ въ домѣ, на огородѣ, на скотномъ дворѣ и въ птичникѣ. Питомцевъ явилось сразу такое множество и такое разнообразіе, что у нихъ разбѣгались глаза:—собаки, коровы, овцы и свиньи,—куры, цесарки, индѣйки, гуси и утки—все звало къ себѣ на разные голоса, все требовало ухода и попеченія.—Истинный Ноевъ ковчегъ!—воскликала Марья Игнатьевна, первый разъ по пріѣздѣ осматривая усадьбу вдвоемъ съ своею родственницей, Лизой Балахниной, которая напросилась къ ней въ помощницы, и которую она привезла съ собой.

Дамы работали въ полѣ всего какихъ-нибудь два часа поутру, да и то скорѣе въ угоду идеѣ, требовавшей возможно полнаго освобожденія отъ наемныхъ рукъ, чѣмъ въ виду дѣйствительной пользы, какою ихъ бѣлыя ручки способны были принести. Собственныхъ силъ, такимъ образомъ, разумѣется не хватало; но Аркадій и не обманывался на этотъ счетъ, а тотчасъ же по пріѣздѣ принялъ необходимыя мѣры, чтобы заручиться содѣйствіемъ настоящихъ почвенныхъ силъ. Онъ началъ съ того, что переманилъ въ усадьбу Архипа, богатаго мужика, служившаго нѣкогда въ Стоженкѣ старостой. Это былъ бодрый еще, но давно уже овдовѣвшій и замѣщенный дома взрослыми сыновьями старикъ, съ лица напоминавшій древняго Сократа. Архипъ звалъ имѣніе какъ свои пять пальцевъ и могъ бы многому научить Аркадія, но какъ тонкій политикъ, не выражалъ никакого опредѣленнаго мнѣнія о работѣ пріѣзжихъ господъ и на вопросы о ней отзывался успокоительно, что ничего, моль, „народъ молодой, привыннуть“.

— Я не хочу ихъ обезкураживать,—говорилъ Аркадій дядѣ:—но, разумѣется, первые года три намъ нельзя обойтись безъ наемныхъ рукъ. Всѣ мы еще новички и служимъ повуда какъ юнкера въ строю, на томъ основаніи, что дѣйствительной службѣ нельзя научиться на швольной скамьѣ. Но, разъ отслуживъ рядовыми и пріобрѣвъ надлежащій навыкъ, мы тутъ составимъ учебный кадръ, а на мѣсто теперешнихъ батраковъ поступятъ уже добровольцы.

— Какъ! Еще новые?.. Да помилуй Богъ! Сколько же васъ тутъ будетъ всѣхъ?

— Не знаю, дядюшка, — отвѣчалъ Аркадій: — дѣло, по мѣрѣ того, какъ будетъ расти, само покажетъ, сколько для него нужно рукъ.

Дядя Аркадія, старый кавалеристъ, съ сѣдыми, но лихо еще закрученными усами, человекъ давно облѣнившійся и знатокъ гораздо больше по части псовой охоты, чѣмъ полевого хозяйства, со времени „Положенія“ страшно запущеннаго, смѣялся и пожималъ плечами, но не хотѣлъ чистосердечно признаться, что онъ считаетъ всѣ эти затѣи комедіей, которая обойдется въ три-дорога и ранѣе или позже окончится полною неудачею.

А молодая кузина слушала по наружности очень сочувственно, но въ душѣ интересуясь гораздо болѣе персоналомъ собравшейся молодежи, чѣмъ новыми экономическими идеями, одушевлявшими эту компанію.

Вѣра была развязная, бойкая, ловкая деревенская барышня, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, съ густою русой шевелюрою, вихорками надъ невысокимъ, античнымъ лбомъ, и съ такою усмѣшкой, взглядомъ, тѣлодвиженіями, которые говорили безъ словъ. Все въ этой дѣвушкѣ, начиная отъ тонкаго очертанія и здороваго цвѣта лица, до гибкаго стана и до изящной формы ея вистей и сгѣдковъ, было женственно, а между тѣмъ настоящій знатокъ, скульпторъ или врачъ, съ перваго взгляда на Вѣру Вѣтленеву не задумался бы сказать, что, какъ работница, она потягается съ самою здоровенной крестьянскою дѣвушкой.

Угадывая въ ней это чутьемъ агронома-хозяина, осматривающаго заводскую молодую лошадеу, Аркадій не разъ, полушутя, предлагалъ ей принять участіе въ ихъ рабочей артели. — Чѣмъ маяться, какъ ты маешься тутъ, безъ дѣла, — говорилъ онъ, — ходила бы въ поле съ нашими.

— А на кого же я брошу хозяйство? — смѣясь, отвѣчала она.

— Э! Полно! Какое у васъ тутъ хозяйство? Все, чтѣ ты дѣлаешь дома, гораздо лучше сдѣлаетъ безъ тебя ваша Матрена... Скажи лучше прямо, что — лѣнь. Дворянская это привилегія безъ сомнѣнія, только она представляетъ одно неудобство: отъ лѣни люди жирѣютъ. Покуда ты молода, оно еще незамѣтно; но къ 30-ти — я тебѣ предсказываю — изъ тебя выйдетъ семипудовая туша, которой трудно будетъ подняться, не запыхавшись, на самую маленькую горушку.

Но Вѣра смѣялась, ласкаясь къ нему, какъ котенокъ. — Нѣтъ, другъ мой, не лѣнь, — говорила она: — а такъ, знаешь, дико оно сначала. Думается: ну, какъ я пойду босая по пахатѣ?.. Потомъ дѣлѣй часъ мой ноги...

— Зачѣмъ же босая? Мои вонъ ходятъ обутые и въ чулкахъ. Она разсмѣялась. — Ахъ ты, простота! А ты вставь-ка ихъ показать чулки и ботинки, когда-нибудь, когда тѣ возвратятся съ работы. Мѣняють вѣдь каждый разъ. Таеъ у нихъ запасъ. А у меня ботинокъ всего двѣ пары, — чулки же всѣ штопанные: вотъ, посмотри.

И она показала ногу. Чулки дѣйствительно были штопанные, но нога выкупала съ избыткомъ этотъ изъянъ: красивая, сильная, съ легкимъ слѣдкомъ и высокимъ подъемомъ дугой. Аркадій, какъ человѣкъ со вкусомъ, былъ тронутъ этой несообразностью и общалъ ей, при первой поѣздкѣ въ городъ, новую дюжину.

— Все ваше глупое щегольство! — продолжалъ онъ. — Я имъ давно говорю, чтобы купили въ городѣ толстые шерстяные чулки и лапти.

— Какъ... лапти?

— Таеъ... То ли дѣло?... Легко, свободно, не парить ноги и ни мозолей, ни пузырей не натрешь. А насчетъ красоты, таеъ развѣ ихъ долго снять?... вернулась домой и обулась по прежнему.

Онъ говорилъ спокойно и весело, какъ человѣкъ, въ умѣ у котораго все рѣшено. А между тѣмъ изъ пяти товарищей не было, можетъ статься, ни одного, меньше увѣреннаго въ успѣхѣ. Истина, которую всѣ старательно прятали, состояла въ томъ, что, не взирая на безконечные толки и совѣщанія, начавшіеся еще на школьной скамьѣ и дливпіи уже слѣшкомъ годъ, они не успѣли договориться, какъ слѣдовало бы между людьми, предпринимающими такое серьезное дѣло. Корень ихъ затрудненія состоялъ не въ идеѣ, — на этотъ счетъ между ними не существовало различныхъ взглядовъ, — а въ томъ, на какихъ основаніяхъ имъ устроить свое товарищество таеъ, чтобы доля личнаго трудового и имущественнаго участія въ немъ для каждаго была ясно опредѣлена и не давала повода никому считать себя обдѣленнымъ или обиженнымъ. Вопросъ былъ весьма щекотливаго свойства, особенно потому, что изъ пяти товарищей только двое имѣли что-нибудь за душой, да и тѣ далеко не въ равной мѣрѣ.

Вѣтленевъ, собственно говоря, одинъ стоялъ на своихъ ногахъ, наслѣдовавъ отъ отца небольшія деньги, едва достаточныя, чтобы перевести на себя имѣніе и, приведа въ порядокъ его эксплуатацію, выждать, когда оно будетъ давать доходъ. Съ этою цѣлью и сдѣлано было все, что нужно, не упуская времени, таеъ какъ для Вѣтленева лично не существовало выбора. Столкнется или не столкнется онъ съ товарищами, всячески онъ былъ увѣренъ, что

онъ никогда не раскается въ томъ, что приобрѣлъ у дяди Стоженку. Кромѣ того, у Аркадія былъ и резервъ. Онъ получилъ за женою деньги, весьма небольшія, хотя и достаточныя, чтобы, въ случаѣ неудачи ихъ идеальныхъ затѣй, семейство его не осталось въ крайности. Резерва этого онъ, однакоже, не считалъ своею личною собственностью и сказалъ себѣ разъ навсегда, что какой оборотъ ни приняли бы его земледѣльческія затѣи, онъ не издержитъ на нихъ изъ женинаго приданаго ни копейки.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи былъ Изжоринъ. Лично онъ не имѣлъ ничего; но отецъ его велъ обширныя банковыя дѣла, и лѣтъ десять тому назадъ, когда желѣзно-дорожная спекуляція была еще въ полномъ цвѣту, нашлъ хорошее состояніе. Этотъ послѣдній, какъ человекъ практическій, смотрѣлъ на затѣи Петра почти въ томъ же смыслѣ, какъ и Бухарцева. Но Петръ былъ у него единственный сынъ, и отецъ, во всѣхъ отношеніяхъ имъ гордившійся, не жалѣлъ для него ничего.—Затѣяли вы, конечно, вздоръ, говорилъ онъ ему; но это вздоръ не такого рода, чтобы заставить кого-нибудь за тебя краснѣть. Поэтому я не хочу тебѣ ставить помѣхъ. Повуда дѣло у васъ будетъ идти осмотрительно и не потребуетъ явно-нелѣпныхъ затратъ, ты можешь рассчитывать, что я не оставлю тебя безъ средствъ. Только послушайся моего совѣта: какъ бы вы тамъ ни поладили на словахъ, старайся, чтобы руки всегда у тебя оставались свободны,—и съ этою цѣлью не давай на дѣло ни гроша, не выговоривъ формальнымъ порядкомъ, кому, на какія надобности и на какихъ условіяхъ ты даешь. Повѣрь моей опытности: это единственный путь, чтобы избѣжать безконечныхъ недоумѣній и ссоръ. Довѣріе—дѣло хорошее, если оно разумно помѣщено; но право должно быть все-таки обезпечено. Ты можешь не пользоваться имъ, но тѣмъ не менѣе оно должно всегда за тобой оставаться и оно должно быть ясно опредѣлено.

Все это, въ свое время, передано было Аркадію и внушило ему хорошее мнѣніе объ отцѣ Изжорина, ибо и онъ понималъ вещи не иначе. Какъ представитель недвижимости, онъ чувствовалъ себя инстинктивно и, такъ сказать, по природѣ вещей, солидарнымъ съ Изжоринымъ, какъ представителемъ капитала; отсюда и положеніе ихъ въ товарищескомъ кругу спозаранку стало особое: они составляли высшій правительственный совѣтъ и имѣли особыя совѣщанія. Серьезнаго разногласія между ними до сихъ поръ не было, за исключеніемъ ранѣе упомянутаго, ребяческаго недоумѣнія, да и тутъ Аркадію, наконецъ, удалось одержать побѣду. Но въ общихъ собраніяхъ этотъ „тайный совѣтъ“—какъ

они называли себя шутя—встрѣчали нерѣдко горячую оппозицію. Особенно не по-сердцу тремъ остальнымъ было ихъ предложеніе начать дѣло, не дожидаясь, когда имъ удастся придти къ единодушному соглашенію. Оно имѣло, однакоже, многое за себя. Во-первыхъ, покупку имѣнія невозможно было откладывать, такъ какъ за старымъ владѣльцемъ, въ банкѣ, была довольно крупная недоимка, которую онъ не могъ уплатить; а взять на себя уплату, не взявъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ свои руки хозяйства, было бы просто глупо. Далѣе, къ этому времени уже выяснилось, что главнымъ препятствіемъ къ соглашенію была невозможность предугадать, какихъ результатовъ товарищество ихъ можетъ достигнуть, предполагая даже, что дѣло у нихъ пойдетъ совершенно благополучно. Никто, кромѣ Вѣтленева, до покупки, не видѣлъ имѣнія и не могъ разсчитать ни стоимости его обработки, ни среднихъ размѣровъ выручки, какую оно въ состояніи было дать.

— Принять на себя, при такомъ отсутствіи положительныхъ данныхъ, какія-нибудь обязательства, или выговорить себѣ какія-нибудь права,—говорилъ Вѣтленевъ,—пожалуй и можно, но спрашивается: къ чему это поведетъ, кромѣ того, что черезъ два-три года всѣ наши предположенія окажутся писаны вилами на водѣ, и намъ придется все съязнова передѣлывать?

Въ отвѣтъ на это „лидеръ“ трехъ остальныхъ, мужчина внушительнаго размѣра, Яковъ Копровъ, тряхнувъ хохлатою головою, сказалъ: — Понятно; однако, не безъинтересно было бы знать, чѣмъ оплатится этотъ interim для людей, у которыхъ, кромѣ двухъ рукъ да своей головы на плечахъ, нѣтъ ни сзади, ни спереди ничего?

Тогда Вѣтленевъ, давно имѣвшій въ виду этотъ простой вопросъ, всталъ и произнесъ короткую, но эффектную рѣчь.

— Господа!—сказалъ онъ:—если я васъ зову къ себѣ въ Стоженку, не возлагая на васъ и не принимая по отношенію къ вамъ никакихъ обязательствъ, то, разумѣется, этотъ interim, какъ называетъ его нашъ товарищъ, не будетъ вамъ стѣдить ни гроша, кромѣ проѣзда на мѣсто и возвращенія, въ случаѣ неудачи, обратно. Платы за трудъ я, къ сожалѣнію, вамъ не могу обѣщать, такъ какъ не знаю, удастся ли мнѣ на первыхъ порахъ свести итоги безъ дефицита; но если вы не побрезгаете тѣмъ скромнымъ гостепріимствомъ, какое я, какъ хозяинъ разстроеннаго и заложеннаго имѣнія, въ состояніи вамъ предложить, то я прошу васъ, куда дѣло не выяснится, считать себя просто моими гостями. А тамъ, вы помните, что Эзопъ отвѣчалъ прохожему на вопросъ:—скоро ли онъ дойдетъ до города?—„Иди“, сказалъ

онъ... Не больше того и мы можемъ покуда сказать себѣ. Пойдемъ по избранному пути—и посмотримъ. Я твердо надѣюсь, что, со введеніемъ новой системы хозяйства, все неизвѣстное, что мѣшало намъ до сихъ поръ придти къ единодушному соглашенію, выяснится сама собой.

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, лица повеселѣли, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить, для всѣхъ стало ясно, что предложеніе его принято. Это былъ ловкій ходъ въ томъ смыслѣ, что онъ не отдѣлялъ „тайныхъ совѣтниковъ“ отъ другихъ, и такимъ образомъ устранялъ изъ вопроса различіе, созданное между товарищами имущественнымъ ихъ положеніемъ. Починъ въ этой разрывкѣ принадлежалъ, однакоже, не Вѣтленеву, а Ижорину.

— Для одного содержать четверыхъ было бы трудно,—сказалъ онъ какъ-то однажды, послѣ довольно долгой бесѣды,—но если мы съ вами подѣлимъ между собою издержки поровну, то, я полагаю, что трое гостей не введутъ насъ двоихъ въ чувствительные убытки.

Аркадій съ радостью ухватился за этотъ исходъ, освобождавшій товарищество не отъ однихъ бесплодныхъ переговоровъ, а вмѣстѣ и отъ опасности слишкомъ поспѣшнаго соглашенія.

Но у „тайныхъ совѣтниковъ“ были еще и другія идеи въ ходу.

III.

Ужинали и пили чай, по-деревенски, разомъ, — послѣ чего, для сельскихъ жителей собственно только и наступаетъ досугъ. Но Марья Игнатьевна, на которой, кромѣ домохозяйства, лежали еще и другія заботы, сейчасъ послѣ ужина убѣжала изъ дома. Ей было всего двадцать лѣтъ, и Шелковскій былъ до извѣстной степени правъ: худенькая и невысокаго роста, а между тѣмъ подвижная какъ ртуть, она, въ пластическомъ смыслѣ, дѣйствительно напоминала скорѣе переодѣтаго мальчику, чѣмъ хозяйку дома; но теплота души, свѣтившаяся въ глазахъ, и привѣтливая усмѣшка полны были чистой женственности.

Проворно сбѣжавъ съ балкона, она пронеслася ласточкой по прямой аллеѣ, соединявшей господскій домъ съ флигелемъ, и съ оживленнымъ лицомъ влетѣла въ дядѣ.

Михаилъ Ларионовичъ, очень любившій Машу, встрѣтилъ ее съ распростертыми объятіями. Онъ былъ въ суконномъ архауэвѣ и въ нанковыхъ широчайшихъ штанахъ.

— А? Наконецъ-то!.. Кралечка ты моя!.. Я тебя цѣлый день

не вижу!—сказалъ онъ, обнявъ и цѣлуя гостью.—Ну, что, кончили вашу трапезу?

— Кончили.

— Чего же они тамъ мѣшчаютъ?.. Они обѣщали придти играть.

— Я ихъ опередила, дядюшка, — отвѣчала Марья Игнатьевна, запихавшаяся на скоромъ бѣгу.—Мнѣ надо съ вами поговорить. Лукерья изъ Таголова, совсѣмъ больная, сейчасъ была у меня. Говорить:—вы послали.

— Да, я дѣйствительно отослалъ ее, не къ тебѣ, а къ Аркадію... Чтѣ же мнѣ съ ними дѣлать? Лѣзутъ, по старому, всѣ ко мнѣ!.. Да я, мать моя, говорю, нынче и самъ безъ гроша. Гдѣ же мнѣ вамъ помогать?.. Ступай, говорю, по начальству, къ племяннику. Она у него не была?

— Наврядъ ли, — сказала Маша, потупивъ глаза.—Аркадій Ивановичъ передъ ужиномъ только вернулся.

— Ну, ну, не лги, Машурочка, знаю; да если на то пошло, то и Лукерья знаетъ. У нихъ за правило принято: чѣмъ угодно готовы помочь, а денегъ отъ нихъ не жди. И я это одобряю; потому денежными подачками ты никого изъ нихъ не поставишь на ноги, а сдѣлаешь только еще безпечнѣе. Добрая половина ихъ бѣдъ отъ того, что они привыкли нищенствовать.

— Голубчикъ, дядюшка! — отвѣчала Марья Игнатьевна: — у нихъ въ домѣ бѣда! Послѣ Николы наѣдутъ отъ земства и заберутъ послѣднее. Въ ногахъ у меня валялась.— „И такъ, говоритъ, голодаю съ дѣтьми, а продадутъ корову, такъ хоть изъ дома бѣги!“..

— Знаю, знаю... Да чтѣ же тутъ дѣлать?.. У нея мужъ пропойца. Три дня въ недѣлю кой-какъ работаетъ, а съ субботы до вторника въ городѣ, въ кабакахъ.

Марья Игнатьевна не отводила глазъ отъ его лица. — Вы завтра вѣдь ѣдете въ городъ?—спросила она.

— Да, послѣ обѣдни; а что?

— Голубчикъ, дядюшка, побывайте въ управѣ... Уговорите, чтобы подождали.

— То-есть, ты хочешь, чтобы я поручился за нихъ?.. Потому что иначе не дадутъ отсрочки. Спасибо, мой другъ. Скажи Аркадію. Если у васъ есть шальные деньги, то это ваше дѣло, — а я уже проученъ.

Но Маша не отставала.—Между нами, дядюшка, я это беру на себя, — говорила она.—Только не говорите Аркадію. Ни у него, ни у меня въ настоящее время нѣтъ ни копѣйки свободной. Но у меня, въ іюлѣ, выйдутъ купоны, и если нельзя иначе, я заплачу... хоть половину.

— Ахъ ты!—сказалъ старикъ, тронутый.—Ну, что съ тобой дѣлать?.. Ну, не печалься, попробую... А! Господа! (пошли Копровъ и Шелковскій)... А гдѣ же Василій Ивановичъ?

— Легъ спать, — отвѣчалъ Шелковскій: — усталъ, говорить, какъ собака.

— Вотъ-те и разъ! Такъ какъ же?.. Вѣра! Эй, Вѣра!

Въ дверяхъ показалась дочь.

— Иди сейчасъ къ Аркадію и скажи.

— Нѣтъ,—перебила Марья Игнатьевна:—не зовите его. Онъ тоже очень усталъ, да и занять.

— Ну, такъ садись хоть ты за него.

Маша отнѣживалась, но видя, что отъ судьбы своей не уйлешь, вздохнула и сѣла. Она не любила игры, но надо же было сдѣлать Михайлу Ларионовичу удовольствіе.

Какъ только усѣлись за карты, Вѣра накинула на плеча бурнусъ и шмыгнула изъ дому.

Надъ Стоженкою лежала лунная майская ночь. Высокія, старыя липы въ саду стояли еще полуодѣтыя, и сквозь рѣдкую листву ихъ полный мѣсяцъ сыпалъ свое холодное серебро по пустыннымъ дорожкамъ. Дѣвушка шла сначала медленно, изрѣдка останавливаясь и озираясь; но скоро ея направленіе было выбрано, и она ускорила шагъ. Было еще не очень поздно, но гдѣ-то уже заливался и щелкалъ невидимый соловей. Садъ полонъ былъ пріагого аромата смолистыхъ почекъ и молодой травы.

Немного спустя, двѣ тѣни скользили по освѣщенному мѣсяцемъ берегу сонной рѣки...

Сильное любопытство манило Вѣру къ живой загадкѣ, разгнѣвавшейся у нея на глазахъ. Что за народъ наѣхалъ къ нимъ въ Стоженку, и зачѣмъ ихъ такъ много, если они не больше какъ гости, или такъ мало, если они не на шутку думаютъ обрабатывать сами имѣніе?.. Зачѣмъ они рѣдятся въ мужиковъ и работаютъ до упаду? Въ уѣздѣ ходятъ о нихъ самыя странныя слухи. Одни говорятъ, что это секта; другіе—что ферма, но что подъ предлогомъ фермы тутъ затѣвается что-то темное. Исправникъ два раза пріѣзжалъ и толковалъ подолгу и съ ея отцомъ, и съ Аркадіемъ; но ни тотъ, ни другой ни разу еще не удостоили толкомъ ей объяснить, въ чемъ дѣло. Отецъ пожимаетъ плечами и говоритъ: „Фантазія! Надоѣло жить, какъ жилали отцы, и пробуютъ жить по книжкамъ“. А на вопросъ—по какимъ?—отсылаетъ къ Аркадію. Но и отъ Аркадія ей какъ-то не удается вывѣдать, въ чемъ тутъ суть. Когда она добивалась узнать, что

это у него за товарищи, — онъ отвѣчалъ шутя: — Не бойся, мой другъ, — не бѣгле. Всѣ окончили курсъ въ первовлассныхъ училищахъ и выпущены съ правами. Шелковскій и Дулинъ — мои товарищи по земледѣльческой академіи, а Копровъ и Ижоринъ — технологи, и будутъ необходимы мнѣ по заводской части. Кромѣ того, Ижоринъ съ деньгами.

— Мм! — сказала вполголоса Вѣра. — Но если технологи, то зачѣмъ же они тутъ папуть?

— Затѣмъ, что у насъ тутъ не городъ, и сельскій заводъ — не фабрика. Все, что дѣлается въ деревнѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связано съ хлѣбопашествомъ, на него опирается и составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое.

Онъ говорилъ, очевидно, искренно, но почему-то его объясненія плохо удовлетворяли Вѣру.

— Что ты такъ смотришь? — допрашивалъ, въ свою очередь, у нея кузень. — Ты думаешь, что я прячу что-нибудь, и въ головѣ у тебя навѣрное уже завязывается романъ?.. Смѣшно, что никто не хочетъ вѣрить въ простое и трезвое дѣло, а непременно воображаетъ подъ нимъ какой-нибудь фантастическій вздоръ!.. Съ твоей стороны это, впрочемъ, еще естественно, потому что ты не знаешь жизни; но что меня удивляетъ, это — то, что и отецъ твой, если не ошибаюсь, тоже считаетъ меня за фантазера...

— Онъ говорить, что вы собираетесь жить по книжкамъ, — сказала наивно Вѣра.

— Такъ что же? Не жить же вторую тысячу лѣтъ, какъ жили при Игорѣ и Олегѣ... Такой первобытный промыселъ, какъ война, и тотъ теперь не обходится безъ машинъ, а машины — безъ науки, а наука — безъ книгъ. Война, земледѣліе и торговля, все теперь требуетъ книгъ... Важнѣйшія по моей специальности — стоять у меня въ кабинетѣ, и если онѣ интересуютъ тебя, то онѣ вѣдь не за семью печатами.

— Все это хорошо, — продолжала кузина съ какой-то странной усмѣшкою. — Но знаешь ли ты, что въ деревняхъ о васъ говорятъ?

— Чтò?.. Чтò?

— Одни говорятъ, что вы разжалованы, за наказаніе, въ мужики и сосланы на мужицкую, то-есть, для дворянина почти на каторжную работу...

Аркадій выслушалъ это съ кислой усмѣшкою.

— Ну, а другіе?..

— Другіе думаютъ, что вы просто канцеляристы, уволенные, за ненадобностью, въ запасъ, и отпущенные кормиться, чѣмъ

Богъ послалъ... Всѣ, благородные и простые, молъ, нынче должны служить; а кто не годится въ военную, тотъ отбываетъ свой срокъ по письменной части; послѣ чего ему въ руки безсрочный билетъ и—маршъ, промышлай до востребованія, какъ знаешь...

Аркадій на этотъ разъ покатился со смѣху; но толкованіе показало ему такъ интересно, что онъ въ тотъ же день его сообщилъ Ижорину.

— Чтожъ?—отвѣчалъ тотъ, смѣясь.—Эго, пожалуй, недалеко отъ истины. Разница только въ томъ, что отпущенной солдатъ въ иныхъ случаяхъ можетъ еще понадобится, а нашъ братъ завѣдомо ни на что ненуженъ... Надо, однакоже, допросить Вѣру Михайловну, нѣтъ ли у нея еще чего-нибудь въ этомъ родѣ?.. Глазъ народа—по собственному его сознанію—глазъ Божій...

Съ этого начались встрѣчи въ саду и бесѣды глазъ на глазъ, скоро выдѣлившія Ижорина изъ „уволенныхъ за ненадобность“, какъ экземпляръ, достойный особаго изученія... Загадка, дразнившая любопытство Вѣры Вѣтленевой, была, наконецъ, рѣшена, но рѣшеніе не прибавило ничего осязательнаго къ тому, что она слыхала уже не разъ отъ Аркадія.

— Все дѣло въ томъ, что мы не желаемъ долге воду толочь,—говорилъ ей Ижоринъ.—Мы получили образованіе, которое выдѣлило насъ изъ народа и облекло исключительными правами. Но именно это и не позволяетъ намъ оставаться трутнями. По правдѣ и совѣсти, мы должны заплатить за то, что мы получили, съ лихвою: это нашъ нравственный долгъ и отлынивать отъ него, для безмятежнаго пользованія своимъ привилегированнымъ положеніемъ, въ нашихъ глазахъ—безчестно... Вы спросите, разумѣется, что же мы можемъ сдѣлать?.. А вотъ что. Не такъ далеко отъ насъ, въ Восточной Пруссіи, на когда-то бесплодныхъ приморскихъ пескахъ, десятина воздѣланной почвы стоитъ теперь 500 рублей. Ну, мы и сочтемъ, что заплатили нашъ долгъ народу, когда земля и у насъ будетъ стоять что-нибудь въ этомъ родѣ.

Такое открытіе весьма удивило Вѣру.—Прекрасно,—сказала она:—только зачѣмъ же вы дѣлаете изъ этого тайну?

— Не мы ее дѣлаемъ,—отвѣчалъ Ижоринъ,—а тѣ, которые намъ не вѣрятъ. Никто не хочетъ понять, какъ скромна наша цѣль. Вѣсто нея намъ приписываютъ химеры, и это прежде всего зажимаетъ намъ ротъ... Но есть еще и другія причины. Намъ неудобно развертывать знамя, потому что насъ слишкомъ мало и мы не смогли бы его отстоять. Масса людей, для которыхъ дороже всего на свѣтѣ праздность, увидѣли бы въ немъ вызовъ, и мы бы нажили въ нихъ враговъ. Тогда какъ теперь

насъ считаютъ просто за раженныхъ, которые собрались ломать комедію. Ну и пускай считаютъ, лишь бы намъ не мѣшали...

Сельская барышня слухала эти признанія съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ. Со стороны идеи, они ее мало интересовали, и еслибы она нашла ихъ въ книжкѣ, она бы скоро закрыла ее, подумавъ: „какая скука!“ Но высказанныя Ижоринимъ—они приобрѣтали въ ея глазахъ совсѣмъ особенное значеніе. Молодой человѣкъ ей нравился. Онъ не похожъ на другихъ и стоитъ особо, не рядится муживомъ, и не нужда загнала его въ деревню (Аркадій проговорился, что онъ достаточный человѣкъ). Онъ статенъ и ловокъ, держитъ высоко голову; взглядъ его полонъ огня, открытая рѣчь звучитъ горячо и искренно. Конечно, затѣянное имъ предпріятіе странно, но онъ за-одно съ Аркадіемъ, и это достаточное ручательство, что ихъ дѣло не такъ себѣ, просто вздоръ, ибо Вѣра была высокаго мнѣнія объ Аркадіѣ... Отецъ говоритъ: „фантазеръ!“ Однако фантазіи не помѣшали ему прибрать къ рукамъ Стоженку, а о Стоженкѣ она слышала еще въ дѣтствѣ, что это имѣніе—золотое дно!..

Такъ думала Вѣра Вѣтленева, а между тѣмъ Ижоринъ день ото дня становился съ ней искреннѣе. Словно на сердцѣ его накопился тяжелый гнетъ, отъ котораго онъ спѣшилъ освободиться чистосердечной исповѣдью. Понятно, что это льстило ея самолюбію; но голова у деревенской барышни была трезвая и успѣшно спасала ее отъ увлеченія. При всемъ желаніи заплатитъ ему тѣмъ же, Вѣра не забывала, что онъ человѣкъ совершенно другого міра. Онъ получилъ блестящее воспитаніе, жилъ въ Петербургѣ и видѣлъ свѣтъ,—а она? Ей стоитъ сказать откровенно нѣсколько словъ, чтобы разсѣять его очарованіе. Только на это у нея не хватало рѣшимости, и она невольно кривила душой, обобщая то, что должно было собственно относиться къ ней.

— Все это слишеомъ высоко для насъ, и едва ли васъ тутъ поймутъ,—сказала она однажды, выслушавъ пылкую рѣчь о надеждахъ ихъ небольшого товарищескаго кружка на русскій простой народъ.—Мы люди темные,—говорила она:—книгъ не читаемъ; всѣ наши понятія о мужикѣ складываются подъ впечатлѣніемъ маленькой ежедневной войны, которую мы сънимъ ведемъ по необходимости изъ-за хлѣба насущнаго. Сегодня работникъ забралъ всѣ деньги впередъ и ушелъ въ самую нужную пору; завтра потрава или порубка и дѣло у мирового. А между тѣмъ мы сами теперъ въ нуждѣ. Возможно ли думать о чемъ-нибудь лучшемъ, когда съ утра до вечера только одна забота: какъ бы свести концы?.. Вотъ вы говорите, что интересы у насъ

съ мужиками должны быть общіе, и я вамъ вѣрю: но признаюсь вамъ, мнѣ трудно это понять. Мужикъ, по нашему темному разумѣнію, дикій, съ которымъ нельзя придти ни къ какому разумному соглашенію. Еслибы мы знали, какъ съ нимъ поладить, мы, вѣроятно, были бы о немъ лучшаго мнѣнія. Правда, что мы и сами не далеко ушли... Мы тоже въ своемъ родѣ дикіе, и насъ надо еще учить...

Говоря это робко и съ разстановкой, Вѣра поглядывала на своего собесѣдника, опасаясь за впечатлѣніе, которое производять ея слова. Но опасеніе ея скоро разсѣялось.

— Вотъ правда, которую не услышишь у насъ въ Петербургѣ!—сказалъ Ижоринъ.—Она горька, но это ея натуральный вкусъ... Что-жъ дѣлать, если всѣ высшіе интересы жизни выдохлись!.. Вино и масло можно поддѣлывать, но идеи вы не поддѣлаете, или, вѣрнѣе, вы не обманете вашей поддѣлкой никого, кромѣ тѣхъ, кому нуженъ обманъ для прикрытія ихъ отвратительной наготы. Такихъ между нашимъ братомъ много, но между простымъ народомъ фальсификація эта не въ ходу. Отъ этого вы ее рѣдко найдете и здѣсь, гдѣ народная совѣсть и неподкупленный здравый смыслъ стоятъ передъ нами какъ зеркало, отражающее въ себѣ безъ фальши истинную физіономію всего, что вынуждено смотрѣться въ него ежедневно. Простой народъ не такъ дикъ, какъ онъ намъ кажется, и слѣпая, бессмысленная вражда ему не знакома. Что бывшіе его господа теперь нерѣдко приходятъ съ нимъ въ столеновеніе—этого онъ имъ не ставитъ въ вину, потому что и самъ онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, изъ-за хлѣба насущнаго. Но онъ не выносить, когда нашъ братъ ищетъ поддѣлаться подъ его міровоззрѣніе, инстинктивно догадываясь, что это не даромъ, и что кому-нибудь нужно его обойти.

— Надѣюсь, однако, что вы не относите этого къ вашимъ товарищамъ?—сказала Вѣтленева въ сильномъ недоумѣніи.

— Нѣтъ, Вѣра Михайловна. То, что иные изъ насъ одѣваются по-мужицки, хотя и безвкусно, оправдывается практическими соображеніями. Крестьянское платье гораздо дешевле нашего и удобнѣе для полевыхъ работъ. А вотъ когда нашъ братъ, воспитанный человѣкъ, поддѣлываясь подъ мужика, плюетъ на науку и просвѣщеніе, тогда это уже несомнѣнная фальшь, и я вамъ ручаюсь, что какъ бы просто ни казался простолудинъ, онъ никогда не повѣритъ подобной фальсификаціи. Вотъ что ужасно, и отъ чего я бѣжалъ изъ Петербурга, какъ Лотъ изъ Содома!.. Ужасно, когда сердечная пустота и полнѣйшее равнодушіе къ нравственному закону, безвѣріе и бездушіе въ самомъ широкомъ

значеніи слова — рядятся въ простоту народной правды и, подмѣшивая въ эту святыню свою отраву, торгуютъ ею на рынкѣ!.. Здѣсь, слава Богу, этого еще нѣтъ; отъ этого здѣсь и дышется такъ легко!..

Вѣтленова жадно вглядывалась. Мѣсяць ли въ золотомъ сіяніи ослѣплялъ ее взоръ, весенній ли воздухъ ее опьянял, или звучная трель соловья навѣвала на душу ее волшебныя грѣзы, — только ей чудилось, что она никогда еще до сихъ поръ не видала и не слыхала того, что совершалось теперь передъ ней на яву. Смыслъ рѣчи казался таинственъ, но тѣмъ могущественнѣе было ее очарованіе. Оно одѣвало Ижорина какою-то совершенно ей незнакомою, сказочно-героической красотой.

IV.

У двухъ изъ товарищей оказались таланты: Шелковскій, отецъ котораго былъ механикомъ на большомъ подмосковномъ заводѣ, съ дѣтства еще наглядѣлся на русскія пляски и зналъ ихъ наперечетъ, а Дулинъ бойко игралъ на скрипкѣ. Тѣмъ и другимъ воспользовались, чтобы устроить маленькій сельскій праздникъ, программа котораго, впрочемъ, была очень скромна. На Троицынъ день Аркадій созвалъ изъ ближайшихъ къ Стоженкѣ деревень нѣсколько бойкихъ дѣвокъ и парней. Ихъ угощали праздничной кувлебякой, медомъ, наливкой, пряниками, орѣхами, шепталой, и къ вечеру, на дворѣ господскаго дома, подъ звуки скрипки, которые приводили въ восторгъ неизбалованный слухъ гостей, завязался лихой хороводъ. Онъ начать былъ деревенскими запѣвалами на вызывающій ладъ:

Заплетайся, плетень, заплетайся;

Завивайся, ярымъ хмель, завивайся!..

Но въ деревенскимъ скоро присоединились и господа. Шелковскій, при громкихъ рукоплесканіяхъ своихъ однокашниковъ, первый вылетѣлъ въ середину хоровода и, молодецки потряхивая кудрями, помахивая своей ямщицкой шляпой, началъ откалывать что-то совсѣмъ невиданное въ уѣздѣ. Ухватки его были такъ новы въ этомъ краю и такъ размашисты, что дѣвбы, между которыми онъ извивался и шныралъ какъ бѣсъ, отскакивали отъ него съ визгомъ.

Аркадій и дядя его, между тѣмъ, подталкивали локтями Вѣру, глаза у которой горѣли и ноги сами собой подплясывали.

Она была въ распитомъ узорами сарафанѣ, съ густою косою до пояса, съ полевыми цвѣтами и алыми лентами въ волосахъ... Зная, что затѣвается, Марья Игнатьевна подбѣжала къ Дулину и шепнула ему что-то на ухо. Эффектъ былъ магическій. Хороводный ладъ вдругъ оборвался и скрипка хватила: „По улицѣ мостовой!“

Жеманно помахивая платочкомъ, виляя хвостомъ и поводя плечами, Вѣра Вѣтленева лебедью выплыла изъ окружавшей ее широкимъ кольцомъ толпы;—за ней, шельмовски увертываясь и охорашиваясь, якобы восхищенный ея красотой, но не смѣлющій къ ней подойти—Шелковский. Это была цѣлая эпопея взглядовъ, усмѣшекъ, тѣлодвиженій, мимически представляющая встрѣчу на улицѣ и знакомство пригородной кокетки съ хватомъ, который за ней увязался. Оглядки черезъ плечо и ужимки дѣвушки, небрежные повороты стана ея, головы, платочекъ, которымъ, обмахиваясь, она закрывается, словно хотѣли связать:— „Какое мнѣ дѣло, что онъ тутъ юлитъ и заигрываетъ! Я и не думаю его ободрать;—я такъ себѣ, просто иду за водой!“

Но изъ-подъ мнимаго равнодушія выглядываетъ что-то совсѣмъ другое. Слѣсиво пожавъ плечами и отвернувшись, она посылаетъ ему, однако, украдкою взглядъ, говорящій ясно, чтобы онъ не терялъ надежды. Да онъ и не думалъ ее терять—не таковскій!.. Онъ неотступно ее преслѣдуетъ, и каждая жилка въ немъ говоритъ:— „Не жеманься, красавица, отъ меня не уйдешь!“ Вотъ онъ подлетаетъ справа, — она отвернулась и ушла; онъ слѣва,—опять отвернулась... Но тактъ ускоренъ и, наконецъ, она оборачивается къ нему. Ихъ взгляды встрѣтились, лица сияютъ значительною усмѣшкой. Пригородный Донъ-Жуанъ, въ восхищеніи, рассыпается мелкимъ бѣсомъ, а дѣвушка плутовски подмигиваетъ и машетъ ему платочкомъ. Но только онъ къ ней, какъ она опять отвернулась и улизнула.

— „Барыню!“—требуется старый кавалеристъ:— „Барыню!“

Скрипка оборвала и начинаетъ „Барыню“.

Вѣтленева не видала въ натурѣ той „Барыни“, которую плясовые, фабричные хоры рекомендуютъ такъ:

Нынче въ шолковомъ капотѣ,—
Завтра въ каторжной работѣ!

Но характеръ этой заводской пляски, какимъ-то окольнымъ путемъ, былъ ей знакомъ, и то, что она импровизировала въ отвѣтъ своему кавалеру, на зло всѣмъ смягченіямъ, было въ духѣ оригинала.

Пляска оборвалась на томъ, что выходки кавалера, сначала только смѣшившія Вѣру, скоро начали ее приводить въ смущеніе. Два раза уже она закрывала лицо—и отворачивалась, но, наконецъ, махнула рукой, мимически отсылая танцора къ чорту, и вылетѣла изъ круга...

Хохоть и возгласы. Публика требуетъ продолженія, но на смѣну Вѣтленовой выскочилъ рослый, дородный, хохлатый танцоръ... Это Копровъ.

— „Камаринскую!“ — требуетъ отставной помѣщикъ, и послѣ нѣсколькихъ, заунывныхъ аккордовъ, которые какъ-то цинически обрываются, вдругъ налетаетъ вихремъ „Камаринская“...

Хохоть и топоть; взвизги и необузданный плясъ. Два молодые парня, судя по фуражкамъ, изъ отпусенныхъ, врываются въ кругъ; они уже на-веселѣ и съ мѣста отхватываютъ въ присядку... За ними—лихая дѣвка, —другая, —третья... Земля гудитъ; — ликующая деревня реветъ отъ восторга!..

Но мы оставимъ ее и пойдемъ за Вѣрой Вынырнувъ изъ толпы съ раскраснѣвшимися щеками, она натывается, въ сумеркахъ, на кого-то, стоящаго одиноко поодаль, и останавливается въ упоръ... Это Ижоринъ...

Съ минуты, когда она выступала, виляя хвостомъ и помахивая платочкомъ, „по улицѣ мостовой“, вплоть до конца, онъ не сводилъ съ нея глазъ; но взглядъ, которымъ онъ встрѣтилъ ее теперь, не веселъ и полонъ самыхъ противоположныхъ чувствъ. Ижоринъ словно впервые увидѣлъ и понялъ ее, или, вѣрнѣе, открылъ въ ней что-то совсѣмъ незнакомое, что бросало его то въ огонь вдругъ загорѣвшейся страсти, то въ краску стыда за нее и негодованія на себя. Какъ могъ онъ такъ любоваться тѣмъ, чему онъ сейчасъ былъ свидѣтелемъ, и что оскорбляло чистое, рыцарское его уваженіе къ женщинѣ?.. Глубокое изумленіе, съ примѣсю жгучаго любопытства, написаны были на его лицѣ... „Такъ вотъ ты какаа!“ казалось, хотѣлъ онъ сказать:— „А я то, простака, воображалъ!“.. Но тѣ, что онъ раньше воображалъ, мелькало теперь неясно, какъ сонныя грѣзы въ памяти пробужденнаго, а передъ нимъ, смущенная, оскорбленная, но прелестная, стояла живая Вѣра Вѣтленева, — „пригородная дѣвица, идущая за водою“, „Барыня“ и ваеханка!.. Все это понято было съ обѣихъ сторонъ въ одно мгновеніе... Она остановилась, вздрогнула и, отшатнувшись въ сторону, кинулась прочь...

Смеркалось... Теплый, душистый весенній вечеръ стоялъ надъ селомъ. Одѣтый уже густою листвою садъ темнѣлъ, утопая въ прозрачныхъ тѣняхъ... Калитка въ него со двора была отворена,

и глядѣвшій туда Ижоринъ видѣлъ, какъ Вѣра нырнула въ нее; но онъ еще не рѣшилъ, идти ли за ней, какъ въ нее проскользнула другая тѣнь, въ которой не трудно было узнать Шелковскаго.

— „Въ порядкѣ вещей!“ подумалъ онъ съ горечью и, махнувъ рукою, побрелъ въ другую сторону... Глухая злоба на все, чтѣ происходило воевругъ:—на скрипку и пляшущихъ,—на товарищей и народъ,—на Аркадія и на дядю его,—даже на Марью Игнатьевну,—грызла его внутри и туманила ему голову...

Въ числѣ источниковъ права собственности, завоеваніе всегда признавалось самымъ безспорнымъ. Понятно поэтому, отчего Вѣтленева, послѣ своихъ побѣдъ надъ Ижоринымъ, считала его своимъ законнымъ приобрѣтеніемъ. Отсюда не трудно уже себѣ объяснить и чувство обиды, ею испытанное, когда послѣ шумныхъ рукоплесканій, вызванныхъ ею пляской, она, вмѣсто восторга, прочла на лицѣ и во взглядѣ его безмолвный укоръ. Такая дерзость заслуживала примѣрнаго наказанія, и способъ былъ у нея въ рукахъ. Плѣненный еще на „улицѣ мостовой“ и окончательно пораженный „Барыней“, хватъ, обогнавъ ее слѣдомъ затѣмъ, въ саду, упалъ передъ ней на колѣни и клялся, что никогда еще не видалъ и не увидитъ подобной прелести.

— Не дурачьтесь, Иванъ Алексѣичъ!—сказала она, оглядываясь.—Если бы вы продѣлали это тамъ, при всѣхъ, я, можетъ быть, не сказала бы ничего; но глазъ на глазъ это совсѣмъ уже лишнее... Да и восторгъ вашъ не искренень... Вы сами знаете, что вы пляшете лучше меня.

Шелковскій всталъ и, отирая платкомъ увлажненное лицо, пошелъ съ нею рядомъ.

Я никогда не видала „Барыни“,—продолжала она:—и должна вамъ признаться, что мнѣ эта пляска не нравится. Къ тому же, какъ вы могли и сами замѣтить, я не умѣю ее плясать.

— Да, —отвѣчалъ онъ,—это не то;—но ваша импровизація была такъ прелестна, что я не знаю, какъ васъ и благодарить за доставленное мнѣ наслажденіе. Не обливайте меня, ради Бога, холодной водой, потому что, вы видите, я еще весь въ огнѣ... Я очарованъ, влюбленъ!.. Дайте ручку.

— Ахъ, отвяжитесь!..

Вѣтленева дѣлала строгій видъ, но въ тайнѣ души была довольна и сожалѣла только, что тотъ, другой, не видитъ... „Какъ бы онъ былъ наказанъ!“

Соображеніе этого рода скоро сдѣлало ее ласковѣе съ Шелковскимъ, который сидѣлъ возлѣ Вѣры за ужиномъ и весь Духовъ день не отходилъ отъ нея. Возвращаясь поутру изъ церкви съ Аркадіемъ, Ижоринъ видѣлъ ихъ впереди. Они шли объ руку и, судя по мимикѣ, говорили о чемъ-то весьма горячо. Бѣдный наказанный!.. Къ затаеннымъ его страданіямъ примѣшивался еще глубокой стыдъ, внушенный ему сознаниемъ своей слабости и безпомощности въ сравненіи съ властью его мучительницы. — „Ахъ, Господи! да какое мнѣ дѣло до нихъ?“ — твердилъ онъ себѣ сто разъ, уподобляясь при этомъ философу-стойку, у котораго разболѣлись зубы, старающемуся увѣрить себя, что это вздоръ и что серьезному человѣку смѣшно обращать на это вниманіе. На минуту сдается, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ не обращаешь, но эти глупые зубы знать не хотятъ твоей философіи и болятъ самымъ бессмысленнымъ образомъ! Стыдно сказать, какъ болятъ!..

А между тѣмъ, еслибы онъ слышалъ, о чемъ они тамъ впереди говорятъ, какъ быстро разсудокъ его одержалъ бы побѣду надъ ревностью!

— Мѣсто прекрасное, — говорилъ Шелковский: — и если бы намъ удалось осуществить идею, которая собрала насъ сюда, — это былъ бы рай. Но идеи требуютъ жертвъ, а намъ тронъ, ничего не имѣющимъ, смѣшно и думать о жертвахъ... Отсюда глубокая разница положеній: — вузень вашъ тутъ у себя и полный хозяинъ дѣла, а мы у него въ гостяхъ, и, стало быть, не хозяева... Была у насъ, правда, рѣчь, не лучше ли приобрѣсть имѣніе сообща; — то-есть, намъ выдать ему векселя и купчую совершить на имя товарищества; — но тутъ замѣшался курьезный вопросъ: — ну, а чтѣ, какъ товарищество-то по шапкѣ?.. Кому тогда будетъ принадлежать имѣніе?.. Я говорю: положенія разные, хотя надо отдать хозяевамъ честь: — они дѣлаютъ все, чтобы не дать намъ почувствовать эту разницу. Мы тутъ помѣщены по-барски; — сыты какъ лучше желать нельзя; — хозяинъ съ хозяйкою — идеалъ вниманія, тогда какъ работа наша грошевая, то-есть, такого рода, что всякій батракъ сдѣлалъ бы ее лучше нашего. Выходить, какъ будто мы трое въ выгодѣ, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, мы тутъ не только ничѣмъ не владемъ, а даже и не зарабатываемъ ни гроша.

— Меня удивляетъ, что вы говорите только о трехъ, — сказала Вѣра, оглядываясь и понижая голосъ. — А Петръ Андреевичъ? Петръ Андреевичъ вѣдь не въ части съ Аркадіемъ по покупкѣ имѣнія?

— Нѣтъ, но онъ между нами единственный обладатель сво-

боднаго капитала, и безъ него всѣ наши надежды были бы писаны вилами на водѣ.

— У васъ, стало быть, все-таки есть надежды?—спросила Вѣра.

— Есть,—отвѣчалъ Шелковскій съ достоинствомъ.—Масса надеждъ!.. Но всѣ онѣ такъ гадательны и цѣпляются другъ за друга такъ тѣсно, что если мы оборвемся хотя на одной, всѣ остальные не поведутъ ни къ чему. Начать съ того, что, какъ я уже вамъ говорилъ, наше товарищество, по независимымъ обстоятельствамъ, можетъ вдругъ обратиться въ дымъ. Потомъ, мы надѣемся, что мы все же не даромъ учились 12 лѣтъ, и что наши познанія окажутся приложимы къ дѣлу; однако, ручаться за это нельзя, ибо, вотъ видите ли, наука, которую мы проходили въ школѣ, требуетъ для своего приложенія къ дѣлу такихъ условій, которыя здѣсь въ Россіи едва ли возможно соединить. Сельскохозяйственныхъ машинъ, на примѣръ, у насъ не дѣлаютъ, и ихъ надо выписывать, втридорога, изъ-за границы. Искусственное удобреніе — тоже. Подѣздныхъ путей сообщенія нѣтъ, а изъ сельскихъ заводовъ у насъ процвѣтаютъ покуда однѣ винокурни; все остальное—чистая потеря. Но именно съ винокурнею-то у насъ и стопъ... Ижоринъ, какъ моралистъ, до сихъ поръ и слышать не хочетъ о винокурении. Удастся ли вашему кузену его урезонить—это опять не болѣе, какъ надежда. Имѣніе, наконецъ, заложено, и когда-когда мы успѣемъ еще его поставить на ноги срочныя банковыя уплаты грозятъ намъ жестокими дефицитами, особенно если принять во вниманіе, что ни одинъ земельный банкъ не хочетъ знать разницы между урожайнымъ и неурожайнымъ годомъ, а требуетъ всякій разъ ту же сумму и въ тотъ же срокъ...

— Я васъ не понимаю,—сказала Вѣтленева.—Если у васъ есть товарищъ съ деньгами, то почему онъ не выкупитъ прежде всего имѣнія?

Шелковскій взглянулъ на нее какъ-то странно и отвѣчалъ не вдругъ. — Идеяка ваша весьма недурна, — сказалъ онъ, — только, вотъ видите ли, мнѣ неизвестно, какъ смотреть на это Аркадій Ивановичъ. Расчетъ самъ по себѣ совершенно вѣренъ, такъ какъ съ пріятелемъ можно всегда устроиться по-пріятельски. Но съ политической стороны тутъ представляется маленькая загвоздка. Кузень вашъ и безъ того не можетъ реализовать ни малѣйшаго улучшенія по хозяйству, не говоря уже о заводахъ, иначе какъ на средства Ижорина. А если, кромѣ того, и завладѣная будетъ передана на то же лицо, то понятно, что дѣло наше

сосредоточится совершенно въ рукахъ у Ижорина, и онъ станетъ если не юридически, то фактически полнымъ его хозяиномъ.

Вѣтленева слушала его очень внимательно, и въ головѣ у нея шевелились какія-то, совершенно непроницаемыя для ея собесѣдника, новыя даже для ней самой, идеи. Это похоже было на неожиданно счастливый оборотъ игры, послѣ котораго всѣ затрудненія разрѣшаются какъ-то сами собой, и впереди, въ туманѣ, мелькаетъ путь къ выигрышу.

— Ахъ! — вырвался у нея невольно глубокой вздохъ, и когда Шелковскій съ усмѣшкой спросилъ, о чемъ она такъ вздохнула: — Я думаю, — отвѣчала она, — какъ бы весело это было, если бы въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь выкупилъ Стоженку!

„Вотъ простота! — подумалъ Шелковскій. — Точно для нея съ отцомъ не все равно, гдѣ это проданное дворянское ихъ гнѣздо заложено!“

V.

Урожай въ предшествовавшемъ году былъ выше средняго, но, не взирая на то, у крестьянъ въ Николѣ уже не хватало хлѣба, и изъ ближайшихъ къ Стоженкѣ деревень, день за день, начали появляться знакомые мужики-хозяева съ просьбами „вызволить“. Кто просилъ вуль, кто два. Отказа не было никому, и новый помѣщикъ не прижималъ съ условіями, требуя только, чтобы къ нему приходили за хлѣбомъ не въ одиночку, а обществами. На сходкахъ, которыя, такимъ образомъ, происходили въ Стоженкѣ, шелъ круговой уговоръ не только о срокахъ возврата отпущеннаго въ долгъ хлѣба, зерномъ, или деньгами, или участіемъ въ зимнихъ заработкахъ, но обсуждалось и многое, что составляетъ обыкновенно спорный вопросъ между сосѣдями: выгоны и размѣръ вознагражденія за поправу или порубку. Вѣтленевъ говорилъ прямо, что онъ не намѣренъ ни съ кѣмъ судиться, но не потерпитъ тоже, чтобы сосѣди и разоряли его, а требуетъ, чтобы сельскія общества сами, такъ или иначе, охраняли его интересъ и, какъ слѣдуетъ добрымъ сосѣдямъ, заботились, чтобы поводовъ къ ссорѣ не было.

— Я васъ не прижимаю съ отрѣзками, — говорилъ онъ, — хозяйничайте на нихъ, какъ знаете, и не требую съ васъ, какъ другіе, могоарычей за забранный вами хлѣбъ; но вы не дѣти и, я надѣюсь, сами можете оцѣнить всѣ выгоды жить со мною въ мирѣ и добромъ согласіи.

— Будь спокоенъ, Аркадій Ивановичъ!—отвѣчалъ ему на такую рѣчь одинъ рослый и хмурый, обыкновенно скупой на слова, старикъ: — не будетъ тебѣ отъ насъ никакого неудовольствія... Вѣдь не враги же мы сами себѣ, чтобы не уважить такихъ господъ, какъ ты.—И обводя глазами своихъ односельчанъ, старикъ прибавилъ:—съ твоей Марьей Игнатьевной.

— Съ Марьей Игнатьевной,—дружно поддакнули всѣ.

— Съ чего это они всѣ, въ одинъ голосъ, упомянули жену?—спросилъ Аркадій, дивясь, у своего верховнаго визиря Архипа, послѣ того, какъ тяголовскіе ушли.

Но Архипъ былъ тонкій политикъ и прежде чѣмъ отвѣчать, внимательно всматривался въ глаза молодому барину, чтобы рѣшить, въ какой мѣрѣ удобно сказать ему правду.

— Проговорились!—вымолвилъ онъ, наконецъ, осклабясь.

— Какъ такъ проговорились?..

— Такъ... Барыня-то, значить, еще на Ниволу, вызволила у нихъ недоимщика... Да опосля въ Остатковѣ одного, да еще въ Куртоусовѣ одного, всего трехъ.

— Не можетъ быть!

— Вѣрно вамъ говорю... Извольте помнить, какъ на Ниволу, шельма эта, Лукерья тяголовская, тутъ плясала?

— Помню.

— У ней, по недоимкѣ отъ земства, описанъ былъ скотъ. Ъ вамъ, значить, не смѣла, и прибѣжала въ ту пору къ Марьѣ Игнатьевнѣ, зная, что барыня въ этихъ дѣлахъ не смыслить... Ну, барыня добрая, поручилась сперва за нее, а потомъ и еще за двухъ... Васъ только, значить, не пожелала тревожить, а черезъ дядюшку, черезъ Михайла Ларионовича, все это шло.

Аркадій нахмурился, что случалось съ нимъ рѣдко и было всегда симптомомъ большого неудовольствія, но промолчалъ и только глазъ-на-глазъ съ женой далъ волю сердцу.

— Деньги, которыми ты распорядилась, мой другъ,—говорилъ онъ,—не посовѣтовавшись со мной, и раньше еще, чѣмъ ты ихъ получила въ руки,—конечно, твоя нераздѣльная собственность, и я никогда не спросилъ бы, на что ты ихъ издержала, еслибы подобнаго рода ложно-понятая благотворительность не подрывала принятаго у насъ въ руководство правила: не поощрять между крестьянами нищенства. Одна уже эта мысль, что надъ ними есть попечители, которымъ стоитъ лишь поклониться въ ножки, чтобы они избавили ихъ отъ прямыхъ послѣдствій дурного ихъ поведения, составляетъ большое зло, такъ какъ подобнаго рода помощь не больше, какъ премія, уплачиваемая за

лѣнь и порокъ. Ею воспользуется такой, котораго она не спасетъ и который меньше всего ее заслуживаетъ, отъявленный пьяница и бездѣльникъ, тогда какъ другой, у котораго никогда не продавали за недоимки не только коровы, а даже и курицы, но который бьется какъ рыба объ ледъ и, не взирая, на то весной все-таки остается безъ хлѣба, уйдетъ отъ тебя съ отказомъ!.. Средства благотворительности не безконечны и ихъ далеко не хватитъ, чтобы взять на свое попеченіе всѣхъ нуждающихся; да если бы и хватило, то врядъ ли изъ этого вышелъ бы прокъ, такъ какъ, идя подобнымъ путемъ, то-есть, соря безъ разбора деньгами, мы обратили бы только всѣ сосѣднія сельскія общины въ богадельни. Чтò толку, что ты заплатила за эту Лукерью, если ты знаешь, какъ это не трудно знать, что ты этимъ ее не спасешь, а лишь отсрочишь развязку, которая ранѣе или позже неотвратима. Ты думаешь, она не нашла бы возможности повернуться, еслибы она не знала этого лучше насъ?.. Будь спокойна, у всякой такой, говорятъ, приколпено что-нибудь на черный день; у всякой есть деньги, и холстъ, и наряды; но это личная ея собственность, на которую ни хозяинъ, ни мужъ, ни сборщики податей не имѣютъ права.

Бѣдная Марья Игнатьевна слушала этотъ урокъ, какъ слабая ученица слушаетъ лекцію геометріи, не допуская даже и мысли, чтобы учитель ея могъ быть неправъ. Она, которая рада была отдать послѣдній рубль, чтобы у малютокъ Лукерьи не отнимали кормилицу ихъ, буренку, была бы въ большомъ затрудненіи, еслибы ее заставили объяснить, какой системой она руководствуется, избирая предметомъ своей благотворительности именно этихъ, а не другихъ дѣтей, и пришла почти въ ужасъ, когда Аркадій ей объяснилъ, что она поощряетъ бездѣльничество и пьянство. Но первымъ догматомъ ея вѣры въ людей было глубокое убѣжденіе, что ея Арикъ всегда и во всякомъ случаѣ правъ; а если такъ, то значить, не онъ виноватъ, что она не понимаетъ его, значить, она глупа, и ей надо много еще чему учиться, чтобы стать достойною его ученицей.

И русалочка, утирая глаза, подняла ихъ съ любовью на мужа.

Нѣсколько ранѣе этого въ Стоженѣ началась „толока“, то-есть, крестьянскія дѣвки и бабы изъ ближнихъ къ селу деревень, приглашенныя въ гости „на помочь“, являлись съ утра въ своихъ лучшихъ нарядахъ и, стоя, чтобы не запачкать ихъ, на ваяткѣ низкаго кузовка, развозили по паренью поземъ... Къ

общему удовольствію, молодая хозяйка, Марья Игнатьевна, самолично вывезла первый возъ, за нею Балахнина, за ними Вѣра, всѣ въ сарафанахъ и лентахъ... Веселый хохоть и рукоплесканія провожали ихъ со двора... За „толовой“ пахали подъ рожь ¹⁾, и тотчасъ послѣ того начался покосъ. Косили на заливныхъ лугахъ, разстилающихся по берегамъ Вороты и славящихся, на зависть всему уѣзду, своею сочной травой. Лѣто стояло знойное и работа на солнцѣ была утомительна. Дамы попробовали-было „грабить“ въ своей обыкновенной одеждѣ, но въ первый же день, къ полудню, упарились такъ, что весь вечеръ потомъ лежали въ растяжку. Тогда пришлось по-неволѣ бросить всѣ церемонныя принадлежности городского костюма: корсетъ, за корсетомъ юбки и прочее. Кончилось тѣмъ, что Вѣра, какъ самая храбрая, въ одно жаркое утро, пришла на работу просто въ одной своей нарядной русской рубахѣ. Примѣру ея, по настойчивымъ уговорамъ Вѣтленева, послѣдовали и остальные. Сначала оно, конечно, бросалось въ глаза и возбуждало сдержанныя усмѣшки; но на другой же день, когда дамы, окончивъ свою работу, ушли, Аркадій, переглянувшись съ Ижоринимъ, обратился къ товарищамъ съ горькимъ укоромъ:

— Послушайте, господа, — сказалъ онъ, — если есть между нами кто-нибудь, кто не можетъ смотрѣть спокойно на женщину нашего общества, одѣтую иначе, чѣмъ это принято въ городахъ, то я предпочелъ бы, чтобы онъ открыто въ этомъ сознался. Я передамъ это нашимъ барынямъ, и, вѣроятно, онѣ, не желая служить предметомъ соблазна, бросятъ покосъ. Но я бы желалъ, чтобы мы серьезно объ этомъ подумали. Не обидно ли, господа, что намъ, воспитаннымъ и ученымъ, приходится брать уроки серьезнаго отношенія къ дѣлу и скромности у простыхъ мужиковъ? Вы видѣли ихъ: они не обращаютъ рѣшительно никакого вниманія на рабочій костюмъ своихъ дѣвокъ и бабъ, а мы засматриваемся на нашихъ!.. Поучимся у нихъ этому, господа, и будемъ порядочными людьми...

Это подѣйствовало, и послѣ того рубаха *tout court* не обращала больше вниманія. Сапожки и пояса, однако, были сохранены: сапожки — въ защиту отъ жесткихъ щетокъ травы, которыя оставляетъ послѣ себя коса, а пояса по какимъ-то необъяснимымъ соображеніямъ. Конечно, дамы не въ силахъ были работать, какъ деревенскія, отъ зари до зари; онѣ выходили изъ дому поздно и возвращались рано, но тѣмъ не меньше молва о ихъ подви-

¹⁾ Первая заплата подъ озимею; вторая начинается послѣ 1-го августа.

гахъ скоро распространилась между сосѣдями, и къ нимъ начали навѣщать нарочно, чтобы удостовѣриться: правда ли, что онѣ „грабятъ“ сѣно въ однѣхъ сорочкахъ?.. Изъ этого выходитъ спектакль, который весьма не понравился стоженскимъ, и съ ихъ стороны были приняты мѣры. Гостей приказано было выпроваживать, объявляя имъ на-отрѣвъ, что никого изъ господъ нѣтъ дома, а тѣмъ, которые приставали съ разпросами: гдѣ?—и требовали проводниковъ,—объясняли запросто, что господа по буднямъ не принимаютъ рѣшительно никого. — „Желаете видѣть, молъ, такъ пожалуйста въ праздникъ, или въ воскресный день, когда нѣтъ работы“.

Пришло, наконецъ, и самое тяжелое изъ всѣхъ испытаній — жатва. Мужчины, чтобы ободрить своихъ жницъ, принимали въ ней дѣятельное участіе, но, не взирая на то, работа не спорилась, и ее пришлось окончить, вмѣсто своихъ — израненныхъ, нанятыми руками.

Но ранѣе жатвы, въ ту пору, какъ только-что начался покосъ, созрѣло нѣчто, что требовало другой развязки.

VI.

День былъ воскресный, и, по обычаю, оба семейства обѣдали вмѣстѣ, но послѣ обѣда общество разбрелось. Старикъ Вѣтленевъ улегся въ роуцѣ вздремнуть. Племянникъ его съ Ижоринимъ, занятые хозяйственными расчетами, отправились въ кабинетъ Аркадія; свояченица хозяйки, рослая, полногрудая и румяная Лиза Балахнина, ушла къ своимъ питомцамъ на птичій дворъ, и вѣрный ея товарищъ по склонности къ безсловеснымъ созданіямъ, Алексѣй Егорычъ Копровъ, съ тарелкою хлѣбныхъ крошекъ и творога, за ней, а Шелковскій съ Дулинымъ ушли на рѣку удить рыбу. Марья Игнатьевна, не допившая еще своего кофе, осталась съ Вѣрою на балконѣ одна. Обѣ имѣли серьезный и озабоченный видъ, особенно Вѣра.

— Скажи, пожалуйста, что у тебя съ Ижоринимъ? — спросила вдругъ Марья Игнатьевна. — Были такіе друзья, а теперь и не смотрите другъ на друга. Съ Троицы, если не ошибаюсь, не обмѣнялись ни словомъ.

— Да, — отвѣчала Вѣра, потупивъ глаза: — онъ за что-то дуетъ на меня; но я не могу угадать, за что.

— Ахъ, не прикидывайся! Такъ я и повѣрю, чтобы ты не

знала!.. Хитришь!.. Погляди-ка въ глаза... Вишь, какъ покраснѣла!.. Ну, признавайся, что у васъ вышло?

— Да, право же, ничего... Мнѣ только сдается, какъ будто ему не понравилась эта пляска моя съ Шелковскимъ. Но почему?.. И кто дакъ ему право ставить себя надо мною нянькой?.. Это обидно!..—Вѣра Вѣтленева ступнула по столу кулакомъ, и глаза ея изъ-подъ сдвинутыхъ темныхъ бровей свергнули.

— А тебѣ не приходитъ въ голову, что онъ, можетъ быть, просто ревнуетъ тебя къ Шелковскому?

— Что за глупости?.. Что мнѣ такое Шелковский?

— Однако, онъ съ Троицы замѣнилъ при тебѣ Ижорина и съ тѣхъ поръ провожаетъ тебя неотступно, какъ тѣнь.

— Такъ чтожь?.. Развѣ я могу ему запретить?.. И какое дѣло Ижорину, что у меня перемѣнилась... тѣнь?

— Послушайся моего совѣта, Вѣра, — сказала Марья Игнатьевна:—брось этотъ вызывающій тонъ. Если ты не желаешь съ нимъ ссориться, то незначѣмъ и ершиться. Повѣрь мнѣ, если бы ты подошла къ нему безъ этихъ твоихъ спѣсивыхъ минъ и спросила просто: „что онъ имѣетъ противъ тебя?“—вся эта глупая ваша ссора Богъ знаетъ изъ-за чего окончилась бы въ пять минутъ. Ты важничаешь и отворачиваешься; а ты погляди на него хорошенько, на что онъ похожь сталъ за эти дни! Человѣка узнать нельзя. Бывало шутить, смѣется, а нынче и голосу его не слышать. Если бы онъ и заслуживалъ отъ тебя наказанія, то вѣдь, право, пора подумать, не слишкомъ ли оно долго длится.

Молчаніе... Вѣра Вѣтленева отворачивалась и терла сухіе глаза.

— Что кусишься?.. Хочешь, я духомъ васъ помирю?

Вмѣсто отвѣта, та горячо обняла и поцѣловала ее.

— Ну, слушай... Аркадій сюда не придетъ, потому что онъ пишетъ тамъ у себя дѣловыя письма. А Петръ Андреевичъ долженъ сейчасъ сойти... Какъ только онъ на балконъ, ты встань, посмотри на него поласковѣе и уходи, — но будь подъ рукой и не теряй насъ изъ виду. Даю тебѣ слово, что я тебѣ его приведу, какъ грѣшника, чувствующаго свою вину и готоваго въ ней покаяться.

Первая часть этого заговора исполнилась какъ по писанному. Ижоринъ вернулся одинъ, и Вѣра, бросивъ ему сострадательный взглядъ, ушла; но задача, взятая на себя „русалочкой“, оказалась не такъ проста.

— Что это у васъ съ нею?—шепнула она, смотря съ огорченнымъ видомъ вслѣдъ удаляющейся. — Вы словно какъ будто поссорились?

Онъ отвѣчалъ благодарнымъ взглядомъ больного, который долго тайлъ отъ всѣхъ свой недугъ, но, тронутый неожиданнымъ словомъ участія, чувствуетъ, что онъ дольше не въ силахъ молчать.

— Нѣтъ, Марья Игнатьевна, — произнесъ онъ сдержанно: — ничего такого, что называютъ обыкновенно ссорой, у насъ съ нею не было... А было хуже. Мы встрѣтились, посмотрѣли другъ другу въ глаза; и убѣдясь, что мы долѣе не друзья, разстались, не выговоривъ ни слова.

— Съ чего же это?

— Не знаю, какъ вамъ и объяснить, — потому что мимика, хотя она у Вѣры Михайловны и весьма выразительна, трудно передается словами. Въ Троицынъ день, вы помните, у васъ на дворѣ плясали, и сколько могу судить, всѣмъ это доставило неподдѣльное удовольствіе, кромѣ меня. Не обижайтесь, если я вамъ скажу безъ утайки, что роль, исполненная при этомъ Вѣрой Михайловной, глубоко оскорбила меня. Личный мой вкусъ — не законъ для другихъ, и я его никому не навязываю. Къ тому же я хорошо понимаю, что это была игра, и что актрисѣ съ такимъ блестящимъ талантомъ непозволительно ставить въ укоръ исполненную ею на сценѣ роль, какъ бы эта послѣдняя ни была ненавистна для зрителя. Но есть чувства, противъ которыхъ разсудокъ безсиленъ, и для того, кто ихъ испытываетъ, не существуетъ болѣе вѣрной мѣрки. Такъ для иначе, мимика пляски, которую исполняла Вѣра Михайловна съ своимъ кавалеромъ, глубоко оскорбила меня, и она не могла не прочесть укора во взглядѣ, которымъ я встрѣтилъ ее, когда, не вытерпѣвъ дольше его безстыдства, но тѣмъ не менѣе гордая заслуженными ею рукоплесканиями, она выбѣжала изъ круга. Мы посмотрѣли другъ другу въ глаза, и мнѣ вдругъ стало ясно, что я обидѣлъ ее. Вотъ голая правда — я ничего не прибавилъ и не убавилъ, а исповѣдуюсь въ ней передъ вами, какъ передъ Богомъ. Судите сами, — заслуживаю ли я того наказанія, которое я несу съ тѣхъ поръ, потому что мой взглядъ, я это чувствую, до сихъ поръ не прощенъ мнѣ.

— А если вы ошибаетесь?

— Нѣтъ, Марья Игнатьевна, если бы и желалъ, то всѣ мѣрки, чтобы избавить меня отъ ошибки, приняты, а онѣ простираются далеко. Мнѣ было ясно показано, что наши прежнія отношенія порваны, и что ей это ни по чемъ, потому что ей можетъ меня замѣнить первый встрѣчный.

— Послушайте, Петръ Андреевичъ, — отвѣчала съ ласковымъ усмѣшкой русалочка: — вы въ ней несправедливы. Если вы разъ сознаетесь, что Вѣра ни въ чемъ передъ вами не виновата, а

между тѣмъ имѣете нѣкоторыя причины считать ее оскорбленную, то кто же виноватъ, что это такъ долго длится?.. Я допускаю, что вамъ могло не понравиться что-нибудь въ ея пляскѣ, и что въ ту пору, подъ силою свѣжаго впечатлѣнія, вы могли не владѣть собой. Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, и если потомъ вы успѣли понять, что не она передъ вами, а вы передъ ней виноваты, то почему бы вамъ не признаться ей въ этомъ прямо? Сказать, на примѣръ, что ваша досада въ ту пору была съ ея стороны незаслужена, и что чувство это давно прошло?

— А если оно не прошло?

Русалочка широко открыла свои большіе, каріе съ золотымъ просвѣтомъ зрачки, и на нѣсколько дикомъ, по дѣтски-невинномъ ея лицѣ изобразилось крайнее удивленіе.

— Я васъ не понимаю, — сказала она. — Неужто подобный вздоръ могъ произвести на васъ такое глубокое впечатлѣніе?

Ижоринъ молчалъ, но все до послѣдней жилки въ его лицѣ выдавало невыносимую боль.

— Что вамъ до того, какъ бы она ни плясала? Это случилось разъ и, по всей вѣроятности, больше не повторится; да еслибы и повторилось, то кто же виноватъ, что существуетъ такая народная пляска? Вѣдь не сама же она ее сочинила...

— Марья Игнатьевна!.. — началъ онъ страстно, но оборвалъ и закрылъ руками лицо.

Она смотрѣла въ смущеніи, ожидая, какъ ожидаютъ дѣти въ подобныхъ случаяхъ, чего-нибудь страшнаго.

— Марья Игнатьевна, да поймите же, наконецъ, что она для меня не чужая!.. Что сердце мое, все существо мое съ нею срослось!

— Ахъ, Господи! Да вы, кажется, не на шутку любите Вѣру? — сорвалось у нея такимъ простодушнымъ тономъ, который въ конецъ обезоружилъ Ижорина.

— Слушайте, — продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — я вамъ все расскажу. Стыдно признаться, но тѣмъ не менѣе это правда. Я полюбилъ ее именно въ тѣ минуты, когда она первый разъ и такъ больно меня оскорбила. Когда она выплыла изъ толпы, помахивая платочкомъ и поводя плечами, и посылая усмѣшки хвату, ее преслѣдующему, я не могъ глазъ отъ нея оторвать — такъ дьявольски привлекательны были ея тѣлодвиженія, всё, отъ перваго до послѣдняго! Еслибы въ нихъ была правда, за эту правду можно бы было душу продать! Но это была холодная ложь, поддѣлка, игра!.. Усмѣшки, свѣжѣе и краше чѣмъ утренняя заря, и пожиманія плечъ, которымъ бы позавидовала

богиня, и взгляды, — какіе взгляды! — подарены были не тому, кто отдалъ бы за нихъ съ радостью всю жизнь, а шуту, которому они не нужны и который ничѣмъ ихъ не заслужилъ!.. Она играла сердцемъ моимъ, топтала, рвала его на части! Тогда мнѣ стало впервые ясно, что я люблю ее, но вмѣстѣ и то, что этого рода любовь унижательна. Я собралъ всю гордость свою и рванулся съ рѣшимостью все оборвать, но жестокая боль внутри убѣдила меня, что я опоздалъ... А между тѣмъ, покуда я бился, какъ рыба, которая проглотила крючокъ, передо мной началась другая пляска, — не знаю ужъ, какъ ее и назвать! Конечно, и эта опять была роль; однако, на этотъ разъ и она, не взирая на весь сценическій свой талантъ, не выдержала. Я видѣлъ, какъ красна стыда загоралась огнемъ у нея на щекахъ, какъ, наконецъ, она махнула рукой и, не скрывая долѣе своего отвращенія, вѣбжала...

Крупныя капли пота стояли на лбу у Ижорина, когда онъ окончилъ, и губы его были искривлены отъ боли.

Марья Игнатьевнѣ стало ужасно жалко его, и она взяла его за руки. — Господи! — восклицала она простодушно. — Я никогда не воображала, чтобы мужчины могли такъ страдать отъ любви!.. Вы всѣ такіе сдержанные и гордые!.. Но успокойтесь, дѣло ваше совсѣмъ не такъ безнадежно. Нужна только смѣлость и надо знать ясно, чего вы хотите, чтобы потомъ не каяться. Готовы ли вы?.. — и она докончила попотомъ. — Да?.. Ну, такъ идемте, я васъ помирю.

Ижоринъ всталъ съ какимъ-то оторопѣлымъ видомъ. Вопросъ, ему заданный, былъ весьма серьезень, и что-то шептало ему: „По-времени!.. Подумай“... Но страсть заглушила разсудокъ. Русалочка взяла его подъ руку, и они пошли въ садъ. — Она или дома, или тутъ гдѣ-нибудь, — говорила Марья Игнатьевна, озираясь. — Вѣра!

— А-у! — слышалось гдѣ-то недалеко, и на заворотѣ аллеи они увидали Вѣру. Она сидѣла на ветхой скамейкѣ, одна, прислоняясь плечомъ къ старой липѣ и погруженная въ думу, какъ статуя Меланхолии. Но это спойство было только наружное, а на дѣлѣ сердце ея стучало такъ, что бой его отдавался въ вискахъ. Увидѣвъ ихъ вмѣстѣ, она поняла, что Мама сдержала свое обѣщаніе, и что рѣшительная минута близка.

— Вотъ, привела къ тебѣ виноватаго, — сказала русалочка, освобождая своего спутника. — Но вина его только въ томъ, что онъ любитъ тебя гораздо болѣе, чѣмъ ты стоишь. На, постарайся его убѣдить, что это глупо и что онъ долженъ исправиться, если

онъ хочетъ, чтобы ты отпустила ему его грѣхи.—И, обращаясь къ Ижорину:—Признавайтесь, вѣдь любите?

— Маша!—произнесла съ укоромъ дѣвушка, покраснѣвъ до ушей. Она, очевидно, не ожидала этого, да и Ижоринъ тоже. Послѣдній стоялъ какъ воръ, котораго захватили съ поличнымъ, не смѣя поднять глаза. Но прежде, чѣмъ пойманные въ ловушку успѣли придти въ себя, проказница убѣжала, предоставляя имъ выпутываться, какъ знаютъ, изъ ихъ неловкаго положенія.

Вѣтленева первая овладѣла собой и, дружески протанувъ ему обѣ руки, заставила его сѣсть съ собой рядомъ.

— Маша имѣетъ дурную привычку дурачить людей,—сказала она.—Но я не ребенокъ, чтобы принять за чистую правду ея слова. Я бы сочла себя счастливой, еслибы вы подтвердили хоть то, что я не потеряла вашего уваженія.

— Вѣра Михайловна!—отвѣчалъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—я не умѣю лгать, и я бы плохо вамъ доказалъ мое уваженіе, еслибы я позволилъ себѣ, въ такую минуту, играть словами. Она сказала вамъ правду, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи. Дѣйствительно, вся вина моя только въ томъ, что я васъ люблю,..... безмѣрно люблю!

Вѣтленеву бросило въ жаръ отъ этихъ рѣчей, и она, какъ бы не вѣря счастью, пришедшему такъ внезапно, уставила на него изумленный взоръ. Но мимика съ той и съ другой стороны была слишкомъ краснорѣчива, чтобы начатое дѣло могло остановиться на полпути. Въ головѣ у обоихъ ходило кругомъ, желанія и надежды обоихъ нетерпѣливо рвались къ одной общей цѣли. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ шопотомъ, радостная усмѣшка—и, вдрогнувъ всѣмъ тѣломъ, она почувствовала себя въ объятіяхъ у безумно влюбленнаго въ нее человѣка.

Торжество Вѣры Вѣтленевой было полное, и она начала съ того, что наградила его виновника, не скупясь.

Къ чаю ихъ долго искали и, наконецъ, нашли гдѣ-то за версту отъ села, на рѣкѣ. А послѣ чая, Вѣра, которую Марья Игнатьевна увела къ себѣ, вмѣсто того, чтобы рассказать путемъ, чтѣ у нея было наединѣ съ Ижоринимъ, навинулась на нее какъ бѣшеная и начала цѣловать ее безъ конца.

VII.

Нѣсколько позже друзья удалились къ Аркадію въ кабинетъ и просидѣли тамъ до полуночи, обсуждая вопросы первостепенной важности. Аркадій, захваченный совершенно врасплохъ, былъ

радъ и не радъ. Съ одной стороны, семейство, какъ гарантія осѣдлости и порядка, признано было у нихъ въ принципѣ желательнымъ для всякаго дѣятельнаго участника въ ихъ предпріятіи; съ другой—характеръ Вѣры, очень далекій отъ идеала хозяйки-работницы, дѣлалъ ее, повидимому, довольно плохимъ приобрѣтеніемъ для ихъ зарождающейся сельской артели. „Но разбирать такъ строго, во всякомъ отдѣльномъ случаѣ,—думалъ онъ,—невозможно... Мало ли кто полюбится? Не пускать же на голоса вопросы такого личнаго рода, какъ выборъ жены. Дѣвушка молода и неразвита; неужли же мы съ нимъ вдвоемъ не съумѣемъ ее повернуть по своему?“

— Радъ всей душой,—говорилъ онъ:—за васъ и еще болѣе за нее. Только послушайте моего совѣта: держите ее въ рукахъ. Я знаю Вѣру—это отличная молодая лошадка, но править ею не такъ легко.

Вплоть до разсвѣта Ижоринъ сидѣлъ у себя и писалъ отцу. Но Вѣрѣ некому было писать, и всю ночь напролетъ золотыя грѣзы смѣняли одна другую въ ея головѣ. Сонъ это былъ или бредъ распаленной фантазіи, на границахъ сознанія сбрасывающей съ себя узду, она и сама не знала, потому что нить связи съ яркимъ событіемъ, пережитымъ ею въ дѣйствительности, была не совсѣмъ потеряна, и только желательное какъ-то нечѣпно путалось съ настоящимъ.

Ей грезились: Петербургъ, который она не видала съ дѣтства, и въ Петербургѣ богатый домъ, наряды, театръ, экипажи, блестящее общество, среди котораго всѣ ласкаютъ ее. Стоженка тоже, но она какъ-то не узнавала родного гнѣзда. Флигель, въ который они переехали послѣ продажи, исчезъ, и на мѣстѣ его блестящая вилла. Зеркальныя стекла, маркизы, террасы въ цѣнтахъ, и опять экипажи, верховныя лошади, конюхи въ голубыхъ ливреяхъ, веселыя кавальяды, пиры, на которые собирается весь уѣздъ. Снились и сцены безумной страсти... Молодой мужъ у ногъ ея; дальше—она, обезумѣвшая отъ счастья и стыда, въ его объятіяхъ... Дальше—просторная, свѣтлая дѣтская, и изъ дѣтской несутся веселые, звонкіе голоса. Но и въ дѣтской все приспособлено такъ, чтобы избавить ее отъ докучныхъ заботъ. Смотрѣть за дѣтми, чтобы они себѣ не свернули шеи, или возиться съ ихъ перепачканнымъ платьемъ, бѣльемъ, нѣтъ надобности. Для этого нянька, а для присмотра за нянькой, чтобы она не пила и не водила къ себѣ гостей,—швейцарка-бонна.

И всѣ эти пестрые элементы счастья, какъ понимала его Вѣтенева, слились для нея въ одну непрерывную вереницу розо-

выхъ, свѣтлыхъ видѣній, которыми, какъ цвѣтами, усыпанъ будущій жизненный ея путь. Онъ свѣтеть и безпрепятственъ: все тягостное и непріятное устранено съ него какой-то незримою благодѣтельною судьбой... Ни старости, ни болѣзней, ни мелкихъ докучныхъ заботъ и мѣщанскаго, опощляющаго труда. Аптеки и доктора, горчишники и компрессы, катарры и дифтеритъ, морщины, сѣдые волосы и больные зубы, ссѣты и свары съ кухаркой, конка, въ которую надо вскочить на ходу, и извозчики, которые, видя, что дождь заставляетъ спѣшить, запрашиваютъ негѣпую цѣну—не грезилась Вѣрѣ. Еще того менѣе грезилась ей: смазные мужицкіе сапоги и полушубокъ, которые надо надѣть въ торопяхъ, чтобы бѣжать, глубокою осенью, на разсвѣтъ, на скотный дворъ, навозная грязь по щиколотку, телячьи слюнявые морды и паръ отъ свиней,—или прилипшая къ тѣлу отъ пота рубаха и пузыри на ладоняхъ—отъ дерганья жесткаго льна. Все это есть, конечно, на свѣтъ, но Майя, которая убаюкала въ эту лѣтнюю ночь невѣсту, заботливо устранила изъ сновидѣній ея все сѣрое, неприглядное, что наполняетъ въ такомъ избыткѣ людскую жизнь, и оставила ей на потѣху одинъ только золотой обманъ. Такъ, человѣку въ жизни своей никогда не рѣшавшемуся перескочить черезъ поваленный пенъ, грезится, что онъ переносится какъ на крыльяхъ черезъ широкіе рвы, или легко отдѣляется отъ земли и поднимается выше лѣсу стоячаго; вѣсь его тѣла исчезъ, и хотя, понятно, это не болѣе какъ обманъ, но какое дѣло ему до правды, когда безъ нея такъ легко и просторно?!

Вѣрѣ было уже двадцать-два года, и это была не первая ея любовь; но такъ какъ въ Стоженѣ, кромѣ нея, о первой никто не зналъ, то и мы теперь о ней умолчимъ... Скажемъ только, что это была счастливѣйшая изъ всѣхъ ночей, пережитыхъ ею съ тѣхъ поръ, и что она поутру встала теплая, розовая, веселая, почти увѣренная, что все такъ и сбудется впереди, какъ ей сулили ея золотыя мечты. На залитомъ солнцемъ небесномъ сводѣ, правда, бѣлѣли мѣстами, какъ перелетныя птички, легкія, чуть замѣтныя издали, облака; это маленькія препятствія, которыя она представляла себѣ впереди, и Вѣра, какъ умная дѣвушка, знала, что ихъ нельзя обойти, но кто же, въ ея года, выходя за богатаго, страстно-влюбленнаго человѣка, думаетъ о препятствіяхъ?

— Папаша! Милый! Поздравьте меня!—сказала она, влетая въ столовую, гдѣ ея отецъ сидѣлъ уже, съ трубкою и съ газетою въ рукахъ, за стаканомъ кофе.—Поздравьте меня: Петръ Андреевичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе!

Старый кавалеристъ, несмотря на свои лѣта, покраснѣлъ какъ ракъ и поднялся съ радостнымъ изумленіемъ.—Какъ! Когда?..

— Вчера еще, папочка. Но вчера вы ложились спать, и я не рѣшилась потревожить васъ этимъ извѣстіемъ, зная, что вы навѣрное не уснули бы послѣ этого до утра.

— Господи! Благодарю тебя за твои неизреченныя милости! —прошепталъ старикъ, повернувшись къ образу и крестася.— Ну, поздравляю тебя, дочурка;—есть съ тѣмъ!—И онъ горячо обнялъ дочь.

Вѣра надѣялась, что отецъ ея, съ женихомъ, повезутъ ее въ Петербургъ шить приданое, а между прочимъ и познакомиться съ будущимъ ея свекромъ, и что свадьба будетъ отпразднована въ столицѣ, послѣ чего отецъ вернется въ Стоженку, а молодые останутся въ Петербургѣ на весь сезонъ. Но и тотъ, и другой молчали. Ижоринъ и не могъ сказать ничего, не получивъ отъ отца своего согласія, а Михаилъ Ларионовичъ былъ въ большомъ затрудненіи. Отъ продажи имѣнія, за уплатою всѣхъ долговъ, у него осталось только пять тысячъ, и этотъ резервъ, съ небольшою пенсіей, составляли единственное его обезпеченіе. Бракъ дочери, правда, былъ для него великимъ счастьемъ, въ томъ отношеніи, что ея судьба была теперь обезпечена, но вопросъ о приданомъ жестоко его смущалъ. Кое-что, необходимое, можно было, конечно, шить и въ уѣздномъ городѣ; только Вѣра—онъ это зналъ—будетъ обижена... Оставалось одно: обратиться къ великодушію жениха, и Аркадій съ женой обѣщали ему поговорить съ Ижориннымъ, когда тотъ получитъ согласіе отъ отца.

Отвѣтъ послѣдняго, наконецъ, пришелъ и, хотя довольно сдержанный, былъ въ итогѣ благопріятенъ. Андрей Ижоринъ писалъ, что въ принципѣ не одобряетъ таковаго ранняго брака, но прибавлялъ не безъ юмора, что такъ какъ Петръ воспользовался своимъ правомъ совершеннолѣтняго, и дѣло уже рѣшено, то всѣ совѣты заднимъ числомъ, съ его стороны, не имѣли бы смысла, и онъ, полагаясь на выборъ сына, дѣлаетъ все, что ему остается сдѣлать, посылая Петру, отъ чистаго сердца, свое родительское благословеніе. Конечно, онъ очень желалъ бы видѣть невесту, но, не зная ея обстоятельствъ, не рѣшается пригласить ее для этого въ Петербургъ, а проситъ прислать ея кабинетный портретъ и увѣдомить въ точности, когда будетъ свадьба, хотя и мало надѣется, чтобы дѣла дали ему какую-нибудь возможность присутствовать при вѣнцѣ. И только. Къ письму приложенъ былъ

переводъ въ три тысячи на губернский банкъ, съ короткой припискою, что никакого отчета въ употребленіи этихъ денегъ онъ не ждетъ.

Письмо это было показано прежде Аркадію съ Марьей Игнатьевной, а потомъ, по совѣту ихъ, и невѣстѣ. Но Вѣра, въ тайнѣ души, осталась имъ недовольна. Она не того ожидала... Три тысячи, хотя и предоставленныя великодушно въ неограниченное ея распоряженіе, показались ей— „со стороны такихъ богатыхъ людей!“—чуть не насмѣшливой. Нужды нѣтъ, что она никогда не имѣла въ рукахъ и десятой части подобной суммы, и что такой подарокъ освобождалъ ее и ея отца отъ тысячи затрудненій. Шить приданое тутъ, въ уѣздѣ, не приходило Вѣрѣ и въ голову, а чтобы ѣхать съ отцомъ въ Петербургъ и обзавестись тамъ, какъ слѣдуетъ,— „что такое три тысячи? Тьфу!“

— Какъ ты не хочешь понять,—объясняла она, на другой день, съ жаромъ Марья Игнатьевна,—что въ Петербургѣ деньги эти уйдутъ у меня между пальцевъ на совершенно другое. Ты только сообрази: дорога, гостиницы, экипажи, театръ, квартира, приемы, и прочее.

— Понятно, — смѣясь, отвѣчала Марья Игнатьевна, — но именно потому-то и глупо бы было ѣхать туда до свадьбы. Прежде всего васъ не ждутъ, и Андрей Петровичъ, который навѣрное не позволялъ бы вамъ остановиться въ гостинницѣ, если бы ты пріѣхала съ мужемъ послѣ вѣнца, теперь, когда ты пріѣдешь туда съ отцомъ, можетъ легко затрудниться вашимъ присутствіемъ въ домѣ, такъ какъ онъ ни тебя, ни его не знаетъ.

— А сынъ?

— Сынъ не уѣдетъ отсюда ранѣе октября, такъ какъ для этого надо бы было оставить работы.

— Вотъ какъ! Невѣсту, по твоему, можно оставить, а эти глупости, которыми онъ тутъ занятъ, нельзя?

— Перестань, Вѣра; ты злишься сама не знаешь съ чего, и это дѣлаетъ тебя совершенно несправедливой, не только къ нему, а и ко всѣмъ намъ. Если ты думаешь, что Ижоринъ пожертвовалъ всѣмъ, что онъ могъ бы имѣть, какъ достаточный человѣкъ, въ столицѣ, и поселился тутъ, въ захолустѣ, чтобы заниматься глупостями, то почему ты не сказала этого ему прямо въ глаза, когда онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

Невѣста сбита была на минуту съ позиціи и понизила тонъ.

— Не придирайся къ словамъ,—сказала она,—а научи меня лучше, что же мнѣ дѣлать, потому что я, право, теряю голову. Шить приданое тутъ—все равно, что просто бросать за окошко

деньги, а ѣхать за этимъ, съ отцомъ, въ Петербургъ, на три тысячи, игра не окупить свѣчей...

— Ахъ, Господи!—перебила Марья Игнатьевна:—да развѣ твои три тысячи у тебя сгорать, если ты издержишь изъ нихъ теперь какихъ-нибудь двѣсти рублей на подвѣчное платье и двѣ или три перемѣны бѣлья, а остальное спрячешь до ноября? Къ этому времени ты уже будешь обвинена и мужъ увезетъ тебя въ Петербургъ, и вы будете жить у отца, и все вмѣстѣ не будетъ стоить тебѣ ни гроша. Тогда и шей себѣ въ Петербургѣ что хочешь. Двухъ съ половиною тысячъ хватить тебѣ на все за глаза.

Невѣста хмурилась, и уголки ея губъ опускались книзу, какъ у дѣтей, когда они собираются плакать, а плечи, подергиваясь, говорили краснорѣчиво о томъ, какая буря кипитъ въ груди.

— Обидно!—нѣхотя сорвалось у нея съ языка.

— Чего тамъ еще обидно?—спросила Марья Игнатьевна, не поднимая глазъ отъ своей работы. Она чинила (прошу извиненія у читательницъ) мужнины толстые, холщевые портки.

— Да то, что всѣ вы противъ меня... Отецъ и женихъ, и отецъ жениха, и твой мужъ, и ты... Единственный случай въ жизни, когда мнѣ можно бы, кажется, сдѣлать, что называется, полное удовольствіе, и тотъ у меня вырываютъ изъ рукъ!

— А много ли у тебя въ рукахъ-то было, съ недѣлю тому назадъ?—спросила русалочка, поднявъ на нее съ упрекомъ свой ясный взоръ.—Неблагодарная ты дѣвчонка, вотъ что! Судьба подарила тебѣ, ни за что, ни про что, величайшее счастье: любовь человѣка, котораго ты не стоишь, потому что онъ занятъ серьезнымъ дѣломъ, а у тебя на умѣ только одно баловство. Да и о томъ подумали. Тебѣ, не рѣшавшейся до сихъ поръ и спросить у отца, сколько онъ дастъ на свадьбу, здорово живешь, подарили три тысячи, а ты, и денегъ еще не видавъ, уже жалуешься, что мало! Точно какъ будто весь свѣтъ, кромѣ тебя съ отцомъ, обязанъ заботиться о твоёмъ приданомъ!.. Его отецъ прислалъ ему деньги совсѣмъ не на это, и онъ гораздо умнѣе бы сдѣлалъ, еслибы спряталъ двѣ съ половиною тысячи до послѣ-вѣнца, а тебѣ подарилъ какихъ-нибудь пятьсотъ рублей... Желала бы я посмотретьъ, что ты тогда бы сказала?

— Сказала бы, что они скареды!.. Такіе богатые люди!.. Нѣтъ, погоди, я имъ это припомню когда-нибудь!.. Я...—Но въ горлѣ у нея оборвалось и слезы навернулись.

Въ эту минуту вошелъ Аркадій и, видя кузину свою чуть не въ слезахъ, спросилъ съ изумленіемъ, что случилось.

— Такъ... ничего,—отвѣчала жена, глазами дѣлая ему знаки,

чтобы онъ не спрашивалъ.—Мы тутъ немножко поспорили о вещахъ, которыя не касаются до мужчинъ.

Но позже, на сонъ грядущій, она рассказала ему, въ чемъ дѣло.

— Вотъ дура!—сказалъ Арвадій.—Я, признаюсь, не ожидаю отъ нея... Жаль мнѣ Ижорина!.. Будетъ ему съ ней много хлопотъ!..—И помолчавъ:—А все эта ваша глупая женская страсть къ сватовству!.. Какая нужда была тебѣ ихъ мирить? Ей эта ссора была ни по чемъ, а у него поболѣло бы, да и прошло. Такъ нѣтъ же, нужно было запречь его въ это ярмо на всю жизнь!.. Ну, надо будетъ намылить нашей невѣстѣ голову!.. Вотъ погоди, я ей ужъ задамъ!

— Нѣтъ, Арикъ, милый, не дѣлай этого!—говорила русалочка.—Если ты разобидишь ее,—конецъ! Мы не узнаемъ больше отъ нея ничего, но едвали отъ этого будетъ лучше... Оставь ее. Что за бѣда, что она чудитъ? Вѣдь это она только со мною выразится, но не такая же она дура, чтобы разсориться съ женихомъ изъ-за того, что онъ подарилъ ей только три тысячи!.. Небось, не отдастъ ихъ назадъ, а надумается и станетъ съ нимъ шолоховая.

И предсказанія эти, какъ мы уже видѣли, оправдались. Ни тѣни чего-нибудь похожего даже издали на разладъ не омрачило времени между помолвкой и вѣнцомъ. Надумавшись, Вѣра дѣйствительно стала шолоховая и вмѣстѣ съ своимъ женихомъ участвовала во всѣхъ полевыхъ работахъ.

VIII.

По первому году, новый землевладѣлецъ, если онъ человѣкъ неопытный и знакомъ съ хозяйствомъ только изъ книгъ, обыкновенно связанъ тѣмъ ходомъ дѣла, который онъ получилъ въ наследство отъ стараго, и только къ осени, когда онъ успѣлъ приглядѣться къ дѣйствующему на мѣстѣ порядку вещей, въ головѣ у него начинается складываться какой-нибудь собственный, хотя бы еще незрѣлый, планъ. Но осенью уже поздно что-нибудь начинать, и такимъ образомъ первый годъ у него пропасть. Понятно поэтому, какъ тревожилъ Вѣтленева недостатокъ опытнаго и сочувствующаго ихъ дѣлу руководителя. Нуженъ былъ практикъ, знакомый изъ первыхъ рукъ съ начатыми у насъ, послѣ крестьянской реформы, попытками вывести дѣло помѣщичьяго хозяйства на рациональный путь, но человѣкъ, не занятый въ другомъ мѣстѣ. Къ несчастію, поиски начаты были зимой, то-есть, въ

такую пору, когда добровольнымъ участникамъ лѣтнихъ сборовъ нечего дѣлать въ имѣніяхъ, и они развѣзжаются по своимъ дѣламъ... Вѣтленевъ былъ лично у двухъ или трехъ извѣстныхъ хозяевъ, но получилъ отъ нихъ только нѣсколько адресовъ, да и тѣ наугадъ. По одному онъ самъ заѣзжалъ въ Москву, но не нашелъ тамъ указаннаго лица, а на письменныя его приглашенія откликнулся только одинъ. Къ счастью, это былъ высоко-развитой, бойкій и предприимчивый человѣкъ, прошедшій гораздо болѣе строгую школу, чѣмъ кто-нибудь изъ пяти знакомыхъ читателю молодыхъ людей,—нѣто Дымовичъ. Окончивъ образованіе въ рижскомъ политехническомъ институтѣ, онъ долго служилъ въ Лифляндіи, на заводахъ, начавъ съ кочегара и кончивъ механикомъ. Потомъ, оставивъ балтійскій край, нанялся, за грошевую цѣну, на полевныя работы къ одному извѣстному въ губерніи реформатору-агроному *** и служилъ у него батракомъ три года: вставалъ со свѣтомъ, пахалъ, скородилъ, молотилъ и косилъ, корчевалъ и ходилъ въ ночное, ѣлъ за однимъ столомъ и спалъ въ одномъ помѣщеніи съ мужиками. По третьему году это былъ лучший работникъ въ имѣніи, и хозяинъ платилъ ему вдвое противъ другихъ. Тогда онъ сказалъ себѣ:— „будетъ!“—и принялъ предложенное ему черезъ пріятеля мѣсто заводчика въ большомъ, образцово-устроенномъ и богатомъ имѣніи курской губерніи, но черезъ годъ, не поладивъ съ его управляющимъ, нѣмцемъ, бросилъ его. Въ головѣ у него бродили тѣ же идеи, что и у Вѣтленева, но матеріальныхъ средствъ къ осуществленію ихъ не было и надежда приобрести ихъ казалась гадательна.

Письмо съ такимъ приглашеніемъ отъ совсѣмъ незнакомаго человѣка нѣсколько удивило его, но, подумавъ, онъ счелъ за лучшее справиться, и сообщенныя ему свѣденія были благоприятны.

Отвѣтъ отъ него пришелъ въ январѣ. Дымовичъ писалъ, что не можетъ сказать ничего за-глаза, и что лѣто, къ несчастью, у него занято, но что въ началѣ осени онъ „заѣдетъ потолковать“. Къ этому былъ прибавленъ совѣтъ: не связывать себѣ рукъ, вербуя въ товарищи избалованныхъ или неспособныхъ людей, а воспользоваться весною и лѣтомъ, чтобы осмотрѣться на новомъ мѣстѣ и ознакомиться съ полевнымъ хозяйствомъ въ уѣздѣ.

Письмо это было изъ Екатеринбурга. Окончивъ дѣла, которыя его привели туда, Дымовичъ пріѣхалъ въ исходѣ августа. Это былъ рослый, широкоплечій мужчина лѣтъ за 30, съ крупнымъ носомъ и широко-разрѣзаннымъ ртомъ. Сильный загаръ и огрубѣлыя на полевыхъ работахъ руки, длинная, рѣдкая борода и усы наотлѣтъ—все представляло какой-то своеобразный

типъ. На немъ было старое, вылинявшее на солнцѣ, пальто и покрытая слоемъ дорожной пыли фуражка; при немъ небольшой обтрепанный чемоданъ и объемистая увязка, въ которой потомъ оказался плугъ. Держался онъ нѣсколько сгорбленно, что, за одно съ небрежнымъ его костюмомъ и некрасивымъ лицомъ, заставляло его казаться лѣтъ на пять старѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ; но живость движеній, безцеремонная рѣчь и увѣренный взглядъ скоро изглаживали это первое впечатлѣніе.

Дымовичъ прибылъ съ желѣзно-дорожной станціи рано поутру, спросилъ Вѣтленева и велѣлъ передать ему свое имя.

Аркадій, обрадованный, выѣжалъ къ нему на крыльцо.

— Илья Степановичъ?..

— Онъ и есть, — отвѣчалъ пріѣзжій, выпрыгнувъ изъ телѣги и самъ вынимая поклажу.

— Оставьте, безъ васъ уберутъ, — говорилъ Аркадій. — Милости просимъ!.. Мы ждемъ васъ уже вторую недѣлю. — И онъ повелъ его прямо въ свой кабинетъ, куда подали завтракъ, и слѣдомъ за ними пришелъ Ижоринъ.

За завтракомъ сказано было очень немного. Дымовичъ считалъ предпріятіе сбыточнымъ и не прочь былъ принять въ немъ участіе; но на вопросъ объ условіяхъ отвѣчалъ, что не ставитъ заранѣе никакихъ.

Немедленно послѣ завтрака поданы были верховыя лошади и все утро прошло въ осмотрѣ имѣнія. Ѣздили трое: Вѣтленевъ, Дымовичъ и староста. Гость пожелалъ увидѣть прежде всего заливные луга и остался очень доволенъ этой статьей. Потомъ просилъ показать ему земли, бывшія въ обработкѣ при крѣпостномъ порядкѣ, но послѣ заброшенныя, и разспрашивалъ у Архипа, давно ли онѣ пустуютъ? Подъ самый конецъ осматривали лѣсныя дачи и мельницу... За обѣдомъ, пріѣзжій представленъ былъ Марьѣ Игнатьевнѣ и познакомился съ остальными товарищами. Разговоръ былъ общій и шелъ очень весело. Гость разсказывалъ объ уральскихъ заводахъ, потомъ о хозяйствѣ въ Лифляндіи и въ двухъ русскихъ имѣніяхъ, гдѣ онъ жилъ, но о цѣли пріѣзда своего въ Стоженку — ни полслова. Аркадій съ Ижоринымъ тоже: всѣ понимали, что этотъ вопросъ неудобенъ для коллегіальнаго обсужденія, а потому, когда Аркадій, послѣ обѣда, увелъ пріѣзжаго въ свой кабинетъ, никто, кромѣ Ижорина, не пошелъ за ними.

— Ну, дорогой Илья Степановичъ, — началъ Вѣтленевъ, когда имъ подали кофе и гость закурилъ предложенную ему сигару: — теперь о дѣлѣ. Все, что вы видите здѣсь, не болѣе, какъ сырой матеріалъ, къ обработкѣ котораго въ духѣ нашего предпріятія не

сдѣлано еще ничего, но зато, надѣюсь, не сдѣлано и ошибокъ. Совѣтъ вашъ насчетъ товарищей, какъ вы видите, нѣсколько опоздалъ, но... мы до сихъ поръ ничѣмъ не связаны. Данные наши очень обыкновенны. Имѣніе это заложено старымъ владѣльцемъ, и я приобрѣлъ его съ переводомъ долга, но оборотнаго капитала у меня нѣтъ; его даетъ другъ мой, Петръ Андреевичъ Ижоринъ. Исходная обстановка дѣла поэтому не нуждается въ поясненіи; но далѣе, къ сожалѣнію, насъ ожидаетъ рядъ „неизвѣстныхъ“. Личный комплектъ товарищества и пространство удобной земли, какое оно въ состояніи обрабатывать, не прибѣгая къ содѣйствію постороннихъ, то-есть, наемныхъ рабочихъ рукъ, удѣльный процентъ недвижности и капитала въ бюджетѣ прихода-расхода, участие женскаго элемента въ общинѣ, устройство новаго помѣщенія, и такъ далѣе, — все это величины, которыя только настойчивый, многолѣтній опытъ можетъ опредѣлить. А между тѣмъ, не выяснивъ ихъ, по крайней мѣрѣ хоть приблизительно, намъ предстояло бы долго еще бродить въ потемкахъ, рискуя надѣлать непоправимыхъ ошибокъ. Какъ угадать, напримеръ, заранѣе, что предпріятіе наше можетъ дать большинству участниковъ, вносящихъ въ него одинъ только личный трудъ, и будетъ ли выручка ихъ, на первыхъ порахъ, достаточна, чтобы избавить ихъ отъ долговъ. Если, какъ слѣдуетъ опасаться, нѣтъ, то мы должны быть готовы открыть имъ кредитъ на условіяхъ долгосрочнаго погашенія — и отсюда новый вопросъ: хватитъ ли у насъ средствъ на такую поддержку при одновременныхъ срочныхъ уплатахъ въ банкъ, по залогу имѣнія?.. Дальше — вопросъ о правовомъ обезпеченіи. Покуда общество наше, какъ юридическое лицо, не существуетъ и нотаріальныя сдѣлки его съ вновь поступающими — безсильны... Чѣмъ замѣнить ихъ, покуда мы... то-есть покуда дѣло...

Дымовичъ слушалъ его весьма добродушно, но съ небольшою снисходительною улыбкою, которая понемногу такъ смутила Вѣтленева, что онъ покраснѣлъ, и, не кончивъ, взглянулъ на товарища. — Желаете продолжать? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Ижоринъ, не ожидавшій съ его стороны подобной скромности: — я предпочелъ бы сперва узнать, что думаетъ дорогой нашъ гость.

Усмѣшка исчезла съ лица пріѣзжаго, и онъ, не слѣпша, перевелъ свой пристальный взоръ на Ижорина.

— Я думаю, — отвѣчалъ онъ, — что это вопросы будущаго, которыми въ настоящую пору рано себя утруждать. Община не можетъ выйти изъ вашихъ рукъ, какъ вышла Паллада изъ головы

Зевеса, вполне готовая, а построить ее какъ домъ, по обдуманному заранѣ плану, — немислимо. Надо начать съ тѣхъ данныхъ, какія у васъ въ рукахъ, и только по мѣрѣ увеличенія вашихъ средствъ вводить въ хозяйственную систему исподволь новые элементы. Зачѣмъ вамъ обременять себя избалованными и непривычными къ дѣлу людьми, которыхъ надо еще учить и которые васъ съѣдятъ прежде чѣмъ они вамъ дѣйствительно будутъ нужны? Вамъ и безъ нихъ будетъ дѣла по горло. Прежде всего вамъ надо поставить имѣніе на ноги и добиться, чтобы оно давало вамъ что-нибудь сверхъ вашихъ срочныхъ уплатъ; а это гораздо скорѣе и легче сдѣлать посредствомъ дешевыхъ, крестьянскихъ рукъ, съ придачею нѣсколькихъ батраковъ. Повосы у васъ отличные, а скотъ крайне плохъ. Займитесь прежде всего его улучшеніемъ и утройте его число, а откуда вводите исподволь новые, но испытанные уже приемы, которые не потребуютъ крупныхъ затратъ. Зброшенная и много лѣтъ пустующая земля, которой у васъ такъ много, на первыхъ порахъ не потребуетъ удобренія. Корчуйте ее и дерите подъ ленъ, благо уѣздъ вашъ изстари славился этимъ продуктомъ; а послѣ льна, по перелому, съ весьма небольшимъ удобреніемъ, сѣйте рожь, и такъ далѣе, вводя постепенно въ вашъ сѣвооборотъ травосѣяніе... А за идею не безпокойтесь — она посѣяна широко и успѣла пустить уже слишкомъ здоровые корни, чтобы пропасть. Придетъ пора, и она осуществится гдѣ-нибудь, — не у васъ, такъ у другихъ; но первымъ у флага будетъ не тотъ, кто скорѣе бѣжалъ, а кто лучше сумѣлъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами и подготовить почву. Практическія задачи рѣшаются только на дѣлѣ; поэтому самый скромный успѣхъ, достигнутый въ полевомъ хозяйствѣ и скотоводствѣ, подвинетъ васъ ближе къ цѣли, чѣмъ самымъ тщательнымъ образомъ обработанный планъ артельной организаціи; ибо на планѣ вы не найдете живыхъ людей, а только абстрактныя единицы рабочей силы, которыя всѣ для васъ одинаковы, тогда какъ на дѣлѣ между людьми большое различіе. Подумайте сами: какую сельскохозяйственную артель можетъ составить горсть блоручекъ, хотя бы и кончившихъ съ честью курсъ въ специальныхъ школахъ, если она не выучилась стоять на своихъ ногахъ и нуждается въ нянькахъ или опекунахъ? Примите за мѣрку, что технологъ или агрономъ, какъ бы онъ ни былъ теоретически высоко развитъ, не годится въ вашу общину, если мужикъ, пообѣдавъ съ нимъ за однимъ столомъ и взглянувъ на его работу, не приметъ его къ себѣ батракомъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всякаго, угадывая чутьемъ, что его надо еще учить и надо съ

нимъ нанячиться, надо его беречь, какъ барышню, и что когда ему нужно работать, окажется вдругъ, что у него заболѣлъ животъ или разболѣлись зубы... Есть, разумѣется, и между нашимъ братомъ люди, которые, какъ работники, стоятъ всякаго мужа, и такихъ вы можете взять въ товарищи, не теряя времени; ибо община можетъ существовать въ какомъ угодно размѣрѣ, рядомъ съ батрачнымъ хозяйствомъ или съ отдачей земли въ обработку исполу, за издѣльную плату, и проч., какъ вы можете это видѣть въ крестьянскомъ быту. Домохозяинъ—членъ сельскаго общества, а его батракъ—не болѣе какъ его батракъ, и обществу нѣтъ до него никакого дѣла. Понятно, интеллигентная сельская община не можетъ быть простымъ сколкомъ съ мужицкой, и дѣло ея организациі, какъ неиспробованное, не застраховано отъ ошибокъ. Но если вы имъ займетесь исподволь и не будете слишкомъ мудрить, то надо надѣяться, что оно окажется вовсе не такъ хитро. Мужикъ—рутинеръ, и намъ нѣтъ надобности держаться слѣпо его архаическихъ формъ. Такъ напримѣръ, обработка земли много выиграла бы, если бы послѣднюю не дѣлить на участки, а обрабатывать сообща. Мужикъ, вообще говоря, не любитъ этого, опасаясь, чтобы при раздѣлѣ заработка слабосильному и лѣнивому не досталось больше, чѣмъ онъ дѣйствительно заслужилъ. Но справедливый дѣлежъ между нашимъ братомъ совсѣмъ не такъ труденъ, какъ между крестьянами. Мы можемъ отлично установить расчетную единицу и оцѣнить по процентному отношенію къ ней все, что отдѣльныя лица даютъ общинѣ землю, деньгами или работой, такъ что у каждаго можетъ быть съ общиной свой особый счетъ, доступный частному и общественному контролю. Все это, впрочемъ, не болѣе какъ мой личный взглядъ, и я готовъ согласиться со всякимъ, кто мнѣ укажетъ ошибку.

Онъ замолчалъ и обвелъ глазами пріятелей, какъ человекъ, ожидающій возраженія; но прошло минутъ пять, прежде чѣмъ кто-нибудь собрался ему отвѣчать. Товарищи переглядывались въ смущеніи передъ трезвою правдой, такъ неожиданно поставленной имъ на видъ. Завѣтная цѣль отодвинута далеко и надежда сразу осуществить ее признана чуть не ребяческою мечтой!.. Какую общину они способны создать въ дѣйствительности,—они, блоручки и баловни, которые не умѣютъ стоять на своихъ ногахъ, съ которыми надо нанячиться и которыхъ надо беречь, какъ барышень? Прежде чѣмъ вербовать такихъ же баловней, имъ надо еще найти себѣ няньку!.. Или она уже найдена, и остается только ее упросить, чтобы она снисходительно взяла ихъ на свое попеченіе?.. Сколько же лѣтъ имъ надо еще учиться, прежде

чѣмъ ихъ признаютъ способными стать во главѣ подобнаго дѣла?.. Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ, и ошибку надо исцѣпить въ существенно ложной оцѣнѣ ихъ предпріятія.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, — сказалъ Ижоринъ. — По вашей мѣркѣ, не мы одни, а вся молодая интеллигенція, стремящаяся стать на ноги, подходитъ подъ категорію бѣлоручекъ, которыхъ вы считаете въ корнѣ негодными для подобнаго предпріятія. А между тѣмъ весь смыслъ нашей задачи и вся ея внутренняя цѣна основаны на надеждѣ открыть здоровый исходъ для этой силы, такъ долго оторванной отъ земли и пропадающей у насъ даромъ — надеждѣ сдѣлать изъ бѣлоручекъ, безплодно обременяющихъ собою народный бюджетъ, полезныхъ и производительныхъ дѣятелей. Изъ за чего же биться, если надежда эта несбыточна? И стоитъ ли затѣвать земледѣльческую общину для горсти разсѣянныхъ по Россіи людей другого закала, которые и безъ нашихъ стараній стоятъ на своихъ ногахъ?

Гость посмотрѣлъ на Ижорина одобрительно и отвѣсилъ ему глубокой поклонъ. — Безспорно! — сказалъ онъ. — Только я долженъ былъ дурно высказать свою мысль, чтобы быть такъ понятъ. Интеллигентная земледѣльческая община, конечно, прежде всего должна быть школой труда и выработки характера именно въ томъ направленіи, на которое вы указываете. Но чтобы создать такую, нуженъ готовый кадръ уже вышволенныхъ инструкторовъ, и вотъ почему я не совѣтовалъ вамъ по началу обременять себя неопытными товарищами. Нужно, чтобы предпріятіе ваше было поставлено на ноги самымъ дешевымъ способомъ, въ наикратчайшій срокъ, и чтобы кадры его были готовы, бюджетъ извѣстенъ, всѣ функціи въ полномъ ходу, прежде чѣмъ вербовать въ него неопытныхъ новичковъ. А я имѣлъ основаніе опасаться подобной ошибки, встрѣтивъ здѣсь нѣсколько человекъ въ такой обстановкѣ, которая никогда не можетъ быть общою и грозить со временемъ возбудить только зависть, какъ неоправданное ничѣмъ изытіе.

— Да, это была ошибка, — сказалъ Вѣтленевъ, — но мы замѣтили ее слишкомъ поздно.

И разговоръ перешелъ на трехъ отсутствующихъ.

— Годятся ли они вамъ, по крайней мѣрѣ, на что-нибудь? — спросилъ гость.

— Не знаю, какъ вамъ сказать, — отвѣчалъ Вѣтленевъ. — Вопросъ можетъ быть не лишній на скотномъ дворѣ, какъ человекъ, дѣйствительно любящій эту часть, а безъ Дулина и Шелковского мы могли бы легко обойтись. Но отказать имъ послѣ того, какъ они работали здѣсь четыре мѣсяца — совѣстно. Мы до сихъ

поръ не особенно стѣснены и предпочли бы ждать, когда они сами замѣтятъ неловкость ихъ положенія.

Дымовичъ, однакоже, думалъ иначе и сказалъ это прямо.

— Едва ли отсрочка выпутаеъ васъ изъ затрудненія, — говорилъ онъ. — Скорѣе, напротивъ, — васъ обвинять въ неискренности и спросить: чего же вы раньше молчали? Дѣйствительно, что имъ тутъ дѣлать съ осени до весны и ради чего они теряютъ даромъ почти восемь мѣсяцевъ?.. А между тѣмъ все это время вы будете связаны, да и я тоже. Кого мы можемъ сюда пригласить, кому не бросалось бы въ глаза привилегированное ихъ положеніе? Скажутъ: за что же вы предлагаете намъ избу и содержаніе батрака, когда другіе, которые, какъ работники, насъ не стоятъ, имѣютъ тутъ барское помѣщеніе и ѣдятъ за вашимъ столомъ?

Отвѣта не было, но хозяева не могли не понять, что онъ правъ.

— Хотите, я имъ объясню ихъ положеніе? Какъ посторонній, я въ правѣ имѣть свой собственный взглядъ и могу его высказать такъ, что никто его не припишетъ вамъ. Предупредите ихъ только, что вы говорили со мною о предпріятіи и что при этомъ затронуты были вопросы, которые невозможно рѣшить иначе, какъ всѣмъ соборомъ. А я уже постараюсь ихъ вразумить.

IX.

На-ночь, между хозяевами сказано было глазъ-на-глазъ нѣсколько словъ.

Оба согласны были безъ спору, что новый товарищъ — находка, которую всячески слѣдуетъ удержать, но личныя впечатлѣнія были розныя. Вѣтленевъ, считавшійся до сихъ поръ единственною практической головой и кормчимъ ихъ предпріятія, чувствовалъ себя какъ монархъ, низложенный узурпаторомъ, тогда какъ Ижоринъ, далеко не раздѣлявшій его самонадѣянности, радовался безъ задней мысли, что дѣло ихъ, наконецъ, въ надежныхъ рукахъ.

— Онъ вамъ не говорилъ о своихъ условіяхъ? — спрашивалъ этотъ послѣдній.

— Говорилъ. Онъ согласенъ на положеніе управляющаго въ имѣніи средней руки. Особая комната гдѣ-нибудь, — все равно гдѣ, лишь бы имѣть свой уголь, — харчи отъ хозяевъ по усмотрѣнію, и 25 рублей ежемѣсячно, покуда не выяснится бюджетъ. „А тамъ, говоритъ, вы сами увидите, нуженъ ли я вамъ еще долѣе, какъ инструкторъ, и если нѣтъ, то я перейду охотно на общее положеніе“.

— Дѣло, стало быть, рѣшено?

— Да, — вѣдется...

— Что же это вы какъ будто не рады?

— Нѣтъ, я доволенъ... Онъ намъ необходимъ; — только я, признаюсь вамъ, не чувствую къ нему лично расположенія. Въ немъ слышится что-то чужое. Сдается, что онъ идетъ совсѣмъ отъ другихъ началъ и что мы встрѣтились съ нимъ только на перекресткѣ, послѣ чего — поклонъ и въ разныя стороны!

— Чтожъ за бѣда, если бы мы и разошлись со временемъ? — сказалъ Ижоринъ. — Дѣло сидитъ на мѣстѣ, а человекъ какъ птица: сегодня — здѣсь, завтра — тамъ. Человекъ уйдетъ, а дѣло его останется.

Второе утро прошло въ осмотрѣ усадьбы и въ совѣщаніи о постройкахъ. Нѣкоторые изъ службъ и скотный дворъ необходимо было расширить и приспособить къ проектируемымъ перемѣнамъ. Дымовичъ чертилъ отъ руки, на бумагѣ, планы, прикидывалъ смѣты, и прочее.

Но послѣ обѣда вся молодежь, не исключая дамъ, собралась послушать пріѣзжаго. Ждали чего-то въ родѣ приватной лекціи по предметамъ болѣе или менѣе близко интересующимъ всѣхъ и важдаго.

„Бесѣда“, по выраженію Марьи Игнатьевны, происходила у нея въ гостиной. Какъ только пріѣзжій вошелъ, всѣ смолкли и тѣснымъ кружкомъ усѣлись. Балахнина и хозяйка казались взволнованы, — Аркадій съ Ижоринимъ озабочены, — три товарища плохо скрывали свое любопытство. Одна только Вѣра сіяла невозмутимымъ спокойствіемъ, — словно то, что всѣ ожидали услышать, отнюдь не касалось ея. „Какое мнѣ дѣло до вашихъ волненій!“ казалось, хотѣлъ сказать ея гордый взглядъ. „Я выше всѣхъ этихъ затѣй, и успѣхъ или неудача ихъ не могутъ поколебать ни на волосъ моего положенія“.

— Прошу извинить меня, господа, — сказалъ Дымовичъ, — если послѣ такого поверхностнаго знакомства съ почвою предпріятія, какое можно составить на первый взглядъ, я ограничусь лишь тѣмъ немногимъ, что для меня не представляетъ сомнѣнія. Въ рутинномъ смыслѣ, дѣло ваше, благодаря заливнымъ лугамъ и отличнымъ путямъ сообщенія, обставлено такъ исключительно-счастлииво, что безъ крупныхъ ошибокъ его мудро проиграть. Но въ предпріятіи, которое не имѣетъ предшественниковъ, такія ошибки

всегда возможны. Поэтому я желалъ бы вамъ указать, хоть приблизительно, направленіе, котораго, на мой взглядъ, вы должны держаться, чтобы ихъ избѣжать. Успѣхъ полевого хозяйства въ нечерноземной Россіи, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, зависитъ прежде всего отъ трехъ условій. Первое—это кормъ для скота. Количество корма, которымъ хозяинъ можетъ располагать, не прибѣгая къ покупкѣ, опредѣляетъ количество удобренія, а стало быть и размѣръ посѣва. Условіе это, — какъ и второе: сбытъ, — у васъ достаточно обезпечено; но остается третье: рабочія руки; и здѣсь-то васъ ожидаетъ задача, которую до сихъ поръ у насъ никто еще не рѣшилъ. Рабочихъ рукъ, при новомъ порядкѣ вещей, ни природа, ни государство не обезпечиваютъ. Съ тѣхъ поръ какъ крѣпостное право рухнуло, крупный землевладѣлецъ, то-есть, въ широкомъ смыслѣ всякій хозяинъ, имѣющій больше земли, чѣмъ онъ въ состояніи обработать собственными руками, поставленъ лицомъ къ лицу съ фатальнымъ противорѣчіемъ. Какъ человѣкъ, онъ долженъ, конечно, желать, чтобы сосѣди его были сыты и не нуждались въ первыхъ потребностяхъ, а между тѣмъ интересы его, какъ хозяина, заставляютъ его желать совершенно обратнаго. Отбросивъ всѣ усложненія, я беру вопросъ въ самомъ простомъ, сыромъ, такъ сказать, его видѣ. Многоземельный хозяинъ, который не въ силахъ самъ обработать своей земли, вынужденъ нанимать въ подмогу малоземельнаго своего сосѣда. Но если послѣдній доволенъ собственнымъ заработкомъ, то онъ не пойдетъ и въ досужую пору работать къ другому, съ найма, за дешевую цѣну, а въ страду, доброю волею, не пойдетъ и за дорогую. „Ибо кто же“, — сказалъ кто-то, „оставитъ свой хлѣбъ осыпаться и добровольно пойдетъ убирать чужой?“... Одно изъ двухъ, стало быть: или крупный хозяинъ долженъ желать, чтобы мелкій его сосѣдъ не обезпеченъ былъ въ первыхъ своихъ потребностяхъ и вслѣдствіе этого вынужденъ ему помогать, или онъ долженъ какъ-нибудь обойтись безъ него: держать, на примѣръ, у себя въ услуженіи безземельныхъ работниковъ или завести дорого стоящія земледѣльческія машины и постараться вознаграждать себя за потраченный капиталъ усиленной обработкой земли. Но всѣ эти способы хороши тамъ, гдѣ земля, за недостаткомъ ея, дорога, и масса ничѣмъ не обезпеченныхъ, безземельныхъ рабочихъ рукъ, прикованная желѣзной необходимостью къ мѣсту, находится въ полной зависимости у землевладѣльца, а не у насъ, гдѣ десятина стодитъ нерѣдко дешевле ея обработки съ найма, а всякій питерщикъ, воротившійся изъ столицы съ лишнею сотнею рублей, можетъ стать завтра землевладѣльцемъ. Ему не нужно ни

батраковъ, ни машинъ; онъ обрабатываетъ свои три десятины собственными руками и можетъ продать на рынокъ свой хлѣбъ по такой цѣнѣ, о которой его сосѣдъ-помѣщикъ и думать не смѣетъ; ибо послѣдній, если онъ не вернетъ своихъ крупныхъ затратъ, банкротъ и вынужденъ бросить хозяйство. Въ итогѣ—дешевый мужицкій трудъ кормитъ своихъ производителей, хотя иногда и впроголодь, но съ избыткомъ, такъ какъ излишекъ его покрываетъ три четверти государственнаго расхода, а дорогій помѣщикій, едва покрывая издержки его производства, не оставляетъ производителю ничего...

— Вотъ, господа, — продолжалъ Дымовичъ, — коренная причина того прогрессирующаго упадка, въ которомъ находится у насъ крупное землевладѣніе послѣ крестьянской реформы. Доходность имѣній изъ году въ годъ понижается и мѣстами дошла до нуля. Громадная масса земель, когда-то воздѣланныхъ подневольнымъ трудомъ, заброшена и пустуетъ. Большая часть ихъ владѣльцевъ покинула свои разрушающіяся усадьбы и живетъ службою или перебивается на арендныхъ статьяхъ, продаетъ покосы, лѣса, наконецъ закладываетъ свои имѣнія и проживаетъ ссуды. Ни выкупныя свидѣтельства, ни рельсовые пути, ни дешевый кредитъ не помогли имъ стать на ноги. Есть, стало быть, въ ихъ положеніи что-нибудь въ корнѣ фальшивое, и если мы взглянемъ на нихъ не какъ на карьеристовъ, а какъ на русскихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ, то мы безъ труда увидимъ, чтѣ именно. Главное дѣло въ томъ, что этотъ классъ давно уже не живетъ на землѣ и не довольствуется тѣмъ скромнымъ достаткомъ, каковой онъ могъ бы изъ нея извлечь. Существованіе ихъ, если и не всегда, то большею частью обезпечено было службою и другими источниками, а на хозяйство они привыкли смотрѣть какъ на нѣчто такое, чтѣ не нуждается въ ихъ попеченіи и должно или можетъ идти само собою. Такъ это и было при старыхъ порядкахъ, хотя и тогда хозяйство дворянскихъ имѣній, возложенное на подневольныхъ, мало заинтересованныхъ его успѣхомъ руки, шло очень плохо, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуешь тотъ фактъ, что масса имѣній была уже и тогда заложена. Но старый порядокъ исчезъ, а старый фальшивый взглядъ остался. У массы народа, не получающей жалованья, онъ совершенно другой. Въ основѣ его всегда лежали: община, то-есть общественное пользованіе землей, и некупленный трудъ семьи, обрабатывающей ее собственными руками. Вотъ въ краткихъ словахъ идея вашего предпріятія, господа, и эта идея—не книжное измышленіе, а простой, натуральный возвратъ промотавшагося скитальца въ родную семью. Но

тяжелый урокъ прошелъ не безплодно, и мы возвращаемся умудренны его опытомъ. Мы, господа, не можемъ довольствоваться отцовскимъ наслѣдствомъ въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ имъ довольствуется простолюдинъ; ибо потребности наши выросли, и намъ нужно многое, безъ чего нашъ народъ по нуждѣ обходится. Мы знаемъ изъ личнаго опыта, что не единымъ хлѣбомъ сытъ человѣкъ. Намъ нужно умственное развитіе и все, что питаетъ его: нужны наука, литература, искусство, нужна широкая общность интеллектуальнаго достоянія и извѣстный избытокъ, извѣстный досугъ, чтобы ими пользоваться. Стало быть, мы должны зарабатывать больше, чѣмъ зарабатываетъ мужикъ, и система хозяйства у насъ должна быть производительнѣе. Залогъ успѣха по этому направленію хорошо извѣстенъ: вы можете его прослѣдить въ крестьянскомъ быту, на примѣръ, многосемейныхъ, нераздробленныхъ хозяйствъ, гдѣ нѣсколько сыновей съ ихъ женами и дѣтьми, подъ властью одного отца, обрабатываютъ соединенными силами свой надѣлъ. Отдѣльныя силы, дружно-направленныя на общую цѣль, даютъ въ результатѣ силу, далеко-превосходящую ихъ простую сумму; дробные интересы, дисциплинированные, подчинены одному, семейному, не позволяющему имъ враждовать. Земля не дѣлится, орудія ея обработки общія; полевая работа, лошади, скотоводство—общее. Въ такой семьѣ четверо никогда не станутъ дѣлать того, что можетъ сдѣлать одинъ. Три четверти общей силы, стало быть, сбережены, и повсюду увелъ, ихъ связывающій, не порванъ, семья благоденствуетъ. Что же мѣшаетъ и нашей будущей, интеллигентной, общинѣ воспользоваться этимъ народнымъ опытомъ, то-есть, составить, насколько это практически исполнимо, одну земледѣльческую семью? Я не настаиваю на этомъ, такъ какъ подобныя элементарныя истины общежитія въ наше время знакомы всякому, сколько-нибудь интересующемуся экономической наукой. На чемъ я настаиваю—это другая, отлично знакомая мужику, но мало извѣстная нашему избалованному словію—экономія потребителя. Бюджетъ нашей общины еще не выясненъ, господа, и всѣ усилія ея членовъ должны быть устремлены въ тому, чтобы ихъ расходъ не превышалъ размѣра ихъ заработка. Особенно это касается тѣхъ, кто вноситъ въ общіе предпріятіе по началу только свой личный физическій трудъ, ибо изъ нихъ, натурально, должно составиться большинство, и всякій излишній рубль, потраченный ими сверхъ крайней необходимости, въ сложности можетъ составить дефицитъ, угрожающій подорвать успѣхъ предпріятія. Думать, что оно можетъ сразу дать все, что оно обѣщаетъ въ будущемъ, было бы грубой ошиб-

кой. Много препятствій стоятъ на его пути, но главное — это финансовыя затраты, вначалѣ всегда лежащія на хозяинѣ чистымъ минусомъ и способныя окупиться только со временемъ. Большія пространства удобной земли, давно пустующія и успѣвшія зарости молоднякомъ, должны быть очищены и распаханы подъ посѣвъ; порода скота должна быть улучшена и число головъ по крайней мѣрѣ удвоено, чтобы новый сѣвооборотъ не останавливался за недостаткомъ необходимаго удобрения; долгъ на имѣніи долженъ быть погашенъ, чтобы избавить бюджетъ отъ чистой потери 5% въ годъ, и такъ далѣе... Сложите все вмѣстѣ, и вы убѣдитесь, что дѣло, на первыхъ порахъ, не можетъ дать образованному его участнику больше того, что зарабатываетъ теперь батракъ. Это исходная точка, съ которой надо заранѣе помириться, если мы не хотимъ съѣсть нашъ посѣвъ прежде, чѣмъ онъ дастъ намъ жатву..... и прочее.

Далѣе рѣчь перешла на новый хозяйственный планъ, который и занялъ время до ужина. Оратора слушали очень сочувственно, и не было недостатка въ знакахъ горячаго одобренія, покуда онъ не коснулся бюджета. Тогда все смолкло и лица вытянулись.

Х.

За ужиномъ разговоръ разбился на кучки, и между его участниками завязались споры, въ которыхъ Дымовичъ не принималъ участія. Имъ завладѣли барыни, и особенно Вѣра Вѣтленева, видимо очень довольная, что дѣловая бесѣда кончилась. Болтая о разныхъ вещахъ, она сказала ему, между прочимъ, что никогда еще не слыхала лекціи.—Это весьма интересно,—сказала она,—и было бы еще интереснѣе, еслибы не было такъ...

— Скучно?—подсказалъ онъ, смѣясь.

— Нѣтъ, но ужасно серьезно! Еслибы мнѣ пришлось говорить о томъ же, мнѣ кажется, я заставила бы всѣхъ хохотать.

— Попробуйте,—предложилъ Дымовичъ.

— Нѣтъ, послѣ вашей умной рѣчи, моя показалась бы слишкомъ глупа. Замѣчу вамъ только одно. Меня удивляетъ, что вы не удостоили ни полслова насъ, женщинъ... Какъ будто безъ насъ возможна какая-нибудь земледѣльческая община. Вѣдь это вышелъ бы монастырь, и три четверти вашихъ товарищей навѣрное разбѣжались бы къ концу года отъ скуки. Не говорю ужъ о томъ, что есть работы, которыя всякій мужчина счелъ бы смѣшными и унижительными для своего мужского достоинства.

Что вы сказали бы, напримѣръ, еслибы вамъ предложили донть коровъ?

Дымовичъ сознался въ своей неопытности по этой части, прося говорившую дать ему два-три урока.

— А ваша жена?

— Къ несчастію, я не женатъ.

— Ну, такъ женитесь какъ можно скорѣе. Знаете, я поставила бы первымъ условіемъ для приѣма въ товарищи, чтобы вступающій былъ женатъ. Тогда, понятно, вы въ правѣ были бы умолять объ участіи въ вашей компаніи незамужнихъ.

— Мосѣ Дымовичъ слишкомъ скромнень, чтобы касаться такихъ щекотливыхъ вопросовъ, — вмѣшалась съ язвительною усмѣшкой Балахнина. — Онъ не рѣшился сказать, что онъ предлагаетъ намъ, одиновимъ работницамъ, тѣ же условія, какъ и работницамъ. Жить нѣсколько лѣтъ въ положеніи „батрака“, въ его глазахъ, ничего, но „батрачки“!.

Дымовичъ взглянулъ съ любопытствомъ на говорившую. Это была бѣлокурая, полнокровная, рослая дѣвушка лѣтъ 28, обыкновенно сдержанная и слушающая горячіе споры молча, съ невозмутимо доброй усмѣшкою. Но на этотъ разъ лицо у нея пылало негодованіемъ и въ тонѣ голоса явно звучала обида.

— Вы правы, сударыня, — отвѣчалъ Дымовичъ. — Не видя возможности дѣлать изъятій, я умолчалъ о барыняхъ именно потому, что не смѣлъ ихъ касаться безъ позволенія. Но такъ какъ вопросъ поставленъ мимо меня, то я вынужденъ прямо сказать, что я о немъ думаю. Барынямъ нѣтъ никакой нужды спѣшить, и онѣ гораздо лучше сдѣлаютъ, подождая, когда община будетъ имѣть довольно средствъ, чтобы устроить имъ болѣе подходящее положеніе. Вообще я не вижу необходимости слѣдовать рабски обычаямъ, которые существуютъ въ крестьянской семьѣ, гдѣ женщина, за тѣсною и недостаткомъ рабочихъ рукъ, несетъ дѣйствительно непосильныя тягости. Съ артельною обработкой земли трудъ можетъ быть раздѣленъ справедливѣе... Домъ, огородъ, скотный дворъ и птичникъ, уходъ за дѣтьми и животными, столъ, стирка, одежда — вотъ натуральная сфера дѣятельности, которая требуетъ женскаго попеченія, и она такъ обширна, важна, ее такъ трудно соединить съ полевыми работами, что женщины слѣдовало бы совсѣмъ освободить отъ послѣднихъ.

— Спасибо! — сказала Вѣра. — Вы снисходительно уступаете намъ самую грязную часть!

— Въ надеждѣ, что вы сдумаете лучше мужчинъ внести въ нее чистоту, — смѣясь, отвѣчалъ Дымовичъ.

Ижоринъ, съ своею обычною сдержанностью, одинъ прислушивался къ этому разговору. Прочіе были слишеомъ заняты и послѣ ужина разошлись, не кончивъ спора.

Съ разсвѣтомъ вся Стоженка была уже на ногахъ. Высоко надъ головой синѣло, но по низу стлался густой туманъ, и на дворѣ, въ двадцати шагахъ, не видать было ничего, кромѣ росы, серебрившей мѣстами выкошенную, мѣстами вытопанную траву. Солнце уже взошло, но присутствіе его только угадывалось по золотистымъ краямъ разорванной и волнующейся завѣсы. Въ воздухѣ, сквозь бодрящую свѣжесть осенняго утра, пахивало дымкомъ, навозомъ и прянымъ запахомъ палой листвы; но, не взирая на пробирающій холодокъ, всѣ были одѣты еще по лѣтнему.

Аркадій, Дымовичъ съ своею носогрѣйкой и Марья Игнатьевна съ заспанными глазами, въ бѣломъ платочкѣ на головѣ, стояли на ступеняхъ крыльца. Аркадій оглядывался, какъ бы дожидая кого.

— Пошли къ Потапу, чтобы подождать выгонять; мнѣ хочется показать Ильѣ Степановичу моихъ холмогорокъ на волѣ,— сказалъ Вѣтленевъ женѣ, и Марья Игнатьевна скрылась въ туманѣ.

Хозяйское стадо толпилось у выгона; но сквозь туманъ и паръ, поднимавшійся отъ скота, авангарда его нельзя было разглядѣть... Коровы мычали, овцы блеяли... Съ трудомъ отыскавъ хромоногого пастуха и сама передавъ ему приказаніе, Маша высматривала своихъ холмогорокъ, когда знакомые голоса заставили ее оглянуться въ другую сторону. Тамъ, въ десяти шагахъ отъ нея, стояла красавица, пѣгая тѣлка, Лизка, названная такъ въ честь Балахниной. Но и тѣзка ея была тутъ. Она обнимала одною рукою атласную шею своей любимицы, а другою указывала кому-то внизу на переднюю, лѣвую ногу Лизки. Внизу, нагнувшись, стоялъ Копровъ; но Маша узнала его только по голосу.

— Ничего!—говорилъ онъ.—Ободрала гдѣ-нибудь по дорогѣ о камень.—И увидавъ пастуха:—Отчего ты не отворяешь воротъ, Потапъ?—спросилъ онъ.

— Барина ждемъ,—отвѣчалъ Потапъ, ковыляя между своею пестрой дружиной.—Да вонъ нивакъ и идетъ, съ прїѣзжимъ.

— Уйдемте, мы съ вами тутъ лишніе,—сказала Балахнина Копрову, цѣлуя Лизку въ ея большіе, темные съ золотымъ просвѣтомъ, глаза.

И они ушли въ другую сторону, но Вѣтленева, потерявъ ихъ изъ глазъ, еще слышала доскутки ихъ рѣчей.

— Неужли же?—слышенъ былъ жалобный, низкій контраalto Балахниной.

— Да что же намъ больше дѣлать?—отвѣчалъ басы.—Вы правду сказали, что мы тутъ лишніе.

Позже Марья Игнатьевна заглянула къ Балахниной и застала ее въ слезахъ.

— Лиза! Да что это ты?—допрашивала она, подсѣвъ и обвиняя свою пріятельницу.—Но отвѣта не было. Дѣвушка, раскраснѣвшаяся, въ смущеніи отирала глаза.

— Обидѣлась?—продолжала Вѣтленева.—Я это видѣла изъ того, какъ ты вчера на него напала за ужиномъ. Только я не могу представить себѣ, за что! Его совѣты касались устройства общины, безъ всякаго отношенія къ лицамъ; да онъ едва ли и зналъ, что ты принимаешь какое-нибудь участіе въ предпріятіи.

— Мнѣ жаль нашего предпріятія,—отвѣчала Балахнина, не глядя на нее.—Оно начиналось такъ хорошо и я такъ полюбила его!.. А теперь...—Но голосъ оборвался, и слезы опять сверкнули въ ея глазахъ.

Вѣтленева не могла ничего понять.—Что же теперь?—спросила она въ глубокомъ недоумѣніи.

— Да неужли ты не видишь, что дѣло разстраивается?.. Этотъ ученый мужикъ, съ своей нивеляціей!.. Не знаю, чѣмъ онъ обворожилъ твоего... Но если ему позволить распоряжаться, онъ всѣхъ разгонитъ!.. Какой порядочный человѣкъ согласится жить въ одномъ помѣщеніи съ батраками!

— Лиза, мой другъ, ты фантазируешь! Дымовичъ не предлагалъ ничего подобнаго. Онъ только въ принципѣ совѣтовалъ бережливость. Онъ думаетъ, что община, на первыхъ порахъ, не можетъ дать образованному работнику больше того, что она даетъ батраку. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что они должны жить вмѣстѣ?

— А гдѣ же прикажешь имъ жить, если ихъ гонять отсюда?.. Люди едва окончили курсъ... Безъ средствъ... Пріѣхали съ нѣсколькими рублями, рассчитывая на предложенное имъ гостепріимство. И вдругъ имъ говорятъ, что они не имѣютъ права на то, чѣмъ они тутъ пользуются!.. Понятно, что имъ остается или переселиться въ сарай, или откланяться и уѣхать. Тогда на ихъ мѣсто наѣдутъ другіе, которые вѣроятно больше ему по душѣ, потому что ему неловко между порядочными людьми. Ему нужны такіе, что по двѣ недѣли не перемѣняютъ

бѣлья и садятся за столъ съ невмытыми руками. Ты не обратила вниманія на его ногти?... Они положительно съ траурными наемками;—а рукавчики и воротнички?.. Брр!.. Боже вась сохрани помѣстить его въ домъ:—онъ тутъ навѣрное разведетъ клоповъ!

— И это ты говоришь?—уворяла ее Вѣтленева.—И тебѣ не совѣстно?.. Нѣтъ, не увертывайся, а лучше скажи-ка:—давно ли ты стала цѣнить людей по свѣжести ихъ воротничковъ и рукавчиковъ?.. Вѣдь и у Якова Никаноровича, когда вы обходите съ нимъ вашихъ любимцевъ на скотномъ дворѣ, они не сіяютъ безуворизненной бѣлизной.

Смущенная чѣмъ-то, Балахнина вырвалась у нея изъ рукъ, но глаза ихъ встрѣтились, и въ одну минуту все стало ясно.

— „Мм! Вотъ оно гдѣ болить!“—шевельнулось на языкѣ у Маши; но она не сказала этого вслухъ, а только съ лукавой усмѣшкою притянула къ себѣ свою родственницу.

— Ну, мы посмотримъ еще,—шепнула она ей на ухо.—Можетъ быть, намъ удастся какъ-нибудь и поправить дѣло... А?.. Какъ ты думаешь?.. Если бы эти мужчины были хоть на волосъ подогадливѣе...

Балахнина покраснѣла какъ ракъ и отвѣчала ей что-то, послѣ чего онѣ горячо обнялись.

— Да,—говорилъ Аркадій на сонъ грядущій:—они заявили уже о своемъ отъѣздѣ.

— Ахъ, Арикъ, мой другъ, — отвѣчала жена,—мнѣ ихъ ужасно жаль!.. Приѣхали такъ довѣрчиво, не дѣлая никакихъ условій, трудились, надѣялись,—и вдругъ, въ одинъ день, стали лишними!.. Если судить такъ строго, то вѣдь и всѣ мы—лишніе.

— Можетъ быть... Но что же мнѣ съ ними дѣлать?.. Я ихъ люблю, какъ добрыхъ товарищей, и еслибы вопросъ касался однихъ только личныхъ моихъ интересовъ, ни за что не расстался бы съ ними. Но разъ они сами поняли, что дальнѣйшее пребываніе ихъ у меня на правѣ гостей вредить успѣху нашего предпріятія,—удерживать ихъ было бы малодушіе.

— Что же ты имъ сказать?

— Сказать, что я искренно сожалею, но не теряю надежды когда-нибудь увидѣть ихъ снова въ Стоженѣ и буду всегда считать отсутствіе ихъ только временнымъ.

— Только?

— Чего же больше, мой другъ?.. Все обошлось самымъ дружескимъ образомъ:—жали руки, благодарили и прочее.

— Голубчикъ! Нельзя ли уладить какъ-нибудь, чтобы они остались, не связывая вамъ рукъ? Вѣдь еслибы они имѣли средства, какъ, на примѣръ, ихъ имѣетъ Лиза, то никому бы и въ голову не пришло, что они своимъ образомъ жизни у насъ вредятъ предпріятію.

— Да... если бы...

Съ другой стороны, вѣдь несовсѣмъ же и лишніе... по крайней мѣрѣ не всѣ... Яковъ Никаноровичъ, на примѣръ...

— Да, — отвѣчалъ Аркадій: — Копрова я бы охотно оставилъ, по скотоводству. Можно бы было ему предложить покуда и содержаніе, какъ специалисту. Да только я знаю его. Его не удержишь тутъ безъ другихъ.

— Лиза моя будетъ въ отчаяніи, — проговорила Марья Игнатьевна.

— Это съ чего?

— Самъ можешь понять... Сегодня плакала. Говорить, что Дымовичъ ихъ выживаетъ, чтобы очистить мѣсто своимъ пріятелямъ.

— Чтò за вздоръ!

— Можетъ статься и вздоръ, а все же мнѣ жалко ее. Они съ Копровымъ такъ подружились!.. Представь себѣ, чтò говорить: „Я бы съ радостью, говорить, взяла за себя его счетъ, еслибы я могла придумать какой-нибудь благовидный предлогъ“.

— Вотъ дура! Чѣмъ затрудняется! — сказалъ, разсмѣявшись, Ариксъ. — Чѣмъ сочинять предлоги, женила бы его на себѣ, разъ они такъ дружны?.. — И помолчавъ: — да и ты-то чего зѣваешь?.. Сосватала бы ее, какъ сосватала Вѣру... Третье семейство для насъ было бы истинною находкой.

— Ахъ, Ариксъ, какіе вы всѣ мужчины безстыдники!.. Развѣ возможно такъ вдругъ?..

— А сколько же нужно на это времени? Если не очень долго, то можно его тутъ и попридержать.

Конечно, его не похвалили за этотъ развязный тонъ, но тѣмъ не менѣе все, чтò возможно сдѣлать въ пользу друзей, — было сдѣлано.

— Правда ли, что вы насъ покидаете? — спросила Марья Игнатьевна у Копрова, встрѣтивъ его въ саду.

— Къ глубокому сожалѣнію, да, — отвѣчалъ онъ, вздохнувъ. Они посмотрѣли другъ другу въ глаза и замолчали. Потомъ она спрашивала: — когда? — но услышала, что время еще не рѣшено.

— И вамъ не жалко вашихъ друзей?

— Марья Игнатьевна, не обижайте меня! — отвѣчалъ горячо Копровъ. — Я преданъ всею душой не только дѣлу, которое меня

привело сюда, но и милымъ, хорошимъ людямъ, съ которыми оно меня сблизило. Сказать бы больше, но глупое мое положеніе зажимаетъ мнѣ ротъ. Поймите, голубушка, что есть вещи, черезъ которыя невозможно перешагнуть, не потерявъ къ себѣ уваженія.

— Даже и въ интересахъ дѣла? — спросила она, поднявъ на него съ укоромъ свои большіе, ясные голубые глаза.

— Эхъ, милый вы человекъ! — отвѣчалъ Копровъ, тронутый. — Знаете ли, что я вамъ скажу? Мы, книжники, слишкомъ много думаемъ о себѣ. Повуда мы еще не жили, намъ мерещится, что мы Богъ знаетъ какъ нужны; — но стоитъ поосмотрѣться и потолкаться на рынокѣ, чтобы понять, какъ дешевле подобный товаръ. Что я такое, чтобы безъ меня нельзя было обойтись? Такихъ, какъ я, тысячи, и не все ли равно для дѣла, кого изъ насъ оно запряжетъ?

— Позвольте мнѣ васъ увѣрить, — сказала Вѣтленева: — что изъ всѣхъ, кто васъ знаетъ здѣсь въ Стоженкѣ, — вы одинъ такъ думаете. Аркадій считаетъ отъѣздъ вашъ невознаградивой потерей для предпріятія, а о себѣ и о Лизѣ скажу, что мы плакали.

Дюжій и бородатый спутникъ ея покраснѣлъ, какъ гимназистъ.

— Лиза ужасно огорчена этимъ разстройствомъ въ нашемъ товарищескомъ кружку и собирается тоже уѣхать, — прибавила въ поясненіе Марья Игнатьевна.

Глаза ея были влажны. Копровъ смотрѣлъ на нее умиленно и сердце въ груди его таяло...

Вечеромъ у него съ Вѣтленевымъ было длинное объясненіе, послѣ котораго Маша, сіяющая, вѣбжала къ Балахниной и просидѣла у нея до полуночи.

Развязка произошла на разсвѣтѣ, въ саду, откуда Балахнина вернулась съ рдѣющими щеками, въ сопровожденіи побѣжденнаго и присягнувшаго ей на вѣрность Копрова.

Въ концѣ сентября обѣ пары были обвиняны и уѣхали въ Петербургъ. За ними слѣдомъ уѣхали и Шелковскій съ Дулинымъ.

Просторный господскій домъ опустѣлъ, но кругомъ, въ усадьбѣ и въ полѣ, кипѣла неутомимая дѣятельность... Въ заросляхъ зазвенѣлъ топоръ: рубили и корчевали молодняки... По старымъ, давно заброшеннымъ и успѣвшимъ уже обдерноваться пашнямъ драли облогу подь ленъ... Въ гумнѣ работала молотилка. У латыша, снимавшаго на запрудѣ мельницу и приладившаго къ ней лѣсопильное отдѣленіе, куплены были сухія сосновыя доски; —

на красномъ дворѣ заготовляли лѣсъ и выводили фундаментъ новой, просторной избы. За церковью, у ручья, найденъ былъ пластъ кирпичной глины, срубленъ навѣсъ и поставлена легкая обжигальная печь. У въѣзда на дорогу строили кузницу. Число батраковъ было удвоено и изъ города выписаны мастеровые. На фермѣ, въ сосѣднемъ уѣздѣ, куплено и доставлено въ Стоженку нѣсколько штукъ отборнаго племенного скота. Дымовичъ былъ всюду и лично руководилъ работами:—знаніе дѣла, обдуманнѣйшій планъ и настойчивая рѣшимость сказывались во всѣхъ его начинаніяхъ. Заѣзжіе мужики разѣвали ротъ и не хотѣли вѣрить, чтобы онъ былъ дворянской кости.

Тѣмъ временемъ между Стоженкою и Петербургомъ шла переписка; нѣкоторыя мѣста изъ этой переписки мы приведемъ въ подлинникѣ.

Н. АХШАРУМОВЪ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Посвящаются моимъ ученикамъ и ученицамъ.

I.

...Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1834 г. отправился я изъ Пензы въ Москву держать экзаменъ въ университетъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Даниловымъ. Мнѣ только-что минуло 16 лѣтъ 13-го апрѣля, и я былъ совсѣмъ еще маленькимъ мальчикомъ, и голосъ у меня былъ совсѣмъ ребяческій. Вырослъ я уже потомъ, въ теченіе всего четырехлѣтняго университетскаго курса.

Рѣшительно ничего не помню, какъ я разставался съ своей матушкой, отъ которой мнѣ еще ни разу въ жизни не приходилось отлучаться; не помню, вѣроятно, потому, что я сильно поглощенъ былъ этимъ необычнымъ переворотомъ въ моей жизни, горестью разлуки, страхомъ ожиданія будущаго.

Поѣхали мы въ кибиткѣ парю, на долгихъ, не торопясь, шагкомъ. По дорогѣ останавливались кормить лошадей и переночевывать. По всему шестисотъ-верстному пути, должно быть, мнѣ рѣдко случалось глядѣть по сторонамъ, потому что я, не переставая, читалъ и училъ наизусть всеобщую исторію, кажется — Шрекка, которою тогда была замѣнена въ гимназіяхъ Кайданова. Живю помню только одно, сильно подѣйствовавшее на меня, впечатлѣніе. Проѣхавъ дней шесть, мы остановились у одной почтовой станціи. Передъ ней стоялъ полосатый верстовой столбъ. На сторонѣ, обращенной назадъ, было начертано: „Отъ Пензы 300 верстъ“, а на сторонѣ впередъ тоже: „Отъ Москвы 300 верстъ“.

Должно быть, сильно поразила меня тогда мысль, что я стою на линіи великаго для меня жизненнаго перевала.

Впослѣдствіи случалось мнѣ не разъ вспоминать объ этомъ верстовомъ столбѣ всякій разъ, когда я читалъ, какъ Вильгельмъ Мейстеръ, въ „Wanderjahre“, отправившись изъ дому въ далекое странствіе, добрался, наконецъ, въ самой верхней долинѣ высокихъ горъ, до перевала, отдѣляющаго теченіе потоковъ и рѣкъ: одни спускались назадъ, по дорогѣ, уже имъ пройденной, а другіе — впередъ. И когда онъ только-что сталъ спускаться, живо почувствовалъ, что онъ вступилъ въ другія воды и на другіе берега, и сердце его скалось тоскою по родинѣ и тяжелымъ недоумѣніемъ: что-то ждетъ его впереди!?

Наслышавшись дома, какъ бѣлокаменная Москва, подражая древнему Риму, разлеглась на семи холмахъ, мы съ нетерпѣніемъ ждали, когда приближались къ ней, и вперяли свои взоры вдаль, чтобы увидѣть на горизонтѣ ея пресловутыя золотыя маковки, и, конечно, мы насладились бы невиданнымъ для насъ зрѣлищемъ съ Поклонной горы, еслибы ѣхали по смоленской дорогѣ. Но со стороны Рогожской заставы мы и не замѣтили, какъ попали въ Москву, и ѣхали уже по Рогожской улицѣ, полагая, что это еще какая-нибудь слобода; мы все не переставали ждать и надѣяться, что вотъ, наконецъ, представится уже намъ и сама Бѣлокаменная на одномъ изъ холмовъ съ своимъ Кремлемъ и соборами. Но слобода все тянулась и тянулась. Избы и деревянные лачуги смѣнялись изрѣдка домиками и домами, а затѣмъ пошли и цѣлыя улицы съ сплошными каменными зданіями. Мы обманулись въ своемъ ожиданіи и очутились въ Черкасскомъ переулкѣ, между Никольской и Ильинкой, въ темноватой и затхлой комнатѣ съ однимъ окномъ, выходящимъ на длинную галерею, окружающую дворъ гостиницы, или, какъ говорилось тогда, подворья. Таково было первое впечатлѣніе при водвореніи моемъ въ древней столицѣ, гдѣ мнѣ суждено было съ 16-лѣтняго возраста прожить до глубокой старости. Привыкнувъ къ широкому раздолью гористой Пензы съ окружающими ее полями и дремучими лѣсами, я почувствовалъ то, что вѣроятно должна почувствовать птичка, попавшая въ клетку или въ западню. Можетъ быть, это тяжелое впечатлѣніе помутилось и чувствомъ разлуки съ матушкой, которое тогда съ особенной силой меня обуяло, а можетъ быть и потому, что только теперь во всемъ ужасѣ предстало передо мной рѣшеніе ожидающей меня судьбы.

Не помню, сколько дней прожили мы въ гостиницѣ, только не долго. Она оставила во мнѣ одно странное воспоминаніе, ко-

торое и до сихъ поръ иногда возобновляется, когда я прохожу по Черкасскому переулку. Это—какое-то особаго рода зловоніе, какаго я прежде никогда не ощущалъ: это—своего рода запахъ отъ всякихъ нечистотъ съ приправою гнилыхъ лимонныхъ корожъ, которыми во множествѣ усѣяны были помойныя ямы нашей гостинницы. Это были лимонныя кружки изъ-подъ чая, которые выбрасывали половые.

Помнится, водворились мы въ гостинницѣ около вечеренъ. Солнце еще было высоко на горизонтѣ. Въ этотъ же день мы пошли на поиски. Даниловъ, какъ человѣкъ несравненно практичѣе меня, долженъ былъ найти намъ квартиру, разумѣется, со столомъ, а я отправился съ письмомъ отъ матушки къ Кастору Никифоровичу Лебедеву. Жилъ онъ у Протасовыхъ, въ ихъ собственномъ домѣ на Собачьей Площадкѣ, въ Дурновскомъ переулкѣ. Домъ этотъ стоитъ и теперь,—первый на правой сторонѣ переулка, вслѣдъ за дровянымъ дворомъ, который выходитъ угломъ на площадку. Большую часть жизни проведши въ этой мѣстности, всякій разъ во время моихъ прогулокъ, проходя этимъ переулкомъ, никогда не могъ я не вспомнить того далекаго времени, когда я съ трепетомъ ожиданія и надежды вошелъ въ ворота между флигелемъ направо и домомъ налѣво, поднялся на крылечко и постучался въ дверь,—потому что въ письмѣ матушки былъ мой талисманъ,—и, перешагнувъ черезъ порогъ, я дѣлалъ первый шагъ въ манищее меня грозное будущее.

Надобно знать, что Лебедевъ былъ сынъ самой близкой пріятельницы моей матушки и давалъ мнѣ уроки, будучи ученикомъ гимназіи, когда я мальчикомъ лѣтъ 9 былъ въ приготовительномъ пансіонѣ его матери, Маріи Алексѣевны Лебедевой, собственно предназначенномъ только для дѣвочекъ, между которыми я составлялъ привилегированное исключеніе. Когда я постучался къ нему въ Дурновскомъ переулкѣ, онъ уже былъ кандидатъ московскаго университета и магистрантъ по исторіи, любимецъ профессора Погодина, который пользовался тогда извѣстностью какъ ученый и литераторъ. Рекомендуя меня Погодину, Лебедевъ могъ обезпечить и облегчить мое вступленіе въ университетъ вліяніемъ такого авторитетнаго профессора. Но мои волненія и ожиданія были напрасны. Лебедевъ, точно, жилъ у Протасовыхъ, но вмѣстѣ съ ними уѣхалъ въ деревню, а вернется въ Москву не раньше сентября, т.-е. когда уже будутъ покончены вступительныя экзамены въ университетъ и когда рѣшится моя судьба. Однако мой талисманъ, какъ увидите, оказалъ свое спасительное дѣйствіе, и вліяніе Лебедева, хотя и заочное и безъ его вѣдома, и совер-

шенно случайно, дало самый благоприятный исходъ всѣмъ моимъ заботамъ и тревоженіямъ.

Очень скоро и удачно мой милый товарищъ нашелъ квартиру, во всѣхъ отношеніяхъ для насъ удобную и удовлетворительную, а главное вблизи отъ университета, именно на Арбатѣ, не доходя до Николая Явленнаго, наисоосокъ противъ церкви, между Аванасьевскимъ и Староконюшеннымъ переулками. Домъ этотъ существуетъ и теперь—и носить имя того же хозяина: Аріоли,—одноэтажный, съ мезониномъ. Наша квартира была не въ этомъ домѣ, а на дворѣ въ двухъ-этажномъ каменномъ флигелѣ, который и до сихъ поръ прямо въ глубинѣ двора виднѣтся съ улицы изъ воротъ. Наняли мы себѣ помѣщеніе въ квартирѣ сапожника во второмъ этажѣ, куда ведетъ прямая лѣстница съ навѣсомъ. Въ нижнемъ этажѣ была мастерская сапожника и жили его мастера. Нашъ хозяинъ и его жена были еще очень молодые люди. Хозяйка, Анна Андреевна, очень заботилась о насъ обоихъ, кормила до-сыта, и до сихъ поръ я не забылъ ея вкусную стряпню. Хозяина не помню какъ звали, Кузьмою или Кузьмичемъ. У нихъ было двое маленькихъ дѣтей, сынъ и дочь. Помню, мы ими забавлялись, играли съ ними, отдыхая отъ утомительнаго долбленія, приготовляясь къ экзамену. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 20 слишкомъ, дошли до меня вѣрныя свѣденія, что мальчикъ, съ которымъ мы игравали, выросъ здоровеннымъ и ловкимъ акробатомъ, напяливалъ на себя въ обтяжку трико, искусно плясалъ на канатѣ, перекидывая изъ одной руки въ другую тяжелыя гири. Дѣвочка превратилась въ балаганную примадонну и отличалась звонкимъ голосомъ въ пѣніи. Все это я узналъ отъ ихъ матери, которая лѣтъ 25 тому назадъ, когда я былъ уже женатымъ профессоромъ, иногда заходила къ намъ, и мы вмѣстѣ съ ней вспоминали о томъ, какъ она насъ съ Даниловымъ угощала, лелѣла и повоила. Что касается до ея мужа, то и онъ тогда еще здравствовалъ, но увлекся артистическою карьерою своихъ дѣтей, бросилъ ремесло сапожника, обѣднѣлъ и пристроился къ театру въ качествѣ барышника, предлагающаго театральные билеты то у Большого, то у Малаго театра, гдѣ я нѣсколько разъ сразу и встрѣчался съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ...

Сколько возможно, я успокоился, углубившись въ приготовленіе къ экзамену, хотя глухая тревога и тяжело лежала на сердцѣ, а тревожиться было отъ чего: во-первыхъ, какъ разъ съ 1834 г. были назначены приемные экзамены строгіе, и ихъ требованіямъ не могли удовлетворить мои познанія, полученные въ пензенской 4-хъ-классной гимназіи, а во-вторыхъ,—и это

самое главное, — для меня настоятельно необходимо было выдержать экзаменъ не для того, чтобы только поступить въ университетъ, а чтобы обезпечить самое свое существованіе, т.-е. быть принятымъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ, и притомъ какъ можно скорѣе. Не выдержи я экзамена, мнѣ пришлось бы въ Москвѣ помереть съ голоду, а о возвращеніи въ Пензу нечего было и думать безъ копейки въ карманѣ. Въ наличности было у меня тогда всего 25 рублей ассигнаціями, по теперешнему 8 рублей съ копейками; этого едва хватало на два мѣсяца за квартиру со столомъ. Экзаменъ былъ для меня только средствомъ для достиженія этой цѣли, и грозная мысль о существованіи заслоняла въ моихъ думахъ заботы объ экзаменѣ. Это было для меня какое-то смутное время, и я рѣшительно ничего не помню, какъ я пришелъ въ первый разъ въ стѣны университета и къ кому явился подать просьбу о допущеніи меня къ экзамену, и какъ потомъ справлялся, въ какіе дни и часы будетъ онъ назначенъ, и такимъ образомъ, будто проснувшись отъ тяжелаго сна, я вдругъ очутился на первомъ экзаменѣ въ большой аудиторіи, наполненной толпою незнакомыхъ мнѣ юношей.

Этой аудиторіею была тогда въ старомъ зданіи университета та большая библиотечная зала, въ которой десятки лѣтъ происходили публичныя засѣданія общества любителей россійской словесности. Экзаменующіеся размѣстились по лавкамъ, разставленнымъ въ нѣсколько рядовъ противъ оконъ, а впереди на пустомъ пространствѣ стояло четыре или пять столиковъ въ разстояніи одинъ отъ другого, и за каждымъ по экзаменатору; они сидѣли задомъ къ окнамъ.

Рѣшительно не помню, съ какаго предмета я началъ свой экзаменъ и какъ я продолжалъ его и довелъ до конца; не помню также и того, что меня спрашивали и какъ я отвѣчалъ. Все это осталось въ моей памяти какими-то темными пятнами, изъ-за которыхъ ярко выступаетъ одно великое для меня событіе, которое, какъ я глубоко убѣжденъ, рѣшило судьбу моего экзамена.

И теперь, когда я это рассказываю, живо представляется мнѣ во всѣхъ подробностяхъ, какъ я стою у столика, а передо мною сидитъ профессоръ богословія Петръ Матвѣевичъ Терновскій, съ окладистой бородою и строгими взорами—онъ казался мнѣ тогда такимъ величественнымъ и недоступнымъ—и слушаетъ, какъ я ему рассказываю довольно подробно какое-то событіе изъ священной исторіи. Въ это самое время подходитъ къ нему молодой человекъ лѣтъ 30-ти въ форменномъ фракѣ, остановился, посмотрѣлъ на меня и сталъ слушать, что я говорю. Его доб-

рый, снисходительный взглядъ точно приласкалъ меня, воодушевилъ, и я продолжалъ разсказывать съ такой искренностью, съ такимъ убѣжденіемъ, которыми я будто хотѣлъ отвѣтить на дружеское привѣтствіе стараго знакомаго. Когда я кончилъ, молодой человѣкъ спросилъ меня, откуда я родомъ и гдѣ учился. Отвѣчая ему, я назвалъ своихъ учителей и между прочими упомянулъ о Касторѣ Нивифоровичѣ Лебедевѣ. Мнѣ показалось, что его взглядъ вдругъ просвѣтлѣлъ и легкая улыбка мелькнула по чертамъ лица. Онъ отвѣчалъ, что Кастора Нивифоровича хорошо знаетъ, и своимъ задушевымъ голосомъ сказалъ мнѣ: „если что вамъ понадобится, приходите ко мнѣ“. Когда я съ радостью возвратился на скамейку въ товарищамъ, мнѣ сказали, что я говорю съ Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ.

Да, это былъ первый лучъ радости, освѣтившій меня по приѣздѣ моемъ въ Москву.

При содѣйствіи Михаила Петровича, я благополучно выдержалъ экзаменъ, а въ сентябрѣ, при его же содѣйствіи, былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ.

II.

Общежитіе наше называлось не бурсою, какъ принято въ семинаріяхъ, и не институтомъ, какъ были тогда дворянскій и педагогическій институты, а просто казенными номерами. Помѣщалось въ нихъ по комплекту полтора ста человѣкъ, и именно сто студентовъ медицинскаго факультета и пятьдесятъ философскаго, раздѣлявшагося тогда на два отдѣленія—на словесное и физико-математическое. Номеровъ было около пятнадцати, одни подъ-рядъ для медиковъ, а другіе тоже подъ-рядъ, для остальныхъ пятидесяти студентовъ.

Наше общежитіе занимало весь верхній этажъ такъ-называемаго стараго зданія московскаго университета, въ отличіе отъ новаго, въ которомъ теперь читаются лекціи, и которое тогда еще не было готово. Лекціи читались въ томъ же старомъ зданіи подъ нашими номерами, и только съ 1835 г. были переведены овѣ въ новое.

Къ намъ наверхъ было два входа: одинъ съ параднаго крыльца, черезъ обширныя сѣни, которыми въ послѣднее время входили въ университетскую библіотеку, а другой—со стороны задняго двора съ праваго угла зданія.

Въ номерахъ мы проводили весь день и вечеръ до 11-ти

часовъ, а спать уходили въ дортуары, которые были значительно больше нашихъ номеровъ и находились въ правомъ крылѣ университетакаго зданія, если смотрѣть со стороны Моховой. Нумера и спальни размѣщались по обѣ стороны коридора, который тянулся по всему зданію отъ лѣваго крыла, выходившаго на Никитскую, и до праваго. Между дортуарами и номерами была большая зала, въ которую мы, проснувшись, выходили умываться. Вдоль стѣны ея стояли сплошные гардеробные шкафы съ нашимъ платьемъ и бѣльемъ, а по серединѣ—двѣ громадныя посудины. На каждой въ видѣ огромнаго самовара или паровика резервуаръ для воды, которую умывающійся добывалъ, поднимая и спуская вложенный въ отверстіе ключъ. Такихъ ключей въ посудинѣ было не менѣе десяти, такъ что въ самое короткое время успѣвали умыться всѣ полтораста студентовъ. Здѣсь же цирюльники брили усы и бороду болѣе пожилымъ изъ насъ, или точнѣе болѣе совершеннолѣтнимъ, на которыхъ, озираясь назадъ отъ той машины во время умыванья, мы взглядывали съ уваженіемъ и особенно, когда бреемый вскрививалъ и давалъ пощечину брадобрею. Это осталось особенно живо въ моей памяти, потому что случалось почти ежедневно, такъ какъ подрядчикъ-цирюльникъ обыкновенно командировалъ въ намъ неумѣлыхъ мальчишекъ, чтобы направитывать ихъ въ бритьѣ.

Нумеръ, въ которомъ я жилъ въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ университетскаго курса, занималъ задній уголъ зданія съ окнами на Никитскую и на задній дворъ университета, гдѣ и теперь еще находится садъ, въ которомъ мы обыкновенно гуляли и, сидя на скамейкахъ, читали книги или заучивали свои лекціи.

Пить чай, обѣдать и ужинать мы спускались въ нижній этажъ, въ громадную залу, въ которой за столами, разставленными въ два ряда, могли свободно размѣститься мы всѣ въ числѣ полтораста человекъ.

Чтобы не пропускать ничего, надобно прибавить, что въ томъ же верхнемъ этажѣ, при нашихъ номерахъ, находились еще двѣ комнаты, одна побольше, для нашей библіотеки, такъ сказать, фундаментальной, съ книгами болѣе дорогими и многотомными, а другая поменьше, съ однимъ окномъ, выходящимъ на задній дворъ съ садомъ—для варцера. Съ тѣхъ поръ, какъ явился къ намъ попечителемъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ въ 1835 г., вмѣстѣ съ инспекторомъ Платономъ Степановичемъ Нахимовымъ, комната эта навсегда оставалась пустою. Но въ первый годъ моего студенчества, еще въ попечительство князя

Сергія Михайловича Голицына и его помощника Дмитрія Павловича Голохвастова, въ ней приключилась великая бѣда.

Карцеръ помѣщался какъ разъ надъ большою аудиторіею перваго курса, находящеюся подъ упомянутую выше библиотечную залю, съ окнами также на задній дворъ. Дѣло было осенью. Лекцію читалъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ, на кафедрѣ, стоящей къ стѣнѣ между окнами. Мы съ своихъ лавокъ слушали и смотрѣли на профессора и въ окна. Вдругъ направо за окномъ мгновенно пролетѣла какая-то темная длинная масса и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался страшный, раздражающій душу вопль. Мы всѣ повскакали со скамеекъ. Степанъ Петровичъ опрометью бросился съ кафедры, и всѣ мы вмѣстѣ съ профессоромъ стремглавъ ринулись изъ аудиторіи на заднее крыльцо (дверь на него изъ большихъ сѣней теперь уже задѣлана). Налѣво отъ него, на каменномъ помостѣ лежалъ ничкомъ человекъ въ солдатской шинели, не шелохнувшись; около него уже суетилось человекъ три изъ университетской прислуги, поворачивая его навзничъ. Онъ былъ уже мертвъ, съ окровавленнымъ и изуродованнымъ лицомъ. Это былъ казеннокоштный студентъ, накануне посаженный въ карцеръ за то, что былъ мертвецки пьянъ, а на другой день въ 12 часовъ дня бросился изъ окна, какъ и почему—осталось неизвѣстнымъ. Тотчасъ же вслѣдъ за этой катастрофой было приказано въ это окно вставить желѣзную рѣшетку.

Живя въ своихъ номерахъ, мы были во всемъ обезпечены и, не заботясь ни о чемъ, безъ копѣйки въ карманѣ, учились, читали и веселились вдоволь. Нашему довольству завидовали многіе изъ своекоштныхъ. Все было казенное, начиная отъ одежды и книгъ, рекомендованныхъ профессорами для лекцій, и до салныхъ свѣчей, писчей бумаги, карандашей, чернилъ и перьевъ съ перочиннымъ ножичкомъ. Тогда еще перья были гусинныя и надо было ихъ чинить. Безъ нашего вѣдома намъ мѣнялось бѣлье, чистилось платье и сапоги, пришивалась недостающая пуговица на вицмундирѣ. Въ номерѣ помѣщалось столько студентовъ, чтобы имъ было не тѣсно. У каждаго былъ свой столикъ (вонторки были заведены уже послѣ). Его доска настолько была велика, что можно было удобно писать, разставивъ локти; подъ доскою былъ выдвижной ящикъ для тетрадей, писемъ и всякой мелочи, а нижнее пространство съ створчатыми дверцами было перегорожено полкою для книгъ; можно было бы власть туда что-нибудь и съѣстное или сласти, но этого не было у насъ въ обычаѣ и мы даже гнушались такого филистерскаго хозяйства. Если случалось что купить съѣстного, мы предпочитали истреб-

лять тутъ же или на улицѣ. Въ нашемъ номерѣ былъ только одинъ запасливый студентъ, изъ математиковъ. Онъ какъ-то ухищрялся экономить свои сальныя свѣчи, и такимъ образомъ держалъ въ своемъ столикѣ всегда порядочный ихъ запасъ и ссужалъ того изъ насъ, у кого не хватало свѣчи.

Столики были разставлены аршина на два съ половиной другъ отъ друга вдоль стѣнъ, но такъ, чтобы садиться лицомъ въ окна, а спиною къ входной двери, ведущей въ корридоръ. Вдоль глухой стѣны помѣщался широкій и очень длинный диванъ съ подушкой, обтянутой сафьяномъ, такъ чтобы двое могли улечься въ растяжку головами врознь, не толкая другъ друга ногами. Надъ диваномъ висѣло большое зеркало. Впрочемъ, не помню, чтобы кто-нибудь изъ насъ интересовался своей личностью и любовался на себя въ зеркало, кромѣ—одного. Это былъ самый неуклюжій и безобразный изъ насъ, колченогій, весь перекосясь, съ блѣднымъ рябымъ лицомъ, съ безцвѣтными, посоловѣлыми глазами, съ такими же безцвѣтными, блѣсоватыми бровями и такими же волосами, которые топырились дыбомъ, съ широкимъ носомъ и толстыми губами на продолговатомъ лицѣ. Мы его звали Квазимодо, потому что были уже знакомы тогда съ романомъ Гюго. Это былъ гѣето Шнейдеръ, кончившій курсъ въ такъ-называвшемся тогда холерномъ заведеніи, — то-есть, для сиротъ, родители которыхъ померли холерою въ 1830 году. Зданіе, въ которомъ помѣщалось это учебное заведеніе, впоследствии было передѣлано и дополнено новыми корпусами для военнаго училища, находящагося на углу Знаменки и Пречистенскаго бульвара. Какъ только завовыляетъ Шнейдеръ по номеру, ужъ непременно остановится передъ зеркаломъ и внимательно смотрится въ него, устроивая себѣ умилные взоры и привлекательныя выраженія.

Въ помѣщеніи, гдѣ съ утра и до поздней ночи собрано до десятка веселыхъ молодыхъ людей, никакими предписаніями и стараніями нельзя водворить надлежащую тишину и спокойствіе. У насъ въ номерѣ не выпадало ни одной минуты, въ которую пролетѣлъ бы надъ нами тихій ангелъ. Постоянно въ ушахъ гамъ, стувотня и шумъ. Кто шагаетъ взадъ и впередъ по всему номеру, кто бранится съ своимъ сосѣдомъ, а то музыкантъ пильт на скрипкѣ или дудитъ на флейтѣ. Привычка—вторая натура, и каждый изъ насъ, не обращая вниманія на оглушительную атмосферу, усердно читалъ свою книгу или писалъ сочиненіе. Такъ привыкаютъ къ мельничному грохоту, и самая тишина въ природѣ, по ученію древнихъ философовъ, есть не что иное, какъ сладостная гармонія бесконечно разнообразныхъ звуковъ. Я не

отвыкъ и до глубокой старости читать и писать, когда кругомъ меня говорятъ, шумятъ и толкуются.

Для сношеній съ начальствомъ по нуждамъ товарищей и для какихъ-либо эстренныхъ случаевъ, въ каждомъ номерѣ выбирался одинъ изъ студентовъ, который назывался старшимъ. Онъ же призывался къ отвѣту и за безпорядокъ или шалость, выходяще изъ предѣловъ дозволеннаго. Послѣдніе два года до окончанія курса старшимъ студентомъ былъ назначенъ я.

Ближайшимъ начальствомъ нашимъ былъ дежурный субъ-инспекторъ. Тутъ же изъ корридора былъ для него небольшой кабинетъ, нѣчто въ родѣ канцеляріи, такъ что во всякое время каждый студентъ могъ обратиться къ нему съ своимъ дѣломъ.

Наши дни и часы были подчинены строгой дисциплинѣ. Мы вставали въ семь часовъ утра, въ восемь пили въ столовой чай съ булками, а въ девять отправлялись на лекціи, возвращались въ два часа, и въ половинѣ третьяго обѣдали, а въ восемь ужинали, въ одиннадцать ложились спать. Кто не обѣдалъ или не ужиналъ дома, долженъ былъ предварительно увѣдомить объ этомъ дежурнаго субъ-инспектора, а также испросить у него разрѣшеніе переночевать у родныхъ или знаемыхъ съ сообщеніемъ адреса, у кого именно.

Кормили насъ недурно. Мы любили казенныя щи и кашу, но говяжьи котлеты казались намъ сомнительнаго достоинства, хотя и были сильно приправлены бурой болтушкою съ горчицею, гвоздикомъ и лавровымъ листомъ. Изъ-за этихъ котлетъ случались иногда за обѣдомъ исторіи, въ которыхъ дѣйствующими лицами всегда были медики. Дѣло начиналось глухимъ шумомъ; дежурный субъинспекторъ подходитъ и спрашиваетъ, чтѣ тамъ такое; ему жалуются на эконома, что онъ кормитъ насъ падалью. Обвиняемый является на судъ и начинается расправа, которая обыкновенно ни къ чему не приводила. Хорошо помню эти исторіи, потому что и мнѣ, и многимъ другимъ изъ насъ онѣ очень не нравились по грубости и цинизму.

Впрочемъ эти мелочи заслоняются передо мною однимъ тяжелымъ воспоминаніемъ, которое соединено со стѣнами нашей столовой. Былъ одинъ медикъ уже послѣдняго курса, можно сказать пожилой въ сравненіи съ нами, словесниками, среднего роста, съ одутлымъ лицомъ и густыми рыжеватыми бавенбардами, даже немножко лысый. Фамиліи его не припомню. Приходимъ мы обѣдать, и только-что разсѣлись по своимъ мѣстамъ, — на пустомъ пространствѣ между столами появилась фигура въ солдатской шинели, и медленными шагами, понуривъ голову, стала приближаться.

Это былъ тотъ самый студентъ. Мы были взволнованы и потрясены неожиданнымъ впечатлѣніемъ жалости и горя, потому что хорошо понимали весь ужасъ этого шутовского маскарада. Медленно и тихо прошелъ онъ далѣе и сѣлъ у окна за маленькимъ столикомъ, назначеннымъ для его обѣда.

За большіе проступки наказывали тогда студентовъ солдатчиною. На первый разъ, въ видѣ угрозы и для острастки другимъ, виновный только облакался, вмѣсто вицмундира, въ солдатскую сермягу и какъ бы выставлялся на позоръ; если же потомъ снова провинится, ему брили лобъ. Само собою разумѣется, рассказанный случай могъ произойти только въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ при князѣ Сергіѣ Михайловичѣ Голицынѣ, который былъ попечителемъ только для парада; всѣми же дѣлами по управленію округа завѣдывалъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Тогда зачастую слышалась угроза солдатчиною, и спустя много лѣтъ послѣ того мерещилось мнѣ иногда во снѣ, что мнѣ брѣютъ лобъ, и я надѣваю на себя солдатскую амуницію. Слава Богу, что на слѣдующій годъ явился къ намъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ и привезъ съ собою нашего милого и дорогого инспектора Платона Степановича Нахимова. Съ тѣхъ поръ страхи и ужасы прекратились, и наступило для студентовъ счастливое время.

Описывая топографію нашего общежитія, я долженъ присовокупить, что цѣлую половину дня, свободную отъ лекцій, мы проводили не въ нумерахъ, а въ трактирѣ. Онъ назывался „Железнымъ“, потому что помѣщался надъ лавками, въ которыхъ и теперь торгуютъ желѣзомъ—напротивъ Александровскаго сада, гдѣ онъ оканчивается угломъ къ Иверской. Содержалъ его купецъ Печкинъ. Для насъ, студентовъ, была особая комната, непроходная, съ выходомъ въ большую залу съ органомъ, или музыкальной машиной. Не знаю, когда и какъ студенты завладѣли этой комнатой, но въ нее никто изъ постороннихъ къ намъ не заходилъ; а если, случайно, кто и попадалъ изъ чужихъ, когда комната была пуста, немедленно удалялся въ залу. Вѣроятно мы обязаны были снисходительному распоряженію самого Печкина, который такимъ образомъ былъ по времени первымъ изъ купечества покровителемъ студентовъ и, такъ сказать, учредителемъ студенческаго общежитія. Въ той комнатѣ мы читали книги и журналы, готовились къ экзамену, даже писали сочиненія, болтали и веселились, и особенно наслаждались музыкою „машины“, а собственно изъ трактирнаго продовольствія пользовались только чаемъ, не имѣя средствъ позволить себѣ какую-нибудь другую роскошь.

Впрочемъ, когда мы были при деньгахъ, устраивали себѣ пршество: спрашивали порціи двѣ или три, раздѣляя ихъ между собою по частямъ.

Особенную привлекательность имѣлъ для насъ трактиръ потому, что тамъ мы чувствовали себя совсѣмъ дома, независимыми отъ казенновоштной дисциплины, а главное, могли курить вдоволь; въ зданіи же университета это удовольствіе намъ строго воспрещалось. Чтобы соблюдать экономію, мы приносили въ трактиръ свой табакъ, покупая его въ лавочкѣ, и то не всегда цѣлой четвертью, а только ея половиною, отрѣзанною отъ пакета. И чай пили экономно: на троихъ, даже на четверыхъ и пятерыхъ спрашивали обыкновенно только три пары чаю, т.-е. шесть кусковъ сахару, и всегда пили въ прикуску несчетное количество чашекъ, и потому съ искуснымъ расчетомъ умѣли подбавлять кипятковъ изъ большого чайника въ маленькій съ щепоткою чая. Съ того далекаго времени и до сихъ поръ я не иначе пью чай, какъ въ прикуску, только не таковой жиденкій. Разумѣется, многие изъ насъ были безъ кофѣйки въ карманѣ, а все же каждый день ходили въ трактиръ и пользовались питьемъ чая и курениемъ. Всегда у кого-нибудь изъ насъ оказывался пятиалтынный на три пары. Сверхъ того, намъ повѣряли и въ долгъ.

Чувство благодарности заставляетъ меня сказать, что кредиторомъ нашимъ въ этомъ случаѣ былъ не самъ Печкинъ и не его приказчикъ Гуринъ, завѣдывавшій этимъ трактиромъ, а просто-на-просто половой нашей трактирной комнаты по имени Арсеній (онъ называлъ себя „Арсентіемъ“, и мы его звали такъ же), ярославскій крестьянинъ лѣтъ тридцати-пяти, средняго роста, коренастый, съ русыми волосами, подстриженными въ скобку, и съ окладистой бородой того же цвѣта, съ выраженіемъ лица добрымъ и привѣтливымъ. Онъ былъ грамотный, интересовался журналами, какіе выписывались въ трактиръ, и читалъ въ нихъ не только повѣсти и романы, но даже и критики—и особенно пресловутаго барона Брамбеуса. И жена Арсенія, въ деревнѣ, тоже была грамотна и учила своихъ малыхъ дѣтей читать и писать. Арсеній былъ намъ и покорный слуга, и усердный дядька, въ родѣ тѣхъ, какіе еще водились тогда въ помѣщичьихъ семьяхъ. Только-что мы появимся, тотчасъ же бѣжитъ онъ за непремѣнными тремя парами и вслѣдъ за тѣмъ непремѣнно преподнесетъ номеръ журнала, въ которомъ вчера еще не была дочитана нами какая-нибудь статья; а если вышелъ новый номеръ, тащить его намъ прежде всѣхъ другихъ посѣтителей трактира и преподносить, весело осклабясь.

Въ финансовомъ отношеніи значительно отличались казенно-коштные студенты двухъ младшихъ курсовъ отъ старшихъ: первые пробавлялись немногими рублями, изрѣдка получаемыми отъ родителей или родственниковъ, а послѣдніе могли добывать очень крупныя, въ нашихъ глазахъ, суммы отъ уроковъ; медики же, кромѣ того, промышляли и практикою.

Кто бы изъ товарищей по номеру ни получилъ денегъ, это событіе доставляло общую радость всѣмъ намъ, и особенно ближайшему другу счастливаго получителя. И вотъ начинается забавная и трогательная процедура полученія присланной суммы. Изъ университета надо идти на Мясницкую въ почтамтъ съ поѣзкою; но вѣдь тамъ толкотня, народу гибель, какъ разъ вытаскать изъ кармана драгоценный конвертъ. Надо идти вдвоемъ, и получатель, подъ охраною своего товарища, выносить изъ толпы пять или много десять рублей ассигнаціями. Теперь новая забота: ассигнація слишкомъ крупна для издержекъ, надо ее теперь же размѣнять. Для этой цѣли мы обыкновенно заходили въ трактиръ, что на искосокъ противъ почтамта, и тамъ уже не требовали обычныхъ трехъ паръ, а съѣдали цѣлую порцію чего-нибудь на цѣлый двугривенный или на четвертакъ.

Разсказываю всѣ эти мелочи для того, чтобы дать вамъ понятіе, какъ лишенія и нужда, давая цѣну избытку, воспитывали въ насъ способность умѣючи распорядиться своими средствами, отдавать въ нихъ себѣ отчетъ и, довольствуясь малымъ, быть счастливыми.

Впослѣдствіи, съ третьяго и даже со второго курса мы, какъ сказано, стали богатѣть и могли уже позволять себѣ нѣкоторую роскошь, а именно, соединяя пріятное съ полезнымъ иной разъ, какъ говорится, покутить не въ одиночку, а всегда въ товариществѣ, не забывая при этомъ излишекъ суммы употребить на пріобрѣтеніе любимыхъ книгъ; такъ, напр., будучи уже на второмъ курсѣ, я купилъ себѣ на французскомъ языкѣ „Эрнани“ Виктора Гюго и на нѣмецкомъ „Фауста“ Гёте.

Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о нашихъ пиршествахъ и забавахъ, приведу два-три примѣра.

Пиршества, происходившія обыкновенно по ночамъ, разумѣется, въ известной уже вамъ комнатѣ „Желѣзнаго“ трактира, состояли въ умѣренномъ количествѣ блюдъ, которыя мы запивали пивомъ и мадерою или лиссабонскимъ. Пили не много, но съ непривычки чувствовали себя совершенно пьяными, можетъ быть, по юношеской живости сочувствія къ тѣмъ изъ насъ, которые действительно хмелѣли отъ водки. Насъ опяняло веселье, бол-

товня, шумъ и хохотъ, опьянялъ насъ разгуль, и мы выносили его вмѣстѣ съ собой на улицу, не хотѣлось съ нимъ разставаться и идти домой, чтобы заспать его на казенной подушкѣ; надобно дать ему хоть немножко простору на свѣжемъ воздухѣ, вдоль „по улицѣ мостовой“. Разгоряченными головами нужно было чего-нибудь особеннаго, небывалаго, нало, напр., прокатиться на дрожжахъ, но не такъ, какъ катаются люди, а на свой особенный манеръ. И всѣ мы, человѣкъ пять или шесть, должны размѣститься порознь, и каждый садится верхомъ на лошадь, ноги ставить вмѣсто стремянъ на оглобли, а чтобы не свалиться, руками ухватится за дугу, а самъ извозчикъ сидитъ на мѣстѣ сѣдова и править лошадей. И вотъ, при свѣтѣ луны вдоль Александровскаго сада плетется гуськомъ небывалая процессія, оглашаемая хохотомъ и криками. Это, по нашему, была пародія на „Лѣснаго Царя“ Гёте и на „Свѣтлану“ Жуковского.

Другой разъ мы охмелѣли въ воинственномъ расположеніи духа; мы были въ мундирахъ со шпагою и съ треуголкой на головѣ. Намъ пришла счастливая мысль обревизовать будочниковъ, исправно ли они сторожатъ при своихъ будкахъ, и кто изъ нихъ не сдѣлаетъ намъ чести подъ козырекъ, подобающую нашему офицерскому чину, того колотить. Не знаю, сколько мы совершили опытовъ такого дозора, хорошо помню только вотъ что: каждый разъ, какъ только кто изъ насъ обидитъ будочника, тотчасъ же сунетъ ему въ руку гривенникъ или пятиалтынный сердобольный Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, который тогда находился въ числѣ насъ. Разныя курьезныя подробности о немъ прочтете въ слѣдующей главѣ.

Самый курьезный образчикъ нашихъ кутежей я приберегу къ концу. Дѣло было зимою, въ Николинъ день. Мы были при деньгахъ и вечеромъ собрались въ „Желѣзномъ“ повеселиться уже подъ моимъ предсѣдательствомъ, такъ какъ я былъ тогда старшимъ нашего нумера. Было насъ человѣкъ пять, шесть, между прочими и два брата Езерскіе, Игнатій и Феликсъ, поляки, изъ люблинской гимназіи; старшій братъ, Игнатій, отличался веселымъ нравомъ и находчивостью. Рѣшительно не помню, какъ мы пировали и какъ сошли внизъ по лѣстницѣ, чтобы отправиться домой.

Настоящая исторія начинается съ этого пункта. Были ли мы дѣйствительно пьяны, или воображали себя пьяными, только мы чувствовали, что не можемъ ступить шагу по оледенѣвшему тротуару. На улицѣ, въ глухую ночь, ни одного извозчика. Кому-то изъ насъ пришла счастливая мысль перебраться съ грѣхомъ по-

поламъ, хоть ползкомъ, на ту сторону мостовой къ угольнымъ воротамъ Александровскаго сада: тамъ, по рыхлому снѣгу можно какъ-нибудь доплетись до воротъ у манежа, а оттуда рукой подать — университетъ. Но и по расчищенной дорожкѣ сада было скользко, и мы догадались свернуть въ сторону и направились по сугробамъ, погружая ноги въ снѣгъ по самыя колѣни. Таковъ способъ переправы оказался очень удобенъ; онъ давалъ надежащій устой для поддержки всего корпуса, а если иной разъ и свалишься, то на рыхлую постель снѣга. Направлялись мы, хорошо помню, отъ одного дерева къ другому, цѣпляясь за сучья и стволы. Переправа совершалась, вѣроятно, долго. Намъ было весело; мы кричали и пѣли пѣсни. Затѣмъ ужъ не помню какъ попали мы на передній дворъ университета, выходящій на Моховую. Нѣтъ сомнѣнія, что мы во время своего странствованія по снѣгамъ успѣли настолько отрезвиться, что могли бы хоть ползкомъ взобраться по лѣстницѣ главнаго входа; но веселье, хохотъ, юный разгулъ до того насъ опьянили, что намъ казалось совершенно невозможнымъ попасть наверхъ. Иные изъ насъ, какъ сейчасъ вижу, карабкались даже по стѣнѣ, чтобы вмѣсто ступенекъ подняться, такимъ образомъ, до верхней площадки. Тогда, въ качествѣ старшаго между своими товарищами, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность позаботиться о водвореніи ихъ на мѣсто жительства. По срединѣ двора, передъ главнымъ входомъ, былъ высокій столбъ; на немъ подъ навѣсомъ висѣлъ колоколь, а отъ его языка внизъ спускалась веревочка. Я добрался до столба и ударилъ въ набатъ. Благоразумная мѣра оказалась дѣйствительною. Явилось нѣсколько солдатъ изъ нашихъ служителей, помогли намъ взобраться по лѣстницамъ и благополучно уложили насъ спать.

На другой день поутру, только-что мы проснулись, началась расправа. Платонъ Степановичъ насъ требуетъ къ себѣ вкадаго по одиночкѣ, только братьевъ Езерскихъ обоихъ вмѣстѣ. Несмотря на суровый видъ и рѣзкость голоса, во всемъ его существѣ чувствовалось мнѣ трогательное безпокойство, — точно онъ потерялъ какую дорогую вещь или очень нужную официальную бумагу и не можетъ найти, чего ищетъ. До сихъ поръ онъ считалъ меня самымъ примѣрнымъ по благонравію студентомъ, и вотъ теперь не можетъ вѣрить, не можетъ понять, чтобы я такъ преступно провинился. Онъ удивляется и жалѣетъ меня. Разумѣется, я сердечно раскаивался и вышелъ отъ него со слезами на глазахъ.

Не знаю, какой нагоняй далъ онъ другимъ. Вѣроятно, значительно рѣзче, чѣмъ мнѣ, но братья Езерскіе составляли исклю-

ченіе по своимъ умственнымъ и нравственнымъ достоинствамъ, и насъ очень интересовало, какъ ихъ приметъ инспекторъ и какъ будетъ распевать. Онъ продержалъ ихъ долго, конечно, жалѣлъ и стыдилъ ихъ столько же, какъ и меня, наконецъ они являютъ въ номеръ, — Феликсъ солидный и спокойный, какъ всегда, а Игнатій прыгаетъ, кривляется и хохочетъ до упаду. — „Ну что? что такое?“ — спрашиваемъ его. „Потѣха!“ — кричитъ онъ, а самъ хохочетъ, передразнивая Платона Степановича: „а ужъ какъ я на васъ надѣялся во всемъ, ужъ такъ-таки во всемъ ставилъ я васъ обоихъ въ примѣръ всѣмъ прочимъ студентамъ изъ царства польскаго; какъ же вамъ не стыдно, какъ не грѣшно измѣнить мнѣ, обмануть меня такою неслыханною шалостью; да вѣдь вы, Игнатій, и старше другихъ, и должны держать себя разсудительнѣе и благоразумнѣе своихъ товарищей“. — Да вѣдь это самое я и чувствовалъ тогда, — говорю ему, — и сколько могъ воздерживался; вотъ и братъ тоже; но что же намъ было дѣлать? между русскими товарищами мы, поляки, находились въ исключительномъ положеніи, и вы, Платонъ Степановичъ, на нашемъ мѣстѣ не отказались бы отъ лишняго стакана: вѣдь вчера были именины государя императора, все пили за его здоровье, — какъ же намъ-то, полякамъ, было отказываться отъ такого тоста! ... — Ну, по добру по здоровью, и отпустилъ насъ: „довольно, убирайся съ своимъ братомъ! тебя не переговоришь никогда“.

По старинному обычаю Платонъ Степановичъ въ разговорѣ съ нами употреблялъ и „ты“, и „вы“, смотря по расположенію духа и по тому, съ кѣмъ изъ насъ и о чемъ была рѣчь.

И подумайте только, что все это творилось въ царствованіе императора Николая Павловича, знаменитое своей строгой дисциплиною, и безнаказанно спускались такіа шалости, доходившія до рѣшительнаго буйства! Насъ не выгоняли, не отдавали въ солдаты, и за пьяную нивольщину, оглашенную набатомъ, никто изъ насъ и въ карцеръ не сидѣлъ. Платонъ Степановичъ только припугнулъ насъ графомъ (этимъ нарицательнымъ именемъ называли попечителя графа Сергія Григорьевича Строганова): „Ну а что скажетъ графъ, когда я ему доложу? Смотрите у меня, берегитесь!“ Это была его обычная фраза и самая высшая угроза.

Чтобы ориентироваться въ сосѣдствѣ нашего студенческаго общежитія, я долженъ нѣсколько познакомить васъ съ населеніемъ всѣхъ корпусовъ университетской усадьбы въ предѣлахъ Моховой, Нивитской и Долгоруковскаго переулка, соединяющаго эту послѣднюю улицу съ Тверской. Платонъ Степановичъ занималъ лѣвое крыло главнаго корпуса, идущее по Нивитской, но

не все: часть его, съ окнами на передній дворъ, отдѣленная корридоромъ, служила квартирою секретарю правленія Рагузину. Правое крыло, также раздѣленное корридоромъ, вмѣщало въ себѣ квартиры главнаго субъ-инспектора Степана Ивановича Клименова, который до Нахимова исправлялъ должность инспектора, синдика университетскаго правленія Назимова и субъ-инспектора Зайковскаго.

На заднемъ дворѣ длинный двухъ-этажный корпусъ, который тянется по Никитской до угольныхъ воротъ, выходящихъ на улицу противъ Никитскаго монастыря, былъ занятъ клинкою и такъ-называемыми кандидатскими нумерами, въ которыхъ помѣщались ассистенты клиники и оставляемые при университетѣ лучшіе изъ кончившихъ курсъ кандидатовъ. Тутъ же была и квартира университетскаго священника, профессора богословія Терновскаго.

Надобно припомнить, что такъ-называемая клиника на углу Рождественки и Кузнецкаго моста еще составляла тогда самостоятельное учрежденіе, подъ названіемъ медико-хирургической академіи, куда пріемъ студентовъ былъ значительно легче и менѣе разборчивъ, нежели въ университетъ.

Корпусъ, о которомъ я говорю, въ то время не былъ перегороденъ поперечною пристройкою, такъ что между нимъ и садомъ былъ свободный проходъ отъ главнаго зданія въ ворота на Никитскую. Намъ, студентамъ, доставляло особенное удовольствіе избирать въ лѣтнюю пору именно этотъ путь. Въ сторонѣ корпуса, ближайшей къ главному зданію, въ нижнемъ этажѣ тянулась открытая галерея; по ней любила прогуливаться взадъ и впередъ очень красивая дѣвица, стройная, бѣлая и румяная, съ роскошными русыми косами; и тутъ же на балконѣ обыкновенно сидѣлъ старичокъ, ея отецъ. Это былъ мужъ главной акушерки, по фамиліи Армфельдъ, которая завѣдывала родильнымъ отдѣленіемъ клиники, помѣщавшемся въ этой части корпуса.

Ея дочь вскорѣ вышла замужъ за профессора политической экономіи Чевилѣва, который былъ друженъ съ ея братомъ и виѣстѣ съ нимъ воротился изъ-за границы въ 1835 г. Молодой Армфельдъ былъ медикъ и получилъ въ московскомъ университетѣ кафедру исторіи медицины.

Подробности эти очень живо представляются мнѣ потому, что онѣ неразрывно связаны въ моихъ воспоминаніяхъ съ двумя катастрофами, разразившимися черезъ десятилѣтъ потомъ въ семьѣ обоихъ этихъ профессоровъ.

Несчастная дѣвица Армфельдъ, сосланная въ Сибирь по суду

въ политическомъ преступленіи, была дочь этого самаго профессора исторіи медицины. Чевилёвъ, оставивъ университетскую кафедру, занялъ довольно видное мѣсто въ петербургской администраціи. Въ концѣ 50-хъ годовъ съ своимъ семействомъ — у него уже былъ тогда и сынъ лѣтъ 20 — проводилъ онъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, занимая помѣщеніе въ такъ-называемомъ Софійскомъ дворцѣ, внизу города, за громаднымъ царсосельскимъ прудомъ. Однажды ночью въ квартирѣ его произошелъ пожаръ; загорѣлось въ тѣхъ комнатахъ, которыя составляли его кабинетъ и спальню. Пожару не дали распространиться, только пострадала спальня. На постели лежалъ обгорѣлый трупъ Чевилёва. По освидѣтельствваніи оказалось, что онъ былъ предварительно политъ версиномъ. Изъ кабинетнаго стола было похищено — не помню десять или двадцать тысячъ рублей. Слѣдствіе и судъ были ведены въ большомъ секретѣ. По городу ходили разные слухи, которые не хочу повторять. Чтò стало съ сыномъ Чевилёва, не имѣю никакихъ свѣдѣній. Вотъ какая злосчастная судьба постигла молодую особу, которая, гуляя по своей террасѣ, бывало, отвѣчала намъ привѣтливою улыбкою, когда мы, проходя мимо, отвѣшивали ей усердные поклоны.

Позади сада, въ которомъ, какъ сказано выше, мы гуляли и читали, между анатомическимъ театромъ и клинкою стояла деревянная башня; ея верхняя часть имѣла видъ садовой открытой бесѣдки съ крышею на столбахъ, или деревянной колокольни съ пролетомъ. На мѣстѣ большого колокола въ этой бесѣдкѣ довольно часто въ лѣтнюю пору висѣлъ съ перекладины человѣчій скелетъ, кое-какъ связанный по суставамъ веревочками. Надобно вамъ знать, что въ подвалахъ анатомическаго театра былъ складъ труповъ для лекцій по анатоміи; изъ нихъ выбирался одинъ для скелета; служители-солдаты клали его въ котелъ, вываривали кости, и потомъ для просушки вывѣшивали въ пролетахъ башни, гдѣ обыкновенно сушилось солдатское бѣлье.

На университетскомъ дворѣ, направо, у самыхъ воротъ, входящихъ въ Долгоруковскій переулокъ, стояло тогда невысокое каменное зданіе, которое было занято квартирою ректора университета, Болдырева, профессора арабскаго и персидскаго языковъ, очень добраго и всѣми уважаемаго. Онъ былъ тогда чловѣкъ уже пожилой, очень любилъ молодого профессора эстетики, Надеждина, и далъ ему помѣщеніе у себя, а Надеждинъ, въ свою очередь, въ одной изъ своихъ комнатъ держалъ при себѣ Бѣлинскаго, впоследствии ставшаго знаменитымъ критикомъ, а тогда не болѣе какъ студента, который, не кончивъ универси-

тетскаго курса, былъ сотрудникомъ и правою рукою Надеждина, издававшаго въ то время журналъ „Телескопъ“. Особенное удобство для этого изданія состояло въ томъ, что оно тутъ же, въ стѣнахъ этого корпуса, и подвергалось цензурѣ, такъ какъ ректоръ Болдыревъ былъ вмѣстѣ и цензоромъ.

Однажды вечеромъ приходимъ мы въ „Желѣзный“, опротивѣвъ бѣжать къ намъ Арсентій и вмѣсто трехъ паръ чаю подносить намъ номеръ „Телескопа“. „Вотъ,—говорить,—вчера только-что вышелъ: прелюбопытная статейка, всѣ ее читаютъ, удивляются; много всякаго разговора“. Это была знаменитая статья Чаадаева. Мы, разумѣется, тотчасъ же принялись ее читать. Съ того времени и до сихъ поръ мнѣ ни разу не случилось перечитать ее вновь, но помню и теперь изъ нея одну только фразу: „Россія приняла христіанство изъ рукъ растлѣнной Византіи“.

Дней черезъ десять послѣ этого у насъ въ номерахъ разнесся слухъ, что „Телескопъ“ запрещенъ, и что ректору и Надеждину грозитъ великая бѣда. Я пользовался расположеніемъ субъ-инспектора Степана Ивановича Клименкова и его жены Ольги Семеновны, и былъ къ нимъ вхожъ. Чтобы разузнать подробности дѣла, лучше всего было обратиться къ нимъ. Ольга Семеновна страшно взволнована, въ слезахъ; говорить, сама захлебывается, жалѣетъ Болдырева, негодуетъ на Надеждина, называетъ его предателемъ, злодѣемъ. Она была очень дружна съ Болдыревыми, да и кромѣ того отличалась горячимъ и чувствительнымъ до раздраженія темпераментомъ, и теперь какъ было ей не раздражиться до-нельзя, когда сама она была свидѣтельницею преступленія, которое въ конецъ погубило ея друзей. Поуспокоившись немножко, вотъ что она мнѣ рассказала. Дня за три до выхода въ свѣтъ той книжки „Телескопа“, она и Рагузина вечеромъ играли въ карты съ Болдыревымъ. Болдыревъ очень любилъ по вечерамъ отдыхать отъ своихъ занятій, съ большимъ увлеченіемъ играя по маленькой съ дамами. Въ этотъ вечеръ Надеждинъ не давалъ имъ покоя и все приставалъ къ Болдыреву, чтобы онъ оставилъ карты и процenzуровалъ въ корректурныхъ листахъ одну статейку, которую надо завтра печатать, чтобы номеръ вышелъ въ свое время; но Болдыревъ, увлекшись игрою, ему отказывалъ и прогонялъ его отъ себя. Наконецъ, согласились на томъ, что Болдыревъ будетъ продолжать игру съ дамами и вмѣстѣ прослушаетъ статью,—пусть читаетъ ее самъ Надеждинъ,—и тутъ же, во время карточной игры, на ломберномъ столѣ подписалъ одобреніе къ печати. Когда статья вышла въ свѣтъ, оказалось, что все рѣзкое въ ней, задирательное, пикантное и вообще недозволяемое цензурою, при чтеніи

Надеждинъ намѣренно пропускалъ. Зная, съ какимъ увлеченіемъ по вечерамъ играетъ въ карты Болдыревъ съ своими сосѣдами, Надеждинъ умышленно устроилъ эту продѣлку.

Не замедлила изъ Петербурга и грозная резолюція по этому дѣлу: Болдырева, какъ дурака, отрѣшить отъ службы, Надеждина, какъ мошенника, сослать изъ Москвы, а Чаадаева, какъ сумасшедшаго, держать подъ строгимъ надзоромъ, приставивъ къ нему двухъ полицейскихъ врачей для наблюденія за его здоровьемъ. Это свѣденіе мнѣ сообщила та же Клименцова.

III.

Дружескія отношенія, скрѣпляемые общими интересами, согласіемъ въ идеяхъ и стремленіяхъ, взаимною симпатією, даже самую привычную жить сообща, преимущественно ограничивались тѣснымъ кругомъ товарищей нашего номера. До извѣстной степени все это нѣсколько обуславливалось возрастомъ и временемъ совмѣстнаго пребыванія въ номерѣ, то-есть, или четыре года цѣлаго курса, или одинъ, два года.

При нашемъ поступленіи въ университетъ, для философскаго факультета былъ курсъ трехгодичный, а для медицинскаго—четырёхгодичный; прибавка еще года на тотъ и другой факультетъ началась именно съ насъ, такъ что въ 1837 г. выпуска студентовъ изъ университета вовсе не было, и потому оба послѣдніе года мы были студентами старшими, и на третьемъ курсѣ, и на четвертомъ.

Вступивъ въ общежитіе нашего номера, я засталъ въ немъ двухъ студентовъ третьяго курса, Шпака и Лавдовскаго, и нѣсколькихъ втораго и перваго. Всѣ они были словеснаго отдѣленія, за исключеніемъ того математика, который, помните, сужалъ насъ свѣчами. Изъ моихъ близкихъ друзей и товарищей всѣ были словесники.

Отношенія мои къ двумъ студентамъ третьяго курса ограничивались почтительностью съ моей стороны и большею или меньшею снисходительностью съ ихъ стороны. Шпакъ, изъ варшавской гимназіи, былъ довольно любезенъ со мной, говорилъ о своихъ ученыхъ работахъ; я питалъ къ нему большое уваженіе, узнавъ отъ него, что онъ переводитъ съ латинскаго и польскаго разные историческіе документы для одного русскаго вельможи, Муханова, находящагося въ Варшавѣ, который издаетъ свое сочиненіе о Самозванцѣ и о смутномъ времени. Другой третьекурс-

никъ, по фамиліи Лавдовскій, не помню хорошенько, изъ Вологды или Костромы,—изъ семинаристовъ, и говорилъ на о. И по наружности, и по нраву онъ походилъ на Сабакевича; я его очень уважалъ и побаивался, и относился въ нему какъ ученикъ гимназіи къ учителю. Особенное, такъ сказать, благоговѣніе питалъ я къ нему за то, что онъ перевелъ съ нѣмецкаго всѣ три тома Августа-Вильгельма Шлегеля о драматической поэзіи, по указанію профессора Ивана Ивановича Давыдова, который потомъ и помѣстилъ этотъ переводъ въ третьемъ томѣ своего курса словесности.

Когда, по окончаніи курса, я поступилъ младшимъ учителемъ русскаго языка во вторую московскую гимназію, тамъ засталъ Лавдовскаго уже старшимъ учителемъ словесности, и нѣкоторымъ образомъ официалъно подпалъ подъ его начало. Моя робость передъ его авторитетной суровостью не изгладилась и тогда, когда я, возвратившись черезъ два года изъ Италіи въ Москву, въ 1841 году, однажды встрѣтился съ нимъ на улицѣ.— „Ахъ, здравствуйте,—говорю я,—очень радъ васъ видѣть“.— „Чему же вы радуетесь?“—спрашиваетъ онъ.— „Конечно,—отвѣчаю ему,—не чему особенно радоваться“... Такъ и разошлись.

Особенно обязанъ я въ умственномъ развитіи и успѣшномъ занятіи учебными предметами вліянію и содѣйствію двухъ товарищей, которыхъ я засталъ на второмъ курсѣ; оба они были поляки и оба поступили въ университетъ изъ полоцкаго коллегіума. Это были Класовскій и Коссовичъ.

Владиславъ Игнатьевичъ Класовскій съ ранней молодости получилъ солидное образованіе. Кто были его родители, я не зналъ, но дѣтство свое до шести или семи лѣтъ онъ провелъ въ женскомъ монастырѣ у своей тетки, монахини; она была француженка и говорила съ нимъ всегда только по-французски,—потому онъ отлично зналъ этотъ языкъ. Затѣмъ его взялъ къ себѣ въ мужской монастырь его дядя, который съ нимъ говорилъ большею частью по-латыни, что дало ему отличную подготовку для изученія римскихъ классиковъ. Послѣдніе года два обученія въ полоцкомъ коллегіумѣ онъ жилъ на квартирѣ одинъ, въ одномъ домѣ съ Коссовичемъ. Это, какъ мнѣ кажется, было какое-то надворное строеніе очень малыхъ размѣровъ; внизу была квартира Коссовича, выходившая въ сѣни, и тутъ же изъ сѣней была лѣстница на чердакъ, по которому надо было сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы попасть въ маленькую коморку, въ которой пріютился Класовскій. Эти подробности намъ пригодятся, чтобы на-

гляднѣе представить себѣ одинъ курьезный случай, о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Если въ первые два года моего пребыванія въ университетѣ я значительно успѣлъ во французскомъ и латинскомъ языкахъ, то этимъ я обязанъ Класовскому. Не знаю почему, онъ особенно полюбилъ меня и сошелся со мной ближе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ изъ русскихъ студентовъ. Все, что задавалось изъ класиковъ на лекціяхъ латинскаго языка, онъ прочитывалъ со мною, заставляя меня переводить и объясняя текстъ грамматическими и реальными комментаріями. Иногда, работая надъ *Виргиліемъ* или *Гораціемъ* за своимъ столикомъ, я наталкивался на какое-нибудь затрудненіе и тогда переключивался съ нимъ черезъ весь номеръ, какъ перевести или понять такую-то фразу, а онъ сидитъ въ другомъ углу тоже за своимъ столикомъ и отвѣчаетъ оттуда наизусть цѣлымъ стихомъ, или двумя стихами, гдѣ стоитъ затрудняющее меня выраженіе, и переводитъ цѣлое мѣсто.

По-французски онъ читалъ со мной изъ „Германіи“, мадамъ Стааль, и весь романъ Виктора Гюго „*Notre-Dame de Paris*“. Во французскомъ я успѣлъ настолько, что, будучи на второмъ курсѣ, могъ уже осилить одинъ, безъ помощи Класовскаго, „Исторію цивилизаціи Европы“, Гизо.

Сверхъ того, онъ упражнялъ меня въ польскомъ на чтеніи стихотвореній Мицкевича. Я и до сихъ поръ помню нѣкоторые выученные мною тогда наизусть стихи, напр. изъ „Крымскихъ сонетовъ“, или изъ поэмы „Дѣды“.

Этими уроками польскаго языка ограничивалась для меня тогда вся область славянскихъ нарѣчій, потому что этотъ предметъ еще не введенъ былъ при насъ въ университетское преподаваніе, и только на четвертомъ курсѣ читалъ намъ Каченовскій исторію славянскихъ литературъ по книгѣ Шафарика.

Вліяніе Класовскаго на меня не ограничивалось обученіемъ языковъ. Онъ любилъ со мною бесѣдовать подолгу о разныхъ интересующихъ меня вопросахъ философіи, религіи и такъ-называемой морали; это бывало обыкновенно по вечерамъ, въ сумерки, когда мы вмѣстѣ съ нимъ взадъ и впередъ гуляли по длинному корридору нашего общежитія. Онъ не высказывалъ прямо и рѣшительно своихъ убѣжденій, но умѣлъ ловкими намеками и извилистыми путями доводить меня до того пункта, который назначалъ онъ своею цѣлью. Его, очевидно, забавляла моя наивность, и ему было интересно производить надо мною опыты сознательнаго уразумѣнія добра и зла, и онъ до нѣкоторой степени успѣлъ бросить въ смутное броженіе моихъ понятій

первыя искры свободомыслія. Получивъ раннее воспитаніе въ двухъ католическихъ монастыряхъ, мужскомъ и женскомъ, онъ былъ плохой католикъ и потому не затрогивалъ моего православія. Онъ былъ матеріалистъ, поскольку это было возможно въ эпоху романтизма, и о высшихъ предметахъ духовнаго міра отзывался слегка, впрочемъ не оскорбляя моей религіозной совѣсти. Какъ бы то ни было, но въ душѣ моей совершился рѣзкій переворотъ, которымъ отдѣляется беззаботная юность съ ея безотчетными помыслами отъ того возраста смѣлыхъ порывовъ мысли и неудовлетворяемыхъ желаній, который я назвалъ бы періодомъ бури и стремленія (Sturm und Drang), какъ нѣмцы характеризуютъ свою литературу второй половины XVIII вѣка.

Я былъ тогда уже на второмъ курсѣ. Товарищи видѣли мою дружбу къ Класовскому; она была такъ сильна и постоянна, что ее не могъ не замѣтить даже и Коссовичъ, который по своей разсѣянности не обращалъ вниманія рѣшительно ни на что его окружающее. Однажды, не знаю по какому поводу, онъ сказалъ мнѣ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ: „А ты полагаешь, Класовскій не вѣритъ ни въ Бога, ни въ чорта? А я тебѣ скажу, что онъ самолично видѣлъ чорта, и я былъ при этомъ свидѣтелемъ. Это было мѣсяца за два до нашего поступленія въ университетъ; мы жили тогда въ Полоцкѣ, вмѣстѣ, въ одной хибарѣ, я внизу, а онъ на чердакѣ. Разъ ночью меня разбудилъ страшный стукъ и крики, раздававшіеся сверху. Очнувшись, слышу голосъ Класовскаго. Онъ зоветъ меня, а самъ причитаетъ: „ай, ай, дьяволь, спасите меня! о, Господи, Jesus-Maria!“ Я бросился къ нему на чердакъ, и только-что влѣзъ по лѣстницѣ, наткнулся на что-то мягкое и волосатое. Это былъ козелъ. Я увидѣлъ изъ мрака темное очертаніе козлиной головы съ рогами, которое обрисовывалось въ полусвѣтѣ окна изъ растворенной двери. А Класовскій все бѣсновался и звалъ меня на помощь. Я вбѣжалъ въ его комнату и насилу успокоилъ его. Въ тотъ день хозяинъ купилъ козла, чтобы по ночамъ онъ оберегалъ лошадей. Козелъ, на незнакомомъ еще ему дворѣ, вмѣсто конюшни, забрелъ черезъ отворенную дверь къ намъ въ сѣни, а оттуда, по своей привычкѣ лаять, попалъ на чердакъ. Теперь видишь, что Класовскій вѣруеть въ чорта, а кто вѣруеть въ чертей—вѣруеть и въ ангеловъ.“

Класовскій былъ самаго нервнаго темперамента, можно сказать—женоподобнаго, въ которомъ раздражительность соединяется съ деликатною мягкостью. И въ наружности онъ отличался женоподобіемъ. По нѣжной, какъ бы прозрачной бѣлизнѣ лица его

то-и-дѣло вспыхивалъ легкій румянецъ, при малѣйшемъ движеніи чувства; самыя волосы его, свѣтло-русые, очень рѣдкіе и какъ бы рассыпчатые, до того были мягки и нѣжны, какъ шолововыя пряди, что при всякомъ движеніи головы мѣняли свое мѣсто и болтались, какъ бахрома, спускаясь на виски и на большой и широкій лобъ. Эти растрепанныя космы соотвѣтствовали, казалось мнѣ, растрепанности блуждающихъ помысловъ его горячей, безпокойной головы. Роста онъ былъ средняго, худощавъ, необыкновенно живъ въ движеніяхъ, но безъ всякой угловатости; вообще личность далеко не дюжинная, богатая внутреннимъ содержаніемъ, то неотразимо привлекающая, то вовсе неожиданно отталкивающая, именно изъ такихъ натуръ, которыя болѣе обречены на то, чтобы волноваться и страдать, а не радоваться и спокойно наслаждаться жизнью.

Когда я переходилъ со второго курса на третій, онъ, по выдержаніи экзамена на кандидата, оставилъ университетъ и отправился куда-то далеко отъ Москвы учителемъ гимназій, гдѣ и прослужилъ всѣ шесть лѣтъ, обязательныя для казеннокоштныхъ студента. Въ теченіе всего этого времени я съ нимъ не видался.

Когда, по возвращеніи изъ двухлѣтняго пребыванія моего въ Италиі, я получилъ мѣсто учителя русской словесности въ старшихъ классахъ третьей московской гимназій по ея реальному отдѣленію и жилъ у графа Сергія Григорьевича Строганова въ домѣ князя Гагарина (нынѣ Бутурлиныхъ) на Знаменкѣ, противъ Александровскаго военнаго училища, Класовскій переехалъ въ Москву и былъ назначенъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ той же гимназій. Наше положеніе значительно измѣнилось. Я возмужалъ, многому научился, работая самостоятельно въ Неаполѣ и въ Римѣ и всего насмотрѣлся вдоволь; а онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ неподвижной обстановкѣ провинціальнаго захолустья; онъ какъ-то сохранился, на мой взглядъ, примирѣлъ и глубже ушелъ въ себя. Впрочемъ, потерянное равновѣсіе прежней дружбы и товарищества по видимости мало измѣнило наши старинныя отношенія, которыя мы все же продолжали скрѣплять товарищескимъ „ты“.

Онъ помѣстился очень удобно, около самой гимназій въ Варсонофьевскомъ переулкѣ, съ Лубянки на правой сторонѣ, въ длинномъ, невысокомъ, двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, который весь былъ занятъ меблированными комнатами, раздѣленными на отдѣльные номера, съ большою общою залою въ верхнемъ этажѣ, для всѣхъ живущихъ по номерамъ. Это было нѣчто въ родѣ такъ-называемыхъ пансіоновъ. Тутъ квартировали учителя раз-

ныхъ учебныхъ заведеній, гувернантки и учительницы, а также окончившіе курсъ кандидаты и дѣйствительные студенты. Дамы жили въ верхнемъ этажѣ, мужчины—въ нижнемъ. Всѣ они въ общую залу собирались обѣдать, а по вечерамъ отдохнуть отъ своихъ дневныхъ трудовъ и занятій, поболтать между собою, веселиться, а иногда и танцовать, такъ какъ тутъ было и фортепиано. Между живущими были артисты и артистки. Ежедневно придавали они этимъ вечернимъ собраніямъ разнообразіе и новый интересъ пѣніемъ и игрою на инструментѣ. И мнѣ случалось бывать на этихъ танцевальныхъ и музыкальныхъ вечерахъ, когда я навѣщалъ Класовскаго. Въ собраніяхъ этихъ слышались звуки болѣе иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго, польскаго, нежели русскаго.

Такъ продолжалось никакъ не больше полугода. Класовскій будто скучалъ, сталъ молчаливѣе и раздражительнѣе. Его уныніе я объяснялъ себѣ тѣмъ, что онъ недоволенъ своимъ положеніемъ младшаго учителя въ гимназій.

Однажды, очень рано поутру, меня разбудилъ и переполошилъ мой товарищъ по университету, Каменскій, который квартировалъ въ томъ же пансіонѣ. Онъ бросился ко мнѣ поскорѣе сообщить о великой бѣдѣ, постигшей Класовскаго, съ тѣмъ, чтобы я до девяти часовъ утра успѣлъ передать о ней графу и такимъ образомъ предупредить официальное донесеніе отъ оберъ-полиціймейстера или отъ директора гимназій. Вотъ чтó случилось съ Класовскимъ. Онъ влюбился въ одну изъ дѣвицъ пансіона; осталось неизвѣстнымъ, пользовался ли онъ ея взаимностью. Равнодушіе ли этой особы къ нему, или ревность, или чтó другое довело его до отчаяннаго поступка, только въ эту ночь онъ рѣшился застрѣлиться. Каменскій, сообщая мнѣ о катастрофѣ, выразилъ свое недоумѣніе, какъ сосѣди Класовскаго по обѣимъ сторонамъ его номера могли къ нему ворваться въ самый моментъ стрѣльня изъ пистолета и какъ спасли его отъ самоубійства: далъ ли пистолетъ осѣчку, или не попалъ въ цѣль, но во всякомъ случаѣ по слѣдствію оказалось, что дверь отъ Класовскаго въ корридоръ была не заперта, а только изнутри загорожена мебелью.

Въ половинѣ девятаго, когда графъ имѣлъ обыкновеніе пить кофе, я къ нему явился и передалъ сообщенное мнѣ Каменскимъ. „Эхъ! все одно и то же, обыкновенная исторія; вѣчно польскіе фокусы!“—сказалъ графъ и поручилъ мнѣ позвать къ нему самого Класовскаго. Я узналъ потомъ, что графъ обошелся съ нимъ снисходительно и тогда же порѣшилъ помѣстить его

учителемъ дѣтей графа Чернышова-Кругликова, отправлявшагося вскорѣ за границу года на два.

Класовскій жилъ тогда долго въ Италіи и давалъ мнѣ о себѣ вѣсть подарками; такъ онъ прислалъ мнѣ изъ Рима очень хорошенкій прессъ-папье изъ чернаго мрамора съ мозаическимъ изображеніемъ Св. Петра, съ Ватиканомъ и площадью. Эта вещь, какъ дорогое воспоминаніе, до сихъ поръ у меня въ кабинетѣ на столѣ. Кромѣ того, оттуда же онъ внесъ въ мое собраніе гравюрь очень любопытную итальянскую каррикатуру на характеры и нравы XVIII вѣка.

По возвращеніи въ Россію, онъ основался въ Петербургѣ; вскорѣ издалъ очень дѣльное описаніе Помпей съ рисунками и небольшую монографію о характерахъ и фізіономіи. Тогда же получилъ мѣсто учителя въ пажескомъ корпусѣ, а вслѣдъ за тѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности дѣтямъ великой княгини Маріи Николаевны; въ концѣ пятидесятихъ годовъ, онъ преподавалъ тѣ же предметы и покойному цесаревичу Николаю Александровичу въ объемѣ гимназическаго курса.

Въ это время я былъ вызванъ въ Петербургъ Язовомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, по порученію котораго я тогда изготовлялъ мою Историческую Грамматику и большую Историческую Хрестоматію для пособія учителямъ военно-учебныхъ заведеній, и, разумѣется, навѣстилъ Класовскаго. Онъ тогда только-что женился на миленькой нѣмочкѣ, бѣлой и румяной толстухѣ. Она показала мнѣ очень доброй и изящно-простой въ обращеніи. Въ ея отсутствіе, я передалъ Класовскому пріятное впечатлѣніе, произведенное на меня его женою; онъ мнѣ на это отвѣтилъ, что главное ея достоинство состоитъ въ томъ, что у нея нѣтъ ни души родныхъ; былъ отецъ, да и тотъ, возвращаясь однажды со службы, пропалъ безъ вѣсти.

Разговаривая съ нимъ о русской литературѣ, мы коснулись XVII вѣка, когда она сильно подчинена была польскому вліянію. Я ему, между прочимъ, сказалъ: „Вотъ вамъ бы, Владиславъ Игнатьевичъ, заняться этимъ періодомъ; вамъ, конечно, коротко знакома польская литература того времени“. Мы въ то время уже другъ другу „вывали“, называя другъ друга по имени и отчеству. „Почему это вы такъ думаете?—отвѣчалъ онъ вопросомъ:— вы это сдѣлаете гораздо лучше моего, я и по-польски-то ничего не понимаю. Да вотъ еще чтó я хотѣлъ вамъ замѣтить: вы забыли, какъ меня зовутъ. Вѣдь я не Владиславъ, а Владиміръ“.— „Вотъ тебѣ нѣ!“ подумалъ я. Съ тѣхъ поръ я не

видался съ нимъ до декабря 1859 года, когда я вызванъ былъ въ Петербургъ преподавать исторію русской литературы покойному цесаревичу Николаю Александровичу.

Разумѣется, я не замедлилъ обратиться къ Класовскому за полученіемъ свѣденій о степени познаній цесаревича въ русскомъ языкѣ и словесности, для того чтобы въ строгой послѣдовательности завершить гимназическій курсъ, пройденный его высочествомъ, своими лекціями въ подлежащемъ объемѣ университетскаго преподаванія.

Въ теченіе всего 1860 года я видѣлся довольно часто и съ Класовскимъ, и съ его женою, принималъ участіе въ ихъ семейныхъ интересахъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи въ Москву я получилъ письменное извѣстіе отъ жены Класовскаго о его смерти, съ приложеніемъ выдержки изъ газетъ, гдѣ помѣщено надгробное слово его духовника. Въ этомъ словѣ въ умиленныхъ выраженіяхъ было высказано, какимъ примѣрнымъ, глубоко вѣрующимъ христіаниномъ окончилъ онъ свою жизнь. Миръ его праху и тревоженной душѣ!

Теперь пора воротиться намъ къ нашему студенческому обществу. Казтанъ Андреевичъ Коссовичъ представлялъ собою самую рѣзкую противоположность Класовскому. Это была натура цѣльная, наивная, или, какъ говорится, непосредственная, въ себѣ самой сосредоточенная, всѣмъ довольная, но безъ малѣйшей тѣни личнаго эгоизма, натура счастливая, надѣленная благодатной способностью не вѣдать зла, не понимать возможности его существованія. Константина Дмитриевича Кавелина, бывшаго профессора московскаго университета въ сороковыхъ годахъ, товарищи называли „предвѣчнымъ младенцемъ“: этотъ почетный титулъ съ большимъ еще правомъ могъ бы носить Казтанъ Андреевичъ.

Онъ былъ великій чудакъ. Бдльшаго оригинала мнѣ никогда не случалось знать. Въ Петербургѣ слылъ за курьезнаго оригинала Костомаровъ, но его чудачество было болѣе или менѣе сознательное, и мнѣ самому случалось лично отъ него слышать о его собственныхъ оригинальныхъ выходкахъ. Коссовичъ былъ вполне безсознательный чудакъ. Все въ немъ было не такъ, какъ у другихъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на мелочи быденной жизни. Онъ ихъ не презиралъ, но онѣ сами проходили мимо него, не нарушая его, такъ сказать, олимпійскаго самодовольствія: этотъ эпитетъ, впрочемъ, и не будетъ при его особѣ фразою, потому что въ то время онъ постоянно виталъ на высотахъ Олимпа, погруженный всецѣло въ чтеніе римскихъ и греческихъ классиковъ. Онъ углубился въ это дѣло безъ всякаго

предварительнаго плана, безъ всякаго обдуманнаго намѣренія. Удовольствіе бесѣдовать съ классиками, проводить въ ихъ обществѣ цѣлыя дни само собою безъ его личной воли увлекало его, и онъ, прочитавъ одного классика, тотчасъ же бралъ другого, и такимъ образомъ съ безпримѣрной неутомимостью перечиталъ ихъ всѣхъ до одного по изданіямъ, какія могъ онъ найти въ нашей университетской библіотекѣ. Когда я поступилъ въ университетъ, онъ доканчивалъ чтеніе латинскихъ авторовъ, и все остальное время пребыванія въ университетѣ употребилъ на чтеніе греческихъ.

Сосредоточенность Коссовича была изумительна. Книга всегда у него въ рукахъ: то сидитъ онъ за своимъ столикомъ, согнувшись надъ книгою, а самъ покачивается, то вдругъ вскочить, но не отнимая глазъ отъ читаемой страницы, ходить взадъ и впередъ по номеру съ своей книгой, то медленно, чуть шагая, то остановится, то вдругъ побѣжить, натываясь на проходящихъ. Особенно забавно было смотрѣть на него, когда онъ, бывало, носится взадъ и впередъ съ какимъ-нибудь огромнымъ фоліантомъ, иной разъ вѣсомъ до полупуда. Однажды случился вотъ какой курьезъ. Съ такимъ фоліантомъ онъ помѣстился на нашемъ большомъ диванѣ, положилъ его вмѣсто подушки, а самъ легъ ничкомъ и читаетъ, ногами подрагиваетъ и весь какъ бы сотрясается и бормочетъ: должно быть, этими судорогами онъ отбивалъ себѣ тактъ, читая стихи. Вмѣстѣ съ нимъ сотрясался и фоліантъ и понемножку скатывался съ дивана, а Коссовичъ, ухватившись за него обѣими руками, продолжалъ чтеніе; но фоліантъ вдругъ скатился на полъ, а вмѣстѣ съ нимъ скатился и самъ Коссовичъ, безостановочно продолжая свое чтеніе и растянувшись тоже на полу.

Я съ нимъ былъ другенъ и онъ любилъ меня,—впрочемъ кого же онъ могъ не любить,—но я принадлежалъ къ тому тѣсному кружку товарищей, въ удовольствіяхъ котораго онъ принималъ участіе, какъ я уже разъ упомянулъ вамъ объ этомъ. Въ моихъ занятіяхъ онъ принесъ мнѣ немалую пользу, объясняя затрудненія при чтеніи греческихъ классиковъ. Сверхъ того, впоследствии, когда оба мы уже вышли изъ университета, въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ же училъ меня по-санскритски. Тогда этотъ языкъ сдѣлался его главною спеціальною.

Будучи профессоромъ этого предмета въ петербургскомъ университетѣ, онъ съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ предался изученію и другихъ восточныхъ языковъ, между прочимъ и арабскаго, и женился на аравитянкѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы имѣть случай постоянно говорить съ нею на ея родномъ языкѣ. Я

лично не зналъ ее и передаю, что мнѣ рассказывали. Se pop è vero, è ben trovato.

Изъ моихъ товарищей по первому курсу расскажу вамъ только о двоихъ: о Новакѣ, который уже года за два до меня сидѣлъ въ университетѣ, и о Н. В. Еленевѣ, поступившемъ въ одно время со мною.

Новакъ (по имени никогда его не называли, — такъ онъ и слылъ у всѣхъ только Новакомъ) былъ, по его словамъ, венгерецъ, учился въ Воспитательномъ Домѣ, въ Мужскомъ Институтѣ, теперь давно уже закрытомъ. Росту былъ маленькаго, нрава спокойнаго и веселаго, большой забавникъ и балагуръ и вмѣстѣ человѣкъ положительный, равнодушный къ такъ-называемому міру идей; не придавалъ большой цѣны познаніямъ и наукамъ и съ снисходительнымъ презрѣніемъ относился къ тѣмъ, кто тратитъ время на такіе пустяки. Понятно, что мы были ему не подъ пару, и онъ не любилъ съ нами водиться. Онъ сильно испивалъ и выбралъ себѣ товарища по душѣ между медиками изъ семинаристовъ, по фамиліи Холуйскаго. Это былъ парень лѣтъ двадцати-пяти, долговязый и сухопарый. Худоба этого вервила особенно бросалась въ глаза, благодаря его чрезмѣрной высотѣ, которая на глазомѣръ увеличивалась еще и тѣмъ, что мы его постоянно видѣли подъ пару съ маленькимъ Новакомъ, казавшимся тогда уже совсѣмъ карликомъ. Когда, по окончаніи курса, Холуйскій былъ командированъ въ качествѣ военнаго врача куда-то далеко на Кавказъ, о немъ ходила у насъ легенда, будто онъ имѣлъ обычай, вмѣсто лошади, выѣзжать изъ крѣпости не иначе какъ на верблюдѣ верхомъ, чтобы не волоклись по землѣ его долгиа ноги.

Оба они брезговали всякими мадерами и сотернами и кромѣ водки ничего не пили. Бывало, когда намъ случалось вмѣстѣ съ ними выходить изъ университета, направляясь въ „Желѣзный“ трактиръ, оба они оставляли насъ на полудорогѣ, повертывая въ находившійся по пути кабакъ или полпивную. Странное дѣло: мы видѣли, что это вовсе не хорошо, — однако, какъ будто имъ и завидовали, что они могутъ дѣлать то, чего мы опасались, и даже относились какъ бы съ уваженіемъ къ ихъ молодечеству.

Платонъ Степановичъ хорошо зналъ, что Новакъ порядочно испиваетъ, и часто журилъ его, но относился къ нему милостиво и даже любилъ его, т.-е. ужъ очень жалѣлъ и старался его исправить. Ему нравился веселый и разбитной нравъ Новака и искреннее, какъ ему казалось, даже слезное раскаяніе и обѣщаніе исправиться. Призывая его къ себѣ, Платонъ Степановичъ

встрѣчалъ его словами: „Опять пьянь, смотри у меня!“ (онъ всегда говорилъ Новаку „ты“). — „Никакъ нѣтъ-съ, Платонъ Степановичъ, ни росенки во рту не было“. — „Ну-ка, подойди, дыхни на меня“. И затѣмъ начинается длинная процедура дыханія или выдыханія: Новакъ никакъ не можетъ широко раскрыть свой ротъ, а если и раскроетъ, не дышетъ какъ слѣдуетъ, явственно, — точно сказочный дуракъ, котораго яга-баба сажаетъ на лопату, чтобы бросить въ пылающую печь, а онъ не умѣетъ на лопатѣ усѣсться. Къ такимъ розказнямъ о себѣ Новакъ обыкновенно прибавлялъ: „этотъ опытъ продѣлывалъ со мною Платонъ Степановичъ всегда на тощакъ, а послѣ обѣда никогда, потому что, какъ извѣстно, и самъ любить выпить, и стало быть моего духу не расчухаешь“. Разъ Новакъ насъ потѣшилъ такой, очевидно, выдумкой, будто онъ явился къ Платону Степановичу совсѣмъ пьяный, лыка не вяжетъ, и на его вопросъ: „Ну, чѣмъ же ты натрескался, пьяница этакая?“ — „Да только сладкой водочкой“, будто бы отвѣчалъ Новакъ, желая какъ бы смягчить свою вину. — „Эхъ ты, голытба! Пилъ бы, по крайней мѣрѣ, простую сивуху“. — „Онъ, — присовокупилъ Новакъ, — такъ выразился, должно быть, не потому только, что сладкая водка мнѣ не по карману, а и потому, что она не пользительна для желудка, какъ ему самому хорошо извѣстно по опыту“.

Въ видахъ нравственнаго исправленія Новака, Платонъ Степановичъ заботился о его религіозной совѣсти въ исполненіи православныхъ обрядовъ; потому внимательно слѣдилъ, чтобы онъ посѣщалъ церковную службу. Новакъ пораньше заберется въ церковь и непремѣнно какъ-нибудь юркнуть въ глаза Платону Степановичу, какъ только онъ появится, а затѣмъ тотчасъ же уходить. Однажды, возвращаясь отъ всенощной, Платонъ Степановичъ на углу университета столкнулся съ Новакомъ, который, переходя Моховую, направлялся къ университету. Инспекторъ поймалъ студента съ поличнымъ и, не говоря ни слова, потащилъ его къ себѣ въ кабинетъ. — „Таеъ-то ты молишься за всенощной! ну, говори, пьяница, гдѣ ты былъ?“ — „Я былъ на Никольской въ греческомъ монастырѣ: тамъ ужъ очень умильно служить и поють хорошо“. — „А отъ своей православной всенощной ушелъ?“ — „Помилуйте-съ, Платонъ Степановичъ, вѣдь и греческое служеніе такое же православное, какъ и наше: и равноапостольнаго князя Владиміра обратили въ крещеную вѣру греческіе священники, и Кириллъ и Меѳодій съ греческаго же перевели намъ на церковный языкъ и обѣдню, и всенощную“. — „Полно врать-то свою ученость и ступай вонъ“.

Такъ разсказывалъ намъ Новакъ; но мы мало придавали вѣры его разсказаніямъ. Вообще надо замѣтить, что въ анекдотахъ о Платонѣ Степановичѣ много было выдуманнаго и баснословнаго; но въ нихъ была и значительная доля правды, которая вымышленныя подробности всегда освѣщала одной и той же идеею. Мы, старые студенты московскаго университета, въ своемъ миломъ Платонѣ Степановичѣ видѣли какъ бы во очію эпическаго героя русскихъ былинъ и высоко цѣнили въ немъ подвиги благодущія, милосердія и снисходительности, которыми онъ въ своей простотѣ и наивности могъ достигать того, что недоступно суровому правосудію съ его врутными мѣрами.

Нѣсколько лѣтъ никому изъ насъ не было извѣстно, что стало съ Новакомъ по выходѣ его изъ университета, разумѣется, въ званіи только дѣйствительнаго студента; но во второй половинѣ сороковыхъ годовъ онъ очутился въ Москвѣ и сталъ показываться своимъ университетскимъ товарищамъ, но уже въ рабьемъ образѣ крайней нищеты: на немъ была изодранная офицерская шинель и военная фуражка. Онъ просилъ подаванія, упорно оставаясь въ передней. Сначала мы давали ему по рублю, онъ тотчасъ же пропивалъ; стали давать меньше—и это тащилъ въ кабакъ. Потомъ мы узнали, что онъ на улицѣ попалъ подъ экипажъ и былъ взятъ въ больницу, гдѣ и померъ.

Вмѣстѣ со мною поступилъ въ университетъ и былъ принятъ въ студенческое общежитіе Еленевъ. Это былъ юноша моихъ лѣтъ, а, можетъ, годомъ и постарше и нѣсколько выше меня ростомъ; бѣлый и румяный, съ большими глазами навываать и съ полными, сочными губами, а надъ ними показался уже пушокъ народившихся усиковъ. Юноша пухлый и не то чтобы дряблый, а скорѣе женоподобный, и голосъ у него былъ нѣжный: онъ могъ бы пѣть теноромъ. Къ такимъ бывають благосклонны энергическія дамы, которыя любятъ покровительствовать и распоряжаться по-своему... Подобные типы Жоржъ-Зандъ нерѣдко выводитъ въ своихъ романахъ. Еленевъ потому интересовалъ меня, и я не разъ вызывалъ его на признанія о его сердечныхъ дѣлахъ, но онъ всегда отмалчивался и заводилъ рѣчь о другомъ предметѣ. Онъ напоминалъ мнѣ счастливаго пажу въ рыцарскихъ романахъ, который, пользуясь благосклонностью прекрасной хозяйки замка, упорно хранитъ свою тайну, но не столько потому, что онъ великодушень и скромень, а потому, что смертельно боится, какъ бы чего не узналъ ея мужъ.

Науками Еленевъ интересовался мало и не любилъ углубляться мыслями во что-нибудь серьезное,—зато очень любилъ романы

и читалъ ихъ съ увлеченіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ оказалъ нѣкоторое вліяніе и на меня, и я познакомился тогда съ произведеніями Вальтеръ-Скотта въ русскомъ переводѣ, кажется, Шапплета. Изъ области свободныхъ искусствъ онъ особенно предпочиталъ бильярдную игру, и въ этомъ дѣлѣ былъ большой мастеръ. Бывало, какъ только улучить свободную минуту, катаетъ себѣ шары въ бильярдной, въ томъ же „Желѣзномъ“ трактирѣ. Студенческій вицмундиръ на немъ всегда въ мѣлу, будто у математика, который трется у своей черной доски, вывода на ней мѣломъ математическую задачу. Бильярдная страсть до того врѣзалась во все существо его, что гдѣ бы онъ ни былъ—въ комнатѣ, на улицѣ, въ аудиторіи, даже въ церкви—онъ всегда съ бильярдной точки зрѣнія вглядывался въ предметы, когда они случайно оказывались разставленными, какъ шары на зеленомъ полѣ бильярда, и прицѣплялся воображаемымъ кіемъ, чтобы ударить однимъ предметомъ въ другой. Особенно соблазняли его воображеніе головы людей, по своей округлости больше всего подходящія къ бильярдному шару. Однажды, во время экзамена, въ аудиторіи, я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на передней скамейкѣ; за столомъ, близъ каеэды, сидѣли экзаменаторъ, его ассистентъ, Голохвастовъ, который былъ помощникомъ попечителя и при графѣ Строгановѣ, и четвертый—Платонъ Степановичъ Нахимовъ. Еленевъ сидитъ неподвижно, весь выпрямился, а самъ подниметь обѣ руки къ правому глазу и опустить, подниметь и опять опустить. Я его спрашиваю: „Что ты дѣлаешь? глазъ что-ли у тебя болитъ?“ А онъ мнѣ совсѣмъ серьезно:— „А вотъ я прицѣпляюсь, чтобы Платономъ Степановичемъ положить въ лузу Голохвастова“.

Между мною и Еленевымъ не могло возникнуть искренней, настоящей дружбы, но мы были хорошими товарищами. Намъ связывала обоюдная польза. Я ему помогалъ въ лекціяхъ и при готовленіи къ экзамену, а онъ сблизилъ меня съ семействомъ Клименкова, который былъ ему землякомъ, изъ Смоленска, и давалъ ему постоянно пріютъ у себя въ квартирѣ, такъ что Еленевъ большую часть времени проводилъ не въ номерѣ, а у Клименковыхъ, и я туда часто приходилъ къ нему.

По своей специальности Степанъ Ивановичъ Клименковъ былъ медикомъ очень искуснымъ и имѣлъ большую практику; состоя въ должности главнаго субъ-инспектора, онъ былъ вмѣстѣ и врачомъ студенческой больницы, для которой была отведена особая камера при клиникѣ. Во второмъ семестрѣ перваго курса я опасно захворалъ горячкою и пролежалъ въ больницѣ около мѣсяца. Клименковъ во-время захватилъ мою болѣзнь и заботился обо

мнѣ, какъ о родномъ; а когда я, выздоровѣвъ, быстро стать подростать, — любовался на меня и говаривалъ, что моя болѣзнь была въ рослу. Когда явился къ намъ инспекторомъ Платонъ Степановичъ, Клименковъ рекомендовалъ ему меня, какъ хорошаго и благонаправнаго студента. Тогда онъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ и недавно женатъ. Дѣятельность его была неимовѣрная: вѣчно суетится, то въ аудиторіяхъ, то у насъ въ нумерахъ, то въ студенческой больницѣ, а между тѣмъ рыщетъ по всей Москвѣ, посѣщая своихъ больныхъ, а вечера, чтобы отдохнуть отъ своихъ трудовъ и занятій, обыкновенно проводилъ въ клубѣ за картами. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, ласковый, и студенты его любили.

О его женѣ, Ольгѣ Семеновнѣ, я вамъ уже говорилъ по дѣлу о Чаадаевѣ, Надеждинѣ и Болдыревѣ. Тогда ей было около двадцати лѣтъ. Это была особа очень красивая, въ полномъ цвѣтѣ свѣжей молодости, бѣлая и румяная, — какъ говорится, кровь съ молокомъ; росту была небольшого, какъ разъ подъ пару своему мужу, который былъ невысокъ. Я вамъ уже говорилъ о ея нервномъ темпераментѣ и о ея навлонности принимать живѣйшее участіе во всѣхъ, кого знаетъ. Каждое движеніе сердца отражалось въ чертахъ ея лица: то поблѣднѣетъ, то вспыхнетъ густымъ румянцемъ, а то вдругъ залется горькими слезами. Я могъ нѣсколько познакомиться съ ея характеромъ потому, что и она, какъ и ея мужъ, ласкала меня, обращалась не какъ съ чужимъ и любила со мной иногда побесѣдовать вечеромъ. Мнѣ случалось оказывать ей и нѣкоторыя услуги.

Когда я возвратился изъ-за границы, Еленевъ былъ уже учителемъ гимназіи въ одномъ изъ губернскихъ городовъ. Тамъ онъ вскорѣ и женился, и женился на такой красавицѣ, какую рѣдко мнѣ случалось и видывать. Онъ обладалъ тонкимъ вкусомъ въ женской красотѣ, и за то былъ награждаемъ вниманіемъ прекраснаго пола. Потомъ въ томъ же городѣ онъ промѣнялъ учебную службу на гражданскую, былъ чѣмъ-то въ родѣ совѣтника какой-то палаты или правленія и повышался въ чинахъ, благодаря вліянію своей жены.

Когда мы перешли на второй курсъ, въ нашъ номеръ пришло студента два-три изъ только-что поступившихъ въ университетъ. Между ними я нашель себѣ отличнаго товарища, который потомъ сдѣлался моимъ истиннымъ другомъ. Это былъ Войцѣховскій, изъ Литвы, хотя и первокурсникъ, но постарше меня: онъ уже брился. Бываютъ люди такого нѣжнаго сердца, которымъ на роду написано любить преданно и неизмѣнно до той крайней степени самоуничженія и вѣрнопопданности, какая доступна

только сердцу женщины. Войцѣховскій принадлежалъ именно къ разряду такихъ друзей. Такъ какъ нѣкоторыя лекціи читались младшимъ курсамъ вмѣстѣ со старшими, то вдвоемъ съ Войцѣховскимъ мы составляли лекціи, учились и читали. Поступивъ въ университетъ, онъ зналъ уже по-еврейски и сталъ меня учить этому языку. И теперь еще помню изъ его уроковъ первый стихъ книги Бытія: „Брешѣт бара элогім эт гашамани бет гаарец“.

Наше близкое товарищество не ограничивалось учеными занятіями. Войцѣховскій былъ моимъ неразлучнымъ спутникомъ во всѣхъ забавахъ и веселыхъ походахъ, неизмѣнно вмѣстѣ со мной сидѣлъ за трактирнымъ столомъ при трехъ парахъ чаю, вмѣстѣ съ нимъ мы лакомились какою-нибудь вкусной порціей, и онъ, какъ старше меня и опытнѣе, позволялъ себѣ тогда рюмку водки. Оба мы были не избалованы роскошью, и такія исключенія въ продовольствіи доставляли намъ истинное наслажденіе. Никогда не забуду одной наивной сцены, которая и теперь отзывается во мнѣ тѣмъ-то трогательнымъ. Войцѣховскому нѣкоторое время нездоровилось, онъ похудѣлъ; въ тому же дѣло было передъ экзаменомъ, и мы съ нимъ много работали. Не помню, у кого изъ насъ въ карманѣ былъ достаточный капиталъ для хорошей, дорогой порціи. „Пойдемъ, — говоритъ онъ, — закусимъ чего-нибудь по-плотнѣе: я отошалъ и похудѣлъ, надо хорошенько подерѣпитъ“. Приходимъ въ „Желѣзный“, спрашиваемъ себѣ раковый супъ, — блюдо, которое, по понятіямъ Войцѣховскаго, преимущественнѣ другихъ придаетъ силу, свѣжесть и полноту. Такое же дѣйствіе онъ приписывалъ и рюмкѣ водки. Итакъ, сначала онъ выпилъ рюмку водки, а потомъ вмѣстѣ принялись мы уписывать раковый супъ. Во время ѣды, вдругъ онъ остановилъ меня: „Погоди немного“, — говоритъ, — а самъ сжалъ свои толстыя губы, отъ чего нѣсколько надулись его щеки, и, помолчавъ, немного, спрашиваетъ меня: — „Посмотри-ка мнѣ въ лицо; кажется, я ужъ немножко пополнѣлъ“; — и опять сдѣлалъ такую же мину, поглаживая и осязая пальцами обѣ свои щеки. — „Постой, что-то не разберу“, — отвѣчаю я: — „ты сжалъ губы и задержалъ дыханіе: оттого, можетъ, и разболѣло твое лицо, а ты открой-ка маленько ротъ“. Онъ нѣсколько раздвинулъ свои губы, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ ему, что онъ и вправду будто немножко пополнѣлъ.

Въ нашихъ разгульныхъ походахъ былъ онъ неоптѣненнымъ товарищемъ. Собираясь кутить, мы заранѣе гордились возможностью охмелѣть настолько, что не будемъ въ состояніи вести себя какъ слѣдуетъ и непременно растеряемъ изъ кармана деньги, и потому всѣ ихъ отдавали ему; а онъ, какъ бы пьянъ

ни былъ, аккуратно бѣрегъ нашъ капиталъ и въ точности за насъ расплачивался, сберегая всякую копѣйку.

Въ сорововыхъ годахъ, когда я жилъ у графа Строганова, Войцѣховскій былъ уже учителемъ гимназіи въ одномъ изъ ближайшихъ къ Москвѣ губернскомъ городѣ. Мы съ нимъ переписывались, и онъ въ письмахъ продолжалъ упражнять меня въ еврейскомъ языкѣ, посылая мнѣ свои грамматическія замѣчанія на еврейскіе тексты. Тогда я читалъ псалмы Давида. Бывало, начнетъ письмо всякою всячиной, и затѣмъ вдругъ переходитъ къ еврейской грамотѣ. Нѣкоторыя изъ его писемъ, какъ дорогое воспоминаніе, хранятся у меня и до сихъ поръ.

Онъ съ пылкой страстью предавался тому, что изучалъ или просто читалъ. Онъ такъ же сердечно относился къ книгѣ и вообще къ міру идей, какъ онъ отнесся бы къ любимой женщинѣ. И онъ дѣйствительно влюбился и подъ вліяніемъ этой страсти восторженно писалъ мнѣ о греческихъ идеалахъ, о римскихъ завоеваніяхъ и о молитвословіяхъ еврейскаго народа. Привожу цѣликомъ это письмо, чтобы дать вамъ понятіе о милыхъ крайностяхъ идеализма того поколѣнія, которое слыветъ теперь подъ названіемъ „людей сорововыхъ годовъ“.

„Да, братъ,—писалъ онъ,—не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что кому нравится,—а то хорошо, что кто любитъ, а то еще лучше, во что кто влюбился. Я все думалъ, думалъ, что значить влюбиться?—и увидѣлъ, что влюбиться можетъ не всякій; а счастливъ тотъ, кто влюбился... Влюбиться—значить: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! Не знаю, какъ ты думаешь, а по-моему влюбляется не только частный человекъ, а даже цѣлыя народы. Кто любилъ, тотъ жилъ; а кто влюбился, тотъ будетъ жить весь вѣкъ, если не здѣсь, такъ тамъ, т.-е. если не въ тѣлѣ, то въ духѣ цѣлаго человѣчества. Да, братъ! взгляни на прежніе вѣка и спроси, кто былъ влюбленный народъ??? Грекъ любилъ свою землю, — онъ былъ влюбленъ въ свою природу, въ свое небо, онъ жилъ и умеръ для природы. Онъ олицетворялъ свою природу въ тысячѣ боговъ, онъ воплотилъ свою природу въ миллионы лучшихъ произведеній рукъ, ума и фантазіи, и оставилъ намъ любоваться ими, или лучше *ею*;—онъ образовалъ свой языкъ для природы. Какая чудная была его природа! Явилась другая любовь и пожрала, и съѣла греческую любовь. Влюбленный въ войну и завоеванія, римлянинъ пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ нѣжно влюбленную Грецію. Да, римлянинъ любилъ войну и влюбился въ войну. Вся римская добродѣтель (*virtus*??), вся римская честь и слава—въ войнѣ. Весь пламенный патриотизмъ подчинялся войнѣ. Кто изъ

римлянъ не воевалъ, тотъ не жилъ; кто не завоевалъ, тотъ про-
 лялъ Римомъ. Итакъ, у грека вся его добродѣтель (τὸ κατὸν),
 его отечество, заключались въ его изящной природѣ; остановили
 его любовь къ природѣ, запачкали и осрамили его землю — и
 онъ погибъ вмѣстѣ съ своимъ языкомъ. У римлянина вся добро-
 дѣтель подчинялась войнѣ; его отечество было тамъ, гдѣ онъ
 могъ воевать и завоевать; онъ дрался съ самимъ собою; изъ-за
 чего?—чтобы только воевать. Ему не дали воевать, и онъ пропалъ
 вмѣстѣ съ своимъ языкомъ, который ему нуженъ былъ только
 для войны и для войны. Арабъ влюбился въ алкоранъ (al-horan),
 въ маленькую книжечку — и какъ онъ жилъ весело, роскошно!
 Да, братъ, не будь корана, арабъ не болѣе былъ бы извѣстенъ,
 какъ чухна. Вся слава его, вся поэзія пламенная, какъ стигъ
 корана, все это—отъ корана и для корана; всякая малѣйшая
 пьеска начинается заглавными словами корана. Но явилась другая
 любовь и уничтожила арабскую любовь. Ты знаешь ее. Вотъ
 чтѣ значитъ любить и влюбиться. Но я тебѣ расскажу еще про
 одну любовь. Былъ великій и гениальный поэтъ и ученый. Онъ
 все умѣлъ, все зналъ, все имѣлъ, хотѣлъ любить, да не было
 кого,—хотѣлъ пламенно влюбиться, да все было не по немъ; про-
 летѣлъ на крыльяхъ генія всю вселенную и встрѣтилъ онъ Іегову,
 влюбился весь въ него, да влюбился не такъ, какъ тѣ влюбля-
 лись: онъ—всю науку свою, весь геній свой и себя самого отдалъ
 Іеговѣ; онъ болѣе не смѣлъ сказать мудрецамъ міра: смотрите,
 чтѣ я дѣлаю! онъ говорилъ: смотрите, вотъ чудеса Іеговы! Всю
 свою душу, свою вѣру, своихъ боговъ и божковъ заковалъ въ
 цѣпи и именемъ всѣхъ своихъ боговъ, которыхъ, можетъ быть,
 до милліона было, назвалъ своего Іегову; этого мало—онъ охва-
 тилъ міръ и принесъ его въ жертву одному слову Іеговы; вотъ
 какъ онъ любилъ! Какъ любилъ онъ, такъ пламенно любили и
 его потомки. Да, Израэль болѣе любилъ своего Іегову, нежели
 кто-нибудь кого-нибудь—онъ своихъ собственныхъ чадъ въ жертву
 обрекъ было Іеговѣ, да только Іегова не захотѣлъ этого. Израэль
 всей душой, всей жизнью влюбленъ въ Іегову, который для него
 все—сынъ и отецъ вмѣстѣ,—и укрѣпитель счастія Израэля. Да,
 Израэль все посвятилъ своему возлюбленному—своему жениху!..
 своему единственному Іеговѣ. Тѣло и духъ, умъ и фантазію онъ
 употребилъ для славы, для чести, для прославленія Іеговы. Онъ
 болѣе любилъ его, нежели боялся, онъ болѣе обожалъ его, нежели
 страшился. Я думаю, никто такъ не любилъ, какъ Израэль, ни-
 кто такъ не влюбленъ, какъ Израэль; кто хочетъ любить и не
 умѣетъ, пусть тотъ читаетъ еврейскіе памятники; кто не влюблялся,

кто еще не жилъ любовью пламенною, любовью всего сердца, любовью всей души, тотъ пусть прочтаетъ все, что было пѣто о любви къ Іеговѣ,—и онъ будетъ любить,—и влюбится пламенно, горячо, безконечно, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ воображеніемъ. Это такъ. Да и теперь какъ онъ его любить!!! Разсѣянъ по лицу земли, а все влюбленъ въ Іегову. Вотъ какъ оправдывается истинная любовь! Грекъ и не помнить о томъ, что было. Подлый грекъ.

„Посмотри далѣе. Французъ влюбленъ въ ассамблеи, и слѣдовательно ежедневную переиъну платья; нѣмецъ до безумія влюбленъ въ свой Geist, для котораго онъ пожертвовалъ своей жизнью, своей поэзіей, всѣмъ своимъ я, для котораго онъ исвергнулъ свой языкъ; я думаю, что нѣмецъ самъ себя не понимаетъ: онъ вѣдь и чужое все (греч. и римск.) коверкаетъ на свой ладъ. Во что влюбленъ русскій-славянинъ? какъ ты думаешь? Ну, братъ, скажи свое мнѣніе. По-моему, русскій-славянинъ влюбленъ во все, а во все быть влюблену невозможно; не правда ли? Мнѣ кажется, что русскій славянинъ долженъ просто влюбиться въ свой языкъ; онъ долженъ принести въ жертву все свое знаніе, всю свою жизнь языку. Онъ долженъ учиться греческому и латинскому языку для своего русскаго языка; онъ долженъ знать по-итальянски, чтобы дать ту пѣвучесть своему языку,—по-французски, чтобы подарить всѣ тѣ нѣжности и комплименты своему языку,—по-нѣмецки, чтобы уломать свой языкъ къ ученымъ понятіямъ (вѣдь я нѣмецкій языкъ не родился съ тѣми словами, какія встрѣчаются теперь),—по-англійски, чтобы увѣнчать свой языкъ той высокой поэзіей Шекспира и Байрона. Учись по-англійски, и мнѣ послѣ покажешь. Но греческій и латинскій языки онъ долженъ учить не на нѣмецкій ладъ, а на русскій ладъ; пока русскій будетъ учиться греческому и латинскому языку по-нѣмецки, все это ни къ селу, ни къ городу. Извини, братъ, я заболтался.

„Я перевелъ тебѣ два псалма *буквально*; совѣтую тебѣ выучить наизусть по-еврейски. Ты можешь 150-й псаломъ пѣть почти на голось: „Ты не повѣришь, какъ ты мила“... Они простеньки и очень легки, потому что повторяются все тѣ же слова“.

„Всегда твой—Войцѣховскій“.

И вотъ полюбилъ, наконецъ, и мой милый другъ Войцѣховскій, и не тою собирательною, всенародною любовью, а полюбилъ лично, самъ по себѣ и самъ для себя. Восторженно и страстно влюбился онъ въ дочь директора той гимназіи, гдѣ служилъ, и влюбился „на-пропалую“, въ настоящемъ, полномъ

и страшномъ значеніи этого слова: онъ не снискалъ себѣ взаимности, и въ минуту отчаянія погибъ отъ безнадежной страсти.

Однажды утромъ призываетъ меня въ себѣ въ кабинетъ графъ Сергій Григорьевичъ и тревожнымъ голосомъ сообщаетъ только что полученное имъ официальное донесеніе о внезапной кончинѣ Войцѣховскаго. Онъ зарѣзалъ себя бритвою.

Когда я перешелъ на третій курсъ, въ нашъ нумеръ поступили два новыхъ товарища, только что принятыхъ въ университетъ изъ одной провинціальной гимназіи, въ которой оба они кончили курсъ. Это были Александръ Ивановичъ Сѣлинь (а не „Селинь“, какъ потомъ его стали называть) и Сергій Дмитриевичъ Шестаковъ. Когда попечитель, графъ Строгановъ, ревизовалъ свой округъ, онъ замѣтилъ того и другого еще на гимназической скамьѣ, какъ отличныхъ учениковъ, приласкалъ ихъ, а когда они стали студентами, постоянно интересовался обоими и слѣдилъ за ихъ успѣхами. Тотъ и другой стали потомъ профессорами: Сѣлинь—русской литературы, въ кievскомъ университетѣ, а Шестаковъ—латинской, въ московскомъ.

Между всѣми моими университетскими товарищами Сѣлинь отличался особенною своеобразностью. Оригиналомъ назвать его не могу, какъ я назвалъ Коссовича, но ему дана была отъ природы способность оригинальничать, вѣчно играть роль, всегда позировать, всегда казаться чѣмъ-то другимъ, а не тѣмъ, что онъ есть, такъ что, бывало, не разберешь, таковъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ или только кажется такимъ. Росту онъ былъ средняго, худой и тщедушный; на блѣдномъ лицѣ иной разъ пятнами мелькалъ слабый румянецъ, глубоко ввалились глаза подъ густыми бровями, щеки ввали, образуя по сторонамъ губъ продольныя морщинки. На широкій лобъ падали каштановаго цвѣта кудри, но, въ противность пословицѣ, не „со радости вились эти кудри и не свѣлись онѣ со печали“, потому что онъ всегда былъ грустенъ и печаленъ, всегда удрученъ жизнью; скорбашей наружности его вполне гармонировалъ и скорбный голосъ, не то безнадежныя рыданія, не то задержанные вопли отчаянія, не то замогильныя звуки пришельца съ того свѣта. И все это не раздавалось громко, а какъ слабое эхо, иногда доходящее до шопота, таинственно передавало то глубокое и далекое, что бушевало на днѣ души его. Даже въ самыхъ жестахъ его выражалось что-то не отъ міра сего: когда онъ говорилъ съ волненіемъ, онъ касался руки слушателя оковечностями своихъ пальцевъ такъ вѣжно, будто дуновение легкаго вѣтерка.

Я бы назвалъ Сѣлина предвѣстникомъ теперешнихъ постовъ

мировой скорби и безнадежности, еслибы онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ всего человѣчества и о безотрадномъ и безвыходномъ его положеніи, — напротивъ, его скорбь была сосредоточена въ себѣ и на себѣ; но о чемъ онъ горевалъ, что онъ оплакивалъ, никто не зналъ и понять не могъ. Въ университетѣ учился онъ хорошо, всегда былъ изъ лучшихъ студентовъ, даже по его отрывочнымъ признаніямъ и намекамъ его близкіе товарищи—въ томъ числѣ и я—могли догадываться, что ему жилось хорошо, что онъ любилъ и былъ любимъ, что его ласкали и даже баловали, что какая-то свѣтская дама дарила его своими милостями, что было какое-то похищеніе новой Елены, даже черезъ заборъ, или свиданіе съ нею, когда Сѣлинъ сидѣлъ на заборѣ, а она въ саду—не помню хорошенько, только изъ его отрывистой рѣчи съ обычнымъ шопотомъ удержались въ моей памяти заборъ и видѣніе прекрасной Елены.

Таковъ былъ Сѣлинъ въ молодости, на студенческой скамьѣ; съ тѣхъ поръ какъ онъ сѣлъ на профессорскую кафедру, я ужъ съ нимъ не встрѣчался ни разу до самой его смерти. Но тогда мы видѣли въ немъ олицетвореніе Гамлета, разбѣяннаго по мелочамъ, и именно въ томъ его типѣ, какой придалъ ему знаменитый въ то время трагикъ Мочаловъ, съ приврасою своихъ обычныхъ жестовъ—лѣвой рукою бить себя въ лобъ, а правой хлопать по ляжкѣ; только Сѣлинъ, въ согласіи съ тихимъ уніемъ своей души, смягчалъ эти жесты: медленно и нѣжно касался лба рукою, а по ляжкѣ вовсе не колотилъ, вѣроятно находя это неграціознымъ.

Впослѣдствіи изъ него вышелъ краснорѣчивый профессоръ. Студенты любили его. На публичныхъ лекціяхъ въ Кіевѣ онъ производилъ эффетъ.

Шестаковъ былъ годомъ моложе Сѣлина, а можетъ быть и двумя. Думаю, что онъ поступилъ въ университетъ однихъ лѣтъ со мною, скорѣе немножко помоложе меня; онъ также выросъ уже будучи студентомъ, на моихъ глазахъ. Былъ нѣжный и миленкій мальчикъ, смуглый, съ большими кроткими глазами, съ крупными чертами лица; густыя пряди каштановыхъ волосъ легкою волною спускались на его широкій лобъ. Онъ былъ самый младшій изъ товарищей нашего нумера, игривый и шаловливый, какъ ребенокъ. Войцѣховскій, витая въ области библейскихъ типовъ и образовъ, называлъ его Веніаминомъ нашего товарищескаго кружка. Его лелѣяли и оберегали, а я, какъ старшій нумера, взялъ его подъ свое покровительство. Этимъ

началась наша дружба и съ годами усиливалась до самой его кончины.

Еще на студенческой скамейкѣ сблизился онъ коротко съ своимъ товарищемъ по курсу, Петромъ Николаевичемъ Кудравцевымъ, который былъ потомъ профессоромъ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, а затѣмъ, по выходѣ изъ университета, подружился съ Павломъ Михайловичемъ Леонтьевымъ и жилъ съ нимъ вмѣстѣ до самой своей смерти. Товарищеская связь съ обоими этими учеными скрѣплялась единствомъ научныхъ интересовъ, какъ это должно быть извѣстно всякому, кто слѣдилъ за разработкою всеобщей исторіи, классическихъ древностей и классической литературы.

Преждевременная, ранняя смерть Шестакова лишила меня самаго искренняго, горячо мною любимаго друга, а ученую литературу—высокотаровитаго и неустанно трудившагося дѣятеля.

Ө. Буслаевъ.

ПОДЪ ИГОМЪ СТРАСТЕЙ

Романъ Ричарда Ашвинга.

XXIV *).

Убѣдившись, что ни Клара, ни Гербертъ, не могутъ больше ее видѣть, Китти пустилась стрѣлой въ викаріатъ и, заставъ дядю дома, передала ему въ подробности происшедшую сцену: грубую брань Граціи и язвительныя шпильки Клары.

— Ничего болѣе дерзкаго и болѣе непостижимаго, какъ ея тонъ и манеры, нельзя себѣ представить, — заключила она разговоръ о нападеніи на нее Клары.

— Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это было непостижимо, — отвѣчалъ дядя мрачно.

— Однако, дядюшка...

— Милая Китти, ты ничего ровно не знаешь. Она его хотѣла оскорбить въ твоемъ лицѣ, какъ оскорбляетъ его въ лицѣ его матери со времени своего возвращенія.

— Но я не мать его.

— Я не увѣренъ, чтобы это было въ ея глазахъ смягчающимъ обстоятельствомъ, — отвѣчалъ викарій, улыбаясь.

— Она ужасная женщина!

— Она дура! — закричалъ дядя со взрывомъ гнѣва и презрѣнія. — Какой женщиной удавалось въ какихъ-нибудь два мѣсяца такъ пристроить себя! Да она могла бы все сдѣлать изъ этого мальчика, еслибы употребила сотую долю тѣхъ усилій, благодаря которымъ завладѣла имъ. Но она вдругъ точно одурѣла и поте-

*) См. выше: сент., стр. 275.

ряла всякую власть надъ собой. Это было бы совсѣмъ непонятно, еслибы...

— Еслибы что?

— О, ничего!—отвѣчалъ дядя.

Онъ объяснялъ себѣ дѣло тѣмъ, что Клара любила кого-нибудь другого,—Кросли, по всей вѣроятности,—и что только такого рода разочарованіе вызвало ея рѣзкое обращеніе съ Гербертомъ.

Мы знаемъ, что викарій угадалъ совершенно вѣрно.

— Развѣ она груба съ м-съ Веріенъ?—спросила Китти.

— Она обращается съ нею—какъ обошлась съ тобой: съ самымъ оскорбительнымъ покровительствомъ. Она третируетъ ее какъ гостью, которую терпятъ въ домѣ изъ снисхожденія. Я еще не видывалъ бѣдную старуху въ такомъ отчаяніи, какъ сегодня утромъ.

— Но м-ръ Веріенъ не позволить ей оскорблять мать.

— Что онъ можетъ сдѣлать?!.. Почему онъ не остановилъ ее, когда она оскорбила тебя?—потому что его вмѣшательство только ухудшило бы дѣло. Онъ не можетъ ее ни прибить, ни выгнать изъ дома, ни запереть на ключъ.

— Я не думаю, чтобы онъ былъ счастливъ.

— Право, Китти, ты напоминаешь мнѣ замѣчаніе Поля Бера, которому пріятель прислалъ собаку для вивисекціи: „Tu sais, mon ami, que le chien ne s’amusega pas chez moi“. Ты то же не думаешь, что онъ счастливъ?

Китти и сама понимала, что замѣчаніе ея нелѣпо.

— Она ужасная женщина!—повторила она.

— Ты удивительно проникательна сегодня, Китти, — посмѣялся викарій.—Завтра, вѣроятно, ты откроешь, что она и не особенно умна.

— Она всякаго бы поймала: она такая хорошенькая и такая превосходная автриса.

— Да! теперь онъ узналъ, бѣдный мальчикъ, какова она за кулисами! Я не видывалъ человѣка, который былъ бы въ такомъ полномъ ослѣпленіи: право, это было что-то въ родѣ временнаго затмѣнія ума... А теперь онъ опомнился и увидѣлъ, что на него надѣта смирительная рубашка на всю жизнь! Я ничего плачевнѣе этой исторіи не знаю,—проговорилъ викарій мрачно.

И вдругъ, какъ бы по ассоціаціи идей, онъ спросилъ Китти (которая тоже задумалась о горькой долѣ Герберта):

— Кстати, милая, твой отецъ возвращается домой?

— Да, я получила отъ него сегодня извѣстія.

— Я боюсь, что предпріятіе ему не удастся.

— Нѣтъ.

Наступило молчаніе.

— Я не думаю, милая, чтобы это было его *métier*; я хочу сказать, что онъ недостаточно опытенъ въ машинномъ дѣлѣ, чтобы понять разницу между моделью на бумагѣ и на практикѣ.

— Это, повидимому, ему всё говорить.

— Не могутъ же всё они ошибаться!

— Папа думаетъ, что они предубѣждены противъ изобрѣтателей-дилеттантовъ.

— Врядъ ли до такой степени, — покачалъ головой дядя. — Но боюсь, что намъ не удастся убѣдить его въ этомъ.

— Дядя, я должна что-нибудь предпринять, — сказала Китти съ рѣшимостью.

— Не вижу, что ты можешь еще сдѣлать, душа моя.

— Я должна зарабатывать деньги, дядя, такъ или иначе, поступить на мѣсто.

— Пустяки. Они не могутъ обойтись безъ тебя. Ни отецъ, ни мать, не управятся съ хозяйствомъ. И, кромѣ того, ты можешь зарабатывать деньги, оставаясь дома; ты это доказала.

Китти покачала головой, промолвивъ:

— Эта статья уже исчерпана.

— Пустяки! ты еще въ началѣ своего поприща.

— Всѣ издатели не могутъ же ошибаться насчетъ достоинства моихъ произведеній. Мнѣ вернули семь рукописей въ какихъ-нибудь полгода.

— Да, милое дитя, но эта неудача ничего не значить сравнительно съ тѣмъ, что твою повѣсть напечаталъ такой журналъ, какъ „Гептамеронъ“... Припомни также: твою повѣсть приняли, *не смотря* на то, что твое имя неизвѣстно, тогда какъ навѣрное можно сказать, что твои новыя произведенія отвергаются только *потому*, что имя твое неизвѣстно. Подожди, пока твой трудъ выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ и за твоей подписью. Посмотри, что будетъ, когда появятся благопріятныя критики.

— О! я трепещу критиковъ.

— Конечно, будутъ и неодобрительные отзывы, такъ какъ характеръ критики много зависитъ отъ характера человѣка, который пишетъ разборъ книги. Есть критики, которые смотрятъ на книгу только какъ на способъ самимъ выдвинуться впередъ; другіе разсматриваютъ ее, какъ полицменъ преступника, съ предвзятой цѣлью отыскать дурное; наконецъ, третьи никакъ не смотрятъ, потому что имъ некогда читать того, о чемъ они пишутъ,

и, наконецъ, бываетъ настоящій критикъ, добросовѣстный, компетентный и внимательный, который считаетъ своей обязанностью выставлять автора, а не самого себя. Это критикъ рѣдкій, своего рода жаръ-птица. Я желала бы, чтобы онъ тебѣ встрѣтился.

— Я бы его боялась столько же, какъ и другихъ, — уныло проговорила Китти.

— Напрасно; тебѣ стоитъ только написать еще болѣе интересную вещь, а это въ твоихъ силахъ. Въ послѣднее время тебѣ мѣшали всякія тревоженія. Ты написала еще что-нибудь?

— Да, я принесла съ собой двѣ главы новаго романа. Не знаю, чтѣ о нихъ думать. Это или очень хорошо, или очень плохо.

— Прочитай ихъ мнѣ послѣ обѣда.

Какъ и большинство духовныхъ лицъ, викарій обѣдал рано, то-есть около трехъ часовъ пополудни; послѣ обѣда онъ перешелъ съ Китти въ кабинетъ и приготовился слушать чтеніе ея романа. Но не успѣли они начать, какъ были прерваны внезапнымъ и неожиданнымъ появленіемъ Герберта. Его ввели, по обыкновенію, безъ доклада въ пріемную; дверь въ кабинетъ была отворена, и онъ услышалъ, какъ читала Китти, и увидѣлъ рукопись въ ея рукахъ.

— Простите, пожалуйста! — проговорилъ онъ, нерѣшительно останавливаясь въ дверяхъ.

— Войдите, войдите! — закричалъ викарій.

— Я думалъ, что у васъ никого нѣтъ, — пробормоталъ Гербертъ, подходя къ викарію и пожимая ему руку.

И затѣмъ, повернувшись къ Китти, прибавилъ:

— Но я радъ, что вы не одни, такъ какъ желала извиниться предъ миссъ Керью... за то, чтѣ было сегодня поугру.

Его смущеніе отразилось и на Китти.

— Ничего, ничего, — пролепетала она.

— Боюсь, что намъ такъ-таки и не удастся подружиться, — сказалъ онъ, улыбаясь, но съ горькой нотой въ голосѣ.

— Надѣюсь, что мы уже и теперь друзья, — отвѣчала Китти съ такимъ чувствомъ, что хотя ея слова: „благодарю васъ“, сказанныя имъ въ отвѣтъ, были и незначительны, но тонъ ихъ былъ очень краснорѣчивъ.

— Я очень жалѣлъ, когда не засталъ васъ сегодня утромъ, — сказалъ онъ викарію, не спуская глазъ съ Китти, вслѣдствіе чего она вообразила себя лишней и поспѣшила уйти подъ предлогомъ, что ей нужно повидать тетюшку по какому-то дѣлу.

Послѣ ея ухода Гербертъ долго молчалъ и былъ такъ задум-

чивъ, что викарій подумалъ, что онъ хочетъ съ нимъ посовѣтоваться о чемъ-то довольно затруднительномъ, и это предположеніе оправдалось, когда Гербертъ спросилъ:

— Надѣюсь, вы не сочтете меня нескромнымъ, если я спрошу васъ объ одной вещи, которая меня сильно интересуетъ.

— Если вы разрѣшаете мнѣ не отвѣчать вамъ, развѣ я найду это нужнымъ!—отвѣтилъ викарій, смѣясь.

— Миссъ Керью—авторъ романа „Основа“?

— Да.

— Я такъ и думалъ,—съ торжествомъ вскричалъ онъ и прибавилъ сконфуженно:

— Вы не сердитесь за то, что я спросилъ?

— Н... нѣтъ,—отвѣтилъ викарій нерѣшительно.—Ей бы не хотѣлось, чтобы объ этомъ всё знали. Но вѣдь вы никому не скажете?

— Разумѣется, нѣтъ. Но я очень радъ, что узналъ это. Я сегодня утромъ такъ подумалъ. Вѣдь это очень умная вещь, не правда ли?

— Не спрашивайте меня, — засмѣялся викарій. — Увидимъ, что скажутъ критики.

— Но всё говорятъ, что это самая умная вещь послѣ „Дженни Эйръ“. Когда она выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ?

— На будущей недѣлѣ, полагаю.

— У нея блестящая будущность впереди.

— Я бы желалъ, чтобы вы ее въ этомъ убѣдили.

— Развѣ она въ нее не вѣритъ?

— Нѣтъ; нѣсколько рукописей было ей возвращено назадъ, и она воображаетъ, что исписалась. Правда, она такъ измучилась за послѣдніе восемь мѣсяцевъ, что совсѣмъ упала духомъ.

— Денежныя затрудненія?.. Не считайте меня дерзкимъ, но я не могу не разспрашивать васъ. Я такъ ею интересуюсь и такъ ей благодаренъ.

— Тутъ нѣтъ никакого секрета,—вздыхнулъ викарій.—Да, денежныя затрудненія. Ея отецъ всегда наканунѣ открытія философскаго камня, въ формѣ того или другого изобрѣтенія, и не думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Вся отвѣтственность за долги и денежную путаницу падаетъ на нее... какъ вы сегодня утромъ могли видѣть. Право, я ничего возмутительнѣе не видывалъ: дѣвушка—чувствительная какъ принцесса—подвергается такимъ унижательнымъ и жестокимъ преслѣдованіямъ.

И викарій набросалъ патетическую картину борьбы бѣдной

Китти съ хозяйственными затрудненіями, глубоко тронувшую Герберта.

— Неужели ничего нельзя сдѣлать? — спросилъ онъ, помолчавъ. Викарій покачалъ головой.

— Онъ, повидимому, неисправимъ; но, можетъ быть, послѣднее разочарованіе излечитъ его.

— Но и въ такомъ случаѣ вѣдь дочери придется содержать его?

— Своими литературными трудами. Это тоже, боюсь, не философскій камень.

И онъ сообщилъ Герберту размѣръ гонорара, полученнаго Китти за свое первое произведеніе.

— Клянусь Юпитеромъ! не велика корысть. Но вѣдь она получитъ больше за новую вещь?

— Богъ знаетъ. Во всякомъ случаѣ плата романистамъ, если они не знаменитость, вовсе не велика.

Подумавъ немного, Гербертъ сказалъ:

— Я бы желалъ какъ-нибудь помочь ей.

— Не вижу способовъ это сдѣлать.

— Придумайте что-нибудь! — съ мольбой проговорилъ Гербертъ.

— Я могу придумать только одно: помочь ей самой зарабатывать деньги. Она можетъ написать вещь лучше, чѣмъ „Основа“, если умъ ея будетъ свободенъ отъ мучительныхъ заботъ. Она хочетъ пойти въ учительницы или въ гувернантки, чтобы зарабатывать деньги, но безъ нея не могутъ обойтись дома.

— Въ учительницы или гувернантки? — повторилъ Гербертъ, и тонъ его показывалъ, насколько эта мысль ему не симпатична.

— Навѣрное, даже литературный трудъ лучше оплачивается, — прибавилъ онъ.

— Она такъ не думаетъ, потому что ей не повезло съ послѣдними рукописями. Но, можетъ быть, она будетъ счастлива съ своимъ новымъ романомъ.

— Она пишетъ новый романъ? — сказалъ Гербертъ и потомъ былъ очень разсѣянъ во весь остатокъ своего визита; викарій подумалъ, что у него на умъ несчастная женитьба.

XXV.

На другой день Китти получила письмо отъ отца, возвращающее о его возвращеніи въ тотъ же вечеръ. Письмо было коротко и уныло до отчаянія.

„Дорогая Китти,—я надѣюсь быть дома завтра въ 6 ч. 30 м. вечера. Я такъ усталъ и такъ обезкураженъ, что отказываюсь пока отъ всякихъ попытокъ продать мое изобрѣтеніе или образовать компанію на акціяхъ, такъ какъ всё говорятъ, что времена слишкомъ худыя для того, чтобы пускаться въ какія бы то ни было предпріятія, не представляющія безусловной гарантіи успѣха. Бываетъ счастливое теченіе въ дѣлахъ людскихъ... я въ него не попалъ и боюсь, что вся жизнь моя была одной сплошной неудачей. Мнѣ это рѣшительно все равно, но у меня сердце болитъ, когда я думаю о тебѣ и о твоей матери. Впрочемъ, думами, какъ бы то ни было, не поправишь дѣла. Не готовъ для меня обѣда. Я поѣмъ чего-нибудь въ дорогѣ.

„Навсегда любящій тебя отецъ—Джоржъ Керью“.

Каждая строка этого письма говорила о безусловномъ пораженіи, и Китти чувствовала, что упругая натура отца, наконецъ, сломалась. Даже маленькая подробность насчетъ обѣда была доказательствомъ, что онъ сообразилъ, наконецъ, о ихъ полномъ разореніи.

Когда вечеромъ она встрѣтила на платформѣ отца, вышедшаго изъ вагона третьяго класса, то въ первую минуту почти не узнала его. Неужели это ея отецъ? Старость какъ будто сразу завладѣла имъ, какъ ночь смѣняетъ день въ странахъ, гдѣ не бываетъ сумерекъ. Онъ сталъ сѣдъ, желтъ и сторбленъ и вышелъ изъ вагона невѣрной и дрожащей поступью дряхлыхъ стариковъ. Невѣроятно было, чтобы человѣкъ такъ сильно перемѣнился въ какихъ-нибудь два мѣсяца.

— О, папа! вы вѣрно были больны!—вскричала Китти, оправившись отъ тяжкаго удивленія, овладѣвшаго ею при первомъ взглядѣ на отца.

— Боленъ? вовсе нѣтъ, милочка; я только немножко усталъ,—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ее.

Получивъ багажъ, онъ смущенно сказалъ:

— Я думаю, намъ незачѣмъ брать кѣбъ. Сторожъ донесетъ вещи.

И это говорилъ Джонъ Керью, который привыкъ бросать шиллинги извозчикамъ, какъ Китти бросала крошки птицамъ!

— Но вы устали, папа?

— Нисколько,—весело отвѣтилъ онъ.

Вспомнивъ, однако, о томъ, что сейчасъ было—объявилъ о своей усталости, онъ прибавилъ:

— Я усталъ отъ долгаго сидѣнья, и мнѣ хочется поразсѣяться,

Когда они шли отъ станціи, онъ замѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— По правдѣ сказать, Китти, я истратилъ много денегъ на... на это дѣло, и теперь мнѣ надо быть экономнымъ.

Китти пожала руку, на которую опиралась, но ни слова не сказала. Она боялась словами вызвать открытый взрывъ отчаянія, которое читалось въ его голосѣ и выраженіи лица.

Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Я думаю, пока лучше не выписывать сюда мамы.

— Хорошо, папа.

— Намъ, можетъ быть, придется переѣхать, и пусть лучше она будетъ освобождена отъ всякихъ хлопотъ по переѣзду.

Китти молчала; мысль оставить эту мѣстность была ей нестерпима, несмотря на неприятели, которымъ она тутъ подвергалась.

— Я боюсь, что намъ придется переѣхать, милая, — сказалъ отецъ, какъ бы извиняясь.

Онъ правильно истолковалъ ея молчаніе, какъ знакъ неудовольствія.

— Куда же вы думаете переѣзжать, папа? — спросила она съ усиліемъ.

— Въ Лондонъ, душа моя. И для тебя это будетъ лучше, и я скорѣе найду себѣ тамъ занятія. Кроме того, — прибавилъ онъ уныло: — въ Лондонѣ легче спрятаться отъ людей...

Когда они пришли домой, онъ не могъ ничего ѣсть, хотя въ дорогѣ весь обѣдъ его заключался въ одномъ сандвичѣ и стаканѣ пива...

XXVI.

Китти провела безсонную ночь, терзаясь опасеніями насчетъ здоровья отца. Такъ какъ комната ея приходилась напротивъ его спальни, то она могла слышать, напрягая слухъ, обостренный тревогой, какъ онъ ходилъ по ней взадъ и впередъ. Наконецъ, рано поутру она услышала, какъ онъ вышелъ изъ своей комнаты и пошелъ внизъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ заперъ за собою дверь. Нѣкоторое время она не рѣшалась пойти къ нему, но безпокойство превозмогло, и она сошла внизъ и постучалась у двери кабинета.

— Кто тамъ? чтѣ такое? — закричалъ онъ, вздрагивая.

Нервы его разстроились окончательно отъ усталости и безсонной ночи.

— Я, папа!

— Войди, душа моя. Что случилось?

Онъ всталъ изъ-за стола, за которымъ писалъ, и Китти уви-
дѣла, что въ комнатѣ догораетъ груда сожженной бумаги.

— Я слышала, какъ вы ходили внизу, и побоялась, что вамъ
нездоровится.

— Мнѣ не спалось—вотъ и все.

Китти поразило его измѣнившееся и совсѣмъ постарѣвшее
лицо.

— Папа, постарайтесь уснуть; у васъ такой больной видъ.

— Больной? нѣтъ, я здоровъ; по правдѣ сказать, я похоро-
нилъ большую часть своей жизни,—прибавилъ онъ, указывая на
каминъ,—и мнѣ взгрустнулось, какъ это водится на похоронахъ.
Вотъ тамъ лежатъ всѣ мои великія изобрѣтенія и всѣ лучшіе
годы и надежды моей жизни, и все мое состояніе, равно какъ
и твое, и твоей матери...

Тутъ онъ остановился на минуту, чтобы перевести духъ.

— Все это мои чертежи и рисунки, моя дорогая. Я сжегъ
свои корабли,—прибавилъ онъ болѣе твердымъ голосомъ.

Китти могла только поцѣловать его.

— Я писалъ письма нѣкоторымъ лицамъ, прося найти мнѣ
какое-нибудь мѣсто,—поспѣшно сказалъ онъ, перемѣняя разго-
воръ.—Я думаю, Монгомери можетъ мнѣ быть въ этомъ полезенъ.

— Но вамъ слѣдуетъ прежде хорошенько отдохнуть, папа.

— Я, вѣроятно, успѣю отдохнуть, пока что-нибудь прищипу
для себя,—уныло отвѣтилъ онъ.—Въ мои годы люди не легко
пристраиваются.

— Но къ чему вы мучите себя этимъ сегодня, папа!

— Я подумалъ, душа моя, что скорѣе успокоюсь, если по-
кончу со всѣмъ этимъ. Но теперь я пойду и лягу въ постель...

Дойдя до двери спальни, онъ нѣжно поцѣловалъ ее.

— Я усталъ и все вижу въ черномъ цвѣтѣ сегодня, но не
нужно отчаяваться. Ты не будешь очень волноваться, Китти?—
прибавилъ онъ умоляющимъ тономъ.

— Нѣтъ, папа,—отвѣчала она, охватывая его шею обѣими
руками и цѣлуя.

Тѣмъ не менѣе, она провела бессонную ночь, мучаясь не
страхомъ за будущее, но опасеніями за здоровье отца. Когда
Бидди встала, она пришла къ ней въ кухню и объявила, что
пойдетъ въ викаріатъ.

Утро было прелестное, какъ это бываетъ ранней весной, и
Китти очень соблазняла мысль пройтись по парку, но воспомни-

наніе о неприятной сценѣ, происходившей въ немъ третьяго дня, остановило ее, и она рѣшила идти лучше по деревнѣ.

Проходя мимо воротъ парка, она увидѣла выѣзжавшаго изъ него Герберта верхомъ на лошади.

Онъ сошелъ съ лошади, завидя ее, и подошелъ къ ней.

— Надѣюсь, ничего худого не случилось?—спросилъ онъ тревожно, приподнимая шляпу и пожимая ей руку.

— Нѣтъ, благодарю васъ; я иду къ дядѣ.

— Но еще такъ рано, и у васъ такой утомленный видъ.

— Меня беспокоитъ папа; онъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ.

— Онъ, значитъ, вернулся?

— Да; онъ вернулся вчера вечеромъ.

— Вы позволите проводить васъ черезъ паркъ?

— Благодарю васъ.

Гербертъ поручилъ привратнику отвести лошадь обратно въ замокъ. Тотъ исполнилъ порученіе, при чемъ нечаянно натворилъ бѣду, сказавъ дома, что Гербертъ пошелъ гулять съ миссъ Керью—новость, не замедлившая достигъ ушей Клары. Поэтому въ первый же разъ, какъ Китти отправилась въ замокъ, съ давно обѣщаннымъ визитомъ къ м-съ Веріенъ—для чего она выбрала такой день, когда рассчитывала не встрѣтиться съ м-съ Гербертъ, которая, какъ сообщила ей мужъ, собиралась въ это утро ѣхать въ Манчестеръ,—она была удивлена, встрѣтись съ ней лицомъ къ лицу. Дѣло въ томъ, что послѣдняя, услышавъ отъ м-съ Веріенъ о предполагаемомъ въ этотъ день визитѣ миссъ Керью, увидѣла въ этомъ не что иное, какъ условленное новое свиданіе между ея мужемъ и Китти, и тотчасъ же рѣшила ему помѣшать.

— Вы, кажется, не ожидали меня встрѣтить?—сказала она Китти съ напускной вѣжливостью и даже любезностью.—Вы думали, что я въ Манчестерѣ?

— Я пришла къ м-съ Веріенъ,—отвѣчала Китти ледянымъ тономъ.—Она дома?

Не было никакой возможности не понять ироніи и ѣдкой насмѣшки, скрывавшихся подъ притворной вѣжливостью Клары, и Китти остановилась посреди комнаты, готовясь немедленно уйти, если ей откажутъ въ свиданіи съ м-съ Веріенъ.

— Вы дѣйствительно желаете видѣть м-съ Веріенъ?—спросила Клара, притворяясь, будто не вѣритъ своимъ ушамъ.

— Да.

— Я думала, вы желаете снова увидѣться съ моимъ мужемъ и побесѣдовать съ нимъ опять наединѣ...

Это уже было непозволительно! но Клара слѣшила восполь-

зоваться отсутствіемъ м-съ Веріенъ и наговорить какъ можно больше дерзостей.

Китти только взглянула на нее съ презрѣніемъ и повернулась, чтобы выйти, но тутъ какъ разъ вошла м-съ Веріенъ.

— Какъ? вы уже уходите?

— Я думала, что васъ не увижу, — отвѣтила Китти тономъ, давшимъ той сейчасъ же понять, что произошла какая-то сцена.

Это ее не удивило, такъ какъ она привыкла къ бѣшеннымъ и на видъ безпричиннымъ выходкамъ своей невѣстки.

Бросивъ многозначительный взглядъ на Клару, которая встрѣтила его каменнымъ спокойствіемъ, она повернулась къ Китти и сказала ей:

— Пойдемте въ мою комнату, душа моя; мнѣ нездоровится, а вамъ вѣдь все равно, гдѣ сидѣть, не правда ли?

Когда онѣ выходили изъ комнаты, Клара крикнула имъ вслѣдъ:

— Такъ какъ Гербертъ вамъ не нуженъ, м-съ Веріенъ, то я попрошу его свезти меня въ Уорстонъ.

Тогда только старушкѣ пришло въ голову, что Клара ревнуетъ мужа къ Китти. Такое чувство въ новобрачной съ точки зрѣнія ея старомодныхъ понятій показалось ей до того нелѣпымъ и неделикатнымъ, что она не стала спрашивать Китти, какъ хотѣла-было сначала, о причинахъ ссоры.

Между тѣмъ многозначительное молчаніе м-съ Веріенъ, равно какъ и вульгарная и откровенная ревность Клары произвели на такую невинную и гордую дѣвушку, какъ Китти, совсѣмъ обратное дѣйствіе, чѣмъ на обыкновенную дѣвушку.

Вмѣсто того, чтобы рѣшиться избѣгать на будущее время Герберта, она, напротивъ того, рѣшила совершенно открыто и на прежней дружеской ногѣ и какъ можно чаще видѣться съ нимъ. Она не только не была расположена умалчивать о Гербертѣ, какъ того, повидимому, хотѣлось м-съ Веріенъ, но все время говорила о немъ и о томъ, какъ онъ добръ къ ея отцу, и даже съ большимъ жаромъ, чѣмъ это сдѣлала бы при другихъ обстоятельствахъ.

Тѣмъ временемъ Клара успѣшила разыскать Герберта. Никогда еще новобрачная въ такое короткое время не успѣвала развить любовь такъ, какъ то сдѣлала Клара въ какихъ-нибудь два мѣсяца. Она съ какимъ-то бѣшеннымъ удовольствіемъ занималась этимъ разрушеніемъ, отчасти отъ злости (она бывала чистѣйшей фуріей, если ей въ чемъ-нибудь противорѣчили или мѣшали), но главное отъ безумной страсти къ Кросли, котораго она встрѣчала во время медоваго мѣсяца въ Лондонѣ и въ Парижѣ.

Послѣ каждой встрѣчи съ нимъ она испытывала къ Герберту такую же сильную ненависть, какъ сильна была страсть, внушаемая ей Кросли, и эту ненависть она выражала въ словахъ и въ поступкахъ. Она даже не разъ въ припадкахъ безумной ярости говорила Герберту, что никогда не любила и не будетъ любить его. Таковъ былъ ихъ медовый мѣсяцъ. Гербертъ точно съ облаковъ свалился и понялъ, что онъ загубилъ свою жизнь.

Но сама Клара еще не понимала, какъ безповоротно оттолкнула отъ себя мужа и утратила всякое надъ нимъ вліяніе. Она черезъ-чуръ вѣрила въ неотразимость своей физической красоты и воображала, что чарами ея привлечетъ къ своимъ ногамъ, когда захочетъ, всякаго, даже мужа. Поэтому она думала, что стоитъ ей только возобновить кокетливыя уловки, какія она пускала въ ходъ, когда еще не была женой Герберта, чтобы опять очаровать его. А для такой женщины, какъ Клара, не могло быть болѣе могучаго побужденія отложить въ сторону всякую гордость, подавить злость и разыграть влюбленнаго ангела, какъ надежда уничтожить соперницу.

Съ этой надеждой она разыскала Герберта въ его курительной берлогѣ.

— Я думалъ, ты въ Манчестерѣ!—замѣтилъ онъ, завидя ее, далеко не радостнымъ тономъ.

— Въ Манчестерѣ? но вѣдь ты самъ говорилъ мнѣ, что я могу достать все нужное въ Лондонѣ.

— Но ты непременно хотѣла ѣхать въ Манчестеръ.

— Неужели? Я находилась въ капризномъ настроеніи, значитъ; но я образумилась и отправилась въ Лидсъ, какъ мнѣ было приказано,—сказала она съ одной изъ прежнихъ своихъ обольстительныхъ улыбокъ.

— Надѣюсь, ты осталась довольна?—холодно отвѣчалъ онъ.

— Вполнѣ; но только я позабыла купить нѣсколько бездѣлушекъ, которыя я могу, впрочемъ, достать въ Уорстонѣ. Я пришла просить тебя, Гербертъ, свезти меня туда.

— Какъ? сегодня?

— Да; мнѣ необходимо съѣздить сегодня же. Свези меня туда. Мнѣ такъ хочется явиться тамъ во всемъ блескѣ, такъ какъ это будетъ нашъ первый визитъ послѣ свадьбы.

Она обняла его за шею и ласково прижалась щекой къ его головѣ.

— Сегодня я не могу; я ожидаю миссъ Керью,—отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, который убѣдилъ бы каждаго, кромѣ Клары, что это не любовное свиданіе.

Къ его удивленію, Клара шутливо отвѣчала:—Она придетъ въ гости *къ тебѣ!* Если такъ, то я настаиваю, чтобы ты отвезъ меня въ Уорстонъ. Должно быть, потому-то ты и хотѣлъ, чтобы я была въ Манчестерѣ,—прибавила она, надувъ губки.

— По правдѣ сказать, да; ты такъ ее не любишь, что не можешь быть даже съ нею вѣжлива, а матушка ее очень любить.

— Если матушкѣ угодно ее видѣть, то тебѣ ничего не стѣдуетъ увезти меня, чтобы я имъ не мѣшала,—сказала Клара безъ всякаго раздраженія въ голосъ.

Гербертъ увидѣлъ, что ему не остается ничего другого, и согласился, хотя далеко не любезно. Ему хотѣлось видѣть Китти, и онъ находилъ невѣжливымъ уѣзжать изъ дому, когда онъ самъ же пригласилъ ее; но, съ другой стороны, необходимо удалить Клару, а это можно сдѣлать, только увезя ее въ Уорстонъ. Если онъ откажется, она не только останется дома, но и сорветъ свой гнѣвъ на Китти и сдѣлаетъ той какую-нибудь невозможную сцену. Поэтому онъ велѣлъ запретъ доквартъ, и они поѣхали въ Уорстонъ. Только тогда, когда они пріѣхали туда, Клара нашла нужнымъ сообщить то, что онъ навѣрное узналъ бы отъ матери, а именно, что Китти находилась уже въ домѣ, когда она увезла его.

— Она пришла, чтобы увидѣть тебя и никого другого, — объясняла Клара.—Она безъ памяти влюблена въ тебя съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вытащила тебя изъ озера,—прибавила Клара, воображая, что Гербертъ будетъ польщенъ ея ревностью и тѣмъ, что она считаетъ его побѣдителемъ.

Герберта же между тѣмъ возмущала низкая хитрость Клары и вульгарность ея чувствъ и выраженій: „Китти влюблена въ него съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вытащила его изъ озера?“

Такое обвиненіе, выраженное въ такихъ словахъ и противъ кого же? противъ такой дѣвушки, какъ миссъ Керью! Ему стало просто тошно. Онъ молчалъ, потому что, еслибы онъ высказалъ вслухъ то, что думаетъ, Клара наговорила бы ему дерзостей, насколько не стѣсняясь присутствіемъ грума. Клара зорко глянула ему въ лицо и прочитала на немъ неудовольствіе и отвращеніе.

— Ты сожалѣешь, что раньше не узналъ объ ея страсти?—подсмѣялась она.

— Я сожалѣю, что ты такъ говоришь о ней, и прошу тебя перестать.

— Это будетъ очень удобно для васъ обоихъ! Вы будете ежедневно назначать себѣ свиданія, прогуливаться вдвоемъ въ паркѣ, а я не смѣй этого знать и видѣть! Что ты воображаешь, что я

дура или Гривельда? Говорю тебѣ разъ и навсегда: я не потерплю этого!

Такъ какъ она начинала кричать все громче и громче, Гербертъ сказалъ тихо:

— Прошу помнить, что мы не одни.

— Я ничего не говорю такого, чего бы должна стыдиться! Если кому нужно стыдиться, то...

Но тутъ ее перебилъ Гербертъ, который остановилъ лошадей, повернувшись къ груму, сказалъ:

— Я тутъ выйду. Отвезите м-съ Веріенъ въ городъ. Я пройду пѣшкомъ на станцію.

И прежде нежели Клара успѣла опомниться, выскочилъ изъ догкарта и пошелъ прочь.

Въ первомъ порывѣ бѣшенства, Клара чуть было не вернулась назадъ въ замокъ. Но передумала и, стыдясь выражать такой бессильный гнѣвъ при грумѣ, рѣшила ѣхать въ ближайшій магазинъ, купить тамъ какую-нибудь бездѣлушку и вернуться домой.

Тѣмъ временемъ она обдумывала, какъ бы ей половиче отомстить Герберту и Китти. Раздумье не помѣшало ей, однако, тотчасъ же увидѣть при поворотѣ въ Рыночную улицу Годфри Кросли, выходившаго изъ клуба. Цѣлый потокъ мыслей хлынулъ ей въ голову при видѣ его. Неужели онъ послѣдовалъ за ней изъ Парижа? Будетъ ли онъ у нея съ визитомъ? Все ли еще онъ женихъ миссъ Проссеръ, или порвалъ съ нею, какъ обѣщаль? Какъ устроить теперь же tête-à-tête? и гдѣ имъ видаться на будущее время?

Въ какую-нибудь секунду все это и многое другое пронеслось у нея въ головѣ; она велѣла груму остановить экипажъ, вышла изъ него и вошла въ первую лавку, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ Годфри Кросли. Онъ, повидимому, понялъ ее, потому что подождать, пока она вошла въ магазинъ, и затѣмъ уже послѣдовалъ туда за нею и поздоровался съ ней.

— М-ръ Кросли? — вскричала она тономъ такого искренняго удивленія, что чуть было не обманула его самого. — Вы здѣсь?

— Это не должно было бы васъ удивлять, когда вы здѣсь, — отвѣчалъ онъ съ пламеннымъ взглядомъ.

— Когда вы выѣхали изъ Парижа?

— Вслѣдъ за вами.

Она опустила глаза не отъ кокетства (всѣ уловки и приемы кокетства измѣняли ей въ присутствіи этого человѣка), но отъ пламеннаго взгляда его, отъ котораго вся такъ и вспыхнула.

— Вы будете у своей матушки? — спросилъ онъ тихо и многозначительно.

— Да.

— Могу я прѣхать туда къ вамъ; мнѣ такъ много нужно вамъ сказать.

— Она будетъ очень рада васъ видѣть, — прошептала Клара.

— Вы сейчасъ туда отправитесь?

— Да.

— Я прѣйду черезъ десять минутъ послѣ васъ.

Онъ приподнялъ шляпу, простился обыкновеннымъ тономъ и вышелъ изъ магазина.

Купивъ первое, попавшееся на глаза, Клара сѣла въ догвартъ и велѣла груму вести ее къ матери, откуда отослала его домой, говоря, что тоже вернется по желѣзной дорогѣ.

Она уже была у матери, по возвращеніи, и бѣдную старушку пріятно удивило вторичное посѣщеніе дочери, столь же для нея неожиданное, какъ для самой Клары — всего лишь пять минутъ тому назадъ.

— Не случилось ли чего-нибудь? — спросила она, будучи мнительной и зная, что дочерняя привязанность Клары не требуетъ такихъ частыхъ свиданій.

— Случилось? — повторила Клара, машинально цѣлуя мать. — Вотъ любезный пріемъ! точно мое появленіе должно означать какое-нибудь бѣдствіе! Мнѣ слѣдуетъ, значить, порѣже бывать у васъ, чтобы вы любезнѣе встрѣчали меня! Ну, какъ поживаете? а я такъ устала... хотѣла побѣгать еще по магазинамъ, но рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать... даже разговаривать...

И бросилась устало на диванъ.

— А мнѣ непременно надо купить сегодня пропасть вещей, — прибавила она со вздохомъ.

— Выпей чашку чая, милая, и тогда...

— Чашку чая? Еслибы мнѣ надо было вырвать зубъ или отрѣзать голову, вы бы и тогда ничего лучшаго не придумали, какъ предложить чашку чая. Мнѣ нужно только отдохнуть и полежать немножко... Знаете, что вы можете для меня сдѣлать, мама! — вскрикнула она, выпрямляясь: — вы можете купить все мнѣ нужное, пока я полежу здѣсь, а затѣмъ мы напьемся чаю и поболтаемъ.

И, не дожидаясь отвѣта, она перечислила цѣлую кучу мелочей, придуманныхъ ею дорогою.

М-съ Рутвенъ ничего такъ не любила, какъ ходить по магазинамъ; но купить что-нибудь для Клары значило подвергнуться

безопасной и неумолимой критикѣ. Поэтому она начала было слабо отказываться, но Клара тотчас же перебила ее:

— Прекрасно; въ такомъ случаѣ я сама пойду, хотя мнѣ всю голову разломил.

Мать хотѣла было пространно объяснить, что ее пугаетъ не трудъ ходить по лавкамъ, а то, что она можетъ не угодить дочери, но Клара опять ее перебила.

— Если вы согласны, такъ идите сейчасъ, и дайте мнѣ полежать. Не огорчайтесь,—я знаю, я сердита, но это потому, что я устала; если вы дадите мнѣ отдохнуть, я буду воплощенная любезность, когда вы вернетесь.

Послѣ того она шутливо вытолкала мать изъ комнаты. А когда та вернулась, совсѣмъ одѣтая, и стала допытываться подробныхъ инструкцій, Клара закричала:

— Право же, мама, ужъ лучше мнѣ заниматься покупками въ лавкѣ, чѣмъ здѣсь,—и такимъ образомъ отдѣлалась, наконецъ, отъ старухи.

Не успѣла м-съ Рутвенъ уйти, какъ служанка доложила о приходѣ м-ра Годфри Кросли.

— Кто?—переспросила Клара, вставая съ дивана.

— М-ръ Кросли.

— М-ръ Кросли? а, знаю! Онъ желаетъ меня видѣть?

— Да, я сказала, что м-съ Рутвенъ нѣтъ дома, но вы здѣсь.

— Къ чему же вы говорили ему, что я здѣсь, когда знали, что я легла отдохнуть!—съ сердцемъ закричала Клара, наслаждаясь своей искусной игрой.

— Мнѣ очень жаль, но...

— Дѣлать нечего. Просите.

Она встала съ дивана, когда вошелъ Годфри Кросли, и пошла къ нему на встрѣчу съ непритворнымъ смущеніемъ.

— Мама нѣтъ дома,—нервно проговорила она.

Онъ, конечно, не сказалъ, что отлично это знаетъ и былъ увѣренъ въ томъ, что она отошлетъ старуху прочь, и сторожилъ поэтому дверь, чтобы видѣть, когда та уйдетъ. Онъ только взялъ обѣ ея руки въ свои, поглядѣлъ страстнымъ взглядомъ ей въ глаза и проговорилъ:

— Наконецъ!

Вся ея самоувѣренность и находчивость, весь талантъ актрисы растаяли передъ его горячимъ взглядомъ. Любовь, или вѣрнѣе страсть, охватила ее съ ногъ до головы и лишила способности сопротивляться ему. Она молчала и стояла съ опущенными гла-

вами; онъ выпустилъ одну изъ ея рукъ, а своею взялъ ее за подбородокъ, приподнялъ ея лицо и заглянулъ ей въ глаза.

— Развѣ вы не знали, что я послѣдую за вами?

— И вы останетесь здѣсь?

— А вы?

— Да.

— Ну, такъ и я останусь.

— А миссъ Проссеръ?

— Вотъ еще!

И онъ, наклонясь къ ней, страстно поцѣловалъ ее.

Она высвободилась и съ волненіемъ проговорила:

— Вы не должны этого дѣлать; вы не въ правѣ.

— Ну, такъ не упоминайте о миссъ Проссеръ, Клара! Еслибы вы знали, какъ я жажду такого свиданія, вы бы не замораживали меня въ тѣ короткіе моменты, какіе мы можемъ пробыть вмѣстѣ.

— Но вы все еще помолвлены съ нею?—спросила она, не то вопросительно, не то укоризненно, какъ будто его помолвка съ миссъ Проссеръ, а не ея бракъ съ Гербертомъ разъединили ихъ. По правдѣ сказать, ея умъ былъ такъ занятъ этимъ ненавистнымъ сватовствомъ, что въ немъ не было мѣста ни для какой другой мысли.

— Опять!—отвѣчалъ онъ, снова цѣлуя ее, и на этотъ разъ уже не встрѣчая сопротивленія.

Они просидѣли на диванѣ рядомъ болѣе часу; у нея закружилась голова, и она забыла о времени, мѣстѣ, о своемъ долгѣ, о своемъ добромъ имени, обо всемъ и обо всѣхъ, кромѣ своей страсти. Прежде чѣмъ мать вернулась, они условились, гдѣ и какъ имъ встрѣчаться на будущее время; но объ этихъ свиданіяхъ мы больше ничего говорить и не будемъ, кромѣ того, что они состоялись.

XXX.

Романъ „Основа“ вышелъ въ свѣтъ въ свое время; но не успѣла эта книга появиться, какъ въ „Зеркалѣ“, великосвѣтскомъ журналѣ, была напечатана очень умная и удивительно ѣдкая и обидная критика, которая, по мнѣнію викарія, могла быть написана только лицомъ, знавшимъ и ненавидѣвшимъ автора.

Но какимъ образомъ Клара, единственное лицо, похожее на героиню романа и въ которомъ викарій по многимъ, болѣе силь-

нымъ резонамъ, подозрѣвалъ виновника этой критики, могла напечатать ее въ „Зеркалѣ“,—этого онъ никакъ не могъ угадать.

Онъ не могъ также убѣдить Китти въ томъ, что критика пристрастна и недоброжелательна; по своей скромности и мнительности она придавала ей болѣе серьезное значеніе. Бѣднымъ дѣвушка была поражена въ самое сердце эпитетами, щедро рассыпанными въ статьѣ, въ родѣ: „вульгарно“, „грубо“, „въ ирландскомъ вкусѣ, но не изящно“; или „авторъ, героическія лица котораго заимствованы изъ мелодрамъ, а комическія—алиповаты, карикатурны“; „юморъ взятъ цѣликомъ изъ балагана, а остроуміе дешевое и трагирное“, и пр., и пр.

Бѣдная Китти! Первая критическая статья объ ея произведеніи! Только очень юный авторъ можетъ понять мучительную боль, какую можетъ причинить такая ругательная статья! Тщетно викарій доказывалъ, что такая брань попадаетъ мимо цѣли, такъ какъ всякій, кто ни прочтаетъ ее, увидитъ личное недоброжелательство, связующее въ каждой строчкѣ.

— Это кинжалъ убійцы, запятанный въ ножны меча правосудія,—говорилъ онъ;—но кончикъ острія просовывается наружу... и это дѣло рукъ женщины,—прибавилъ онъ.

— Почему вы знаете?—спрашивала Китти.

— Не смѣю сказать: потому, что она такъ презрѣнна; но скажу: потому, что она такъ субъективна. „Когда женщина пишетъ романъ,—говоритъ Гейне,—она однимъ глазомъ смотритъ на бумагу, а другимъ на какого-нибудь мужчину, за исключеніемъ графини Ганъ-Ганъ, у которой только одинъ глазъ“. Ты—другое исключеніе, душа моя,—прибавлялъ викарій, нѣжно улыбаясь Китти.—Серьезно говоря, только женщина могла быть такъ мелочна и презрѣнно субъективна и мстить за себя такими эпитетами, къ которымъ женщины всего чувствительнѣе, какъ-то: вульгарность, грубость и пр.

— Но какъ можетъ статья быть личной и субъективной, когда никому въ Лондонѣ не извѣстно, что я авторъ романа, и меня лично никто не знаетъ?

— Критики, какъ и авторы, могутъ жить и не въ Лондонѣ; и кромѣ того нумеръ съ критической статьёй присланъ тебѣ, но не издателями.

— Его могъ прислать кто-нибудь, кто прочталь его здѣсь.

— Онъ присланъ тебѣ авторомъ, и авторъ—женщина; а причину, почему я такъ думаю, я могу тебѣ дать тоже женскую... потому что...

Изъ словъ дяди, Китти поняла, что онъ подозрѣваетъ извѣст-

ную ему женщину, но не желаетъ ее назвать, а потому она и не стала допытываться. Главная причина,—скажемъ тутъ же читателямъ, возбуждившая подозрѣнія или, вѣрнѣе сказать, увѣренность виварія въ томъ, что Клара написала статью, это то, что онъ слышалъ, какъ она критиковала романъ Китти въ разговорѣ съ м-сь Веріенъ и Гербертомъ и высказывала тѣ же мнѣнія и въ такихъ же оскорбительныхъ и извительныхъ выраженіяхъ, какъ и критикъ „Зеркала“. Какъ бы то ни было, а такъ какъ отношенія между Кларой и Китти были и безъ того какъ нельзя плохи, то онъ счелъ болѣе благоразумнымъ не подливать масла въ огонь.

— Не будемъ говорить объ этомъ, папа, — сказала Китти со вздохомъ.

Она унесла номеръ журнала въ себѣ и тамъ наединѣ терзалась грубо и вульгарно выраженными обвиненіями въ вульгарности и грубости. Что именно имѣлъ въ виду критикъ? Онъ не приводилъ никакихъ примѣровъ въ подтвержденіе своихъ бранныхъ отзывовъ, и она должна была сама догадываться, гдѣ и какъ проявила недостатокъ изящества и такта... и никакъ не могла догадаться. Она мысленно перебирала всѣ сцены въ своемъ романѣ, стараясь отыскать мотивы для такихъ обвиненій, но тщетно! И въ концѣ концовъ пришла къ заключенію, что не мотивы эти отсутствуютъ, а она сама не въ состояніи ихъ усмотрѣть! Пытка и униженіе, какія причинила ей эта мысль, могутъ быть понятны только если мы припомнимъ, что она оскорбляла въ ней не только автора, но и женщину. Даже Клара, злая, презлая женщина изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ, была бы удовлетворена, увидѣвъ, какой стыдъ, муку и отчаяніе причинила ей статья Китти.

Въ бессонную ночь, среди мрака и одиночества, не имѣя возможности отдѣлаться отъ мучительныхъ мыслей, она перебирала въ умѣ ядовитыя замѣчанія критической статьи, пока не показалась самой себѣ безусловно глупой и бездарной. Уже, разумѣется, всѣ ея надежды на литературную карьеру были убиты. Мечта разсѣялась, и она рѣшила сжечь всѣ свои рукописи, большія и малыя, чтобы не быть игрушкой собственныхъ фантазій и не тратить энергии попусту, а поисать себѣ болѣе подходящихъ, практическихъ занятій.

Уже одно это рѣшеніе ободрило ее, какъ всегда ободряютъ человѣка всякія рѣшенія, какія бы они ни были отчаянныя.

Послѣ завтрака дядя вдругъ ей сказала, какъ бы только-что вспомнивъ:

— Кстати, ты получила письмо, Китти?

— Письмо? нѣтъ; развѣ есть письмо ко мнѣ?

— Есть; я, должно быть, оставилъ его въ кабинетѣ. — Такъ какъ письмо было отъ издателей, то викарій, опасаясь, самъ не зная почему, чтобы оно не помѣшало ей позавтракать, какъ вчера „Зеркало“, — счелъ за лучшее пока отложить его.

Не успѣла Китти распечатать письмо и пробѣжать его глазами, какъ поспѣшила къ дядѣ.

— Что бы это такое значило? — спросила она въ волненіи, подавая ему письмо.

Онъ нервно взялъ его и со страхомъ сталъ читать.

„Милостивая государыня!

„Если у васъ есть еще трехтомный романъ на-готовѣ, то мы съ удовольствіемъ предлагаемъ вамъ 500 ф. стерлинговъ за право печатанія. Будьте такъ добры, извѣстите насъ, согласны ли вы принять наше предложеніе, и когда—въ такомъ случаѣ—мы можемъ разсчитывать напечатать книгу. Примите увѣреніе, милостивая государыня, въ совершенномъ почтеніи и преданности.

„Арчеръ и Холлюнделли“.

— Милая Китти! — сказала дядя, цѣлуя ее: — твоя карьера сдѣлана!

— Но... это какая-нибудь ошибка. Я получила только 75 ф. ст. за „Основу“, и эту книгу нельзя считать за успѣхъ, такъ какъ она только-что вышла.

— Но вѣдь только библіотеки для чтенія покупаютъ трехтомные романы, и онѣ сдѣлали этотъ заказъ. Повѣрь, Китти, твоя книга навѣрное разошлась въ одинъ мигъ! Бѣги и покажи письмо отцу.

Отецъ, конечно, раздѣлялъ взглядъ викарія, но Китти этимъ вовсе не убѣдилась.

— Предложить такую сумму за ненаписанную книгу невѣстнаго автора!

— Они боятся, чтобы ихъ не опередила другая фирма, — предположилъ отецъ.

— Хорошо, но вѣдь должны же они знать, что я съ радостью согласилась бы на половину или даже одну треть этой платы.

— Ну, что-жъ такое, — они не Шейлоки.

Китти покачала головой.

— Это письмо — шутка и ничего больше. Я въ этомъ увѣрена.

Дядя про себя нашелъ это возможнымъ и даже вѣроятнымъ, такъ какъ Клара вполне способна на такого рода шутки.

— Ты сохранила ихъ прежнія письма?—спросилъ онъ.

— Да.

Когда она принесла другія письма, полученныя ею отъ Арчера и Холлюнделли, то они тщательно сличили почеркъ, и, въ концѣ концовъ, даже Китти убѣдилась, что письмо не поддѣльное.

— Но почему они предлагаютъ такую баснословную сумму за новый романъ, когда дали всего лишь 75 ф. ст. за „Основу“?

На это никто не могъ отвѣтить, и тайна такъ и осталась неразгаданной.

Тѣмъ не менѣе, неожиданный и даже непонятный успѣхъ Китти произвелъ удивительное и, можно сказать, чудесное дѣйствіе на ея отца. Силы, энергія и даже его молодость вернулись въ нему, и онъ сталъ такимъ же восторженнымъ сангвиникомъ, какимъ былъ до своей послѣдней неудачи. Но теперь его надежды приняли совсѣмъ новое направленіе: онъ увѣровалъ въ литературные труды Китти и въ свое въ нихъ участіе, которое онъ, встаети сказать, считалъ вовсе не ничтожнымъ. Онъ былъ неспособенъ придумать сцену, завязку и развязку, интригу или характеръ, но онъ критиковалъ ея cathedra то, что придумывала Китти, и исправлялъ слогъ или, по крайней мѣрѣ, воображалъ, что исправляетъ его. То, что Китти высказывала въ короткихъ словахъ, онъ стремился размазать и выразить многорѣчиво, и въ то время какъ простые слова Китти отлично выражали ея мысль, его перифразы только затемняли и ослабляли ее.

Но это были ничтожныя непріятности сравнительно съ возстановленіемъ здоровья, силъ, энергіи и интереса къ жизни у ея отца. Онъ не переѣхалъ въ Лондонъ, какъ хотѣлъ было, и остался въ прежнемъ домѣ, такъ какъ деньги, предложенныя его дочери издательской фирмой Арчеръ и Холлюнделли, поправили ихъ обстоятельства.

Теперь онъ мечталъ, что заработки Китти будутъ возрастать въ геометрической прогрессіи, и заявлялъ, что если за второй романъ Китти получила 500 ф. ст., то за третій получить, по крайней мѣрѣ, 1.000 фунт., а за четвертый 2.000 ф. и такъ далѣе до 6.000—8.000 фунтовъ.

Итакъ, если, съ его помощью, она будетъ писать только по одному роману въ годъ, то у нихъ будетъ доходу по меньшей мѣрѣ тысяча фунтовъ въ годъ!..

Этого рода болтовня была ужасна для Китти. Она горько

сознавала, что успѣхъ ея случайный, не вполне заслуженный, и боялась реакціи, которая могла наступить послѣ напечатанія ея второго произведенія.

XXXI.

Дядя, конечно, не сказалъ Китти о его разговорѣ съ Гербертомъ, ни о томъ, какъ онъ сообщилъ ему объ ея литературныхъ трудахъ и хозяйственныхъ заботахъ; а потому она только въ самое послѣднее время, да и то случайно, узнала, что для обитателей замка не секретъ, кто авторъ романа „Основа“.

На другой день послѣ ея визита м-съ Веріенъ, Гербертъ уѣхалъ по дѣламъ въ Лондонъ, гдѣ пробылъ шесть недѣль, а со времени его возвращенія въ замокъ она почти совсѣмъ не видѣлась съ нимъ. Китти подумала бы, что Гербертъ избѣгаетъ ихъ, еслибы онъ не былъ такъ усиленно любезенъ при встрѣчахъ съ ея отцомъ. Поэтому она объясняла ихъ рѣдкія свиданія вліяніемъ Клары,—и совсѣмъ ошибочно. Въ эти два мѣсяца Клара вовсе о ней не думала, между тѣмъ какъ у Герберта она не выходила изъ ума. Шпильки Клары надоумили его и помогли разобраться въ своемъ сердцѣ, а по тому самому, что онъ не смѣлъ больше искать общества Китти, онъ сталъ ее избѣгать.

Такимъ образомъ, Китти рѣдко видала Герберта въ послѣднее время; но когда узнала, что ему извѣстно, что она авторъ романа „Основа“, то не могла не вспомнить цитаты дяди изъ Гейне: „Когда женщина пишетъ романъ, она однимъ глазомъ глядитъ на бумагу, а другимъ на какого-нибудь мужчину“... и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивала себя не разъ: какъ-то ему понравился ея романъ? неужели онъ нашелъ его „грубымъ“ и „вульгарнымъ“? и какъ онъ будетъ теперь смотрѣть на нее, и проч., и проч.

А между тѣмъ она бы страшно удивилась и еще сильнѣе вознегодовала,—скажи ей кто-нибудь, что она влюблена въ Герберта.

Въ невинности души она считала совершенно невозможнымъ и невѣроятнымъ влюбиться въ женатаго человѣка.

Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже сказали, она часто думала о Гербертѣ и интересовалась его мнѣніемъ объ ея романѣ.

Наконецъ, она понадѣялась услышать о томъ, хотя косвенно, такъ какъ получила приглашеніе отъ м-съ Веріенъ провести вечеръ въ Голлѣ, чтобы раздѣлить и разсѣять одиночество старушки:

сынъ ея находился въ Манчестерѣ, а Клара уѣхала на цѣлый день въ Лидсъ. Объ отсутствіи Клары въ письмѣ, конечно, говорилось съ сожалѣніемъ; но Клара поняла, что объ этомъ упоминалось, съ цѣлью предупредить ея отказъ отъ приглашенія.

М-съ Веріенъ встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, и хотя была очень откровенна, но во весь вечеръ ни слова не сказала о романѣ. Разговоръ ея вертѣлся главнымъ образомъ на сынѣ, котораго она очень сожалѣла, и на Кларѣ, которую очевидно боялась столько же, какъ и ненавидѣла.

— Мы не часто даже видимся другъ съ другомъ,—говорила она:—потому что Клара вѣчно или въ Лидсѣ, или въ Манчестерѣ, или въ Уорстонѣ. Не понимаю, что она находитъ веселаго въ этихъ дымныхъ городишкахъ; но должно быть для нея это все же лучше, чѣмъ сидѣть здѣсь со мной или съ Гербертомъ.

О Гербертѣ она много разъ повторила, что совсѣмъ не узнаетъ его: изъ веселаго, живого, даже пылаго юноши онъ сталъ унылымъ, мрачнымъ и апатичнымъ.

Но перемѣна въ самой м-съ Веріенъ показала Китти не менѣе поразительной. Она вдругъ постарѣла не только физически, но и умственно. Изъ сдержанной, молчаливой и неоткровенной она стала болтливой и черезъ-чуръ откровенной. Какъ и всѣ люди, умъ которыхъ ослабѣлъ отъ возраста или отъ болѣзни, она безпрестанно повторяла сказанное раньше. Разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, сказала она, что во всякомъ случаѣ къ ней Гербертъ не перемѣнился и сталъ даже еще нѣжнѣе, ласковѣе, чѣмъ прежде. Въ началѣ вечера она не упоминала про его женитьбу, но подъ конецъ, очарованная нѣжной симпатіей Китти, удивила ее:

— Я бы желала, чтобы *вы* были моею дочерью, моя душа,—чѣмъ ясно дала понять свое желаніе, чтобы *она* была женой Герберта, и тутъ же принялась сообщать Китти свои прежніе планы и надежды женить Герберта на Дженни Проссеръ! Слушая эти удивительныя признанія, Китти испытывала глубокую жалость къ бѣдной старушкѣ, одряхлѣвшей отъ горя, а горе это несомнѣнно причиняла Клара.

Но не могла же простая антипатія между свекровью и неврѣсткой, или хотя бы даже дерзости послѣдней, такъ сильно подействовать на старушку. Изъ нѣкоторыхъ намековъ м-съ Веріенъ, Китти убѣдилась, что въ поведеніи неврѣстки было нѣчто определенное и крайне дурное, чѣмъ и объяснялось умственное разстройство свекрови.

Вообще же Китти была до-нельзя удивлена и огорчена не

столько жалобными признаніями м-съ Веріенъ, сколько болѣзненнымъ состояніемъ, на которое они указывали.

Сама старушка какъ бы поняла, наконецъ, что ея откровенность съ молодой дѣвушкой не совсѣмъ умѣстна.

— Душа моя, я говорю съ вами такъ, какъ еслибы вы сами были старухой, какъ и я; но Гербертъ находитъ, что не встрѣчалъ умѣе васъ женщины, и кромѣ того у васъ доброе сердце, а это еще лучше, гораздо лучше. Умъ и злость очень часто идутъ рука объ руку, душа моя.

И послѣ того она пустилась перечислять всѣ добрыя качества Дженни Проссеръ и увѣрять, какая бы изъ нея вышла прекрасная жена, такъ что не оставалось сомнѣнія, что не Дженни, а Клару подразумѣвала она, говоря объ умѣ, неразлучномъ со злостью.

Наконецъ, этотъ печальный вечеръ окончился. Китти встала, чтобы проститься, и отказалась отъ провожатаго, котораго ей предлагала м-съ Веріенъ, какъ раньше отказалась отъ предложенія отца зайти за нею. Онъ такъ сильно простудился, что она и слышать не хотѣла, чтобы онъ выходилъ изъ дома; въ тому же ей приходилось идти почти все время по парку, гдѣ она была въ полной безопасности. Но пока м-съ Веріенъ уговаривала Китти взять кого-нибудь въ провожатые, вошла горничная и объявила, что м-съ Девайнъ пришла за миссъ Керью. Китти очень обрадовалась, такъ какъ это избавляло ее отъ необходимости брать кого-либо изъ слугъ замка, и вмѣстѣ съ тѣмъ она была рада и тому, что будетъ идти подъ охраной Бидди.

Но не успѣли онѣ пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ оказалось, что она сама должна охранять и успокаивать Бидди. Бѣдная женщина дрожала какъ въ лихорадкѣ.

— Господи, помилуй насъ!—миссъ Китти, не ходите этой дорогой!—говорила она, набожно крестясь.

— Почему? — остановилась Китти въ изумленіи, устремивъ на нее глаза.

— Если когда я слышала лѣшаго, такъ это сегодня вечеромъ, — торжественно отвѣчала Бидди.

— О, пустое, Бидди. Это просто-на-просто филинъ.

— Филинъ! какъ бы да не такъ! Миссъ Китти, вы сами не знаете, что говорите!—съ ужасомъ шептала Бидди.

— Пойдемъ, Бидди, не будь такъ безрассудна; намъ пора домой.

И, несмотря на возраженія бѣдной, трепещущей Бидди, пошла впередъ.

Бидди, убѣдясь, что барышню ей не отговорить, пошла

рядомъ, радуясь, что не одна, и бормоча молитву. Когда онѣ подошли къ страшному мѣсту, Бидди схватила Китти за руку и остановилась какъ вкопанная, задерживая дыханіе. Китти тоже остановилась, невольно заражаясь ея страхомъ. Вдругъ Бидди упала на колѣни и принялась громко взывать во всѣмъ святымъ и угодникамъ, между тѣмъ какъ у Китти замерло сердце. Онѣ явственно услышали тихіе, раздирающіе душу стоны. Китти, опомнившись, схватила Бидди за руку, заставила ее встать и бѣжать вмѣстѣ съ нею назадъ въ замокъ, за помощью.

Кто-нибудь лежалъ тамъ больной или раненый, умирающій, быть можетъ зарѣзанный, и убійца неподалеку! Страхъ заразительнѣе, какъ инфекціонныя болѣзни, и питается мракомъ. Темнота и страхъ Бидди такъ разстроили Китти, что единственной мыслью у нея было бѣжать за помощью. Во всякомъ случаѣ это казалось всего благоразумнѣе.

Добѣжавъ до замка и вбѣжавъ въ гостиную, она нашла тамъ Герберта и м-съ Веріенъ. На дѣлѣ Гербертъ вернулся изъ Манчестера еще до ухода Китти, но, согласно своему намѣренію избѣгать ея общества, не показавъ ей на глаза.

Когда Китти сообщила, зачѣмъ вернулась, Гербертъ только спросилъ: гдѣ онѣ слышали стоны?

— Пойдемте вмѣстѣ, и я васъ приведу на то мѣсто,—предложила Китти къ великому отчаянію Бидди.

И всѣ трое пошли какъ можно скорѣе—Гербертъ, вооруженный толстой палкой.

Дойдя до назначеннаго мѣста, они нѣкоторое время ничего не слышали. Но вотъ Гербертъ, пройдя немного впередъ, услышалъ мужской голосъ и затѣмъ конвульсивное рыданіе. Давъ знакъ Китти и Бидди, которыя на этотъ разъ ничего не слышали, чтобы онѣ не двигались съ мѣста, онъ осторожно пробрался на холмикъ, увѣнчанный бесѣдкой, откуда—ему казалось—доносились эти звуки.

Обѣ дрожащія женщины молча дожидались нѣкоторое время, показавшееся имъ цѣлою вѣчностью.

Навонецъ, они услышали осторожные шаги Герберта, возвращавшагося назадъ. Когда онъ показавъ, то сдѣлалъ имъ знакъ идти за нимъ, и чуть не бѣгомъ повелъ ихъ къ выходнымъ воротамъ парка. Но затѣмъ, какъ бы опомнившись, замедлилъ шагъ и сказалъ голосомъ хриплымъ и дрожащимъ, совсѣмъ не похожимъ на его обыкновенный голосъ:

— Тамъ никого не было... больного или раненаго.

Онъ ничего больше не говорилъ, пока они не дошли до воротъ, отворилъ ихъ и тогда пробормоталъ несвязно:

— Я долженъ идти назадъ, къ матушкѣ... извините.

Когда онъ машинально приподнял шляпу, Китти увидѣла его лицо, освѣщенное свѣтомъ, падавшимъ изъ окна сторожки, и ужаснулась его мертвенной блѣдности. Секунду спустя онъ повернулся и чуть не бѣгомъ отправился назадъ.

Бѣдная Бидди тоже видѣла его лицо, и до того испугалась, что Китти едва-едва довела ее до дому. Она даже не въ силахъ была громко призывать всѣхъ святыхъ, къ которымъ обращалась мысленно, и, не прежде, какъ очутившись въ ярко освѣщенной комнатѣ, могла проговорить: — Онъ видѣлъ *ею*, миссъ Китти! Онъ видѣлъ *ею*! Боже, спаси насъ!

„Его“ означало лѣшаго, котораго безопаснѣе было не называть по имени, а выразить мѣстоименіемъ.

— Глупости, Бидди!—отвѣчала Китти, не менѣе напуганная, хотя и сама не знала чѣмъ.

— Боже, помилуй и спаси насъ грѣшныхъ! — воскликнула Бидди, вертясь на стулѣ, на который тяжело опустилась, войдя въ комнату.—Развѣ вы не видѣли его лицо, миссъ Китти? Развѣ вы не видѣли, что онъ былъ блѣденъ какъ смерть?

И такъ какъ Китти молчала, потому что лицо Герберта въ самомъ дѣлѣ поразило ее, Бидди продолжала набожнымъ тономъ:

— Слава Всевышнему за то, что онъ увидѣлъ *ею*, а не мы; когда я услышала *ею* крикъ, то сказала себѣ: Господи помилуй! это онъ пришелъ за бариномъ! Хотя въ семействѣ Керью лѣшій не показывался за послѣднія сто лѣтъ, но теперь я вижу, что онъ пришелъ за этимъ молодымъ человѣкомъ. Жалость какая! а онъ только-что женился!

Тутъ Китти съ нетерпѣніемъ перебила ее.

— Что, папа уже легъ спать?—спросила она.

— Еще не ложился, когда я уходила, миссъ; но лучше бы ему не говорить объ этомъ, а то онъ не будетъ спать всю ночь. Великій Боже!—вскричала она, падая вдругъ на колѣни, между тѣмъ какъ Китти остановилъ на полдорогѣ къ двери душу раздирающій крикъ, донесшійся въ открытое окно изъ парка.

XXXIII.

Когда Китти опомнилась,—она бросилась вонъ изъ комнаты, оставивъ Бидди на колѣняхъ взывать къ помощи святыхъ. Китти увидѣла, что отецъ уже ушелъ къ себѣ въ спальню, но она

была такъ разстроена и напутана, что захотѣла теперь немедленно посовѣтоваться съ нимъ.

Онъ уже легъ въ постель, но еще не спалъ и, когда она рассказала свою странную исторію, рѣшилъ немедленно встать и идти на то мѣсто, откуда онѣ слышали стоны.

— Но что вы можете сдѣлать, папа? И кромѣ того, Гербертъ не хотѣлъ, чтобы обращали вниманіе на это; онъ съ этою цѣлью и убѣждалъ отъ насъ.

— Еще бы! вы женщины, ваше присутствіе было неумѣстно, а я долженъ идти.

Въ нѣсколько секундъ онъ одѣлся и ушелъ, не слушая возраженій Китти.

Китти вернулась въ Бидди и просидѣла съ ней около часа, ожидая возвращенія отца. Но, видя, что онъ не возвращается, встревожилась выше мѣры.

— Что-нибудь случилось, я должна идти!—вскричала она, поспѣшно хватая шляпу дрожащими отъ лихорадочнаго нетерпѣнія пальцами.

— Богъ съ вами, миссъ Китти! и какую помощь можете вы оказать!

— Я пойду,—рѣшительно отвѣчала Китти, надѣвая пальто.

И Бидди ничего не оставалось, какъ послѣдовать за ней; она сдѣлала это безпрекословно, но дрожа всѣми членами.

Онѣ вмѣстѣ вышли изъ дому и дошли до парка, не говоря ни слова; но тутъ Бидди рѣшилась подать совѣтъ:

— Не лучше ли обратиться къ вашему дядюшкѣ, миссъ Китти? до виваріата близехонько.

Китти остановилась, чтобы обдумать это разумное предложеніе. Какую помощь могли онѣ въ самомъ дѣлѣ оказать, если бы помощь потребовалась? между тѣмъ нѣсколько минутъ лишнихъ не составляютъ разсчета. Кромѣ того, сама Китти была такъ же разстроена, какъ и Бидди.

— Не будемъ въ такомъ случаѣ терять ни минуты,—отвѣчала она, быстро сворачивая на дорогу, которая вела въ виваріатъ.

Когда онѣ пришли туда и были впущены удивленной служанкой, Китти спросила, не перевода духъ, гдѣ дядя.

— Онъ въ кабинетѣ, миссъ, съ м-ромъ Веріеномъ.

— М-ромъ Веріеномъ?

— Да, миссъ; онъ пришелъ сюда нѣсколько времени тому назадъ.

— А мой отецъ здѣсь?

— Нѣтъ, миссъ; что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, но только скажите дядюшкѣ, что мнѣ нужно его видѣть... или нѣтъ, стойте: скажите, что его зовутъ на минутку, и не говорите кто.

Удивленная служанка пошла исполнить порученіе и передала его такъ тревожно, что викарій немедленно явился.

— Китти! что случилось?— вскричалъ онъ, входя въ столовую.

Тогда Китти пересказала ему всю исторію, не возбудивъ, однако, въ дядѣ ни удивленія, ни тревоги.

— Какъ давно, говоришь ты, ушелъ отецъ?

— Съ часъ тому назадъ.

Викарій подумалъ съ минуту и затѣмъ сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакой причины опасаться за него, потому что нѣтъ ни малѣйшей опасности; право, нѣтъ, Китти,—убѣдительно повторилъ онъ.— Подожди немного, пока уйдетъ Гербертъ, и я тебя провожу домой.

Китти, успокоившись нѣсколько, стала ломать голову о томъ, что такое могло случиться съ Гербертомъ, и какія причины заставили его придти за совѣтомъ къ викарію. Этотъ страшный крикъ не означалъ, значить, ничего трагическаго, а между тѣмъ какъ онъ былъ ужасенъ! И что значитъ такое долгое отсутствіе отца?..

Когда викарій пришелъ къ ней, то сказалъ:

— Дадимъ сперва Герберту отойти подальше, такъ какъ я считъ за лучшее не говорить ему о твоёмъ приходѣ.

— Я сама хотѣла просить васъ не говорить ему объ этомъ.

— Да,—разсѣянно отвѣтилъ онъ, глядя на Китти, но очевидно думая о другомъ.

И прибавилъ, выходя изъ задумчивости:

— Ты очень испугалась, милая?

— Да; я не знала, что подумать, и до сихъ поръ не знаю.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ машинально, снова впадая въ задумчивость.

Всю дорогу они шли молча, и Китти, приписывая молчаніе дяди нежеланію говорить при Бидди, ни о чемъ его не разспрашивала, ни даже о долгомъ отсутствіи отца, про которое викарій какъ будто совсѣмъ и позабылъ, и только когда они дошли до рокового мѣста, сказалъ Китти, которая указала ему на это мѣсто:

— Отецъ твой навѣрное давно уже дома, душа моя.

И крикнувъ два раза: „Джоржъ!“ и не получивъ отвѣта, викарій пошелъ къ бесѣдкѣ, какъ и Гербертъ, два часа тому назадъ. Бидди

опять собиралась броситься на колѣни, но Китти помѣшала ей. Викарій очень быстро вернулся.

— Его тамъ нѣтъ; я увѣренъ, что онъ уже дома,—сказалъ онъ съ хладнокровіемъ, непостижимымъ для Бидди, да и Китти оно показалось неестественнымъ.

Они молча пошли дальше и уже почти дошли до дома, когда встрѣтили Джоржа Керью, спѣшившаго на поиски за ними. Онъ только-что вернулся и увидѣлъ, въ своему великому ужасу, что онъ побѣжали его разыскивать.

— Ты, должно быть, до смерти перепугалась!—сказалъ онъ, не замѣчая никого другого въ своей великой тревогѣ о дочери.

— Я боялась, не случилось ли чего.

— Ничего особеннаго; меня задержали,—отвѣчалъ онъ съ той же смущенной сдержанностью, какъ и викарій.

И, обратившись къ шурина, сказалъ:

— Я радъ, что ты пришелъ, Ральфъ; мнѣ нужно тебя видѣть.

Китти полагала, что присутствіе Бидди мѣшаетъ всякимъ объясненіямъ, но когда они дошли до дому и остались втроемъ, отецъ сказалъ ей:

— Китти, милая, ты едва на ногахъ стоишь отъ усталости; пошла бы ты спать.

— Но чтѣ такое было? чтѣ случилось? — спрашивала она, глядя то на отца, то на дядю.

Они тоже поглядѣли другъ на друга прежде, нежели отецъ отвѣтилъ:

— Ничего особеннаго; была ссора, но никто не раненъ; а теперь иди спать; ты блѣдна, какъ тѣ привидѣнія, о которыхъ толкуетъ Бидди.

Китти, ясно вида, что она лишняя, простялась и ушла, не разспрашивая больше ни о чемъ.

— Ты видѣлъ его?—спросилъ Джоржъ, когда дверь за Китти затворилась.

— Да; а ты видѣлъ ее?

— Да.

— Я такъ и думалъ. Она ушла съ нимъ?

— Нѣтъ! я только-что отвелъ ее домой.

— Но она положительно отказалась идти домой?

— Да и не пошла бы, еслибы отъ нея зависѣло; но этотъ негодяй и подлецъ не оставилъ ей другого выхода. Онъ почти прямо сказалъ ей, что не можетъ связывать себя ея персоной.

Викарій ничего не отвѣчалъ, но разсѣянно глядѣлъ на шурина, не видя его.

— Развѣ Веріенъ думаетъ, что она отправилась съ нами?—спросилъ Джоржъ.

— Да; это ужасная исторія,—мрачно отвѣчалъ викарій.

— Ты хочешь сказать, что было бы лучше, еслибы она съ нимъ ушла?

— Не знаю; нѣтъ, не думаю,—отвѣчалъ викарій неувѣренно;—надо вѣдь тоже подумать о матери.

— О! конечно, такъ лучше, если только Веріенъ не думаетъ о разводѣ.

— О разводѣ! когда они всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ какъ женаты! Право, я ничего ужаснѣе этой исторіи не знаю.

— Да и попала же она на негодяя, нечего сказать. Я не могъ не пожалѣть ее, когда этотъ низкій человѣкъ посоветовалъ ей вернуться домой. Сначала она принялась бѣшено ругать его, но затѣмъ стала умолять, взывая къ его любви, чести, даже состраданію... и все это въ моемъ присутствіи!

— Какъ она возненавидитъ тебя, когда опомнится!—замѣтилъ викарій саркастически.

— Ну, это не важно; какъ она возненавидитъ его, когда опомнится; это важнѣе.

— Въ какомъ отношеніи? Поправить этимъ ничего нельзя; дѣло непоправимо.

— Веріенъ не проститъ?

— Ни за что. Онъ питаетъ къ ней теперь непреодолимое отвращеніе.

— Ему будетъ, значить, неприятно, что она вернулась домой?

На это викарій не отвѣчалъ, потому что задумался. Но вдругъ вскричалъ:

— Какой негодяй этотъ Кросли! Что, онъ серьезно ушибленъ?

— Нѣтъ; онъ только стукнулся головой объ скамейку и былъ оглушенъ, и только-что опомнился, когда я пришелъ.

— Таковъ человѣкъ дѣлаетъ понятнымъ дуэль.

— Да, еслибы онъ былъ убитъ. Въ противномъ же случаѣ Веріену будетъ мало утѣшенія въ томъ, что его жена овдовѣла, благодаря его сопернику. *Dieu est toujours pour les gros bataillons.*

— Я и не говорилъ, что дуэль можетъ быть рациональнымъ дѣломъ, а только понятнымъ. Можно понять, что человѣкъ рискуетъ жизнью, чтобы истребить такого негодяя, какъ Кросли. Чтò же онъ сказалъ? Право, кровь невольно закипаетъ въ жилахъ, когда слышишь, что онъ оттолкнулъ ее какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ее накрылъ мужъ. Чтò онъ сказалъ?

— Дѣло было не такъ, хотя оно все такъ же некрасиво. Изъ того, что мнѣ рассказывала Китти, и изъ того, что я понималъ, судя по отчаяннымъ воззваніямъ этой несчастной женщины, я не сомнѣваюсь, что онъ объявилъ ей о разрывѣ съ ней въ тотъ моментъ, какъ ихъ засталъ мужъ. Отсюда—крики и стоны, напугавшіе Китти и заставившіе ее бѣжать назадъ въ замокъ за помощью.

— Она надоѣла ему, ты хочешь связать?

— Кажется, что онъ собирается жениться на другой. Во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ замѣшана женщина.

— Еще бы! Дженни Проссеръ! Онъ, вѣроятно, объявилъ ей о своей женитьбѣ на миссъ Проссеръ.

И дѣйствительно, въ этомъ былъ ключъ ко всему дѣлу. Годфри Кросли забавлялся съ Кларой, пока эта интрига не угрожала разстроить его женитьбу на миссъ Проссеръ. Любовники встрѣчались нѣсколько разъ въ различныхъ мѣстахъ, пока, — благодаря ихъ же безопасности, — съ одной стороны, м-съ Веріенъ, съ другой — миссъ Проссеръ, не провѣдали объ этихъ свиданіяхъ. Дженни объявила свой ультиматумъ съ свойственной ей безапелляціонной рѣшимостью; испуганный Кросли подчинился ему безъ дальнихъ колебаній и рѣшилъ немедленно порвать съ Кларой, на которую такой внезапный разрывъ подѣйствовалъ какъ ударъ грома.

А. Э.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

и

ПЕРЕПИСКА

Недавно мы останавливались на чрезвычайно распространяющейся у нас литературѣ воспоминаній о давнемъ и недавнемъ прошломъ и извлекли изъ нея нѣсколько данныхъ для нашей общественной исторіи. Есть, кромѣ того, не малое количество воспоминаній, переписки, дневниковъ и т. д., посвященныхъ специально или преимущественно литературѣ. Этотъ матеріалъ также бываетъ нерѣдко исполненъ первостепеннаго интереса. Какова бы ни была степень литературнаго развитія въ ту или другую эпоху, оно всегда въ большей или меньшей степени, положительно или отрицательно, отражаетъ собою внутреннее состояніе самого общества, тѣмъ болѣе, что наша общественная жизнь издавна и до сихъ поръ почти не имѣла другого способа выраженія.

Какъ наша исторія вообще, такъ въ частности и исторія нашей литературы поставлены очень странно. Мы имѣемъ возможность узнавать ихъ съ нѣкоторой полнотой только долго спустя послѣ того, какъ самые дѣятели сошли со сцены, извѣстные періоды общественныхъ стремленій пережиты и сданы въ архивъ. Отчасти такъ бываетъ и вездѣ: исторія невозможна въ данную минуту; но есть и громадная разница между литературами и обществами болѣе развитыми и менѣе развитыми. Въ первыхъ разстояніе между совершающимися фактами и ихъ исторической оцѣнкой далеко не такъ велико, какъ у вторыхъ: дѣло въ томъ, что уже и въ данную минуту, при широко развитой общественности, дѣятельность писателя или какого-либо общественнаго направ-

ленія можетъ быть выражена сполна; она встрѣтитъ также сполна выраженный отпоръ другихъ направленій, и вопросъ выясняется съ большою точностью для самихъ современниковъ. Не то въ литературѣ и общественной жизни, не пользующихся благопріятными условіями: сплошь и рядомъ мысли писателя, характеръ направленія покрыты цѣлою массою недоразумѣній, нерѣдко фатальныхъ, а иногда и смѣшныхъ. По условіямъ, независящимъ отъ литературы, мысль не договаривается; привычка „читать между строками“ иногда помогаетъ читателю угадывать настоящую мысль, а иногда навязываетъ писателю и то, чего онъ вовсе не думалъ, и ставитъ его въ совершенно невозможное положеніе. Недобросовѣстному противнику ничего не стоитъ, рассчитывая на плохо думающихъ читателей и на извѣстное общественное настроеніе, перетолковать мысль, въ сущности умѣренную, во что-нибудь неблагоприятное и устроить инсинуацію: когда сама эта умѣренная мысль по условіямъ литературы не имѣетъ права гражданства, писатель бываетъ поставленъ въ положеніе почти безвыходное; принужденный высказывать ее только намеками, онъ почти лишенъ возможности объяснить свое положеніе, и когда обвиненіе бываетъ слишкомъ нагло, то оправдывать свою точку зрѣнія бываетъ просто противно; молчаніе принимается противникомъ за побѣду, толпа остается въ убѣжденіи, что онъ правъ, и самое бессмысленное недоразумѣніе готово. Остается ждать, что „Русскій Архивъ“ или „Русская Старина“ въ XX столѣтіи скажутъ настоящую правду. Современный читатель можетъ самъ припомнить множество случаевъ подобнаго рода: въ шестидесятыхъ годахъ газета „Вѣсть“ утверждала совершенно серьезно, что славянофилы (имѣвшіе другой взглядъ на крестьянскій вопросъ, чѣмъ имѣла эта газета) проповѣдуютъ сень-симонизмъ; Катковъ не затруднялся называть своихъ противниковъ въ литературѣ „неуличенными государственными преступниками“ и при всякомъ присворномъ политическомъ событіи ссылался на какую-то „руку“, будто бы водящую преступными замыслами; онъ такъ и умеръ, не указавши этой „руки“; для его цѣли достаточно было темной инсинуаціи, которая и достигала этой цѣли, распространяя подозрительность и недоувѣріе... Понятно, что въ другихъ условіяхъ литературы подобныя явленія невозможны: мысль можетъ быть высказана сполна, факты бывають на лицо, естественная борьба интересовъ и теоретическихъ положеній совершается на глазахъ всего общества — на обѣихъ сторонахъ съ аргументами въ рукахъ; общество не бродитъ въ потьмахъ и, какъ говорилось въ старину, *du choc des opinions jaillit la vérité*, общество отно-

сится въ своимъ дѣламъ и къ содержанію литературы сознательно.

Въ такихъ условіяхъ, гдѣ въ данную минуту литература не имѣетъ свободы выраженія, появленіе хотя бы заповѣдалыхъ разсказовъ о прошедшемъ бываетъ не только исторически интересно, но и желательно въ нравственно-общественномъ смыслѣ. Исторія возстановляетъ факты въ ихъ дѣйствительномъ значеніи; совершавшаяся неправда выступаетъ наружу и съ нея сняты прикрасы и авторитетъ, которыми она нѣкогда себя облекала; истинныя мысли и стремленія прошедшихъ дѣятелей являются въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и получаютъ свое удовлетвореніе нравственное чувство, нѣкогда нарушенное. Примѣровъ этого рода представляется множество въ литературныхъ мемуарахъ, являющихся теперь въ такомъ изобиліи.

Какъ историческій матеріалъ, эта литература можетъ получить и еще болѣе широкое значеніе. Исторія нашей литературы, вслѣдствіе цѣлаго общественнаго положенія, должна имѣть двоякую задачу: это должна быть не только исторія развитія ея содержанія, поэтическаго и теоретическаго, но и исторія той борьбы, которую приходилось вести литературѣ, чтобы завоевать этому содержанію право существованія и мѣсто въ общественной жизни. И врагамъ, и друзьямъ нашей литературы приходилось одинаково говорить, что она явилась у насъ экзотическимъ растеніемъ; рѣдко гдѣ можетъ найтись столь необычная разница статистическихъ цифръ цѣлой національной массы и образованнаго (болѣе или менѣе) общества: такъ громадна первая изъ этихъ цифръ и такъ скромна, даже ничтожна, другая. Можно было бы помириться съ вошющимъ различіемъ этихъ цифръ, еслибы можно было предположить, что по существу обѣ доли націи совершенно согласны, — но этого нѣтъ и не можетъ быть. Правда, онѣ согласны въ основной національной мысли: имъ одинаково дорого одно отечество, дорогъ интересъ народа, онѣ согласны въ главномъ политическомъ положеніи, — но затѣмъ ихъ раздѣляетъ цѣлая пропасть, и именно та, которая дѣлитъ бессознательное, патриархальное міровоззрѣніе отъ логической мысли, создающей науку, и отъ общественной сознательности. Литература на ея первыхъ ступеняхъ начинается съ этого перваго міровоззрѣнія, когда бываетъ исключительно народной устной поэзіей, переходящей въ письменность, какъ въ Гомеровскихъ поэмахъ; но какъ скоро письменность развивается и изъ массы выдѣляются болѣе просвѣщенные умы, которые, не довольствуясь элементарнымъ преданіемъ, ставятъ вопросы логической мысли и личнаго поэтическаго твор-

чества, это прежнее единение народной массы въ одномъ первобытномъ міровоззрѣніи прерывается и уже навсегда, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, когда эта масса или, по крайней мѣрѣ, большинство получить отъ школы возможность возвыситься отъ элементарнаго преданія до болѣе высокой ступени мысли, когда если еще не распространится въ массахъ новое, болѣе совершенное міровоззрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, установится уваженіе къ наукѣ, признаніе ея права и авторитета. У просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы можно уже находить нѣкоторое достиженіе такого общественнаго состоянія или, по крайней мѣрѣ, такого признанія авторитета науки. Наша литература въ ея отношеніи къ традиціонному міровоззрѣнію находится едва на первыхъ ступеняхъ этого процесса: ей предстоитъ еще долгій трудъ для того, чтобы обезпечить самое свое существованіе. Литература очевидно однородна и дѣлитъ общую судьбу съ высшимъ образованіемъ. Единеніе литературы съ массой возможно лишь тогда, когда всѣ классы народа имѣютъ одно міровоззрѣніе. Такъ было нѣкогда въ древней Руси и славянофилы восхищались этимъ порядкомъ вещей, осыпая укорами новѣйшее время, раздѣлившее высшіе классы отъ народа. Но въ этой точкѣ зрѣнія былъ одинъ крупный недосмотръ: дѣло въ томъ, что то міровоззрѣніе было элементарно-патріархальное; древняя Русь, народная и книжная одинаково, не имѣла понятія о высшихъ вопросахъ человѣческой мысли, и старое единеніе было только единеніемъ невѣжества; старая жизнь не знала о наукѣ, о запросахъ логической мысли, о пріобрѣтеніяхъ точнаго знанія; то, что для нынѣшняго самаго скромнаго школьника составляетъ азбучную истину, въ XVII столѣтіи было бы страшною ересью, даже отступничествомъ отъ вѣры и всей народной старины; иноземцы, попадавшіе тогда въ Россію и владѣвшіе въ той или другой степени тогдашними знаніями, между прочимъ и по этой причинѣ возбуждали въ русскихъ подозрительность и даже ненависть; ихъ знанію приписывалось иногда весьма неодобрительное происхожденіе — отъ нечистой силы. Такова была ступень, на которой впервые началось у насъ вліяніе науки. Наука была западная и уже тѣмъ самымъ подозрительная для народной массы, которая уже гораздо раньше была предубѣждена противъ западныхъ иноземцевъ. Вражду къ Петровской реформѣ, проявлявшуюся въ людяхъ стараго вѣка, у насъ объясняютъ ея насильственностью, поправленіемъ стараго обычая и т. п.; но весьма существеннымъ, а впоследствии едва ли не самымъ существеннымъ въ борьбѣ стараго и новаго, было оказавшееся тогда и продолжающееся до настоящей минуты противорѣчіе

между двумя разнородными мировоззрѣніями. То мировоззрѣніе, какое давалось наукой въ ея различныхъ отрасляхъ, сплошь и рядомъ не сходилось съ тѣмъ, какое строилось на патриархальномъ преданіи. Противорѣчіе стало сказываться очень скоро: выучившійся русскій человѣкъ тѣмъ самымъ уже отдѣлялся отъ народной массы, потому что не могъ раздѣлять ея наивнаго невѣжества; онъ не могъ отступить отъ пріобрѣтеннаго знанія и логическаго вывода, которые стали и не могли не стать его умственной природой; человѣкъ массы точно также не въ состояніи былъ понять его, потому что не прошелъ шволы. Это разнорѣчіе рациональной мысли и первобытной непосредственности, начавшись съ первой возникшей у насъ школой, проходить затѣмъ черезъ всю исторію нашего просвѣщенія и литературы, достигая и до настоящей минуты. Не приводя примѣровъ, укажемъ одинъ: вопросъ о системѣ Коперника до сихъ поръ составляетъ для простодушныхъ людей, не проходившихъ школы, камень преткновенія и причину предубѣжденія противъ „ученыхъ“ людей, потому что въ признаніи этой системы видится противорѣчіе священному писанію. Съ успѣхами образованія все увеличивался и классъ людей, понятія которыхъ расходились съ народомъ главнымъ образомъ именно на этой почвѣ. Понятно, что не расходиться было невозможно, а въ средѣ образованныхъ людей именно и возникла новѣйшая литература, какъ потребность просвѣщенія и вмѣстѣ какъ средство его дальнѣйшаго распространенія. Въ концѣ концовъ, различіе образованнаго класса отъ народной массы установилось какъ неизбѣжный фактъ, и литература должна была оставаться въ извѣстномъ разладѣ съ понятіями громаднаго большинства. Между ними, какъ мы замѣтили, было то общее единство, что и та, и другая сторона сходились въ общемъ національномъ чувствѣ, желаніи общаго блага, и литература всегда отличалась желаніемъ нравственнаго союза съ этой массой, которой въ сущности хотѣла служить; — но опять самое пониманіе національнаго блага и все содержаніе понятій были различны, а именно, когда литература стремилась въ установленію извѣстныхъ рациональныхъ идей и получала по преимуществу прогрессивный характеръ, масса видѣла все благо въ охранѣ старины и отличалась характеромъ консервативнымъ. Въ то время, какъ въ литературѣ, т.-е. въ средѣ болѣе образованнаго класса шелъ вопросъ о расширеніи ея содержанія, предпринимались и совершались замѣчательные труды въ области науки и поэзіи, народъ былъ (и не могъ не быть при слабости или отсутствіи шволы) чуждъ этому движенію: ему оставались неизвѣстны великія имена, со-

ставлявшія гордость литературы, и которыя въ глазахъ образованнаго общества, а наконецъ и въ глазахъ другихъ народовъ были нашей національной славой. Въ небольшомъ процентѣ грамотныхъ людей въ народной массѣ эти славныя имена становятся теперь нѣсколько извѣстны, но, вообще говоря, указанное положеніе вещей (при той же скудости собственно народнаго просвѣщенія) продолжается и въ настоящее время.

Отсюда-то до сихъ поръ извѣстная группа народолюбцевъ почерпаетъ свои обвиненія противъ прогрессивныхъ стремленій литературы, которыми она будто бы измѣняетъ народному духу, преданіямъ и т. д. Изъ сказаннаго легко видѣть, до какой степени лишены историческаго смысла эти обвиненія: ревностные не по разуму народолюбцы этого рода не подозреваютъ, что единеніе съ прямою непосредственностью народнаго міровоззрѣнія, на его патріархальной ступени, разрушается при первомъ появленіи міровоззрѣнія научнаго; что возвращеніе къ этому единенію означаетъ изгнаніе науки и новое наступленіе „мрака временъ“. Наконецъ, даже самая защита этой непосредственной народности остается совершенно чужда и непонятна народу.

Была еще другая сторона въ положеніи нашей литературы. Начинаясь она и долго потомъ существовала въ такихъ условіяхъ, которыя не допускали никакой общественной инициативы и никакой свободы частнаго мнѣнія; между тѣмъ литература вся основана на возможности частнаго мнѣнія и общественной инициативы. Въ первое время, до начала и въ началѣ XVIII-го столѣтія, съ трудомъ даже понималась возможность иныхъ книгъ кромѣ церковныхъ, а затѣмъ съ трудомъ понималась возможность книги, написанной частнымъ лицомъ, излагавшей его собственныя личныя мнѣнія. Въ прежнее время, послѣ основанія нашего книгопечатанія (отставшаго отъ европейской печати лѣтъ на сто), издавались исключительно только книги церковныя, для чего требовалось благословеніе патріарха или иной церковной власти. При Петрѣ, когда появились книги гражданскія, онѣ печатались по повелѣнію или разрѣшенію самого императора и составлялись часто по его собственной инициативѣ и приказу; первая „вѣдомости“, съ которыхъ начинается наша періодическая печать, были правительственнымъ изданіемъ и не было даже мысли, чтобы подобное изданіе могло вестись частнымъ лицомъ. Словомъ, первая печать была почти только официальная, правительственная, и прошло много времени прежде, чѣмъ сталъ устанавливаться настоящій литературный обычай, частное писательство и частный журналъ. Это послѣднее появляется впервые

уже только во второй половинѣ XVIII вѣка. Еще въ началѣ XIX столѣтія наша литература изображала людей, которымъ „печатный листъ быть кажется святымъ“. Это были именно отголосокъ того времени, когда вся печать была официальная и „печатный листъ“ былъ освящаемъ церковнымъ или правительственнымъ авторитетомъ. Известно дажѣ, что первые опыты частной литературы были чрезвычайно боязливы: Кантемиръ, писавши свои сатиры, и не думалъ ихъ печатать; труды Ломоносова и Тредьяковскаго заключались или въ ученыхъ сочиненіяхъ, которыя писались ими по обязанности ихъ академической „службы“, или въ торжественныхъ одахъ, которыя также были почти службой наравнѣ съ другими придворными заказами, въ родѣ сочиненія фейерверковъ, надписей и т. п. Такъ постепенно возникали литературныя формы прежде, чѣмъ распространилась литературная дѣятельность по западно-европейскимъ образцамъ, какъ личный научный трудъ, поэтическое творчество и беллетристическое упражненіе. Положеніе общества, не имѣвшего никакой самостоятельности и инициативы, отразилось, конечно, и на положеніи литературы. Писатель, намѣревавшійся явиться передъ обществомъ съ своими мыслями, заявлялъ необычное въ дѣломъ складѣ жизни притязаніе: онъ хотѣлъ самъ отъ себя говорить съ этимъ обществомъ, заявлялъ какую-то самостоятельность, — понятно, что за нимъ былъ тотчасъ учрежденъ надзоръ въ видѣ цензуры. Она складывалась весьма различно, пока приняла форму спеціальнаго учрежденія. При Екаторинѣ II она была просто дѣломъ полиціи, управы благочинія. Самыя типографіи долго были только казенныя; такъ-называемыя „вольныя“, т.-е. частныя, типографіи стали основываться только со второй половины прошлаго столѣтія. Привычка къ тому, что печатное дѣло такъ долго было чисто официальнымъ, дѣлала то, что въ книгѣ частнаго лица допускались только, такъ сказать, официальные мысли и цензура всегда была очень строга и требовательна. Съ теченіемъ времени цензурный надзоръ приучился видѣть въ книгѣ личное мнѣніе писателя, но тѣмъ не менѣе выраженіе этихъ мнѣній было ограничено очень узкими рамками, а именно во всемъ томъ, чтѣ имѣло какое-нибудь отношеніе къ вопросамъ правительственнымъ и общественнымъ. Самое малѣйшее замѣчаніе критическаго свойства считалось преступленіемъ. По наслѣдству отъ XVII столѣтія осталась крайняя опасливость въ сужденіяхъ о предметахъ государственныхъ, объ нихъ даже боялись говорить; въ XVIII столѣтіи практича „слова и дѣла“ и страшные процессы по политическимъ поводамъ поддержали или даже еще

болѣе усилили эту боязнь касаться политическихъ предметовъ, и въ результатѣ литература была связана цѣлою сѣтью прямыхъ и предполагаемыхъ запрещеній, крайне стѣснявшихъ ея содержаніе. Первое время, тянувшееся даже до конца XVIII столѣтія, это стѣсненіе чувствовалось мало: вся литература находилась еще на столь элементарной ступени развитія, что и не пыталась выходить за предѣлы невиннаго упражненія, но, наконецъ, по мѣрѣ того какъ ея содержаніе становилось болѣе серьезнымъ и въ обществѣ, между прочимъ подъ вліяніемъ либеральныхъ начинаній самой императрицы Екѣтерины, пробуждался интересъ къ вопросамъ нравственности и политики, литература все болѣе чувствуетъ тѣсноту поставленныхъ ей рамокъ. Она стремится ихъ расширить, затронуть тѣ вопросы, которые становятся все болѣе жизненнымъ интересомъ въ средѣ образованныхъ людей, и съ тѣхъ поръ ея исторія есть рядъ непрерывныхъ столкновеній, постоянной борьбы съ тѣмъ консерватизмомъ обычая и самой власти, который становился препятствіемъ для ея развитія въ прогрессивномъ направленіи. Представителемъ этого консерватизма являлся цензурный надзоръ. Исторія цензурныхъ отношеній нашей литературы рассказывалась не однажды и мы можемъ считать извѣстными ея главнѣйшіе факты. Понятно, что степень строгости или мягкости цензурнаго надзора стояла въ прямой зависимости отъ характера господствующей власти: эта степень чрезвычайно мѣнялась, между прочимъ и въ теченіе одного царствованія, смотря по настроенію власти. Были періоды времени, когда сама правительственная власть побуждала къ движенію лѣнливое общество, внушала ему умственные и общественные интересы. Такъ бывало при Петрѣ, въ началѣ царствованія Екѣтерины II, въ первые годы Александра I и частью въ первые годы Александра II. Но чаще бывало иначе: правительство или въ данномъ случаѣ цензурное вѣдомство являлись силой воздерживающей и останавливающей, стремленія самого общества представлялись надзору слишкомъ поспѣшными и неумѣренными, и очень извѣстно, что это воздерживающее дѣйствіе нерѣдко переходило мѣру благоразумія, отъ нея страдали самые первостепенные писатели и въ лицѣ ихъ самые жизненные интересы литературы. Разладъ, даже раздоръ литературы съ правившимъ ею вѣдомствомъ доходилъ до того, что само высшее правительство не однажды поднимало вопросъ о преобразованіи цензуры, дѣятельность которой казалась неудовлетворяющей своему назначенію. Правда, нерѣдко цензурныя преобразованія клонились только къ большому стѣсненію литературы, но

бывало и другое: власть считала возможнымъ дать литературѣ бѣльшій просторъ. Таковы были, на примѣръ, болѣе льготныя дѣйствія цензуры въ началѣ царствованія Александра II, во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ; таково было преобразование цензуры въ законѣ 1865 года. Но, говоря вообще, цензурный надзоръ казался литературѣ болѣе или менѣе отяготительнымъ, и таковъ дѣйствительно былъ.

Какой можетъ быть исходъ изъ этого положенія? Славянофилы, мечтавшіе нѣкогда, на основаніи теоріи о землѣ и государствѣ, представляющихъ сущность нашего внутренняго политическаго бытія, что наилучшимъ средствомъ установить отношенія нашей общественности и просвѣщенія была бы самодержавная власть въ соединеніи съ полною свободой печати. Можно было бы вполне сочувствовать этой теоріи, еслибы она могла быть выполнена,—исторія не указала до сихъ поръ ни одного примѣра подобнаго соединенія,—но, конечно, возможно и чрезвычайно желательно при данной политической формѣ гораздо большее расширеніе правъ печати сравнительно съ ея нынѣшнимъ положеніемъ. Свобода печати вообще бываетъ достояніемъ только высоко развитыхъ обществъ. Разсуждая теоретически, трудно представить себѣ, чтобы въ данныхъ условіяхъ возможна была подобная свобода для русской литературы. Существующее положеніе печати мы должны принять какъ фактъ; желательно было бы только, чтобы для обѣихъ сторонъ, для литературы и для надзора, разъяснился настоящій смыслъ тѣхъ стремленій, которымъ служить и не можетъ не служить литература, а съ этимъ вмѣстѣ разъяснилось больше то отношеніе, въ какомъ надзоръ, разумно понятый, долженъ бы стоять къ литературѣ.

Какъ бы ни казалось умѣреннымъ достоинство литературы для людей, такъ или иначе предубѣжденныхъ противъ нея, какъ бы ни казалась она склонною къ ошибкамъ и излишствамъ, даже эти предубѣжденные люди должны видѣть, что она представляетъ собою явленіе высокаго національнаго значенія. Если гдѣ высказывается то, что называютъ національнымъ духомъ. онъ самымъ широкимъ и возвышеннымъ образомъ сказывается именно въ литературѣ. Здѣсь заключены совершеннѣйшія произведенія національнаго поэтическаго творчества и результаты научнаго труда; здѣсь заключены тѣ данныя, которыми создается національное самосознаніе и средства общественнаго развитія. До какой степени литература можетъ служить къ поддержанію національнаго достоинства, мы могли видѣть именно въ послѣднее время: чужіе народы могутъ судить о достоинствахъ внутренняго содержанія

націи въ особенности по ея литературѣ, и мы видѣли, съ какимъ глубокимъ интересомъ во всей Европѣ приняты были въ первый разъ узанныя произведенія нашихъ первостепенныхъ и даже второстепенныхъ писателей. Признаніе было всеобщее и согласное, и нѣтъ сомнѣнія, что въ представленіи, какое образуется на западѣ о достоинствахъ русской національности, имена нашихъ знаменитѣйшихъ писателей занимаютъ весьма важное мѣсто: политическое могущество Россіи извѣстно давно; оно внушало то уваженіе, какое внушаетъ матеріальная сила, но только знакомство съ русской литературой открывало высокое нравственное содержаніе русской національности, которое родило насъ съ цивилизованнымъ міромъ. Съ другой стороны, въ нашей внутренней жизни литература, кромѣ упомянутаго общаго ея значенія, исполняетъ постоянную ежедневную службу на пользу народа и общества. Никакая самая усовершенствованная бюрократія не въ состояніи раскрыть народную и общественную жизнь, ея особенности и ея настоятельныя нужды такъ, какъ можетъ это сдѣлать литература; она не только даетъ тѣ, такъ сказать, статистическіе факты, голыя реальныя указанія, какіе способна наблюдать бюрократія, но освѣщаетъ ихъ внутренней смыслъ, ихъ жизненныя психологическія основанія. Литература даетъ выраженіе тѣмъ внутреннимъ мотивамъ, какіе руководятъ общественною жизнью, и во многихъ случаяхъ только она одна въ состояніи раскрывать для самой власти тѣ назрѣваюція потребности матеріальныя и нравственныя, для выраженія которыхъ наша общественность не имѣетъ никакого иного органа. Очевидно, литература въ этомъ ея значеніи заслуживаетъ, съ самой высокой государственной точки зрѣнія, особливаго вниманія и бережнаго участія.

Исторія указываетъ къ сожалѣнію, что литература далеко не всегда пользовалась этимъ вниманіемъ и участіемъ. Надзоръ за нею исходилъ всего чаще изъ другихъ соображеній. Старыя традиціи русскаго общества, какъ мы видѣли, совсѣмъ даже не признавали литературы, какъ чего-либо существующаго по праву. Мы видѣли, что первыя попытки литературы въ нынѣшнемъ смыслѣ, какъ „свободной“ личной дѣятельности, затрогивающей общественные предметы, возникаютъ не далѣе второй половины прошлаго столѣтія. За ними, собственно говоря, не было признано никакого права, онѣ были только терпимы; за ними тотчасъ былъ учрежденъ надзоръ. Когда мало-по-малу изъ разсѣянныхъ трудовъ писателей сложилась литература, въ литературныхъ кругахъ, а затѣмъ и въ самомъ обществѣ развилось представленіе объ извѣстномъ правѣ литературы. Это представленіе,

заимствованное изъ чужихъ литературъ, было, разумѣется, весьма фиветивное, потому что этого права на дѣлѣ ничто не ограждало. Надзоръ, въ большинствѣ случаевъ весьма строгій, былъ прямымъ опроверженіемъ этой фикціи, и еще въ тридцатыхъ годахъ, при одномъ случаѣ, С. С. Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія и глава цензуры, заявилъ прямо, что законъ не даетъ русскому гражданину никакого права публично заявлять свои мнѣнія. Это весьма жестоко опровергало упомянутую фикцію и представляло всю литературу какъ результатъ случайной терпимости, но буквально это было совершенно справедливо. Такъ дѣйствительно и смотрѣлъ на литературу учрежденный надъ нею надзоръ: онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы „личныя мнѣнія“, выражаемыя въ литературѣ, оставались въ предѣлахъ скромности и не бросались въ глаза какими-либо притязаніями, частному лицу не дозволятельными. Но литература, хотя формально безправная, была дѣломъ самой жизни, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивалось въ ней это жизненное назначеніе: съ распространеніемъ образованія все болѣе увеличивалось сознательное отношеніе къ быту общественному и государственному, возникала критика, создавались идеалы; литература вступала на тотъ путь, гдѣ она пріобрѣтала то высокое національное и государственное значеніе, о которомъ мы выше говорили.

Такимъ образомъ, ей предстояла двоякая дѣятельность, въ которой дѣйствительно и проходить ея исторія. Будучи дѣломъ образованнѣйшей части народа, она стремилась служить просвѣщенію, но въ то же самое время ей надо было бороться за самое право своего существованія. Въ нашихъ условіяхъ передъ ней была задача усвоенія, хотя бы въ извѣстной степени, богатствъ европейскаго знанія и поэтическихъ идеаловъ, и также задача изученія своей собственной жизни и народа; а съ другой стороны, она окружена была препятствіями, которыя безпрестанно задерживали или останавливали ея дѣятельность. Просвѣщеніе, какое она усвоила, внушало потребность анализа и критики; они естественно должны были направляться, наконецъ, на предметы самой русской жизни; но господствующіе нравы всего меньше допускали критику. Событія прежней исторіи развивали крайнюю политическую подозрительность; малѣйшій свободный отзывъ о существующемъ порядкѣ вещей принимался за преступленіе, и приемы этой политической подозрительности перенесены были на литературу. Самимъ писателямъ были хорошо извѣстны эти взгляды, господствовавшіе въ правительствѣ и бюрократіи; въ громадномъ большинствѣ случаевъ они сами не рѣшились бы сказать слово, которое могло бы быть перетолко-

вано въ дурную политическую сторону; наконецъ, ихъ критическая мысль сама была еще такъ слаба, что и не думала ставить какихъ-либо мудреныхъ вопросовъ, — но, съ одной стороны, мысль все-таки работала, а съ другой, самыя скромныя проявленія критики преувеличивались до преступленій, при томъ иногда не только со стороны спеціального надзора, но и въ самомъ литературномъ кругу. Таковы были еще въ половинѣ прошлаго столѣтія извѣстныя нападенія Ломоносова на диссертацию историка Миллера о варягахъ, въ которой Ломоносовъ усмотрѣлъ оскорбленіе русской націи. Съ послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка начинаются цензурныя исторіи, приводившія уже къ весьма печальной развязкѣ. Такъ начиналось въ прошломъ столѣтіи и продолжалось въ нынѣшнемъ: исторія литературы переполняется массою нетерпимости и преслѣдованій. Послѣднія бывали весьма суровы: не говоря о тяжелыхъ нравственныхъ испытаніяхъ, потерѣ или искаженіи труда, уничтожаемы были изданія, что бывало матеріальнымъ разореніемъ, и т. п. Говоря о подобныхъ явленіяхъ, всего чаще видятъ причину ихъ во взглядахъ и дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ — строгости того или другого цензора, взглядахъ того или другого лица, стоявшаго во главѣ вѣдомства, и т. п. Безъ сомнѣнія, личное усмотрѣніе всегда играло въ этихъ дѣлахъ немалую роль; но причина столкновеній и происходившаго вслѣдствіе ихъ тяжелаго положенія литературы очевидно заключается вовсе не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ цѣлой постановкѣ дѣла. Надзоръ исполняетъ только цѣлую мысль о допустимости того или другого содержанія литературы; онъ руководится готовымъ представленіемъ о томъ, что въ литературѣ можетъ быть полезно и что вредно; для литературы опредѣлены впередъ извѣстныя рамки, изъ которыхъ ей не разрѣшается выходить; отдѣльныя лица надзора могутъ понимать эти рамки нѣсколько болѣе или нѣсколько менѣе широко, но во всякомъ случаѣ положеніе литературы опредѣлялось общими положеніями, данными законодательствомъ и политическими нравами. То и другое есть обыкновенно средній выводъ изъ исторіи и политическаго строя; законодательство рѣдко предвидитъ будущія потребности общественной и народной жизни, между тѣмъ какъ литература представляетъ именно элементы движенія, идеальныхъ стремленій и критики. Если прибавить еще, что громадная масса націи, масса народа, не имѣющаго школы, живущаго преданіемъ и инстинктомъ, остается чужда этимъ вопросамъ литературы, то есть образованнѣйшаго класса, то консервативныя противодѣйствія прогрессивнымъ стремленіямъ литературы являются какъ

бы отвѣчающими характеру цѣлой націи. Очевидно, что такое пониманіе дѣла было бы, однако, ошибкой: вся исторія есть движеніе; застои и неподвижность не могутъ быть характеромъ великаго историческаго народа, а такимъ, безъ сомнѣнія, считаютъ русскій народъ обѣ стороны, не только прогрессивная, но и сама консервативная сторона. Если условія существованія литературы не развились до тѣхъ формъ, какія выработались для нея у просвѣщенныхъ народовъ, то политическая мудрость состояла бы въ томъ, чтобы оцѣнить въ литературѣ тѣ ея стороны, которыя именно служатъ выраженіемъ этого роста просвѣщенія и этихъ идеальныхъ запросовъ.

Тѣ условія, въ которыхъ движется наша литература и которыя мы здѣсь указывали, неизмѣнно затрогиваются во всѣхъ разсказахъ, касающихся литературной исторіи, и между прочимъ въ тѣхъ литературныхъ воспоминаніяхъ разнаго времени (отъ начала столѣтія и до послѣднихъ годовъ), на которыхъ мы намѣрены остановиться. Эти воспоминанія вообще чрезвычайно любопытны. Большинство читателей останавливается на ихъ анекдотической сторонѣ; но кромѣ этого поверхностнаго интереса въ нихъ есть глубокой исторической смыслъ. Въ воспоминаніяхъ и перепискѣ людей разнаго литературнаго положенія мы можемъ слѣдить одинъ господствующій историческій вопросъ—о тѣхъ путяхъ, какими шло литературное развитіе. Въ этихъ матеріалахъ,—въ случайныхъ письмахъ, замѣткахъ, писанныхъ для себя, интимныхъ разсказахъ,—передъ нами является то, что вовсе не высказывалось въ свое время въ печати, а только думалось и чувствовалось; писатель или вообще образованный человѣкъ передаетъ здѣсь нерѣдко сполна ту мысль, которой онъ никакъ не могъ бы сказать въ свое время во всей ея ясной простотѣ, которую онъ долженъ былъ или затемнять до неузнаваемости, или совершенно умалчивать. Нерѣдко, читая теперь эти мысли, мы бываемъ поражены ихъ истиной, которая въ свое время должна была скрываться; читая о тѣхъ стѣсненіяхъ, какія нѣкогда испытывала литература, мы удивляемся излишеству недоумѣрія, какому она подвергалась, ничтожности поводовъ, поднимавшихъ нѣкогда цѣлыя бури, весьма не безопасныя для тѣхъ, надъ кѣмъ онѣ разражались. Такимъ именно представляется большинство тѣхъ цензурныхъ исторій, какія совершались пятьдесятъ, сорокъ, тридцать лѣтъ тому назадъ—говоримъ не о тѣхъ анекдотическихъ нелѣпостяхъ, какими славились тогда нѣкоторые изъ блюстителей нашей литературы (какъ напр. Красовскій), но о цѣломъ характерѣ тогдашнихъ мѣропріятій: въ настоящее время онѣ кажутся

чрезвычайно странными, а между тѣмъ это были ступени, которыми шло развитіе нашего печатнаго слова. Къ счастью, сила жизни превозмогала эти препятствія, но жаль потраченныхъ даромъ силъ, которыя могли бы принести гораздо болѣе результатовъ.

Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ въ области новѣйшихъ литературныхъ мемуаровъ должны быть признаны воспоминанія профессора петербургскаго университета А. В. Никитенка (1803—1877). Они начаты были въ „Русской Старинѣ“, 1888 г., „Повѣстью о самомъ себѣ“, доведенной до поступленія его въ университетъ, и продолжаются „Дневникомъ“, съ 1826 года, который началъ въ томъ же изданіи съ первыхъ книжекъ 1889 года и тянется въ нынѣшнемъ году, дошедши въ сентябрьской книгѣ „Русской Старины“ до конца 1850-хъ годовъ. „Повѣсть о самомъ себѣ“ есть рассказъ Никитенка объ исторіи его семьи, о первыхъ годахъ его собственной біографіи; „Дневникъ“ велся довольно правильно въ теченіе десятковъ лѣтъ; между „Повѣстью“ и дневникомъ есть перерывъ за 1825 годъ, имѣвшій особенно тревожное значеніе въ жизни Никитенка, и потому, вѣроятно, часть дневника, относящаяся къ этому году, была уничтожена. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь обширный автобіографическій матеріалъ за цѣлую длинную жизнь писателя, и такъ какъ Никитенко имѣлъ случай въ теченіе долгаго времени видѣть весьма разнообразныя стороны русскаго быта и различные круги общества, встрѣчался со многими замѣчательными людьми и самъ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный, то его записки приобрѣтаютъ значеніе любопытнѣйшаго историческаго матеріала, въ особенности важнаго за время царствованія Николая I. Эти записки при своемъ появленіи обратили на себя большое вниманіе, и мы не имѣемъ надобности останавливаться особенно подробно на самой автобіографіи и отмѣтимъ только то, что имѣетъ общій историческій интересъ, особливо по отношенію къ судьбамъ литературы.

Прежде всего бросается въ глаза одно обстоятельство. Въ лучшую пору своей дѣятельности, когда Никитенко былъ профессоромъ и принималъ нѣкоторое участіе въ литературѣ, онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ просвѣщеннаго образа мыслей, искусный стилистъ, но никогда его сочиненія не представляли ничего особенно выдающагося и не давали угадывать того замѣчательнаго содержанія, съ какимъ мы знакомимся теперь, много лѣтъ спустя по его смерти, въ его запискахъ. Онъ не былъ че-

ловѣкомъ ученѣмъ или, другими словами, его ученость, давшая ему возможность быть профессоромъ университета, была типическою для того времени, когда онъ самъ получалъ свое университетское образованіе; но его записки показываютъ вездѣ столько истинной любви къ просвѣщенію, столько здраваго пониманія основныхъ нуждъ нашей жизни, столько негодованія на общественную ложь и мракобѣсіе, что онъ могъ бы стать одушевленнымъ и вліятельнымъ публицистомъ, могъ бы самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствовать на общественное мнѣніе, еслибы тѣ же мысли, какія мы находимъ въ его запискахъ, высказывалъ въ свое время въ литературѣ. Это пробовали дѣлать другіе и тяжелымъ опытомъ должны были увѣриться, что задача была невыполнима. Никитенко былъ именно человѣкъ здраваго пракческаго ума; онъ рано увидѣлъ, что прать противъ рожа есть дѣло невозможное, неблагоприятное и бесполезное, и никогда не пытался дѣлать этого, замыкаясь въ самомъ себѣ и довольствуясь выраженіемъ своихъ стремленій только въ общихъ теоретическихъ положеніяхъ. То, что онъ могъ бы сказать, осталось несказаннымъ въ свое время; онъ прошелъ въ литературѣ мало замѣченнымъ дѣятелемъ и высказывается теперь уже только какъ историческій наблюдатель давно прошедшаго времени. Это еще одинъ примѣръ того, какъ неблагоприятныя внѣшнія условія могутъ совсѣмъ подавлять дѣйствіе литературныхъ силъ, которыя иначе могли бы приносить немалую пользу.

Биографія Никитенка наводитъ и на другое общее соображеніе. Онъ родился крѣпостнымъ; его отецъ принадлежалъ къ тому высшему слою крѣпостныхъ людей, которые, владея грамотой и даже нѣкоторымъ небольшимъ образованіемъ, пріобрѣтаемымъ собственными усиліями, становились выше простаго мужика въ качествѣ конторщиковъ, управляющихъ и т. п., но тѣмъ не менѣе оставались рабами и нерѣдко испытывали жестокія слѣдствія своего рабства. Природныя дарованія и особливо счастливыя случайности сдѣлали возможнымъ для А. В. Никитенка освободиться отъ крѣпостнаго рабства съ великими трудностями, съ долгими мучительными ожиданіями. Но это все-таки была счастливая случайность, которой легко могло бы и не быть, и примѣръ его послѣдующаго общественнаго и литературнаго положенія указываетъ, сколько умственнаго и нравственнаго капитала націи пропадаю въ крѣпостномъ рабствѣ: безъ сомнѣнія, было въ крѣпостномъ населеніи не мало людей съ такими же дарованіями, но они не имѣли возможности и счастливаго случая выбиться изъ своей неволи. Никитенко-отецъ, умершій еще молодымъ, былъ, судя по

воспоминаніямъ А. В., именно такимъ примѣромъ талантливаго человѣка, стоявшаго выше своей среды, значительно образованнаго, идеалиста, который такъ и остался на весь вѣкъ безправнымъ рабомъ. Свое небольшое образованіе онъ получилъ благодаря тому обстоятельству, что мальчикомъ былъ выбранъ въ пѣвчіе въ барскую капеллу. Его бариномъ былъ знаменитый богатъ и вельможа времени Екатерины, гр. Н. П. Шереметевъ. Здѣсь въ капеллѣ Никитенко-отецъ въ свободное время много читалъ, приобрѣлъ различныя познанія, превышавшія его положеніе, и между прочимъ выучился французскому языку. Впослѣдствіи, когда онъ спалъ съ голоса, онъ, 17 лѣтъ отъ роду, былъ отправленъ въ одно изъ графскихъ имѣній „на канцелярскую службу“, т.-е. на службу по управленію имѣніями; но жизнь его исполнена была тревогами его собственныхъ романтическихъ увлеченій, чужого недоброежелательства, барской опалы, тюрьмы, разоренія, ссылки (т.-е. домашней крестьянской, въ дальнюю глухую деревню) и т. д. Во время пребыванія въ капеллѣ, его учителемъ былъ другой несчастный крѣпостной.

„Съ умиленіемъ и благодарностью вспоминалъ онъ (Никитенко-отецъ) впослѣдствіи о вниманіи и ласкахъ, которыя оказывалъ ему знаменитый и несчастный Дегтяревскій, немного повдигше угасшій среди глубокихъ, никѣмъ не понятыхъ и никѣмъ не раздѣленныхъ страданій. Это была одна изъ жертвъ того ужаснаго положенія вещей на землѣ, когда высокіе дары и преимущества духа выпадаютъ на долю человѣка только какъ бы въ посмѣяніе и на позоръ ему. Дегтяревскаго иогубили талантъ и рабство. Онъ родился съ рѣшительнымъ призваніемъ къ искусству: онъ былъ музыкантъ отъ природы. Необыкновенный талантъ рано обратилъ на него вниманіе знатоковъ, и властелинъ его, графъ Шереметевъ, далъ ему средства образоваться. Дегтяревскаго учили музыкѣ лучшіе учителя. Онъ былъ посланъ для усовершенствованія въ Италію. Его музыкальныя сочиненія доставили ему тамъ почетную извѣстность. Но, возвратясь въ отечество, онъ нашель суроваго деспота, который, по ревизскому праву на душу гениальнаго человѣка, захотѣлъ присвоить себѣ безусловно и вдохновенія ея: онъ наложилъ на него желѣзную руку.

„Дегтяревскій написалъ много прекрасныхъ пьесъ, преимущественно для духовнаго пѣнія. Онъ думалъ, что онѣ исходятъ отъ него, просилъ только свободы, но, не получая ее, сталъ въ винѣ искать забвенія страданій. Онъ пилъ много и часто, подвергался оскорбительнымъ наказа-

ніямъ, снова пилъ и, наконецъ, умеръ, сочиняя трогательныя молитвы для хора. Нѣкоторыя изъ его сочиненій и до сихъ поръ извѣстны любителямъ церковной музыки“.

Такимъ образомъ, у отца были уже задатки образованія; мать была, по словамъ записокъ, женщина съ тонкимъ умомъ, и молодой Никитенко уже съ дѣтскихъ лѣтъ былъ въ такой средѣ, которая была для него сильнымъ возбуждающимъ вліяніемъ и облегчала его собственное ученіе. Онъ прошелъ школу весьма элементарную, но природная даровитость и любознательность скоро выдвинули его изъ ряда сверстниковъ и въ своемъ кругу онъ уже обращалъ на себя вниманіе. Случайная начитанность поставила его въ число образованныхъ людей провинціального захолустья; его еще мальчиша приглашали уже давать уроки. Одно обстоятельство выдвинуло его еще болѣе впередъ. Въ то время, около 1820 года, у насъ усиленно распространялась дѣятельность Библейскаго общества; его филиаціи заводились и въ провинціи, находя довольно многочисленныхъ членовъ, которыми руководили отчасти искренняя религіозность, отчасти мода, отчасти дѣланый піэтизмъ. Мѣстныя общества, на подобіе главнаго, должны были распространять священное писаніе, имѣть свои публичныя собранія, въ которыхъ должны были говорить съотвѣтственныя рѣчи. Это послѣднее было, конечно, не весьма легко въ тогдашней провинціи, которая не была сильна въ литературныхъ предметахъ. Юный Никитенко выручилъ мѣстное общество, написавши рѣчь, которой краснорѣчивый слогъ обратилъ на себя вниманіе и у петербургскихъ ревнителей библейскаго дѣла. И на мѣстѣ въ провинціи, и впослѣдствіи въ Петербургѣ у него завязались связи, которыя оказали ему существенную услугу на его дальнѣйшемъ поприщѣ. Первый успѣхъ очень ободрилъ его; онъ стремился учиться. Самая роль его еще юноши въ мѣстномъ обществѣ заставляла его думать, что передъ нимъ можетъ раскрыться болѣе широкая дѣятельность, но надъ всѣми этими надеждами и порывами висѣлъ Дамокловъ мечъ—его крѣпостное рабство. Прежде всего и выше всего нужна была свобода, но достигнуть ея было чрезвычайно трудно. Къ счастью, среди тяжелыхъ нравственныхъ испытаній, которыя его угнетали, ему не однажды случалось встрѣчать добрыхъ людей, которые принимали въ немъ участіе и которымъ, въ концѣ концовъ, удалось добиться его освобожденія. Это было уже въ Петербургѣ. Какъ ораторъ въ Библейскомъ обществѣ, онъ встрѣтилъ благосклонность могущественнаго тогда князя Голицына, а кромѣ того судьба его стала извѣстна въ молодомъ либеральномъ кружкѣ, который

принялъ къ сердцу его мудреное положеніе и нашелъ возможнымъ подѣйствовать на его господина, который, наконецъ, обѣщаль и далъ ему свободу. Этотъ кружокъ былъ кружокъ будущихъ декабристовъ; здѣсь Никитенко близко видѣлъ Рылѣва, князя Евгенія Оболенскаго, Ростовцева; съ послѣднимъ онъ сохранилъ дружескія отношенія и послѣ катастрофы 14-го декабря. Отсутствіе дневника за 1825 годъ скрыло подробности его отношеній къ этому кружку, и этотъ пробѣлъ восполняется отчасти сообщеніями г-жи С. А. Никитенко на основаніи слышаннаго отъ А. В. при его жизни.

„Въ этомъ году (1825, за который мы не имѣемъ дневника) А. В. Никитенко окончательно занялъ мѣсто въ обществѣ равноправнымъ членомъ его, впервые перешагнувъ за порогъ университета, гдѣ протекла почти вся послѣдующая его жизнь, сблизился съ передовыми людьми тогдашней молодой Россіи и чуть не былъ вовлеченъ въ водоворотъ, гдѣ погибло столько свѣжихъ силъ и надеждъ...

„Молодой Никитенко, — продолжаетъ С. А. Никитенко, — вышелъ изъ дома графа***¹⁾ съ обновленнымъ духомъ, но безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію—безъ пристанища, почти безъ хлѣба. Мамонтовъ усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы его не съ пустыми руками выпустили изъ графской канцеляріи, но добился только выдачи ста рублей, которыми молодой человѣкъ, скупя сердце, и пробавлялся добрую часть слѣдующаго года.

„Поступленіе его въ университетъ, тѣмъ временемъ, состоялось уже безъ особенныхъ затрудненій, благодаря не остывавшему покровительству князя Голицына и другихъ лицъ, отнынѣ заинтересовавшихся его судьбой. При всемъ своемъ развитіи и способностяхъ, молодой человѣкъ не имѣлъ систематической школьной подготовки и врядъ ли совладалъ бы съ рутинною вступительнаго экзамена...

„Его, не въ примѣръ другимъ, безъ провѣрочнаго испытанія, допустили къ слушанію лекціи перваго учебнаго семестра, съ обязательствомъ только, при переходѣ на второй курсъ, сдать и вступительный экзаменъ.

„Заступники Александра Васильевича передъ графомъ***, съ Рылѣвымъ во главѣ, не прерывали съ нимъ сношеній и изъ покровителей скоро превратились въ добрыхъ пріятелей. Особенно часто видѣлся онъ съ (декабристами) Рылѣвымъ и княземъ Евге-

¹⁾ Его господина, послѣ полученія отпускной.

ніемъ Оболенскимъ. Послѣдній, въ іюль 1825 г., даже пригласилъ его совсѣмъ на жительство къ себѣ, въ качествѣ воспитателя своего младшаго брата, тогда присланнаго къ нему изъ Москвы оканчивать образованіе.

„Здѣсь молодой Никитенко очутился въ самомъ центрѣ тогдашняго прогрессивнаго движенія. Согрѣтый лучами высокой гуманности, царившей въ этомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ принятъ съ истинно братскимъ радушіемъ, Александръ Васильевичъ уже начиналъ считать себя у пристани. Онъ и не подозревалъ, какая новая гроза зрѣла около него: она разразилась въ злополучный день 14-го декабря и застала его врасплохъ. Покровители и друзья, правда, щадили его юность и неопытность, а можетъ быть, и не довѣряли его зрѣлости и потому не посвящали его въ тайну замышленнаго ими государственнаго переворота. Тѣмъ не менѣе, когда разразился ударъ, онъ не могъ не отразиться косвенно и на Никитенко: будетъ или нѣтъ доказано, что онъ ни словомъ, ни дѣломъ не причастенъ къ заговору, а пока противъ него былъ фактъ сожительства съ однимъ изъ соучастниковъ въ немъ и частаго общенія съ другими. Понятно, въ какомъ вихрѣ новыхъ сомнѣній и опасеній очутился опять молодой человекъ, какъ терзался за судьбу друзей и за собственную участь. Въ этихъ тревогахъ и волненіяхъ, на распутіи между отчаяніемъ и надеждою, засталъ его новый 1826 годъ“.

Свой дневникъ 1826 года онъ начинаетъ слѣдующими строками: „Сегодня я проснулся въ северномъ расположеніи духа. Ужасы прошедшихъ дней давили меня, какъ черная туча. Будущее представлялось мнѣ въ самомъ мрачномъ, безнадежномъ видѣ. Я все больше и больше погружался въ уныніе“.

И дѣйствительно было отъ чего. Это былъ юноша лѣтъ 22-хъ или 23-хъ ¹⁾, только-что получившій отпускную крѣпостной, безъ всякаго общественнаго положенія, жившій въ квартирѣ лица, только-что арестованнаго по соучастію въ государственномъ преступленіи, наконецъ безъ всякихъ средствъ. Квартира, гдѣ онъ жилъ, казалась ему могилой и нужно было при томъ разрѣшеніе какого-то „генерала“, чтобы оставить ее, но идти было некуда. Опять въ крайнюю минуту подоспѣлъ счастливый случай. Онъ приглашенъ былъ къ дальней родственницѣ князя Оболенскаго, г-жѣ Штеричъ, которая предложила ему жить въ ея домѣ; послѣ оказалось, что она рассчитывала на услуги Никитенка для занятій съ ея

¹⁾ „Русская Старина“ считаетъ годомъ его рожденія 1804; но въ одномъ мѣстѣ дневника Никитенко замѣчаетъ, что отецъ его считалъ этимъ годомъ 1803.

сыномъ, 17-лѣтнимъ юношей, состоявшимъ уже на службѣ по дипломатической части, а также и для завѣдыванія ея дѣлами. Никитенко принялъ ея предложеніе потому, что ему все равно некуда было дѣваться. Дѣла оказались у него на рукахъ очень много, но кромѣ стола и комнаты онъ не получалъ ничего. Однажды ему пришлось продать любимыя книги, чтобы купить бумаги и чернилъ. Къ счастью, юноша, съ которымъ ему приходилось заниматься, былъ хотя нѣсколько вялый, но очень симпатичный, а кромѣ того въ домѣ г-жи Штеричъ Никитенко видѣлъ общество, которое было ему не безынтересно и не бесполезно. Притомъ Никитенко раньше успѣлъ приобрести знакомства, которыя теперь ему очень пригодились. Таково было, напр., знакомство съ Д. И. Языковымъ, который вошелъ въ его мудреное положеніе въ домѣ г-жи Штеричъ и оказалъ ему весьма существенную помощь, отрекомендовавъ его К. М. Бороздину, назначенному тогда попечителемъ петербургскаго университета. Этотъ Бороздинъ, извѣстный въ исторіи нашей науки археологическимъ путешествіемъ по Россіи, исполненнымъ по официальному порученію въ 1810 и 1811 году, былъ, по описанію Никитенка, весьма достойный человѣкъ, очень образованный и на служебномъ поприщѣ сохранившій чистоту характера и мягкое сердце. Когда Языковъ началъ хлопотать о немъ, Никитенко боялся, что при заявленіи о недостаточности его средствъ его могутъ зачислить въ казенно-коштные студенты: онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергалъ этотъ планъ, опять грозившій ему „рабствомъ“, т.-е. продолжительной обязательной службой по окончаніи курса. Бороздинъ нашелъ другое средство помочь ему, а именно зачислилъ его въ свою канцелярію съ жалованьемъ въ 500 рублей, конечно, по тогдашнему, ассигнаціями.

Никитенко усердно занялся своей службой, продолжая быть въ университетѣ, гдѣ ему предстояло пробыть еще два года. Факультетъ, на которомъ былъ Никитенко, назывался философско-юридическимъ и, по сравненію съ нынѣшнимъ, представлялъ довольно странное соединеніе наукъ, гдѣ была дѣйствительно и философія, и разныя юридическія науки, въ томъ числѣ „естественное право“, и политическая экономія, и статистика, и догматическое богословіе, и латинскій языкъ, и русская словесность. О строго научномъ преподаваніи философскихъ и юридическихъ предметовъ, кажется, не могло быть и рѣчи, развѣ за исключеніемъ стараго профессора Лодія, въ то время, впрочемъ, тоже устарѣвшаго. Никитенко съ удовольствіемъ слушалъ и одобрялъ лекціи по словесности Бутырскаго, но тотъ же Бутырскій читалъ и политиче-

скую экономію и, по мнѣнію студента, брался не за свое дѣло, что, вѣроятно, и было. Безъ сомнѣнія, прекрасно преподавался латинскій языкъ профессоромъ Грефе, котораго мы застали еще на кафедрѣ греческаго языка въ 50-хъ годахъ; по словамъ Никитенка, это былъ „бичъ“ плохо занимавшихся студентовъ, и самъ Никитенко сознается, что этотъ языкъ давался ему туго. Но вообще преподаваніе, повидимому, было весьма поверхностное, популярно литературное, и самъ Никитенко, слушая профессора, который казался ему неудовлетворительнымъ, вѣроятно совершенно справедливо, не затруднился предпринять диссертацию „о духѣ политической экономіи“, которая должна была читаться публично. Дальше мы съ нею встрѣтимся.

Это положеніе науки было характерно для всей эпохи: наука едва дѣлала первые шаги, и нужно было, чтобы, какъ это было сдѣлано впоследствии, цѣлый контингентъ молодыхъ ученыхъ получилъ возможность познакомиться съ наукой въ ея авторитетныхъ источникахъ. Это было сдѣлано въ концѣ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ, и дѣйствительно только тогда было положено прочное основаніе серьезнаго университетскаго преподаванія. Такимъ недавнимъ представляется начало серьезной русской науки.

Было еще обстоятельство, которое помогло дѣламъ Никитенка. Еще въ 1825 году, вѣроятно подъ вліяніемъ того образованнаго кружка, съ какимъ свела его судьба, онъ началъ или точнѣе возобновилъ свои литературные опыты. Въ октябрѣ 1825 года онъ отдалъ въ одинъ журналъ статью подъ заглавіемъ „О преодолѣніи несчастій“; въ августѣ слѣдующаго года онъ узналъ, что она появилась въ „Сынѣ Отечества“. Онъ добылъ книжку: „пробѣжавъ свое сочиненіе, я замѣтилъ многія неточности выраженій, нѣсколько мѣстъ съ болѣе пышнымъ, чѣмъ опредѣленнымъ изложеніемъ мыслей, и это значительно умѣрило мое удовольствіе видѣть себя въ первый разъ въ печати. Пока я не слышалъ еще никакихъ отзывовъ“. Оказалось, что статья произвела большую сенсацию. Черезъ нѣсколько дней Никитенко записываетъ въ дневникѣ:

„Сегодня студенты собрались въ университетъ въ большую залу, куда вскорѣ явились и профессора. Вдругъ ко мнѣ подходитъ нашъ профессоръ словесности, Бутырскій, и не то ласково, не то недовѣрчиво спрашиваетъ:

„— Не ваше ли сочиненіе читалъ я въ „Сынѣ Отечества“, подъ названіемъ „О преодолѣніи несчастій“?

„— Такъ точно,—отвѣчалъ я.

„— Неужели? Клянусь, я не предполагалъ, чтобы вы, моло-

дой студентъ, были авторомъ сочиненія, которое сдѣлало бы честь гораздо болѣе опытному литератору. Оно поражаетъ богатствомъ и зрѣлостью мыслей,—прибавилъ онъ, обращаясь къ стоявшему около своему товарищу.—Есть нѣкоторыя ошибки въ слогѣ и я поясню ихъ вамъ. Замѣтилъ я также въ двухъ-трехъ мѣстахъ нѣкоторую неясность. Но, помимо этого, все прекрасно.

„Едва успѣлъ я поблагодарить его за столь лестный отзывъ, какъ подошли ко мнѣ другіе профессора. Всѣ читали уже мое сочиненіе и спѣшили выразить мнѣ свое удовольствіе. Я совсѣмъ растерялся отъ этого неожиданнаго триумфа и готовъ былъ провалиться сввозъ землю, чтобы уйти отъ всѣхъ устремленныхъ на меня глазъ. Въ заключеніе Бутырскій обѣщалъ разобрать мое сочиненіе на первой же своей лекціи“.

Послѣ Никитенко узналъ, что его сочиненіе читалъ и Д. И. Языковъ, тогда директоръ департамента народнаго просвѣщенія, и попечитель Бороздинъ; Ѡ. Н. Глинка писалъ изъ Петровзаводска о своемъ удовольствіи. Такимъ образомъ достаточно было весьма скромныхъ литературныхъ упражненій, чтобы обратить на себя вниманіе.

Мы упоминали о его планѣ изложить „духъ политической экономіи“. Упомянувъ о томъ, что Бутырскій имѣетъ о ней весьма поверхностное понятіе, Никитенко замѣчаетъ: „очень жаль, что сія высокая наука не имѣетъ у насъ лучшаго преподавателя. Многіе, однако, полагаютъ, что духъ ея не согласенъ съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей и потому преподаваніе ея у насъ обставлено большими трудностями“¹⁾. Статья отдана была для напечатанія Булгарину и появилась въ „Сѣверномъ Архивѣ“. Прежняя статья Никитенка не обошлась безъ цензурныхъ затрудненій; они встрѣтились и здѣсь: „Сочиненіе мое о „Политической экономіи“ во многихъ мѣстахъ урѣзано цензурою. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ у меня сказано: „Адамъ Смитъ, полагая свободу промышленности краеугольнымъ камнемъ обогащенія народовъ“ и пр... Слово *краеугольный* вычеркнуто, потому, какъ глубокомысленно замѣчаетъ цензоръ, что краеугольный камень есть Христосъ, слѣдовательно, сего эпитета нельзя ни къ чему другому примѣнять“ (2-го октября). Когда сочиненіе вышло, оно также имѣло успѣхъ. Подъ 26-мъ января 1828 года онъ замѣчаетъ: „На дняхъ вышло изъ печати мое сочиненіе. Профессора весьма одобряютъ его, а публика приняла какъ нельзя лучше. Изъ этого я вывожу два заключенія: первое, что публика наша,

¹⁾ Подъ 30-мъ января 1827 года.

значить, еще очень мало свѣдуща въ политической экономіи, второе, что въ ней начинается развиваться вкусъ къ серьезному чтенію“.

Такимъ образомъ, онъ самъ хорошо видѣлъ цѣну этой учености. 12-го марта 1826 года Никитенко записываетъ въ дневникѣ: „Сегодня мнѣ исполнилось 23 года... Итакъ, юность моя отцвѣтаетъ. Мало людей, которые провели бы ее такъ бурно, дѣятельно и безъ всякаго руководства. Я достигъ цѣли: свергнулъ съ себя ненавистное иго, подъ бременемъ котораго чуть не палъ, и вступилъ на поприще благородное, но каждый шагъ въ достиженіи этого я покупалъ цѣною страданій и напряженія всѣхъ своихъ силъ. Дальнѣйшій мой путь въ главныхъ чертахъ намѣченъ“. Этотъ путь былъ, безъ сомнѣнія, то или другое служеніе на поприщѣ науки и литературы. Какъ мы видѣли, его научныя средства были не велики, и въ послѣдствіи, бывши цѣлые десяти лѣтъ профессоромъ словесности, онъ не приобрѣлъ имени въ научной литературѣ, оставшись при тѣхъ взглядахъ, какіе сложились у него въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Въ то время шель вопросъ еще объ иномъ: въ обществѣ едва устанавливались общія понятія о значеніи и пользѣ науки, и въ этихъ основныхъ вопросахъ Никитенко рано приобрѣлъ и твердо сохранялъ здравыя понятія, дѣлавшія его однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Любопытно слѣдить по дневнику его мысли объ этихъ предметахъ, которые въ то время вовсе не были безспорными. Онъ не задавался здѣсь широкими вопросами, но не однажды заноситъ въ дневникъ свои общія мысли и особливо свои соображенія по поводу того, что совершалось тогда въ русской жизни и литературѣ. Онъ высоко цѣнитъ достоинство науки, видитъ ея скудость въ русскомъ обществѣ и совершенно ясно понимаетъ ея необходимость какъ для нравственнаго воспитанія общества, такъ и для самого государства.

Въ дневникѣ мы не находимъ указаній объ его общихъ взглядахъ на цѣлый характеръ той эпохи; весьма было бы понятно, что у молодого студента они были неопредѣленны, но изрѣдка мы встрѣчаемъ у него замѣтки, показывающія, что его занимали эти общіе вопросы. Подъ 20-мъ декабря 1826 года онъ пишетъ: „Читалъ Байрона. Его поэзія подобна Эоловой арфѣ, на которой играетъ буря: нѣтъ гармоніи, но слышны такіе аккорды, которые васъ потрясаютъ какъ стоны умирающаго друга или любовницы. Наполеонъ, Байронъ и Шеллингъ—представители нашего вѣва. Они скажутъ будущимъ поколѣніямъ его тайну и покажутъ имъ, какъ въ наше время духъ человѣческій хотѣлъ

торжествовать надъ рокомъ и изнемогалъ въ непосильной борьбѣ съ нимъ“. Наполеонъ понимался здѣсь, вѣроятно, въ томъ родѣ, какъ это было тогда довольно распространено—какъ гениальный человѣкъ, съ которымъ должно было прійти какое-то обновленіе. Фраза о борьбѣ духа человѣческаго съ рокомъ не совсѣмъ ясна, но, повидимому, сопоставленіе этихъ трехъ лицъ указывало, что человѣчеству предстояло выйти на путь новаго, болѣе совершеннаго развитія.

Въ болѣе реальныхъ внутреннихъ вопросахъ мысли Никитенка гораздо болѣе ясны. Таковъ былъ, напримѣръ, крѣпостной вопросъ. Никитенко такъ тяжело испыталъ его на самомъ себѣ, что для него этотъ вопросъ не представлялъ никакихъ сомнѣній.

Служа при Бороздинѣ, Никитенко уже вскорѣ встрѣтилъ съ его стороны большое довѣріе. Бороздинъ поручалъ ему, между прочимъ, весьма серьезныя дѣла, и однажды далъ ему для просмотра и замѣчаній проектъ новаго устава учебныхъ учреждений. Никитенко пишетъ (5-го апрѣля 1827):

„Уставъ касается приходскихъ и народныхъ училищъ, гимназій и гимназійскихъ пансіоновъ. Меня поразила духъ сего устава. Намѣреніе разлить въ Россіи просвѣщеніе въ низшихъ классахъ столь рѣшительно и выражено въ столь сильныхъ мѣрахъ, что даже, кажется, переступлены границы благоразумной постепенности. Открытіе ланкастерскихъ школъ, по одной на каждый или на два прихода, должно съ быстротою молніи подвинуть впередъ народный духъ. Учрежденіе при гимназіяхъ пансіоновъ является новымъ и дѣйствительнымъ способомъ къ образованію у насъ средняго класса. Все это подготавливаетъ важный переворотъ.

„Что сдѣлается съ рабствомъ? Попечитель рѣшительно осуждаетъ сей планъ всеобщаго просвѣщенія: онъ чувствуетъ какъ патриотъ, но заблуждается какъ аристократъ. Мнѣ кажется, самое главное: снять оковы съ шестнадцати милліоновъ согражданъ, и весь вопросъ въ томъ,—должно ли просвѣщеніе уничтожить рабство, или свободно предшествовать просвѣщенію? То-есть: самимъ ли гражданамъ предстоитъ сбросить съ себя оковы, или получить свободу изъ рукъ правительства? Отъ перваго избави Боже! Но оно неизбѣжно, если правительство будетъ только просвѣщать народъ, не ослабляя узъ его, по мѣрѣ пробужденія въ немъ самосознанія. Надо, слѣдовательно, чтобы мѣры просвѣщенія шли объ руку съ новымъ гражданскимъ уложеніемъ. Въ противномъ случаѣ, это было бы то же, что, пересаживая растеніе, вырвать его изъ старой почвы, не приготовивъ для него предварительно новой:

пока вы станете готовить ее, обнаженный корень растения может захрипеть и испортиться“.

Извѣстно, что съ рабствомъ ничего тогда не было сдѣлано...

Никитенко, какъ, безъ сомнѣнія, очень многіе въ то время, исполненъ былъ самыми лучшими ожиданіями отъ новаго царствованія. Онъ съ сочувствіемъ говоритъ о великой энергіи новаго государя, его строгости къ самому себѣ, которая объясняетъ и его строгость къ другимъ, о его желаніи уничтожить злоупотребленія и водворить справедливость. Но уже съ самаго начала являются вещи, которыя заставляли его, опять, конечно, вмѣстѣ съ другими, нѣсколько недоумѣвать. Онъ замѣчаетъ, что императору Николаю „недостаетъ, однако, главнаго, а именно людей, которые могли бы быть ему настоящими помощниками. У насъ есть придворные, но нѣтъ министровъ; есть люди дѣловые, но нѣтъ людей съ умомъ самостоятельнымъ и душою возвышенною. Одинъ Сперанскій“¹⁾. Среди чрезвычайной дѣятельности новаго царствованія ему все кажется, что чего-то недостаетъ. „Нынѣ необыкновенная дѣятельность во всѣхъ частяхъ управленія, — пишетъ онъ въ іюлѣ 1827 года: — могущественная воля самодержца все движетъ съ удивительной быстротой. Всѣ правительственныя пружины въ напряженіи: многіе беспорядки уничтожаются; многія полезныя мѣры начинаютъ осуществляться. Народъ хочетъ благоденствія и, можетъ быть, на нѣкоторое время будетъ имѣть его. Понятія большинства у насъ не идутъ дальше нуждъ своего личнаго или домашняго спокойствія — слѣдовательно, все пойдетъ хорошо, пока *духъ времени* не воспрянетъ съ новой силой“ ...

„Духъ времени“, котораго онъ ближе не опредѣляетъ, означалъ, конечно, ту самодѣятельность, которая уже успѣла сказаться въ русскомъ обществѣ; ей очевидно предстояло и необходимо было развиваться для истинныхъ успѣховъ общественности и самаго государственнаго быта, но ей именно и не было мѣста въ новомъ порядкѣ вещей. Счастливый случай, который такъ рано ввелъ молодого Никитенка въ кругъ образованныхъ людей и въ свѣтское общество, между прочимъ, сблизилъ его съ нѣкоторыми умными людьми старшаго поколѣнія, бесѣда съ которыми, безъ сомнѣнія, помогла ему установить здравыя понятія о положеніи и потребностяхъ русскаго общества. Такова была, напримѣръ, его встрѣча съ П. С. Молчановымъ, нѣкогда статсъ-секретаремъ, теперь находившимся, кажется, не у дѣлъ: онъ не былъ еще старъ,

¹⁾ Ноябрь, 1826.

но лишился зрѣнія. Никитенко приводитъ слѣдующія слова его, въ ноябрѣ 1826, относящіяся очевидно къ тогдашнимъ энергическимъ дѣйствіямъ правительства: „Насильственными мѣрами, — говоритъ Молчановъ, — нельзя сдѣлать ничего прочнаго: можно только развѣ оторвать вѣтви злоупотребленій, тогда какъ надо истребить корни ихъ. Правосудіе еще не возстановится отъ того, что отдадутъ нѣсколькихъ подъ судъ. Прочныя и основательныя постановленія, направляющія умы и духъ времени, а не насилующія ихъ, и просвѣщенная власть, охраняющая эти постановленія — вотъ чтѣ въ настоящую минуту всего нужнѣе для государства. Я зналъ многихъ сенаторовъ, — сказалъ онъ между прочимъ, которые едва умѣли подписывать свое имя: мудрено ли, что въ сенатѣ, этомъ святилищѣ правды, ея было всего меньше. Секретари дѣлали тамъ чтѣ хотѣли. Государь дѣятеленъ; спасибо ему, но, повторяю еще, надо дѣйствовать постепенно и на самыя причины зла“.

Причины зла оставались всѣ на лицо: оставалось крѣпостное право, извращавшее въ основаніи общественную и государственную жизнь; оставались, и даже еще болѣе усиливались, чисто бюрократическіе приемы управленія, которые, въ концѣ концовъ, повели къ тѣмъ же старымъ злоупотребленіямъ; оставалась, или даже еще усилилась, вражда къ просвѣщенію и къ литературѣ, составлявшей однако единственное выраженіе общественнаго интереса. Никитенко уже вскорѣ долженъ былъ отмѣчать вопіющіе факты этой вражды. Какъ мы видѣли, ему случалось видѣть не мало людей изъ свѣтскаго общества. Оно производитъ на него крайне неблагоприятное впечатлѣніе: утонченныя свѣтскія манеры, изящная внѣшность, французскій языкъ и т. п. скрывали самое поверхностное образованіе и нравственную пустоту или испорченность. Такое впечатлѣніе оставила въ немъ и свѣтская аристократическая молодежь, которую разъ случилось ему видать. „А между тѣмъ, — говоритъ онъ (ноябрь, 1826), — сколько изъ нихъ считаютъ себя въ правѣ добиваться чиновъ, отличій, власти — и добиваются! Невольно возмущаешься, когда подумаешь, что одно слово, вылетѣвшее изъ такой головы, можетъ у тысячи подобныхъ себѣ отнять спокойный сонъ, насущный хлѣбъ и опредѣлить ихъ жребій“. Еще очень недавно онъ испытывалъ это на самомъ себѣ.

Мы находимъ у него небезынтересное размышленіе объ общественной роли дворянства. Говоря въ другомъ мѣстѣ о высшемъ обществѣ, онъ замѣчаетъ: „у насъ обычай воспитывать молодыхъ людей „для свѣта“, а не для „общества“. Ихъ умъ развиваютъ на разныхъ тонкостяхъ внѣшняго приличія и обра-

щенія, а сердце предоставляютъ естественнымъ влеченіямъ. Гувернеръ-французъ ручается за успѣхъ въ „свѣтъ“, а за нравственность отвѣчаетъ одинъ случай.

„Почти то же слѣдуетъ сказать и объ общественномъ воспитаніи у насъ. Добрые нравы составляютъ въ немъ предметъ почти посторонній. Наука преподается поверхностно. Начальники учебныхъ заведеній смотрятъ больше въ свои карманы, чѣмъ въ сердце своихъ питомцевъ. Въ одномъ только среднемъ классѣ замѣтны порывы къ высшему развитію и рвеніе къ наукамъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ наше дворянство, утоная въ невѣжествѣ, мало-по-малу приходитъ въ упадокъ, средній классъ готовится сдѣлаться настоящимъ государственнымъ словомъ“¹⁾.

Уже скоро автору дневника пришлось все больше разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ отъ новаго порядка вещей. Мы упоминали, какъ онъ восхищался новымъ проектомъ устройства учебныхъ заведеній, которыя должны были прочно установить русское просвѣщеніе. Точно также онъ возлагалъ надежды на новый цензурный уставъ, который долженъ былъ обезпечить интересы русской литературы. Учебныя заведенія не исполнили вполнѣ его ожиданій, а цензурная практика, которая должна была тотчасъ показать свой характеръ, въ соединеніи съ другими тогдашними мѣропріятіями по вѣдомству просвѣщенія, на первыхъ же порахъ стала приводить его въ недоумѣніе, а затѣмъ чуть не въ отчаяніе. Уже въ ноябрѣ 1826 года онъ записываетъ: „слышно о большихъ преобразованіяхъ по университету и о такихъ, между прочимъ, которыя подвергнуть учащимся большимъ стѣсненіямъ и по духу, и по формѣ. Юношество болѣе всего недовольно первыми. Я употребляю все мое вліяніе на товарищей, чтобы сдерживать въ нихъ порывы негодованія. Нынче кто благороденъ и неблагоразуменъ—тотъ гибнетъ.

„Неужели, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ создать для насъ *материальную логику*, то-есть навязать нашему уму самые предметы мышленія и заставить называть черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ, потому только, что у насъ извращенный порядокъ вещей. Можно заставить не говорить извѣстнымъ образомъ и объ извѣстныхъ предметахъ, и это уже много, но не мыслить!.. Между тѣмъ именно это и хотятъ сдѣлать, забывая, что если насиліе и полагаетъ преграды исполненію вѣчныхъ законовъ челоуѣческаго развитія,

¹⁾ Въ январѣ 1826.

то только временно: варваръ и рабъ отживаютъ свое урочное время, человѣчество же всегда существуетъ“...

Въ мартѣ 1827 года онъ записываетъ: „Давно занимаетъ меня слѣдующая мысль. Я желалъ бы подвигнуть моихъ товарищей на серьезныя занятія литературой: пусть бы они писали сочиненія и упражнялись въ переводахъ, лучшіе изъ которыхъ въ концѣ года издавались бы въ свѣтъ. Между товарищами моими многіе въ тому способны. Попечитель сочувствуетъ моей мысли и одобряетъ ее. Но осуществленіе ея, тѣмъ не менѣе, обставлено большими затрудненіями. У насъ нынѣ подозрительно смотрятъ на все, что дѣлается соединенными силами и имѣетъ хоть *тѣнь общественнаго характера*. Я въ начертанномъ мною планѣ старался избѣжать всего, что напоминало бы такой характеръ, но не могъ, однако, умолчать о необходимости студентскихъ собраній, въ которыхъ сочинители и переводчики, взаимно разбирая и критикуя свои произведенія, могли бы совершенствоваться въ отечественной словесности“.

Общество, повидимому, такъ и не состоялось, и недоверіе къ тому, что дѣлается „соединенными силами“, осталось на весь тотъ періодъ до половины 50-хъ годовъ.

Въ августѣ 1827 года онъ записываетъ, что за медленное доставленіе какихъ-то свѣденій сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ попечителю, а директоръ департамента народнаго просвѣщенія (Д. И. Языковъ) былъ посаженъ на гауптвахту. „Сіе неслыханное наказаніе у насъ, особенно послѣднее, всѣхъ поразило ужасомъ и повергло въ уныніе“.

Въ іюнѣ 1828 года онъ записываетъ о томъ, что сдѣланъ былъ доносъ на Галича. „Его обвиняютъ въ томъ, что у него на дому бывають недозволенные философскія собранія... Очевидно, хотятъ погубить этого благороднаго, чистаго и кроткаго мудреца, учителя добродѣтели... Человѣкъ, сдѣлавшій сей доносъ, погубивъ Галича, конечно, получить имя патріота и благонамѣреннаго... Галичу, вѣроятно, запретать чтеніе частныхъ лекцій“.

Галичъ былъ одинъ изъ тѣхъ профессоровъ петербургскаго университета, надъ которыми происходилъ въ 1821 году извѣстный судъ, устроенный Руничемъ и Магницкимъ. Это былъ ревностный любитель философіи, и вышедши изъ университета, онъ преподавалъ ее частнымъ образомъ у себя на дому. Это былъ мирный ученый, большой идеалистъ, которому впоследствии Никитенко посвятилъ особое біографическое воспоминаніе. Послѣ доноса лекціи Галича, вѣроятно, прекратились. Въ другомъ мѣстѣ дневника Никитенко говоритъ о Галичѣ (въ январѣ 1828): „Его

одушевляеть чистая, высокая любовь къ истинѣ, отъ чего бесѣды его не только полезны, но и увлекательны. Это не цеховой ученый, а человѣкъ, глубоко преданный наукѣ и жаждущій правды, столько же практической, сколько и теоретической. Я лично много обязанъ ему“.

Впослѣдствіи эта подозрительность и вражда къ литературѣ и наукѣ стали общимъ правиломъ, и Никитенко, повидимому, потерялъ надежды на ихъ процвѣтаніе. Въ январѣ 1830 года онъ записываетъ: „Воейковъ посаженъ на гауптвахту. Въ одно время съ нимъ посажены Гречъ и Булгаринъ, будто бы за немѣренныя и пристрастныя литературныя рецензіи. Въ Москвѣ цензоръ, Глинба, также заключенъ на двѣ недѣли. Бѣдное словіе писателей.“

„У насъ жалуются на недостатокъ хорошихъ писателей. Есть люди съ дарованіями, но имъ недостаетъ развитія. Послѣдняго и вообще не много у насъ. Отчего? Причины очевидны“.

Черезъ нѣсколько дней онъ замѣчаетъ, что въ городѣ многие радуются, что Воейкова, Греча и Булгарина посадили на гауптвахту,—многимъ надоѣлъ ихъ беззаастѣнчивый эгоизмъ. „Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава“.

Въ концѣ ноября 1830 года онъ записываетъ о томъ цензурномъ гоненіи, какое постигло издателя „Литературной Газеты“, барона Дельвига, извѣстнаго друга Пушкина, за четыре стиха Казимира Делавина. „По поводу сихъ стиховъ мы ¹⁾ сегодня получили отъ Бенкендорфа бумагу съ строгимъ требованіемъ увѣдомить его: какъ цензоръ осмѣлился пропустить сіи стихи и кто далъ ихъ издателю для напечатанія. Отвѣты заготовлены ужъ. Подобныя происшествія часто случаются въ нашей цензурѣ“. На этотъ разъ происшествіе оказалось фатальнымъ. Въ концѣ января 1831 г. онъ записываетъ о смерти Дельвига:

„Публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который за помѣщеніе въ „Литературной Газетѣ“ четверостишія Казимира Делавина назвалъ Дельвига въ глаза почти яacobинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ. За симъ и „Литературную Газету“ запрещено было ему издавать. Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе болѣзни, которая, можетъ быть, давно въ немъ зрѣла“.

По поводу тогдашнихъ политическихъ событій—польской ре-

¹⁾ Онъ разумѣеть, вѣроятно, канцелярію попечителя.

волюціи, волненій въ Нидерландахъ, Испаніи—Никитенко говорить (въ іюлѣ 1830): „что у насъ говорятъ о сихъ событіяхъ? У насъ боятся думать вслухъ, но, очевидно, про себя думаютъ много“.

Въ это время онъ познакомился съ Плетневымъ. Въ февралѣ 1831 онъ пишетъ: „говорили мы съ нимъ и о литературѣ нашей, т.-е. оплакивали ея ничтожество“. Затѣмъ въ мартѣ, опять въ обществѣ у Плетнева: „разговоръ былъ общій о литературѣ—это былъ плачъ Іереміи надъ развалинами Сіона“.

Въ томъ же февралѣ онъ говоритъ объ извѣстномъ романѣ Бенжамена Констана—„Адольфъ“: „Его перевелъ князь Вяземскій; цензура затруднялась пропустить этотъ романъ, потому что онъ—сочиненіе Бенжамена Констана! Сколько труда стоило мнѣ доказать предсѣдателю цензурнаго комитета, человѣку, впрочемъ, образованному, что одно имя автора еще не есть статья, оскорбляющая правительство или грозящая Россіи революціей. Вотъ подъ вліяніемъ какихъ понятій должны мы совершенствоваться сами и совершенствовать молодое поколѣніе“.

Тогда же говоритъ онъ о представленіяхъ „Горя отъ ума“: „Нѣкто остро и справедливо замѣтилъ, что въ этой пьесѣ осталось одно только горе: столь искажена она роковымъ ножомъ Бенкендорфской литературной управы“.

Такъ поставлена была литература. Понятно, что это положеніе вещей очень мало благопріятствовало ея успѣхамъ, и тѣмъ замѣчательнѣе то сильное развитіе, какое получила она въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, несмотря на это положеніе: развитіе литературы было вполне дѣломъ внутренней жизни общества.

Какимъ образомъ складывались литературныя понятія будущаго профессора словесности? Мы говорили, что его университетская школа была не блестяща. Ни о комъ изъ своихъ профессоровъ онъ не говоритъ, чтобы былъ ему особо обязанъ; онъ упоминаетъ только о Бутырскомъ, къ которому, однако, относился нѣсколько критически. Едва ли не болѣе всего почерпнулъ онъ внѣ университета изъ частныхъ лекцій Галича. Общій характеръ университетскаго преподаванія былъ, какъ мы замѣчали, поверхностный; Никитенко, кажется, легко схватывалъ общія положенія, развивалъ ихъ въ красивомъ стилѣ въ своихъ диссертацияхъ, не останавливаясь специально ни на одномъ предметѣ. Но людей было такъ мало, что Никитенка, едва кончившаго курсъ, уже имѣли въ виду для профессуры. Онъ кончилъ курсъ въ февралѣ 1828 года, а въ іюнѣ онъ отмѣчаетъ, что ему было уже предложено мѣсто профессора исторіи въ Демид-

довскомъ лицѣхъ въ Ярославлѣ; онъ отказался отъ предложенія, предпочитая болѣе широкое поприще дѣятельности въ Петербургѣ, хотя оно и должно было сопровождаться здѣсь гораздо болѣе тревогами. Въ мартѣ слѣдующаго года идетъ уже рѣчь о кафедрѣ естественнаго права въ Петербургѣ: „философско-юридическій факультетъ здѣшняго университета предложилъ мнѣ занять кафедру естественнаго частнаго и публичнаго правъ, которая, по болѣзни профессора Лодія, остается праздною. Я согласился съ удовольствіемъ. Это прекрасное средство къ собственному моему усовершенствованію, особенно въ дикціи. Весь факультетъ единогласно былъ за меня. По его мнѣнію, я, владѣя даромъ слова и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, могъ бы принести университету большую пользу моими лекціями“. Но, къ большому его сожалѣнію, дѣло не состоялось вслѣдствіе недоброжелательства ректора. Въ слѣдующемъ году ему поручено было читать еще новый предметъ, политическую экономію, а впоследствии онъ сталъ, наконецъ, профессоромъ словесности. Такимъ образомъ, онъ считалъ возможнымъ занимать цѣлыхъ четыре кафедры столь далекия одна отъ другой, какъ исторія, естественное право, политическая экономія и словесность.

Въ словесности его преподавателемъ былъ Бутырскій. Онъ былъ студентомъ прежняго педагогическаго института, былъ посылаемъ за границу; Никитенко находилъ у него тонкій, но не глубокий умъ, вѣрное эстетическое чувство и даръ слова; но это былъ человѣкъ лѣнивый. „Въ преподаваніи словесности онъ держится середины между строгимъ классицизмомъ и новыми требованіями вѣка или, лучше сказать, онъ держится системы здраваго разсудка, который знаетъ, что формы въ изящныхъ искусствахъ не значатъ ничего, если онѣ не оживотворены духомъ, но знаетъ и то, что духу потребны формы и формы строгія“¹⁾. Кромѣ Бутырскаго Никитенко, по его собственнымъ словамъ, много заимствовалъ у Галича, который читалъ въ упомянутыхъ домашнихъ лекціяхъ философію и, вѣроятно, сообщилъ ему и тѣ общія положенія, на которыхъ утверждалось пониманіе искусства. Повидимому, здѣсь Никитенко въ особенности познакомился съ ученіемъ Шеллинга, котораго держался также и одинъ изъ университетскихъ профессоровъ, Пальминъ. Впоследствии Никитенко ближе занялся словесностью, когда приглашенъ былъ читать ее старшимъ воспитанникамъ Екатерининскаго института. Въ мартѣ 1831 года онъ записываетъ: „Читаю курсъ литературы

¹⁾ Въ сентябрѣ 1830.

Лагарпа. Какой онъ рабъ Аристотеля! Аристотель, Баттѣ, Блеръ ¹⁾, Лагарпъ — всѣ эти господа разсуждаютъ о литературѣ какъ о какомъ-то ремеслѣ. Вотъ такъ и такъ изготовляются сочиненія: трагедіи, комедіи, рѣчи и проч., какъ башмаки, платья, мебель. Они не смотрятъ на словесное произведеніе какъ на проявленіе духа человѣческаго, стремящагося къ всестороннему развитію въ истинномъ, благомъ и изящномъ. Правило: подражай природѣ, относится къ самой низкой сторонѣ искусства и заключаетъ въ себѣ лишь малѣйшую часть его. Но безъ идеаловъ нѣтъ изящныхъ искусствъ. А если бы они и были безъ нихъ, то немного бы оказали услугъ человѣку. Нашему вѣку предоставлена честь возратить поэзіи права ея, т.-е. показать, что она есть жизнь и лучшая жизнь человѣческаго сердца и что ея назначеніе не суетная забава праздныхъ людей, но пробужденіе въ человѣкѣ всего божественнаго, положительное, прямое развитіе всего благороднаго въ его духѣ“.

Съ этою основою мнѣній Никитенко остался до конца. Впослѣдствіи онъ мало расширилъ свои изученія, между прочимъ оставаясь незнакомъ съ иностранной литературой по вопросамъ эстетики и исторіи литературы, кромѣ того, чтó зналъ по переводамъ и изъ вторыхъ рукъ. Но на этихъ понятіяхъ онъ установился твердо, и по тому времени было важно объяснять идеальное значеніе литературы, разыскивать внутреннія основы ея достоинства и развитія. О тогдашней литературѣ онъ былъ не высокаго мнѣнія; по поводу своего профессора Бутырскаго, онъ говоритъ еще въ февралѣ 1826 года: „Въ его теоріи словесности много истинъ, особенно полезныхъ въ настоящее время, когда у насъ стали появляться писатели, отвергающіе правила здраваго смысла и думающіе, что вмѣсто изученія языка и всякихъ другихъ знаній довольно обладать фантазіей и сомнительнымъ остроуміемъ, чтобы заслужить право на безсмертіе. Мы вообще мало любимъ останавливаться на предметахъ и углубляться въ ихъ суть. Все, чтó отзываетъ трудомъ, для насъ нестерпимо. У насъ многіе люди, даже съ талантомъ, заражены язвою лѣни и стремятся легкимъ способомъ добывать похвалы и удивленіе. Для нихъ все рѣшается минута энтузіазма: они называютъ это вдохновеніемъ и уже ни о чемъ больше не заботятся. Въ числѣ нашихъ модныхъ литераторовъ не мало такихъ. Я знакомъ съ иными, и часто удивляюсь ихъ невѣжеству, съ одной стороны, и рѣвности сужденій, съ другой, о предметахъ, имъ вовсе или очень

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ неправильно напечатано Блезъ.

мало извѣстныхъ. Трудъ они называютъ педантствомъ. Для нихъ довольно познакомиться съ французскимъ языкомъ и прочесть на немъ нѣсколько книжекъ, чтобы считать свое образование оконченнымъ. Написать потомъ нѣсколько журнальныхъ статей, нѣсколько мадригаловъ и пѣсенекъ, которымъ ашплодируютъ въ гостинныхъ, они принимаютъ важный видъ заслуженныхъ литераторовъ и величественно успокоиваются на лаврахъ, мечтая, по очереди, о потомствѣ и о сытномъ обѣдѣ у какого-нибудь мецената“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ настроеніи молодого поколѣнія, какое отражалось въ литературѣ: „Мечтательность, неопредѣленность и сбивчивость понятій считаются нынѣ какъ бы достоинствами, и люди съ благородными наклонностями, но увлекаемые духомъ времени, располагаютъ свое поведеніе по примѣру героевъ нынѣшней романтической поэзіи. Не знаю, пересилить ли философія сію болѣзнь вѣка... желалъ бы написать философскій романъ и въ немъ указать какое-нибудь простое, но дѣйствительное лекарство противъ оной. Мы заблудились въ массѣ сложныхъ идей. Надо обратиться къ простотѣ. Надо заставить себя мыслить; это единственный способъ сбить мечтательность и неопредѣленность понятій, въ которыхъ нынѣ видятъ *что-то* высокое, *что-то* прекрасное, но въ которыхъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего, кромѣ треска и дыму разгоряченнаго воображенія“¹⁾.

Но, не увлекаясь тогдашнимъ романтизмомъ, Нивитенко былъ вполне увлеченъ Пушкинымъ. Въ первый разъ онъ встрѣтилъ его въ іюнѣ 1827 года у г-жи Кернъ, знаменитой красавицы, извѣстной и по стихамъ Пушкина. Нивитенко такъ описываетъ наружность Пушкина: „это человѣкъ небольшого роста, на первый взглядъ не представляющій изъ себя ничего особеннаго. Если смотрѣть на его лицо, начиная съ подбородка, то тщетно будешь искать въ немъ, до самыхъ глазъ, выраженія поэтическаго дара. Но глаза непременно остановятъ васъ: въ нихъ вы увидите лучи того огня, которымъ согрѣты его стихи, прекрасные, какъ букетъ свѣжихъ весеннихъ розъ, звучные, полные силы и чувства“.

Лично Пушкинъ не совсѣмъ нравился автору дневника. Въ октябрѣ 1827 года онъ записываетъ: „Поэтъ Пушкинъ уѣхалъ отсюда въ деревню. Онъ проигрался въ карты. Говорятъ, что онъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, ухлопалъ 17.000 рублей. Поведеніе его не соотвѣтствуетъ человѣку, говорящему языкомъ боговъ и стремящемуся воплощать въ живые образы высшую иде-

¹⁾ Въ іюнѣ 1827.

альную красоту. Прискорбно такое нравственное противорѣчіе въ соединеніи съ высокимъ даромъ, полученнымъ отъ природы. Никто изъ русскихъ поэтовъ не постигъ такъ глубоко тайны нашего языка; никто не можетъ сравниться съ нимъ живостью, блескомъ, свѣжестью красокъ въ картинахъ, созданныхъ его пламеннымъ воображеніемъ. Ни чьи стихи не улаждаютъ души такой плѣнительной гармоніей. И рядомъ съ этимъ, говорятъ, онъ плохой сынъ, сомнительный другъ. Не вѣрится!.. Во всякомъ случаѣ, въ толкахъ о немъ много преувеличеній и несообразностей, какъ всегда случается съ людьми, которые, выдвигаясь изъ толпы и приковывая къ себѣ всеобщее вниманіе, въ однихъ возбуждаютъ удивленіе, а въ другихъ—зависть“.

Вслѣдъ затѣмъ въ октябрѣ того же года—восторженный отзывъ о вышедшей тогда третьей главѣ „Онѣгина“. Приводимъ образчикъ его взглядовъ, которые отличаются отъ восторговъ тогдашнихъ почитателей Пушкина тѣмъ, что заключаютъ весьма сознательное сужденіе. „Во всей главѣ,—пишетъ Никитенко,—необыкновенное движеніе поэтическаго духа. Есть мѣста до того очаровательныя и увлекающія, что, читая ихъ, перестаешь думать, т.-е. самостоятельно думать, и весь отдаешься чувству, которое въ нихъ скрыто, буквально сливаешься съ душою поэта... О стихахъ нечего и говорить! Если музы, по мнѣнію древнихъ, выражались стихами, то я не знаю другихъ, которые были бы достойнѣе служить языкомъ для грацій. Замѣчу еще одно достоинство языка Пушкина, показывающее вмѣстѣ и талантъ необыкновенный, и глубокое знаніе русскаго языка, а именно: рѣдею правильность среди самыхъ своенравныхъ оборотовъ. Въ его могучихъ рукахъ языкъ этотъ такъ гибокъ, что боишься, какъ бы онъ не изломался въ куски. На дѣлѣ видишь другое—видишь разнообразнѣйшія и прелестныя формы тамъ, гдѣ боялся, чтобы рука поэта не измяла матеріалъ въ слишкомъ быстрой игрѣ, и видишь формы чисто русскія“.

Въ январѣ 1830 года Никитенко записываетъ извѣстіе объ „Исторіи русскаго народа“, Полевого. Онъ видѣлъ недостатки этой книги, гдѣ „вучею навиданы всѣ новыя французскія и нѣмецкія мысли объ исторіи, но безъ логической связи и ясности“, но любопытно, что говоритъ онъ о тогдашнихъ противникахъ этой книги. „Еще до появленія въ свѣтъ этой книги, она уже была осуждаема и превозносіма. Такъ-называемые патріоты, почитатели добраго Карамзина, не понимаютъ, какъ можно осмѣлиться писать исторію послѣ Карамзина. Партія эта состоитъ изъ двухъ элементовъ. Одни изъ нихъ царедворцы, вовсе не мысля-

щіе или мыслящіе по закону властей; другіе, у которыхъ есть охота судить и раяить, да недостаетъ толку и образованія, въ простотѣ сердца вѣруютъ, что Карамзинъ, дѣйствительно, написалъ „Исторію русскаго народа“, а не исторію русскихъ князей и царей. Конечно, есть также люди благомыслящіе и образованные, судъ которыхъ основывается на размышленіи и доказательствахъ. Но ихъ немного. Эти послѣдніе знаютъ, чѣмъ отечество обязано Карамзину, но знаютъ также, что его твореніе не удовлетворяетъ требованіямъ идеи исторіи столько, сколько удовлетворяетъ требованіямъ вкуса“.

Вспомнимъ, что приведенныя здѣсь слова могли быть отнесены, между прочимъ, къ такимъ писателямъ и, конечно, образованнымъ людямъ, какъ князь П. А. Вяземскій: онъ писалъ даже конфиденціальную записку объ этомъ предметѣ, которую (за исключеніемъ одной только подробности) не усомнился одобрить самъ Пушкинъ, и гдѣ возраженія противъ Карамзина приравнялись къ политической неблагонадежности и яacobинству.

Заканчивая свой дневникъ 1830-го года, Никитенко приходитъ къ самымъ печальнымъ заключеніямъ: „Подарокъ русскимъ писателямъ къ новому году: въ цензурѣ получено повелѣніе, чтобы ни одно сочиненіе не допускалось къ печати безъ подписи авторскаго имени.“

„Истекшій годъ, вообще, принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники. Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности (1830 г.). Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самими, которые ихъ составляютъ, какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. д. Въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія, который тѣмъ хуже, чѣмъ онъ сокровеннѣе: это червь, подтачивающій дерево. Яcobинецъ порадуется этому, но человекъ мудрый пожалѣетъ о политическихъ ошибкахъ, конецъ коихъ предвидѣть не трудно.“

„Внутреннія условія нашей жизни, промышленность, правосудіе, и проч., тоже не улучшились за этотъ годъ... Да сохранитъ Господь Россію!“

Начиналось четвертое десятилѣтіе. Событія продолжали развиваться въ томъ направленіи, какое приводило въ отчаяніе автора

дневника. Въ личномъ положеніи его произошла та перемѣна, что послѣ двухъ-лѣтняго преподаванія политической экономіи Никитенко перешелъ на русскую словесность, адъюнктомъ при Шлетневѣ; на этой кафедрѣ онъ остался до конца своего пребыванія въ университетѣ. Кромѣ того, въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ назначенъ былъ цензоромъ: это положеніе дало ему возможность еще ближе видѣть ходъ вещей относительно литературы и просвѣщенія. Изъ приведенныхъ выше образчиковъ можно достаточно видѣть, что цензоръ тогдашнихъ временъ, и всегда занимающій весьма трудное положеніе, испытывалъ эту трудность еще въ большей степени. Если это былъ человѣкъ хотя нѣсколько просвѣщенный, а не явный обскурантъ, онъ былъ между Сциллой и Харибдой: онъ долженъ былъ щадить интересы литературы, признать извѣстное нравственное право писателя, но за то долженъ былъ каждую минуту ожидать строгихъ внушеній за слабость, кончавшихся гауптвахтою, или, наоборотъ, становясь обскурантомъ, возбуждать къ себѣ справедливую вражду отъ писателей и общества. Никитенко испыталъ въ послѣдствіи и то, и другое, но на первое время онъ надѣялся, что дѣятельность его будетъ возможна, такъ какъ въ маѣ 1832 года товарищемъ министра просвѣщенія назначенъ былъ С. С. Уваровъ. „Уваровъ человѣкъ образованный по-европейски, — пишетъ Никитенко; — онъ мыслить благородно и какъ прилично государственному человѣку; говорить убѣдительно и пріятно. Имѣетъ познанія и въ нѣкоторыхъ предметахъ даже обширныя. Физіономія его выразительна. Онъ давно слыветъ за человѣка просвѣщеннаго“. Въ іюні, Никитенко записываетъ: „Опять былъ у товарища министра. Разговоръ съ нимъ во многомъ вразумилъ меня относительно хода нашихъ политическихъ дѣлъ, нашего образованія и прочее“. Въ мартѣ 1833 года Уваровъ сталъ министромъ и назначилъ Никитенка въ цензора. „Я дѣлаю опасный шагъ, — пишетъ Никитенко въ апрѣлѣ того же года. — Сегодня министръ очень долго со мной говорилъ о духѣ, въ какомъ я долженъ дѣйствовать. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка государственнаго и просвѣщеннаго.

— „Дѣйствуйте, — между прочимъ сказалъ онъ мнѣ, — по системѣ, которую вы должны постигнуть не изъ одного цензурнаго устава, но изъ самыхъ обстоятельствъ и хода вещей. Но при томъ дѣйствуйте такъ, чтобы публика не имѣла повода заключать, будто правительство угнетаетъ просвѣщеніе“. Повидимому, нѣкоторыя мѣры новаго министра (еще въ 1832 году) по университету, который онъ хотѣлъ очистить отъ устарѣвшихъ и без-

полезныхъ профессоровъ; нѣкоторые признаки живыхъ умственныхъ интересовъ, проявившихся въ литературѣ, внушили Никитенку нѣкоторыя надежды, но во всякомъ случаѣ онъ ихъ не преувеличивалъ. Въ июнѣ 1832 года онъ пишетъ: „Умственная жизнь начинать быстро развиваться въ нашемъ поколѣніи. Но пока это еще жизнь младенца. Все въ ней не зрѣло: только порывы къ благородному и прекрасному. Понятія о важнѣйшихъ задачахъ челоѣчества зыбки и неопредѣленны: нѣтъ еще самостоятельности въ умахъ и сердцахъ“.

Вскорѣ, однако, оказалось, что тѣ ожиданія, какія внушалъ новый министръ, не подтвердились фактомъ. Передъ тѣмъ происходили цензурныя бури. Въ маѣ 1831 года Никитенко заноситъ въ дневникъ цензурное гоненіе, направившееся на самого Булгарина за юмористическую статью „Станціонный смотритель“, въ которой тогдашній министръ просвѣщенія, князь Ливень, усмотрѣлъ воззваніе къ бунту и сдѣлалъ о ней докладъ императору Николаю: „въ городѣ удивляются и негодуютъ“. Но дѣло обошлось благополучно.

Въ февралѣ 1832 года Никитенко записываетъ: „Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ засталъ Пушкина. „Европейца“¹⁾ запретили. Тѣфу! Да, что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжело, и стыдно, и грустно“.

Назначеніе Уварова товарищемъ министра, а потомъ министромъ не измѣнило положенія вещей. Автору дневника пришлось рассказывать объ отставкѣ столько ему благодѣтельствовавшаго К. М. Бороздина, который потерялъ мѣсто попечителя потому, что въ одной гимназій при посѣщеніи высокопоставленнаго лица ученикъ сидѣлъ облоотившись, а другой откинувшись на спинку скамьи. Продолжались и цензурныя исторіи по всякимъ ничтожнымъ поводамъ. Заподозрѣвались народныя сказки Даля; оберъ-прокуроръ синода писалъ жалобу на романъ Загоскина „Аскольдова могила“; самъ Уваровъ воздвигалъ цензурное гоненіе на Сенковского, только-что начавшаго изданіе „Библиотеки для Чтенія“; наконецъ, самъ Никитенко попалъ на недѣлю на гауптвахту, по личной жалобѣ петербургскаго митрополита (настроеннаго Андр. Ник. Муравьевымъ) императору Николаю на пропускъ русскаго перевода стихотворенія Виктора Гюго, которое было только пустой мадригалъ, но въ которомъ усмотрѣно было разрушительное безбожіе. По поводу этого ареста въ городѣ пошли оживленные толпы, и въ концѣ концовъ митрополиту дали понять,

¹⁾ Журналъ, который издавалъ въ Москвѣ Ив. Вас. Кирѣевскій.

что императоръ (который вынужденъ былъ дать удовлетвореніе его жалобѣ) не очень благодаренъ ему за это вмѣшательство. Наконецъ, цензурная буря обрушилась на „Телеграфъ“ Полевого, потомъ на „Телескопъ“ Надеждина и поглотила оба изданія. Не будемъ приводить подробностей, которыя имѣли случай однажды указывать, и остановимся на нѣсколькихъ подробностяхъ той эпохи.

Автору дневника въ эти тридцатые годы вспоминались времена Магницкаго и Рунича. Онъ не понималъ, зачѣмъ какъ будто идетъ забота о просвѣщеніи, когда рядомъ съ этимъ преслѣдуются самые невинные проблески мысли и воображенія. Онъ самъ чувствовалъ себя въ средѣ тѣхъ людей, которыхъ одушевляетъ любовь къ образованію и литературѣ и которые болѣзненно чувствовали ихъ полную беспомощность. Чтò было думать и чего ждать, когда самъ Уваровъ, человѣкъ просвѣщенный, на котораго онъ такъ надѣялся, уже тотчасъ послѣ того, какъ сдѣлался министромъ, явился такимъ же или даже еще болѣе суровымъ преслѣдователемъ литературы. Предполагая запретить журналъ Полевого, онъ говорилъ такимъ языкомъ: „Это проводникъ революціи; онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи“... „Извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены: Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ“.

Все это производило на Никитенку самое тяжелое дѣйствіе. По поводу гоненія на книжку Даля онъ писалъ: „Больно, истинно больно честному человѣку видѣть, какъ этими странными мѣрами шевелятъ страсти, которыя безъ этого или спокойно дремали бы, или обращались къ полезнымъ цѣлямъ. Отними у души возможность раскрываться передъ согражданами, изливать передъ ними свои мысли и чувства, это заставитъ ее погружаться въ себя и питать тамъ мысли суровыя, мечту о лучшемъ порядкѣ вещей. Въ смыслѣ политическомъ это опасно“¹⁾.

Тогдашнее общественное состояніе онъ изображаетъ такъ: „Въ странномъ положеніи находимся мы. Среди людей, которые имѣютъ претензію дѣйствовать на духъ общественный, нѣтъ никакой нравственности. Всякое довѣріе къ высшему порядку вещей, къ высшимъ началамъ дѣятельности исчезло. Нѣтъ ни обществолубія, ни человѣколюбія; мелочной отвратительный эгоизмъ проповѣдуется

¹⁾ Въ октябрѣ 1832.

тѣми, которые призваны наставлять юношество, насаждать образованіе или двигать пружинами общественнаго порядка.

„Нравственное безчиніе, цинизмъ обуялъ души до того, что о благородномъ, о великомъ говорятъ съ насмѣшкой, даже въ книгахъ“...

„Конечно, эта эпоха пройдетъ, какъ и все проходить на землѣ; но она можетъ затянуться надолго, на пятьдесятъ, на шестьдесятъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ успѣешь умереть въ этой глухой, дикой, каменистой Аравіи, вдали отъ Земли Святой, отъ Сіона, гдѣ можно жить и пѣть высокія пѣсни. Увы!

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ“¹⁾.

Такъ проходило четвертое десятилѣтіе.

Для историка тогдашней литературы любопытны въ дневникѣ Никитенка и многія характеристики отдѣльных лицъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о своихъ встрѣчахъ съ Сенковскимъ, котораго зналъ какъ профессора, а потомъ какъ издателя „Библиотеки для Чтенія“. Личность Сенковскаго до сихъ поръ не вполне выяснена. Онъ имѣлъ своихъ панегиристовъ, какъ напримѣръ въ біографіи, писанной г-жею Сенковскою, изображающей его прямо человѣкомъ великимъ и гениальнымъ; въ недавнихъ воспоминаніяхъ г-жи Ахматовой; въ статьѣ Дружинина. Съ другой стороны, онъ имѣлъ и строгихъ судей: припомнимъ статью Гоголя въ Пушкинскомъ „Современникѣ“; статью князя Одоевскаго, изображающую дѣятельность Сенковскаго, рядомъ съ дѣяніями Греча и Булгарина, какъ намѣренный комplotъ противъ лучшихъ интересовъ русской литературы, и т. д. Никитенко упоминаетъ отзывы Уварова, говорившаго (въ 1834 году) о „полонизмѣ“ Сенковскаго и относившагося къ нему очень враждебно. Самъ Никитенко не даетъ полной характеристики Сенковскаго, но указываетъ отдѣльныя черты, пропущенныя его панегиристами. Онъ рисуется его, напримѣръ, какъ человѣка крайне грубаго, рисковавшаго однажды, а можетъ быть, и не однажды, неприятной для него исторіей со студентами. По поводу отзывовъ Уварова Никитенко замѣчаетъ, что не знаетъ, чѣмъ виноватъ Сенковскій какъ литераторъ: если винить его въ безвкусіи, то это не касается правительства; „конечно, я не могу поручиться за патріотическія или ультра-монархическія чувства его, но то вѣрно, что онъ изъ боязни ли или изъ благоразумія никогда не выстав-

¹⁾ Въ апрѣлѣ 1834 г.

ляеть себя либераломъ“. Это былъ человекъ крайне желчный: „не много людей, одаренныхъ умомъ столь мѣткимъ и острымъ... но характеръ портить все, что есть замѣчательнаго въ умѣ его... Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совсѣмъ дурной человекъ, но подобно инымъ животнымъ, неуверотимымъ по самой природѣ своей, онъ точно рожденъ для того, чтобы на все и на всѣхъ нападать и это не съ цѣлью причинить зло, а просто чтобы, такъ сказать, выполнить предназначеніе своего ума, чтобы удовлетворить непреодолимому какому-то влеченію“¹⁾. Этого послѣдняго замѣчанія Никитенко, вѣроятно, не измѣнилъ бы и впоследствии. Но можно было бы, кажется, прибавить еще одну черту: отношенія Сенковскаго въ русскомъ литературномъ кругу, вѣроятно, обострились еще сознаниемъ своего превосходства надъ людьми, изъ которыхъ въ то время лишь очень не многіе могли бы сравниться съ нимъ обширностью и разнообразіемъ знаній, а въ его насмѣшливомъ, язвительномъ отношеніи къ русской литературѣ могли (кромѣ „полонизма“, впрочемъ еще не разъясненнаго) участвовать тѣ жалкія условія, какія изображаетъ самъ Никитенко и которыя могли дѣйствовать раздражающимъ образомъ на человека, достаточно ихъ понимавшаго. Любопытно, что когда происходили встрѣчи на нейтральной почвѣ въ литературномъ кругу и когда Сенковскому въ упоръ возражали на нѣкоторыя изъ его странныхъ литературныхъ мнѣній, онъ, по словамъ Никитенка, иногда „ничего не находилса сказать“.

Надеждину Никитенко сочувствовалъ мало: онъ находить въ его сочиненіяхъ слишкомъ много педантства. „Всѣ эти господа кидаются на высокія начала; имъ хочется вывести все изъ вѣчныхъ идей первообразовъ природы. Это бы ничего, еслибы у нихъ былъ ясный умъ и ясный языкъ...“

„Нѣтъ, они какъ будто стараются затмить одинъ другого пышностью варварской терминологіи и туманнымъ краснорѣчіемъ. Надеждинъ, напримѣръ, столпъ вавилонскій почитаетъ изящнѣйшимъ произведеніемъ древняго зодчества, на коемъ почли тайны вѣковъ, первообразомъ древняго міра²⁾, и проч.“

Больше сочувствія возбуждалъ въ немъ Полевой, съ которымъ онъ познакомился на вечерѣ у Смирдина. „Это изсохшій, блѣдный человекъ, съ фізіономіей сумрачной, но и энергической. Въ наружности его есть что-то фанатическое. Говореть онъ не хорошо. Однако, въ рѣчахъ его умъ и какая-то судорожная сила.“

¹⁾ Октябрь 1827.

²⁾ Въ февралѣ 1834 года.

Какъ бы ни судили объ этомъ человѣкѣ его недоброжелатели, которыхъ у него тьма, но онъ принадлежитъ къ людямъ необыкновеннымъ. Онъ себѣ одному обязанъ своимъ образованіемъ и извѣстностью, а это что-нибудь да значить. При томъ онъ одаренъ сильнымъ характеромъ, который твердо держится въ своихъ правилахъ, не смотря ни на соблазны, ни на вражду сильныхъ. Его могутъ притѣснять, но онъ, кажется, мало объ этомъ заботится¹⁾. Къ сожалѣнію, впоследствии, когда запрещенъ былъ „Телеграфъ“, Полевой не выдержалъ этого характера.

Никитенко рано познакомился съ Гоголемъ и еще въ апрѣлѣ 1832 года записываетъ: „Былъ на вечерѣ у Гоголя-Яновскаго, автора весьма пріятныхъ, особенно для малороссіянина, „Повѣстей пасечника Рудаго Панька“. Это молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, пріятной наружности. Въ фізіономіи его, однако, доля лукавства, которое возбуждаетъ къ нему недовѣріе“. Впоследствии, въ февралѣ 1835 года, онъ посвящаетъ Гоголю болѣе подробную характеристику, одобряетъ его юмористическія произведенія и находитъ, что его талантъ чисто теньеровскій: „Но тамъ, гдѣ онъ переходитъ отъ матеріальной жизни къ идеальной, онъ становится надутымъ и педантичнымъ, или же расплывается въ ребяческихъ восторгахъ. Тогда и слогъ его дѣлается запутаннымъ, пустоцвѣтнымъ и пустозвоннымъ. Та же смѣсь малороссійскаго юмора и теньеровской матеріальности съ напыщенностью существуетъ и въ его характерѣ. Онъ очень забавно рассказываетъ разныя простонародныя сцены изъ малороссійскаго быта, или заимствованныя изъ скандальной хроники. Но лишь только начинается онъ трактовать о предметахъ возвышенныхъ, его умъ, чувство и языкъ утрачиваютъ всякую оригинальность. Но онъ этого не замѣчаетъ и метить прямо въ гени“. При этомъ Никитенко подробно рассказываетъ исторію о томъ, какимъ образомъ Гоголь, котораго очень тогда рекомендовалъ Жуковскій, добивался каеэдры исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Рассказъ Никитенко тѣмъ болѣе любопытенъ, что, будучи самъ профессоромъ, онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ всего этого дѣла и едва ли преувеличивалъ. Во всякомъ случаѣ, рассказъ заслуживаетъ вниманія біографовъ Гоголя. Въ апрѣлѣ 1836 года Никитенко записываетъ о необыкновенномъ успѣхѣ „Ревизора“. Самъ онъ былъ на 3-мъ представленіи: „Многіе полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту пьесу, въ которой оно такъ жестоко порицается. Я видѣлся вчера съ Гоголемъ. Онъ имѣетъ видъ великаго человѣка, преслѣдуе-

¹⁾ Въ февралѣ 1834.

мага оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, производимое его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накопляются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей“.

Объ отношеніяхъ Никитенка съ Пушкинымъ мы отчасти упоминали. Эти отношенія не были особенно близки и не были особенно дружелюбны. Автору дневника не нравилась та аристократическая спѣсь, которая, по мнѣнію Никитенка, была нѣсколько натянута и въ особенности никакъ не шла къ человѣку, слава котораго заключалась вовсе не въ этомъ. Пушкинъ, между прочимъ, думалъ, что Никитенко былъ причиной нѣкоторыхъ цензурныхъ урѣзовъ въ его сочиненіяхъ, чего, однако, на дѣлѣ не было.

21-го января 1837 года Никитенко записываетъ: „Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ былъ Пушкинъ: онъ все еще на меня дуется. Онъ сдѣлался большимъ аристократомъ. Какъ обидно, что онъ такъ мало цѣнитъ себя, какъ человѣка и поэта, и стучится въ одинъ замкнутый кружокъ общества, тогда какъ могъ бы безраздѣльно царить надъ всѣмъ обществомъ. Онъ хочетъ прежде всего быть баринотъ, но вѣдь у насъ баринъ тотъ, у кого больше дохода. Къ нему такъ не идетъ этотъ жеманный тонъ, эта утонченная спѣсь въ обращеніи, которую завтра же можетъ безвозвратно сбить опала. А вѣдь онъ умный человѣкъ, помимо своего таланта. Онъ, напримѣръ, сегодня говорилъ много дѣльнаго и, между прочимъ, тонкаго о русскомъ языкѣ. Онъ сознавался также, что исторію Петра пока нельзя писать, то-есть ее не позволятъ печатать. Видно, что онъ много читалъ о Петрѣ“.

Это было ровно за недѣлю до смерти Пушкина. 28-го Никитенко записываетъ: „Важное и въ высшей степени печальное происшествіе для нашей литературы: Пушкинъ умеръ сегодня отъ раны, полученной на дуэли... Бѣдный Пушкинъ! Вотъ чѣмъ заплатилъ онъ за право гражданства въ этихъ аристократическихъ салонахъ, гдѣ расточалъ свое время и дарованіе! Тебѣ слѣдовало идти путемъ человѣчества, а не касты: сдѣлавшись членомъ послѣдней, ты уже не могъ не повиноваться законамъ ея. А ты былъ призванъ къ высшему служенію“.

Онъ сообщаетъ подробности дуэли, которыя извѣстны; но менѣе извѣстно то, что онъ говоритъ о цензурныхъ мѣрахъ, которыя приняты были тогда противъ того, что пыталась сдѣлать о Пушкинѣ литература. 31-го Никитенко записываетъ: „Сегодня былъ у министра. Онъ очень занятъ укрощеніемъ громкихъ воплей по случаю смерти Пушкина... Уваровъ и мертвому Пушкину не можетъ простить „Выздоровленія Лукулла“.

„Сію минуту получилъ я предписаніе предсѣдателя цензурнаго комитета не позволять ничего печатать о Пушкинѣ, не представивъ сначала статьи ему или министру“.

Мы упоминали, что однажды, именно по поводу запрещенія „Московского Телеграфа“, Уваровъ прямо высказался о томъ, что литература не имѣетъ *права* существованія, и что она только терпима: „въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда захочетъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, онъ не только употреблялъ власть, но и считалъ себя юридически правымъ. Надо согласиться, что юридически онъ дѣйствительно былъ правъ.

Но чѣмъ руководилось это строгое примѣненіе власти, когда въ первые же годы своего управленія Уваровъ уничтожилъ два наиболѣе замѣтные журнала, притомъ единственные журналы съ опредѣленнымъ направленіемъ? Никитенко въ своемъ дневникѣ записалъ и другое чрезвычайно любопытное *profession de foi* Уварова. Въ августѣ 1835 года онъ пишетъ:

„Министръ Уваровъ сегодня былъ въ ударѣ говорить. Привожу цѣликомъ монологъ, который онъ произнесъ:

„— Мы, то-есть люди XIX вѣка, въ затруднительномъ положеніи; мы живемъ среди бурь и волненій политическихъ. Народы измѣняютъ свой бытъ, обновляются, волнуются, идутъ впередъ. Никто здѣсь не можетъ предписывать своихъ законовъ. Но Россія еще юна, дѣвственна и не должна вкусить, по крайней мѣрѣ, теперь еще, сихъ кровавыхъ тревогъ. Надобно продлить ея юность и тѣмъ временемъ воспитать ее. Вотъ моя политическая система. Я знаю, чего хотятъ наши либералы, наши журналисты и ихъ клеветы: Гречъ, Полевой, Сенковскій и проч. Но имъ не удастся бросить своихъ сѣмянъ на ниву, на которой я сѣю и которой я состою стражемъ — нѣтъ, не удастся. Мое дѣло не только блюсти за просвѣщеніемъ, но и блюсти за духомъ поволенія. Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовить ей теорія, то я исполню мой долгъ и умру спокойно. Вотъ моя теорія; я надѣюсь, что это исполню. Я имѣю на то добрую волю и политическія средства; я знаю, что противъ меня кричатъ: я не слушаю этихъ криковъ. Пусть называютъ меня обскурантомъ: государственный человѣкъ долженъ стоять выше толпы“.

¹⁾ Апрель, 1834.

Этотъ монологъ производитъ настоящее траги-комическое впечатлѣніе. Система ложилась тяжелымъ, невыносимымъ гнетомъ на умственную жизнь общества, подавляла лучшіе инстинкты, стѣсняла науку и поэтическое творчество, и оказывалось, что она спасала Россію. Очевидно, что система диктовалась забытыми еще страхами 1825 года; они не прошли, какъ известно, во все продолженіе того царствованія. У страха глаза бываютъ велики, и дѣйствительно, если можно было считать либераломъ Полевого, то чрезвычайно странно видѣть его сопоставленнымъ съ Сенковскимъ, а особливо съ Гречемъ; какъ мы видѣли, Никитенко замѣчалъ уже, что у Сенковского вовсе нѣтъ либерализма, а Гречъ былъ сотоварищъ Булгарина по изданію „Сѣверной Пчелы“. Такимъ образомъ, издатель „Сѣверной Пчелы“ оказывался либераломъ, отъ котораго надо было охранять Россію... Надо удивляться, какимъ образомъ Уваровъ могъ предполагать, что Россія въ ея тогдашнемъ положеніи могла „вкусить“ тѣхъ тревогъ, какія совершались въ жизни европейской: онъ хотѣлъ „продлить ея юность“ и не замѣчалъ, что это было еще младенчество. Онъ хотѣлъ удалять вредные элементы воспитанія; на дѣлѣ онъ отнималъ элементарную умственную пищу.

Въ теченіе дневника мы видѣли, что для его автора настоящее положеніе вещей въ томъ періодѣ было совершенно ясно: его размышленія, которыя мы нѣсколько разъ приводили, являются теперь настоящимъ приговоромъ историка. Укажемъ еще одну послѣднюю подробность. Когда запрещенъ былъ „Телескопъ“ за напечатаніе статьи Чаадаева, Никитенко пишетъ въ ноябрѣ 1836: „Думаютъ, что это дѣло тайной партіи. А я думаю, что это просто невольный прорывъ новыхъ идей, которыя таятся въ умахъ и только выжидаютъ удобной минуты, чтобы надѣлать шуму. Это уже не разъ случалось, не смотря на неслыханную строгость цензуры и на преслѣдованія всякаго рода. Наблюдая вещи ближе и безъ предубѣжденій, ясно видишь, куда стремится все нынѣшнее поколѣніе. И надо сказать правду: власти дѣйствуютъ такъ, что стремленіе это все болѣе и болѣе усиливается и сосредоточивается въ умахъ. Признана система угнетенія: считаютъ ее системою твердости,—ошибаются. Угнетеніе—есть угнетеніе, особенно когда оно является слѣдствіемъ гнѣвныхъ вспышекъ... а не искусно разсчитанныхъ мѣръ“.

А. В—нѣ.

РАННЕЙ ОСЕНЬЮ

Отцвѣтають красавицы розы,
Осыпая траву лепестками,
И росы серебристыя слезы
Холоднѣй и обильнѣй утрами.

Холоднѣе сіяють утрами
И лучи золотые восхода;
Подъ осенними солнца лучами
Тихимъ сномъ засыпаетъ природа.

Засыпаетъ неслышно природа,
Какъ царевна прекрасная сказки,
И лазури небеснаго свода
Поблѣднѣли блестящія краски.

Поблѣднѣли блестящія краски,
Но стихаетъ и горечь сомнѣній,
Сердце полно смягчающей ласки
И покоя, и грусти осенней...

О. М—ВА.

ВОПРОСЫ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Окончаніе.

II *).

Кризисъ землевладѣнія и земледѣлія представляетъ у насъ несравненно болѣе печальныя черты, чѣмъ въ западной Европѣ. О крупной поземельной собственности мы говорить не будемъ: она имѣетъ возможность существовать независимо отъ интересовъ земледѣлія и сама по себѣ играетъ слишкомъ незначительную роль въ экономическихъ судьбахъ страны. Возрастающая задолженность землевладѣнія, принудительныя продажи имѣній, хищнической характеръ хозяйства, размноженіе безземельнаго пролетаріата,—все это съ особенною силою даетъ себя чувствовать у насъ въ послѣдніе годы. Въ жизни нашего крестьянства замѣчаются явленія, каковыхъ мы не видимъ въ другихъ европейскихъ странахъ; нигдѣ, кажется, немыслимы тѣ картины народной бѣдности и темноты, которыми наполнены новѣйшія изслѣдованія и описанія нашего сельскаго быта. Правда, общинный порядокъ землевладѣнія господствуетъ еще въ нашемъ сельскомъ населеніи, и крестьянство продолжаетъ еще владѣть значительнѣйшею частью обрабатываемыхъ земель; но признаки ухудшенія и разстройства появляются отовсюду, постепенно разрушая тѣ заманчивыя иллюзіи, которыя существовали у насъ послѣ великой крестьянской реформы.

*) См. выше; сентябрь, 821 стр.

Во многихъ мѣстностяхъ водворилось какое-то новое крѣпостное право; господами являются уже не помѣщики, а кабатчики, кулаки и мироѣды, грубые полуграмотные хищники, разоряющіе народъ съ беспощадною послѣдовательностью. Необходимость взноса податей въ самые неудобные для хозяйства сроки, а также неотложныя хозяйственныя нужды заставляютъ крестьянскія массы прибѣгать къ такому убійственному кредиту, о какомъ не мечтали худшіе ростовщики на западѣ. Образовались особые роды торговли — торговля рабочею силою и купля-продажа крестьянскихъ „душъ“ (т.-е. душевыхъ надѣловъ). „Разъѣзжая по деревнямъ, — говоритъ одинъ изъ изслѣдователей нашего народнаго хозяйства, — ростовщики снабжаютъ крестьянъ деньгами, обявывая заемщиковъ возвратитъ долгъ лѣтнимъ трудомъ, и приобретенную такимъ образомъ рабочую силу продаютъ въ два-три раза дороже нуждающимся въ ней. Это явленіе одинаково распространено какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Зимой, когда бѣдняку (олонецкой губ.) угрожаетъ экзекуція за неплатежъ податей, или весною, когда ему ѣсть нечего, десятникъ (такъ называютъ здѣсь торговцевъ людьми) за безцѣнокъ покупаетъ лѣтній трудъ бѣдняковъ, выдавая имъ впередъ задатки отъ 15 до 30 р. на человѣка. Весною десятники гонятъ цѣлыя артели рабочихъ на лѣсныя выгонки, на судовую тягу и на заводы, предварительно распродавъ ихъ за двойную цѣну крупнымъ промышленникамъ. Другіе торговцы такого же рода разъѣзжаютъ по деревнямъ исключительно для закупки дѣтей. Многіе бѣдные родители за дешевую цѣну продаютъ дѣтей скупщикамъ на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ дѣти должны находиться у ремесленниковъ или торговцевъ въ качествѣ учениковъ. Накупивъ такимъ образомъ десятка два дѣтей, скупщикъ отправляетъ ихъ на подводахъ въ Петербургъ, подобно тому какъ возятъ въ городъ телятъ промышленники по этой части. Въ Петербургѣ дѣти распродаются по двойной и тройной цѣнѣ въ ремесленныя заведенія и торговныя лавки. Подобное закабаленіе дѣтей и взрослыхъ распространено въ московской, рязанской и другихъ губерніяхъ. Къ той же категоріи торговли человѣческой силою относится наемъ на работы недоимщиковъ, обыкновенно безъ ихъ согласія, по сдѣлкамъ съ волостнымъ начальствомъ, агентами землевладѣльцевъ, лѣсоторговцевъ и заводчиковъ, приѣзжающими спеціально для того часто изъ отдаленныхъ губерній“ ¹⁾. Въ одной недавно вышед-

¹⁾ См. обзоръ свѣденій о задолженности крестьянскаго населенія (стр. 6—48) въ книгѣ П. А. Соколовскаго: „Судо-сберегательныя товарищества по отзвнамъ литературы“. Спб., 1889, стр. 28—4 (изложеніе содержанія статей г. В. В. въ „Наблюдатель“ 1884, № 11, и 1885, № 2).

шей книгѣ мы находимъ слѣдующую сценку, списанную съ натуры: „Пока собирался сходить, я спросилъ шедшихъ съ тѣмъ-то въ поле дѣвочекъ 6—7 лѣтъ, куда онѣ идутъ.—А на барщину!—отвѣтили онѣ какъ-то не по дѣтски спокойно, почти тупо.—Какъ на барщину? на какую барщину?—невольно переспросилъ я.—А въ поле на барщину.— Съ тѣмъ же вопросомъ я обратился къ вѣзжавшимъ въ то же время изъ поля въ село взрослымъ парню и дѣвкѣ и получилъ тотъ же привычный апатичный отвѣтъ.—Что же это у васъ за барщина?—спросилъ я сходить.—Такъ ужъ у насъ старъ и младъ называется. Вотъ что было прежде при крѣпостномъ, такъ теперь тяжеле еще донимаетъ насъ эта барщина на благодѣтелей-богачей (т.-е. ростовщиковъ). Господа-то хотъ кормили на барщинѣ, а теперь вонъ дѣвочки обѣдъ понесли бабамъ на сѣнокосъ Михайлы Исакова“¹⁾. Такиѣ факты перестали уже казаться тѣмъ-то исключительнымъ и грозятъ со временемъ превратиться въ общее правило.

Много говорилось у насъ о тяжести обычныхъ условій поземельнаго кредита и о необходимости облегчить это бремя для крупнаго землевладѣнія при помощи государства; что же сказать о крестьянахъ-земледѣльцахъ, платящихъ сто или болѣе процентовъ за краткосрочныя ссуды? Тѣ 8—10%, которые окончательно разоряютъ нашихъ помѣщиковъ, — какъ замѣчаетъ г. В. В., — по своей легкости составляютъ для русскаго мужика нѣчто недостижимое; онъ счастливъ, если заплатитъ за пользованіе капиталомъ вдвое и втрое дороже того, что окончательно губитъ крупныхъ помѣщиковъ. Ссудить крестьянина суммою изъ 18%, значитъ сдѣлаться его благодѣтелемъ, котораго онъ не забудетъ до конца своихъ дней. Съ именемъ такого займодавца неразрывно связано названіе „благодѣтель“; что же касается до кредитнаго учрежденія, ссужающаго всего изъ 1% въ мѣсяцъ, то самая мысль объ этомъ кажется крестьянамъ мечтою. Въ крайнихъ случаяхъ крестьяне готовы платить даже 100% въ мѣсяцъ. Этой нуждою въ деньгахъ для уплаты податей, аренды земли и т. п. пользуются мѣстные кулаки и заключаютъ съ крестьянами таковаго рода сдѣлки, что должники неизбѣжно попадаютъ въ продолжительную кабалу къ кредиторамъ. Ростовщикъ, внимая, напримѣръ, 50% по ссудамъ и выговаривая значительныя неустойки за просрочку, назначаетъ сроки уплаты въ такое время, когда крестьянамъ нѣтъ ни малѣйшей возможности вы-

¹⁾ Г. П. Савоновъ, „Крестьянская земельная собственность въ порховскомъ уѣздѣ (исковской губ.)“. Спб. 1890, стр. 189—190.

полнить свои обязательства. Дѣло кончается или продажей скота, или увеличеніем неустойки, или, наконецъ, перепиской документа съ причисленіемъ неустойки и съ возвышеніемъ процента. Долги нарастаютъ, несмотря на многократное погашеніе ихъ; такъ, одно крестьянское общество (въ московской губ.) заняло 140 р. изъ 33% и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ уплачивало этотъ долгъ, но не только не уплатило, а напротивъ, долгъ выросъ до 400 р. Однихъ процентовъ въ эти 12 лѣтъ крестьяне переплатили 1.500 р. (за 140 р!). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ курской губерніи вошло въ обычай ежегодно занимать деньги всѣмъ міромъ для взноса податей; размѣръ процентовъ около 60 въ годъ. Въ тверской губерніи, по вычисленію мѣстнаго статистика, добывается займомъ у частныхъ лицъ не менѣе двухъ третей всей суммы, нужной крестьянамъ для уплаты налоговъ. „Для добыванія денегъ крестьянинъ вынужденъ прибѣгать къ различнымъ способамъ, еще болѣе разорительнымъ для него, чѣмъ заемъ у ростовщиковъ. Способы эти заключаются въ наймѣ зимою на лѣтнія полевая работы и въ продажѣ хлѣба, хотя бы онъ былъ безусловно необходимъ для собственнаго прокормленія семьи крестьянина. Оба эти договора, по мнѣнію г. В. В., представляютъ кредитныя сдѣлки и не могли бы существовать, если бы крестьянинъ могъ добыть денегъ займа изъ кредитнаго учрежденія. Продажа хлѣба тотчасъ по его сѣмѣѣ за самыя невыгодныя цѣны, главнымъ образомъ для своевременной уплаты податей, и покупка его по гораздо болѣе высокимъ цѣнамъ весной для собственнаго прокормленія составляютъ наиболѣе распространенный способъ добыванія денегъ какъ въ нечерноземной, такъ и въ черноземной полосѣ. Объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ изслѣдователи; на это же явленіе указываютъ исполненныя горькаго юмора народныя пословицы: „не тужи овесъ, что въ Москву повезъ,—весной хоть въ тридорога заплачу, да назадъ ворочу“, и т. п. Крестьяне попадаютъ въ заколдованный кругъ; чтобы купить хлѣба весной, имъ приходится заложить свой будущій урожай, продажа котораго становится слѣдовательно неизбежною. Разъ совершенная продажа-покупка необходимо влечетъ за собою такую же операцію и въ слѣдующемъ году. Потери крестьянъ при этихъ сложныхъ финансовыхъ махинаціяхъ, продолжаетъ г. В. В., по истинѣ баснословны: крестьяне одной мѣстности въ 1869 году платили по займу, заключенному такимъ способомъ, до 1.000% годовыхъ. Что касается зимняго найма на лѣтнія работы, то получаемый нанявшимся задатокъ есть въ сущности ссуда, за которую уплачивается отъ 100 до 300%,

такъ какъ зимняя цѣна на полевые работы вдвое и втрое меньше лѣтнихъ цѣнъ ¹⁾.

Въ одномъ изъ уѣздовъ псковской губерніи (опочецкомъ), по изслѣдованію г. Сазонова, оказалось крестьянскихъ долговъ, внесенныхъ въ волостныя книги, 2.493.000 р; изъ нихъ ростовщикамъ крестьяне должны 1.530.000 р. Процентовъ по долгамъ выплачивается 497 тысячъ рублей, втрое болѣе всей суммы государственныхъ сборовъ. Должники принуждены работать на своихъ кредиторовъ и не смѣютъ ни продавать своихъ издѣлій другимъ, ни протестовать противъ возможныхъ притѣсненій, обчитыванія и обмѣриванія. Такое положеніе вещей наблюдается одинаково въ различныхъ областяхъ Россіи. Обезпечивши долгъ всекими, росписками, запродажными и другими записями, кредиторы держатъ должниковъ въ постоянной опасности полного разоренія. Пользуясь своимъ вліяніемъ и безграмотностью крестьянъ, они не возвращаютъ оплаченныхъ долговыхъ обязательствъ и нерѣдко по нѣсколько разъ взыскиваютъ по однимъ и тѣмъ же документамъ. Стоимость кредита въ 100⁰/₀ составляетъ обыкновенное явленіе; иногда же онъ обходится въ 300 и даже 800 годовыхъ. Деньги, добытыя на такихъ тяжелыхъ условіяхъ, идутъ преимущественно на уплату податей, взыскиваемыхъ въ неудобное время и всегда съ неумолимою строгостью. Сумма отработокъ, выполняемыхъ заемщиками, такъ велика, что крестьянинъ работаетъ теперь на другихъ не менѣе четырехъ дней въ недѣлю, т.-е. болѣе, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Подобные способы добыванія денегъ имѣютъ ужь очень мало общаго съ кредитомъ. „Вѣрнѣе будетъ допустить,—справедливо замѣчаетъ г. Соколовскій,—что многія изъ этихъ сдѣлокъ представляютъ замаскированную куплю-продажу. Въ самомъ дѣлѣ, принимая средній доходъ крестьянскаго хлѣбопашества въ 6—12⁰/₀, ни одинъ кредиторъ въ точномъ значеніи этого слова, и ни одинъ хозяинъ, принужденный прибѣгнуть къ ссудѣ для полученія оборотныхъ средствъ, не могутъ заключить другъ съ другомъ сдѣлку иначе, какъ на условіяхъ, соответствующихъ этой доходности. И если какой-нибудь ростовщикъ даетъ ссуду не только изъ 40⁰/₀, 100⁰/₀, 200⁰/₀, 800⁰/₀, но даже изъ 13—25⁰/₀, то, очевидно, онъ рассчитываетъ на вернуть ея не изъ доходовъ хозяйства, а изъ имущества заемщика; онъ собственно не кредиторъ, а покупатель,—кредитующійся же не заемщикъ, а продавецъ своего имущества. Большинство современныхъ квази-кредитныхъ сдѣлокъ въ деревняхъ и оканчи-

¹⁾ П. А. Соколовскій, тамъ же, стр. 14—22.

вается передачей инвентаря, построекъ, права на пользование надѣломъ—кредитору, который въ дѣйствительности есть скупщикъ. Можно сказать, что въ деревняхъ происходитъ въ настоящее время распродажа бѣднѣйшими домохозяевами своего имущества, которое понемногу вмѣстѣ съ его владѣльцами въ качествѣ его батраковъ сосредоточивается въ рукахъ ростовщиковъ (булабовъ, каштановъ, шибасевъ и т. п.). Процессъ этотъ совершается медленно и въ иной формѣ въ селахъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, чѣмъ при подворномъ владѣніи землею, но онъ происходитъ и тамъ и здѣсь“. Можно прибавить, что кредиторъ разсчитываетъ не только на имущество и земельный надѣлъ должника, но и преимущественно на его работу, вслѣдствіе чего и устанавливаются отношенія, напоминающія кабалу.

Относительно степени распространенности этихъ своеобразныхъ формъ кредита существуютъ значительныя разногласія. Одни, какъ г. Сазоновъ, склонны преувеличивать значеніе и силу ростовщичества, и находятъ, что кабала „широкой волной разлилась по всей Россіи“; другіе писатели обобщаютъ результаты подворныхъ опросовъ, произведенныхъ нѣкоторыми уѣздными земствами для выясненія размѣровъ крестьянской задолженности,—результаты несомнѣнно утѣшительные и отчасти даже кажущіеся неправдоподобными. Напримѣръ, въ орловскомъ уѣздѣ вятской губерніи громадное большинство займовъ, какъ хлѣбомъ, такъ и деньгами, оказывается безпроцентными; въ кредиту прибѣгаетъ менѣе пятой части общаго числа хозяевъ, и только незначительная часть сдѣлокъ можетъ быть отнесена къ ростовщическимъ. Въ нѣсколькихъ уѣздахъ воронежской губерніи процентъ задолжавшихъ гораздо выше, но также не доходитъ до половины всего количества дворовъ; денежный процентъ взимается рѣдко, и чаще всего заемщики вознаграждаютъ заимодавцевъ работой или угощеніемъ, или „пьютъ съ ними чай и водку“. Ошибочно было бы, однако, дѣлать какіе-либо оптимистическіе выводы изъ этихъ немногихъ данныхъ, такъ какъ должники и кредиторы, допрошенные земскими статистиками, могли не желать разглашенія своихъ дѣйствительныхъ счетовъ и обязательствъ. Анализъ имѣющагося статистическаго матеріала приводитъ П. А. Соколовскаго къ тому заключенію, что „малоземельные, малорабочіе и безлошадные дворы нуждаются въ большемъ кредитѣ и обременены большими долгами, чѣмъ дворы многоземельные, многорабочіе и имѣющіе достаточное количество рабочаго скота,—долгами, заключенными притомъ на болѣе тяжелыхъ сравнительно съ остальными дворами условіяхъ“. Эта зависимость задолженности отъ недостаточности

надѣловъ и отъ общаго состоянія крестьянскихъ хозяйствъ указываетъ на весьма серьезные и повсемѣстныя причины зла. Наибольше долговъ выпадаетъ на долю крестьянъ, получившихъ ничтожный дарственный надѣлъ; менѣе должны крестьяне, выкупающіе надѣльную землю въ обычномъ размѣрѣ, а всего менѣе—государственные крестьяне, находящіеся вообще въ лучшемъ хозяйственномъ положеніи. Недостаточность надѣловъ заставляетъ обращаться къ займамъ для арендованія необходимыхъ дополнительныхъ участковъ чужой земли; отсутствіе или слабость рабочаго скота вызываетъ кредитныя сдѣлки для пріобрѣтенія недостающей рабочей силы, по крайней мѣрѣ на время. „Крестьянскія хозяйства обращаются къ кредиту не для какихъ-либо промышленныхъ или торговыхъ цѣлей, а главнымъ образомъ для поддержанія своей хозяйственной самостоятельности на известномъ среднемъ уровнѣ или, вѣрнѣе, минимумѣ“. Съ другой стороны, мѣстные изслѣдователи признаютъ и болѣе широкое распространеніе кредита въ народѣ; „важнѣйшія явленія экономическаго быта крестьянина—сдача надѣловъ, аренда чужихъ земель, отрядныя работы—переплетены съ потребностями въ кредитѣ. А какъ глубоко проникли кредитныя отношенія во всѣ другія развѣтвленія экономической жизни крестьянина—трудно даже рѣшить. „Достаточно сказать, что крестьянинъ часто и ѣстъ, и пьетъ, и веселится, и справляетъ свадьбу, и отправляетъ похороны, и франтитъ при помощи кредита“¹⁾. Само собою разумѣется, что эта повсемѣстная потребность въ кредитѣ, при отсутствіи организованныхъ кредитныхъ учрежденій для крестьянства, даетъ широкій просторъ худшимъ проявленіямъ ростовщичества и подготовляетъ неизбежное разореніе крестьянскихъ хозяйствъ.

Поразительные примѣры систематическаго народнаго разоренія собраны въ большомъ изобиліи г. Сазоновымъ въ замѣчательной книгѣ, изображающей положеніе крестьянъ въ одномъ изъ уѣздовъ псковской губерніи. Цѣнность этой книги—не въ разсужденіяхъ или выводахъ автора, а въ фактахъ и документахъ, списанныхъ на мѣстѣ. Факты эти таковы, что простое изложеніе ихъ можетъ показаться фантастичнымъ. Помѣщикъ Пантелѣевъ пожертвовалъ около милліона рублей на выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ уѣздѣ, чтобы улучшить хозяйственный бытъ мѣстныхъ крестьянъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ почти всѣ селенія, воспользовавшіяся этимъ благодѣяніемъ, очутились въ гораздо худшихъ обстоятельствахъ, чѣмъ деревни, продолжающія выкупъ, и дѣло

¹⁾ Соколовскій, тамъ же, стр. 12 и 256—267.

дошло до того, что земли десяти крестьянскихъ обществъ были назначены въ продажѣ съ публичнаго торга для удовлетворенія претензіи мѣстнаго городского банка. Превращеніе крестьянъ въ полныхъ собственниковъ, съ освобожденіемъ отъ выкупныхъ платежей, оказалось пагубнымъ для крестьянскихъ хозяйствъ, вопреки обыкновенной человѣческой логикѣ. Извѣстія объ этой странной судьбѣ крестьянъ, выкупившихъ свои надѣлы на капиталъ г. Пантелѣва, побудили вольно-экономическое общество произвести мѣстное изслѣдованіе, для чего и командированъ былъ г. Сазоновъ съ надлежащими инструкціями и полномочіями. Результаты, можно сказать, превзошли всякія ожиданія. Если отбросить краснорѣчіе г. Сазонова и взять только голыя фактическія свѣденія изъ его обширнаго и старательно составленнаго отчета, то получится такая яркая и безотрадная картина народнаго быта, каковая и не снилась самымъ отчаяннымъ нашимъ пессимистамъ. Порховскій уѣздъ, находящійся въ не особенно далекомъ разстояніи отъ Петербурга, не можетъ быть причисленъ въ глухимъ мѣстностямъ Россіи и не представляетъ ничего исключительнаго въ хозяйственномъ отношеніи; тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе производить данныя, касающіяся этого уѣзда.

На средства г. Пантелѣва выкуплено было 9.083 душевыхъ надѣла въ 249 селеніяхъ, въ количествѣ 43¹/₂ тысячи десятинъ, причемъ израсходовано было свыше 937 тысячъ рублей. Крестьяне сдѣлались полными собственниками, и платежи ихъ уменьшились болѣе чѣмъ въ 2¹/₃ раза сравнительно съ прежнимъ. Когда крестьянамъ растолковали, что они могутъ теперь продавать и закладывать свои надѣлы, то они пришли въ большое смущеніе; „спужались страсть какъ“, поясняли они на складахъ. Боязнь лишиться земли побудила ихъ составить приговоры о томъ, что отчужденіе надѣловъ въ руки постороннихъ лицъ не будетъ допускаемо ни подъ какимъ видомъ и что разрѣшается продажа только односельцамъ въ предѣлахъ своего общества;—эта предосторожность не помѣшала однако скорой ликвидаціи многихъ хозяйствъ. Въ свѣденіяхъ, сообщенныхъ крестьянами, встрѣчаются характерныя лавоническія фразы объ односельцахъ, распродавшихъ надѣлы. „Никогда въ селеніи не былъ, а какъ узналъ о выкупѣ, пріѣхалъ, продалъ и уѣхалъ“; „солдатъ, жена неизвѣстно гдѣ, узналъ о выкупѣ, пришелъ, продалъ и опять ушелъ въ Петербургъ“; „пришла изъ Петербурга, продала и ушла“; „безхозяйный, шляется неизвѣстно гдѣ, а какъ прослышалъ, что земля выкуплена, пришелъ, продалъ и пропиль“; „расчитался со всѣми долгами и пошелъ гулять“; „года полтора кутиль,—

все въ кабакъ ушло“; „пришелъ изъ солдатъ, пропилъ полтора надѣла“; „все пропито, — побираются“. Эти однообразныя указанія дополняются иногда нѣкоторыми подробностями. „Имба некрытая, крышу употребилъ на топливо; все промоталъ“. Продавъ надѣлъ за сто рублей, „пилъ безпросыпно нѣсколько дней и померъ пьяный, какъ животное, безъ покаянія; семья въ 12 душъ безъ куска хлѣба нищенствуетъ“. Въ одномъ селеніи само общество продало шесть надѣловъ кулакамъ; „деньги подѣлили по душамъ; послѣ каждаго приговора пили; недоимки, подати высчитывались“. Болѣе хозяйственные и толковые крестьяне, не имѣющіе склонности къ пьянству и мотовству, поддавались соблазнамъ кредита или дѣлали долги по необходимости, для настоятельныхъ временныхъ нуждъ, а затѣмъ становились жертвами ростовщичества, достигшаго невѣроятныхъ размѣровъ.

Исторія залога части крестьянскихъ земель въ порховскомъ городскомъ банкѣ въ высшей степени любопытна. Правленіе банка долго убѣждало крестьянъ заложить землю, разъясняя выгодность и безопасность этой финансовой операціи; „что грѣшниковъ въ адъ тащили, такъ и насъ въ банку“, говорили крестьяне. Нужда въ деньгахъ на обсмѣненіе полей, послѣ градобитія и неурожая 1885 года, рѣшила дѣло въ пользу предложеннаго залога. Банкъ получилъ закладную на 2.320 десятинъ и долженъ былъ выдать всего 23.584 р.

Крестьяне совершили закладную, но денегъ не получили. Подъ предлогомъ неимѣнія наличныхъ суммъ, банкъ выдавалъ ссуду по частямъ, даже просто по мелочамъ, въ разные сроки, для чего уполномоченные крестьянскихъ обществъ должны были много разъ путешествовать въ городъ, иногда вполне безуспѣшно; проценты же считались на всю сумму условленной ссуды и удерживались сполна за годъ впередъ, такъ что крестьяне заблаговременно платили проценты за будущій номинальный долгъ. Банкъ отдѣлывался мелкими уплатами, даже натурою, напр. овсомъ. „Не только овсомъ, говорили крестьяне, табакомъ бы взяли. Рады, будто долгъ получали, а не займы брали, — какъ бы долгъ вырвать. Мы надоѣли всѣмъ деревнямъ и городскимъ, по ночамъ уже шлялись. Заревешъ какъ корова! Вотъ закладали какъ! До свѣту отъ стыда ходили. Думали расправиться, хуже запутались. Чтѣ хотѣли, тѣ и дѣлали съ нами“.

Только два маленькія селенія получили ссуду въ одинъ разъ; остальные ходили за ней десять, двадцать, тридцать, даже 35 разъ. „Пріѣдемъ, — жалуется міръ села Кривухи, — денегъ нѣтъ, хоть ревомъ реви, ни копейки не вырвешъ. Ходили 35 разъ,

три, четыре, пять человѣкъ. Ходили въ сѣнокосъ 24 человѣкъ, — не вѣрили, что денегъ не дадутъ. Дали 16 рублей, десять проѣли. На волѣнкахъ стояли, со слезами просили. Пойдемъ безъ хлѣба, и дома безъ хлѣба дожидаются, такъ прошибетъ слеза“. Банковскіе дѣятели увѣряли, что выдадутъ деньги черезъ двѣ недѣли, а пока совѣтовали перехватить на сторонѣ, подъ залогъ движимости. Въ ожиданіи ссуды, крестьяне позаложили все что могли ростовщикамъ, причѣмъ брали деньги лишь на короткое время. Конечно, они ничего не могли выкупить, за дальнѣйшимъ отказомъ банка, и вся заложенная за безцѣноеъ движимость пропала. На это жаловались почти всѣ селенія. Деньги, получаемыя съ такимъ трудомъ изъ банка, употреблялись на покупку хлѣба, сѣмянъ, сѣна. „Большая часть крестьянъ съ величайшими усилиями могла только такъ пропитаться, чтобы буквально не умереть съ голоду“. Для прокормленія скота „прибѣгали къ традиціонному способу — раскрывали избы и всѣ постройки, не щадились даже десятилѣтнія крыши, все шло въ кормъ скоту. Въ Запольѣ и Кривухѣ, говорятъ, рѣдная крыша уцѣлѣла. Конечно, скотъ падалъ массами... Не до скота было, когда дома нѣтъ куска хлѣба и когда дѣти и взрослые выбѣгали на дорогу за село въ ожиданіи уполномоченныхъ изъ города съ деньгами, когда, по выраженію крестьянъ, послѣднихъ ожидали „ротъ расширивши“. Многие уходили питаться Христовымъ именемъ, съ торбой подъ полой; „безъ привычки оно тяжело, поясняли крестьяне, глаза колетъ, говорятъ — молодѣ“. На вопросъ, сколько изъ полученной ссуды потрачено на водку, нѣсколько селеній показали, что въ сложности выпили ведра два-три; другіе же совершенно отвергали расходъ на водку, энергично доказывая это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Брали со слезами, смертью голодной не помирать“. „Попали въ пьяницы, не пивши; а прежде говорили — вы собственники“. „Было не до пьянства, бывало все село выйдетъ за нѣсколько верстъ, да охаютъ, все ждуть, не идутъ ли изъ города“. „На богача не сважутъ — пьяница, сколько бы ни пил“.

Этотъ невѣроятный поземельный кредитъ, при которомъ залогодатели должны были выпрашивать, какъ милостыню, частицы условленной ссуды подъ совершенную уже закладную, имѣлъ однако совсѣмъ другой видъ при взысканіи срочныхъ уплатъ съ крестьянъ; тогда это былъ уже кредитъ настоящій, не допускающій никакихъ просрочекъ и поддерживаемый неуклонно всею силою закона и государственной власти. Крестьяне сильно опасались, что банкъ поступитъ съ ними вкрито при неисправности

взносовъ съ ихъ стороны; сознавая въ то же время невозможность платить безъ недоимокъ, „особенно большія селенія, приходили въ смятеніе и ужасъ за предстоящую участь ихъ семей“. Въ селѣ Плосковѣ—разсказываетъ г. Сазоновъ,—весь сходъ умолялъ меня, многіе стояли на колѣняхъ, иные плавали, прося имп. вольно-экономическое общество защитить ихъ отъ разоренія. И уѣзжая, нѣсколько верстъ я могъ видѣть, пока не скрылось съ глазъ селеніе, какъ весь міръ стоялъ словно вкопанный, безъ шапокъ, сердечно напутствуя меня. Никогда не забуду страшно тяжелую картину въ Кривухѣ, когда въ часъ ночи, по окончаніи переписи, весь міръ палъ на колѣни, многіе рыдали и стонали, умоляя имп. вольно-экономическое общество о защитѣ ихъ невинныхъ дѣтей“. Въ скоромъ времени банкъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи продажи заложенныхъ земель, и отъ губернатора получило уведомленіе, что правительство не видитъ препятствій къ удовлетворенію такого ходатайства. Предстояла продажа съ аукціона десяти селеній, жители которыхъ, въ числѣ около двухъ тысячъ человѣкъ, превратились бы сразу изъ хозяевъ-собственникововъ въ бездомныхъ пролетаріевъ. Зато банкъ получилъ бы единовременно всю сумму, которую самъ выдавалъ по мелочамъ, съ присоединеніемъ выросшихъ процентовъ, а удовлетворяетъ такіа домогательства, разорительныя для массы людей, — значить на общепринятомъ языкѣ поддерживать кредитъ и исполнять законъ. Нужно было употребить неимоверныя усилія, чтобы достигнуть приостановки публичныхъ торговъ, назначенныхъ банкомъ; подавались прошенія министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, ходатайствовало и вольно-экономическое общество, и наконецъ за нѣсколько дней до аукціона крестьяне обратились съ всеподданнѣйшею просьбою на Высочайшее имя, послѣ чего аукціонъ былъ приостановленъ. Въ сущности крестьяне спаслись только благодаря счастливому случаю: предположенная аукціонная продажа надѣлала шуму въ печати, при ревностномъ содѣйствіи г. Сазонова, въ лицѣ котораго злосчастные должники банка нашли энергическаго ходатая и заступника. Болѣе мелкіе аукціоны подобнаго рода постоянно совершаются безъ всякихъ затрудненій, выбрасывая на улицу сотни крестьянскихъ семействъ при помощи судебныхъ и полицейскихъ исполнителей, — подобно тому какъ и въ данномъ случаѣ мѣстная власть не встрѣтила препятствій къ распродажѣ всего земельного обезпеченія цѣлыхъ десяти селеній.

Дѣйствія порховскаго банка могутъ еще считаться вполне умѣренными и скромными сравнительно съ обычною практикою

сельскаго кредита. Волостныя правленія, сообщая имѣющіяся у нихъ свѣденія о долговыхъ обязательствахъ крестьянъ, оговариваются, что дѣлать выписки изъ „книги сдѣловъ и договоровъ“ было бы неправильно, такъ какъ долги записываются въ суммѣ, нѣсколько разъ превышающей дѣйствительное количество забра- ныхъ денегъ. Въ вѣдомости, составленной кривухинскимъ волост- нымъ правленіемъ, мы находимъ длинные ряды цифръ въ двухъ рубрикахъ: всѣ обязательства выданы на сумму свыше ста рублей (обыкновенно 105), а дѣйствительные размѣры долга опредѣляются въ 20 или 30 р., иногда до 60 р. Въ рубрикѣ „особыхъ объясненій“ повторяется одна общая отмѣтка, что рос- писки выданы на большую сумму по вынужденію кредиторовъ „яко бы для изытія изъ подсудности волостного суда“. Дѣло въ томъ, что волостные суды, разбирающіе гражданскія дѣла суммой до ста рублей, входятъ въ разсмотрѣніе дѣйствительныхъ обстоя- тельствъ и размѣровъ долга, не стѣсняясь формальными докумен- тами, и иногда разсрочиваютъ уплату, тогда какъ мировой судъ рѣшаетъ дѣло по закону, на точномъ основаніи письменныхъ договоровъ, не допуская провѣрки ихъ свидѣтельскими показаніями. Впрочемъ, сумма долга во всякомъ случаѣ увеличивается вдвое или даже втрое, для того чтобы заставить должниковъ „не позабываться“; такъ, въ вѣдомости значится, что „деньги 200 р. заняты (цѣлой деревней) на уплату повинностей, но росписка сдѣлана на 400 р., яко бы крестьяне лучше будутъ заботиться объ уплатѣ“. Указывается еще другой мотивъ увеличенія цифръ; взято напр. 70 р., а росписка выдана на 300 р., или занято 30 р., а росписка на 150 р.— „для перевода земли съ должника на кредитора“ по суду, въ случаѣ неисправности. „Приходилось слышать,—осторожно удостовѣряетъ въ концѣ вѣдомости волост- ной писарь,— что опутанные отвѣтчики у мирового судьи, при разборѣ дѣлъ, по неволѣ признаютъ долгъ во всей суммѣ по роспискѣ, надѣясь, что благодѣтель не обидитъ“. Однѣ и тѣ же немногія фамиліи повторяются по всѣмъ сдѣлкамъ, въ рубрикѣ заимодавцевъ—Прокофьевъ, Халуевъ, Лебедевъ, Булка, Исаковъ и др.; эти „благодѣтели-богачи“, какъ сказано въ примѣчаніи, „налагаютъ проценты по 25 или даже 30 на сто (съ номиналь- ной суммы) и кромѣ того обязываютъ работать для нихъ (жать, косить и т. п.). Въ спискѣ долговыхъ обязательствъ по одной Дновской волости встрѣчаются имена—Лебедева 35 разъ, Про- кофьева—23, Катова—20, Булки—19, Исакова—18, Халуева—8. Сколько бы ни уплачивалъ должникъ въ счетъ долга, но „уплата на роспискахъ не отмѣчается“, и затѣмъ вся номинальная сумма

взыскивается по суду сполна; при добровольномъ же погашеніи долга документъ все-таки остается у кредитора подъ предлогомъ потери или храненія бумагъ въ судѣ, а впослѣдствіи подается ко взысканію. Обычный результатъ—продажа хозяйства съ молотва за безцѣнокъ, въ пользу мнимаго займодавца.

Сообщенія крестьянъ объ этихъ явныхъ грабежахъ проникнуты какимъ-то безнадежнымъ фатализмомъ. „Бралъ у Халуева 11 лѣтъ назадъ 50 р. Всѣ уплатилъ. Онъ говоритъ—„росписка у судьи, пусть тамъ и лежитъ“. По истеченіи семи лѣтъ онъ и представилъ эту росписку. Имущество описано. Упрощено отсрочить пока“. Другой „точно долга не знаетъ, бралъ въ лавѣѣ, не спрашивая цѣны. Были векселя давно. Все общество просило, просилъ хозяинъ на колѣняхъ со слезами обождать. Урожай льна плохъ, а ржи нивогда не хватаетъ; семья большая. Исаковъ ждаты не сталъ, описалъ сдворокъ, домъ, скотъ, и проч. Тогда сходя разрѣшилъ продать землю, и все пошло на покрытие долга“. Третій „лѣтъ 5 назадъ выпросилъ у Катова 80 р., вексель далъ въ 130 р., подъ залогъ всего имущества,—купилъ лошадь и пр. Просилъ обойтись безъ суда; Катовъ тѣшилъ, увѣряя, что ничего не будетъ, а наступилъ срокъ, онъ продалъ пуню, амбаръ. Просилъ избу оставить за собою; онъ сказалъ: внеси 50 р. въ нынѣшнемъ году, изба и влѣтъ за тобой. Я кое-чѣмъ по условію внесъ 50 р. Катовъ хотѣлъ продать опять, но согласился переждать, если передѣлать документъ на 105 р. Но онъ все-таки избу со сдворкомъ арестовалъ, продалъ съ аукціона, да говорилъ, что еще есть документъ. Увѣрялъ, что не обидитъ. Документъ и теперь остается у него. Мужикъ не домыслить. Семья 5 душъ, малыя дѣти. Жена пашеть, самъ работникъ“. У четвертаго „проданъ сдворокъ съ аукціона за долгъ Евстифѣеву 20 р., росписка на 105 р. Все продано за 60 р., за кредиторомъ осталось“, а послѣдній выручилъ только за гумно и амбаръ 120 рублей. У пятаго за уплаченный долгъ Дмитріеву и Исакову продано все имущество; между тѣмъ въ счетъ долга было продано льна на 91 р., двѣ лошади за 10 р. (!), и то послѣднія, двѣ коровы за 32 р., и черезъ волостное правленіе продали колеса, сняли съ телѣги, и пр. Аукціонная продажа недвижимости производится при мировомъ съѣздѣ, и неграмотные владѣльцы обыкновенно даже не знаютъ о торгахъ на ихъ имущество. Какъ совершается самый аукціонъ,—это можно видѣть изъ „торговаго листа“ на продажу имѣнія Афімьи Ивановой и Ивана Степанова (прилож., стр. 115). Все имѣніе, заключающееся въ „сдворочномъ огородномъ мѣстѣ и деревянныхъ

постройкахъ, какъ-то: избѣ, хлѣвѣ, амбарѣ и дворѣ“, оцѣнено судебнымъ приставомъ въ 25 рублей (sic), съ которой суммы и долженъ былъ начаться торгъ, для удовлетворенія иска крестьянина Катова въ суммѣ 105 р. 39 коп. съ процентами. Явились торговаться взыскатель Катовъ съ двумя товарищами. Катовъ предложилъ 26 р., другой—27 р., третій надбавилъ полтинникъ; оба послѣдніе отказались отъ дальнѣйшаго участія въ торгахъ, и все имѣніе осталось за Катовымъ за 28 рублей,—„огородное мѣсто и деревянныя постройки, изба, хлѣвъ, амбаръ и дворъ“. Это, конечно, не публичный торгъ, а публичный грабежъ, совершаемый съ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ законности; судебныя власти являются какъ бы простыми исполнителями хищническихъ комбинацій Катовыхъ. За нѣсколько дней до этого аукціона сельское общество, къ которому принадлежать пострадавшіе должники, протестовало противъ продажи ихъ имущества по „неправильному“ иску ростовщика. „Такъ какъ мы извѣстны, все общество,—говорится въ приговорѣ,—въ теченіе четырехъ лѣтъ въ виду нашемъ Катовъ бралъ съ Афимьи Ивановой и съ Степанова въ уплату за долгъ три сажени сѣна, двѣсти кубачей соломы, одну черную корову, еще карюю лошадь, не менѣе стоили 90 рублей, еще дано Катову за долгъ красная корова, четыре куля овса, четыре аршина драгу, 11 штукъ гусей, въ прошломъ году 200 кубачевъ соломы, а деньгамъ неизвѣстно уплаты, о чемъ постановили настоящимъ приговоромъ и поворнѣе просимъ сдѣлать законную защиту, не оставить малолѣтнихъ сиротъ безъ послѣдствія (sic), отмѣнить продажу незаконнаго иска крестьянина деревни Залѣсья, Павла Катова“. Эти наивныя ссылки на извѣстные всему обществу факты не могли, конечно, остановить исполненіе состоявшагося уже судебного рѣшенія, вошедшаго въ законную силу. Иванъ Степановъ долженъ былъ Катову по смерти отца 50 рублей, а въ роспискѣ значилось 115 р.; заимодавецъ долго и послѣдовательно разорялъ семью, на основаніи своего документа, пока, наконецъ, не пустилъ ее по міру при помощи суда, посредствомъ упомянутаго выше аукціона. „Нужно замѣтить,—говоритъ г. Сазоновъ,—что отецъ Ивана былъ честнѣйшій и едва ли не самый состоятельный домохозяинъ въ селѣ. Эта семья сиротъ, изъ которыхъ старшему Ивану было 19 лѣтъ, была лакомымъ кускомъ для ростовщика; мать-вдова ничего, конечно, не понимала въ кредитныхъ сдѣлкахъ. Катовъ не стѣснялся съ этими должниками; увидалъ онъ, напр., проѣздомъ пашущаго Ивана, нашель, что лошадь у него слишкомъ хороша, не по карману, и взялъ ее себѣ „за долгъ“, не смотря

на слезы и мольбы Ивана, а через недѣлю продалъ лошадь за 120 р. Такимъ способомъ онъ въ теченіе двухъ лѣтъ забралъ еще имущества и скота на 180 р., а всего на триста рублей. И послѣ этого все еще оставался въ рукахъ Катова документъ на 115 р. Видя полное разореніе семьи, Иванъ рѣшилъ повѣситься. Его вынули своевременно изъ петли, и на слодѣ миръ увѣщевалъ не отчаиваться, побояться Бога. Иванъ — тихій, поворный человекъ, и по показаніямъ міра честнѣйшій и самый работающій во всей округѣ. „Такого трудника въ волости не сыщешь“. Иванъ ушелъ изъ деревни и нанялся въ работники, высылая семьѣ своей заработокъ на прожитіе и уплату процентовъ тому же Катову. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, Катовъ предъявилъ искъ по росписѣ на тѣ же 115 р., уплоченные уже три или четыре раза; исполнительный листъ былъ по обыкновенію выданъ мировымъ судьей на всю сумму. Катову досталась даромъ вся усадьба, номинально за 28 рублей; а между тѣмъ по страховому листу одна изба оцѣнена въ 75 р., и за усадьбу даютъ уже 300 р. Невыносимо тяжело смотрѣть на Ивана. „Не найду защиты, — говоритъ онъ, — опять руки на себя наложу. Лучше ужъ разомъ повончить, чѣмъ всю жизнь жилы будутъ тянуть. Господь проститъ! Всю жизнь будешь биться рабомъ. Матушка всѣ глаза выплакала. Слегла, не перенести ей горя“. И въ прискорбію Иванъ правъ: разоривъ его въ конецъ, Катовъ все-таки имѣетъ документъ еще на 87 рублей, за вычетомъ изъ 115 р.—28-ми, вырученныхъ на аукціонѣ“.

Эта исторія можетъ быть названа типическою для большинства крестьянскихъ займовъ у „благодѣтелей-богачей“; вполне подобно Катову дѣйствуютъ въ томъ же уѣздѣ Халуевы, Дуевы, Профьевы, Исаковы, Булка и другіе. Приведемъ нѣсколько образчиковъ ихъ дѣятельности. Три крестьянина взялись вспахать Халуеву по одной круговой десятинѣ за 27 р. каждый, деньги взяли, а росписку дали въ обезпеченіе по 100 р. Землю отпахали, а росписка осталась у ростовщика; пять разъ спрашивали ее, не отдаетъ. Росписка подана ко взысканію, два сдворка проданы. Одинъ изъ „должниковъ“ живетъ въ своей бывшей избѣ, принадлежащей теперь Халуеву, и пашетъ за это ежегодно одну десятину овса, что стоитъ 13 рублей, и исполняетъ другія работы, не получая ни копейки. Осенью свезетъ все ему, Халуеву, по какой угодно цѣнѣ, а не свезетъ—вонъ изъ избы выгнать. „Вѣкъ будешь барскій“ (т.-е. Халуевскій). Нерѣдко ростовщикъ обѣщаетъ дать крестьянину хлѣба или сѣмени и требуетъ впередъ вексель; ватѣмъ долго водить обѣщаніями, и въ концѣ кон-

цовъ отказывается; если крестьянинъ еще не ученъ, то такъ и пойдетъ разыскивать сѣмянъ, не спросивъ о векселѣ, думая, что если ничего по немъ не получилъ, то какую же онъ силу имѣеть. Ученый же напомнитъ о документѣ, но ничего не добьется: Халуевъ прогонитъ его или скажетъ, что потерялъ или разорвалъ. Пройдетъ нѣкоторое время, и вексель выплываетъ на свѣтъ Божій и разоряетъ довѣрчиваго хозяина. Лаврентій Сафоновъ взялъ у Халуева лошадь, нѣсколько вѣлей ржи и овса, всего—менѣе чѣмъ на сто рублей; уплатилъ сполна продуктами и работою болѣе 150 р., но росписка на эту сумму осталась у кредитора. Ходилъ, ходилъ за документомъ, но напрасно. Потомъ росписка предъявлена въ судъ, и у Сафонова описана земля, со всѣми постройками и скотомъ. Должникъ сталъ вновь расплачиваться, отдалъ послѣднюю корову, три послѣднія овцы, рожь посѣянную, все по ничтожной оцѣнкѣ, за 50 р.; заложилъ землю односельцу, который и отдалъ Халуеву еще сто рублей. Сафоновъ былъ степенный, зажиточный хозяинъ; семья—6 душъ; теперь онъ ходитъ на работу, а землю его пользуется новый заимодавецъ, избавившій его отъ Халуева. Крестьянинъ Прокофьевъ долженъ Исакову 22 р., а росписка—на 105 р.; уплатилъ отчасти льномъ, отдалъ корову. „Безъ лошади, безъ коровы, продалъ избу на сносъ за 35 р. для жизненнаго продовольствія. Изба уже была сломана, ее укладывали на колеса. Въ слезахъ металась молодая женщина, а около нея цѣплялось четверо дѣтей отъ одного до восьми лѣтъ. Въ сторонѣ стоялъ Иванъ Прокофьевъ и какъ-то тупо, сурово, смотрѣлъ на разрушенное родное пепелище“. Онъ предпочелъ самъ продать избу, вмѣсто того, чтобы дожидаться, пока не продадутъ ее съ аукціона за безцѣновъ. Полученіе уплатъ натурою и деньгами безъ точнаго счета, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и вторичное судебное взысканіе погашенныхъ долговъ по роспискамъ, съ неизбѣжною затѣмъ аукціонною продажей всего хозяйства должника за грошовую цѣну,—все это одинаково практикуется почти всѣми ростовщиками, съ болѣе или меньшею степенью изобрѣтательности и безсердочія.

Многочисленныя свѣденія и примѣры, сообщаемые въ книгѣ г. Сазонова, поражаютъ своимъ безотраднѣмъ, ужасающимъ одиобразіемъ; это какое-то безконечное и безысходное мучительство, въ которомъ съ яростію соперничаютъ между собою новые порабитители крестьянства—Катовы, Халуевы, Булки, Исаковы, Прокофьевы. Въ отдѣльныхъ селеніяхъ „всѣ домохозяева въ такомъ же положеніи, всѣ должны и тѣмъ же самымъ ростовщикамъ“; въ селѣ Кривуха назначенъ былъ на одинъ день аукціонъ 30

домохозяйствъ, представляющихъ около двухсотъ душъ. Крестьяне терпѣливо переносятъ свою судьбу и очень рѣдко рѣшаются обнаруживать злобу по отношенію къ кровопійцамъ-кулакамъ; бываютъ однако случаи другого рода. „Село Кривуха, измученное нѣсколько лѣтъ назадъ злѣйшимъ ростовщикомъ Богдановымъ, на тайномъ сходѣ обсуждало способы, какъ избавиться отъ разорителя. Въ то время, говорятъ, Богдановъ взыскалъ до 10 тыс. р. съ Кривухи, большею частью по оплаченнымъ векселямъ, и открыто грозилъ пустить всѣхъ по міру. Мстителемъ за міръ явился молодой крестьянинъ, сынъ Дарьи Дмитріевой. Богданова предупреждали, грозили, но онъ увѣрялъ, что его пуля не беретъ, и погибъ, застрѣленный вмѣсто пули сплетенной желѣзной полоской“. Есть однако и „добродѣтельные“ ростовщики, перевозимые крестьянами уже за то, что они не взыскиваютъ упроченныхъ долговъ и не грабятъ должниковъ мошенническимъ образомъ; таковъ, напр., Лебедевъ, начавшій свое житейское поприще пастухомъ и имѣющій теперь миллионное состояніе. Стоимость его кредита опредѣляется приблизительно въ 60⁰/₀, не считая обязательныхъ работъ, которыя также составляютъ около 40⁰/₀. „Какова же должна быть жизнь при такихъ условіяхъ,—замѣчаетъ г. Сазоновъ, — если въ самомъ дѣлѣ приходится благословлять, какъ благодѣтеля, человѣка, кредитующаго, принимая во вниманіе обязательныя помочи, чуть не по 100⁰/₀!“ Обязательныя работы на новыхъ господъ организованы довольно прочно. „Свое стоитъ, а къ нему иди. Ты, говоритъ, свое сожнешь. Возьметъ въ полѣ коня и говоритъ: ты ступай домой, приходи вечеромъ за лошадыю. Работашь, а обѣдать ступай къ себѣ и пищу коню давай дома свою“. Одни отбываютъ барщину, другіе платятъ оброкъ кредиторамъ, позволяющимъ жить въ проданной избѣ; усадьбы должниковъ продаются съ аукціона и упомянутымъ добродѣтельнымъ Лебедевымъ и остаются за нимъ по обыкновенной системѣ, за какихъ-нибудь 50 р. Возможность такихъ низкихъ цѣнъ на торгахъ объясняется тѣмъ, что односельцы разоряемаго крестьянина считаютъ дѣломъ зазорнымъ, безсовѣстнымъ пріобрѣтать продаваемое съ аукціона; „вѣдь жаль, говорятъ, своего сосѣда,—прохода тебѣ не будетъ отъ слезъ бѣдняка и упрековъ сосѣдей“. Вслѣдствіе этого надворныя постройки пріобрѣтаются большею частью кулаками другихъ селъ на свозъ. Бѣдность царитъ повсюду; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ хлѣбъ ѣдятъ такой, что непривычный человѣкъ не могъ бы проглотить и одного куска его: „это скорѣе сухой коровій пометъ“; — тѣмъ не менѣе они аккуратныя плательщики и даже въ городской банѣ вносятъ исправно проценты.

Это уже какъ будто не люди, а машины для уплаты повинностей, полусознательныя существа, видящія свое назначеніе въ безнадежномъ трудѣ и ищущія иногда забвенія въ тяжеломъ, отчаянномъ пьянствѣ. Общее положеніе крестьянства характеризуется слѣдующимъ сопоставленіемъ: по всему уѣзду тратится на содержаніе школъ 264 р., и эти расходы дѣлаются только въ шести волостяхъ, отъ 19 р. до 80 рублей въ каждой; остальные 23 волости не ассигнуютъ ни копѣйки. „Что же удивительнаго, если нерѣдко въ цѣлой деревнѣ не оказывается грамотнаго человѣка, и каждый разъ такому обществу приходится гонять разсылнаго въ сосѣднее село, чтобы прочесть хотя бы приездъ волостного правленія“. Зато въ уѣздѣ 700 лабокъ и кабаковъ съ оборотомъ свыше двухъ милліоновъ рублей. „Безграмотные мужики, 10—15 лѣтъ назадъ дебютировавшіе какъ кредиторы, и кабатчики съ нѣсколькими сотнями рублей,—теперь капиталисты, располагающіе десятками, сотнями тысячъ“. Школь для крестьянъ никто не открывалъ, но кабаки создавались въ изобиліи, даже противъ воли населенія. Въ деревняхъ составлялись общественные приговоры о недопущеніи кабаковъ, но эти приговоры не получали утвержденія, и дѣло кончалось побѣдою кабатчиковъ. Такъ, большое селеніе Плосково года полтора назадъ единогласно рѣшило ни за что не впускать въ деревню кабатчика. Съ этой цѣлью десятки крестьянъ съ дрекольями дежурили по очереди при выѣздахъ и днемъ и ночью, и всѣ соблазнительныя обѣщанія и попытки кабатчика проникнуть въ село были безсердечно отбиты. Это продолжалось нѣсколько дней, пока, наконецъ, явилась полиція и торжественно ввела и водворила кабатчика“. Несправедливо поэтому обвинять крестьянъ за то, что въ деревнѣ господствуетъ беспросвѣтная тьма, что руководящую роль играютъ кабаки и кулаки, и что „иные—по своеобразному выраженію одного изъ мѣстныхъ „благодѣтелей“—обрусьвъ лѣнью, занимаются какимъ-либо бездѣльнымъ дѣломъ“. Нужно еще удивляться, какъ вообще живутъ люди, тѣснимые и разоряемые со всѣхъ сторонъ, питающіеся впроголодь, беспомощные противъ любого грамотнаго проходимца и тратящіе всѣ свои душевныя силы на бесплодную борьбу съ невѣроятными сплетеніями беззаконія, произвола и насилія, не встрѣчая нигдѣ защиты и охраны.

Въ бѣдствіяхъ крестьянъ играетъ значительную роль несвоевременное взысканіе податей. Въ книгѣ г. Сазонова напечатанъ списокъ представленій мѣстнаго исправника о разрѣшеніи аукціонныхъ продажъ за недоимки и текущіе платежи, за послѣдніе два съ половиною года; такихъ представленій сдѣлано и крестьян-

скимъ присутвіемъ разрѣшено аукціоновъ—78, а обреченныхъ селеній оказывается 166. Дѣйствительныя цифры должны быть гораздо больше, такъ какъ въ спискѣ не перечислены всѣ селенія, а названы только общества, которыя въ сѣверныхъ губерніяхъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку селеній, иногда по десяти и болѣе; даже и общества не всегда указаны, а говорится глухо: „и другія“, „и т. д.“. Въ общемъ счетѣ, въ теченіе указанного срока „едва ли въ уѣздѣ было селеніе, не подвергавшееся за недоимки аукціонной продажѣ имущества, если предположить, что послѣдняя приходилась на селеніе не болѣе одного раза. И это въ уѣздѣ, гдѣ недоимки почти не существуютъ!“ Эти экзекуціи назначаются и производятся часто въ счетъ будущихъ платежей, срокъ поступления которыхъ еще не наступилъ, какъ это прямо обозначено въ оффиціальной вѣдомости: такъ, напр., всѣ аукціоны, относящіеся къ первой половинѣ 1889 года, назначены весною этого года за текуція подати, подлежація по закону уплатѣ лишь 30-го іюня. И эти преждевременныя и явно противозаконныя публичныя продажи крестьянскихъ хозяйствъ разрѣшаются безъ всякихъ затрудненій, и притомъ съ необычайною скоростью: иногда разрѣшеніе получается въ тотъ же день, даже когда дѣло идетъ о цѣломъ рядѣ деревень, описанныхъ „на 40 листахъ“. Описи представляются исправникомъ съ просьбою „возвратить тотчасъ же“, и сдѣлать это было тѣмъ легче, что самъ же исправникъ утверждаетъ свои собственныя представленія, какъ это видно изъ слѣдующей замѣчательной приписки, въ концѣ документа: „почти всѣ препроводительныя бумаги отъ крестьянскаго присутствія съ описями къ г. исправнику (т.-е. разрѣшающія аукціоны) подписывались имъ же самимъ, и въ описяхъ отмѣтки о томъ, что *продать*, согласно (т.-е. несогласно) указа правительствующаго сената 11 января 1878 г., дѣлались имъ же самимъ“ (Прилож., стр. 76). При такой своеобразной системѣ, разореніе массы крестьянскихъ хозяйствъ и семействъ достигается довольно легко и быстро, даже при отсутствіи недоимокъ. Платежи крестьянъ, выкупившихъ свои надѣлы, сами по себѣ не велики, говоритъ г. Сазоновъ, но „лѣтомъ (и тѣмъ болѣе весною) въ деревнѣ деньги не сыщешь“, и каждая требуемая копѣйка обходится въ десять. Допускать же аукціонъ, по словамъ крестьянъ, невозможно, такъ какъ описываютъ движимость, нерѣдко и весь скотъ, и все идетъ по цѣнамъ баснословно низкимъ; поэтому приходится продавать, напр., ленъ въ сырромъ, необработанномъ видѣ или еще на корню, за третью или четвертую часть настоящей цѣны. Въ апрѣлѣ—іюлѣ, когда

взыскиваются подати, въ деревнѣ не найдется ни копѣйки, и „цѣны, по которымъ идетъ при подобныхъ условіяхъ имущество, по показаніямъ крестьянъ, самое необходимое въ хозяйствѣ, поражаютъ своею ничтожностью. Достаточно напомнить, что цѣны усадьбы со всѣми хозяйственными постройками, въ томъ числѣ съ послѣдней избой, идутъ по 50 р. Можно себѣ представить, по какимъ цѣнамъ продается движимость. Послѣдняя корова, послѣдняя лошадь отнимается у крестьянина буквально за грошъ. И это главнымъ образомъ потому, что односельцы стѣсняются покупать; зато аукціонъ—кулакамъ желанный праздникъ. Положеніе крестьянина безвыходное, и онъ одинаково разоряется—допустилъ ли продажу, влѣзетъ ли къ ростовщику въ кредитъ, или сдать въ аренду надѣлъ; выходъ одинъ—разореніе“. Бываетъ иногда, что крестьяне, не знающіе законовъ, но чувствующіе неправоту преждевременныхъ суровыхъ экзекуцій, рѣшаются протестовать и настоятельно просить объ отсрочкѣ; въ результатѣ получается дѣло о сопротивленіи властямъ. Въ упомянутой выше вѣдомости отмѣчено въ одномъ мѣстѣ, что „крестьяне деревни Песокъ не допустили до аукціонной продажи и оказали сопротивленіе“, вслѣдствіе чего предписано „составить актъ“ и передать дѣло суду. Подобное же дѣло разбиралось въ концѣ прошлаго года въ Псковѣ, относительно одной изъ деревень порховскаго уѣзда; имущество описано было за неплатежъ ссуды, выданной земствомъ на обмѣненіе полей. „На судѣ выяснилось, что лишь за три дня до того собраны были казенныя подати, и крестьяне были безъ денегъ, прося отсрочки еще на три дня; кромѣ того, объявленіе о срокѣ взысканія и продажѣ имущества не было вывѣшено своевременно на видномъ мѣстѣ, и это вызвало недоразумѣнія со стороны крестьянъ“; двое изъ обвиняемыхъ признаны виновными въ сопротивленіи властямъ и приговорены къ аресту на два мѣсяца. Болѣе ранній и энергическій сборъ податей вызываетъ обыкновенно похвалу начальства, но послѣднее, конечно, не подозрѣваетъ о томъ, какой страшною цѣною покупается нерѣдко это кажущееся благополучіе; никому, разумѣется, не приходитъ въ голову, что для предупрежденія недоимокъ въ настоящемъ губятся самые источники платежей въ будущемъ, посредствомъ заблаговременнаго разгрома крестьянскихъ хозяйствъ. Не только полицейскія, но и судебныя власти совершенно не принимаютъ во вниманіе жизненныхъ интересовъ земледѣлія и крестьянства, когда постановляютъ свои рѣшенія или назначаютъ казія-либо исполнительныя мѣры; между прочимъ, изъ числа 43 публичныхъ торговъ на крестьянскія земли и усадьбы при пор-

ховскомъ мировомъ съѣздѣ въ теченіе 1887 года добрая половина (22) приходится на одинъ мѣсяць май, самый трудный для крестьянъ въ денежномъ отношеніи.

Для избѣжанія разорительныхъ аукціоновъ, крестьяне сдаютъ въ аренду или продаютъ свои надѣлы болѣе состоятельнымъ односельцамъ за половинную цѣну, отчасти для того, чтобы въ послѣдствіи снять свою же землю вдвое дороже. Изъ этой категоріи фактовъ значительное большинство должно быть отнесено къ „дѣятельности полиціи и ростовщиковъ“; особенно серьезное значеніе имѣютъ „дѣйствія уѣздныхъ властей, стремящихся какъ можно скорѣе собрать всякія подати“. По нѣкоторымъ волостямъ, говоритъ авторъ далѣе, „эта дѣятельность полиціи имѣетъ какой-то повальный характеръ и констатируется даже вѣдомостями волостныхъ правленій; по Сорокинской волости, напр., записано 197 случаевъ, по Березской 108,—въ дѣйствительности ихъ было вдвое болѣе“. Изъ 1.694 домохозяевъ, сдающихъ свои надѣлы, продолжаютъ вести хозяйство 680, т.-е. 40%; а болѣе тысячи ихъ,—60%—это „уже готовый безземельный пролетаріатъ“. Отчужденіе надѣльныхъ земель въ руки кулаковъ-скупщиковъ быстро подвигается впередъ; въ актовыхъ книгахъ двухъ нотаріусовъ уѣзда, по словамъ мѣстнаго податного инспектора, „половину всего количества сдѣлокъ составляютъ продажи крестьянскихъ надѣловъ“. Если ростъ этихъ операцій будетъ такой же, то можно не сомнѣваться, заключаетъ г. Сазоновъ, что отъ мирского землевладѣнія въ какія-нибудь двадцать лѣтъ останется одно воспоминаніе. Одновременно съ крестьянскимъ землевладѣніемъ рухнетъ и дворянское, все болѣе вытѣсняемое купеческимъ, новаго хищническаго типа; въ восточной части уѣзда дворянское землевладѣніе теперь „влачитъ жалкое существованіе, за исключеніемъ двухъ-трехъ крупныхъ помѣщиковъ“. „Зато на этой нивѣ возросли такіе ландлорды, какъ братья Ванюковы, владѣющіе десятками тысячъ десятинъ. А за ними идетъ цѣлая стая пореформенныхъ помѣщиковъ—Дуевыхъ, Катовыхъ, Халуевыхъ, Бычковыхъ, Лебедевыхъ и т. д.“

Нечего и говорить о нравственномъ вліяніи всѣхъ этихъ тяжелыхъ условій на новыя поколѣнія крестьянства: идеи о правѣ и законности подрываются въ корнѣ на каждомъ шагѣ, самымъ грубымъ и чувствительнымъ образомъ, и рядомъ съ полнымъ недоумѣніемъ и забитостью является безсознательное озлобленіе, принимающее иногда совершенно уродливыя формы. „Тутъ возросли такіе типы,—говоритъ г. Сазоновъ,—далѣе которыхъ трудно идти. Вѣчно пьяные, съ искаженнымъ лицомъ, съ блуждающими

дѣлыми глазами, въ лохмотьяхъ, они выглядятъ полувѣрями. Какая-то необыкновенная одичалость, жестокость во всемъ видѣ ихъ. И никакой расправы на нихъ нѣтъ; ихъ всѣ боятся и болѣе всего волостныя и сельскія власти“. Сынovia тиранятъ родителей, пьяница-отецъ пропиваетъ все имущество и бросаетъ семью на произволь судьбы; „это даже не пролетаріатъ, а какое-то озвѣрѣніе,—тутъ ничего человѣческаго не осталось“.

Можно бы привести не мало фактовъ, доказывающихъ повсемѣстную распространенность наиболее характерныхъ явленій, изслѣдованныхъ въ порховскомъ уѣздѣ ¹⁾; но уже приведенныя указанія дають намъ право заключить, что настоятельные вопросы поземельной политики даже еще не поставлены у насъ на практикѣ. Добрыя намѣренія законодательства почти совсѣмъ не затрогиваютъ дѣйствительнаго быта крестьянскихъ массъ или же доходятъ до нихъ въ видѣ прямо противоположномъ, подвергаясь непонятнымъ метаморфозамъ въ рукахъ исполнителей. Что могутъ положительныя государственныя заботы о народномъ хозяйствѣ, если послѣднее въ то же время подвергается энергическимъ и неустаннымъ ударамъ со стороны мѣстныхъ органовъ той же правительственной власти, вслѣдствіе ошибочныхъ способовъ взысканія податей и повинностей? Странно предлагать мѣры для смягченія тягостныхъ условій кредита для крестьянства, когда самый этотъ кредитъ нуженъ между прочимъ для уплаты налоговъ, взимаемыхъ въ критическіе моменты всеобщаго безденежья въ сельскомъ хозяйствѣ. Безполезно возставать противъ ростовщичества, когда вся его разрушительная сила держится на власти суда и закона, когда самыя вопіющія продѣлки слѣпо приводятся въ дѣйствіе, опираясь на букву документовъ, выданныхъ безграмотными и невѣжественными крестьянами. Не требуется никакого новаго государственнаго вмѣшательства для облегченія зла; достаточно было бы прежде всего измѣнить существующія формы вмѣшательства, полицейскаго и судебнаго, согласно дѣйствительнымъ интересамъ государства. Можно было бы собирать съ народа вдвое больше налоговъ, чѣмъ теперь, еслибы требованіе платежей сообразовалось съ временемъ поступленія доходовъ съ крестьянскаго земледѣлія, т. е. еслибы обязательныя взносы взы-

¹⁾ Много свидѣній объ упадкѣ крестьянскихъ хозяйствъ и обезземеленіи крестьянъ (иногда безъ достаточной критики) собрано въ другой книгѣ г. Сазонова: „Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономической программой“. Спб., 1889. Жаль только, что авторъ вноситъ въ свои разсужденія какую-то странную политическую примѣсь, могущую отчасти казаться сомнительною по качеству. См. „Вѣстн. Европы“, 1889 г., янв., 453—456 стр.

скивались не ранѣе обычной продажи продуктовъ. Всякій рубль, взятый съ плательщика въ трудную для него минуту при помощи принудительныхъ мѣръ, представляетъ тройной убытокъ: во-первыхъ, для самого плательщика, который въ другое, болѣе удобное время могъ бы внести гораздо больше денегъ, безъ чувствительнаго для себя затрудненія; во-вторыхъ, для казны, которая теряетъ въ будущемъ вслѣдствіе ухудшенія хозяйства плательщика, и въ-третьихъ, для государства вообще, такъ какъ причиненіе ненужнаго ущерба отдѣльнымъ лицамъ или цѣлой массѣ лицъ — и тѣмъ болѣе разореніе ихъ — не соответствовало бы нравственному авторитету власти. Допускать или дѣлать необходимымъ содѣйствіе ростовщиковъ и скупщиковъ для взноса податей — невыгодно даже съ самой узкой фискальной точки зрѣнія; это все равно, что въ нѣсколько разъ увеличить размѣръ податей и тяжесть ихъ, причѣмъ наименьшая доля поступала бы въ казну, а наибольшая — въ карманы кулаковъ. Точно также и пагубное вліяніе ростовщическаго кредита было бы совершенно подорвано, еслибъ этотъ кредитъ былъ предоставленъ самому себѣ и еслибы законы не отдавали къ его услугамъ судебныхъ учреждений и ихъ исполнителей — судебныхъ приставовъ. Самая возможность того, что взысканіе по оплаченнымъ долговымъ обязательствамъ дѣлается обычнымъ промысломъ „благодѣтелей“, и что эти преступныя дѣйствія совершаются при помощи формальныхъ судебныхъ рѣшеній, на точномъ основаніи законовъ, — самая возможность этого указываетъ на ненормальное положеніе суда и на отсутствіе необходимыхъ условій твердой законности въ жизни. Умѣстно ли толковать о господствѣ капитала, о злоупотребленіяхъ кредита, когда подъ этими громкими именами подразумѣвается система заурядныхъ мошенничествъ, предусмотрѣнныхъ всѣми уголовными кодексами, въ томъ числѣ и нашимъ? Чтѣ общаго съ капитализмомъ въ европейскомъ смыслѣ имѣетъ грубое хищничество Халуевыхъ и Дуевыхъ, Катовыхъ и Бычковыхъ, дѣйствующихъ безнаказанно только въ силу особаго снисхожденія судебныхъ и административныхъ властей? Повторяемъ: вопросы поземельной политики сводятся у насъ пока къ устраненію элементарныхъ беззаконій, разрушающихъ экономическій бытъ крестьянства и подтачивающихъ основы всего земледѣлія и землевладѣнія страны. А такъ какъ все держится у насъ на земледѣліи и на крестьянствѣ, то эти дѣйствительныя основы государства заслуживали бы по крайней мѣрѣ нѣкотораго вниманія и признанія, на ряду съ интересами крупной торговли и промышленности, составляющими у насъ предметъ постоянныхъ и преуве-

личенныхъ заботъ. Для многомилліоннаго земледѣльческаго населенія не требуется какихъ-либо особыхъ льготъ, покровительственныхъ пошлинъ и казенныхъ субсидій, которыхъ добиваются комерсанты и промышленники, а нужно только весьма немногое, — возможность жить подъ охраной законовъ, приуроченныхъ отчасти и къ условіямъ крестьянской жизни, а не созданныхъ исключительно для культурнаго класса и купечества.

Почтительно было бы сопоставить положеніе крестьянства у насъ и въ какомъ-либо изъ западно-европейскихъ государствъ, напр. въ Германіи. Хотя сельское хозяйство далеко не занимаетъ первенствующаго мѣста въ богатой и разнообразной экономической дѣятельности нѣмецкаго народа, тѣмъ не менѣе въ Пруссіи, какъ и въ другихъ странахъ, существуетъ особое министерство земледѣлія, дающее самостоятельный правительственный голосъ обширному кругу сельско-хозяйственныхъ и въ томъ числѣ крестьянскихъ интересовъ. У насъ земледѣліе служитъ несомнѣннымъ фундаментомъ всего экономическаго быта и имѣетъ неизмѣримо болѣе важное значеніе для народа и государства, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и однако оно остается безъ 'спеціального правительственнаго органа; заботы о насущныхъ хозяйственныхъ нуждахъ большинства народа зависятъ отъ случайныхъ рѣшеній трехъ постороннихъ вѣдомствъ, имѣющихъ свои особыя многосложныя задачи и свои различныя точки зрѣнія, вслѣдствіе чего неизбежно является отсутствіе единства и послѣдовательности въ принимаемыхъ мѣрахъ. На неудобство такого порядка вещей указывалъ еще покойный князь А. И. Васильчиковъ ¹⁾, мысль котораго дѣятельно пропагандируется теперь одною изъ нашихъ столичныхъ газетъ. Тогда такъ торговля и промышленность всегда находятъ себѣ поддержку въ министерствѣ финансовъ, громко выступая съ своими корыстными требованіями отъ имени всей Россіи, народное земледѣліе не имѣетъ властныхъ заступниковъ и рѣдко доводитъ свои отдаленныя жалобы до свѣденія высшей государственной власти, а что касается крестьянъ, то для нихъ сохранило еще полную силу выраженіе прошлаго вѣка: „яко сущіе безгласные“, они не могутъ найти защиты ни противъ грабительства Халуевыхъ, ни противъ незаконныхъ публичныхъ продажъ, устраиваемыхъ для предупрежденія будущихъ недоимокъ.

Сельское ростовщичество сильно развито и въ Германіи, но тамъ существуетъ законъ 24-го мая 1880 года, сурово преслѣ-

¹⁾ Князь А. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Сиб. 1881, стр. XIV и слѣд.

дующій профессиональных ростовщиковъ и ставящій серьезныя преграды ихъ опустошительной дѣятельности. Въ сборникѣ свѣдѣній о сельскомъ ростовщичествѣ, изданномъ въ 1887 году „Обществомъ социальной политики“, приведено много мѣстныхъ отзывовъ о благотворномъ дѣйствіи упомянутаго закона въ разныхъ областяхъ имперіи. Въ Баденѣ законъ былъ „спасительнымъ дѣломъ“, особенно для судебныхъ дѣателей, которые прежде обязаны были удовлетворять явно ростовщическія требованія; столь же полезныя результаты отмѣчены въ Вюртембергѣ, въ прирейнской Баваріи, въ Пфальцѣ, въ провинціи Саксонія, въ Тюрингіи, Силезіи, Познани и Восточной Пруссіи; только относительно Гессена и Бранденбурга сообщается, что законъ принесъ мало пользы и обыкновенно обходится ростовщиками. Наиболее благотворнымъ признается то обстоятельство, что установленіе признаковъ наказуемаго ростовщичества предоставлено здравому смыслу и житейскому опыту судьи; самая неизвѣстность того, что можетъ признать судья, удерживаетъ многихъ ростовщиковъ отъ сомнительныхъ сдѣлокъ, тогда какъ сужденіе по буквѣ закона всегда оставило бы лазейки для обхода его постановленій. Одинъ изъ судей въ Ганноверѣ находитъ, что законъ примѣняется слишкомъ осторожно и робко; „судъ игнорируетъ то, что извѣстно всѣмъ; недостаетъ сознательной энергіи и свободы въ оцѣнкѣ доказательствъ, а также живого прониновенія въ фактическія условія и отношенія, особенно въ гражданскомъ процессѣ“. Въ сборникѣ упоминаются судебныя дѣла о ростовщикахъ, свидѣтельствующія о надлежащей строгости суда въ подобныхъ случаяхъ; такъ, въ Баденѣ, въ процессѣ противъ двухъ „благодѣтелей“, не совершившихъ и десятой доли тѣхъ подвиговъ, которыми ознаменовали себя Халуевы и Катовы, назначено было—одному тюремное заключеніе на 8 лѣтъ и 3 мѣсяца, а другому на 6 лѣтъ, сверхъ денежнаго штрафа съ обоихъ по 8.000 марокъ ¹⁾).

Открытая дѣятельность Халуевыхъ и Дуевыхъ была бы совершенно немислима въ Германіи не только потому, что она немедленно вызвала бы столкновеніе съ судебною властью, но и вслѣдствіе большаго распространенія грамотности и сознанія своихъ правъ въ народѣ; въ несчастію, у насъ подобные нарушители общихъ уголовныхъ законовъ безпрепятственно обираютъ крестьянъ и наживаютъ милліонныя состоянія, и только какой-нибудь случайный изслѣдователь выводитъ ихъ дѣянія на свѣтъ

¹⁾ Der Wucher auf dem Lande. Berichte und Gutachten, veröffentlicht vom „Verein für Socialpolitik“. Leipzig, 1887, стр. 20 и сл., 49, 60—87, 114—5, 250 и сл.

Божій. Оригинальнѣе всего то, что въ книгѣ г. Сазонова точно указаны имена и званія, и даже мѣстожителство лицъ, виновныхъ въ многократномъ и систематическомъ обирательствѣ народа, и тѣмъ не менѣе эти лица, вѣроятно, продолжаютъ свою многолѣтнюю успѣшную дѣятельность безъ всякихъ стѣсненій, пользуясь по прежнему содѣйствіемъ суда и полиціи для взыска-нія по завѣдомо-оплаченнымъ роспискамъ и для приобрѣтенія крестьянскихъ хозяйствъ съ аукціона за 28 или 50 р.!. Будъ эти смѣлые ростовщики — инородцы или иностранцы, на нихъ съ негодованіемъ обрушились бы многіе наши публицисты и потребовали бы суровой кары не только для самихъ виновныхъ, но и для совершенно постороннихъ людей, принадлежащихъ къ тому же племени и вѣрѣ; но Халуевы и Катовы, Лебедевы и Прокофьевы, Дуевы и Бычковы, Булки и Исаковы не даютъ намъ, въ сожалѣнію, никакого повода сомнѣваться въ ихъ чисто-русскомъ происхожденіи. Эти многочисленные, замѣчательно цѣльные и вполне самобытные типы безпощадныхъ хищниковъ являются живымъ опроверженіемъ легенды, что будто бы крестьянству грозитъ разореніе только отъ пришествія инородцевъ; можно сказать, что никакой инородецъ не осмѣлился бы поступать такъ храбро и цинично, уже изъ боязни вызвать противъ себя раздраженіе и подвергнуться неудобнымъ мѣропріятіямъ.

Пока будетъ существовать свободный просторъ для дѣятельности Катовыхъ и Халуевыхъ, пока среди мѣстныхъ исполнителей будетъ господствовать убѣжденіе, что разгромить крестьянское хозяйство для извлеченія податей—значитъ оказывать услугу государству, и пока будутъ существовать крестьянскія волости, гдѣ на школы не тратится ни копейки, а на кабаки уходятъ сотни тысячъ, до тѣхъ поръ бесполезно будетъ устанавливать какія-либо положительныя мѣры для поддержанія нашего постепенно падающаго крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія.

Л. Слонимскій.

ПЕРВЫЯ ПОБѢДЫ БИСМАРКА

H. von Sybel, Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I. München und Leipzig, 1889. B. 3, 4 und 5.

Новое сочиненіе Зибеля, о первыхъ двухъ частяхъ котораго мы говорили не такъ давно ¹⁾, доведено въ настоящее время до основанія сѣверо-германскаго союза. Характеръ его остается прежній. Вниманіе автора обращено больше всего на внѣшнюю исторію изображаемой имъ эпохи; главнымъ источникомъ, изъ котораго онъ черпаетъ, служатъ официальные акты—протоколы засѣданій, донесенія пословъ и дипломатическихъ агентовъ, депеши и доклады министровъ. Отсюда нѣкоторая сухость тона, нѣкоторая неполнота картины. Оживляется и расцвѣчивается изложеніе только въ пятомъ томѣ, посвященномъ австро-прусской войнѣ и ея непосредственнымъ результатамъ. Зибель оказывается здѣсь прекраснымъ военнымъ историкомъ, прекраснымъ, по крайней мѣрѣ, для профановъ, ищущихъ въ повѣствованіи о войнѣ не критику стратегическихъ операцій, а ясное, наглядное описаніе военныхъ дѣйствій, въ связи со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ объясняется ихъ успѣхъ или неудача. Въ этомъ отношеніи Зибеля можно поставить на ряду съ Тьеромъ, какъ лѣтописцемъ походовъ революціоннаго и Наполеоновскаго времени. Намъ кажется даже, что нѣмецкій писатель часто превосходитъ французскаго умѣньемъ схватить выдающіяся черты кампаніи или битвы, выдвинуть на

¹⁾ См. выше: апрѣль, стр. 785 и слѣд.

первый планъ именно и только факты господствующей важности, рѣшающаго значенія... Меньше, чѣмъ прежде, чувствуется пристрастїе автора въ его героямъ—Бисмарку и королю Вильгельму. Онъ говоритъ, быть можетъ, не все, чтѣ ему извѣстно, едва затрогиваетъ одно, съ любовью останавливается на другомъ, но не подчеркиваетъ, на каждомъ шагу, мудрость министра и великодушїе монарха. Запасъ хвалебныхъ эпитетовъ исчерпанъ имъ въ портретахъ, нарисованныхъ въ началѣ книги; теперь онъ довольствуется ролью рассказчика, рѣдко впадая въ апологию или панегирикъ. Обилїе деталей, утомительное пока идетъ рѣчь о безконечныхъ перипетїяхъ шлезвигъ-голштинской распри, становится достоинствомъ, когда авторъ доходитъ до кризиса 1866 г. Въ третьемъ и четвертомъ томахъ мы отмѣтимъ, поѣтому, только немного, показавшееся намъ новымъ или особенно интереснымъ; съ содержанїемъ пятаго тома мы познакоимъ читателей нѣсколько болѣе подробно.

Въ сравненїи съ задачами, разрѣшенными Пруссїей въ 1866 и 1870-71 г., шлезвигъ-голштинскїй вопросъ представляется, съ перваго взгляда, довольно маловажнымъ. А между тѣмъ, по словамъ самого Бисмарка, никогда и нигдѣ ему не приходилось встрѣчать большихъ затрудненїй, никогда и нигдѣ ему въ такой мѣрѣ не улыбалось счастье. Конечно, эти слова должны быть понимаемы не иначе, какъ *sui generis*, но ихъ отнюдь нельзя считать лишеными основанїя. Не легко было, въ самомъ дѣлѣ, достигнуть отдѣленїя герцогствъ отъ Данїи безъ противодѣйствїя со стороны великихъ державъ и при содѣйствїи Австрїи; не легко было предпринять войну вопреки общественному мнѣнїю Германїи, вопреки желанїямъ самого прусскаго народа, и выйти невредимымъ не только изъ столкновенїя съ противникомъ, но и изъ запутанныхъ отношенїй въ союзнику. Осенью 1863 г. отказъ короля Вильгельма принять участїе въ франкфуртскомъ съѣздѣ угрожалъ разрывомъ между Пруссїей и Австрїей, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя онѣ дѣйствуютъ за-одно противъ вѣрнѣйшихъ сподвижниковъ императора Франца-Иосифа, среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государей. Австрїя, постоянно старавшаяся сдерживать Пруссїю черезъ посредство союзнаго сейма, пренебрегаетъ вмѣстѣ съ Пруссїей сеймовыми рѣшенїями, подрывая, этимъ самымъ, одну изъ главныхъ опоръ собственнаго своего влїянїя. Довести вѣкового соперника до такого противорѣчїя съ самимъ собою—это побѣда, которою Бисмаркъ по всей справедливости могъ гордиться. Показать, какъ и благодаря чему она сдѣлалась возможной, значило бы написать исторїю прусской

дипломатіи со времени смерти Фридриха VII-го до вѣнскаго мира; мы ограничимся немногими чертами, особенно характеристичными. Руководителемъ австрійской внѣшней политики былъ въ то время графъ Рехбергъ. Прежде, чѣмъ стать министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ былъ представителемъ Австріи на франкфуртскомъ сеймѣ. Вмѣстѣ съ нимъ засѣдалъ на сеймѣ Бисмаркъ, какъ представитель прусскаго правительства. Взаимныя отношенія обоихъ дипломатовъ далеко не всегда были дружелюбны. Рехбергъ, вспыльчивый и раздражительный, былъ весь пронизанъ традиціями, обезпечивавшими за Австріей господство надъ сеймомъ. Бисмаркъ, болѣе сдержанный, но, въ сущности, не менѣе страстный, стремился уже тогда къ ниспроверженію этого господства. Сильная натура импонировала, однако, болѣе слабой; горячность Рехберга часто подчинялась хладнокровію Бисмарка. Однажды споръ между коллегами, въ кабинетѣ Рехберга, принялъ необыкновенно острый и бурный характеръ. „Я пошлю къ вамъ секундантовъ!“ — воскликнулъ Рехбергъ. „Къ чему такія церемоніи, — замѣтилъ Бисмаркъ: — у васъ здѣсь есть пистолеты, мы можемъ повончить наши счеты теперь же, въ вашемъ саду. Пока будете вы готовить оружіе, я напишу записку о причинахъ поединка; въ случаѣ надобности, не откажите послать ее въ Берлинъ“. Когда Рехбергъ возвратился съ пистолетами, Бисмаркъ далъ ему прочесть составленную, между тѣмъ, записку, прося удостовѣрить ея точность; Рехбергъ, успѣвшій успокоиться, исполнилъ эту просьбу и пришелъ къ убѣжденію, что серьезныхъ поводовъ къ дуэли не было вовсе. „Стоитъ ли намъ изъ-за этого стрѣляться?“ спросилъ онъ Бисмарка. „Совершенно согласенъ, что не стоитъ“, отвѣчалъ Бисмаркъ, и они разстались друзьями. Нѣсколько времени спустя Рехбергъ показалъ Бисмарку бумагу, только-что полученную имъ изъ Вѣны, объясняя, что она заключаетъ въ себѣ предписаніе подать голосъ, по извѣстному вопросу, за-одно съ Пруссіей. Бисмаркъ прочиталъ данный ему документъ и возвратилъ его Рехбергу съ словами: „тутъ есть какое-то недоразумѣніе“. Рехбергъ взглянулъ на бумагу и ужаснулся. Одновременно съ предписаніемъ, которое онъ хотѣлъ предъявить Бисмарку, онъ получилъ конфиденціальное письмо министра, поручавшее ему добиться прямо противоположнаго результата. Открыто подать голосъ Рехбергъ долженъ былъ вмѣстѣ съ прусскимъ уполномоченнымъ, но за кулисами долженъ былъ убѣдить остальныхъ членовъ сейма, чтобы они высказались совершенно иначе и отвергли, большинствомъ голосовъ, австро-прусское мнѣніе. Это-то конфиденціальное письмо Рехбергъ, по ошибкѣ, и далъ прочесть Бисмарку. „Успо-

войтесъ“, — сказалъ Бисмаркъ: — „вы не хотѣли показать мнѣ это письмо — значить, вы мнѣ его и не показывали. Я не знаю его содержанія“. И дѣйствительно, эпизодъ съ письмомъ не былъ сообщенъ берлинскому кабинету. Довѣріе Рехберга къ Бисмарку было, съ тѣхъ поръ, столь же велико, какъ и уваженіе къ его умственной силѣ, и весьма можетъ быть, что оно способствовало единодушію, установившемуся, на короткое время, между обѣими великими германскими державами.

Когда въ Австріи опять стали пробуждаться старинныя анти-прусскія чувства, когда, вслѣдъ за заключеніемъ вѣнскаго мира, обнаружилась трудность примирить враждебные интересы, положеніе Рехберга сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ. На него обрушились громы вѣнской прессы, противъ него пошелъ походомъ все еще вліятельный вождь внутренней австрійской политики, всегдашній недоброжелатель Пруссіи, Шмерлингъ. Въ это самое время между Пруссіей и Австріей происходили переговоры о возобновленіи торговаго трактата, которому истекалъ срокъ. Австрійское правительство желало, чтобы въ новомъ договорѣ, какъ и въ прежнемъ, предусмотрѣна была возможность вступленія Австріи въ таможенный союзъ, соединявшій Пруссію съ другими германскими государствами. Прусскіе министры финансовъ и торговли держались противоположнаго мнѣнія; руководимые Дельбрюкомъ (которому суждена была, нѣсколько позже, такая крупная роль въ развитіи прусской экономической политики), они находили, что о вступленіи Австріи въ таможенный союзъ, фактически нежелательномъ и неудобоосуществимомъ, въ торговомъ трактатѣ не должно быть и рѣчи. Болѣе расположенъ къ уступкѣ былъ Бисмаркъ; онъ понималъ, что отрицательный отвѣтъ на требованіе Австріи будетъ послѣднимъ ударомъ для Рехберга, съ преемникомъ котораго гораздо труднѣе будетъ найти *modus vivendi*. Между Рехбергомъ и Бисмаркомъ завязалась частная переписка; первый апеллировалъ и къ дружбѣ, и къ разсудительности послѣдняго, убѣждая его предупредить отказъ, отъ котораго недалеко и до разрыва. Бисмаркъ, находившійся тогда въ Біаррицѣ, два раза телеграфировалъ королю, совѣтуя ему исполнить желаніе Австріи, и послалъ въ Берлинъ подробный докладъ, составленный въ томъ же смыслѣ; но вліяніе Бисмарка не было еще такъ безгранично, какъ впоследствии времени, и король склонился на сторону другихъ министровъ. Неуступчивость Пруссіи, какъ и слѣдовало ожидать, была поставлена въ вину главному виновнику австро-прусскаго союза. Рехбергъ, прижатый къ стѣнѣ, подалъ въ отставку; мѣсто его занялъ графъ Мендорфъ. Нельзя

сказать, чтобы новый министр был систематическим врагомъ Пруссіи, — но онъ ничѣмъ не былъ связанъ съ Бисмаркомъ, и тѣмъ легче подпалъ подъ вліяніе своихъ товарищей, поклонниковъ и продолжателей Шварценберговской политики — безъ талантовъ Шварценберга и при существенно измѣнившихся обстоятельствахъ. Вспоминая много лѣтъ спустя объ этомъ эпизодѣ, Бисмаркъ выразился такъ: „большою ошибкой было отклонить предложеніе Австріи и тѣмъ самымъ вынудить отставку Рехберга; онъ сдѣлалъ бы все возможное, чтобы предупредить войну. Правда, война, рано или поздно, была неизбежна, и, можетъ быть, мы должны считать себя счастливыми, что она вспыхнула именно тогда, при условіяхъ сравнительно благоприятныхъ“.

Осторожнымъ, чуждымъ вызывающаго характера образъ дѣйствій Бисмарка былъ не только въ случаѣ, нами приведенномъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, истекшихъ между окончаніемъ датской войны и началомъ войны австро-прусской, онъ нѣсколько разъ избѣгалъ рѣшительнаго разрыва съ Австріей. Въ возможность миролюбиваго разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ онъ плохо вѣрилъ, — но все-таки хотѣлъ отдалить столкновеніе, устранивъ ближайшія его причины. Присоединеніе герцогствъ къ Пруссіи казалось ему логическимъ послѣдствіемъ завоеванія, но онъ готовъ былъ предоставить ихъ герцогу Аугустенбургскому, лишь бы только за Пруссіей признано было военное главенство надъ новымъ государствомъ. Всякій разъ, когда представлялся какой-нибудь, хотя бы и мало надежный, способъ соглашенія, за него высказывался Бисмаркъ, даже наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій. Въ маѣ 1865 г., когда враждебное настроеніе Австріи не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію, когда Мольтке, въ совѣтѣ министровъ, доказывалъ возможность успѣшной войны противъ Австріи, Бисмаркъ воздерживается отъ давленія на колеблющагося короля и не присоединяется къ мнѣнію министровъ, рекомендующихъ немедленное присоединеніе герцогствъ. Въ августѣ того же года, имѣя въ рукахъ мнѣніе военнаго министра о полной боевой готовности арміи, Бисмаркъ подписываетъ гаштейнскій договоръ, отдаляющій развязку на неопредѣленное время. Въ апрѣлѣ 1866 г. онъ соглашается на посредничество Баваріи, въ маѣ выражаетъ готовность принять примирительныя предложенія барона Габленца, рѣзко отклоняемыя австрійскимъ императоромъ. Умѣренность не измѣняетъ Бисмарку и въ проектѣ союзной реформы, составленномъ весною 1866 года. Пруссіи не предназначается здѣсь господствующаго положенія надъ всею Германіей; прусскому королю предоставляется командованіе сѣверо-германскими войсками, но

во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ признается равнымъ съ остальными нѣмецкими государями. Непреклонность въ стремленіи къ цѣли, эластичность и разносторонность въ выборѣ средствъ—вотъ, по словамъ Зибеля, отличительныя черты политики Бисмарка. Онъ не отказывается отъ однажды принятаго рѣшенія, но умѣетъ останавливаться, ждать, измѣнять курсъ и скорость движенія. Все это выступаетъ на видъ особенно ярко, если сравнить образъ дѣйствій Бисмарка съ политикой его соперниковъ — Наполеона III, Менсдорфа, Бейста, фонъ-деръ-Пфортена. Намъ кажется, однако, что Зибель не обращаетъ достаточнаго вниманія на слабую сторону своего героя. Не даромъ же планъ союзной реформы, предложенный Бисмаркомъ, возбудилъ—это признаетъ и Зибель—всеобщее удивленіе и недоувѣріе. Никто не хотѣлъ допустить, чтобы бывшій „юнверъ“ 1848 г., реакціонеръ по преимуществу, непримиримый противникъ прусскаго сейма, серьезно помышлялъ объ общегерманскомъ народномъ представительствѣ, построенномъ на всеобщей подачѣ голосовъ. Его считали ученикомъ Наполеона III; когда онъ говорилъ о расширеніи народныхъ правъ, въ этомъ видѣли только маневръ, направленный къ порабощенію народа. Въ Австріи, въ это самое время, конституція подвергалась нарушеніямъ еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ въ Пруссіи ¹⁾, но главнаго врага свободы либералы всѣхъ оттѣнковъ все-таки видѣли въ Бисмаркѣ, до такой степени онъ успѣлъ всѣхъ возстановить противъ себя своими тиранническими замашками въ герцогствахъ и у себя дома. Недоброжелательно и подозрительно отнеслись къ прусскому проекту и нѣмецкія правительства; въ особенности напугала и поразила ихъ мысль о всеобщей подачѣ голосовъ. Даже въ Карлсруэ, наиболѣе дружелюбномъ къ Берлину, никто не принялъ предложенія Бисмарка за чистую монету; всѣ спрашивали себя, каковъ ихъ настоящій, затаенный смыслъ. Незадолго передъ тѣмъ Баварія, въ лицѣ своего перваго министра, фонъ-деръ-Пфортена, готова была идти руку объ руку съ Пруссіей, вмѣстѣ съ нею стремиться къ союзной реформѣ; дальнѣйшее сближеніе обоихъ государствъ сдѣлалось невозможнымъ, какъ только въ Мюнхенѣ узнали, что Бисмаркъ стоитъ за всеобщую подачу голосовъ. Возстановляя противъ себя государей, Бисмаркъ не примирялъ съ собою народъ и шелъ на встрѣчу рѣшительной минутѣ, рассчитывая исключительно на военную силу Пруссіи, на союзъ съ Италіей, на вѣроятный (не болѣе) нейтралитетъ Франціи. Теперь,

¹⁾ Императорскимъ распоряженіемъ 20-го сентября 1865 г., состоявшимся по предложенію министерства Менсдорфа-Белькреди, дѣйствіе конституціи было на время совершенно приостановлено.

въ виду колоссальнаго успѣха смѣлой политики, поклонники ея слишкомъ расположены забывать ея неосторожность; но историкъ болѣе безпристрастный едва ли упустилъ изъ виду, что банкъ не перестаетъ быть азартной игрою, хотя бы счастливому игроку и удалось взять всѣ ставки. Матеріалы для такого заключенія можно найти у самого Зибеля.

Прусскія войска одержали, въ 1866 г., поразительный рядъ побѣдъ, почти не прерываемый неудачами; они одолѣли въ нѣсколько недѣль сильныхъ и многочисленныхъ враговъ, довели ихъ до невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Отсюда можетъ возникнуть мысль, что со стороны побѣдителей все было рассчитано и взвѣшено заранѣе; торжество кажется неизбѣжнымъ, неудача невысказанной. Прусскій главный штабъ является образцомъ всезнанія и предусмотрительности, прусскіе генералы — образцомъ разумнаго повиновенія, прусскіе солдаты — образцомъ выдержки и мужества; вся прусская армія, рассматриваемая какъ одно цѣлое, представляетъ собою механизмъ, дѣйствующій съ математическою точностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ живое существо, сознательно стремящееся къ ясно понятой и горячо желаемой цѣли. Кто располагаетъ такимъ несравненнымъ орудіемъ, тотъ, повидимому, ничѣмъ не рискуетъ; нѣтъ предпріятія, которое было бы для него опасно или непосильно. На самомъ дѣлѣ, однако, стоить только присмотрѣться поближе къ исторіи военныхъ дѣйствій, чтобы придти къ совершенно иному заключенію. Начнемъ съ шлезвигъ-голлштинской войны, какъ пролога къ кампаніи 1866 г. Когда союзныя войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Врангеля, перешли черезъ Эйдеръ и вступили въ предѣлы Шлезвига, имъ была дана инструкція, составленная — какъ и всѣ вообще инструкціи Мольтке — въ общихъ выраженіяхъ. Намѣчались только главныя черты кампаніи, главныя цѣли и возможные средства къ ихъ достиженію; подробности предоставлялись усмотрѣнію главнокомандующаго. Первою укрѣпленною позиціею датчанъ была такъ-называемая данневерская. Мольтке рекомендовалъ не штурмовать ее ни съ фронта, ни съ фланговъ, а обойти ее съ востока, перейдя черезъ Шлее ниже Миссунде. Врангель поступаетъ прямо наоборотъ: онъ предписываетъ принцу Фридриху-Карлу атаковать Миссунде. Австрійцы, въ то же самое время, подходятъ къ датскимъ укрѣпленіямъ съ фронта. И тамъ, и тутъ происходитъ совершенно напрасное кровопролитіе; обходное движеніе черезъ Шлее предпринимается слишкомъ поздно, когда датская армія уже очистила данневерскую позицію и безпрепятственно отступила къ Дюпелю. По словамъ самого Зибеля, удачное испол-

неніе мысли Мольте могло бы сразу сломить сопротивление датчанъ; вмѣсто того походъ затянулся на нѣсколько мѣсяцевъ и стоилъ союзникамъ не мало крови. Итакъ, приступая къ войнѣ 1866 г., прусское правительство не могло не знать, что составить хорошій планъ кампаніи еще далеко не все; нельзя быть увѣреннымъ не только въ томъ, что онъ не встрѣтитъ неожиданныхъ препятствій, но даже въ томъ, что онъ будетъ правильно понятъ и точно исполненъ. И дѣйствительно, роль Врангеля разыгралъ, на этотъ разъ, одинъ изъ лучшихъ прусскихъ генераловъ, Фогель-фонъ-Фалькенштейнъ. Ему вѣрено было командование надъ арміею, нѣсколько позже получившею названіе *майнской*. Составленная изъ трехъ дивизій, она должна была занять королевство ганноверское и курфиршество гессенъ-бассельское, а затѣмъ дѣйствовать противъ баварскихъ и другихъ южно-германскихъ войскъ. Ганноверская армія, собравшись въ Геттингенѣ, двигается на югъ, чтобы присоединиться къ баварцамъ. Мольте, предвидя это движеніе, предписываетъ Фалькенштейну, 19-го іюля, выслать одну дивизию къ Эйзенаху, на перерѣзъ ганноверцамъ; Фалькенштейнъ, замышляя идти прямо на Франкфуртъ, не исполняетъ предписанія. 21-го іюня новая телеграмма изъ главной квартиры, указывающая на Готу (часть ѣзды къ востоку отъ Эйзенаха), какъ на пунктъ, гдѣ можно и должно остановить ганноверцевъ; новое ослушаніе Фалькенштейна, продолжающееся даже тогда, когда, 23-го іюня, приходитъ формальный приказъ наступать къ Эйзенаху. Ничто не мѣшало, въ это время, королю Георгу пробиться на югъ мимо Готы или Эйзенаха, едва защищенныхъ незначительными прусскими отрядами; если онъ этого не сдѣлалъ, то ужъ, конечно, не благодаря распоряженіямъ Фалькенштейна. Только вечеромъ 25-го, вслѣдствіе новаго королевскаго приказа, часть арміи Фалькенштейна направляется на Готу. 26-го вечеромъ король телеграфируетъ Фалькенштейну, чтобы онъ со всѣми наличными силами шелъ на ганноверцевъ и во что бы то ни стало (*coûte que coûte*) принудилъ ихъ къ сдачѣ; Фалькенштейнъ, подъ влияніемъ ложной вѣсти о приближеніи баварцевъ, все-таки оставляетъ прусскій авангардъ безъ надлежащей поддержки (9.000 пруссаковъ противъ 18.000 ганноверцевъ). Прямымъ послѣдствіемъ этихъ упущеній является поражение пруссаковъ при Лангензальца (27-го іюня). Оно было заглажено, на другой же день, капитуляціей ганноверской арміи — но еслибы баварцы двинулись на сѣверъ рѣшительнѣе и быстрѣе, Фалькенштейнъ легко могъ бы очутиться между двухъ огней. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ опасностью, вызванною неповинове-

ніемъ генерала; но той же арміи Фалькенштейна угрожала, нѣсколько позже, опасность другого рода, которую нельзя было устранить предписаніями изъ Берлина. Въ распоряженіи Фалькенштейна было менѣе 50 тысячъ, а противъ него могли двинуться два корпуса союзной арміи: седьмой (баварскій), силою въ 45 тысячъ, и восьмой (сводный виртембергскій, баденскій, дармштадтскій), силою въ 35 тысячъ человекъ. Весь вопросъ заключался въ томъ, успѣютъ ли соединиться оба корпуса, или дадутъ пруссакамъ возможность разбить сначала одинъ, потомъ другой. Оба корпусные командира сознавали важность соединенія; каждый изъ нихъ предлагалъ для того свой планъ, но оба плана, по свидѣтельству Зибеля, были вполне осуществимы. Соглашеніе состоялось, было назначено и время, и мѣсто встрѣчи; положеніе пруссаковъ могло сдѣлаться критическимъ, тѣмъ болѣе, что Фалькенштейнъ потерялъ нѣсколько дней, отыскивая врага не тамъ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ находился. Внезапно командиръ восьмого корпуса получаетъ отъ союзнаго сейма предписаніе отступить, для защиты линіи Майна, между Ганау и Майнцемъ; баварцы остаются одни, пруссаки бьютъ ихъ при Киссингенѣ, отбрасываютъ на юго-востокъ и обращаются противъ восьмого корпуса, настигая и побѣждая отдѣльные его отряды при Лауфахѣ и Ашаффенбургѣ. Не говоримъ уже о томъ, что это послѣднее движеніе, предпринятое одною только дивизіей, самъ Зибель считаетъ „легкомысленнымъ“, удавшимся лишь случайно. Для насъ особенно важенъ тотъ несомнѣнный фактъ, что счастливый для Пруссіи исходъ майнской кампаніи зависѣлъ больше всего и прежде всего отъ непростительныхъ ошибокъ противника. Конечно, прусскіе стратеги и государственные люди рассчитывали, до известной степени, на *возможность* такихъ ошибокъ. Они знали изъ исторіи, какъ плохо дѣйствовали старыя „имперскія арміи“ (Reichsarmee), по образу и подобию которыхъ было создано германское „союзное“ войско (Bundesarmee); они имѣли поводъ предполагать, что „военный комитетъ“ франкфуртскаго сейма окажется чѣмъ-то въ родѣ знаменитаго вѣнскаго гоффригсрата—но все же это были только предположенія, догадки, которыхъ могла и не оправдать дѣйствительность. Союзныя войска успѣли явиться на мѣсто, союзные полководцы успѣли столковаться между собою насчетъ общаго плана дѣйствій; промолчи только союзный сеймъ и Фалькенштейнъ очутился бы лицомъ къ лицу съ противникомъ вдвое сильнѣйшимъ. Не очевидно ли, что въ основаніи прусскихъ военныхъ плановъ, насколько они касались западныхъ и южныхъ

наступленіе, причеиъ главная роль предназначалась резерву, подъ личнымъ начальствомъ Бенедека. Если принять во вниманіе, что во всѣхъ трехъ прусскихъ арміяхъ числилось не болѣе 221.000 человекъ, и что вторая армія, самая многочисленная (97.000), находилась, утромъ 3-го іюля, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ двухъ другихъ, то нельзя не признать, что планъ Бенедека имѣлъ много шансовъ успѣха. Не было, однако, недостатка и въ условіяхъ неблагопріятныхъ. Первое изъ нихъ заключалось въ томъ, что Бенедекъ, въ противоположность Мольте, никогда не знакомилъ своихъ подчиненныхъ съ общою своею мыслью, съ основаніями своихъ распоряженій. Корпусному командиру предписывалось занять ту или другую позицію, безъ объясненія его роли, безъ указанія цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться. Большинство генераловъ издавна не было расположено къ Бенедеку, какъ къ выскочкѣ между аристократами, протестанту между католиками. Неудачи послѣднихъ дней еще болѣе уменьшили довѣріе къ главнокомандующему; общее мнѣніе въ высшихъ слояхъ арміи склонялось въ пользу отступленія за Эльбу. Въ довершеніе бѣды, наканунѣ сраженія полученъ былъ изъ Вѣны приказъ о смѣнѣ начальника штаба, генерала Генкиштейна; преемникъ его едва успѣлъ вступить въ должность, такъ что во время битвы начальника штаба у австрійцевъ, въ сущности, не было вовсе.

Приказъ наступать былъ данъ прусской главной квартирой въ ночь на 3 іюля. Войска эльбской первой арміи, послѣ четырехчасового марша подъ проливнымъ дождемъ, по размытымъ дорогамъ, подошли къ Быстрицѣ въ шесть часовъ утра. Принцъ Фридрихъ-Карлъ, угадавъ, повидимому, мысль Бенедека, запретилъ дальнѣйшее приближеніе къ непріятельской позиціи; онъ сознавалъ всю трудность нападенія и хотѣлъ приступить къ нему не раньше, какъ убѣдясь въ близости кронпринца. Распоряженіе Фридриха-Карла было отмѣнено королемъ Вильгельмомъ; атака, около девяти часовъ утра, началась на всей линіи расположенія эльбской и первой армій. Переходъ черезъ Быстрицу совершился почти безпрепятственно. Близайшія селенія скоро были заняты пруссаками; но когда они выступили въ открытую равнину, лежащую у подножія холмовъ, ихъ встрѣтилъ страшный артиллерійскій огонь. Попытки взобраться на верхъ были тщетны; войскамъ приходилось стоять неподвижно, подъ дождемъ гранатъ. Особенно тяжелымъ было положеніе первой арміи; она ввела въ бой всю свою пѣхоту и все-таки не могла прорвать непріятельскую позицію. Здѣсь начинается рядъ случайностей, рѣшившихъ участь битвы. Командиры корпусовъ, выставленныхъ

Бенедекъ на правый флангъ, на случай появленія второй арміи, не знали съ точностью, для чего имъ отведено это мѣсто, и тяготились своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Сначала одинъ изъ нихъ (графъ Фестетичъ), потомъ другой (графъ Тунъ — никто не причинилъ Австріи, во время этого похода, столько зла, какъ титулованные ея генералы) рѣшаются, на собственный рискъ и страхъ, принять болѣе активное участіе въ сраженіи. Одна бригада за другою идетъ впередъ и наталкивается, въ лѣсу, на прусскую дивизію генерала Франсецаго. Пользуясь выгодами положенія, пруссаки упорно сопротивляются нападающимъ и вносятъ въ ихъ ряды трудно-поправимое разстройство. Напрасно Бенедекъ приказываетъ своимъ генераламъ возвратиться на свое мѣсто; они продолжаютъ игнорировать его распоряженія. Изъ 59 батальоновъ, предназначенныхъ Бенедекъ для встрѣчи кронпринца, на первоначальной позиціи остается только девять; остальные отклонились далеко влѣво, и многіе изъ нихъ такъ сильно потерпѣли отъ боя, что о введеніи ихъ въ строй не могло быть и рѣчи. Бенедекъ думаетъ одно время послать, на мѣсто самовольно удалившихся корпусовъ, одинъ корпусъ изъ резерва, но почему-то не исполняетъ этого намѣренія. Появляясь, въ первомъ часу пополудни, на полѣ битвы, передовые отряды второй арміи не встрѣчаютъ почти никакого сопротивленія и сразу доходятъ до центра непріятельской позиціи. Графъ Тунъ, довершая свою ошибку, поспѣшно отступаетъ за Эльбу. Одна изъ важнѣйшихъ вершинъ (у деревни Хлумъ) оказывается почти незащищенной; бригадный генералъ, командовавшій здѣсь войсками, не ожидалъ нападенія съ востока и расположилъ своихъ солдатъ на противоположномъ склонѣ холма. Прусская гвардія овладѣваетъ имъ почти безъ боя. Въ то же самое время эльбская армія начинаетъ обходить центръ Бенедека съ запада; первая армія возобновляетъ давно прерванное движеніе впередъ. Бенедекъ выводитъ въ бой резервы, но слишкомъ поздно. Полу часомъ раньше, по словамъ Зибеля, появленіе ихъ могло бы угрожать пруссакамъ серьезною опасностью; теперь нельзя уже задержать ихъ побѣдоносный натискъ, да и исполняется послѣднее нападеніе австрійцевъ безъ достаточной энергіи. Войска вводятся въ дѣло не массами, а батальонъ за батальономъ; цѣлыя части попадаютъ не туда, куда онѣ были предназначены. Въ шесть часовъ вечера вся австрійская армія въ безпорядкѣ отступаетъ къ Кениггрецу, потерявъ убитыми, ранеными и плѣнными почти пятую часть своего состава.

Такова, въ главныхъ чертахъ, картина Кениггрецкаго боя,

написанная поклонникомъ всего прусскаго. Не подлежить никакому сомнѣнiю, что исходъ его легко могъ бы быть совершенно другой. Предписанiе кронпринцу, своевременное полученiе и исполненiе котораго имѣло такую громадную важность, было послано изъ главной квартиры въ полночь, въ мрачную дождливую погоду. Повезъ его, за $4\frac{1}{2}$ миль (болѣе 30 верстъ), по незнакомой мѣстности, *одинъ* офицеръ, въ сопровожденiи *одного* верхового; вручено оно было кронпринцу въ пять часовъ утра. Что, еслибы посланный былъ задержанъ въ дорогѣ или сбился съ пути? Значительная часть армiи кронпринца стояла еще по ту сторону Эльбы; отъ поля сраженiя она была отдалена на 2—3 мили (14—20 верстъ). Что, еслибы она встрѣтила неожиданныя препятствiя во время своего форсированнаго марша? При точномъ исполненiи предписанiй Бенедека, вторая армiя натолкнулась бы на укрѣпленную позицію, защищенную двумя свѣжами корпусами; скоро ли она успѣла бы пробиться впередъ, и своевременной оказалась ли бы ей помощь, если даже теперь, несмотря на послушанiе Фестетича и Туна, она появилась на полѣ битвы въ самую послѣднюю, критическую минуту? Франсецкiй изнемогалъ въ неравномъ бою, остальные части первой армiи не могли двинуться ни на шагъ впередъ; какой-нибудь лишнiй часъ — и отступленiе пруссаковъ было неизбѣжно. Что, еслибы Бенедекъ исправилъ своевременно упущенiе Фестетича и Туна? Что, еслибы онъ вывелъ въ бой свои громадные резервы до приближенiя второй армiи или вслѣдъ за появленiемъ ея передовыхъ отрядовъ? Что, еслибы онъ воспользовался ошибкой короля Вильгельма, слишкомъ рано приступившаго къ атакѣ, воспользовался бы ею такъ, какъ пруссаки, до Кениггреца и при Кениггрецѣ пользовались каждой ошибкой австрiйцевъ? Достаточно было не только многихъ, но и одной изъ указанныхъ нами случайностей, чтобы побѣда пруссаковъ обратилась въ неудачу или даже въ рѣшительное пораженiе.

Когда Пруссiя побѣдила Австрiю, а вслѣдъ за тѣмъ и южно-германскихъ ея союзниковъ, дѣло, предпринятое Бисмаркомъ, было сдѣлано только на половину. Оставалось еще предупредить вмѣшательство Францiи, которое, въ данную минуту, могло лишить Пруссiю всѣхъ плодовъ побѣды. На Рейнѣ почти вовсе не было прусскихъ войскъ; французская армiя безпрепятственно могла бы проникнуть въ центръ Германiи и поднять упавшiй духъ австрiйцевъ, располагавшихъ еще значительными средствами сопротивленiя. Италiя, получивъ Венецiю, могла прекратить военныя дѣйствiя; побѣдоносная армiя эрцгерцога Альбрехта могла

присоединиться къ остаткамъ арміи Бенедекка и почти нетронутымъ войскамъ баварскимъ и южно-германскимъ. Мы не станемъ слѣдить за подробностями переговоровъ, путемъ которыхъ Бисмарку удалось предотвратить всѣ эти опасности. Его государственный умъ никогда, быть можетъ, не высказывался съ большимъ блескомъ и большею силой. Ему нужно было не только усыплять, успокаивать Наполеона III, возбуждаемаго противъ Пруссіи и общественнымъ мнѣніемъ, и императрицей Евгеніей, и австрійскимъ министромъ Друенъ-де-Люисомъ; ему нужно было еще сдерживать всѣхъ тѣхъ, кого ослѣпляло и опьяняло быстрое, полное торжество прусскаго оружія. Онъ сумѣлъ соединить твердость съ умѣренностью и достигнуть многого, не гоняясь за слишкомъ многимъ. Ошибочно было бы думать, однако, что успѣхъ этой политики былъ предрѣшенъ заранѣе. Она много разъ висѣла на волоскѣ, не оборвавшаяся только благодаря особому сочетанію благоприятныхъ условій.

Отклоняя въ концѣ іюля 1866 г. мысль о европейскомъ конгрессѣ какъ послѣдней инстанціи въ спорѣ между воюющими сторонами, Бисмаркъ выразился такъ: предпринимая войну, прусское правительство рисковало своимъ существованіемъ; отказаться отъ плодовъ побѣды значило бы вызвать революцію въ Германіи и Пруссіи. Эти слова какъ нельзя болѣе знаменательны; мы видимъ въ нихъ лучшее подтвержденіе нашей основной мысли. Рискъ, которому подвергалась Пруссія, былъ самъ по себѣ чрезвычайно великъ, но его увеличивала еще больше внутренняя политика Бисмарка, предшествовавшая войнѣ. Неудача угрожала опасностью не только министерству, въ продолженіе четырехъ лѣтъ шедшему въ разрѣзъ съ единодушными желаніями народа—она грозила самой коронѣ, отъ имени и подъ покровомъ которой дѣйствовало министерство. Смѣлый игрокъ ставилъ на карту рѣшительно все, а проигрышъ, какъ мы уже знаемъ, былъ отнюдь не менѣе вѣроятенъ, чѣмъ выигрышъ. Войско, изъ-за реформы котораго вспыхнулъ конфликтъ между парламентомъ и короной, было единственной надеждой, единственной опорой власти; еслибы оно не оправдало ея ожиданій, все рухнуло бы вмѣстѣ съ нимъ, въ одной общей катастрофѣ. Расчетъ на ошибки противника—расчетъ самый паткій, самый невѣрный; а между тѣмъ онъ, очевидно, игралъ столь же важную роль въ планахъ Бисмарка, какъ и въ комбинаціяхъ Мольтке. Намъ кажется, поэтому, что истинно великимъ образъ дѣйствій Бисмарка въ 1866 г. назвать нельзя. Другое дѣло, еслибы онъ, прежде чѣмъ бросить перчатку Австріи и союзному сейму, примирился съ народнымъ предста-

вительствомъ въ Пруссіи, съ общественнымъ мнѣніемъ въ Германіи. Наканунѣ войны прусская палата депутатовъ едва ли потребовала бы сокращенія арміи и уменьшенія военнаго бюджета, еслибы правительство признало—какъ это было сдѣлано имъ послѣ заключенія мира—фактъ нарушенія конституціи и общало не повторять его на будущее время. Проектъ союзной реформы, представленный франкфуртскому сейму *послѣ* окончанія внутренней распри, былъ бы встрѣченъ совершенно иначе; ему повѣрилъ бы народъ, его не рѣшились бы безусловно отвергнуть южно-германскія правительства. Война 1866 г., братоубійственный характеръ которой едва ли подлежитъ сомнѣнію, могла бы не состояться вовсе или принять болѣе ограниченные размѣры. Можно удивляться искусству, съ которымъ она была подготовлена и ведена, съ которымъ были эксплуатированы ея результаты, но это не мѣшаетъ признать, что она могла погрузить Пруссію въ бездну бѣдствій. Кто рискуетъ, безъ крайней, абсолютной надобности, „существованіемъ“ государства, тотъ едва ли имѣетъ право на безусловно-оправдательный приговоръ исторіи, хотя бы рискъ и увѣнчался полнѣйшимъ успѣхомъ.

Полнаго сочувствія заслуживаетъ образъ дѣйствій Бисмарка по окончаніи войны, когда возникъ вопросъ о способѣ прекращенія конфликта между правительствомъ и палатой депутатовъ. 3-го іюля, когда еще не былъ извѣстенъ исходъ сраженія при Кениггрецѣ, во всей Пруссіи происходили новые выборы, окончившіеся сравнительной побѣдой министерства. Еще недавно располагавшее въ палатѣ депутатовъ только *одиннадцатью* сторонниками, оно могло рассчитывать теперь почти на половину голосовъ. Въ крайнемъ случаѣ оно могло распустить палату, въ томъ предположеніи, что послѣ Кениггреца и побѣдъ майнской арміи, послѣ нибольбургскаго перемирія и дипломатическаго торжества надъ Франціей, избиратели окажутся еще болѣе далекими отъ оппозиціонныхъ стремленій. Не такъ посмотрѣлъ на дѣло Бисмаркъ. Когда министръ финансовъ, фонъ-дербъ-Гейдтъ, вышедшій изъ министерства въ самый моментъ окончательнаго разрыва съ палатой и возвратившійся въ его среду лишь наканунѣ войны исключительно съ цѣлью найти необходимыя для нея средства, заговорилъ въ первый разъ (въ половинѣ іюля) о примиреніи съ палатой, Бисмаркъ тотчасъ же сталъ на его сторону. Онъ уполномочилъ Гейдта предложить совѣту министровъ, чтобы въ проектъ тронной рѣчи, которою король долженъ былъ открыть сессію сейма, включено было обращеніе къ палатѣ депутатовъ, призывающее ее дать министерству такъ-называемую

Indemnität, т.-е. сложить съ него отвѣтственность за безбюджетное управленіе. Всѣ министры, кромѣ барона Вертера (исполнявшаго, за отсутствіемъ Бисмарка, обязанности министра иностранныхъ дѣлъ), горячо высказались противъ этого предложенія. Они нашли, что просить объ Indemnität—значить признать свою виновность, осудить свой собственный образъ дѣйствій. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ, иронически поздравилъ Вертера съ переходомъ въ ряды прогрессистовъ. Докладъ министерства, составленный въ смыслѣ рѣшительно враждебномъ примиренію, произвелъ сильное впечатлѣніе на короля. Бисмарку стоило большого труда убѣдить его въ томъ, что достоинство правительства ни мало не потерпитъ отъ примирительной политики. Рѣшено было, наконецъ, включить въ тронную рѣчь предложеніе фонъ-деръ-Гейдта, но противодѣйствіе министерства продолжалось и послѣ королевской резолюціи, а вмѣстѣ съ нимъ возобновились и колебанія Вильгельма. Пришлось отложить открытіе сейма и начать сызнова процессъ переубѣжденія короля. Когда онъ, послѣ долгихъ усилій, привелъ къ желанной цѣли и министерству запрещены были всякія дальнѣйшія возраженія, Бисмаркъ воскликнулъ въ письмѣ къ женѣ: „съ врагами справиться не трудно, но друзья, друзья! Они почти всѣ уперлись въ одну точку и не хотятъ видѣть ничего другого!“.. Тронная рѣчь короля, полагавшая конецъ продолжительной и тяжелой борьбѣ, была встрѣчена съ восторгомъ; освобожденіе министерства отъ отвѣтственности было утверждено палатой большинствомъ 230 голосовъ противъ 75.

Роль Италіи въ войнѣ 1866 г. выставляется обыкновенно въ самомъ печальномъ видѣ; побѣда австрійцевъ при Кустоцѣ признается большой заслугой эрцгерцога Альбрехта, возводи-маго изъ-за нея на степень замѣчательнаго полководца. Прочитавъ Зибеля, нельзя не придти къ совершенно другому впечатлѣнію. Жалкимъ является не итальянское войско, а только его главнокомандующій, Ла-Мармора. Непредусмотрительность этого генерала граничить съ тупоуміемъ, его растерянность во время сраженія—съ трусостью. Наканунѣ битвы итальянскій главнокомандующій располагалъ 140.000 солдатъ, австрійскій — 82.000; но значительно большая часть итальянской арміи вовсе не была введена въ дѣло, и вся тяжесть нападенія австрійцевъ обрушилась на пять дивизій, въ которыхъ числилось не болѣе 60.000 человекъ. Въ полдень, когда въ сраженіи, до тѣхъ поръ шедшемъ благоприятно для австрійцевъ, наступилъ небольшой перерывъ, у эрцгерцога Альбрехта было въ резервѣ только двѣ

бригады; у итальянцевъ было три нетронутыхъ дивизіи на полѣ битвы, и еще двѣ — на разстояніи 7 — 14 верстѣ. Многие итальянскіе генералы, въ томъ числѣ наследный принцъ (теперешній король Гумбертъ), понимали какъ нельзя лучше возможность выиграть сраженіе, но ничего не могли сдѣлать безъ разрѣшенія главнокомандующаго, а его нигдѣ не могли найти; онъ ускакалъ за нѣсколько миль и предался отчаянію, плакалъ, говорилъ о самоубійствѣ. Трудно ли было австрійцамъ, при такихъ условіяхъ, одержать побѣду и велика ли, въ сущности, слава, подобающая ихъ полководцу? Если бы мѣсто Ла-Мармору, вечеромъ 24-го іюня занялъ другой генералъ, болѣе похожій на прусскихъ военачальниковъ, торжество эрцгерцога на слѣдующій же день могло обратиться въ полное пораженіе.

Закончимъ нашу замѣтку нѣсколькими курьезными фактами и „крылатыми словами“ (geflügelte Worte), характеристичными для Бисмарка. Когда, во время датской кампаніи, фельдмаршалу Врангелю былъ посланъ изъ Берлина вызванный политическими соображеніями приказъ (нѣсколько времени спустя отмѣненный) не переходить границу Ютландіи, раздраженный старикъ телеграфировалъ королю, что дипломаты, вмѣшивающіеся въ военныя операціи, заслуживаютъ висѣлицы. Бисмаркъ, узнавъ о содержаніи этой телеграммы, отомстил Врангелю, послѣ возвращенія его въ Берлинъ, тѣмъ, что какъ бы не замѣчалъ его присутствія. Случай свелъ ихъ однажды за королевскимъ столомъ. „Сынъ мой, — спросилъ Врангель, тяготясь гнѣвомъ всемогущаго министра, — развѣ ты не можешь забыть прошедшее?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ Бисмаркъ. — „Сынъ мой, — продолжалъ Врангель послѣ короткой паузы, — а простить ты можешь?“ — „Отъ всего сердца“, сказалъ Бисмаркъ, и они опять стали друзьями... Когда австрійскій посолъ въ Берлинѣ сообщилъ Бисмарку, въ мартѣ 1865 г., одно изъ первыхъ австрійскихъ рѣшеній, предвѣщавшихъ разрывъ союза съ Пруссіей, Бисмаркъ отвѣчалъ ему: „мы стоимъ на перекресткѣ, отъ котораго наши пути идутъ въ разныя стороны; наши билеты выданы намъ различными желѣзнодорожными линіями, и мы не можемъ сѣсть въ купе, которое вы раздѣляете съ другими пассажирами“ (средними германскими государствами)... Въ мартѣ 1866 г., когда уже чувствовалась въ воздухѣ близость войны, Бисмаркъ обѣдалъ у саксонскаго посланника въ Берлинѣ. Жена посланника, графиня Гогенталь, имѣла наивность спросить сидѣвшаго возлѣ нея министра: „правда ли, что вы хотите воевать съ Австріей и завоевать Саксонію?“ — „Совершенная правда“, — отвѣчалъ Бисмаркъ, — я ни о чемъ другомъ не думаю, съ тѣхъ поръ,

какъ я министр; наши пушки уже отлиты, и вы увидите, насколько онѣ лучше австрійскихъ“. — „Ужасно! — воскликнула графиня: — но дайте мнѣ дружескій совѣтъ, разъ что вы расположены къ откровенности: у меня два имѣнія, одно въ Богеміи, другое — около Лейпцига; куда мнѣ укрыться въ случаѣ войны?“ — „Повѣрьте мнѣ, — сказалъ Бисмаркъ: — не ѣздите въ Богемію; мы именно тамъ разобьемъ австрійцевъ: вы могли бы подвергнуться тамъ страшнымъ привключеніямъ. Поѣзжайте въ Саксонію; у Лейпцига не произойдетъ никакихъ военныхъ дѣйствій“. Этотъ обѣденный разговоръ сдѣлался предметомъ серьезной дипломатической переписки: Бейстъ (саксонскій первый министр) послѣшилъ сообщить его содержаніе австрійскому правительству. Событія, впрочемъ, не замедлили оправдать шутливыя слова Бисмарга.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРѢ

СОНЕТЪ.

Мѣняя цвѣтъ и блескъ, всегда ты безмятежно
Къ подножьямъ горъ несешь прозрачныя струи—
И даже гнѣвъ грозы ты отражаешь нѣжно,
Какъ сердце чистое—страданія свои.
Въ тебя закатъ влюбленъ и полдню ты желанно:
Они твою лазурь лелѣютъ неустанно,
И солнце, кончивъ путь на небѣ голубомъ,
Покоится въ тебѣ пылающимъ столбомъ.

Ты людямъ дорого: здѣсь колыбель свободы,
Здѣсь пѣсней Байрона тюрьма освящена.
На берегахъ твоихъ братаются народы,
И въ первый разъ войнѣ объявлена война.

Всѣмъ чувствомъ говоря про миръ благословенный,
Ты—нашихъ бурныхъ дней Генисаретъ священный!

Н. Минскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1890 г.

Предстоящій пересмотръ городского положенія 1870 г. — Картина городского управленія въ двухъ городахъ юго-восточной Россіи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. — Последнія назначенія по мѣстному управленію. — Письмо земскаго начальника и корреспонденція о земскомъ начальникѣ. — Газетные слухи и толки.

Къ числу важныхъ задачъ, подлежащихъ разрѣшенію предстоящей законодательной сессіи, принадлежитъ — какъ то сообщалось въ газетахъ — переустройство городского самоуправленія. По этому поводу намъ припоминается подробное изслѣдованіе двухъ городовъ, произведенное во время одной изъ сенаторскихъ ревизій самаго начала 80-хъ годовъ, и ея результаты. Съ тѣхъ поръ хотя и прошло почти десять лѣтъ, но не измѣнился ни въ чемъ существенномъ ни самый текстъ городского положенія, ни способъ примѣненія его на практикѣ. Газетныя корреспонденціи и другія свѣденія, относящіяся къ разнымъ концамъ Россіи, постоянно указываютъ на существованіе явленій, аналогичныхъ съ тѣми, на которыхъ мы хотимъ остановиться, — и это не можетъ быть иначе, потому что они коренятся въ самыхъ основаніяхъ дѣйствующей избирательной системы.

Города, о которыхъ будетъ идти рѣчь, находятся въ одной изъ юго-восточныхъ губерній европейской Россіи. Въ одномъ изъ нихъ, который означимъ буквою N, было, въ 1880 г., около 15.000, въ другомъ, NN — болѣе 30.000 жителей. Они оба расположены на берегу большой рѣки и ведутъ обширную хлѣбную торговлю; оба владѣютъ крупными земельными участками, въ обоихъ значительная часть населенія занимается хлѣбопашествомъ и садоводствомъ. Въ городѣ N дума состоитъ изъ шестидесяти-шести гласныхъ; каждый разрядъ избирателей ¹⁾ выбираетъ, слѣдовательно, по 22 гласныхъ. Въ пер-

¹⁾ На основаніи дѣйствующаго городского положенія, избиратели дѣлятся на три разряда. Къ первому причисляются тѣ, которые, внося вѣсшіе размѣры сборовъ, упла-

вомъ разрядѣ числилось, въ 1880 г., *двадцать* избирателей, платившихъ отъ 226 до 76 рублей; во второмъ разрядѣ—девяносто избирателей, платившихъ отъ 74 до 21½ рублей; въ третьемъ разрядѣ—1.266 избирателей, платившихъ отъ 21 рубля до 4 копѣекъ. На выборы 1880 г. явилось, по первому разряду, *семнадцать* избирателей (85%), по второму—*двадцать три* (25½%), по третьему, въ первый день выборов—42 (3½%), на второй день—60 (5%). Въ городѣ NN, выбирающемъ всего 72 гласныхъ, т.-е. по 24 отъ каждаго разряда, избирателей перваго разряда числилось 41, второго—161, третьяго—2.639 (съ низшимъ платежемъ въ 25 копѣекъ). Изъ нихъ явилось на выборы: по первому разряду—27 (66%), по второму—34 (21%), по третьему—95 (менѣ 4%). И тамъ, и здѣсь бросаются въ глаза однѣ и тѣ же выдающіяся черты: поразительная несоразмѣрность между числомъ избирателей перваго разряда и числомъ избираемыхъ ими гласныхъ, и не менѣ поразительный абсентеизмъ избирателей третьяго разряда. Въ городѣ N. избирателей перваго разряда оказывается *меньше*, чѣмъ избираемыхъ; въ городѣ NN. *двадцать четыре* лица избираются *двадцатью семью*. Сознывая свою силу, избиратели перваго разряда являются на выборы весьма исправно; сознавая свое безсиліе, масса избирателей третьяго разряда уклоняется отъ всякаго участія въ выборахъ.

Посмотримъ теперь, *кого* выбираютъ небольшія горсти избирателей. Въ думѣ города N. засѣдали, въ 1880-81 г., двадцать-семь купцовъ, тридцать-два мѣщанина и двое крестьянъ (крестьянъ только по имени). Изъ остальныхъ пяти гласныхъ четверо числились чиновниками, одинъ провизоромъ, но, въ сущности, они всѣ состояли въ ближайшихъ отношеніяхъ къ городскому управленію. Одинъ изъ чиновниковъ былъ городскимъ головой, другой—секретаремъ городской думы и городской управы, третій—бухгалтеромъ городского общественнаго банка, четвертый—повѣреннымъ по городскимъ дѣламъ; провизоръ занималъ мѣсто товарища директора городского общественнаго банка. *Сорокъ девять* гласныхъ занимались торговлей, *девять*—хлѣбопашествомъ. Въ городѣ NN. между семьюдесятью-двумя гласными торговцевъ и заводчиковъ было 56, т.-е. болѣе трехъ четвертей. Представителей интеллигенціи, не связанныхъ непосредственно съ городскимъ управленіемъ, здѣсь было нѣсколько больше; къ числу гласныхъ принадлежали предсѣдатель уѣздной земской управы, двое мировыхъ судей, секретарь и судебный приставъ мирового съѣзда, между тѣмъ какъ въ городѣ N. были забаллотированы, на послѣднихъ вы-
 чиваютъ всѣ вмѣстѣ одну треть всѣхъ сборовъ, платимыхъ избирателями; ко второму—слѣдующіе по размѣру платежа, уплачивающіе всѣ вмѣстѣ другую треть сборовъ; къ третьему—всѣ остальные избиратели.

борахъ въ городскіе гласные, оба городскіе мировые судьи и уѣздный предводитель дворянства. Гласныхъ изъ среды ремесленниковъ въ N. не было ни одного; въ NN. ихъ было четверо. И тамъ, и тутъ было не мало семействъ, имѣвшихъ въ думѣ по нѣскольку представителей. Въ городѣ N. въ спискѣ гласныхъ двѣ фамиліи встрѣчались по три раза, девять фамилій—по два раза. Въ городѣ NN. такихъ привилегированныхъ фамилій также было одиннадцать: въ одной принадлежали трое, въ десяти—по два гласныхъ.

Въ городѣ N. рѣшающимъ вліяніемъ пользовался, въ 1880-81 г., городской голова, занимавшій эту должность еще при прежнемъ городскомъ устройствѣ и съ тѣхъ поръ постоянно сохранявшій ее за собою. Человѣкъ довольно образованный, весьма достаточный и способный, онъ былъ силенъ, сверхъ того, родственными связями съ мѣстной купеческой аристократіей. Членами управы состояли, также почти безсмѣнно, люди, далеко во всѣхъ отношеніяхъ уступавшіе городскому головѣ и являвшіеся усердными исполнителями его указаній. Съ службою въ управѣ они соединяли обязанности членовъ торговой депутации и раскладочной комиссіи, а двое изъ нихъ составляли, вмѣстѣ съ городскимъ головой, сиротскій судъ. Въ пользу такого соединенія приводились экономическія соображенія; особое вознагражденіе члены городской управы получали только въ качествѣ членовъ торговой депутации. Едва ли, однако, этимъ уравнивались неудобства, сопряженныя съ сосредоточеніемъ, въ немногихъ рукахъ, самыхъ различныхъ источниковъ вліянія и власти. Въ городѣ NN. должность городского головы переходила довольно быстро отъ одного лица къ другому, и господствующаго положенія ни одинъ голова не занималъ; члены управы часто избирались, однако, по указанію городского головы. Съ измѣненіемъ головы характеръ управленія измѣнялся весьма мало, потому что оно оставалось въ рукахъ богатаго купечества.

Посѣщались засѣданія думъ въ городѣ N. весьма слабо; въ городѣ NN. нѣсколько лучше. Изъ 16 засѣданій N—ской думы, назначенныхъ въ 1880 г., не состоялось, вслѣдствіе неприбытія законнаго числа гласныхъ (т.-е. двадцати двухъ), три. Больше половины гласныхъ было на-лицо только въ трехъ засѣданіяхъ изъ тринадцати; почти въ полномъ составѣ дума собралась только одинъ разъ, когда предстояло избрать городского голову и членовъ управы. Въ городѣ NN. несостоявшихся засѣданій, въ томъ же 1880 г., не было вовсе, но число присутствующихъ часто не превышало половины общаго числа гласныхъ.

Когда въ городѣ N. было введено, въ 1872 г., городское положеніе 1870 г., городскіе доходы и расходы не превышали 20 тысячъ въ годъ. Въ первой статьѣ, составленной новымъ городскимъ управ-

леніемъ, доходы и расходы были доведены до 33 тысячъ рублей. Къ 1878 г. доходы города достигли 79 тысячъ; затѣмъ, вслѣдствіе ряда неурожайныхъ годовъ, они стали понижаться. По смѣтѣ на 1881 г. они были исчислены въ 57 тысячъ, но ожидалось, въ сущности, еще меньше, вслѣдствіе чего цифра расходовъ была ограничена 45 тысячами. Главные источники доходовъ были слѣдующіе: оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ, опредѣленный въ $\frac{1}{4}$ коп. съ рубля оцѣночной суммы и составлявшій 1.300 рублей; доходъ съ принадлежащей городу пахатной земли—болѣе $5\frac{1}{2}$ тысячъ; съ городскихъ сѣнокосовъ—почти $10\frac{1}{2}$ тысячъ; съ городского лѣсу—болѣе $3\frac{1}{2}$ тысячъ; съ разведенныхъ на городской землѣ садовъ—около 2 тысячъ; съ мѣстъ, отданныхъ подъ заводы, мельницы, каменные лавки, хлѣбные амбары и подъ мелочную торговлю—около 7 тысячъ; съ армарочныхъ мѣстъ и лавокъ—болѣе 2 тысячъ; съ трактирныхъ заведеній—почти 5 тысячъ рублей. Крайне медленно росли сборы, упадающіе на болѣе зажиточную часть населенія. Сборъ за мѣста, отведенныя подъ заводы, мельницы, хлѣбные амбары, каменные лавки, увеличился, въ продолженіе восьми лѣтъ, только на $\frac{1}{5}$ (съ 4.433 до 4.979 рублей), между тѣмъ какъ сборъ съ мѣстъ, отдаваемыхъ подъ мелочную торговлю, увеличился слишкомъ вшестеро (съ 304 до 1.982 рублей). Сборъ за калачные столы, въ 1873 г. составлявшій только 68 рублей, простирался, въ 1881 г., до 707 рублей. Садоводство—одинъ изъ любимыхъ промысловъ мѣстнаго богатаго купчества; изъ числа 22 гласныхъ, выбранныхъ по первому разряду, садоводствомъ занимались пятнадцать, и между ними городской голова, членъ городской управы, директоръ городского общественнаго банка, одинъ изъ его товарищей. Въ рукахъ купцовъ находилась значительная часть лучшихъ, наиболѣе обильныхъ водою городскихъ и пригородныхъ садовъ. Отсюда неподвижность невысоаго, сравнительно, сбора съ садовъ, разведенныхъ на городской землѣ, и одинаковость ихъ обложенія, несмотря на весьма различную производительность ихъ и доходность. Съ лучшихъ садовъ взимался такой же точно подесятинный сборъ (по 1 р. 80 коп. съ десятины), какъ и съ тѣхъ, которые наиболѣе подвержены засухѣ. За восемь лѣтъ общая цифра этого сбора возросла только на $\frac{1}{20}$ (съ 1.877 до 1.988 рублей), хотя большинствомъ садовъ, разведенныхъ на городской землѣ (805 изъ 1.024), владѣльцы пользовались безъ контрактовъ, и возвышеніе сбора зависѣло здѣсь вполне отъ усмотрѣнія думы.

Городу N. принадлежитъ болѣе 15 тысячъ десятинъ земли; изъ нихъ подъ пашней состояло, въ 1880 г., 3.790 десятинъ, подъ сѣнокосомъ—1.330 десятинъ. Пахатная земля раздѣлялась на 420 участковъ, сданныхъ въ арендное содержаніе ста десяти лицамъ, срокомъ

на двѣнадцать лѣтъ. Величина участковъ простиралась отъ 4 до 15 десятинъ, равняясь, въ среднемъ, 9 десятинамъ. Больше одной трети всей пахатной земли (162 участка, размѣромъ въ 1.557 десятинъ) находилось въ рукахъ *тринадцати* лицъ; бывшихъ въ моментъ заключенія контрактовъ или впоследствии времени гласными городской думы. Пятеро изъ нихъ имѣли въ арендѣ менѣе чѣмъ по пяти участковъ каждый (отъ 12 до 32 десятинъ), двое—отъ пяти до десяти участковъ (41 и 83 десятины), четверо—отъ одиннадцати до пятнадцати (отъ 112 до 149 десятинъ); одно лицо владѣло *тридцатью двумя* участками (291 дес.), одно—*пятьюдесятью однимъ* (537 дес.). Пятнадцать лицъ, не принадлежавшихъ къ числу гласныхъ, имѣли въ арендномъ содержаніи больше чѣмъ по пяти участковъ; всего за ними числилось 116 участковъ, мѣрою въ 1.038 десятинъ. На долю мелкихъ арендаторовъ (не-гласныхъ) оставалось затѣмъ только 142 участка, мѣрою въ 1.195 десятинъ. Восемь лицъ имѣло по четыре участка, семь—по три, девятнадцать—по два, сорокъ семь—по одному; четыре участка состояло въ общемъ владѣніи трехъ лицъ. Всѣ эти цифры получаютъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что хлѣбопашество—единственное или главное занятіе весьма многихъ мѣстныхъ мѣщанъ. Еслибы было принято за правило сдавать въ однѣ руки не болѣе одного участка, и притомъ только такимъ жителямъ города, которые сами, съ своими семьями, занимаются хлѣбопашествомъ, то вся городская пахатная земля перешла бы непосредственно къ тѣмъ, кто въ ней нуждался какъ въ средствѣ къ жизни. Наоборотъ, при той системѣ пользованія городской землей, которую мы только-что изложили, настоящіе хлѣбопашцы были вынуждены, болѣею частью, нанимать ее изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, съ большой для себя потерей и безъ всякой выгоды для города. Для крупныхъ арендаторовъ городская земля была только предметомъ спекуляціи; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно замѣтить, что одинъ изъ самыхъ крупныхъ сьемщиковъ, содержавшій въ арендѣ тридцать два участка, былъ, по профессіи, бакалейнымъ торговцемъ.

Городскіе сѣнокосы были раздѣлены на сто участковъ, изъ которыхъ одинъ находился въ бесплатномъ пользованіи городского духовенства, два—въ хозяйственномъ распоряженіи городской управы, для прокормленія пожарныхъ лошадей. Остальные 97 участковъ, величиною отъ 6¹/₂ до 24 десятинъ, ежегодно сдавались съ торговъ. Низшая арендная плата за участокъ была въ 1880 г. 10 руб. 2 коп., высшая—453 рубля, средняя—142 рубля. Всѣхъ лицъ, снимавшихъ участки, было, въ 1880 г., шестьдесятъ два. Одно изъ нихъ снимало восемь участковъ (104 десятины, съ арендной платой въ 619 рублей), одно—шесть, два—по четыре, четыре—по три, девять—по два,

остальные сорокъ пять—по одному. Гласныхъ думы между съемщиками было только семь, но въ ихъ рукахъ находилось восемь изъ числа лучшихъ участковъ (всего 104 десятины, съ арендной платой въ 2.214 рублей). Для бѣдныхъ жителей города, нуждающихся въ сѣнѣ для собственнаго небольшого хозяйства, снятіе сѣнокошныхъ участковъ непосредственно отъ города было почти невозможно. Снималась земля, болѣею частью, исключительно въ видахъ сдачи ея, мелкими долями, мѣщанамъ-хлѣбопашцамъ. Изъ числа гласныхъ, снимавшихъ обширные и цѣнные участки, одинъ былъ провизоромъ мѣстной аптеки, другой—повѣреннымъ содержателя питейныхъ заведеній; двое торговали желѣзомъ, одинъ—бакалейными товарами. Никто изъ нихъ, очевидно, не нуждался въ большомъ количествѣ сѣна для собственнаго своего хозяйства.

Крайне неблагоприятный для бѣдныхъ жителей города, занимающихся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, способъ пользованія городской пахатной и сѣнокошной землею ограждалъ, по крайней мѣрѣ, интересы городскихъ финансовъ (хотя и съ этой точки зрѣнія выгоднѣе было бы, быть можетъ, раздѣленіе сѣнокоса на болѣе мелкіе участки). Способъ пользованія городскимъ лѣсомъ не представлялъ даже и этого удобства. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ пользоваться назначеннымъ къ вырубкѣ лѣстнымъ участкомъ могли всѣ жители города, платя по рублю съ души; это приносило городу болѣе пяти тысячъ рублей. По вновь принятому порядку, очередной лѣсо-сѣвъ раздѣлялся на 106 участковъ, которые сдавались управой желающимъ, для вырубки, съ платою по 35 рублей за участокъ (всего—3.710 рублей). На томъ же основаніи производилась, разъ въ три года, вырубка хвороста на островѣ, лежащемъ противъ города. При такой системѣ сдачи произволь управы ничѣмъ не былъ ограниченъ, интересы города ничѣмъ не ограждены, интересы бѣднѣйшихъ классовъ населенія совершенно упущены изъ виду. Желающіе покупать городской лѣсъ по низкой цѣнѣ встрѣчались между богатѣйшими жителями города. Въ 1880 г. пятнадцать участковъ было куплено гласными думы, въ томъ числѣ городскимъ головой, директоромъ, товарищемъ директора и бухгалтеромъ городского банка, братомъ одного изъ членовъ городской управы и тѣмъ гласнымъ, который снималъ въ аренду пятьдесятъ одинъ участокъ городской пахатной земли.

Хозяйство города NN., въ области городскихъ доходовъ, далеко не во всемъ было похоже на то, что мы видѣли въ городѣ N. Цифра доходовъ простиралась въ NN., до введенія въ дѣйствіе городского положенія, до 64 тысячъ рублей; въ первой смѣтѣ, составленной новымъ городскимъ управленіемъ, она повысилась до 94 тысячъ, въ

1880 г. дошла до 137 тысячъ, а по смѣтѣ на 1881 г. была опредѣлена (подъ вліяніемъ тѣхъ же неблагоприятныхъ условий, которыя понизили доходъ города N.) въ 110 тысячъ рублей. Оцѣночный сборъ (по $\frac{2}{5}$ коп. съ рубля оцѣночной суммы) составлялъ, по предположеніямъ на 1881 г., шесть тысячъ, доходъ съ пахатной городской земли — почти $33\frac{1}{2}$ тысячи, съ городского сѣнокоса — болѣе 14 тысячъ, съ городского лѣсу — около $6\frac{1}{2}$ тысячъ, съ садовъ — болѣе $1\frac{1}{2}$ тысячи, съ мѣсть, отданныхъ подъ мельницы, заводы, лавки, парходныя пристани, склады лѣсу и дровъ — болѣе $14\frac{1}{2}$ тысячъ рублей. Пахатной земли за городомъ NN. числилось около 14 тысячъ десятинъ. Изъ нихъ около $6\frac{1}{2}$ тысячъ находилось, въ 1881 г., въ пользованіи такъ-называемыхъ хуторянъ, т. е. мѣщанъ, приписанныхъ къ городу, но живущихъ внѣ городской черты, цѣлыми деревенскими поселеніями, и ничѣмъ, въ сущности, не отличающихся отъ крестьянъ. Остальная городская пахатная земля раздѣлялась на двѣ части. Одна изъ нихъ, нѣсколько меньшая (съ небольшимъ 3.000 десятинъ), сдавалась въ пользованіе мѣщанамъ, съ платой по 2 руб. 33 коп. за десятину, съ тѣмъ, чтобы они распредѣляли ее между собою черезъ посредство особыхъ лицъ (сотенниковъ), избираемыхъ уполномоченными мѣщанскаго общества. Пользовались землею, на этомъ основаніи, всего триста три сѣмщика; величина cadaго участка была пропорціональна числу душъ, приписанныхъ къ семейству сѣмщика. Другая, большая, часть пахатной земли (свыше 4.000 десятинъ) сдавалась въ аренду по участкамъ, весьма различной величины. Въ самомъ большемъ изъ нихъ было 553 десятины, и арендная за него плата простиралась до 1.700 рублей въ годъ. Больше 1.500 рублей платилось за участокъ въ 306 десятинъ, больше 1.000 рублей — за участокъ въ 109 десятинъ. Въ остальныхъ 276 участкахъ числилось отъ двухъ десятинъ до пятидесяти семи; средняя величина участка была около $11\frac{1}{2}$ десятинъ, средняя арендная плата — около 32 руб. за участокъ или $2\frac{3}{4}$ руб. за десятину. Сѣнокосъ, котораго въ непосредственномъ распоряженіи города было около 4.350 десятинъ, также дѣлился на двѣ части. Одна, меньшая (около 1.100 десятинъ), была раздѣлена на 136 участковъ, величиною отъ 2 десятинъ до 18; они сдавались въ аренду по контрактамъ, съ платою отъ 6 до 72 рублей за участокъ (отъ 1 р. 15 к. до 5 руб. 85 коп. за десятину). Другая, большая, часть раздѣлялась на десять тысячъ паевъ, сдававшихся желающимъ безъ торговъ, по цѣнѣ, зависѣвшей отъ урожая травы и отъ спроса на сѣно. Такъ напримѣръ, въ 1879 г. плата за пай была установлена въ 2 рубля, но вскорѣ повышена до 2 руб. 50 к., а затѣмъ и до 3 рублей. Распредѣленіе паевъ, проданныхъ управой, производилось сотенниками, соразмѣрно числу душъ, составляющихъ

семью съемщика. У кого одна душа или двѣ, тому отводилось по $2\frac{1}{2}$ пая, у кого три или четыре души — по 5 паевъ; у кого пять, шесть или семь душъ — по $7\frac{1}{2}$ паевъ; семьи, въ которыхъ болѣе семи душъ, получали по 10 паевъ. Отъ этого порядка допускались иногда отступленія; такъ напримѣръ, въ 1879 г. управѣ разрѣшено было отдавать въ однѣ руки до двадцати паевъ.

Принадлежащій городу NN. лѣсъ, пространствомъ около 6.200 десятинъ, раздѣлялся на тридцать пять лѣсосѣковъ, изъ которыхъ ежегодно назначался къ вырубкѣ одинъ. Лѣсъ продавался или мелкими паями, или крупными участками. Та часть лѣса, которая предназначалась къ продажѣ мелкими паями, дѣлилась такъ-называемыми „осьмашниками“ (числомъ двѣнадцать, по выбору уполномоченныхъ мѣщанскаго общества) на три части, называемыя *осьмаками*, при чемъ опредѣлялось, какой осьмакъ долженъ считаться лучшимъ. Лучшій осьмакъ дѣлился на 34 части, называемыя *сотнями*, каждый изъ двухъ другихъ осьмаковъ—на 33 сотни. Каждая сотня разбивалась особымъ выборнымъ (сотенникомъ) на сто паевъ, которые распредѣлялись между съемщиками по жребію. Въ 1880 г. городская управа предложила думѣ выбрать между слѣдующими двумя способами пользованія назначеннымъ къ вырубкѣ лѣснымъ участкомъ: или раздѣлить весь участокъ (100 десятинъ) на десять тысячъ паевъ и продать каждый пай по 75 копѣекъ, или раздѣлить 50 десятинъ на десять тысячъ паевъ по 25 коп., а остальные 50 десятинъ продать съ торговъ по цѣнѣ не менѣе 100 рублей за десятину. Доходъ съ лѣса, такимъ образомъ, долженъ былъ составить въ обоихъ случаяхъ не менѣе 7.500 рублей. Дума выбрала первый изъ двухъ указанныхъ способовъ, но нѣсколько времени спустя постановила новое опредѣленіе, основанное на „снисхожденіи къ неимущимъ“. Этимъ опредѣленіемъ рѣшено было раздѣлить 50 десятинъ на 10 тысячъ паевъ по 25 коп., а другія 50 десятинъ—на 5 тысячъ паевъ по рублю, съ тѣмъ, что если не всѣ пай будутъ разобраны, то остальное количество лѣсу должно быть продано съ торговъ по цѣнѣ не менѣе 100 рублей за десятину.

Сравнивая способъ пользованія городской землею въ NN. съ способомъ пользованія ею въ N., нельзя не признать, что первый имѣлъ существенныя преимущества передъ послѣднимъ. Доступъ къ городской землѣ въ NN. былъ облегченъ гораздо больше, чѣмъ въ N. Раздѣленіе значительной части пахатной и сѣнокосной земли, а также предназначеннаго къ вырубкѣ лѣса, на мелкіе пай, распредѣляемые по душамъ, выборными отъ мѣщанскаго общества, представляло большія удобства именно для бѣднѣйшаго класса городского населенія. Въ городѣ N. городскимъ лѣсомъ могли пользоваться

только сто человѣкъ ежегодно, платя за него такую сумму (35 рублей), единовременный взносъ которой большинству не по силамъ; въ городѣ NN., еслибы даже на каждаго, съемщика пришлось по десяти паевъ, городскимъ лѣсомъ могли пользоваться 1.000 человѣкъ, за небольшую, сравнительно, плату. Нельзя сказать, однако, чтобы способъ пользованія городской землей, принятый въ NN., не оставлялъ желать ничего лучшаго. Часть городской земли эксплуатировалась и здѣсь по системѣ, господствовавшей въ N. Тысяча слишкомъ десятины пахатной земли приходилась на пять крупныхъ участковъ, изъ которыхъ самый большой былъ сданъ лицу, вовсе даже не принадлежавшему къ числу мѣстныхъ гражданъ. Другой участокъ находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ землей хуторянъ, для которыхъ весьма важно было бы присоединить его къ своему надѣлу; между тѣмъ управа сдала его въ аренду одному изъ своихъ членовъ, винокуренному заводчику и содержателю питейныхъ заведеній, вовсе не занимавшемуся сельскимъ хозяйствомъ. Изъ числа болѣе мелкихъ участковъ многіе, какъ и въ городѣ N., сосредоточивались въ однихъ рукахъ, очевидно—съ цѣлью сдачи по частямъ мѣщанамъ или крестьянамъ, лично занимающимся хлѣбопашествомъ или скотоводствомъ. Изъ 203 съемщиковъ мелкихъ участковъ пахатной земли только у ста пятидесяти семи было по одному участку; тридцать одно лицо снимало по два участка, десять—по три, четверо—по четыре, одно—девять участковъ. Изъ 83 съемщиковъ мелкихъ сѣнокосныхъ участковъ по одному участку имѣли только 56; восемнадцать лицъ снимали по два, четверо—по три участка, одно—четыре, одно—пять, одно—шесть, одно—восемь, одно—девять участковъ. Между съемщиками сѣнокосныхъ и пахатныхъ участковъ было пятнадцать гласныхъ городской думы. Одинъ изъ нихъ соединялъ въ своихъ рукахъ восемь сѣнокосныхъ участковъ и четыре пахатныхъ; другой пользовался девятью пахатными участками. Къ числу съемщиковъ принадлежали бывшій городской голова, членъ городской управы и директоръ городского общественнаго банка, хотя послѣдніе двое вовсе не занимались сельскимъ хозяйствомъ. Раздача пашни, сѣнокоса и лѣса по мелкимъ паямъ не обходилась безъ злоупотребленій. Участіе въ ней выборныхъ отъ мѣщанскаго общества не было, на самомъ дѣлѣ, такой серьезной гарантіей интересовъ большинства, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ выборѣ двадцати четырехъ уполномоченныхъ или депутатовъ, отъ которыхъ зависѣло, въ свою очередь, избраніе осьмашниковъ и сотенниковъ, участвовало, въ 1879 г., только 63 лица, т.-е. ничтожное меньшинство мѣщанскаго общества. Часть паявъ доставалась, вопреки принятому порядку, не мѣщанамъ, а дворянамъ и купцамъ; часть паявъ записы-

вдалась на имя мѣщанъ, вовсе не проживавшихъ въ городѣ, и передавалась, затѣмъ, лицамъ, не имѣвшимъ права на полученіе паевъ. Не всѣ сѣемщики сѣнокосныхъ паевъ собирали сѣно для собственнаго хозяйства; были и такіе, которые продавали траву въ постороннія руки, получая при этомъ почти вдвое противъ суммы, платимой городу. Мѣры, проектировавшіяся городской управой въ интересахъ мѣщанъ, сельскихъ хозяевъ, встрѣчали иногда противодѣйствіе со стороны думы. Такъ на примѣръ, въ 1874 г. управа предлагала установить разницу между мѣщанами-хлѣбопашцами и остальными, съ тѣмъ, чтобы первымъ дано было право получать въ однѣ руки до двадцати паевъ сѣнокоса, а послѣднимъ—только до десяти; но дума не согласилась на это и опредѣлила одинъ общій для всѣхъ шахиш въ десять паевъ. Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ условій, а также непринятіе со стороны управы достаточныхъ мѣръ къ оглашенію времени производства торговъ на болѣе крупные участки сѣнокосной и пахатной земли, приводило къ тому, что въ NN., хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ N., многіе недостаточные мѣщане, профессионально занимавшіеся хлѣбопашествомъ, не имѣли возможности снимать городскую землю непосредственно отъ города.

Неподвижностью или крайне медленнымъ ростомъ отличались въ NN., какъ и въ N., тѣ городскіе сборы, которые упадаютъ преимущественно на достаточные классы населенія—напр., сборы съ садовъ (отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за десятину), съ мѣстъ, отведенныхъ подъ заводы, подъ лѣсные склады. Наоборотъ, плата за помѣщенія подъ мелочную торговлю достигала весьма высокихъ размѣровъ; сборъ за лари для продажи калачей сразу поднялся, въ 1880 г., на 250 руб. (съ 579 до 829 рублей). Сады, разведенные на городской землѣ и состоявшіе въ потомственномъ пользованіи, могли быть выкупаемы владѣльцами въ полную собственность на весьма льготныхъ условіяхъ—по 20 или 30 рублей за десятину, смотря по тому, обложена ли она сборомъ въ 1 рубль или въ 1 рубль 50 копѣекъ. Что такая цѣна была выгодна для владѣльцевъ и, слѣдовательно, невыгодна для города, это можно заключить изъ того, что выкупная сумма за сады, состоявшіе въ арендѣ по контрактамъ, опредѣлялась, въ то же самое время, не менѣе какъ въ 40 рублей за десятину, а выкупная сумма за сады, разведенные на самовольно захваченной городской землѣ, достигала 90 рублей за десятину въ чертѣ города и 60 рублей за десятину внѣ городской черты.

Обратимся теперь къ городскимъ расходамъ. Въ городѣ N. они были опредѣлены на 1881 г. въ суммѣ 45 тысячъ, въ городѣ NN.—въ суммѣ 107 тысячъ рублей. На содержаніе должностныхъ лицъ городского управленія тратилось въ N. почти 11 тысячъ рублей

(члены городской управы получали по 700 рублей и, сверхъ того, по 100 рублей въ качествѣ членовъ трактирной депутаціи; городской голова получалъ до 1880 г. двѣ тысячи, съ 1880 г. — три тысячи рублей). До введенія городского положенія этотъ расходъ составлялъ около $4\frac{1}{2}$ тысячъ, въ первый годъ дѣйствія новыхъ порядковъ — около 8 тысячъ рублей. Въ городѣ NN. расходъ на содержаніе должностныхъ лицъ городского управленія вращался съ самаго введенія въ дѣйствіе городского положенія около 21—23 тысячъ рублей; въ 1881 г. онъ понизился до $18\frac{1}{2}$ тысячъ, потому что городской голова пожелалъ служить безъ жалованья. На городскую полицію городъ N. расходовалъ около четырехъ, городъ NN. — около двѣнадцати тысячъ рублей. Пожарная часть обходилась первому въ $7\frac{1}{2}$, второму — въ $14\frac{1}{2}$ тысячъ; городскія начальныя училища — первому въ $3\frac{1}{4}$, второму — въ 7 тысячъ рублей. Всѣ эти статьи расхода возросли, сравнительно съ началомъ семидесятыхъ годовъ, весьма сильно, за исключеніемъ только расхода на полицію, который въ NN. не увеличился вовсе, а въ N. увеличился меньше чѣмъ на одну треть. Въ 1873 г. городъ N. вовсе не освѣщался и вовсе не имѣлъ мостовыхъ. Въ 1881 г. онъ тратилъ на освѣщеніе около 1.300 рублей, употребивъ, приблизительно, такую же сумму на устройство фонарей. На устройство мостовыхъ ассигновано было въ 1881 г. только 1.000 рублей, въ виду временно затруднительнаго положенія городскихъ финансовъ, но въ теченіе шести предыдущихъ лѣтъ на моченіе и нивелированіе улицъ было истрачено болѣе 36 тысячъ рублей. Въ городѣ NN. расходъ на освѣщеніе составлялъ въ 1881 г. 1.650 рублей (въ 1873 г. — 700 рублей), расходъ на мостовыя — 3.160 рублей (въ 1873 г. — 400 рублей). Городомъ N., со времени введенія въ дѣйствіе городского положенія по 1881 г., израсходовано было на приобрѣтеніе и постройку городскихъ общественныхъ зданій почти 80 тысячъ, на устройство десяти земляныхъ дамбъ черезъ овраги — почти 8 тысячъ, на разведеніе стараго бульвара — 500 рублей. Несмотря на всѣ эти крупныя расходы, городской капиталъ, не имѣющій опредѣленнаго назначенія, увеличился, за десять лѣтъ, почти вдвое (съ 9.441 до 19.000 рублей); изъ частныхъ пожертвованій составилъ капиталъ въ 14.000 рублей, на проценты съ котораго содержалась городская богадельня. Менѣе блестящимъ, съ этой точки зрѣнія, было положеніе города NN. Истративъ, послѣ введенія въ дѣйствіе городского положенія, до 65 тысячъ рублей на покупку и постройку разныхъ общественныхъ зданій и до 35 тысячъ на устройство мостовыхъ (т. е. менѣе, чѣмъ израсходовано на эти же предметы городомъ NN.), онъ лишился почти всего городского капитала, составлявшаго въ 1871 г. около 40 тысячъ рублей. Пособіе отъ города мужской и

женской прогимназіямъ доходило въ NN. до 14 тысячъ рублей ежегодно ¹⁾, вдвое превышая расходъ на начальныя училища. Последнихъ, при тридцатитысячномъ населеніи, было только четыре (три мужскихъ и одно женское), такъ что приходилось отказывать въ приемъ учениковъ, за недостаткомъ мѣста.

Городъ N. раздѣляется на двѣ части; въ первой, болѣе богатой, имѣли жительство, въ 1881 г., 41 гласный изъ всѣхъ, во второй—только 25. Заботливостью городского управленія обѣ части города пользовались далеко не въ одинаковой степени. Такъ напримѣръ, въ городѣ уже много лѣтъ существовалъ водопроводъ, но вторая часть города была снабжена водой гораздо меньше, чѣмъ первая; въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ второй части вовсе не было бассейновъ, и когда возникалъ вопросъ о ихъ устройствѣ, дума предпочитала обращать свободныя деньги на мощеніе улицъ, производимое преимущественно въ центрѣ города, т. е. въ первой его части. Во второй части города есть большая площадь, на которой еще въ 1852 г. предложено было открыть торговлю (преимущественно дровами, сѣномъ и сѣстными припасами), какъ въ интересахъ окрестной мѣстности, такъ и въ виду крайней тѣсноты торговой (гостиной) площади, расположенной въ первой части города. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ этотъ вопросъ оставался безъ всякаго движенія. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ поднятъ вновь по просьбѣ жителей второй части. Въ 1870 г. назначены были торги на застройку площади лавками; но явившіяся торговаться въ числѣ 70 человекъ удалились до начатія торговъ, признавъ составленныя думою кондиціи для себя обременительными. Въ 1872 г., уже послѣ введенія въ дѣйствіе новаго городского положенія, дума постановила: не прекращая торговли на гостинной площади, дозволить желающимъ производить торговлю на площади во второй городской части, съ тѣмъ чтобы помѣщенія для торговли были построены по одному плану и фасаду съ существующими на гостинной площади каменными двухъ-этажными лавками. Это послѣднее условіе, ничѣмъ не оправданное, опять затормазило дѣло; немногія построенныя лавки скоро были разобраны, и въ 1881 г. никакой торговли на площади во второй городской части не производилось. А между тѣмъ тѣснота на гостинной площади достигла крайнихъ предѣловъ; въ базарные дни возами и ларями переполнялись даже всѣ улицы, прилегающія къ этой площади; чтобы хоть нѣсколько уменьшить это неудобство, городская управа составила докладъ о переводѣ на другое мѣсто,

¹⁾ Въ городѣ N. среднихъ учебныхъ заведеній не было вовсе; начальныхъ училищъ было три.

близкое къ гостинной площадч, по крайней мѣрѣ торговли такъ-называемымъ щепнымъ товаромъ (сани и т. п.); но слушаніе этого доклада два раза откладывалось думой, большинство которой очевидно не желало никакихъ перемѣнъ въ существующихъ порядкахъ. При болѣе равномерномъ попеченіи городского управленія о всѣхъ частяхъ города—другими словами, о всѣхъ группахъ городского населенія,—городъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы возможнымъ принять непосредственное участіе въ устройствѣ лавокъ на площади во второй городской части, подобно тому, какъ онъ затратилъ 12.500 рублей на постройку новыхъ ярмарочныхъ корпусовъ. Торговля пшеницей и другими зерновыми хлѣбами можетъ быть производима прямо съ воевъ, безъ устройства какихъ бы то ни было помѣщеній; но и она, въ силу обязательнаго постановленія думы, сосредоточивалась исключительно на гостинной площади.

Большую роль въ общественной жизни нашихъ городовъ играли и играютъ городскіе общественные банки, часто составляющіе, de facto, единственный источникъ кредита для городскихъ жителей. Законъ 26 апрѣля 1883 года во многомъ измѣнилъ къ лучшему порядокъ въ городскихъ банкахъ, подчинивъ ихъ болѣе строгому контролю и запретивъ поручать завѣдываніе банковыми дѣлами членамъ городской управы и гласнымъ городской думы. Между думой и городскимъ банкомъ и теперь существуетъ, однако, тѣсная связь, такъ какъ думѣ по прежнему предоставленъ выборъ директора и товарищей директора городского банка. Не лишены интереса, поэтому, главныя черты дѣятельности общественныхъ банковъ въ городахъ N. и NN., въ изучаемое нами время. Услугами банка въ N. пользовался преимущественно небольшой кружокъ лицъ, болшею частью принадлежавшихъ къ составу городского управленія. Такъ напримѣръ, въ продолженіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1880 г. городской голова занялъ въ банкѣ, въ девять пріемовъ, около 17 тысячъ рублей; въ спискѣ заемщиковъ весьма часто встрѣчались также имена двухъ членовъ городской управы. Въ концѣ 1880 и началѣ 1881 г. съ просьбами о ссудахъ стали обращаться въ банкъ многія лица, прежде не имѣвшія къ нему никакихъ отношеній. Это были мѣщане, занимающіеся хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, имѣющіе собственные дома и при нормальныхъ условіяхъ живущіе безбѣдно, но приведенные двумя неурожайными годами (засуха 1880 г. повредила не только полямъ, но и садамъ) въ крайне затруднительное положеніе. Чтобы сохранить лошадей, необходимыхъ для полевой работы, и купить сѣмянъ для предстоявшаго ярового посѣва, они просили банкъ о выдачѣ ссудъ подъ залогъ ихъ домовъ. Банкъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не могъ исполнить этой просьбы,

потому что изъ числа 2.413 мѣстныхъ домовладѣльцевъ только 326 имѣли крѣпостные акты, а остальные, и въ особенности мелкіе, владѣли домами безъ всякихъ законныхъ документовъ и не могли получить залоговыхъ свидѣтельствъ. Тогда просители ходатайствовали о ссудѣ подѣ векселя, въ размѣрѣ отъ 25 до 50 рублей; но банкъ отказывалъ имъ и въ этомъ, находя ихъ недостаточно благонадежными. Нужно было особое заступничество, чтобы склонить банкъ къ болѣе снисходительности; онъ призналъ, наконецъ, возможнымъ выдать ссуды тридцати лицамъ (изъ 218), за взаимнымъ ручательствомъ четырехъ или пяти заемщиковъ. Нѣсколько шире отнесся къ тому же самому вопросу общественный банкъ въ городѣ NN. Въ продолженіе одного января 1881 г. онъ принялъ къ учету сорокъ два векселя на суммы до 50 рублей, столько же векселей—на суммы отъ 50 до 100 рублей. И здѣсь, однако, оставались безъ удовлетворенія просьбы многихъ мѣщанъ-хлѣбопашцевъ, нуждавшихся въ ссудѣ для поддержанія своего небольшого хозяйства. Широкимъ кредитомъ пользовались, въ то же самое время, главные заемщики банка—его директоръ, три члена городской управы, отецъ четвертаго ея члена, бывшій городской голова, и многіе другіе гласные думы.

Неурожайные годы, постигшіе описываемую нами мѣстность, вызвали, между мѣщанами-хлѣбопашцами, не только потребность въ кредитѣ для покупки сѣмянъ и для поддержанія хозяйства, но и нужду въ насущномъ хлѣбѣ. У мѣщанскаго общества города N. былъ свой небольшой продовольственный капиталъ, на который и рассчитывали, прежде всего, бѣднѣйшіе обыватели; но первое ихъ ходатайство было отклонено уполномоченными мѣщанскаго общества, на томъ странномъ основаніи, что нуждающихся много и денегъ на всѣхъ не хватитъ. Черезъ два мѣсяца состоялся второй отказъ, мотивированный, кромѣ прежнихъ соображеній, еще невозможностью круговаго ручательства за бѣднѣйшихъ жителей города, не имѣющихъ никакого состоянія. Нужда, между тѣмъ, достигла такихъ размѣровъ, что городская дума признала необходимымъ принять на себя ручательство за бѣднѣйшихъ мѣщанъ на сумму до 2.000 руб. Только тогда уполномоченные мѣщанскаго общества рѣшились тронуть продовольственный капиталъ и опредѣлили выдавать ссуды мукою, по одному пуду въ мѣсяцъ на взрослога человѣка и по полупуду на ребенка. Двумя приговорами такія ссуды были назначены ста тридцати старикамъ и четыремъстамъ восьмидесяти дѣтямъ на сумму до 1.650 рублей. Цѣлая половина продовольственнаго капитала осталась нетронутою, хотя удовлетворены были далеко не всѣ основательныя требованія. На помощь официальнымъ учрежденіямъ явилась частная благотворительность, достигшая довольно большихъ

размѣровъ. Въ городѣ NN и мѣщанское общество, и дума оказались болѣе энергичными въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ. Мѣщанское общество выдало въ ссуды, на обмененіе полей, весь свой продовольственный капиталъ, вдвое болѣе, чѣмъ N-скій; недостающую сумму дума опредѣлила ассигновать, заимообразно, изъ городскихъ средствъ. Чтобы обезпечить продовольствіе нуждающихся, дума заняла у одного изъ мѣстныхъ капиталистовъ сто тысячъ рублей ¹⁾ и поручила двумъ членамъ городской управы купить на эту сумму хлѣба, для продажи его бѣднѣйшимъ жителямъ города, по удешевленной цѣнѣ. Эта операція не обошлась безъ злоупотребленій; въ концѣ концовъ, однако, надлежащее количество хлѣба было доставлено, и дума стала продавать его отчасти въ кредитъ, отчасти на наличныя деньги. Сверхъ того, дума опредѣлила содержать въ продолженіе всей зимы народную столовую, въ прежніе годы существовавшую только осенью для предупрежденія эпидемій. Въ этой столовой лица, нанятая городомъ для производства разныхъ мелкихъ работъ (не столько потому, чтобы эти работы были необходимы, сколько въ видахъ уменьшенія безработицы), получали обѣдъ бесплатно, а остальные желающіе — по уменьшенной цѣнѣ (семь копѣекъ за 2¼ фунта хлѣба и ¼ ф. мяса). Частная благотворительность выразилась сначала исключительно въ формѣ милостыни, и только въ концѣ зимы образовалось, стараніями мѣстной интеллигенціи, правильно организованное общество для пособія нуждающимся. Богатое купечество осталось въ сторонѣ отъ этого дѣла, утверждая, вопреки очевидности, что нужда въ городѣ вовсе не такъ велика, какъ говорятъ „безпокойные люди“.

Въ обоихъ городахъ было издано думой не мало обязательныхъ постановленій, но исполнялись они, болѣею частью, весьма плохо. Въ особенности это можно сказать объ обязательныхъ постановленіяхъ по санитарной части, состоявшихся подъ вліяніемъ вѣсти о ветлянской чумѣ. Такъ на примѣръ, въ городѣ N. при болѣе части домовъ не было, вопреки правиламъ, ни помойныхъ ямъ, ни отхожихъ мѣстъ; вода изъ погребовъ выливалась, сплошь и рядомъ, на улицу, кровь отъ убитаго скота не зарывалась въ землю, особой скотобойни устроено не было, въ самомъ центрѣ города продолжалась выдѣлка кожъ и овчинъ.

Общее заключеніе, вытекающее, впрочемъ, само собою изъ всѣхъ изложенныхъ нами фактовъ, мы выведемъ окончательно только тогда,

¹⁾ Проценты на эту сумму были пожертвованы законодательству городу, съ тѣмъ, чтобы они были обращены на даровую раздачу хлѣба наиболѣе нуждающимся. Тѣмъ же лицомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, снабжаема хлѣбомъ, ежедневно, 1.000 бѣдняковъ, въ размѣрѣ по ¼ фунта на человѣка.

когда дополнимъ ихъ данными, относящимися къ другимъ мѣстностямъ, и предположеніями о реформѣ городского управленія, возникшими до сихъ поръ въ официальныхъ сферахъ и въ печати¹⁾.

Мы говорили, въ предыдущемъ обзорѣ, о распространеніи закона 12 іюня 1889 г. еще на десять губерній, въ дополненіе къ тѣмъ шести, въ которыхъ онъ введенъ въ дѣйствіе въ началѣ нынѣшняго года. Въ десяти губерніяхъ предстояло назначить всего 112 уѣздныхъ членовъ окружного суда, 105 городскихъ судей и 588 земскихъ начальниковъ. Въ № 186 „Правительственнаго Вѣстника“ напечатанъ приказъ и назначеніе уѣздныхъ членовъ окружного суда. Восемнадцать изъ нихъ были до тѣхъ поръ членами окружного суда; тридцать восемь—судебными слѣдователями; тридцать два—товарищами прокурора; шестнадцать—мировыми судьями по выбору; семь—мировыми судьями по назначенію, одинъ—уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Уѣздному члену окружного суда предстоитъ весьма важная роль, какъ главному, иногда единственному, постоянному представителю чисто-судебнаго элемента въ уѣздномъ съѣздѣ. Весьма характеристично, поэтому, что на должность уѣзднаго члена назначено не мало выборныхъ мировыхъ судей—больше, чѣмъ мировыхъ судей по назначенію. Не такъ же, значитъ, были плохи, какъ утверждаютъ нѣкоторыя газеты, результаты земскихъ выборовъ, если министерство юстиціи нашло между выборными столько людей, могущихъ занять первую, по значенію, судебную должность въ уѣздѣ. Изъ числа лицъ, находившихся на коронной службѣ, наибольшія гарантіи самостоятельности представляютъ, въ качествѣ уѣздныхъ чле-

¹⁾ Эпоха основанія нашего журнала—въ половинѣ 60-хъ годовъ—была также временемъ обсужденія необходимости переустройства городского управленія, дѣйствовавшего тогда на основаніи городского Положенія 1846 года. Въ результатъ получилось городское Положеніе 1870 года, дѣйствующее нынѣ. Оно теперь подвергается пересмотру, а потому въ настоящее время, быть можетъ, не лишено интереса то, что говорилось 25 лѣтъ тому назадъ о недостаткахъ Положенія 1846 года, побудившихъ перейти къ новымъ началамъ, положеннымъ въ основаніе Положенія 1870 года; нельзя потому и думать, чтобы, исправляя послѣднее, слѣдовало вернуться къ 1846 году. Нашъ журналъ, съ перваго же года своего существованія, принялъ участіе въ публичномъ обсужденіи предполагавшейся тогда реформы, и потому встаетъ теперь указать на тѣ обширныя труды, которые были посвящены тогда нашимъ журналомъ вновь поднятому теперь вопросу: 1) „О современномъ (1866 г.) городскомъ общественномъ управленіи“ („Вѣсти. Европы“ 1866 г., т. I, Историч. Хрон., 58 стр.) и „Городское хозяйство и общественное управленіе въ Петербургѣ“ (1867 г., т. I, Историч. Хрон., 29 стр.), L.; 2) „Обзоръ городского хозяйства въ 1868 г., въ связи съ необходимостью городской реформы“ (1866 г., т. III, Истор. Хр., 89 стр., и 1867 г., т. IV, Истор. Хр., 23 стр.), Н. П. Колупанова.—*Ред.*

новъ, бывшіе члены окружныхъ судовъ и судебныя слѣдователи. Выѣстъ съ выборными мировыми судьями, они образуютъ значительное большинство уѣздныхъ членовъ окружного суда (72 изъ 112). Пожалѣть можно только о томъ, что между вновь назначенными лицами такъ много бывшихъ товарищей прокурора. Прокурорская дѣятельность, постоянно руководимая и направляемая начальствомъ, всего менѣе подготовляетъ къ независимости, столь необходимой для уѣзднаго члена окружного суда. Что касается до городскихъ судей, (см. „Правительственный Вѣстникъ“, № 189), то между ними выборными мировыми судьями принадлежитъ рѣшительное большинство; изъ 105 мѣстъ на долю мировыхъ судей досталось 55 ¹⁾. Остальные 50 городскихъ судей, по мѣсту прежней своей службы, распределяются такъ: тринадцать судебныхъ слѣдователей, одинъ товарищъ прокурора, два нотариуса, двѣнадцать секретарей или помощниковъ секретаря, одинъ судебный приставъ, три кандидата на судебныя должности, одинъ непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, одинъ податной инспекторъ, двое бывшихъ городскихъ судей (оставшихся за штатомъ за упраздненіемъ этой должности въ Вереѣ и Волоколамскѣ), двое окончившихъ курсъ въ университетѣ и еще нигдѣ не служившихъ, одиннадцать отставныхъ гражданскихъ чиновниковъ и одинъ отставной военный. Весьма можетъ быть, что основаніемъ къ назначенію послѣднихъ двѣнадцати лицъ послужила прежняя ихъ бытность мировыми судьями. Многие изъ числа вновь назначенныхъ городскихъ судей получили юридическое образованіе, этого мы опредѣлить не можемъ; только о девяти бывшихъ мировыхъ судьяхъ обозначено въ приказахъ, что они имѣютъ степень кандидата правъ или дѣйствительнаго студента. Нужно думать, что окончили курсъ юридическихъ наукъ всѣ городскіе судьи, назначенные изъ секретарей, помощниковъ секретаря и кандидатовъ на судебныя должности; но увѣреннымъ въ этомъ быть нельзя, если принять во вниманіе, что одинъ изъ двухъ нотариусовъ, назначенныхъ городскими судьями — отставной подпоручикъ. Читая списокъ городскихъ судей, мы невольно вспомнили объ одной журнальной статьѣ, въ которой, года два тому назадъ, доказывалась необходимость *назначенія* мировыхъ судей; чуждый всякихъ реакціонныхъ стремленій, но нѣсколько наивный авторъ предполагалъ, что, получивъ право назначать мировыхъ судей, министерство юстиціи будетъ опредѣлять на эту должность преимущественно молодыхъ людей,

¹⁾ Изъ числа этихъ 55 лицъ тридцать пять были мировыми судьями въ тѣхъ самыхъ уѣздахъ, въ которыхъ они назначены городскими судьями.

окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ и жаждущихъ посвятить всѣ свои силы развитію правовыхъ началъ въ народной жизни.

До половины сентября опубликовано было въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (№№ 192 и 200) объ утвержденіи и назначеніи въ десяти губерніяхъ 548 земскихъ начальниковъ и 23 къ нимъ кандидатовъ. *Утвержденными*, какъ извѣстно, считаются тѣ земскіе начальники, которые, удовлетворяя требованіямъ имущественнаго и образовательнаго или служебнаго ценза, представлены къ занятію этой должности губернаторомъ или указаны губернскими и уѣздными предводителями дворянства. *Назначенными* признаются всѣ остальные, т. е. избранные министромъ внутреннихъ дѣлъ помимо вышеупомянутыхъ требованій. Утверждены на этотъ разъ четыреста-двадцать-одинъ, назначены сто двадцать семь земскихъ начальниковъ (кандидатовъ) на должность земскаго начальника, принадлежащіе всѣ къ категоріи *утвержденныхъ*. Назначено, слѣдовательно, около четвертой части ($23\frac{1}{2}\%$) всѣхъ вновь опредѣленныхъ земскихъ начальниковъ. Эту цифру нельзя не признать весьма значительною; она показываетъ наглядно, какъ невеликъ кругъ лицъ, признанныхъ наиболѣе способными къ управленію уѣздомъ, и какъ затруднителенъ выборъ между ними. Всего больше назначено земскихъ начальниковъ въ губерніяхъ курской (21), нижегородской (19), харьковской (19), екатеринославской (17), симбирской (14), полтавской (12); всего меньше— въ губерніяхъ новгородской (8), тульской (7), псковской (6) и смоленской (4). Разсуждая а priori, можно было ожидать другого результата; можно было думать, что всего больше назначенныхъ земскихъ начальниковъ будетъ въ губерніяхъ, гдѣ сравнительно мало дворянъ-землевладѣльцевъ (новгородской, псковской, смоленской), всего меньше— въ губерніяхъ, гдѣ дворянское землевладѣніе сохранилось въ сравнительно большихъ размѣрахъ (курской, симбирской, полтавской, харьковской). Между 421 утвержденными земскими начальниками мы насчитали 179 гражданскихъ чиновниковъ (болѣе 42%), 165 военныхъ и морскихъ офицеровъ (менѣе 40%) и 77 потомственныхъ дворянъ (около 18%); этимъ послѣднимъ именемъ (а также титуломъ графскимъ или баронскимъ) обозначаются, очевидно, лица, не имѣющія чина и не получившія высшаго образованія. Между 127 назначенными земскими начальниками гражданскихъ чиновниковъ только 39 (менѣе 31%), военныхъ и морскихъ офицеровъ— 63 (почти 50%), потомственныхъ дворянъ— 24 (около 19%), кандидатъ университета— одинъ. По губерніямъ различныя категоріи утвержденныхъ земскихъ начальниковъ распределяются весьма неравномѣрно. Офицеровъ всего больше въ губерніяхъ новгородской (27 изъ 47), екатеринославской (14 изъ 29), смоленской (22 изъ 49); всего меньше— въ симбирской

губерніи (9 изъ 32). Потомственныхъ дворянъ, не имѣющихъ чина, всего больше, сравнительно, въ губерніяхъ полтавской (16 изъ 64) и харьковской (12 изъ 45). Есть уѣзды, въ которыхъ всѣ утвержденные земскіе начальники—офицеры (напр. уѣзды новгородскій и старорусскій), или почти всѣ—потомственные дворяне, не имѣющіе чина (напр. сумскій уѣздъ харьковской губерніи). Изъ числа *назначенныхъ* земскихъ начальниковъ особенно много военныхъ приходится на долю губерній екатеринославской (9 изъ 17) и курской (12 изъ 21); особенно много дворянъ, не имѣющихъ чина—на долю губерній симбирской (6 изъ 14) и екатеринославской (7 изъ 17). Многие изъ числа назначенныхъ земскихъ начальниковъ (25 изъ 127, а именно 20 потомственныхъ дворянъ, четыре офицера и одинъ гражданскій чиновникъ) допущены только въ *исправленію этой должности*. Другими словами, они могутъ быть уволены отъ нея простымъ распоряженіемъ министра, безъ соблюденія тѣхъ немногихъ формальностей, которыя установлены закономъ 12 іюня 1889 г. по отношенію къ утвержденнымъ земскимъ начальникамъ. „Исправляющіе должность“ земскаго начальника закономъ собственно не предусмотрены; въ законѣ говорится только о временномъ исполненіи этой должности кандидатами, утвержденными въ томъ же порядкѣ, какъ и земскіе начальники.

О фактической сторонѣ дѣятельности земскихъ начальниковъ все еще появляется весьма мало свѣденій въ печати. Тѣмъ болѣе вниманіе обращаетъ на себя корреспонденція изъ богородскаго уѣзда (московской губерніи), недавно напечатанная въ „Недѣль“ (№ 31). Въ деревнѣ Костиной—пишетъ корреспондентъ,—извѣстный по всему околотку кулакъ Черкасовъ „пролѣзъ“, благодаря устроенной имъ попойкѣ, въ волостные судьи. Земскому начальнику 1-го участка, г. Сафонову, онъ почему-то пригласился и былъ назначенъ председателемъ запонорскаго волостного суда. „Такимъ назначеніемъ была ошеломлена вся волость. На волостномъ сходѣ, 24 апрѣля, крестьяне пытались заявить земскому начальнику о неудачномъ выборѣ председателя, котораго за послѣднія 10 лѣтъ уѣздныя власти всегда устраняли отъ выборовъ, какъ неблагонадежнаго человѣка. За эту дерзость нѣкоторые заплатились арестомъ. Крестьянское общество, застрашенное арестами, понатно, смолкло. Стали потомъ носиться слухи, что Черкасовъ будетъ „сдѣланъ“ и волостнымъ старшиною. Дѣйствительно, на волостномъ сходѣ 7-го іюня земскій начальникъ провелъ Черкасова и въ старшины. Кулакъ Черкасовъ заблаговременно подпоилъ многихъ крестьянъ, имѣющихъ приверженность къ даровой чарочкѣ, другихъ одѣлялъ кредитками. Сходъ, благодаря рабочей порѣ, былъ неполный; благомыслящая часть сходчиковъ не

явилась, не будучи извѣщена о выборахъ старшины. Меньшинство, требовавшее устраненія Черкасова отъ выборовъ, было заглушено; давленіе земскаго начальника тоже было въ пользу Черкасова. Такимъ образомъ, извѣстный по всей окрестности своими темными дѣлами кулакъ Черкасовъ сдѣлался и предсѣдателемъ волостного суда, и старшиною, забравъ въ свои руки все вѣдѣтельство въ волости. Вся волость пришла въ негодованіе, но всѣ молчали, потому что въ волостной кутузкѣ перебивало уже до 60 крестьянъ. Когда земскій начальникъ внесъ докладъ объ утвержденіи Черкасова въ должности старшины въ богородскій уѣздный съѣздъ, предводитель дворянства, Ѡ. Д. Самаринъ, и уѣздный исправникъ, г. Панафидинъ, указали ему на крупный промахъ, допущенный при назначеніи Черкасова предсѣдателемъ волостного суда. Изъ дѣлъ богородскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія оказалось, что кулакъ Черкасовъ занималъ раньше должность сельскаго старосты и волостного судьи, и что по предписанію губернатора устраненъ былъ отъ должности за укрывательство извѣстнаго разбойника Чуркина. Земскому начальнику преподнесли постановленіе объ этомъ уѣзднаго присутствія, отъ 11-го іюня 1879 года. Вслѣдствіе обнаруженныхъ фактовъ, кулакъ Черкасовъ, какъ крайне неблагонадежный человѣкъ, выгнанный со службы раньше, разумѣется, не былъ утвержденъ въ должности старшины. Запорожскій волостной судъ, въ которомъ хозяйничалъ представитель „темнаго царства“ медвѣжьихъ угловъ, немедленно закрытъ, впредь до распоряженія. О дѣйствіяхъ же земскаго начальника, о его произвольныхъ арестахъ, производится въ настоящее время дознаніе, по предписанію свыше“. Итакъ, дѣло окончилось благополучно, благодаря тому, что высшимъ уѣзднымъ властямъ была хорошо знакома прежняя дѣятельность Черкасова. Само собою разумѣется что никакихъ общихъ заключеній изъ отдѣльнаго факта выводить нельзя. „Давленіе“ земскаго начальника на крестьянскіе выборы, отставаніе, *per ras et nefas*, кандидата нежелательнаго для населенія, но угоднаго земскому начальнику, „заstraщиваніе“ недовольныхъ путемъ кутузки—все это, быть можетъ, явленія случайныя, единичныя; но нельзя не пожалѣть о томъ, что они оказались возможными на первыхъ же порахъ. Весьма вѣроятно, однако, что, арестуя противниковъ Черкасова, земскій начальникъ не выходилъ изъ предѣловъ предоставленной ему дискреціонной власти; но свойство этой власти именно таково, что она можетъ служить одинаково легко самымъ различнымъ цѣлямъ... Когда шла рѣчь объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, сторонники новаго института восхваляли его, между прочимъ, именно какъ лучшее боевое орудіе противъ кулаковъ-мироѣдовъ,

сельскихъ ростовщиковъ, эксплуататоровъ народа; исторія съ Черкасовымъ свидѣтельствуеъ о томъ, что на самомъ дѣлѣ возможно и обратное.

Въ „Гражданинѣ“ находимъ уже письмо самого земскаго начальника, описывающее вступленіе его въ должность. Авторъ письма, бывшій и офицеромъ, и гражданскимъ чиновникомъ, но предпочитающій военную дисциплину гражданской „халатности“, приводитъ, между прочимъ, рѣчь, произнесенную имъ къ волостнымъ старшинамъ и собравшемуся народу. Вотъ она, отъ слова до слова: „Съ нынѣшняго дня, по благословенію Божию и по волѣ Царя, конецъ безначалію и блужданію въ потемкахъ. Вамъ дастъ Царь начальника, къ которому вы должны обращаться во всемъ, что до кого касается. Начальникъ этотъ—я, вашъ новый земскій начальникъ! У кого есть тяжба—пусть приходитъ; кого обидѣли—я разберу; кто обидѣлъ, того я накажу; кто потерпѣлъ отъ обиды, того я защищу. Нужно что узнать—приходите ко мнѣ. Душою я кривить не буду. Буду служить, какъ солдатъ служить Царю,—честью и правдою. Никого не боюсь, кромѣ Бога, я мирволить никому не буду. Кто чтитъ Бога, кто любитъ Царя, кто почитаетъ своихъ родителей и слушаетъ ихъ, кто воспитываетъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, кто добрый и честный человѣкъ,—тотъ не долженъ меня бояться. Вамъ я отецъ и заступникъ! А бояться меня должны ваши озорники, ваши дурные люди! Я человѣкъ вамъ здѣсь не чужой. Давно мы живемъ вмѣстѣ. Какъ вы,—а я слышала, что эти дурные люди не только перестали бояться власти, но хвастаются: никто, молъ, меня трогать не смѣетъ, изъ страха краснаго пѣтуха... Теперь этому не быть, братцы! Какъ солдатъ не боится пули, такъ и я не буду бояться угрозъ этихъ негодяевъ... Тому, кто служить честно,—Богъ защита во всемъ. Пусть пробуютъ! Увидимъ—чья возьметъ. Вѣрьте мнѣ и слушайте меня. Я никого не обижу и никого въ обиду не дамъ!“ Комментаріемъ къ этой рѣчи служить изреченіе того же земскаго начальника: „я не другъ розогъ, но и не врагъ ихъ. Надо быть глупымъ, чтобы не уважать розги“. По поводу этого письма такъ разсуждаетъ г. Номо, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Корреспондентъ „Гражданина“,—говоритъ онъ,—дѣйствуетъ нѣсколько по примѣру своего редактора, и на каждомъ шагѣ упоминаетъ о Богѣ и Царѣ. Мнѣ кажется, что даже очень хорошіе люди, если хотятъ говорить отъ имени Божія или отъ имени верховной власти, должны имѣть на то особая полномочія. Если всѣ земскіе начальники, въ своемъ ежедневномъ обращеніи съ народомъ, будутъ говорить такъ, какъ говоритъ иногда издатель „Гражданина“, которому, по его смѣлому заявленію, доступно недоступное, то кто поручится, не произойдетъ ли отсюда нѣчто соблазнительное? А дѣло,

повидимому, идетъ къ тому, потому что корреспондентъ князя Мещерскаго прямо говоритъ: „но только Боже обороны земскому начальнику сказать: *не знаю* или *не могу*. Тогда онъ пропалъ въ глазахъ народа. Ни словомъ, ни глазомъ, ни тономъ онъ не долженъ говорить передъ крестьяниномъ *не могу* или *не знаю*“... „Это вѣдь мессіанизмъ какой-то,—замѣчаетъ г. Ното,—и я, право, не знаю, смотреть ли петербургское начальство на земскихъ чиновниковъ именно такъ, какъ смотреть на нихъ корреспондентъ кн. Мещерскаго“. Мы думаемъ, что здѣсь нѣтъ мѣста для какихъ бы то ни было сомнѣній. Безъ отвѣта: *не знаю*—могъ бы обойтись только всевѣдущій, безъ отвѣта: *не могу*—только всемогущій человекъ; а людей всевѣдущихъ и всемогущихъ не существуетъ вовсе. Притворяясь же знающимъ все, когда онъ, на самомъ дѣлѣ, далеко не все знаетъ, такой земскій начальникъ рискуетъ ввести вопрошающаго въ заблужденіе, иногда весьма серьезное; принимая на себя роль все „могущаго“, когда онъ, на самомъ дѣлѣ, далеко не все можетъ, онъ рискуетъ нарушеніемъ закона и превышеніемъ власти... Что касается до вступительной рѣчи, произнесенной корреспондентомъ „Гражданина“, то она составляетъ тысяча-первую вариацию на извѣстную тему: *que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent*. Къ какимъ послѣдствіямъ приводили попытки руководствоваться столь эластичнымъ девизомъ—это слишкомъ хорошо извѣстно...

По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ „министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектируется цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію крестьянскаго самоуправленія. Въ видахъ привлеченія на должность волостныхъ старшинъ вполнѣ честныхъ и благонадежныхъ лицъ, предполагено увеличить получаемое ими содержаніе. Съ этою цѣлью наиболѣе мелкія волости будутъ соединены въ крупныя, чѣмъ будетъ достигнуто, съ одной стороны, сокращеніе расходовъ на содержаніе волостныхъ управленій, писарей, сторожей и т. д., а съ другой, будутъ усилены средства остающихся волостей. вмѣстѣ съ тѣмъ, волостнымъ старшинамъ вмѣнено будетъ въ обязанность непремѣнно жить въ волостныхъ правленіяхъ и всегда присутствовать при разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ. Для упорядоченія волостныхъ сходовъ, предполагается лишить права участія въ нихъ уличенныхъ въ воровствѣ, неоднократныхъ буйствахъ, пьянствѣ и другихъ предосудительныхъ поступкахъ, а также оказавшихъ неповиновеніе земскому начальнику или ближайшему волостному начальству. Подобныя лица будутъ состоять какъ бы въ разрядѣ штрафованныхъ, въ которыхъ, въ случаяхъ надобности, будетъ примѣняться и тѣлесное наказаніе. Въ то же время добропорядочные крестьяне будутъ

изъяты отъ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ, чѣмъ значительно поднимется ихъ значеніе въ глазахъ общества или міра, а штрафованныхъ это заставитъ воздерживаться отъ неблаговидныхъ поступковъ". Передавая эти слухи, „Московскія Вѣдомости“ прибавляютъ отъ себя: „нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія наложенныхъ предположеній, польза коихъ не разъ доказывалась въ нашей газетѣ, между прочимъ, А. Θ. Морозинимъ". Читателямъ „Вѣстника Европы“ извѣстно наше мнѣніе о сокращеніи числа волостей и объ учрежденіи разряда штрафованныхъ крестьянъ; оно было высказано именно по поводу статей г. Морозина ¹⁾. Мы можемъ, поэтому, ограничиться пожеланіемъ, прямо противоположнымъ высказанному московской газетой,—пожеланіемъ, чтобы сообщеніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ не подтвердилось на самомъ дѣлѣ.

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 1 и 9 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го октября 1890.

Военные маневры и политическія свиданія.—Австро-германскія отношенія и восточный вопрос.—Праздніе толки о франко-русскомъ союзѣ.—Французское руссофильство и его мотивы.—Школа Каткова: гг. Татищевъ и Ционъ.—Разсужденія г. Татищева о союзѣ съ Франціею и примиренія съ Болгаріею.—Болгарскія дѣла.

Большіе военные маневры, происходившіе почти одновременно въ Германіи, Россіи, Франціи и Австріи, служили наглядной иллюстраціей къ современному международному положенію: великія державы, обмѣниваясь увѣреніями въ взаимномъ миролюбіи, выставляютъ на видъ свои военныя силы и испытываютъ свою боевую готовность посредствомъ примѣрныхъ мобилизацій, наступленій, обходныхъ движеній и битвъ, воодушевляющихъ сердца возможныхъ въ близкомъ будущемъ героевъ и отчасти удовлетворяющихъ патріотическія чувства участниковъ. Маневры имѣютъ, безъ сомнѣнія, свою спеціальную техническую сторону, важную и поучительную для военныхъ дѣятелей; но громадное большинство публики видитъ въ этихъ грандіозныхъ упражненіяхъ внушительныя международныя манифестаціи, предназначенныя дополнять своимъ безмолвнымъ краснорѣчіемъ дипломатическую сдержанность кабинетовъ. Неутомимый германскій императоръ придалъ особенное оживленіе этимъ военнымъ опытамъ, соединяя ихъ часто съ настоящими политическими сѣздами, свиданіями и рѣчами.

Во время недавнихъ маневровъ въ Шлезвигъ-Голштиніи Вильгельмъ II воспользовался присутствіемъ одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ для торжественнаго подтвержденія „тѣснѣйшей дружбы и крѣпкаго братства по оружію“ между двумя союзными имперіями. Черезъ десять дней начались маневры уже въ другомъ концѣ Германіи, близъ австрійскихъ границъ, и по этому поводу состоялось свиданіе двухъ императоровъ въ замкѣ Ронштокъ, въ Силезіи (17—20 сентября, н. ст.). Францъ-Иосифъ I прибылъ въ сопровожденіи своего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кальноки, а съ Вильгельмомъ II находился канцлеръ Каприви; уже это обстоятельство указывало на то, что военное зрѣлище не было главною цѣлью свиданія. Оба императора помѣстились въ прекрасномъ замкѣ графа Гохберга, имѣющемъ свою исторію: между прочимъ, въ Ронштокѣ ночевалъ Фридрихъ Великій послѣ блестящей побѣды надъ австрійцами—побѣды, отторгнувшей Силезію отъ Австріи. Эти воспоминанія

далекаго прошлаго не помѣшали, однако, обоимъ монархамъ чувствовать себя союзниками и друзьями въ настоящемъ; всѣ газеты, и нѣмецкія, и австрійскія, говорили о сердечномъ и довѣрчивомъ тонѣ въ сношеніяхъ императоровъ и ихъ министровъ; объ этомъ же свидѣлствовали отрывки ихъ собственныхъ заявленій, проникшія въ печать. Графъ Бальноки и генералъ Каприви вели переговоры въ замкѣ Гаусдорфъ, и, по увѣренію офиціозовъ, полное обоюдное согласіе установилось такъ легко и просто, что не было даже надобности подробно совѣщаться по общимъ вопросамъ текущей политики. Новый германскій канцлеръ унаслѣдовалъ готовую политику, прочно утвердившуюся и давшую блестящіе результаты при князѣ Бисмаркѣ, и если теперь „курсъ остается прежній“, то и австро-германское соглашеніе не подвергнется никакимъ перемѣнамъ. Австро-германскій союзъ не ослабѣлъ послѣ отставки князя Бисмарка, но не можетъ ли онъ сдѣлаться еще крѣпче и тѣснѣе подъ вліяніемъ неудавшихся попытокъ восстановить старую прусскую дружбу съ Россіею? Въ газетѣ „Hamburger Nachrichten“, выражающей мнѣнія бывшего канцлера, все чаще появляются статьи, направленные противъ распространенія союзныхъ обязательствъ на восточныя дѣла и противъ всякаго вмѣшательства Германіи въ эту постороннюю для нея область балканскихъ интересовъ. Эти энергическія предостереженія вѣроятно имѣютъ какое-нибудь основаніе; очень можетъ быть, что вѣнскаго кабинета разсчитываетъ на нѣкоторый поворотъ въ политикѣ Берлина, и что болѣе положительная дѣятельность нѣмецкой дипломатіи въ пользу Австріи составляетъ только вопросъ времени. Уже недавно, при удовлетвореніи ходатайства болгарскихъ правителей о назначеніи епископовъ въ Македоніи, замѣчено было, что Германія официально дѣйствовала заодно съ Австріею и несогласно съ Россіею, чего она прежде избѣгала. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Австро-Венгрія желаетъ добиться болѣе выгоднаго для себя и болѣе широкаго толкованія союзныхъ условій, особенно въ примѣненіи къ соперничеству съ Россіею на востокѣ. Потерявъ надежду на русскій союзъ, Германія можетъ уже не стѣсняться поддерживать Австрію въ области балканскихъ дѣлъ, и надо сознаться, что такое направленіе германской политики вполне соответствовало бы господствующему настроенію нѣмецкаго общества и нѣмецкой печати. Идея Бисмарка о необходимости дружбы съ Россіею давно уже утратила популярностъ въ Германіи, и „руссофильскіе“ доводы бывшего канцлера встрѣчаютъ мало сочувствія даже между его всегдашними приверженцами. Германское правительство до сихъ поръ не поддавалось вліянію антирусскаго общественнаго мнѣнія, стараясь избѣгнуть всего того, что могло бы побудить русскую дипломатію

заключить формальный союзъ съ Франціею. Опасеніе франко-русскаго союза заставляетъ нѣмецкую политику быть сдержанной и уступчивой относительно Россіи; но этотъ мотивъ, разумѣется, исчезъ бы самъ собою, еслибы предполагаемый союзъ состоялся въ дѣйствительности. Для насъ чрезвычайно выгодно сохранить именно это независимое нейтральное положеніе, обеспечивающее намъ одновременно и внимательную предупредительность Германіи, и живое сочувствіе Франціи. Всѣ выгоды такого положенія уничтожились бы сразу, еслибы мы приняли на себя какія-либо опредѣленные обязательства передъ французскимъ правительствомъ, о чемъ такъ усердно хлопчутъ нѣкоторые наши патриоты въ послѣднее время. Постоянные толки о франко-русскомъ союзѣ могутъ только способствовать тому, что нѣмецкая политика передвинется болѣе въ сторону Австріи. Такого поворота пока еще не видно, но возможность его обнаруживается ясно въ оптимистическихъ разсужденіяхъ вѣнскихъ офиціозныхъ газетъ, въ общемъ тонѣ нѣмецкой печати и въ критическихъ замѣчаніяхъ нынѣшняго гамбургскаго органа князя Бисмарка.

Мысль о франко-русскомъ союзѣ имѣетъ горячихъ сторонниковъ во Франціи по вполне понятнымъ причинамъ: французы ждутъ отъ насъ энергическаго содѣйствія въ борьбѣ противъ нѣмцевъ для обратнаго завоеванія Эльзаса и Лотарингіи. Но что могутъ имѣть въ виду русскіе публицисты, соблазняемые льстивыми рѣчами нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ и готовые пожертвовать важнѣйшими интересами Россіи во вниманіе къ безкорыстной будто бы любви и преданности французовъ? Наше сближеніе съ такою высоко культурною страной, какъ Франція, есть фактъ въ высшей степени желательный и отрадный, но почему должно оно выразиться въ такой формѣ, которая имѣла бы характеръ вызова по отношенію къ Германіи? Новѣйшіе проповѣдники франко-русской идеи, за неимѣніемъ своихъ собственныхъ доводовъ, опираются на „великій авторитетъ“ Каткова, который въ теченіе многихъ лѣтъ былъ поклонникомъ Германіи и только въ послѣдніе годы объявилъ себя за союзъ съ французской республикою. Катковъ, какъ рассказываетъ одинъ изъ его учениковъ въ политикѣ, далъ „неотразимую по логикѣ отвѣдь“ на выраженное германскимъ посланникомъ желаніе разсѣять его недовѣріе къ нѣмецкой дипломатіи посредствомъ личныхъ объясненій, а именно онъ, въ видѣ ироніи, предложилъ заключить новый тройственный союзъ между Германіею, Франціею и Россіею, причемъ послѣдняя будетъ играть роль посредницы между двумя другими державами. „Какъ Германія хочетъ быть посредницею между нами и австрійцами, такъ и Россія станетъ посредничать между нѣмцами и французами, улаживать ихъ несогласія, раз-

рѣшать споры въ качествѣ третейскаго судьи, и чтобы сходство вышло полное, она же, независимо отъ соглашенія втроемъ, заключить съ Франціею отдѣльный союзъ, подобный австро-нѣмецкому договору 1879 года. И если старанія ея водворить миръ и согласіе между Германіею и Франціею окажутся тщетными, если между вѣковыми соперницами дѣло дойдетъ до войны, то Россія приметъ въ ней сторону Франціи такъ же точно, какъ Германія обѣщала Австро-Венгріи вооруженную помощь въ случаѣ войны съ Россіею“. Г. Татищевъ не рѣшился даже лично передать этотъ отвѣтъ генералу Швейницу, чтобы „не быть свидѣтелемъ того смущенія, которое должна была вызвать въ немъ мѣткая параллель орла русской печати“. Между тѣмъ не было ничего легче, какъ смутить „орла русской печати“ указаніемъ на явную невѣрность и невозможность его параллели. Россія и Австрія съ давнихъ поръ находились въ тѣсной дружбѣ и даже въ союзѣ, никакой официальной вражды между ними не было, и ничто не мѣшаетъ ихъ обоюдному мирному соглашенію, вслѣдствіе чего легко можетъ быть принимаемо посредничество третьей державы для устраненія возникающихъ разногласій. А между французами и нѣмцами—непримиримая вражда побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, непоконченные кровавые счѣты изъ-за Эльзаса-Лотарингіи, невозможность дружескихъ соглашеній, такъ что и посредничать нечего и не объ чемъ. Какова бы ни была натянутость австро-русскихъ отношеній, она не заключаетъ въ себѣ ничего безповоротнаго и можетъ всегда исчезнуть по желанію правительства, тогда какъ стремленіе къ возмездію за Седанъ и за утраченныя провинціи не допускаетъ и мысли о примиреніи и посредничествѣ. Союзъ Германіи съ Австріею не предвѣщаетъ войны, а, напротивъ, уменьшаетъ ея шансы, пока сохраняетъ свой оборонительный характеръ. Союзъ же Россіи съ Франціею означалъ бы войну, такъ какъ онъ не могъ бы быть оборонительнымъ по самому существу дѣла: возстановленіе прежняго политическаго положенія Франціи и обратное завоеваніе Эльзаса-Лотарингіи немислимы путемъ обороны, а предполагаютъ исключительно дѣли наступательныя, по отношенію къ Германіи. Упомянутая выше параллель, при всемъ ея кажущемся остроуміи, должна быть признана совершенно произвольною, построенною лишь на игрѣ словъ; это видно уже изъ того, что одинъ изъ наиболѣе усердныхъ „жатовцевъ“ находитъ возможнымъ доказывать необходимость присоединенія Австріи къ будущему франко-русскому союзу, для образованія истинной „лиги мира“. Г. Цюнь, какъ и г. Татищевъ, преклоняется передъ именемъ Каткова и, однако, не находитъ несогласнымъ съ его идеями проектъ союза съ Австріею. Вообще проповѣдники франко-русской солидар-

ности обнаруживаютъ какую-то странную логику. Г. Татищевъ считаетъ „надежнѣйшимъ ручательствомъ спокойствія и мира въ Европѣ заключеніе между Россіей и Франціей гласнаго оборонительнаго договора“. Но для французовъ дѣло идетъ вовсе не объ оборонѣ и не о защитѣ status quo, а, напротивъ, объ измѣненіи его, и союзъ для цѣлей обороны не имѣлъ бы для нихъ никакого смысла. Для предупрежденія новаго разгрома Франціи не нужно никакихъ новыхъ политическихъ комбинацій, а вполне достаточно разумной свободы дѣйствій со стороны Россіи, какъ это ясно доказано опытомъ прошлаго; даже при существованіи союза съ Германіею мы имѣли возможность охранять безопасность Франціи отъ воинственныхъ прусскихъ замысловъ (напр. въ 1875 году). Зачѣмъ-же связывать себя формальнымъ договоромъ съ державою, которой и безъ того мы можемъ оказывать существенныя услуги въ случаѣ надобности, безъ прямого разлада и разрыва съ сосѣднею германскою имперіею? Обыкновенно ссылаются на отдаленность Франціи, какъ на одинъ изъ мотивовъ сближенія: нѣтъ, дескать, поводовъ къ соперничеству, а потому легче сдѣлаться союзниками. Въ дѣйствительности, слѣдуетъ сказать наоборотъ, что отдаленность служить помѣхою для союза, ибо жить въ сосѣдствѣ намъ приходится все-таки съ сорока-милліоннымъ нѣмецкимъ населеніемъ, и никакія французскія симпатіи не измѣняютъ этого стихійнаго факта; французы легко успокоились бы и немедленно забыли бы о нашемъ существованіи, получивъ обратно часть отрѣзанной у нихъ территоріи, а мы на многіе годы навязали бы себѣ вражду и недовѣріе великаго сосѣдняго народа, занимающаго центральное положеніе въ Европѣ.

Нашихъ близорукихъ патріотовъ соблазняетъ дешевая лесть, расточаемая намъ въ значительной части французской патріотической печати; они не замѣчаютъ, сколько пренебреженія и эгоизма скрыто въ этихъ стереотипныхъ похвалахъ всему русскому, неразрывно связанныхъ съ прямымъ расчетомъ на одну будущую военную помощь Россіи въ дѣлѣ восстановленія прежняго величія и могущества Франціи. Г-жа Жюльетта Аданъ въ „Nouvelle Revue“ печатаетъ постоянныя панегирики русскому народу; но можно ли придавать серьезное значеніе этимъ восторгамъ, обличающимъ иногда забавное незнаніе Россіи и имѣющимъ единственный и исключительный мотивъ — пролитіе русской крови для отнятія Эльзаса у нѣмцевъ? Г-жа Аданъ представляетъ себѣ, на примѣръ, трогательную сцену, какъ „русскіе крестьяне будутъ въ зимніе вечера обсуждать нѣкоторыя подробности пребыванія Вильгельма II въ Россіи“, истолковывая ихъ знаменательный смыслъ въ духѣ „Nouvelle Revue“. Небылицы, рассказываемыя въ этомъ журналѣ о нѣмцахъ, могутъ нравиться только людямъ, для которыхъ патріотизмъ заключается въ невѣжествен-

номъ глумленіи надъ чужими народами и государствами. Основалась даже новая газета для этого оригинальнаго французскаго руссофильства— „L'Union franco-russe“, которая съ первыхъ же дней своего существованія (съ 15/2 сентября) стала невѣроятно путать русскія имена и названія и обнаружила развязное незнакомство съ предметомъ своихъ постоянныхъ разсужденій. Эта поразительная небрежность не свидѣтельствуетъ, конечно, объ особенномъ вниманіи къ будущимъ союзникамъ, а между тѣмъ она составляетъ характерную черту парижскихъ газетъ и журналовъ, толкующихъ о неодолимой дружбѣ къ Россіи.

Нужно только удивляться, что опытные публицисты строятъ у насъ какія-то политическія заключенія на этомъ легковѣсномъ матеріалѣ, могущемъ улетучиться при первой серьезной перемиѣнѣ въ Европѣ и во Франціи. „Для всѣхъ прочихъ державъ запада,—говоритъ г. Татищевъ,—усиленіе Россіи, развитіе ея мощи, утвержденіе преобладанія въ мірѣ представляется опасностью, угрозой, величайшимъ бѣдствіемъ; для Франціи оно—якорь спасенія, щитъ и опора, залогъ собственной безопасности и цѣлости. При такихъ условіяхъ мыслимо ли, чтобы мы когда-либо, презрѣвъ уроки исторіи, снова промѣняли французовъ на нѣмцевъ, еще разъ отдали Францію на съѣденіе ея заклятымъ, непримиримымъ, наслѣдственнымъ врагамъ?“ Не знаемъ, какъ названный авторъ понимаетъ „уроки исторіи“; но, по его толкованію, выходитъ какъ будто, что севастопольская кампанія предпринята была не французами, а нѣмцами, и что въ войнѣ 1812 года французы были также не при чемъ. Для всякаго ясно, что русское могущество будетъ для Франціи „якоремъ спасенія“ только до одного рѣшенія вопроса объ Эльзасѣ-Лотарингіи, а затѣмъ, достигнувъ желаннаго результата, французы столь же легко забудутъ про свои русскія симпатіи, какъ забыли, наприм., о своемъ прежнемъ сочувствіи къ полякамъ. Старый и прочно укоренившійся во Франціи взглядъ на Россію, какъ на варварскую страну, скрывается теперь до поры до времени или облекается въ туманную фразеологію; но онъ тотчасъ выплыветъ наружу, когда франко-германскіе счеты будутъ какъ-нибудь улажены къ удовольствію Франціи. Указаніе полковника Стоффеля на необходимость противодѣйствовать наступательному русскому движенію общими усиліями Европы отвергалось французскими патриотами не по существу, а съ точки зрѣнія неудобства и безтаетности подобнаго заявленія при настоящихъ обстоятельствахъ; энергическіе протесты вызваны были мыслью о союзѣ съ Германіею, а не предположеніемъ западно-европейской коалиціи противъ Россіи, при участіи Франціи. Идея Стоффеля, въ сущности, вполне совпадаетъ съ господствующими понятіями и историческими традиціями французовъ; она высказы-

вается въ болѣе или менѣе замаскированной формѣ у многихъ серьезныхъ писателей и политическихъ дѣятелей, изъ которыхъ громадное большинство смотритъ, напр., на нашу восточную политическую программу тѣми же глазами, какъ и англичане, и австрійцы. Пока дѣло идетъ о мелочахъ, французы готовы быть на нашей сторонѣ, но при возбужденіи вопроса о проливахъ и Константинополѣ они едва ли оказались бы уступчивѣе нѣмцевъ. Французскіе дипломаты, какъ графъ Шодорди, прямо даютъ понять, что Франція не можетъ согласиться на расширение политическаго господства Россіи на европейскомъ юго-востокѣ; они только прикрываютъ свои возраженія отрицаніемъ самыхъ цѣлей, приписываемыхъ русской политикѣ, при чемъ доказываютъ умѣренность и миролюбіе русскихъ требованій, отсутствіе завоевательныхъ стремленій въ ущербъ другимъ державамъ и т. п. Подобные аргументы имѣютъ очень мало общаго съ тѣми фантастическими ожиданіями, которыя связываются у насъ съ проектами франко-русскаго союза.

Рассужденія, печатаемыя нѣкоторыми изъ нашихъ патриотовъ въ русскихъ и французскихъ журналахъ на тему о союзѣ, производятъ отчасти впечатлѣніе какой-то сложной и своеобразной мистификаціи. Иностранную публику хотятъ, наприм., увѣрить, что будто бы наши международныя дѣла заправлялись Катковымъ и его агентами, что официальная дипломатія существовала только для виду или довольствовалась лишь глухою оппозиціею противъ политики московскаго публициста. Иногда можетъ казаться, что это чрезмѣрное превознесеніе политической роли Каткова имѣетъ единственною цѣлью выдвинуть его тогдашнихъ сотрудниковъ или агентовъ, придать имъ какую-то таинственную важность и припутать ихъ имена къ крупнымъ международнымъ событіямъ. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ тонѣ говоритъ о себѣ г. Цюнь въ „Nouvelle Revue“ (отъ 15-го августа), по поводу мнимаго шума, произведеннаго будто бы во всей Европѣ его брошюрой о Франціи и Россіи: „я былъ особенно счастливъ узнать, что въ высокихъ сферахъ вѣнскаго двора отдана справедливость моимъ (sic) усиліямъ разсѣять недоразумѣнія, разстроившія съ 1879 года дружбу между Россіею и Австро-Венгріею. Въ Петербургѣ, откровенность, съ какою я приступилъ къ страшной проблемѣ союзовъ, произвела глубокое впечатлѣніе (!), весьма благопріятное во всѣхъ кружкахъ, гдѣ дѣйствительно живутъ русскія чувства“... Источникомъ свѣденій, сообщенныхъ въ брошюрѣ (и въ сущности далеко не новыхъ или же сомнительныхъ), былъ „Катковъ, котораго я былъ главнымъ помощникомъ, на виду и съ вѣдома всѣхъ, въ предпринятой имъ кампаніи противъ Франціи“. Министръ иностранныхъ дѣлъ и „нѣкоторые другіе дипломаты его школы, оказывающіе мнѣ честь своею непріязнью

съ 1887 года, не могли не знать этого; впрочемъ, чтобы удостовѣриться въ этомъ, имъ достаточно было читать ежедневныя оскорбленія, которымъ мы оба, Катковъ и я (sic), подвергались со стороны нѣмецкой продажной печати, горячо поддерживавшей личную (?) политику г. Гирса“. Далѣе оказывается, что нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ „самовольно противодѣйствовалъ формальнымъ приказаніямъ и намѣреніямъ“ высшей власти (стр. 676), тогда какъ эти намѣренія усердно проводились г. Ціономъ и его патрономъ. Если официальная политика министра была „личною“, то правительственною слѣдуетъ, вѣроятно, считать невѣдомую дипломатію Каткова и его сотрудниковъ, изъ которыхъ „главный“ былъ г. Ціонъ, по его увѣренію. Быть можетъ, въ газетномъ министерствѣ Каткова бывший редакторъ бульварнаго парижскаго листа занималъ какое-нибудь мѣсто, а теперь онъ, по забывчивости, смѣшиваетъ газету съ правительствомъ и приписываетъ себѣ небывалую политическую роль. Въ этюдахъ г. Ціона столько разъ упоминается о значеніи его статей для Европы и объ его личныхъ подвигахъ и заслугахъ, что мы положительно видимъ здѣсь скорѣе матеріалъ для психіатра, чѣмъ предметъ для критики. Манія величія удовлетворяется при помощи преувеличеннаго изображенія политической дѣятельности Каткова; эта новая и своеобразная форма душевной болѣзни произвела, повидимому, нѣкоторыя опустошенія среди бывшихъ сотрудниковъ и агентовъ московскаго публициста.

Преклоненіе предъ авторитетомъ Каткова и видимое желаніе подражать ему въ вопросахъ внѣшней политики—замѣчаются и въ статьяхъ г. Татищева; но послѣдній остается все-таки въ предѣлахъ правдоподобія и не выставляетъ своей личности на первый планъ съ такою болѣзненною назойливостью, какъ г. Ціонъ. При томъ г. Татищевъ обладаетъ несомнѣнными фактическими знаніями по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ онъ трактуетъ, чего нельзя сказать о г. Ціонѣ. Но школа Каткова оказываетъ странное дѣйствіе на всѣхъ причастныхъ къ ней: они говорятъ какимъ-то высокопарнымъ, напыщеннымъ языкомъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, возводятъ свои личные дѣйствія или разсужденія на степень важныхъ государственныхъ дѣлъ и ведутъ свою особую политику не только въ печати, но и на практикѣ, въ качествѣ добровольцевъ закулисной дипломатіи. Обращаясь къ французамъ, они хвалятъ ихъ республику, а нашихъ читателей убѣждаютъ въ томъ, что французскіе республиканцы будто бы мало отличаются отъ русскихъ охранителей по своимъ политическимъ симпатіямъ и воззрѣніямъ. Если вѣрить г. Татищеву, основы нашего государственнаго и общественнаго строя „нигдѣ не пользуются такимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, какъ въ средѣ француз-

скихъ республиканцевъ, не только не помышляющихъ о посягательствѣ на нихъ, но единогласно признающихъ въ нихъ залогъ силы и величія Россіи“; „французскіе республиканцы, въ сознаніи политическихъ нуждъ и пользы страны, тяготѣютъ къ русскому самодержавію, какъ никогда не тяготѣли ни монархія Бурбоновъ, ни имперія Бонапартовъ“ („Русскій Вѣстникъ“, сентябрь, стр. 332—3). А для французовъ—тотъ же авторъ пишетъ, что опасность страстныхъ увлеченій прошла для нихъ съ тѣхъ поръ, какъ народъ вернулъ себѣ власть надъ самимъ собою: „республика воспользуется опытомъ прежнихъ правительствъ, не повторяя ихъ заблужденій, ошибокъ и грѣховъ. Она доказываетъ это, шествуя мужественно по пути искренняго и прочнаго сближенія съ великою сѣверною имперією, которая вполне расположена пойти ей на встрѣчу. Франція больше не уклонится отъ этого пути, потому что есть нѣчто болѣе непогрѣшимое, чѣмъ даже гений великаго человѣка,—это гений великой націи“ („Nouvelle Revue“, 15 septembre, p. 266). Что касается нашей внѣшней и особенно восточной политики, то для критической оцѣнки ея употребляется старыи и избитый приѣмъ, не имѣющій, въ сущности, никакого смысла: всѣ ошибки и неудачи приписываются дипломатіи, которая будто бы лишена была возможности направить исполнителей на истинный путь, согласно своимъ дѣйствительнымъ взглядамъ и интересамъ. Это выдѣленіе министерства иностранныхъ дѣлъ изъ состава правительства есть одинъ изъ любимыхъ фокусовъ Катковской полемики, и онъ чаще всего употребляется и въ настоящее время наиболѣе усердными дѣятелями „школы“, хотя доводится иными (какъ напр. г. Циономъ) уже до слишкомъ явнаго абсурда. Эти господа не замѣчаютъ, что предполагать возможность антагонизма между отдѣльнымъ вѣдомствомъ и высшею государственною властью, допускать мысль о самовольной политикѣ даннаго вѣдомства, прямо противорѣчащей намѣреніямъ власти—значить давать такое представленіе о правительственномъ строѣ, какого никогда не рѣшились бы высказывать люди, обвиняемые обыкновенно въ неумѣренномъ либерализмѣ.

Г. Татищевъ хлопочетъ не только о союзѣ съ Францією, но и о примиреніи съ Болгарією; по обоимъ этимъ вопросамъ онъ не просто разсуждаетъ, а „изрекаетъ словеса“, логика которыхъ едва ли понятна ему самому. Онъ предполагаетъ „возвращеніе болгаръ на путь истинный“ и „принесеніе ими повинной“, не помня, слѣдуетъ ли подъ этимъ разумѣть подчиненіе берлинскому трактату, отказъ отъ воссоединенія обѣихъ частей Болгаріи, или просто выраженіе готовности восстановить прежнія связи съ Россією. Эта предполагаемая

покорность небольшого балканскаго государства можетъ будто бы возвеличить насъ, „упрочивъ за нами не только преобладающее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, но и первенствующее значеніе въ свѣтѣ“. „Вотъ почему—продолжаетъ авторъ—насъ ни мало не смущаютъ вопли и скрежетъ зубовой, проявленія того изступленія, въ которое приходятъ при одной мысли о примиреніи Болгаріи съ Россією лица или кружки, для коихъ таковой оборотъ дѣла представляется величайшимъ бѣдствіемъ“. Въ числѣ этихъ враждебныхъ лицъ или кружковъ оказываются прежде всего „принцъ Фердинандъ и его приспѣшники, такъ какъ очевидно никакое сближеніе съ Болгаріей немислимо, пока Кобургъ воссѣдаетъ на похищенномъ престолѣ“; затѣмъ, „Цанковъ и его друзья, доселѣ пытавшіеся увѣрить насъ, что внѣ ихъ нѣтъ спасенія для Россіи въ Болгаріи, и наконецъ (sic!), дворы берлинскій, вѣнскій, лондонскій и римскій, для которыхъ восстановление въ княжествѣ преобладающаго вліянія Россіи равносильно чувствительнѣйшему пораженію“ (тамъ же, стр. 339—340). Послѣ Фердинанда и Цанкова въ числѣ непріязненныхъ намъ „лицъ или кружковъ“, упоминаются здѣсь, къ удивленію, четыре великія державы, которыя также „приходятъ въ изступленіе“ и смущаютъ всѣхъ, кромѣ г. Татищева, своими „воплями и скрежетомъ зубовымъ“ при одной мысли о примиреніи Болгаріи съ Россією! Но вѣдь это четыре державы—цѣлая европейская коалиція, которая можетъ ставить себѣ опредѣленные цѣли и достигать ихъ, безъ всякаго „изступленія“ или „скрежета зубоваго“. Нечего и указывать на неумѣстность этихъ послѣднихъ выраженій, въ примѣненіи къ четыремъ западно-европейскимъ кабинетамъ, противодѣйствующимъ намъ на Востокъ съ успѣхомъ, признаваемымъ и г. Татищевымъ; очень можетъ быть, что авторъ только выразился неловко и сдѣлался нечаянно жертвою своего краснорѣчія. Но нельзя все-таки понять, почему покорность Болгаріи должна доставить намъ „первенствующее значеніе въ свѣтѣ“, возвеличить Россію и посярмить всѣхъ ея противниковъ въ Европѣ: вѣдь Болгарія подчинялась намъ до послѣднихъ лѣтъ, и это не возвеличивало насъ предъ государствами запада, не давало намъ „первенствующаго значенія въ свѣтѣ“, а только причиняло намъ массу лишнихъ хлопотъ, непріятностей и расходовъ. Наконецъ, откуда могли взаться эти „вопли и скрежетъ зубовой“ среди нашихъ противниковъ, когда съ нашей стороны вовсе не поднимался вопросъ о примиреніи съ Болгаріей? Дѣло объясняется тѣмъ, что мысль о примиреніи появилась у самого г. Татищева, и что это событіе могло испугать Европу, „вопли“ которой, однако, „ни мало не смущаютъ“ нашего храбраго и предпримчиваго соотечественника. Если московскіе купцы могли предположить, что въ карманѣ г. Ціона находится готовый проектъ союзаго

договора съ Франціею, то нѣтъ уже ничего удивительнаго въ попыткѣ г. Татищева устроить примиреніе и союзъ съ болгарскимъ княжествомъ. Но мы неизбежно должны удивляться той легкости и высокомерію, съ какими говорится о рѣшительномъ противодѣйствіи четырехъ великихъ державъ, такихъ, какъ Германія, Англія, Австро-Венгрія и Италія. Очевидно, если всѣ эти державы дѣйствительно рѣшились не допустить подчиненія намъ Болгаріи, то подчиненіе это не будетъ достигнуто нами, и безъ войны мы ничего не можемъ сдѣлать, чтобы направить болгаръ „на путь истинный“. Тѣмъ не менѣе, г. Татищевъ, подобно своему соратнику г. Ціону, проявляетъ большую увѣренность въ побѣдѣ и заранѣе обѣщаетъ быть великодушнымъ, ссылаясь на евангеліе, изъ котораго онъ тутъ же дѣлаетъ подробную цитату. Онъ возражаетъ противъ „высказаннаго нѣкоторыми русскими газетами мнѣнія, что повинная болгаръ можетъ быть принята лишь подъ условіемъ, „чтобы Стамбуловъ немедленно и навсегда удалился изъ Болгаріи“; онъ отказывается понять это мнѣніе, но не по внутренней несостоятельности его, а только потому будто бы, что находить его „противнымъ евангельскому ученію“ (1). Этотъ споръ о томъ, на какихъ условіяхъ принять повинную болгаръ и какъ поступить съ Стамбуловымъ,—изгнать ли его изъ страны, или же позволить ему жить гдѣ-нибудь подъ строгимъ надзоромъ,—оставляется авторомъ безъ дальнѣйшей разработки. Г. Татищевъ довольствуется заявленіемъ, что „заблудшихъ братьевъ“ нужно постараться „силою убѣжденія возвратить на путь добра и правды“; „это не помѣшаетъ намъ срывать личину съ лицемѣровъ и нещадно бить враговъ“, при чемъ опредѣленіе того, кто лицемѣры и враги, должно быть, вѣроятно, предоставлено г. Татищеву съ г. Ціономъ и компаніей. Авторъ надѣется на скорый поворотъ событій въ пользу Россіи, на основаніи историческихъ примѣровъ, изъ которыхъ онъ приводитъ одинъ: „послѣ Нарвы—Полтава“.

Хорошо было бы, еслибы перемѣны въ европейской политикѣ зависѣли отъ удачныхъ примѣровъ и патриотическихъ возгласовъ; тогда успѣхъ былъ бы всегда на нашей сторонѣ, ибо нигдѣ въ мірѣ не процвѣтаетъ въ такой степени краснорѣчіе въ стилѣ г. Татищева, какъ у насъ. Сколько громкихъ и грозныхъ словъ печаталось въ Москвѣ во время послѣдней турецкой войны, противъ коварной и своекорыстной Англіи, противъ двусмысленной дипломатіи Берлина, противъ козней Австро-Венгріи, и однако, не за нами осталось торжество на берлинскомъ конгрессѣ. До начала военныхъ дѣйствій наши патріоты неустанно и краснорѣчиво доказывали, что нѣтъ ничего легче какъ разгромить Турцію; а между тѣмъ это высокомеріе по отношенію къ противнику не оправдалось на дѣлѣ. Теперь на

Балканскомъ полуостровѣ мы должны считаться съ четырьмя великими державами, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности несравненно сильнѣе Турціи наканунѣ 1877 года, и опять пускаются въ ходъ тѣ же банальныя патріотическія фразы, долженствующія убавлять наше національное самолюбіе и представлять намъ обманчивыя перспективы, которыя совершенно не согласуются съ условіями дѣйствительности и съ нашими собственными реальными усиліями. Люди, собиравшіеся передъ крымской войною закидать шапками Европу, были искренними, хотя и заблуждавшимися и недалновидными патріотами; но теперешніе публицисты, храбро побѣждающіе на бумагѣ коалицію изъ четырехъ великихъ державъ и грозящіе имъ „Полтавою—послѣ Нарвы“, завѣдомо толкаютъ общество на путь опасныхъ и безцѣльныхъ приключеній. Эти публицисты, постоянно рисующіеся своими чисто-русскими чувствами, не могли забыть ни послѣдней турецкой кампаніи, ни дипломатическихъ ошибокъ недавняго прошлаго; они не имѣютъ никакого оправданія для своихъ неуклюжихъ похвальбъ и лицемѣрныхъ пророчествъ, основанныхъ на явномъ и сознательномъ самообольщеніи. Г. Татищевъ отлично понимаетъ, что ошибки и неудачи, бывавшія прежде, не предупреждаются однимъ лишь повтореніемъ старыхъ и истертыхъ патріотическихъ клише; онъ знаетъ, что самодовольное восхваленіе нашихъ національныхъ преимуществъ и порядковъ нисколько не увеличиваетъ шансовъ успѣха въ борьбѣ съ государствами западной Европы; онъ не можетъ также не знать, что нѣтъ и рѣчи о явѣ болгаръ съ повинною при современныхъ международныхъ обстоятельствахъ, пока несомнѣнно благоприятныхъ для самостоятельнаго развитія Болгаріи. Надѣяться, что болгарскіе правители, пользующіеся покровительствомъ четырехъ великихъ державъ, вздумаютъ вдругъ отдать себя и все княжество въ распоряженіе своей освободительницы, Россіи, безъ малѣйшихъ къ тому понудительныхъ причинъ, въ силу одного лишь стремленія къ покаянію въ грѣхахъ, — надѣяться на подобное чудо не можетъ ни одинъ здравомыслящій человекъ, и всего меньше г. Татищевъ, хорошо знакомый съ исторіею нашихъ прежнихъ запутанныхъ дипломатическихъ отношеній и погрѣшностей въ Болгаріи, имъ же указанныхъ. Фантазировать можно, конечно, въ какомъ угодно духѣ; но никто не повѣритъ, что послѣ всѣхъ наглядныхъ опытовъ, продѣланныхъ въ княжествѣ, у насъ существуютъ еще люди, способные приписывать болгарамъ желаніе испросить возвращеніе генерала Каульбарса, чтобы поваляться предъ нимъ въ грѣхахъ относительно Россіи и т. п. Не вѣрить въ это, разумѣется, и г. Татищевъ, и если онъ, тѣмъ не менѣе, печатно предлагаетъ болгарамъ нѣчто подобное, то это дѣлается имъ скорѣе какъ обычная дань Катковскому патріотизму. Нельзя не за-

мѣтитъ, что въ той части нашей печати, которой г. Татищевъ почему-то присвоиваетъ названіе „независимой“, сильно развилось за послѣдніе годы особое патріотическое ханжество, которое по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ напоминаетъ эпоху, предшествовавшую крымской войнѣ: тотъ же условный, высокопарный языкъ, то же пренебреженіе къ государствамъ западной Европы, тѣ же ссылки на неисчерпаемую русскую мощь безъ достаточнаго вниманія къ жизненнымъ условіямъ народнаго развитія и благосостоянія, то же злоупотребленіе громкими словами въ области внѣшней политики и та же склонность создавать себѣ иллюзіи въ ущербъ реальной дѣятельности. Къ счастью, это своеобразное ханжество остается лишь удѣломъ нѣкоторой части нашей публицистики и не проникаетъ въ сферу реальныхъ международныхъ отношеній Россіи.

Напечатанныя въ „Новомъ Времени“ письма г. Татищева о пребываніи его въ Софіи интересны и поучительны въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя посвящены передачѣ подробныхъ объясненій болгарскихъ министровъ—Тончева и особенно Стамбулова. Такихъ обстоятельныхъ и точно мотивированныхъ рѣчей болгарскихъ правителей по щекотливому вопросу объ отношеніяхъ княжества къ Россіи мы не встрѣчали еще въ нашей печати. Если передача этихъ разговоровъ вѣрна и полна, то это составляетъ заслугу г. Татищева. Авторъ въ своемъ отчетѣ рисуетъ печальную картину упадка или, вѣрнѣе, отсутствія русскаго вліянія въ странѣ, со времени добровольнаго удаленія нашихъ представителей изъ Болгаріи при генералѣ Каульбарсѣ. Г. Татищевъ посѣтилъ „опустѣлыя палаты русскаго дипломатическаго агентства, возвышающагося на самомъ оживленномъ мѣстѣ города, и только величественною своею внѣшностью напоминающія о положеніи, что нѣкогда занимала Россія въ государственномъ и общественномъ строѣ созданнаго ею княжества“... „Вхожу во дворъ,—говорится далѣе,—онъ поросъ травой; садъ въ полномъ заустѣніи. Кавасъ отворяетъ мнѣ дверь. Подымаюсь по мраморной лѣстницѣ, вступаю въ большую приемную залу. Черезъ закрытыя ставни еле брезжетъ дневной свѣтъ. Кругомъ неприглядно, невесело, мрачно. Испытываешь ощущеніе мертвенной тишины и опустѣнія, словно на кладбищѣ“. Авторъ бесѣдовалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ главными политическими дѣятелями современной Болгаріи; особенно любопытны рѣчи и заявленія Стамбулова, а отчасти также Тончева, которыя, конечно, замѣчены были всѣми читателями газетъ (въ „Нов. Вр.“ отъ 12—17-го сентября). Эти объясненія бросаютъ новый свѣтъ на нѣкоторыя второстепенныя причины разрыва съ Россією и на роль генерала Каульбарса въ ускореніи этой развязки. О теперешнемъ внутреннемъ положеніи княжества авторъ говоритъ мало. Что это положеніе по преж-

нему благоприятно для энергическаго режима Стамбулова, это видно изъ результата выборовъ въ народное собраніе, происходившихъ 26-го августа (6 сент.). Громадное большинство избранныхъ принадлежитъ въ правительственной партіи; самъ Стамбуловъ избранъ въ четырехъ мѣстахъ: въ Софіи, Тырновѣ, Филиппополѣ и Эски-Загрѣ; членовъ оппозиціи всего около тридцати. Какъ бы сильно ни было давленіе правительства на выборы, но такого результата трудно достигнуть исключительно одними способами принужденія и нравственнаго гнета; впрочемъ политическія обстоятельства Болгаріи, вѣшнія и внутреннія, не таковы, чтобы можно было требовать отъ ея правителей соблюденія полнаго нейтралитета въ горячую пору выборовъ въ народное собраніе.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го октября 1890.

— Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Уральскіе рассказы. Два тома. М. 1888—89.

Рассказъ изъ народнаго быта давно уже началъ принимать у насъ мѣстную провинціальную окраску: рядомъ съ бытовыми картинами, вообще изображающими условія и событія народной жизни, появляются произведенія, гдѣ народная жизнь рисуется въ ея особенныхъ мѣстныхъ чертахъ. Прежде всего выдѣлилась жизнь малорусская: это совсѣмъ особые нравы, преданія, поэзія и языкъ; за послѣднее время наши беллетристы изъ народнаго быта только изрѣдка касаются малорусской жизни, которая ищетъ изображеній на мѣстномъ языкѣ, такъ какъ въ современной формѣ этого рассказа требуется столько детальнаго принадеженностей, что въ рассказѣ русскомъ нужно было бы слишкомъ часто прибѣгать къ переводу. Но и великорусскій рассказъ начинаетъ распадаться на мѣстныя категоріи. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно подводить подъ общую картину бытъ нашего центра, сѣвера, Поволжья, Урала, Сибири.

При общихъ основныхъ чертахъ великорусскаго народнаго характера, онъ чрезвычайно варьируется въ разобщенныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ вмѣстѣ съ различіемъ климата, почвы, господствующаго промысла и наконецъ даже видоизмѣненій племенныхъ. Такимъ образомъ, развитіе этого отдѣла беллетристики въ мѣстныхъ направленіяхъ представляется вполне естественнымъ и законнымъ, и надо думать, что дальше оно пойдетъ еще шире. Присутствіе мѣстныхъ элементовъ оказывалось уже само собой у нашихъ большихъ писателей, которые, касаясь народнаго быта, естественно рисовали тотъ народъ и ту обстановку, какіе были имъ знакомы на мѣстѣ. Народъ у Тургенева есть по преимуществу народъ орловскій; у Некрасова—народъ верхняго Поволжья; у Писемскаго—также; у Островскаго—москвичи и тоже верхнее Поволжье. Но затѣмъ возникала потребность специаль-

наго изображенія одной данной мѣстности, и надо сказать, что эти изображенія бывали исполнены интереса: таковы были рассказы Мельникова-Печерскаго изъ жизни средняго Поволжья съ прибавленіемъ особаго разряда народности—раскола. Въ концѣ концовъ, народная беллетристика соприкасалась съ чистой этнографіей: этихъ нравовъ и обычаевъ, этихъ преданій и языка нѣтъ въ другихъ мѣстахъ, и если писатель кромѣ таланта обладалъ дѣйствительнымъ знаніемъ описываемаго быта, его произведенія, рядомъ съ поэтическимъ достоинствомъ, получали цѣну настоящей этнографической картины. Съ другой стороны, къ подобной картинѣ приходили и труды, задуманные съ цѣлю прямо научнаго бытового изысканія: таковы были рассказы г. Максимова, который, ставя себѣ задачей этнографическое описаніе, дѣлался почти беллетристомъ.

Въ ряду этихъ повѣствователей изъ народнаго быта, избирающихъ мѣсто дѣйствія въ одномъ опредѣленномъ краѣ, почетное мѣсто принадлежитъ г. Мамину. Это писатель весьма плодовитый: кромѣ мѣстныхъ рассказовъ, онъ предпринималъ рассказы иного рода, цѣлые романы, но мы предпочитаемъ тѣ его произведенія, гдѣ онъ остается на своей очевидно родной или по крайней мѣрѣ давно и близко знакомой почвѣ. Собравши свои „Уральскіе рассказы“, онъ даетъ читателю болѣе или менѣе законченную картину особой разновидности русскаго народнаго быта: здѣсь авторъ видимо у себя дома; его описанія природы свидѣтельствуютъ, что писатель много наблюдалъ ее и сжился съ ней—оттого она изображается у него съ такою любовью и съ такимъ запасомъ живописныхъ оттѣнковъ; люди ему также близко знакомы—онъ знаетъ ихъ прошедшее, знаетъ, какъ сложился ихъ современный бытъ, вполне изучилъ ихъ положеніе хозяйственное, ихъ нравы и ухватки, особенности рѣчи и т. д.

Мѣсто дѣйствія его рассказовъ есть Уралъ—не Уралъ казачьяго войска, а горный округъ, и ближайшимъ образомъ горнозаводское населеніе—какъ самая масса рабочаго люда, такъ частью и его управители. Это дѣйствительно особый міръ, который издавна отличался отъ всего остальнаго русскаго крестьянства своимъ юридическимъ положеніемъ. Какъ вообще сѣверныя губерніи, такъ и пермская, не знали крѣпостнаго права въ видѣ личной помѣщичьей власти: здѣсь было только два, три помѣщичьихъ рода, владѣвшихъ землями и крестьянами, и они были исключеніемъ; но положеніе народа было оттого не легче. Не принадлежа помѣщикамъ, крестьяне тѣмъ не менѣе были крѣпостные—они были приписаны къ заводамъ и несли тамъ обязательную работу, не уступавшую крѣпостному труду. Они были въ полной власти управляющихъ, которые господствовали надъ ними безконтрольно и въ большинствѣ случаевъ, если не во всѣхъ,

самоуправно и жестоко. Освобожденіе крестьянъ сдѣлало ихъ лично вольными, но экономическое положеніе осталось то же—зависимое и скудное. Нашъ авторъ въ нѣсколькихъ разсказахъ касается этого горнозаводскаго быта съ обѣихъ его сторонъ—рабочаго народа и управителей. Онъ припоминаетъ и историческое прошлое этихъ заводовъ, и какъ будто недостаетъ только собственныхъ именъ и годовъ, чтобы передъ нами прошла настоящая историческая картина горнозаводскаго быта.

Эта исторія, въ сущности, очень печальная. Громадныя естественныя богатства этого края, добываемыя цѣною крайне тягостнаго труда мѣстнаго крестьянства, не создали ни благосостоянія края, ни правильной ихъ разработки; результатомъ было нѣсколько огромныхъ личныхъ богатствъ, около которыхъ второстепеннымъ образомъ богатыли ближайшіе управители, но самыя эти богатства были большею частью непрочны и непроизводительны. Дѣти или внуки богачей расточали это богатство на вѣтеръ; первымъ энергическимъ труженникамъ, которые упорными усиліями создавали эти состоянія, наследовали люди, которые умѣли только пользоваться готовою роскошью, и обыкновенно разстроивали дѣло, спуская богатство въ грубомъ или изысканномъ вутежѣ. Самый промыселъ велся большею частью хищнически, безъ всякой мысли о завтрашнемъ днѣ и безъ всякой заботы о трудящемся народѣ, который былъ только предметомъ эксплуатаціи. Въ цѣломъ, получалась странная жизнь съ жестокими нравами, съ одичаньемъ народа, но вмѣстѣ и съ оригинальными проявленіями народнаго характера. Рабочій гнетъ не подавлялъ энергическихъ натуръ, и въ этомъ тяжеломъ быту развивались своеобразные типы съ проявленіями какой-то полудикой поэзіи. Авторъ „Уральскихъ разсказовъ“ рисуетъ нѣсколько такихъ типовъ въ видѣ охотниковъ, „ходаковъ“ и т. п. людей, въ которыхъ сказывалось народное сознаніе, неясный протестъ и такое же неясное поэтическое настроеніе.

Какъ шла исторія многихъ богатыхъ уральскихъ заводовъ, авторъ указываетъ на одномъ примѣрѣ:

„Пластунскіе заводы представляютъ интересную страничку въ исторіи Урала. Первый такъ-называемый, Старый заводъ, основанъ былъ на р. Пластунѣ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, когда на Уралѣ заводы росли, какъ грибы, десятками. Мѣсто подъ заводы было выбрано чрезвычайно удачно: богатыя руды, дремучіе лѣса, нѣсколько горныхъ рѣкъ, удобныхъ для запруды, всѣ условія точно нарочно сгруппировались въ интересахъ вѣдшаго развитія заводскаго дѣла. И дѣйствительно, новые заводы пошли бойко въ ходъ и стали приносить своему основателю милліонныя дивиденды. Этотъ первый заводчикъ, по фамиліи Кученковъ, выбился въ большіе люди изъ пол-

ной неизвѣстности и дѣлую жизнь работалъ за четверыхъ. Впрочемъ приблизительно такъ история возникновенія почти всѣхъ уральскихъ горныхъ заводовъ, за исключеніемъ казенныхъ, гдѣ были свои порядки. Какъ всѣ первые уральскіе заводчики, Кученковъ обладалъ самой завидной энергіей, хорошо понималъ свои интересы и специально заводскую часть и, какъ всѣ первые уральскіе заводчики, не церемонился съ рабочими, а въ случаѣ ослушанія, расправлялся съ ними звѣрски.

„Кученковъ, въ смыслѣ типичности, былъ замѣчательный человекъ: ходилъ въ полушубкѣ и въ валенкахъ, съ завода на заводъ переѣзжалъ часто съ „обратными“ ямщиками, вообще жилъ крайне просто и только любилъ щегольнуть передъ начальствомъ. Наслѣдники Кученкова начали съ того, что раздѣлились: одинъ взялъ заводы, другому выдѣлили часть деньгами, третій получалъ извѣстный дивидендъ и не вступался ни въ какія дѣла. Всѣ трое жили или въ Петербургѣ, или за границей, безобразничая на-пропалую. Внукъ Кученкова, къ которому перешли заводы, получилъ воспитаніе въ Парижѣ, подъ вліяніемъ какого-то іезуита, и до конца своей жизни не могъ научиться говорить правильно по-русски, хотя жилъ небожь, и уронилъ заводы окончательно, опутавъ ихъ неоплатными долгами. Никакое крѣпостное право и никакіе Иваны Антоннычи ¹⁾ не могли спасти падавшихъ заводовъ, и они сейчасъ послѣ воли за казенные долги перешли въ опекунское управленіе, гдѣ всѣмъ дѣломъ верховодила сплоченная кучка горныхъ инженеровъ. Эти опекуны повели дѣла чрезвычайно ловко, въ видахъ „усиленія заводскаго дѣйствія“ разными „хозяйственными способами“, увеличили казенный долгъ вдвое, такъ что, въ концѣ концовъ, Пластунскіе заводы пошли съ молотка и достались какой-то сильной иностранной компаніи.

„Владычество новой компаніи началось съ того, что на смѣну старыхъ доморощенныхъ управителей и служащихъ была послана настоящая армія „нѣмцевъ“ и заведенъ былъ въ дѣлахъ чисто нѣмецкій безконечный порядокъ. На одномъ Пластунскомъ заводѣ было восемьдесятъ человекъ служащихъ, изъ которыхъ шестьдесятъ-пять были „нѣмцы“, а пятнадцать—изъ старыхъ заводскихъ служащихъ. Конечно, эти нѣмцы разобрали самыя лучшія мѣста... Русскія фамиліи жались на самыхъ послѣднихъ ступенькахъ этой канцелярской лѣстницы—писцами, дозорными, запащиками и тому подобной мелкой сошкой, даже не имѣвшей подчасъ названія своей должности—такъ она была мелка и ничтожна“.

Такимъ образомъ, заводское дѣло кончалось несостоятельностью.

¹⁾ Управители крѣпостныхъ временъ.

Но и новый порядок не поставил дѣла правильно; нѣмецкая администрація оказалась для рабочихъ кабалой.

Картина мѣстнаго быта, нравовъ управителей прежняго и новѣйшаго времени и управляемыхъ получается довольно мрачная: съ одной стороны, самодурство, притѣсненіе заводскаго населенія и бессмысленное разбрасываніе накопленныхъ богатствъ, съ другой—бѣдность и „власть тьмы“ въ разныхъ видахъ. Авторъ исполняетъ свою задачу съ большою талантливостью: онъ умѣетъ подмѣчать черты нравовъ, какъ онѣ складывались въ ихъ особыхъ условіяхъ, хорошо изучилъ бытъ и, наконецъ, обставляетъ свой рассказъ прекрасными изображеніями мѣстной природы; описанія уральскаго пейзажа составляютъ одну изъ привлекательныхъ сторонъ его рассказовъ; наконецъ, авторъ прекрасно владѣетъ народнымъ языкомъ.

И здѣсь опять беллетристическое изображеніе края сближается почти съ этнографическою точностью; читая эти рассказы, у насъ не однажды появлялось желаніе, чтобы то знаніе страны, какимъ владѣетъ авторъ, не осталось въ границахъ беллетристики, а послужило также и для цѣлей точнаго бытового изслѣдованія. Намъ кажется, что при томъ матеріалѣ свѣденій, какимъ владѣетъ авторъ, и при томъ умѣннѣ наблюдать живой бытъ, онъ могъ бы дать и такую картину уральскаго края, которая послужила бы чрезвычайно любопытнымъ матеріаломъ для историка народнаго быта и этнографа.

— С. Н. Сыромятникова. Сага объ Эйрикѣ Красномъ (Eiriks Saga Raudha). Спб. 1890.

Книжка г. Сыромятникова принадлежитъ къ числу тѣхъ, пока еще немногихъ трудовъ, которымъ предстоитъ, кажется, начать новый отдѣлъ нашей науки. Мы разумѣемъ изученія въ области романо-германской филологіи. Онѣ возникаютъ у насъ лишь недавно, именно съ тѣхъ поръ, какъ основана была въ университетахъ кафедра европейскихъ литературъ. Въ прежнее время появлялись очень рѣдко труды въ этой области—и, напримѣръ, тѣми исландскими сагами, съ которыми мы теперь встрѣчаемся, занимался нѣкогда протоіерей Сабининъ,—но это были почти только опыты любителей, являвшіеся безъ научнаго прецедента и остававшіеся безъ научнаго вліянія. Въ нѣсколькихъ трудахъ, какіе уже явились у насъ теперь по романо-германской литературѣ, представляется уже нѣчто почти совсѣмъ новое: молодые ученые, вступающіе въ эту область по указаніямъ своихъ опытныхъ руководителей, приступаютъ къ дѣлу съ двумя важными преимуществами—знакомствомъ съ научными требо-

ваніями и приѣмами, и съ сознательной любовью къ предмету. То и другое ручается, что за первыми опытами послѣдуютъ другіе, и въ нашей научной литературѣ будетъ восполненъ важный пробѣлъ. Этотъ пробѣлъ касается въ особенности средневѣковыхъ литературъ; новѣйшія литературы Европы болѣе или менѣе доступны для изученія всякому желающему, знакомому съ языкомъ; литературы средневѣковыя требуютъ знанія стараго языка и гораздо болѣе сложныхъ приѣмовъ изученія, которые могутъ быть достигнуты только специальной школой. Между тѣмъ знаніе этой средневѣковой литературы, безъ сомнѣнія, необходимо и для пониманія литературъ новѣйшихъ: здѣсь корень новѣйшаго литературнаго развитія и, съ другой стороны, чѣмъ далѣе, тѣмъ становится все яснѣе, что знакомство съ литературой среднихъ вѣковъ необходимо и для точнаго уразумѣнія нашей собственной старины. Народы средневѣковыя не вели той разъединенной жизни, какъ это казалось прежде самимъ ученымъ; напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше оказывается между ними, во-первыхъ, параллельности развитія, во-вторыхъ, прямыхъ реальныхъ связей. Очевидно, что при этомъ условіи изученіе чужихъ среднихъ вѣковъ перестаетъ быть дѣломъ одного случайнаго любопытства и, напротивъ, оказывается и для насъ самихъ дѣломъ ближайшей научной необходимости. Тѣ сличенія, какія были сдѣланы до сихъ поръ въ русской поэтической и бытовой старинѣ съ бытомъ и поэзіей средневѣковаго запада, достаточно указываютъ это уже теперь; нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія изысканія дадутъ этихъ указаній еще болѣе.

Г. Сыромятниковъ избралъ предметомъ своихъ специальныхъ изученій одну сторону западно-средневѣковой старины, у насъ едва ли не менѣе всего извѣстную, хотя она различнымъ образомъ сопрягается довольно близко съ нашею древностью. Это—древняя скандинавская литература. О скандинавскихъ сагахъ, по отношенію къ древне-русской исторіи, у насъ говорятъ уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ поднятъ былъ вопросъ о норманствѣ варяговъ, но, какъ мы сказали, лишь очень немногіе изъ нашихъ ученыхъ углублялись въ самую скандинавскую древность. Кромѣ Сабина, занялся ею однажды Сенковский, переведшій Эймундову сагу, не весьма правильно и съ обычными у него произвольными парадоксами. Кромѣ того, можно еще назвать переводъ саги о Фритіофѣ, присоединенный Я. К. Гротомъ къ его переводу поэмы Тегнера, и переводъ одной саги, сдѣланный Ѳ. Д. Батюшковымъ, и этимъ ограничится все, что было усвоено русской литературой изъ перваго источника. Авторъ настоящей книжки исполнилъ свое дѣло весьма обстоятельно. Предположивъ познакомить русскихъ читателей съ исландской литературой,

онъ выбралъ для этого сагу объ Эйрикъ Красномъ, составленіе которой считаютъ возможнымъ относить къ концу XII вѣка: „она заинтересовала меня,—говоритъ авторъ,—не только какъ достовѣрное извѣстіе объ открытіи Америки норманнами въ началѣ XI вѣка, но и какъ литературное произведеніе, при простотѣ и неприкрашенности разсказа заключающее въ себѣ много жизни, много полныхъ движенія сценъ и интересно-разсказанныхъ эпизодовъ“. Было и другое соображеніе, на которое наводили историческія, до сихъ поръ не выясненныя, отношенія скандинавскаго сѣвера къ древней Русь: „Среди груды ученыхъ трудовъ, то разсѣкавшихъ ножомъ анализа историческую жизнь на безконечно-малые кусочки, то остроумнымъ синтезомъ, собиравшимъ изъ этихъ кусочковъ затѣйливыя, болѣе или менѣе произвольныя мозаики, я искалъ жизненныхъ образовъ изъ скандинавскаго міра, образовъ, которые для русскаго читателя наполнили бы пустое пространство, явившееся на зарѣ русской исторіи, благодаря трудамъ антинорманистовъ, всѣми научными неправдами пытающихся отнять у русскаго народа одну изъ его лучшихъ культурныхъ побѣдъ, безкровную побѣду надъ норманскими князьями и дружинами. Эта небольшая сага удовлетворила моимъ требованіямъ. Благородный характеръ ея героини, почтенная, дворянская гордость разорившагося вотчинника, единственное по полнотѣ и по колоритности изображеніе старой скандинавской колдуньи, живая передача необычайныхъ приключеній въ невѣдомой странѣ — все это, думалось мнѣ, способно заинтересовать и русскаго читателя, въ распоряженіи котораго весьма мало образцовъ изящной литературы Исландіи“.

Къ переводу саги авторъ присоединилъ небольшое введеніе, въ которомъ далъ очеркъ исландской исторіи въ тѣ вѣка, когда создавалась эта оригинальная литература, объяснилъ условія, сдѣлавшія именно Исландію родиной этихъ своеобразныхъ сказаній, а въ концѣ книги помѣстилъ примѣчанія и къ своему историческому очерку, и къ тексту перевода. Историческій очеркъ и упомянутыя примѣчанія свидѣтельствуютъ о большой начитанности автора, не только въ данномъ предметѣ, но и вообще въ вопросахъ средневѣковой литературы. Между прочимъ, авторъ вступилъ въ сношенія съ однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ по данному вопросу, исландцемъ по рожденію, профессоромъ оксфордскаго университета, Вигфуссономъ (умершимъ въ прошломъ году), и въ отрывкѣ изъ письма Вигфуссона, приведенномъ въ примѣчаніяхъ, сказывается та связь средневѣковыхъ изученій нашихъ и западныхъ, о которой мы выше упоминали.

Въ предисловіи къ книжкѣ авторъ говоритъ, что смотритъ на

свою книгу какъ на „первый, несмѣлый опытъ приподнять завѣсу, отдѣляющую древне-скандинавскій міръ отъ глазъ русскаго образованнаго человѣка. Цѣль ея изданія—познакомить немногихъ русскіхъ людей, интересующихся прошедшимъ своей родины, съ тѣми обитателями скандинавскаго Сѣвера, съ которыми ихъ русскіе предки воевали, торговали, роднились, пировали и вмѣстѣ то обороняли, то пытались низвергнуть колеблющійся тронъ византійскихъ кесарей назадъ тому десять вѣковъ“. Онъ говоритъ затѣмъ: „въ сокровищницу науки эта книжка не прибавитъ почти ничего; я былъ бы доволенъ, еслибы она сдѣлала что-нибудь для распространенія знаний. И отъ пріема, который ей будетъ оказанъ, зависитъ продолженіе моей дѣятельности въ этомъ послѣднемъ направленіи“. Это послѣднее замѣчаніе мы почитаемъ напраснымъ: авторъ положилъ столько труда на изученіе сѣвернаго языка, знаніе котораго у насъ такъ рѣдко, и свой первый трудъ исполнилъ съ такою любовью и такъ обстоятельно, что, расширивъ свои изученія, могъ бы дать нашей историко-филологической литературѣ существенно важные труды въ этой области, и было бы малодушіемъ ставить эти дальнѣйшіе труды въ зависимость отъ успѣха первой книжки. Извѣстно давнымъ-давно, что наша публика довольно равнодушна къ предметамъ чисто научнаго характера; достаточно, если интересъ будетъ возбужденъ хотя бы въ тѣсномъ кругу наиболѣе подготовленныхъ читателей; но затѣмъ и дѣло самого ученаго возбуждать этотъ интересъ, и это послѣднее можетъ быть достигнуто въ особенности широкой постановкой самыхъ изученій. Мы не сомнѣваемся, что болѣе обширный трудъ о скандинавской литературѣ, особливо съ подробнымъ пересмотромъ ея отношеній къ древней Руси, привлечетъ къ себѣ вниманіе большой публики, послуживши вмѣстѣ важнымъ вкладомъ въ специальную науку.

— *Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя.* Письмо Н. В. Гоголя 1827 г. къ Г. И. Высочкому и предполагаемый портретъ Гоголя-студента. Съ четырьмя снимками и портретомъ. *П. В. Владимірова.* (Кіевъ), 1890.

Въ послѣднее время ни о комъ изъ нашихъ знаменитыхъ писателей, отошедшихъ въ исторію, не дѣлается столько разысканій, не издается столько матеріаловъ, какъ о Гоголѣ. Этому можно только порадоваться. Гоголь былъ такимъ знаменательнымъ дѣятелемъ въ новѣйшемъ развитіи нашей литературы, что изученіе его получаетъ особливо широкій историческій смыслъ. Въ самое послѣднее время явились въ этомъ отношеніи чрезвычайно важные труды, какъ новое изданіе его сочиненій съ комментаріями г. Тихонравова; какъ усерд-

ные труды г. Шенрока, собравшаго и издавшаго такъ много неизвѣстной до сихъ поръ переписки и воспоминаній, относящихся къ Гоголю; какъ изданныя недавно воспоминанія С. Т. Аксакова и т. д. Къ этимъ крупнымъ матеріаламъ примыкаютъ затѣмъ и болѣе частныя работы, также не лишеныя значенія въ общемъ счетѣ. Такова и книжка, заглавіе которой мы выписали. Основа ея не многосложна: это—предполагаемый портретъ Гоголя-студента и одно неизданное письмо его отъ 1827 года, пожертвованные студентомъ Соболевскимъ въ бібліотеку кievскаго университета. Письмо Гоголя, довольно длинное, адресовано къ Г. И. Высоцкому, его товарищу по нѣжинскому лицей и большому пріятелю, какъ говорятъ, имѣвшему на него въ тѣ годы значительное вліяніе. Два другія письма къ тому же Высоцкому и отъ того же 1827 года были раньше изданы г. Кулишомъ. Портретъ Гоголя, факсимиле котораго издано также въ книжкѣ г. Владимірова, рисованъ красками на картонѣ и на оборотѣ его поставлено имя Гоголя. Должно сказать, что портретъ, независимо отъ вопроса объ его сходствѣ, рисованъ очень дурно, вѣроятно неопытной рукой какого-нибудь любителя товарища, въ профиль, который вообще предпочитается такими любителями; изображаемое лицо снабжено очками. О томъ, что Гоголь носилъ очки и впоследствии, упоминается въ воспоминаніяхъ П. А. Каратыгина.

Таковъ новый матеріалъ; за его изданіе и объясненіе взялся г. Владиміровъ, профессоръ кievскаго университета, извѣстный своими изслѣдованіями по древней русской литературѣ: къ рукописному матеріалу первой половины XIX вѣка онъ отнесся съ такимъ же впропотливымъ вниманіемъ, какъ еслибы передъ нимъ былъ памятникъ XV или XVI вѣка. Онъ далъ письму Гоголя палеографическое опредѣленіе по всѣмъ правиламъ искусства, наприимѣръ, указалъ формы буквъ, сообщилъ водяные знаки бумаги (1825 года), хотя хронологическая принадлежность письма не представляла никакихъ недоумѣній; далѣе, напечаталъ письмо въ точной транскрипціи съ соблюденіемъ всѣхъ орфографическихъ ошибокъ, хотя для удобства чтенія смѣло могъ бы къ этому не прибѣгать, такъ какъ тотъ, кто понатересовался бы считать эти ошибки, могъ бы найти ихъ сполна въ приложенномъ факсимиле дѣлаго письма. Наконецъ, г. Владиміровъ присоединилъ къ письму подробный комментарий. Письмо дѣйствительно любопытно. Оно писано Гоголемъ изъ Нѣжина къ Высоцкому, который, окончивъ курсъ годомъ раньше Гоголя, былъ тогда уже на службѣ въ Петербургѣ, и наполнено подробностями о пребываніи Гоголя въ лицей или въ „гимназіи высшихъ наукъ“, какъ онъ тогда назывался: оно прибавляетъ нѣкоторыя новыя черты къ тому, что было уже извѣстно о нравахъ этого учебнаго заведенія, и о томъ,

какъ въ немъ проводилъ время самъ Гоголь. Онъ рассказываетъ пріятелю о тѣхъ удовольствіяхъ, какія доставляли имъ на праздникахъ домашній театръ, сообщаетъ новости о товарищахъ, учителяхъ и начальствѣ, пересыпая все это привычными бранчивыми шутками; наконецъ, спрашиваетъ Высоцкаго о петербургской жизни: „Какъ тамъ цѣны, въ чемъ именно дороговизна, все это съ нетерпѣніемъ хочу я узнать и заранѣе сообразоваться съ своими предположеніями; какъ тамъ квартиры? что нужно платить въ годъ за двѣ или три хорошенькія комнаты, въ какой части города дороже, гдѣ дешевле, что стоитъ въ годъ отопленіе ихъ, и проч., и проч. Да, и позабылъ-было совсѣмъ, какъ значительны жалованья и сколько ты получаешь? Сколько часовъ ты бываешь въ присутствіи и когда возвращаешься домой? Извини, что я тебя забрасываю кучею вопросовъ, мнѣ ужасно какъ хочется скорѣе узнать все“.

Письмо писано всего за два, за три года передъ тѣмъ, какъ Гоголь выступилъ на литературное поприще, и кажется страннымъ, что въ это время Гоголь, какъ видно изъ тогдашнихъ его писемъ, весьма недостаточно владѣлъ не только орѳографіей, но и самымъ языкомъ. Извѣстныя неправильности языка оставались у него всегда, а здѣсь онъ особенно велики въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о чемъ либо отвлеченномъ, но рядомъ съ этимъ являются и весьма мѣткіе и своеобразные обороты. Г. Владиміровъ въ своемъ комментарий внимательно собралъ изъ другихъ источниковъ фактическія данныя, которыя служатъ къ объясненію письма, а также къ объясненію тогдашняго нравственнаго состоянія Гоголя, его настроенія, плановъ будущаго, и т. д. Гоголю было тогда всего 18 лѣтъ: еще виденъ совсѣмъ неустановившійся юноша, а черезъ три, четыре года онъ выступаетъ уже какъ авторъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, начавшихъ его славное литературное поприще.

— *Русскія древности въ памятникахъ искусства*, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ третій. Древности временъ переселенія народовъ. Съ 185 рисунками въ текстѣ. Спб. 1890.

Въ настоящемъ случаѣ мы хотѣли только отмѣтить выходъ третьяго выпуска замѣчательнаго изданія, предпринятаго графомъ И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ. Первые два выпуска вышли въ прошломъ году, и передъ нами уже третій, изданный въ той же формѣ, но еще съ большимъ количествомъ рисунковъ. Изложеніе „Русскихъ Древностей“ начато было классическими древностями южной Россіи, за которыми во второмъ выпускѣ послѣдовали древ-

ности скиео-сарматскія; третій выпускъ излагаетъ древности время переселенія народовъ. Великолѣпное изданіе при чрезвычайно доступной цѣнѣ имѣло съ самаго начала большой успѣхъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ книги потребовалось второе изданіе перваго выпуска; надо думать, что тотъ же успѣхъ будетъ сопровождать и продолженіе этого замѣчательнаго предпріятія, перваго въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ. Именно, это — первый опытъ цѣльнаго обзоренія того громаднаго и разнообразнаго матеріала, какой представляютъ археологическіе находки и памятники въ Россіи. Эти древности могутъ быть названы русскими не только по современной территоріи, гдѣ онѣ открывались и открываются; памятники классической и скиео-сарматской эпохи не были славянскими (хотя нѣкоторые изъ современныхъ изслѣдователей хотятъ засчитать скиеоу нашими предками), но они и не остались чужды тому славянскому міру, который позднѣе занялъ мѣсто загадочныхъ скиеоу. Мѣстность сохраняла извѣстную традицію; племена, смѣняясь на исторической аренѣ, дѣлятся своими культурными пріобрѣтеніями, и нерѣдко то, о чемъ не сообщаетъ писанная исторія, объясняется археологическими памятниками. Кромѣ того интереса, какой представляется въ развитіи самыхъ формъ искусства, археологія получаетъ важное значеніе и для объясненія этихъ культурно-этнографическихъ вопросовъ. Третій выпускъ „Древностей“ занятъ изложеніемъ одного изъ самыхъ сложныхъ и вмѣстѣ самыхъ любопытныхъ періодовъ въ исторіи племенъ и въ исторіи искусства—періода переселенія народовъ, гдѣ изслѣдователю предстояло разобраться въ трудныхъ вопросахъ, до сихъ поръ остававшихся крайне темными, и ввести въ историческія соображенія много новаго археологическаго матеріала. Мы еще возвратимся къ этому любопытному предмету.—А. П.

— *А. А. Новиковъ*. Протекціонизмъ. Сиб., 1890.

Господствующая покровительственная система, оказывая искусственную поддержку немногимъ частнымъ предпріятіямъ, причиняетъ громадные убытки главнѣйшимъ отраслямъ народнаго хозяйства—для обогащенія небольшого количества фабрикантовъ и промышленниковъ. Въ книгѣ г. Новикова, написанной талантливо и съ знаніемъ дѣла, весьма убѣдительно доказывается полнѣйшая несостоятельность софизмовъ, которыми поддерживается разорительная система протекціонизма. Заботы о развитіи фабрикъ и заводовъ сводятся у насъ къ тому, что нѣкоторымъ лицамъ дается „законное право взимать дань со всѣхъ потребителей“, безъ всякой пользы для государства. По-

всюду правительства стараются доставить промышленникамъ возможность продавать товары по самой высокой цѣнѣ; но — спрашиваетъ авторъ — почему же они не принимаютъ никакихъ подобныхъ мѣръ для того, чтобы потребители могли покупать нужные имъ товары по дешевымъ цѣнамъ? „Государства, — говоритъ г. Новиковъ, — ведутъ по истинѣ странную политику. Продавецъ пользуется у нихъ всѣми симпатіями; онъ получаетъ отъ нихъ всѣ милости и щедроты, а на покупателя они вваливаютъ весь свой гнѣвъ; они преслѣдуютъ его самыми строгими гоненіями. Отчего же, ради Бога? Развѣ покупатель не такой же гражданинъ, какъ и продавецъ? Развѣ и тотъ, и другой, не должны пользоваться одинаковыми правами? Если я желаю имѣть коверъ, который иностранецъ можетъ купить за 300 франковъ, то почему я долженъ заплатить за него 600? Мнѣ говорятъ, что я долженъ отдать эту разницу для того, чтобы процвѣтала фабрика отечественнаго производителя ковровъ. Но почему я — менѣе интересный гражданинъ для моего правительства, чѣмъ этотъ фабрикантъ?“ Многимъ кажется, что продажа продуктовъ заслуживаетъ всевозможнаго поощренія, а покупецъ должна быть затрудняема, въ интересахъ выгоднаго торговаго баланса; но „если бы всѣ народы желали только продавать, и ни одинъ не хотѣлъ бы покупать, то что было бы тогда? Въ дѣйствительности, продажа и покупецъ — одна и та же операція. Желать производить одну безъ другой — это такой же абсурдъ, какъ искать площадь съ однимъ измѣреніемъ“.

Подъ предлогомъ насажденія и поддержанія какихъ-нибудь чуждыхъ промышленныхъ предпріятій, протекціонисты не стѣсняются наносить ущербъ всему остальному населенію. Хотя всѣ признаютъ, что Россія — страна земледѣльская, и что главные источники ея богатства заключаются въ земледѣліи, тѣмъ не менѣе наша экономическая политика направлена главнымъ образомъ и почти исключительно къ поощренію и созданію крупной промышленности, во вредъ интересамъ земледѣлія, которымъ живетъ большинство. У насъ „промышленность въ почетѣ, земледѣліе въ загонѣ. Для промышленности — всѣ ласки, всѣ привилегіи; для земледѣлія — всѣ строгости и всѣ налоги... Общество наше слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ за успѣхами промышленности. Когда учреждается кака-нибудь новая фабрика, всѣ газеты пишутъ объ этомъ; но если заставляются прежде невоздѣланныя пространства — на это не обращаютъ никакого вниманія“. Между тѣмъ эта погоня за промышленными успѣхами основана на пагубномъ заблужденіи. Громадныя пространства необработанныхъ земель указываютъ намъ, куда нужно направить производительную дѣятельность и гдѣ искать условій народ-

наго благосостоянія. „Тотъ народъ, — какъ справедливо замѣчаетъ г. Новиковъ, — который еще не истощилъ запаса свободныхъ земель, можетъ считать себя счастливѣйшимъ между счастливыми. Онъ аристократъ, онъ вельможа. Онъ можетъ смотрѣть съ состраданіемъ и съ презрѣніемъ на тѣ несчастныя государства, гдѣ половина народа живетъ въ мрачныхъ и вредныхъ фабричныхъ городахъ. Всѣ эти рабочіе — рабы того, кто владѣетъ землей. Вмѣсто того, чтобы завидовать Франціи, Бельгіи и Англій, мы, русскіе, можемъ величаво и горделиво поднимать наши головы. Эти народы — наши илоты. Для насъ они вѣчно готовы опускаться въ холодныя шахты, проводить весь день на душныхъ заводахъ, напрягать всѣ силы своего ума и изобрѣтательности, чтобы удовлетворить всѣмъ нашимъ прихотямъ, пока мы будемъ давать имъ то, безъ чего они не могутъ жить: хлѣбъ и мясо. Мы отъ нихъ не зависимъ; они вполне зависятъ отъ насъ. Завидовать фабричной промышленности Англій или Бельгіи намъ положительно нечего“.

Нашъ протекціонизмъ выражается обыкновенно въ простомъ стремленіи получать побольше барышей съ возможно мѣньшими усиліями, на счетъ злосчастныхъ потребителей. Смѣлость фабрикантовъ въ ихъ требованіяхъ нерѣдко такова, что „невольно задаешь себѣ вопросъ: считаютъ ли они потребителей своими соотечественниками или кажимъ-либо порабощеннымъ племенемъ, которое можно грабить сколько угодно?“ Эти непомерныя притязанія промышленниковъ не только не встрѣчаютъ протеста, но даже поощряются обычною политикою правительствъ; „во всѣхъ государствахъ, когда обсуждаются перемѣны тарифовъ, всегда приглашаются фабриканты для защиты своихъ интересовъ; но, — говоритъ авторъ, — я не вижу, кого приглашаютъ для защиты интересовъ потребителей; они, однако, такіе же граждане, какъ и фабриканты“. Напримѣръ, наше каботажное судоходство пользуется привилегією, въ силу которой за перевозку соли изъ Евпаторіи въ Одессу уплачивается иногда столько же, сколько иностранныя пароходы берутъ за доставку того же продукта изъ Евпаторіи въ Петербургъ. „Безъ покровительства, оказываемаго, нашему каботажу, фрахтъ изъ Одессы въ Евпаторію не превышалъ бы, быть можетъ, 1 коп. на пудъ (теперь 8 к.). Благодаря своей привилегіи, наши каботажники берутъ, стало быть, фрахтъ на 800 процентовъ выше нормальнаго“. Такъ какъ наши суда даже при этомъ высокомъ тарифѣ не могутъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ торговли, то производится искусственный застой въ дѣлахъ. „Разъ нѣтъ возможности перевезти продуктъ по выгодной цѣнѣ, — его не обрабатываютъ. Неистощимыя богатства остаются въ нѣдрахъ земли совершенно непроезвительно. Цѣлыя области, гдѣ работа

могла бы кипѣть, гдѣ жизнь могла бы развиваться мощною струею, остаются пустынными и бѣдными, благодаря только монополи гг. *каботажиновъ*“. Другой примѣръ. Когда одинъ англійскій пароходъ, два года тому назадъ, пробрался черезъ Ледовитое море до рѣки Енисея и открылъ такимъ образомъ удобный и дешевый морской путь для значительной части Сибири, то московскіе промышленники не только не были рады этому событію, но „беззащитно и не краснѣя стали ходатайствовать о томъ, чтобы было запрещено англичанамъ плавать по Енисею, ибо это могло повредить интересамъ *русской* (?) торговли“. Эти господа—продолжаетъ г. Новиковъ—находятъ совершенно правильнымъ, чтобы громадная часть нашего отечества и, быть можетъ, самая богатая, оставалась странною заброшенною, невоздѣланною, бѣдною, дикою, только ради того, чтобы нѣкоторымъ купцамъ сохранить свои барыши или даже, лучше сказать, свои рутинны. И это смѣютъ называть интересами русской торговли! Кто даетъ право нѣкоторымъ купцамъ говорить отъ имени всего нашего отечества? Почему сибиряки менѣе русскіе, чѣмъ эти господа?“ Уничтоженіе кавказскаго транзита,—замѣчаетъ авторъ,—тоже результатъ такого-же беззащитнаго эгоизма нѣкоторыхъ московскихъ промышленниковъ.

Замѣчательная книга г. Новикова будетъ съ большою пользою прочитана всѣми, интересующимися судьбою нашего народнаго хозяйства. Это вѣскій и краснорѣчивый обвинительный актъ противъ такъ-называемой покровительственной политики, которая въ наши дни доходитъ „положительно до безумія“. Нѣкоторая рѣзкость выраженій автора (особенно въ началѣ книги) выкупается тою искренностью и энергическою убѣжденностью тона, которыя придаютъ особенную силу всей аргументаціи г. Новикова. Желательно, чтобы эта книга обратила на себя вниманіе лицъ, склонныхъ возводить одностороннія требованія крупной промышленности на степень государственныхъ интересовъ. Доводы г. Новикова тѣмъ убѣдительнѣе и доступнѣе для большинства, что они носятъ на себѣ чисто практическій характеръ и совершенно чужды отвлеченнаго доктринерства, которое обыкновенно ставится въ вину научно-экономическому „фритредерству“.—Л. С.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Анисимовъ, А. Уставъ о пошлинахъ съ разъясн. правит. сената. Спб., 90. Стр. 64. Ц. 1 р.

Абрамовъ, Яв. Сельскій календарь на 1891 г. Спб., 90. Стр. 124. Ц. 20 к.

Андреевскій, И. С. Генезисъ науки, его принципы и методы. Ч. I. М., 90. Стр. 199. Ц. 1 р. 50 к.

А. П. Временныя правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ. М., 90. Стр. 182. Ц. 1 р.

Ардашевъ, Павелъ. Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря, отъ начала столкновенія послѣдняго съ сенатомъ до его смерти. М., 90. Стр. 468. Ц. 2 р.

Бибиковъ, Викторъ. Три портрета: Стендаль—Флоберъ—Бодлэръ. С.-Петербургъ, 1890. Стр. IV и 241. Ц. 1 р.

Блюмъ, И. С. Мелиорационный кредитъ и состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи и въ иностранныхъ государствахъ. Спб., 90. Стр. 250.

Богень, Б. Насущный вопросъ: новый проектъ о постановкѣ дѣла домашнего обученія. М., 90. Стр. 15. Ц. 20 к.

Бориса, архимандрита. Объ изученіи церковной исторіи. Изъ академическихъ чтеній. Кіевъ, 90. Стр. 20.

Веберъ, К. Руководство къ смолокурению. Съ 36 рис. Спб., 90. Стр. 96. Ц. 90 к.

Венеровъ, С. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 25. Стр. 145—192. Спб., 90. Ц. 35 к.

Воеводскій, Н. и бар. Искумъ, Ю. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 г. и дополнителныя къ нему постановленія. Изд. неоффиц. Спб., 90. Стр. 360. Ц. 2 р.

Волошиновъ, Н. Сибирская желѣзная дорога. Записка-карта. Спб., 90.

Воскресенскій, В. А. Педагогическій календарь на 1890—91 г., для учителей и воспитателей. М., 90. Стр. 159. Ц. 20 к.

Ге, Г. Н. Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890). Николаевъ, 90. Стр. 122.

Горбовъ, Н. Русская исторія для начальныхъ школъ. М., 90. Стр. 176. Ц. 20 к.

Горизонтовъ, И. П. Путевые очерки и картинки, отъ Саратова въ Парижъ на выставку и обратно. Саратовъ, 90. Стр. 261 и 54. Ц. 1 р.

Григоровичъ, Д. Прохожій. Народная бібліотека. Изд. Н. Мартынова. Спб., 90. Стр. 84. Ц. 40 к.

Гронскій, П. Е. О подъѣздныхъ рельсовыхъ путяхъ. Стр. 30.

Дыдымскій, Ѳ. Латинско-русскій словарь къ источникамъ римскаго права. Варш., 90. Стр. 571.

Котинъ, А. Ю. Въ волнахъ моря житейскаго, или не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Ком. въ 5 д. Спб., 90. Стр. 45.

Кротковъ, А. Русскій флотъ въ царствованіе имп. Екатерины II. Спб., 89. Стр. 340.

Лагранжъ, д-ръ Ферд. Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей. Перев. д-ра мед. Е. М. Дементьева. М., 90. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Лебедевъ, Г. Учебникъ минералогіи. Часть описательная (физиологія минераловъ). Вып. 1. Спб., 90. Стр. 320.

Летурно, Ш. Эволюція собственности. Спб., 90. Стр. 409.

Макишевъ, А. И. Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. Спб., 90. Ц. 3 р. Стр. 375.

Марковъ, Евгений. Путешествіе на Востокъ: Царьградъ и Архипелагъ; въ странѣ Фараоновъ. Спб., 90. Стр. 414. Ц. 2 р.

- Марковъ*, Н. Хронологическія таблицы къ исторіи русской литературы новаго періода. Вып. 1: Писатели XVIII ст. Елисаветградъ, 90. Ц. 26 к.
- Московский*, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Вып. 1. Спб., 90. Стр. 1—24. Ц. 30 к.
- Молчановскій*, В. Поэтическіе досуги. Кіевъ, 90. Стр. 193. Ц. 60 к.
- Муравьевъ*, Н. В. Руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники. Спб., 90. Стр. 96. Ц. 85 к.
- Н. Н.* Между востокомъ и западомъ. Рязань, 1890. Стр. XIV и 143.
- Немировъ*, Г. А. С.-Петербургская биржа въ послѣдній мѣсяцъ царствованія Петра В. (январь 1725). Спб., 90. Стр. 26.
- Никитинъ*, В. Н. „Несчастные“. По поводу бывшаго тюремнаго конгресса. Спб., 90. Стр. 54. Ц. 50 к.
- Осиновъ*, Е. А. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по московской губерніи, т. X, вып. 1, съ приложеніемъ къ нему матеріаловъ по болѣзненности населенія московской губерніи. Свѣдѣнія объ амбулаторныхъ больныхъ земскихъ лечебныхъ заведеній за 1878—82 гг. М., 90. Стр. 402—411.
- Остроумовъ*, Н. П. Сартл. Этнографическіе матеріалы. Вып. 1. Ташкентъ, 90. Стр. 137. Ц. 1 р.
- Сергеевъ*, С. Е. Императоръ Вильгельмъ II и вопросы международной политики. Спб., 1890. Стр. 49.
- Сидоровъ*, В. Драматическія сочиненія. Т. II. Спб., 90. Стр. 230. Ц. 1 р. 50 к.
- Соловьевъ*, М. Таблицы для опредѣленія минераловъ. Екатеринбургъ, 90. Стр. 47.
- Сомовъ*, С. Къ вопросу о гипнотизмѣ. Н.-Новг., 90. Стр. 14. Ц. 30 к.
- Спасовичъ*, В. Д. Сочиненія, т. III. Спб., 90. Стр. 544. Ц. 2 р.
- Струве*, Г. Введеніе въ философію. Разборъ основныхъ началъ философіи вообще. Варш., 90. Стр. 410. Ц. 3 р.
- Тельникинъ*, А. Ѳ. Помощь самообразованію, сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литер. произв. русск. и иностр. писат. Вып. 2. Саратовъ, 90. Стр. 262. Ц. 1 р. 50 к.
- Турчина*, Л. Мысли о музыкѣ писателей древнихъ и новыхъ. Съ 2 грав. Спб., 90. Стр. 166. Ц. 3 р.
- Фарраръ*, Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. Нов. перев. съ 30-го изд., А. П. Лопухина, въ 2 т. Спб., 90. Стр. 445 и 441. Ц. за 2 т. 8 руб.
- Файфъ*, С. Я. Исторія Европы XIX вѣка. Томъ III. Съ 1848 по 1878 г. Переводъ М. В. Лучицкой. Подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1890. Стр. VI, 365 и IV. Цѣна 2 р. 50 к.
- Филипповъ*, М. М. Хорваты и борьба ихъ съ Австріей. Съ введеніемъ и эпилогомъ М. Д. Билайградскаго. Петроградъ, 1890. Стр. VIII и 163. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Френкель*, М. О сперминѣ. Спб., 1890. Стр. 16.
- Центковъ*, Н. Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ руководствомъ Я. К. Грота). Ч. I. Тула, 90. Стр. 172. Ц. 50 к.
- Шиманскій*, Ф. О. Статистическій сборникъ саратовской губерніи, съ отчетомъ губерн. стат. комит. за 1889 г. Саратовъ, 90. Стр. 236.
- Шмидтъ*, К. А. Руководство гимнастики для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, съ 233 грав. политип. въ текстъ. Съ дополненіемъ: Подготовка къ военной службѣ. Спб., 90. Стр. 169+17. Ц. 1 р. 60 к.

Штененко, М. З. Учебникъ начальной геометріи, сокращенный курсъ. Спб., 90. Стр. 165.

Щеловитовъ, С. Г. Судебные уставы имп. Александра II, съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовного судопроизводства 4-е изд., исправ., дополн. и перераб., разрѣшено министромъ юстиціи. Спб., 90. Стр. 1141. Ц. 5 р.

Щенотьевъ, Н. Врачебная этика древнихъ индѣйскихъ и греческихъ врачей. Каз., 90. Стр. 15.

Эберсъ, проф. Г. Галерея античныхъ портретовъ. Первое донесеніе относительно новѣйше-открытой группы памятниковъ. Пер. А. Юстуса. Саратов, 90. Стр. 37. Ц. 25 к.

Groum-Grschimatto, Gr. Le Pamir et sa faune lépidoptérologique. Mémoires sur les Lépidoptères, rédigés par N. M. Romanoff. T. IV. avec 21 pl. color., lithogr. et une carte. St.-Petersb. 90. Стр. 575.

Neovius, Ad. Ur Finlands Historia. Borgå, 90. Вып. 1. Стр. 96. Ц. 1 м. 75 р.

— Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гарбель, вып. 1, 2, 3. Москва, 90. Стр. 1—142. Ц. вып. 30 к.

— Общая программа, распредѣленіе времени и наставленіе для веденія выѣлассныхъ занятій въ кадетскихъ корпусахъ. Спб., 90. Стр. 166.

— Орловская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. 1889 г. Орелъ, 90. Стр. 190.

— Отчетъ приходскаго попечительства при Фарфоровской преображенской церкви, 1888—89 г. XVIII годъ. Спб., 90. Стр. 125.

— Сибирскій сборникъ, п. р. В. Ошуркова. Вып. 1. Иркут., 90. Стр. 190.

— Труды врачей петербургскаго николаевскаго военнаго госпиталя, т. I, издан. п. р. С. М. Яновича-Чайнскаго и Л. Б. Бертенсона. Спб., 90. Стр. 420.

— Вопросы философіи и психологін. При участіи московскаго психологическаго общества, подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Москва, 1890. Стр. VIII, 200, 144 и 46.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par *Fustel de Coulanges*. Les origines du système féodal. *Le bénéfice et le patronat* pendant l'époque mérovingienne. Revu et complété sur le manuscrit et d'après les notes de l'auteur par *Camille Jullian*. Paris, 1890. Стр. XV и 432. Ц. 7 фр. 50 сантим.

Исслѣдованіе о происхожденіи феодальной системы, почти вполне приготовленное къ печати при жизни Фюстель де Куланжа, отличается тѣмъ же богатствомъ содержанія, тою же новизною взглядовъ и выводовъ, тою же тонкостью и осторожностью анализа, тѣмъ же яснымъ и живымъ изложеніемъ, какъ и два предшествовавшіе тома „Исторіи политическихъ учрежденій древней Франціи“. Авторъ въ точности придерживается документальныхъ источниковъ и тщательно провѣряетъ всѣ тексты, относящіеся къ предмету, и въ результатѣ оказывается, что многія изъ принятыхъ мнѣній о первоначальныхъ основахъ феодализма не имѣютъ положительной опоры въ существующемъ историческомъ матеріалѣ и отчасти прямо опровергаются свѣдѣтельствами современныхъ памятниковъ.

Въ высшей степени трудно прослѣдить,—говоритъ Фюстель де Куланжъ,—какъ и когда установился въ Галліи феодальный строй взамѣнъ римской правительственной системы; ни въ одномъ актѣ не упоминается о введеніи феодализма, и нигдѣ нѣтъ и намека на указаніе того момента, когда вилланы стали зависимы отъ сеньоровъ, а вассалы отъ сюзереновъ. Полагали, что германцы, занявшіе Галлію въ V вѣкѣ, разрушили римское устройство и замѣнили его феодальнымъ режимомъ, который, такимъ образомъ, объясняется завоеваніемъ, а различіе между побѣдителями и побѣжденными привело къ различію между классами. Но во всѣхъ многочисленныхъ памятникахъ той эпохи и послѣдующихъ пяти столѣтій нѣтъ ни единой строчки, гдѣ говорилось бы объ уничтоженіи римскаго правительственнаго порядка и замѣнѣ его феодальнымъ, или о созданіи новаго строя послѣ завоеванія, или о томъ, что вилланы были галлы, а сеньоры германцы. Въ дѣйствительности, феодальный режимъ выработался постепенно, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, и не имѣлъ ни чисто-германскаго, ни римскаго корня; поэтому въ историческихъ актахъ

и не могло быть упомянуто о времени совершенія этого долго и незамѣтно происходившаго переворота.

Фюстель де Куланжъ не находитъ слѣдовъ военныхъ бенефицій, т.-е. отдачи земель въ пользованіе, подъ условіемъ военной службы, — ни въ римской имперіи, ни въ древней Германіи. Нѣтъ также слѣдовъ этого явленія и при первыхъ франкскихъ короляхъ. Новѣйшіе историки утверждали, что франкскіе короли, завладѣвъ гальскими землями, распредѣлили ихъ между своими дружинниками, и что вмѣсто отдачи имъ земель въ полную собственность они уступали имъ только временное владѣніе, въ видѣ бенефицій, съ обязательствомъ военной службы. Ничего подобнаго не было, однако, въ дѣйствительности; никакой общей раздачи земель не было дѣлаемо, и всѣ акты на уступку земли относились къ отдѣльнымъ лицамъ, причемъ не имѣли вовсе условнаго или временнаго характера. Земля отдавалась въ собственность, и никакого намека на бенефицію въ смыслѣ условнаго пожалованія не содержится въ актахъ, въ теченіе цѣлыхъ полутора столѣтій послѣ водворенія владычества франковъ. Источники феодализма должны быть отыскиваемы не въ политическихъ учрежденіяхъ, а въ институтахъ частнаго права. Феодализмъ установился въ обычаяхъ частныхъ лицъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ задолго до возникновенія его въ видѣ политическаго организма. Фюстель де Куланжъ подробно анализируетъ два института римской жизни, послужившіе ядромъ для будущей феодальной системы, — „прекарное“ владѣніе землею, зависящее отъ доброй воли собственника, и патронатъ, соединенный съ властью надъ многочисленными кліентами. Въ послѣдніе два вѣка римской республики обширныя государственныя земли находились въ „прекарномъ“ (т.-е. безправномъ, зависѣвшемъ только отъ снисходительности государства) владѣніи нѣсколькихъ сотъ римскихъ гражданъ, которые въ свою очередь уступали пользованіе ими на томъ же прекарномъ правѣ нѣсколькимъ милліонамъ свободныхъ людей, итальянцевъ и провинціаловъ; это была цѣпь зависимыхъ поземельныхъ отношеній, подчиненныхъ прямо или косвенно государству. Тотъ странный фактъ, что предоставленіе правъ римскаго гражданства жителямъ всей Італіи не ослабило значенія римской аристократіи и не произвело никакого политическаго переворота, объясняется, вѣроятно, этою зависимостью большинства итальянскихъ „прекаристовъ“ отъ римскихъ сенаторовъ. Это „прекарное“ владѣніе государственными землями исчезаетъ послѣ установленія имперіи: сенаторы лишаются своихъ громадныхъ земельныхъ богатствъ, а аграрные законы болѣе не повторяются. Авторъ приводитъ затѣмъ свѣденія о прекарныхъ отношеніяхъ при Меровингахъ, на земляхъ свѣтскихъ и церковныхъ;

многіе собственники превращались въ зависимыхъ „прекаристовъ“ по отношенію къ кредиторамъ или могущественнымъ владѣльцамъ, или, наконецъ, цѣрви, причѣмъ сначала земля отдавалась въ даръ или продавалась номинально, а потомъ получалась обратно уже въ видѣ зависимаго владѣнія. Весьма любопытныя данныя собраны въ главахъ о бенефіціяхъ при Меровингахъ, объ отношеніяхъ между патронами и кліентами у римлянъ, галловъ и германцевъ, о коммѣндаціи, о патронатѣ королевскомъ и объ иммунитѣ, положившемъ основу феодальному владычеству сеньборовъ. Книга читается замѣчательно легко, несмотря на громадное количество необходимаго научнаго аппарата, освѣщающаго и поддерживающаго разсужденія автора.

II.

Westeuropa Kosakisch oder geeint. Die Notwendigkeit einer französisch-deutschen Versöhnung, dargelegt von C. Koettschau. Strassburg, 1890. Стр. 86.

Вопросъ о примиреніи между Франціею и Германіею становится все чаще предметомъ обсуждения въ печати, съ легкой руки полковника Стофелля. Многимъ особенно понравился аргументъ, выставленный послѣднимъ и долженствующій значительно облегчить трудную задачу примиренія или соглашенія, — указаніе на опасность, грозящую будто бы культурной Европѣ со стороны Россіи. Необходимость противостоятъ русскому колоссу обязательна одинаково для всѣхъ западныхъ державъ, въ томъ числѣ и для Франціи, а потому французы и нѣмцы должны забыть свои взаимные счета, чтобы совокупными усиліями остановить дальнѣйшее распространеніе русскаго владычества и спасти Европу отъ „казацкаго“ нашествія. Авторъ настоящей книжки, отставной офицеръ (Oberstlieutenant) Кетшау, высказываетъ свою мысль гораздо рѣзче и опредѣленнѣе въ самомъ заглавіи, чѣмъ въ текстѣ сочиненія. Нѣсколько длинныхъ главъ посвящено предварительному разбору старыхъ отношеній соперничества и вражды между нѣмцами и французами, причѣмъ авторъ старается быть объективнымъ и безпристрастнымъ относительно послѣднихъ.

Кетшау прежде всего отвергаетъ предположеніе, что Германія боится русско-французскаго союза; „мы, нѣмцы, — повторяетъ онъ надменную фразу Бисмарка, — не боимся никого въ мірѣ, кромѣ Бога“. Если же франко-русскій союзъ крайне нежелателенъ и даже опасенъ, то скорѣе будто бы для Франціи, чѣмъ для Германіи. Французы могутъ помириться съ нѣмецкой имперіею, когда убѣдятся въ ея проч-

номъ и окончательномъ національномъ единствѣ; только вѣра въ старую нѣмецкую рознь, въ возможность отпаденія того или другого нѣмецкаго государства отъ прусскаго верховенства поддерживает надежды французскихъ патриотовъ, сторонниковъ возмездія. Авторъ доказываетъ, что нѣмцы гораздо меньше грѣшили относительно сосѣдей, совершали меньше несправедливостей и отличаются вообще меньшимъ высокомеріемъ, чѣмъ французы; но онъ признаетъ превосходство французской культуры и не отрицаетъ правъ Франціи на передовое мѣсто въ ряду великихъ европейскихъ державъ. Установившаяся въ прежнемъ Эльзасѣ тѣсная внутренняя связь съ Франціею свидѣтельствовала, по словамъ Кетшау, что „культура французовъ была значительно выше нѣмецкой“. По силѣ и творчеству своей культурной дѣятельности, „французы — говоритъ авторъ, — не безъ основанія ставятъ себя во главѣ человѣческаго рода; ихъ слава будетъ жить въ теченіе отдаленныхъ тысячелѣтій, когда давно уже забудутся всѣ наши противорѣчія, волнующія теперь умы. Было бы весьма достойно сожалѣнія, еслибы творческая энергія французовъ ослаблялась франко-нѣмецкимъ разладомъ, и еслибы эта сильная нація была дѣйствительно гипнотизирована видомъ Бельфора“. По мнѣнію автора, нынѣшняя пограничная черта, проведенная между обѣими странами, гораздо лучше соотвѣтствуетъ условіямъ правильной и разумной границы, чѣмъ прежняя, и вмѣстѣ съ тѣмъ она вполне оправдывается историческими и этнографическими обстоятельствами, такъ что мнимое расчлененіе Франціи должно быть признано неосновательной легендой. Авторъ пытается разрушить еще другую легенду — о порывахъ эльзасъ-лотарингцевъ къ воссоединенію съ Франціею. „Жители Эльзасъ-Лотарингіи, — по словамъ Кетшау, — имѣли основаніе высоко цѣнить французскую власть, которая несомнѣнно управляла странною лучше, чѣмъ могла управлять священная римская имперія нѣмецкой національности; но, признавая это, нужно также согласиться, что теперь это отношеніе совершенно измѣнилось. Нынѣшнее управленіе имперскою областью дѣйствуетъ еще лучше, чѣмъ прежнее французское. Говоря о причинахъ недовольства въ средѣ нѣмецкихъ жителей Эльзасъ-Лотарингіи, нельзя отказать французамъ, — продолжаетъ авторъ — въ признаніи ихъ необычайной притягательной силы. Эта сила очарованія, коренящаяся въ разнообразныхъ достоинствахъ великаго французскаго народа, оказывалась часто могущею враждебною силою, противъ которой мы должны были принимать энергическія мѣры: и еслибы прекратилась вражда, мы тѣмъ беззащитнѣе отдавались бы этому вліянію“. Авторъ рѣшается на такую комбинацію, чтобы въ Метцѣ помѣщался смѣшан-

ный франко-нѣмецкій гарнизонъ, который способствовалъ бы сближенію суровой военно-нѣмецкой выдержки съ французскою веселостію.

Высказавъ много здраваго и справедливаго относительно пользы взаимнаго уваженія и сближенія между французами и нѣмцами, авторъ какъ-то внезапно переходитъ къ вопросу о страшной опасности русскаго нашествія на Европу и даже прямо предсказываетъ, что въ недалекомъ будущемъ русскій колоссъ опроверкнетъ утонченную цивилизацію запада и завладѣетъ разъединенными между собою западно-европейскими государствами. Недалеко то время, — замѣчаетъ онъ, — когда французы и нѣмцы опять сойдутся въ новомъ народномъ союзѣ для совмѣстнаго отпора „московитскаго“ владычества, или же очутятся въ качествѣ подданныхъ Москвы. Последнее было бы гораздо чувствительнѣе для французовъ, чѣмъ для нѣмцевъ, ибо разстояніе, отдѣляющее французскую національность отъ московитской, гораздо больше, чѣмъ различіе между послѣднею и нѣмецкою. Но едва ли самъ авторъ вѣритъ тому, что говорить. Во-первыхъ, онъ не можетъ не знать, что указываемыя имъ громадныя пространства русскихъ владѣній не составляютъ большого преимущества для наступательныхъ военныхъ предприятий и притомъ дѣлаютъ совершенно ненужнымъ приобрѣтеніе новыхъ территорій. Во-вторыхъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода приписывать нашему народу болѣе воинственныя стремленія, чѣмъ другимъ мирнымъ народамъ Европы, и еслибы западу дѣйствительно грозила опасность „сдѣлаться добычей казаковъ“ или подвергнуться русскому господству, то эта перспектива была бы несравненно ближе къ осуществленію въ началѣ столѣтія или въ сороковыхъ годахъ, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, чѣмъ теперь; тогда Россія, въ самомъ дѣлѣ, первенствовала и распоряжалась въ Европѣ, и однако она не только не водворила нашего владычества на западѣ, а сама служила въ сущности орудіемъ въ рукахъ вѣнскаго кабинета и его руководителя, Меттерниха. Говорить о будущемъ русскомъ нашествіи на Европу особенно странно въ настоящее время, послѣ образованія могущественной германской имперіи, окруженной такими союзными державами, какъ Австро-Венгрія, Италия, Англія. Даже съ одной Турціею не легко было справиться при современныхъ условіяхъ войны и при нашихъ громадныхъ разстояніяхъ, а война съ цѣлою Европою не приходитъ, конечно, въ голову даже самымъ воинственнымъ и рѣшительнымъ изъ нашихъ патриотовъ-войнолюбцевъ. Картина опасностей, грозящихъ отъ насъ Европѣ нарисована авторомъ специально для доказательства того, что французы и нѣмцы должны примириться и соединиться противъ Россіи, безъ измѣненія существующаго status-quo относительно Эльзаса-Лотарингіи, т.-е. завоеванныхъ провинціи должны остаться за Германіею, и тѣмъ не менѣе послѣдняя изба-

вится отъ вражды французовъ, благодаря появленію „московитскаго“ пугала на горизонтѣ западной Европы. Идея слишкомъ наивна и безыскусственна, чтобы можно было серьезно говорить о шансахъ ея осуществленія; никто не повѣритъ публицистамъ, повторяющимъ старыя клише о будущихъ набѣгахъ московскихъ варваровъ, которые въ дѣйствительности имѣютъ слишкомъ много простора у себя дома и вовсе не стремятся ни къ завоеваніямъ, ни къ кровопролитіямъ. Россія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій вела меньше войнъ въ Европѣ, чѣмъ Пруссія или Австрія, и нѣтъ основанія думать, что въ будущемъ это поведеніе ея измѣнится значительнымъ образомъ.

Но, при всей неосновательности положительной части разсужденій Кетшау, приходится отмѣтить его книжку, какъ любопытный симптомъ настроенія, все болѣе проявляющагося въ Германіи, даже среди военнаго класса; это настроеніе можетъ со временемъ выразиться въ болѣе осязательныхъ и авторитетныхъ формахъ, способныхъ произвести серьезныя перемѣны въ настоящемъ международномъ положеніи Европы. Мысль о добровольномъ соглашеніи съ Франціей успѣшно пущена въ ходъ, и трудно предвидѣть, не приведетъ ли она къ какой-либо неожиданной политической комбинаціи, которая удовлетворила бы французовъ и нѣмцевъ. Такая развязка можетъ быть только желательна для всѣхъ народовъ и государствъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи прочнаго мира, а въ томъ числѣ и для Россіи.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-ое октября 1890.

Гимназическіе учебные планы по языкамъ древнимъ, русскому, французскому и нѣмецкому.—Новое мѣсто древнихъ языковъ въ системѣ преподаванія русскаго языка.—Продолженіе газетной агитаціи противъ нашихъ инородцевъ.—Рѣчь виленскаго генералъ-губернатора.

Гимназическая реформа, о которой мы говорили два мѣсяца тому назадъ, завершилась изданіемъ и введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ программъ и учебныхъ плановъ, существенно отличныхъ отъ прежнихъ. Объяснительная записка къ учебному плану древнихъ языковъ, составленному въ 1871 г., требовала, прежде всего, умѣнья самостоятельно примѣнять грамматическія правила при переводахъ съ русскаго языка на греческій и, въ особенности, на латинскій; знакомство съ важнѣйшими литературными произведеніями грековъ и римлянъ стояло лишь на второмъ планѣ. Новый учебный планъ древнихъ языковъ выдвигаетъ на первое мѣсто, какъ главную цѣль преподаванія, „осмысленное чтеніе древнихъ авторовъ и точный переводъ ихъ на вполне правильный и литературный русскій языкъ“. Прежде устные упражненія состояли преимущественно, а письменныя — *исключительно*, въ переводахъ съ русскаго языка на греческій и латинскій; теперь эти переводы признаются лишь дидактическимъ приемомъ, средствомъ для изученія грамматическихъ знаній, а въ двухъ старшихъ классахъ и на испытаніяхъ зрѣлости упраздняются совершенно, уступая мѣсто переводамъ съ древнихъ языковъ на русскій. Прежде письменные переводы съ русскаго языка на греческій и латинскій обязательно задавались ученикамъ (начиная съ четвертаго класса для латинскаго языка и съ пятаго для греческаго) и въ классѣ, и на домъ; теперь письменные переводы обѣихъ категорій (т.-е. и съ древнихъ языковъ, и на древніе) могутъ быть задаваемы *только въ классѣ*, причемъ переводъ на древніе языки не долженъ занимать собою цѣлаго урока. Прежде изученіе грамматики продолжалось, подъ прикрытіемъ экстенпоралій, до самаго конца гимназическаго курса; теперь оно должно заключаться въ шестомъ классѣ, для чего сокращенъ и самый грамматическій матеріалъ. „Все единичное или случайное,—сказано въ новой объяснительной запискѣ,—всякія рѣдкія исключенія или мелкія подробности совершенно устраняются изъ курса грамматики древнихъ языковъ. Изъ

исключеній должны быть пройдены только тѣ, которыя дѣйстви- тельно необходимы для чтенія назначенныхъ для гимназій авторовъ. Равнымъ образомъ, изъ глаголовъ, уклоняющихся въ образованіи perfecti и supini, надлежитъ пройти лишь наиболѣе употребительные*. Всѣ эти перемѣны вполнѣ рациональны и цѣлесообразны. О громадныхъ преимуществахъ перевода съ древнихъ языковъ на русскій передъ переводомъ съ русскаго языка на древніе мы уже говорили. Нельзя не порадоваться также упраздненію домашнихъ письменныхъ упражненій. Они не только отнимали у учениковъ массу времени, необходимаго для отдыха или для другихъ, болѣе производительныхъ занятій,—они приучали учениковъ къ систематическому обману, къ беззастѣнчивому пользованію чужимъ трудомъ. Къ домашнимъ упражненіямъ преподаватели относились, сплошь и рядомъ, строже, чѣмъ къ класснымъ, на томъ основаніи, что послѣднія пишутся торопливо, въ возбужденномъ состояніи, первыя—болѣе обдуманно и спокойно. Чтобы получить удовлетворительную отмѣтку за домашнее упражне- ніе, нужно было исполнить его почти безъ ошибокъ — а это, для массы учениковъ, было крайне трудно или даже невозможно. Отсюда обращеніе къ помощи родителей, репетиторовъ, старшихъ братьевъ, отсюда списыванье у товарищей, производившееся въ самыхъ широ- кихъ размѣрахъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе ученикъ, тѣмъ неприятнѣе и невыгоднѣе было его положеніе, тѣмъ мучительнѣе борьба, часто оканчивавшаяся уступкой, т.-е. рѣшимостью плыть по теченью, слѣ- довать примѣру большинства.

Съ нашей точки зрѣнія, новый учебный планъ древнихъ языковъ представляетъ однако одинъ довольно важный недостатокъ: онъ все еще слишкомъ близокъ къ требованіямъ семидесятыхъ годовъ. Измѣненіе въ цѣли могло бы, какъ намъ кажется, повлечь за собою болѣе чув- ствительное измѣненіе въ средствахъ. Одно дѣло—изучать грамма- тiku для того, чтобы приобрѣсти умѣнье правильно выразиться на древнемъ языкѣ; совершенно другое—изучать ее только въ виду по- ниманія древнихъ авторовъ. Въ первомъ случаѣ необходимо, напри- мѣръ, знать и помнить возможно большее число неправильныхъ гла- говловъ, для того чтобы не употребить, при переводѣ, обычную форму спряженія вмѣсто исключительной; во второмъ случаѣ достаточно имѣть самое общее понятіе о характерѣ уклоненій, чтобы не быть сбитымъ съ толку при чтеніи автора и сумѣть найти въ словарѣ значеніе даннаго слова. Часто неправильные глаголы сами собою, мало-по-малу, укладываются въ памяти, безъ особыхъ усилій со стороны ученика. Между тѣмъ новый учебный планъ обязываетъ учениковъ заучить, во второмъ классѣ, приблизительно, *двѣсти* не- правильныхъ латинскихъ глаголовъ! Будетъ ли требоваться отъ уче-

никовъ перечень знаменитыхъ исключеній на *is* („много есть и словъ на *is*—*masculini generis*“)—это изъ учебнаго плана не видно; весьма можетъ быть, что они будутъ отнесены къ числу исключеній „не-рѣдкихъ“ или „главнѣйшихъ особенностей, касающихся рода именъ“—и включены въ программу 2-го класса. Пока краеугольнымъ камнемъ обученія древнимъ языкамъ служили *extemporalia*, нельзя было обходиться безъ твердаго знанія всѣхъ главныхъ синтаксическихъ оборотовъ, неизбѣжныхъ при переводѣ на латинскій языкъ. Теперь знакомство съ синтаксисомъ могло бы быть приобретаемо попутно, при чтеніи авторовъ; между тѣмъ учебный планъ требуетъ отъ учениковъ умѣнья *примѣнять* синтаксическія правила, т.-е. умѣнья составлять синтаксически-вѣрныя латинскія предложенія. Объясняется это, повидимому, тѣмъ, что за латинскимъ синтаксисомъ все еще признается „образовательное значеніе“; изъ средства онъ все еще превращается въ цѣль, имѣющую самостоятельную цѣнность... Грамматическому объясненію авторовъ новый планъ совершенно правильно отводитъ весьма скромное мѣсто—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписываетъ „удостоверяться, въ началѣ урока, въ твердомъ знаніи учениками словъ и обращать вниманіе, при спрашиваніи, на точное ихъ значеніе, указывая, по мѣрѣ возможности, и на ихъ составъ, и на производныя отъ того же корня слова“. Съ помощью этого приѣма, урокъ, посвященный чтенію автора, весьма легко можетъ получить ярко-грамматическую окраску; изгнанная въ дверь, грамматика можетъ вернуться въ окно—и сразу охладить рвеніе учениковъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ сущности переводимаго. Если для младшихъ учениковъ „спрашиванье словъ“ еще можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, то въ старшихъ классахъ достаточнымъ доказательствомъ „твердости знанія словъ“ должна служить самая точность перевода. Не вполне соответствующимъ характеру преподаванія въ старшихъ классахъ кажется намъ, наконецъ, заучиванье наизусть избранныхъ мѣстъ изъ поэтовъ и, тѣмъ болѣе, изъ прозаиковъ.

Въ виду преобладающаго значенія, даннаго новымъ учебнымъ планомъ древнихъ языковъ переводу съ латинскаго и греческаго на русскій, довольно неожиданно встрѣтятся съ тѣмъ же родомъ занятій въ учебныхъ планахъ по русскому языку и по исторіи. Изъ трехъ уроковъ, отводимыхъ русскому языку въ каждомъ изъ трехъ старшихъ классовъ, одинъ долженъ быть посвящаемъ опять письменнымъ упражненіямъ, состоящимъ преимущественно въ переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій и въ изложеніяхъ на темы, заимствованныя изъ читаемыхъ въ гимназіяхъ образцовыхъ произведеній классической и отечественной литературы. Судя по объяснительной запискѣ, переводамъ отдается даже предпочтеніе передъ изложеніями. Для того,

чтобы научить учениковъ пользоваться богатствомъ русскаго языка, нѣтъ— по словамъ записки— „лучшаго средства, какъ упражнять ихъ въ переводахъ классическихкихъ образцовъ древне-греческой и римской литературы на русскій языкъ. Въ этихъ образцахъ ученики находятъ цѣлый рядъ богатыхъ содержаніемъ мыслей, выраженныхъ въ изящной, правильной, но совершенно иной формѣ, нежели онѣ могли бытъ выражены на русскомъ языкѣ. Упражняясь въ точной передачѣ этихъ мыслей на правильный русскій языкъ, ученики усваиваютъ себѣ всѣ особенности родной рѣчи путемъ безпрестаннаго сравненія ея съ образцовой рѣчью древняго Рима и Греціи. Виѣсть съ тѣмъ упражненіемъ въ *точной* и *правильной* передачѣ образцовыхъ произведеній классической литературы на русскій языкъ будутъ имѣть важное педагогическое значеніе, противодѣйствуя той небрежности, невнимательности и поверхностности учениковъ, устраненіе которыхъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ гимназическаго воспитанія“. Читая эти слова, можно подумать, что при преподаваніи древнихъ языковъ требуется только *точность* перевода, въ смыслѣ близости къ подлиннику, но совершенно упускается изъ виду его *правильность*, въ смыслѣ соответствія законамъ русскаго языка. Между тѣмъ объяснительная записка къ учебному плану древнихъ языковъ обязываетъ преподавателей обращать вниманіе одинаково и на то, и на другое; не ограничиваясь *правильностью*, она рекомендуетъ стремиться даже къ „возможному изяществу“ русскаго изложенія. „Если каждый урокъ въ гимназіи по всякому предмету,—говорится въ этой послѣдней запискѣ,—долженъ считаться и урокомъ русскаго языка, то это особенно справедливо для уроковъ древнихъ языковъ. На этихъ урокахъ ученики впервые (?) начинаютъ относиться вполне сознательно къ своему отечественному языку; на нихъ же они должны бытъ приучаемы къ отчетливому и строго логическому выраженію мыслей. Въ этомъ отношеніи переводъ древнихъ авторовъ на русскій языкъ, будучи въ высшей степени полезенъ для древнихъ языковъ, является незамѣнимымъ упражненіемъ и въ русскомъ языкѣ“. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, исполненіе одной и той же работы, съ одною и той же цѣлью, и на урокахъ древнихъ языковъ, и на урокахъ русскаго языка? Не противорѣчитъ ли оно формулѣ: non bis in idem, и мудрому изреченію: pas trop de zèle? Если при этомъ имѣлось въ виду, что многіе преподаватели древнихъ языковъ, будучи не-русскими по происхожденію, не могутъ судить о стилистическихкихъ достоинствахъ русскаго перевода, то только такими случаями и слѣдовало бы ограничить вторженіе „классическихкихъ образцовъ“ въ область преподаванія русскаго языка. Разъ что учитель древнихъ языковъ вполне способенъ оцѣнить не только вѣрность, но и *правильность*

перевода, незначѣмъ приобщать къ его задачѣ преподавателя русскаго языка, располагающаго, при громадномъ богатствѣ собственнаго матеріала, гораздо меньшимъ числомъ учебныхъ часовъ. Еще менѣе объяснимо введеніе перевода съ древнихъ языковъ въ преподаваніе исторіи. „Чтобы связать тѣснѣе изученіе древней греческой и римской исторіи съ изученіемъ древнихъ языковъ,—сказано въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи,—желательно, чтобы время отъ времени ученикамъ предлагаемы были отрывки изъ писателей, преимущественно историческихъ, для домашняго чтенія и устнаго пересказа на урокѣ и для письменныхъ переводовъ“. Неужели цѣль, указанная въ запискѣ, не могла бы быть достигнута однимъ чтеніемъ и пересказомъ, безъ письменнаго перевода? Вѣдь здѣсь идетъ рѣчь исключительно о содержаніи, а не о формѣ; отъ учителя исторіи нельзя требовать—да и не требуется—оцѣнки перевода со стороны грамматической и стилистической. Весьма вѣроятно, что переводы, задаваемые учителемъ исторіи, будутъ дѣлаться небрежно, кое-какъ, въ прямой ущербъ задачамъ, преслѣдуемымъ при преподаваніи языковъ, отечественнаго и древнихъ.

Недостаточно согласованными между собою объяснительныя записки, относящіяся къ обученію языкамъ, кажутся намъ не только по вопросу о письменныхъ переводахъ съ древнихъ языковъ, но и по вопросу о роли, которую въ высшихъ классахъ гимназіи должна играть грамматика. Мы уже говорили, что при переводѣ древнихъ авторовъ, составляющемъ, въ седьмомъ и восьмомъ классахъ, единственный предметъ занятій преподавателей древнихъ языковъ, грамматическія объясненія должны оставаться на самомъ послѣднемъ планѣ. Этими объясненіями, по выраженію записки, „вниманіе учениковъ должно быть отвлекаемо какъ можно меньше; къ грамматикѣ слѣдуетъ обращаться только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ нея нельзя точно уяснить смыслъ читаемаго мѣста“. Совершенно иначе ставится вопросъ въ объяснительной запискѣ къ учебному плану русскаго языка. „Грамматическія занятія,—читаемъ мы здѣсь,—должны постоянно продолжаться и въ остальные (послѣдніе) четыре года, какъ для сообщенія, при случаѣ, новыхъ теоретическихъ свѣденій, такъ и для укрѣпленія практическаго знанія. При чтеніи литературныхъ образцовъ анализъ грамматическій по прежнему сохраняетъ за собою видное мѣсто. Любой памятникъ древней или новой литературы нашей представляетъ достаточный къ тому матеріалъ: всегда найдутся такія этимологическія и синтаксическія формы, которыя дадутъ преподавателю поводъ повторить или полнѣе разъяснить пройденное, дополнить новыми фактами тѣ или другіе отдѣлы грамматическаго курса“. Трудно опредѣлить, на какомъ основаніи приемы, признан-

ные неудобными при чтеніи древнихъ авторовъ, допускаются и рекомендуются при чтеніи русскихъ литературныхъ образцовъ. И тамъ, и тутъ частыя грамматическія отступленія одинаково несовмѣстны съ полнотою и цѣльностью впечатлѣнія; и тамъ, и тутъ они одинаково легко могутъ утомить вниманіе и охладить рвеніе учениковъ. Пополнять пробѣлы грамматическаго знанія можно, съ гораздо бѣльшимъ удобствомъ, при классномъ разборѣ письменныхъ ученическихъ работъ, ясно указывающихъ на то, что всего меньше усвоено учениками... Слишкомъ большое значеніе дано, думается намъ, еще одной сторонѣ изученія русскаго языка: заучиванью наизусть, въ старшихъ классахъ, стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ. Программа опредѣляетъ съ точностью шіишимъ пьесъ, подлежащихъ заучиванью, и включаетъ въ ихъ число стихотворенія Ломоносова и Державина, съ трудомъ усвоиваемыя современною памятью. Немного найдется учениковъ старшихъ классовъ гимназій, которые не знали бы наизусть массы стихотвореній Пушкина и Лермонтова, да и другихъ позднѣйшихъ поэтовъ. *Требовать* отъ нихъ, чтобы они помнили сверхъ того, слово въ слово произведенія устарѣвшія, имѣющія исключительно историческую, а не художественную цѣнность—значить, весьма часто, уменьшать ихъ рвенность къ запоминанію прочитаннаго.

До сихъ поръ курсъ теоріи словесности проходилъ въ пятомъ классѣ гимназій, а въ послѣднихъ трехъ классахъ уровни русскаго языка посвящались (помимо письменныхъ упражненій) знакомству съ замѣчательнѣйшими произведеніями русской литературы. Теперь курсъ теоріи словесности перенесенъ въ восьмой классъ, изученіе русской литературы—въ три предъидущіе. Само собою разумѣется, что въ восьмомъ классѣ курсъ теоріи словесности долженъ имѣть другое значеніе, чѣмъ въ пятомъ: тамъ онъ служилъ какъ бы введеніемъ въ изученіе литературы; здѣсь онъ завершаетъ это изученіе, сводитъ въ систему всѣ отдѣльныя свѣденія по теоріи слога, прозы и поэзіи, пріобрѣтенныя учениками попутно, при разборѣ литературныхъ произведеній. Быть можетъ, въ новомъ своемъ видѣ курсъ теоріи словесности окажется болѣе полезнымъ, чѣмъ въ прежнемъ, но мы позволяемъ себѣ думать, что безъ него можно было бы обойтись вовсе. Такъ-называемая теорія словесности—въ томъ видѣ, въ какомъ она излагается въ гимназическихъ учебникахъ—выросла на развалинахъ реторики и піитики и носитъ на себѣ явные слѣды своего происхожденія. Ученики потеряли бы очень мало, еслибы составляли себѣ понятіе о „свойствахъ слога“ или о „главныхъ видахъ искусственнаго эпоса“ не изъ особаго учебника, а изъ всего того, что въ разное время было сообщено имъ учителемъ или прочитано по его указанію. Ничто не мѣшало бы учителю обобщить,

при случаѣ, отдѣльныя замѣчанія о томъ или другомъ литературномъ жанрѣ, но едва ли есть надобность выдѣлять эти обобщенія въ самостоятельный курсъ, рискующій сдѣлаться либо сборникомъ общихъ мѣстъ, либо повтореніемъ уже извѣстныхъ фактовъ. Между тѣмъ, на знакомство со всей новѣйшей русской литературой, начиная съ Карамзина и оканчивая Гоголемъ, новый учебный планъ отводитъ только два часа въ недѣлю (въ седьмомъ классѣ). Весьма полезно было бы продолжать его въ восьмомъ классѣ, посвятивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, больше времени лучшимъ произведеніямъ иностранныхъ литературъ (въ русскомъ переводѣ). Учебный планъ рекомендуетъ прочесть, въ восьмомъ классѣ, одну изъ трагедій Софокла, одну изъ комедій Аристофана, одну изъ трагедій Шекспира, но на все это, вмѣстѣ съ курсомъ теоріи словесности, назначается только *одна часъ* въ недѣлю ¹⁾! Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно дать ученикамъ ясное понятіе хотя бы объ одномъ Шекспирѣ. Если учитель выберетъ для чтенія не Шекспира, а Софокла или Аристофана, то многіе ученики выйдутъ изъ гимназій, вовсе не зная великаго англійскаго писателя. Ученики, не занимавшіеся нѣмецкимъ языкомъ, могутъ остаться въ такомъ же невѣденіи по отношенію къ Лессингу, Шиллеру и Гѣте. Чтобы устранить эту аномалію, слѣдовало бы, какъ намъ кажется, не только исключить изъ программы курсъ теоріи словесности, но и сократить нѣсколько число произведеній древней русской литературы, подлежащихъ прочтенію въ пятomъ и шестомъ классахъ. Къ былинамъ, Несторовой лѣтописи, Слову о полку Игоревѣ и Курбскому, знакомство съ которыми требовалось прежними учебными планами, новые учебные планы прибавили, въ области до-петровской словесности, еще многое другое (слово митрополита Иларіона, слово епископа Серапіона, отрывки изъ „Домостроя“ и т. п.), вслѣдствіе чего изученіе русской литературы до Карамзина затянулось на цѣлые два года.

Въ объяснительной запискѣ къ прежнему учебному плану русскаго языка имѣлось слѣдующее примѣчаніе: „какъ ни полезно изученіе литературныхъ образцовъ, но все же это—отдѣльные факты, между которыми лежатъ большіе пробѣлы. Въ видахъ научнаго образованія было бы еще полезнѣе связать ихъ, указавъ отношеніе главныхъ произведеній отечественной словесности къ другимъ, посредствующимъ, и, такимъ образомъ, представить нѣчто цѣлое, систематическое.

¹⁾ Въ восьмомъ классѣ—три урока русскаго языка, но одинъ изъ нихъ, какъ мы уже знаемъ, обязательно посвященъ письменнымъ упражненіямъ (преимущественно переводамъ съ древнихъ языковъ), а другой рекомендуется также употреблять на практическія, главнымъ образомъ, письменныя упражненія (разработка темъ, составленіе плана для сочиненія, литературный разборъ и т. п.).

Историко-литературный обзоръ принесъ бы двоякую пользу: во-первыхъ, онъ связалъ бы научно связью разрозненные члены русской литературы; во-вторыхъ, не оставилъ бы безъ знакомства съ этою наукой тѣхъ воспитанниковъ, которые заканчиваютъ свое ученiе въ гимназiи, не поступая въ университетъ. Да и въ университетахъ болѣею частью читаютъ только нѣкоторые отдѣлы исторiи русской литературы, а не полный курсъ ея; студенты не историко-филологическаго факультета и вовсе не слушаютъ лекцiй по этому предмету⁴. Выводомъ изъ этихъ разсужденiй являлось сожалѣнiе о томъ, что у насъ нѣтъ ни одного краткаго учебника исторiи русской литературы. Будь, слѣдовательно, тогда на лицо такой учебникъ, исторiя русской литературы была бы введена въ составъ гимназическаго курса. Совершенно иначе отнеслись къ данному вопросу составители новыхъ учебныхъ плановъ. Историко-литературныя свѣденiя, относящiяся къ разбираемому произведенiю—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ, — „должны быть сообщаемы ученикамъ въ самомъ ограниченномъ объемѣ и притомъ въ возможно краткой формѣ, и ни въ какомъ случаѣ не должны быть подробнѣе тѣхъ, которыя находятся въ учебникѣ исторiи русской словесности (для среднихъ учебныхъ заведенiй) А. Д. Галахова. Нѣтъ никакой надобности учителю стараться связывать отдѣльные историко-литературныя факты, сообщаемые ученикамъ по поводу разбираемыхъ произведенiй, потому что придуманная имъ ad hoc связь между ними не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого научнаго значенiя, а можетъ послужить лишь къ пустой тратѣ времени⁴. Итакъ, несмотря на наличность учебника, историко-литературныя свѣденiя должны быть сообщаемы ученикамъ лишь въ минимальныхъ дозахъ, только относительно разбираемыхъ въ классѣ произведенiй и безъ всякой взаимной связи. Ученикъ можетъ выйти изъ гимназiи, даже не слышавъ именъ Тредьяковскаго, Князьнина, Новикова, Капниста, Веневитинова, Марлинскаго, Полевого, Языкова, Хомякова, поэтовъ пушкинской плеяды. Произведенiя этихъ писателей въ гимназiяхъ не читаются—слѣдовательно и сами писатели для гимназистовъ не существуютъ ¹⁾. Прежде допускалась возможность *научной связи* между „разрозненными членами русской литературы“; теперь предполагается, что связь между ними можетъ быть только искусственная, „придуманная ad hoc“ и не имѣющая никакого научнаго значенiя. Мы думаемъ, что старый взглядъ имѣлъ большiя преимущества передъ новымъ. Безспорно, гимназiя — не мѣсто для широкихъ теорiй, для смѣлыхъ обобщенiй; но это еще не значитъ, чтобы она могла и

¹⁾ Еще болѣшимъ пробѣломъ гимназическаго курса представляется, конечно, умолчанiе о Бѣлинскомъ, настоящее мѣсто котораго было бы въ категорiи подробно изучаемыхъ писателей, рядомъ съ Пушкиннымъ, Лермонтовымъ и Гоголемъ.

должна была имѣть дѣло исключительно съ единичными фактами, съ разбитыми звеньями цѣпи, на самомъ дѣлѣ образовавшей одно цѣлое. Если въ гимназіи преподается систематическій курсъ исторіи, не претендующій на полноту и стройность университетскихъ лекцій, то мы не видимъ причины, почему нельзя было бы ввести въ программу такой же систематическій курсъ исторіи литературы. „Придумывать“ связь между фактами можно и въ области политической исторіи, и въ области исторіи литературы—но столь же возможно и тамъ, и тутъ избѣгать всякихъ натянутыхъ, произвольныхъ выводовъ. Учитель словесности заслуживаетъ довѣрія не больше, но и не меньше, чѣмъ учитель исторіи. Одна изъ петербургскихъ газетъ, становясь на сторону новаго учебнаго плана, видитъ главное достоинство его въ томъ, что ученикъ будетъ знакомиться съ русскою словесностью по образцамъ, вмѣсто того, чтобы повторять вычитанныя изъ учебниковъ и не всегда справедливыя мнѣнія. „И этому нельзя не порадоваться,—продолжаетъ газета,—такъ какъ историческое и философское значеніе писателя—скорѣе предметъ университетскаго курса, когда и самыя произведенія достаточно изучены, да и развитіе слушателей допускаетъ всестороннюю литературную и историческую критику. Гимназія же должна давать главнымъ образомъ фактическій матеріалъ“. Упускается здѣсь изъ виду, прежде всего, то обстоятельство, которое было подчеркнуто еще въ объяснительной запискѣ 1871 г.: исторію русской литературы слушаетъ у насъ только небольшая часть студентовъ. Ссылка на университетъ не имѣетъ, слѣдовательно, рѣшительно никакого значенія. Никто не предлагаетъ излагать гимназистамъ исторію русской литературы въ такомъ видѣ, въ какомъ она читается студентамъ. Въ гимназическомъ курсѣ на первомъ планѣ стоялъ бы именно „фактическій матеріалъ“; о „философскомъ“ значеніи писателей не было бы и рѣчи. Что касается до мнѣній, „вычитанныхъ изъ учебниковъ и не всегда справедливыхъ“, то противъ нихъ не служитъ гарантіей и нѣмнѣйшая гимназическая программа. Она не только допускаетъ—она *требуетъ*, чтобы читаемыя произведенія были разбираемы со стороны „чистоты, правильности, точности и изобразительности слога“. *Мнѣніямъ* учителя открывается, такимъ образомъ, широкій просторъ; ничто не мѣшаетъ ему „вычитывать“ ихъ изъ учебниковъ или ошибаться на собственный рискъ и страхъ. „Знакомство съ образцами“ не составляетъ, наконецъ, чего-то небывалаго, только-что вводимаго въ гимназіи и спеціально свойственнаго новымъ учебнымъ планамъ; оно лежало въ основаніи прежнихъ программъ—и могло бы играть господствующую роль и въ курсѣ исторіи русской литературы.

Большимъ шагомъ впередъ, въ сравненіи съ прежними порядками,

представляются новые учебные планы по языкамъ нѣмецкому и французскому. Они задаютъ одною главною цѣлью: приучить учениковъ къ сознательному чтенію иностранныхъ авторовъ. За практическими упражненіями и грамматикой признается лишь „служебное значеніе“. До сихъ поръ обученіе французской и нѣмецкой грамматикѣ продолжалось до шестого класса включительно, а въ двухъ старшихъ классахъ требовалось систематическое ея повтореніе; теперь, начиная съ пятаго класса, синтаксическія правила объясняются лишь попутно, а въ двухъ старшихъ классахъ грамматика совершенно сходитъ со сцены. До сихъ поръ чтеніе въ классѣ такихъ авторовъ, какъ Корнель и Расинъ, Лессингъ, Гёте и Шиллеръ, разсматривалось какъ исключеніе, возможное только при „особенно счастливомъ составѣ учениковъ“; теперь оно возводится на степень общаго правила. Уже въ пятомъ классѣ предполагается читать отрывки изъ Фенелона, Баранта, Альфреда де-Виньи; въ шестомъ классѣ къ нимъ присоединяются Вольтеръ, Сегюръ, Мишле, въ седьмомъ и восьмомъ—Корнель, Расинъ, Мольеръ, Ла-Брюйеръ, Бюффонъ, Тьеръ, Ог. Тьерри. Можно, конечно, удивляться, почему въ списокъ рекомендуемыхъ авторовъ не вошли Паскаль, Монтескьё, Ж. Ж. Руссо, Гизо, Ламартинъ, В. Гюго, а вошли Сувестръ, Делавинъ, Скрибъ, Октавъ Фелье—но во всякомъ случаѣ матеріалъ для чтенія предложенъ разнообразный и богатый. По нѣмецкому языку переходъ отъ хрестоматій къ самимъ авторамъ отнесенъ, неизвестно почему, не къ пятому, а къ шестому классу; но уже въ шестомъ классѣ ученики должны читать Гердера, Шиллера и Гёте. Пожалѣть можно только о томъ, что изъ произведеній Шиллера выбраны сравнительно слабыя (der Neffe als Onkel, Turandot), между тѣмъ какъ изъ произведеній Гёте чрезвычайно удачно указанъ „Гецъ-фонъ-Берлихингенъ“, столь привлекательный именно для молодежи. Выборъ чтенія для двухъ старшихъ классовъ кажется намъ вполне правильнымъ (Лессингъ—„Минна фонъ Барнгельмъ“ и „Эмилиа Галотти“; Шиллеръ—„Марія Стюартъ“, „Орлеанская дѣва“, „Лжедмитрій“, „Пикколомини“, „Смерть Валленштейна“, отрывки изъ историческихъ сочиненій; Гёте—„Германнъ и Доротея“, „Эгмонтъ“, „Ифигенія“, Автобіографія).

Мы давно уже не говорили, по весьма понятнымъ причинамъ, о газетной агитаціи противъ финляндскихъ порядковъ. Чѣмъ неблагоприятнѣе для послѣднихъ слагаются внѣшнія обстоятельства, тѣмъ громче и рѣшительнѣе раздается рѣчь нашихъ ультра-централистовъ, враждебныхъ всему похожему на мѣстную, племенную, вѣроисповѣдную самостоятельность. Въ Финляндіи появляются русскіе путеше-

ственники, порицающіе, съ большою смѣлостью, чѣмъ знаніемъ дѣла, все, что видятъ по ту сторону рѣки Сестры. Газеты открываютъ у себя особый отдѣлъ, посвященный крупнымъ и мелкимъ набѣгамъ на финляндскую территорію. Каждый новый шансъ успѣха увеличиваетъ настойчивость нападающихъ; они успокоились бы, повидимому, лишь тогда, когда Финляндія сдѣлалась бы простой губерніей—или когда прошла бы мода на русскій націонализмъ. Газетные подкопы ведутся не только подъ учрежденія, созданныя или укрѣпленныя прошедшимъ царствованіемъ, но и подъ приобрѣтенія, сдѣланныя Финляндіей весьма недавно. Къ числу такихъ приобрѣтеній принадлежитъ, напримѣръ, финскій конный (драгунскій) полкъ, сформированіе котораго разрѣшено не дальше, какъ въ минувшемъ году. Съ этой небольшой военной единицей никакъ не могутъ примириться наши газетные финнофобы. Уже полгода тому назадъ противъ нея была выведена въ поле сочувственная ей статья берлинскаго военного журнала („Militär Wochenblatt“). Если о чемъ-нибудь хорошо отзываются въ Берлинѣ, то можетъ ли это быть хорошо съ точки зрѣнія специфически-русской?.. Не безъ ироніи упоминалось здѣсь о томъ, что въ 1810 г. старыхъ представителей финской конницы (корельскихъ драгунъ) оставалось только полкъ-эскадрона, а теперь организуется вновь цѣлыхъ шесть эскадроновъ, т.-е. „сила въ двѣнадцать разъ большая!“ Эти намеки и попреки не привели къ цѣли; формированіе финскаго коннаго полка продолжаетъ идти впередъ, и—о, ужасъ!—для него уступаются даже бракованныя лошади изъ русскихъ кавалерійскихъ полковъ. Московскую реакціонную газету возмущаетъ мысль, что эта уступка будетъ, можетъ быть, безвозмездна. „Конечно,—воскликаетъ она съ паэосомъ, мало соответствующимъ сюжету,—браковки нашей кавалеріи стоятъ немного; отъ даровой ихъ уступки Россія не обѣднѣетъ; можно сказать, что наша казна и не замѣтила бы этого убытка. Дѣло не въ деньгахъ, а въ принципѣ (!). Можетъ быть, денежные средства Финляндіи и въ особенности значительность военныхъ расходовъ этого края вполне объясняютъ даровую уступку финской конницѣ русскихъ браковокъ, но оправдать ее эти соображенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ: „если Финляндія не имѣетъ средствъ платить за лошадей, то и имѣетъ ей особую кавалерію нѣтъ надобности“. Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ дѣло, вотъ къ чему заведена была рѣчь о русскихъ „браковкахъ“! Delenda est финская конница, въ самомъ ея зародышѣ, прежде чѣмъ она успѣетъ появиться на свѣтъ! Но почему же только конница? Въ виду „значительности военныхъ расходовъ“ бѣднаго великаго княжества, не лучше ли даровать ему еще одно сбереженіе, положивъ конецъ существованію особой финской пѣхоты? Конечно, къ

этому-то, собственно говоря, и направляетъ свою аргументацію московская газета. „Установлено,—воскликаетъ она,—почтово-телеграфное объединеніе Финляндіи съ имперіей, подготовлено объединеніе монетное. Не слѣдуетъ ли стремиться въ объединенію военному, т.-е. въ тому, чтобы финляндцы такъ же служили въ русскомъ войскѣ, какъ служатъ и другіе инородцы западныхъ окраинъ, напримѣръ поляки, нѣмцы и эсты. Надо полагать, что такая система была бы для небогатаго области и болѣе по карману. Въ этомъ случаѣ не было бы надобности въ особой финской конницѣ, *сформированіе которой доставляетъ особое удовольствіе нашимъ западнымъ сосѣдямъ*“. Эта „пароянская стрѣла“, заканчивающая статью, является новой попыткой заподозрить благонадежность финскаго войска—попыткой, во всѣхъ отношеніяхъ, крайне жалкой. Если и допустить, что нашимъ „западнымъ сосѣдямъ“ пріятно все невыгодное или неудобное для Россіи, то съ особенною радостью они должны были бы отнестись не къ ничтожному увеличенію финскаго войска, а къ совершенному его упраздненію, какъ признаку недовѣрія—съ одной стороны, источнику неудовольствія—съ другой.

Не мало статей посвящено московской газетой, въ послѣднее время, положенію православной церкви въ Финляндіи. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, замѣтимъ только одно: въ томъ видѣ, въ какомъ его ставитъ московская газета, онъ возбужденъ не самимъ финляндскимъ православнымъ духовенствомъ. Послѣднее заподозривается даже въ недостаточномъ рвеніи къ интересамъ православной церкви; ему ставится въ вину, что его представители (на съѣздѣ православныхъ священниковъ въ Выборгѣ) „воспользовались не всѣми замѣчаніями преосвященнаго (визарія петербургской митрополіи) и допустили нѣкоторыя не совсѣмъ понятныя уступки финляндскимъ притязаніямъ“. Встрѣчается, наконецъ, даже указаніе на мѣры, необходимыя для того, чтобы „остановить *облютераненіе* православной церкви въ Финляндіи и *возстановитъ* ея связь и единство съ общерусскою православною церковью“ („Московскія Вѣдомости“, № 233). Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что православнымъ въ Финляндіи живется недурно, что никакимъ серьезнымъ стѣсненіямъ православное духовенство тамъ не подвергается, и что въ другое время нието и не подумалъ бы о необходимости оградить его отъ гнета финляндскаго сената?

Чтобы раздуть нерасположеніе къ Финляндіи, наша реакціонная печать не пренебрегаетъ даже мелочами. Такъ напримѣръ, она заводитъ рѣчь о порядкѣ, въ которомъ производятся, въ высочайше-жественные дни, приемы во дворцѣ финляндскаго генералъ-губернатора. „Казалось бы,—говоритъ все та же московская газета,—что чины

русскіе и представители русскихъ войскъ, какъ чины имперскіе, а не мѣстные, провинціальныя, должны были бы на приѣмахъ русскаго генераль-губернатора имѣть первое и болѣе почетное мѣсто, и только за ними должно было бы слѣдовать и имѣть право стоять все областное чиновничество и мѣстныя войска, съ финляндскимъ сенатомъ во главѣ. Но это почему-то оказывается здѣсь непримѣнимымъ. Благодаря русскому смиренству, а также, можетъ быть, и наглости иноземно-настроеннаго чиновничества, первое мѣсто на торжественныхъ приѣмахъ принадлежитъ не русскому имперскому имени, а областному мѣстному элементу, поползновенія котораго вызываютъ уличныя оваціи (?). Мы, русскіе, сами чрезвычайно дешево поступаемъ нашими правами на первенство, несомнѣнно принадлежащее завоевателю въ странѣ завоеванной, а потому и не мудрено, что окраины смотрятъ на насъ съ высоты своего псевдо-величія. Мы не имѣемъ никакихъ специальныхъ свѣдѣній по церемоніймейстерской части и не беремся рѣшать, кому, съ точки зрѣнія ея законовъ, принадлежитъ первое мѣсто на финляндскихъ генераль-губернаторскихъ приѣмахъ. Руководствуясь исключительно простымъ здравымъ смысломъ, мы думаемъ, что первенство „русскихъ чиновъ“ выражается съ достаточною ясностью въ той роли, которая принадлежитъ, въ высокаторжественные дни, русскому генераль-губернатору. Приемъ происходитъ у него, къ нему, какъ къ представителю русскаго правительства, являются всѣ „мѣстные“ чины; неужели этого мало, чтобы подчеркнуть господствующее положеніе Россіи? Неужели достоинство Россіи можетъ считаться нарушеннымъ, если раньше русскаго дивизионнаго или бригаднаго генерала подойдутъ къ генераль-губернатору члены финляндскаго сената, стоящаго во главѣ управленія великимъ княжествомъ? Неужели необходимо напоминать на каждомъ шагѣ, что Финляндія—„завоеванная страна“, а Россія—ея завоеватель? О русскомъ „смиренствѣ“ можно было бы теперь и не говорить; лучше было бы вспомнить, что не бряцаніемъ оружія, не выставкой внѣшней силы обуславливается степень уваженія окраинъ къ государству и народу. Или, можетъ быть, уваженіе всецѣло должно уступить мѣсто страху, одному только страху?

А вотъ, въ заключеніе, и настоящая сплетня, гдѣ-то подобранная газетой и дополненная обычными псевдо-патріотическими выходками. „Извѣстно,—читаемъ мы въ № 245 „Московскихъ Вѣдомостей“,— что финляндцы много занимаются хоровымъ пѣніемъ. Ихъ *веселые музыканты* (Muntre Musikanten), или хоръ М. М., совался и суется вездѣ и ѣздилъ даже въ 1889 году въ Парижъ на выставку, гдѣ, судя по слухамъ, распѣвалъ, между прочимъ, о томъ, что де скоро настанетъ для Финляндіи время воспрянуть и свергнуть съ себя не-

навистное иго, и кровью гнуснаго притѣснителя запечатлѣть свою свободу. Въ послѣднее время эти „веселые“ музыканты, пользуясь удобными случаями, демонстративно пѣли менѣе обыкновеннаго, чѣмъ и возбудили вопросъ о причинахъ, на который, по словамъ легенды, получился отвѣтъ, что—*la Finlande ne chante plus!* Затѣмъ, продолжаетъ легенда, послѣдовали слезы, и въ результатъ, будто бы, всякія объединительныя реформы должны прекратиться, и Финляндіи будетъ де дозволено продолжать припѣваячи наживаться на счетъ русскаго государственнаго казначейства“. На пространствѣ нѣсколькихъ строкъ мы находимъ здѣсь и обвиненіе въ государственной измѣнѣ, и самое безцеремонное извращеніе цѣли, къ которой стремится Финляндія. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, церемониться съ людьми, которые готовятся проливать нашу кровь, а въ ожиданіи этого желаннаго момента не стѣсняются жить на наши средства!... И все это вынуждена сносить, не краснѣя, бѣдная газетная бумага!

Съ неменьшимъ ожесточеніемъ ведется газетная борьба противъ другой окраины—остзейской; главная разница заключается въ томъ, что роль запѣвалы играетъ здѣсь не московская газета, а одна изъ петербургскихъ. Лютеранизмъ выставляется врагомъ Россіи, болѣе опаснымъ, чѣмъ польское католичество; изъ отдѣльныхъ фактовъ выводятся самыя широкія обобщенія¹⁾; рассказываются цѣлыя эпизоды изъ борьбы русской администраціи съ мѣстными оппозиционными элементами—борьбы тѣмъ болѣе трудной, чѣмъ безграничнѣе была, будто бы, прежняя уступчивость и слабость. Образцомъ политики, теперь окончательно осужденной, выставляется способъ дѣйствій бывшаго эстляндскаго губернатора Поливанова (уже умершаго) въ такъ-называемой деальской исторіи. Въ какой степени достовѣрны факты, излагаемые корреспондентомъ (со словъ „почтеннаго старожилы, отличающагося пунктуальною точностью“) —этого мы не знаемъ; что касается до ихъ окраски, то о ней можно судить по слѣдующему примѣру. Когда между деальскими крестьянами, въ началѣ 1883 г., обнаружилось стремленіе къ переходу въ православіе, губернаторъ, въ официальномъ донесеніи, выразилъ сомнѣніе, „будетъ ли согласно съ интересами православной церкви присоединеніе къ ней нѣсколькихъ сотъ эстовъ, руководимыхъ при перемѣнѣ религіи единственно разчетомъ на матеріальныя выгоды и которые затѣмъ, не удовле-

¹⁾ Такъ напримѣръ, чтобы доказать жадность лютеранскихъ пасторовъ, дѣлается ссылка на „почтеннаго русскаго очевидца“, присутствовавшаго при вѣнчаніи заразъ восьми паръ (конечно—крестьянскихъ), съ платою по 25 рублей за пару. Вымогательство при совершеніи требъ встрѣчается и между русскими священниками — но что сказали бы мы о томъ, кто сталъ бы строить на единичныхъ фактахъ этого рода общее осужденіе нашего православнаго духовенства?

творившись въ своихъ ожиданіяхъ, снова возвратятся въ лютеранство, а между тѣмъ законное преслѣдованіе возвратившихся будетъ имѣть характеръ религиозной нетерпимости и гоненія за вѣру, возбудить толки и ропотъ въ мѣстномъ лютеранскомъ обществѣ и заграничной печати". Посему губернаторъ полагалъ, въ видахъ предупрежденія слишкомъ необдуманнаго присоединенія къ православію, послать въ леальское и сосѣднія волостныя правленія объявленіе, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что переходъ въ православіе закономъ дозволяется, но переходить назадъ изъ православія уже невозможно, причемъ перешедшимъ не дается ни выгоды, ни льготы. Эта выписка изъ донесенія губернатора испещрена, въ корреспонденціи, знаками изумленія и недоумѣнія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ губернаторъ просто исполнилъ свою обязанность. Разъ, что между крестьянами-эстами ходили слухи о „матеріальныхъ выгодахъ“, соединенныхъ, будто бы, съ обращеніемъ въ православіе, объявленіе, опровергавшее эти слухи, представлялось далеко не излишнимъ или, лучше сказать, необходимымъ. Еще меньше подлежитъ сомнѣнію цѣлесообразность напоминанія о невозможности обратнаго перехода въ лютеранство; чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣдуетъ только вспомнить о процессахъ, возбужденныхъ по поводу отпаденій отъ православія... Нельзя не пожалѣть, что эпоха остзейскихъ реформъ совпала съ стремленіемъ въ родѣ тѣхъ, которыя такъ широко разыгрываются на страницахъ реакціонной прессы. Прежніе носители вліянія и власти въ прибалтійскомъ краѣ могли быть во многомъ несимпатичны—но о нихъ невольно начинаешь сожалѣть, когда читаешь филиппики ихъ газетныхъ противниковъ...

Къ числу официальныхъ заявленій о „распущенности“ евреевъ присоединилось, въ послѣднее время, еще одно — рѣчь виленскаго генераль-губернатора; но отъ прежнихъ актовъ этого рода она отличается весьма выгодно тѣмъ, что грозитъ наказаніемъ только за дѣйствія несомнѣнно противозаконныя (противодѣйствіе полиціи, попытки отбить у нея арестованныхъ ею воришекъ, ложныя свидѣтельскія показанія и т. п.). Ни изъ чего не видно также, чтобы репрессія, о которой говоритъ генераль-губернаторъ, должна была имѣть экстраординарный, внѣ-легальный характеръ. Насъ остановило другое мѣсто виленской рѣчи. Указавъ депутаціи отъ городской думы на неумѣстность нѣкоторыхъ городскихъ расходовъ, генераль Кахановъ замѣтилъ, что у города есть и другіе, не менѣе важные труды (кромѣ тѣхъ, объ удовлетвореніи которыхъ печется виленская дума). „У насъ,—продолжалъ генераль-губернаторъ,—до сихъ поръ нѣтъ порядочнаго зданія для театра. Важность и необходимость этой постройки признаны давно, но вопросъ этотъ ограни-

чился разговорами, комиссіями и составленіемъ почти несбыточныхъ проектовъ. До меня дошли слухи, да они проникли и дальше, что дѣло это тормазится только потому, что въ Вильнѣ театръ русскій. Я этому не вѣрю и считаю этотъ слухъ клеветой, ибо не допускаю и мысли, что въ древнерусскомъ градѣ русскіе вѣрноподданые своего государя могутъ позволить себѣ что-либо подобное". Мы знаемъ, что городская дума дѣйствительно имѣетъ право строить и перестраивать, на городской счетъ, городской театръ; но мы не думаемъ, чтобы такой расходъ былъ нравственно-обязателенъ для города—обязателенъ настолько, чтобы непроизводство его можно было ставить въ вину городской думѣ. Во всей имперіи едва ли найдется такой городъ, въ которомъ перестройка существующаго театра могла быть признана дѣломъ *необходимымъ*; вездѣ есть масса потребностей болѣе важныхъ, остающихся неудовлетворенными за недостаткомъ средствъ (водопроводы, канализація, медицинская помощь, народныя школы, народныя читальни и др.). Театръ, да еще вдобавокъ хорошо устроенный, роскошь—роскошь симпатичная, желательная, но все-таки роскошь, сравнительно съ насущными нуждами городского населенія и въ особенности тѣхъ его классовъ, о которыхъ всего больше должно заботиться городское самоуправленіе.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

П Я Т А Г О Т О М А .

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1890.

Сентябрь. — Книга десятая.

	стр.
Густавъ IV и Екатерина II въ 1796 г.—II.—Пребываніе Густава IV въ Петербургѣ.—III.—Святотство.—А. Г. БРИКНЕРА.	5
Ловановщина.—Часть первая. — XXI-XXVI. — Часть вторая.—I-II.—В. ПИЛОВА.	34
Реформы гимназій въ Швеции.—АНТОНА ОКОЛЬСКАГО.	86
Монгольское сказаніе о Гесэръ-Ханъ.—По вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ.—Г. Н. ПОТАНИНА.	121
Секретарь его превосходительства.—Очеркъ.—И. ПОТАПЕНКО.	159
Кембриджскій университетъ.—Очеркъ.—I.—I. А. КЛЕЙБЕРА	214
Совета Шекспира.—Ө. ЧЕРВИНСКАГО.	238
Основная исторія русской литературы.—По поводу книги О. Огоновскаго.—А. Н. ПЫШИНА	241
Подъ игромъ страстей.—Романъ Ричарда Алкинга. — XVI-XXII. — Съ англійскаго.—А. Ә.	275
Вопросъ поземельной политики.—I.—Л. СЛОНИМСКАГО.	321
С. Т. Аксаковъ.—А. В.—НА	340
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Распространеніе круга дѣйствій положенія о земскихъ начальникахъ. — Есть ли существенная разница между земскимъ начальникомъ и городскимъ судьей? — Новыя распоряженія, касающіяся церковныхъ школъ. — Законъ о значномъ разбирательствѣ, уставъ дворянскаго земельнаго банка и другія законодательныя мѣры послѣдняго времени.—Графъ М. Х. Рейтеръ †	358
Иностранное Овозраженіе.—Политическое значеніе путешествій Вильгельма II.—Газетные толки по поводу пребыванія его въ Россіи.—Международное положеніе Германіи.—Особенности нынѣшней нѣмецкой политики.—Принципы князя Бисмарка и его преемниковъ.—Соглашенія по африканскимъ дѣламъ и ихъ значеніе. — Перемена въ политическомъ настроеніи нѣмецкаго общества.—Нѣмецкая социальная демократія и нынѣшній ея кризисъ.—Англійскія дѣла	373
Литературное Овозраженіе. — Всеобщая исторія литературы (В. Ә. Корша), подъ редакціей А. И. Карпичникова, вып. XXIV.—Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, Д. Цвѣтаева.—Гусли, русский народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ Ал. Фаминина. — Записки Восточно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Георг. Общества: Сказанія бурятъ; Верхоянскій сборникъ.—А. В.—Новыя книги и брошюры.	385
Новости иностранной литературы.—I.—Fürst Bismarck. 1815—1890. Vom Professor Wilhelm Müller. Dritte Auflage. Stuttgart.—II.—Die Reform der Presse, von Dr. I. G. Weiss. Karlsruhe.—III.—Die Unvereinbarkeit des socialistischen Zukunftsstaates mit der menschlichen Natur. Von Dr. W. Schaefer.—Л. С.	401
Изъ Общественной Хроники.—Новая погудка на старый ладъ.—„Либерализмъ“, какъ источникъ всѣхъ возможныхъ золъ. — Три различныхъ взгляда на настроеніе современнаго русскаго общества. — Новыя свѣденія о мстиславльской исторіи. — Евреи въ одесскомъ исправительномъ пріютѣ.—Н. В. Альбертини †	408
Извѣщанія.—Объ изданіи этнографическаго журнала „Живая Старина“	428
Библиографическій Листокъ.—Изъ лекцій П. Г. Рѣдина. Т. IV.—Эминннгаузъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Пер. съ нѣм. В. Ф. Якубовичъ. — Эррико Ферри. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Переводъ съ итальянскаго.—Организація прамого обложенія въ московскомъ государствѣ со время смуты до эпохи преобразованій. А. Лаппо-Данилевскаго. — Государственное хозяйство Швеции Эдуарда Берендтса.—Иллюстрированный словарь, вып. 12. Изд. Л. Симонова.	

Книга десятая. — Октябрь.

СТР.

Ловановщина. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая. — Ш-Х. — В. ШИЛОВА	433
Густавъ IV и Екатерина II въ 1796 г. — IV. — Размолвка. — А. Г. БРИКНЕРА.	480
АМЕРИКАНЦЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ. — I-IV. — В. МАКЪ-ГАХАНЪ	508
КЕМБРИДЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. — Очеркъ. — II-III. — Окончаніе. — I. А. КЛЕЙБЕРА.	543
Новая деревня. — Повѣсть. — I-X. — Н. Д. АХШАРУМОВА	561
Мои воспоминанія. — I-III. — Ф. И. БУСЛАЕВА	645
Подъ игомъ страстей. — Романъ Ричарда Ашкинга. — XXIV-XXXIII. — А. Э.	635
Литературныя воспоминанія и переписка. — А. В-НЪ	716
Ранней осенью. — Стих. О. М-ВОЙ.	760
Вопросъ поземельной политики. — II. — Окончаніе. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	761
Первыя походы Бисмарка. — Н. v. Sybel, Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I. — К. К. АРСЕНЬЕВА.	787
На Женевскомъ озерѣ. — Сонетъ. — Н. МИНСКАГО	806
Хроника. — Внутреннее Овозрѣніе. — Предстоящій пересмотръ городского положенія. — Картина городского управления въ двухъ городахъ юго-восточной Россіи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. — Послѣднія назначенія по мѣстному управленію. — Письмо земскаго начальника и корреспондентія о земскомъ начальникѣ. — Газетные слухи и толки	807
Иностранное Овозрѣніе. — Военные маневры и политическія свиданія. — Австро-германскія отношенія и восточный вопросъ. — Праздныя толки о франко-русскомъ союзѣ. — Французское руссофильство и его мотивы. — Школа Каткова: гг. Татищевъ и Цюльъ. — Разсужденія г. Татищева о союзѣ съ Франціею и примиренія съ Болгаріею. — Болгарскія дѣла	880
Литературное Овозрѣніе. — Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Уральскіе рассказы. — С. Н. Сиромятниковъ, Сага объ Эйрикѣ Красномъ. — П. В. Владиміровъ, Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. — Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. 3. — А. П. — Протекционизмъ, Я. А. Новикова. — Л. С. — Новые книги и брошюры	844
Новости иностранной литературы. — I. — Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges. Les origines du système féodal. Le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne. Revu et complété sur le manuscrit et d'après les notes de l'auteur, par Camille Jullian. — II. — Westeuropa Kosakisch oder geeint. Die Notwendigkeit einer französisch-deutschen Versöhnung, dargelegt von C. Koettschau. — Л. С.	861
Изъ Общественной Хроники. — Гимназическіе учебные планы по языкамъ древнимъ, русскому, французскому и нѣмецкому. — Новое мѣсто древнихъ языковъ въ системѣ преподаванія русскаго языка. — Продолженіе газетной агитаціи противъ нашихъ инородцевъ. — Рѣчь виленаго генералъ-губернатора.	867
Библиографическій Листовъ. — Лагранжъ, Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей, пер. д-ра мед. Е. М. Деметьева. — Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. III. Статьи, диссертаци, лекціи юридическаго содержанія. — Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова. — Эволюція собственности, Ш. Летурно, проф. антропологіи въ Антропологической школѣ. — Генезисъ науки, ея принципы и методы, И. С. Андреевскаго.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Гигиена физических упражненій дѣтей и молодыхъ людей. Соч. д-ра Ферд. Лагранжа, лауреата Института Франціи. Перев. д-ра мед. Е. М. Демонтьева. М. 1890. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстный трудъ Лагранжа очень кстати является въ русскомъ переводѣ: у насъ очень много смотрятъ на гимнастику какъ на панацею—средство отъ всѣхъ болѣзней и необходимое условіе физическаго здоровья. Между тѣмъ на дѣлѣ она сама требуетъ предварительнаго соблюденія многихъ условій, чтобы не сдѣлаться источникомъ полого ала, которое иногда хуже тѣхъ золъ, съ которыми думаютъ бороться. Лагранжъ посвящаетъ особую часть своей книги последованію именно „педагогическихъ условій“ для гимнастики, и при этомъ останавливается подробно на задачахъ физическаго воспитанія и практическихъ вопросахъ, возникающихъ для лицъ, имѣющихъ обязанность заботиться вообще о физическомъ здоровьѣ дѣтей школьнаго возраста. Авторъ, какъ оказывается, весьма далеко отъ тѣхъ преувеличеній во взглядахъ на значеніе гимнастики въ школахъ, какія встрѣчаются у насъ въ послѣднее время довольно часто. По его мнѣнію, такія преувеличенія происходятъ отъ того, что „многіе и не понимаютъ величайшаго значенія того условія, безъ котораго упражненіе (гимнастическое) терять почти все свое гигиеническое значеніе—значеніе отпиратаго воздуха“,—и далѣе онъ присовокупляетъ: „что касается выбора упражненія, то мы знаемъ, что для дѣтей въ двѣнадцатилѣтняго возраста *шеры* представляютъ лучшій изъ всѣхъ способовъ“... „Ребенку нужно быть на свободѣ, а его заставляютъ ходить въ шерстян; нужно стараться усылить у него дыханіе, не утомляя слишкомъ мускулы, а его заставляютъ дѣлать гимнастику на аппаратахъ, утомляющихъ мускулы, несколько не усиливая дѣятельность легкихъ; ему надо *нравить* на чистомъ воздухѣ, на просторѣ, а его заставляютъ *работать* на крохотной площадкѣ школы или въ спертномъ воздухѣ гимнастической залы“. Лагранжъ приходитъ къ заключенію, что для пользы услуги гимнастики надобно прежде всего понимать условія, при которыхъ она дѣйствительно можетъ быть полезна. Съ другой стороны, авторъ предупреждаетъ, что для ребенка (8—12 л.) упражненія должны быть „очень дѣльны и очень часты“, и только въплоть взрослый человекъ могъ бы удовлетворить требованіямъ гигиены, дѣлая упражненія ежедневно два или только три раза.

Сочиненія В. Д. Сидорича. Т. III. Статьи, диссертация, лекція юридическаго содержания. Сиб. 90. Стр. 517. Ц. 2 р.

Въ настоящемъ томѣ авторъ создалъ свои труды, посвященные исключительно юриспруденціи, начиная съ магистерской диссертации 1851 г., о правахъ нейтральнаго флага и груза, и до этаго послѣднихъ дней: объ имуществовомъ „Законодѣніи“ Черногоріи. Въ это собраніе вошли такіяже образцы и его публичныя лекціи 1861 г. о теоріи уголовныхъ доказательствъ, и трактатъ о такъ-называемой литературной собственности, къ которому обращается

и до сихъ поръ заинтересованные этимъ вопросомъ.

Краткое библиографическое Слово русскіхъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгеровъ. Вып. 25. Сиб., 1890, Стр. 145—192. Ц. 85 к.

Первые 21 выпускъ закончили первый томъ, посвященный первой буквѣ алфавита. Четвертый выпускъ второго тома останавливается на имени „Барского“; судя по изложенному плану изданія, второй томъ обѣщаетъ болѣе скорое окончаніе, такъ какъ издатель находитъ возможнымъ съ шибкого мѣсяца дѣлать ежемѣсячные выпуски, каждый около 3 печатныхъ листовъ. Въ послѣднемъ выпускѣ обрадуютъ на себя вниманіе, между прочимъ, библиографическій очеркъ, посвященный имени издателя Барского, имя котораго сдѣлалось давно нарицательнымъ, между тѣмъ какъ известія о его жизни и судьбѣ оставались разблудными въ различныхъ изданіяхъ и не всегда были вѣрны.

Эволюція собственности. Ш. Лестурно, проф. антропологіи въ Антропологической школѣ. Перев. изд. ж. „Русское Богатство“, Сиб., 1890. Стр. 409.

Цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ, состояла въ томъ, чтобы при помощи этнографіи и обила самыхъ разнообразныхъ фактовъ прослѣдить медленный ходъ и развитіе человѣческой цивилизаціи на всѣхъ ея ступеняхъ,—какъ отражалась такая цивилизація именно на понятіяхъ о правѣ собственности. Авторъ начинаетъ изрѣченіями ордами и дикими племенами и заканчиваетъ изложеніемъ права собственности въ современной Европѣ. Не ограничиваясь главною своею темою, онъ въ началѣ своего труда группируетъ факты, свѣдѣтельствующіе о томъ, что многія черты человѣческихъ понятій о собственности заимствуются уже въ истинныхъ собственности, наблюдаемыхъ у высшихъ породъ животныхъ, какъ муравьи, пчелы и др.

Генезисъ науки, ея принципы и методы. Н. С. Андреевскаго. Ч. I. М. 90. Стр. 199.

Авторъ въ предисловіи замечаетъ, что изъ наукъ (какой?) нѣтъ „готоваго отвѣта на вопросъ о происхожденіи науки“. Чтобы найти такой отвѣтъ, каждый долженъ, во его мнѣніи, самъ прослѣдить исторію науки. Но исторія науки, поствѣ того какъ авторъ ее прослѣдилъ, указала ему „на другіе горизонты нашей сознательной жизни, а потому онъ въ этой книгѣ ограничился нѣкоторыми выводами, къ коимъ его привело изученіе исторіи человѣческаго сознанія. Авторъ, какъ то оказывается, не высказалъ мнѣнія о западно-европейской наукѣ, которая, во его словахъ, безсмысленна даже у себя дома противъ аварскія умовъ (?), а потому—онъ полагаетъ— „необходимо найти высшій принципъ, который могъ бы примирить романское и германское направленія науки. По-видимому, авторъ ждетъ такого познана отъ русской науки, такъ какъ онъ указываетъ и лучшее средство къ тому: русская наука для того „должна быть основана на началахъ, по крайней мѣрѣ, настолько же широкихъ (?), насколько широки индигенетическія задатки Россіи“. Это—ново.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1891 г.

(Двадцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто раскладки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ уменьшенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго октября открывается подписка на послѣднюю четверть 1890 года.

Ближние магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною услугою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о);—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Извгородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителейъ подписчика.—2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородіе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородіе, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Высланы* на полученіе журнала выслаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прикладываютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

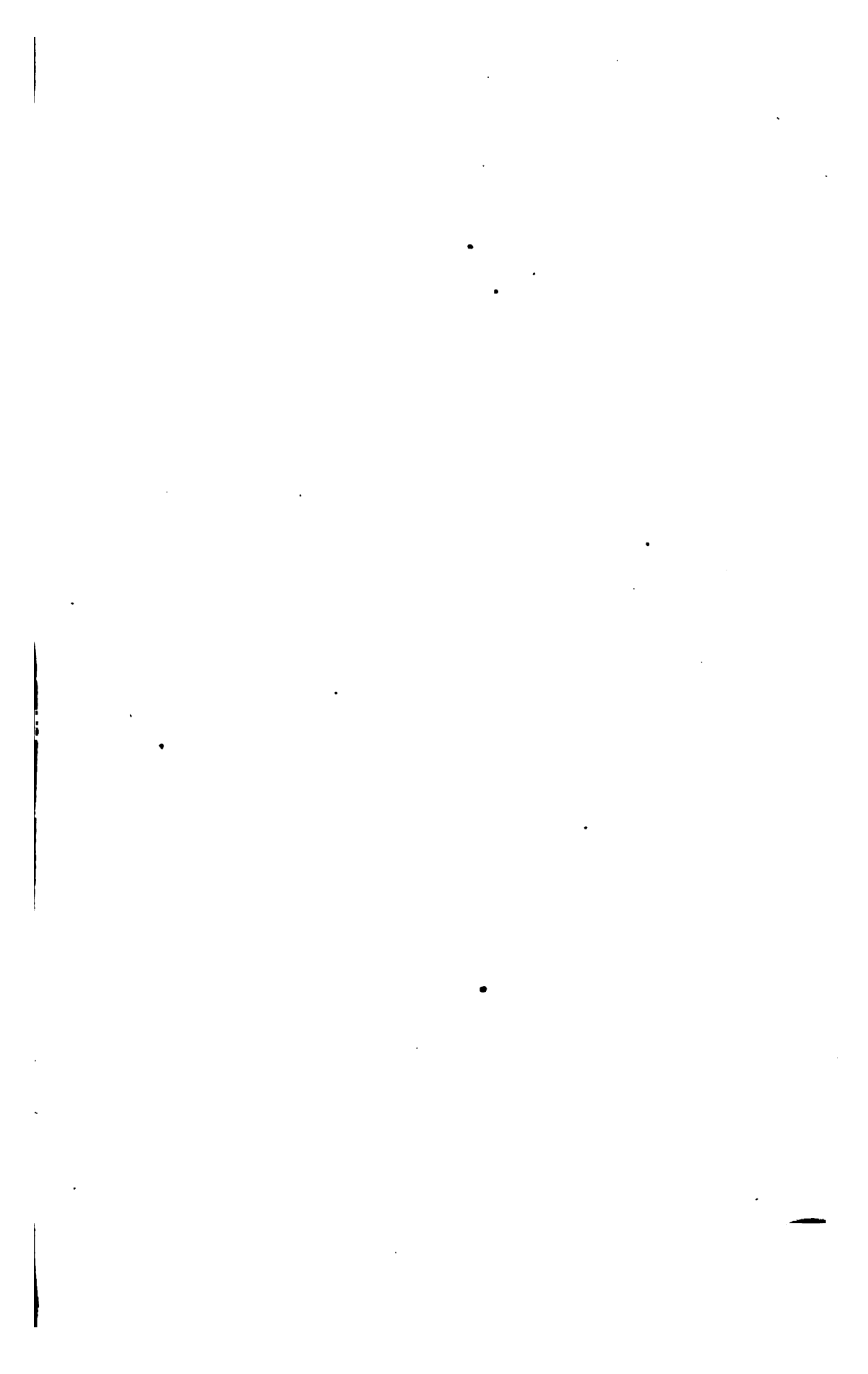
Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

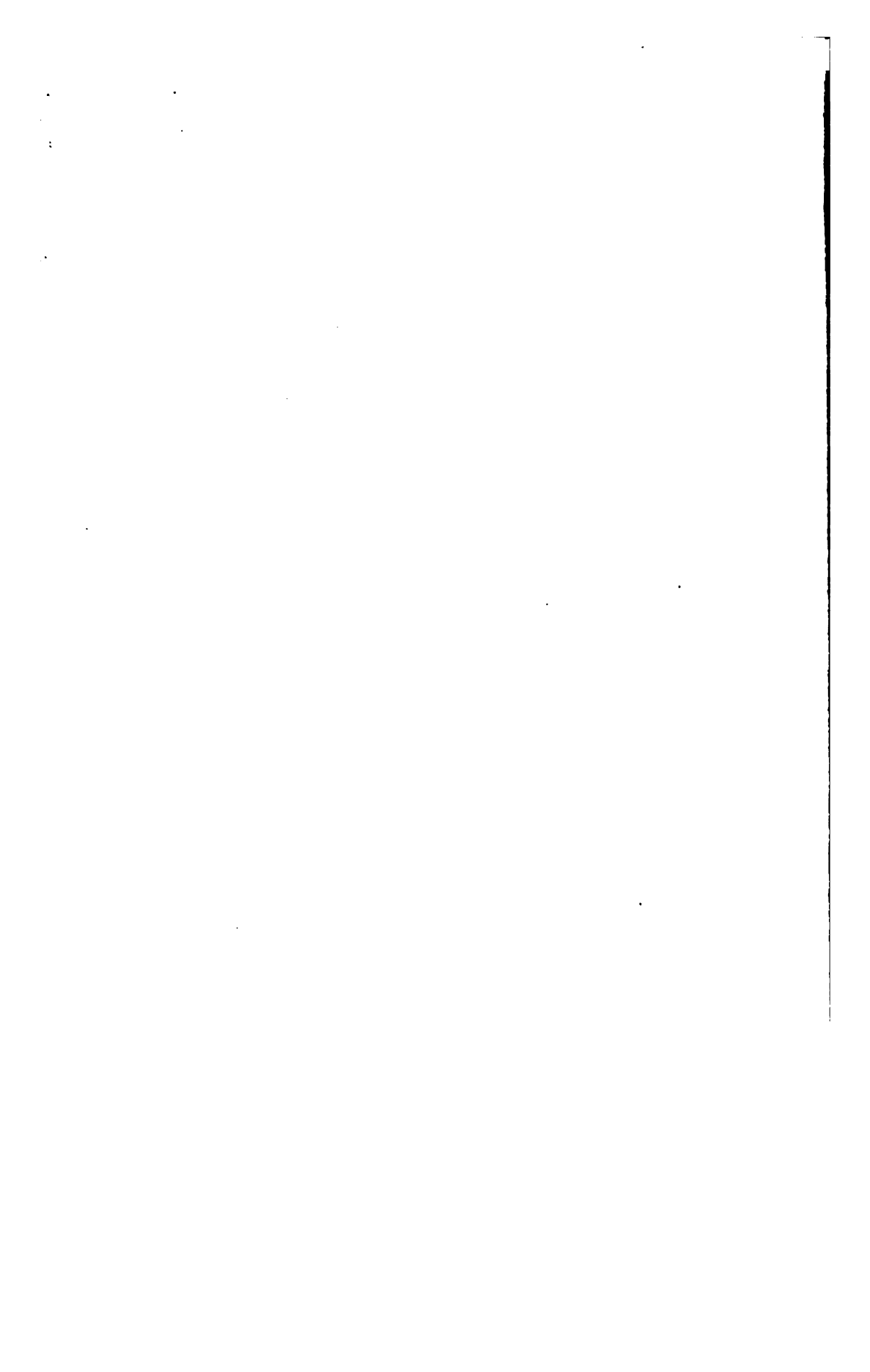
ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

3 2044 036 312 684

